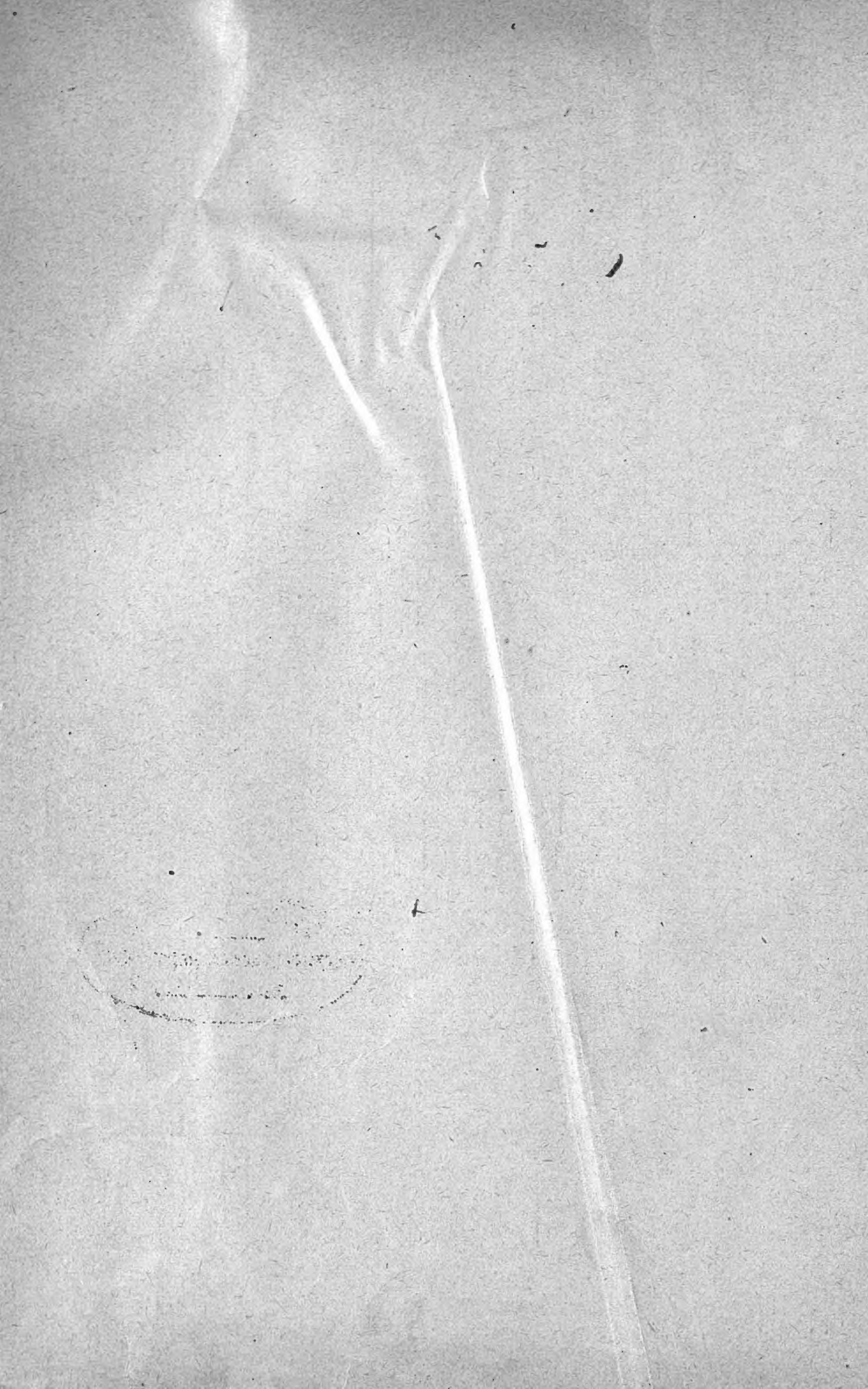
ПБ
25
Ж-70
Жижиленко А.А.: Подлог документов
СПб. 1900 г.

18.6.38

ПБ
25
ЖС70

343.2

5043

ПОДЛОГЪ ДОКУМЕНТОВЪ.

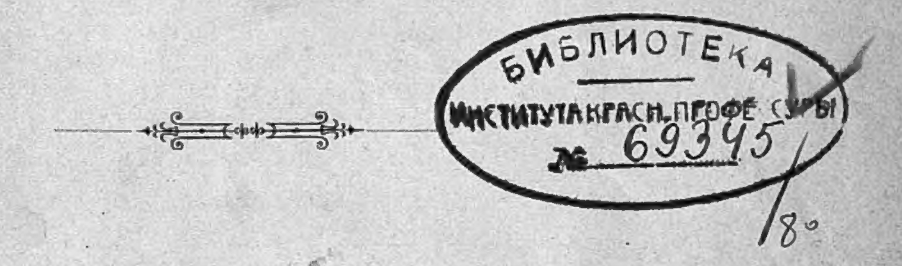
ИСТОРИКО-ДОГМАТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ.

А. А. ЖИЖИЛЕНКО,

ПРИВАТЪ-ДОЦЕНТА ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

„In tota de delictis doctrina nullum caput est tam difficile, tam legibus sibi manifeste contrariis refertum, tam confusum, quod nunc tractandum suscipio, de falsis".

Leyser. Meditationes ad Pandectas. 1741 vol. IX p. 741.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Невская типографія. Шлиссельбургскій просп., № 15.

1900.

По опредѣленію Юридическаго Факультета Императорскаго Спб. Университета печатать разрѣшается. Спб. 15 Мая 1900 г.

Деканъ Юридическаго Факультета *В. Лебедевъ.*

Посвящается

моему отцу

Александру Григорьевичу

Жижиленко.

Оглавленіе.

стр.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

ГЛАВА VII.

ЧАСТЬ II.

Общее ученіе о подлогѣ документовъ и анализъ состава этого преступленія.

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Ложь, какъ способъ дѣйствія въ составѣ преступленій.— § 2. Сущность подлога документовъ.—§ 3. Планъ работы.

§ 1. Анализируя составъ различныхъ преступленій, можно замѣтить, что способы дѣйствія, которыми достигается выполненіе того или другого преступнаго дѣянія, при всемъ своемъ разнообразіи представляютъ извѣстныя общія черты, изученіе которыхъ представляетъ нерѣдко громадный интересъ.

Самъ по себѣ способъ дѣйствія особеннаго значенія въ общемъ составѣ преступленія не имѣетъ, но иногда законъ прямо указываетъ на то, что извѣстное преступное дѣяніе можетъ быть учинено исключительно даннымъ способомъ, а не другимъ. Въ этомъ случаѣ способъ дѣйствія входитъ въ число необходимыхъ признаковъ спеціальнаго состава преступленія и потому долженъ быть анализированъ наравнѣ съ другими моментами состава его.

Въ числѣ такихъ способовъ дѣйствія особеннаго вниманія заслуживаетъ тотъ, который характеризуется наличностью лжи, обмана, введенія въ заблужденіе и т. п. Нерѣдко подобнаго рода способъ дѣйствія вносится закономъ въ самый составъ преступленія, становясь поэтому однимъ изъ необходимыхъ признаковъ его, такъ что дѣяніе, учиненное безъ наличности именно этого момента или переходитъ въ область другихъ посягательствъ, или даже теряетъ значеніе преступнаго дѣянія.

Въ чемъ же заключается сущность этого способа дѣйствія и нельзя ли видѣть въ этомъ моментѣ лжи скорѣе самостоятельное преступленіе, чѣмъ простой способъ дѣйствія?

Слѣдующія замѣчанія могутъ дать отвѣтъ на эти вопросы общаго характера.

Человѣкъ познаетъ явленія и предметы внѣшняго міра посредствомъ своихъ чувствъ; чувственныя воспріятія перерабатываются въ его мозгу въ представленія и понятія, совокупность которыхъ образуетъ его знаніе.

Полное совпаденіе человѣческой мысли съ дѣйствительностью или иначе полное совпаденіе человѣческаго знанія съ дѣйствительными, объективными свойствами извѣстнаго предмета или явленія—называется истиной; причемъ здѣсь разумѣется истина въ формальномъ смыслѣ въ противуположность истинѣ матеріальной, какъ дѣйствительности данныхъ явленій; противоположное этому положеніе вещей, т. е. тотъ случай, когда человѣческое знаніе не совпадаетъ съ дѣйствительными признаками предмета или явленія, именуется ошибкой, заблужденіемъ. А такъ какъ человѣкъ получаетъ свои знанія не только путемъ непосредственнаго наблюденія, но и черезъ третьихъ лицъ, то подобное заблужденіе можетъ быть результатомъ или недостаточнаго собственнаго наблюденія или неправильныхъ выводовъ изъ него, или же послѣдствіемъ неумышленнаго или умышленнаго дѣйствія третьихъ лицъ. Въ первомъ случаѣ лицо обязано своимъ ошибочнымъ представленіемъ самому себѣ, во второмъ—третьимъ лицамъ. Но незнаніе, ошибочное представленіе о какомъ-нибудь предметѣ или явленіи не имѣетъ само по себѣ никакого значенія ни въ области нравственности, ни въ области права; само по себѣ оно не можетъ считаться ни явленіемъ, несовмѣстимымъ съ требованіями морали, ни быть обложено наказаніемъ; за незнаніе карать нельзя — эта сфера недоступна воздѣйствію закона; даже въ томъ случаѣ, если кто-нибудь подъ вліяніемъ такого заблужденія учиняетъ извѣстное дѣяніе, которое считается преступнымъ, то ошибка эта только въ рѣдкихъ слу-

чаяхъ можетъ быть принимаема во вниманіе для установленія безотвѣтственности даннаго лица.

То же будетъ и въ томъ случаѣ, если лицо, само находящееся въ заблужденіи, неумышленно и вполнѣ добросовѣстно введетъ другихъ въ подобное же заблужденіе. Если кто-нибудь передаетъ другимъ то, что самъ считаетъ за истину, предполагая такимъ образомъ, что знаніе его вполнѣ совпадаетъ съ объективными свойствами даннаго явленія, и не сознавая невѣрности своего заявленія, то подобное явленіе тоже остается безразличнымъ съ точки зрѣнія морали и права, а если результатомъ такого заблужденія будетъ учиненіе преступнаго дѣянія, то въ этомъ отношеніи имѣютъ мѣсто тѣ же соображенія, что и въ первомъ случаѣ.

Въ обоихъ этихъ случаяхъ нѣтъ еще рѣчи о лжи или обманѣ; здѣсь имѣется только ошибка или заблужденіе, въ чемъ однако уже заключается моментъ искаженія истины, въ формальномъ, конечно, смыслѣ, такъ какъ истина матеріальная нарушена быть не можетъ.

Но возможна и другая комбинація явленій: одно лицо можетъ вполнѣ сознательно вводить другое въ заблужденіе изъ тѣхъ или иныхъ соображеній; подобное сознательное искаженіе истины называется ложью и представляетъ явленіе уже не безразличное какъ съ точки зрѣнія морали, такъ и права, причемъ по своему непосредственному выраженію эта ложь можетъ заключаться или въ искаженіи истины или въ сокрытіи ея, и та ея разновидность, которая характеризуется тѣмъ, что созданіемъ такого заблужденія одно лицо имѣетъ въ виду побудить другое къ опредѣленному дѣйствію или упущенію, называется обманомъ.

Такимъ образомъ необходимо проводить различіе между двумя формами искаженія истины—простымъ заблужденіемъ и ложью или обманомъ; и если простое заблужденіе, какъ ошибочное знаніе объ извѣстномъ предметѣ или явленіи, само по себѣ не можетъ быть порицаемо, какъ явленіе безразличное въ этическомъ мірѣ, и еще менѣе можетъ быть наказуемо въ области правовой, то иное значеніе имѣетъ ложь, какъ

сознательное введеніе другихъ въ заблужденіе. Ложь, разсматриваемая, какъ явленіе нравственнаго міра, представляется нарушеніемъ этической обязанности быть правдивымъ въ отношеніи къ другимъ лицамъ; какъ подрывающее гармонію нравственныхъ началъ, это явленіе существовать не должно, и поэтому кодексъ морали, живущей въ человѣческихъ обществахъ, порицаетъ и отвергаетъ ее.

Какъ противорѣчащая нравственному порядку, ложь запрещается и порицается даже въ смыслѣ простой сознательной попытки введенія въ заблужденіе другого лица, безразлично, повѣритъ ли послѣднее тому, что выдается за истинное или нѣтъ, такъ какъ ложь запрещается въ интересахъ всего общежитія, безусловно признающаго нравственную обязанность быть правдивымъ.

Иное значеніе имѣетъ ложь въ правовой сферѣ; ложь сама по себѣ не запрещается закономъ; общей правовой нормы, требующей правдивости къ другимъ, не существуетъ. Основаніе этому вполнѣ понятны. Не говоря уже о томъ, что другое лицо можетъ не вѣрить тому, что ему сообщается, такъ что ложь можетъ не достигнуть никакого результата, даже въ томъ случаѣ, если оно повѣрило, т. е. если оно было введено дѣйствительно въ заблужденіе, уголовной юстиціи нѣтъ еще до этого дѣла, если при этомъ не совершилось нарушенія правовой сферы даннаго лица или общежитія, такъ какъ только такого рода нарушеній касается уголовное право. Правовой порядокъ, конечно, заинтересованъ въ томъ, чтобы члены общежитія отличались любовью къ правдѣ, честностью, правдивостью; твердость его при наличности такихъ условій безусловно выигрываетъ и дѣлается болѣе устойчивой, но пока не нарушены другіе охраняемые правомъ интересы посредствомъ лжи, уголовная юстиція не можетъ протягивать своихъ рукъ къ лицу, прибѣгающему ко лжи.

Уголовные кодексы поэтому не знаютъ самостоятельнаго уголовно-наказуемаго проступка лжи, какъ не знаютъ и возможнаго самостоятельнаго объекта подобнаго посягательства—права на истину. Только въ томъ случаѣ, если бы существо-

вало право на истину, которому соотвѣтствовала бы обязанность говорить всегда правду и быть правдивымъ во всѣхъ отношеніяхъ съ другими людьми, только въ такомъ случаѣ можно было бы говорить о наказуемой лжи, какъ самостоятельномъ преступномъ дѣяніи. Но государство не въ состояніи слѣдить за каждымъ словомъ и поступкомъ гражданина; оно сознаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ невозможность требовать отъ него правдивости во всѣхъ отношеніяхъ, предоставляя это области морали и отказываясь отъ наказуемости лжи при всей ея безнравственности,—иначе область противуправныхъ посягательствъ въ значительной степени увеличилась бы, такъ какъ ложь, при всей ея запрещенности нравственными правилами общества, лежитъ всетаки въ основѣ громаднаго количества человѣческихъ отношеній.

И не только въ сферѣ частныхъ отношеній, но и въ сферѣ отношеній публичныхъ нельзя признать безусловной обязанности для гражданъ говорить правду, и здѣсь нельзя установить наличности особаго права на истину. Государство, конечно, не можетъ оставаться равнодушнымъ къ разнообразнымъ формамъ и проявленіямъ лжи, въ томъ случаѣ, когда оно обращается къ гражданамъ за какими-нибудь необходимыми ему свѣдѣніями и когда ему даются невѣрныя свѣдѣнія; но и здѣсь защищаемымъ интересомъ является не право государства на истину, а тотъ или другой интересъ государственной жизни; такъ, напр., ложныя показанія органамъ власти являются преступленіемъ противъ порядка управленія, ложныя показанія свидѣтелей на судѣ составляютъ самостоятельное преступное дѣяніе противъ правосудія и т. д.; но ни въ какомъ случаѣ всѣ эти дѣянія нельзя объединять подъ именемъ посягательства противъ права государства на истину, пока не доказано самостоятельное существованіе подобнаго права.

Однако ложь всетаки можетъ вызывать уголовно-правовую реакцію и вызываетъ ее въ дѣйствительности, но только въ томъ случаѣ, если она становится способомъ совершенія преступленія, являясь однимъ изъ элементовъ состава его.

Конечно, здѣсь имѣется въ виду косвенная реакція противъ нея, такъ какъ на первомъ мѣстѣ и здѣсь охраняется отъ нарушенія извѣстное право частнаго лица, общества или государства.

Въ составѣ отдѣльныхъ преступленій ложь имѣетъ значеніе или признака побочнаго, отъ котораго зависитъ только квалификація дѣянія, или который самъ по себѣ не имѣетъ существеннаго значенія, такъ какъ и безъ него дѣяніе остается съ тѣмъ же характеромъ преступленія, или же напротивъ она является однимъ изъ существенныхъ моментовъ состава, безъ котораго само посягательство не мыслимо. Убійство, учиненное при помощи яда, который дается жертвѣ подъ видомъ пищи годной для употребленія, конечно, содержитъ въ себѣ элементъ лжи; но здѣсь ложь является лишь моментомъ, сопровождающимъ совершеніе преступнаго дѣянія, и облегчающимъ наступленіе его, она не служитъ здѣсь вовсе способомъ дѣйствія, и для общаго состава преступленія отравленія безразлично, при какихъ условіяхъ ядъ введенъ въ организмъ. Точно также не можетъ быть ложь способомъ дѣйствія въ такихъ случаяхъ, какимъ, напр., является кража, совершенная путемъ употребленія поддѣльныхъ ключей, хотя здѣсь моментъ лжи можетъ придавать дѣянію квалифицированное значеніе. Въ обоихъ приведенныхъ случаяхъ преступленіе учиняется не посредствомъ искаженія или сокрытія истины, а путемъ насильственной дѣятельности, вслѣдствіе чего моментъ лжи особеннаго значенія здѣсь не имѣетъ. Иное выраженіе получаютъ тѣ случаи, въ которыхъ ложь является способомъ дѣйствія; здѣсь извѣстный преступный результатъ достигается такой именно дѣятельностью, въ основаніи которой лежитъ понятіе искаженія истины; эта дѣятельность направлена на введеніе другихъ въ заблужденіе, чтобы такимъ путемъ совершить посягательство на извѣстные правоохраненные интересы; причемъ въ однихъ случаяхъ дѣйствительно требуется наличность введенія другихъ въ заблужденіе, въ другихъ достаточно такого рода искаженіе истины, которое дѣлаетъ вообще возможнымъ возникновеніе его.

Съ такимъ характеромъ способа дѣйствія ложь высту-

паетъ, напр., въ мошенничествѣ, сущность котораго заключается въ томъ, что оно есть похищеніе чужого имущества посредствомъ обмана; здѣсь обманъ является способомъ дѣйствія и носитъ характеръ существеннаго признака преступленія; то же видимъ мы въ лжесвидѣтельствѣ, гдѣ показаніе истины входитъ въ составъ преступленія, точно также въ смыслѣ способа дѣйствія, такъ какъ здѣсь сущность преступленія заключается въ томъ, что путемъ ложныхъ заявленій создается опасность для правильнаго отправленія правосудія.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы и будемъ имѣть въ виду ложь, какъ способъ дѣйствія въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, то есть какъ тотъ моментъ, посредствомъ котораго учиняется преступленіе.

Всякая ложь, какъ способъ совершенія преступленія, можетъ выражаться въ двухъ формахъ: или въ видѣ искаженія истины простого или словеснаго, такъ сказать, неовеществленнаго, нематеріализованнаго, или же предметнаго, овеществленнаго или матеріализованнаго, выразившагося во внѣшнихъ предметахъ [1]).

Первую форму образуютъ ложныя заявленія или ложныя словесныя удостовѣренія какихъ-нибудь явленій или событій, при общемъ условіи, конечно, чтобы ложь этого рода была средствомъ посягательства, какъ по своимъ объективнымъ условіямъ, такъ и по субъективнымъ, на опредѣленные защищаемые правомъ интересы. Такъ, напр., одно лицо продаетъ другому какой-нибудь предметъ, ложно выдавая его за иной, напр. продаетъ мѣдное кольцо, выдавая его за золотое; здѣсь ложь словесная служитъ способомъ совершенія преступленія, заключающагося въ посягательствѣ на чужое иму-

---

[1]) Неклюдовъ въ своемъ „Руководствѣ къ особенной части" 1880 г. т. IV стр. 4 проводитъ различіе между ложью словесной, предметной и актовой или документальной, но собственно говоря и актовая ложь есть только видъ лжи предметной, такъ что вмѣсто этого дѣленія формъ проявленія лжи на три вида правильнѣе признавать возможность только двухъ формъ ея выраженія.

щество и самое дѣяніе подводится подъ категорію мошенничества, причемъ, разумѣется, здѣсь запрещается ужъ не ложь сама по себѣ, а противузаконное вторженіе въ чужую имущественную сферу. Конечно, въ этомъ отношеніи могутъ быть установлены нѣкоторыя ограниченія въ томъ смыслѣ, что не всякая словесная ложь признается такимъ способомъ дѣйствія, который обусловливаетъ непремѣнно преступность дѣянія. Если одно лицо прибѣгаетъ къ ложному заявленію относительно качества продаваемой вещи, не создавая напр. въ сознаніи другого представленія о выгодности или необходимости данной сдѣлки, то это дѣяніе еще не можетъ считаться преступнымъ, Далѣе, словесная ложь можетъ еще выражаться въ такомъ видѣ: нѣкто распространяетъ относительно другого лица завѣдомо ложные и позорящіе его слухи. Дѣяніе это считается наказуемымъ, но не потому, что въ основѣ его лежитъ моментъ лжи, а потому, что оно представляетъ посягательство на честь другого лица, и такимъ образомъ составляетъ особое самостоятельное преступное дѣяніе— клевету. Не ложь сама по себѣ обложена здѣсь наказаніемъ, а посягательство на честь. Или, наконецъ, словесная ложь можетъ выразиться и такъ: кто-нибудь, на судѣ даетъ завѣдомо ложное показаніе объ извѣстномъ событіи; это дѣяніе признается преступнымъ, но не потому, что слова дававшаго показаніе представляютъ изъ себя безусловно ложь; центръ тяжести здѣсь не въ этомъ моментѣ, а въ томъ, что благодаря такому способу дѣйствія создается посягательство на правильное отправленіе правосудія. Государство заинтересовано въ томъ, чтобы всякій приговоръ постановлялся на основаніи дѣйствительныхъ доказательствъ; оно заботится о томъ, чтобъ правосудіе отправлялось правильно; лжесвидѣтельство поэтому разсматривается, какъ посягательство на правосудіе и наказывается, какъ таковое, а не какъ ложь сама по себѣ.

Изъ анализа этихъ примѣровъ видно, что словесная ложь можетъ являться способомъ совершенія самыхъ разнообразныхъ преступленій, объектомъ которыхъ являются различные

охраняемые правомъ интересы; благодаря этой пестротѣ содержанія отдѣльныхъ преступленій, въ основѣ которыхъ лежитъ словесная ложь, представляется невозможнымъ объединеніе всѣхъ ихъ вмѣстѣ подъ какимъ-нибудь однимъ общимъ именемъ, — иначе подъ одной рубрикой будутъ заключаться дѣянія, ничего общаго между собою не имѣющія, за исключеніемъ способа дѣйствія, который вовсе не является пригоднымъ критеріемъ для разграниченія родовыхъ группъ преступленій, и только въ томъ случаѣ, если бы была установлена наличность особаго права на истину въ ограничительномъ смыслѣ, именно въ смыслѣ права требовать отъ другихъ правдивости на словахъ, чему соотвѣтствовала бы обязанность всѣхъ говорить всегда и вездѣ правду, можно было бы конструировать, какъ единое преступное дѣяніе, словесную ложь, особые виды которой выражались-бы въ родѣ приведенныхъ выше примѣровъ.

Другой видъ искаженія истины представляетъ ложь, выразившаяся въ предметахъ внѣшняго міра, ложь овеществленная, матеріализованная. Искаженіе истины замѣчается въ этомъ случаѣ въ томъ, что извѣстнымъ предметамъ придается такой видъ, который не соотвѣтствуетъ тому, что они должны представлять или заключать въ себѣ, по общему о нихъ представленію. Подобно словесной, ложь предметная можетъ и не являться способомъ совершенія преступнаго дѣянія, но если она выступаетъ съ характеромъ послѣдняго, то представляетъ самостоятельный моментъ состава преступленія. Предметомъ, который можетъ быть искаженъ въ своемъ видѣ, служитъ всякій предметъ, насколько искаженіе его можетъ быть разсматриваемо, какъ способъ учиненія преступленія. Такъ, напримѣръ, овеществленная ложь будетъ фигурировать, какъ способъ дѣйствія въ томъ случаѣ, если поддѣланъ товаръ нисшаго качества въ высшій, и этимъ путемъ совершено похищеніе чужого имущества; здѣсь будетъ на лицо при наличности извѣстныхъ условій составъ мошенничества; или если, напр. поддѣлана монета, чѣмъ совершается подрывъ доходовъ казны; или если поддѣланъ документъ,

вслѣдствіе чего нарушается неприкосновенность удостовѣрительныхъ знаковъ извѣстныхъ событій, имѣющихъ правовое значеніе.

Предметная ложь выражается главнымъ образомъ въ двухъ формахъ: въ измѣненіи настоящаго вида извѣстнаго предмета или такъ называемой передѣлкѣ и въ созданіи новаго предмета, имѣющаго видъ настоящаго, подлиннаго, или такъ называемой поддѣлкѣ. Подобно тому, какъ и относительно лжи словесной, и въ этомъ случаѣ, разумѣется, могутъ быть установлены извѣстныя условія, въ силу которыхъ не всякая предметная ложь можетъ быть признаваема такимъ способомъ совершенія дѣянія, который обусловливаетъ преступность его. Такъ напр., если поддѣлана монета, которая уже давно изъята изъ употребленія, въ этомъ дѣяніи нѣтъ еще преступленія поддѣлки монеты, или если совершена поддѣлка документа, хотя и сознательно, но безъ намѣренія употребить его подъ видомъ настоящаго, это дѣяніе не составляетъ еще преступленія.

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, дѣянія, совершаемыя посредствомъ предметнаго искаженія истины, могутъ направляться противъ самыхъ разнообразныхъ объектовъ, и тѣ правовые интересы, противъ которыхъ возможно посягательство посредствомъ предметной лжи, могутъ быть столь же разнообразны, какъ и при посягательствѣ путемъ лжи словесной. Благодаря этому представляется невозможнымъ установить общее понятіе наказуемой предметной лжи, напр., подъ общимъ именемъ поддѣлки или даже подлога, что было бы технически невѣрно по тѣмъ же соображеніямъ, которыя приведены были уже выше; поэтому отдѣльные случаи такого искаженія истины разбиваются среди преступленій извѣстнаго рода, смотря по тому объекту, на который совершается посягательство въ данномъ случаѣ. При этомъ могутъ быть указаны извѣстныя группы преступныхъ дѣяній, которыя учиняются только такимъ способомъ искаженія внѣшняго вида извѣстныхъ предметовъ, вслѣдствіе чего составъ ихъ представляетъ свои особенности; таковы, напр., слѣдующія груп-

пы дѣяній: поддѣлка денежныхъ знаковъ и подлогъ документовъ.

Подводя итогъ всему сказанному, можно выставить слѣдующія положенія: 1) ложь, какъ искаженіе истины, не является самостоятельнымъ преступнымъ дѣяніемъ; значеніе ея въ составѣ отдѣльныхъ преступленій заключается лишь въ томъ, что она есть не что иное, какъ способъ дѣйствія, подобно тому, какъ такимъ же способомъ дѣйствія, является насиліе, входящее въ составъ опредѣленныхъ преступныхъ дѣяній, каковы грабежъ, разбой, изнасилованіе и т. п.; 2) ложь, какъ способъ дѣйствія входитъ въ составъ весьма многихъ преступныхъ дѣяній, которыя, однако, благодаря наличности одного этого признака не могутъ еще быть объединяемы другъ съ другомъ, какъ имѣющія самостоятельные объекты посягательства; 3) среди отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній выдѣляются такія, которыя характеризуются тѣмъ, что они могутъ быть учинены исключительно путемъ лжи предметной.

§ 2. Разсматривая разнообразные предметы, которые могутъ быть искажаемы въ своемъ внѣшнемъ видѣ, чѣмъ создается возможность посягательства на извѣстные интересы, можно замѣтить среди нихъ одну группу, которая имѣетъ совершенно особенное значеніе. Здѣсь кромѣ тѣхъ физическихъ свойствъ, какими обладаетъ всякій предметъ внѣшняго міра, привходятъ еще другія свойства чисто юридическаго характера, которыя сообщаютъ данному предмету вполнѣ изолированное положеніе среди другихъ. Эти предметы, будучи на ряду съ другими возможными объектами посягательствъ разнаго рода, являются въ то же время въ силу особыхъ присущихъ имъ свойствъ объектами и такихъ посягательствъ, которыя не могутъ быть учиняемы путемъ воздѣйствія на другіе предметы.

Такими предметами, обладающими особыми свойствами, являются документы, а такимъ преступленіемъ особаго рода является подлогъ ихъ. Въ чемъ же однако заключаются особыя свойства этихъ предметовъ и что такое подлогъ документовъ?

Всякое юридическое отношеніе только тогда достигаетъ

своего назначенія, когда моменты его возникновенія, измѣненія и прекращенія засвидѣтельствованы, зарегистрированы извѣстнымъ образомъ. Подобное засвидѣтельствованіе преслѣдуетъ двоякую цѣль: съ одной стороны оно является способомъ удостовѣренія указанныхъ моментовъ для всего общества и слѣдовательно для всякаго желающаго съ ними ознакомиться; съ другой—имъ ограждаются самыя юридическія отношенія отъ возможныхъ посягательствъ. Такъ напр., купчая крѣпость съ одной стороны служитъ средствомъ удостовѣренія совершившейся купли-продажи между извѣстными лицами, съ другой—она охраняетъ права ихъ отъ возможныхъ посягательствъ какъ со стороны каждаго изъ нихъ по отношенію другъ къ другу, такъ и со стороны третьихъ лицъ.

Естественно, что въ силу своихъ потребностей общество нуждается въ особыхъ средствахъ удостовѣренія этихъ, такъ сказать, жизненныхъ моментовъ юридическаго отношенія. Но кромѣ того есть и другіе случаи, когда является необходимымъ созданіе особыхъ удостовѣрительныхъ средствъ.

Въ жизни человѣка и среди явленій окружающаго міра постоянно происходятъ такого рода событія, которыя не будучи сами опредѣленнымъ юридическимъ моментомъ, могутъ имѣть, однако, правовое значеніе, такъ какъ отъ наличности или отъ отсутствія ихъ можетъ также зависѣть возникновеніе, измѣненіе или прекращеніе какихъ-нибудь правъ или правовыхъ отношеній. Человѣкъ рождается, вступаетъ въ бракъ, умираетъ; эти событія, конечно,—явленія міра физическаго, но они вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ громадный интересъ и для правовой сферы, обусловливая собой начало или прекращеніе извѣстныхъ правъ и обязанностей. Даже такія явленія, какъ поведеніе извѣстнаго лица, его матеріальное положеніе, состояніе его здоровья и т. п., или же такія событія, какъ, напр., пожаръ, которыя, повидимому, никакого правового значенія не имѣютъ, могутъ обусловливать собой наступленіе извѣстныхъ правовыхъ послѣдствій. Въ виду этого и становятся необходимыми извѣстные способы за-

свидѣтельствованія всякихъ подобныхъ событій, имѣющихъ правовое значеніе.

Характеръ и содержаніе способовъ засвидѣтельствованія подобныхъ явленій всецѣло опредѣляются культурой и степенью развитія извѣстнаго народа и отличаются исторической измѣнчивостью.

Первоначально, конечно, нѣтъ и рѣчи о письменныхъ актахъ, документахъ, которые въ настоящее время имѣютъ почти исключительное значеніе удостовѣрительныхъ средствъ. Но, стремясь дать прочность совершающимся юридическимъ сдѣлкамъ, общественная жизнь уже въ самыя отдаленныя эпохи должна была выработать особую форму гарантіи правильности ихъ. Такой формой является прежде всего приглашеніе свидѣтелей при совершеніи опредѣленной сдѣлки. Назначеніе ихъ съ одной стороны удостовѣрять своимъ присутствіемъ соблюденіе всѣхъ необходимыхъ формальностей при совершеніи сдѣлки, съ другой—быть живымъ доказательствомъ на случай спора о ней. Слабое развитіе въ ту пору письменности и возможность пригласить свидѣтеля въ любое время для удостовѣренія извѣстнаго юридическаго отношенія въ случаѣ его оспариванія, было причиной того, что свидѣтельскія показанія замѣняли собой всякіе другіе удостовѣрительные способы и играли такимъ образомъ роль документовъ, удостовѣряющихъ извѣстное юридическое отношеніе.

Пока свидѣтеля можно было въ любой моментъ пригласить и узнать отъ него, какъ совершалась извѣстная юридическая сдѣлка, что было вполнѣ возможно въ болѣе отдаленныя эпохи исторіи, когда территоріальныя пространства, на которыхъ сосредоточивалась юридическая жизнь даннаго народа, еще не были велики, можно было довольствоваться исключительно этимъ способомъ удостовѣренія, но затѣмъ мало по малу общество начинаетъ обращаться къ другимъ болѣе надежнымъ средствамъ удостовѣренія юридическихъ отношеній; свидѣтель могъ и умышленно показать невѣрно, могъ это сдѣлать и неумышленно по недостаткамъ человѣческой памяти, могъ и умереть. Понятно, поэтому, что по-

степенно стало являться въ обществѣ сознаніе необходимости обращаться къ другимъ способамъ удостовѣренія, болѣе прочнымъ, не столько стоящимъ въ зависимости отъ субъективныхъ условій и не столько подчиненнымъ вліянію времени; въ особенности это стало настоятельно чувствоваться въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо было удостовѣрить отношенія болѣе долговѣчнаго характера, какими являются отношенія въ сферѣ поземельной собственности. Первыя, такъ сказать, объективныя удостовѣрительныя средства, съ которыми мы встрѣчаемся въ исторіи человѣчества, и были знаки поземельныхъ отношеній—разные граничные камни, межи, наконецъ деревья, замѣнявшія ихъ и служившія той же цѣли удостовѣренія извѣстнаго юридическаго отношенія и перемѣнъ, въ немъ происходящихъ.

Затѣмъ въ послѣдующую эпоху, по мѣрѣ развитія письменности, начинаютъ появляться письменные документы, которые скоро получаютъ преобладающее значеніе и почти вполнѣ замѣняютъ прежніе способы засвидѣтельствованія.

Эти письменные документы, какъ удостовѣрительные знаки юридическихъ отношеній и имѣющихъ правовое значеніе событій, могутъ служить предметами, на которые направляется преступная дѣятельность виновнаго при разнаго рода посягательствахъ. Такъ они могутъ быть, какъ и всякая другая движимая вещь, имѣющая извѣстную цѣнность, предметомъ похищенія или поврежденія чужого имущества, и въ этомъ отношеніи нѣтъ никакихъ основаній выдѣлять эти дѣянія въ особую группу преступленій, такъ какъ они въ этомъ случаѣ характеризуются исключительно, какъ посягательство на чужое имущество. Законодатель можетъ здѣсь только обратить вниманіе на особенныя свойства даннаго предмета, напр., на его особое значеніе и на его важность для прочности всего правопорядка, и соотвѣтственно этому онъ можетъ придавать значеніе квалифицированнаго вида данному посягательству, если оно состоитъ въ похищеніи или поврежденіи документа.

Совсѣмъ иное значеніе получаютъ тѣ формы посяга-

тельствъ, гдѣ преступная дѣятельность заключается въ обманномъ измѣненіи документа въ его внѣшнемъ видѣ, и гдѣ, благодаря этому, нарушается неприкосновенность удостовѣрительныхъ знаковъ, въ которой заинтересовано все общество. Въ этомъ случаѣ имѣетъ мѣсто самостоятельное преступленіе, которое именуется подлогомъ документовъ. Дѣяніе это характеризуется двумя существенными моментами: объектомъ посягательства и способомъ дѣйствія; объектомъ является неприкосновенность удостовѣрительныхъ знаковъ, способомъ же дѣйствія — искаженіе ихъ, то есть придаваніе имъ ненадлежащаго вида, чего можно достигнуть или путемъ составленія подложнаго документа, т. е. поддѣлкой его, или путемъ измѣненія подлиннаго документа, т. е. передѣлкой его. Наличностью обоихъ этихъ элементовъ вмѣстѣ и характеризуется подлогъ, такъ что поддѣлка иныхъ предметовъ внѣшняго міра, кромѣ документовъ, равно какъ всякаго другого рода дѣятельность кромѣ обманнаго измѣненія, направленная противъ документа, не составляютъ преступленія подлога.

Самостоятельная природа подлога, какъ особаго преступнаго дѣянія, обусловлена самостоятельностью объекта посягательства при немъ, вслѣдствіе чего преступленіе это не можетъ быть смѣшиваемо съ другими, характеризуемыми одинаковымъ способомъ дѣйствія, какимъ является ложь предметная, что, разумѣется, отчасти сближаетъ подлогъ съ другими преступленіями и что, какъ видно будетъ изъ историческаго очерка, служило иногда поводомъ къ объединенію подлога съ другими преступленіями, въ составѣ которыхъ лежитъ моментъ искаженія истины.

Относительно самой преступной дѣятельности при подлогѣ слѣдуетъ замѣтить, что сущность ея заключается въ приписываніи происхожденія извѣстнаго документа такому лицу отъ котораго онъ въ дѣйствительности не исходитъ (случай поддѣлки), или же исходитъ, но не въ такомъ видѣ, въ какомъ приписывается (случай передѣлки). Кромѣ того современныя законодательства знаютъ еще одинъ видъ подлога, который собственно говоря можетъ быть обсуждаемъ съ иной

точки зрѣнія; это—тотъ случай, когда съ формальной стороны документъ подлиненъ, т. е. онъ въ дѣйствительности исходитъ отъ того, кому приписывается, но содержаніе его завѣдомо ложно для лица, его составляющаго. Этотъ видъ подлога носитъ названіе подлога интеллектуальнаго, въ противоположность выше описанному, который называется матеріальнымъ. Иначе онъ еще называется „актовой ложью"; это названіе ближе уясняетъ природу его, такъ какъ интеллектуальный подлогъ есть собственно завѣдомо ложное показаніе, которое дается въ актѣ. Наряду съ этимъ видомъ подлога ставится еще въ законодательствахъ завѣдомо ложное показаніе, дѣлаемое частными лицами предъ должностнымъ лицомъ о такихъ данныхъ, которыя подлежатъ внесенію въ извѣстный документъ и результатомъ которыхъ является составленіе документа съ завѣдомо ложнымъ содержаніемъ. Но это дѣяніе скорѣе всего можно разсматривать, какъ особый видъ ложныхъ показаній передъ должностными лицами.

Какъ было уже выше упомянуто, въ тѣхъ случаяхъ, когда ложь является способомъ совершенія преступленія, законодатель установляетъ извѣстныя условія, при наличности которыхъ данный способъ дѣйствія и можетъ только обусловливать преступность дѣянія. То же можно замѣтить и при подлогѣ документовъ: здѣсь такимъ условіемъ служитъ цѣль дѣятельности; лишь при наличности ея можетъ быть рѣчь о подлогѣ. Эта цѣль дѣятельности—намѣреніе употребить поддѣлываемый или передѣлываемый документъ подъ видомъ настоящаго. Только при наличности этого условія и можно говорить о посягательствѣ противъ неприкосновенности удостовѣрительныхъ знаковъ; иначе границы настоящаго подлога были бы сильно расширены, и всякое упражненіе въ составленіи документовъ можно было бы считать подлогомъ документовъ.

Таковы необходимыя черты, присущія подлогу документовъ; соединяя ихъ вмѣстѣ, можно получить слѣдующее общее опредѣленіе этого преступленія: подлогъ есть умыш-

ленное искаженіе подлинности письменнаго удостовѣрительнаго знака съ цѣлью употребленія его подъ видомъ настоящаго.

Это общее опредѣленіе служитъ въ послѣдующемъ нашемъ изложеніи критеріемъ для выбора необходимаго матеріала для изслѣдованія. То, что содержитъ въ себѣ такого рода преступную дѣятельность, и разсматривается подъ видомъ подлога документовъ. Законодательныя конструкціи подлога документовъ мѣняются въ разныя эпохи и у разныхъ народовъ, но тѣмъ не менѣе вполнѣ возможно подмѣтить среди нихъ нѣкоторыя общія черты, которыя даютъ право говорить о подлогѣ документовъ вообще. Принимая это въ соображеніе, только и можно разсматривать исторію подлога у разныхъ народовъ и современное его состояніе въ разныхъ законодательствахъ.

§ 3. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ держаться слѣдующаго плана. Мы постараемся показать, какъ постепенно создавалось современное понятіе подлога и какъ оно постепенно выдѣлялось изъ общей группы преступленій, въ основѣ которыхъ лежитъ моментъ искаженія истины. Отдѣльныя законодательства представляютъ въ этомъ отношеніи не одинаковую картину. Можно установить только то общее положеніе, что почти всѣ законодательства прошли эпоху широкаго пониманія подлога, и между ними даже такія, въ которыхъ раньше представленіе объ этомъ преступленіи было болѣе узкое; это совершилось главнымъ образомъ подъ вліяніемъ началъ римскаго права, вслѣдствіе чего приходится на немъ остановить въ особенности свое вниманіе. Небольшая экскурсія въ область каноническаго права можетъ показать зачатки вполнѣ правильной теоретически конструкціи подлога. Германское и французское законодательства представляютъ въ особенности интересную картину постепеннаго развитія этого преступленія и рядъ измѣненій въ его конструкціи; англійское законодательство важно по той оригинальной и вполнѣ самостоятельной конструкціи подлога, которую мы въ немъ находимъ и, наконецъ, русское законодательство

представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что въ немъ понятіе подлога развивалось почти совершенно внѣ вліянія западнаго права. Обрисовка современнаго состоянія вопроса о подлогѣ въ других европейскихъ государствахъ дополняетъ общее представленіе объ этомъ преступленіи.

Таково содержаніе первой части нашей работы, которая будетъ посвящена разсмотрѣнію положительнаго законодательства о подлогѣ въ его историческомъ развитіи и современномъ состояніи. Здѣсь такимъ образомъ наряду съ историческимъ очеркомъ, который займетъ главное мѣсто, будетъ излагаться и современное законодательство и даже проекты новыхъ уложеній.

Вторая часть работы будетъ посвящена догматическому анализу понятія подлога. Здѣсь прежде всего необходимо будетъ установить сущность подлога и изложить доктрину объ этомъ преступленіи съ древнѣйшихъ временъ до нашего времени. Критика этихъ ученій вмѣстѣ съ анализомъ положительныхъ законодательствъ дастъ возможность рѣшить, что именно является объектомъ этого посягательства.

Остальное изложеніе будетъ посвящено анализу подлога документовъ главнымъ образомъ по русскому дѣйствующему праву; здѣсь, конечно, придется обратить большое вниманіе на нашу сенатскую практику, которая по вопросу о подлогѣ за 33 года представляетъ весьма богатый матеріалъ. Этотъ отдѣлъ изслѣдованія будетъ вести рѣчь о ближайшемъ объектѣ посягательства, т. е. документѣ, о способѣ дѣйствія въ указанномъ выше смыслѣ и о цѣли дѣятельности, присущей подлогу.

Часть I.

Положительныя законодательства о подлогѣ документовъ въ ихъ историческомъ развитіи и современномъ состояніи.

ГЛАВА I.

Римское право.

§ 1. Лжесвидѣтельство и termini motio.—§ 2. Lex Cornelia de falsis.—§ 3. Содержаніе первоначальнаго текста этого закона: охрана духовныхъ завѣщаній отъ разнаго рода посягательствъ.— § 4. Составъ crimen falsi въ первоначальномъ текстѣ закона Суллы.—§ 5. Позднѣйшее распространеніе закона.—§ 6. Новыя посягательства противъ духовныхъ завѣщаній.—§ 7. Посягательства противъ другихъ частныхъ документовъ.—§ 8. Посягательства противъ документовъ публичныхъ.—§ 9. Поддѣлка печатей.—§ 10. Поддѣлка денежныхъ знаковъ, мѣръ и вѣсовъ. § 11. Посягательства противъ правосудія.—§ 12. Посягательства противъ правъ состоянія.—§ 13. Другія посягательства, отнесенныя къ crimen falsi.—§ 14. Общій составъ crimen falsi.— § 15. Наказаніе и процессуальныя особенности. — § 16. Характеристика crimen falsi. — § 17. Сущность преступленій, обнимавшихся имъ.—§ 18. Общіе выводы.

§ 1. Судя по дошедшимъ до насъ источникамъ, римское право не предусматривало подлога документовъ въ качествѣ преступнаго дѣянія до временъ Суллы, этого важнѣйшаго реформатора въ области римскаго матеріальнаго и формальнаго уголовнаго права.

Это явленіе, конечно, можетъ быть до нѣкоторой степени объяснено тѣмъ обстоятельствомъ, что письменные документы не получили еще въ эту эпоху особенно сильнаго распро-

страненія и не требовали особой защиты. Только ко времени Суллы общее развитіе правового оборота въ Римѣ выставило на первый планъ сознаніе необходимости правовой защиты этихъ важныхъ элементовъ всякаго правопорядка.

Первоначально, какъ и у другихъ народовъ, у Римлянъ письменные документы замѣнялись иными средствами засвидѣтельствованія жизненныхъ моментовъ юридическихъ отношеній—показаніями свидѣтелей и особыми знаками, напр., земельными. Въ отношеніи этихъ объектовъ возможны были спеціальныя посягательства, представляющія много сходства съ подлогомъ: въ отношеніи свидѣтельскихъ показаній мы встрѣчаемся съ лжесвидѣтельствомъ, въ отношеніи земельныхъ знаковъ — съ особымъ преступленіемъ—termini motio, т. е. нарушеніемъ границъ.

Какъ вѣрно замѣчаетъ Кукумусъ [1]), свидѣтель, приглашенный для присутствованія при совершеніи какого-нибудь юридическаго акта, становился въ древности „законнымъ документомъ" послѣдняго. Его показаніе всецѣло замѣняло письменный документъ; ему вѣрили вполнѣ, такъ какъ присутствію свидѣтеля при заключеніи сдѣлки придавался особый сакральный характеръ. Умышленное искаженіе, сдѣланное въ показаніи, имѣло поэтому такое значеніе, какое теперь принадлежитъ подлогу документовъ.

Такимъ образомъ за отсутствіемъ письменныхъ документовъ по отношенію къ тѣмъ „устнымъ" документамъ, если можно такъ выразиться, какими являлись показанія свидѣтелей, были возможны посягательства, соотвѣтствующія подлогу документовъ письменныхъ, и уже въ древнѣйшемъ памятникѣ римскаго законодательства—XII таблицахъ мы находимъ карательныя постановленія, охраняющія святость свидѣтельскихъ показаній.

Что же касается посягательства противъ границъ и граничныхъ знаковъ — termini motio, то оно состояло, по сло-

[1]) Cucumus. Über das Verbrechen des Betrugs, als Beytrag für Criminalgesetzgebung. 1820, p. 100—102. См. также Temme. Die Lehre vom strafbaren Betruge nach preussischem Rechte. 1842, p. 9.

вамъ Рейна [1]), въ умышленномъ измѣненіи пограничнаго знака земельнаго участка и могло заключаться или въ насильственномъ разрушеніи подобнаго знака или въ подложной перестановкѣ его. Это преступленіе было извѣстно римскому праву съ древнѣйшихъ временъ, всегда считалось самостоятельнымъ преступнымъ дѣяніемъ и не вошло въ составъ crimen falsi, подлога, даже тогда, когда онъ получилъ опредѣленное выраженіе въ законѣ; подлогъ, какъ ни широкъ былъ его объемъ по римскому праву, какъ увидимъ ниже, всетаки не распространялся на случаи подложнаго измѣненія граничнаго знака [2]). Да и вообще termini motio носило совершенно особый характеръ и не считалось простымъ поврежденіемъ чужого имущества, въ виду особенностей самаго объекта посягательства въ этомъ случаѣ. Дѣло въ томъ, что межи и граничные знаки вслѣдствіе ихъ важнаго значенія при отсутствіи какихъ-нибудь другихъ способовъ удостовѣренія поземельныхъ отношеній, какими въ настоящее время служатъ письменные документы, пользовались особой защитой закона. Защита эта носила сакральный характеръ, такъ какъ, по римскому вѣроученію, межи находились подъ покровительствомъ особаго божества, Juppiter Terminus, посягательствомъ на которое считалось termini motio.

§ 2. Мало по малу по мѣрѣ развитія правового оборота

---

[1]) Rein. Das Criminalrecht der Römer von Romulus bis auf Justinianus. 1844. p. 822.

[2]) Правда, у Папиніана (Responsorum liber, tit. 38) встрѣчается выраженіе, которое подало поводъ нѣкоторымъ писателямъ, напр., Рейну (р. 823), къ заключенію, что постановка фальшиваго пограничнаго знака составляетъ видъ crimen falsi, предусмотрѣннаго lex Corn. de falsis. Именно, Папиніанъ говоритъ, о тайной постановкѣ новыхъ граничныхъ знаковъ: si novos terminos occulte posuerit, poena falsarii teneatur secundum sententiam Pauli, но у Павла въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ и фрагментахъ, равно какъ и въ текстѣ lex Corn. ничего объ этомъ не говорится, такъ что трудно рѣшить, считался ли этотъ случай за crimen falsi. Въ виду полнаго молчанія на этотъ счетъ всѣхъ другихъ источниковъ отвѣтъ долженъ быть данъ здѣсь скорѣе отрицательный.

и по мѣрѣ появленія и распространенія письменныхъ документовъ становится возможнымъ возникновеніе и посягательствъ на нихъ и въ частности подлога.

Впервые о подлогѣ документовъ, какъ о самостоятельномъ преступленіи, говорится въ lex Cornelia de falsis, законѣ Корнелія Суллы, относящемся къ 80-мъ годамъ до Р. Х.

Доказательство того, что дѣяніе это ранѣе не предусматривалось въ законѣ, можно вывести изъ слѣдующихъ словъ Цицерона: „atque in his ipsis rebus multa videmus ita sancta esse legibus, ut ante facta in judicium non vocentur; Cornelia testamentaria nummaria, ceterae complures, in quibus non jus aliquod novum populo constituitur, sed sancitur, ut quod semper malum facinus fuerit, ejus quaestio ad populum pertineat ex certo tempore“ [1]).

Въ этомъ мѣстѣ своей рѣчи Цицеронъ говоритъ о томъ, что вновь изданные законы не должны имѣть обратной силы, хотя бы дѣяніе, которое они предусматриваютъ, и считалось раньше дурнымъ поступкомъ (malum facinus); въ этомъ смыслѣ законъ Суллы, по его словамъ, не создаетъ новаго права; онъ установляетъ только карательную санкцію и учреждаетъ quaestio perpetua, постоянное судилище, для подлога—дѣянія, которое считалось и раньше дурнымъ, безнравственнымъ, но не преступнымъ (in judicium non vocentur).

Кромѣ того, косвеннымъ подтвержденіемъ того, что crimen falsi впервые предусматривается въ lex Cornelia de falsis, можетъ служить то обстоятельство, что до насъ не дошло ни одного уголовнаго процесса о подлогѣ, относящагося къ досулланскому періоду; если и могли иногда въ эту эпоху встрѣчаться случаи подлога, то, вѣроятно, пострадавшіе обращались тогда или къ помощи пенальныхъ исковъ (actiones penales), напр., actio furti [2]), или къ искамъ гражданскаго

---

[1]) Act. in Verr. II, lib. I, 42.

[2]) Zumpt. Das Criminalrecht der römischen Republik, 1868. Bd. II, 2 p. 63 замѣчаетъ, что до Суллы подлогъ, какъ и кража, могъ разсматриваться, какъ частное преступленіе, т. е. осужденный преторомъ, по его приговору, долженъ былъ вознаградить пострадавшаго

права, въ основаніи которыхъ лежалъ dolus malus [1]), или къ суду народному.

Сулланское законодательство имѣло цѣлью дать болѣе сильную репрессію тѣмъ дѣяніямъ, которыя, благодаря возникавшимъ въ то время неустройствамъ въ римской жизни, начали особенно громко о себѣ заявлять. Предоставленіе суда надъ этими дѣяніями народнымъ собраніямъ не имѣло особенно репрессивнаго значенія при той политической окраскѣ и той борьбѣ партій, которыя мы видимъ въ данную эпоху въ этихъ собраніяхъ; вновь учрежденныя постоянныя судилища—quaestiones perpetuae, состоявшія подъ предсѣдательствомъ претора изъ присяжныхъ судей, должны были служить противодѣйствіемъ неопредѣленной и шаткой практикѣ суда народнаго собранія; они должны были примѣнять исключительно тѣ наказанія, которыя были указаны въ законѣ, не смягчая и не возвышая ихъ. Только тѣ дѣянія—наиболѣе опасныя, которыя входили въ компетенцію каждой quaestio perpetua, и считались преступленіями публичными—crimina publica, всѣ остальныя были delicta privata, частными преступленіями, имѣвшими своимъ послѣдствіемъ денежный штрафъ, а не обычное наказаніе по законамъ Суллы—aquae et ignis interdictio.

Итакъ на основаніи приведенныхъ только что соображеній можно полагать, что впервые подлогъ, какъ самостоятельное наказуемое правонарушеніе, предусматривается въ законѣ Суллы. Къ сожалѣнію до насъ не дошелъ самый текстъ закона; неизвѣстно вполнѣ достовѣрно также, какое онъ имѣлъ содержаніе и о чемъ въ дѣйствительности велъ рѣчь. То, что мы встрѣчаемъ, напр., въ кодексѣ и въ дигестахъ, не можетъ считаться безусловно за первоначальный

за причиненный вредъ; однако доказательствъ этого Цумптъ не приводитъ.

[1]) Моммзенъ по этому поводу говоритъ, что противъ случаевъ подлога долгое время не было иныхъ средствъ правозащиты, какъ неделиктные гражданскіе иски (Mommsen. Römiches Strafrecht. 1899, p. 668).

текстъ закона [1]), тутъ уже встрѣчаются выраженія и обороты рѣчи, чуждые римскому праву республиканскаго періода (таково, напр., названіе документа—instrumentum) [2]).

§ 3. Вышеприведенное мѣсто изъ рѣчи Цицерона [3]) говоритъ о lex testamentaria, nummaria, т. е. о законахъ относительно завѣщаній и денежныхъ знаковъ (nummus).

Въ чемъ же заключалось содержаніе перваго изъ нихъ? Большинство писателей, основываясь на словахъ Цицерона, считаетъ, что законъ Суллы первоначально имѣлъ въ виду только подлогъ духовныхъ завѣщаній и поддѣлку монетъ; напротивъ другіе полагаютъ, что онъ обнималъ подлогъ и другихъ документовъ и даже иныя преступныя дѣянія [4]).

Намъ кажется болѣе правильнымъ мнѣніе большинства, т. е. предположеніе о томъ, что законъ Суллы (мы имѣемъ въ виду первую его часть—lex testamentaria) предусматривалъ исключительно подлогъ духовныхъ завѣщаній. Въ пользу этого мнѣнія могутъ быть приведены слѣдующія соображенія.

Первоначально государство весьма мало заботится о сдѣлкахъ, совершающихся между частными лицами и имѣющихъ значеніе только для нихъ однихъ; подлогъ въ документахъ, составляемыхъ по поводу такихъ сдѣлокъ, не интересовалъ государство, да и письменные документы частнаго характера

---

[1]) Cod. IX, 22; Dig. 48, 10; Inst. IV, 18, 7.

[2]) См. объ этомъ Zumpt l. c. p. 67.

[3]) См. стр. 24.

[4]) Такъ, Rosshirt (Geschichte und System des deutschen Strafrechts 1839. Bd. III, p. 7), Миттермайеръ (примѣч. въ Feurbach. Lehrbuch des gemeinen in Deutschland giltigen peinlichen Rechts 1847), Ortloff (Lüge, Fälschung und Betrug 1862, p. 91), Темме (l. c. p. 10), Моммзенъ (l. c. p. 672) и др. придерживаются перваго мнѣнія, тогда какъ Цумптъ (l. c. p. 515) и Рудорффъ (Römische Rechtsgeschichte 1857. Bd. I, p. 92), распространяютъ законъ Суллы на подлогъ всякихъ документовъ, не ограничиваясь подлогомъ завѣщаній, и на подкупъ свидѣтелей и судей; Рейнъ (l. c. p. 784), не признавая, что falsum по первоначальному тексту закона распространялся на поддѣлку всякихъ документовъ, полагаетъ, однако, что онъ обнималъ также лжесвидѣтельство; тоже говоритъ Гельшнеръ (Lehrbuch des preussichen Strafrechts. 1863. Bd. II, p. 334).

первоначально вообще мало имѣли распространенія. Исключеніе было только относительно духовныхъ завѣщаній, которыя находились въ совершенно особомъ положеніи. Ихъ нужно было оградить отъ всевозможныхъ посягательствъ въ виду ихъ важнаго значенія не только для отдѣльныхъ лицъ, но и всего государства. Эта особенная важность духовныхъ завѣщаній объясняется съ одной стороны тѣмъ, что составленіе завѣщаній съ древнѣйшихъ временъ было актомъ публичнаго характера (первоначально завѣщанія составлялись даже на народныхъ собраніяхъ comitiis calatis), съ другой—важностью ихъ содержанія для государственной жизни: въ нихъ могли содержаться напр. такія распоряженія, какъ отпускъ раба на волю, которыя имѣли безспорно общегосударственное значеніе; самое распредѣленіе имуществъ имѣло извѣстное соотношеніе съ участіемъ гражданъ въ государственномъ управленіи—все это указываетъ на то, что эти документы прежде всего нуждались въ виду ихъ общественнаго значенія въ особенной защитѣ, какой вовсе не требовалось для другихъ документовъ. Къ тому же подлоги завѣщаній, по свидѣтельству современниковъ, сдѣлались въ ту пору обычнымъ явленіемъ, будучи однимъ изъ способовъ легкой наживы денегъ [1]), своего рода биржевой спекуляціей, какъ говоритъ Эшеръ [2]). Даже самые честные люди, по свидѣтельству Цицерона, не брезговали обогатиться такимъ образомъ при помощи подложныхъ духовныхъ завѣщаній [3]).

---

[1]) Лицъ, занимавшихся составленіемъ фальшивыхъ завѣщаній Цицеронъ называетъ testamentarii (Cic. de offic. III 18) и говоритъ о нихъ наряду съ sicariae, veneficae, fures, peculatores.

[2]) Escher. Die Lehre von dem strafbaren Betruge und von der Fälschung 1840, p. 830.

[3]) Cic. de offic. III, 18 приводитъ примѣръ составленія фальшиваго завѣщанія, въ которомъ сонаслѣдниками составителя завѣщанія, были назначены—очевидно, для прикрытія его подложности—особенно уважаемыя въ то время лица Крассъ и Гортензій. Цицеронъ говоритъ, что, по его мнѣнію, хотя эти лица и не участвовали въ составленіи подложнаго завѣщанія, они всетаки совершили преступленіе, и порицаетъ ихъ за это.

Распространенію преступленія способствовала и та форма, которую приняло въ ту эпоху составленіе завѣщанія. Пока завѣщанія составлялись въ народныхъ собраніяхъ, такъ сказать, на глазахъ у всего народа, весьма трудно было совершать подлоги. Затѣмъ по мѣрѣ того, какъ въ общее употребленіе стало входить составленіе завѣщанія per aes et libram, когда присутствіе всего народа стало замѣняться присутствіемъ свидѣтелей, мало по малу для большей вѣрности завѣщанія начали составляться въ письменной формѣ на доскахъ, покрытыхъ воскомъ—tabulae cereae, вслѣдствіе чего возникло больше шансовъ къ появленію подлоговъ; тогда-то и понадобился особый законъ, который и былъ изданъ Суллой.

Но кромѣ этихъ соображеній общаго характера можно привести еще слѣдующія три болѣе положительныя доказательства правильности выставленнаго выше положенія о томъ, что содержаніемъ первоначальнаго текста закона Суллы было огражденіе отъ посягательствъ однихъ только завѣщаній, а не всѣхъ вообще документовъ. Такъ прежде всего можетъ дать указаніе на содержаніе закона самое его названіе. Въ цитированныхъ выше словахъ Цицерона законъ Суллы называется lex Cornelia testamentaria, nummaria; lex testamentaria называется онъ также во многихъ мѣстахъ дигестъ, напр. въ l. 30 D 48, 10 и l. 6 § 1 h. t., далѣе у Павла въ Rec. Sent. lib. V, tit, 25 § 1 и въ Mos. et Roman. legum collatio, VIII, 7; въ другихъ мѣстахъ онъ называется также l. Cornelia de testamentis, напр. въ l. 1 D. 48, 1, иногда же—lex Cornelia de falsis (такой заголовокъ 10-го титула 48-й книги дигестъ и такое наименованіе носитъ законъ въ Inst. IV, 18, 7). Названіе закона Суллы „закономъ о завѣщаніяхъ" служитъ нѣкоторымъ доказательствомъ того, что онъ говорилъ исключительно о завѣщаніяхъ [1]), иначе едва ли давалось бы ему названіе testamentaria; только впослѣдствіи, когда и другіе виды

[1]) Мнѣніе Цумпта (l. c. p. 62), что законъ говорилъ прежде всего о завѣщаніяхъ, почему и получилъ такое названіе въ обыденной жизни, оффиціально же назывался lex de falsis,—совершенно голословно.

документовъ стали обниматься этимъ закономъ, онъ чаще встрѣчается подъ названіемъ lex de falsis, которое уже Юстиніанъ счелъ нужнымъ пояснить: item lex Cornelia de falsis qui etiam testamentaria vocatur [1]).

Далѣе въ Pauli Sent. Rec. рѣчь о подлогѣ идетъ въ двухъ мѣстахъ. Во-первыхъ, въ lib. IV, tit. VII de lege Cornelia и во-вторыхъ, въ lib. V tit. XXV ad legem Corneliam testamentariam. Какъ вѣрно замѣчаетъ Шультингъ [2]), издавшій со своими комментаріями фрагменты сочиненій великихъ юристовъ, это проливаетъ свѣтъ на первоначальное содержаніе закона Суллы. Дѣйствительно, разсмотрѣніе одного и того же закона въ двухъ мѣстахъ одной и той же работы и при томъ такъ, что во второмъ мѣстѣ законъ приводится полнѣе, съ добавленіями, даетъ возможность заключить, что здѣсь въ наличности изложеніе первоначальнаго текста закона и дополненій къ нему: въ книгѣ IV рѣчь идетъ о первоначальномъ содержаніи закона, а въ V — о добавленіяхъ къ нему. Эту догадку подтверждаетъ и заголовокъ, который мы встрѣчаемъ у 25 титула V книги *Ad* legem Corneliam.

Наконецъ, надо принять во вниманіе слѣдующее обстоятельство: въ Mos. et Roman. legum collatio, tit. VI, 47 говорится о томъ, что наказаніе, назначенное по закону Суллы за подлогъ завѣщаній, въ силу сенатусконсульта Статилія и Таура было распространено и на подлогъ иныхъ документовъ, кромѣ духовныхъ завѣщаній: praeterea factum est senatusconsultum Statilio et Tauro consulibus, quo poena legis Corneliae irrogatur ei, qui quod aliud, quam testamentum, sciens signaverit signarive curaverit. Здѣсь такимъ образомъ мы имѣемъ прямое указаніе на то, что подлогъ иныхъ документовъ только впослѣдствіи сталъ подводиться подъ lex Cornelia. Очевидно, основываясь на этомъ SC, говоритъ Павелъ въ дигестахъ (Paulus respondit) legis Corneliae poena omnes teneri qui etiam extra testamenta cetera falsa signassent [3]). Самое дополненіе

---

1) Just. IV, 18, 7.

2) Schulting. Jurisprudentia vetus antijustinianea. 1717, p. 404.

3) l. 16 § 1 D, 48, 10.

текста словами „Paulus respondit" показываетъ что, вѣроятно, и при Павлѣ вопросъ о томъ, подводится ли подлогъ иныхъ документовъ, кромѣ духовныхъ завѣщаній, подъ lex Cornelia, все еще вызывалъ сомнѣнія, несмотря на состоявшійся вышеупомянутый сенатусконсультъ [1]).

Нужно замѣтить еще, что Рейнъ [2]) на основаніи собственно не источниковъ римскаго права, а литературнаго матеріала значительно расширяетъ содержаніе первоначальнаго текста закона Суллы, утверждая, что въ литературныхъ памятникахъ упоминается также о случаяхъ поддѣлки публичныхъ документовъ, но только въ муниципіяхъ и колоніяхъ; однако съ этимъ заключеніемъ трудно согласиться; въ приведенныхъ Рейномъ мѣстахъ изъ рѣчей Цицерона (Cic. pro Cl. 14, 44 и Ver. II, 25 и 37) говорится „publicas tabulas corrupisse", подъ чѣмъ разумѣлся вовсе не подлогъ, а порча, искаженіе, поврежденіе общественныхъ досокъ (tabulae publicae censoriae, tabulae publicae municipii, litterae publicae). Здѣсь идетъ рѣчь о такъ называемомъ album corruptum, а не о подлогѣ въ оффиціальныхъ актахъ. Album corruptum, т. е. поврежденіе публично выставленныхъ оффиціальныхъ документовъ, предусматривалось въ дигестахъ въ качествѣ

---

[1]) Положимъ, Zumpt (l. c. p. 64) думаетъ, что въ указанномъ только-что текстѣ идетъ рѣчь собственно не о поддѣлкѣ документа, а о приложеніи подложной печати, такъ что онъ центръ тяжести кладетъ на слово signassent; но едва ли съ этимъ можно согласиться: signare—терминъ, употребляемый вообще для обозначенія составленія документовъ и въ частности приложенія настоящей печати къ подложному завѣщанію; приложеніе же фальшивой печати въ источникахъ обыкновенно обозначается выраженіемъ—signum adulterinum exprimere (напр. Paul. Sent. Recep. lib. V, tit 25 § 1); falsa testimonia signare равносильно выраженію facere. Наконецъ, если придавать то значеніе слову signare, которое придаетъ ему Zumpt, то какъ объяснить тотъ фактъ, что въ Pauli Sent. Rec. l. IV, tit. VII употребляется выраженіе signare testamentum, а въ lib. V, tit. XXV, гдѣ говорится и о другихъ документахъ, этого выраженія нѣтъ, между тѣмъ какъ SC. Статилія и Таура въ это время безусловно уже существовалъ.

[2]) Rein. l. c. p. 779 n. 2.

спеціальнаго нарушенія и, по словамъ Ульпіана, наказывалось весьма значительнымъ штрафомъ въ 500 ауреевъ [1]).

Только впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, въ императорскій періодъ, въ составъ crimen falsi, принимающаго въ эту эпоху необыкновенно широкій объемъ, входитъ и album corruptum, съ чѣмъ однако и тогда не всѣ юристы были согласны; утверждать же это относительно періода республиканскаго вовсе нѣтъ основаній.

Итакъ, принимая во вниманіе всѣ соображенія, только что выставленныя, можно съ большой вѣроятностью утверждать, что первоначально законъ Суллы говорилъ только о посягательствахъ на духовныя завѣщанія, а не на документы всякаго другого рода. Только впослѣдствіи онъ распространяется и на охрану отъ посягательствъ другихъ документовъ. Въ виду этого при изложеніи содержанія понятія falsum необходимо различать первоначальный текстъ закона Суллы и сдѣланныя добавленія къ нему. Но, какъ сказано было выше, до насъ не дошелъ первоначальный текстъ этого закона въ полной неприкосновенности; можно говорить поэтому только о предполагаемомъ первоначальномъ текстѣ его. И въ этомъ отношеніи всего правильнѣе предполагать, что ближе всего къ первоисточнику передается законъ у Павла въ IV книгѣ его Sent. Recep., исходя при этомъ изъ того противупоставленія заголовковъ соотвѣтствующихъ титуловъ IV и V книгъ, о которомъ рѣчь уже шла раньше.

§ 4. Обращаясь къ разсмотрѣнію предполагаемаго первоначальнаго текста закона Суллы, мы находимъ слѣдующее. Павелъ въ Sent. Rec. lib. IV, tit. VII § 1 говоритъ: qui testamentum falsum scripserit, recitaverit, subjecerit, signaverit, suppresserit, amoverit, resignaverit, deleverit, poena legis Corneliae de falsis tenebitur, id est in insulam deportatur. Почти

---

[1]) „Si quis idquod jurisdictionis perpetuae causa non quod prout res incidit, in albo, in charta, vel in alia materia corruperit, datur in eum quingentorum aureorum judicium, quod populare est“, l. 7 pr. D. 2,1.

тѣ же выраженія мы встрѣчаемъ въ текстѣ дигестъ, гдѣ говорится тоже на основаніи сочиненій Павла (libro III ad Sabinum) слѣдующее: qui testamentum amoverit, celaverit, eripuerit, deleverit, interleverit, subjecerit, resignaverit, quive testamentum falsum scripserit, signaverit, recitaverit dolo malo cujusve dolo malo id factum erit [1]); здѣсь мы имѣемъ, повидимому, только распространеніе предъидущаго текста, прибавка же о подстрекательствѣ къ подлогу (cujusve dolo malo etc.) соотвѣтствуетъ слѣдующему затѣмъ въ текстѣ Павла Sent. Rec. § 2 положенію: non tamen is qui testamentum subjecit, suppressit, delevit, poena legis Corneliae coërcetur, sed et is, qui sciens dolo malo id fieri jussit faciendumve curavit. Не придавая пока особеннаго значенія нѣкоторому разнорѣчію въ этихъ двухъ текстахъ, можно приступить къ ближайшему анализу подлога по lex Cornelia.

Объектомъ преступленія является духовное завѣщаніе—testamentum. Оно должно было быть составлено надлежащимъ образомъ, сообразно указанію закона, такъ какъ завѣщаніе, которое не имѣло юридическаго значенія, не могло быть и объектомъ преступленія подлога [2]); духовныя завѣщанія писались на особыхъ доскахъ tabulae testamenti; матеріалъ, изъ котораго сдѣланы были доски, былъ безразличенъ [3]).

Въ чемъ же заключалось самое преступленіе, о которомъ рѣчь идетъ въ lex testamentaria?

Анализируя текстъ этого закона, мы видимъ, что онъ ставилъ своей цѣлью огражденіе завѣщанія, нуждавшагося вообще въ особенной защитѣ, отъ всевозможнаго рода посягательствъ, въ числѣ которыхъ былъ между прочимъ и подлогъ. Такимъ образомъ, lex Cornelia имѣлъ въ виду не под-

---

1) l. 2. D. 48, 10.

2) Testamentum quod nullo jure valet, говорится въ источникахъ, impune supprimitur: nihil enim est quod ex eo petatur aut consistere possit—l. 38 § 6 D. 48, 19 и Pauli Sent. Rec. V, 25 § 6.

3) Tabularum autem chartae quoque et membranae continentur, говоритъ Павелъ S. R. IV, 7 § 6.

логъ вообще, не подлогъ завѣщаній въ частности, а всякія посягательства на завѣщанія; онъ стремился охранить самое завѣщаніе отъ тѣхъ посягательствъ, которыя въ тѣ времена особенно сильно развились.

Какъ можно видѣть изъ текста закона, составъ преступленія считался выполненнымъ, какъ только было учинено посягательство на завѣщаніе, безразлично, наступалъ ли отъ этого въ дѣйствительности какой-нибудь дальнѣйшій имущественный ущербъ или нѣтъ. Въ виду этого неправильно считать объектомъ посягательства при falsum частное имущественное право [1]). Конечно, благодаря постановленіямъ закона Суллы косвенно давалась защита имущества, но не это было непосредственной цѣлью закона Суллы.

Для уясненія характера постановленій закона Суллы о завѣщаніяхъ можно сравнить этотъ законъ съ другими законоположеніями той же эпохи. Какъ lex Cornelia testamentaria обнималъ защиту завѣщаній отъ посягательствъ разнаго рода, такъ другой законъ—lex de majestate имѣлъ цѣлью защиту „величества“ отъ нихъ. И подобно тому, какъ falsum сдѣлалось общимъ именемъ для обозначенія посягательствъ на завѣщанія, а потомъ и на другіе документы, такъ laesa majestas стало общимъ названіемъ для обозначенія цѣлаго ряда дѣяній, заключающихъ въ себѣ посягательства на права верховной власти, на цѣлость государства и т. п. дѣянія.

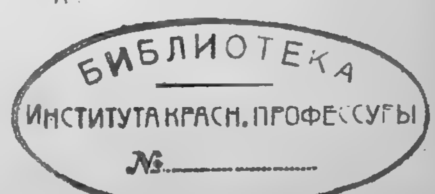
Какъ вѣрно замѣчаетъ Rosshirt [2]), законъ Суллы не имѣлъ цѣлью распространяться о родѣ falsum, какъ таковомъ; имъ учреждалось только quaestio perpetua для двухъ наиболѣе вредныхъ родовъ falsum; только въ силу необходимости дать конкретное указаніе судьѣ, въ какомъ случаѣ слѣдуетъ видѣть наличность посягательствъ на завѣщанія, заслуживающихъ наказанія, Сулла въ своемъ законѣ казуистически перечисляетъ отдѣльные виды послѣднихъ.

Изъ сопоставленія текста закона, приводимаго въ Pauli Sent. Rec. lib. IV, 7, съ l. 2. D. 48, 10 слѣдуетъ, что cri-

---

[1]) Эту ошибку дѣлаетъ Temme l. c. p. 61.

[2]) Rosshirt. l. c. p. 7.

men falsi по закону Суллы заключалось въ слѣдующихъ противоправныхъ дѣяніяхъ: 1) въ написаніи подложнаго завѣщанія (scribere); 2) въ прочтеніи завѣщанія свидѣтелямъ иначе, чѣмъ оно написано (recitare) [1]); 3) въ подкладываніи или подбрасываніи кому-либо поддѣльнаго завѣщанія (subjicere) [2]); 4) въ приложеніи печатей къ подложному завѣщанію (signare) [3]); 5) въ сокрытіи настоящаго завѣщанія (supprimere) [4]); 6) въ похищеніи его (amovere, eripere) [5]); 7) въ распечатаніи, въ снятіи печатей съ него (resignare) и 8) въ поврежденіи и замараніи его (delere, interlinere) [6]).

---

[1]) Объясненіе Rein'a p. 772; здѣсь разумѣется такимъ образомъ одинъ изъ видовъ пользованія подложнымъ завѣщаніемъ; ср. Моммзенъ p. 671.

[2]) Ср. „testamenta, credo, subjiciunt aut ejiciunt, vicinos aut adulescentulos conscribunt". Cic. Philip. XIV, 6.

[3]) Для этого по большей части пользовались подставными лицами; Цицеронъ говоритъ: qui testamentum interleverit, qui supposita persona falsum testamentum obsignandum curaverit. (Cic. pro Cl., 44); здѣсь разумѣлось составленіе подложнаго духовнаго завѣщанія съ приложеніемъ настоящей печати, такъ какъ для приложенія печати поддѣльной существовали иныя выраженія (см. стр. 30).

[4]) Какъ объясняетъ самъ Павелъ l. c. § 3, testamentum supprimit qui sciens prudensque tabulas testamenti in fraudem heredum vel legatariorum fideicomissariorum aut libertatum non profert (или celaverit въ дигестахъ); кромѣ того supprimit tabulas, говоритъ онъ l. c. l. § 4, videtur qui cum habeat et proferre possit eas proferre non curat, т. е. предусматриваетъ или умышленное сокрытіе завѣщанія во вредъ лицамъ заинтересованнымъ (in fraudem), или же непредставленіе его (non curat).

[5]) По объясненію Куяція (см. Шультингъ l. c. стр. 404 пр. 2), здѣсь не должно было быть корыстной цѣли: non lucri faciendi animo amovit, sed ut verum non appareat. Послѣднее выраженіе мы находимъ и въ l. 16 § 2 D. 48. 10.

[6]) Этого рода дѣяніе описываетъ Cic. pro Cl. 14 „...digito legata delevit et quum id multis locis fecissit, post mortem ejus, ne lituris coargui posset, testamentum in alias tabulas transcriptum signis adulterinis obsignavit", т. е. изъ завѣщанія, въ которомъ были назначены отказы, строки, содержавшія распоряженія о послѣднихъ, были пальцами выскоблены, вслѣдствіе чего образовались помарки, по-

§ 5. Вотъ собственно все, что возможно утверждать съ большей или меньшей вѣроятностью относительно первоначальнаго текста законы Суллы. Впослѣдствіи законъ этотъ, какъ и всѣ законы, изданые въ сулланскій періодъ, подвергся дополненіямъ; постепенно все новые и новые объекты ставились подъ защиту lex Cornelia de falsis, такъ что crimen falsi мало по малу становилось понятіемъ собирательнымъ, обнимавшимъ преступныя дѣянія, мало имѣвшія общаго между собой. Распространеніе его на новыя дѣянія происходило или посредствомъ судебной практики [1]), и толкованія юристовъ [2]), или на основаніи сенатусконсультовъ [3]) и императорскихъ постановленій [4]).

Постепенно новыя преступныя дѣянія, которыя начинаютъ подводиться подъ crimen falsi, въ отличіе отъ тѣхъ, которыя были предусмотрѣны въ первоначальномъ текстѣ закона Суллы, получаютъ названіе quasi-falsa; иногда, впрочемъ, подведеніе ихъ подъ законъ Суллы выражается описательнымъ образомъ [5]).

Каковъ же тотъ путь, по которому шло это расширеніе

этому завѣщаніе пришлось переписать на другія доски и, чтобы оно не казалось поддѣльнымъ, приложить подложныя печати.

[1]) Слѣды этого вліянія видны въ l. 5 D. 48, 10.

[2]) Таковы распространенія, сдѣланныя юристами Марціаномъ l. 1 § 12 D. h. t. (здѣсь по одному частному случаю онъ говоритъ прямо: *non puto* poenam locum habere) и Мацеромъ l. 10 D. h. t.

[3]) Таковы SC, о которыхъ рѣчь идетъ въ Mos. et Rom. leg. Collat. tit. VIII, 7: SC. Libonianum, Messalinum, Geminianum.

[4]) Напр. постановленія императора Клавдія l. 15 D. h. t. и Антонина Пія, l. 31 D. h. t.

[5]) Такъ лжесвидѣтельство называется въ l. 27 D. h. t. quasi-falsum; въ l. 1 § 3 D. h. t. говорится объ одинаковой наказуемости falsa и quasifalsa. Описательныя же выраженія употребляются слѣдующія: atque si erant falsarii (l. 1 § 4 D. h. t.), acsi comisisset in legem Corneliam (l. 15 pr.), ac si falsum comisisset (l. 1 § 9), atque si falsum fecerit (l. 29); наконецъ, въ другихъ случаяхъ говорится: poena legis Corn. irrogatur (l. 1 pr.), afficitur (l. 1 § 2), falsi poena coërcentur (l. 20), legis Corn. poena damnatur (l. 2), falsi crimini locus est (l. 28).

объема crimen falsi и распространеніе l. Cornelia и на другіе объекты, кромѣ духовныхъ завѣщаній?

На это проливаютъ нѣкоторый свѣтъ слова Ульпіана, приводимыя въ Mos. et Roman. leg. collat tit. VIII, 7. Изъ нихъ мы узнаемъ, что въ силу SC. Статилія и Таура наказаніе по закону Суллы стало примѣняться и къ поддѣлавшимъ иной документъ, кромѣ духовнаго завѣщанія; далѣе на основаніи SC. Лицинія и Таура [1]) сюда отнесено лжесвидѣтельство; наконецъ, въ силу SC. Котты и Мессалы и затѣмъ двухъ Геминовъ [2]) crimen falsi распространился и на всякаго рода интриги на судѣ съ цѣлью вызвать осужденіе невиновнаго,—какъ то: подкупъ свидѣтелей и т. п.

Вотъ ближайшія къ lex Cornelia постановленія, расширившія сильно объемъ crimen falsi. Затѣмъ слѣдуетъ указать на постановленіе императора Клавдія [3]) въ силу котораго къ crimen falsi было отнесено дѣяніе, предусмотрѣнное раньше въ SC. Libonianum, рѣчь о которомъ будетъ ниже; императора Адріана [4]), распространившаго постановленіе l. Cornelia на поддѣлку мѣръ и вѣсовъ, на одинъ видъ мошенничества и на подкупъ судей; императора Севера [5])—о подлогѣ въ оффиціальныхъ документахъ; его же и Антонина [6]), отнесшаго къ crimen falsi нѣкоторые проступки опекуновъ и попечителей. Кромѣ того въ разное время появились еще отдѣльныя постановленія императоровъ по частнымъ вопросамъ; таково напр. постановленіе объ умыслѣ при подлогѣ императоровъ Антонина Пія и Марка Антонія [7]), и друг.

Таковъ тотъ внѣшній путь, которымъ шло въ своемъ развитіи римское понятіе crimen falsi, постепенно расширяясь

---

[1]) Этотъ SC, какъ и предыдущій, вошелъ въ дигесты безъ указанія авторовъ въ l. 9 § 3 D. h. t. Шультингъ p. 764 пр. 16 относитъ его къ 16-му году царствованія Тиверія.

[2]) Mos. et Rom. leg. coll. t. VIII, 7.

[3]) l. 15 D. h. t.

[4]) l. 32 § 1 D. h. t.; также l. 21.

[5]) l. 1 § 4 D. h. t.

[6]) l. 1 § 9 D. h. t.

[7]) l. 31 D. p. t.

въ объемѣ и вылившись окончательно въ той своей широкой формѣ, которую мы встрѣчаемъ въ дигестахъ.

Но какое же было внутреннее основаніе для расширенія crimen falsi на подобныя дѣянія?

Если обратиться къ ближайшему разсмотрѣнію только что приведенныхъ законоположеній, то можно увидѣть, что распространеніе по содержанію первоначальнаго понятія falsum шло двояко: съ одной стороны, falsum стало обнимать всевозможныя посягательства противъ духовныхъ завѣщаній, не предусмотрѣнныя раньше въ l. Corn. Здѣсь имѣется такимъ образомъ вполнѣ естественное расширеніе первоначальнаго понятія crimen falsi. Съ другой стороны, возникли новыя посягательства, такъ что явилась потребность предусмотрѣть и ихъ въ уголовномъ законѣ; законодателю, не обладавшему особеннымъ знаніемъ законодательной техники, ничего другого не оставалось, какъ пріурочить ихъ къ аналогичнымъ имъ дѣяніямъ, отнесеннымъ къ категоріи falsum по первоначальному тексту закона Суллы. Этимъ путемъ lex Cornelia распространился на всякаго рода посягательства противъ документовъ вообще и противъ печатей, на поддѣлку мѣръ и вѣсовъ и на разныя монетныя нарушенія. Далѣе въ виду того, что въ первоначальный составъ crimen falsi входили преимущественно такія дѣянія, въ которыхъ особенное значеніе имѣлъ моментъ искаженія истины, постепенно цѣлый рядъ другихъ дѣяній, которымъ нечуждъ былъ этотъ моментъ, подводится подъ законъ Суллы: такъ сюда относятся нѣкоторые виды посягательствъ противъ правосудія и даже извѣстные случаи мошенничества.

Эти двѣ группы дѣяній слѣдуетъ разсматривать отдѣльно, такъ какъ въ основаніи каждой изъ нихъ лежитъ особая ratio legis.

§ 6. Къ новымъ посягательствамъ противъ завѣщанія относится прежде всего открытіе завѣщанія при жизни завѣщателя. Хотя Рейнъ [1]) относитъ этотъ случай къ первоначальному

[1]) Rein. l. c. p. 778.

тексту закона Суллы, но основаній для этого не приводитъ; между тѣмъ у Павла въ IV книгѣ tit 7. Sent. Rec. рѣчи объ этомъ дѣяніи нѣтъ, тогда какъ въ V кн. tit. 25 § 7 мы встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто: qui vivi testamentum aperuerit, recitaverit, resignaverit [1]), т. е. здѣсь предусматривается открытіе, прочтеніе и распечатаніе завѣщанія при жизни завѣщателя. Тутъ, конечно, не можетъ быть рѣчи о подлогѣ въ томъ смыслѣ этого слова, какъ мы его разумѣемъ теперь; здѣсь имѣется только нарушеніе чисто-формальнаго постановленія закона, но римское право, стремясь дать охрану завѣщаніямъ отъ всякаго рода посягательствъ, не различая сущности послѣднихъ, отнесло и нарушеніе чисто-формальнаго требованія закона къ crimen falsi, что было сдѣлать не трудно, такъ какъ первоначально законъ Суллы имѣлъ вообще въ виду охрану завѣщаній, а не преслѣдованіе подлога самого по себѣ.

Lex Corn. распространенъ былъ далѣе на основаніи эдикта Клавдія [2]) на дѣянія, уже раньше предусмотрѣнныя въ SC Libonianum[3]), но не влекшія за собой никакого иного послѣдствія кромѣ недѣйствительности написаннаго [4]): это—приписка въ свою пользу лицомъ, написавшимъ завѣщаніе со словъ завѣщателя, какого-нибудь для себя выгоднаго распоряженія, напр. приписка себѣ легата или назначеніе себя опекуномъ. Клавдій объявилъ дѣяніе этого лица—crimen falsi, не позволивъ ему при этомъ ссылаться на незнаніе даннаго эдикта; crimen falsi будетъ на лицо, по словамъ этого эдикта, и тогда,

---

[1]) Тотъ же текстъ въ l. 38 § 7. Dig, de poenis 48, 19; между тѣмъ въ l. 1 § 5 Dig. 48, 10 говорится только is qui aperuerit vivi testamentum, legis Corneliae poena tenetur.

[2]) Светоній въ своемъ жизнеописаніи Нерона относитъ это постановленіе къ распоряженіямъ этого императора Suetonius. Nero, 17,—ac ne quis alieni testamenti scriptor legatum sibi adscriberet.

[3]) Rudorff. l. c. B. I p. 125.

[4]) Таковы постановленія SC Libonianum, которыя встрѣчаются въ l. 29 D. 26, 2—ex sententia SC. Liboniani tutor non erit qui se testamento pupillo tutorem scripsit; l. 5 D. 34, 8 говоритъ о томъ, что написанное въ такомъ случаѣ apud heredem remanet, quamvis pro non scripto esset. См. также l. 3 Cod. 9, 23.

если въ пользу извѣстнаго лица приписалъ ему легатъ его рабъ или подвластный сынъ, составляя завѣщаніе подъ диктовку завѣщателя; только спеціальная оговорка за подписью завѣщателя избавляетъ это лицо отъ отвѣтственности на основаніи l. Corn. [1]).

Такимъ образомъ изъ только что сказаннаго слѣдуетъ, что lex Corn. de falsis и въ этомъ случаѣ получилъ распространеніе на чисто-формальное нарушеніе предписанія закона, на дѣяніе, представляющее изъ себя только возможную опасность вреда и ничего общаго съ подлогомъ не имѣющее [2]).

§ 7. Какъ уже раньше было указано, поддѣлка иныхъ документовъ, кромѣ завѣщаній, не была предусмотрѣна въ первоначальномъ текстѣ закона Суллы; только послѣдующими узаконеніями crimen falsi распространяется и на этотъ видъ

---

[1]) Причемъ, по словамъ Марціана, (l. 1 § 8 D. h. t.) здѣсь надо проводить еще разницу между сыномъ и рабомъ съ одной стороны, и постороннимъ лицомъ съ другой; въ случаѣ, если первые писали завѣщаніе, для дѣйствительности легата было достаточно одной общей подписи завѣщателя, во второмъ же случаѣ должна была быть спеціальная подпись, въ которой бы завѣщатель указывалъ, что онъ самъ продиктовалъ завѣщаніе и призналъ его вѣрнымъ.

[2]) Въ то же время сознаніе невозможности бороться однѣми мѣрами карательными съ подлогомъ духовныхъ завѣщаній побуждало законодателя обращаться и къ мѣрамъ предупредительнымъ, которыя тоже съ теченіемъ времени получаютъ все большее развитіе. Если прежде достаточно было простого требованія составленія завѣщанія на народныхъ собраніяхъ, то теперь по мѣрѣ исчезновенія ихъ и по мѣрѣ распространенія завѣщаній тайныхъ, письменныхъ, необходимо было особыми мѣрами оградить достовѣрность послѣднихъ; прежде всего установляется требованіе, чтобы свидѣтели прикладывали свои печати къ завѣщаніямъ; но такъ какъ подлоги и въ этой формѣ завѣщаній скоро нашли себѣ мѣсто, то нужны стали новыя предупредительныя мѣры, которыя и не замедлили явиться. Такъ, по словамъ Светонія (Suet. Nero, 17), при Неронѣ повелѣно было прилагать печати только къ проколотымъ доскамъ, у которыхъ черезъ сдѣланныя отверстія три раза пропущена была веревка; на первыхъ двухъ доскахъ должна была дѣлаться подпись завѣщателя, и въ такомъ видѣ доски давались для приложенія печатей.

посягательствъ. Въ дигестахъ мы находимъ слѣдующее мѣсто, относящееся къ данному вопросу: Paulus respondit: legis Corneliae poena omnes teneri, qui etiam extra testamenta cetera falsa signassent; sed et ceteros, qui in rationibus, tabulis, literis publicis aliave qua re sine consignatione falsum fecerunt vel, ut verum non appareat quid celaverunt, surripuerunt, subjecerunt, resignaverunt, eadem poena affici solere, dubium non esse (l. 16 § 1 и 2 D. h. t.) [1]).

Обращаясь къ разсмотрѣнію преступленія, описаннаго здѣсь, мы видимъ, что оно заключалось въ приложеніи печатей къ подложнымъ документамъ (falsa signare), въ сокрытіи [2]), похищеніи [3]), подбрасываніи, распечатываніи и про-

---

[1]) Почти то же говорится въ другомъ мѣстѣ дигестъ (фрагментъ Марціана)—l. 1 § 4 D. h. t.—qui in rationibus, tabulis cereisve vel aliaqua re sine consignatione falsum fecerint vel rem amoverint, perinde ex his causis atque si erant falsarii puniuntur. Кромѣ того въ Pauli Sent. Rec. мы находимъ два постановленія, соотвѣтствующія только что приведеннымъ текстамъ—одно: lege Cornelia testamentaria tenetur qui testamentum quodve aliud instrumentum falsum sciens dolo malo scripserit, recitaverit, subjecerit, suppresserit, amoverit, resignaverit, deleverit — lib. V, tit 25, § 1 (это соотвѣтствуетъ уже цитированному выше фрагменту Ульпіана изъ дигестъ l. 9 § 3 D. h. t.) и другое: qui rationes, acta, libellos, album propositum, testationes, cautiones, chirographa, epistolas sciens dolo malo in fraudem alicujus deleverit, mutaverit, subjecerit, subscripserit—lib V, tit. 25 § 5.—Всѣ эти тексты дополняютъ другъ друга, представляя изъ себя дальнѣйшее развитіе одного и того же положенія, такъ что ихъ необходимо разсматривать совмѣстно.

[2]) Эти всѣ виды falsum Gessler. Zur Lehre von der Urkundenjälschung (Gerichtssaal Bd. 62 p. 148) называетъ общимъ именемъ: „der falsche Gebrauch einer ächten Urkunde“.

[3]) Нѣкоторое сомнѣніе возбуждаетъ похищеніе (surripere) документовъ. Въ приведенномъ выше текстѣ дигестъ изъ фрагментовъ Павла l. 16 § 2 D. h. t. похищеніе документовъ упоминается въ числѣ другихъ видовъ crimen falsi, тогда какъ въ l. 16 pr. того же фрагмента говорится, что похищеніе документовъ не есть crimen publicum: instrumentorum surreptorum crimen non esse publici judicii, nisi testamentum alicujus surreptum arguatur. Объяснить это противорѣчіе можно тѣмъ, что похищеніе завѣщаній всегда считалось cri-

чтеніи [1]) документовъ, (celare, surripere, subjicere, resignare recitare) и въ порчѣ ихъ (delere); всѣ эти дѣянія обнимались закономъ и раньше, но только относительно завѣщаній; кромѣ того прибавились еще сюда (какъ это слѣдуетъ изъ параллельныхъ текстовъ)[2]) измѣненіе содержанія документа, т. е. передѣлка его (mutare), подпись документа въ ущербъ кому-нибудь (subscribere), поддѣлка подписи (imitari) и вообще пользованіе поддѣльнымъ документомъ (uti) [3]).

Какъ можно видѣть изъ анализа относящихся сюда отдѣльныхъ мѣстъ дигестовъ, римское право не создаетъ особаго понятія документа, оно только перечисляетъ отдѣльные

---

men publicum, похищеніе же иныхъ документовъ — только тогда, когда. какъ говорится въ l. 16 § 2, оно совершается, ut verum non appareat, съ цѣлью сокрытія истины. Такимъ образомъ корыстное похищеніе документовъ было простымъ furtum. Это мѣсто очень важно для уясненія самаго характера crimen falsi.

[1]) Спорный вопросъ относительно recitare — прочтенія, пользованія фальшивымъ документомъ. У Павла въ указанномъ текстѣ Sent. Rec. l. 5, tit. 25 § 1 въ числѣ другихъ дѣяній указано recitare; между тѣмъ фрагментъ Папиніана l. 13 § 1 D. h. t. говоритъ о томъ, что пользованіе фальшивымъ документомъ не обнимается понятіемъ crimen falsi: ordine decurionum decem annis advocatum motum, qui falsum instrumentum cognoscente Praeside recitavit, post finem temporis dignitatem respondi recuperare, qnoniam in Corneliam falso recitato non facto non incidit; объясняется это противорѣчіе, напр. Куяціемъ, Маттеемъ и Шультингомъ l. c. p. 514 пр. 6, тѣмъ, что вышеприведенное постановленіе было издано послѣ отвѣта Папиніана.

[2]) См. стр. 40, примѣч. 1.

[3]) Это было предусмотрѣно въ Pauli Sent. Rec. lib. V, 25 § 10— qui falsis instrumentis, actis, epistolis, rescriptis, sciens dolo malo usus fuerit poena falsi coërcetur. Иногда въ законѣ при разсмотрѣніи посягательствъ противъ отдѣльныхъ видовъ документовъ указывается положительно, какіе случаи относятся къ crimen falsi, и какіе стоятъ внѣ дѣйствія его. Таково напр., опредѣленіе подлога долговой росписки и счетовъ. Quid sit falsum quaeritur; et videtur id esse, si quis alienum chirographum imitetur, aut libellum vel rationes intercidat vel describat, non qui alias in computatione vel in ratione mentiuntnr (l. 23 D. h. t.).

виды его. Правда, въ Pauli Sent. Receptae l. V tit. 25 § 1 говорится вообще qui testamentum quodve aliud instrumentum falsum sciens dolo malo scripserit и т. д., но вообще источники предпочитаютъ перечислять отдѣльные виды документовъ, чѣмъ говорить о документѣ вообще. Общее же понятіе документа—instrumentum — опредѣлялось римлянами такъ: это — omnia, quibus causa instrui potest. [1]).

Отдѣльные документы, перечисленные въ источникахъ, какъ возможные объекты crimen falsi, слѣдующіе: rationes — счеты разныхъ mensularii, argentarii, numularii, mensarii, книги которыхъ пользовались общественнымъ довѣріемъ; также счеты финансовыхъ чиновниковъ, которые стояли подъ общественнымъ контролемъ [2]); tabulae или tabulae cereae — всевозможныя доски, на которыхъ записывались разныя сдѣлки и договоры; litterae publicae—вѣроятнѣе всего то же, что и tabulae, но сдѣланныя изъ иного матеріала; aliave res sine consignatione—всякіе другіе документы; особенность всей этой группы въ томъ, что здѣсь не требовалось обязательное приложеніе печатей къ документу (l. 16 § 1 D. h. t.); далѣе упоминаются chirographus — долговая росписка; acta—всякіе акты вообще; album propositum—публично выставленное объявленіе, притомъ частнаго, а не публичнаго характера, что можно вывести, принимая во вниманіе мѣсто, занимаемое album въ перечисленіи въ Paul. Sent. l. V, 25, 5 среди другихъ документовъ; album могло быть всякаго рода объявленіе, напр. о производствѣ аукціона, testationes—записи, подтвержденныя свидѣтельскими показаніями [3]); cautiones—поручительныя росписки; epistolae—письма.

Трудно думать, чтобы этотъ перечень документовъ, который мы находимъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ источниковъ, былъ исчерпывающимъ, но онъ важенъ потому, что указываетъ, какъ постепенно расширялось понятіе falsum. При сильно разви-

---

[1]) l. 1 D. de fide instrum. t. 22 § 4.

[2]) l. 47 § 1 D. 2, 14.

[3]) Schulting l. c. p. 516 not. 39.

томъ гражданскомъ оборотѣ Рима въ немъ совершалась масса юридическихъ актовъ, которые надо было оградить отъ возможныхъ посягательствъ, и соображенія такимъ образомъ практическихъ потребностей вызывали необходимость указанія отдѣльныхъ объектовъ посягательствъ.

Разсматривая ближе эти документы, можно замѣтить, что общая черта всѣхъ ихъ та, что они, какъ это вѣрно указываетъ Эшеръ [1]), касаются установленія извѣстныхъ правъ и обязанностей, вслѣдствіе чего и пользуются особенной защитой [2]).

§ 8. Всѣ перечисленные документы имѣютъ отношеніе къ частно-правовой сферѣ; въ числѣ ихъ нѣтъ публичныхъ документовъ. Подлогъ послѣднихъ предусматривался или въ качествѣ crimen laesae majestatis, или же, какъ crimen falsi, но отдѣльно отъ подлога документовъ частныхъ. Въ первомъ случаѣ, онъ подпадалъ подъ дѣйствіе послѣдовавшаго вскорѣ послѣ закона Сулла закона Ю. Цезаря объ оскорбленіи величества (lex Julia de majestate); ни законодатель, ни судебная практика, ни юристы не считали возможнымъ отнести подлогъ важнѣйшихъ правительственныхъ актовъ подъ lex testamentaria, какъ говорившій первоначально только о подлогѣ въ завѣщаніяхъ. Сообразно господствовавшимъ правовоззрѣніямъ того времени, подлогъ въ правительственныхъ актахъ, какъ оскорбленіе величества, долженъ былъ отойти въ область lex Julia, и въ одномъ изъ параграфовъ этого закона мы, дѣйствительно, находимъ слѣдующее постановленіе: quive sciens falsum conscripsit, vel recitaverit in tabulis publicis [1]).

---

[1]) Escher. l. c. p. 332.

[2]) Сомнѣніе можетъ родиться только относительно epistolae. Какія письма слѣдуетъ здѣсь разумѣть? Всякое ли письмо могло служить объектомъ crimen falsi, или же только такое, которое имѣло значеніе для доказательства извѣстныхъ правъ и обязанностей? Въ виду того, что при перечисленіи другихъ документовъ, имѣющихъ несомнѣнно правовое значеніе поставлены и письма, мы думаемъ, что подъ письмами здѣсь разумѣлись только такія, которыя устанавливали извѣстныя права и обязанности.

[1]) l. 2 D. de l. Jul. de maj. 48,4.

Какъ видно изъ этого фрагмента, законъ здѣсь предусматриваетъ подложное составленіе или подложное объявленіе публичныхъ документовъ. Наказаніе за него по lex. Jul. было aquae et ignis interdictio, впослѣдствіе же смертная казнь [1]).

Но кромѣ того подлогъ нѣкоторыхъ видовъ публичныхъ документовъ разсматривался въ lex Cornelia, вѣрнѣе въ тѣхъ его дополненіяхъ, которыя обязаны своимъ появленіемъ императорскимъ постановленіямъ. Такъ, въ дигестахъ рѣчь идетъ о подлогѣ документовъ со стороны лица должностного [2]); далѣе предусматриваются составленіе подложнаго оффиціальнаго документа отъ имени претора и публичное выставленіе поддѣльнаго преторскаго эдикта [3]), пользованіе фальшивымъ дорожнымъ паспортомъ [4]), повреждение выставленнаго публично эдикта [5]) и пользованіе подложными указами императоровъ, составители которыхъ не были извѣстны [6]).

Какъ же, однако, согласовать послѣднія постановленія съ указаннымъ выше параграфомъ lex Julia? Здѣсь, повидимому, противорѣчіе, но дѣло въ томъ, что въ дигестахъ вовсе не говорится, что наказаніе за crimen falsi примѣняется къ со-

---

[1]) Paul. Sent. Rec. V, 29, § 1.

[2]) l. 1 § 4 D. h. t. Divus Severus lege Cornelia de falsis damnavit praefectum Aegypti, quod instrumentis suis quum praeerat provinciae falsum fecit.

[3]) Qui nomine Praetoris literas falsas reddidisse, Edictumve falsum proposuisse dicetur ex causa, actione in factum poenali tenetur quamquam lege Cornelia reus sit (l. 25 D. h. t.).

[4]) Falso diplomate vias commeavit (27 § 2 D. h. t.).

[5]) Hodie, qui Edicta proposita dolo malo corrumpunt, falsi poena plectuntur 1.32 pr. D. h. t.; словомъ *hodie* Модестинъ хотѣлъ здѣсь указать на то, что раньше это дѣяніе, какъ видъ album corruptum, влекло за собой только денежное взысканіе. У Павла Sent. Rec. lib. I, tit. 13 et § 3 мы находимъ указаніе на то, что это преступленіе считалось crimen extraordinarium: is, qui album raserit, corruperit, sustulerit, mutaverit quidve aliud propositum edicandi causa turbaverit extra ordinem punitur.

[6]) Si quis falsis constitutionibus nullo auctore habito utitur, lege Cornelia aqua et ignis ei interdicitur l. 33 D. h. t.; тоже Pauli Sent. Rec. l. I tit. 12 § 1: hi qui falsa rescriptione usi fuerint, lege Cornelia de falsis puniuntur.

ставителямъ подложныхъ документовъ отъ имени верховной власти; они говорятъ о подложномъ составленіи разныхъ судебныхъ и административныхъ актовъ и о пользованіи подложными императорскими указами—nullo auctore habito, изъ чего слѣдуетъ, что если въ послѣднемъ случаѣ авторъ былъ извѣстенъ, пользованіе подложнымъ указомъ считалось соучастіемъ въ преступленіи главнаго виновника, послѣдній же отвѣчалъ по lex Julia, такъ какъ составленіе подложнаго указа разсматривалось, какъ посягательство на неприкосновенность правъ верховной власти, на совокупность прерогативъ, входящихъ въ составъ понятія majestas; менѣе важные акты не входятъ въ сферу непосредственной власти монарха, посягательство на нихъ не считалось посягательствомъ на верховную власть, а потому и являлось по своему существу только falsum [1]).

Что касается въ отдѣльности тѣхъ публичныхъ актовъ, которые предусмотрѣны въ lex Cornelia, то здѣсь упоминаются: instrumenta — это общее названіе документа, но по смыслу приведеннаго выше мѣста это въ частности разнаго рода донесенія; literae nomine Praetoris edictumve — разные документы, исходящіе отъ лица претора, diploma — подорожная, которая давалась тому, кто путешествовалъ отъ имени государства ad cursum publicum и имѣлъ право на общественныя повозки; constitutiones—всякаго рода императорскія постановленія; tabulae publicae—въ этомъ мѣстѣ [2]) документы, заключающіе постановленія императоровъ. Преступленіе заключается въ falsa scribere, recitare, proponere, corrumpere, uti, т. е. составленіи, объявленіи и выставленіи подложнаго документа, поврежденіи настоящаго документа и пользованіи подложнымъ.

[1]) Этого мнѣнія придерживается между прочимъ Matthaeus. De criminibus ad l. 48 tit 2. Онъ говоритъ: „ejusmodi hic falsum intelligendum quod ad grande reipublicae detrimentum tendat, ut si quis scripsisset in tabula publica donasse Populum Romanum alicui regi provinciam vel regnum aut simile quippiam. Nam si neque hostili animo factum sit neque reipublicae salutem concernat, nihil profecto falsum ad perduellionem".

[2]) l. 2 D. 48, 4.

§ 9. Чтобы быть объектомъ преступленія, документъ долженъ былъ быть дѣйствительнымъ. Поэтому, гдѣ нужно было приложеніе къ нему печатей, это условіе должно было быть соблюдено, и всѣ формальности выполнены. И подобно тому, какъ существовали мѣры предупредительныя по отношенію къ подлогу духовныхъ завѣщаній, дѣйствовали онѣ также и по отношенію къ подлогу другихъ документовъ. Такъ постепенно входитъ въ употребленіе приложеніе печатей ко всякимъ документамъ. Это требованіе при Павлѣ сдѣлалось общимъ правиломъ для всѣхъ документовъ, содержавшихъ какіенибудь договоры частнаго или публичнаго характера [1]).

Съ установленіемъ обязательности приложенія печатей ко всѣмъ документамъ, которые иначе не имѣли юридическаго значенія, какъ это слѣдуетъ изъ словъ Павла: aliter tabulae prolatae nihil momenti habent, законодатель долженъ былъ оградить самыя печати отъ поддѣлки. Выше [2]) мы указывали, что поддѣлка печатей не входила въ первоначальный текстъ закона Суллы, но уже въ дополненіяхъ къ нему мы встрѣчаемъ выраженіе signum adulterinum, которое, по словамъ Феста, обозначаетъ печать, сдѣланную чужимъ перстнемъ [3]).

Какъ и другіе виды falsum, посягательство противъ печатей не заключало въ себѣ одно только подложное приложеніе печатей, но и иныя преступныя дѣянія противъ нихъ:

---

[1]) Здѣсь тоже выставляется требованіе, чтобы всѣ доски были пробуравлены и чтобы черезъ отверстія ихъ три раза была пропущена веревка; самыя же печати должны были быть приложены къ веревкѣ, такъ чтобы подписи, сдѣланныя сверху, удостовѣряли содержимое досокъ. Amplissimus ordo decrevit eas tabulas, quae publici vel privati contractus scripturam continent, adhibitis testibus ita signari, ut in summa marginis ad mediam partem perforatae triplici lino (т. е. одной веревкой три раза) constringantur: atque impositum supra linum cerae signa imprimantur, ut exteriores scripturae fidem interiori servent. Aliter tabulae prolatae nihil momenti habent (Paulus Sent. Rec. lib. V tit. XXV § 6).—Nov. 73 подробнѣе указываетъ, какъ слѣдуетъ составлять подобные документы и какъ подвергать ихъ экспертизѣ въ случаѣ заявленія о подлогѣ ихъ.

[2]) См. стр. 30 прим. 1.

[3]) Paulus ex Festo. Adulterina signa dicuntur alienis anulis facta.

приготовленіе подложныхъ печатей [1]), наложеніе ихъ, снятіе и сорваніе [2]) настоящихъ печатей.

§ 10. Какъ мы уже раньше говорили [3]), Цицеронъ указываетъ рядомъ съ lex testamentaria еще на lex nummaria. Не вдаваясь въ разрѣшеніе вопроса о томъ, были ли это отдѣльные законы, или же здѣсь разумѣлись двѣ самостоятельныя части одного и того же закона, можно установить только то, что законъ этотъ существовалъ при Цицеронѣ и что о поддѣлкѣ монетъ шла рѣчь въ немъ отдѣльно отъ подлога завѣщаній, и только впослѣдствіи поддѣлка монеты становится видомъ crimen falsi. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ этого предположенія можетъ служить то обстоятельство, что въ томъ текстѣ закона Суллы, который мы находимъ въ Pauli Sent Rec. l. IV tit. VII, нѣтъ вовсе упоминанія о поддѣлкѣ монетъ, нѣтъ о немъ рѣчи и въ Inst. IV, 18, 7, гдѣ говорится о crimen falsi; зато въ тѣхъ мѣстахъ источниковъ, гдѣ имѣются уже добавленія къ первоначальному тексту закона, напр. въ дигестахъ и въ Pauli Sent. Rec. l. V tit. XXV, это преступленіе разсматривается, какъ видъ crimen falsi, на ряду съ другими его видами.

Lex Cornelia nummaria, очевидно, былъ вызванъ къ жизни тѣми затрудненіями, которыя возникли въ финансовой сферѣ римлянъ послѣ законовъ Livia и Papuria 661—672 a. u. c., вызвавшихъ сильное обезцѣненіе денегъ [4]). Общее обезцѣненіе денегъ въ эту эпоху дошло до того, что цѣна ихъ стала совершенно неопредѣленной: jactabatur enim temporibus illis nummus sic, ut nemo posset scire, quid haberet, говоритъ про эту эпоху Цицеронъ [5]). Вмѣстѣ съ тѣмъ тогда же стала раз-

[1]) Lege Cornelia testamentaria obligatur, qui signum adulterinum fecerit, sculpserit—l. 30 D. h. t.

[2]) Quidve signum adulterinum exsculpserit, fecerit (дѣланіе), expresserit (наложеніе), amoverit (устраненіе; по объясненію Шультинга l. c. p. 514 not. 10, это выраженіе относится къ знакамъ, придѣлываемымъ къ какимъ-нибудь предметамъ), reseraverit (сорваніе)— Paul. Sent Rec. lib. V, tit. 25 § 1.

[3]) См. стр. 24.

[4]) См. Escher l. c. p. 327.

[5]) Cic. de offic. III, 20, 80.

виваться поддѣлка золотой и серебряной монеты. Незадолго до закона Суллы, по словамъ того же автора, C. Marius Gratidianus провелъ законъ противъ поддѣлывателей монетъ, но законъ этотъ былъ вскорѣ отмѣненъ [1]).

Не имѣя возможности указать, что говорилось въ законѣ Суллы о поддѣлкѣ монетъ въ первоначальномъ его видѣ, мы обратимся къ анализу этого преступленія, какъ вида crimen falsi, по дигестамъ, и здѣсь прежде всего установимъ то положеніе, что, подобно закону о завѣщаніяхъ, въ немъ идетъ рѣчь не только о поддѣлкѣ монетъ, но и о другихъ нарушеніяхъ, направленныхъ противъ нихъ. Именно, въ дигестахъ предусматриваются слѣдующія преступныя дѣянія этого рода: самовольная чеканка монетъ полноцѣннаго достоинства (nummos aureos fingere, falsam monetam percutere), порча настоящей монеты (radere—отскабливаніе частей ея; tingere—порча посредствомъ ѣдкихъ веществъ — отдѣленіе примѣси отъ золота) [2]), подмѣшиваніе въ золото постороннихъ примѣсей, чеканка фальшивой серебряной монеты и невоспрепятствованіе совершенію этихъ преступленій [3]); продажа и покупка монетъ, сдѣланныхъ изъ олова и свинца [4]). Тѣ же почти виды преступленія предусматриваетъ и Павелъ въ Sent. Rec. 5, 25, 1, прибавляя къ нимъ еще отказъ принимать полноцѣнную монету, на которой вычеканено изображеніе императора. Съ теченіемъ времени поддѣлка денежныхъ знаковъ отошла въ область crimen laesae majestatis, благодаря постановленіямъ императоровъ [5]), выдѣлившись такимъ образомъ изъ общаго понятія crimen falsi.

Изъ числа другихъ преступныхъ дѣяній, на которыя распространился lex Corn. de falsi, необходимо прежде всего упомянуть о поддѣлкѣ мѣръ и вѣсовъ. Установленіе постоянныхъ мѣръ и вѣсовъ въ Римѣ приписывается Сервію Туллію, ко-

---

1) Zumpt. l. c. II p. 69.
2) l. 8 D. 48, 10; l. 19 D. h. t.
3) l. 9 pr. D. h. t.; l. 9 § 1 D. h. t.
4) l. 9 § 2 D. h. t.
5) C. IX. tit. 24 de falsa moneta.

торый разослалъ ихъ образцы въ Капитолій и другіе храмы, и тѣмъ придалъ особый религіозный оттѣнокъ охранѣ вѣрности ихъ. Впослѣдствіи мѣры и вѣсы стояли подъ наблюденіемъ эдиловъ, какъ органовъ хозяйственно-полицейской дѣятельности [1]). Поддѣлка мѣръ и вѣсовъ, по свидѣтельству Феста, преслѣдовалась первоначально закономъ 510 a. u. c., lex Silia, опредѣлившимъ за это денежный штрафъ, размѣръ котораго не долженъ былъ превышать половину имущества виновнаго [2]). Кромѣ того въ дигестахъ было указано на возможность преслѣдовать лицо, употребившее невѣрные вѣсы, посредствомъ actio furti и actio de dolo, причемъ искъ этотъ шелъ со стороны пострадавшаго отъ употребленія ихъ [3]). Продавецъ и покупатель за умышленную порчу (corrumpere) и за приданіе какой-нибудь невѣрности вѣсамъ, носящимъ публичное клеймо (fraudem facere), подвергались взысканію двойного количества товара, который взвѣшивался при помощи этихъ вѣсовъ [4]).

Однако эта первоначальная снисходительность къ поддѣлкѣ мѣръ и вѣсовъ при императорахъ смѣняется большей строгостью. Траянъ въ своемъ эдиктѣ приравниваетъ къ crimen falsi дѣяніе того, кто при продажѣ хлѣба пользуется невѣрными мѣрами (staterae adulterinae) [5]), а Адріанъ установляетъ за всякую поддѣлку мѣръ и вѣсовъ и даже за держаніе у себя поддѣльныхъ мѣръ релегацію [6]).

§ 11. Кромѣ только что разсмотрѣнныхъ дѣяній lex Cornelia de falsis былъ распространенъ на рядъ другихъ, которыя не представляютъ вовсе поддѣлки какого-нибудь матеріальнаго предмета. Характерная черта ихъ та, что въ основѣ ихъ лежитъ стремленіе ввести въ заблужденіе общество, употребить какой-нибудь обманъ. Сюда прежде всего относится цѣлая

---

[1]) Фойницкій. Мошенничество по русскому праву. 1871, ч. I. стр. 92.

[2]) Festus. v. publica pondera.

[3]) l. 52 § 22 D. 47, 2.

[4]) l. 32 D. h. t.

[5]) l. 6 § 1 D. 47, 11.

[6]) l. 32 § 1 D. h. t. и l. 6 § 2 D. h. t.

группа преступленій, которыя удачно охарактеризованы Эшеромъ [1]), какъ „разнообразныя обманныя дѣйствія, посредствомъ которыхъ умышленно употребляется судебная власть, какъ орудіе для беззаконій, или уменьшается довѣріе къ ней гражданъ, или же компрометируется ея достоинство". Сюда подходятъ: 1) неправильности въ свидѣтельствованіи: а) лжесвидѣтельство [2]), б) дача нѣсколькими свидѣтелями противоположныхъ показаній [3]), в) дача новаго показанія вопреки прежнему, удостовѣренному приложеніемъ печати [4]); 2) подкупъ свидѣтелей съ цѣлью заставить ихъ отказаться отъ своего показанія (или даже дать его) и подкупъ судей [5]); 3) разныя интриги съ цѣлью вести неправое дѣло: принятіе денегъ, заключеніе договора, вступленіе въ сообщество съ цѣлью вести защиту и давать показанія во вредъ невиновныхъ [6]); измѣна своему долгу (то, что впослѣдствіи называлось praevaricatio) со сто-

---

[1]) Escher. l. c. p. 333.

[2]) Poena legis Corneliae irrogatur ei, qui falsas testationes faciendas, testimoniave falsa inspicienda dolo malo conjecerit. l. 1 pr. D. 48, 10. Zumpt l. c. p. 70, впрочемъ полагаетъ, что лжесвидѣтельство уже по закону Суллы входило въ составъ crimen falsi, такъ какъ иначе за непримѣненіемъ прежняго наказанія—сверженія со скалы—это преступное дѣяніе осталось бы ненаказуемымъ.

Надо при этомъ еще имѣть въ виду, что иногда лжесвидѣтельство разсматривалось съ иной точки зрѣнія и наказывалось на основаніи иного закона. Такъ въ l. 1 D. 48, 8 говорится, что подвергается наказанію на основаніи lex Cornelia de sicariis et veneficiis между прочимъ и тотъ „quive falsum testimonium dolo malo dixerit, quo quis judicio publico rei capitalis damnaretur".

[3]) l. 27 pr. D. h. t. и l. 9 § 3. D. h. t.

[4]) l. 27 D. h. t.

[5]) Sed et si quis ob renuntiandum remittendumve testimonium, dicendum vel non dicendum pecuniam acceperit, poena legis Corneliae officitur, et qui judicem corruperit corrumpendumve curaverit. l. 1 § 2 D. h. t.

[6]) Jtem ob instruendam advocationem testimoniave pecuniam acceperit, pactusve fuerit, societatem coierit ad obligationem innocentium ex Senatusconsulto coërcetur l. 1 § 1 D. h. t.; тоже l. 9 § 4 и l. 20.

роны повѣренныхъ [1]); представленіе властямъ неправильнаго фактическаго матеріала въ подаваемыхъ имъ бумагахъ [2]); наконецъ, продажа лицомъ, которое ложно заявляетъ о своемъ знакомствѣ съ судьей, голоса послѣдняго въ извѣстномъ дѣлѣ [3]).

Общій характеръ всѣхъ этихъ преступныхъ дѣяній заключается въ томъ, что здѣсь рѣчь идетъ о посягательствѣ противъ условій правильнаго судоговоренія; конечно, къ подлогу въ собственномъ смыслѣ, какъ онъ теперь понимается, эти дѣянія имѣютъ мало отношенія, но здѣсь ясно видно стремленіе римлянъ, постепенно все болѣе и болѣе сказывавшееся, относить всякое дѣяніе, въ которомъ заключался элементъ лжи, къ crimen falsi, если только отъ этого страдали интересы общественные.

§ 12. Вторую группу составляютъ дѣянія, заключающія въ себѣ посягательства противъ правъ состоянія. Сюда относятся: 1) употребленіе ложнаго имени и выдаваніе себя за лицо другого сословія съ цѣлью получить изъ этого незаконныя выгоды [4]); однако присвоеніе чужого имени безъ этой послѣдней цѣли не составляло преступленія, какъ это слѣдуетъ изъ словъ дигестъ: „nihil enim mali est honesti hominis nomen assumere [5]);

---

[1]) Paul. S. Rec. V, 25. 8 и l. 38 § 8 D. de poenis 48, 19; почти тоже въ болѣе широкомъ объемѣ предусматривалось въ l. 1 § 6 D. 48. 10; здѣсь наказывается всякій, сообщившій другому отданные ему на сохраненіе документы.

[2]) l. 29 D. h. t.—Si quis obrepsit Praesidi provinciae tam per acta quam per libelli interpellationem.

[3]) Si qui de judicis amititiis vel familiaritate mentientes eventus sententiarum ejus vendunt quidve obtentu nominis ejus agunt, convicti pro modo delicti aut relegantur aut capite puniuntur. Paul. Sent Rec. V 25, 13.

[4]) l. 13 pr. D. h. t. falsi nominis vel cognominis asseveratio poena falsi coërcetur; l. 27 § 2—qui se pro milite gessit vel illicitis insignibus usus est; особенно подробно выражено это дѣяніе у Павла Sent. Rec. V, 25, 12, гдѣ указываются всевозможные способы совершенія его.

[5]) l. 63 § 10 D. 36. 1 ad SC Trebellianum и l. 1 C. 9, 25 mutare itaque nomen vel cognomen sine aliqua fraude licito jure.

2) suppositio partus — подмѣнъ ребенка; преступленіе это ближе въ источникахъ не опредѣляется, и въ дигестахъ содержится только указаніе на то, что оно не погашается никакой давностью, хотя бы даже умерла та женщина, которая подмѣнила ребенка [1]), и затѣмъ указывается, кто уполномоченъ возбуждать обвиненіе [2]).

§ 13. Послѣднюю группу преступленій, отнесенныхъ съ теченіемъ времени къ lex Corn. de falsis, образуютъ тѣ, которыя представляютъ, повидимому, по словамъ Эшера [3]), аномалію по сравненію съ общимъ правиломъ.

Сюда относятся слѣдующія дѣянія: 1) одинъ видъ мошенничества въ качествѣ вещи именно: позолота и посеребреніе мѣди, очевидно, съ цѣлью выдать ее за золото или серебро, равно какъ подмѣнъ заложеннаго золота или серебра мѣдью или оловомъ [4]). Надо замѣтить, однако, что подобный обманъ при залогѣ по другимъ мѣстамъ источниковъ отнесенъ къ мошенничеству—stellionatus [5]). Объясненіемъ причинъ такого противорѣчиваго отношенія источниковъ къ одному и тому же преступленію можетъ служить то соображеніе, что хотя подлогъ заложенной вещи вообще и считался мошенничествомъ, но исключеніе дѣлалось относительно золота и серебра, потому что они разсматривались съ иной, если можно выразиться, высшей точки зрѣнія: изъ этого матеріала могла быть вычеканена монета, вслѣдствіе чего считалось нужнымъ дать ему болѣе усиленную защиту, а это достигалось между прочимъ и тѣмъ, что данное дѣяніе было отнесено къ категоріи falsum.

2) Обманы въ исполненіи обязательствъ: а) отрицаніе залогового обязательства со стороны должника указаніемъ

---

[1]) l. 19 § 1 D. 48, 10.

[2]) l. 30 § 1 ib.; тоже у Павла 5. 25, 1.

[3]) Escher. l. c. p. 335.

[4]) Quive aes inauraverit, argentaverit quive cum argentum vel aurum poneret aes stannumve subiecerit, falsi poena coërcetur. Paul. S. R. V, 25, 5.

[5]) Si quis forte rem alii obligatam dissimulata obligatione per calliditatem alii distraxerit vel permutaverit vel in solutum dederit, nam hae omnes species stellionatum continent. l. 3 § 1 D. 47, 20.

на то, что срокъ ему истекъ [1]); б) продажа двумъ лицамъ по разнымъ договорамъ одной и той же вещи [2]); в) продажа имѣнія съ сокрытіемъ долга на немъ [3]). Эти случаи тоже вполнѣ подходятъ къ опредѣленію stellionatus по римскому праву; причемъ нѣкоторые почти тождественные случаи отнесены были прямо къ stellionatus, напр. случай продажи вещи заложенной, по l. 3 § 1 D 47. 20.

3) Къ подлогу въ дигестахъ причисляется еще, по постановленіямъ императоровъ Севера и Антонина, тотъ случай, когда попечители или опекуны, прекративъ свои обязанности, но не сдавъ еще отчета въ исполненіи ихъ, войдутъ въ договорное отношеніе съ казной [4]). Постановленіе это имѣетъ въ виду огражденіе интересовъ фиска отъ возможныхъ на нихъ посягательствъ. Въ виду важности ихъ требовалось поставить ихъ подъ особенную защиту—и по нѣкоторому соотношенію съ подлогомъ, императоры распространили на приведенный случай постановленія l. Cornelia.

§ 14. По разсмотрѣніи содержанія lex Cornelia и дополненій къ нему надлежитъ сказать нѣсколько словъ по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ, въ особенности относительно общаго состава преступленія falsum, насколько можно говорить о немъ при томъ разнообразіи содержанія отдѣльныхъ входившихъ въ него преступленій, которое мы только что видѣли.

Субъектомъ преступленія могло быть всякое лицо, которое по общимъ положеніямъ римскаго права признавалось вмѣняемымъ. Только въ одномъ частномъ случаѣ дѣлалось отсюда исключеніе. Чисто-формальное нарушеніе—приписка въ чужомъ завѣщаніи легата въ свою пользу—дѣяніе, вообще

---

[1]) l. 28 D. h. t. говоритъ: si a debitore praelata die pignoris obligatio mentiatur, falsi criminis locus est.

[2]) Qui duobus in solidum eandem rem diversis contractibus vendidit, poena falsi coërcetur, et hoc et Divus Hadrianus constituit l. 21. D. h. t.

[3]) l. 15 Cod. 9, 22. Si creditor colludens cum debitore suo tibi praedium venumdedit, falsum commisit et tibi nihil officit, sed se magis criminis accusatione fecit obnoxium.

[4]) l. 1 § 8 D. h. t.

запрещенное SC. Libonianum, было по эдикту Клавдія отнесено къ crimen falsi; естественно, что только лицо, знакомое съ нормами права, могло избѣжать совершенія этого преступленія. Вотъ почему нѣкоторыя лица, которыя, повидимому, не могли ознакомиться съ законами, не считались субъектами этого преступленія—именно мать завѣщателя и дочь завѣщательницы [1]).

Соучастники въ преступленіи falsum поставлены, по общему принципу римскаго права, наравнѣ съ главными виновниками: въ источникахъ особенно часто рѣчь идетъ о подстрекательствѣ — curaverint, cujusve dolo malo id factum erit—и т. п. [2]); какъ пособники преступленія, могутъ быть разсматриваемы лица, прикладывавшія свою печать къ подложному завѣщанію—подставные свидѣтели. Наконецъ, прикосновенность къ преступленію—именно невоспрепятствованіе его совершенію (non prohibuit) [3]), поставлено на одномъ уровнѣ съ самымъ совершеніемъ преступленія, но только относительно поддѣлки монетъ.

Что касается внутренней стороны состава преступленія, то здѣсь надо имѣть въ виду, что многія изъ преступленій, отнесенныхъ къ категоріи crimen falsi, представляютъ изъ себя дѣянія, чисто формальныя; наступитъ-ли то послѣдствіе, ради котораго данное дѣяніе запрещено, или нѣтъ, законодателя не интересовало; для состава преступленія необходимо было только, чтобы извѣстное формальное предписаніе закона было нарушено. Относительно такихъ дѣяній наличности умысла не требовалось, но за то въ другихъ случаяхъ выставляется прямо требованіе наличности его—sciens dolo malo [4]). Надо полагать однако, что это требованіе вошло въ составъ преступленія постепенно, и первоначально умыселъ, должно быть, презумировался [5]); это видно изъ того, съ одной стороны,

---

[1]) l. 15 § 4 и 5 D. 48, 10.

[2]) l. 2. D. h. t.; l. 20 ib.

[3]) l. 9 § 1 D. h. t.

[4]) Напр. l. pr. l. 9 § 2, § 3 l. 2, l. 32 D. 48, 10.

[5]) Таково мнѣніе Шультинга l. c. p. 513. пр. 4.

что въ первоначальномъ текстѣ закона Суллы, приводимомъ у Павла въ Sent. Rec. lib. IV tit. 7, не упоминается dolo malo, между тѣмъ какъ въ lib. V tit. 25 и въ соотвѣтственномъ мѣстѣ дигестъ уже мы находимъ это выраженіе. Съ другой стороны мы встрѣчаемъ въ дигестахъ указаніе на то, что только при Маркѣ Антоніи стали принимать во вниманіе заблужденіе виновнаго и оправдывать его на этомъ основаніи [1]. Очень можетъ быть, что Маркъ Антоній сказалъ въ этомъ отношеніи послѣднее слово, но это гуманное распоряженіе—какъ его называетъ юристъ Калистратъ—сдѣлано было раньше. Такъ, по крайней мѣрѣ, Светоній въ жизнеописаніи Августа указываетъ на постановленіе этого императора, на основаніи котораго преступленіе должно было прощаться тому, кто вслѣдствіи обмана или ошибки участвовалъ въ составленіи подложнаго завѣщанія [2]. Но требованіе наличности умысла при подлогѣ въ качествѣ общаго правила выставляется уже вполнѣ опредѣленно въ кодексѣ: quum non nisi dolo malo falsum committentes crimini subjugentur [3], и у Павла относительно пользованія подложнымъ: qui falsum nesciens allegavit, falsi poena non tenetur [4].

Иногда требовался спеціальный умыселъ, безъ наличности котораго дѣяніе переставало быть преступнымъ. Такъ, принятіе ложнаго имени и званія должно было происходить во вредъ другимъ—in fraudem alterius — иначе дѣяніе считалось непреступнымъ. Подъ этой fraus однако нельзя понимать только имущественный вредъ, такъ какъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ у Павла говорится о намѣреніи путемъ этого преступленія вообще устранить кого-либо [5].

---

1) l. 31 D. h. t.

2) Suet. Octavianus, cap. 37. Et cum de falso testamento ageretur omnesque signatores lege Cornelia tenerentur, non tantum duas tabellas, damnatoriam et absolutoriam, simul cognoscentibus dedit, sed tertiam quoque, qua ignosceretur iis, quos fraude ad signandum vel errore inductos constitisset.

3) l. 20 Cod. 9, 22.

4) Paul. Sent. Rec. 1. 12, 3.

5) Paul. Sent. Rec. V. 25, 12.

Со стороны внѣшней для состава crimen falsi не требовалось вовсе наступленія извѣстнаго матеріальнаго вреда, и тѣмъ менѣе вреда имущественнаго; никакихъ послѣдствій отъ совершенія дѣянія, запрещеннаго въ законѣ, тоже не требовалось; такимъ образомъ въ случаѣ составленія подложнаго документа однимъ этимъ уже былъ выполненъ составъ преступленія, [1]), употребленіе же подложныхъ документовъ только иногда, какъ самостоятельное преступленіе, облагалось наказаніемъ по lex Cornelia. То обстоятельство, что для состава преступленія не требовалось наступленіе послѣдствій проливаетъ свѣтъ на самую природу преступленія, которое никоимъ образомъ не есть преступленіе имущественное и въ этомъ его отличіе отъ stellionatus [2]), которое для своего состава требуетъ непремѣнно наступленія имущественнаго ущерба. Конечно, только что выставленное положеніе не примѣнимо однако въ тѣхъ случаяхъ подлога, которые собственно представляютъ изъ себя мошенничество и которые являются исключеніемъ изъ общаго правила.

§ 15. Что касается наказуемости crimen falsi и процессуальныхъ особенностей въ дѣлахъ о подлогахъ, то, въ этомъ отношеніи можно замѣтить слѣдующее.

Первоначальнымъ наказаніемъ, положеннымъ за crimen falsi по lex Cornelia, было aquae et ignis interdictio, какъ на это вполнѣ категорически ссылается l. 32 D. 48, 1, но, мало по малу оно вышло изъ употребленія, и уже по дигестамъ обычнымъ наказаніемъ считается ссылка — deportatio — съ лишеніемъ всего имущества для свободныхъ и смертная казнь для рабовъ [3]). Но кромѣ этого обыкновеннаго вида наказанія имѣли мѣсто въ точно-опредѣленныхъ случаяхъ и другіе: такъ за поддѣлку монетъ смертная казнь

---

[1]) Особенно ясно это выражено въ l. 8. C. 9, 20.

[2]) Ср. также l. 16 § 2, D. h. t., гдѣ говорится о похищеніи документа ut verum non appareat, дѣяніе это относится къ crimen falsi; при наличности же корыстнаго момента оно становится только кражей.

[3]) l. 1 § 13 D. 48, 18.

назначается и для свободныхъ: они отдаются на растерзаніе звѣрямъ [1]). Въ другихъ случаяхъ наказаніе назначается не столь опредѣленно: pro admissi qualitate gravissime puniendus est [2]), говорится про того, кто присвоитъ себѣ непринадлежащее званіе; convicti pro modo delicti aut relegantur aut capite puniuntur [3]), говорится о наказаніи за одинъ изъ видовъ интригъ на судѣ. Иногда въ дигестахъ опредѣляется смягченное наказаніе: временная ссылка безъ потери всего имущества—ad tempus relegatio за продажу одной и той-же вещи по разнымъ договорамъ и за подкупъ судьи [4]), исключеніе изъ сословія декуріоновъ на 10 лѣтъ за пользованіе адвокатомъ на судѣ фальшивымъ документомъ и exilium temporarium за то же преступленіе для лицъ, не принадлежащихъ къ сословію декуріоновъ [5]).

Относительно процессуальныхъ особенностей можно замѣтить, что преслѣдованіе crimen falsi допускало иногда нѣкоторыя отступленія отъ общихъ правилъ. Такъ на основаніи постановленія императоровъ Марка и Коммода предоставлялось право возбужденія преслѣдованія рабу въ случаѣ сокрытія завѣщанія, въ которомъ господиномъ дана была ему свобода [6]). Еще шире поставлено было это право возбужденія преслѣдованія въ случаѣ подделки монетъ [7]).

§ 16. Если мы, разсмотрѣвъ постановленія римскаго права о crimen falsi, постараемся дать общую характеристику его, то увидимъ, что это преступленіе не представляло изъ себя точно очерченнаго понятія; содержаніе его было напротивъ крайне неопредѣленно и широко. Мы видѣли, какія

---

1) l. 8 D. h. t.; впослѣдствіи C. 9. tit. 24 de falsa moneta болѣе подробно опредѣлилъ наказанія за это преступленіе и связанныя съ ними послѣдствія.

2) l. 27 § 2 D. h. t.

3) Paul. V, 25 § 13.

4) l. 21 D. h. t.

5) l. 13 § 1 D. h. t. см. также l. 21 C. 9, 22.

6) l. 7 D. h. t.

7) Подробности о способахъ возбужденія преслѣдованія за подлогъ, о производствѣ экспертизы и т. п. излагаются въ Novell. 73.

разнообразныя дѣянія объединялись подъ общимъ именемъ falsum—сюда относились и подлогъ документовъ, и подкупъ свидѣтелей и судей, и лжесвидѣтельство, и цѣлый рядъ другихъ преступныхъ дѣяній, повидимому, не имѣющихъ между собой точекъ соприкосновенія. Мы видѣли вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ постепенно развивалось понятіе crimen falsi въ римскомъ правѣ, прежде чѣмъ оно окончательно сложилось въ томъ видѣ, который мы находимъ въ дигестахъ. Совершенно вѣрно замѣчаетъ по этому поводу Марецоль, говоря, что характеръ falsum въ римскомъ правѣ есть только чисто-историческій и поэтому заключаетъ въ себѣ кое-что случайное [1]). Очертить его однимъ общимъ названіемъ, напр. искаженіемъ истины, было бы совершенно невѣрно, если обратить вниманіе на такія преступленія, какъ открытіе завѣщанія при жизни завѣщателя, гдѣ этого момента вовсе нѣтъ.

Римляне сами не заботились объ общемъ опредѣленіи всѣхъ случаевъ, отнесенныхъ къ категоріи falsum. Если мы и находимъ у нихъ опредѣленія falsum, то они говорятъ или слишкомъ много, или слишкомъ мало. Falsum est quidquid in veritate non est, sed pro vero asseveratur, говоритъ Павелъ [2]), давая этому понятію опредѣленіе не юридическое, а бытовое и какъ бы желая выразить то, что впослѣдствіи сказалъ Isidorus—falsitas appelata est a fando aliud quam verum est [3]). То же находимъ мы и въ словахъ Юстиніана falsum nihil aliud est, nisi imitatio veri [4]).

Давая такія широкія опредѣленія понятію falsum, римляне хотѣли только объяснить, что обозначаетъ это слово, но вовсе не пытались создать юридическое опредѣленіе самаго преступленія. Какъ таковое, оно обнимало бы иначе и простую словесную ложь, которая во всякомъ случаѣ не входила въ составъ crimen falsi, и само римское право выдѣляло напр.

---

[1]) Marezoll. Das gemeine deutsche Criminalrecht. 1856 p. 548.
[2]) P. S. R. V, 25 § 3.
[3]) Rudorff l. c. II, 387.
[4]) Novell. 73.

симуляцію при заключеніи договоровъ изъ понятія falsum [1]). Однако если только что указанныя опредѣленія черезчуръ широки, не давая надлежащаго представленія о crimen falsi, то съ другой стороны въ источникахъ мы находимъ и иное опредѣленіе черезчуръ узкое, какъ не объемлющее всѣхъ случаевъ crimen falsi — это слѣдующее опредѣленіе: quid sit falsum quaeritur; et videtur id esse, si quis alienum chirographum imitetur aut libellum vel rationes describat *non qui alias* in computatione vel in ratione mentiuntur [2]). Оно дано Павломъ, очевидно, по частному отдѣльному случаю съ тѣмъ, чтобы указать, какъ отличить falsum въ нѣкоторыхъ частныхъ документахъ отъ дѣяній не преступныхъ; изъ него слѣдуетъ напр., что если кто-нибудь иначе, чѣмъ указано, ошибется въ счетахъ, онъ не отвѣчаетъ за crimen falsi.

Итакъ мы видимъ, что опредѣленія falsum, которыя мы находимъ у римскихъ юристовъ, вовсе не пригодны для насъ; они вполнѣ оправдали юридическую поговорку: omnis definitio in jure periculosa est; но опредѣленія эти сыграли историческую роль, и многіе юристы конца среднихъ и начала новыхъ вѣковъ повторяютъ ихъ, въ особенности часто цитируя первое изъ приведенныхъ опредѣленій Павла.

Вообще же дать одно общее опредѣленіе для случаевъ подлога трудно потому, что римское право, какъ вѣрно замѣчаетъ Ленцъ [3]), знало въ дѣйствительности множество falsa и quasi falsa, но не знало одно falsum; оно знало отдѣльные виды преступленій, носившіе общее названіе crimen falsi, но содержаніе этого понятія не было однородно.

Что же побуждало однако римскихъ юристовъ къ объединенію, хотя бы и внѣшнему подъ общимъ именемъ falsum тѣхъ многочисленныхъ отдѣльныхъ дѣяній, о которыхъ рѣчь была выше и которыя имѣли мало общаго между собой?

Въ этомъ отношеніи можно указать два соображенія.

---

[1]) l. 3. D. de fide instrum. 22, 4.

[2]) l. 23 D. 48, 10.

[3]) Lenz. Die Fälschungsverbrechen in dogmatischer und rechtsvergleichender Darstellung. 1897 p. 1.

Прежде всего необходимо пояснить совершенно особый характеръ преступленій по римскому праву въ сравненіи съ современнымъ представленіемъ о нихъ. Какъ справедливо говоритъ проф. Фойницкій, „римскому праву были извѣстны не отдѣльныя преступленія, а отдѣльные иски противъ группъ преступленій, содержимое которыхъ могло быть далеко не однообразно... Обстоятельства совершенно безразличныя съ точки зрѣнія внутренней природы дѣйствія, каковы напр. желаніе поставить данный институтъ подъ охрану болѣе строгаго наказанія, побуждали законодателя или создавать для опредѣленнаго преступленія новый законъ и новый судъ, или выдѣлять нѣкоторые виды его изъ компетентности одного суда, передавая ихъ другому, вмѣстѣ съ чѣмъ измѣнялось и названіе иска. А измѣненіе процессуальное имѣло своимъ послѣдствіемъ и матеріальное измѣненіе, такъ какъ выдѣленный видъ втѣснялся въ рамки новаго закона“ [1]).

Lex Cornelia testamentaria, желавшій дать особую защиту духовнымъ завѣщаніямъ и установившій наказуемость разныхъ посягательствъ противъ нихъ, былъ данъ для примѣненія постоянному судилищу — quaestio perpetua, установленному спеціально для разбора дѣлъ о подобныхъ посягательствахъ.

Впослѣдствіи, когда стали возникать новыя посягательства, болѣе или менѣе подходившія по тѣмъ или другимъ внѣшнимъ своимъ признакамъ къ тѣмъ, судъ надъ которыми былъ предоставленъ упомянутой quaestio perpetua, они начали предоставляться компетенціи послѣдней. Такимъ образомъ подъ именемъ falsa стали разумѣться всѣ тѣ дѣянія, которыя были отнесены къ вѣдомству quaestio perpetua; этотъ чисто внѣшній признакъ объединялъ всѣ разнообразные случаи сюда отнесенные. Такимъ образомъ получилось не матеріально-правовое, а процессуальное значеніе термина falsum. Единство отдѣльныхъ случаевъ, сюда отнесенныхъ, есть единство процессуальное [2]). Это соображеніе однако справедливо только въ

[1]) Фойницкій, в. с. стр. 96.

[2]) Подкрѣпленіемъ этого предположенія можетъ служить слѣдующее замѣчаніе авторитетнаго знатока римской исторіи Мом-

отношеніи къ той эпохѣ, когда существовали quaestiones perpetuae; какъ извѣстно, въ императорскую эпоху онѣ постепенно теряютъ свой прежній характеръ и мало по малу исчезаютъ. Поэтому для полнаго и всесторонняго объясненія даннаго вопроса необходимо имѣть въ виду еще другое соображеніе.

Въ римскомъ правѣ весьма часто встрѣчаются указанія на то, что такое-то дѣяніе наказывается, какъ извѣстное другое; изъ этого однако еще не слѣдуетъ, чтобы оба они первоначально считались одинаковыми, но благодаря аналогичности наказанія они мало по малу начинаютъ приравниваться другъ другу и съ теченіемъ времени обниматься общимъ именемъ. Источники часто указываютъ на то, что извѣстное дѣяніе наказывается, какъ crimen falsi. Первоначально это и имѣетъ только такое значеніе, но затѣмъ благодаря постепеннымъ обобщеніямъ постановленіе это начинаютъ понимать въ томъ смыслѣ, что и данное другое дѣяніе есть тоже falsum (иногда оно только въ отличіе отъ него получаетъ названіе quasi-falsum). Какъ замѣчаетъ Миттермайеръ [1]), надо имѣть въ виду, „что часто только впослѣдствіи объявлялось, что въ извѣстныхъ отдѣльныхъ случаяхъ допускается примѣненіе наказанія за подлогъ (poena falsi), но этимъ еще не должно было быть сказано, что это дѣяніе есть настоящее falsum“. Тоже самое говоритъ Прейшенъ [2]), приводя подобное же явленіе изъ области другого закона Суллы lex Cornelia de sicariis et veneficiis, гдѣ на ряду съ убійствомъ фигурируетъ и поджогъ, но изъ этого еще нельзя выводить, что поджогъ по римскому праву разсматривался, какъ видъ убійства [3]).

мзена въ только что вышедшемъ его сочиненіи Römisches Strafrecht (p. 667): „aus den in dem Gesetze und seinen Erweiterungen zusammengestellten Einzelfällen einen einheitlichen Begriff zu entwickeln scheint nicht möglich, und es ist die „Fälschung“ des römischen Rechts nur eine prozessualische Einheit“.

[1]) Anmerkungen zum Feuerbach's Lehrbuch. l. c. p. 649.

[2]) Preuschen. Beiträge zur Lehre von dem strafbaren Betruge und der Fälschung 1837. p. 63.

[3]) l. 1 D. 48, 8—lege Cornelia de sicariis et veneficiis tenetur, qui hominem occiderit cujusve dolo malo incendium factum erit.

Итакъ, принимая во вниманіе только что приведенныя соображенія, мы поймемъ, какимъ образомъ составилось то широкое понятіе falsum, которое мы встрѣчаемъ въ источникахъ.

§ 17. Если изъ всей массы разнородныхъ случаевъ crimen falsi мы выдѣлимъ одну большую группу болѣе или менѣе однородныхъ дѣяній и постараемся поискать кое-что общее въ ней, то мы удивимъ, что это общее найти все-таки возможно относительно, такъ сказать, главнаго ядра falsum; всѣ остальные случаи — сравнительно немногочисленные — будутъ представляться нѣкоторымъ отклоненіемъ и исключеніемъ изъ общаго правила.

Общій принципъ, лежащій въ основаніи этой группы тотъ, что ее составляютъ тѣ дѣянія, которыя являются посягательствомъ на опредѣленныя установленія правовой жизни, охраняемыя въ общественныхъ, а не частныхъ интересахъ.

Сущность falsum, по словамъ Эшера [1]), въ томъ, что оно понималось, какъ публичное преступленіе противъ тѣхъ институтовъ, посредствомъ которыхъ должны быть регулируемы политическія права гражданъ и охраняема общая правообезпеченность (Rechtssicherheit); признакъ матеріальной поддѣлки имѣлъ здѣсь только второстепенное значеніе, вслѣдствіе чего римляне и относили къ falsum сокрытіе документовъ и выдачу ввѣренныхъ документовъ и т. п. [2]). И дѣйствительно, для всѣхъ случаевъ, кромѣ отнесенныхъ нами выше въ послѣднюю группу [3]), этотъ принципъ проводится послѣдовательно. Здѣсь мы находимъ посягательства на неприкосновенность документовъ, денежныхъ знаковъ, мѣръ и вѣсовъ, на правильное отправленіе правосудія, на неприкос-

---

[1]) Escher, l. c. p. 347.

[2]) Тоже самое говоритъ Марецоль l. c. (p. 542), замѣчая, что здѣсь имѣлась въ виду защита опредѣленныхъ правовыхъ институтовъ, которые построены на опредѣленной публичной имовѣрности (Glaubwürdigkeit), гарантированной государствомъ.

[3]) См. стр. 52.

новенность правъ состоянія и т. п.—вездѣ здѣсь на первомъ планѣ интересы публичнаго характера.

Итакъ большинство случаевъ, отнесенныхъ къ crimen falsi, представляетъ то общее между собой, что они являются съ характеромъ посягательства противъ общественнаго интереса, и такимъ интересомъ представляется право общества на неприкосновенность извѣстныхъ правовыхъ институтовъ и среди нихъ института удостовѣренія извѣстныхъ моментовъ юридическихъ отношеній.

Любопытно при этомъ замѣтить, что преступленія съ характеромъ посягательствъ не на публичный интересъ, а на частный, хотя бы и совершенныя посредствомъ поддѣлки, измѣненія внѣшняго вида извѣстнаго предмета, не относятся къ crimen falsi. Поддѣлка только тѣхъ предметовъ, которые охраняются въ интересахъ публичныхъ, составляетъ crimen falsi. Поэтому, напр. поддѣлка съѣстныхъ припасовъ и товаровъ была выдѣлена отсюда. Одинъ фактъ такой поддѣлки влекъ за собой отвѣтственность, какъ за порчу вещи, по lex Aquilia [1]); если же отъ этого происходилъ какой нибудь имущественный ущербъ въ отношеніи третьихъ лицъ, то наступала отвѣтственность за мошенничество — stellionatus, такъ какъ для состава этого преступленія необходима была наличность извѣстнаго вреда [2]). Товары не охранялись сами по себѣ въ интересахъ общественныхъ, поэтому и посягательство на нихъ разсматривалось съ точки зрѣнія нарушенія интересовъ частныхъ лицъ, а не всего общества.

Однако, какъ выше говорилось, кромѣ только что указанныхъ преступленій, въ которыхъ съ большой наглядностью выступаетъ характеръ crimen falsi, какъ посягательства на общественные правовые институты, есть еще группа дѣяній, тоже отнесенная къ этой категоріи преступленій, но гдѣ характеръ посягательства совершенно иной. Это тѣ случаи,

---

[1]) l. 13 I. de l. Aquilia, 4, 3.—si quis in alienum vinum aut oleum id immiserit, quo naturalis bonitas vini vel olei corrumperetur, ex hac parte legis eum teneri.

[2]) l. 3 § 1 D. 47, 20.

которые представляютъ изъ себя мошенничество, а не подлогъ. Какъ извѣстно, римское понятіе мошенничества, stellionatus [1]), есть продуктъ творчества обычнаго права, а не законодательной дѣятельности; это былъ чисто имущественный проступокъ, представлявшій изъ себя crimen extraordinarium. Отчего же нѣкоторые случаи его отнесены къ crimen falsum и какое вообще соотношеніе между этими двумя преступленіями? Вопросъ этотъ издавна привлекалъ къ себѣ вниманіе юристовъ и возбуждался главнымъ образомъ по тому поводу, что одно и то же преступное дѣяніе—двойная продажа одной и той же вещи, отнесено и къ falsum (l. 21 D. 48, 10) и къ stellionatus (l. 3 § 1 D. 47, 20).

Для разрѣшенія этого противорѣчія придумывались разныя гипотезы.

Такъ, Куяцій [2]) различіе между обоими преступленіями видѣлъ въ томъ, что при стелліонатѣ имѣется въ виду коварное (callide) сокрытіе прежняго обязательства, а при подлогѣ—открытое заявленіе о томъ, что вещь не продана или не заложена; такимъ образомъ различіе, по его мнѣнію, въ томъ, что стелліонатъ совершается посредствомъ коварнаго сокрытія, умолчанія, а подлогъ посредствомъ лжи. Но, какъ замѣтилъ совершенно вѣрно еще Маттей [3]), между ложью и коварнымъ умолчаніемъ (callida reticencia) нѣтъ разницы, да и въ тѣхъ случаяхъ, которые дигестами отнесены прямо къ falsum, возможно совершеніе преступленія и посредствомъ активной лжи и посредствомъ умолчанія истины. По мнѣнію Маттея, можно категорически указать только на то, что продажа двумъ лицамъ одной и той же вещи отнесена къ falsum, но это не относится къ закладу вещи; въ конституціи Адріана именно категорически былъ отнесенъ къ falsum только первый случай; о другихъ случаяхъ она умалчивала, вслѣдствіе чего юристы считали нужнымъ дать толкованіе

---

[1]) О немъ подробно говорится у проф. Фойницкаго в. с. стр. 91 и слѣд. и у Merkel'я. Die Lehre vom strafbaren Betruge 1867 p. 1 etc.

[2]) Cujacius. Emendationes et observationes. l. 13. c. 21.

[3]) Mattheus. De criminibus ad Dig. l. 47. tit. 13 § 4.

по разуму закона (disputandi rationem sibi sequendam esse); оставлять эти случаи безъ наказанія представлялось имъ нелѣпымъ, преслѣдовать же обыкновеннымъ порядкомъ publico judicio нельзя было, потому что въ императорскомъ постановленіи объ этомъ не было рѣчи, поэтому они и сочли нужнымъ дать экстраординарное преслѣдованіе за стелліонатъ (extraordinariam stellionatus accusationem). Другіе, напр. Leyser [1]), а за нимъ и Koch [2]), утверждали, что уже съ древнихъ поръ stellionatus обнимало у римлянъ всякое falsum, которое не входило въ lex Cornelia, обнимавшій только поддѣлку завѣщаній; затѣмъ мало по малу изъ stellionatus начинаютъ выдѣляться другіе случаи въ lex Corn., пока не исчезло совсѣмъ самое понятіе stellionatus. Юстиніанъ же сдѣлалъ неумѣлое заимствованіе изъ тѣхъ сочиненій юристовъ, гдѣ рѣчь идетъ о stellionatus, когда онъ еще существовалъ самостоятельно, благодаря чему и возникло данное противорѣчіе. Нельзя не замѣтить, что эта гипотеза не выдерживаетъ критики, такъ какъ она совершенно противорѣчитъ исторіи возникновенія stellionatus и развитія crimen falsi. Stellionatus въ дѣйствительности возникаетъ значительно позднѣе falsum — тогда, когда это понятіе уже вполнѣ сложилось. Далѣе, Квисторпъ [3]) полагаетъ, что stellionatus обнималъ поддѣлку, которая въ законахъ особенно не указана или которая происходитъ при договорѣ, а lex Cornelia имѣлъ въ виду подлогъ завѣщаній. Но это заключеніе невѣрно, такъ какъ подлогъ въ договорахъ отнесенъ былъ тоже къ crimen falsi.

Наконецъ, Кукумусъ [4]) прямо рѣшаетъ, что то обстоятельство, что одно преступленіе одинъ разъ отнесено къ falsum, другой къ stellionatus, показываетъ только недосмотръ ком-

---

[1]) Leyser. Meditationes ad Pandectas vol. IX sp. 557.
[2]) Koch. Institutiones juris criminalis 1770, § 532.
[3]) Quistorp. Grundsätze des deutschen peinlichen Rechts. 1810 p. 129.
[4]) Cucumus l. c, p. 116.

пиляторовъ дигестовъ. Можетъ быть, въ этомъ предположеніи есть своя доля истины, но кромѣ того можно имѣть въ виду для рѣшенія даннаго вопроса слѣдующее соображеніе. Всѣ разсматриваемые случаи отнесены къ crimen falsi по постановленіямъ императоровъ на томъ основаніи, что иначе, какъ виды stellionatus, они были бы наказуемы произвольно, между тѣмъ дѣянія эти требовали по мнѣнію законодателя особой репрессіи; для этого ничего больше не оставалось, какъ подвести ихъ подъ категорію falsum. Crimina extraordinaria, къ которымъ принадлежатъ stellionatus, какъ не предусмотрѣнныя особымъ lex, подвергались произвольному наказанію, тогда какъ crimina publica облагались опредѣленнымъ, разъ навсегда установленнымъ наказаніемъ [1]). Мошенничество, stellionatus, въ эту эпоху впервые стало преслѣдоваться въ законѣ; его сущность, какъ имущественнаго преступленія, не всѣмъ еще представлялась ясной, а вслѣдствіе наличности момента лжи и обмана въ составѣ и falsum и stellionatus, эти преступленія было легко сблизить между собой.

Въ частности же относительно того случая, что продажа одной вещи по двумъ контрактамъ, отнесена къ falsum, а залогъ къ stellionatus, намъ кажется вполнѣ заслуживающимъ одобренія объясненіе Маттея, которое было приведено выше.

§ 18. Бросая общій взглядъ на постановку вопроса о подлогѣ въ римскомъ правѣ, мы можемъ вывести слѣдующія положенія.

Впервые crimen falsi предусматривается въ lex Cornelia testamentaria. Первоначально этотъ законъ имѣлъ цѣлью оградить духовныя завѣщанія отъ разныхъ посягательствъ;

---

[1]) Что римляне не заботились вообще о строгой классификаціи преступленій, можно видѣть и изъ того, что одинъ изъ видовъ подлога въ документахъ безъ всякаго основанія (единственно по нѣкоторой связи предмета—pignus) отнесенъ къ категоріи stellionatus: de perjurio, si sua pignora esse quis in instrumentis juravit, crimen stellionatus fit; et ideo ad tempus exulet—l. 4. D. 47, 20.

имъ преслѣдовался не только подлогъ завѣщаній, но и другія преступленія противъ нихъ. Съ теченіемъ времени область falsum расширяется: оно распространяется на случаи разныхъ посягательствъ—не только подлога—противъ документовъ, и кромѣ того сюда начинаютъ входить и другія преступленія. Только относительно извѣстной группы ихъ можно установить, что сущность ихъ заключается въ посягательствѣ на неприкосновенность извѣстныхъ правовыхъ институтовъ, и что преступленія эти носили такимъ образомъ характеръ посягательства на интересы общественные, а не частные; остальные же случаи, представляя изъ себя виды мошенничества, отнесены сюда главнымъ образомъ въ силу того, что взаимное соотношеніе stellionatus и falsum еще не было строго опредѣлено.

Такимъ образомъ подлогъ документовъ въ римскомъ правѣ не былъ самостоятельнымъ преступленіемъ, поглощаясь широкимъ понятіемъ crimen falsi.

Въ заключеніе нелишне будетъ указать на то, что римскому праву нечуждо было однако представленіе о самостоятельномъ значеніи подлога документовъ, выдѣленнаго изъ другихъ преступленій, отнесенныхъ къ общему понятію falsum. Именно въ Inst. IV, 18, 7—(de publicis judiciis) говорится: „Item lex Cornelia de falsis, quae etiam testamentaria vocatur, poenam irrogat ei, qui testamentum vel aliud instrumentum falsum scripserit, signaverit, recitaverit, subjecerit, quive signum adulterinum fecerit, sculpserit, expresserit sciens dolo malo“.

Это положеніе, выраженное въ первомъ оффиціальномъ учебникѣ римскаго права—Институціяхъ, давало поводъ къ весьма важнымъ и плодотворнымъ выводамъ относительно сущности подлога документовъ, но для римлянъ оно осталось мертвой буквой; даже впослѣдствіи итальянскіе и германскіе юристы, обратившіеся къ изученію источниковъ римскаго права, не замѣтили этого мѣста институцій, которое много могло бы способствовать правильной постановкѣ ученія о подлогѣ, и излагали ученіе о немъ по дигестамъ, гдѣ это преступленіе имѣло весьма широкій объемъ и гдѣ конструкція его за-

ключала въ себѣ специфическія черты въ силу того особаго историческаго пути, какимъ она образовалась въ римскомъ правѣ.

ГЛАВА II.

Каноническое право.

§ 1. Объемъ crimen falsi по каноническому праву.—§ 2. Общій составъ подлога документовъ.—§ 3. Другія дѣянія, обнимавшіяся понятіемъ crimen falsi.—§ 4. Общіе выводы.

§ 1. Если каноническое право считало возможнымъ облагать наказаніемъ всякую словесную ложь [1]), то, казалось бы, ученіе о подлогѣ должно было въ немъ принять крайне широкое выраженіе и расплыться еще болѣе, чѣмъ это мы видѣли въ римскомъ правѣ. Однако на самомъ дѣлѣ здѣсь рисуется совершенно иная картина: хотя ложь (mendacium) и предусматривается въ каноническомъ правѣ, какъ особое преступленіе, подлогъ тѣмъ не менѣе получаетъ въ немъ вполнѣ очерченный и законченный видъ съ объемомъ несомнѣнно болѣе узкимъ, чѣмъ въ римскомъ правѣ.

Общее ученіе о подлогѣ, конечно, трудно найти въ каноническомъ правѣ, какъ трудно найти его и въ римскомъ, но

[1]) Freund. Lug und Trug vom Standpunkte des Strafrechts und der Geschichte. 1863 p. 212. Авторъ указываетъ между прочимъ въ этомъ сочиненіи на постановленія покаянныхъ книгъ (Beichtbücher) относительно наказуемости лжи; наказанія за ложь заключались въ въ покаяніи, наложеніи молчанія, пѣніи псалмовъ, особомъ постѣ и тому подобныхъ пенитенціяхъ. Ср. также c. 7. C. 5 qu. 6: si quis falsum dixerit vel personam innocentis falso crimine maculaverit juxta sacerdotis arbitrium diuturna poenitentia expurgetur.

ограниченіе подлога—crimen falsi—только случаями поддѣлки документовъ и денежныхъ знаковъ, къ чему присоединяется отчасти еще лжесвидѣтельство [1]), указываетъ на большую способность къ обобщенію, замѣчаемую въ каноническомъ правѣ по сравненію съ римскимъ, благодаря которой выясняется истинный характеръ преступленія подлога, какъ посягательства на неприкосновенность формъ удостовѣренія жизненныхъ моментовъ юридическаго отношенія. И въ этомъ отношеніи каноническое право стоитъ выше римскаго, не зная почти вовсе случаевъ, приравниваемыхъ подлогу (quasi-falsum), затормазившихъ надолго правильное развитіе ученія о подлогѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ стоитъ оно выше германскаго права среднихъ и начала новыхъ вѣковъ, смѣшавшаго подлогъ съ мошенничествомъ, послѣдствія чего сказываются еще иногда и въ современныхъ теоріяхъ о подлогѣ.

Хотя, какъ только что было сказано, подлогъ по каноническому праву вовсе не представляетъ того широкаго объема, который мы видѣли въ римскомъ правѣ, тѣмъ не менѣе изслѣдователи уголовнаго каноническаго права (München, Katz) [2]) считаютъ объемъ этого преступленія и здѣсь очень широкимъ, относя сюда кромѣ указанныхъ выше случаевъ и ложное обвиненіе, и подкупъ судьи, и подмѣнъ дѣтей, и публичное оклеветаніе, и лжеприсягу, и присвоеніе непринадлежащаго званія и перемѣщеніе граничныхъ знаковъ и т. д. Однако каноническое право нигдѣ прямо не говоритъ, что всѣ эти случаи составляютъ тоже виды подлога. München имѣетъ въ виду главнымъ образомъ общее понятіе falsum по римскому праву, которое онъ собственно и разсматриваетъ въ своей книгѣ, прибавляя кое-какія дополненія изъ области каноническаго права, а Katz исходитъ изъ понятія подлога, какъ

---

[1]) Какъ увидимъ ниже, лжесвидѣтельство какъ-бы случайно присоединено къ другимъ случаямъ подлога и носитъ исключительный характеръ.

[2]) München. Das kanonische Gerichtsverfahren und Strafrecht, 1866. Bd. II p. 531—560. Katz. Ein Grundriss des kanonischen Strafrechts. 1881 p. 144—157.

одного изъ посягательствъ противъ общественнаго довѣрія, и приводитъ виды посягательствъ этого рода изъ каноническаго права, забывая, что эти случаи имѣли тамъ иную юридическую конструкцію. Вслѣдствіе этого у обоихъ названныхъ писателей понятіе подлога принимаетъ слишкомъ широкій объемъ, не соотвѣтствующій дѣйствительности. Между тѣмъ вопросъ о томъ, что считалось по каноническому праву подлогомъ, рѣшить не трудно.

Corpus juris canonici въ разныхъ составныхъ частяхъ своихъ заключаетъ отдѣлы, содержащіе спеціальныя постановленія о crimen falsi. Это: 1) постановленія о подлогѣ въ V книгѣ декреталій Григорія IX (X de crim. falsi 5, 20), гдѣ рѣчь идетъ о лжесвидѣтельствѣ, о поддѣлкѣ духовными лицами королевской печати и подлогѣ папскихъ документовъ; 2) постановленія изъ сборника декреталій Іоанна XXII (Extrav. Ioan. tit. X), гдѣ говорится о поддѣлкѣ монетъ; 3) постановленія изъ сборника позднѣйшихъ декреталій (Extrav. Commun. lib. V, tit. VI), трактующія объ алхиміи—преступленіи, поставленномъ въ тѣсную связь съ поддѣлкой монетъ. Только эти дѣянія и называются вполнѣ опредѣленно въ источникахъ каноническаго права crimen falsi. Не нужно забывать при этомъ особеннаго значенія каноническаго права: оно не отмѣняло постановленій свѣтскаго законодательства, было ли это римское право, или мѣстное, а только дополняло его главнымъ образомъ тѣмъ, что не было въ немъ предусмотрѣно; такъ относительно подлога оно считало нужнымъ указать на карательныя послѣдствія совершенія подлога лицами духовными, а также предусмотрѣть новый видъ подлога, о которомъ свѣтское законодательство не говорило,—поддѣлку папскихъ документовъ. Въ послѣднемъ отношеніи постановленія каноническаго права представляютъ особенный интересъ и, хотя они и отличаются большой казуистичностью, но тѣмъ не менѣе даютъ возможность установить вполнѣ составъ преступленія подлога. Остальныя же преступныя дѣянія, которыя римскимъ правомъ были отнесены къ категоріи crimen falsi, выдѣлены изъ этой области въ правѣ каноническомъ, и постановленія о

нихъ содержатся въ другихъ мѣстахъ источниковъ, причемъ нигдѣ не говорится, что они причисляются къ подлогу. Такъ каноническое право говоритъ отдѣльно отъ подлога о ложномъ обвиненіи [1]) (въ особомъ отдѣлѣ „de calumniatoribus") о подкупѣ судей [2]), о подмѣнѣ дѣтей [3]), о лжеприсягѣ [4]); даже поддѣлка мѣръ и вѣсовъ не помѣщена имъ въ число falsum, а рѣчь о ней идетъ какъ бы мимоходомъ въ отдѣлѣ о куплѣ-продажѣ [5]).

Общій характеръ подлога, насколько онъ явствуетъ изъ источниковъ каноническаго права, состоитъ въ томъ, что это преступленіе разсматривается, какъ посягательство на общественный интересъ; оно совершенно чуждо имущественнаго характера. Какъ говорятъ сами источники, подлогъ подрываетъ довѣріе къ апостольскому престолу, уменьшаетъ блескъ апостольской чистоты [6]). Непосредственные предметы посягательства—документы и денежные знаки—указываютъ на характеръ этого преступленія, какъ посягательства на извѣстныя установленія правовой жизни, въ неприкосновенности которыхъ заинтересовано все общество.

Какъ было уже выше упомянуто, подъ общимъ именемъ подлога—falsum—въ каноническомъ правѣ объединялись подлогъ документовъ и поддѣлка денежныхъ знаковъ; кромѣ того сюда еще входило отчасти лжесвидѣтельство.

Если при этомъ имѣть въ виду то, что отдѣльныя состав-

---

[1]) X de calumn. 5, 2; также c. 4 et. 8 C. 2 qu. 3 и c. 8 X de accusat. 5, 1.

[2]) c. 71, 78, C. 11 qu. 3; c. 15 C. 14 qu. 5.

[3]) c. 9 X de poenit. et remiss. 5, 38.

[4]) c. 1, 2, 3. C. XII qu. 2.

[5]) c. 2 X de empt. et vendit. 3, 17.

[6]) c. 4. X de crim. falsi 5, 20—per falsae astutiam speciei candorem puritatis apostolicae denignare ac depravare nituntur. Ex cujus falsitatis ingenio quot et quanta mala proveniant, quum per eam et innocentes quandoque damnentur et rei ab objectis criminibus absolvantur nec non et apostolicae sedis laedatur auctoritas, ipsa rei evidens malitia protestatur... quia per eam beatis Apostolis specialim infertur injuria.

ныя части Corpus juris canonici появились не одновременно, такъ что между ними существуетъ извѣстная историческая послѣдовательность, то можно утверждать, что первоначально объемъ falsum по каноническому праву былъ уже и только впослѣдствіи онъ расширился. Первоначально имъ, судя по декреталіямъ Григорія IX, обнимались только подлогъ документовъ и лжесвидѣтельство; впослѣдствіи же сюда присоединяются на основаніи послѣдующихъ папскихъ постановленій поддѣлка монетъ и алхимія. Что обусловило это распространеніе первоначальнаго объема, сказать трудно: быть можетъ, здѣсь сказалось вліяніе свѣтскаго законодательства, придававшее въ эту эпоху подлогу достаточно широкій объемъ.

Сообразно указанному послѣдовательному распространенію понятія подлога, обращаясь къ отдѣльнымъ видамъ его, мы разсмотримъ прежде всего и главнымъ образомъ подлогъ документовъ, а затѣмъ и другія дѣянія, которыя тоже обнимались falsum.

§ 2. Подъ подлогомъ документовъ каноническое право разумѣетъ подлогъ папскихъ документовъ и поддѣлку королевской печати со стороны лицъ духовныхъ. Подлоги папскихъ документовъ случались, очевидно, весьма часто въ эту эпоху, такъ какъ папы въ цѣломъ рядѣ своихъ постановленій постоянно ополчаются противъ лицъ, занимающихся подлогомъ, falsitatis astutiam perniciosius exercentes [1]), и старательно принимаютъ мѣры предупредительнаго характера противъ этого преступленія. Такъ, подъ страхомъ наказанія запрещается принимать папскія грамоты иначе, какъ изъ рукъ самого папы или лицъ, спеціально имъ для этого уполномоченныхъ (bullatores). Исключеніе изъ этого сдѣлано было только для лицъ наиболѣе вліятельныхъ, которыя могли получать грамоты черезъ посредство своихъ надежныхъ пословъ, отправляемыхъ съ этой цѣлью или къ самому папѣ или въ его канцелярію. Далѣе, папскія постановленія содержатъ опредѣленія о томъ, чтобы по возможности повсюду сличались печати подозритель-

---

[1]) c. 4. X de crimine falsi. 5. 20.

ныхъ грамотъ съ настоящими (collatio de falsa bulla cum vera); причемъ указываются отдѣльные признаки, по которымъ можно узнать, что данный документъ—фальшивый (напр., на основаніи выраженій, употребленныхъ въ документѣ и т. п.). Поддѣльные документы должны были быть немедленно приносимы подъ страхомъ наказанія представителямъ мѣстной духовной власти, которые подъ своей печатью пересылали ихъ папѣ [1]).

Относительно ближайшаго состава преступленія можно замѣтить слѣдующее.

Объектомъ подлога документовъ является папскій документъ (litterae, nostrae litterae, apostolicae litterae). Въ эпоху возникновенія постановленій каноническаго права о подлогѣ, еще не проводилось различіе между отдѣльными видами папскихъ грамотъ — буллами и бревіями, такъ что выставляемое Katz'омъ дѣленіе папскихъ документовъ, при разсмотрѣніи вопроса о подлогѣ документовъ, на буллы съ одной

---

[1]) На всѣ эти требованія особенно ясно указываетъ cap. 6. X 5, 20. Здѣсь между прочимъ приводится случай, какъ одинъ епископъ былъ лишенъ сана вслѣдствіе обвиненія въ убійствѣ, но затѣмъ онъ представилъ надлежащимъ властямъ папскую грамоту, на основаніи которой и былъ возстановленъ въ своихъ правахъ. Впослѣдствіи явилось подозрѣніе насчетъ подлинности папской грамоты; она была представлена самому папѣ, который призналъ ее какъ со стороны формы, такъ и со стороны содержанія явно подложной (tam in continentia, quam in dictamine manifeste deprehendimus falsitatem). По этому поводу папа издаетъ постановленіе, въ которомъ между прочимъ выражаетъ свое удивленіе по поводу того, какъ мѣстный епископъ не замѣтилъ подложности грамоты, такъ какъ онъ обязанъ былъ знать, что апостольскій престолъ обращается въ своихъ посланіяхъ къ патріархамъ, архіепископамъ и епископамъ со словами „братія", (fratres), а къ остальнымъ лицамъ—„сыновья" (filii) равно какъ и то, что онъ не обращается къ одному лицу во множественномъ числѣ (vester, vos); въ данномъ же посланіи епископъ былъ названъ „dilectus in Christo filius", тогда какъ всегда онъ называется въ грамотахъ „frater venerabilis". Въ заключеніе папа указываетъ на то, что необходимо болѣе внимательно разсматривать каждый разъ какъ печать, шнурокъ и матеріалъ посланія, такъ и стиль его, чтобы не принять какъ-нибудь подложнаго документа за настоящій.

стороны и остальные папскіе документы съ другой [1]), едва ли можетъ быть принято для данной эпохи. Bulla, о которой говорится въ отдѣлѣ de crimine falsi, еще не имѣетъ значенія спеціальнаго термина для обозначенія особаго вида папскихъ документовъ. Bulla здѣсь—папская печать (собственно первоначально мѣшокъ, въ который помѣщалась самая печать); о ея поддѣлкѣ главнымъ образомъ и идетъ здѣсь рѣчь. Печать эта прикрѣплялась особыми шнурками (шелковыми или пеньковыми) къ самому матеріалу—пергаменту, на которомъ писалось содержаніе документа. Что здѣсь bulla имѣетъ именно такое значеніе, видно изъ такихъ выраженій, которыя мы находимъ въ источникахъ, какъ: litterae bullis signatae или falsa bulla falsis litteris apponatur и т. п. [2]).

Относительно того, въ чемъ заключается подлогъ документовъ, каноническое право даетъ подробныя, детальныя указанія. Но при этомъ на первый планъ оно ставитъ не указаніе на то, въ чемъ состоитъ сущность подлога, а перечисленіе того, какими способами и пріемами онъ совершается. Цѣль подобнаго перечисленія способовъ совершенія подлога заключается въ томъ, чтобы никто, какъ говорится въ источникахъ, не вздумалъ отговариваться невѣдѣніемъ закона [3]). Всѣхъ способовъ совершенія подлоговъ въ источникахъ указывается 7; кромѣ того перечисляются еще два случая, приравниваемые подлогу, но гдѣ нѣтъ въ наличности момента поддѣлки (достойно замѣчанія, что эти два случая приведены отдѣльно послѣ перечисленія предыдущихъ 7 случаевъ, являясь такъ сказать quasi falsa). Но, собственно говоря, всѣ эти случаи можно свести къ слѣдующимъ видамъ: 1) приложеніе фальшивой печати къ фальшивому документу (ut falsa bulla falsis litteris apponatur); 2) приложеніе настоящей печати

---

[1]) Katz, l. c. p. 151.

[2]) Cap. 4 et 5 X de crimine falsi 5, 20.

[3]) c. 6 X ib. ad falsarios confendendam malitiam jam alia vice recolimus apostolicas litteras destinasse, in quibus falsitatis modos, ne quis se possit par ignorantiam excusare, meminimus planius dixtinxisse.

къ фальшивому документу; въ источникахъ указываются слѣдующіе способы совершенія подлога этимъ путемъ: прикрѣпленіе настоящей печати посредствомъ новаго шнурка, если выдернутъ изъ нея предварительно старый (очевидно, что подлинная печать при этомъ была оторвана отъ настоящей грамоты [1])—ut filum de vera bulla extrahatur ex toto et per aliud filum immissum falsis litteris inseratur), или же только отрѣзана одна часть шнурка и замѣнена новой изъ подобнаго же матеріала (ut filum ab ea parte in qua charta plicatur incisum cum vera bulla falsis litteris immittatur, sub eadam plicatura cum filo similis canapis restauratum), или же если оставленъ тотъ же шнурокъ, но прикрѣпленъ къ другой части печати (a superiore parte bullae altera pars fili sub plumbo rescinditur et per idem filum litteris falsis inserta inducitur infra plumbum); 3) измѣненіе содержанія подлиннаго документа безъ поддѣлки печати; это могло совершаться или посредствомъ легкаго подскабливанія документа (litteris bullatis et redditis in eis aliquid per rasuram tenuem immutatur) [2]), или посредствомъ написанія новаго документа на мѣстѣ прежняго, послѣ того какъ былъ смытъ его текстъ (quum scriptura litterarum, quibus fuit apposita vera bulla, cum aqua vel vino universaliter abolita seu deleta, ea charta cum calce et aliis juxta consuetum artificium dealbata de novo rescribitur), или посредствомъ наклейки

---

[1]) Это слѣдуетъ особенно ясно изъ слѣдующаго мѣста с. 5 X ibid. Папа по поводу осмотра одного документа, казавшагося подложнымъ, замѣчаетъ: „Bullam igitur hinc inde diligentius intuentes in superiori parte, quae filo adhaeret, eam aliquantulum tumentem reperimus. Et quum filum ex parte tumenti sine violentia qualibet aliquantulum attrahi fecissemus, bulla in filo altero remanente, filum ex parte illi fuit ab ipsa sine qualibet diffiicultate avulsum, in cujus summitate adhuc etiam incisionis indicium apparebat. Per quod liquido deprehendimus bullam ipsam ex aliis litteris extractam fuisse ac illis per vitium falsitatis insertam“.

[2]) Примѣръ этого приводится cap. 25 X de rescriptis 1, 3, гдѣ говорится—qui diem et locum ex literis (absolutionis) radens in loco rasurae scripsit, quod ipsi ei sequestratos fructus assignari mandabant.

на прежній документъ новаго того же размѣра изъ очень тонкаго матеріала (quum chartae, cui fuerat apposita vera bulla, totaliter abolitae vel abrasae, alia subtilissima charta ejusdem qualitatis scripta cum tenacissimo glutino conjungitur). Что же касается случаевъ, приравниваемыхъ подлогу, то это были: полученіе папскаго документа не изъ рукъ папы или уполномоченнаго имъ лица (bullator) и подкладываніе поддѣльныхъ грамотъ къ настоящимъ, чтобы къ нимъ за одно съ настоящими приложены были подлинныя печати (qui accedentes ad bullam, falsas litteras caute projiciunt, ut de vera bulla cum aliis sigillentur) [1]. Здѣсь не упоминается еще одинъ способъ совершенія подлога, о которомъ говорится въ другомъ мѣстѣ декреталій,—приписка чего-нибудь новаго въ настоящій документъ [2].

Всѣ способы совершенія подлога глоссаторы каноническаго права объединили въ слѣдующемъ стихѣ:

Forma, stilus, filum, membranae, litura, sigillum,
Haec sex falsata dant scripta valere pusillum [3].

---

[1]) Katz. l. c. p. 152 почему-то думаетъ, что здѣсь говорится объ интеллектуальномъ подлогѣ, но это только форма подлога матеріальнаго.

[2]) c. 11 X de excessibus prael. 5, 31—quumque postmodum idem Bocardus super absolutione sua literas eorundem judicum praesentasset, adversa pars eas coepit arguere falsitatis eo quod clausa finalis earum tam in incausti colore quam in litterarum forma a scriptura reliqua discordabat, allegans eundem B. tanquam reum criminis falsitatis ab intentione sua penitus repellendum.

[3]) Katz l. c. p. 151. О томъ, какіе бывали случаи поддѣлки документовъ на практикѣ и какъ умѣли эксперты того времени замѣчать самую тонкую поддѣлку, можетъ дать интересное указаніе c. 6 X de fide instrumentorum 2, 22. Здѣсь разсказывается, что возникъ какъ-то споръ о правѣ собственности на недвижимость между монастыремъ и жителями одного города. Въ пользу принадлежности спорныхъ земель монастырю представлены были имъ письменные документы, но ихъ подложность была заподозрѣна по разнымъ основаніямъ, напр. по тому, что матеріалъ, на которомъ документъ былъ написанъ казался старѣе самыхъ письменъ, (quum charta vetustissima videretur, recentior apparebat scriptura, tanquam

Относительно внутренней стороны преступленія въ источникахъ особыхъ указаній не содержится; очевидно, подразумѣвалась здѣсь сама собой дѣятельность умышленная. Нѣкоторыя сомнѣнія возбуждаетъ только одно мѣсто источниковъ, гдѣ говорится о наказаніяхъ, положенныхъ за подлогъ. Въ этомъ мѣстѣ встрѣчается такое положеніе: ut in istis et in illis (рѣчь идетъ о клирикахъ и міряяахъ) malitia gravius quam negligentia puniatur. Этотъ текстъ послужилъ для нѣкоторыхъ писателей [1]) поводомъ къ выводу заключенія, что подлогъ по каноническому праву могъ быть совершенъ не только умышленно, но и неосторожно (negligentia). Но, какъ вѣрно замѣтилъ еще Генке [2]), здѣсь вовсе не имѣлся въ виду неосторожный подлогъ, который вообще немыслимъ, а тутъ только находится санкція постановленія о томъ, чтобы всякій, кто пользуется документами, предварительно изслѣдовалъ ихъ подлинность, — въ противномъ случаѣ, хотя бы онъ и ссылался на то, что получилъ документъ отъ другого лица, онъ подвергался заслуженному наказанію, причемъ именно и должно было принимать здѣсь въ расчетъ, совер-

---

non illo tempore facta fuisset), по тому, что къ документу была приложена печать такого рода, что не оставалось сомнѣнія, что это передѣланная императорская печать, а не подлинная епископская, тогда какъ документъ былъ выданъ епископомъ (falsum sigillum vitiose videbat appositum ei, quod a media parte sigilli apparebat quaedam imago non cum mitra in capite, sed cum pileo, nec induta pontificalibus, sed regalibus indumentis tenens in manu non baculum pastoralem, sed quasi sceptrum regale); далѣе, тогда какъ имя епископа было Luitardus, оставшіеся на печати буквы и промежутки между ними были таковы, что выходило скорѣе имя Lotharius, чѣмъ Luitardus. Словомъ, всѣ признаки были на лицо, что этотъ документъ былъ подложный—per vitiosam videlicet appositionem sigilli.

[1]) Напр. Klien. Beiträge zur richtigern Bestimmung und naturgemässern Entwickelung der Theorie über das Verbrechen des Betrugs und der Fälschung. N. A. Cr. R. I p. 253.

[2]) Henke. Handbuch des Criminalrechts und der Criminalpolitik 1830 Th. III p. 35.

шилъ ли онъ это дѣяніе умышленно (malitia) или по небрежности (negligentia) [1]).

Съ внѣшней стороны для состава преступленія не требовалось вовсе пользованія поддѣльнымъ документомъ; для выполненія его достаточенъ былъ одинъ фактъ поддѣлки или передѣлки папской грамоты [2]), пользованіе же подложными папскими документами наказывалось самостоятельно, и, какъ выше было упомянуто, при немъ не требовалось непремѣнно наличности умысла въ томъ смыслѣ, что если кто-нибудь воспользовался документомъ, въ подлинности котораго онъ по своей небрежности раньше не удостовѣрился, и документъ этотъ потомъ оказался подложнымъ, то онъ подвергался наказанію. Но если это дѣяніе было совершено умышленно, т. е. если на лицо было пользованіе завѣдомо фальшивымъ документомъ, виновный подвергался усиленному наказанію [3]). Однако если кто-нибудь получилъ отъ другого лица подложный документъ, не зная о таковомъ его качествѣ, а затѣмъ, узнавъ объ этомъ, не воспользовался имъ, то онъ

---

[1]) Самое мѣсто источниковъ cap. 7 X de crimen falsi 5, 20, гдѣ объ этомъ говорится, надо ставить въ связь съ другимъ изъ той же главы: de communi fratrum nostrorum consilio duximus statuendum, ut qui litteris nostris uti voluerint, eas primo diligenter examinent, quoniam si falsis litteris se usos dixerint ignorantes, eorum sera poenitentia evitare nequibit poenas inferius annotatas.

[2]) Katz l. c. p. 125 полагаетъ однако, что наличность употребленія документа требуется только при папскихъ указахъ объ аппеляціи (rescripta ad lites), причемъ въ доказательство этого онъ ссылается на cap. 8 X ib., но здѣсь идетъ рѣчь только о томъ случаѣ, когда извѣстное лицо, получившее подобный документъ, не употребило его, узнавъ о его подложности.

[3]) c. 11 X de excess. prael. 5, 31—quum praedictus B. scienter usus fuerit literis sic falsatis, debebat merito tanquam falsarius omnino repelli. Пользованіе фальшивыми документами нерѣдко соединялось, какъ видно изъ источниковъ, съ сокрытіемъ настоящихъ папскихъ документовъ (veras a nobis impetratas literas occultantes, falsis uti literis non verentur—c. 6 X de cr. fals. 5, 20).

наказанію не подвергался [1]), и только въ томъ случаѣ облагался наказаніемъ даже одинъ фактъ обладанія фальшивыми документами, если въ данномъ приходѣ было раньше объявлено, чтобы всѣ подложные документы, которые кто-нибудь имѣетъ, зная о ихъ подложности были уничтожены въ теченіи 20 дней [2]).

Что касается наказанія, опредѣленнаго за подлогъ документовъ, то въ этомъ отношеніи мы находимъ слѣдующее.

Каноническое право проводитъ различіе между составленіемъ фальшивыхъ документовъ съ одной стороны и пользованіемъ ими съ другой. За составленіе подложныхъ документовъ (qui per se vel per alios vitium falsitatis exercent) [3]) всѣ виновники вмѣстѣ съ лицами, прикосновенными (cum fautoribus et defensoribus suis) къ преступленію, подвергались анаѳемѣ (полному отлученію отъ церкви), причемъ клирики лишались навсегда всѣхъ церковныхъ должностей и доходовъ (officiis et beneficiis) и, если лично совершили подлогъ

---

[1]) Въ источникахъ приводится такой примѣръ. Одно духовное лицо прибыло въ Римъ, чтобы испросить у папы какую-то грамоту, но здѣсь оно заболѣло и не могло лично исполнить своего порученія. Тогда къ нему явился одинъ клирикъ, вызвавшійся достать у папы нужную грамоту; онъ получилъ отъ этого духовнаго лица необходимую сумму денегъ на издержки и доставилъ ему грамоту, которая и была представлена, куда было нужно, какъ подлинная. Но здѣсь она была признана поддѣльной и переслана папѣ, который тоже призналъ ее подложной и представившаго ее потребовалъ къ себѣ, устранивъ предварителъно отъ должности; но затѣмъ это лицо было освобождено отъ наказанія, какъ не воспользовавшееся подложной грамотой (c. 8 X 5, 20).

[2]) c. 4 X, 5, 20.

[3]) München l. c. 545—546 полагаетъ, что здѣсь подъ словомъ „exercent“ разумѣется занятіе подлогомъ въ видѣ ремесла и что только впослѣдствіи наказаніе по постановленію Иннокентія X въ 1653 г. было распространено и на тѣхъ, кто обличенъ былъ въ содѣяніи хотя бы одного подлога „qui falsum commiteat“ и „quive unica tantum vice in praemissis delinquerint“. Но едва ли въ пользу подобнаго толкованія могутъ быть приведены какія-нибудь доказательства.

(per se), то послѣ лишенія сана (degradatio) передавались въ руки свѣтской власти для наказанія ихъ на основаніи тѣхъ же законовъ, по какимъ судятся и міряне. Тѣ же, которые только пользовались фальшивыми документами или же получили ихъ отъ другихъ (qui falsas literas impetrant), подвергались смягченнымъ наказаніямъ: если это были лица духовныя, то они только лишались своихъ должностей и доходовъ, а, если міряне, то отлучались на время отъ церкви, пока не искупятъ соотвѣтственнымъ образомъ свое преступленіе (donec satisfaciant competenter) [1]).

Какъ уже было выше упомянуто, кромѣ подлога папскихъ документовъ, который могъ быть совершенъ какъ свѣтскими лицами, такъ и духовными, каноническое право предусматривало еще учиненную духовными лицами поддѣлку королевской печати (sigillum regis falsare) [2]). Поддѣлка печати считалась по представленію той эпохи одной изъ формъ учиненія подлога документовъ, какъ это слѣдуетъ изъ разобранныхъ выше мѣстъ источниковъ, вслѣдствіе чего и поддѣлка королевской печати представлялась только видомъ подлога королевскихъ документовъ.

Ближе преступленіе это въ источникахъ не опредѣляется: оно, вѣроятно, состояло въ поддѣлкѣ печати, приложенной къ королевскому документу. Совершившимся оно считалось съ момента поддѣлки печати; употребленія поддѣльнаго документа не требовалось. Наказаніе, опредѣленное за этотъ видъ подлога, состояло въ потерѣ должностей, клейменіи и изгнаніи изъ предѣловъ провинціи.

Бросая общій взглядъ на конструкцію подлога документовъ по каноническому праву, мы не можемъ не придти къ тому заключенію, что природа подлога здѣсь понималась яснѣе,

---

[1]) Cap. 7 X de crim. falsi, 5, 20.

[2]) Подобно другимъ случаямъ, какъ на основаніе для изданія папскаго постановленія о поддѣлкѣ королевской печати, указывается на одинъ частный случай, именно на то, что нѣкоторые нечестивые клирики (perversi clerici) поддѣлали печать французскаго короля Филиппа (c. 3, X ib).

чѣмъ въ римскомъ правѣ. Тамъ имѣлись въ виду всевозможныя посягательства противъ документовъ, и всѣ они были объединены подъ именемъ crimen falsi. Здѣсь же подлогъ документовъ выступаетъ въ своемъ чистомъ видѣ: вездѣ, за исключеніемъ двухъ вышеприведенныхъ случаевъ, имѣется въ виду измѣненіе подлиннаго документа или составленіе подложнаго; другіе виды посягательствъ противъ документовъ, какъ напр. распечатаніе документовъ, отсюда выдѣлены и не разсматриваются въ отдѣлѣ de crimine falsi.

§ 3. Второй видъ подлога, crimen falsi, по каноническому праву (по крайней-мѣрѣ въ позднѣйшую эпоху его развитія)— поддѣлка денежныхъ знаковъ. Преступленіе это было собственно предусмотрѣно свѣтскимъ законодательствомъ, но каноническое право, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, считало нужнымъ прибавить къ санкціи свѣтскаго законодательства еще и свою, выражавшуюся въ данномъ случаѣ въ отлученіи отъ церкви (excommunicatio) фальшивыхъ монетчиковъ, а также дать особыя опредѣленія на случай, если преступленіе подобнаго рода будетъ совершено клириками. Подъ этимъ преступленіемъ разумѣлись слѣдующія дѣянія: 1) чеканка монеты лицами, не имѣющими на это права на основаніи законовъ, обычаевъ или привилегій [1]); 2) чеканка монеты лицами, имѣющими право чеканки, но придающими ей видъ одинаковый съ королевскими монетами посредствомъ вычеканиванія на ней клейма, принадлежащаго королевскимъ монетамъ; 3) уменьшеніе вѣса настоящей монеты посредствомъ поврежденія ея; 4) покупка заграницей завѣдомо фальшивой монеты, ввозъ, продажа и распространеніе ея въ своемъ государствѣ.

Позднѣйшія папскія постановленія прибавляютъ сюда еще одинъ видъ поддѣлки денежныхъ знаковъ—поддѣлку монеты посредствомъ употребленія для чеканки металла, выдаваемаго за золото или серебро. Это дѣяніе считалось однимъ изъ видовъ болѣе широкаго понятія преступленія алхиміи [2]), которое состояло въ приготовленіи путемъ алхиміи золота и серебра

[1]) Extrav. Ioann. XXII, tit. X de crim. falsi.

[2]) Extrav. Comm. lib. V, tit. VI de crim. falsi.

и въ употребленіи ихъ вмѣсто денегъ. Наказаніемъ, опредѣленнымъ за алхимію, было вѣчное безчестіе и взносъ въ пользу бѣдныхъ такого количества золота или серебра, сколько было приготовлено путемъ алхиміи (quanti alchimitum exsistat). За чеканку же монетъ изъ подобнаго матеріала законъ угрожалъ лишеніемъ всего имущества и вѣчнымъ безчестіемъ, къ чему для клириковъ прибавлялось вѣчное лишеніе должностей.

Нельзя не замѣтить, что отнесеніемъ алхиміи къ группѣ crimen falsi каноническое право отчасти подрывало свой основной взглядъ на подлогъ, который особенно ясно вытекаетъ изъ конструкціи подлога документовъ. Преступленіе алхиміи, какъ оно очерчено въ каноническомъ правѣ, не болѣе, какъ мошенничество или покушеніе на него; отнесеніе этого преступленія къ подлогу объясняется тѣмъ, что золото и серебро имѣли всегда особенное значеніе, какъ матеріалъ, изъ котораго чеканятся монеты, вслѣдствіе чего всякія посягательства противъ правильности состава этого матеріала являлись, какъ бы подделкой самой монеты, будучи такимъ образомъ посягательствами па неприкосновенность ея. Важно еще отмѣтить, что здѣсь алхимія понимается пе какъ преступленіе противъ религіи, какъ понималась напр. магія, а какъ особый видъ подлога, между тѣмъ какъ и здѣсь можно было подыскать участіе дьявола и отнести это преступленіе въ число религіозныхъ посягательствъ.

Какъ самостоятельный видъ подлога, каноническое право предусматриваетъ, повидимому, еще лжесвидѣтельство, подъ кототорымъ оно разумѣетъ не только дачу ложнаго показанія, но и сокрытіе истины [1]). Но преступленіе это помѣщено въ отдѣлѣ de crimine falsi какъ-то случайно. О наказуемости его тутъ ни слова не говорится, и самый текстъ заимствованъ изъ твореній св. Августина, причемъ онъ даетъ вовсе не юри-

[1]) cap. 1 X de crim. falsi. 5, 20. Falsidicus testis tribus personis est obnoxius, primum Deo, cujus praesentiam contemnit, deinde iudici quum mentiendo fallit, postremo innocenti, quem falso testiminio laedit. Uterque reus est et qui veritatem occultat et qui mendacium dicit, quia et ille prodesse non vult et iste nocere desiderat.

дическое опредѣленіе понятія лжесвидѣтельства; между тѣмъ среди постановленій о лжеприсягѣ, которая понимается въ качествѣ самостоятельнаго преступленія и не смѣшивается съ подлогомъ, рѣчь идетъ и о лжесвидѣтельствѣ [1]), вслѣдствіе чего можно предположить, что скорѣе сближались между собой эти два преступленія, чѣмъ лжесвидѣтельство съ подлогомъ [2]).

§ 4. Если мы на основаніи только что разсмотрѣннаго матеріала, который представляетъ каноническое право, постараемся опредѣлить сущность конструкціи подлога документовъ, равно какъ то значеніе, которое имѣетъ она въ исторіи подлога, то мы можемъ сказать слѣдующее.

Каноническому праву неизвѣстно широкое понятіе crimen falsi по образцу римскаго права. По той конструкціи, которую мы находимъ въ немъ, подлогъ документовъ представляетъ изъ себя вполнѣ самостоятельное преступленіе, характеризующееся моментомъ искаженія подлинности документовъ, какъ знаковъ удостовѣренія имѣющихъ правовое значеніе событій. Особенность опредѣленій каноническаго права относительно подлога состоитъ въ детальности отдѣльныхъ указаній о томъ, какъ совершается подлогъ, что объясняется соображеніями практическаго удобства и соотвѣтствуетъ духу времени.

Такимъ образомъ конструкція подлога документовъ является въ каноническомъ правѣ теоретически вполнѣ правильной, и въ этомъ заключается ея громадное значеніе. Однако практическихъ результатовъ она не имѣла, и вліянія ея ни на одномъ законодательствѣ нельзя подмѣтить. Объясняется это тѣмъ, что италіанскіе и германскіе юристы конца среднихъ и начала новыхъ вѣковъ въ своихъ изслѣдованіяхъ обращались почти исключительно къ римскому праву, оставляя каноническое почти совершенно въ сторонѣ, вслѣдствіе чего положенія послѣдняго и не оказались пригодными для дальнѣйшаго развитія ученія о подлогѣ.

---

[1]) c. 1, 7 C. 22 qu. 5.

[2]) München l. c. p. 540 даже прямо утверждаетъ, что въ каноническомъ правѣ понятія лжесвидѣтельства и лжеприсяги равнозначущи.

ГЛАВА III.

Германское право.

---

§ 1. Слабое развитіе подлога документовъ въ первомъ періодѣ исторіи германскаго права и причины этого явленія.— § 2. Постановленія о подлогѣ leges barbarorum.—§ 3. Составъ подлога документовъ по вестготскому праву.—§ 4. Постановленія капитуляріевъ.—§ 5. Характеристика подлога (valsch) въ законодательныхъ памятникахъ второго періода.—§ 6. Конструкція подлога документовъ въ Schwabenspiegel.—§ 7. Другіе Stadt und-Landrechte.—§ 8. Каролина.—§ 9. Послѣдующія законодательства XVI и XVII в. в.—§ 10. Общая характеристика кодексовъ XVIII в.—§ 11. Баварское уложеніе 1751 г.— § 12. Терезіана.—§ 13. Іозефина.—§ 14. Австрійское уложеніе 1803 г.—§ 15. Прусскій Ландрехтъ 1794 г.—§ 16. Характеристика постановленій о подлогѣ партикулярныхъ законодательствъ XIX в.—§ 17. Баварское уложеніе 1813 г.— § 18. Другіе кодексы, создающіе группу посягатлеьствъ противъ общественнаго довѣрія.—§ 19. Кодексы, сопоставляющіе подлогъ съ мошенничествомъ.—§ 20. Кодексы, придающіе самостоятельное значеніе подлогу.—§ 21. Общій составъ подлога по партикулярнымъ законодательствамъ.—§ 22. Германское уложеніе 1870 г.—§ 23. Общіе выводы.

---

§ 1. Если Тацитъ [1]) могъ противопоставлять древнихъ германцевъ своимъ соотечественникамъ римлянамъ, указывая на ихъ выдающуюся честность, то это могло быть справедливо

---

[1]) Tac. Annales XIII, 54.

въ отношеніи лишь къ тому времени, когда германцы только что появились на историческомъ горизонтѣ и пока мало соприкасались они съ плодами римской цивилизаціи. Не то видимъ мы въ позднѣйшую эпоху, когда варвары ниспровергли Римъ и на развалинахъ его образовали свои собственныя государства. Отъ близкаго соприкосновенія съ римской жизнью, зараженной всевозможными пороками, которые не мало способствовали паденію римскаго могущества, жизнь новопришедшихъ народовъ тоже подверглась порчѣ: у нихъ появляются мало извѣстныя до того времени преступленія—и хваленная честность и отвращеніе ко лжи германцевъ скоро уходятъ въ область давно минувшаго. Духовенство и представители власти, не останавливаясь въ преслѣдованіи своихъ цѣлей ни передъ какими средствами, еще больше своимъ примѣромъ вносили растлѣніе въ германскіе нравы, и въ то время, какъ прежде данное слово свято хранилось, теперь нарушить его считалось самымъ обыкновеннымъ дѣломъ: по словамъ одного историка-современника, франки смѣясь, нарушали данное слово [1]).

Картину правового состоянія германскихъ народовъ въ періодъ ихъ исторіи рисуютъ leges barbarorum (Volksrechte) и дополняющія ихъ постановленія королей франкской монархіи—capitularia [2]).

Къ изученію этихъ памятниковъ мы и обратимся прежде всего и постараемся выяснить, какъ понимался и конструировался въ нихъ подлогъ документовъ.

Въ этомъ отношеніи мы должны прежде всего отмѣтить тотъ фактъ, что въ памятникахъ даннаго періода о подлогѣ документовъ говорится вообще немного, что указываетъ на

---

[1]) „Familiare iis est ridendo frangere fidem" (Vopiscus). Freund l. c. p. 162.

[2]) О состояніи уголовнаго законодательства въ первый періодъ германской исторіи могутъ еще дать указаніе памятники скандинавскаго права. Здѣсь германское право могло сохраниться въ наиболѣе чистомъ видѣ, находясь вдали отъ непосредственнаго вліянія римскаго права.

слабое развитіе этого преступленія въ первоначальную эпоху германскаго права.

Причины подобнаго явленія здѣсь, конечно, тѣ же, что и въ римскомъ правѣ болѣе отдаленнаго періода: онѣ кроются главнымъ образомъ въ слабомъ развитіи письменности; совершеніе всякихъ сдѣлокъ первоначально происходило на народномъ собраніи, такъ сказать, на глазахъ у всѣхъ и оставалось въ памяти всѣхъ присутствовавшихъ. Въ эту эпоху соотвѣтственно тому, какъ письменные документы замѣнялись свидѣтельскими показаніями, роль подлога документовъ играли лжесвидѣтельство и отказъ свидѣтелей дать показаніе о томъ, свидѣтелями чего они были [1]). Далѣе, письменные документы замѣнялись другими знаками засвидѣтельствованія юридическихъ отношеній, противъ которыхъ возможны были особыя посягательства, близко подходящія къ подлогу документовъ,— таковы посягательства противъ граничныхъ знаковъ, границъ, межъ и т. п., составлявшія самостоятельныя преступныя дѣянія и наказывавшіяся болѣе или менѣе строго [2]).

Но если при слабомъ развитіи письменности трудно было въ эту пору ожидать появленія подлога документовъ, то по мѣрѣ развитія ея и по мѣрѣ того, какъ письменные документы получали все больше и больше распространенія, возможность появленія подлоговъ становилась больше; сообразно этому можно было бы ожидать болѣе подробнаго регулированія этого преступленія въ законѣ, между тѣмъ и въ ту эпоху, когда документы стали обычнымъ явленіемъ въ правовой жизни германскихъ народовъ, мы все таки находимъ въ источникахъ мало упоминаній о подлогѣ ихъ.

Какую роль пріобрѣли и какимъ значеніемъ пользовались уже тогда письменные документы, ясно слѣдуетъ изъ тѣхъ же источниковъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ постановленія о томъ, чтобы извѣстнаго рода сдѣлки совершались непремѣнно письменно, напр. относительно передачи своего имущества церк-

---

1) Wilda. Das Strafrecht der Germanen. 1842 p. 981. Freund l. c. p. 89.
2) Wilda l. c. p. 925; Freund l. c. p. 110.

ви [1]), относительно купли - продажи [2]), отпуска рабовъ на свободу [3]), даренія, не говоря уже о завѣщаніяхъ [4]). Указываются вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ формальности, которыя должны быть выполнены для того, чтобы документы имѣли силу, напр. относительно количества свидѣтелей, приглашаемыхъ при совершеніи сдѣлки [5]), относительно внѣшней формы документа (напр. чтобы дата документа была прописана вполнѣ отчетливо), относительно подписей и приложенія печатей и т. п. [6]). Наконецъ, такъ называемыя formulae juris указываютъ, въ какихъ случаяхъ и какъ должны были составляться тѣ или другіе акты.

Чѣмъ же можно объяснить то обстоятельство, что, несмотря на постепенное распространеніе письменныхъ документовъ, о подлогѣ ихъ памятникамъ этой эпохи приходилось говорить весьма немного? Намъ кажется, ничѣмъ инымъ, какъ существовавшими тогда формами судопроизводства и въ особенности системой доказательства.

Дѣло въ томъ, что всякій документъ по поводу любой правовой сдѣлки составлялся въ присутствіи свидѣтелей, которые скрѣпляли своими подписями и приложеніемъ печатей подлинность всего въ него занесеннаго. Содержаніе документа заключало въ себѣ подробное описаніе того, какъ происходила данная сдѣлка, такъ что такой документъ, какъ вѣрно замѣчаетъ Вальтеръ [7]), былъ своего рода постоянно остающимся (das bleibende Zeugniss) показаніемъ свидѣтелей, при-

---

1) Lex Allam. tit. I, 1; L. Bav. tit. I, 1.

2) Lex Bav. t. XV, c. 2, 12 и 13; Lex Ripuar. t. 59, 2.

3) Lex Rip. t. 58, 1.

4) Lex Burg. 43, 2; Lex Wisig. l. II tit. 5, 12.

5) Lex Burg. 42, 2; L. Wisig. lib. II, 5, 1; Edict. Theod. c. 28.

6) Capitular. lib. VI c. 148 говоритъ прямо: scripturae quae diem et annum habuerint evidenter expressum, atque secundum legis ordinem conscriptae esse noscuntur, seu conditoris vel testium fuerint signis aut subscriptionibus roboratae, omni habeantur stabiles firmitate. Тоже l. Wis. l. II, 5, 1 и leges Longob. Lothari I, c. 79.

7) Walter. Deutsche Rechtsgeschichte 1857 B. II p. 331.

глашенныхъ для присутствованія при совершеніи какого нибудь акта. Присутствію свидѣтелей придавалось особенное значеніе. Они должны были впослѣдствіи, когда понадобится, подъ присягой подтвердить подлинность документа—„quod ipsi ad praesens fuissent et oculis suis vidissent et auribus audissent“, какъ говорятъ источники [1]). Если бы кто нибудь впослѣдствіи объявилъ документъ поддѣльнымъ, то на обязанности писавшаго его (cancellarius, notarius) и свидѣтелей, подписавшихся подъ нимъ, лежало присягой удостовѣрить дѣйствительность и подлинность документа [2]); документъ, не подтвержденный присягой не имѣлъ самъ по себѣ юридическаго значенія. Только въ томъ случаѣ, если не было въ живыхъ ни писавшаго документъ, ни свидѣтелей, можно было отступить отъ этого требованія и обратиться къ сравненію почерковъ подписавшихся лицъ съ тремя другими документами, гдѣ находилась ихъ несомнѣнная подпись [3]). Но, если съ одной стороны писавшій документъ вмѣстѣ со свидѣтелями или въ случаѣ смерти ихъ съ 12 соприсяжниками, могъ присягою подтвердить истинность и подлинность документа, то съ другой стороны противникъ его могъ также выступить со своими соприсяжниками и доказывать справедливость своего требованія, доведя даже дѣло до поединка [4]). Въ послѣднемъ случаѣ побѣдившая сторона считалась правой, а побѣжденная—виноватой и должна была отвѣчать, но ужъ не за подлогъ документа, а за лжеприсягу, которую она совершила, подтверждая клятвенно подлинность документа.

[1]) Lex Allam. t. II c. 1. Очень характеренъ тотъ обрядъ, который у франковъ рипуарскихъ и у баварцевъ сопровождалъ участвіе свидѣтелей въ совершеніи сдѣлки: ихъ ударяли по ушамъ, такъ какъ уши считались мѣстопребываніемъ памяти; какъ замѣчаетъ Фрейндъ (l. c. p. 165), эти удары являлись особаго рода законнымъ удостовѣреніемъ совершившагося, какъ въ наше время печати нотаріуса.

[2]) Capit. Chlotari I imp. tit. III, 25 (тоже Ludov. II imp. tit II, 5, a. 854).

[3]) L. Rip. 59, 5. Lex Wis. l. II tit. 5 c. 15, 17.

[4]) L. Rip. 59, 5. См. также Walter l. c. p. 332.

Только въ томъ случаѣ, если виновный отказывался дать присягу при самомъ возбужденіи обвиненія его въ подлогѣ, онъ отвѣчалъ за подлогъ [1]).

Итакъ благодаря особенностямъ германской системы доказательствъ подлогъ документовъ покрывался чаще всего лжеприсягой, вслѣдствіе чего объ этомъ преступленіи гораздо чаще упоминается въ источникахъ, чѣмъ о подлогѣ. Конечно, при такомъ способѣ доказательствъ могло оказаться, что выигрывалъ дѣло ложно обвинившій въ подлогѣ другое лицо и побѣдившій его затѣмъ на поединкѣ, но по духу того времени не вѣрили въ возможность подобныхъ случаевъ, разъ само божество принимало участіе въ судѣ и не допускало, чтобы погибъ невинный.

Таково возможное объясненіе того обстоятельства, что, несмотря на довольно сильное распространеніе письменныхъ документовъ въ болѣе развитую эпоху господства leges barbarorum, о подлогѣ ихъ говоритъ очень мало или даже молчитъ большинство законодательствъ германскихъ племенъ [2]).

§ 2. Какія же опредѣленія содержатъ источники древнегерманскаго права о подлогѣ документовъ?

Если мы для выясненія этого вопроса обратимся къ законодательствамъ отдѣльныхъ народовъ, то увидимъ, что изъ нихъ можно почерпнуть по большей части только самыя скудныя и отрывочныя свѣдѣнія; о подлогѣ документовъ говорится очень кратко, преступленіе это подробно не описывается, такъ какъ вообще въ эту эпоху не диспозиція уго-

---

[1]) Lex Rip. 59, 3.

[2]) Судя по источникамъ, главнымъ образомъ виновными въ этомъ преступномъ дѣяніи оказывались духовныя лица—почти единственные въ то время представители грамотности. Какъ глубоко пустило корни это преступленіе въ духовномъ мірѣ, видно изъ того, что даже сами папы принимали участіе въ подлогахъ. По словамъ Фрейнда (l. c. p. 233), если самъ глава церкви, папа Іоаннъ VIII, пытался пріобрѣсть во владѣніе монастырь St.-Denys посредствомъ подложнаго документа, то нечего удивляться, если тѣмъ же занимались епископы и другія духовныя лица, не умаляя этимъ уваженія къ своему положенію.

ловнаго закона привлекаетъ къ себѣ вниманіе законодателя, а его санкція.

Взглядъ на сущность подлога въ отдѣльныхъ законодательствахъ значительно варіировался.

Въ норвежскомъ законодательствѣ, въ Magnus Gulathingsgesetz говорится только о поддѣлкѣ письма и печати короля [1]); это преступленіе сопоставляется съ верховной измѣной и считается самымъ тяжкимъ преступленіемъ (Nedingswerk, scelus nefandum), влекущимъ за собой потерю недвижимаго имущества. Здѣсь такимъ образомъ выдвигается на первый планъ оскорбленіе величества, а не подлогъ документовъ, какъ особой формы удостовѣренія юридическихъ отношеній.

По закону рипуарскому предусматривается поддѣлка документа о куплѣ-продажѣ. Наказаніе въ этомъ случаѣ падало на нотаріуса и свидѣтелей, скрѣпившихъ своей подписью данный документъ: нотаріусу за это отсѣкался большой палецъ на правой рукѣ, а свидѣтели платили штрафъ по 15 солидовъ; впрочемъ нотаріусъ могъ выкупиться отъ тѣлеснаго наказанія уплатой штрафа въ 50 солидовъ [2]); то лицо, которое воспользовалось подобнымъ документомъ, должно было лишиться оспариваемой вещи въ пользу своего противника и уплатить еще штрафъ въ 60 солидовъ. Кромѣ того, въ томъ же законѣ рѣчь шла о составленіи подложнаго акта объ отпускѣ раба на волю. Виновный въ этомъ архидіаконъ (этотъ актъ составлялся обыкновенно въ церкви) подвергался взысканію въ 45 солид., а свидѣтели по 15 солид. [3])

---

[1]) Wilda l. c. p. 925.

[2]) Lex Rip. 59, 3.—Si autem testamentum falsatum fuerit, tum ille qui causam persequitur, rem, quam repetat, cum LX solidis recipiat et insuper cancellario pollex dexter auferatur aut eum cum L solidis redimas et unusquisque de testibus XV solidis multetur.—Ortloff (Lüge, Fälschung und Betrug p. 100) совершенно невѣрно утверждаетъ, что здѣсь идетъ рѣчь о подлогѣ духовнаго завѣщанія. Какъ слѣдуетъ изъ cap. I того же титула, testamentum здѣсь обозначаетъ testamentum venditionis, т. е. документъ относительно договора купли-продажи.

[3]) L. Rip. t. 58. c. 5—6.

Въ законахъ бургундскихъ предусматривается составленіе подложной грамоты бѣглому рабу, за что полагается отсѣченіе руки; для раба же наказаніе это увеличивается еще прибавкой 300 ударовъ розогъ [1]).

По законамъ лангобардовъ за составленіе какого-нибудь подложнаго документа опредѣляется отсѣченіе руки [2]), кромѣ того, здѣсь постановляется, что кто будетъ обращаться въ судъ съ фальшивымъ документомъ [3]), тотъ подвергается взысканію виры (Widrigeld); вира же назначается и за рукоприкладство на завѣдомо фальшивомъ документѣ (in charta falsa sciens manum posuerit) [4]).

Строже всѣхъ относится къ подлогу остготское законодательство, назначая за него смертную казнь и приравнивая составленію подлога пользованіе имъ и подстрекательство къ совершенію его. Qui falsum fecerit, говорится въ эдиктѣ Теодорика, vel sciens falso usus fuerit, aut alterum facere suaserit aut coëgerit, capitali poena feriatur [5]). По сравненію съ предыдущимъ законодательствомъ здѣсь мы имѣемъ уже обобщеніе отдѣльныхъ случаевъ подлога подъ общимъ именемъ falsum. Но что разумѣть здѣсь подъ falsum, подлогъ ли исключительно документовъ, или же и другія преступленія, характеризуемыя моментомъ искаженія истины, сказать трудно, особенно въ виду того обстоятельства, что въ другихъ мѣстахъ того же памятника подъ falsum разумѣется не одинъ только подлогъ документовъ, но и другія преступленія, такъ что тамъ понятіе falsum имѣетъ довольно широкій объемъ и составилось подъ замѣтнымъ вліяніемъ римскаго права [6]) —

---

1) L. Burgund. tit 6, 11.

2) Ed. Rotharis cap. 247. Si quis chartam falsam scripserit aut quodlibet membranum, manus ejus incidatur.

3) Guidonis Augusti leges tit. 6.

4) Liutprandi legum l. VI, tit. 63.

5) Ed. Theod. c. 41.

6) Нельзя при этомъ не замѣтить, что если и попадаются какія-нибудь попытки объединенія различныхъ видовъ поддѣлокъ въ другихъ законодательствахъ, не подвергшихся римскому вліянію, то это скорѣе попытки описать выраженіе поддѣлки, чѣмъ дать юри-

именно въ cap. 90 подъ falsum понимаются разныя посягательства противъ документовъ in fraudem alterius, кромѣ того сюда отнесены нѣкоторыя монетныя нарушенія и обманы при сдѣлкахъ, предметомъ которыхъ являются благородные металлы (напр. выдача за золото позолоченной мѣди, серебра, желѣза). Слѣдовательно, здѣсь въ понятіе falsum входитъ не только подлогъ документовъ, но и другія посягательства противъ нихъ и нѣкоторыя другія преступныя дѣянія, причемъ это понятіе, хотя и составилось подъ вліяніемъ римскаго, но у́же его [1]). Наконецъ, въ эдиктѣ Теодорика рѣчь еще идетъ отдѣльно о подлогѣ духовныхъ завѣщаній. Здѣсь указывается, что за подложное составленіе завѣщанія при знаніи о его подложности отвѣчаетъ и составитель завѣщанія (scriptor testamenti) и свидѣтели, и наслѣдники, и легатарій, и либертъ, и всякое другое лицо, содѣйствовавшее составленію подложнаго завѣщанія [2]).

§ 3. Наиболѣе подробно обрисованъ составъ подлога документовъ въ вестготскомъ правѣ, причемъ здѣсь можно видѣть наибольшее вліяніе римскаго права. Lex Wisigotorum вовсе не знаетъ однако того широкаго понятія falsum, которое мы видѣли у Римлянъ, и хотя мы встрѣчаемъ здѣсь выраженія falsum, falsitas, но въ сравненіи съ римскимъ falsum,

---

дическое опредѣленіе понятія подлога. Таково, напр. опредѣленіе понятія „Falsch“ въ ютландскомъ правѣ; здѣсь, по словамъ Фрейнда (l. c. p. 81), мы находимъ слѣдующее мѣсто: „Was falsch sei? Falsch ist, wenn einer Anbolt und Stöcke setzt, ohne des Königs Verlaub oder Befehl Gold münzet, falsch Silber brennet, mit dem Gelde, das er falsch zu sein weiss, kauft oder verkauft und mit falschem Silber umgeht; das alles heisst falsch“. Какъ видно изъ заключительныхъ словъ текста: „das alles heisst falsch“, данное опредѣленіе не болѣе, какъ описаніе слова falsch, и имъ даже не обнятъ подлогъ документовъ.

[1]) Надо замѣтить, что слѣдующая затѣмъ глава 91 трактуетъ о другомъ видѣ римскаго crimen falsi, но безъ ссылки на то, что и это дѣяніе должно считаться подлогомъ; въ ней говорится о подкупѣ свидѣтелей и судей.

[2]) Ed. Theod. c. 29.

смыслъ ихъ съ одной стороны уже, съ другой шире, и въ этомъ нельзя не видѣть проявленія національныхъ германскихъ воззрѣній на сущность подлога. Многія преступленія, входившія въ составъ римскаго falsum, здѣсь имѣютъ вполнѣ самостоятельное значеніе; такъ лжесвидѣтельство разсматривается отдѣльно отъ подлога въ lib. II tit. IV, de testibus et testimoniis, причемъ только одинъ случай—вовлеченіе кого-нибудь въ лжесвидѣтельство подкупомъ или хитростью—влекъ за собой наказаніе, какъ за falsitas [1]); самый подлогъ документовъ предусмотрѣнъ самостоятельно въ lib. VII tit. V de falsariis scripturarum, и кромѣ него здѣсь идетъ рѣчь еще только о принятіи ложнаго имени. Но съ другой стороны сюда привходятъ новые виды falsum, неизвѣстные римлянамъ, которые собственно представляютъ изъ себя не что иное, какъ виды мошенничества. Римское stellionatus не вошло въ законодательство варваровъ, такъ что самостоятельнаго понятія мошенничества у нихъ нѣтъ, нѣкоторые же случаи этого преступленія—прежде всего совершенные при посредствѣ документовъ, отнесены къ falsitas, а судя даже по одному мѣсту вестготскаго закона, можно заключить, что всякій обманъ вообще считался falsitas: qui sibi nomen falsum imponit, vel genus mutat aut parentes finxerit, aut aliquam *imposturam* fecerit, reus falsitatis habeatur, [2]), говорятъ источники.

Такимъ образомъ, если здѣсь falsitas не заключало въ себѣ многихъ подвидовъ римскаго falsum, то зато сюда вошли случаи, гдѣ главнымъ характернымъ моментомъ является моментъ введенія другого въ заблужденіе, моментъ обмана. Здѣсь способъ дѣйствія получаетъ такимъ образомъ особенное значеніе, а на объектъ преступленія особаго вниманія не обращается. При этомъ самое преступленіе получаетъ здѣсь нѣсколько иной характеръ, чѣмъ въ римскомъ правѣ. Германское право старается главнымъ образомъ найти

---

[1]) L. Wisigot. l. II tit. IV, 6.

[2]) l. Wis. l. VII, 5, 6. См. также Elben. Zur Lehre von der Warenfälschung 1881 p. 6.

непосредственно потерпѣвшаго и вознаградить его. Если оно прямо его не находитъ, то ищетъ того, кто могъ бы потерпѣть отъ даннаго преступнаго дѣянія, благодаря чему общій составъ подлога документовъ конструируется въ большинствѣ случаевъ, какъ такое искаженіе истины, которое послужило in concreto или могло бы служить in abstracto средствомъ посягательства на чужой имущественный интересъ. Какъ замѣчаетъ Эльбенъ [1]), здѣсь въ отношеніи подлога выступаетъ на первый планъ взглядъ на него, какъ на преступленіе, затрогивающее частные интересы; даже при подлогѣ королевскихъ документовъ взыскивается извѣстная сумма съ виновнаго въ пользу фиска, который считается здѣсь непосредственно потерпѣвшимъ отъ преступленія.

Обращаясь къ ближайшему разсмотрѣнію постановленій о подлогѣ по вестготскому праву, можно замѣтить слѣдующее.

Подлогъ частныхъ документовъ представляется, такъ сказать, нормальнымъ типомъ подлога, причемъ подобно римскому праву вестготское ведетъ рѣчь не только о подлогѣ документовъ, но и другихъ посягательствахъ на нихъ; съ одной стороны говорится о составленіи поддѣльныхъ документовъ и пользованіи ими, съ другой—о посягательствахъ на настоящіе документы; въ немъ предусматриваются слѣдующія дѣянія: составленіе подложнаго документа (scripturam falsam facere), пользованіе имъ (recitare), подбрасываніе его (subjicere), представленіе на судъ (in judicium proferre), похищеніе настоящаго документа (supprimere, subtrahere, discipere), распечатываніе его (designare), порча (diluere); далѣе сокрытіе и повреждeніе чужихъ завѣщаній и другихъ документовъ съ цѣлью помѣшать въ чемъ-нибудь тѣмъ, кому они принадлежатъ [2]); поддѣлка и открытіе завѣщанія или какого-нибудь другого документа, содержащаго распоряженіе завѣщателя, при его жизни [3]); сокрытіе и поддѣлка завѣщанія послѣ смерти завѣща-

[1]) Elben l. c. p. 7.
[2]) L. Wis. l. VIII. t. 5, 2.
[3]) ib. l. VII t. 5, 4.

теля [1]); вырѣзываніе поддѣльныхъ печатей [2]); наконецъ, всевозможнаго рода мошенничества, совершаемыя путемъ письменныхъ документовъ даже безъ наличности факта поддѣлки ихъ, напр. вписываніе въ текстъ договора чего-нибудь необусловленнаго соглашеніемъ (sub unius caussae nomine in multis capitulis per seriem interdum aliquos obligent) [3]), разнаго рода симуляціи, продажа по договору вещи уже проданной [4]) и т. п. Всѣ эти случаи, очевидно, отнесены къ категоріи falsitas только потому, что рѣчь идетъ о мошенничествѣ, совершенномъ при помощи письменныхъ актовъ. Какъ видно изъ приведенныхъ текстовъ, вестготское право знаетъ уже объединяющее всѣ виды документовъ понятіе sciptura и только въ отдѣльности говоритъ о духовныхъ завѣщаніяхъ.

Наказаніемъ за всѣ эти дѣянія является для лицъ высшаго сословія (potentiores) взысканіе четвертой части ихъ имущества; изъ этого взысканія $^3/_4$ идутъ въ пользу того, кто понесъ вредъ или могъ его понести (qui damnum pertulit aut pati potuerit), а $^1/_4$ въ пользу короля; лица же нисшаго сословія (humiliores viliores que personae) обращаются пожизненно въ рабство въ пользу того лица, которому они причинили вредъ [5]). Кромѣ того всѣ виновные безъ различія ихъ сословнаго

---

1) L. Wis. l. VII t. 5, 5.

2) ib. l. VI t. 5, 2.

3) Въ видѣ примѣра въ l. VII tit. V, 7 указываются такіе случаи: ut quicunque cum alio de negotio speciali definiens generalem scriptis constitutionem subintroduxerit atque ita circumvenerit aliquem; ut dum de una causa fit convenientia, callide per scripturam intexat, unde omnem de aliis negotiis alterius vocem extinguat, ... ut non quidem per scripturam, sed sub aliis verbis aliud simulans quicunque aliquem dolose ac fraudulenter in quocunque decipiat.

4) ib. l. VII tit. 5, 8, ut qui cuilibet per cujuscunque scripturae contractum res quascunque dederit, quae tamen repperiantur quandoquidem aut non ejus juris fuisse, qui dedit, aut id quod dedisse videtur per priorem scripturam aut quamque definitionem, in cujuscunque prius nomen obligasse et sub quodam argumento id post mortem alteri dedisse aut quod suum non erat, aut jam prius alteri dederat...

5) ib. l. VI tit. 5, 2.

положенія подвергаются тѣлесному наказанію въ 100 ударовъ.

Квалифицированнымъ видомъ подлога является подлогъ королевскихъ документовъ. Вестготское законодательство предусматриваетъ слѣдующіе виды его: во-первыхъ, всякія измѣненія въ королевскихъ распоряженіяхъ (auctoritates, praeceptiones), напр. вставка въ нихъ чего-нибудь, измѣненіе даты документа и т. п., равно какъ и приложеніе къ нимъ фальшивыхъ печатей; наказаніемъ за это для лицъ высшаго сословія является лишеніе половины состоянія, поступающей въ пользу фиска, а для нисшаго—отсѣченіе руки, посредствомъ которой было совершено это преступленіе [1]); хотя съ другой стороны то же преступленіе разсматривается, и какъ влекущее смертную казнь [2]); во-вторыхъ, пользованіе подложными грамотами (commonitoria) за подписью короля [3]), въ-третьихъ, написаніе частнымъ лицомъ королевскаго приказа (хотя бы и подлиннаго) и пользованіе имъ; для надлежащаго пониманія этого мѣста источниковъ нужно имѣть въ виду, что право писать приказы было предоставлено только notarii publici, королевскимъ нотаріусамъ, и лицамъ, спеціально на это королемъ уполномоченнымъ; наказаніемъ за этотъ проступокъ положено 200 ударовъ и отсѣченіе большого пальца на правой рукѣ [4]).

§ 4. Капитуляріи франкскихъ королей внесли мало новаго въ ученіе о подлогѣ. Постановленія ихъ носятъ характеръ отрывочности, имѣютъ въ виду, должно быть, частные случаи дѣйствительной жизни, по поводу которыхъ они появлялись, и издавались въ подкрѣпленіе дѣйствовавшихъ постановленій leges barbarorum. Карлъ Великій за подлогъ документовъ общимъ образомъ опредѣлилъ отсѣченіе руки, отъ чего, впрочемъ, можно было выкупаться [5]). Въ другихъ капитуляріяхъ

---

[1]) Lex Wis. l. VI, 5, 1.

[2]) L. Wis. l. VI, 1, 6. См. Dahn. Westgothische Studien. 1874 p. 219.

[3]) L. Wis. l. VII, 5, 3.

[4]) L. Wis. l. VII, 5, 9.

[5]) Cap. Car. Magn. Aquisgr. a. 803. si inventus fuerit qui falsum fecisset falsum testimonium dixisset manum perdat aut redimat.

говорится вообще о falsitas, содержаніе которой ближе не опредѣляется [1]), и указывается, что духовныя лица за falsitas подвергаются кромѣ обычныхъ наказаній еще деградаціи [2]); затѣмъ рѣчь еще идетъ о наказаніи какъ за falsitas того, кто не въ состояніи будетъ доказать подлинность представленнаго имъ на судъ документа [3]), изъ чего видно, что прежняя доказательственная система продолжаетъ еще оказывать свое вліяніе на отнесеніе къ подлогу извѣстныхъ дѣяній, въ которыхъ собственно моментъ искаженія истины не имѣетъ особаго значенія. Наконецъ, постановленія Карла Великаго и Людовика Благочестиваго приравниваютъ подлогу злоумышленное пользованіе подложными королевскими рескриптами [4]).

Таковы въ общемъ тѣ отрывочныя въ большинствѣ случаевъ положенія о подлогѣ, которыя мы находимъ въ первомъ періодѣ исторіи германскаго законодательства. Изъ нихъ мы видимъ, что постепенно происходитъ сближеніе подлога съ мошенничествомъ, такъ какъ главное значеніе начинаетъ придаваться способу дѣйствія, тогда какъ особеннаго вниманія на объектъ посягательства не обращается.

§ 5. Въ слѣдующій періодъ исторіи германскаго права, въ періодъ развитія городскихъ и земскихъ правъ (Stadt-und Landrechte) и появленія юридическихъ сборниковъ (Rechtsbücher) сближеніе подлога съ мошенничествомъ, которое мы только что наблюдали, быстро прогрессируетъ [5]). При этомъ источники или прямо объединяютъ въ одно преступленіе от-

[1]) Напр. Capit. l. VI, 361 omnis qui falsa aliis intulerit puniatur et pro falsitate ferat infamiam.

[2]) Capit. l. VI c. 123 de clericis falsariis.

[3]) Capit. l. VII. 254. Statutum est, ut scripturam prolator adfirmet. Nam si is qui scripturam protulit ejus non adstrinxerit veritatem ut falsitatis reum esse detinendum.

[4]) Capit. lib. VII c. 196.

[5]) Положимъ, Köstlin (Abhandlungen aus dem Strafrechte 1858, p. 129) утверждаетъ, что здѣсь граница между подлогомъ и мошенничествомъ явственнѣе, чѣмъ въ предыдущемъ періодѣ, но стоитъ только внимательно разсмотрѣть относящіяся сюда мѣста источниковъ, чтобы убѣдиться въ противномъ.

дѣльные случаи поддѣлокъ, т. е. злоумышленныя измѣненія внѣшняго вида извѣстныхъ матеріальныхъ предметовъ, или же эти разнообразные случаи разсматриваются ими особо, образуя самостоятельные составы преступленій.

Такъ въ источникахъ встрѣчаются такія общія выраженія, какъ valsch, falsitas, въ которыхъ можно видѣть попытки объединенія отдѣльныхъ случаевъ подлога и стремленіе придать ему значеніе самостоятельнаго преступленія. Напр., общимъ образомъ о подлогѣ, не опредѣляя его ближе, говоритъ саксонское городовое право (das sächsiche Weichbildrecht), гдѣ мы находимъ слѣдующее мѣсто: sal eyn man dem anderen syne hant angewynnen umme valsch, daz mus er thun selbdritte umbesprochener lute [1]), т. е. обвиненіе кого-нибудь въ подлогѣ только тогда можетъ вызвать присужденіе виновнаго къ отсѣченію руки, когда обвинитель докажетъ свое обвиненіе (самъ третей) свидѣтельскими показаніями двухъ неопороченныхъ людей. Далѣе, въ аугсбургскомъ городовомъ правѣ 1276 г. мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ указаній на то, что наказаніе виновному въ томъ или другомъ случаѣ назначается nach valsches recht [2]). Что должно было обозначать это выраженіе, опредѣлить трудно; быть можетъ, здѣсь, какъ полагаетъ Мейеръ, имѣлось въ виду какое-нибудь одно нормальное наказаніе за подлогъ [3]), или же, какъ думаетъ Эльбенъ [4]), здѣсь могли разумѣться разнообразныя наказанія, такъ какъ одного общаго наказанія за подлогъ по источникамъ не было установлено, но вѣрнѣе, что „Valsch“ (предположеніе Озенбрюггена) являлось общимъ выраженіемъ для обозначенія противоправнаго обмана во вредъ другимъ, въ которомъ поддѣльное выдается за настоящее [5]) (въ такомъ смыслѣ оно постоянно употребляется въ аугсбургскомъ городовомъ правѣ). Въ бремен-

---

[1]) Das sächsiche Weichbildrecht (herausg. v. Daniels 1863) cap. 106.

[2]) Augsb. Stadtrecht art. VIII, § 27; XIV § 11, 12, 18.

[3]) Meyer. Das Stadtbuch von Augsburg. 1872 p. 107 пр. 3. Онъ считаетъ такимъ наказаніемъ отсѣченіе руки или 10 фунтовъ буссы.

[4]) Elben. l. c. p. 30.

[5]) Osenbrüggen. Das allamanische Strafrecht 1860, p. 329.

скомъ правѣ мы встрѣчаемъ также положеніе, запрещающее поддѣлку вообще: Nement schall valschen neynerleye gudt [1]). Наконецъ, такія выраженія, которыя мы находимъ въ другихъ городскихъ правахъ, какъ tanquam falsarius emendabit [2]) или sicut falsarius punietur [3]), указываютъ на то, что правосознанію той эпохи нечуждо было представленіе о подлогѣ вообще. Но что понятіе это могло имѣть иногда и очень широкій объемъ, видно изъ того, что выраженіе falsitas въ вѣнскомъ городскомъ правѣ употребляется и для обозначенія лжесвидѣтельства [4]), а въ вормской реформаціи 1498 г. [5]) имъ обнимается присвоеніе званія доктора или рыцаря. Нельзя не указать при этомъ еще на то, что иногда въ источникахъ замѣчается сопоставленіе подлога съ кражей [6]), или же прямое подведеніе нѣкоторыхъ случаевъ поддѣлокъ подъ виды кражи [7]), чѣмъ подтверждаются господствовавшій взглядъ въ этомъ періодѣ на подлогъ, сближавшій его съ имущественными преступленіями, и стремленіе найти при всякомъ правонарушеніи лицо, непосредственно отъ него потерпѣвшее.

Разсматривая содержаніе понятія „valsch" тамъ, гдѣ въ источникахъ оно ближе опредѣляется, мы можемъ замѣтить,

---

[1]) Bremer Kundige Rolle 1489. art. 73. См. другіе случаи у Elben l. c. p. 11.

[2]) Das Stadtrecht von Dattenried in Stungau. 1358 cap. 28 „si quis vero in mensura et pondere illegali, quibus res venales venduntur et emuntur, deprehensus fuerit, tanquam falsarius emendabit.

[3]) Berner Handfeste von 1218. cap. 19: et qui justam mensuram non dederit, sicut falsarius punietur.

[4]) Das älteste Recht von Wien 1221 (Gaupp. Deutsche Stadtrechte des Mittelalters 1852 Bd. II), cap. 37 и 40.

[5]) Wormser Reformation 1498 l. VI p. II tit. 20.

[6]) Hälschner. Das preussische Strafrecht. 1868. Th. III p. 339.

[7]) Berner Handfeste 1218. c. 19: et apud quemcunque postea maior vel minor mensura vel pondus inventum fuerit, tanquam fur et falsarius judicetur. Stat. Bremens. 1428, IV, 37—so welk man eene duve edder eve andere valschheit dede. Hamburg. Stadtr. 1497 про фальшиваго монетчика прямо говоритъ: „den schal man handeln als Deve der ganzen Welt".

что за исключеніемъ немногихъ случаевъ, въ родѣ только что приведенныхъ выше, гдѣ объемъ его значительно широкъ, во всѣхъ остальныхъ можно установить его характерный моментъ въ томъ, что подъ нимъ разумѣлась поддѣлка т.-е. измѣненіе внѣшняго вида извѣстнаго матеріальнаго предмета, безразлично, каковъ онъ былъ по своей природѣ и по своему назначенію, а поэтому сюда относятся и поддѣлка документовъ, и поддѣлка денежныхъ знаковъ, и поддѣлка мѣръ и вѣсовъ, и поддѣлка товаровъ. Отнесеніе сюда этого послѣдняго вида поддѣлки является въ высшей степени характернымъ для понятія подлога по германскому праву: имъ наглядно обрисовывается противоположность германскаго valsch и римскаго falsum. Мы видѣли, что въ римскомъ правѣ поддѣлка товаровъ была отнесена къ области стелліоната; первоначально законодательство германское молчитъ о немъ почти совершенно [1]), но съ постепеннымъ развитіемъ промышленности, съ развитіемъ процвѣтанія городской торговли появилась, конечно, и поддѣлка товаровъ—въ особенности съѣстныхъ припасовъ. Stadtrechte, имѣвшія цѣлью главнымъ образомъ регулированіе внутренней жизни города и дававшія большой просторъ полицейской юстиціи, обратили особенное вниманіе на всевозможныя поддѣлки товаровъ, принявшія необыкновенно широкія размѣры въ то время [2]); въ нѣкоторыхъ случаяхъ они считали достаточнымъ бороться съ этимъ преступленіемъ однѣми гражданско-правовыми мѣрами, въ другихъ—вынуждены были прибѣгнуть къ уголовнымъ, а такъ какъ законодатель главное вниманіе обращаетъ въ это время на голый фактъ поддѣлки, на то, что что-нибудь измѣняется въ своемъ внѣшнемъ видѣ съ цѣлью выдачи за настоящее, то естественнѣе всего было ему отнестись къ подобнымъ на-

---

[1]) У скандинавскихъ народовъ продажа поддѣльныхъ и вредныхъ для здоровья товаровъ, свойство которыхъ нельзя узнать съ внѣшней стороны, облагалась тоже наказаніемъ—напр. 3 марками Brüche (Hakongsgulathingsgesetz c. 7) или буссой въ извѣстномъ размѣрѣ (Magnusgulathingsgesetz). См. Freund l. c. p 105—106.

[2]) Gengler. Deutsche Stadtrechtsalterthümer. 1882 p. 168—170.

рушеніямъ, какъ къ извѣстнымъ уже раньше случаямъ подделки монетъ и документовъ: внѣшній фактъ поддѣлки, овеществленное искаженіе истины, былъ достаточнымъ поводомъ, чтобы считать это преступленіе однимъ изъ видовъ „valsch“ (напр. въ аугсбургскомъ правѣ). Вредъ, который могла вести за собой поддѣлка нѣкоторыхъ товаровъ, особенно жизненныхъ припасовъ, для здоровья населенія, побуждалъ нерѣдко относиться къ фальсификаторамъ этого рода весьма строго. Вопросъ же о томъ, что составляетъ собственно поддѣлка товаровъ, и можно ли ее приравнивать къ другимъ видамъ поддѣлокъ, мало интересовалъ въ то время законодателей, старавшихся только болѣе высокой санкціей своихъ постановленій остановить все усиливавшееся развитіе зла.

Такимъ образомъ о единомъ объектѣ для всѣхъ посягательствъ, относившихся къ категоріи valsch, рѣчи быть не можетъ, такъ какъ центръ тяжести придавался не объекту посягательства, а способу дѣятельности; овеществленное искаженіе истины — вотъ то общее, что лежитъ во всѣхъ разнообразныхъ случаяхъ подлога. Способъ дѣйствія въ эту эпоху имѣлъ рѣшающее значеніе, и если возможна была какая-нибудь классификація преступленій, то главнымъ образомъ по способу дѣйствія. Въ римскомъ правѣ образованіе falsum носитъ болѣе случайный характеръ, но въ большинствѣ случаевъ falsum рѣзко отграничивается отъ мошенничества—stellionatus; въ германскомъ—образованіе valsch совершается болѣе послѣдовательнымъ и правильнымъ, повидимому, путемъ—сюда относятся постепенно всѣ тѣ случаи, гдѣ было въ наличности выразившееся въ какомъ-нибудь матеріальномъ фактѣ искаженіе истины. Римское falsum заключало въ себѣ самыя разнообразныя дѣянія, часто не имѣвшія ничего общаго съ подлогомъ, какъ овеществленнымъ искаженіемъ истины—оно образовалось вслѣдствіе стремленія дать тѣмъ или другимъ предметамъ защиту отъ всякихъ посягательствъ. Германское valsch носило въ себѣ болѣе объединяющій моментъ; нужно было только выдѣлить изъ всѣхъ случаевъ, отнесенныхъ къ valsch, тѣ, гдѣ посягательство направляется непосредственно

на имущественный интересъ. Эту задачу выполнило германское право самаго позднѣйшаго періода. Попытки пойти по правильному пути встрѣчались однако давно, но не приводили къ опредѣленному результату. Такъ, въ вормской реформаціи 1498 г. замѣтна попытка провести различіе между подлогомъ, какъ самостоятельнымъ понятіемъ и какъ средствомъ къ совершенію мошенничества. Здѣсь говорится объ обманномъ измѣненіи своего имени съ цѣлью полученія такимъ образомъ какой-нибудь выгоды, за что полагается тѣлесное наказаніе и изгнаніе изъ страны; этому противопоставляется присвоеніе непринадлежащаго званія безъ такой цѣли; послѣднее преступленіе считается подлогомъ и влечетъ наказаніе за подлогъ (ist schuldig der pene der falsch, mag als ein faltscher gestrafft werden) [1]. Точно также въ тирольскомъ уголовномъ кодексѣ 1499 г. противополагаются другъ другу Falsch и Laicherei.

§ 6. Переходя къ разсмотрѣнію собственно подлога документовъ, мы должны замѣтить, что источники разсматриваемаго періода почти ничего не говорятъ о немъ, и только швабское зерцало — Schwabenspiegel — содержитъ сравнительно больше постановленій. Здѣсь прежде всего указывается на цѣлый рядъ формальностей, необходимыхъ при составленіи документовъ, соблюденіе которыхъ имѣло между прочимъ и цѣль предупрежденія подлоговъ. Такъ о всякой сдѣлкѣ писецъ (schriber) долженъ былъ составлять документъ, на который прикладывалъ свою печать; присутствовавшіе при этомъ свидѣтели—числомъ не менѣе 6—должны были своими печатями скрѣпить документъ и впослѣдствіи подъ присягой обязаны были показать, что документъ написанъ правильно; только документъ такимъ образомъ составленный могъ имѣть силу и послѣ ихъ смерти [2]. Для обезпеченія большей вѣрности вошло въ обычай кромѣ своей печати обращаться къ

[1]) Ortloff l. c. p. 103.

[2]) Schwabsp. c. 323. Unde sint die geziuge tot, die an der hantfeste stant, die toten helfent alse wol alse die lebenden. Daz is davon recht, daz diu ingesigele dran ligent.

приложенію печатей лицъ, власть имущихъ [1]); благодаря приложенію этой второй печати документъ становился еще надежнѣе (der brief ist niur deste vester); наконецъ, условіемъ дѣйствительности документа выставлялось требованіе написанія даты на немъ [2]).

О самой поддѣлкѣ документовъ въ большинствѣ списковъ Schwabenspiegel говорится немного; указывается только, какъ слѣдуетъ наказывать писца за составленіе фальшивыхъ документовъ (valsche hantfeste oder valsche briefe) [3]). Такимъ образомъ субъектомъ преступленія могъ быть, повидимому, только писецъ; необходимымъ условіемъ состава преступленія выставляется наличность сознанія виновнаго, что документъ этотъ составлялся подложно (er wol wiste, daz ez valsch waz, daz er da schreip). Наказаніемъ опредѣляется для свѣтскихъ лицъ отсѣченіе руки, а для духовныхъ—лишеніе сана по суду епископа (ere nemen) и затѣмъ отсылка въ судъ свѣтскій, гдѣ съ виновнымъ поступаютъ такъ же, какъ и съ другими.

Однако въ одномъ спискѣ Schwabenspiegel—и только въ одномъ [4]) — содержатся дополнительныя постановленія (къ с. 369), рисующія полную картину подлога документовъ въ эту эпоху. Здѣсь говорится, что подлогъ можетъ совершаться разными способами (man velschet ein hantfeste mit manigen dingen), и затѣмъ приводится 13 способовъ совершенія этого преступленія. Мы не будемъ останавливаться на этихъ казуистичныхъ постановленіяхъ [5]), скажемъ только, что подлогомъ признаются, по этому списку, какъ нарушенія чисто формальныхъ требованій составленія документовъ (напр. ненапи-

---

[1]) Schwab. c. 159. Und werdent disiu insigel uber ander lute sache gegeben, so hant si also groze craft als uber ir selber sache.

[2]) Ibid. „Und swa man hantveste machet, da sol man Iesu Christi unsers herren alter an setzen“.

[3]) Schwab. c. 369.

[4]) v. Lassberg. Der Schwabenspiegel 1840 p. 158 прим.

[5]) См. Caspar. Darstellung des strafrechtlichen Inhalts des Schwabenspiegels und der augsburger Stadtrechts. 1892 p. 22.

саніе на документѣ времени составленія его), такъ и различные способы совершенія поддѣлокъ: составленіе документа подложнаго, подложное измѣненіе документа подлиннаго (напр. указывается на такой случай: посредствомъ воды и вина выводится написанное и затѣмъ на мѣстѣ его пишется новое содержаніе), поддѣлка печатей на документѣ (напр. посредствомъ отскабливанія старыхъ и приложенія новыхъ); приведеніе въ документѣ ложныхъ данныхъ (указываются такіе случаи, какъ приведеніе ложныхъ данныхъ о своей бѣдности, о свободномъ состояніи и т. п.). Наконецъ, наряду съ этимъ указывается, что документъ считается подложнымъ, если большинство свидѣтелей, присутствовавшихъ при его составленіи, высказывается противъ его подлинности. Это казуистичное перечисленіе имѣло, по словамъ самого разсматриваемаго источника, цѣлью научить, какъ распознавать всякій подлогъ въ документахъ [1]). Постановленія эти представляются въ высшей степени интересными и цѣнными, такъ какъ позднѣйшій памятникъ—Sachsenspiegel, который представляетъ изъ себя обработку Schwabenspiegel'я и заимствовалъ большинство его постановленій, не говоритъ вовсе о поддѣлкѣ документовъ.

§ 7. То же видимъ мы и въ болѣе раннихъ Stadt-und Landrechte; въ нихъ нѣтъ почти рѣчи о подлогѣ документовъ [2]); здѣсь встрѣчаемъ мы только указанія на тѣ формальности, которыя должны были быть соблюдаемы при составленіи документовъ и которыя являются своего рода мѣрами предупредительнаго свойства противъ подлога, таково, напр. требованіе, чтобы всякаго рода сдѣлки совершались въ присутствіи городскихъ властей и заносились въ скрѣпленные печатями документы;

---

[1]) Нельзя не замѣтить нѣкотораго сходства этихъ опредѣленій съ тѣми постановленіями о подлогѣ документовъ, которыя мы видѣли въ каноническомъ правѣ, гдѣ точно также перечисляются способы совершенія подлоговъ и точно также указывается цѣль этого перечисленія. См. стр. 75.

[2]) Только въ кульмскомъ правѣ есть спеціальная глава с. 326 de falsis litteris, гдѣ говорится о составленіи фальшивыхъ документовъ (adulterinae litterae), за что опредѣляется falsi animadversio.

приложеніемъ печатей городскихъ властей (scultetus, consules) придавалась документу особенная сила [1]); отъ хранителя городской печати (sigillum ville) отбиралась присяга, что онъ безъ согласія sculteti или duorum (или trium) consulatorum, не будетъ прикладывать печати ни къ какому документу [2]).

Только въ городскихъ и земскихъ правахъ позднѣйшей эпохи, именно XV и XVI в., встрѣчаемъ мы больше указаній на поддѣлку документовъ, причемъ за это преступленіе законъ угрожаетъ обыкновенно самыми тяжкими наказаніями; такъ, фрейбургское право за поддѣлку документовъ и печатей (наряду съ поддѣлкой денежныхъ знаковъ) угрожаетъ смертной казнью [3]); геннебергское земское право угрожаетъ за подлогъ документовъ и печатей судебнымъ писцамъ и нотаріусамъ отсѣченіемъ правой руки и отрѣшеніемъ отъ должности; то же наказаніе—отсѣченіе руки—постигаетъ и другихъ лицъ, если подлогомъ затронута самая сущность („Substanz“) документа [4]); по цюрихскому закону за поддѣлку документовъ и печатей полагается тѣлесное наказаніе или смертная казнь и лишеніе чести и имущества [5]). Въ тирольскомъ уголовномъ кодексѣ [6]) различаются съ одной стороны поддѣлка золота и серебра, съ другой — поддѣлка документовъ и печатей, отдѣльно же отъ этого, какъ мошенничество (Laicherey), предусматривается употребленіе поддѣльныхъ мѣръ и вѣсовъ и пользованіе при игрѣ поддѣльными костями (die so falsch Gewicht vund Masz geben und falsch Spiel brauchen—art. 30). Въ частности относительно подлога документовъ и печатей (Brieff und Siegel fälscher—art. 22) различается составленіе поддѣльнаго документа („falsch Brieff macht“), за что полагается сожженіе, далѣе поддѣлка или измѣненіе до-

---

[1]) Stadtrecht v. Dattenried in S. 1358.

[2]) Handfeste v. Freiburg im Üchtelande 1249; Burgsdorfer Handfeste von 1316.

[3]) Freiburg in Breisgau. v. 1520.

[4]) Hennebergische L. O. v. 1539, VIII, 7, 3. Ortloff. p. 102 n. 2.

[5]) Züricher Gesetz. v. 1549; Osenbrüggen. l. c. p. 340.

[6]) Tyroler Malefizordnung 1499. г. (по редакціи 1532 г.).

кумента, касающіяся правовой сущности послѣдняго („das dadurch die recht Substanz des Brieffs verkert wirdet“), и наконецъ завѣдомое пользованіе поддѣльными документами („so sich wissentlich eines solchen gefälschten Brieffs gebraucht“); въ послѣднихъ двухъ случаяхъ наказаніе—отсѣченіе головы.

Здѣсь важно указать на то, что въ этомъ кодексѣ моментъ правовой сущности документа выдвигается на первый планъ и такимъ образомъ ограничивается значительно понятіе подлога. Другой важный моментъ здѣсь въ томъ, что о поддѣлкѣ мѣръ и вѣсовъ говорится отдѣльно отъ подлога, такъ что объемъ послѣдняго значительно суживается.

Какъ видно изъ только что приведенныхъ постановленій, наказанія за подлогъ документовъ въ концѣ среднихъ и въ началѣ новыхъ вѣковъ были очень суровы и, какъ передаютъ городскія хроники, составители подложныхъ документовъ наказывались обыкновенно смертью [1]), такъ что это дѣяніе считалось однимъ изъ самыхъ тяжкихъ преступленій.

§ 8. Крайняя дробность средневѣковаго германскаго законодательства привела въ концѣ концовъ къ сознанію необходимости имѣть одинъ общій кодексъ для всей Германіи. Эта идея осуществилась въ твореніи юриста Шварценберга—

---

[1]) Такъ въ аугсбургской хроникѣ упоминается о сожженіи живымъ нѣкоего лица въ 1424 году „von falscher brief wegen“ (Caspar l. c. p. 66). Въ 1376 г. въ Аугсбургѣ былъ сваренъ въ маслѣ одинъ поддѣлыватель печати; въ 1582 г. обезглавленъ какой-то красильщикъ за поддѣлку клейма, которое накладывалось на сукно. Въ 1445 году одно лицо было обезглавлено за поддѣлку векселя (Osenbrüggen l. c. p. 341). Въ нюренбергской хроникѣ говорится о сожженіи живымъ въ 1460 г. одного секретаря суда (Stuhlschreiber) „um falschniss prief und sigel“; за то же въ 1494 былъ обезглавленъ одинъ патрицій; въ 1460 г. одинъ городской писецъ былъ лишенъ языка и ушей и изгнанъ за то, что сдѣлалъ поддѣльную запись; въ 1593 г. отсѣчена голова одному лицу, пріобрѣвшему на основаніи поддѣльныхъ документовъ 14000 флориновъ. Кромѣ того здѣсь постоянно упоминается о болѣе мягкихъ наказаніяхъ—лишеніи глазъ и клейменіи (Knapp. Das alte nürnberger Kriminalrecht. 1896 p. 260).

Constitutio Criminalis Carolina, изданномъ въ 1532 году. Здѣсь ученіе о подлогѣ получаетъ бо́льшую опредѣленность въ сравненіи съ предшествующей эпохой, хотя и отражаетъ всецѣло дѣйствовавшее въ ту эпоху законодательство.

Подобно большинству германскихъ законодательныхъ памятниковъ конца среднихъ и начала новыхъ вѣковъ, Каролина не объединяетъ отдѣльныхъ случаевъ поддѣлокъ подъ какимъ-нибудь общимъ наименованіемъ, въ родѣ стариннаго falsch, такъ что единаго преступленія подлога она не знаетъ, но разные случаи измѣненія матеріальныхъ предметовъ всякаго рода она сопоставляетъ рядомъ въ отдѣльныхъ параграфахъ, указывая на то, что однообразіе способа дѣйствія по прежнему для законодателя имѣетъ важное значеніе, и что по этому признаку можно установить извѣстную внутреннюю связь между отдѣльными случаями поддѣлокъ. Каролина говоритъ о слѣдующихъ четырехъ видахъ поддѣлокъ: о поддѣлкѣ монетъ (art. 111), о поддѣлкѣ документовъ и печатей (art. 112), о поддѣлкѣ мѣръ, вѣсовъ и товаровъ (art. 113) и о поддѣлкѣ граничныхъ знаковъ (art. 114) [1]. Надо еще замѣтить, что непосредственно вслѣдъ за этими статьями (art. 115) она говоритъ о такъ называемой преварикаціи, т. е. объ измѣнѣ своему долгу со стороны повѣреннаго во вредъ ввѣреннымъ ему интересамъ. Толкователи Каролины [2]) относили этотъ случай къ подлогу, хотя онъ прямо сюда и не относится, и взглядъ этотъ нашелъ отраженіе въ позднѣйшихъ законодательныхъ памятникахъ германскаго права. Но лжесвидѣтельство поставлено внѣ всякой связи съ поддѣлками: о немъ говорится рядомъ съ другими постановленіями о свидѣтеляхъ, въ art. 63 „von falschen zeugen".

---

[1]) Эти статьи Каролины основаны на слѣдующихъ статьяхъ первоисточника послѣдней Bambergensis 1507—136, 137, 138, 139 и соотвѣтствуютъ слѣдующимъ статьямъ Brandenburgensis 1532—138, 139, 140 и 141.

[2]) Мы не разсматриваемъ здѣсь средневѣковой германской и итальянской доктрины о подлогѣ, оставляя это до анализа ученій о подлогѣ вообще.

Итакъ, хотя въ Каролинѣ и нѣтъ объединяющаго понятія подлога, но сопоставленіе рядомъ четырехъ случаевъ, гдѣ существеннымъ моментомъ преступленія является искаженіе внѣшняго вида какого-нибудь предмета, указываетъ, что ей нечуждо было представленіе о единомъ преступленіи—подлогѣ, отдѣльные случаи котораго связываются вмѣстѣ не единствомъ объекта, а однородностью способовъ дѣйствія, такъ что поддѣлка товаровъ и подлогъ документовъ представлялись одинаковыми по своему существу, и строгаго различія между мошенничествомъ и подлогомъ быть не могло.

Обращаясь къ подлогу документовъ, мы можемъ замѣтить, что въ противоположность римскому праву и сложившемуся подъ его вліяніемъ законодательству нѣкоторыхъ германскихъ племенъ (leges barbarorum), Каролина предусматриваетъ дѣйствительно только одинъ подлогъ документовъ и не относитъ къ нему той массы другихъ преступныхъ дѣяній противъ документовъ, которую мы видимъ въ римскомъ правѣ. Такимъ образомъ подлогъ документовъ получаетъ здѣсь самостоятельное значеніе и имѣетъ вполнѣ очерченный объемъ. Подобно римскому праву, въ Каролинѣ перечисляются—очевидно, въ видѣ примѣра—отдѣльные объекты посягательства: письма [1]), документы, книги для записей недвижимаго имущества, податей и т. п., разные регистры [2]). Преступленіе съ внѣшней стороны заключается въ составленіи подложныхъ документовъ (falsch machen), ему приравнивается поддѣлка печатей; для выполненія состава преступленія достаточно одного факта подлога, и употребленія подложныхъ документовъ съ какой-нибудь цѣлью не требуется. Со стороны внутренней преступленіе должно быть совершено умышленно. Наказаніемъ

---

¹) По словамъ Миттермайера, здѣсь Brief употребляется въ смыслѣ Urkunde (Anmerkungen zum Feurbahs'Lehrbuch p. 673 n, VIII.

²) Art. 112. Item welche falsch siegel, brieff, instrument, urbar, renth oder zinzsbücher oder register machen, die sollen an leib und leben, nach dem die falschung vil oder wenig bozshaftig und schedlich geshieht nach radt der rechtverstendigen oder sunst als zu ende diser ordnung vermeldet, peinlich gestrafft werden.

является или тѣлесное наказаніе, или смертная казнь, смотря по тому, сколько въ преступленіе вложено злонамѣренности (bozshaftig) и вредоносности (schedlich) [1]). При этомъ Каролина отсылаетъ, по своему обыкновенію, за рѣшеніемъ вопроса о наказаніи къ совѣту юристовъ и такимъ образомъ вноситъ полный произволъ въ опредѣленіе наказаній, между тѣмъ какъ до этихъ поръ наказаніе за подлогъ всегда точно въ законѣ опредѣлялось.

§ 9. Хотя Каролина и должна была служить однимъ общимъ источникомъ права для всей Германіи, но въ силу особой оговорки, въ ней помѣщенной (такъ наз. clausula salvatoris), ей не придавалась обязательная сила; вслѣдствіе этого, если многія изъ отдѣльныхъ германскихъ государствъ приняли ее цѣликомъ, то зато другія пользовались только ея переработкой или даже вовсе не вводили ея.

Въ отношеніи выясненія сущности подлога документовъ въ нѣкоторыхъ изъ законодательствъ этой эпохи замѣтны безусловно шаги впередъ, что особенно проявляется въ стремленіи придавать самостоятельное значеніе мошенничеству по сравненію съ подлогомъ. Такъ Landesgerichtsordnung für Oesterreich unter der Ens von 30 Dec. 1656, хотя и носитъ слѣды нѣкотораго вліянія Каролины, но содержитъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя существенныя поправки по сравненію съ ней относительно постановленій о подлогѣ. Поддѣлка туземной монеты (unserer Käyserlichen oder Landes-Fürstlichen Müntz— § 61) [2]) отнесена здѣсь къ crimen laesae majestatis, а поддѣлка монеты иностранной, распространеніе поддѣльной монеты и уменьшеніе въ вѣсѣ и размѣрѣ монеты настоящей (art. 87) разсматриваются наряду съ другими видами поддѣлокъ, именно

---

[1]) Смертная казнь, напр. по словамъ Клейна, должна была, само собой разумѣется, назначаться въ томъ случаѣ, если подлогъ былъ употребленъ, какъ средство для совершенія убійства (Klein. Grundsätze des gemeinen deutschen und preussischen peinlichen Rechts 1796. p. 344).

[2]) Сюда еще по тому же § 61 отнесена и поддѣлка королевскихъ печатей (Insigl).

въ § 88, который говоритъ о поддѣлкѣ печатей и документовъ (Sigel, Schildt, Helm, falsche Brieff, Urkunden machen); наказаніе положено здѣсь то же, что и въ Каролинѣ art. 112; далѣе art. 89 соотвѣтствуетъ art. 113 C. C. C., а въ art. 90 говорится о перестановкѣ граничныхъ знаковъ. Затѣмъ еще въ art. 94 отдѣльно предусматривается обманъ, Betrug (stellionatus), куда относится, напр. случай продажи одной и той же вещи нѣсколькимъ лицамъ, такъ что здѣсь уже, повидимому, сознается разница между подлогомъ и мошенничествомъ, и противополагается искаженіе внѣшняго вида извѣстныхъ, въ особую рубрику выдѣленныхъ предметовъ, являющихся способомъ удостовѣренія опредѣленныхъ моментовъ юридическихъ отношеній, всякаго рода обманамъ, не содержащимъ въ себѣ посягательства на означенные предметы.

Гораздо значительнѣе отступаетъ отъ Каролины другой памятникъ—Landesgerichtsordnung für Oesterreich ob Ens von 1 Oct. 1559; въ немъ предусматривается въ числѣ случаевъ crimen laesae majestatis поддѣлка документовъ вмѣстѣ съ поддѣлкой монетъ, золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней[1]), между тѣмъ какъ поддѣлка мѣръ и вѣсовъ и съѣстныхъ припасовъ, равно какъ и употребленіе этихъ поддѣльныхъ предметовъ[2]) носятъ названіе Betrug, выдѣлены изъ числа уголовныхъ дѣлъ (malefizitisch) и отнесены къ вѣдомству мирового судьи (nach Gelegenheit desselben gebrauchten Betrug nachdem es gemainen Nutz betrifft durch den Landrichter bestrafft).

Такимъ образомъ здѣсь ясно замѣтно стремленіе проводить разницу между такими случаями поддѣлки, гдѣ объектъ посягательства охраняется самъ по себѣ, и такими, гдѣ его охрана носитъ характеръ охраны имущественнаго интереса.

Нужно еще отмѣтить то обстоятельство, что постепенно

---

[1]) По Landesgerichtsordnung für Oesterreich unter der Ens. 21 Aug. 1514 въ § 40 предусматривались тѣже дѣянія съ прибавкой къ нимъ еще поддѣлки печатей; то же въ Landesgerichtsordn. für Krain, 18 Febr. 1535.

[2]) То же въ Landesgerichtsord. 1535 г. и Landesgerichtsord. für Kärnthen v. 1577 cap. XVI.

въ эту эпоху поддѣлка монетъ выдѣляется изъ области подлога вообще и начинаетъ считаться однимъ изъ видовъ посягательствъ на права государства. Развитію этого воззрѣнія не мало способствовали многочисленные Münzordnungen, которые мы встрѣчаемъ въ XVI и въ XVII вв. [1])

§ 10. Такимъ образомъ, повидимому, германское право начинало вступать на правильный путь и посредствомъ обобщеній могло бы придти къ настоящей конструкціи подлога документовъ, какъ преступленія совершенно самостоятельнаго по отношенію къ мошенничеству. Но начавшаяся въ это время разработка права юристами, обращавшимися почти исключительно къ римскому праву, измѣнила совершенно дальнѣйшій путь развитія подлога. Своей неопредѣленной въ большинствѣ случаевъ санкціей и предоставленіемъ судьямъ права обращаться къ совѣту лицъ, опытныхъ въ правѣ (radt rechtverstendigen), Каролина дала возможность пользоваться при примѣненіи на практикѣ того или другого своего положенія данными, выработанными юриспруденціей, вслѣдствіе чего явилась возможность для послѣдней оказывать свое непосредственное вліяніе и на послѣдующее законодательство. И если въ эпоху ближайшую къ С. С. С. въ XVI в. и отчасти въ XVII в. мы видимъ или господство началъ этого кодекса, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ новые кодексы являются только дальнѣйшимъ его распространеніемъ, всецѣло на немъ основываясь, или же самостоятельное развитіе того права которое дѣйствовало въ отдѣльныхъ частяхъ Германіи до Каролины, то въ эпоху послѣдующую — въ особенности въ XVIII в., мы видимъ уже кодексы, отступающіе отъ основныхъ взглядовъ Каролины и представляющіе не что иное, какъ выраженіе тѣхъ началъ, которыя сдѣлались communis opinio doctorum въ юриспруденціи этой эпохи.

Подъ вліяніемъ доктрины среднихъ вѣковъ, старавшейся объединить всѣ случаи подлога, выяснить составъ этого пре-

[1]) Напр. Reichsmünzordnung v. 1559, Kreistagabschied v. 1567, Reichsdeputationsabschied v. 1600 и др.

ступленія и указать на существенные его элементы, кодексы XVIII в. пытаются сдѣлать то же, окончательно смѣшивая отдѣльные виды поддѣлокъ съ мошенничествомъ и придавая подлогу объемъ еще болѣе широкій, чѣмъ это мы видѣли даже въ римскомъ правѣ; при этомъ можно замѣтить, что отдѣльные кодексы то создаютъ общее объединяющее понятіе подлога (Falsch), подвидомъ котораго является обманъ (Betrug), то наоборотъ создаютъ общее понятіе обмана (Betrug, Trug), подвидомъ котораго является подлогъ (Falsch), такъ что, собственно говоря, строгаго различія между этими терминами проводить нельзя.

§ 11. Codex juris bavarici criminalis 1751 г. даетъ подъ замѣтнымъ вліяніемъ ученій средневѣковой доктрины слѣдующее опредѣленіе преступленія подлога (Verfälschung, falsum). Это—тѣ дѣянія, посредствомъ которыхъ искажается истинное положеніе вещей словами, дѣйствіями или письмомъ и притомъ способомъ опаснымъ и направленнымъ во вредъ другимъ („wodurch die Wahrheit der Sach theils mit Worten, theils mit Werken und Schriften auf eine gefährlich und Andern zu Schaden gereichende Art verdreht wird"). Понятіе подлога получаетъ здѣсь значеніе рода; мошенничество является только однимъ изъ видовъ этого подлога въ широкомъ смыслѣ и не выдѣляется изъ общаго понятія его На первый планъ ставится искаженіе истиннаго положенія вещей, такъ что вездѣ, гдѣ только оно есть на лицо, баварское уложеніе видитъ наличность подлога, объектъ же посягательства здѣсь безразличенъ; естественно, что при такомъ взглядѣ въ понятіе подлога должны были войти и случаи мошенничества, и изъ казуистическаго перечисленія отдѣльныхъ случаевъ подлога, которое мы находимъ въ кодексѣ, это особенно ясно вытекаетъ. Такъ, здѣсь перечисляются слѣдующія дѣянія [1]): сокрытіе своей личности посредствомъ измѣненія своего имени или самовольнаго присвоенія непринадлежащихъ титуловъ, отличій и гербовъ; подмѣнъ дѣтей,

[1]) Cod. jur. crim. cap. IX § 2.

повтореніе крещенія или конфирмаціи съ цѣлью полученія денегъ; прошеніе милостыни подъ предлогомъ будто-бы постигшаго пожара или иного несчастія; дача ложнаго показанія; производство суда вопреки знанію и совѣсти (gegen besseres Wissen und Gewissen); побужденіе судьи посредствомъ неправды (Unwahrheiten) къ неправильному приговору или къ замедленію въ отправленіи суда; склоненіе свидѣтелей посредствомъ подарковъ или обѣщаній къ лжесвидѣтельству; порча документовъ или печатей, поддѣлка ихъ, распечатываніе и утайка (Briefe oder Siegel corrumpirt, nach machet, erbricht, unterschlaget); разглашеніе ввѣренной тайны; служеніе въ одномъ и томъ же дѣлѣ двумъ сторонамъ (auf beeden Achseln trägt) вопреки обязанности и совѣсти; отчужденіе чужой вещи, закладъ ея, выдача за свою; двойной закладъ или продажа своей вещи; вторичное требованіе уплаченныхъ долговъ; обрученіе со многими лицами; употребленіе невѣрныхъ мѣръ и вѣсовъ; поддѣлка съѣстныхъ припасовъ, напитковъ и другихъ товаровъ (Venalien); возвышеніе или пониженіе установленныхъ правительствомъ цѣнъ; шулерство (falsche Spiele treiben); дѣланіе злостнымъ образомъ долговъ и банкротство; перестановка граничныхъ знаковъ и отведеніе пограничныхъ рѣкъ (Gränzflüsse abtreiben); пользованіе учиненнымъ другимъ лицомъ подлогомъ; наконецъ, въ заключеніе говорится о всякихъ вообще плутняхъ (dergleichen schädliche Betrügereien übt) [1]).

Наказанія, положенныя за это преступленіе, состояли или въ тѣлесномъ наказаніи или смертной казни, смотря по обстоятельствамъ дѣла.

Изъ этого перечня явственно вытекаетъ, что собственно подлогу документовъ придавалось здѣсь совершенно второстепенное значеніе въ числѣ другихъ посягательствъ на „истину“,

[1]) Впрочемъ это перечисленіе не имѣетъ исчерпывающаго значенія, такъ какъ хотя въ кодексѣ и сказано, что подлогъ „kann zwar gar verschiedener Weise geübt werden“, но далѣе прибавлено: „am meisten aber pflegen folgenge Gattungen vorzukommen“, и затѣмъ слѣдуетъ указанное выше перечисленіе отдѣльныхъ случаевъ.

и онъ разсматривался наряду съ другими „schädliche Betrügereien“.

Какъ можно видѣть изъ разсматриваемыхъ случаевъ, моментъ нанесенія вреда кому-нибудь (Andern zu schaden) являлся существеннымъ моментомъ всего преступленія; однако, какъ слѣдуетъ изъ комментарія къ баварскому кодексу [1]), преступленіе считалось совершившимся и безъ наступленія вреда, и тогда на первый планъ выступала охрана извѣстнаго предмета самого по себѣ, а не обращалось на него вниманіе исключительно, какъ на средство совершенія какого-либо посягательства. Такъ говорится, что если кто-нибудь распечатывалъ документъ не изъ желанія повредить другому лицу, а изъ любопытства, то онъ все-таки наказывается, хотя вредъ въ этомъ случаѣ и не послѣдовалъ для извѣстной личности,—„ob violatam fidem publicam“. Такимъ образомъ здѣсь видно сознаніе наличности особаго объекта „общественнаго довѣрія“, противъ котораго возможны извѣстныя посягательства. Тутъ имѣется, слѣдовательно, защита документа самого по себѣ, документа, какъ таковаго; но защитѣ этой придавалось второстепенное значеніе, она носила вспомогательный характеръ, на случай, если защита иныхъ благъ не могла быть установлена въ данномъ случаѣ. Если посредствомъ посягательства на документъ совершалось какое-нибудь посягательство на другое правовое благо, то съ точки зрѣнія защиты послѣдняго и разсматривалось данное дѣяніе; если же этого не было, то тогда признавалась наличность посягательства на общественное довѣріе, носителемъ котораго считался документъ. Наконецъ, какъ видно изъ содержанія ст. 2 гл. IX, въ частности для состава преступленія подлога документовъ не требовалась наличность употребленія поддѣльнаго подъ видомъ настоящаго—необходимо было только, чтобы поддѣлка была на лицо и чтобы она могла угрожать вредомъ другимъ лицамъ, такъ что возможный вредъ приравнивался здѣсь дѣйствительному.

[1]) Anmerkungen über den Cod. jur. bav. crim. p. 122, sub. q.

§ 12. Почти то же мы видимъ въ другомъ извѣстномъ памятникѣ прошлаго столѣтія — австрійскомъ кодексѣ 1768 г., носящимъ названіе Constitutio Criminalis Theresiana. Здѣсь въ art. 72 выставляется общее понятіе „Falsch“, какъ родовое для такихъ обманныхъ дѣяній (schalkhaft betrügliche Handlungen), которыя не имѣютъ особеннаго названія. Подлогъ разсматривается, какъ видъ имущественнаго посягательства. Самъ кодексъ находитъ въ большинствѣ случаевъ его близкое родство съ кражей и видитъ въ немъ искаженіе истины, направленное во вредъ третьимъ лицамъ (eine gefährliche den Dritten zu Schaden abgeschene Verdreh-und Verkehrung der Wahrheit). По словамъ кодекса, это понятіе заключаетъ въ себѣ и поддѣлку монетъ, и лжеприсягу, и посягательство на правосудіе и др. преступныя дѣянія, рѣчь о которыхъ идетъ въ другихъ мѣстахъ, но въ § 72 разсматриваются только такіе виды подлога, которые не имѣютъ вслѣдствіе своего разнообразія особаго названія и образуютъ самостоятельное понятіе „Falsch“. Подвидомъ этого общаго понятія (Falsch) являются подлогъ (Fälschung) и стелліонатъ. Къ первому относится: подлогъ документовъ и печатей, поддѣлка мѣръ, вѣсовъ, товаровъ, подмѣнъ дѣтей и перестановка граничныхъ камней [1]), при томъ условіи, если эти дѣянія совершены съ обманнымъ намѣреніемъ; ко второму же отнесены преступленія тѣхъ лицъ, которыя сознательно и умышленно совершаютъ особенно хитрый обманъ, предостеречь и предвидѣть который не въ состояніи и самые благоразумные люди, и тому подобныя хитрыя продѣлки (derley schalkhafte Parthiten und Schelmenstück) [2]). Хотя мошенничество и здѣсь все еще смѣшивается съ подлогомъ (такъ, напр. поддѣлка товаровъ отнесена къ подлогу), но уже обманъ, совершаемый безъ поддѣлки, безъ овеществленнаго

[1]) Но о поддѣлкѣ монетъ Theresiana (art. 63) говоритъ отдѣльно отъ другихъ видовъ подлога, причемъ виновные разсматриваются, какъ Beleidiger unser Majestät.

[2]) Здѣсь затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ перечисленій отдѣльныхъ видовъ мошенничества, почти такой же, что и въ Cod. jur. bavarici 1751.

искаженія истины, выдѣляется въ самостоятельное понятіе стелліоната, хотя послѣднее и подведено подъ болѣе общее понятіе „Falsch“,—и въ этомъ нельзя не видѣть шага впередъ въ сравненіи съ баварскимъ кодексомъ.

Въ частности въ отношеніи подлога документовъ можно сказать слѣдующее: поддѣлкѣ документовъ приравнивается поддѣлка печатей, гербовъ и т. п. (Schild, Helm) [1]); документы, служащіе предметомъ посягательствъ, здѣсь перечисляются почти тѣ же, что и въ Каролинѣ: Briefe, Urkunden, Quittungen, Rent-oder Zinnsbücher; самое же преступленіе состоитъ: а) въ составленіи поддѣльныхъ документовъ, б) въ поддѣлкѣ и всевозможныхъ измѣненіяхъ и подчисткахъ подлинныхъ документовъ (здѣсь говорится только о briefliche Urkunden—преступленіе заключается въ gefährlich auskratzen, radiren, ändern und verfälschen), в) въ пользованіи поддѣльными или передѣланными документами (Briefschaften und Urkunden) злонамѣреннымъ и обманнымъ образомъ во вредъ другимъ на судѣ или внѣ суда и сообщеніе ихъ другимъ съ этой цѣлью. Такимъ образомъ для состава преступленія было достаточно составленіе подложнаго документа, употребленіе же его образовывало самостоятельное преступленіе.

Что касается наказанія за подлогъ, то оно было произвольное; для случаевъ менѣе значительныхъ оно заключалось въ выговорѣ, денежномъ взысканіи и арестѣ, а для болѣе важныхъ посягательствъ были опредѣлены конфискація имущества, тѣлесныя наказанія и смертная казнь.

§ 13. Кодексъ Маріи Терезіи былъ смѣненъ вскорѣ другимъ кодексомъ Іосифа II 1787 г. — Allgemeiner Gesetz über Verbrechen und desselben Strafen, который въ отношеніи подлога внесъ кое-какія новыя постановленія. Подлогъ (Trug, stellionatus, falsum) отождествляется здѣсь съ обманомъ вообще и предусматривается въ главѣ 6-ой „von Criminalverbrechen, welche auf Vermögen und Rechte Beziehung haben“ на ряду съ кражей, разбоемъ, зажигательствомъ и двоебрачіемъ. Самое

---

[1]) Ther. art. 72.

понятіе Trug кодексъ опредѣляетъ очень широко, разумѣя подъ нимъ всякую попытку посредствомъ какой бы то ни было хитрости (Ränke und List) присвоить себѣ чужое имущество или злоумышленно повредить кому-нибудь въ его имуществѣ, чести, свободѣ или его правахъ, безразлично какія средства были при этомъ употреблены и была ли дѣйствительно достигнута эта цѣль или нѣтъ [1]).

Такимъ образомъ, повидимому, подъ это понятіе можно подвести всякій обманъ, направленный на права другого лица, и, слѣдовательно, мошенничество; однако въ приводимыхъ затѣмъ въ уложеніи случаяхъ обмана нѣтъ рѣчи о мошенничествѣ, такъ какъ сюда отнесены только слѣдующія преступленія: поддѣлка документовъ, лжесвидѣтельство, присвоеніе непринадлежащаго имени, званія и должности, пользованіе умственной слабостью другого и преварикація повѣренныхъ и управляющихъ [2]). Нечего и говорить, что въ сравненіи съ Терезіаной этотъ кодексъ въ отношеніи ученія о подлогѣ представляетъ прогрессъ — имущественные обманы выдѣлены изъ подлога. Но все-таки подлогъ продолжаетъ здѣсь смѣшиваться съ другими преступленіями, съ лжесвидѣтельствомъ и т. п.

Подъ именемъ подлога документовъ здѣсь предусмотрѣны: составленіе подложнаго документа съ поддѣлкой или безъ поддѣлки чужой подписи и передѣлка подлиннаго документа [3]).

Наказаніемъ, положеннымъ за подлогъ, является тюремное заключеніе, измѣняющееся въ своемъ родѣ и продолжительности въ зависимости отъ разныхъ обстоятельствъ, напр. отъ значительной степени причиненнаго вреда, отъ такого свойства употребленной хитрости, что предвидѣть ее или помѣшать ей было невозможно, отъ обращенія преступленія въ ремесло и т. д.

Наконецъ, надо замѣтить, что изъ общаго понятія Trug выдѣлены были еще нѣкоторые его виды, какъ болѣе легкіе

[1]) Allg. Gesetz Th. I § 149.
[2]) Ib. § 150—154.
[3]) Ib. § 150.

по наказуемости и отнесенные къ категоріи полицейскихъ нарушеній (politische Verbrechen, по терминологіи этого кодекса): это обманъ, употребленный при игрѣ въ карты и кости[1]), и продажа товаровъ при помощи фальшивыхъ мѣръ и вѣсовъ[2]). Такимъ образомъ эти различные случаи мошенничества не сопоставлены здѣсь рядомъ съ другими случаями обмана.

§ 14. Постановленія Іозефины въ свою очередь вскорѣ были нѣсколько измѣнены другимъ австрійскимъ кодексомъ. изданнымъ Францемъ II—Gesetz über Verbrechen und schwere Polizeiübertretungen v. 1803.

Подобно кодексу 1787 г., онъ выдѣляетъ изъ подлога вообще поддѣлку денежныхъ знаковъ и государственныхъ кредитныхъ бумагъ и кромѣ того говоритъ особо о должностномъ подлогѣ (der in Amtsachen eine Unwahrheit bezeuget—§ 86), относя это преступленіе къ злоупотребленію властью (Missbrauch der Amtsgewalt); сюда же отнесена имъ и преварикація, которая раньше входила въ составъ подлога.

Подлогъ сопоставленъ и смѣшанъ съ мошенничествомъ подъ общимъ именемъ обмана (Betrug), который опредѣляется, какъ введеніе кого-нибудь въ заблужденіе посредствомъ лукавыхъ заявленій или уловокъ, вслѣдствіе чего это лицо должно понести ущербъ въ своемъ имуществѣ или другихъ правахъ, равно какъ пользованіе съ той же цѣлью чужой ошибкой или незнаніемъ (§ 176). Это опредѣленіе мало разнится отъ того, которое мы только что видѣли въ предшествующемъ кодексѣ. Отдѣльные же случаи подлога перечисляются здѣсь крайне казуистично, причемъ проводится различіе между подлогомъ, какъ Verbrechen и какъ schwere Polizeiübertretung. Къ первой категоріи относятся слѣдующія дѣянія: 1) по самому ихъ свойству (aus der Beschaffenheit der That): лжесвидѣтельство, присвоеніе должностного званія, употребленіе фальшивыхъ мѣръ и вѣсовъ въ общественномъ оборотѣ, поддѣлка или

---

[1]) Allg. Gesetz. II Th. § 32.

[2]) Ib. II Th. § 40.

передѣлка публичныхъ документовъ или установленныхъ публичными учрежденіями клейма или пробы, устраненіе граничныхъ камней, расточительное и злостное банкротство; 2) по размѣру вреда — если онъ превышаетъ 25 гульденовъ; сюда отнесены слѣдующіе случаи: составленіе подложныхъ частныхъ документовъ или передѣлка настоящихъ, распространеніе фальшивыхъ или передѣланныхъ денежныхъ знаковъ или кредитныхъ бумагъ безъ соглашенія съ ихъ составителями, пользованіе слабоуміемъ другого, чтобы причинить ему или другимъ какой-нибудь ущербъ, присвоеніе находки, присвоеніе непринадлежащаго имени, употребленіе при игрѣ фальшивыхъ картъ и костей. Если же вредъ, причиненный всѣми этими дѣяніями, не превышаетъ 25 гульд., то эти преступныя дѣянія были отнесены къ категоріи schwere Polizeiübertretungen, съ уменьшенной наказуемостью. Обыкновеннымъ же наказаніемъ за Betrug было лишеніе свободы отъ 6 м. до 1 года, которое при особыхъ обстоятельствахъ могло увеличиваться въ продолжительности и родѣ, доходя до schwerer Kerker отъ 5 до 10 лѣтъ,—если имущественный ущербъ превышалъ 300 гульден., равно какъ и при привычкѣ къ преступленію (§ 182).

Разсматривая ближе всѣ случаи, отнесенные кодексомъ 1803 г. къ области подлога, нельзя не замѣтить, что здѣсь снова становится болѣе шаткой та граница между подлогомъ и мошенничествомъ, которая была проведена уже довольно рѣзко кодексомъ Іосифа II, и случаи имущественныхъ обмановъ, совершенныхъ безъ поддѣлки, сопоставлены съ подлогомъ документовъ. Самый же подлогъ документовъ разбитъ на два вида въ зависимости отъ того, поддѣланъ ли документъ публичный или частный. Здѣсь такимъ образомъ мы впервые встрѣчаемъ въ германскомъ правѣ различіе между отдѣльными видами подлога документовъ по непосредственному объекту посягательства.

§ 15. Что касается другихъ уложеній XVIII в., то слѣдуетъ еще остановиться на Прусскомъ Ландрехтѣ 1794 г. Онъ даетъ общее опредѣленіе подлогу и разсматриваетъ его, какъ

видъ квалифицированнаго обмана [1]). Отсюда онъ выдѣляетъ только поддѣлку денежныхъ знаковъ, видя въ ней одно изъ посягательствъ на права государства (отдѣлъ 7 — von Anmassungen und Beeinträchtigungen der vorbehaltenen Rechte des Staats), и подлогъ въ актахъ, совершенный судебными чиновниками (§ 399), смотря на него, какъ на преступленіе по должности (отдѣлъ 8 — von den Verbrechen der Diener des Staats). Подлогъ же вообще предусмотрѣнъ въ отдѣлѣ XV, озаглавленномъ „von Beschädigungen des Vermögens durch strafbaren Eigennutz und Betrug". Обманъ—Betrug является общимъ, объединяющимъ понятіемъ и для подлога и для мошенничества, заключая въ себѣ кромѣ того еще нѣкоторыя другія преступленія. Самая конструкція обмана оказывается здѣсь очень сложной. Ландрехтъ различаетъ обманъ простой (§ 1325) и квалифицированный; послѣдній дѣлится на четыре класса: злоупотребленіе довѣріемъ—Untreue (§ 1329—1376), подлогъ—Verfälschungen (§ 1377—1403), обманъ съ нарушеніемъ другихъ обязанностей—Betrug mit Verletzung anderer Pflichten (§ 1404—1440) и обманъ публики—Betrug der Publici (§ 1441—1487). Подлогъ (Verfälschung) въ свою очередь обнимаетъ собой четыре случая: подлогъ документовъ, фальшивую игру, шарлатанство — приготовленіе золота и предсказываніе будущаго (Goldmacher und Wahrsagen)—и перемѣщеніе границъ. Въ область же обмана съ нарушеніемъ другихъ обязанностей отошли многіе случаи, относившіеся раньше доктриной къ подлогу,—клятвопреступленіе, ложное обвиненіе, двойное крещеніе, подмѣнъ ребенка, злоупотребленіе чужимъ именемъ и гербомъ, а къ отдѣлу обмана публики отошли поддѣлка товаровъ, мѣръ и вѣсовъ, клейма и фабричныхъ знаковъ и банкротство. Уже одно это перечисленіе ясно показываетъ, что хотя и есть въ Ландрехтѣ попытки отдѣлить подлогъ отъ мошенничества, но крайне неловкія; такъ, къ подлогу отнесены два случая, имѣющіе съ нимъ мало общаго—фальшивая игра и шарлатанство. На-

[1]) Allgemeines Landrecht für die preussischen Staaten Th. II Tit. XX.

конецъ, и самое опредѣленіе подлога по Ландрехту крайне неясно. Подъ нимъ разумѣются обманы, посредствомъ которыхъ опредѣленнымъ лицамъ или вещамъ придаются признаки непринадлежащихъ имъ свойствъ или утаиваются существующія дѣйствительно свойства съ цѣлью лишить этимъ другихъ выгоды (§ 1378) [1]. Къ поддѣлкѣ же документовъ Ландрехтъ относитъ слѣдующія преступныя дѣянія, перечисляя ихъ очень казуистически и выдвигая на первый планъ то объектъ посягательства (тотъ или другой видъ документа), то способъ дѣйствія [2]): составленіе для совершенія обмана фальшивыхъ письменныхъ документовъ и подложное измѣненіе настоящихъ (наказаніемъ за это являются сверхъ денежнаго взысканія—обычнаго въ случаяхъ квалифицированнаго обмана—еще тѣлесныя наказанія и лишенія чести—§ 1380); поддѣлка иностранныхъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ (1382—83); поддѣлка изъ своекорыстныхъ цѣлей судебныхъ или другихъ публичныхъ документовъ (1384, для должностныхъ лицъ наказаніе за это преступленіе удваивается); составленіе фальшивыхъ векселей или другихъ частныхъ документовъ (Privatschriften) или фальшивая передѣлка чего-нибудь въ нихъ (1386); поддѣлка посредствомъ копированія почерка и поддѣлка печати (1387); подбрасываніе фальшиваго духовнаго завѣщанія (1388); собираніе денегъ посредствомъ фальшивыхъ свидѣтельствъ на имя какого-нибудь общественнаго учрежденія или на какое-нибудь ложное имя, а на самомъ дѣлѣ въ свою пользу (1392 и 1393); шарлатанство тѣхъ лицъ, которыя пользуются фальшивыми свидѣтельствами о своемъ мнимомъ лѣченіи (1394); употребленіе изъ своекорыстныхъ цѣлей фальшивыхъ дворян-

---

[1]) Betrügereien, wodurch gewissen Personen oder Sachen Merkmale von Eigenschaften, welche ihnen nicht zukommen, zu Bevortheilung anderer beigelegt, oder wodurch wirklich vorhandene Eigenschaften in gleicher Absicht verheimlicht werden, sind als Verfälschungen mit geschärfter Strafe zu ahnden.

[2]) Напр. какъ самостоятельный видъ преступленія указывается поддѣлка посредствомъ копированія подписи, хотя это дѣяніе должно быть обнято общимъ выраженіемъ составленія фальшиваго документа.

скихъ или докторскихъ дипломовъ и тому подобныхъ ложныхъ свидѣтельствъ и документовъ (1395); кромѣ того, совершенно неправильно отнесено сюда также присвоеніе себѣ дворянства, даже безъ поддѣлки документовъ, съ цѣлью причинить другимъ убытокъ (1396). Наконецъ, подлогу документовъ приравниваются похищеніе и утайка документовъ (1398). Ландрехтъ вездѣ указываетъ на то, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ долженъ быть на лицо своекорыстный (eigennützige Absicht) мотивъ, и для состава преступленія достаточно одного факта поддѣлки безъ наличности достиженія опредѣленной цѣли, однако, въ этомъ случаѣ, т. е. если не былъ никто обманутъ, наказаніе опредѣляется въ половинномъ размѣрѣ противъ того, которое должно бы было наступить (1389) [1]), если бы кто нибудь понесъ ущербъ. Повтореніе преступленія, равно какъ поддѣлка документовъ не съ цѣлью обмана одного лица, но съ цѣлью совершенія многихъ и повторныхъ обмановъ, влекутъ за собой увеличеніе наказанія (1390, 1391). Совершенію самаго преступленія приравнивается и пользованіе подлогами, учиненными другими лицами (§ 1379).

§ 16. Обращаясь, далѣе, къ постановленіямъ о подлогѣ партикулярнаго германскаго законодательства, дѣйствовавшаго съ начала XIX в. до введенія общегерманскаго уложенія 1870 г., мы можемъ констатировать ихъ крайнее разнообразіе и наблюдать въ высшей степени любопытное явленіе, какъ на протяженіи сравнительно короткаго времени (не много болѣе тридцати лѣтъ) взглядъ на сущность подлога и на объектъ его измѣнялся нѣсколько разъ, и это преступленіе было конструируемо самымъ различнымъ образомъ: то оно сливалось съ мошенничествомъ подъ общимъ именемъ обмана, то получало самостоятельное значеніе, то снова теряло его, будучи сведено только къ простому способу дѣйствія при посягательствахъ разнаго рода.

---

[1]) Наказанія, опредѣленныя за отдѣльные случаи поддѣлки, разнообразны; тутъ мы находимъ и тѣлесныя наказанія, и Festung, и Zuchthausstrafe.

Всѣ кодексы, относящіеся къ этой эпохѣ, можно разбить на слѣдующія группы: 1) законодательства, знающія особый отдѣлъ посягательствъ противъ общественнаго довѣрія—„Verbrechen wieder öffentliche Treu und Glauben", подъ который подводится и подлогъ документовъ; сюда относятся законодательства: баварское 1813 г., ольденбургское 1814 [1]), вюртембергское 1839, брауншвейгское 1840, ганноверское 1840; 2) законодательства, оставшіяся вѣрными началамъ только что разсмотрѣнныхъ кодексовъ XVIII в. и удержавшія общее понятіе обмана (Betrug, betrügerische Handlungen), обнимающаго собой подлогъ и мошенничество, и только выдѣлившія въ особую группу поддѣлку денежныхъ знаковъ—Münzverbrechen; сюда относится саксонское законодательство 1838 (сакс. альт. 1841); сюда же можно отнести законодательства, не создающія одного общаго понятія для подлога и мошенничества, однако разсматривающія эти преступленія, какъ родственныя, въ одномъ отдѣлѣ, посвящая каждому изъ нихъ особую главу—гессенское 1841, нассауское 1849, [2]) тюрингенское 1850, саксонское 1855; 3) законодательства, посвящающія подлогу и мошенничеству особые самостоятельные отдѣлы и не смѣшивающія ихъ другъ съ другомъ,—баденское 1845 и прусское 1851. Особнякомъ стоитъ баварскій кодексъ 1861 г., оставшійся во многомъ вѣрнымъ своему предшественнику, кодексу 1813 года, но не знающій особой рубрики преступленій противъ общественнаго довѣрія; онъ не знаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и общаго понятія подлога, какъ самостоятельнаго преступленія: подлогъ у него низводится на степень способа дѣйствія при посягательствахъ разнаго рода.

Обращаясь къ ближайшему разсмотрѣнію по этимъ кодексамъ вопроса о томъ, какъ они относятся къ подлогу документовъ и какое мѣсто они ему отводятъ въ общей системѣ преступленій, мы можемъ увидѣть слѣдующее.

---

[1]) Оно почти дословно повторяетъ постановленія баварскаго уложенія 1813 г.

[2]) Нассауское почти безъ измѣненія повторяетъ опредѣленія гессенскаго кодекса.

§ 17. Баварское уложеніе 1813 г.—твореніе знаменитаго юриста Анзельма Фейербаха—впервые вводитъ въ германское уголовное законодательство понятіе общественнаго довѣрія, какъ самостоятельный объектъ преступныхъ посягательствъ[1]. Созданіе особой рубрики преступленій противъ общественнаго довѣрія имѣетъ однако случайный характеръ; объектъ посягательства понимается очень широко, такъ что самое ученіе о подлогѣ мало подвинулось здѣсь впередъ по сравненію съ тѣмъ, что мы видѣли въ кодексахъ предшествующей эпохи[2]. Однородныя дѣянія въ зависимости отъ того, есть ли въ нихъ моментъ посягательства противъ общественнаго довѣрія или нѣтъ, кодексъ этотъ или относитъ къ группѣ преступленій gegen Treu und Glauben, или выдѣляетъ изъ нихъ; вслѣдствіе этого, исходя изъ такой точки зрѣнія, онъ не знаетъ и объединяющаго понятія подлога документовъ. Нѣкоторые виды подлога, какъ преступленія противъ общественнаго довѣрія, отнесены имъ къ группѣ преступленій публичныхъ, посягающихъ на права государства (die öffentliche oder Staatsverbrechen), другіе виды разсматриваются, какъ квалифицированный видъ мошенничества, въ числѣ другихъ частныхъ преступленій (Privatverbrechen), посягающихъ на какое нибудь право отдѣльнаго гражданина. Благодаря этому подлогъ строго не отграничивается отъ мошенничества, и самымъ терминамъ „Fälschung“ и „Betrug“ не придается опредѣленнаго значенія, такъ что они часто употребляются одинъ вмѣсто другого[3].

---

[1]) Мысль эта, быть можетъ, явилась плодомъ дальнѣйшаго развитія высказаннаго еще въ Codex juris bavarici 1751 г. положенія о томъ, что при подлогѣ имѣется въ наличности violata publica fides.

[2]) По этому поводу Ленцъ (l. c. p. 10) вѣрно замѣчаетъ, что хотя и появляется въ кодексахъ начала XIX столѣтія выраженіе „Verbrechen gegen Treu und Glauben“, но въ немъ лежитъ только новое названіе для стараго falsum.

[3]) Такъ, напр. это особенно ясно видно изъ § 425; здѣсь въ заголовкѣ говорится объ обманѣ (Betrug) относительно публичныхъ документовъ, а по содержанію статьи видно, что рѣчь идетъ о подлогѣ.

Самое ученіе о подлогѣ, какъ это въ особенности слѣдуетъ изъ оффиціальныхъ примѣчаній къ баварскому уложенію, представляется въ немъ въ слѣдующемъ видѣ. Подлогъ считается подвидомъ обмана вообще вмѣстѣ съ мошенничествомъ или обманомъ въ тѣсномъ смыслѣ, подъ которымъ разумѣется всякое обморочиваніе (Täuschung) другихъ съ цѣлью совершенія правонарушенія. Этотъ обманъ получаетъ названіе подлога въ тѣсномъ смыслѣ, если онъ произведенъ измѣненіемъ дѣйствительныхъ или законно-необходимыхъ свойствъ извѣстнаго предмета; всѣ остальные его случаи обнимаются подъ именемъ мошенничества или обмана въ тѣсномъ смыслѣ [1]). Какъ видъ обмана вообще, подлогъ можетъ быть направленъ не только противъ имущественныхъ или другихъ правъ отдѣльнаго лица, но и правъ государства, вслѣдствіе чего и получается дѣленіе подлога на двѣ группы: одни виды его объединены подъ именемъ посягательствъ противъ общественнаго довѣрія и отнесены къ группѣ преступленій публичныхъ, другіе, какъ видъ мошенничества, считаются преступленіями частными. Между этими двумя группами разница, по словамъ примѣчаній, еще и въ конструкціи: обманъ, какъ частное преступленіе, строится по цѣли дѣйствія, заключающейся въ причиненіи вреда имуществу или лицу; обманъ, какъ публичное преступленіе, построенъ, напротивъ по предмету посягательства, на который направляется дѣйствіе, независимо отъ цѣли [2]): это преступленіе затрогиваетъ самую чувствительную сторону государства, сторону его дѣятельности (Wirken), подрывая, уменьшая или уничтожая всеобщую вѣру въ безусловную правильность и вѣрность актовъ государственной дѣятельности; вслѣд-

---

[1]) Anmerkungen zum Strafgesetzbuch für das Königreich Baiern 1813. Bd. II p. 226. „Betrug im Allgemeinen ist jede Täuschung Anderer zum Zwecke einer Rechtsverletzung. Sie erhält den Namen der Fälschung (falsum) im eigenen Sinne, wenn sie durch Veränderung der wahren oder gesetzlich nothwendigen Merkmale einer Sache bewirkt worden; alle übrigen Fälle derselben werden dagegen unter dem Namen Betrug (Stellionatus) im eigenen Sinne begriffen".

[2]) Anmerk. Bd. III p. 98 и сл.

ствіе этого и конструируются эти преступленія по важнѣйшему ихъ моменту (Hauptmoment) — посягательству на государство.

Такимъ образомъ обманъ въ тѣсномъ смыслѣ, или мошенничество, и подлогъ, представляются здѣсь понятіями видовыми; подлогъ (Fälschung) обнимаетъ собой всякую поддѣлку, но отдѣльные виды его получаютъ неодинаковую конструкцію въ зависимости отъ разныхъ условій: одни изъ нихъ являются имущественными посягательствами, другимъ, напротивъ, придается иное значеніе въ виду самостоятельности объекта посягательства (здѣсь подлогъ безусловно отдѣляется отъ мошенничества), такъ что если для первой группы можно указать, какъ на общій характерный моментъ, на способъ дѣйствія—введеніе въ заблужденіе, то для второй—уже конструируется самостоятельный объектъ посягательства въ видѣ общественнаго довѣрія.

Въ существенныхъ своихъ чертахъ взглядъ на подлогъ, выраженный въ примѣчаніяхъ къ баварскому кодексу, проведенъ и въ текстѣ его, — нельзя сказать, впрочемъ, чтобы вполнѣ послѣдовательно. Такъ, мы находимъ здѣсь понятіе обмана, которое отчасти является обманомъ въ широкомъ смыслѣ, отчасти въ узкомъ; подъ нимъ разумѣется завѣдомое и умышленное представленіе ложныхъ данныхъ (Thatsachen) подъ видомъ истинныхъ, сокрытіе недозволеннымъ образомъ (unerlaubter Weise) истинныхъ данныхъ или пользованіе чужимъ обманомъ съ цѣлью причиненія вреда другому или пріобрѣтенія себѣ недозволенныхъ выгодъ. Это опредѣленіе, благодаря своей широтѣ, должно было бы обнимать собой и подлогъ, но подъ него подводился, кромѣ неисполненія обѣщанія и злоупотребленія довѣріемъ (§ 263), клятвопреступленія въ гражданскомъ дѣлѣ (§ 269) и банкротства (§ 273), только подлогъ частныхъ документовъ (§ 266), подлогъ же документовъ публичныхъ былъ выдѣленъ отсюда и отнесенъ въ группу посягательствъ противъ общественнаго довѣрія [1]), кото-

[1]) Баварское уложеніе знаетъ еще кромѣ того группу проступковъ противъ общественнаго довѣрія (§ 425 — 431); здѣсь идетъ

рая имѣетъ въ этомъ кодексѣ очень широкій объемъ сообразно самому крайне широкому понятію общественнаго довѣрія; ниже мы увидимъ, какъ совершалось вполнѣ послѣдовательно пополненіе этой группы въ другихъ кодексахъ, заимствовавшихъ ее изъ этого уложенія. Въ баварскомъ же кодексѣ въ нее кромѣ подлога публичныхъ документовъ былъ отнесенъ обманъ (Betrug) относительно государственной печати, обманъ посредствомъ присвоенія непринадлежащей государственной должности (Staatsamt), нарушеніе общественнаго довѣрія служителемъ государства, поддѣлка монетъ и поддѣлка кредитныхъ бумагъ.

Такова общая конструкція подлога по баварскому уложенію. Хотя оно, какъ видно, въ ученіи о подлогѣ стоитъ еще на почвѣ смѣшенія подлога съ мошенничествомъ и другими преступленіями, гдѣ на первый планъ выдвигается моментъ обмана, но созданіе самостоятельной рубрики преступленій противъ общественнаго довѣрія, хотя и для нѣкоторыхъ только видовъ подлога, открывало путь къ правильному построенію этого преступленія. Въ фактѣ созданія этой рубрики, съ отнесеніемъ въ нее подлога, чувствовалось сознаніе необходимости конструировать это преступленіе, какъ особое посягательство, имѣющее своимъ объектомъ не интересъ частныхъ лицъ, а публичный интересъ. Оставалось только выяснить, можно ли говорить вообще о посягательствахъ противъ общественнаго довѣрія, и выдѣлить подлогъ частныхъ документовъ изъ группы преступленій противъ имущества [1]).

рѣчь о менѣе тяжко наказуемыхъ случаяхъ подлога, отнесенныхъ къ категоріи публичныхъ преступленій.

[1]) Интересно указать, что въ проектахъ новаго баварскаго уложенія послѣ 1813 года законодатель пошелъ отчасти по этому пути. Такъ, въ проектѣ уголовнаго кодекса 1822 г. подлогъ документовъ оффиціальныхъ конструировался какъ Verbrechen wieder die Regierung des Staats, но за то и подлогу частныхъ документовъ придается особенное значеніе: онъ разсматривается, какъ преступленіе wider öffentliche Treu und Glauben (art. 150, 155, 156, 210), а въ пересмотрѣнномъ баварскомъ проектѣ 1827 г. одна глава была посвящена спеціально подлогу документовъ (публичныхъ и частныхъ),

Какъ же отнеслись къ ученію о подлогѣ другіе кодексы, помѣщенные нами въ одну категорію съ баварскимъ?

§ 18. Вюртембергскій кодексъ, подобно баварскому, дѣлитъ всѣ преступленія на публичныя и частныя и къ первымъ относитъ преступленія противъ общественнаго довѣрія, причемъ эта группа преступленій здѣсь еще болѣе увеличивается въ своемъ объемѣ по сравненію съ баварскимъ уложеніемъ. Сюда отнесены слѣдующія преступленія: чеканка фальшивой монеты, фальсификація настоящей и другія монетныя преступленія, поддѣлка кредитныхъ бумагъ, поддѣлка другихъ публичныхъ документовъ, поддѣлка публичныхъ печатей и клеймъ, поддѣлка и перемѣщеніе граничныхъ знаковъ, лжеприсяга, нарушеніе клятвеннаго обѣта—Angelobniss—и обѣщанія—Versprechen—(§ 206 — 233). Но другіе виды поддѣлокъ выдѣлены отсюда и отнесены къ преступленіямъ частнымъ, гдѣ составляютъ самостоятельную группу, озаглавленную „Fälschung“. По сравненію съ баварскимъ кодексомъ, вюртембергскій и представляетъ шагъ впередъ именно въ этомъ отношеніи: здѣсь подлогъ не смѣшивается съ мошенничествомъ, хотя и сопоставленъ въ одной главѣ съ нимъ, (равно какъ и съ банкротствомъ и нарушеніемъ чужихъ тайнъ), и кромѣ того въ немъ отдѣльно приводится тотъ случай, когда посредствомъ подлога учинено мошенничество—въ этомъ случаѣ наказаніе опредѣляется по общимъ правиламъ о совокупности преступленій (§ 358). Здѣсь уже ясно проходитъ мысль о томъ, что подлогъ надо отличать отъ мошенничества; даже изъ факта совмѣстнаго разсмотрѣнія обоихъ этихъ преступленій въ одной и той же главѣ нельзя заключать, будто подлогъ разсматривается здѣсь, какъ преступленіе имущественное—это видно изъ того опредѣленія, которое вюртембергскій кодексъ даетъ подлогу, какъ преступленію частному. Онъ говоритъ: „кто во вредъ правамъ другого лица, съ цѣлью

а другая говорила спеціально о Betrug'ѣ, такъ что эти преступленія были вполнѣ разграничены, а отдѣльные случаи подлога документовъ сведены въ одно цѣлое. (Кукумусъ l. c. p. 694).

причинить ему ущербъ или пріобрѣсть себѣ выгоду посредствомъ введенія его въ заблужденіе, приготовитъ ненастоящую вещь или поддѣлаетъ настоящую и будетъ пользоваться поддѣльной или передѣланной вещью, тотъ виновенъ въ подлогѣ; преступленіе считается совершившимся, даже если введеніе въ заблужденіе не воспослѣдовало, никакого вреда не было причинено и никакой выгоды не было достигнуто" [1]). Хотя, повидимому, это опредѣленіе и очень широко, но подъ именемъ вещи (Sache) не слѣдуетъ здѣсь понимать любой предметъ,—это только обобщающее выраженіе для обозначенія тѣхъ предметовъ, о которыхъ рѣчь идетъ въ слѣдующей (358) статьѣ кодекса (частные документы, векселя, торговыя кредитныя письма, торговыя книги, а также мѣры и вѣсы), потому что, какъ прибавляетъ эта статья, поддѣлка другихъ предметовъ, кромѣ названныхъ, наказывается по общимъ правиламъ о мошенничествѣ, если только она не переходитъ въ другое самостоятельное преступленіе.

Подводя итогъ всему сказанному, нельзя не замѣтить, что въ существенномъ ученіе о подлогѣ, выставляемое вюртембергскимъ кодексомъ, достаточно стройно; правда, подлогъ разсматривается въ немъ съ двухъ точекъ зрѣнія, какъ преступленіе противъ интересовъ публичныхъ и противъ частныхъ, но зато подъ именемъ подлога (Fälschung) разумѣется главнымъ образомъ подлогъ документовъ, и только отнесеніе поддѣлки мѣръ и вѣсовъ въ одну рубрику съ подлогомъ документовъ нарушаетъ общую стройность конструкціи.

Съ вюртембергскимъ въ общемъ согласенъ брауншвейгскій кодексъ; здѣсь имѣется такая же рубрика преступленій противъ общественнаго довѣрія и съ тѣмъ же содержаніемъ,

[1]) Wer zum Nachthaei lder Rechte eines Andern, um durch Täuschung diesen in Schaden zu bringen oder sich einen Vortheil zu verschaffen, eine unächte Sache verfertigt oder eine ächte verfälscht und von der gefälschten oder verfälschten Sache Gebrauch macht, ist der Fälschung schuldig. Diese ist vollendet, wenn auch die Täuschung nicht bewirkt, kein Schaden gestiftet und kein Vortheil erlangt worden ist. (§ 356).

какъ и въ немъ; но подлогъ частныхъ документовъ выступаетъ здѣсь съ болѣе рѣзко отмѣченнымъ характеромъ имущественнаго преступленія: онъ прямо разсматривается, какъ видъ преступленій противъ чужого имущества, въ одной главѣ съ мошенничествомъ, хотя и не смѣшивается съ послѣднимъ.

Слѣдующій кодексъ—ганноверскій, болѣе, чѣмъ предыдущіе, придерживается опредѣленій баварскаго уложенія 1813 года.

Онъ знаетъ тоже группу преступленій противъ общественнаго довѣрія, но она у него получаетъ еще болѣе широкій объемъ, чѣмъ въ другихъ кодексахъ, и въ этомъ нѣтъ ничего непослѣдовательнаго: понятіе общественнаго довѣрія настолько широко, что подъ посягательство на него могутъ быть подведены самыя разнообразныя преступленія, гдѣ только можно установить моментъ нарушенія крайне неопредѣленнаго понятія—общественнаго довѣрія; кромѣ преступленій, отнесенныхъ къ этой категоріи предыдущими кодексами, онъ сюда причисляетъ еще необдуманную клятву (unbedachtsamer Eid), лжесвидѣтельство, подлогъ или сокрытіе документовъ въ уголовныхъ дѣлахъ (кромѣ подлога публичныхъ документовъ), ложный доносъ, нарушеніе чужихъ тайнъ, злоупотребленіе довѣріемъ со стороны опекуновъ, обманное и легкомысленное дѣланіе долговъ и банкротство (§ 196—224). Но подлогъ частныхъ документовъ наряду съ поддѣлкой мѣръ и вѣсовъ и поддѣлкой граничныхъ знаковъ отнесенъ имъ, подобно баварскому уложенію, къ квалифицированному мошенничеству (§ 315—317).

Ганноверскій кодексъ былъ послѣднимъ, въ которомъ рѣчь шла объ особой группѣ преступленій противъ общественнаго довѣрія—въ другихъ германскихъ законодательствахъ о ней больше не упоминается.

Изъ обозрѣнія этой группы кодексовъ мы можемъ увидѣть, что созданіе особаго понятія преступленій противъ общественнаго довѣрія вовсе не достигло тѣхъ результатовъ (исключая отчасти вюртембергскаго кодекса), которыхъ бы можно было отъ него ожидать въ виду того, что отнесеніемъ сюда подлога документовъ указывался особый объектъ этого

преступленія, нуждающійся въ самостоятельной защитѣ. Причина этой неудачи заключается главнымъ образомъ въ томъ, что благодаря установленію данной группы посягательствъ, самъ собой ставился вопросъ о томъ, можно ли въ подлогѣ частнаго документа видѣть посягательство противъ общественнаго довѣрія. Вполнѣ естественно, вопросъ этотъ рѣшался отрицательно, вслѣдствіе чего нарушалась стройность конструкціи, и одно и то же преступленіе приходилось размѣщать по разнымъ частямъ кодекса.

§ 19. Обратимся теперь къ разсмотрѣнію кодексовъ второй группы.

Саксонское уложеніе 1838 г. говоритъ отдѣльно о поддѣлкѣ денежныхъ знаковъ и о поддѣлкахъ остальныхъ видовъ; первое преступленіе разсматривается имъ вполнѣ самостоятельно въ особомъ отдѣлѣ, непосредственно слѣдуя за группой обманныхъ дѣяній (die betrügerischen Handlungen), однимъ изъ квалифицированныхъ видовъ которыхъ является подлогъ; подлогъ здѣсь сопоставляется съ мошенничествомъ, но въ сравненіи съ предыдущими кодексами саксонскій представляетъ важную особенность въ томъ отношеніи, что въ немъ подъ именемъ Fälschung (§ 247—252) объединены разные виды поддѣлокъ (кромѣ поддѣлки денежныхъ знаковъ), и подлогъ документовъ публичныхъ предусмотрѣнъ въ одной рубрикѣ съ подлогомъ частныхъ документовъ. Такимъ образомъ здѣсь имѣется объединеніе почти всѣхъ случаевъ поддѣлокъ, такъ что способу дѣйствія при конструкціи этого рода придается особое значеніе, и широкое понятіе „обманныхъ поступковъ" ясно обрисовываетъ взглядъ законодателя на сущность этой группы преступленій.

То же самое видимъ мы въ австрійскомъ уложеніи 1852 года, которое остается въ общемъ совершенно при томъ же взглядѣ на подлогъ, какой мы видѣли въ уложеніи 1803 года. Подлогъ разсматривается имъ, какъ квалифицированный видъ мошенничества. Въ опредѣленіи понятія Betrug (§ 197) по сравненію съ кодексомъ 1803 года здѣсь только прибавлено указаніе на то, что мотивъ дѣятельности виновнаго безразличенъ, лишь бы

вслѣдствіе обмана кто нибудь (будетъ ли это государство или частное лицо) понесъ ущербъ въ имуществѣ или другихъ правахъ.

Уложенія тюрингенское и саксонское 1855 г. повторяютъ почти цѣликомъ постановленія своего образца—саксонскаго кодекса 1838 г., только они не разсматриваютъ подлога въ качествѣ особаго вида квалифицированнаго мошенничества. Тюрингенское уложеніе помѣщаетъ подлогъ (Fälschung) въ одной главѣ съ betrügerische Handlungen, стараясь о немъ говорить отдѣльно отъ мошенничества, что ему однако мало удается, такъ какъ въ отдѣлѣ „Fälschung" рѣчь идетъ также о поддѣлкѣ товаровъ (Waaren), и такимъ образомъ здѣсь удерживается старинный германскій взглядъ на подлогъ, какъ на дѣяніе, характеризуемое главнымъ образомъ самымъ способомъ дѣйствія, тогда какъ другіе кодексы не причисляютъ уже поддѣлку товаровъ къ подлогу, и терминъ „Sache", который мы встрѣчаемъ, напр. въ вюртембергскомъ (§ 356) и брауншвейгскомъ (§ 228) кодексахъ, какъ было указано выше, обозначаетъ документы, печати и клейма. Саксонское уложеніе 1855 года вставляетъ еще въ ту же главу объ „обманныхъ дѣяніяхъ" кромѣ подлога и банкротство; поддѣлка же денежныхъ знаковъ и здѣсь выдѣлена въ особую главу.

Гессенское уложеніе, равно какъ и нассауское, которое всецѣло повторяетъ его опредѣленія, придерживаются въ общемъ того же взгляда на сущность подлога, какъ и только что разсмотрѣнные кодексы, но здѣсь уже кромѣ того привходятъ новые моменты въ конструкціи подлога; хотя рѣчь о немъ идетъ здѣсь такъ же, какъ и въ предшествующихъ кодексахъ, въ одной главѣ съ мошенничествомъ, но оба эти преступленія разсматриваются отдѣльно другъ отъ друга; подлогъ носитъ названіе Schriftfälschung, однако подъ нимъ разумѣется не только поддѣлка документовъ публичныхъ и частныхъ, но и поддѣлка печатей и клеймъ; зато поддѣлка мѣръ и вѣсовъ отсюда выдѣлена и отнесена къ мошенничеству. Наконецъ, поддѣлка денежныхъ знаковъ, какъ и въ другихъ законодательствахъ, выдѣлена въ самостоятельный отдѣлъ.

Постановленія этихъ двухъ послѣднихъ законодательствъ

составляютъ переходную ступень къ выработкѣ самостоятельнаго понятія подлога документовъ. Здѣсь еще чувствуется всетаки связь между подлогомъ и мошенничествомъ: оба преступленія, хотя и вполнѣ отдѣлены другъ отъ друга, но объединены тѣмъ, что разсматриваются въ одной и той же главѣ и считаются поэтому какъ бы родственными другъ другу. Для вполнѣ правильнаго пониманія подлога необходимо было его вывести изъ общей области съ мошенничествомъ. Это взялись сдѣлать кодексы слѣдующей группы.

§ 20. Третью группу образуютъ кодексы баденскій 1845 г. и прусскій 1851 г. [1]) — здѣсь подлогъ разсматривается независимо отъ мошенничества и образуетъ самостоятельное преступленіе. Оба кодекса одинаково выдѣляютъ въ особую главу поддѣлку денежныхъ знаковъ, но затѣмъ въ остальномъ они нѣсколько расходятся: кодексъ баденскій говоритъ о подлогѣ вообще, а прусскій выставляетъ понятіе подлога документовъ (Urkundenfälschung). Нужно еще замѣтить, что какъ баденскій, такъ и прусскій кодексы дѣлаютъ уступку укоренившейся съ древнихъ поръ традиціи и помѣщаютъ подлогъ среди имущественныхъ преступленій. Баденскій помѣщаетъ главу о подлогѣ между вымогательствомъ и мошенничествомъ, за которымъ говоритъ еще въ особой главѣ о подлогѣ и обманѣ во вредъ семейственнымъ правамъ, а прусскій помѣщаетъ подлогъ документовъ между злоупотребленіемъ довѣріемъ и банкротствомъ.

Какъ только что было упомянуто, баденскій кодексъ говоритъ съ одной стороны о подлогѣ вообще, съ другой—о спеціальномъ его видѣ—подлогѣ во вредъ семейственнымъ правамъ. Въ первомъ отношеніи подъ именемъ подлога объединяются слѣдующія посягательства: поддѣлка документовъ публичныхъ и частныхъ, поддѣлка государственныхъ билетовъ (Staatspapiere),

---

[1]) Интересно, что въ проектахъ прусскаго кодекса 1830 и 1843 г. подлогъ помѣщенъ въ числѣ преступленій противъ общественнаго довѣрія, такъ что конструкція этого преступленія въ общемъ приближалась здѣсь къ конструкціи баварскаго уложенія 1813 г. См. Lenz l. c. p. 10.

подделка граничныхъ знаковъ, штемпельной бумаги, мѣръ, вѣсовъ, печатей, клеймъ, и фабричныхъ знаковъ; кромѣ того совсѣмъ непослѣдовательно отнесена сюда подделка золотыхъ и серебряныхъ вещей (§ 442). Относительно подлога документовъ различаются два случая: подлогъ изъ корыстныхъ видовъ и подлогъ безъ наличности ихъ. Такимъ образомъ здѣсь подлогъ обнимаетъ собой посягательство не только противъ документовъ, но и противъ другихъ удостовѣрительныхъ знаковъ юридическихъ отношеній.

Въ противоположность баденскому кодексу, прусскій не знаетъ объединяющаго понятія подлога и говоритъ только о подлогѣ документовъ, разумѣя подъ Urkundenfälschung подлогъ публичныхъ и частныхъ документовъ, а также штемпельной бумаги и разнаго рода свидѣтельствъ. Въ исторіи ученія о подлогѣ прусскій кодексъ заслуживаетъ вниманія въ томъ отношеніи, что считаетъ существенно важнымъ установить вопросъ о томъ, что такое документъ, подлогъ котораго составляетъ самостоятельное преступленіе, и впервые въ германскомъ законодательствѣ выставляетъ опредѣленіе понятія документа, имѣя въ виду только письменные документы. Наконецъ, онъ представляетъ интересъ и въ томъ отношеніи, что составленъ подъ сильнымъ вліяніемъ французскаго уложенія code pénal 1810 г., такъ что многія особенности въ конструкціи подлога заимствованы имъ оттуда. Такъ, напр. прусскій кодексъ заимствуетъ изъ французскаго различіе между подлогомъ матеріальнымъ и такъ называемымъ интеллектуальнымъ который характеризуется тѣмъ, что при немъ искажается не форма документа, а содержаніе его.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о баварскомъ кодексѣ 1861 г., который собственно не можетъ быть причисленъ ни къ одной изъ намѣченныхъ нами группъ нѣмецкихъ законодательствъ о подлогѣ. Въ общемъ онъ придерживается началъ баварскаго кодекса 1813 года, хотя и не создаетъ самостоятельной группы преступленій противъ общественнаго довѣрія; сходство его съ кодексомъ 1813 г. заключается главнымъ образомъ въ томъ, что онъ различаетъ подделку

документовъ публичныхъ и поддѣлку частныхъ и разсматриваетъ послѣднюю, какъ одинъ изъ видовъ мошенничества. Но другіе виды подлога онъ излагаетъ въ особыхъ отдѣлахъ; поддѣлка публичныхъ документовъ предусмотрѣна имъ въ одномъ отдѣлѣ съ поддѣлкой кредитныхъ бумагъ; особый отдѣлъ посвященъ поддѣлкѣ монетъ, штемпельной бумаги и почтовыхъ марокъ; поддѣлка избирательныхъ билетовъ, записокъ и протоколовъ отнесена (§ 153) къ числу другихъ посягательствъ противъ избирательныхъ правъ (Wahlrechte); поддѣлка судебныхъ актовъ предусмотрѣна въ отдѣлѣ посягательствъ противъ правосудія (§ 198). Словомъ, подлогъ разбитъ по отдѣльнымъ главамъ кодекса и единаго объекта его баварское уложеніе не признаетъ. Онъ представляется лишь особымъ способомъ дѣйствія при посягательствахъ разнаго рода, такъ что самостоятельнаго преступленія подлога, какъ такового, здѣсь нѣтъ. Съ другой стороны изъ подлога, однако, выдѣлены: поддѣлка мѣръ и вѣсовъ, отнесенная къ мошенничеству, и перестановка граничныхъ знаковъ, помѣщенная въ числѣ другихъ Freveln an Gränzsteine.

Такова общая характеристика преступленій подлога по германскому партикулярному законодательству.

§ 21. Послѣ обозрѣнія общей конструкціи подлога по германскимъ законодательствамъ, слѣдуетъ обратиться къ болѣе подробному разсмотрѣнію собственно подлога документовъ.

Субъектомъ преступленія считается въ видѣ общаго правила, конечно, при общихъ условіяхъ вмѣняемости, всякое лицо. Должностной подлогъ всѣми законодательствами (за исключеніемъ тюрингенскаго—§ 254—, гдѣ онъ разсматривается, какъ тяжкій видъ подлога вообще), выдѣленъ изъ общей категоріи подлога документовъ и или отнесенъ къ группѣ преступленій по должности [1]), или же разсматривается, какъ самостоятельный видъ преступленій противъ общественнаго довѣрія [2]).

---

[1]) Вюртем. § 419; брауншв. 263, 283; ганновер. 355, 464; гессен. 456; насс. 452; баденск. 677; прусск. 323; австр. 102; бав. 1861 г.—371.

[2]) Бавар. 1813 г. § 340; ольд. 427.

Объектомъ преступленія является документъ публичный или частный. Болѣе ранніе кодексы не опредѣляютъ понятія документа, но прусскій и баварскій 1861 г. считаютъ нужнымъ дать опредѣленіе его и подчеркиваютъ характерную особенность документа —быть доказательственнымъ средствомъ имѣющихъ правовое значеніе фактовъ. Прусскій кодексъ говоритъ, что подъ именемъ документа разумѣется всякое писаніе, которое имѣетъ значеніе для доказательства договоровъ, распоряженій, обязанностей, освобожденій отъ нихъ, или вообще правъ и правовыхъ отношеній [1]), а по баварскому уложенію, которое опредѣляетъ только частные документы, это—такіе документы, которые совершаются частными лицами безъ обращенія къ оффиціальному ихъ засвидѣтельствованію и которые имѣютъ значеніе для доказательства правъ или правовыхъ отношеній [2]). Въ другихъ кодексахъ понятіе документа не опредѣляется, причемъ одни говорятъ вообще о документахъ (Urkunden) [3]), другіе перечисляютъ отдѣльные виды ихъ, не придавая однако этому перечисленію исчерпывающаго значенія [4]), (такъ, въ видѣ примѣра называются духовныя завѣщанія, контракты, долговыя росписки, векселя, квитанціи, торговыя книги). Нѣкоторые кодексы придаютъ извѣстнымъ частнымъ документамъ особенное значеніе, облагая подлогъ ихъ повышеннымъ наказаніемъ и приравнивая ихъ въ этомъ отношеніи публичнымъ документамъ. Таковы, напр. торговыя книги и купеческія кредитныя письма (kaufmannische Cre-

---

[1]) § 247. „Unter Urkunde ist jede Schrift zu verstehen, welche zum Beweise von Verträgen, Verfügungen, Verpflichtungen, Befreiungen oder überhaupt von Rechten oder Rechtsverhältnissen von Erheblichkeit ist“.

[2]) § 317. „Als Privaturkunde im Sinne des Artikels 316 Ziffer 4 werden nur solche von Privatpersonen ohne Hinzukommen einer öffentlichen Beglaubigung gefertigte Urkunden verstanden, welche für den Beweis von Rechten oder Rechtsverhältnissen erheblich sind“.

[3]) Сакс. 1838 art. 249; вюртемб. 358; брауншв. 230; баден. 430; гесс. 385; насс. 376 (Schrift oder sonstige Urkunde) австр. 201; сакс. 1855—285.

[4]) Бав. 1813—266; ольд. 271; ганновер. 317.

ditsbriefe) по законодательству вюртембергскому, брауншвейгскому, гессенскому, нассаускому и баденскому [1]); векселя по тѣмъ же законодательствамъ и по прусскому (251); духовныя завѣщанія по гессенскому (386) и нассаускому (379), и другія распоряженія на случай смерти по прусскому; наконецъ сюда же по нѣкоторымъ законодательствамъ—гессенскому (382), нассаускому (379) и баварскому 1861 (185)—относятся еще и кредитныя бумаги корпорацій и кредитныхъ обществъ, а баденское (435) разсматриваетъ въ томъ же отдѣлѣ и подлогъ государственныхъ бумагъ (Staatspapiere).

Относительно документовъ публичныхъ замѣчается тоже разнообразіе: нѣкоторыя законодательства довольствуются упоминаніемъ о нихъ вообще [2]), другія, напротивъ, перечисляютъ ихъ и нѣкоторые виды ихъ ограждаютъ высшей санкціей. Сюда относятся, напр. документы королевскіе или великогерцогскіе (снабженные королевской подписью или приложеніемъ такой печати) [3]) и документы государственныхъ чиновъ (Staatsämten). Но подлогъ документовъ, имѣющихъ общегосударственное значеніе, выдѣленъ всѣми кодексами изъ общей рубрики подлоговъ документовъ и отнесенъ къ измѣнѣ (Landes-und Staatsverrat) [4]). Обыкновенно же подъ публичными документами разумѣются документы, исходящіе отъ публичныхъ властей или другихъ лицъ, облечен-

---

[1]) Вюрт. 358; брауншв. 229; гесс. 386 f; насс. 379 f; бад. 432.

[2]) Сакс. 1855—§ 285, 311; С.-а. 247; австр. 199 d.; тюрин. 252 бад. 423.

[3]) По нѣкоторымъ законодательствамъ подлогъ въ королевскихъ документахъ обложенъ самой высокой наказуемостью (напр. по баварскому 1813 г. и 1861, по ольденбургскому кодексу и по брауншвейг.); въ другихъ же онъ поставленъ въ одинаковую линію съ иными документами.

[4]) Баварск. § 305; ольденб. 310; сакс. 1838 г. — 88; вюртем. 146; брауншв. 84; ганновер. 128; (гессен. 140 и нассаус. 140 говорятъ о сокрытіи и уничтоженіи документовъ, а не о поддѣлкѣ ихъ); баденское 604; тюринг. 84; прусское 71; сакс. 1855 — 122; баварск. 1861—113; только австр. уложеніе вовсе этого случая подлога не предусматриваетъ.

ныхъ общественнымъ довѣріемъ [1]), или же документы частныхъ лицъ, но оффиціально засвидѣтельствованные; нѣкоторые кодексы упоминаютъ на ряду съ подлогомъ этихъ документовъ подлогъ судебныхъ и нотаріальныхъ актовъ [2]); въ частности еще упоминаются, какъ примѣры, книги, регистры (напр. о гражд. состояніи), кадастры и инвентари, составленные подъ общественнымъ контролемъ [3]), засвидѣтельствованныя копіи съ разныхъ документовъ [4]), лотерейные билеты [5]).

Наконецъ, кромѣ того партикулярныя уложенія знаютъ еще особый родъ документовъ публичныхъ, подлогъ которыхъ обложенъ сравнительно меньшимъ наказаніемъ [6]). Это паспорты (Pässe, Reiserouten) [7]), свидѣтельства разнаго рода [8]) (Certificaten, Amtattestaten, Dienst-Geburtszeugnisse [9]), ärzliche Zeugnisse [10]), Dürftigkeitszeugnisse [11]), Zeugnisse über gute Aufführung) [12]) и разныя книги для записи прислуги, путешественниковъ и т. п. (Gesindebücher [13]), Wandererbücher [14]), Dienstbücher) [15]),

---

1) Вюрт. 219; ганнов. 196; бав. 1861—177.

2) Брауншв. 131; бав. 1861—198; гесс. 386; насс. 179.

3) Прусс. 251; гесс. 386; насс. 389.

4) Гесс. 386; нас. 379.

5) Брауншв. 131.

6) Ганновер. код. (§ 197) угрожаетъ за этотъ видъ подлога только мѣрами полицейскаго характера, если при этомъ не имѣлось въ виду совершенія другого преступленія.

7) Бав. 1813 § 425; ольд. 454; сакс. 1838—250; вюртем. 220; ганнов. 197; брауншв. 131; тюр. 256; бад. 429; прусск. 254; бав. 1861—180; гесс. 328; насс. 382.

8) Бав. 1813—425; ольд. 454; с.-а. 250; брауншв. 131; бад. 429; бав. 1861—179.

9) С.-а. 250; тюр. 256.

10) Вюрт. 220; прус. 256.

11) Вюрт. 220; прус. 254.

12) Прус. 254.

13) Вюрт. 429.

14) С.-а. 250; вюр. 220; брауншв. 197; тюр. 256; бад. 429; гес. 328; насс. 382.

15) Вюрт. 220.

наконецъ разные obrigkeitliche Ausweisen [1]), Heimathscheine, Marschzettel и т. п. [2])

Обращаясь къ самому дѣйствію, въ коемъ выражается преступленіе, надлежитъ прежде всего выяснить внутреннюю сторону его. Въ этомъ отношеніи партикулярные кодексы категорически указываютъ на то, что преступленіе должно быть совершено умышленно. Въ иныхъ случаяхъ умыселъ ближе не опредѣляется, а въ законѣ говорится вообще о противоправномъ умыслѣ [3]) (rechtswidriger Vorsatz или böslicher Weise); очень часто выставляется требованіе наличности спеціальнаго умысла—причинить вредъ другому или же пріобрѣсть себѣ или другимъ какую-нибудь выгоду [4]). Выгода или убытокъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, могутъ быть не только имущественнаго свойства, что особенно ясно слѣдуетъ изъ австрійскаго законодательства, которое именно имѣетъ въ виду причиненіе вреда имуществу или другимъ правамъ (an seinem Eigenthum oder anderen Rechten). Иногда въ законѣ прямо указываются еще другія спеціальныя цѣли, входящія въ составъ умысла. Такъ, въ австрійскомъ кодексѣ предусматривается, какъ особый видъ подлога съ значительно пониженной наказуемостью—подлогъ публичныхъ документовъ безъ цѣли повредить правамъ другого лица [5]). Особенно же ясно проведено это начало въ баденскомъ кодексѣ. Здѣсь при подлогѣ публичныхъ документовъ различаются два случая поддѣлки: а) поддѣлка изъ корыстнаго намѣренія (aus Gewinnsucht)—съ цѣлью совершить обманъ (§ 423) и б) безъ этого намѣренія, съ цѣлью повредить только другому лицу (zur Beschädigung eines Ande-

---

[1]) Вюрт. 220.

[2]) Гесс. 388; насс. 382.

[3]) Ганнов. 196; вюрт. 219; сак.-альт. 249; о rechtswidriger Vorsatz бавар. 1813 г. 339 и ольд. кодексы говорятъ только при пользованіи фальшивыми документами.

[4]) Сакс. 1838—247; тюринг. 252; прусс. 247; австр. 197; гесс. 385, 387; насс. 379, 381.

[5]) Австр. § 320 f, наказаніе—арестъ отъ 3 дней до 1 мѣс., тогда какъ обыкновенное наказаніе за подлогъ—Kerker.

ren) (§ 425); наконецъ, отъ этихъ случаевъ отличаются подлогъ съ цѣлью создать доказательство истинныхъ обстоятельствъ („um sich über wahre Thatsachen ein Beweismittel zu verschaffen") (§ 428) (наказаніе за это дѣяніе значительно уменьшается) и поддѣлка публичныхъ документовъ съ цѣлью поврежденія чужихъ семейныхъ правъ — пріобрѣтенія себѣ или другому непринадлежащаго семейнаго состоянія (Familienstand) или сокрытія семейнаго состоянія другого (§ 471) — дѣяніе, наказуемое значительно строже предыдущаго. Ганноверское законодательство знаетъ еще случай употребленія фальшивыхъ документовъ съ цѣлью погубить невиновнаго (§ 216). Наконецъ, всѣ законодательства выдѣляютъ подлогъ публичныхъ документовъ менѣе важныхъ: паспортовъ, разныхъ свидѣтельствъ и т. п., облагая его уменьшенной наказуемостью между прочимъ и потому, что умыселъ, который заключается въ поддѣлкѣ документовъ этого рода не корыстный; здѣсь умыселъ, направленъ на облегченіе чьей-нибудь участи (zum Zwecke eines erleichterten Fortkommens oder Unterkommens) [1]) или на иныя „недозволенныя цѣли", какъ выражается баденское уложеніе (§ 429).

Со стороны внѣшней дѣйствіе при подлогѣ документовъ заключается: а) въ составленіи документа фальшиваго (напр. написаніи подложно документа на свое или на чужое имя [2]), пользованіи для этого чужой печатью или подписью) [3]), б) въ фальсификаціи документа подлиннаго (напр. обманномъ измѣненіи чего-нибудь) [4]), в) въ пользованіи завѣдомо фальшивымъ или подложно измѣненнымъ документомъ [5]); въ послѣднемъ случаѣ иногда различается, произошло ли это дѣяніе по соглашенію съ самимъ поддѣлывателемъ или безъ соглашенія съ

---

[1]) Сакс. 1838 г. § 250; тюр. 256; вюрт. 220; бав. 1861—179.

[2]) Бав. 1813—266, 425; ганнов. 196, 317; бад. 423; сакс. 311; бав. 1861 г. 318; австр. 199, 201; вюрт. 219, 258.

[3]) Бав. 1813—337; вюрт. 358; гесс. 385; нас. 379.

[4]) Бав. 1813—266; ганнов. 317; гесс. 385; нас. 379.

[5]) Бав. 1813—266; вюрт. 219; ганнов. 196; гесс. 387; нас. 381; бав. 1861—176, 318; прусс. 249.

нимъ, въ зависимости отъ чего измѣняется наказаніе [1]). Нѣкоторыя законодательства предусматриваютъ еще интеллектуальный подлогъ, т. е. приведеніе въ документѣ завѣдомо ложныхъ данныхъ и обстоятельствъ [2]). Иногда подлогу документовъ приравнивается еще заполненіе бланка, снабженнаго подписью извѣстнаго лица, произвольнымъ содержаніемъ вопреки воли лица, давшаго подпись (Ausfüllung des Blankettes) [3]).

Съ какого же момента преступленіе считается совершившимся?

Этотъ вопросъ рѣшается различно: одни кодексы требуютъ для того, чтобы составъ преступленія считался выполненнымъ, наличности не только составленія фальшиваго документа или передѣлки подлиннаго, но и употребленія его для противозаконныхъ цѣлей [4]); другіе считаютъ преступленіе совершившимся съ момента выполненія поддѣлки или передѣлки документовъ [5]), хотя бы цѣль, ради которой была поддѣлка предпринята и не была въ данномъ случаѣ достигнута, а изъ употребленія завѣдомо фальшиваго документа дѣлаютъ самостоятельный видъ подлога документовъ. Въ заключеніе слѣдуетъ еще замѣтить, что подлогу документовъ почти во всѣхъ законодательствахъ приравнивается сокрытіе ихъ, уничтоженіе, похищеніе и дѣланіе негодными во вредъ другимъ лицамъ [6]).

Что касается наказанія, опредѣленнаго за подлогъ документовъ, то оно обыкновенно состоитъ въ заключеніи въ

---

[1]) Бад. 437 и 438; вюрт. 221.

[2]) Бав. 1813—297; бад. 427; прусс. 252; бав. 1861—182; бад. 433 предусматриваетъ дѣланіе ложныхъ записей (Einträge) въ торговыя книги.

[3]) Баден. 434; прусс. 248; сакс. 1855—311.

[4]) Бад. 423, 430; прус. 247; вюрт. 219, однако относительно поддѣлки частныхъ документовъ оно выставляетъ требованіе одной поддѣлки; гесс. 385; насс. 379.

[5]) Ганнов. 196; сакс. 1838—247, 249; сакс. 1855—311; бав. 1813—266; браунш. 230.

[6]) Бав. 1813 — 267; сакс. 1838 — 247; вюрт. 221; браунш. 132, 230; гесс. 387; насс. 381; тюр. 252, 255; австр. 201 а; сакс. 1855—311; бав. 1861—183, 340.

Zuchthaus или Arbeitshaus. Подлогъ оффиціальныхъ документовъ обыкновенно наказывается строже, чѣмъ подлогъ частныхъ, причемъ наказуемость подлога вообще нерѣдко зависитъ отъ размѣра вреда, который причинилъ онъ въ данномъ случаѣ [1]).

Какѣ было уже раньше замѣчено, почти всѣ партикулярные кодексы выдѣляютъ изъ подлога документовъ, какъ особый видъ, должностной подлогъ, т. е. подлогъ, учиненный должностнымъ лицомъ, чиновникомъ (der öffentliche Beamte [2]), Staat-oder öffentlicher Diener [3]) или просто Beamte) [4]). Непосредственнымъ объектомъ посягательства являются документы, которые совершаются при участіи должностныхъ лицъ въ кругѣ ихъ вѣдомства, или которые въ силу ихъ должностной обязанности ввѣрены имъ на сохраненіе, или къ которымъ они имѣютъ доступъ [5]).

Умыселъ виновныхъ въ этомъ случаѣ по большей части ближе не опредѣляется—die Absicht sei, welche sie wolle, говоритъ баварское уложеніе 1813 г. (§ 340); однако иногда указывается на спеціальный умыселъ. Такъ, баварское же уложеніе требуетъ обманнаго умысла (betrügliche Absicht) при должностномъ подлогѣ, наказуемомъ менѣе строго, именно—выдачѣ ложнаго удостовѣренія или свидѣтельства (§ 427); въ другихъ кодексахъ указывается, какъ спеціальный умыселъ, умыселъ, направленный на причиненіе вреда другимъ лицамъ (или государству) или на пріобрѣтеніе себѣ или другимъ выгоды [6]). Кромѣ того иногда принимается во вниманіе цѣль ввести въ заблужденіе правосудіе въ уголовныхъ дѣлахъ и вызвать несправедливый приговоръ [7]).

---

[1]) С.-а. 248, 249; браунш. 131, 229, 230; ганнов. 197; бад. 426 и др.

[2]) Брауншв. 223 — имѣетъ ещё въ виду совершеніе подлога со стороны Kirchendiener.

[3]) Гесс. 456; насс. 452; бад. 677.

[4]) Прусс. 323; бав. 1861—371.

[5]) Вюрт. 419; браунш. 263; ганнов. 355; бав. 1861—371; прусс. 323.

[6]) Гесс. 456; насс. 452; прус. 313; бавар. 1861 — 371 дѣлаетъ наличность этого спеціальнаго умысла обстоятельствомъ, усиливающимъ наказуемость, не требуя вообще его.

[7]) Бав. 1813—360; бав. 1861—373.

Съ внѣшней стороны дѣйствіе заключается въ составленіи фальшивыхъ документовъ [1]), въ засвидѣтельствованіи въ документахъ завѣдомо ложныхъ данныхъ и въ передѣлкѣ актовъ настоящихъ, находившихся въ рукахъ должностного лица [2]). Преступленіе считается совершившимся, коль скоро воспослѣдовало одно изъ указанныхъ дѣйствій, употребленія подложнаго документа не требуется, и исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ лишь баденскій кодексъ, требующій для состава преступленія не только составленія фальшиваго документа, но и употребленія его (§ 677).

§ 22. Германское уложеніе 1870 г. составилось главнымъ образомъ подъ вліяніемъ прусскаго кодекса 1851 года, но въ то время, какъ послѣдній знаетъ въ качествѣ самостоятельнаго дѣянія только подлогъ письменныхъ документовъ, здѣсь содержаніе подлога шире, такъ какъ подлогъ документовъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія преступныя дѣянія: 1) собственно подлогъ документовъ, 2) интеллектуальный подлогъ, 3) уничтоженіе, поврежденіе и сокрытіе документовъ, 4) перемѣщеніе граничныхъ знаковъ, 5) поддѣлку штемпельной бумаги, почтовыхъ и телеграфныхъ знаковъ, 6) поддѣлку свидѣтельствъ о здоровьѣ. Кромѣ того предусмотрѣна отдѣльно, какъ видъ нарушенія (Übertretung), поддѣлка такъ называемыхъ Legitimationspapiere, т.-е. паспортовъ, военныхъ отпускныхъ билетовъ и т. п. Наконецъ, позднѣйшій законъ 22 іюня 1889 г. предусмотрѣлъ еще подлогъ страховыхъ марокъ (Versicherungsmarken).

Изъ этого перечня видно, что заголовокъ, поставленный для главы 23-й „Urkundenfälschung", нѣсколько узокъ, такъ какъ эта глава заключаетъ въ себѣ и такія дѣянія, приравниваемыя подлогу, гдѣ нѣтъ отличительной черты этого пре-

[1]) Вюрт. 419; браунш. 262; ганнов. 355; гесс. 456; бад. 678.

[2]) Бав. код. 1861 г. предусматриваетъ, какъ менѣе тяжкій случай должностного подлога, ложное показаніе мѣста и времени совершенія документа и приведеніе въ немъ отсутствующихъ лицъ въ качествѣ присутствующихъ (при остальной правильности документа).

ступленія—искаженія истины, каково, напр. сокрытіе документовъ (§ 274 § 1).

Хотя подлогъ документовъ является по германскому уложенію вполнѣ самостоятельнымъ преступленіемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ мошенничествомъ, но, судя по мѣсту, занимаемому имъ въ уложеніи, составители уложенія сдѣлали уступку традиціи и пошли по слѣдамъ нѣкоторыхъ изъ партикулярныхъ кодексовъ: подлогъ документовъ помѣщенъ между мошенничествомъ и злоупотребленіемъ довѣріемъ съ одной стороны и банкротствомъ съ другой.

Объектомъ преступленія подлога документовъ является (туземный или иностранный) публичный документъ или такой частный, который имѣетъ значеніе (von Erheblichkeit ist) для доказательства правъ или правовыхъ отношеній (§ 267). Ближе понятіе документа въ германскомъ уложеніи не опредѣляется; имъ можетъ быть не только письменный документъ (jede Schrift), какъ того требовало прусское уложеніе 1851 г., но и всякій знакъ, имѣющій значеніе документа и приравниваемый ему. Единственнымъ его условіемъ, какъ принимаетъ это большинство германскихъ криминалистовъ, а также нѣкоторыя рѣшенія имперскаго суда, является требованіе, чтобъ онъ былъ именно предназначенъ къ тому, чтобъ служить доказательствомъ, а не былъ бы только вообще способнымъ для этого. Обстоятельства, которыя документъ доказываетъ, должны имѣть правовое значеніе, т.-е. быть такого рода, что отъ нихъ можетъ зависѣть возникновеніе, измѣненіе и прекращеніе правовыхъ отношеній. Документъ кромѣ того (исключая публичныхъ) долженъ быть такого свойства, чтобы онъ имѣлъ значеніе (Erheblichkeit) для доказательства. Какъ особый видъ документовъ, предусмотрѣны свидѣтельства о здоровьѣ (Gesundheitszeugnisse), далѣе Legitimationspapiere, т. е. паспорты, отпускные военные билеты и т. д., Wanderbücher, т. е. книги для записи путешественниковъ, свидѣтельства о поведеніи и т. п.

Преступленіе заключается въ приготовленіи фальшиваго документа (fälschen, anfertigen) или въ передѣлкѣ настоящаго

(verfälschen) и употребленіи его съ цѣлью введенія въ заблужденіе (§ 267); поддѣлкѣ документовъ приравниваются заполненіе бланка, снабженнаго подписью извѣстнаго лица, документарнымъ содержаніемъ противъ воли или вопреки приказанію послѣдняго (§ 269) и пользованіе завѣдомо фальшивымъ или поддѣльнымъ документомъ съ цѣлью обмана (§ 270).

Съ внутренней стороны требуется для состава преступленія наличность противоправнаго умысла (rechtswidrige Absicht), т.-е. умысла употребить документъ, какъ доказательственное средство въ правовомъ оборотѣ съ цѣлью введенія другихъ въ заблужденіе; при этомъ если умыселъ будетъ не только противоправнымъ вообще, но и корыстнаго характера, то это обстоятельство является обязательнымъ условіемъ повышенія наказуемости подлога. Въ этомъ случаѣ спеціальный умыселъ опредѣляется, какъ цѣль пріобрѣсть себѣ или другому имущественную (не непремѣнно противоправную) выгоду или причинить убытокъ (не только имущественный—§ 268). При поддѣлкѣ легитимаціонной бумаги выставляется требованіе умысла, направленнаго на улучшеніе своего положенія (zum Zwecke seines besseren Fortkommens—§ 363).

Совершившимся преступленіе считается съ момента употребленія документа съ цѣлью введенія другихъ въ заблужденіе (zum Zwecke einer Täuschung), какъ категорически требуетъ этого законъ (§ 267); одинъ фактъ поддѣлки для выполненія состава преступленія недостаточенъ и будетъ составлять только покушеніе на подлогъ. Однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ факта употребленія документа для состава преступленія не требуется; такъ, при заполненіи чужого бланка достаточенъ одинъ фактъ написанія содержанія документа; тоже самое имѣетъ мѣсто и относительно случая подлога легитимаціонныхъ бумагъ (§ 363).

Какъ особый видъ подлога документовъ, по германскому уложенію предусматривается ложное удостовѣреніе (falsche Beurkundung) или такъ называемый подлогъ интеллектуальный. Преступленіе это можетъ быть учинено только въ публичныхъ документахъ, книгахъ и регистрахъ. Оно состоитъ въ умыш-

ленномъ способствованіи (bewirken) тому, чтобы заявленія (Erklärungen), рѣчи (Verhandlungen) или факты (Thatsachen), которые имѣютъ значеніе для правъ или правовыхъ отношеній (а не для доказательства ихъ), были показаны въ оффиціальныхъ документахъ, какъ бы данными или происшедшими, тогда какъ они вовсе не были даны или вовсе не произошли, или же произошли другимъ образомъ, или даны были лицомъ въ непринадлежащемъ ему качествѣ, или даже другимъ лицомъ (§ 271). Съ внутренней стороны здѣсь требуется наличность простого умысла (vorsätzlich), но если это дѣяніе произошло съ корыстной цѣлью, то наказаніе за этотъ видъ подлога увеличивается (§ 272). Съ внѣшней стороны достаточно одного факта дачи невѣрнаго заявленія, дальнѣйшаго момента—употребленія составленнаго на основаніи подобнаго заявленія документа для состава преступленія не требуется; употребленіе же съ цѣлью обмана другимъ лицомъ завѣдомо фальшиваго документа этого рода составляетъ самостоятельный проступокъ (§ 273). Какъ особый видъ интеллектуальнаго подлога, германское уложеніе предусматриваетъ составленіе завѣдомо ложнаго свидѣтельства о состояніи здоровья для представленія таковаго властямъ или страховому обществу со стороны врачей и другихъ утвержденныхъ (approbirte) лицъ медицинскаго персонала (§ 278), равно какъ употребленіе документа въ указанныхъ случаяхъ съ цѣлью ввести въ заблужденіе насчетъ своего или чужого здоровья (§ 279). Надобно еще замѣтить, что одинъ видъ интеллектуальнаго подлога отнесенъ германскимъ уложеніемъ въ число должностныхъ преступленій; это—преступное дѣяніе чиновника, который, будучи управомоченъ для составленія публичныхъ документовъ, умышленно засвидѣтельствуетъ ложно въ сферѣ своей компетенціи какое-нибудь имѣющее правовое значеніе обстоятельство или ложно занесетъ его въ оффиціальный регистръ или книги (§ 348). Кромѣ того въ числѣ другихъ должностныхъ преступленій рѣчь идетъ о поддѣлкѣ телеграммы со стороны служащихъ на телеграфѣ (§ 355).

Что касается наказанія за подлогъ по германскому праву,

то оно состоитъ по общему правилу въ тюремномъ заключеніи; только для болѣе легкихъ случаевъ опредѣляется денежное взысканіе альтернативно съ тюремнымъ заключеніемъ (напр. за falsche Beurkundung—§ 271), иногда же оно назначается сверхъ тюремнаго заключенія, какъ факультативное добавочное наказаніе (напр. при поддѣлкѣ граничнаго знака—§ 274). Но наказаніе повышается однако до Zuchthaus'а, если преступленіе совершено изъ корыстныхъ видовъ (§ 268 и 272).

§ 23. Подводя итогъ всему сказанному о подлогѣ документовъ по германскому праву, мы можемъ замѣтить слѣдующее.

Первый періодъ исторіи германскаго права характеризуется слабымъ развитіемъ постановленій о подлогѣ. Если и встрѣчаются отдѣльныя положенія о немъ въ законодательствахъ германскихъ народовъ, то они очень скудны и отрывочны; исключеніе составляетъ вестготское право, какъ болѣе развитое и подвергшееся болѣе другихъ римскому вліянію. Здѣсь мы видимъ уже болѣе выработанное ученіе о подлогѣ; въ основаніе его кладется римское falsum, хотя уже и здѣсь можно замѣтить слѣды національныхъ германскихъ воззрѣній, выражавшихся въ смѣшеніи мошенничества съ подлогомъ.

Въ слѣдующемъ періодѣ своей исторіи германское право развивается вполнѣ самостоятельно внѣ иноземныхъ вліяній: въ эту эпоху особенно усиливается смѣшеніе подлога съ мошенничествомъ, создается особое понятіе „valsch" для обозначенія всякихъ случаевъ овеществленнаго искаженія истины и, такъ какъ особенное значеніе придается здѣсь способу дѣйствія, то поддѣлка товаровъ и подлогъ документовъ представляются дѣяніями одинаковыми по своему существу, и на объектъ преступленія особеннаго вниманія не обращается.

Постепенно къ XVI вѣку начинаетъ сознаваться необходимость разграниченія подлога съ мошенничествомъ, но попытки этого разграниченія встрѣчаются рѣдко и очень несмѣлы.

Каролина, служа выраженіемъ началъ національнаго германскаго права, хотя и разсматриваетъ подлогъ документовъ

отдѣльно отъ другихъ видовъ поддѣлокъ, но сопоставляетъ его съ ними,—между прочимъ и съ поддѣлкой товаровъ.

Дальнѣйшее движенiе германскаго законодательства, направленное на отдѣленiе подлога отъ мошенничества, сдерживается въ своемъ развитiи доктриной, усвоившей начала римскаго права и старавшейся пересадить ихъ на нѣмецкую почву. Широкое понятiе римскаго falsum воспринимается ею, дополняется въ своемъ объемѣ преступными дѣянiями, выросшими въ новое время, и находитъ себѣ выраженiе въ кодексахъ конца прошлаго вѣка; подлогъ и мошенничество въ эту эпоху другъ отъ друга рѣзко не отличаются и разсматриваются, какъ виды обмановъ вообще, и если прежде главное значенiе получалъ способъ дѣйствiя—фактъ умышленнаго измѣненiя внѣшняго вида какого-нибудь предмета съ цѣлью выдачи его за настоящiй, то теперь обманъ скорѣе характеризуется объектомъ посягательства, такъ какъ подъ нимъ разумѣется наказуемое искаженiе истины, способу же дѣйствiя придается здѣсь второстепенное значенiе.

Дальнѣйшiй шагъ впередъ представляетъ баварское уложенiе 1813 г., создавшее впервые группу преступленiй противъ общественнаго довѣрiя, однимъ изъ видовъ которыхъ являлся подлогъ публичныхъ документовъ; этимъ давалась возможность установить самостоятельное значенiе подлога документовъ. Но почти всѣ другiя партикулярныя законодательства продолжаютъ еще держаться прежнихъ воззрѣнiй, хотя и сильно суживаютъ объемъ обмановъ вообще по сравненiю съ прежними законодательствами.

Наконецъ, главнымъ образомъ подъ влiянiемъ французскаго права создается въ прусскомъ уложенiи 1851 г. понятiе самостоятельнаго преступленiя подлога, отдѣленнаго безусловно отъ мошенничества, и эту точку зрѣнiя воспринимаетъ и германское уложенiе 1870 года.

Здѣсь проводятся нѣкоторыя совершенно новыя начала въ сравненiи съ прежнимъ нѣмецкимъ правомъ. Наиболѣе важное изъ нихъ то, что составъ преступленiя считается законченнымъ не съ момента поддѣлки, какъ это было призна-

ваемо прежде, а съ момента употребленія поддѣльнаго, а затѣмъ наряду съ подлогомъ документовъ ставятся и другія посягательства противъ нихъ, чего не знало старое германское право. Эти начала главнымъ образомъ обязаны своимъ возникновеніемъ доктринѣ и въ настоящее время являются характерными чертами постановленій германскаго права о подлогѣ.

ГЛАВА IV.

Французское право.

§ 1. Общая конструкція подлога въ памятникахъ перваго періода французскаго права.—§ 2. Подлогъ документовъ въ кутюмномъ правѣ.—§ 3. Характеристика постановленій о подлогѣ второго періода.—§ 4. Общій составъ подлога документовъ.—§ 5. Отдѣльные виды подлога документовъ по ордоннансу 1532 г. и эдикту 1680 г.—§ 6. Другіе виды подлога публичныхъ документовъ. — § 7. Подлогъ документовъ частныхъ и поддѣлка печатей.—§ 8. Общіе выводы.—§ 9. Code pénal 1791 г. и законодательство революціоннаго періода.—§ 10. Code pénal 1810 г.—§ 11. Общій составъ подлога документовъ.—§ 12. Code pénal belge.—§ 13. Заключеніе.

§ 1. Исторія французскаго уголовнаго законодательства можетъ быть раздѣлена на три періода: первый, обнимающій феодальную эпоху—эпоху господства кутюмнаго права, второй, простирающійся до революціи 1789 года и заключающій въ себѣ эпоху развитія уголовнаго права путемъ отдѣльныхъ королевскихъ постановленій, и третій—обнимающій революціонное законодательство и представляющій первыя попытки кодификаціи уголовнаго матеріальнаго права.

Каждый изъ этихъ періодовъ, отличаясь вообще другъ отъ друга тѣми или другими характерными чертами, представляетъ особенности и въ отношеніи своихъ опредѣленій о

подлогѣ[1]). Первый періодъ характеризуется отрывочностью постановленій о подлогѣ; сущность этого преступленія освѣщена весьма слабо, и на подлогъ документовъ законодатель обращаетъ весьма мало вниманія; во второмъ періодѣ замѣчается постепенное развитіе общаго ученія о подлогѣ документовъ; постановленія о немъ отличаются большей опредѣленностью и перестаютъ носить характеръ отрывочности; этой эпохѣ соотвѣтствуетъ значительное развитіе письменности и появленіе въ обращеніи массы письменныхъ документовъ; въ третьемъ періодѣ вырабатываются окончательно тѣ положенія, которыя вошли вслѣдъ затѣмъ въ Code pénal 1810 г.

Таково постепенное внѣшнее развитіе законодательныхъ постановленій о подлогѣ; обращаясь же къ ближайшему разсмотрѣнію ихъ содержанія, мы видимъ слѣдующее.

Кутюмное право и позднѣйшія обработки кутюмовъ (напр. Livre de jostice et de plet и Somme rurale юриста Bouteiller) даютъ сравнительно немного указаній относительно подлога документовъ. Они содержатъ только нѣсколько отдѣльныхъ постановленій о наказуемости его, а ближе состава этого преступленія не опредѣляютъ. Объясняется это тѣмъ, что хотя въ эту эпоху письменные документы и были распространены, но, какъ доказательство на судѣ, они имѣли второстепенное значеніе, такъ какъ содержаніе ихъ могло быть опровергнуто показаніемъ свидѣтелей, по общему правилу—temoins par vive voix detruisent lettres, вслѣдствіе чего и самый подлогъ ихъ не могъ быть особенно распространенъ; только со времени муленскаго ордоннанса XVI в. доказательство посредствомъ письменныхъ документовъ получаетъ самостоятельное значеніе[2]), соотвѣт-

---

[1]) Постановленія о подлогѣ французскаго права болѣе ранняго періода нами уже разсмотрѣны при обозрѣніи исторіи германскаго законодательства, такъ какъ Франція и Германія живутъ первоначально одной и той же юридической жизнью, и только при преемникахъ Карла Великаго начинается самостоятельная жизнь отдѣльныхъ областей, входившихъ въ составъ единой монархіи Карла.

[2]) Glasson. Histoire du droit et des institutions de la France 1895. t. VI p. 553.

ственно чему учащаются случаи подлога документовъ, и издаются болѣе подробныя опредѣленія о немъ въ законѣ, какъ мы это видимъ изъ ордоннансовъ XVII в.

Кутюмы знаютъ или широкое понятіе подлога, куда, слѣдовательно, долженъ былъ входить и подлогъ документовъ, или же говорятъ объ отдѣльныхъ случаяхъ поддѣлокъ, въ томъ числѣ о подлогѣ документовъ, не объединяя ихъ вмѣстѣ, но именуя виновныхъ въ этихъ преступленіяхъ вообще „поддѣлывателями“.

Въ первомъ случаѣ ясно видны попытки систематизаціи и обобщенія понятія подлога, причемъ въ основаніе создаваемой такимъ образомъ особой группы преступныхъ дѣяній кладется моментъ лжи, какъ наиболѣе характерный для нея, вслѣдствіе чего здѣсь нерѣдко объединяются преступныя дѣянія, разнородныя по объекту посягательства. Такъ, кутюмъ анжуйскій знаетъ особый отдѣлъ, озаглавленный „faulconneries“, гдѣ кромѣ случаевъ поддѣлки извѣстныхъ матеріальныхъ предметовъ—денежныхъ знаковъ, мѣръ и вѣсовъ, товаровъ и документовъ, предусматривается и лжесвидѣтельство [1]); coutume Loudunois (art. 9) [2]) назначаетъ наказаніемъ для поддѣлывателей вообще (faussaire), ближе не опредѣляя самаго преступленія ихъ, — выставленіе у позорнаго столба (pilori) и отсѣченіе правой руки; то же наказаніе за подлогъ вообще знаютъ и многіе другіе памятники кутюмнаго права [3]).

Въ тѣхъ кутюмахъ, которые не знаютъ объединяющаго понятія подлога, но которые говорятъ объ отдѣльныхъ случаяхъ поддѣлокъ, называя виновныхъ въ учиненіи ихъ общимъ

---

[1]) Coutumes d'Anjou et du Maine t. II p. 493; интересно, что многіе другіе памятники данной эпохи выдѣляютъ лжесвидѣтельство изъ случаевъ матеріальнаго искаженія истины и ведутъ рѣчь о немъ отдѣльно отъ подлога, напр. coutumes de Beauvoisis XXX c. 45 et 46 или Etablissement de Saint-Louis, art. 7.

[2]) Du - Bois, Histoire du droit criminel des peuples modernes. 1858 t. II, p. 264.

[3]) См. также Registre criminel de Saint-Martin - des Champs p. CII и Livre du droiz et de commandemens. p. 285. Glasson l. c. p. 675.

именемъ „поддѣлывателей“ и угрожая имъ одинаковымъ наказаніемъ, нельзя не подмѣтить тоже стремленія придавать нѣкоторое обобщающее значеніе отдѣльнымъ случаямъ подлога, хотя, разумѣется, названіе извѣстныхъ лицъ „поддѣлывателями“ еще не даетъ повода и основанія видѣть здѣсь готовую конструкцію преступленія подлога вообще, тѣмъ болѣе, что виновные въ этихъ преступленіяхъ нерѣдко именуются не только поддѣлывателями, но и ворами. Названіе, употребляемое для этихъ случаевъ въ памятникахъ, — faussaires, faux, falsarii, а нормальное наказаніе, положенное за отдѣльные виды поддѣлокъ—отсѣченіе кисти руки или большого пальца [1]).

Дѣянія, совершители которыхъ носятъ названіе „поддѣлывателей“, представляютъ обыкновенно случаи искаженія внѣшняго вида того или другого матеріальнаго предмета; сюда относятся прежде всего случаи поддѣлки монетъ, на которую памятники разсматриваемаго періода обращаютъ наибольшее вниманіе, далѣе поддѣлка мѣръ и вѣсовъ, товаровъ и документовъ. Такъ, по нормандскому кутюму, виновные въ поддѣлкѣ мѣръ и вѣсовъ объявляются поддѣлывателями (falsarii) и подвергаются наказанію, какъ за кражу [2]); также смотрятъ нѣкоторые кутюмы и на поддѣлку товаровъ. Это послѣднее преступленіе считается въ данную эпоху однимъ изъ видовъ подлога; правительство регулируетъ въ это время извѣстныя отрасли промышленности и требуетъ опредѣленнаго внутренняго

---

[1]) См. напр. Coutumes d'Anjou t. II p. 507 или I p. 163.

[2]) Coutumes de Normandie c. XVI „et abusores earum (т.-е. фальшивыхъ мѣръ и вѣсовъ) debent pro falsariis haberi: et quasi de latrociniis (во французскомъ текстѣ: lercin) macula poenam tenentur super hoc reportare; другіе кутюмы, напр. Beauvoisis, опредѣляютъ за это дѣяніе денежный штрафъ съ вознагражденіемъ за убытки потерпѣвшимъ, прямо не относя это преступленіе къ поддѣлкѣ. (Les coutumes de Beauvoisis c. XXVI). То же самое видимъ мы въ Etablissement de Saint-Louis. (Etabl. liv. I chap. 38). Кутюмъ анжуйскій опредѣляетъ за употребленіе поддѣльныхъ мѣръ и вѣсовъ денежное взысканіе и только въ одномъ случаѣ угрожаетъ за это дѣяніе отсѣченіемъ большого пальца на рукѣ, — если данная мѣра уже раньше была признана судомъ поддѣльной. v. II p. 507.

содержанія того или другого предмета производства; измѣненіе этого внутренняго содержанія, приготовленіе товара иного качества считается искаженіемъ истины — подлогомъ; по анжуйскому кутюму, виновный въ продажѣ поддѣльныхъ товаровъ (именно сукна—drap) подвергается денежному взысканію, а самый матеріалъ сжигается, но если торговецъ оказывается и изготовителемъ поддѣльныхъ товаровъ, то за поддѣлку кутюмъ угрожаетъ ему отсѣченіемъ кисти руки или же отсѣченіемъ большого пальца [1]), называя виновнаго поддѣлывателемъ и воромъ. Иногда поддѣлка товаровъ считалась такимъ важнымъ преступленіемъ, что подводилась подъ категорію cas de haute justice; это такъ называемые meffaits de marché; случаи этого рода были обложены усиленнымъ наказаніемъ именно потому, что ярмарки и рынки находились подъ покровительствомъ высшей сеньоральной полиціи [2]).

Впрочемъ, иногда названіе faussaires относится и къ случаямъ не исключительно матеріальнаго искаженія истины—ложь вообще беретъ перевѣсъ надъ ложью матеріальной, овеществленной; такъ, по кутюму Бретани (§ 682), сюда причисляется еще одинъ случай мошенничества—продажа одной и той же вещи два раза; лица, виновныя въ этомъ, считались по словамъ кутюма, ворами и поддѣлывателями (larrons et faussaires) [3]).

§ 2. Въ числѣ другихъ случаевъ поддѣлокъ предусматривается—и то только въ нѣкоторыхъ кутюмахъ—подлогъ документовъ, но постановленія о немъ отличаются наибольшей скудностью. Можно только указать на то, что нормальнымъ

---

[1]) V. I p. 163 — Marchant qui porte faux dras à vendre, et il en est prové per les marchanz drapiers qui auroient quencu que les drap sont faux par lor seremenz, la justice doit feire les draps ardoir à veue des marchanz et peiera cil qui les aura aportez. LX soz de gaige à la justice. Et si il estoit prové que cil mesmes les eust fez qui les auret aportez, il en perdroit le poing par droit pour ce que il auret fet que faux et que lerres; тоже v. II p. 507—il seroit faulx et larron.

[2]) Du-Bois. l. c. p. 231.

[3]) Du - Bois. Histoire du droit criminel de la France 1874 t. V p. 269.

наказаніемъ за этотъ видъ поддѣлки является отсѣченіе руки, хотя нѣкоторые кутюмы напр. анжуйскій, опредѣляютъ это наказаніе только за простую поддѣлку, за квалифицированную же по субъекту преступленія, т.-е если виновнымъ въ подлогѣ оказывается писецъ (tabellion), назначаютъ смертную казнь [1]). Здѣсь впервые мы встрѣчаемся во французскомъ правѣ съ особымъ видомъ подлога документовъ — должностнымъ подлогомъ; въ основаніе усиленной наказуемости этого случая поставлено нарушеніе того особаго довѣрія со стороны общества, которымъ пользуется лицо, имѣющее спеціальную обязанность составленія документовъ; другой кутюмъ, coutume de Labour, проводитъ различіе между двумя видами подлога документовъ по другому признаку — именно, по непосредственному объекту посягательства: поддѣлка въ публичныхъ документахъ приравнивается измѣнѣ, а подлогъ частныхъ наказывается произвольнымъ денежнымъ взысканіемъ (art. 4) [2]). Здѣсь точно также впервые проводится во французскомъ правѣ различіе между двумя видами подлога, удерживаемое и въ Code pénal 1810 г.

Не лишено интереса указать еще на постановленія о подлогѣ въ „Livres de jostice et de plet", гдѣ ясно представляется тотъ путь, которымъ римское право проникло во Францію. Livres de jostice повторяетъ съ нѣкоторыми измѣненіями постановленія о подлогѣ документовъ дигестъ, обобщая ихъ, дѣлая при этомъ ссылку на законъ Корнелія Суллы и опредѣляя наказаніемъ за подлогъ изгнаніе для свободныхъ и смертную казнь (li derreniers tormanz) для рабовъ. Здѣсь имѣется въ виду составленіе подложнаго документа, въ особенности духовнаго завѣщанія, пользованіе имъ и приложеніе къ нему подложной печати [3]).

---

[1]) Coutumes d'Anjou et de Maine t. II p. 493.

[2]) Du-Bois l. c. p. 264.

[3]) Liv. 18 chap. 25 § 6—Et la loi que Cornelius fist de faus hoirs, enjoint painne à celui qui escrit faus instrument, ou faus testament, à celui qui le saèle, et à celui qui la recite, et à celui qui i met faus sèal et à celui qui le fet et qui l'entaille, qui le prant à son esciant par tricherie.

Вотъ собственно всѣ тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя можно найти о подлогѣ документовъ въ памятникахъ французскаго права перваго періода.

Если для выясненія сущности подлога документовъ въ эту эпоху бросить общій взглядъ на всѣ тѣ случаи поддѣлокъ, о которыхъ рѣчь идетъ въ источникахъ, то нельзя не замѣтить, что въ нихъ имѣется смѣшеніе подлога съ мошенничествомъ, что видно особенно изъ того, что поддѣлка товаровъ разсматривается, какъ видъ подлога. Но притомъ французское право не знаетъ того широкаго понятія falsum, которое было въ правѣ римскомъ, благодаря чему подлогъ документовъ самъ по себѣ имѣетъ въ немъ вполнѣ очерченный характеръ—только одна поддѣлка документовъ, а не всякія вообще другія посягательства противъ нихъ, входитъ здѣсь въ составъ этого преступленія.

§ 3. Переходя къ слѣдующей эпохѣ исторіи французскаго уголовнаго права—эпохѣ развитія его путемъ отдѣльныхъ королевскихъ постановленій—ордоннансовъ, эдиктовъ и декларацій, мы должны прежде всего замѣтить, что хотя при томъ случайномъ характерѣ, который носятъ королевскія постановленія, издаваемыя по поводу народившейся потребности данной минуты, и при отсутствіи кодификаціи, и трудно вывести общее ученіе о подлогѣ документовъ, но всетаки нельзя не подмѣтить нѣкоторыхъ общихъ принциповъ, лежащихъ въ основаніи опредѣленій, изданныхъ относительно подлога.

Данная эпоха важна въ томъ отношеніи, что здѣсь вырабатываются многія такія положенія, которыя держатся затѣмъ въ французскомъ законодательствѣ впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій и, выразившись окончательно въ Code pénal 1810 г., переходятъ и въ другія законодательства, напр. въ германское и въ наше. Таково, напр. постановленіе о разграниченіи двухъ видовъ подлога: подлога публичныхъ документовъ и частныхъ; мы видѣли выше, что уже кутюмное право (напр. coutume de Labour) знало это разграниченіе, но полное выраженіе свое оно нашло въ эдиктѣ 1680 г., подтвержденномъ и позднѣйшими королевскими постановленіями;

далѣе къ этой же эпохѣ относится установленіе болѣе легкаго вида подлога публичныхъ документовъ, именно подлога въ разныхъ свидѣтельствахъ, удостовѣреніяхъ и т. д., что мы и теперь находимъ во всѣхъ законодательствахъ.

Но всего важнѣе заслуга французскаго права этой эпохи въ томъ, что оно вполнѣ правильно развиваетъ взглядъ на сущность подлога, какъ на самостоятельное преступленіе, видя въ немъ посягательство противъ общественныхъ интересовъ; между тѣмъ какъ въ эту же эпоху въ отдѣльныхъ германскихъ законодательствахъ подъ вліяніемъ главнымъ образомъ доктрины, обратившей особенное свое вниманіе на римское право съ его широкимъ понятіемъ crimen falsi, подлогъ постепенно смѣшивается съ мошенничествомъ и другими преступленіями, благодаря присущему въ составѣ ихъ моменту искаженія истины, вслѣдствіе чего тамъ конструируется общее понятіе обманныхъ поступковъ. Во французскомъ правѣ, напротивъ, во многихъ ордоннансахъ прямо указывается на то, что подлогъ нарушаетъ общественное довѣріе, посягая такимъ образомъ на общественный интересъ, чѣмъ онъ отличается отъ мошенничества; причиненіе имущественнаго или иного ущерба отдѣльной личности отводится на послѣдній планъ, и его вовсе не требуется для состава преступленія, такъ какъ преступленіе считается совершившимся съ момента учиненія поддѣлки.

При наличности многихъ отдѣльныхъ королевскихъ постановленій, не сведенныхъ воедино, нѣтъ въ нихъ и общаго понятія подлога, объединяющаго отдѣльные виды поддѣлокъ: ордоннансы говорятъ о поддѣлкѣ монеты, о поддѣлкѣ документовъ, о поддѣлкѣ мѣръ и вѣсовъ и поддѣлкѣ товаровъ, съѣстныхъ припасовъ и напитковъ, но совершенно отдѣльно о каждомъ этомъ преступленіи, не указывая вовсе на связь между ними, и только доктрина прошлаго столѣтія въ лицѣ ея главнѣйшихъ представителей Jousse и Muyart de Vouglans подъ вліяніемъ итальянскихъ, нѣмецкихъ и голландскихъ юристовъ, какъ это мы увидимъ ниже, выставила широкое понятіе faux, обнявъ имъ всевозможные случаи искаженія истины и

отнеся сюда наряду съ подлогомъ и лжесвидѣтельство и присвоеніе непринадлежащаго званія и т. д.

Сообразно поставленной задачѣ мы ограничимся исключительно разсмотрѣніемъ подлога документовъ и постараемся показать то, что даетъ намъ въ этомъ отношеніи французское право разсматриваемаго періода. Въ этомъ отношеніи мы должны прежде всего констатировать то явленіе, что во французскомъ правѣ гораздо больше, чѣмъ въ германскомъ, было обращено вниманія на анализъ понятія подлога документовъ, и этому преступленію въ общемъ посвящено не мало спеціальныхъ законодательныхъ постановленій.

§ 4. Подлогъ документовъ (faux en ecriture) получаетъ въ эту эпоху, въ особенности въ памятникахъ XVII и XVIII вв., въ существенныхъ чертахъ своихъ то выраженіе, которое сохраняетъ онъ и теперь въ Code pénal 1810 года. Въ самой конструкціи его замѣчается одна особенность, которой нѣтъ ни въ римскомъ, ни въ старомъ германскомъ правѣ—это различіе, проводимое между двумя видами подлога по непосредственному объекту посягательства: публичнымъ и частнымъ документамъ. Правда, и въ этихъ законодательствахъ объектомъ преступленія могли служить документы какъ одного, такъ и другого рода, но самому различію документовъ по источнику ихъ происхожденія не придавалось здѣсь особеннаго значенія для конструкціи двухъ самостоятельныхъ видовъ подлога документовъ. Во французскомъ же правѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ подлогъ публичныхъ документовъ; съ нимъ, собственно говоря, и имѣютъ дѣло источники разсматриваемаго періода, подлогу документовъ частныхъ они отводятъ сравнительно скромное мѣсто и первоначально почти вовсе его не касаются, имѣя въ виду только подлогъ публичныхъ документовъ.

Появленіе этой особенности можетъ быть объяснено тѣмъ, что, установивъ нормальнымъ наказаніемъ за подлогъ документовъ смертную казнь, французское законодательство этой эпохи должно было отступить отъ строгаго проведенія установленнаго имъ начала въ томъ случаѣ, гдѣ рѣчь шла о документахъ частныхъ. Облагать подлогъ ихъ смертной казнью

въ большинствѣ случаевъ казалось слишкомъ суровымъ при той незначительной степени доказательственной силы, которую имѣли въ процессѣ документы, составленные безъ участія оффиціальныхъ лицъ—нотаріусовъ и публичныхъ писцовъ (tabéllion), и при отсутствіи въ ихъ охранѣ прямого общественнаго интереса, который имѣлся въ виду во французскомъ правѣ этого періода въ подлогѣ документовъ.

Обращаясь къ ближайшему разсмотрѣнію законодательныхъ постановленій о подлогѣ документовъ, нельзя не замѣтить, что французское право, дѣйствительно, говоритъ главнымъ образомъ о разныхъ видахъ подлога публичныхъ документовъ, отводя гораздо меньше вниманія подлогу документовъ частныхъ.

Подлогъ документовъ конструируется въ немъ, какъ преступленіе публичное. Сами источники смотрятъ на него, не какъ на простое посягательство частнаго характера, а какъ на посягательство на общественный интересъ, какъ на такое, „qui attaque singuliérement la société et qui trouble le repos et la sécurité des familles“ [1]); этому взгляду соотвѣтствуетъ и высокая степень наказуемости подлога. Но, конечно, законодательство признаетъ, что въ то же время подлогъ можетъ представлять опасность для правъ личности, вслѣдствіе чего оно указываетъ и на эту его сторону, хотя нигдѣ при этомъ не имѣетъ въ виду опасности нарушенія этимъ преступленіемъ однихъ только имущественныхъ правъ, полагая напротивъ, что имъ могутъ быть нарушены права и другого рода [2]), такъ что съ имущественными нарушеніями подлогъ документовъ, по взгляду этой эпохи, ничего общаго не имѣетъ и выступаетъ такимъ образомъ въ самомъ чистомъ видѣ, какъ самостоятельное преступное посягательство.

Источники разсматриваемаго періода въ общемъ мало ка-

---

[1]) Edit du mois de mars 1680.

[2]) См. напр. Ordon. du mois. de mars 1531 г.: ....faisant faux contrats...., dont plusieurs personnages tant nobles qu'autres, ont été et sont détruits, et bien souvent en danger de perdre leur vie, honneurs et biens.

саются самаго состава преступленія: ихъ цѣль—перечислить возможно полнѣе случаи подлога публичныхъ документовъ разнаго рода, чтобы дать извѣстныя руководящія начала судьѣ при примѣненіи закона [1]).

Разсмотрѣніе отдѣльныхъ постановленій въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія показываетъ, какъ постепенно законодатель долженъ былъ распространять прежде созданныя нормы на новые случаи, до сихъ поръ не предусмотрѣнные главнымъ образомъ въ виду казуистичности самыхъ постановленій закона. Новыя отношенія создавали новые виды удостовѣрительныхъ формъ; начала, ранѣе выработанныя по отношенію къ другимъ формамъ, приходилось силою закона расширять и на вновь возникавшія.

Тѣ сравнительно краткія данныя, которыя даются источниками по вопросу объ общемъ составѣ подлога, могутъ быть выражены слѣдующимъ образомъ.

Съ внѣшней стороны для состава преступленія требуется наличность составленія фальшиваго документа или подложнаго измѣненія настоящаго; факта пользованія поддѣлкой при этомъ не требуется, такъ что преступленіе считается совершившимся съ момента учиненія поддѣлки. Самое дѣйствіе при поддѣлкѣ документовъ заключается въ составленіи подложнаго акта или ложнаго засвидѣтельствованія его (faisans faux contrats dépositions et sermens en témoignage justice—или avoir fait et passé faux contrats et porté faux témoignage en justice) [2]); но кромѣ того, какъ частные случаи этого болѣе общаго опредѣленія, приводятся: подписаніе духовнаго завѣ-

---

[1]) Ученіе о подлогѣ получаетъ развитіе въ памятникахъ данной эпохи и со стороны процессуальной—въ отношеніи порядка производства дѣлъ о подлогѣ; здѣсь проводится различіе между двумя видами подлога—faux principal (т.-е. самостоятельное и непосредственное обвиненіе въ подлогѣ) и faux incident (подъ которымъ разумѣется тотъ случай, если въ гражданскомъ или уголовномъ процессѣ одна изъ сторонъ заявитъ свое подозрѣніе относительно подлинности представленнаго акта).

[2]) Ordon. du mois de mars 1531.

щанія или другихъ распоряженій на случай смерти свидѣтелями, не видѣвшими самого завѣщателя и не слышавшими, чтобы онъ дѣлалъ данныя распоряженія, или не видѣвшими, чтобы ему были представлены данные акты во время ихъ подписанія[1]); поддѣлка подписи (qui contreferont les signatures)[2]); вообще составленіе подложныхъ реестровъ, подъ чѣмъ надо разумѣть интеллектуальный подлогъ, т.-е. актовую ложь, которая такимъ образомъ разсматривалась, какъ видъ подлога документовъ вообще (qui auront fabriqué ou fait fabriquer de faux régistres)[3]), и поддѣлка разныхъ свидѣтельствъ, (qui auront falsifiés les certificats)[4]). Въ другихъ случаяхъ источники довольствуются общимъ выраженіемъ—учиненіе подлога (d'avoir commis fausseté), не указывая ближе самаго дѣйствія [5]). Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ случаевъ ясно слѣдуетъ, что употребленія подложнаго документа для состава преступленія не требовалось, пользованіе же составленнымъ другими, завѣдомо подложнымъ документомъ считалось тоже однимъ изъ видовъ подлога, какъ это можно видѣть изъ ордоннанса 1737 года[6]).

Что касается внутренней стороны преступленія, то источники совершенно не касаются ея, но, очевидно, для состава преступленія требовалась наличность умысла, такъ какъ самый способъ дѣйствія предполагаетъ въ подлогѣ умышленность дѣянія; на это условіе, какъ само собой подразумѣвавшееся, источники не считали нужнымъ дѣлать указаніе; на него лишь косвенно указываетъ между прочимъ только-что

---

[1]) Ord. des testaments de 1735, art. 48... „qui auroient signé les testaments, codiciles ou autres actes de dernière volonté, ou les actes de souscription des testamens mystiques sans avoir vu le testateur et sans avoir entendu prononcer ces dispositions ou les lui avoir vu presenter lors la dite souscription“.

[2]) Declar. du mois d'août 1699.

[3]) Ord. de juillet 1681.

[4]) Ibid.

[5]) См. напр. Edit. de mars 1680 „...d'avoir commis fausseté dans la fonction de leurs offices, commisions et emplois“.

[6]) Ord. 1737 г. tit. 2 art. 1.

приведенный ордоннансъ, который говоритъ, что наказаніе за подлогъ можетъ только тогда быть примѣняемо, если доказано, что виновный самъ поддѣлалъ документъ или же приказалъ его поддѣлать, или же въ случаѣ, если документъ былъ представленъ на судъ, онъ зналъ, что этотъ документъ поддѣльный (qu'il ait fait ou fait faire la pièce fausse ou qu'il en ait connu la fausseté) — здѣсь признакъ умышленности, завѣдомости, категорически требуется при пользованіи поддѣльнымъ документомъ.

§ 5. Обращаясь къ отдѣльнымъ видамъ подлога документовъ, мы скажемъ сначала о подлогѣ публичныхъ документовъ, а затѣмъ о подлогѣ частныхъ; при этомъ нужно замѣтить, что помимо различія между обоими этими видами подлога по различію объектовъ непосредственнаго посягательства, особенность подлога перваго вида заключается еще въ томъ, что субъектомъ его могли быть только должностныя лица; ихъ первоначально и имѣетъ въ виду законодатель, какъ возможныхъ субъектовъ преступленія, такъ что подлогъ публичныхъ документовъ являлся обыкновенно должностнымъ подлогомъ, учиненнымъ должностными лицами въ сферѣ ихъ непосредственной компетенціи. Только съ теченіемъ времени законодатель началъ считать нужнымъ конструировать это преступленіе, какъ такое, которое можетъ быть совершено и частными лицами, на что указывалось въ законѣ и прямо говорилось, что данный видъ подлога можетъ быть учиненъ не только должностными лицами, но и частными; первоначально это принимается въ расчетъ только при публичныхъ документахъ болѣе важныхъ, но потомъ это правило распространяется прямо и на другіе публичные документы, именно, на такіе, которые должны были быть составляемы различными нисшими чиновниками — commis (ордон. 1681 г.). Въ законодательныхъ памятникахъ данной эпохи не содержится только прямого и опредѣленнаго указанія относительно подлога тѣхъ публичныхъ документовъ, которые не могутъ быть отнесены ни къ категоріи болѣе важныхъ, ни къ категоріи менѣе важныхъ. Но на это есть косвенное указаніе въ упомя-

нутомъ уже эдиктѣ 1680 года; здѣсь говорится вообще о совершеніи какихъ-нибудь подлоговъ (quelques faussetés) со стороны частныхъ лицъ и лицъ должностныхъ внѣ сферы ихъ компетенціи, и подъ этой общей формулой слѣдуетъ разумѣть и подлогъ со стороны частныхъ лицъ документовъ публичныхъ, обложенный произвольными наказаніями.

Всѣ вообще виды подлога документовъ, какъ они выразились въ памятникахъ данной эпохи, можно свести къ слѣдующимъ группамъ: 1) подлогъ публичныхъ документовъ: а) актовъ, составляемыхъ нотаріусами и другими должностными лицами, главнымъ образомъ актовъ судебныхъ; б) документовъ каноническаго права; в) актовъ королевской канцеляріи и г) документовъ, имѣющихъ отношеніе къ финансовой сферѣ государства; 2) подлогъ частныхъ документовъ, особенно наказуемыми видами котораго являются подлогъ духовныхъ завѣщаній и подлогъ векселей.

Постановленія о подлогѣ публичныхъ документовъ первой категоріи представляютъ нѣсколько стадій своего развитія; первоначально имѣется въ виду подлогъ только со стороны публичныхъ писцовъ или нотаріусовъ (notaires, tabéllions), и только впослѣдствіи его область расширяется, и возможными субъектами этого преступленія начинаютъ считаться и другія должностныя лица.

Францискъ I, находя, что число подлоговъ во Франціи увеличивается, и что существующія наказанія не въ состояніи устрашить поддѣлывателей вслѣдствіе своей незначительности (очевидно, здѣсь имѣлось въ виду нормальное наказаніе за подлогъ по кутюмному праву—отсѣченіе руки), опредѣлилъ за подлогъ въ своемъ ордоннансѣ 5 марта 1532 года смертную казнь [1]); самое преступленіе формулировано, какъ составленіе

[1]) Ce que lesdites faussaires n'ont craint et ne craignent de faire, parce que la punition qu'ils en ont est aucunes fois si légère et si aisée, que cela ne leur en donne aucune peur ou doute d'en estre repris. Ord. du 5 mars 1532; позднѣйшіе ордоннансы: окт. 1535 и авг. 1536 г. подтверждаютъ постановленія этого ордоннанса о наказуемости подлога публичныхъ документовъ смертной казнью.

поддѣльныхъ актовъ (faisans faux contracts, dispositions) во вредъ общественному интересу государства (au préjudice de la chose publique de nostre dit royaume). Изъ этихъ словъ вытекаетъ съ особенной ясностью публичный характеръ этого преступленія; здѣсь имѣется въ виду не то, что частное лицо терпитъ вредъ отъ подлога, а то, что имъ подрываются интересы самого государства. Форма смертной казни, положенной за это дѣяніе, ближе не опредѣлялась; это было предоставлено на произволъ судей, назначавшихъ наказаніе, смотря по обстоятельствамъ каждаго отдѣльнаго случая (selon l'éxigence du cas).

Нужно еще замѣтить, что въ этомъ ордоннансѣ главнымъ виновникамъ подлога — нотаріусамъ и писцамъ — приравниваются по наказанію ихъ соучастники — свидѣтели, участвовавшіе въ составленіи подложнаго документа и своею подписью скрѣплявшіе документъ; но по позднѣйшему ордоннансу 1735 г. для подобныхъ свидѣтелей (les témoins qui auroient signé les testamens) опредѣляется только тѣлесное и позорящее наказаніе (peines afflictives ou infamantes), тогда какъ для нотаріусовъ и здѣсь оставлена смертная казнь, причемъ по общему духу французскаго законодательства эту разницу въ наказаніи слѣдуетъ объяснять не соображеніями о различной степени наказуемости лицъ, являющихся участниками преступленія въ качествѣ главныхъ исполнителей и пособниковъ, а тѣмъ, что здѣсь противополагаются лица должностныя—частнымъ.

Съ теченіемъ времени, какъ сказано было выше, законодательство распространяетъ постановленіе ордоннанса 1532 года и на другихъ должностныхъ лицъ и старается точнѣе опредѣлить существенныя черты этого вида подлога. Прежде всего это сдѣлано эдиктомъ марта 1680 г. Какъ говорится въ этомъ эдиктѣ, ордоннансъ 1532 года истолкованъ былъ судебной практикой ограничительно, именно въ томъ смыслѣ, что только одни нотаріусы и публичные писцы, уличенные въ совершеніи подлога, должны были подлежать наказанію смертной казнью, вслѣдствіе чего судьи и не приговаривали къ этому наказанію другихъ должностныхъ лицъ, виновныхъ къ подлогѣ. Эдиктъ

замѣчаетъ, что такъ какъ и другія должностныя лица являются носителями общественнаго довѣрія (dépositaires de la foi publique), то и они должны подвергаться тому же наказанію, какъ и нотаріусы; онъ сначала перечисляетъ подробно всѣхъ должностныхъ лицъ, которыя должны подвергаться за подлогъ смертной казни, а затѣмъ говоритъ общимъ образомъ, что этому наказанію подвергаются вообще всѣ лица, исполняющія публичную должность по обязанности, порученію или уполномочію, а также ихъ клерки и повѣренные, если только подлогъ учиненъ былъ ими при исполненіи ихъ обязанности, должности или порученія [1]); иначе они подвергаются, какъ и лица недолжностныя, произвольному наказанію.

Такимъ образомъ подлогъ оффиціальныхъ документовъ со стороны лицъ должностныхъ при исполненіи ими своей обязанности составлялъ наиболѣе тяжкій видъ подлога и обложенъ былъ смертной казнью. Нужно замѣтить однако, что французскіе судьи не сочли возможнымъ провести постановленіе этого эдикта вполнѣ послѣдовательно въ жизни, такъ какъ это привело бы къ излишней, подчасъ ничѣмъ не оправдываемой жестокости наказаній, вслѣдствіе чего на практикѣ при опредѣленіи наказанія они обращали вниманіе на особенности даннаго случая, сообразно съ чѣмъ измѣнялось и наказаніе, назначаемое по закону; такъ принималось во вниманіе качество самаго акта: подлогъ въ гражданскихъ дѣлахъ наказывался легче, чѣмъ въ уголовныхъ; точно также строже наказывался подлогъ въ томъ случаѣ, если актъ было невозможно возстановить въ прежнемъ видѣ; наконецъ, въ зависимости отъ инстанціи суда, въ которую былъ представленъ актъ, наказаніе могло увеличиваться или уменьшаться; неменьшее вниманіе обращалось и на качество должностного лица, совершившаго подлогъ: мелкіе чиновники (greffiers и huissiers)

---

[1]) Edit de Mars 1680. „et généralement toutes personnes faisant fonction publique par office, commission ou subde légation, leurs clercs et commis qui seront atteints et convaincus d'avoir commis fausseté dans la fonction de leurs offices, commissions et emplois, seront punis de mort, telle que les juges arbitreront, selon l'éxigence des cas.

наказывались за подлогъ легче, чѣмъ судьи [1]). Наказанія, назначавшіяся судами въ этихъ случаяхъ, были различны: напр. испрошеніе прощенія (l'amende honorable), сопровождаемое выставкой у позорнаго столба и изгнаніемъ или ссылкой въ галеры, иногда денежное взысканіе, сопровождаемое удаленіемъ отъ должности. Кромѣ того самый поддѣльный документъ подвергался разорванію (lacération) при торжественной обстановкѣ; формы этого обряда были выработаны судебной практикой [2]). Если же назначалась за подлогъ смертная казнь, то она исполнялась посредствомъ повѣшенія [3]).

§ 6. Не смотря на то, что эдиктъ 1680 г. предусматривалъ всѣ возможные, повидимому, случаи учиненія подлога должностными лицами, говоря о нихъ вообще (généralement toutes personnes faisant fonction publique etc), позднѣйшія законодательныя постановленія предусматривали еще нѣкоторые специальные случаи подлоговъ со стороны извѣстныхъ категорій должностныхъ лицъ. Такъ, одинъ изъ позднѣйшихъ ордоннансовъ говоритъ отдѣльно о подлогѣ документовъ со стороны второстепенныхъ судебныхъ чиновниковъ (les commis et autres ayant serment en justice); законъ угрожаетъ имъ смертью за составленіе ложныхъ регистровъ, представленіе ложныхъ экстрактовъ изъ дѣлъ, подписанныхъ ими, и за поддѣлку судейской подписи [4]) (qui auront fabriqué ou fait fabriquer de faux registes ou qui en auront délivré de faux extraits, signés d'eux, ou contrefait les signatures de nos juges). Здѣсь имѣется въ виду главнымъ образомъ подлогъ актовъ судебныхъ, и случаи интеллектуальнаго подлога и матеріальнаго сопоставляются вмѣстѣ. Какъ особенно тяжкій видъ, предусматривается далѣе поддѣлка регистровъ со стороны чиновниковъ контроля (les commis du contrôle), имѣющихъ своей обязанностью полученіе,

---

[1]) Muyart de Vouglans. Lois criminelles de France 1780 p. 225.

[2]) Jousse. La justice criminelle en France. 1771 p. 346.

[3]) См. Jousse p. 348—356; здѣсь указывается цѣлый рядъ рѣшеній французскихъ судовъ прошлыхъ столѣтій въ дѣлахъ о подлогахъ.

[4]) Ordon. de juillet 1681.

управленіе и расходованіе суммъ, поступающихъ въ королевскія или общественныя кассы; за это дѣяніе назначается смертная казнь безъ права смягченія ея подъ какимъ бы то ни было предлогомъ [1]).

Болѣе легкимъ видомъ подлога публичныхъ документовъ считается поддѣлка частными лицами отпусковъ (congé), росписокъ, пропускныхъ свидѣтельствъ, удостовѣреній и другихъ актовъ, составляемыхъ черезъ посредство нисшихъ чиновниковъ — commis [2]). Наказаніемъ здѣсь являются розги и изгнаніе, если дѣяніе совершено въ первый разъ, и галеры на 9 лѣтъ сверхъ денежнаго взысканія, въ случаѣ рецидива. Эта уменьшенная наказуемость за подлогъ документовъ, имѣющихъ второстепенное значеніе, является здѣсь впервые во французскомъ законодательствѣ и затѣмъ переходитъ въ другія законодательства. По всей вѣроятности, документы этого рода составлялись безъ соблюденія особенныхъ формальностей, вслѣдствіе чего и охрана ихъ не отличалась особой репрессивностью.

Особымъ видомъ подлога въ публичныхъ документахъ является подлогъ въ документахъ каноническихъ. Хотя собственно говоря, подлогъ этого рода разсматривается въ каноническомъ правѣ, но, какъ мы это ранѣе видѣли и какъ вѣрно замѣчаетъ Вугланъ [3]), каноническое право имѣло въ виду подлогъ папскихъ документовъ, между тѣмъ подлогъ другихъ документовъ, имѣющихъ отношеніе къ каноническому

---

[1]) Déclarat. du mois de mai 1720. Указаніе на то, что наказаніе не должно быть въ этомъ случаѣ смягчаемо, интересно въ томъ отношеніи, что хотя законодатель и установляетъ извѣстное положеніе въ законѣ, не допуская его измѣненія, но онъ считается съ практикой, которая допускала тѣмъ не менѣе смягченіе наказанія; въ виду чего въ опредѣленныхъ случаяхъ онъ уже въ самомъ законѣ категорически запрещаетъ отступать отъ своего положенія.

[2]) Ord. 1681—Les particuliers redevables de nos droits, qui auront falsifié les marques des commis et autres ayants serment en justice, les congés, acquits, passavants, certificats et autres actes qui leur doivent être délivrés par les commis.

[3]) Vouglans l. c. p. 227.

праву, предусмотрѣнъ свѣтскимъ законодательствомъ. Такъ, напр. ордоннансъ 1550 г. предусматриваетъ преступленіе всѣхъ тѣхъ, кто совершилъ подлогъ въ дѣлахъ о бенефиціяхъ (tous ayant commis fausseté au fait des bénéfices). Самый составъ этого вида подлога ближе здѣсь не опредѣляется; субъектами его могли быть не только лица должностныя въ виду той общей формулы, которая заключается въ выраженіи—tous. Ордоннансъ различаетъ по наказуемости мірянъ и духовныхъ лицъ; съ первыми онъ приказываетъ поступать по всей строгости королевскихъ ордоннансовъ, вторые же послѣ суда надъ ними свѣтскихъ судей должны быть отсылаемы къ своему духовному начальству, которое объявляетъ ихъ неспособными навсегда владѣть бенефиціями или опредѣляетъ другія наказанія, смотря по обстоятельствамъ.

Въ качествѣ наиболѣе тяжкаго вида подлога публичныхъ документовъ предусматривается подлогъ документовъ большой королевской канцеляріи (notre grande chancellerie) и канцеляріи парламентскихъ судовъ. За это дѣяніе законъ угрожаетъ смертью, не проводя при этомъ различія между частнымъ лицомъ и должностнымъ [1]). Позднѣйшіе указы распространили это правило на поддѣлку подписей королевскихъ совѣтниковъ, государственныхъ секретарей и статсъ-секретарей [2]).

Наконецъ, какъ особый видъ подлога предусмотрѣнъ подлогъ въ актахъ, имѣющихъ отношеніе къ финансовой сторонѣ государственной дѣятельности. Еще ордоннансъ 8 іюня 1532 года угрожалъ смертной казнью всѣмъ финансовымъ чиновникамъ (financiers) за поддѣлку росписокъ, квитанцій и

---

[1]) Edit de Mars 1680 г. ..tous ceux qui auront falsifié les lettres de notre grande chancellerie et de celles qui sont etablies près de nos cours de parlement, imité, contrefait, appliqué ou supposé nos grands ou petits sceaux, soit qu'ils soient officiers, ministres ou commis de nos dites chancelleries ou non, soient punis de mort.

[2]) Declar. du mois d'août 1699. ...tous ceux qui contreferont les signatures de nos conseilliers en tous nos conseils, secretaires d'Etat et de nos commandement, ès choses qui concerneront la fonction des charges des dits secretaires d'Etat, soient à l'avenir punis de mort.

счетовъ, а декларація 4 мая 1720 года распространила это положеніе на всѣхъ вообще должностныхъ лицъ, предусматривая съ одной стороны подлогъ въ бумажныхъ денежныхъ знакахъ, съ другой—подлогъ всякихъ вообще документовъ, касающихся финансоваго состоянія государства. По этой деклараціи смертная казнь—безусловное наказаніе за этотъ видъ подлога, причемъ судьямъ запрещено было смягчать его даже въ виду умѣренности вреда, причиненнаго подлогомъ подобнаго рода.

Съ учрежденіемъ перваго французскаго банка Джона Ло и съ появленіемъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ—банковыхъ билетовъ—сдѣлалась возможной и поддѣлка ихъ, вслѣдствіе чего законодатель долженъ былъ кромѣ поддѣлки металлическихъ денегъ, которая всегда считалась весьма тяжкимъ преступленіемъ, предусмотрѣть еще поддѣлку бумажныхъ денегъ. Но такъ какъ при поддѣлкѣ монетъ имѣлось въ виду главнымъ образомъ посягательство противъ монетной регаліи, чего, конечно, нельзя было видѣть въ поддѣлкѣ бумажныхъ денегъ, то поддѣлка послѣдняго рода предусматривалась отдѣльно отъ поддѣлки монетъ и сопоставлялась съ подлогомъ документовъ. Бумажный денежный знакъ былъ въ глазахъ законодателя прежде всего документомъ. Преступленіе заключалось въ приготовленіи поддѣльныхъ билетовъ (fabriquer) [1], въ фальсификаціи подлинныхъ (falsifier) [2] и въ поддѣлкѣ (contrefaire) клейма или досокъ (le cachet ou les planches), на которыхъ были выгравированы билеты. Ордоннансъ 4 мая 1720 г. предусматриваетъ поддѣлку вообще papiers royaux et publics (а не только банковыхъ билетовъ, какъ это было до этихъ поръ), подъ которыми слѣдуетъ разумѣть всякія вообще бумажныя деньги, причемъ о нихъ говорится наряду съ приказами о выдачѣ денегъ изъ королевскаго казначейства (ordon-

[1]) Lettres patentes du 2 mai 1716 § 8.

[2]) Ordon. du 4 mai 1720 перечисляетъ между прочимъ разные способы совершенія этого вида подлога: quelques personnes ayant entrepris de falsifier de billets de monnaie, soit dans les signatures, soit dans les dates et numéros.

nances tirées sur le trésor royal), смѣтами расходовъ (des états ou extraits de distribution), указами о пріемѣ денегъ (rescriptions), росписками въ полученіи ихъ (récepissés) и другими документами, касающимися государственнаго казначейства (autres expéditions, qui émanent de notre trésor royal), далѣе, съ реестрами, квитанціями и другими бумагами (expéditions) казначея случайныхъ доходовъ, главныхъ казначеевъ чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ и т. д.; это сопоставленіе отдѣльныхъ документовъ ясно указываетъ, что истинная природа бумажныхъ денежныхъ знаковъ, какъ особыхъ документовъ, была вполнѣ ясно понята въ прошломъ вѣкѣ, когда еще не пріучились смотрѣть на денежные знаки, какъ на платежное средство. Самое преступленіе состояло въ подражаніи, поддѣлкѣ, передѣлкѣ или измѣненіи документовъ, какимъ бы образомъ она ни произошла (tous ceux, qui seront convaincu d'avoir imité, contrefait, falsifié ou altéré en quelque sorte et manière que ce puisse être).

§ 7. Подлогъ частныхъ документовъ, какъ было уже выше указано, былъ выдѣленъ изъ подлога документовъ публичныхъ и обложенъ болѣе легкимъ наказаніемъ главнымъ образомъ потому, что документы этого рода имѣли незначительную доказательную силу въ сравненіи съ оффиціальными.

Такъ какъ частные документы, относительно составленія которыхъ не требовалось соблюденія особыхъ формальностей, легче было поддѣлать, чѣмъ публичные, то въ ордоннансахъ мы встрѣчаемъ нерѣдко указанія на разныя мѣры предупредительнаго характера по отношенію къ подлогамъ частныхъ документовъ. Такъ, напр. опредѣлялось, что частный документъ, содержаніе котораго написано было инымъ почеркомъ, чѣмъ его подпись, не имѣетъ значенія, развѣ только сумма денегъ или количество товаровъ, о которыхъ рѣчь идетъ въ документѣ, прописаны полностью (en toutes lettres) рукою лица, подписавшаго документъ [1]). Мѣра эта вызвана была главнымъ образомъ цѣлью

---

[1]) Declar. du 30 juillet 1730. Declarons nuls tous billets et autres promesses ou quittances sous signature privée, dont le corps de l'ecri-

предупредить пользованіе бланковой подписью (blanc-seing) во вредъ интересамъ лица, давшаго ее.

Субъектами подлога частныхъ документовъ могли быть, какъ частныя лица, такъ и должностныя, но послѣднія только въ томъ случаѣ, если подлогъ ими былъ учиненъ внѣ сферы ихъ обязанностей [1]); самый составъ преступленія ближе не опредѣлялся: законъ довольствовался общимъ выраженіемъ— auront commis quelques faussetés, подъ чѣмъ, сообразно другимъ постановленіямъ, выше приведеннымъ, слѣдуетъ разумѣть всякаго рода посягательство на подлинность документа. Наказаніе, положенное за этотъ видъ, было произвольнымъ, такъ что въ наиболѣе важныхъ случаяхъ возможно было назначать за него и смертную казнь, но обыкновеннымъ наказаніемъ были галеры для мущинъ и изгнаніе для женщинъ [2]).

Какъ особенно строго наказуемый видъ подлога частныхъ документовъ, считался подлогъ векселей (lettres de change) въ виду ихъ важнаго значенія для кредита и торговаго оборота. Въ законѣ запрещено было не только составленіе поддѣльныхъ векселей, но и совершеніе сдѣлокъ съ ними со стороны мѣнялъ и пріемъ ихъ всѣми вообще лицами; всѣ нарушенія этого запрета были обложены смертной казнью [3]).

ture n'est point de la main de celui qui les a signé, ou lorsque l'approbation de la somme ou la quantité des denrés, marchandises ou autres effets pour lesquels l'engagement à été contracté, n'est pas entierèment écrite en toutes lettres et sans chiffres, de celui qui aura signé l'engagement.

[1]) Edit de mars 1680: „et à l'egard de ceux qui n'étant officiers, et qui n'ayant aucune fonction publique auront commis quelques faussetés ou qui étant officiers les auront commises hors la fonction de leurs offices, les juges pourront les condamner à telles peines qu'ils jugeront, même de mort selon l'éxigence des cas et la qualité des crimes".

[2]) Vouglans l. c. p. 224.

[3]) Ordon. de 14 août 1680. „il est fait défenser à toutes personnes de faire faussement fabriquer des lettres de change, de les faire dater des villes et lieux, où elles n'ont point été faites et le faire signer faussement des nomes de tireurs et endosseurs et aux agens de

Подлогъ духовныхъ завѣщаній частными лицами не былъ предусмотрѣнъ спеціально въ законѣ; ордоннансъ 1735 г., который говоритъ объ этомъ видѣ подлога [1]), имѣлъ въ виду подлогъ завѣщаній со стороны нотаріусовъ; частныя же лица могли быть въ этомъ случаѣ лишь соучастниками въ ихъ преступленіи, если своими подписями скрѣпляли подложный документъ; при этомъ ихъ отвѣтственность была установлена ниже, чѣмъ нотаріусовъ. При тѣхъ формальностяхъ, которыми было обставлено составленіе духовнаго завѣщанія, частное лицо безъ участія должностного едва-ли могло совершить подлогъ этого рода, вслѣдствіе чего въ законодательныхъ памятникахъ и не содержится особыхъ постановленій о немъ.

При разсмотрѣніи постановленій о подлогѣ документовъ французскаго права этой эпохи надо еще имѣть въ виду, что наряду съ подлогомъ въ источникахъ идетъ рѣчь обыкновенно о поддѣлкѣ печатей и штемпелей, причемъ источники не выдѣляютъ по большей части этого дѣянія изъ подлога документовъ въ виду тѣсной связи, которая существуетъ между этими дѣяніями, такъ какъ самый подлогъ совершался весьма часто такъ, что къ подложному документу прилагалась фальшивая или даже подлинная печать, потому что безъ печатей документъ обыкновенно не имѣлъ никакого юридическаго значенія. Относительно поддѣлки печатей и штемпелей источники различаютъ слѣдующіе виды преступныхъ дѣяній: 1) поддѣлку королевской большой или малой печати (grand ou petit sceau); это преступленіе состоитъ въ подражаніи (imiter), поддѣлкѣ (contrefaire), приложеніи (appliquer) или подмѣнѣ (supposer) печати; субъектами преступленія могли быть какъ должностныя лица, такъ и частныя — и тѣмъ, и другимъ законъ угрожалъ смертью [2]); дѣяніе это было предусмотрѣно вмѣстѣ съ подлогомъ документовъ, исходящихъ изъ королевской канцеляріи; 2) поддѣлка штемпелей низшихъ чиновниковъ (mar-

---

change de les négocier, et à toutes personnes de les accepter, sous les peines portées par les ordonnances rendues contre les faussaires".

[1]) См. выше стр. 165.

[2]) Edit du mois de mars 1680.

ques des commis et autres ayant serment en justice); это преступленіе было тоже предусмотрѣно вмѣстѣ съ подлогомъ публичныхъ документовъ, именно документовъ, имѣющихъ второстепенное значеніе, и обложено тѣлеснымъ наказаніемъ [1]). Совершенно обособленно отъ этихъ дѣяній была поставлена поддѣлка разнаго рода клеймъ (poinçon, cachet, marque), прикладываемыхъ къ разнымъ товарамъ (напр. къ тканямъ и т. п.) и издѣліямъ изъ благородныхъ металловъ. Это преступленіе было выдвинуто, какъ совершенно самостоятельное, причемъ въ одномъ изъ королевскихъ указовъ подчеркивается особенная природа его, какъ посягательства на общественное довѣріе—poinçon, qui établit la foi publique et qui est le garant de la bonté intérieur des matières [2]).

§ 8. Таковы общія положенія о подлогѣ документовъ, которыя мы находимъ въ источникахъ второго періода французскаго права. Изъ нихъ можно вывести то заключеніе, что подлогу документовъ здѣсь придается значеніе самостоятельнаго преступленія: онъ не смѣшивается съ другими преступленіями, гдѣ тоже имѣется въ наличности моментъ искаженія истины. Посредствомъ своихъ постановленій о подлогѣ французское право стремится оградить отъ посягательства подлинность извѣстныхъ удостовѣрительныхъ знаковъ—документовъ, и охрана ихъ получаетъ вполнѣ самостоятельное значеніе; объектомъ подлога является поэтому здѣсь документъ, какъ форма удостовѣренія извѣстныхъ юридическихъ отношеній; всѣ документы, о которыхъ рѣчь идетъ въ источникахъ, носятъ именно этотъ характеръ. Такимъ образомъ французское право этого періода выставило совершенно правильную конструкцію подлога документовъ, разумѣя къ тому же подъ нимъ только тѣ дѣянія, которыя направлены противъ подлинности документа: только подложное измѣненіе документа настоящаго, составленіе фальшиваго и пользованіе ими предусмотрѣны въ качествѣ подлога, дѣянія же такого рода, какъ

---

[1]) Ordon. de juillet 1680.

[2]) Declar. du 4 Janv. 1724.

сокрытіе документа, его повреждение и т. п., которыя нѣкоторыми законодательствами тоже относятся къ подлогу, здѣсь въ составъ подлога не входятъ.

Если въ первомъ періодѣ французскаго права были попытки объединенія въ законѣ отдѣльныхъ случаевъ подлога, то во второмъ — ихъ нѣтъ, и тѣ отдѣльныя дѣянія, которыя входили въ составъ общаго понятія подлога по способу дѣйствія—измѣненію внѣшняго вида извѣстныхъ предметовъ, поставленныхъ подъ особую защиту закона, получаютъ здѣсь совершенно самостоятельное значеніе. Въ особенности это справедливо въ отношеніи поддѣлки товаровъ, которая начинаетъ разсматриваться, какъ самостоятельное дѣяніе, благодаря чему подлогъ документовъ совершенно отдѣляется отъ имущественныхъ преступленій; подъ поддѣлкой же товаровъ французское право разсматриваемаго періода разумѣетъ самостоятельное нарушеніе полицейскихъ правилъ [1]). Это отсутствіе признанія за подлогомъ документовъ характера имущественнаго преступленія особенно ясно слѣдуетъ изъ того, что дѣяніе считается совершившимся и помимо употребленія подложнаго документа съ цѣлью полученія изъ этого извѣстной выгоды и, наконецъ, изъ того, что самими источниками подчеркивается, что отъ этого дѣянія создается опасность не только имуществу, но и другимъ благамъ личности, напр. чести. Словомъ, въ тѣхъ отдѣльныхъ узаконеніяхъ, которыя были изданы въ періодъ дореволюціонный, природа подлога документовъ выступала съ явными признаками самостоятельнаго преступленія.

§ 9. Какъ же отнеслось къ этому преступленію революціонное законодательство?

Въ революціонную эпоху начинаются первыя попытки кодификаціи матеріальнаго уголовнаго права; необходимы были обобщенія для того, чтобы систематизировать и привести въ порядокъ отдѣльныя постановленія королевскаго періода. Этимъ обобщеніямъ подверглись и постановленія о подлогѣ докумен-

[1]) Million. Traité de fraudes en matière de marchandises. 1858.

товъ, которыя, какъ можно было убѣдиться выше, были черезчуръ детальны и казуистичны. На помощь въ этомъ дѣлѣ пришли произведенія французскихъ юристовъ XVIII ст. Вуглана и Жусса, которые объединяли отдѣльные случаи поддѣлокъ подъ общимъ именемъ подлога—faux, и этотъ взглядъ отразился отчасти на постановленіяхъ кодекса 6 октября 1791 г.

Въ этомъ кодексѣ всѣ преступленія раздѣлены на 2 группы: первая содержитъ преступленія, направленныя противъ общества — contre la chose publique, а вторая — противъ частныхъ лицъ — contre les particuliers. Въ послѣдней группѣ содержится и подлогъ документовъ, который понимается, какъ преступленіе имущественное, какъ посягательство противъ частной собственности. Здѣсь подлогъ документовъ и частныхъ, и публичныхъ разсматривается совмѣстно, наряду съ другими имущественными преступленіями: съ кражей и банкротствомъ, а также вмѣстѣ съ лжесвидѣтельствомъ.

Нельзя не видѣть въ этомъ большой неумѣлости въ классификаціи преступленій со стороны законодателя. Путемъ подлога документовъ могутъ быть нарушены и иные правовые интересы, кромѣ имущественныхъ, но законодатель зналъ только двѣ рубрики преступленій противъ частныхъ лицъ: преступленія противъ личности и противъ имущества, и счелъ болѣе умѣстнымъ отнести подлогъ документовъ къ послѣдней категоріи, такъ какъ ставить его въ одну линію съ убійствомъ, тѣлеснымъ поврежденіемъ и т. п. не было никакихъ основаній, помѣщать же его въ группѣ преступленій публичныхъ наряду съ такими видами поддѣлокъ, какъ напр. съ поддѣлкой монетъ, государственной печати и т. п. преступленіями, которыя затрогивали интересъ всего государства, было невозможно, разъ на первомъ планѣ съ точки зрѣнія составителей кодекса фигурировало въ подлогѣ документовъ посягательство противъ интересовъ отдѣльной личности.

Постановленія кодекса 1791 г. о подлогѣ документовъ отличались вообще большимъ лаконизмомъ, и это обстоя-

тельство, по свидѣтельству юристовъ-современниковъ, сильно затрудняло и коронныхъ судей и присяжныхъ [1]).

Кодексъ предусматривалъ три вида подлога документовъ: 1) подлогъ частныхъ документовъ, обложенный каторжными работами на 4 года (titre II sect. II art. 42), 2) подлогъ векселей и другихъ торговыхъ и банковыхъ бумагъ (autres effêts de commerce ou de banque), причемъ здѣсь имѣлись въ виду частные банки—за это положена была шестилѣтняя каторга (art. 43), и 3) подлогъ публичныхъ (authentiques et publiques) документовъ, наказывавшійся каторгой на срокъ 8 лѣтъ (art. 44). Относительно состава преступленія со стороны внутренней выставлялось въ законѣ требованіе, чтобы преступленіе было совершено умышленно и притомъ съ цѣлью повредить другому лицу (méchamment et à dessein de nuire à autrui—art. 41), такъ что здѣсь требовался спеціальный умыселъ, а такъ какъ преступленіе это было помѣщено въ числѣ имущественныхъ, то, очевидно, что для состава его долженъ былъ быть установленъ умыселъ повредить посредствомъ подлога чужому имуществу. Со стороны внѣшней преступленіе заключалось какъ въ самой поддѣлкѣ, такъ и въ употребленіи завѣдомо поддѣльнаго документа (aura fait usage d'une pièce qu'li savait être fausse—art 45).

Таковы краткія и слишкомъ общія постановленія о подлогѣ документовъ кодекса 1791 года.

Они не отмѣнили, однако, дѣйствія нѣкоторыхъ другихъ законодательныхъ актовъ, раньше изданныхъ, каковъ, напр. законъ 1 февр. 1789 г., предусматривавшій впервые подлогъ паспортовъ. Кромѣ того и послѣ изданія этого кодекса въ революціонную эпоху появляется цѣлый рядъ законодательныхъ актовъ, дополняющихъ только что приведенныя постановленія и представляющихъ дальнѣйшее развитіе законоположеній о подлогѣ; они имѣютъ въ виду преимущественно болѣе легкіе

---

[1]) См. указаніе на это въ рѣчи Nouailles отъ 16 февр. 1810 г., произнесенной имъ при обсужденіи Code pénale 1810 г. Dalloz. Répertoire méthodique t. XXIV p. 494.

случаи подлога документовъ. Такъ, законъ 17 ventôse an IV (1795 г.) распространяетъ наказаніе за подлогъ паспортовъ, указанный въ приведенномъ выше законѣ 1 февр. 1789 г., на чиновниковъ, выдающихъ подложные паспорта. Art. 35 декрета 28 марта 1793 г. назначаетъ шестилѣтнее тюремное заключеніе тѣмъ лицамъ, которыя занесли (attesté) какой-нибудь ложный фактъ въ свидѣтельство о мѣстопребываніи (certificat de résidence), выданное эмигранту, а законъ 25 brumaire an III (15 ноября 1794) art. 33,2 распространилъ это постановленіе на всякія вообще свидѣтельства мѣстопребыванія (des certificats de résidence), предусматривая занесеніе въ нихъ ложныхъ данныхъ или составленіе подложныхъ свидѣтельствъ этого рода; послѣднее постановленіе было подтверждено и закономъ 19 fructidor an VI, назначившимъ за это преступленіе 6-лѣтнія каторжныя работы; законъ 21 pluviôse an II (9 февр. 1794) предусмотрѣлъ, какъ особый видъ подлога, дачу ложныхъ показаній (déclaration) для полученія вспомоществованія, предназначеннаго вдовамъ и дѣтямъ защитниковъ отечества; декретъ 28 prairial an II (16 іюня 1794) объявилъ, что сборщики налоговъ (des impositions), уличенные во всякихъ фальсификаціяхъ при отправленіи своихъ обязанностей, подвергаются наказанію, предусмотрѣнному въ art. 15 sect. 5 tit. I. Code pénal 1791 г.; наконецъ, art. 46 закона 22 frimaire an VII назначилъ наказаніе, какъ за подлогъ, и за ложное обозначеніе на актѣ о внесеніи его въ реестръ (la fausse mention d'enregistrement sur un acte).

Всѣ эти постановленія были положены въ основу изданнаго вскорѣ послѣ кодекса революціонной эпохи 1791 г., новаго законодательнаго памятника Code pénal 1810 г.

§ 10. Французскій кодексъ 1810 г. создаетъ общее понятіе подлога (faux), которое, однако, значительно уже, чѣмъ то, которое конструировалось раньше въ доктринѣ. Подлогъ здѣсь не смѣшивается съ другими преступленіями и характеризуется, какъ матеріализованное искаженіе внѣшняго вида извѣстныхъ предметовъ, вслѣдствіе чего всякаго рода наказуемая словесная ложь, напр. лжесвидѣтельство, выдѣлена

изъ понятія подлога. Кромѣ того преступленіе это выдѣляется совершенно изъ имущественныхъ посягательствъ и является такимъ образомъ въ значительной степени очищеннымъ отъ всякихъ посторонних примѣсей.

Всѣ виды подлога, объединенные подъ именемъ faux, отнесены къ группѣ посягательствъ противъ общественнаго спокойствія (crimes et délits contre la paix publique), и преступленіе это понимается, какъ публичное (хотя бы рѣчь шла о подлогѣ частныхъ документовъ), именно потому, что при немъ имѣется въ наличности посягательство на особыя установленія, которымъ присущъ безусловно публичный характеръ [1]).

Отдѣльные виды подлога, предусмотрѣнные въ Code pénal, слѣдующіе [2]): поддѣлка монетъ (fausse monnaie, art 132—138); 2) поддѣлка государственныхъ печатей, банковыхъ билетовъ, кредитныхъ бумагъ (effets publics) и клеймъ, гербовъ и марокъ (§ 139—145); 3) подлогъ документовъ публичныхъ, торговыхъ или банковыхъ (§ 145—149); 4) подлогъ частныхъ документовъ (§ 150—152); 5) подлогъ паспортовъ, свидѣтельствъ на право заниматься охотой [3]), подорожныхъ (feuille de route) и

---

[1]) Надо замѣтить, что, хотя при обсужденіи Code pénal составители его и высказывали мысль о томъ, что подлогъ документовъ могъ бы быть отнесенъ къ группѣ преступленій противъ частныхъ лицъ въ виду важной роли, которую въ немъ играетъ личный интересъ, но они высказались противъ этого съ чисто технической стороны. Такъ Berlier въ засѣданіи 6 февр. 1810 г. въ законодательномъ корпусѣ заявилъ: „jusqu'ici, messieurs, dans les divers espéces de faux dont on vient de donner l'analyse, c'est l'Etat ou le corps social qui est principalement attaqué ou lésé; dans les faux appliqués aux écritures publiques ou privées, l'intérêt individuel joue un plus grand rôle et peut être on êut pu renvoyer cette partie au chapitre des crimes contre les particuliers, s'il n'êut semblé nuisible de scinder cette matière (Exposés de motifs du livr 3. tit. I ch. 3, Code pénal présenté au corps législatif par M. Berlier, conseiller d'Etat).

[2]) Каждому изъ нихъ посвященъ самостоятельный параграфъ, являющійся подраздѣленіемъ отдѣла, говорящаго о faux вообще.

[3]) Этого вида подлога документовъ не было въ первоначальномъ текстѣ Code pénal 1810 г.; впервые онъ предусмотрѣнъ былъ въ законѣ 13 мая 1863 г.

удостовѣреній разнаго рода (certificats—§ 153—162). Такимъ образомъ здѣсь подъ подлогомъ понимаются слѣдующія дѣянія: 1) поддѣлка денежныхъ знаковъ, 2) подлогъ цѣнныхъ знаковъ, 3) поддѣлка печатей и 4) подлогъ документовъ [1]).

Общій характеръ подлога, какъ преступленія публичнаго, являющагося посягательствомъ противъ извѣстныхъ установленій, пользующихся самостоятельной защитой, выражается между прочимъ въ Code pénal въ томъ, что моментомъ совершенія поддѣлки опредѣляется и самый моментъ выполненія состава преступленія. Разъ совершена поддѣлка, преступленіе подлога есть уже въ наличности, и употребленія поддѣльнаго денежнаго знака, документа и т. д. для состава преступленія не требуется; фактъ же употребленія ихъ является самостоятельной формой преступленія, такъ что лицо, употребившее поддѣльный документъ, не будучи его поддѣлывателемъ, отвѣчаетъ за свое дѣяніе наравнѣ съ поддѣлывателемъ, и каждое изъ этихъ двухъ дѣяній должно быть поэтому разсматриваемо отдѣльно, напр. по вопросу о соучастіи, о давности и т. п [2]).

Всѣ непосредственные объекты посягательства при подлогѣ во французскомъ правѣ являются съ характеромъ общественныхъ установленій: такой характеръ безусловно имѣется относительно денежныхъ и цѣнныхъ знаковъ, далѣе, документовъ, какъ особой формы удостовѣренія извѣстныхъ жизненныхъ моментовъ юридическаго отношенія; наконецъ, присущъ онъ и печатямъ, такъ какъ во французскомъ правѣ подлогъ печатей, клеймъ и т. д. охватываетъ только печати, имѣющія публичный, а не частный характеръ, каковы напр. печати государственныя, должностныя и т. п.

§ 11. Въ отношеніи подлога документовъ Code pénal удерживаетъ въ общемъ постановленія эдикта 1680 года и

---

[1]) Въ заключеніе этого отдѣла уложеніе говоритъ объ общихъ постановленіяхъ о подлогѣ (§ 163—165), относящихся ко всѣмъ видамъ его, чѣмъ между прочимъ подчеркивается связь между отдѣльными видами единаго понятія подлога.

[2]) Garraud. Traitè théorique et pratique du droit pénal français t. III p. 70—75.

различаетъ подделку публичныхъ документовъ и частныхъ, приравнивая еще первымъ подлогъ документовъ торговыхъ или банковыхъ.

Подлогъ документовъ публичныхъ дѣлится по наказуемости на два вида, сообразно съ свойствомъ субъекта посягательства: это—подлогъ, совершенный должностнымъ лицомъ при исполненіи имъ своей обязанности (art. 145, 146), наказуемый тяжелѣе, и подлогъ публичныхъ документовъ, совершенный частнымъ лицомъ (art. 147), наказуемый легче [1]).

Подлогъ публичныхъ документовъ перваго вида дѣлится въ свою очередь на подлогъ матеріальный (art. 146) и интеллектуальный (art. 147), причемъ нельзя не видѣть, что это дѣленіе проведено не вполнѣ послѣдовательно, такъ какъ къ матеріальному подлогу отнесены такіе случаи, которые представляютъ, собственно говоря, актовую ложь. Необходимымъ условіемъ этого рода подлога служитъ особенное свойство субъекта преступленія, которымъ является должностное лицо (fonctionnaire ou officier public); самый подлогъ долженъ быть совершенъ въ сферѣ обязанностей даннаго лица (dans l'exercice de ses fonctions).

Въ отношеніи конструкціи состава подлога этого вида французское право представляетъ ту особенность, что оно старается перечислить въ законѣ всѣ тѣ способы, которыми можетъ быть учиненъ подлогъ; при этомъ отдѣльныя указанія имѣются относительно подлога матеріальнаго и интеллектуальнаго. Матеріальный подлогъ можетъ состоять, какъ говоритъ art. 145: 1) въ подделкѣ подписи (fausses signatures), т. е. въ

---

[1]) Основаніе усиленной наказуемости подлога перваго рода кроется въ томъ, что здѣсь есть еще нарушеніе чиновникомъ своихъ спеціальныхъ обязанностей. Какъ говорилъ при обсужденіи Code pénal одинъ изъ его составителей, Nouailles, въ засѣданіи 16 февр. 1810 г.: „un fonctionnaire public connaît plus particulièrement ses devoirs qu'un simple citoyen, il jouit d'une confiance obligée et les faux dont il se rend coupable présentent outre cette offense portée à la loi, celle à l'autorité chargée de donner la certitude et l'authenticité aux actes“. См. Dalloz XXIV p. 494.

подписанiи акта чужимъ именемъ; 2) въ подмѣнѣ лица (supposition de personne), т. е. въ указанiи на то, что при совершенiи акта присутствовало извѣстное лицо, которое на самомъ дѣлѣ вовсе не присутствовало—это собственно случай актовой лжи, а не матерiальнаго подлога; 3) въ измѣненiи актовъ, заключающемся въ написанiи и вставкѣ (intercaler) въ уже законченные реестры и другiе публичные акты новыхъ статей, (par des écritures faites ou intercalées sur des registres ou d'autres actes publiques depuis leur confection ou clôture). Интеллектуальный же подлогъ, совершаемый чиновникомъ, заключается въ томъ, что послѣднiй при составленiи документа (des actes de son ministère) умышленно искажаетъ (dénaturer) сущность акта или обстоятельствъ, при которыхъ онъ составленъ, записывая условiя иначе, чѣмъ они были заключены и продиктованы сторонами, или же, констатируя, какъ истинныя, ложныя обстоятельства, или, какъ признанныя (avoué), такiя обстоятельства, которыя признаны не были (art. 146). Наказанiе, опредѣленное за этотъ видъ подлога, заключается въ пожизненной каторгѣ, и эта чрезмѣрная высота его вызываетъ вполнѣ справедливую критику со стороны французскихъ юристовъ.

Что же касается подлога публичныхъ документовъ второго вида, т. е. подлога, совершеннаго частными лицами (а также должностнымъ лицомъ, но не въ сферѣ его обязанностей), то въ этомъ отношенiи Code pénal (art. 147) различаетъ также подлогъ матерiальный и интеллектуальный и угрожаетъ за оба эти вида преступленiя временной каторгой. Какъ матерiальный подлогъ, предусматривается поддѣлка или измѣненiе документовъ или подписей (contrefaçon ou altération d'ecritures ou de signatures); какъ интеллектуальный, — подложное составленiе соглашенiй (consentions), распоряженiй (dispositions), обязательствъ (obligations) и освобожденiй отъ нихъ (décharges) или вставленiе ихъ послѣ составленiя акта. Наконецъ, и матерiальнымъ и интеллектуальнымъ можетъ быть подлогъ, предусмотрѣнный въ послѣдней части art. 147, именно подлогъ, совершенный посредствомъ прибавленiя или измѣненiя оговорокъ

(clauses), объявленій (déclarations) или обстоятельствъ, которыя должны были быть занесены въ данный актъ и доказываемы имъ (que ces actes avaient pour objet de recevoir et de constater). Наказаніе, положенное за этотъ видъ подлога, состоитъ въ срочныхъ каторжныхъ работахъ. То же наказаніе полагается по art. 148 и за употребленіе подложныхъ публичныхъ актовъ.

Подлогъ документовъ торговыхъ и банковыхъ (faux en écritures de commerce ou de banque) поставленъ вмѣстѣ съ подлогомъ публичныхъ документовъ, учиненнымъ частными лицами, въ art. 147. Какъ указано было въ мотивахъ къ Code pénal, безопасность обращенія торговыхъ документовъ (la sureté de leur circulation) и легкость совершенія въ нихъ подлога требовали обложенія этого вида подлога болѣе возвышеннымъ наказаніемъ по сравненію съ подлогомъ простыхъ частныхъ документовъ [1]). Подъ именемъ торговыхъ документовъ разумѣются документы, имѣющіе своимъ предметомъ констатированіе одной изъ тѣхъ операцій, которыя законъ называетъ actes de commerce, торговыми сдѣлками; такимъ образомъ не всякій документъ, подписанный коммерсантомъ, будетъ уже составлять объектъ этого вида подлога [2]), сюда относятся, напр. векселя, варранты, фактуры, чеки и т. п.

Ниже этого вида подлога стоитъ подлогъ частныхъ документовъ, онъ наказывается заточеніемъ (réclusion); но при этомъ выставляется въ законѣ требованіе, чтобъ подлогъ этого вида былъ совершенъ однимъ изъ способовъ, указанныхъ въ art. 147, т. е. такъ же, какъ подлогъ публичныхъ документовъ, совершенный частными лицами (art. 150 и 151).

Наконецъ, Code pénal 1810 г. знаетъ еще одинъ видъ подлога документовъ, наказуемый болѣе легко,—подлогъ паспортовъ (passeport), охотничьихъ свидѣтельствъ (permis de chasse), подорожныхъ (feuilles de route) и удостовѣреній (certificats). Сравнительная маловажность поддѣлываемыхъ актовъ обуслов-

---

[1]) См. рѣчь Nouailles въ засѣданіи 16 февр. 1810 г. Dalloz l. c. t. XXIV p. 494.

[2]) Garraud. l. c. p. 256.

ливаетъ въ этомъ случаѣ и смягченную наказуемость этого вида подлога [1]). О каждомъ видѣ этихъ документовъ законъ говоритъ отдѣльно.

Подлогъ паспортовъ и охотничьихъ свидѣтельствъ состоитъ въ приготовленіи поддѣльныхъ документовъ (fabriquer), передѣлкѣ (falsifier) настоящихъ и пользованіи подобными документами; дѣяніе этого рода обложено тюремнымъ заключеніемъ отъ 6 мѣс. до 3 лѣтъ (art. 153). Далѣе предусматривается принятіе ложнаго имени (un nom supposé) въ упомянутыхъ документахъ или присутствованіе въ качествѣ свидѣтеля при выдачѣ подобнаго документа; за это полагается тюремное заключеніе на срокъ отъ 3 мѣс. до 1 года. То же наказаніе назначается и тому, кто будетъ пользоваться такого рода документомъ, выданнымъ на чужое имя. Кромѣ того устанавляется отвѣтственность квартиросодержателей и содержателей гостинницъ въ размѣрѣ тюремнаго заключенія отъ 6 дней до 3 мѣс. за завѣдомо ложное записываніе въ своихъ спискахъ лицъ, остановившихся у нихъ, подъ ложными именами, равно какъ незаписываніе ихъ сюда по соглашенію съ ними (art. 154). Среди подлоговъ паспортовъ Code pénal содержитъ между прочимъ одно дѣяніе, которое, собственно говоря, не составляетъ подлога, а является только неосмотрительнымъ проступкомъ по должности, такъ какъ при подлогѣ документовъ необходима дѣятельность умышленная, между тѣмъ какъ въ этомъ дѣяніи умысла учинить искаженіе истины въ документѣ не требуется. Это—проступокъ officiers publics, выдавшихъ паспортъ лицу, котораго они не знаютъ лично, и не обратившихся, какъ того требуетъ законъ, за удостовѣреніемъ (attester) ихъ именъ и соціальнаго положенія (qualité) къ какимъ-нибудь двумъ гражданамъ, имъ извѣстнымъ; за это опредѣляется тюремное заключеніе отъ 1 до 6 мѣс.; если же этотъ

[1]) „Sans doute ce serait blesser la justice, que d'assimiler la contrefaction d'un passeport à celle d'une lettre de change ou la fabrication d'un certificat de maladie à celle d'une obligation que l'on créerait à son profit sur un tiers", говорилъ въ засѣданіи 6 февраля 1810 г. Berlier при обсужденіи Code pénal. см. Dalloz, XXIV p. 493.

чиновникъ выдастъ паспортъ лицу, принявшему завѣдомо для него ложное имя, то за это назначается тюремное заключеніе отъ 1 до 4 лѣтъ (art. 155).

Въ поддѣлкѣ подорожной [1]) различаются слѣдующіе отдѣльные случаи въ зависимости отъ особыхъ условій совершенія преступленія: а) поддѣлка съ цѣлью обмануть надзоръ общественной власти (tromper la surveillance de l'autorité publique)—здѣсь требуется, слѣдовательно, наличность спеціальнаго умысла; за это дѣяніе опредѣляется тюрьма отъ 6 мѣс. до 3 лѣтъ, и б) поддѣлка, имѣвшая послѣдствіемъ выдачу на основаніи этой подорожной изъ государственнаго казначейства денегъ, которыхъ виновный не долженъ былъ получить вовсе или же въ томъ размѣрѣ, въ какомъ онъ получилъ (такъ какъ подорожная даетъ право на возмѣщеніе дорожныхъ издержекъ); въ этомъ случаѣ назначается наказаніе тюрьмой отъ 1 до 4 лѣтъ, если выдано изъ казначейства меньше 100 фр. и отъ 2 до 5 лѣтъ, если было выдано больше этой суммы (art. 156). Тѣ же наказанія и съ тѣмъ же различіемъ полагаются и въ томъ случаѣ, когда виновный получилъ подорожную отъ подлежащаго должностного лица на чужое имя, ложно выдавъ себя за другого, или же пользовался подорожной, выданной на чужое имя (art. 157). Чиновникъ, выдавшій завѣдомо подобный документъ другому лицу, подвергается наказанію, которое варіируется, смотря по обстоятельствамъ, отъ 1 до 5 лѣтъ тюрьмы и доходя до заточенія (art. 158).

Подлогъ свидѣтельствъ (certificats) имѣетъ въ виду свидѣтельства двоякаго рода—свидѣтельства о болѣзни и слабости (infirmité) и свидѣтельства о хорошемъ поведеніи, бѣдности и другихъ обстоятельствахъ, которыя въ состояніи вызвать благотворительность со стороны правительства или частныхъ лицъ по отношенію къ лицу, въ документѣ означенному, и доставить ему мѣсто, кредитъ или помощь. Въ первомъ случаѣ необходима наличность спеціальной цѣли избавить себя или

---

[1]) По словамъ Гарро (Garraud l. c. p. 284), эти подорожныя служатъ паспортами для извѣстныхъ лицъ.

другое лицо отъ какой-нибудь общественной службы (service public). Преступленіе заключается въ составленіи свидѣтельства отъ имени врача, хирурга или другого officier de santé; наказаніе за это—тюрьма отъ 1 до 3 лѣтъ (art. 159). Тому же наказанію подвергается лицо врачебнаго персонала, если оно само составитъ подобное подложное свидѣтельство съ цѣлью доставить выгоду (favoriser) кому-нибудь; наказаніе это, однако, можетъ дойти до тюремнаго заключенія до 4 лѣтъ, если при этомъ былъ учиненъ подкупъ (dons et promesses); въ этомъ случаѣ и сами подкупавшіе подвергаются тому же наказанію (art. 160). Второй видъ подлога свидѣтельствъ — составленіе отъ имени должностного лица (fonctionnaire ou officier public) свидѣтельства о бѣдности или о хорошемъ поведеніи—наказывается тюремнымъ заключеніемъ отъ 6 м. до 2 лѣтъ; тому же наказанію подвергается и тотъ, кто измѣнитъ подлинное свидѣтельство съ цѣлью вручить его иному лицу, чѣмъ то, на имя котораго оно было выдано, а также тотъ, кто пользовался подобнымъ свидѣтельствомъ; но наказаніе значительно уменьшается, если свидѣтельство поддѣлано отъ имени частнаго лица (art. 161) — въ такомъ случаѣ полагается только тюрьма отъ 15 дней до 6 мѣс. Это объясняется, конечно, тѣмъ, что подобные документы имѣютъ весьма малое доказательственное значеніе.

Надо замѣтить, что указанныя только что свидѣтельства, подлогъ которыхъ влечетъ за собой смягченную наказуемость, въ законѣ перечислены исчерпывающимъ образомъ, такъ какъ въ Code pénal категорически высказано, что подлогъ всѣхъ остальныхъ свидѣтельствъ (certificats de toute autre nature), отъ которыхъ могло произойти посягательство (lésion) противъ третьихъ лицъ, или ущербъ (préjudice) государственной казнѣ, наказывается по общимъ правиламъ о подлогѣ документовъ (art. 162), изложеннымъ выше.

Въ заключеніе надо еще обратить вниманіе на то, что кромѣ другихъ наказаній, на основаніи art. 164, на виновныхъ въ подлогѣ налагается денежный штрафъ въ размѣрѣ отъ 100 до 3000 франковъ; причемъ штрафъ этотъ можетъ

быть возвышенъ до четвертой части той противозаконной прибыли, которую доставилъ или могъ доставить подлогъ виновникамъ его, соучастникамъ и всѣмъ тѣмъ, кто пользовался подложнымъ документомъ. Въ этомъ нельзя не видѣть уступку тому воззрѣнію на подлогъ, какъ на имущественное преступленіе, которое выразилось въ Code 1791 г. [1]).

§ 12. Какъ извѣстно, Code pénal 1810 года былъ принятъ нѣкоторыми государствами въ качествѣ источника дѣйствующаго права, и въ такомъ видѣ онъ сохраняется и понынѣ въ Бельгіи въ редакціи 1867 года. Но онъ, конечно, былъ заимствованъ съ нѣкоторыми болѣе или менѣе существенными измѣненіями, добавленіями и поправками, и эти поправки между прочимъ касаются и опредѣленій о подлогѣ, такъ что общая конструкція этого преступленія въ бельгійскомъ уложеніи нѣсколько иная, чѣмъ та, которая дана въ его первоисточникѣ—Code pénal 1810 г. Существенныя особенности ея состоятъ въ слѣдующемъ.

Бельгійское уложеніе помѣщаетъ подлогъ документовъ въ особую группу преступленій противъ общественнаго довѣрія (contre la foi publique) [2]), въ общемъ соотвѣтствующую группѣ французскаго кодекса преступленій противъ общественнаго спокойствія (contre la paix publique) [3]), но съ нѣкоторыми измѣненіями, сообразно самому объекту посягательствъ. Въ эту группу отнесены: поддѣлка денежныхъ знаковъ (art. 160—172), подлогъ бумажныхъ денегъ (des effets publics, des actions, des obligations, coupons d'interrêts de billets de banque, autorisés par la loi—art. 172 — 178), поддѣлка печатей (art. 179—192), подлогъ документовъ и телеграфныхъ депешъ (des faux commis en écritures et dans les dépêches télégraphiques—

---

[1]) Установляя штрафъ за faux, Berlier въ засѣданіи 6 февр. 1810 года говорилъ: „il est raisonnable, il est utile que les crimes qui ont eu pour principe une vile cupidité soient reprimés par des condamnations qui attaquent et affligent cette possession même par laquelle ils ont été inspirés. См. Dalloz l. c. p. 493.

[2]) Code pénal belge lib. II titre III art. 160—232.

[3]) Code pénal 1810 г. lib. III tit. I chap. III sect. I art. 132—165.

art. 193 — 214), лжесвидѣтельство и лжеприсяга (art. 214—226), присвоеніе непринадлежащей должности, званія или имени (art. 226—232). Благодаря такой конструкціи, подлогъ сближается съ лжесвидѣтельствомъ по единству объекта, но зато строго отграничивается отъ имущественныхъ преступленій.

Постановленія о подлогѣ документовъ въ общемъ конструированы здѣсь такъ же, какъ и въ Code pénal, но есть и нѣкоторыя отличія. Такъ, въ законѣ категорически указывается на особое условіе, которому долженъ удовлетворять составъ преступленія со стороны внутренней, — именно требуется наличность при подлогѣ документовъ злонамѣренности или умысла вредить (le faux commis... avec une intention frauduleuse ou à dessein de nuire—art. 193) [1]), такъ что въ этомъ отношеніи бельгійское уложеніе возвращается къ системѣ Code 1791 г., гдѣ характеръ умысла при подлогѣ точно также въ законѣ прямо указывался, тогда какъ въ Code pénal 1810 г. объ умыслѣ говорится общимъ образомъ только при интеллектуальномъ подлогѣ, предусмотрѣнномъ въ art. 146, гдѣ указывается на злонамѣренность дѣйствія (frauduleusement).

Законъ противопоставляетъ документамъ въ узкомъ смыслѣ, подъ которыми разумѣются документы публичные, торговые или банковые и частные (послѣдніе здѣсь разсматриваются вмѣстѣ съ другими въ одномъ и томъ же отдѣлѣ, тогда какъ Code pénal 1810 года посвящаетъ имъ особый § IV—du faux en écriture privé), — телеграфныя депеши, и постановленія о подлогѣ каждаго изъ этихъ двухъ видовъ документовъ разсматриваются въ двухъ самостоятельныхъ отдѣлахъ; середину между ними занимаютъ менѣе важные документы, подлогу которыхъ посвященъ самостоятельный отдѣлъ — это подлогъ паспортовъ, разрѣшеній имѣть оружіе (ports d'armes, librets); подорожныхъ (feuilles de route) и удостовѣреній разнаго рода (certificats).

---

[1]) То же требуется при употребленіи поддѣльнаго документа въ art. 263.

Существенная разница въ постановкѣ вопроса о подлогѣ документовъ между французскимъ и бельгійскимъ кодексами заключается еще въ различной наказуемости этого преступленія, которая въ общемъ въ послѣднемъ слабѣе, чѣмъ въ первомъ. Такъ, за наиболѣе тяжкій видъ подлога (должностной подлогъ) полагаются въ бельгійскомъ кодексѣ каторжныя работы на срокъ отъ 10 до 15 лѣтъ (art. 194), а по французскому за то же преступленіе онѣ опредѣлены пожизненно (art. 145); въ art. 196 бельгійскаго кодекса назначено réclusion, тогда какъ въ соотвѣтствующихъ ему art. 147 и 150 французскаго—срочныя каторжныя работы [1]). Въ другихъ же отношеніяхъ статьи бельгійскаго кодекса почти буквально повторяютъ французскій, и, если и есть здѣсь нѣкоторыя измѣненія, то по большей части техническаго свойства; такъ, напр. указывается въ art. 196 (art. 147 Code pénal), что подлогъ документовъ можетъ быть учиненъ и посредствомъ ложныхъ подписей (par fausses signatures), тогда какъ по Code pénal это указаніе есть только въ art. 145, гдѣ говорится о должностномъ подлогѣ.

Нѣкоторыя особенности содержатся только относительно подлога нисшаго рода документовъ, именно удостовѣреній (certificats); Code pénal не предусматриваетъ подлога ихъ со стороны должностныхъ лицъ, ихъ выдающихъ, содержа только постановленія о подлогѣ такихъ документовъ со стороны частныхъ лицъ; бельгійскій кодексъ поправляетъ этотъ пробѣлъ закона, угрожая заключеніемъ (réclusion) всякому должностному лицу, которое въ кругѣ своей компетенціи выдаетъ подложное удостовѣреніе, поддѣлываетъ подлинное или употребляетъ таковыя (art. 208); частныя лица, которыя служили въ этомъ случаѣ свидѣтелями при выдачѣ этого акта, подвергаются заключенію въ тюрьмѣ отъ 8 дней до 2 лѣтъ, и

[1]) Хотя съ другой стороны можно указать одинъ случай, гдѣ въ бельгійскомъ уложеніи репрессія повышается по сравненію съ Code pénal 1810 года—въ случаѣ подлога удостовѣреній отъ имени частнаго лица французскій кодексъ (art. 161) угрожаетъ тюрьмой на срокъ отъ 15 дней до 6 мѣс., а бельгійскій (art. 200) тюрьмой отъ 2 мѣс. до 1 года.

это наказанiе еще болѣе усиливается при наличности подкупа (art. 209). Надо замѣтить еще, что бельгiйское уложенiе, кромѣ перечисленныхъ въ законѣ особыхъ удостовѣренiй, соотвѣтствующихъ тѣмъ, которыя имѣются и въ Code pénal 1810 г., знаетъ еще болѣе общую формулу для всѣхъ вообще свидѣтельствъ, говоря о составленiи отъ имени должностного лица удостовѣренiя всякаго другого рода, могущаго компрометтировать частные или публичные интересы (des certificats de toute nature pouvants compromettre des intérêts publics ou privés). Въ этомъ случаѣ назначается тюрьма отъ 6 мѣс. до 5 лѣтъ, причемъ виновнымъ можетъ быть запрещено пользованiе извѣстными правами (art. 206). Далѣе, особыя постановленiя, которыхъ нѣтъ въ Code pénal 1810 г., существуютъ относительно подлога телеграммъ, именно въ art. 211 и 212. Здѣсь проводится различiе между составленiемъ фальшивыхъ телеграммъ и фальсификацiей подлинныхъ (en fabriquant ou en falsifiant des dépèches télégraphiques) и употребленiемъ ихъ. Субъектомъ перваго дѣянiя можетъ быть только должностное лицо телеграфнаго вѣдомства (les fonctionnaires, employés et prèposés d'un service télégraphique) при исполненiи своихъ обязанностей, субъектомъ же второго—всякое лицо, такъ что поддѣлка телеграммъ со стороны частныхъ лицъ въ законѣ собственно не предусмотрѣна. Наказанiе — тюремное заключенiе отъ 1 года до 5 лѣтъ.

§ 13. Разсмотрѣнiе историческаго очерка развитiя понятiя подлога документовъ во французскомъ правѣ даетъ возможность сдѣлать слѣдующiя заключенiя.

Если въ болѣе раннiй перiодъ исторiи французскаго уголовнаго права подлогъ не представлялъ изъ себя съ точки зрѣнiя закона самостоятельнаго преступленiя и смѣшивался съ поддѣлками другихъ родовъ, въ томъ числѣ съ поддѣлкой товаровъ, такъ что главное вниманiе обращалось здѣсь, какъ и въ германскомъ правѣ, на способъ дѣйствiя, то въ послѣдующiй перiодъ исторiи замѣчается развитiе подлога именно, какъ преступленiя самостоятельнаго.

Причиной этого обстоятельства является самый характеръ

французскаго права этого періода, представляющаго изъ себя рядъ отдѣльныхъ, не соединенныхъ вмѣстѣ законодательныхъ актовъ. При отсутствіи кодификаціи не сознавалось особой нужды и въ обобщеніи отдѣльныхъ преступленій въ извѣстныя группы. Благодаря этому французское право въ эту эпоху не знаетъ общаго понятія подлога по образцу римскаго falsum или германскаго valsch и разсматриваетъ подлогъ документовъ отдѣльно отъ другихъ поддѣлокъ, какъ вполнѣ самостоятельное преступленіе. Оно признаетъ притомъ за нимъ безусловно публичный характеръ, видя въ немъ посягательство не противъ частныхъ, а противъ публичныхъ интересовъ.

Въ эту же эпоху французское право вырабатываетъ нѣкоторыя особенности въ конструкціи подлога документовъ, которыя затѣмъ воспринимаются и другими законодательствами. Такъ оно обращаетъ особое вниманіе на различіе между документами публичными и частными, какъ непосредственными предметами посягательства, и между должностными и частными лицами, какъ возможными субъектами его, въ зависимости отъ чего установляется нѣсколько самостоятельныхъ видовъ подлога, влекущихъ за собой неодинаковую наказуемость.

Въ революціонную эпоху появляется первое французское уголовное уложеніе, на многихъ частяхъ котораго видны слѣды воздѣйствія со стороны доктрины. Ея вліяніемъ объясняется то, что подлогъ документовъ здѣсь сопоставляется съ другими обманами и разсматривается, какъ преступленіе имущественное, теряя такимъ образомъ прежнее свое значеніе.

Поворотъ къ прежнимъ началамъ представляетъ Code pénal 1810 г., снова придавшій подлогу значеніе преступленія вполнѣ самостоятельнаго и притомъ съ характеромъ посягательства противъ публичныхъ интересовъ. Но здѣсь подлогъ документовъ является видомъ болѣе широкаго понятія подлога вообще, подъ который подводятся и другого рода поддѣлки, направляемыя противъ извѣстныхъ предметовъ, которые имѣютъ характеръ общественныхъ установленій.

Характерной особенностью въ конструкціи понятія под-

лога документовъ въ современномъ французскомъ правѣ, отличающей его отъ германскаго, являются слѣдующіе моменты: 1) предметомъ преступленія является только письменный документъ, 2) составъ преступленія считается выполненнымъ съ момента учиненія поддѣлки или передѣлки документа, 3) всѣ прочія посягательства противъ документа, какъ-то: сокрытіе, повреждѳніе и уничтоженіе его, выдѣлены изъ объема подлога, охватывающаго собой какъ подлогъ матеріальный, такъ и интеллектуальный, 4) съ внѣшней стороны опредѣленія закона отличаются большой детальностью и по образцу прежнихъ законоположеній, обращаютъ большое вниманіе на описаніе самаго способа дѣйствія при совершеніи подлога документовъ.

ГЛАВА V.

Англійское право.

§ 1. Общій характеръ англійскаго уголовнаго права. — § 2. Характеристика подлога документовъ по обычному праву.— § 3. Общій составъ подлога документовъ въ немъ.—§ 4. Статутное право.—§ 5. Консолидированный статутъ 1861 г.— § 6. Заключеніе.

§ 1. Англійское уголовное право, какъ въ своемъ историческомъ развитіи, такъ и въ современномъ состояніи представляетъ весьма существенныя особенности по сравненію съ законодательствомъ другихъ народовъ, такъ что и самое изложеніе его не можетъ часто идти тѣмъ путемъ, которымъ пользуются обыкновенно при изученіи уголовнаго права иныхъ государствъ.

Это обусловлено тѣмъ, что современное англійское право во многихъ своихъ положеніяхъ есть не что иное, какъ собраніе законовъ, относящихся къ самымъ разнообразнымъ періодамъ времени и часто противорѣчащихъ другъ другу: нерѣдко и въ настоящее время дѣйствуютъ акты, изданные за нѣсколько вѣковъ до нашего времени, почти совершенно не измѣненные и оставшіеся въ своемъ неприкосновенномъ видѣ. При такихъ условіяхъ при изложеніи исторіи права весьма часто незамѣтно приходится здѣсь переходить къ изложенію дѣйствующаго законодательства.

Съ другой стороны самое дѣйствующее право представляетъ извѣстныя особенности. Оно дѣлится по источнику своего происхожденія на два самостоятельные отдѣла: право обычное (commun law) и право статутное (statute law).

Обычное право представляетъ изъ себя большую пестроту: оно заключаетъ въ себѣ народные юридическіе обычаи самаго древняго происхожденія, законы англосакскихъ королей и такъ называемое право юристовъ, т. е. сочиненія знаменитыхъ англійскихъ правовѣдовъ. На немъ покоятся и теперь опредѣленія многихъ, даже тяжкихъ, преступленій; кромѣ того въ немъ находятся положенія, дополняющія статутное право. Послѣднее же представляетъ изъ себя совокупность законовъ англійскихъ королей, начиная съ XIV в.; законы эти въ большинствѣ случаевъ не сведены вовсе воедино, и только относительно нѣкоторыхъ преступленій (въ томъ числѣ и относительно подлога) нѣкоторые законы были согласованы между собой и образуютъ такъ называемые консолидированные статуты. Однако эта консолидація статутовъ — первая попытка кодификаціи англійскаго права, попытка очень неудачная и мало достигающая полезныхъ результатовъ, такъ какъ она представляетъ изъ себя соединеніе вмѣстѣ цѣлаго ряда дробныхъ и детальныхъ опредѣленій съ сравнительно слабыми признаками обобщенія, какъ можно будетъ въ этомъ убѣдиться при разсмотрѣніи постановленій консолидированнаго статута 1861 г. по вопросу о подлогѣ документовъ.

Каждый изъ вышеназванныхъ отдѣловъ англійскаго права содержитъ самостоятельныя положенія относительно подлога документовъ: въ каждомъ изъ нихъ понятіе подлога развивалось самостоятельнымъ путемъ, но между ними есть и тѣсная связь въ томъ отношеніи, что одинъ отдѣлъ дополняетъ другой, такъ что для полноты изслѣдованія является необходимымъ изложить постановленія какъ обычнаго, такъ и статутнаго права; въ дальнѣйшемъ изложеніи мы и постараемся это сдѣлать, причемъ по возможности будемъ стремиться показать и самый историческій ходъ развитія опредѣленій о подлогѣ.

§ 2. Въ древнѣйшихъ источникахъ англійскаго права встрѣ-

чается только изрѣдка упоминаніе о подлогѣ, что и вполнѣ понятно, потому что, какъ не разъ уже указывалось, преступленіе это—продуктъ болѣе развитой культуры. Такъ, напр. въ законахъ Генриха I мы находимъ постановленіе о наказаніи подлога вообще отсѣченіемъ руки, причемъ въ виду важности самаго преступленія запрещается выкупъ отъ этого наказанія внесеніемъ опредѣленной суммы денегъ [1]. Въ чемъ однако заключалось это преступленіе и какой родъ поддѣлки имѣется здѣсь въ виду, изъ источниковъ не видно. Другія законодательныя опредѣленія говорятъ спеціально о подлогѣ королевскихъ документовъ, который вмѣстѣ съ поддѣлкой монетъ разсматривался, какъ видъ crimen laesae majestatis, и влекъ за собой смертную казнь [2].

Если отъ этихъ скудныхъ данныхъ обратиться къ твореніямъ юристовъ, то можно замѣтить, что въ первыхъ сборникахъ обычнаго права начинается нѣкоторая систематизація отдѣльныхъ видовъ подлога и стремленіе объединить ихъ.

Ранульфъ Гланвилла, юристъ конца XII в., знаетъ общее понятіе преступленія подлога (generale crimen falsi), которое обнимаетъ у него отдѣльные виды поддѣлокъ,—именно подлогъ документовъ, поддѣлку мѣръ, поддѣлку монетъ и другія тому подобныя поддѣлки, отнесенныя къ компетенціи королевскихъ судей. Въ частности относительно подлога документовъ проводится различіе между подлогомъ королевскихъ документовъ и документовъ частныхъ; въ первомъ случаѣ дѣяніе разсматривается, какъ crimen laesae majestatis; во второмъ оно считается особымъ преступнымъ дѣяніемъ и наказывается, какъ и другіе виды поддѣлокъ [3].

---

1) Leges Henrici I, 13 § 1 см. Freund. l. c. p. 126.

2) Freund. l. c. p. 149.

3) Tractatus de legibus et consuetudinibus Regni Angliae l. XIX c. 7. говоритъ: „generale crimen falsi plura sub se continet crimina specialia. Quemadmodum de falsis cartis, de falsis mensuris, de falsa moneta, et alia similia quae talem falsitatem continent super quam aliquis accusari debeat et convictus condemnari... notandum, quod si quis convictus fuerit de carta falsa distinguendum est utrum carta

Нѣсколько иную конструкцію видимъ мы у другого юриста Брактона (XIII в.); онъ прямо относитъ подлогъ (crimen falsi) къ crimen lesae majestatis; но это объясняется только тѣмъ, что онъ имѣетъ въ виду поддѣлку королевской печати, поддѣлку монеты „и тому подобное", какъ сказано у него, подъ чѣмъ надо разумѣть, какъ это слѣдуетъ изъ другого мѣста его труда, такіе случаи, какъ приложеніе поддѣльной королевской печати къ какой нибудь хартіи и т. д. [1]). Эта точка зрѣнія на подлогъ королевскихъ документовъ, какъ на дѣяніе, являющееся оскорбленіемъ величества, переходитъ и въ статутное право, которое относитъ къ верховной измѣнѣ (high treason) поддѣлку королевскихъ печатей [2]) (напр. 25 Edw. 3-st, 5 cap. 2), а также поддѣлку королевской подписи (the queen's sign manual—1 Mary sess. 2 c. 2).

Зато у другихъ представителей обычнаго права, вслѣдствіе отнесенія болѣе тяжкихъ случаевъ въ область статутнаго права, подлогъ документовъ разсматривается исключительно въ качествѣ преступленія нисшей категоріи — misdemeanor, въ чемъ заключается весьма существенная особенность постановленій обычнаго права, такъ какъ по статутному праву подлогъ относится къ категоріи болѣе тяжкихъ преступленій—

---

regia an privata; quia si carta regia, tunc is qui super hoc convincitur condenmandus est tanquam de crimine lesae majestatis. Si vero fuerit carta privata tunc cum convicto mitius agendum est, sicut in caeteris minoribus criminibus falsi".

[1]) Bracton. De legibus et consuetudinibus Angliae II p. 258: „continet etiam sub se crimen laesae majestatis crimen falsi quod quidem multiplex est: ut si quis falsaverit sigillum domini regis, vel monetam reprobam fabricaverit et hujusmodi, "а на стр. 266:„ est et alius genus criminis laesae mejestatis... sc. crimen falsi, in quadam sui specie et quod tangit coronam ipsius domini regis, ut si aliquis accusatus fuerit vel convictus quod sigillum domini regis falsaverit, consignando inde chartas vel brevia, vel si chartas confecerit et brevia et signa apposuerit adulterina"... См. также Стифенъ. Уголовное право Англіи, перев. Спасовича 1865 г. стр. 43.

[2]) См. объ этомъ у Stephen. History of the criminal law of England v. III p. 178.

felonies. Эта точка зрѣнія въ существенныхъ своихъ чертахъ сохраняется и понынѣ, хотя число случаевъ подлога, предусматриваемыхъ обычнымъ правомъ въ настоящее время, сильно сократилось въ пользу статутнаго права.

Если обратиться къ ближайшему разсмотрѣнію постановки вопроса о подлогѣ документовъ по обычному праву, то здѣсь прежде всего необходимо указать на то, какъ самое понятіе подлога (forgery)[1]) опредѣляется въ трудахъ представителей обычнаго права. Опредѣленіе, которое мы находимъ у нихъ, имѣетъ значеніе съ одной стороны потому, что въ законодательствѣ (статутномъ правѣ) его вовсе нѣтъ, съ другой—потому, что оно почти безъ измѣненія сохраняется теперь.

Подлогъ опредѣляется обыкновенно, какъ подложное составленіе или измѣненіе документа ко вреду какого-нибудь права другого лица (the fraudulent making or alternation of a writing to the prejudice of another man's right)[2]).

Это опредѣленіе, принадлежащее знаменитому англійскому юристу Блекстону, является наиболѣе часто цитируемымъ въ произведеніяхъ другихъ юристовъ и отличается своей простотой и краткостью. Въ немъ указываются три элемента состава преступленія, которые служатъ предметомъ ближайшаго анализа комментаторовъ: 1) предметъ преступленія, 2) способъ дѣйствія, 3) цѣль дѣятельности. На этихъ моментахъ состава преступленія и слѣдуетъ остановиться, такъ какъ они представляютъ извѣстныя особенности.

Разсматривая ближе объемъ подлога по обычному праву, можно замѣтить, что подъ нимъ разумѣется исключительно поддѣлка или передѣлка документовъ; всякія другія дѣянія,

---

[1]) Самое выраженіе forgery объясняется такъ: „to torge is metaphorically taken from the smith, who beateth upon his anvil and forgeth, what fashion or shape he wiil".—Russel. A treatise on crimes and misdemeanors. 1865. vol. II p. 709. Такимъ образомъ смыслъ термина forgery иной, чѣмъ напр. falsum, faux, Fälschung и даже „подлога."

[2]) Blackston. Commentaries on the Laws of England. 1769. v. IV. p. 247,

направленныя противъ документовъ, отсюда выдѣлены, и только пользованіе поддѣльными и передѣланными документами приравнивается подлогу и разсматривается наряду съ нимъ; лишь впослѣдствіи статутное право въ понятіе подлога въ нѣкоторыхъ случаяхъ вводитъ повреждение и уничтоженіе документовъ, на что будетъ указано ниже. Въ этомъ—первая весьма важная и существенная особенность понятія forgery [1]; другая его особенность заключается въ строгомъ отграниченіи подлога отъ другихъ преступныхъ дѣяній, гдѣ фигурируетъ моментъ обмана,—отъ мошенничества (cheat) и другихъ видовъ наказуемыхъ обмановъ, напр. ложной выдачи себя за другое лицо (falsely personating another). Англійское право развивалось внѣ вліянія римскаго права—по крайней мѣрѣ въ позднѣйшую свою эпоху,—такъ что въ немъ и не создалось представленіе объ обманѣ вообще, видомъ котораго является подлогъ документовъ.

Благодаря такимъ особенностямъ въ конструкціи подлога, англійское право, при всей своей казуистичности и крайней неудовлетворительности многихъ положеній съ внѣшней стороны, представляетъ большія достоинства со стороны внутренней, такъ какъ оно вполнѣ признаетъ самостоятельную природу подлога документовъ.

§ 3. Что касается общаго состава подлога документовъ по обычному праву, то, какъ говоритъ одинъ изъ англійскихъ юристовъ прошлаго вѣка, Hawkins, „подлогъ по обычному праву есть дѣяніе, заключающееся въ обманномъ и злоумышленномъ (falsely and fraudulently) составленіи или измѣненіи какого-нибудь протокола (matter af record) или какого-нибудь другого аутентичнаго документа публичнаго характера (authentick matter of a publick nature), каковы, напр. метрическія

[1]) Благодаря тому, что глаголъ „to forge“ обозначаетъ „ковать“, подъ понятіе подлога „forgery“ подводились только такого рода дѣйствія, направленныя противъ документовъ, на которыя можно было метафорически переносить значеніе слова „ковать“, т. е. придавать тотъ или другой видъ предмету; вслѣдствіе этого такія дѣянія, какъ уничтоженіе документа или сокрытіе его, сюда не подходили.

книги, или какого-нибудь документа (deed) или духовнаго завѣщанія (will), наказуемое денежнымъ взысканіемъ, тюремнымъ заключеніемъ и тѣлеснымъ наказаніемъ по усмотрѣнію суда"[1]). Перечисленіе этихъ непосредственныхъ объектовъ посягательства имѣетъ то значеніе, что подлогъ всѣхъ документовъ большей важности относится безусловно къ статутному праву, а это не лишено было особеннаго практическаго значенія въ ту эпоху, когда по статутному праву почти всѣ случаи подлога были обложены смертной казнью, какъ это было, напр. въ концѣ прошлаго вѣка. Этимъ объясняется также и то, что Hawkins старается болѣе подробно объяснить, что надо разумѣть подъ каждымъ изъ приведенныхъ видовъ документовъ. Относительно документовъ перваго рода онъ замѣчаетъ[2]), что всякимъ протоколамъ придаетъ законъ самое высокое довѣріе (credit), вслѣдствіе чего и подлогъ ихъ долженъ быть безусловно наказуемъ. Ко второму же относится малая государственная печать (privy seal)[3]), разрѣшеніе казначейства относительно сложенія долга (licence from the barons of the Exchequer to compound a debt), удостовѣреніе духовнаго званія (certificats of holy orders), охранная грамота отъ имени парламента (protection from a parliament man). Относительно же документовъ, снабженныхъ печатью (deed), и духовныхъ завѣщаній особыхъ разъясненій въ обычномъ правѣ не существовало, а съ тѣхъ поръ, какъ подлогъ тѣхъ же документовъ сталъ разсматриваться въ статутномъ правѣ, практика стала признавать, что отъ выбора обвинителя зависитъ преслѣдованіе виновнаго на основаніи постановленій обычнаго права или статутнаго[4]).

Что же касается документовъ нисшаго сорта (of an inferior nature) по сравненію съ приведенными выше, то относительно ихъ существовала въ обычномъ правѣ контроверза:

---

1) Hawkins. A treatise of the pleas of the crown. 1795 vol. II p. 103.

2) ib. p. 105.

3) Въ англійскомъ правѣ о поддѣлкѣ печати упоминается обыкновенно вмѣстѣ съ подлогомъ документовъ.

4) Russel. l. c. p. 943.

нѣкоторые писатели придавали безусловно исчерпывающее значеніе указанному перечню и въ видѣ общаго правила устанавливали, что поддѣлка иныхъ документовъ не есть собственно подлогъ. Но, по словамъ Hawkins'a, ни единаго авторитета нельзя привести въ пользу того положенія, чтобы дѣянія столь низкія были совершенно не предусматриваемы обычнымъ правомъ и не заслуживали публичнаго преслѣдованія, а то мнѣніе, которое утверждаетъ, что эти дѣянія не были наказуемы по закону, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть защищаемо въ виду того, что многіе изъ видовъ подлога такого рода были наказуемы въ силу закона 1542 г. (33 Henr. 8 c. 1); точно также, говоритъ онъ далѣе, не можетъ быть убѣдительнымъ тотъ доводъ въ пользу ненаказуемости этихъ дѣяній по обычному праву, что эти документы были частнаго характера (a private nature), потому что и снабженные печатью документы (deeds), содержащіе частныя дѣла, точно также являются съ характеромъ частнымъ, какъ и многіе другіе документы (writings), касающіеся такихъ же дѣлъ, однако никто не говоритъ, что составленіе подложнаго документа перваго рода (deed), содержащаго частную сдѣлку, не наказуемо по обычному праву [1]). Со своей стороны Hawkins не придаетъ упомянутому перечню исчерпывающаго значенія и для рѣшенія контроверзы предлагаетъ проводить различіе между подлогомъ тѣхъ документовъ, подлогъ которыхъ и долженъ быть собственно наказуемъ, какъ forgery, и подлогомъ другихъ документовъ нисшаго сорта въ томъ отношеніи, что въ первомъ случаѣ составитель подложнаго документа долженъ считаться самъ по себѣ виновнымъ, независимо отъ того, будетъ ли путемъ подлога принесенъ дѣйствительный ущербъ третьему лицу или

[1]) Для яснаго пониманія даннаго мѣста необходимо принять во вниманіе, что въ англійскомъ правѣ подъ терминомъ „deed" разумѣется только документъ, снабженный печатью, тогда какъ „writing" обозначаетъ вообще всякій письменный актъ, для составленія котораго особыхъ формальностей не требуется. Между прочимъ объ этомъ см. Wertheim. Wörterbuch des englischen Rechts 1899. sub v. „Deed".

нѣтъ, во второмъ же случаѣ поддѣлка не должна признаваться преступленіемъ, если никто не получилъ отъ нея ущерба. Такимъ образомъ онъ главное вниманіе обратилъ на послѣдствія дѣянія; однако, какъ вѣрно замѣчаетъ Russel, это никоимъ образомъ не является разрѣшеніемъ затрудненія; это только простая догадка, которая оставляетъ, какъ и прежде, вопросъ совершенно невыясненнымъ; здѣсь даже замѣчается склонность, смѣшивать подлогъ съ общимъ классомъ мошенничества [1]). По его же мнѣнію, эта контроверза не разрѣшима, но въ настоящее время вполнѣ установилось правило, что поддѣлка всякаго документа съ обманнымъ умысломъ, путемъ котораго другой можетъ получить ущербъ, есть подлогъ по обычному праву (the counterfeiting of any writing with a fraudulent intent, whereby another may be prejudiced, is forgery at common law).

Благодаря такому выводу, къ которому пришла практика англійскихъ судовъ, приведенный выше перечень не имѣетъ исчерпывающаго значенія, и подлогъ всякаго документа можетъ разсматриваться, какъ forgery, если только онъ удовлетворяетъ извѣстнымъ условіямъ. Такъ напр. сюда практикой отнесены такіе случаи: подлогъ приказа должностного лица тюремщику относительно выпуска заключеннаго на поруки, подлогъ удостовѣренія, посредствомъ котораго виновный получилъ должность полицейскаго констебля, подлогъ удостовѣренія съ цѣлью получить должность учителя и т. д. [2]). При этомъ выставляется необходимымъ условіемъ, чтобы предметомъ посягательства былъ какой-нибудь документъ (document or writing); ближайшаго опредѣленія этого понятія въ практикѣ, однако, не содержится, и только изъ отдѣльныхъ рѣшеній судовъ можно видѣть, что не считается документомъ; такъ, напр. поддѣлка имени художника на картинѣ или поддѣлка имени торговца на этикетахъ товаровъ не были признаны судомъ подлогомъ [3]).

Что касается внѣшней стороны состава преступленія, то

---

[1]) Russel. l. c. p. 768.
[2]) Stephen. A Digest of the criminal law. 1887 p. 318.
[3]) Russel. l. c. p. 773.

въ этомъ отношеніи требуется лишь наличность поддѣлки или передѣлки документа; распространенія его или пользованія имъ (publication or uttering) [1]) для состава не требуется, но дѣянія эти, учиняемыя не самимъ поддѣлывателемъ, при условіи завѣдомости о подлогѣ, могутъ составить самостоятельныя формы преступленія. Установляя это положеніе, юристы приводятъ цѣлый рядъ разъясненій того, что надо разумѣть подъ поддѣлкой, причемъ многіе изъ нихъ признаютъ, что подлогъ можетъ быть учиненъ и безъ поддѣлки чужой подписи или печати — этихъ необходимыхъ реквизитовъ понятія документа, такъ что если кто-нибудь въ документъ, составляемый отъ своего имени, неправильно внесетъ какое-нибудь условіе, напр. составитъ документъ о продажѣ имѣнія уже проданнаго, то уже въ этомъ можно видѣть составъ преступленія; впрочемъ, не всѣ согласны съ этимъ, и другіе писатели утверждаютъ, что здѣсь нѣтъ подлога, а только обманъ (a false than a forged writing), противъ чего, однако, возражаетъ Hawkins [2]), замѣчая, что вся суть подлога въ стремленіи придать видъ истины чистому обману и лжи, для чего годны всѣ способы.

Къ передѣлкѣ документовъ относятся всякаго рода поправки, измѣненія и подчистки; наконецъ, какъ подлогъ разсматривается подписаніе фальшивой подписью настоящаго документа и наоборотъ и т. п. [3]). Но при этомъ во всякомъ случаѣ необходимо должна быть установлена вредоносность даннаго дѣянія для извѣстныхъ правъ другого лица. Наступленіе дѣйствительнаго вреда для состава преступленія при этомъ не требуется—достаточно лишь признать возможность его; безъ этого условія, однако, составъ подлога не можетъ считаться выполненнымъ. Благодаря такой конструкціи, признается особенно ясно самостоятельная природа подлога документовъ, и проводится отличіе его отъ мошенничества.

Внутреняя сторона преступленія характеризуется тѣмъ, что

[1]) Russel. l. c. p. 708.

[2]) Hawkins. l. c. p. 104.

[3]) Russel. l. c. p. 710.

для состава его требуется специальный умыселъ обмануть кого-нибудь съ цѣлью повредить какимъ-нибудь правамъ другого лица, и на установленіе этого момента англійская практика обращаетъ особенное вниманіе.

Такова въ общихъ чертахъ конструкція подлога документовъ, forgery, по обычному праву. Въ существенномъ она удерживается и въ постановленіяхъ статутнаго права, но тамъ привходятъ новые моменты, касающіеся главнымъ образомъ предмета посягательства.

§ 4. Обращаясь къ статутному праву, прежде всего слѣдуетъ указать на законъ, относящійся къ 1563 г. (5 Eliz. c. 14), которымъ открывается цѣлый рядъ другихъ опредѣленій статутнаго права о подлогѣ, достигшихъ къ началу нынѣшняго столѣтія громаднаго объема.

Какъ и большинство актовъ статутнаго законодательства, онъ отличается большой дробностью своихъ постановленій. Въ немъ проводится различіе между двумя отдѣльными случаями подлога по наказуемости ихъ, главнымъ образомъ въ зависимости отъ характера поддѣльнаго документа. Въ первомъ случаѣ объектомъ является снабженный печатью документъ (deed, charter, writing sealed), протоколъ суда (court roll), духовное завѣщаніе (will); во второмъ—говорится кромѣ charter, deed, writing еще объ обязательствѣ (obligation), долговой роспискѣ (bill obligatory), квитанціи (acquittance), отказѣ отъ долга (release) или освобожденіи отъ него (discharge), счетѣ (account), искѣ (action), жалобѣ (suit), прошеніи (demand) или иномъ личномъ дѣлѣ (other thing personal).

Изъ этого перечня видно, что документъ понимается здѣсь въ очень широкомъ значеніи, какъ всякій письменный актъ, могущій служить удостовѣреніемъ какого-нибудь обстоятельства, а такъ какъ нѣкоторые изъ указанныхъ здѣсь видовъ документовъ были предусмотрѣны въ обычномъ правѣ, то это вносило большую пестроту въ общее ученіе о подлогѣ и предоставляло много усмотрѣнія, согласно толкованію практики, потерпѣвшей сторонѣ, которая, какъ было уже выше указано, могла выбрать тотъ или другой путь преслѣдованія.

Разсматривая ближе составъ преступленія по этому закону, можно увидѣть, что дѣйствіе при подлогѣ со стороны внѣшней заключалось въ составленіи подложнаго документа (forge or make), или же въ распространеніи его подъ видомъ настоящаго, завѣдомо о поддѣлкѣ (pronounce, publish or shew forth in evidence); причемъ для состава преступленія достаточно было одного изъ этихъ дѣйствій, и совокупности ихъ не требовалось. О передѣлкѣ подлиннаго документа этотъ законъ совершенно умалчиваетъ; очевидно, это дѣйствіе было обнято общимъ терминомъ „forge". Кромѣ того наряду съ прямымъ совершеніемъ подлога поставлено было подстрекательство къ нему. Со стороны внутренней требовалась дѣятельность умышленная, что описывается въ законѣ выраженіями: умышленно, коварно и подложно („wittingly, subtilly aud falsely"), и кромѣ того необходимъ былъ спеціальный умыселъ повредить кому-нибудь въ его правахъ; самый умыселъ описывался въ законѣ очень детально и характеризовался неодинаково въ обоихъ случаяхъ подлога [1]).

Въ отношеніи же наказуемости разница между обоими указанными случаями подлога была слѣдующая: въ первомъ случаѣ опредѣляется, кромѣ возмѣщенія вдвойнѣ потерпѣвшей сторонѣ судебныхъ издержекъ и убытковъ, выставленіе у позорнаго столба, отсѣченіе обоихъ ушей, вырѣзаніе ноздрей, прижиганіе раскаленнымъ желѣзомъ, конфискація въ пользу короля всѣхъ доходовъ и пожизненное тюремное заключеніе, а во второмъ—наказаніе состоитъ въ выставленіи у позорнаго столба,

---

[1]) Въ первомъ случаѣ сказано: „to the intent that the state or freehold of inheritance of any person or persons of, in, or to any lands tenements, or hereditaments, freehold or copyhold or the right, title or interest of any person or persons, of, in, or to the same, or any of them, shall, or may be molested, troubled, defeated, recovered or charged", тогда какъ во второмъ: „to the intent that any person or persons shall or may have, or claim any estate or interest for a term of years of, in, or to any manors, lands, tenements, or heriditaments, not being copyhold, or any annuity in fee simple, fee tail, or for term of life, lives, or years".

отсѣченіи одного уха и заключеніе въ тюрьму на одинъ годъ. Только въ случаѣ рецидива наказаніе въ обоихъ случаяхъ особенно усиливалось, такъ какъ дѣяніе разсматривалось тогда, какъ особенно тяжкое преступленіе (felony without benefit of clergy), и въ этомъ случаѣ могло влечь за собой смертную казнь.

Эта послѣдняя точка зрѣнія впослѣдствіи получаетъ особенное значеніе, и многія дѣянія постепенно сдѣланы были фелоніями безъ привилегіи духовенства; таковъ, напр. подлогъ снабженныхъ печатью документовъ (deeds), духовныхъ завѣщаній, договоровъ (bonds), векселей, соло-векселей (promissory notes) и передаточныхъ на нихъ надписей (2 Geo. 2 c. 25; этотъ актъ былъ впослѣдствіи исправленъ и дополненъ другими: 7 Geo. 22 и 18 Geo. 3 c. 18)[1]). Съ теченіемъ же времени мало по малу подлогъ становится преступленіемъ, за которое въ качествѣ обычнаго наказанія была положена смертная казнь, такъ что уже Блекстонъ говорилъ, что случаи болѣе строгаго наказанія за подлогъ такъ участились за послѣднее время, что это наказаніе сдѣлалось почти общимъ правиломъ, такъ что едва ли можетъ быть приведенъ случай подлога, который не считался бы дѣяніемъ, наказуемымъ смертью[2]).

Въ виду того обстоятельства, что въ приведенномъ выше законѣ Елизаветы были указаны лишь нѣкоторые виды документовъ, подлогъ которыхъ былъ наказуемъ, какъ felony, постепенно начала сознаваться потребность распространить усиленную законодательную санкцію и на подлоги иныхъ документовъ. По общему духу, свойственному англійскому законодательству, это дѣлалось путемъ изданія новыхъ законовъ, гдѣ опять-таки перечислялись лишь нѣкоторыя формы этого преступленія, а общаго объединяющаго понятія его не выставлялось. Благодаря этому, все болѣе и болѣе росло число статутовъ, предусматривавшихъ подлогъ документовъ, соотвѣтственно чему увеличивалось и число отдѣльныхъ видовъ

---

[1]) Stephen. History. p. 182.

[2]) Blackston. Commentaries. T. IV chap. 17 № III.

подлога документовъ по статутному праву. Hawkins приводитъ 16 самостоятельныхъ видовъ подлога документовъ, но, собственно говоря, это число можетъ быть еще увеличено сообразно количеству отдѣльныхъ статутовъ. Hawkins разсматриваетъ, напр. такіе виды подлога документовъ по статутамъ: подлогъ подписи, освобождающей отъ уплаты вѣсовыхъ денегъ (frank), подлогъ удостовѣренія судьи (testimonial of justices), лоттерейныхъ билетовъ (lottery tickets), почтовыхъ марокъ (post fines), брачныхъ актовъ (marriage registers), обязательствъ остъ-индской компаніи, документовъ, относящихся къ адмиралтейству, страховыхъ полисовъ, билетовъ казначейства, банкнотъ и т. п.[1]).

Быстрое возрастаніе числа статутовъ, касавшихся подлога, подъ конецъ заставило, однако, англійскихъ юристовъ изъ соображеній главнымъ образомъ практической необходимости стремиться къ объединенію отдѣльныхъ статутовъ въ одно цѣлое. Таковъ между прочимъ трудъ юриста Hammond'a, появившійся въ 1823 году подъ названіемъ „Criminal - Code including a Digest and Consolidation of the Statutes-forgery". Но, собственно говоря, этотъ трудъ достигъ немногихъ результатовъ. Въ немъ были только сопоставлены всѣ опредѣленія статутовъ, касавшихся подлога, и такихъ отдѣльныхъ опредѣленій въ работѣ указано 1212[2]), но никакихъ обобщеній здѣсь не сдѣлано. Важно только выставленное здѣсь общее положеніе о томъ, что въ общемъ (за немногими исключеніями) статутное право сходно въ своихъ постановленіяхъ относительно подлога съ правомъ обычнымъ.

Вслѣдъ за появленімъ этой работы, которая была издана вторично въ качествѣ доклада особой парламентской коммиссіи, но не привела и въ этомъ видѣ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, издается консолидированный актъ 1830 г., имѣющій весьма важное значеніе въ исторіи подлога по англійскому праву.

---

[1]) Hawkins. l. c. t. I p. 537.

[2]) Birnbaum. Beitrag zur Lehre von Fälschung und Betrug. Archiv des Criminalrechts. 1834 p. 545.

Консолидированный актъ 1830 (11 Geo. 4 a. Will. 4 c. 66) свелъ воедино все множество отдѣльныхъ постановленій о подлогѣ. Въ немъ впервые устанавливается общимъ образомъ, что подлогъ не долженъ быть наказываемъ смертью (capitally), исключая тѣхъ случаевъ, когда смертная казнь прямо указывается даннымъ актомъ. Къ этимъ случаямъ были отнесены: подлогъ большой печати, частной печати и подписи представителя верховной власти (эти случаи считались по прежнему high treason), подлогъ билетовъ казначейства (exchequer bills), банкнотъ, завѣщаній, векселей, варрантовъ и чековъ, далѣе, дѣланіе ложныхъ записей (entries) въ публичныхъ книгахъ, подлогъ перевода государственныхъ бумагъ (transport of Stock) и т. п. Кромѣ того значеніе этого статута еще въ томъ, что въ силу изданія его было отмѣнено громадное количество другихъ статутовъ, въ томъ числѣ статута Елизаветы.

Въ 1837 г. общимъ образомъ отмѣняется смертная казнь за подлогъ (7 Will. 4 a. 1 Vict. c. 84), исключая только случаевъ, отнесенныхъ къ верховной измѣнѣ (подлогъ большой печати и другихъ публичныхъ печатей), что продолжалось до новаго консолидированнаго акта 1861 г. (24 a. 25 Vict 38), когда и это преступленіе сдѣлалось felony, наказуемой въ максимумѣ уголовнымъ рабствомъ (penal servitude).

§ 5. Консолидированный актъ 1861 г. является главнымъ источникомъ дѣйствующаго англійскаго права относительно подлога документовъ.

Подобно другимъ англійскимъ законамъ и предшествующему акту 1830 г., этотъ актъ тоже довольно казуистическаго содержанія [1]): онъ заключаетъ въ себѣ 56 отдѣленій и говоритъ о различныхъ видахъ подлога, разграничивая ихъ по объекту посягательства. Въ немъ перечисляются сначала тѣ документы, подлогъ которыхъ наказывается въ максимумѣ пожизненнымъ

---

[1]) Мѣткую характеристику его дѣлаетъ Стифенъ, замѣчая: „it is at once long, intricate, hard to unterstand and necessiarly incomplete“. (History. p. 184).

уголовнымъ рабствомъ [1]); далѣе, тѣ, за которые положено 14-лѣтнее, и наконецъ,—7-лѣтнее уголовное рабство; кромѣ того въ немъ предусматриваются особо приготовленіе орудія для совершенія подлога и имѣніе его у себя.

Къ первой категоріи подлога относятся: 1) поддѣлка печатей, имѣющихъ особенное значеніе (большая печать соединеннаго королевства, частная печать королевы и т. д.), оттисковъ и отпечатковъ такихъ печатей; употребленіе документовъ съ такими оттисками печатей и т. д.; 2) поддѣлка и употребленіе съ цѣлью обмана (with intent to defraud) поддѣльнаго передаточнаго документа (transfert) на акціи (stock), билетовъ казначейства, банкнотъ, чековъ, свидѣтельствъ и купоновъ государственныхъ долговыхъ бумагъ, документовъ, имѣющихъ печати (deed), договоровъ (bonds), письменныхъ обязательствъ, духовныхъ завѣщаній, кодицилловъ, векселей, кредитныхъ билетовъ, всякаго рода оффиціальныхъ документовъ; наконецъ, сюда относятся еще дѣланіе неправильныхъ показаній для записи въ книгахъ о рожденіи, бракѣ и т. д., равно какъ и ихъ поврежденіе и уничтоженіе.

14-лѣтнее уголовное рабство назначается за подлогъ документовъ менѣе важныхъ, напр. долговой росписки (debenture), за требованіе имущества на основаніи поддѣльнаго документа и т. д. [2]).

7-лѣтнее уголовное рабство опредѣлено за поддѣлку печати какого-нибудь суда (court of record), начатіе тяжбы съ подложнымъ документовъ, поддѣлку всякаго рода удостовѣреній и судебныхъ бумагъ, разрѣшенія на вступленіе въ бракъ, поддѣлку подписи на довѣренности извѣстныхъ лицъ и т. п.

---

[1]) Lenz. l. c. p. 22 говоритъ, что сначала идутъ случаи, обложенные смертной казнью, но это совершенно невѣрно: ихъ въ настоящее время англійское право не знаетъ.

[2]) Это преступленіе Стифенъ разсматриваетъ въ числѣ другихъ видовъ подлога (Digest p. 308), но Russel выдѣляетъ его болѣе правильно изъ подлога и отводитъ ему въ своемъ трудѣ особую главу, непосредственно вслѣдъ за подлогомъ (demanding property upon forged instrument)—l. c. p. 1010.

Къ этому нужно прибавить, что по позднѣйшему закону разсматривается, какъ misdemeanor, и наказывается тюрьмой на 1 годъ поддѣлка телеграммъ, причемъ здѣсь можетъ и не быть умысла обмануть (47 и 48 Vict. c. 76). Наконецъ, тоже, какъ misdemeanor, наказывается поддѣлка избирательныхъ записокъ, по закону 35 а. 36 Vict. c. 33.

Такова сложная конструкція подлога документовъ по дѣйствующему англійскому праву.

Разсматривая ближе составъ его, можно замѣтить, что непосредственный объектъ преступленія — документъ, понимается здѣсь очень широко: онъ охватываетъ всякій письменный актъ, могущій служить удостовѣреніемъ любого событія; въ виду этого къ подлогу документовъ относится какъ поддѣлка документа оффиціальнаго или частнаго характера, такъ и поддѣлка кредитныхъ билетовъ, такъ какъ они тоже являются документами въ широкомъ смыслѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ наряду съ документами поставлены и печати, такъ что поддѣлка печати разсматривается, какъ одинъ изъ видовъ подлога.

Со стороны внѣшней преступленіе конструируется въ общемъ совершенно такъ же, какъ это было и въ прежнемъ правѣ. Для признанія дѣянія оконченнымъ достаточно одного факта поддѣлки или передѣлки, причемъ иногда законъ идетъ такъ далеко, что и приготовительную дѣятельность облагаетъ такимъ же наказаніемъ, какъ и самое учиненіе подлога. Важное отступленіе отъ началъ прежняго права можно здѣсь видѣть въ томъ, что и истребленіе и поврежденіе извѣстныхъ документовъ разсматривается, какъ подлогъ, чѣмъ нарушается прежняя стройность опредѣленій англійскаго права.

Нѣсколько иначе, чѣмъ въ правѣ обычномъ, конструируется здѣсь внутренняя сторона преступленія: здѣсь требуется наличность умысла обмануть другое лицо, причемъ этотъ умыселъ презумируется, если ясно, что во время составленія документа существовало лицо, которое было способно быть обмануто путемъ даннаго документа [1]). Этимъ моментомъ умысла

[1]) Stephen. Digest. p. 296.

составъ подлога по статутному праву отличается отъ состава его по обычному праву: въ послѣднемъ необходимо, чтобы умыселъ былъ направленъ на то, чтобы кто-нибудь получилъ ущербъ въ своихъ правахъ, между тѣмъ какъ здѣсь достаточно одного умысла обмануть. Эта точка зрѣнія была еще высказана у Hammond'a, въ настоящее же время она признается почти всѣми англійскими криминалистами, такъ что, напр. Стифенъ въ своемъ опредѣленіи понятія подлога довольствуется однимъ умысломъ обмануть [1]). Такимъ образомъ подлогъ по обычному праву въ этомъ отношеніи требуетъ нѣкотораго дополненія по сравненію съ тѣмъ, что имѣется въ конструкціи его по статутному праву.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что въ англійскомъ правѣ подлогъ документовъ представляется вполнѣ самостоятельнымъ преступленіемъ; въ немъ документъ самъ по себѣ является предметомъ посягательства, и неприкосновенность документарной формы охраняется отъ посягательствъ путемъ санкціи, опредѣленной за подлогъ. Однако англійскіе юристы не вполнѣ сознаютъ это, и даже наиболѣе видный англійскій криминалистъ, Стифенъ, помѣщаетъ это преступленіе въ числѣ преступленій противъ личности, именно противъ правъ собственности и другихъ правъ, происходящихъ изъ договоровъ, нисколько не обращая вниманія на то, что не во всѣхъ дѣяніяхъ, отнесенныхъ къ категоріи подлога, можно найти посягательство только противъ личности.

§ 6. Если сравнить развитіе подлога документовъ въ исторіи англійскаго уголовнаго права съ развитіемъ его въ другихъ законодательствахъ, то нельзя не замѣтить весьма важныя черты отличія ихъ другъ отъ друга.

Англійское право съ самыхъ отдаленныхъ временъ выработало самостоятельное понятіе подлога документовъ—forgery, которое имѣетъ вполнѣ обособленную физіономію и не смѣшивается съ обманами другого рода, въ особенности съ мошенничествомъ. Весьма существенная черта англійскаго права

---

[1]) Stephen. ibid.

состоитъ въ томъ, что оно не знало общаго класса поддѣлокъ, вслѣдствіе чего ему всегда было чуждо смѣшеніе подлога документовъ съ поддѣлкой товаровъ.

Исторія англійскаго права представляетъ картину постепеннаго увеличенія отдѣльныхъ законодательныхъ опредѣленій о подлогѣ, разрозненныхъ и мало согласованныхъ съ другими. Изъ общей группы подлога документовъ, предусмотрѣнной въ обычномъ правѣ, постепенно выдѣляются нѣкоторые его виды, постановленія о которыхъ содержатся въ статутномъ правѣ и которые облагаются усиленнымъ наказаніемъ, доходящимъ къ концу прошлаго вѣка въ большинствѣ случаевъ до смертной казни. Предѣлы усиленному росту отдѣльныхъ законоположеній положены только въ нынѣшнемъ столѣтіи, когда начались первыя попытки объединенія отдѣльныхъ статутовъ, касавшихся подлога.

Современное англійское право предусматриваетъ подлогъ документовъ или въ правѣ статутномъ или въ обычномъ. Въ первомъ подлогъ является съ характеромъ болѣе тяжкаго преступленія—felony,—допуская только весьма рѣдкія отклоненія отъ этого, во второмъ, напротивъ, подлогъ документовъ есть менѣе тяжкое преступленіе—misdemeanor. Здѣсь подъ нимъ разумѣются только нѣкоторые случаи — именно тѣ, которые прямо въ статутномъ правѣ не предусмотрѣны; это—подлогъ всякаго вообще документа, отъ котораго можетъ возникнуть вредъ для правъ другого лица, причемъ умыселъ въ этомъ случаѣ долженъ быть направленъ на возникновеніе этого вреда. Въ правѣ же статутномъ непосредственный предметъ посягательства въ законѣ прямо указывается, а умыселъ при подлогѣ направляется на введеніе другого лица въ заблужденіе.

ГЛАВА VI.

Русское право.

§ 1. Отсутствіе опредѣленій о подлогѣ въ эпоху Русской Правды.—§ 2. Постановленія памятниковъ послѣдующаго законодательства до Судебника 1550 г.—§ 3. Судебникъ 1550 г.— § 4. Послѣдующее законодательство до Уложенія Царя Алексѣя Михайловича. — § 5. Общая постановка вопроса о подлогѣ документовъ въ Уложеніи 1649 года. — § 6. Подлогъ документовъ по Литовскому Статуту; заимствованія, сдѣланныя изъ этого памятника Уложеніемъ 1649 года.—§ 7. Виды подлога документовъ, заимствованные Уложеніемъ изъ Статута.—§ 8. Другіе виды, взятые изъ предшествующаго законодательства и вновь созданные.—§ 9. Послѣдующее законодательство до Воинскихъ Артикуловъ 1716 г.—§ 10. Воинскіе Артикулы Петра Великаго. — § 11. Характеристика дальнѣйшаго законодательства до Свода Законовъ. — § 12. Значеніе терминовъ „подлогъ“ и „лживые поступки“ въ эту эпоху.— § 13. Мѣры предупредительныя противъ подлога.—§ 14. Подлогъ публичныхъ документовъ болѣе важныхъ.—§ 15. Подлогъ публичныхъ документовъ менѣе важныхъ. — § 16. Подлогъ частныхъ документовъ.—§ 17. Проекты елизаветинскихъ коммиссій 1754—1766.—§ 18. Проектъ Якоба.—§ 19. Проектъ 1813 г. — § 20. Сводъ Законовъ изд. 1832 г. т. XV.—§ 21. Уложеніе о наказаніяхъ; его терминологія.—§ 22. Сущность подлога документовъ по Уложенію.—§ 23. Взглядъ сенатской практики на этотъ вопросъ.—§ 24. Общія замѣчанія по поводу постановленій Уложенія о нак. о подлогѣ.—§ 25. Взглядъ на подлогъ Проекта новаго уголовнаго уложенія.—§ 26. Постановленія о подлогѣ документовъ по Проекту.—§ 27. Особые виды подлога документовъ въ немъ. — § 28. Заключительные выводы.

---

§ 1. Подлогъ документовъ, представляя изъ себя посягательство на письменную форму удостовѣренія жизненныхъ

моментовъ юридическихъ отношеній и имѣющихъ правовое значеніе событій, становится возможнымъ только съ того времени, когда развитіе извѣстнаго общества достигаетъ той степени, при которой является сознаніе необходимости особыхъ способовъ такого удостовѣренія въ интересахъ всего правопорядка, и когда охрана этихъ удостовѣрительныхъ средствъ начинаетъ представляться весьма существенной, какъ обусловливающая собою твердость и крѣпость всего правопорядка.

Исторія подлога въ иностранныхъ законодательствахъ показываетъ намъ, что прежде, чѣмъ являются объективные формы и способы удостовѣренія юридическихъ отношеній, общество обращается къ способамъ субъективной гарантіи ихъ достовѣрности, какими служатъ свидѣтельскія показанія. Исторія русскаго законодательства о подлогѣ въ этомъ отношеніи рисуетъ намъ ту же картину, какую мы видѣли на западѣ.

Эпоха господства Русской Правды характеризуетъ собой то состояніе общественности, когда подлогъ документовъ почти не былъ мыслимъ, именно вслѣдствіе того, что это преступленіе—продуктъ болѣе развитой культуры, и развитіе его тѣсно связано съ развитіемъ письменности.

Показанія свидѣтелей, присутствовавшихъ при совершеніи извѣстной юридической сдѣлки, замѣняли собой всякіе другіе способы удостовѣренія ея наличности. При слабомъ развитіи правового оборота и при небольшихъ территоріальныхъ пространствахъ государства того времени возможно было въ любой моментъ въ случаѣ спора, возникшаго по поводу данной сдѣлки, обратиться къ лицу, присутствовавшему при ея совершеніи, и это лицо своей присягой подтверждало тотъ или другой моментъ сдѣлки [1]). Тамъ, гдѣ нельзя было призвать по какой-нибудь причинѣ свидѣтелей, договоръ долженъ

[1]) Такъ напр., купля-продажа по Русской Правдѣ должна была совершаться при двухъ послухахъ или мытникѣ (Р. Пр. акад. спис., 32), заемъ съ процентами заключался тоже при свидѣтеляхъ и т. д. Свидѣтели здѣсь вполнѣ замѣняли собой письменные акты, до которыхъ общество не доросло еще тогда.

былъ быть вполнѣ удостовѣренъ очистительной присягой, которую давалъ одинъ изъ контрагентовъ въ случаѣ оспариванія его права, и этихъ способовъ удостовѣренія, — если можно такъ выразиться „субъективныхъ“, какъ зависѣвшихъ всецѣло отъ воли лица, дававшаго показаніе и подкрѣплявшаго его присягой,—было первоначально совершенно достаточно при той несложности юридическихъ отношеній, которую мы находимъ на зарѣ нашей исторіи. Страхъ гнѣва Божія за нарушеніе принесенной присяги былъ достаточнымъ стимуломъ, который сдерживалъ присягнувшаго отъ нарушенія присяги, и это обстоятельство являлось достаточнымъ обезпеченіемъ достовѣрности извѣстнаго юридическаго отношенія.

Первымъ объективнымъ средствомъ удостовѣренія юридическаго отношенія—средствомъ вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе надежнымъ, какъ не зависящимъ въ такой степени отъ воли человѣка, являются у насъ, какъ и на западѣ, знаки земельныхъ отношеній—граничные и межевые знаки.

Объясненіе того обстоятельства, что общество сочло нужнымъ въ извѣстныхъ случаяхъ прибѣгать къ этому средству удостовѣренія жизненныхъ моментовъ юридическаго отношенія, заключается въ томъ фактѣ, что недвижимость подлежитъ обращенію въ гражданскомъ быту несравненно меньше, чѣмъ движимость; переходъ ея изъ однѣхъ рукъ въ другія совершается несомнѣнно медленнѣе, а потому обычный способъ удостовѣренія юридическихъ отношеній — свидѣтельствованіе послуховъ, расчитанный на короткій промежутокъ жизни человѣка, здѣсь былъ не пригоденъ. Приходилось обращаться къ иному болѣе надежному способу удостовѣренія, какимъ и явилось установленіе граничныхъ знаковъ. Важное значеніе, которое тогдашнее право придавало этому удостовѣрительному средству выражается въ той карательной санкціи, которой обложены были посягательства на граничные знаки, приравнивавшіяся случаямъ нанесенія тѣлеснаго поврежденія, наиболѣе тяжкаго [1]).

---

[1]) Богдановскій. Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ до Петра Великаго. 1857, стр. 29.

Такимъ образомъ при слабомъ развитіи письменности въ эпоху Русской Правды значеніе подлога документовъ имѣли лжесвидѣтельство и поддѣлка граничныхъ знаковъ, и о подлогѣ документовъ никакихъ законодательныхъ опредѣленій не было.

§ 2. Послѣдующая эпоха нашего законодательства тоже содержитъ мало указаній на подлогъ вплоть до Судебника Царя Іоанна IV. Все, что можно вывести изъ памятниковъ этой эпохи, заключается въ слѣдующемъ.

Постепенное развитіе письменности побуждаетъ мало по малу общество къ переходу отъ субъективныхъ гарантій достовѣрности извѣстныхъ моментовъ юридическаго отношенія къ объективнымъ, какими являются письменные документы. По мѣрѣ развитія правового оборота, прежней формы удостовѣренія посредствомъ свидѣтельскихъ показаній оказывается недостаточно: появляются письменные акты, которые, будучи составлены въ извѣстной формѣ, служатъ лучшей гарантіей бытія извѣстной сдѣлки, чѣмъ свидѣтельскія показанія; однако, послѣднія все еще не теряютъ своего прежняго значенія и во многихъ случаяхъ конкурируютъ съ письменными актами.

Особенное развитіе письменныхъ актовъ видно въ Псковской судной грамотѣ, и даже въ послѣдующую эпоху, въ московскомъ періодѣ, нельзя найти такого распространенія ихъ.

Среди письменныхъ актовъ, о которыхъ рѣчь идетъ въ Псковской грамотѣ, различаются слѣдующіе виды: 1) грамоты—общее названіе для всѣхъ актовъ; 2) рядницы—крѣпостные акты [1]);

---

[1]) Изъ всѣхъ актовъ особенную важность представляла рядница или порядня, которая, по словамъ Энгельмана, „вообще имѣетъ значеніе крѣпостного акта, а въ частности — заемнаго письма и квитанціи въ платежѣ долга. Для дѣйствительности ея требовалось, чтобы копія съ нея внесена была въ архивъ (ларь), учрежденный при церкви Св. Троицы, главномъ изъ Псковскихъ соборовъ. Въ противномъ случаѣ рядница не имѣла никакой доказательной силы, и дѣло рѣшалось на основаніи другихъ даже неформальныхъ письменныхъ доказательствъ". (Энгельманъ. Систематическое изложеніе гражданскихъ законовъ, содержащихся въ Псковской судной грамотѣ. 1855 г. стр. 14).

3) рукописаніе — духовное завѣщаніе, составленное по законной формѣ, со внесеніемъ копіи съ него въ „ларь“ Св. Тройцы; 4) запись—вообще всякій домашній актъ (при займѣ безпроцентномъ свыше рубля и при займѣ съ ростомъ во всякомъ случаѣ необходимо требовалось составленіе записи; она не была обусловлена опредѣленной формой); 5) доски—акты самаго нисшаго разряда [1]). При составленіи документа требовалось выполненіе извѣстныхъ формальностей, которыя являлись между прочимъ предупредительными средствами противъ подлога, такъ какъ необходимость соблюденія ихъ должна была, конечно, предотвращать составленіе подложныхъ документовъ [2]).

Однако при всемъ развитіи письменныхъ актовъ, которое

---

[1]) Доски пользовались наименьшимъ значеніемъ: если истецъ или отвѣтчикъ не имѣлъ другого доказательства, кромѣ досокъ, то тяжущійся долженъ былъ идти къ присягѣ или на судебный поединокъ. (Устряловъ. Изслѣдованіе псковскихъ судныхъ грамотъ 1467 г. 1855 г. стр. 20). „Доски, по словамъ Энгельмана (стр. 16), нѣкоторымъ образомъ можно сравнивать съ нынѣшними домовыми счетами и т. п. документами, принятыми въ торговлѣ. По всему видно, что установленіе ихъ принадлежитъ древнѣйшему времени; во время же составленія Пск. с. гр. онѣ уже потеряли большую часть своей прежней силы, какъ акты слишкомъ грубые, неясные, слишкомъ мало обезпечивающіе права и несоотвѣтствовавшіе уже тогдашнимъ болѣе сложнымъ гражданскимъ отношеніямъ лицъ между собой. Полную доказательную силу „доски“ имѣли только въ тѣхъ спорахъ, предметъ которыхъ цѣной не превышалъ рубля. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ слѣдовало эти доказательства подтверждать другими“.

[2]) Внутренній бытъ Пскова рисуетъ намъ подробную картину обращенія письменныхъ документовъ. Для засвидѣтельствованія посредствомъ приложенія печати или для написанія самой грамоты нужно было обращаться къ княжескому писцу, и только въ случаѣ отказа его засвидѣтельствовать документы, написанные другими лицами, можно было обратиться для засвидѣтельствованія къ городскому дьяку или духовенству. (Никитскій. Очеркъ внутренней исторіи Пскова 1873 г. стр. 124—125 и Энгельманъ стр. 105).

мы замѣчаемъ въ Псковской грамотѣ, не видно здѣсь вовсе карательныхъ постановленій на случай подлога ихъ. Единственное мѣсто, которое даетъ поводъ предполагать, что рѣчь идетъ въ немъ о подлогѣ,—это слѣдующія слова грамоты: „а князю и посаднику грамотъ правыхъ не посужати, а лживыхъ грамотъ и доски, обыскавши правда, судомъ посудити". Но изъ этого мѣста ничего не слѣдуетъ относительно того, въ чемъ заключался подлогъ актовъ и какія онъ влекъ за собой послѣдствія. Это—только процессуальное опредѣленіе, а не матеріально-правовое. По словамъ Устрялова [1]), это мѣсто надо понимать такъ: „князю и посаднику справедливыхъ грамотъ не предавать судебному разбирательству, а лживыя грамоты изслѣдовать судомъ, разсмотрѣвъ акты, писанные на доскахъ". Здѣсь такимъ образомъ указывался порядокъ суда, но не давалось опредѣленія о наказуемости подлога; во всякомъ случаѣ важно установить въ этомъ отношеніи то, что „лживыя грамоты" уже появились въ эту эпоху, разъ въ законодательномъ памятникѣ шла рѣчь о нихъ; но, вѣроятно, тогда еще не было установлено за нихъ наказанія, иначе псковская грамота, подробно говорящая о многихъ преступленіяхъ, упоминала бы и о наказуемости подлога, между тѣмъ, ни въ ней, ни въ другихъ ближайшихъ къ ней по времени законодательныхъ памятникахъ объ этомъ ничего не говорится. Вѣрнѣе предположить, что подложные документы, которые оказывались таковыми по разслѣдованію на судѣ, устранялись только изъ производства, какъ ничтожные, такъ какъ въ эту эпоху центръ тяжести доказательственной системы лежалъ не въ документахъ, а въ присягѣ.

О подлогѣ документовъ молчитъ, какъ только что было замѣчено, и послѣдующее наше законодательство до Царскаго Судебника; нѣтъ о немъ рѣчи даже въ Судебникѣ Великокняжескомъ, на которомъ основанъ Царскій. Все это заставляетъ предполагать, что въ дѣйствительности, если слу-

---

[1]) Устряловъ в. с. стр. 133.

чаи подлога и были возможны въ эту эпоху, то они не влекли за собой наказанія [1]).

§ 3. Судебникъ Царя Іоанна Грознаго 1550 г. имѣетъ въ исторіи подлога документовъ то значеніе, что, начиная съ этого памятника, мы находимъ въ нашемъ законодательствѣ уже вполнѣ осязаемыя постановленія о подлогѣ [2]). Въ этомъ отношеніи Царскій Судебникъ представляетъ шагъ впередъ въ сравненіи съ Судебникомъ Великокняжескимъ, который въ своей статьѣ, соотвѣтствующей статьѣ Судебника 1550, гдѣ рѣчь идетъ о наиболѣе тяжкихъ преступленіяхъ, ничего не говоритъ о подлогѣ, тогда какъ въ Судебникѣ 1550 г. подлогъ предусматривается въ числѣ другихъ „лихихъ дѣлъ". „А доведутъ на кого, говоритъ ст. 59, разбой или душегубство, или ябедничество, или *подписку*, или иное какое лихое дѣло, а будетъ вѣдомый лихой человѣкъ: и боярину велѣти того казнити смертной казнью, а истцово велѣти заплатити изъ его статка" [3]).

Здѣсь говорится о „подпискѣ", подъ которой разумѣется та форма подлога документовъ [4]), гдѣ есть на лицо поддѣлка чужой подписи. Это можно вывести изъ словъ послѣдующаго законодательнаго памятника—Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, говорящаго „о подпищикахъ", а затѣмъ изъ нѣкото-

---

[1]) Впрочемъ, быть можетъ, судебная практика въ этомъ отношеніи шла дальше закона и налагала наказанія, не установленныя въ законѣ; см. напр. у Таганцева, Лекціи по русскому уголовному праву 1892 г. вып. IV стр. 1227, гдѣ приводится случай наказанія кнутьемъ по торгу за подлогъ въ 1488 г. архимандрита Чудова монастыря и князя Ухтомскаго.

[2]) Проф. Фойницкій (Мошенничество стр. 20) говоритъ, что только съ Соборнаго Уложенія „подлогъересталъ называться воровствомъ, какъ прежде было", но доказательствъ этого своего положенія не приводитъ, и едва-ли съ этимъ положеніемъ можно согласиться, какъ это будетъ видно изъ разбора памятниковъ данной эпохи.

[3]) Судебн. 1550 г. ст. 59.

[4]) Калачевъ. Объ уголовномъ правѣ по Судебнику Царя Іоанна Васильевича. Юр. Зап. Рѣдкина т. II. 1843 г. стр. 321.

рыхъ грамотъ, гдѣ слово „подписчикъ“ часто замѣняется описательнымъ выраженіемъ: „учнетъ руки подписывати“ [1]).

Царскій Судебникъ въ только что приведенной статьѣ имѣетъ въ виду подлогъ, учиненный вѣдомымъ лихимъ человѣкомъ, т. е. преступникомъ, такъ сказать, профессіональнымъ, лицомъ, вообще пользовавшимся дурной славой; что же касается преступленія этого, совершеннаго лицомъ неопороченнымъ, то Судебникъ по этому поводу ничего не говоритъ, хотя относительно другихъ преступленій, трактуемыхъ вмѣстѣ съ подлогомъ въ упомянутой выше ст. 59, содержатся на этотъ случай особыя опредѣленія. Изъ этого можно заключить, что, установляя здѣсь впервые наказаніе за подлогъ, законодатель имѣлъ въ виду наиболѣе опасные его случаи, вслѣдствіе чего нельзя не замѣтить въ Судебникѣ отраженія принципа прежняго нашего права, оставлявшаго безъ наказанія подлогъ документовъ. Только должностной подлогъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже, облагается всегда наказаніемъ въ Судебникѣ, но здѣсь, конечно, проводить различіе между вѣдомымъ лихимъ человѣкомъ и простымъ преступникомъ нельзя было.

Ближайшихъ опредѣленій о сущности „подписки“ и о составѣ этого преступленія въ Судебникѣ не содержится, но, очевидно, что здѣсь рѣчь идетъ о подлогѣ, учиненномъ лицомъ недолжностнымъ, такъ какъ о подлогѣ должностномъ Судебникъ содержитъ особыя постановленія и ведетъ рѣчь о немъ

[1]) Такъ въ Уст. Важской грам. 1552 г. говорится: „.... беречи накрѣпко, чтобы у нихъ въ Шенкурьѣ на посадѣ, и въ Вельску на посадѣ и въ станѣхъ и въ волостѣхъ, татей и разбойниковъ, и ябедниковъ и *подписчиковъ*, и костарей и всякихъ лихихъ людей, не было и пріѣзду бы ни кому лихимъ людемъ не было никоторыми дѣлы; а кто у нихъ въ Шенкурьѣ и въ Вельску на посадѣхъ или въ станѣхъ, или въ волостѣхъ, взворуется, учнетъ красти или разбивати, или кто учнетъ ябедничать, или кто учнетъ *руки подписывать* ..... Шенкурьи посадскіе люди и становые и волостные ....., про то обыскавъ управу имъ и казнь чинятъ по нашему Судебнику“. (А. Э. т. I № 234). Почти въ тѣхъ же словахъ говорится объ этомъ и въ Уставной Двинской грамотѣ 1556 г. (А. Э. т. I. № 250).

въ ст. 2—5. Субъектомъ преступленія въ послѣднемъ случаѣ являются должностныя лица: бояре, окольничіе, казначеи, дьяки, а самое преступленіе заключается въ ложномъ удостовѣреніи въ документѣ какого-нибудь имѣющаго юридическое значеніе событія.

Для того, чтобы предупредить возможность учиненія всякаго рода злоупотребленій со стороны должностныхъ лицъ, и въ частности совершенія ими подлоговъ, въ Судебникѣ указывается на цѣлый рядъ формальностей, которыя необходимо соблюдать при составленіи разнаго рода документовъ и которыя являются такимъ образомъ мѣрами предупредительными противъ подлоговъ; это особенно ясно выступаетъ при опредѣленіи общихъ обязанностей дьяковъ и подъячихъ, которымъ приказывалось скрѣплять своей подписью всѣ акты судебнаго производства [1]); далѣе, на обязанности дьяковъ въ судѣ намѣстничьемъ [2]) лежало веденіе списковъ и снятіе копій (противни) съ рѣшенія дѣлъ на случай оспариванія (оболживить)

---

[1]) Въ ст. 28 Судебн. говорится: „и діяку истцовы и отвѣтчиковы рѣчи велѣти записывати передъ собою или о чемъ ся пошлютъ на послушество, и дьяку то велѣти записывати передъ собою жъ, да тѣ ему дѣла держати у себя за своею печатью, доколѣ дѣло кончается. А которыя дѣла дадутъ діяки подъячимъ счерна начисто переписывати и діякомъ къ тѣмъ жалобницамъ и къ дѣламъ по сставомъ руки свои прикладывати; а какъ подъячій счерна начисто дѣла перепишетъ и діяку тѣ дѣла справити самому, да къ тѣмъ дѣломъ дьяку рука своя приложити, и держати тѣ дѣла діяку у себя за своей печатью. А подъячимъ у себя дѣлъ никоторыхъ не держати“.

[2]) „А судныя дѣла у намѣстниковъ и у ихъ тіуновъ писати земскимъ дьякомъ, а дворскому, да старостѣ и цѣловальникамъ къ онѣмъ суднымъ дѣломъ руки свои прикладывати. А противни съ тѣхъ судныхъ дѣлъ, слово въ слово писати намѣстничимъ діякомъ; а намѣстникомъ къ тѣмъ противнямъ печати свои прикладывати. Да тѣхъ судныхъ дѣлъ записку, земского діяка руку, съ дворскаго, и съ старостиною и съ цѣловальниковыми руками намѣстникомъ имати къ собѣ; а противни тѣхъ дѣлъ намѣстниковъ, діяковъ своихъ руку, съ своими печатми, давати дворскому да старостѣ и цѣловальникомъ“ (Суд. 1550, ст. 62).

списка, посланнаго къ докладу; если списокъ судный будетъ оболживленъ истцомъ или отвѣтчикомъ, то вызываются на судъ съ засвидѣтельствованными копіями „судные мужи", дворскій, старосты и цѣловальники, которые присутствовали на судѣ и скрѣпляли дѣло своими подписями. Но, конечно, однѣхъ предупредительныхъ мѣръ противъ должностного подлога оказывалось мало, необходимо было дать и карательныя опредѣленія, которыя получили слѣдующее выраженіе.

Судебникъ смотритъ на подлогъ документовъ, какъ на особый видъ неправосудія со стороны лицъ, чинившихъ судъ, а не какъ на посягательство на особую форму удостовѣренія юридическихъ отношеній. Здѣсь важно не то, что документъ поддѣланъ, а то, что благодаря подлогу наносится ущербъ правосудію. Вслѣдствіе такого взгляда на сущность преступленія (а онъ ясно вытекаетъ изъ мѣста, занимаемаго подлогомъ этого вида въ общей системѣ Судебника, первыя статьи котораго предусматриваютъ преступленія противъ правосудія), оно и получаетъ совершенно особую окраску. Судебникъ проводитъ различіе между дѣяніемъ этого рода, совершеннымъ неосторожно („а который бояринъ... просудится а обвинитъ кого не по суду безъ хитрости или списокъ подпишетъ и правую грамоту дастъ, а обыщется то вправду: и боярину... въ томъ пени нѣтъ; а истцемъ судъ съ головы, а взятое отдати назадъ") [1]), которое считалось ненаказуемымъ, и тѣмъ же дѣяніемъ, совершеннымъ умышленно, подъ которымъ разумѣется подложное составленіе изъ корыстныхъ цѣлей судебнаго рѣшенія дьякомъ и подъячимъ. „А который діякъ списокъ нарядитъ, говорится въ Судебникѣ, или дѣло запишетъ не по суду (не такъ, какъ на судѣ было), безъ боярскаго или безъ дворскаго или безъ казначея вѣдома, а обыщется то допряма, что онъ отъ того посулъ взялъ и на томъ діякѣ взяти передъ бояриномъ вполы да вкинути его въ тюрьму" [2]). Болѣе строгое наказаніе постигаетъ подъячаго за то же дѣяніе: „а подъячей

[1]) Судеб. 1550, ст. 2.
[2]) Судеб. 1550, ст. 4.

который запишетъ дѣло не по суду, изъ посула безъ дьячего приказу, и того подъячего казнити торговою казнью, бити кнутьемъ“ [1]); наконецъ, подвергается наказанію по усмотрѣнію государя судья, пославшій къ докладу невѣрный списокъ (рѣшеніе) [2]).

Изъ сказаннаго видно, что подлогъ документовъ по Судебнику представляетъ два вида: съ одной стороны въ немъ предусматривается „подписка“, т. е. поддѣлка чьей-нибудь подписи, которая считалась весьма опаснымъ преступнымъ дѣяніемъ, была поставлена въ ряду „лихихъ дѣлъ“ и влекла за собой смертную казнь, а съ другой — ложное удостовѣреніе извѣстнаго правового событія—подлогъ со стороны должностныхъ лицъ; это преступное дѣяніе было отдѣлено отъ „подписки“ и поставлено въ ряду другихъ преступленій противъ правосудія; его необходимымъ условіемъ была наличность корыстнаго умысла, наличность „посула“; наказаніе же въ этомъ случаѣ было значительно ниже — кнутъ или торговая казнь [3]).

Что касается ближайшаго объекта преступленія подлога документовъ по Судебнику, то, не говоря о „подпискѣ“, составъ которой намъ совершенно неизвѣстенъ и воспроизвести его нѣтъ возможности, мы можемъ замѣтить, что

---

[1]) Судеб. 1550. ст. 5.

[2]) „А скажутъ судные мужи, что судъ былъ да не таковъ, и списокъ не земскаго діяка рука, и руки, скажутъ у списка не ихъ, и противень будетъ намѣстнича или волостелина діяка съ суднымъ спискомъ не слово въ слово: и по тому списку истцовъ искъ взяти на судіѣ а пеню судіѣ сверхъ того, что Царь Государь укажетъ“. (Судеб. 1550, ст. 59).

[3]) Проф. Латкинъ смѣшиваетъ эти два вида подлога, говоря, что Судебникъ разсматриваетъ, „подлогъ судебныхъ актовъ (подписку)“ (Латкинъ. Лекціи по исторіи русскаго права. 1890 г., ст. 62). Но какъ мы только что указали, взглядъ Судебника на каждое изъ этихъ преступныхъ дѣяній различенъ—и подлогъ судебныхъ актовъ отождествлять съ „подпиской“ нельзя, тѣмъ болѣе, что подлогъ судебныхъ актовъ въ Судебникѣ не носитъ вовсе названія „подписки“.

подлогъ обнималъ собой посягательства на публичные только документы; въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ Судебника дѣло идетъ о разныхъ судебныхъ актахъ; подлогъ частныхъ документовъ не предусматривается имъ вовсе, да и едва ли частные документы въ эту эпоху могли быть приравниваемы документамъ публичнымъ и имѣть одинаковое съ ними значеніе.

Дѣйствіе со стороны внутренней должно было быть умышленнымъ, а со стороны внѣшней оно заключалось въ составленіи документа иначе, чѣмъ онъ долженъ былъ быть написанъ (списокъ нарядить, выписку сочинить); составъ преступленія считался выполненнымъ, разъ учиненъ былъ подобный подлогъ, и достиженія дальнѣйшихъ результатовъ не требовалось.

Такова сущность подлога документовъ, какъ это дѣяніе было формулировано въ Царскомъ Судебникѣ.

§ 4. Въ послѣдующихъ законодательныхъ памятникахъ— въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику и въ другихъ источникахъ русскаго права до Уложенія Царя Алексѣя Михайловича мы встрѣчаемъ кое-какія постановленія о подлогѣ, пополняющія въ общемъ опредѣленія Судебника.

Опасаясь подлоговъ документовъ, правительство принимаетъ по прежнему предупредительныя мѣры, направленныя на установленіе разныхъ формальностей при составленіи документовъ; такъ, относительно губныхъ старостъ въ одной изъ дополнительныхъ статей къ Судебнику (21 авг. 1556 г. ст. 14) указывается на то, что старосты должны прикладывать свои печати къ разнымъ грамотамъ, проходящимъ черезъ ихъ руки: они обязаны были „печати свои писати имянно въ грамотахъ каковы ихъ печати“ [1]); въ статьяхъ изъ соборнаго уложенія 1551 г. о святительскомъ судѣ встрѣчаемъ мы повтореніе указанныхъ въ Судебникѣ постановленій, направленныхъ на предупрежденіе подлоговъ, причемъ здѣсь прямо указывается, что соблюденіе извѣстныхъ формальностей при составленіи

---

[1]) А. И. т. I. № 154.

документовъ должно преслѣдовать цѣль предупрежденія подлоговъ[1]).

Наряду съ мѣрами предупредительнаго характера противъ подлога необходимо было однако обращаться къ мѣрамъ карательнымъ для борьбы съ „подпищиками“ [2]), какъ называютъ обыкновенно поддѣлывателей документовъ дополнительныя статьи къ Судебнику.

Въ этомъ отношеніи дополнительныя статьи содержатъ сравнительно мало новыхъ опредѣленій о подлогѣ; онѣ только указываютъ на нѣкоторые отдѣльные виды подлога, о которыхъ тогдашней судебной практикѣ приходилось постановлять самостоятельное рѣшеніе и которые прямо не были предусмотрѣны Судебникомъ. Сюда относятся: 1) дача ложнаго показанія на повальномъ обыскѣ; хотя это дѣяніе, собственно говоря, ближе подходитъ къ лжесвидѣтельству, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно имѣетъ много точекъ соприкосновенія съ подлогомъ интеллектуальнымъ, такъ какъ относительно повальнаго обыска выставлялось требованіе, чтобы „рѣчи свои обыскные люди писали сами“, такъ что составлялся такимъ образомъ документъ, имѣвшій важное значеніе на судѣ уголовномъ [3]); 2) составленіе

[1]) ...„и тѣмъ (градцкимъ) старостамъ, и цѣловальникомъ и земскому діаку съ тѣхъ судныхъ дѣлъ списывать противни, слово въ слово, да дръжати ихъ у себя, а къ тѣмъ спискамъ діаку руку свою прикладывати; а ихъ діакъ земской, или сами старосты и цѣловальники.... руки свои прикладываютъ, чтобы было бережно и *тѣхъ бы дѣлъ не передѣлывали и не переписывали,* да тѣ судные списки дръжати діакомъ у себя, въ ларцѣ, за боярскими печатями, по Цареву Судебнику (а подъячимъ не давати) доколѣ тѣ судные списки бояре передъ Святители положатъ и обоихъ истцовъ передъ ними поставятъ. (А. И. т. I. № 155).

[2]) А. И. т. I № 221, I.

[3]) Документы эти прочитывались на судѣ и, если оказывалось противорѣчіе между данными показаніями, то производилось новое изслѣдованіе „про то, которая половина солгала и на которую половину доведутъ, что она солгала, изъ тѣхъ людей изо ста человѣкъ, выбравъ прикащиковъ и крестьянъ лучшихъ людей, человѣкъ пяти или шести бити кнутьемъ, а игуменовъ и поповъ, и діаконовъ отсылати къ Святителю“. (А. И. т, I. № 154. V).

подложныхъ грамотъ полныхъ и докладныхъ на свободныхъ людей, это преступленіе обложено было смертной казнью, такъ какъ виновный считался какъ-бы „головнымъ татемъ", т.-е. приравнивался похитителямъ свободныхъ лицъ, — „а которые люди впредь учнутъ наряжати на волныхъ людей полные и докладные, стаковся съ таможники—говорится въ одной изъ дополнительныхъ статей къ Судебнику — а въ томъ на нихъ доведутъ, и тѣхъ людей и таможниковъ казнити смертною казнью, какъ и головного татя" [1]). Въ этомъ случаѣ такъ же, какъ и при должностномъ подлогѣ по Судебнику 1550 г., имѣлась въ виду охрана не документарной формы самой по себѣ, а иныхъ интересовъ; тамъ охранялось отъ посягательствъ этого рода правосудіе, здѣсь—свобода личности, такъ что самому понятію подлога документовъ придавалось служебное значеніе[2]); 3) какъ особый видъ подлога, однако не наказуемый уголовнымъ порядкомъ, а влекшій за собой только чисто-гражданскія послѣдствія—возстановленіе причиненнаго вреда [3]), слѣдуетъ считать случай составленія новой кабалы при наличности старой и обманное (украдомъ) занесеніе ее въ книги. „А которая служилая кабала, говорятъ дополнительныя статьи къ Судебнику, на холопа или на рабу у котораго государя старая, или будетъ

---

[1]) А. И. т. I, № 154, XIV.

[2]) Въ вышеприведенномъ текстѣ употреблено выраженіе „нарядить" — оно равносильно выраженію „составлять"; отсюда понятіе „нарядъ", соотвѣтствующее понятію подлога (Д. А. И. т. I, № 51, V). Въ такомъ же смыслѣ поддѣльныхъ грамотъ употребляется выраженіе „нарядныя грамоты", въ слѣдующемъ мѣстѣ дополнительныхъ статей къ Судебнику Царя Іоанна IV: „и отвѣтчики на судѣ тѣ духовныя лживятъ, а называютъ ихъ нарядными, а того не доведутъ кто ихъ наряжалъ, только на нихъ и пороку, что не подписаны и не запечатаны". (А. И. т. I, № 154, XVII). Въ этой статьѣ кромѣ того указывается, что если не было вовсе свидѣтелей при составленіи такихъ документовъ, то послѣднимъ не слѣдуетъ вѣрить.

[3]) Быть можетъ, впрочемъ, этотъ случай влекъ за собой отвѣтственность по общимъ правиламъ, но здѣсь только опредѣлялись частно-правовыя послѣдствія преступнаго дѣянія.

оба государя живутъ въ одномъ городѣ, а возметъ на того жъ холопа кто, вѣдая, новую служилую кабалу и будетъ украдомъ тое кабалу и въ книги запишетъ: и тѣхъ людей и женъ и дѣтей, по тѣмъ по старымъ служилымъ кабаламъ, отдавати прежнимъ государемъ, а по новой кабалѣ денегъ не имати" [1]); 4) дополнительныя статьи упоминаютъ далѣе, ближе не опредѣляя сущность преступленія, о подлогѣ заемныхъ памятей и кабалъ [2]); 5) точно также относительно подлога духовныхъ завѣщаній, хотя и встрѣчаются указанія [3]), но ближайшихъ опредѣленій о нихъ въ источникахъ не содержится.

Отчасти имѣетъ еще отношеніе къ подлогу документовъ запись ложныхъ свѣдѣній при переписи [4]); переписчикамъ указывалось, „чтобы у той переписки никто не воровали, крестьянъ и бобылей не таили, и изо многихъ дворовъ въ одинъ дворъ не переводили и т. д."; первоначально это дѣяніе не облагалось наказаніемъ; только въ дополнительномъ указѣ 1647 г. [5]) говорится прямо „за ту утайку, кто будетъ за собою утаитъ прописные и новопоставленные дворы, по нашему указу, никому, ни за какія наши многія службы и за кровь, нашія пощады въ томъ не будетъ".

Обращаясь къ разсмотрѣнію общаго состава подлога документовъ по дополнительнымъ статьямъ къ Судебнику и по другимъ законодательнымъ памятникамъ до Уложенія 1649 года, можно сказать немного.

---

[1]) А. И. т. I, № 221, II.

[2]) „А которые люди ищутъ по выданнымъ кабаламъ, кто за свой долгъ кому, за денги, подписавъ кабалу выдастъ, и самъ онъ живъ или умеръ, и по тѣмъ кабаламъ и по памятемъ суда не давати. А которые люди учнутъ кабалы и памяти заемныя руки своей лживить, что рука его подписана, да укажетъ подпищика, а подпищикъ мертвъ .... (въ подлинникѣ пропускъ) и хлѣбъ велѣть правити". (А. И. т. I. № 221, I).

[3]) А. И. т. I, № 154, XVII.

[4]) Писцовый наказъ о переписи московскаго уѣзда 1646 г. А. Э. IV № 14.

[5]) Окружная Царская грамота объ исправленіи и дополненіи прежней переписи дворовъ 1647 г. А. Э. т. IV, № 21.

Относительно ближайшаго объекта посягательства можно только замѣтить, что во всѣхъ разсмотрѣнныхъ случаяхъ мы видимъ подлогъ, направленный противъ документовъ, имѣющихъ извѣстное юридическое значенiе; не всякое письмо вообще можетъ быть предметомъ посягательства, а только тѣ документы, благодаря которымъ можно судить о жизненныхъ моментахъ юридическаго отношенiя; кабалы, духовныя завѣщанiя и т. п.—вотъ непосредственные объекты подлога.

Что касается другихъ элементовъ общаго состава подлога, то въ этомъ отношенiи точно также извлечь изъ данныхъ законодательныхъ памятниковъ можно очень немного. Со стороны внѣшней въ нѣкоторыхъ случаяхъ для состава достаточно было приготовленiя поддѣльнаго документа, въ другихъ необходимо было употребленiе его, тогда говорилось: „учнутъ искать". Внутренняя же сторона преступленiя законодателя вовсе не интересовала и особыхъ постановленiй о ней въ статьяхъ, относящихся до подлога, нѣтъ.

Дѣла объ уличенныхъ въ подлогѣ въ видѣ общаго правила вѣдались судомъ обыкновеннымъ порядкомъ, такъ какъ только дѣла о душегубствѣ, разбоѣ и татьбѣ съ поличнымъ судились у губныхъ старостъ; но бывали и исключенiя изъ этого общаго правила, напр. это мы видимъ въ Уставной грамотѣ переяславскаго уѣзда царскихъ подклѣтныхъ селъ крестьянамъ 29 апр. 1556 г. Здѣсь кругъ компетенцiи губныхъ старостъ опредѣляется шире, и „подписка" входитъ въ сферу этой компетенцiи [1]).

[1]) „А доведутъ на кого разбой, или душегубство, и пожегу, и ябедничество, и подписку или иное какое лихое дѣло, а будетъ вѣдомый лихой человѣкъ и выборнымъ судьямъ съ губными старостами тѣхъ людей судити и управу имъ чинити по губнымъ грамотамъ". А. И. т. I, № 165. Тоже указано въ Судной грамотѣ удѣльнаго князя Владимiра Андреевича Замосковной Вохонской волости, бобровничьей полусохѣ крестьянамъ 1561 г. А. Э. т. I, № 257; далѣе въ судной грамотѣ Устюжны желѣзопольской 1614 г. А. Э. т. III № 36; почти тоже говорится въ Уставной грамотѣ посадскимъ людямъ города Шуи отъ 7 iюня 1606 г. А. Э. II, № 52.

Отъ „подписки", о которой говорятъ памятники разсматриваемой эпохи, надо отличать нѣкоторыя преступленія родственнаго характера въ томъ смыслѣ, что они тоже учиняются путемъ лжи на письмѣ: это—ябедничество, т.-е. ложное обвиненіе въ уголовномъ дѣлѣ, и составъ, подъ которымъ разумѣлось ложное составленіе гражданскихъ исковъ, какъ это можно вывести изъ одного изъ дополнительныхъ указовъ къ Судебнику (12 марта 1582 г.) [1]). По мнѣнію проф. Фойницкаго [2]), составъ и подписка одно и тоже,—именно составленіе поддѣльныхъ актовъ, но едва ли есть основаніе отождествлять эти два понятія. Въ только что упомянутомъ указѣ рѣчь идетъ о составленіи жалобницъ, въ которыхъ „написаны иски велики"; преступленіе состоитъ въ томъ, что виновный „искъ подписалъ ложно", такъ что обвиненіе заключается въ томъ, что онъ „искалъ затѣйно лишекъ", слѣдовательно, здѣсь вся суть въ составленіи неправильнаго иска, подаваемаго въ судъ; но искъ этотъ вовсе не является документомъ въ томъ смыслѣ, какой требуется для состава преступленія, такъ что здѣсь рѣчи о подлогѣ быть не можетъ. Взглядъ, сходный съ защищаемымъ нами, высказываетъ и проф. Владимірскій-Будановъ, который видитъ въ составѣ только разновидность ябедничества, не вдаваясь, впрочемъ, въ подробное излѣдованіе сущности этого преступленія [3]).

§ 5. Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича является въ нашемъ правѣ важнымъ законодательнымъ памятникомъ въ томъ отношеніи, что оно болѣе детально касается многихъ преступныхъ дѣяній и даетъ имъ новую постановку въ сравненіи съ предыдущими памятниками; и если, напр. Судебники были всецѣло выразителями русскаго національнаго права, представляя изъ себя дальнѣйшее развитіе началъ Русской Правды, то Уложеніе во многихъ мѣстахъ заимствовало свои

---

[1]) А. И. т. I, № 154, XX.

[2]) Фойницкій. Мошенничество стр. 25.

[3]) Влад.-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права. Вып. II. 1886 г. стр. 41.

положенія изъ иностраннаго права: изъ византійскаго и изъ западнаго путемъ Литовскаго Статута.

Въ своихъ постановленіяхъ о подлогѣ документовъ Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича представляетъ картину дальнѣйшаго развитія понятія подлога по русскому праву, и въ то время, какъ Судебникъ 1550 г. зналъ только „подписку" и должностной подлогъ, Уложеніе 1649 г. прибавляетъ къ нимъ еще новые виды. Самое понятіе „подписки" получаетъ болѣе опредѣленное содержаніе, и матеріалъ для него заимствуется изъ Литовскаго Статута. „Подписка" принимаетъ значеніе вполнѣ самостоятельнаго преступнаго дѣянія, объектомъ котораго является документъ, какъ особая форма удостовѣренія юридическаго отношенія, а въ конструкціи подлога должностного замѣтны нѣкоторыя измѣненія, и прежній взглядъ на это преступленіе, какъ на особое посягательство противъ правосудія, выступаетъ менѣе опредѣленно. Наконецъ, новые виды подлога, предусмотрѣнные Уложеніемъ, имѣютъ дополнительное значеніе въ отношеніи къ той группѣ подлоговъ, которые именовались „подпиской" и которые, какъ наиболѣе тяжкія формы, влекли за собой смертную казнь. Прежнее значеніе признака „вѣдомаго лихого человѣка" исчезаетъ, вслѣдствіе чего субъектомъ подлога является всякое лицо.

Общаго ученія о подлогѣ въ Уложеніи еще нѣтъ; опредѣленной системы въ изложеніи отдѣльныхъ видовъ подлога тоже еще не замѣчается, и преступленіе это разсматривается въ разныхъ частяхъ Уложенія.

Подобно предшествующимъ законодательнымъ памятникамъ, Уложеніе устанавливаетъ прежде всего много формальныхъ условій, необходимыхъ при составленіи письменныхъ актовъ, которыя являются своего рода мѣрами предупредительными противъ подлога.

Эти мѣры, въ общемъ сходныя съ тѣми, которыя имѣются въ Судебникѣ, направлены противъ возможныхъ неправильностей въ актахъ. „А судные дѣла въ приказѣ — говоритъ ст. II гл. X Уложенія—записывати подъячимъ, а черненья бы и межъ строкъ приписки и скребенія въ тѣхъ запискахъ не

было. А какъ судъ отойдетъ, и истцу и отвѣтчику къ тѣмъ запискамъ прикладывать руки.... А какъ подъячей съ тое записки, судное дѣло запишетъ на бѣло, а дьяку, справя то дѣло съ прежнею запиской закрѣпити своею рукою, а прежнюю записку подъячему за истцовою и за отвѣтчиковою рукою, держати у себя впредь для спору. А какъ судное дѣло вершится, и та записка за истцовою и за отвѣтчиковою рукою подклеити подъ судное же дѣло впредь для спору же"; подъячему запрещается выносить спорное дѣло изъ приказа „для какія нибудь хитрости" [1]); установляется общее правило о томъ, что „мимо площадныхъ подъячихъ и безъ послуховъ никому ни на кого крѣпостей не писать"; грамоты, составленныя инымъ порядкомъ объявляются не имѣющими силы и только заемныя записи можно было писать безъ участія должностныхъ лицъ [2]). Цѣлый рядъ формальныхъ условій выставляется и относительно составленія всякихъ другихъ документовъ (вотчинныхъ и дворовыхъ купчихъ, и закладныхъ и данныхъ и иныхъ всякихъ крѣпостей): въ городахъ они должны были быть составляемы площадными подъячими, а въ селахъ и деревняхъ воспрещено было вовсе составлять подобные акты. Далѣе, кабальныя записныя книги должны были пересылаться изъ городовъ въ Москву воеводами, приказными людьми и губными старостами „за своими же руками, а не за печатьми ежегодь" [3]).

Итакъ, въ Уложеніи мы находимъ цѣлый рядъ мѣропріятій, посредствомъ которыхъ правительство стремится оградить разные документы отъ возможныхъ посягательствъ на подлинность ихъ, но на ряду съ ними установляются и карательныя послѣдствія за учиненіе подлога. Въ этомъ отношеніи Уложеніе представляетъ слѣдующую картину.

---

[1]) Уложеніе гл. X, ст. 13.

[2]) „А будетъ кто у кого занявъ денегъ, или иного чего, заемную память напишетъ на себя самъ своей рукой или ту память велитъ на себя написать человѣку своему, а самъ къ той памяти руку приложитъ, и такимъ заемнымъ памятямъ вѣрить и судъ по нихъ давати". (Уложеніе гл. X, ст. 246).

[3]) Уложеніе гл. XX, ст. 73.

Оно не знаетъ общаго понятія подлога, какъ рода, не знаетъ также и одного объединяющаго понятія подлога документовъ. Хотя оно и содержитъ особую главу, посвященную подлогу документовъ, главу IV, озаглавленную „о подпищикахъ и которые печать поддѣлываютъ“, но здѣсь говорится только объ одномъ видѣ подлога документовъ, о „подпискѣ“, о другихъ же рѣчь идетъ въ иныхъ мѣстахъ Уложенія, причемъ разница между этими видами, заключаясь въ неодинаковой наказуемости ихъ, представляется кромѣ того разницей и по существу.

§ 6. Постановленія главы IV заимствованы, какъ это можно будетъ видѣть ниже, изъ Литовскаго Статута, вслѣдствіе чего необходимо коснуться постановки вопроса о подлогѣ въ этомъ памятникѣ. При этомъ мы будемъ имѣть въ виду только текстъ Литовскаго статута 1588 г. (третьей редакціи), такъ какъ въ первой редакціи (1529 г.) имѣется только слѣдующее краткое постановленіе о подлогѣ: „Коли бы хто листы або печати наши фальшовалъ або ихъ ведомо поживалъ, таковой маетъ кажды каранъ быти фалшеръ огнемъ“ [1]); такимъ образомъ здѣсь говорится только о подлогѣ королевскихъ документовъ и печатей и о завѣдомомъ употребленіи подложнаго и опредѣляется въ наказаніе смертная казнь посредствомъ сожженія.

Напротивъ, Литовскій статутъ третьей редакціи 1588 г. (разд. I арт. 16) содержитъ довольно развитое ученіе о подлогѣ документовъ, помѣщая это преступленіе въ особую главу подъ названіемъ: „кто бы листы або печати наши и врядовыя ѳальшовалъ, чимъ маеть быти каранъ“, и предусматриваетъ слѣдующіе виды подлога: 1) подлогъ королевскихъ документовъ и печатей, въ частности подлогъ грамотъ и привилегій, совершенный посредствомъ поддѣлки подписи короля и высшихъ чиновъ государства [2]); 2) вырѣзываніе и

---

[1]) Временникъ Имп. Москов. Общ. Исторіи и древн. россійскихъ 1854 г. кн. 18,

[2]) „Колибы хто листы або печати ѳальшовалъ, або на къ шталътъ (на подобіе) руки нашое; такъ тежъ канъцлера, подъканцлерого и

храненіе у себя настоящихъ королевскихъ печатей и печатей государственныхъ учрежденій (врядовъ нашихъ), равно какъ и пользованіе ими[1]); 3) подложное измѣненіе подлинныхъ документовъ разнаго рода, не имѣющихъ общегосударственнаго значенія, но пользующихся значеніемъ въ сферѣ правового оборота вообще; изъ числа этихъ документовъ упоминаются „выписи врядовые" („выписи судовые", по переводу 1811 г.), завѣщанія, записи, росписи, долговыя обязательства (обращеніе ихъ въ закладныя); сюда же относятся измѣненіе судебныхъ печатей и снятіе печатей съ однѣхъ бумагъ и прикладываніе къ другимъ; условіемъ совершенія этихъ преступленій является умыселъ, направленный на личное обогащеніе и на причиненіе вреда другимъ[2]); 4) пользованіе наслѣдникомъ завѣдомо подложными документами, доставшимися ему въ наслѣдство[3]).

писаровъ нашихъ, дворныхъ, земъскихъ, кгродъскихъ и подъкоморскихъ того паньства великого князства литовъскаго листы альбо привилья якие змысливши, подписовалъ".

1) „Або хто бы тежъ печати наши и врядовъ нашихь собе рылъ (sobie ryl), и у себе ихъ ховалъ, и ихъ уживалъ".

2) „Естли бы тежъ хто печати и выписи врядовые переправовалъ тестаменты, записы, церографы, на долги листы на заставы фальшовалъ, або отбираючи печати отъ листовъ ку другимъ прикладывалъ ку помоги и ку пожитку собе и ку шкоде стороны своe противное".

3) „А хто бы листы фальшованные на якую рѣчь набытую оказалъ, которые бы по чией смерти зъ именьемъ (съ имѣньемъ) або шчимъ кольвекъ до рукъ пришли, и за такими листы чого уживалъ (въ русскомъ переводѣ—и по такимъ письмамъ чѣмъ ни на есть владѣетъ), або еще доискивалъ се, тотъ близшій присягнути на томъ, ижъ такие листы по смерти тыхъ, отъ которыхъ се ему достали зъ именьемъ, або которого кольвекъ речью достался, и за тымъ то стороне почтивости и горлу шкодить не будеть. А о тую речь о што право идеть, передъ се можеть мовити и правомъ поступовати, и ку листомъ мовити естли будуть противъ праву, але недотъкливе, а гдѣ бы хто присягнути на томъ не хотелъ, тогды яко именье и каждую речь, на што тые листы служать, тратить, такъ и самъ горломъ каранъ быти маеть".

Наказаніемъ опредѣленнымъ за подлогъ документовъ, была смертная казнь: „на горле огнемъ каранъ быти маеть“ или просто „горломъ каранъ быти маеть“, какъ говоритъ Статутъ; кромѣ того виновный въ наказаніе терялъ то дѣло, о которомъ рѣчь шла въ подложномъ документѣ.

Рядомъ съ подлогомъ документовъ въ слѣдующемъ артикулѣ „о фальшованью монетъ, о мынцахъ и золотарохъ“, въ Статутѣ была предусмотрѣна поддѣлка монеты. Изъ того обстоятельства, что оба эти преступныя дѣянія разсматриваются рядомъ другъ съ другомъ, при извѣстномъ внутреннемъ сходствѣ между ними, слѣдуетъ вывести заключеніе, что законодатель видѣлъ въ нихъ родственныя понятія, вслѣдствіе чего и считалъ нужнымъ говорить о нихъ рядомъ другъ съ другомъ; эта точка зрѣнія здѣсь является впервые въ нашемъ законодательствѣ и затѣмъ переносится изъ Литовскаго Статута въ Уложеніе 1649 г.: законодатель считаетъ болѣе всего умѣстнымъ говорить о поддѣлкѣ монеты сейчасъ же вслѣдъ за подлогомъ документовъ, въ чемъ нельзя не признать возможности наличности представленія у него о внутренней связи, существующей между этими преступными дѣяніями.

Таковы постановленія Литовскаго Статута о подлогѣ. Нельзя не замѣтить, что постановленія эти отличаются сравнительной стройностью, что они приведены въ опредѣленную систему, и что документы, подлогъ которыхъ разсматривается въ этомъ памятникѣ, имѣютъ характеръ средствъ удостовѣренія юридическихъ отношеній и являются самостоятельнымъ объектомъ преступленія. По наказуемости здѣсь различаются подлогъ документовъ, имѣющихъ обще-государственное значеніе, и подлогъ документовъ меньшей важности публичныхъ и частныхъ, куда относится подлогъ завѣщаній, долговыхъ росписокъ и т. д. Для состава преступленія со стороны внутренней требуется наличность умысла; со стороны внѣшней достаточенъ моментъ составленія подложнаго документа, дальнѣйшаго его употребленія не требуется; пользованіе же завѣдомо подложнымъ документомъ, составленнымъ другими лицами, представляетъ самостоятельное посягательство. Благодаря та-

кой конструкціи, подлогъ документовъ не смѣшивается здѣсь съ имущественными преступленіями.

Какъ же отнеслось Уложеніе 1649 г. къ этимъ постановленіямъ Статута?

Стоитъ только сравнить гл. IV Уложенія съ прежнимъ нашимъ законодательствомъ о подлогѣ и съ постановленіями, содержащимися въ разд. I арт. 16 Статута, чтобы убѣдиться въ томъ, что тѣхъ положеній, которыя здѣсь устанавливаетъ Уложеніе, раньше у насъ не было и что они, очевидно, заимствованы изъ Статута, хотя заимствованіе это вовсе не показано въ числѣ другихъ, на которыя есть ссылка въ одномъ изъ первыхъ списковъ Уложенія.

Какъ уже выше указывалось, Уложеніе, принявъ нѣкоторыя положенія о подлогѣ изъ Статута, въ то же время, слѣдуя Судебнику, предусматриваетъ еще отдѣльно должностной подлогъ, а также иные виды подлога, частью упоминавшіеся въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику, частью ранѣе не предусмотрѣнные въ законѣ,— благодаря чему постановленія его носятъ неоднородный характеръ. Но, беря свои постановленія изъ Статута, Уложеніе не заимствовало всѣхъ видовъ подлога, которые зналъ этотъ памятникъ, а такъ какъ тѣ новые виды этого преступленія, которые впервые были предусмотрѣны въ Уложеніи, не соотвѣтствовали всѣмъ остальнымъ видамъ его, содержавшимся въ Статутѣ, то получилось то, что Уложеніе сузило предѣлы этого преступленія, очевидно, не понявъ вполнѣ сущности постановленій Статута; вслѣдствіе этого его опредѣленія менѣе совершенны, чѣмъ опредѣленія Статута; такъ, по Уложенію остался вовсе не предусмотрѣннымъ подлогъ частныхъ документовъ, составленныхъ безъ участія должностныхъ лицъ.

§ 7. Виды подлога документовъ, предусмотрѣнные Уложеніемъ, слѣдующіе.

1) Подлогъ документовъ, имѣющихъ наиболѣе важное значеніе,—подлогъ въ государевыхъ грамотахъ и приказныхъ письмахъ [1]). Преступленіе заключается: а) въ составленіи

[1]) Улож. глав. IV, ст. 1—4.

подложныхъ документовъ отъ имени государя („будетъ кто грамоту отъ Государя напишетъ самъ себѣ воровски“), — сюда входитъ главнымъ образомъ поддѣлка подписи государя; б) въ передѣлкѣ подлинной государевой грамоты или приказныхъ писемъ безъ государева указа и боярскаго приговору („или въ подлинной Государевѣ грамотѣ и въ иныхъ какихъ приказныхъ письмахъ что переправитъ своимъ вымысломъ мимо государева указу и боярскаго приговору“); приказныя письма, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь,—прежде всего рѣшенія, постановлявшіяся приказами, а затѣмъ вообще всякіе документы, исходившіе изъ приказовъ и поставленные подъ особую охрану законовъ въ виду важнаго значенія въ государственной жизни этихъ учрежденій,—разнаго рода наказы, дававшіеся приказами и т. п.; в) въ составленіи подложныхъ приказныхъ писемъ („или будетъ кто учнетъ какія писма воровствомъ же наряжати и приказныя письма переправляти мимо государева указу“); г) въ поддѣлкѣ подписи думныхъ и приказныхъ людей и подъячихъ („или думныхъ и приказныхъ людей и подьяческія руки подпишетъ“); судя по размѣрамъ наказанія и по соотношеніи съ другими статьями Уложенія, здѣсь рѣчь идетъ о поддѣлкѣ подписей въ названныхъ выше документахъ, причемъ указывается не особый видъ подлога, а только особый способъ его совершенія подобно тремъ предыдущимъ.

2) Дѣянія, направленныя противъ государевой печати: а) поддѣлка ея („или здѣлаетъ у себя такову, каковая Государева печать“), б) приложеніе подлинной государевой печати, отрѣзанной отъ другихъ документовъ, къ подложнымъ документамъ („а будетъ кто воровствомъ же учнетъ отымати Государевы печати отъ Государевыхъ грамотъ или отъ иныхъ какихъ приказныхъ писемъ и тѣ государевы печати учнетъ къ инымъ какимъ воровскимъ письмамъ прикладывати“).

3) Пользованіе завѣдомо подложными документами [1]), при-

---

[1]) Въ Уложеніи (ст. 3 гл. IV) приводится тотъ случай, когда эти документы были составлены другими лицами, затѣмъ умершими, и

чемъ не самый фактъ держанія у себя этихъ документовъ обложенъ былъ наказаніемъ, а моментъ употребленія ихъ („учнутъ по тѣмъ писмамъ о какомъ дѣлѣ Государю бити челомъ") [1]).

Всѣ перечисленные только что случаи подлога документовъ являются въ Уложеніи впервые въ нашемъ законодательствѣ и въ общемъ соотвѣтствуютъ тѣмъ видамъ, которые были предусмотрѣны въ Статутѣ.

Наказаніе, которымъ обложены были эти случаи подлога,—смертная казнь. Эта строгость наказанія, опредѣленнаго за поддѣлку государевыхъ грамотъ, объясняется тѣмъ, что въ подобной поддѣлкѣ видѣли посягательство на верховныя права государя, и эта точка зрѣнія особенно становится понятной, если обратить вниманіе на то, что даже такой случай, какъ неумышленная подрѣзка зашивки на царской грамотѣ, была обложена битьемъ батогами [2]); точно также въ виду важнаго общегосударственнаго значенія, которымъ пользовались документы, относившіеся къ дѣятельности приказовъ, подлогъ ихъ приравнивался по наказанію подлогу государевыхъ грамотъ [3]),

---

достались въ руки наслѣдниковъ, которые и воспользовались ими, зная о ихъ подложности. Но если эти лица не знали, что документы подложны („нарядные письма"), то они освобождались отъ наказанія, хотя грамоты и теряли въ этомъ случаѣ свою силу.

[1]) Линовскій. Изслѣдованіе началъ уголовнаго права, изложенныхъ въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича. 1847 г. стр. 24.

[2]) Отписка царицынскаго воеводы Романа Вельяминова-Зернова астраханскому воеводѣ князю Петру Хованскому 28 мая 1694 г.— А. И. т. V, № 236; см. также указъ 14 авг. 1658 г. (П. С. З. № 233) о наказаніи кнутомъ подъячаго за „прописку" (т. е. описку) государева наименованія; указъ 26 сент. 1663 г. опредѣляетъ за тотъ же проступокъ губному старостѣ недѣльное тюремное заключеніе. П. С. З. № 351.

[3]) Впрочемъ надо замѣтить, что судебная практика XVII вѣка стремилась подводить подъ виды болѣе тяжкаго подлога вообще случаи подлога документовъ, исходящихъ отъ учрежденій и лицъ, занимавшихъ въ государствѣ особое положеніе, хотя бы это и не былъ приказъ, какъ можно это вывести, напр. изъ одного памятника нашей

между тѣмъ какъ подлогъ должностной и подлогъ документовъ частнаго характера, составлявшихся при участіи должностныхъ лицъ, влекъ за собой сравнительно менѣе тяжкія наказанія, напр. битье кнутомъ, помѣщеніе въ тюрьму и т. д.

Принявъ во вниманіе эту разницу въ наказаніяхъ относительно отдѣльныхъ видовъ подлога, можно вполнѣ утверждать, что въ гл. IV, судя даже по мѣсту, ею занимаемому, Уложеніе имѣло въ виду подлогъ только тѣхъ документовъ, которые исходили отъ лица государя или важнѣйшихъ должностныхъ лицъ. Уложеніе не воспроизвело цѣликомъ всей ст. 2 арт. 17 разд. I Литовскаго Статута, гдѣ рѣчь шла о подлогѣ и иныхъ документовъ, напр. долговыхъ росписокъ и т. д., словомъ, такихъ, — гдѣ имѣлись на лицо подписи и печати частныхъ лицъ, а не должностныхъ. Едва ли въ словахъ ст. 2, гл. IV Улож.: „будетъ кто учнетъ какія письма воровствомъ же наряжати" идетъ рѣчь о подлогѣ частныхъ документовъ; это выраженіе должно быть соединено со слѣдующими словами: „и приказныя письма переправливати мимо Государеву указу", такъ какъ между этими двумя частями фразы существуетъ

судебной практики (Д. А. И. т. XII, № 64), озаглавленнаго „Докладная выписка изъ дѣла Новгородскаго Приказа 1687 года, о бывшихъ подъячемъ и приставѣ патріаршаго разряда и подъячемъ Приказа Новой Четверти, сосланныхъ въ Сибирь за разныя преступленія, 1690 г. іюля 6-го, Коземкѣ Никифоровѣ, Тимошкѣ Короваевѣ и Гришкѣ Спицынѣ".

Дѣло это интересно и въ томъ отношеніи, что изъ него видно, какъ обыкновенно учинялся подлогъ документовъ въ прежнія времена и какіе необходимо было тогда употреблять пріемы для того, чтобы придать документу видъ подлиннаго. Въ показаніи перваго изъ обвиняемыхъ мы читаемъ: „И написалъ де онъ Коземка наказъ а въ томъ наказѣ написалъ себя подъячимъ, а Тимошку приставомъ, бутто они посланы отъ великаго господина святѣйшаго Іоакима, патріарха Московскаго и всей Россіи, въ Кевролу и на Мезень досматривать благочиніе, а приложилъ де къ тому наказу печать, срѣзавъ съ грамоты нижегородскаго митрополита, а подписывалъ де наказъ имянемъ патріарша дьяка Тимофея Симоновскаго товарищъ его Тимошка; а грамоту взяли они въ Нижнемъ у Филарета мит-

тѣсная связь. Иначе, если разумѣть здѣсь подъ „письмами" всякаго рода акты, которые не были предусмотрѣны въ другихъ мѣстахъ Уложенія, а такими являются, какъ увидимъ ниже, документы частнаго характера, составленные безъ участія должностныхъ лицъ, то придется установить то несообразное и мало вѣроятное положеніе, что подлогъ документовъ частнаго характера, составляемыхъ при участіи должностныхъ лицъ, наказывается легче, чѣмъ подлогъ указанныхъ документовъ. Понимать же подъ „письмами" всякіе вообще документы представляется здѣсь невозможнымъ потому, что тогда окажется, что за одно и то же дѣяніе будетъ положено два наказанія, такъ какъ подлогъ документовъ частнаго характера, составленныхъ при участіи должностныхъ лицъ, предусмотрѣнъ особо; единственнымъ исходомъ изъ этого затрудненія и правильнымъ разрѣшеніемъ его является предположеніе о томъ, что подъ „письмами" разумѣются здѣсь только „приказныя письма".

Такимъ образомъ мы полагаемъ, что Уложеніе не имѣло вовсе въ виду въ главѣ IV подлога частныхъ документовъ.

рополита, чѣмъ бы имъ этотъ воровской наказъ запечатать... и по тому воровскому наказу у священниковъ писали сказки о книгахъ и о неправленіи церковномъ, затѣявъ, чтобъ тѣмъ пріобрѣсть себѣ корысть и взяли съ осми приходовъ у священниковъ 8 рублевъ, а сказки изодрали". Кромѣ того Коземка повинился въ другомъ подлогѣ: „какъ онъ сидѣлъ въ патріаршемъ разрядѣ въ подьячихъ и патріарша же разряду приставъ Мишка Юршаковъ написалъ воровскую наказную память, а въ той воровской наказной памяти его Коземку написалъ подьячимъ, а себе Мишку приставомъ"; содержаніе ея заключалось въ томъ, что „имъ ѣхать въ Нижній-Новгородъ по крестьянина по Игнашку Корабля, что онъ Игнашко на четвертой женѣ женатъ, и ту де воровскую наказную память подписалъ вмѣсто келаря духовныхъ дѣлъ тотъ же приставъ Мишка... а печати отрѣзалъ Мишка отъ прямого наказу, каковъ ему Мишкѣ данъ былъ объ одномъ дѣлѣ, и приклеилъ ее воровски—и ѣздили они къ Игнашкѣ и взяли съ него по пяти рублевъ, а его къ Москвѣ не взяли". Кромѣ того, какъ возвращались они изъ Нижняго, „и той де воровской наказной памяти верхній столбецъ переписалъ приставъ Мишка жъ, а написалъ, что бутто въ дворцовомъ селѣ

Въ нашей литературѣ высказываются по этому вопросу иные взгляды. Такъ, напр. Владимірскій - Будановъ въ своей статьѣ „Отношеніе между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ Царя Алексѣя Михайловича“ [1]) указываетъ на то, что въ главѣ IV Уложенія предусматривался какъ подлогъ государственныхъ грамотъ и печатей, такъ и простой подлогъ частныхъ актовъ. Точно также проф. Латкинъ [2]) замѣчаетъ вообще, что гл. IV говоритъ „о составленіи фальшивыхъ грамотъ, актовъ и др. бумагъ, а также о составленіи фальшивыхъ подписей и о поддѣлкѣ печатей“, слѣдовательно, не о подлогѣ только государственныхъ и приказныхъ писемъ. Но взгляды эти представляются совершенно голословными, и только что упомянутые авторы въ подтвержденіе ихъ никакихъ доказательствъ не приводятъ.

Останавливаясь на выясненіи общаго состава подлога этого вида, необходимо прежде всего замѣтить, что субъектомъ его является всякое лицо—не только должностное, такъ какъ относительно этого момента состава преступленія никакихъ ограниченій въ законѣ не установлено. Далѣе, для состава пре-

---

Даниловскомъ съ деревнями у поповъ пересмотрѣть имъ старыхъ служебниковъ, въ селѣ де Даниловскомъ съ деревнями только осмотрѣли служебниковъ у двухъ церквей и взяли себѣ съ поповъ три рубля“. Изъ дѣла далѣе видно, что былъ допрошенъ Мишка Юршаковъ, который всю вину слагалъ съ себя и уличалъ Коземку, но впослѣдствіи онъ во всемъ признался. Ихъ приговорили на основаніи гл. 4 Улож. къ смерти, но они были помилованы: „отсѣчь у правыхъ рукъ по два перста, да ихъ же бить кнутомъ нещадно и сослать ихъ въ Сибирь съ женами и дѣтьми на пашню на вѣчное житье“.

Такимъ образомъ и этотъ видъ подлога—поддѣлка патріаршаго наказа, не предусмотрѣнный въ Уложеніи, подводился подъ гл. 4 Уложенія, такъ какъ этому документу придавалось особое важное значеніе; быть можетъ, въ виду того, что дѣяніе это прямо не было предусмотрѣно Уложеніемъ, и наказаніе за него назначено было смягченное.

[1]) Сбор. Госуд. Знаній подъ ред. Безобразова т. IV, стр. 11

[2]) Латкинъ. Лекціи стр. 130 и 166.

ступленія требуется наличность написанія подложнаго документа или передѣлки подлиннаго, дальнѣйшаго употребленія этого документа не требуется; пользованіе же другими завѣдомо подложнымъ документомъ считается самостоятельнымъ видомъ подлога. Наконецъ, подлогу документовъ приравнивается поддѣлка печатей, такъ какъ документъ обыкновенно скрѣплялся приложеніемъ печати, и фактъ поддѣлки ея давалъ поводъ предполагать намѣреніе даннаго лица совершить подлогъ документа; здѣсь приготовительное дѣйствіе приравнивалось по наказуемости окончательному дѣянію.

§ 8. Что же касается тѣхъ случаевъ подлога документовъ, которые Уложеніе заимствовало изъ Судебника, дополнительныхъ къ нему статей и послѣдующихъ законодательныхъ памятниковъ, то въ этомъ отношеніи можно указать на слѣдующія дѣянія.

1) Составленіе подъячими, по приказанію дьяка, невѣрнаго судебнаго рѣшенія („не такъ какъ въ судѣ было"); данное постановленіе заимствовано изъ Судебника, только тамъ отдѣльно предусматривался подлогъ со стороны дьяка и со стороны подъячаго, о соучастіи же рѣчи не было и даже напротивъ тамъ въ поступкѣ подъячаго подчеркивалось то, что онъ дѣло запишетъ не по суду „безъ дьячего приказа"; благодаря же конструкціи Уложенія дѣяніе подъячаго, самостоятельно учинившаго подлогъ, въ законѣ не предусматривалось, зато составъ преступленія со стороны внутренней въ Уложеніи получаетъ большее развитіе: въ то время, какъ въ Судебникѣ имѣлась въ виду только корыстная цѣль (изъ посулу) лица, учинившаго подлогъ, въ Уложеніи приводятся иные мотивы: о дьякѣ говорится, что онъ совершаетъ преступленіе, „норовя кому посуломъ, или по дружбѣ, или кому мстя недружбу" [1]).

---

[1]) Преступленіе это описано въ Уложеніи такъ: „А который дьякъ норовя кому посуломъ, или по дружбѣ или кому мстя недружбу, велитъ судное дѣло подъячему написать не такъ, какъ въ судѣ было и какъ въ прежней запискѣ за исцовою и за отвѣтчиковою рукою написано, и по тому діячему приказу, подъячей то судное дѣло напишетъ недѣломъ" (Улож. гл. X, ст. 12).

Наказаніе за подлогъ было установлено здѣсь въ слѣдующей постепенности: для дьяка—торговая казнь, битье кнутомъ и лишеніе должности („во дьяцехъ не быти“), а для подъячаго—отсѣченіе руки. Это постановленіе Уложенія представляетъ важное нововведеніе въ томъ отношеніи, что впервые здѣсь въ нашемъ законодательствѣ упоминается, какъ наказаніе за подлогъ, отсѣченіе руки.

2) Составленіе обыскными людьми своихъ обыскныхъ рѣчей завѣдомо ложно [1]). Это дѣяніе было предусмотрѣно раньше въ одной изъ дополнительныхъ статей къ Судебнику, [2]) и разница между постановленіями относительно его въ первомъ и во второмъ случаѣ сводилась къ разницѣ въ наказаніяхъ. Наказаніе по Уложенію было неопредѣленное („а будутъ они, обыскные люди, въ обыску скажутъ не по правдѣ, и имъ за то быти отъ Государя въ великой опалѣ и въ казни“), между тѣмъ какъ раньше оно точно опредѣлялось (кнутъ).

Что же касается другихъ видовъ подлога, предусмотрѣнныхъ въ Уложеніи, то это или совершенно новые виды, неизвѣстные прежнему законодательству, или же такіе, о которыхъ мимоходомъ упоминалось въ разныхъ указахъ, но за которые наказанія установлено не было.

Здѣсь прежде всего надо упомянуть о составленіи подложной заемной кабалы или иной какой крѣпости на извѣстное лицо; какъ это дѣяніе описано въ Уложеніи [3]), оно имѣетъ довольно оригинальную конструкцію и является, собственно говоря, только приготовленіемъ къ вымогательству подписи на уже написанномъ подложномъ документѣ, „а будетъ кто умысля воровски, говорится въ Уложеніи, и стакався съ площадными подъячими, напишетъ на кого въ большомъ долгу заемную кабалу или иную какую крѣпость въ большомъ дѣлѣ за очи и написавъ ту крѣпость зазоветъ его къ себѣ или къ иному къ кому на дворъ и велитъ ему къ той крѣпости руку приложить,... да будетъ сыщется, кто на кого возьметъ какую

[1]) Улож. гл. X, ст. 161 и 163.

[2]) См. объ этомъ выше стр. 224.

[3]) Улож. гл. X, ст. 251.

крѣпость нарядным дѣломъ по неволѣ, и такимъ людемъ кто такія крѣпости учнетъ имати по неволѣ, чинити жестокое наказаніе, бити ихъ кнутомъ нещадно при многихъ людѣхъ, чтобы имъ и инымъ такимъ впредь неповадно было такъ воровати. Да на нихъ же велѣть тѣмъ людемъ, на которыхъ они такіе воровскіе крѣпости здѣлаютъ правити бесчестье. Да ихъ же за ту вину сажати въ тюрьму на полгода". Площадные подъячіе, которые составляли эту крѣпость („учнуть писати воровство за очи"), подвергались отсѣченію руки, свидѣтели же, присутствовавшіе при составленіи подобнаго документа („а кто въ такіе крѣпости учнетъ воровствомъ же въ послухахъ писатися"), наказывались кнутомъ по торгамъ, а затѣмъ сажались въ тюрьму, насколько государь укажетъ.

Какъ видно изъ приведенной статьи, здѣсь центръ тяжести лежалъ не въ томъ, что составленъ былъ подложно документъ, а въ томъ, что подпись на этомъ документѣ была получена насиліемъ („кто такія крѣпости учнетъ имати по неволѣ"). Съ современной точки зрѣнія здѣсь со стороны лица, вымогающаго подпись, учиненія подлога признать нельзя, а со стороны подъячихъ и свидѣтелей можно видѣть только покушеніе на подлогъ, такъ какъ они составляли лишь проектъ документа, потому что документъ, не подписанный никѣмъ, не имѣетъ еще юридическаго значенія; но съ точки зрѣнія составителей Уложенія 1649 г. въ послѣднемъ случаѣ наличность подписи особенной роли не играла, такъ какъ уже за самый фактъ написанія подложнаго текста было установлено для подъячихъ наказаніе. Существеннымъ условіемъ подлога этого вида является то, что документъ, о которомъ идетъ рѣчь, хотя и частнаго характера, но составленъ при участіи должностныхъ лицъ; эта статья не предусматривала подлога документовъ, составляемыхъ безъ ихъ участія, и для наличности состава преступленія требовала соглашенія между лицомъ, вымогающимъ подпись на подложномъ документѣ, и тѣмъ должностнымъ лицомъ, которое писало его. Постановленіе этой статьи представляется безспорно новымъ, такъ какъ, хотя дополнительныя статьи къ Судебнику и упоминаютъ

вскользь о подделкѣ заемной памяти и кабалы, но онѣ вовсе не касаются наказанія за это дѣяніе [1]).

Далѣе въ Уложеніи говорится о подлогѣ другихъ документовъ: 1) документовъ, касающихся движимаго имущества, куда относятся: а) составленіе подложныхъ служилыхъ кабалъ при помощи подставныхъ лицъ („а которые люди учнутъ на кого имати кабалы воровски за очно подставкою... и кто кабалу возметъ подставкою, а сыщется про то допряма, и тѣмъ людемъ зато чинити наказаніе — бити кнутомъ") [2]), б) ложное удостовѣреніе, сдѣланное на кабалѣ о томъ, что она записана въ книги; наказаніе въ этомъ случаѣ ближе не опредѣлялось („а тому, кто на кабалѣ подпишетъ, что кабала въ книги записана, а въ книги не запишетъ, за то учинити наказаніе, что государь укажетъ") [3]); 2) документовъ на имущество недвижимое—здѣсь рѣчь идетъ а) о продажѣ виновнымъ своего недвижимаго имущества (вотчинъ) двумъ лицамъ порознь съ сокрытіемъ первой продажи въ книгахъ помѣстнаго приказа—за это было положено наказаніе кнутомъ („за такое же воровство, что онъ одну свою вотчину двумъ продалъ, учинити наказаніе, велѣть его при многихъ людехъ, у приказу бить кнутомъ нещадно, что бы на то смотря инымъ не повадно было такъ дѣлати") [4]); б) о составленіи подложной купчей или закладной на чужую вотчину по стачкѣ съ тѣмъ, на чье имя она продается, или кому она закладывается. „А будетъ кто воровствомъ продастъ, говорится въ Уложеніи [5]), или заложитъ чью чужую родовую или выслуженную или купленную вотчину и въ купчей или въ закладной напишетъ въ продавцѣхъ того, чья та вотчина, да съ нимъ себя, и руку въ того мѣсто, чья та вотчина и въ свое мѣсто къ купчей, или къ

---

[1]) См. выше стр. 226.

[2]) Улож. гл. XX, ст. 23. Объ этомъ, должно быть, говорится и въ указѣ 24 авг. 1676 г. (А. Э. т. IV № 214) „а иные поддѣлывали воровскія заочно кабалы".

[3]) Улож. гл. XX, ст. 28.

[4]) Улож. гл. XVII, ст. 34.

[5]) Улож. гл. XVII, ст. 35.

закладной приложитъ заочно и въ книгѣ въ помѣстномъ приказѣ ту купчую или закладную вотчину запишетъ по стачкѣ съ тѣмъ, кому онъ ту вотчину продастъ или заложитъ"; виновный въ этомъ подвергался наказанію кнутомъ и долженъ былъ возмѣстить убытки, причиненные отъ продажи вотчины; вотчина же возвращалась назадъ къ ея собственнику; слѣдующая статья Уложенія (36) болѣе отчетливо указываетъ на составъ этого преступленія: „а будетъ кто къ вотчинной купчей или къ закладной въ чье мѣсто руку приложитъ за очи воровски и сыщется про то допряма, и тому потому же учинити жестокое наказаніе, велѣти его бити кнутомъ нещадно".

Таковы всѣ постановленія Уложенія 1649 г. о подлогѣ документовъ [1]): въ нихъ мы находимъ довольно развитое ученіе объ этомъ преступленіи, причемъ изъ всѣхъ приведенныхъ случаевъ видно, что вездѣ здѣсь рѣчь идетъ о подлогѣ документовъ, понимаемыхъ, какъ средство засвидѣтельствованія жизненныхъ моментовъ юридическихъ отношеній или имѣющихъ правовое значеніе событій.

Эти документы являются или документами публичными, или же частными, но составленными при участіи должностныхъ лицъ; Уложеніе 1649 г. молчитъ совершенно о подлогѣ документовъ частныхъ, составленныхъ безъ ихъ участія. Этотъ видъ подлога остался здѣсь не предусмотрѣннымъ [2]). Судебная практика прошлаго столѣтія, встрѣтясь съ подобными случаями подлога, подводила ихъ подъ упомянутую выше ст. 25 гл. X Уложенія, говорящую о подлогѣ кабалъ и крѣпостей, составленныхъ при участіи должностныхъ лицъ [3]),

---

[1]) Линовскій в. с. стр. 34, насчитываетъ еще нѣсколько случаевъ подлога по службѣ по Уложенію, которые, однако, съ подлогомъ имѣютъ весьма мало общаго; таковы, напр. выносъ дѣлъ изъ приказа для какой-нибудь хитрости, невписаніе подъячимъ суднаго дѣла въ книги, установленныя въ каждомъ приказѣ для записки судебныхъ пошлинъ, для того, чтобы самому воспользоваться ими.

[2]) Въ этомъ смыслѣ высказывается и проф. Фойницкій. Мошенничество, стр. 34.

[3]) См. по этому поводу рѣшеніе Сената по дѣлу Чечулина, относящемуся къ 1743 г. о подлогѣ векселя. (П. С. З. № 10023.)

хотя преступленіе, тамъ предусмотрѣнное, вовсе не соотвѣтствовало даннымъ случаямъ и представляло совершенно оригинальную конструкцію.

Въ отношеніи остальныхъ элементовъ состава преступленія можно замѣтить, что подлогъ въ Уложеніи считается совершившимся съ момента учиненія поддѣлки; дальнѣйшаго употребленія поддѣльнаго не требуется. Относительно внутренней стороны преступленія по прежнему особыхъ постановленій не содержится; видно только, что законодатель признаетъ мотивомъ преступленія не только корысть, но и другія побужденія.

§ 9. Что касается нашего послѣдующаго законодательства до Воинскаго Устава 1716 г., развивавшагося путемъ отдѣльныхъ указовъ, то оно не представляетъ особенно важныхъ постановленій о подлогѣ документовъ. Постановленія эти только дополняли Уложеніе и сообразно съ представлявшимися случаями дѣйствительной жизни, въ законѣ не предусмотрѣнными, разрабатывали казуистически сущность отдѣльныхъ видовъ подлога документовъ.

Какъ и въ предыдущую эпоху, здѣсь наряду съ мѣрами карательными противъ подлога, установляются и мѣры предупредительнаго характера по отношенію къ нему. Общая черта всѣхъ ихъ выражается въ томъ, что правительство стремится путемъ ихъ ввести строгую отчетность при составленіи документовъ: оно требуетъ всюду именныхъ указаній лицъ, составлявшихъ ихъ, требуетъ подписи всѣхъ тѣхъ, черезъ руки которыхъ проходятъ документы; такъ, оно приказываетъ присылать къ государю отписки и всякія дѣла, „закрѣпя по ставамъ (склейкамъ), а тетради по листамъ", и подтверждаетъ высказывавшееся и прежде требованіе, чтобъ дѣла присылались „за воеводскими или же за дьячими и подьяческими руками" [1]).

Законодатель въ эту эпоху вообще немало заботится о соблю-

---

[1]) Царская грамота Верхотурскому воеводѣ Димитрію Протасьеву 5 мая 1697 г. А. И. т. V, № 266; тоже подтверждается указомъ 30 дек. 1695 г. П. С. З. № 1527.

денiи разныхъ формальностей при составленiи письменныхъ актовъ, полагая между прочимъ, что такими мѣрами можно предупредить подлоги. Такъ, указъ 2 авг. 1688 г. [1]) постановляетъ, что если дьяки будутъ подписывать такiя памяти, у которыхъ „печати не написаны“, то печатныя пошлины и челобитчиковые убытки доправлены будутъ на дьякахъ, а если подьячiе по такимъ памятямъ учнутъ ѣздить, то имъ учинено будетъ наказанiе. Указъ 9 авг. 1691 г. [2]) говоритъ, что въ случаѣ, если по какому нибудь дѣлу происходитъ сыскъ, то сыщики должны каждаго человѣка допрашивать отдѣльно, а не за очи, и руки прикладывати велѣть при себѣ—„а къ порозжимъ столбцамъ рукъ прикладывать, также и на заручныхъ столбцахъ обысковъ писать отнюдь не велѣть, чтобъ отъ того въ обыскѣхъ воровства и многимъ людямъ разоренiя не было“. За это положено быть отъ великихъ государей въ пенѣ и въ жестокомъ наказанiи и въ разоренiи, а помѣстья и вотчины ихъ отбирались на великихъ государей и отдавались въ раздачу безповоротно. Эта мѣра, по всей вѣроятности, имѣла въ виду предупредить злоупотребленiе бланковой подписью. Указомъ 9 дек. 1699 г. установляется правило о томъ, чтобы крѣпости писались не площадными дьяками, какъ было по Уложенiю, а въ Помѣстномъ приказѣ подъячими добрыми съ вѣдома того приказа судей; кромѣ того повелѣно было въ Приказѣ завести особыя записныя книги за дьячими руками о всякой сдѣлкѣ съ тѣмъ, чтобы къ записи прикладывали свои руки совершавшiе сдѣлки [3]). Въ 1699 г. 23 янв. вводится обязательное употребленiе гербовой бумаги при писанiи крѣпостей [4]). Наказъ подъячимъ о писанiи крѣпостей 7 марта 1701 г. [5]) указываетъ,

[1]) П. С. З. № 1307.

[2]) П. С. З. № 1412.

[3]) П. С. З. № 1732; впрочемъ, затѣмъ указомъ 30 янв. 1701 г. (П. С. З. № 1833) было приказано писать крѣпости въ палаткѣ Ивановской площади въ Москвѣ, а не въ приказахъ.

[4]) П. С. З. № 1673.

[5]) П. С. З. № 1838.

какъ писать крѣпости и какія формальности слѣдуетъ при этомъ соблюдать. Указомъ 6 окт. 1707 г. [1]) выставляется требованіе, чтобы въ крѣпостныхъ книгахъ подъячіе деньги писали „складомъ" (прописью), а надсмотрщики, которые были обязаны ихъ контролировать, приписывали бы „вѣрно".

Такимъ образомъ правительство стремится обставить составленіе письменныхъ актовъ цѣлымъ рядомъ формальностей, чтобы придать болѣе гарантій сдѣлкамъ, путемъ этихъ актовъ совершаемымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ затруднить появленіе подложныхъ актовъ; противъ учиненныхъ же подлоговъ оно продолжаетъ бороться прежними карательными мѣрами.

Изъ отдѣльныхъ постановленій, относящихся къ подлогу документовъ въ данную эпоху, нѣкоторыя издаются въ дополненіе къ прежде предусмотрѣннымъ, другія имѣютъ значеніе совершенно новыхъ положеній.

Такъ, Новоуказныя статьи о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ 22 янв. 1669 г. [2]) опредѣляютъ за ложное показаніе въ повальныхъ обыскахъ денежное взысканіе и каждаго десятаго приказываютъ бить кнутомъ (ст. 28). Въ этомъ случаѣ наше законодательство возвращается къ системѣ дополнительныхъ статей къ Судебнику, такъ какъ Уложеніе, какъ было уже выше указано, не устанавливало никакого опредѣленнаго наказанія за это дѣяніе. Боярскій приговоръ 12 авг. 1681 г. [3]), а затѣмъ и писцовые наказы 20 мая 1683 г. [4]) и 1684 г. [5]) указываютъ, что если при межеваніи земель писецъ или подъячій „съ приписью" учинитъ неправду, то половина его помѣстій и вотчинъ обращается въ пользу челобитчиковъ, а другая оставляется женѣ и дѣтямъ; если же вотчинъ и помѣстій у виновнаго нѣтъ, то онъ подвергается наказанію кнутомъ.

Если, однако, не останавливаться на этихъ, такъ сказать,

[1]) П. С. З. № 2159.
[2]) П. С. З. № 441.
[3]) П. С. З. № 886.
[4]) П. С. З. № 1013.
[5]) П. С. З. № 1074.

ненастоящихъ, видахъ подлога, то въ отношеніи другихъ видовъ нужно замѣтить вообще, что они касаются случаевъ учиненія этого преступленія или лицомъ частнымъ или должностнымъ. При этомъ изъ нѣкоторыхъ постановленій можно видѣть ясно, какъ извѣстные случаи подлоговъ подводились подъ виды, уже предусмотрѣнные въ Уложеніи, и какъ такимъ образомъ путемъ распространенія постепенно развивалось ученіе о подлогѣ; наряду съ этимъ, однако, другіе случаи подлога предусматривались въ отдѣльныхъ указахъ и не подводились подъ соотвѣтствующія опредѣленія Уложенія.

Къ подлогамъ документовъ со стороны частныхъ лицъ, предусматриваемымъ въ памятникахъ этой эпохи, относятся: а) составленіе подложныхъ отпускныхъ со стороны бѣглыхъ крестьянъ, за что положено было наказаніе кнутомъ [1]); б) дача подложныхъ заемныхъ писемъ на себя съ цѣлью избавиться отъ платежа прямыхъ долговъ и пріемъ другими такихъ писемъ; за это дѣяніе опредѣляется тоже наказаніе кнутомъ, но къ нему прибавляется еще пожизненная ссылка въ каторжныя работы, и мало по малу это послѣднее наказаніе за подлогъ начинаетъ дѣлаться господствующимъ въ данную эпоху [2]).

---

[1]) Сыщиковъ наказъ 2 марта 1683 г. (П. С. З. № 998) въ ст. 18 говоритъ: „А которые бѣглые люди и крестьяне, бѣжавъ отъ кого сворують, напишутъ себѣ отпускныя воровскія, и имена себѣ перемѣнятъ, и прямыхъ своихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ утаятъ, и съ тѣми воровскими отпускными которые люди ихъ примутъ, и учнутъ тѣми воровскими отпускными правиться, и про тѣ воровскія отпускныя сыскивать накрѣпко и кто тую воровскую отпускную составитъ, и тѣмъ по розыску чинить наказаніе, бить кнутомъ;... а будетъ по розыску объявится, что тую отпускную составили тѣ люди, которые тѣхъ бѣглыхъ принимали, и тѣмъ людямъ за то ихъ воровство чинить наказаніе, бить кнутомъ же, да на нихъ же имѣть зажилыя деньги“.

[2]) Объ этомъ содержится постановленіе въ указѣ 15 іюля 1700 г. (П. С. З. № 1805), гдѣ говорится: „А которые заимщики дадутъ впредь на себя кому заемныя письма подставою, чтобы отъ прямыхъ долговъ отбыть, и про то сыщется, и такихъ бить кнутомъ и ссылать

Къ подлогу, учиненному должностными лицами, были отнесены въ отдѣльныхъ указахъ такіе случаи: а) запись крестьянъ за другими лицами, а не за ихъ собственниками; этотъ случай разсматривался, какъ видъ должностного подлога, предусмотрѣннаго Уложеніемъ [1]); б) составленіе подложной записи и подложной заемной кабалы посредствомъ пользованія незаполненнымъ столбцомъ, снабженнымъ чужимъ клеймомъ (знаменами) [2]); здѣсь, очевидно, имѣлось въ виду злоупотребленіе бланковой подписью; в) подлогъ со стороны подъячаго на судѣ въ составленныхъ имъ судебныхъ записькахъ [3]); г) подпись писца подъ надсмотрщикову руку; здѣсь

вѣчно въ работу въ каторгу; и тѣмъ, которые на нихъ тѣ подставленныя письма возьмутъ, чинить то же, чтобы никому такъ воровать было неповадно".

¹) Указъ 1 февраля 1689 г. (П. С. З. № 1334), состоявшійся по одному частному дѣлу, замѣчаетъ; „а которыхъ вотчинныхъ крестьянъ села Старожилова и деревень рязанской подъячій Исайко Карцовъ воровствомъ своимъ написалъ за окольничьимъ Александромъ Савастьяновичемъ", и приказываетъ учинить подъячему за воровство указъ по Уложенію.

²) Указъ 4 дек. 1690 г. (П. С. З. № 1387) приводитъ такой случай. Цывильскій подъячій Ивашка Чаадаевъ былъ подвергнутъ наказанію батогами за то, что „онъ на государскую оброчную мельницу Цывильской Чуваши взялъ поступную запись и вымысломъ своимъ написалъ, что тою мельницею владѣть ему, а оброкъ платить Чувашѣ, а мимо той его мельницы всего Цывильскаго уѣзда Чувашѣ своихъ запасовъ не молоть и для большого разоренія Чувашѣ написалъ зарядъ великій 1000 рублевъ, да онъ же воровствомъ своимъ взялъ у нихъ за ихъ знаменье порозжій столбецъ (онъ хотѣлъ писать челобитницу) и приносилъ на Ивановскую площадь и велѣлъ на тое Чувашу заочно написать кабалу въ 300 рублѣхъ, сверхъ той записи, да онъ же на нихъ прежъ того взялъ кабалу въ 200 рублѣхъ".

³) Указъ 3 ноября 1706 г. (П. С. З. № 2122) гласитъ: „И съ сего Вел. Госуд. указа будетъ который подъячій у такихъ истцовъ и отвѣтчиковъ, грамотѣ и писать не умѣющихъ, станетъ допросъ записывать (это ему вообще было позволено, если некому было больше подписать „черную записку") и, сверша записку, истцу и отвѣтчику въ судномъ столѣ передъ судьями не вычтетъ, а послѣ того отъ истца или отъ отвѣтчика учинится споръ: и за то тому подъячему быть въ жестокомъ наказаніи и въ ссылкѣ въ каторгу".

рѣчь идетъ о составленіи подложнаго документа объ уплатѣ извѣстнаго сбора [1]).

Надо замѣтить еще, что иногда самое совершеніе подлога; должностными лицами разсматривается въ законѣ, какъ клятвопреступленіе, какъ нарушеніе присяги, данной при опредѣленіи на должность. Такъ, напр. боярскій приговоръ отъ 30 апр. 1701 г. [2]) опредѣляетъ за всякія „лукавства“ въ крѣпостяхъ, какъ за клятвопреступленіе, смертную казнь; здѣсь подъ общимъ понятіемъ „лукавства“ можно разумѣть и подлоги документовъ.

Отъ подлога въ собственномъ смыслѣ слѣдуетъ отличать ложное челобитье (прежнее ябедничество) или, какъ выражаются источники, „бить челомъ о помѣстьи утайкою ложно“. Это преступленіе къ подлогу относить нельзя, такъ какъ подаваемая въ судъ челобитная вовсе не можетъ быть разсматриваема, какъ документъ въ техническомъ значеніи этого слова [3]).

---

[1]) Въ приговорѣ, состоявшемся въ приказѣ крѣпостныхъ дѣлъ 3 дек. 1708 г. (П. С. З. № 2215), говорится о преступленіи писца московскихъ крѣпостныхъ дѣлъ Ларіона Савельева, который учинилъ „плутовство“, состоявшее въ томъ, что „онъ съ одной крѣпости за письмо денегъ взялъ не по указу больше 20 алтынъ“, а затѣмъ „на той крѣпости, какъ обыкновенно надсмотрщикомъ взятье денегъ подписывать, подписалъ онъ, Ларіонъ, рукою своей, именемъ надсмотрщика Луки Смольянинова“. За это преступное дѣяніе вмѣсто смертной казни „за неимущество его въ имѣніи“ приказано учинить ему передъ приказомъ крѣпостныхъ дѣлъ наказаніе кнутомъ, „ради страха прочимъ, чтобъ на то смотря тѣхъ дѣлъ другіе писцы подъ надсмотрщичьи руки не подписывались, и по учиненіи ему наказанія у того дѣла быть ему не велѣть“.

[2]) П. С. З. № 1850.

[3]) Указанія на случаи подлога, встрѣчавшіеся въ дѣйствительной жизни, между прочимъ даютъ современники, такъ что для полноты картины подлога документовъ въ эту эпоху не лишне привести и ихъ упоминаніе объ этомъ. Желябужскій въ своихъ запискахъ (Записки русскихъ людей 1841 г. Записки И. А. Желябужскаго стр. 7, 13 и 53) упоминаетъ такіе случаи. Въ 1685 году былъ битъ кнутомъ Ѳеодосій Филипповъ Хвощинскій за то, что онъ „своровалъ, на

Если, бросая общій взглядъ на только что разсмотрѣнныя постановленія, мы постараемся дать характеристику всѣхъ случаевъ подлога документовъ, указанныхъ въ нихъ, то увидимъ, что наше законодательство въ эту эпоху продолжаетъ держаться своего взгляда на сущность этого преступленія, какъ самостоятельнаго преступнаго дѣянія, которое преслѣдуется въ интересахъ охраны документовъ самихъ по себѣ, чему вполнѣ соотвѣтствуетъ и установленіе особыхъ предупредительныхъ мѣръ противъ подлога, заключающихся въ требованіи соблюденія извѣстныхъ формальностей при составленіи документовъ. Подлогу документовъ совершенно чуждо значеніе имущественнаго преступленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, за отсутствіемъ общаго понятія „подлога", по образцу римскаго falsum или германскаго valsch, наше законодательство не смѣшиваетъ подлога документовъ съ другими видами поддѣлокъ, и что особенно характерно для нашего права этой эпохи, поддѣлка товаровъ не разсматривается почти вовсе въ качествѣ преступнаго дѣянія, а если послѣднее и имѣетъ мѣсто, то это объясняется совершенно особою точкой зрѣнія [1]).

порожнемъ столбцѣ составилъ было запись"; тому же наказанію подвергся въ томъ же году князь Петръ Крапоткинъ за то, что „онъ въ дѣлѣ своровалъ, выскребъ и приписалъ своею рукою". Въ 1684 г. былъ пытанъ Петръ Васильевичъ Кикинъ за то, что подписался было подъ руку думнаго дьяка (а то дѣло нынѣ, прибавляетъ авторъ, въ приказѣ Большой Казны). Въ 1694 г. битъ батогами Григорій Павловъ, сынъ Языковъ, за то, что онъ своровалъ съ площаднымъ подъячимъ Яковомъ Алексѣевымъ: „въ записи написали задними числами за пятнадцать лѣтъ"; подъячему же за это вмѣсто кнута учинено другое наказаніе; онъ былъ битъ батогами на Ивановской площади и отставленъ (стр. 13). Въ 1697 г. былъ битъ кнутомъ и посланъ въ ссылку въ Азовъ Іовъ Ермолаевъ, сынъ Ильяшевъ, за то, что онъ „по воровскому своему умыслу и по воровской составной записи сговорилъ было жениться на окольничьяго Матвѣевой женѣ Измаилова, а та сговорена за князя Абрама Ростовскаго".

[1]) Такъ, напр. можно указать на одну статью Устава Новоторговаго 1667 г. (ст. 45), изъ которой видно, что поддѣлка товаровъ вообще была ненаказуема, именно, если у купца окажутся иностранные

§ 10. Таковы были постановленія нашего законодательства о подлогѣ документовъ до появленія Воинскихъ Артикуловъ 1716 г. Изъ нихъ виденъ этотъ нормальный путь, какимъ конструкція этого преступленія постепенно развивалась въ нашемъ правѣ. Артикулы Петра Великаго въ этомъ отношеніи не составляютъ новой эпохи, потому что судебная практика продолжаетъ пользоваться и послѣ ихъ появленія положеніями Уложенія 1649 г. и сепаратными указами, цитируя ихъ наряду съ Артикулами, а иногда и оставляя постановленія послѣднихъ безъ вниманія, но ихъ нельзя обойти молчаніемъ, такъ какъ они вносили въ наше право чуждыя ему конструкціи, которыя, быть можетъ, имѣлись въ виду при попыткахъ кодификаціи нашего права въ прошломъ вѣкѣ.

Законодательство Петра Великаго въ лицѣ Воинскихъ Артикуловъ 1716 г. и Устава Морского 1720 г. вводитъ въ наше право постановленія западно-европейскаго законодательства. Подлогъ разсматривается въ немъ такъ, какъ онъ разсматривался въ законодательныхъ памятникахъ этой эпохи на западѣ, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ германской и италіанской доктрины. Онъ считается однимъ изъ видовъ нака-

---

товары поддѣльные („сыщется воровство поддѣлкой товара“), то слѣдуетъ писать въ то государство, откуду привезены товары, чтобы оно запретило привозъ подобныхъ товаровъ, „а тѣ худые товары, обличивъ и во весь свѣтъ огласивъ, отослать съ бесчестьемъ съ ярманки“. Но зато напротивъ можно привести случай усиленнаго наказанія за поддѣлку веществъ, употребляемыхъ въ пищу, что объясняется совершенно особыми соображеніями, именно, указъ 6 мая 1690 г. (П. С. З. № 1373) содержитъ въ себѣ слѣдующее постановленіе: „а буде кто у себя скажетъ вино церковное, а по осмотру явятся иныя какія питія поддѣлованныя, а не вино церковное... за поддѣлку питей чинить наказаніе, бить кнутомъ нещадно“. Здѣсь имѣется въ виду не столько самая поддѣлка, сколько своего рода посягательство путемъ ея противъ религіознаго чувства вѣрующихъ. Наконецъ, особнякомъ стоитъ дѣланіе вещей золотыхъ и серебряныхъ ниже пробъ; законъ угрожаетъ за это дѣяніе, учиненное въ третій разъ, битьемъ кнутомъ и ссылкой „заорля“ съ отобраніемъ дворовъ и лавокъ и животовъ на великаго Государя. (Указъ 13 февр. 1700 г.—П. С. З. № 1752).

зуемой лжи и предусматривается въ одной главѣ съ лжеприсягой[1]). Здѣсь такимъ образомъ видна попытка дать общую конструкцію преступленій, являющихся посягательствомъ противъ истины, и вносится въ наше право совершенно чуждое ему начало, выражающееся въ стремленіи создать представленіе о преступленіи подлога вообще. Воинскій и Морской Уставы содержатъ постановленія о слѣдующихъ видахъ этого широкаго понятія подлога: о поддѣлкѣ денежныхъ знаковъ (В. Арт. 199; Морск. Уст. арт. 134), о поддѣлкѣ мѣръ и вѣсовъ (В. Арт. 200; Морск. Уст. арт. 135) и о поддѣлкѣ печатей и документовъ (В. Арт. 201; Уст. Морск. арт. 136); кромѣ того въ этой же главѣ упоминаются принятіе ложнаго имени (В. Арт. 202; Уст. Морск. арт. 137) и уничтоженіе или поврежденіе публично выставленныхъ указовъ и повелѣній (В. Арт. 203; Уст. Морск. арт. 138). Наконецъ, еще одинъ случай подлога документовъ предусмотрѣнъ отдѣльно (В. Арт. 194; Уст. Морск. арт. 130)—это подлогъ при записи расходовъ казенныхъ денегъ.

Сообразно задачамъ настоящей работы, мы остановимся только на подлогѣ документовъ и печатей. Арт. 201 Воин. Уст. содержитъ въ этомъ отношеніи слѣдующее постановленіе: „фальшивыхъ печатей, писемъ и расходу сочинители имѣютъ на тѣлѣ наказаны или чести и имѣнія пожитковъ, и живота лишены быть, по состоянію, ежели обманъ великъ, или малъ, или вредителенъ есть". Положеніемъ этимъ собственно и исчерпываются постановленія В. Арт. о подлогѣ документовъ. Что разумѣть здѣсь подъ именемъ „писемъ", сказать трудно; въ нѣмецкомъ текстѣ Артикуловъ говорится Brieffe, Schriften; подъ ними, по всей вѣроятности, разумѣлись всякіе вообще документы; „расходъ" (Register)—разнаго рода реестры. По той конструкціи подлога, которую мы здѣсь

---

[1]) Глава 22 Воинскаго Артикула и 18 Устава Морского озаглавлены: „о лживой присягѣ и подобныхъ сему преступленіяхъ". Конструкція этихъ преступленій въ общемъ въ обоихъ памятникахъ одинаковая, хотя есть и нѣкоторыя различія въ нихъ.

видимъ, въ Воин. Арт., какъ и въ прежнемъ нашемъ правѣ, употребленія подложнаго документа для состава преступленія не требуется; достаточно только одного факта подлога документа или печати. Наказаніе, положенное за подлогъ документовъ по Воинскимъ Артикуламъ, было самое разнообразное, доходя по обстоятельствамъ дѣла, до смертной казни; по Морскому же уставу въ ст. 136 опредѣляется прямо „лишеніе живота и имѣнія“.

Что же касается особаго вида подлога документовъ, предусмотрѣннаго отдѣльно данными памятниками, то составъ его формулированъ въ законѣ такъ: „Кто Его Вел. или государственныя денги въ рукахъ имѣя, изъ оныхъ нѣсколько утаитъ, украдетъ и къ своей пользѣ употребитъ и въ расходѣ меньше записано и сочтено будетъ, нежели что онъ получилъ, оный живота лишится и имѣетъ быть повѣшенъ. Тую же казнь чинить и тѣмъ, кои вѣдая про то, а не извѣстятъ“. (Воинс. Арт. 194; Морск. Уст. 130). Здѣсь, какъ видно изъ этого текста, рѣчь идетъ объ утайкѣ казенныхъ денегъ и совершеніи для этого подлога въ актахъ.

§ 11. Послѣдующее наше законодательство представляетъ изъ себя вплоть до Свода Законовъ рядъ отдѣльныхъ законоположеній, развивавшихъ главнымъ образомъ тѣ начала, которыя нашли себѣ выраженіе въ Уложеніи 1649 г. и въ Воинскихъ Артикулахъ Петра В.; если и предпринимались время отъ времени въ данную эпоху попытки согласовать между собой отдѣльныя постановленія дѣйствующаго законодательства и издать вмѣсто нихъ новое уложеніе, то онѣ такъ и оставались попытками до законодательныхъ работъ царствованія императора Николая I.

При изложеніи исторіи русскаго уголовнаго права этого періода является поэтому необходимымъ разсмотрѣть прежде всего всю массу отдѣльныхъ указовъ, дополнившихъ собой Уложеніе 1649 г. и Воинскіе Артикулы, такъ какъ только въ этомъ случаѣ можно получить истинную картину дѣйствовавшаго у насъ права; съ другой стороны нельзя обойти молчаніемъ и попытокъ объединенія дѣйствовавшаго законодательства, такъ

какъ, благодаря систематизаціи отдѣльныхъ преступленій, онѣ указываютъ намъ на то, какъ понималась въ эту эпоху сущность того или другого преступленія, какіе моменты входили въ общій составъ его и т. д. Кромѣ того подобные проекты новыхъ уложеній имѣютъ значеніе и въ томъ отношеніи, что нѣкоторые изъ нихъ были положены въ основу Свода Законовъ.

Такого же порядка изложенія слѣдуетъ держаться и при разсмотрѣніи интересующаго насъ вопроса о подлогѣ документовъ въ нашемъ законодательствѣ этой эпохи [1]). Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы и разсмотримъ прежде всего отдѣльныя законодательныя постановленія нашего права по вопросу о подлогѣ документовъ—постановленія, представляющія изъ себя часто не что иное, какъ рѣшенія высшаго суда по тому или другому вопросу, до него восходившему. Рѣшенія эти въ силу авторитета суда, ихъ постановившаго,—Сената, дѣлались обязательными для другихъ судовъ, и указы Сената имѣютъ въ этомъ отношеніи одинаковую силу съ другими источниками права. Послѣ этого мы приступимъ къ разсмотрѣнію попытокъ кодификаціи нашего уголовнаго права: проектовъ елизаветинскихъ коммиссій по составленію новаго уложенія и проектовъ начала нынѣшняго столѣтія: такъ называемаго проекта Якоба и проекта 1813 года.

Бросая общій взглядъ на всѣ отдѣльныя законодательныя положенія и на попытки кодифицированія ихъ, нельзя вовсе

---

[1]) Собственно говоря, тѣ отдѣльныя постановленія, которыя появлялись послѣ Воинскихъ Артикуловъ, тѣсно примыкаютъ къ тѣмъ, которыя были изданы въ промежутокъ времени между Уложеніемъ 1649 г. и Воинскими Артикулами 1716 г., и если, сознавая это, мы все таки сочли возможнымъ излагать ихъ отдѣльно другъ отъ друга, то только для того, чтобы указать мѣсто, занимаемое въ исторіи нашего права Воинскими Артикулами, такъ какъ надо замѣтить, что, несмотря на массу издававшихся новыхъ постановленій, дѣйствовавшимъ правомъ оставались все таки Уложеніе и Артикулы, конкурировавшіе между собой по нѣкоторымъ вопросамъ, и новые указы постоянно ссылаются на эти два главныхъ источника нашего права.

замѣтить въ нихъ стремленія опредѣлить, что такое вообще подлогъ, какова его сущность, въ чемъ его существенные моменты и т. п. Законодателя и судебную практику въ эту эпоху весьма мало интересуютъ подобные вопросы общаго характера; главныя ихъ усилія обращаются на то, чтобы описать конкретно, какъ совершается подлогъ, и какъ слѣдуетъ наказывать виновнаго въ немъ.

§ 12. Изъ разсмотрѣнія постановленій о подлогѣ документовъ, относящихся къ предыдущимъ періодамъ нашей исторіи, можно было видѣть, что тамъ одного общаго названія для отдѣльныхъ видовъ подлога не существовало. Если нѣкоторые изъ памятниковъ нашего законодательства знаютъ общее названіе „подписка", то придаютъ ему очень узкій смыслъ, не охватывающій всѣхъ видовъ подлога документовъ, другіе же памятники прибѣгаютъ къ описательнымъ выраженіямъ, не создавая общаго термина для обозначенія преступленія подлога.

Лишь впервые въ петровскомъ законодательствѣ встрѣчаемся мы съ терминомъ „подлогъ" въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ употребляется и теперь для обозначенія поддѣлки документовъ. Первый законодательный памятникъ, употребляющій этотъ терминъ,—Инструкція крѣпостныхъ дѣлъ дьякамъ 20 окт. 1719 г.; здѣсь мы встрѣчаемъ такое выраженіе: „ежели оный дьякъ въ своихъ врученныхъ ему дѣлахъ самъ или съ подчиненными своими учнетъ какіе *подлоги* дѣлать" [1]). Это выраженіе мало по малу начинаетъ дѣлаться обычнымъ терминомъ для обозначенія преступленія подлога. Въ такомъ смыслѣ этотъ терминъ употребляется въ Наказѣ земскимъ дьякамъ или секретарямъ 20 апр. 1720 г. [2]), а также въ Генеральномъ Регламентѣ 1720 г. (гл. XIII), гдѣ подъ подлогомъ разумѣется умышленное искаженіе содержанія извѣстнаго документа. Однако вслѣдъ затѣмъ постепенно терминъ „подлогъ" утрачиваетъ свою прежнюю опредѣленность и дѣлается понятіемъ расплывчатымъ,

---

[1]) П. С. З. № 3436.
[2]) П. С. З. № 3571.

синонимомъ обмана, или же употребляется въ значенiи всякой вообще поддѣлки, даже товаровъ, а не только письменныхъ актовъ.

Въ значенiи обмана вообще „подлогъ" употребляется весьма часто въ нашемъ законодательствѣ прошлаго вѣка. Такъ, напр. въ указѣ 5 февр. 1724 г.[1]) говорится: „Понеже кто партикулярно погрѣшитъ противъ другова какою обидою, подъ такою укрышкою, что въ судѣ дойти и познать невозможно будетъ, и оную неправду покрытую судья учинитъ правою, не вѣдая *подлогу* укрытаго безъ всякiя страсти, тогда только убытокъ тому, у кого отнято, а прочимъ ничего, и для того оныхъ лукавцовъ по силѣ правъ государственныхъ по важности вины наказывати"; или напр. въ Инструкцiи магистратамъ 1724 г.[2]) говорится о необходимости брать паспортъ при отъѣздѣ въ другiя мѣста и по возвращенiи своемъ предъявлять этотъ паспортъ въ магистратъ, „чтобы тѣмъ возможно было удержать, дабы въ городахъ каждый могъ о себѣ засвидѣтельствовать, что онъ подлинно того города житель и не могъ бы кто посторонній *подлогомъ* въ таможняхъ выписей на свое имя для торгу брать". Здѣсь „подлогъ" замѣняетъ выраженiе „обманъ", причемъ разумѣется та форма обмана, когда при этомъ былъ употребленъ подмѣнъ[3]).

---

[1]) П. С. З. № 4460.

[2]) П. С. З. № 4624.

[3]) Этому смыслу, придаваемому слову „подлогъ" соотвѣтствуетъ и его этимологическое происхожденiе—здѣсь имѣется въ виду нѣчто, подложенное вмѣсто чего-то другого. Въ этомъ отношенiи не лишено интереса привести взглядъ одного писателя прошлаго вѣка относительно сущности подлога, именно разъясненiе понятiя „подлога", даваемое Татищевымъ въ его примѣчанiяхъ къ Судебнику (Судебникъ Государя Царя и Великаго князя Iоанна Васильевича и нѣкоторые сего государя и ближнихъ его преемниковъ указы, собранные и примѣчанiями изъясненные покойнымъ тайнымъ совѣтникомъ и астраханскимъ губернаторомъ Василiемъ Никитичемъ Татищевымъ. Въ г. Москвѣ при Императорскомъ Университетѣ 1768). Здѣсь Татищевъ, разъясняя ст. 59 Судебника, по поводу, „подписки" замѣчаетъ: „подписка разными образы бываетъ... (3) напоя кого

Въ такомъ же смыслѣ употребляется подлогъ для обозначенія обмана, происходящаго путемъ подмѣна одного предмета или лица на другой, въ выраженіи „продажа въ рекруты подложно", и сообразно съ этимъ въ памятникахъ прошлаго вѣка и даже вплоть до Уложенія о наказаніяхъ изд. 1845 г. рѣчь идетъ о подлогѣ при отдачѣ въ рекруты; напр. сюда относятся случаи отдачи въ рекруты чужого бѣглаго подлогомъ, назвавъ его своимъ крѣпостнымъ [1]).

Иногда впрочемъ выраженіе „подлогъ" употребляется въ нашихъ памятникахъ въ самомъ широкомъ смыслѣ обмана вообще. Въ такомъ смыслѣ употребляется оно, напр. въ сенатскомъ указѣ 24 янв. 1726 [2]), гдѣ въ числѣ другихъ преступленій, за которыя подвергнуты смертной казни коммисары Арцыбашевъ и Барановъ и подъячій Волоцкой, указывается между прочимъ, что они для своей корысти съ обывателей „сбирали подлогомъ и съ принужденіемъ въ рекрутскія складки

пьянаго или иначе обманувъ, велитъ къ иному чему руку приложити, а *подложитъ* крѣпость. Сей *подлогъ* случилось мнѣ обличить, что нѣкоторый плутъ купя у дворянина деревню и просилъ его нѣкоторое время спустя къ челобитной руку приложить, якобы для подачи въ переписную Канцелярію. Оный ему не отрекся, и тотъ Секретарь прочетши ему челобитную пьяному и вложа купчую на другую его деревню, велѣлъ перво на челобитной въ концѣ подписать: „къ сей челобитной, а переворотя листъ въ концѣ крѣпости чинъ, имя и прозваніе, вышеписанную деревню продалъ, а деньги взялъ и руку приложилъ". Изъ этого примѣра ясно видно, что́ должно было разумѣться первоначально подъ понятіемъ подлога, и это разъясненіе Татищева тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что другіе виды „подписки", напр. тотъ, который у него описанъ такъ: „точно подобно чьему либо письму руку приложили", не называются имъ „подлогомъ".

[1]) Указъ 19 окт. 1732 (П. С. З. № 6223), 8 февр. 1738 г. (П. С. З. № 7503), 13 мая 1754 (П. С. З. № 10233); 20 ноября 1761 (П. С. З. № 11359); 21 марта 1762 (П. С. З. № 11482); генер. учрежд. о сборѣ рекрутъ 29 сент. 1766 (П. С. З. № 12748) и наконецъ рекрутскій уставъ 1831 (П. С. З, II № 4677), гдѣ говорится въ ст. 336 и 496 о подлогѣ при поступленіи въ рекруты.

[2]) П. С. З. № 4826.

не малыя деньги“. Точно также въ сенатскомъ указѣ 16 янв. 1735 г. [1]) общимъ образомъ говорится о томъ, чтобы „въ бракѣ той пеньки и льна подлоговъ и споровъ не было“. Далѣе, обманы при займѣ денегъ называются нерѣдко общимъ именемъ подлоговъ. Такъ, въ указѣ 13 мая 1754 [2]) опредѣляется: „тѣмъ людямъ, кто въ заемъ денегъ будетъ требовать подъ закладъ, недвижимое имѣніе объявлять самое настоящее и свое собственное, и никакого въ томъ подлогу отнюдь не чинить, и занявъ изъ Банка деньги и заложа имѣніе, того заложеннаго недвижимаго имѣнія въ партикулярныя руки не закладывать. А ежели кто явится въ томъ подлогѣ и обличенъ будетъ и тѣ люди будутъ лишены имѣніевъ, чиновъ и чести; поручителямъ по заемщикахъ подписываться безъ всякаго же подлога“ [3]). Сходное видимъ мы и въ Манифестѣ объ учрежденіи Государственнаго Заемнаго Банка 28 іюня 1786 г., гдѣ говорится [4]): „кто при займѣ изъ Банка денегъ употребилъ обманъ или гнусный подлогъ... въ предъявленіи заклада или свидѣтельства о имѣніи ложно; таковой, яко посягнувшій во вредъ блага общаго, по изобличенію долженъ лишенъ быть чиновъ и чести... и дѣло рѣшить въ судѣ не въ очередь, опредѣляя немедленное по законамъ наказаніе“.

Иногда выраженіе „подлогъ“ употребляется еще въ другомъ смыслѣ (въ позднѣйшихъ памятникахъ преимущественно)— для обозначенія обмана особаго рода. Такъ, напр. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта „о правахъ

---

[1]) П. С. З № 6669.

[2]) П. С. З. № 10235.

[3]) То же повторяется дословно въ указѣ 21 марта 1757 г. (П. С. З. № 10713), гдѣ кромѣ того приводится примѣръ подобнаго „подлога“: прапорщикъ Иванъ Бочаровъ занялъ въ Банкѣ 250 р. подъ залогъ имѣнія въ 25 душъ (а затѣмъ оказалось въ имѣніи только 5 душъ); а поручителями были отставной капитанъ Хорюковскій, состоящій въ крайней нищетѣ, а другой подписавшійся въ обязательствѣ прапорщикомъ сержантъ Егуновъ, написанный за кражу въ солдаты.

[4]) П. С. З. № 16407 (ст. 23).

сочинителей, переводчиковъ и издателей" 8 янв. 1830 г. [1]) опредѣляетъ, что (§ 24) если кто-либо издастъ чужое сочиненіе подъ своимъ именемъ, или же продастъ свою рукопись или права на изданіе книги нѣсколькимъ лицамъ порознь безъ взаимнаго ихъ согласія, то таковое дѣйствіе его признается подлогомъ.

Но если здѣсь подлогъ смѣшивается съ обманомъ вообще, то въ другихъ случаяхъ онъ получаетъ болѣе узкое значеніе—изъ приводимыхъ ниже указовъ слѣдуетъ, что поддѣлка товаровъ получаетъ иногда названіе подлога. Такъ, указъ 17 февр. 1775 [2]) говоритъ: „въ отвращеніе подлоговъ товаровъ Россійскому Купечеству, чрезъ магистраты и господъ губернаторовъ опредѣлено сдѣлать увѣщанія; кто окажется въ каковомъ либо подлогѣ, то не только поступить съ виноватымъ по всей строгости законовъ, но и для свѣдѣнія о томъ и въ страхъ другимъ выставить на биржѣ съ именемъ преступника и съ описаніемъ вины его, печатные листы". Однако изъ этого послѣдняго обстоятельства вовсе не слѣдуетъ, чтобы законодатель придавалъ въ этомъ случаѣ поддѣлкѣ товаровъ значеніе такое же, какъ подлогу документовъ. Какъ видно изъ указа 3 апр. 1781 [3]) (о судѣ и наказаніяхъ за воровство разныхъ родовъ), воровство - мошенничество между прочимъ опредѣляется такъ: „или обманомъ или вымысломъ продастъ или отдастъ поддѣльное за настоящее или вѣсомъ обвѣситъ или мѣрою обмѣритъ, или что подобное обманомъ или вымысломъ себѣ присвоитъ ему непринадлежащее, безъ воли или согласія того, чье оно". Изъ этого ясно вытекаетъ, что поддѣлка товаровъ, хотя и именовалась иногда подлогомъ, но разсматривалась, какъ видъ мошенничества [4]).

---

[1]) П. С. З. № 3411 (второе собр.).

[2]) П. С. З. № 14255; ср. также указъ 28 дек. 1797 г. (П. С. З. № 18295).

[3]) П. С. З. № 15147.

[4]) Надо замѣтить, что иногда наряду съ выраженіемъ „подложный" употребляется равнозначущій ему терминъ, „фальшивый". Такъ, въ сенатскомъ указѣ 4 янв. 1738 г. (П. С. З. № 7651) случай за-

Указанная только что терминологія мало по малу получаетъ полныя права гражданства, порождая не мало затрудненій при оцѣнкѣ сущности преступленія подлога, и становится вполнѣ общепризнанной, входя, напр. и въ попытки кодификаціи, гдѣ, благодаря смѣшенію подлога съ обманомъ, утрачивается часто граница между подлогомъ и мошенничествомъ. Ниже мы приведемъ доказательства справедливости этого положенія примѣнительно къ проектамъ елизаветинской коммиссіи 1754—1766 г. а также т. XV Св. Зак. изд. 1832.

Еще больше путаницы въ терминологіи, а кромѣ того, благодаря этому, и въ пониманіе сущности преступленія подлога вносится въ наше законодательство появленіемъ термина „лживыхъ поступковъ", термина необыкновенно расплывчатаго и неопредѣленнаго, но сдѣлавшагося общимъ выраженіемъ, подъ которое подводился и подлогъ. Въ наше законодательство это понятіе вносится впервые указомъ 28 янв. 1782 г.[1]) и развивается дальше Уставомъ Благочинія 1782 г.[2]), гдѣ говорится (ст. 228) о томъ, что „подтверждается и возобновляется запрещеніе учинять уголовныя преступленія „лживыя поступки", какъ-то: 1) лживый поступокъ словесный, 2) лживые поступки дѣйствіемъ". Ближайшаго опредѣленія понятія „лживыхъ поступковъ" здѣсь не содержится, но слѣдуетъ принять во вниманіе, что нѣкоторые виды наказуемой лжи прямо отсюда выдѣлены. Такъ, ст. 229 предусматриваетъ преступленія противъ правосудія, гдѣ между прочимъ указывается, какъ особый видъ... „10) лживое употребленіе поддѣльнаго или скрытаго или утаеннаго", ст. 227 говоритъ о мошенничествѣ и злостномъ

клада мужемъ имѣнія жены безъ ея вѣдома „именемъ ея", названъ фальшивымъ закладомъ, причемъ указано примѣнить въ этомъ случаѣ Улож. 17 гл. п. 35 съ смягченіемъ наказанія (вмѣсто кнута батоги), потому что продажа учинена „не постороннему имѣнію, какъ означенный пунктъ Уложенія гласитъ, но жены его, токможе безъ вѣдома ея".

[1]) П. С. З. № 15336.

[2]) П. С. З. № 15379.

ущербѣ или убыткѣ (вмѣстѣ съ кражей), а ст. 231 среди преступленій противъ общей народной торговли разсматриваетъ между прочимъ и „обманъ въ торговлѣ“. Изъ этого перечня можно вывести то заключеніе, что всѣ остальные случаи наказуемой лжи, въ томъ числѣ и подлогъ, подводились подъ общее понятіе лживыхъ поступковъ. Подтвержденіемъ этого можетъ служить упомянутый выше указъ 28 янв. 1782 г., гдѣ говорится объ одномъ частномъ случаѣ подлога документовъ и гдѣ въ резолюціи, положенной императрицей Екатериной II по этому дѣлу, приказано виновнаго „за ложный поступокъ дѣйствіемъ наказать особымъ образомъ“.

Въ такомъ же широкомъ смыслѣ употребляется выраженіе „лживые поступки“ въ грамотахъ на вольности дворянства и на права городамъ 1785 г. [1]); въ первой это преступленіе помѣщено въ числѣ другихъ преступленій, „основанія дворянскаго достоинства разрушающихъ“ (п. 6), а во второй указывается, что мѣщанинъ лишается добраго имени, буде учинитъ (между прочимъ) „лживые поступки“ (ст. 86). Этимъ лживымъ поступкамъ, какъ увидимъ ниже, придается особое значеніе въ Сводѣ законовъ, гдѣ они являются самостоятельной, но безсодержательной рубрикой преступленій.

§ 13. Обращаясь къ разсмотрѣнію постановленій законодательства этой эпохи собственно о подлогѣ документовъ, мы, какъ и въ другихъ частяхъ нашей работы, изложимъ сначала мѣры предупредительнаго свойства противъ подлога, а затѣмъ остановимся на карательныхъ постановленіяхъ объ этомъ преступленіи.

Мѣры предупредительныя заключаются по прежнему главнымъ образомъ въ требованіи соблюденія ряда формальностей,

---

[1]) П. С. З. № 16187 и 16188. Въ Наказѣ Екат II 1767 г. въ числѣ поступковъ, противныхъ дворянскому званію, приводится составленіе лживыхъ крѣпостей или другихъ тому подобныхъ писемъ (арт. 371); сопоставляя это съ постановленіемъ Жалованной грамоты дворянству, можно вывести, что подлогъ документовъ поглощался тамъ болѣе широкимъ понятіемъ „лживыхъ поступковъ“.

связанныхъ съ составленіемъ извѣстнаго документа и съ храненіемъ его, и расчитаны преимущественно на предупрежденіе подлоговъ со стороны лицъ должностныхъ. Такъ, напр. въ Генеральномъ Регламентѣ 1720 г. въ главѣ 13 даются опредѣленія о печатяхъ, которыя прикладываются къ разнымъ документамъ, и между прочимъ здѣсь постановляется, чтобы въ каждой коллегіи была печать „подъ охраненіемъ и замкомъ той коллегіи секретаря, дабы отъ небреженія онаго какихъ подложныхъ писемъ печатано не было. Того ради, когда о дѣлахъ Его Величества корреспонденція отправляема быть подлежитъ, то канцеларісту, которому оные дѣла будутъ поручены, оною печатать, при отсутствіи той Коллегіи вахмістра". По прежнему правительство стремится къ тому, чтобы всякій оффиціальный документъ былъ скрѣпленъ тѣмъ или другимъ должностнымъ лицомъ, и чтобы въ этомъ отношеніи была строгая отчетность; такъ, въ Наказѣ земскимъ дьякамъ или секретарямъ отъ 20 апр. 1720 г. [1]) постановляется, что „для вящшаго престереганія всякихъ неустройствъ и подлоговъ, имѣетъ земскій дьякъ (секретарь) у всѣхъ воеводскихъ (губернаторскихъ) писемъ и указахъ и резолюціяхъ имя свое въ самомъ низу приписывать", а указъ 15 янв. 1723 [2]) общимъ образомъ требуетъ записыванія въ протоколъ посылаемыхъ доношеній, промеморій и указовъ и крѣпленія протоколовъ судьями самими. Въ памятникахъ нерѣдко указывается, далѣе, требованіе, чтобы книги держались въ порядкѣ, чтобъ „въ приходъ вносить денежное число складомъ, а не цыфирью, и смотрѣть того, чтобы въ той книгѣ скребенаго и протравленнаго и приписокъ, а особливо въ денежномъ числѣ отнюдь не было" [3]).

---

[1]) П. С. З. № 3571.

[2]) П. С. З. № 4142.

[3]) Наказъ губернаторамъ, воеводамъ и ихъ товарищамъ 12 сент. 1728 г. (П. С. З. № 5333); точно также сенатскій указъ 28 авг. 1735 г. (П. С. З. № 6797) содержитъ общее постановленіе о недѣланіи подчистокъ, поправокъ и прибавленій въ книгахъ, а въ Уставѣ

Особыя предупредительныя мѣры касаются составленія и храненія крѣпостныхъ актовъ. Такъ, по указу 21 янв. 1734 г. [1]) установляется записка и храненіе въ крѣпостной Конторѣ подлинныхъ крѣпостныхъ актовъ и выдача вмѣсто оныхъ просителямъ точныхъ копій за скрѣпой. Указъ 1 авг. 1737 г. требуетъ представленія довѣренностей при составленіи купчихъ и закладныхъ, прибавляя, что „безъ такихъ повѣренныхъ писемъ купчихъ и закладныхъ заочно ни въ чьи имена нигдѣ не писать, чтобъ впредь такихъ подлоговъ быть не могло“ [2]). По указу 17 марта 1748 г. [3]) опредѣляется довольно оригинальная мѣра, имѣющая въ виду предупредить пользованіе казенными печатями: „впредь получаемыхъ какъ изъ Сената, такъ изъ прочихъ мѣстъ на конвертахъ печатей, по распечатаніи тѣхъ конвертовъ, отнюдь нигдѣ не оставлять, но по распечатаніи того же часа тѣ печати ломать и бросать“. Наконецъ, сенатскій указъ 1 февр. 1726 г. устанавливаетъ, какъ мѣру предупредительную противъ дѣланія воровскихъ паспортовъ—печатные паспорты [4]).

Таковы важнѣйшія мѣры предупредительнаго свойства противъ подлоговъ въ эту эпоху; онѣ еще болѣе рѣшительнаго характера, чѣмъ тѣ, съ которыми мы познакомились въ постановленіяхъ, относящихся къ предшествующей эпохѣ, и въ нихъ самимъ законодателемъ подчеркивается ихъ непосредственное назначеніе предупреждать подлогъ.

§ 14. Обращаясь къ разсмотрѣнію карательныхъ постановленій о подлогѣ документовъ по законодательству дан-

Векс. 1729 (П. С. З. № 5410) въ ст. 9 постановляется, что не должны имѣть силу векселя, въ которыхъ между строками слова приписаны или вычернены и выскреблены.

[1]) П. С. З. № 5487

[2]) П. С. З. № 7339; указъ 11 мая 1744 г. (П. С. З. № 8938) угрожаетъ крѣпостныхъ дѣлъ надсмотрщикамъ наказаніемъ кнутомъ и лишеніемъ имѣнія, ссылкой въ Сибирь или въ каторжную работу за заочное писаніе крѣпостей безъ повѣренныхъ писемъ.

[3]) П. С. З. № 9492.

[4]) П. С. З. № 4827. Это подтверждается указомъ 21 мая 1743 г. (П. С. З. № 8738).

ной эпохи, необходимо замѣтить, что они въ общемъ основываются на положеніяхъ Уложенія 1649 г. и Воинскихъ Артикуловъ 1716 г., продолжая развивать ихъ дальше. Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на болѣе рѣзкое разграниченіе подлога публичныхъ документовъ и частныхъ, чѣмъ это было раньше; причемъ въ отношеніи первыхъ кромѣ того, смотря по значенію поддѣлываемаго документа, можно подмѣтить нѣкоторую постепенность въ наказуемости: выше другихъ стоитъ поддѣлка документовъ, исходящихъ отъ лица представителя верховной власти, а затѣмъ и высшихъ органовъ управленія въ государствѣ; за ними слѣдуетъ подлогъ иныхъ документовъ.

На случаи учиненія подлога документовъ, исходящихъ непосредственно отъ власти верховной—дѣянія, въ современномъ государственномъ быту весьма мало возможнаго, можно найти неоднократныя указанія въ нашихъ законодательныхъ памятникахъ прошлаго вѣка. Въ этомъ отношеніи особенно любопытно привести указъ 12 нояб. 1739 [1]) по дѣлу о составленіи подложной духовной отъ имени Петра II князьями Долгорукими во время болѣзни императора. Какъ слѣдуетъ изъ обстоятельствъ дѣла, по этой духовной наслѣдство россійскаго престола передавалось невѣстѣ императора княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгорукой. Князья Долгорукіе составляли эту духовную, запершись ночью въ одной палатѣ; сначала была составлена черновая, затѣмъ ее переписалъ начисто князь Серг. Долгорукій почеркомъ, не похожимъ на свой обыкновенный, а князь Иванъ Долгорукій подписался „воровски“ почеркомъ Государя; однако виновные, увидя, что послѣ смерти Петра II затѣяннаго плана имъ не выполнить, сожгли и черновую и переписанную набѣло духовную. Во всемъ этомъ признался князь Иванъ Долгорукій, находясь уже въ ссылкѣ, и за это по совокупности съ другими государственными преступленіями онъ былъ наказанъ колесованіемъ и отсѣченіемъ головы; интересно, что при опредѣленіи наказанія въ этомъ случаѣ не сдѣлано вовсе въ указѣ ссылокъ на дѣйствующее законодательство. Такъ какъ въ этомъ случаѣ

---

1) П. С. З. № 7942.

затрогивался весьма важный государственный интересъ, то при опредѣленіи наказанія не обращено было вовсе вниманія на то, что самый поддѣланный документъ былъ уничтоженъ поддѣлывателями, и такимъ образомъ все преступленіе ограничилось приготовленіемъ къ совершенію подлога, прекращеннымъ виновными по собственному усмотрѣнію, т.-е. такимъ дѣяніемъ, которое никакъ не можетъ признаваться наказуемымъ съ современной точки зрѣнія.

Вообще же въ прошломъ столѣтіи, при частыхъ государственныхъ переворотахъ и связанныхъ съ ними представленіяхъ населенія о предоставленіи ему извѣстныхъ льготъ отъ всякаго рода тяготъ, случаи поддѣлки актовъ, исходящихъ непосредственно отъ лица верховной власти, были весьма нерѣдки и производили немалый соблазнъ въ народѣ, вѣрившемъ безусловно аутентичности этихъ актовъ, а такъ какъ въ этихъ подложныхъ указахъ обыкновенно содержалось что-нибудь вообще угодное народу, то вполнѣ понятно быстрое ихъ распространеніе повсюду. На случаи подобныхъ подлоговъ содержится не мало указаній въ сенатскихъ указахъ XVIII столѣтія. Такъ, по словамъ указа 14 ноября 1762 г. [1]), въ казанской губ. появилась копія, списанная будто-бы съ манифеста 7 іюня 1762 г., возвѣщавшая о восшествіи на престолъ императрицы Екатерины и содержавшая „самыя пасквильныя рѣчи“ о томъ, что крестьянамъ, отданнымъ во владѣніе архиреямъ и по разнымъ монастырямъ и подписаннымъ подъ заводы, отнюдь на заводахъ не работать, а быть по прежнему ясачными, „а напослѣдокъ въ окончаніи той копіи, прибавляетъ указъ, написано, якобы подлинный за подписаніемъ собственнной Е. И. В. руки“. Дѣло это было повелѣно разслѣдовать. Въ другомъ указѣ 16 марта 1764 г. [2]) рѣчь идетъ о пасквилѣ, распущенномъ среди простого народа подъ именемъ Именнаго Ея Имп. Вел. Высочайшаго Указа въ Сенатъ; начинается этотъ пасквиль словами: „время уже

---

[1]) П. С. З. № 11710.
[2]) П. С. З. № 12089.

настало, что лихоимство искоренить“ и т. д. „Нескладное сочиненіе сего пасквиля, говорится въ указѣ, хотя собою и доказываетъ, что оно произошло отъ самаго подлаго и глупаго духа, кроющагося между вѣрноподданными Ея Имп. Вел., но составлено однако же для обмана невинныхъ малосвѣдущихъ людей“; такъ какъ виновныхъ въ этомъ дѣяніи не было обнаружено, да и вообще обнаруженіе ихъ въ такихъ дѣлахъ очень трудно, правительство довольствовалось тѣмъ, что оно, если можно такъ выразиться, наказало самый пасквиль: приказано было на Сенатской площади съ барабаннымъ боемъ рукою палача предать его огню, кромѣ того объявлено было вознагражденіе въ 100 рубл. за открытіе автора его; въ указѣ же 1 мая 1767 г.[1]), изданномъ въ дополненіе къ данному указу, опредѣляется наказаніе плетьми и ссылка въ Нерчинскъ на поселеніе одному лицу, виновному въ томъ, что онъ „сей пасквиль имѣлъ и нигдѣ о томъ не объявилъ“. Еще одинъ позднѣйшій указъ свидѣтельствуетъ о появленіи новаго подложнаго указа—именно указъ 12 сентяб. 1771 г.[2]), въ немъ говорится о томъ, что появился на ахтубенскихъ шелковыхъ заводахъ указъ, будто бы изъ сената, чтобы быть всѣмъ поселенцамъ на Ахтубѣ казаками и отправить ихъ за Моздокъ съ награжденіемъ. Екатерина II объявляетъ этотъ указъ „ложносоставленнымъ“, а лицъ, которыя этотъ указъ „объявили“, приказано держать на мѣстѣ подъ строгимъ карауломъ до дальнѣйшей резолюціи.

Изъ приведенныхъ указовъ видно, что правительство боролось весьма энергично съ этимъ видомъ подлога, имѣя, разумѣется, для этого полное основаніе, такъ какъ подлоги такихъ документовъ представляютъ большую опасность для бытія государства.

Что же касается другихъ видовъ подлога публичныхъ документовъ, то здѣсь на первомъ планѣ по своему значенію стоитъ подлогъ, направленный противъ указовъ Правитель-

---

1) П. С. З. № 12870.

2) П. С. З. № 13655

ствующаго Сената [1]). Особенно часто встрѣчаются въ этомъ отношеніи указанія на подлоги въ указахъ Сената объ отставкѣ.

Въ законодательныхъ постановленіяхъ, издаваемыхъ по этому поводу, въ общемъ не содержится ничего новаго по сравненію съ предшествующими; только относительно карательной санкціи встрѣчаются нѣкоторыя отклоненія отъ того, что въ этомъ случаѣ опредѣлено въ Улож. въ гл. IV п. 1 и 2 и Воинск. Артик. гл. 22 арт. 201, на которые обыкновенно встрѣчаемъ мы ссылки въ указахъ. Измѣненіе въ санкціи заключается въ смягченіи наказуемости въ томъ случаѣ, когда виновный не воспользовался учиненнымъ имъ подлогомъ. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что въ подобныхъ случаяхъ для состава преступленія моментъ причиненія вреда третьимъ лицамъ не составлялъ существеннаго элемента: преступленіе считалось совершившимся съ момента учиненія поддѣлки или передѣлки подлиннаго документа [2]).

---

[1]) Въ указѣ 2 апр. 1747 (П. С. З. № 9388) упоминается, что нѣкій Яковъ Андреевъ въ данномъ ему, по челобитію его, изъ Правительствующаго Сената указѣ, до относа имъ того указа для запечатанія въ Печатную Контору, учинилъ подчистку и на той подчисткѣ излишнюю приписку. За это ему было приказано учинить жестокое публичное наказаніе и изъ казацкой службы и изъ числа добрыхъ людей, яко шельмованнаго человѣка, исключить, къ дѣламъ не опредѣлять и въ свидѣтели не принимать.

[2]) Въ указѣ 7 іюля 1767 г. (П. С. З. № 12931) говорится, что корнетъ Нахимовъ обвинялся въ томъ, что измѣнилъ указъ объ отставкѣ: вмѣсто 1) „пьянство“ написалъ „въ слабомъ здоровьѣ“, 2) вмѣсто „недостоинъ“—„хотя и достоинъ“. Къ нему слѣдовало бы, по словамъ указа, примѣнить Улож. 4 гл. 1 и 2 п. и Воин. Арт. гл. 22 арт. 201; но такъ какъ виновный никому вреда не учинилъ, то вмѣсто смертной казни опредѣлено было по Высочайшей резолюціи лишить его чиновъ. Въ другомъ указѣ мы находимъ подобное же смягченіе отвѣтственности за подлогъ въ виду того обстоятельства, что вреда отъ преступленія никому въ данномъ случаѣ не причинено. Именно указъ 15 сент. 1767 г. (П. С. З. № 12974) говоритъ, что былъ уволенъ въ отставку дворянинъ Гольцовъ и въ указѣ объ отставкѣ онъ учинилъ приправку и по чищенному написалъ въ двухъ мѣстахъ: вмѣсто „четырехъ душъ“—„душъ нѣтъ“

§ 15. Относительно подлога документовъ публичныхъ, но менѣе важныхъ по своему значенію, чѣмъ только что разсмотрѣнные, мы имѣемъ тоже не мало постановленій, относящихся къ данной эпохѣ. При этомъ здѣсь необходимо проводить различіе между подлогомъ этого рода, учиненнымъ лицами должностными (подлогъ служебный) и подлогомъ, учиненнымъ лицами частными.

Въ отношеніи подлога служебнаго руководящими являются: съ одной стороны постановленіе гл. XIII Генеральнаго Регламента, гдѣ говорится о пользованіи печатью коллегіи для подлоговъ (а ежели кто дерзнетъ оною печатью какіе подлоги чинить, таковаго не смотря на лицо, штрафовать яко невѣрнаго слугу, по препорціи умысла его и учиненной вреды, лишеніемъ чести и пожитка; а по состояніи важности дѣла, и живота лишенъ быть имѣетъ) [1]), съ другой стороны—постановленія гл. L Регламента [2]) о подлогѣ долж-

---

а вмѣсто „сержанта“ (съ этимъ чиномъ онъ былъ уволенъ въ отставку) „вахмистромъ“. Онъ признался, что учинилъ это „не для вымысла какого, но съ простоты своей и по неимѣнію за нимъ мужска пола душъ“. Въ докладѣ по этому дѣлу дѣлается ссылка на тѣ же статьи Уложенія и Воинск. Арт., что и въ приведенномъ выше указѣ, а затѣмъ говорится: „хотя... чрезъ вышеизъясненное его преступленіе никому никакого вреда не причинилъ, но тѣмъ не менѣе Юстицъ-Коллегія находитъ возможнымъ примѣнить къ нему смертную казнь, замѣнивъ ее на основаніи указа 1754 г. ссылкой въ Сибирь“; однако на это послѣдовала слѣдующая Высочайшая резолюція: „такъ какъ онъ никому кромѣ самого себя вреда не сдѣлалъ и довольное время сидѣлъ въ тюрьмѣ, то замѣня ему сіе тюремное его сидѣніе въ штрафъ, освободить“. Здѣсь очень любопытна та коллизія взглядовъ на сущность подлога, которая оказалась между Юстицъ-Коллегіей и Екатериной II. Для первой моментъ отсутствія вреда при подлогѣ не имѣетъ никакого значенія, для императрицы же оно является обстоятельствомъ, вліяющимъ на сильное уменьшеніе наказуемости.

[1]) Нельзя не замѣтить при этомъ, что карательныя послѣдствія здѣсь опредѣлены такъ же, какъ въ Воинскихъ Артикулахъ.

[2]) То же было раньше выражено въ Инструкціи крѣпостныхъ дѣлъ дьякамъ 20 окт. 1719 (П. С. З. № 3436).

ностномъ другихъ родовъ—здѣсь рѣчь идетъ о подлогѣ документовъ, обладаніе коими ввѣрено было данному лицу въ силу его должности; по содержанію здѣсь проводится различіе между подлогомъ интеллектуальнымъ—искаженіемъ содержанія документа безъ измѣненія формы его („или кто подъ какимъ-нибудь предлогомъ неправдиво учинитъ репортъ (или доношеніе) или о состояніи дѣла, а нѣкоторыя предложенія и протчее тому подобное съ умыслу удержитъ, или весьма утаитъ"), съ другой стороны—подлогомъ матеріальнымъ („или кто протоколы или другіе документы переправитъ фальшиво, и протчее въ такихъ притчинахъ подобное учинитъ"). Составъ этого преступленія, какъ можно это вывести изъ приведенныхъ текстовъ, обрисованъ въ Регламентѣ довольно подробно. Объектъ, на который непосредственно направляется дѣятельность виновнаго, — документы разнаго рода, которые приходилось составлять должностнымъ лицамъ въ кругѣ ихъ служебной дѣятельности; это—рапорты, протоколы, отчеты о состояніи дѣлъ и т. п. документы. Со стороны внутренней возможна была какъ умышленная дѣятельность, такъ и неосторожная, судя по той конструкціи, которая дается этому преступленію въ законѣ; именно въ той части текста ст. 50, которая предшествуетъ приведеннымъ выше текстамъ, говорится: „тѣ, которыя противъ своей должности оплошкою или вымысломъ погрѣшатъ, неотмѣнно наказаны будутъ по важности дѣла, яко же слѣдуетъ" (а затѣмъ идетъ перечисленіе разныхъ должностныхъ преступленій, въ числѣ которыхъ указанные виды помѣчены подъ 2 и 3). Такимъ образомъ законодатель допускалъ возможность учиненія подлога оплошкой, но собственно говоря, рѣчь шла въ этомъ случаѣ ужъ не о подлогѣ, а о нарушеніи спеціальной служебной обязанности. Ближайшимъ образомъ умыселъ не опредѣлялся въ законѣ: преступленіе учиняется „подъ какимъ нибудь предлогомъ", говорится въ Регламентѣ, такъ что для состава его корыстнаго намѣренія не требовалось. Съ внѣшней стороны достаточенъ былъ фактъ учиненія неправильнаго рапорта, переправки документа и т. п. дѣяній (т. е. напр. подчистки и т. д.). Что же касается наказуемости, то Гене-

ральный Регламентъ въ этомъ отношеніи постановлялъ: „таковымъ за преступленіе, какъ вышнимъ такъ и нижнимъ надлежитъ чинить смертная казнь или вѣчная на галеру ссылка съ вырѣзаніемъ ноздрей и отнятіемъ всего имѣнія".

Указы, которые слѣдовали за Генеральнымъ Регламентомъ обыкновенно подтверждали его постановленія [1]), иногда же они создавали новыя опредѣленія; такъ, напр. какъ особый видъ подлога должностного, предусматривается составленіе надсмотрщиками крѣпостныхъ дѣлъ и писцами заочно купчихъ: виновные на основаніи указа 1 авг. 1737 г. [2]) ссылаются на житье въ Сибирь по отнятіи всѣхъ имѣній.

Хотя въ Генеральномъ Регламентѣ и указывалось вполнѣ опредѣленно наказаніе за должностной подлогъ, но, какъ видно изъ судебной практики, наказаніе это часто замѣнялось другими болѣе мягкими, на основаніи отдѣльныхъ указовъ, въ виду тѣхъ или другихъ обстоятельствъ дѣла [3]). При Ека-

[1]) Наказъ земскимъ дьякамъ или секретарямъ 20 Апр. 1720 г. (П. С. З. № 3571) говоритъ: „если бы дерзалъ земскій дьякъ въ своихъ дѣлахъ подлоги какіе дѣлать... то онъ по изобрѣтенію дѣла: слѣдуя указамъ и уложеніямъ, наказанъ быти имѣетъ"; точно также сенатскій указъ 2 ноября 1730 (П. С. З. № 5640) постановляетъ, „ежели по тѣмъ дѣламъ (Вотчинной Коллегіи) явится секретарскій явный подлогъ и преступленіе, за то наказывать по указамъ и регламенту".

[2]) П. С. З. № 7339.

[3]) Такъ по указу 8 дек. 1752 г. (П. С. З. № 10055) одинъ подъячій за фальшивую записку въ книгѣ количества оставшейся у него соли наказанъ былъ кнутомъ. Далѣе указъ 4 авг. 1766 г. (П. С. З. № 12714) говоритъ о томъ, что Воеводской Звенигородской канцеляріи съ приписью подъячій Матѳей Протопоповъ обвинялся въ томъ, что „въ доношеніи, посланномъ въ сенатъ, и въ послужномъ спискѣ о бывшемъ тамъ воеводѣ, капитанѣ Хомяковѣ, учинилъ приписки, будто онъ, Хомяковъ, за болѣзнями воеводой быть не желаетъ, а въ статской службѣ неспособенъ, и къ произвожденіи чина недостоинъ, умышленно по злобѣ на него Хомякова"; виновнаго въ этомъ за таковую о Хомяковѣ умышленную приписку и за презрѣніе должности своей и присяги, въ силу Генеральнаго Регламента 29-й и 50-й главы, приказано было, отрѣша отъ дѣлъ, высѣчь плетьми

теринѣ же II подлогъ влекъ за собой главнымъ образомъ ссылку въ Сибирь, потому что, какъ говорится въ указѣ 15 янв. 1768 г. [1]), „въ моемъ Наказѣ такое преступленіе не положено между заслуживающими смертной казни". При этомъ можно видѣть, что императрица нерѣдко старалась подобрать особенное наказаніе къ данному случаю подлога, чтобы было какое-нибудь взаимное соотношеніе между преступленіемъ и наказаніемъ. Такъ, въ только что приведенномъ указѣ рѣчь шла объ одномъ канцеляристѣ Вотчинной Коммиссіи, обвинявшемся въ цѣломъ рядѣ подлоговъ: онъ „1) подписался подъ руку секретаря; 2) подписался подъ руку канцеляриста; 3) печать казённую, срѣзавъ съ Сенатской справки, къ своей приложилъ; 4) всю справку фальшивую самъ сочинилъ; 5) все сіе сдѣлалъ изъ лихоимства". За все это ему опредѣлено было слѣдующее наказаніе: „посадить на одну недѣлю на хлѣбъ и на воду и послѣ сослать въ Нерчинскъ въ работу на столько лѣтъ, сколько въ преступленіи его подлоговъ онъ употребилъ; по окончаніи же работъ, отдать его на поселеніе". Въ другомъ указѣ 28 янв. 1782 г. [2]) устанавляется еще болѣе оригинальное наказаніе въ одномъ частномъ случаѣ. Регистраторъ магистратской конторы, Никита Шацкій обвинялся въ томъ, что онъ „учинилъ подъ копіей съ рѣшительнаго той конторы опредѣленія въ аппеляціонномъ срокѣ переправку изъ 10-го 19 число марта 1780 г.". Сенатъ нашелъ здѣсь составъ преступленія, предусмотрѣннаго Улож. въ 4 гл. 2 п. („будетъ кто учнетъ какія письма воровствомъ наряжати"), Воинскими Артикулами въ 21 гл. арт. 189 и Генеральнымъ Регламентомъ въ гл. 50, и опредѣлилъ за него смертную казнь, но въ силу указа 30 сент. 1754 г. постановилъ вмѣсто смертной казни бить кнутомъ, вырѣзать ноздри, заклеймить и сослать въ каторжныя работы. Однако императрица Екатерина II на это рѣшеніе положила слѣдующую

нещадно и написать въ солдаты въ отдаленные полки въ Сибирскій корпусъ".

[1]) П. С. З. № 13054.

[2]) П. С. З. № 15336.

резолюцію: „Шацкаго за ложный поступокъ дѣйствіемъ, лиша чиновъ, заклеймить подъ висѣлицей на правой рукѣ первой буквой слова: „лжецъ“ и потомъ сослать въ каторжную работу вѣчно“. Надо еще замѣтить, что если виновнымъ въ подлогѣ документовъ оказывался офицеръ, то къ нему примѣнялись постановленія только Воинскихъ Артикуловъ, и на нихъ дѣлались ссылки въ соотвѣтствующихъ указахъ [1]).

Къ разсматриваемой группѣ должностныхъ подлоговъ слѣдуетъ отнести еще подлоги со стороны священниковъ въ исповѣдныхъ росписяхъ и при свидѣтельствованіи присяги [2]).

Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ постановленій съ ясностью вытекаетъ, что законодательству этой эпохи, равно какъ и судебной практикѣ, не чуждо было ясное пониманіе существа преступленія подлога документовъ, какъ самостоятельнаго преступнаго дѣянія, которое должно быть отличаемо отъ другихъ. Корыстный моментъ въ составъ преступленія не входитъ, и тамъ, гдѣ на первый планъ при совершеніи преступленія выступаетъ этотъ мотивъ, и самое преступленіе заключается

---

[1]) Такъ Высочайше утвержденные для Провіантскаго Правленія регулы 9 янв. 1758 г. (П. С. З. № 10788) опредѣляютъ въ гл. II п. 19 наказаніе по Воинскимъ Артикуламъ за вырѣзаніе и переписку листовъ въ приходныхъ и расходныхъ книгахъ, также, „когда у кого въ книгахъ усмотрѣны будутъ неуказные расходы и фальшивыя росписки, съ таковыхъ употребленныя деньги взыскивать вдвое, а за фальшивыя росписки поступать съ ними по Воинскимъ же Артикуламъ“; тоже въ главѣ IV п. 13 и 14 приказывается чинить наказаніе по Воинскимъ Артикуламъ за другіе случаи подлоговъ.

[2]) Указъ 16 марта 1718 г. (П. С. З. № 3183) по этому поводу устанавливаетъ: „и буде послѣ взятія сказки котораго попа сыщется противу поданныхъ росписей неправда и утаеніе, а именно: что неисповѣданный написанъ исповѣдовавшимся, или противникъ церкви написанъ непротивникомъ“, то виновные лишаются имуществъ, извергаются изъ сана, затѣмъ отдаются гражданскому суду и наказываются каторжной работой; резолюція же 20 марта 1740 г. (П. С. З. № 8040) упоминаетъ о наказаніи священниковъ въ 1730 и 1731 гг. за подложную къ присягамъ подписку отдачей въ солдаты.

въ противозаконномъ обогащеніи путемъ обмана, а не въ посягательствѣ на неприкосновенность знаковъ удостовѣренія имѣющихъ юридическое значеніе событій, судебная практика примѣняла постановленія о мошенничествѣ, а не объ обманѣ. Особенно ясно выразилось это въ указѣ 20 окт. 1767 г. [1]) по слѣдующему дѣлу: бывшій копіистъ Корольковъ ходилъ къ депутатамъ, прибывшимъ въ Коммиссію сочиненія проекта новаго уложенія, съ ложною повѣсткою, якобы отъ Герольдіи, чтобы они 25-го іюля явились въ помянутую Коммиссію, и за то собиралъ съ нихъ деньги. Коммиссія нашла, что о томъ, что за обманъ чинить, точныхъ законовъ не имѣется, а почитая обманъ равнымъ мошенничеству, примѣнила здѣсь Уложеніе гл. 21, п. 9 и 11.

Слѣдующій видъ подлога о которомъ говорится въ сепаратныхъ указахъ—подлогъ документовъ публичныхъ, но учиненный лицами частными, а не должностными.

Опредѣленій о подлогѣ этого рода въ указахъ мы находимъ немного. Указъ 6 іюня 1749 г. [2]) угрожаетъ наказаніемъ („виновныхъ штрафовать по указамъ безъ упущенія") въ случаѣ писанія крѣпостей посадскими на отобранныхъ у нихъ крестьянъ. Относительно лицъ, принимающихъ участіе въ подлогѣ документовъ тѣмъ, что они ложно подписываютъ неправыя крѣпости, указъ 9 дек. 1723 г. [3]) приказываетъ: „указъ чинить по военнымъ артикуламъ, изъ которыхъ составить пунктъ и внести въ Уложеніе". Позднѣйшій указъ 25 апр. 1807 г. [4]) опредѣляетъ за ложную подпись при брачномъ обыскѣ (напр. если свидѣтель подписался, что данное лицо не женато, тогда какъ оно на самомъ дѣлѣ женато) сообщать, куда слѣдуетъ, духовнымъ властямъ, а свѣтскимъ властямъ поступать по законамъ. Вообще же наша судебная практика подводила этотъ видъ подлога подъ гл. IV п. 1 и 2 Уложе-

---

[1]) П. С. З. № 12981.
[2]) П. С. З. № 9625.
[3]) П. С. З. № 4389.
[4]) П. С. З. № 22524.

нія 1649 г., давая такимъ образомъ широкое толкованіе употребленному тамъ выраженію: „или иныя письма“ [1]).

Какъ особый видъ подлога публичныхъ документовъ, упоминается въ указахъ поддѣлка печатныхъ паспортовъ, но ближайшаго опредѣленія о наказаніи, положенномъ за это преступленіе, въ указахъ не содержится [2]).

§ 16. Что касается подлога частныхъ документовъ, то по указамъ данной эпохи сюда относятся слѣдующіе виды его: 1) подлогъ „писемъ“, которыми вотчинники отпускаютъ своихъ крестьянъ; за подлогъ этихъ писемъ, за „воровскія составныя письма“ указъ 19 февр. 1721 г. [3]) угрожаетъ виновнымъ вырѣзаніемъ ноздрей и ссылкой въ галерную работу вѣчно; 2) подлогъ довѣренности [4]); 3) подлогъ закладной [5]); 4) подлогъ векселей.

Этотъ послѣдній видъ подлога неизвѣстенъ былъ въ прежнюю эпоху, какъ неизвѣстны были нашему прежнему правовому обороту и векселя, получившіе развитіе и законодательную регламентацію при ближайшихъ преемникахъ Петра В. Первый памятникъ, который говоритъ о подлогѣ векселей въ

[1]) Таковъ напр. указъ 5 сент. 1773 г. (П. С. З. № 14033).

[2]) Указъ 9 іюля 1747 г. (П. С. З. № 9417); здѣсь говорится, что найдена была въ одномъ мѣстѣ у бѣглыхъ крестьянъ воровская вырѣзанная свинцовая доска и вырѣзанныя же свинцовыя печати, да 26 воровскихъ печатныхъ паспортовъ; съ виновными было повелѣно поступить по указамъ, „дабы чрезъ то такое воровство могло быть вовсе пресѣчено“.

[3]) П. С. З. № 3743.

[4]) Въ указѣ 21 янв. 1734 г. (П. С. З. № 6487) говорится о подлогѣ письма, которымъ будто бы мужъ разрѣшалъ женѣ продать имѣніе; наказаніе въ этомъ указѣ не опредѣляется.

[5]) Указъ 23 авг. 1737 г. (П. С. З. № 7355). Другой случай подлога закладной находимъ мы въ слѣдующей Высочайшей резолюціи отъ 8 февр. 1738 г. (П. С. З. № 7503); здѣсь разсказывается о томъ, что „капралъ Алфимовъ занялъ у поручика Руданова денегъ 200 руб., въ которыхъ деньгахъ заложилъ ему двѣ деревни отца своего, и у той закладной, для полученія себѣ денегъ, подписался подъ руку поручика Лопухина, будто бы онъ, Лопухинъ, по немъ, Алфимовѣ, въ томъ порукою, безъ вѣдома его самъ своею рукою“.

нашемъ законодательствѣ — Вексельный Уставъ 1729 г. [1]). Уставъ содержитъ довольно подробное ученіе о подлогѣ векселей и, что весьма важно, проводитъ строгое различіе между мошенничествомъ, совершеннымъ посредствомъ представленія ко взысканію утратившаго силу векселя [2]), и подлогомъ въ собственномъ смыслѣ, о которомъ ст. 35 (о воровствѣ въ составѣ векселей и опискахъ) содержитъ такое постановленіе: „а ежели кто подъ руки кого нибудь въ векселяхъ подпишется и тѣмъ или инымъ образомъ сдѣлаетъ воровски вексель и въ томъ пойманъ и обличенъ будетъ, такимъ за оное воровство чинить казнь по Уложенію"; здѣсь имѣется въ виду съ одной стороны подложное подписаніе векселя, а съ другой—всякая иная поддѣлка его; для состава преступленія съ внутренней стороны требуется умышленная дѣятельность, такъ какъ прямо сказано въ текстѣ Устава, что описка „за фальшъ" не ставится [3]), а со стороны внѣшней достаточенъ фактъ поддѣлки; употребленія поддѣланнаго векселя, какъ и въ другихъ случаяхъ, для состава преступленія не требуется. Но, опредѣливъ такимъ образомъ довольно подробно составъ подлога векселей, Вексельный Уставъ дѣлаетъ общую ссылку на Уложеніе 1649 г. по вопросу о наказуемости подлога [4]), а

---

[1]) П. С. З. № 5410.

[2]) Въ этомъ отношеніи въ ст. 34 (о тѣхъ, кто будетъ по уничтоженному векселю денегъ искать), говорится: „а ежели кто, оставя Вексельный Уставъ, будетъ и въ трехмѣсячномъ срокѣ, получа пропалой или украденой, или и самъ подаватель по уничтоженному векселю искать денегъ причитая, якобы ни по которому изъ нихъ деньги не заплачены ... такому за умышленное воровство чинить публичное наказаніе, и шельмовать въ томъ судѣ, гдѣ такія экзекуціи чинить указано" (въ нѣмец. текстѣ „воровство" переведено „Betrug").

[3]) Или, какъ говорится въ нѣмецкомъ текстѣ Устава: „soll dieses Versehen ihm nicht als ein dolus malus imputirt werden".

[4]) Только указъ 23 февр. 1752 г. (П. С. З. № 9943) общимъ образомъ опредѣляетъ, что виновныхъ въ дѣланіи фальшивыхъ векселей вмѣсто смертной казни и вѣчной ссылки слѣдуетъ наказывать ссылкой на работу въ Рогервикъ.

такъ какъ въ Уложенiи о подлогѣ говорилось въ нѣсколькихъ статьяхъ, то и въ судебной практикѣ замѣчается сомнѣнiе по поводу того, куда именно отнести подлогъ векселей. Разсматривая ближе судебную практику, мы видимъ, что въ ней вовсе нѣтъ ссылокъ на гл. IV Уложенiя, хотя тамъ и говорится между прочимъ (въ 20-мъ пунктѣ) о подлогѣ „писемъ“ вообще. Какъ мы уже говорили выше, гл. IV имѣла въ виду исключительно подлогъ документовъ публичныхъ, вслѣдствiе чего и практика не въ состоянiи была отнести къ ней случай подлога частныхъ документовъ; поэтому при опредѣленiи наказанiя она ссылается на разныя статьи Уложенiя 1649 г.: она или упоминаетъ ст. 251 Ул. гл. X, говорящую о составленiи подложной крѣпости путемъ вымогательства чужой подписи (такое указанiе мы находимъ напр. въ указѣ 1 сент. 1752 г.) [1]), или же она ссылается кромѣ этой статьи еще на ст. 35 и 36 гл. XVII Уложенiя [2]), говорящiя о под-

---

[1]) П. С. З. № 10023; здѣсь говорится, что нѣкiй Ѳедоръ Чечулинъ написалъ подложно отъ имени Григорiя Боткина вексельное письмо по согласiю съ другимъ лицомъ, послѣ того, какъ по векселю въ Конторѣ Глав. Магистрата уже дѣло было, для отбыванiя по векселю платежа денегъ; виновные подписались „воровски“ подъ руки Боткина. За силой Уложенiя гл. X п. 251 и Векс. Уст. п. 35— они подлежали наказанiю кнутомъ, но такъ какъ они признались, то вмѣсто кнута были наказаны „публично плетьми“.

[2]) Указъ 30 янв. 1766 г. (П. С. З. № 12561) говоритъ, что нѣкiй Татищевъ обвинялся въ сочиненiи двухъ фальшивыхъ векселей и въ подпискѣ ихъ и въ составленiи еще третьяго векселя, который онъ, не зная купецкой знакомой руки, подъ которую бы подписаться могъ, безъ всякаго произвожденiя изодралъ, кромѣ того онъ еще другiе векселя, вѣдая, что они, фальшивые, къ себѣ взялъ, и хотя онъ по нѣкоторымъ изъ тѣхъ векселей взыскивать платежъ покушался, однако же того въ самомъ дѣлѣ въ дѣйствiе по разнымъ препятствiямъ, не произведено. Къ нему примѣнены были Векс. Уст. гл. I, 34 и 35, Улож. X, гл. 251, XVII, 35 и 36, и рѣшено было учинить ему наказанiе кнутомъ и отсѣчь руку. Но вмѣсто этого императрица признала возможнымъ назначить другое наказанiе: было приказано вывести его на площадь предъ коллегiями съ надписью на груди „преступникъ указовъ и сочинитель

логѣ закладной или купчей на вотчину, совершенномъ посредствомъ подписки подъ чужую руку; причемъ въ этомъ случаѣ назначается наказаніе — отсѣченіе руки, ни въ одной изъ приводимыхъ въ указѣ статей не указанное. Наконецъ, можно привести одинъ указъ Екатерины II, гдѣ подлогъ векселя прямо приравнивается воровству, и гдѣ такимъ образомъ видна тенденція сближать это преступленіе съ кражей. Это— указъ 16 сент. 1774 г. [1]).

Въ заключеніе надо замѣтить еще, что въ памятникахъ встрѣчается нерѣдко выраженіе: „ложный вексель“, причемъ ему придается нѣсколько иное значеніе, чѣмъ вексель подложный: такъ въ Уставахъ о банкротахъ подъ ними разумѣются векселя, формально правильные, но безденежные и выданные въ ущербъ другимъ кредиторамъ [2]).

Что касается процессуальныхъ особенностей по дѣламъ о подлогахъ, то въ этомъ отношеніи можно привести руководящій указъ 20 янв. 1754 г. [3]), по которому дѣла о подлогѣ приказано было производить слѣдствіемъ, а не судомъ. Далѣе еще нѣкоторыя отдѣльныя постановленія касаются дѣлъ о подлогѣ векселей; такъ, указъ 11 марта 1805 г. [4]) поста-

---

фальшивыхъ векселей“, затѣмъ, продержавъ 1/2 часа у столба, заключить въ тюрьму на 1 годъ и первыя двѣ недѣли давать ему только хлѣбъ и воду, и ни къ какимъ государственнымъ дѣламъ и службѣ не допускать.

[1]) П. С. З. № 14189; въ немъ идетъ рѣчь о сочиненіи фальшиваго векселя отъ имени Наталіи Воейковой на имя иностраннаго купца Деклера. Виновные по силѣ Улож. г. 21 п. 9 и 64 и Воинск. Уст. на артикулъ 189 толкованія, т. е. за кражу, были наказаны кнутомъ.

[2]) Въ такомъ смыслѣ о нихъ говорятъ Уставъ о банкротахъ 15 дек. 1740 г. п. 14 (П. С. З. № 8300) и Уставъ о банкротахъ 19 дек. 1800 г. (П. С. З. № 19692), гдѣ въ части I отд. XXIV при опредѣленіи понятія злостнаго банкрота (въ § 138) между прочимъ сказано: „кто дастъ на себя ложные векселя, крѣпости, контракты, заклады или иныя какія-либо обязательства, по которымъ упомянутаго въ оныхъ платежа не получилъ“.

[3]) П. С. З. № 10176.

[4]) П. С. З. № 21655.

новляетъ о непроизвожденіи вексельныхъ дѣлъ уголовнымъ порядкомъ до окончательнаго разсмотрѣнія ихъ порядкомъ гражданскимъ, а, какъ слѣдуетъ изъ указа 6 іюля 1753 [1]), нерѣдко учреждались особыя коммиссіи отъ сената для разслѣдованія дѣлъ о подлогѣ этого рода.

§ 17. Сообразно намѣченному плану, намъ слѣдуетъ обратиться теперь къ разсмотрѣнію постановки вопроса о подлогѣ документовъ въ проектахъ уголовныхъ уложеній XVIII и начала XIX вв., изъ которыхъ одни являются первыми попытками кодификаціи нашего уголовнаго законодательства, другіе представляютъ изъ себя опыты созданія новыхъ кодексовъ на основаніи началъ, главнымъ образомъ почерпнутыхъ изъ западной Европы. Здѣсь придется остановиться на проектахъ елизаветинской коммиссіи 1754—1766 г., проектѣ Якоба 1811 г. и такъ называемомъ правительственномъ проектѣ 1813 г.

Проекты елизаветинскихъ коммиссій 1754—1766 гг. представляютъ интересъ въ томъ отношеніи, что они являются сводомъ дѣйствующаго уголовнаго законодательства, дополненнымъ разсужденіями членовъ коммиссіи. Составители проектовъ стремились сгруппировать по особымъ отдѣламъ тотъ матеріалъ, который представляло въ то время наше уголовное законодательство, и въ этомъ отношеніи, конечно, они внесли нѣкоторую самобытность въ конструкціи отдѣльныхъ преступленій по сравненію съ современнымъ законодательствомъ, причемъ нельзя здѣсь не замѣтить слѣдовъ иноземнаго вліянія. Отдѣльныя преступленія ими выдѣлены въ особыя главы [2]), и среди нихъ подлогъ документовъ помѣщенъ въ главу 54-ую, озаглавленную „о фальшивыхъ писемъ, печатей, крѣпостей, векселей, паспортовъ сочинителяхъ и о другихъ тому подобныхъ подлогахъ и преступленіяхъ“. Заслуживаетъ вниманія то, что рядомъ съ этой главой въ главѣ 55-й—предусмотрѣна

---

[1]) П. С. З. № 10116.

[2]) Ср. указъ 24 авг. 1754 г. (П. С. З. № 10283), содержащій планъ къ сочиненію новаго уложенія.

поддѣлка мѣръ и вѣсовъ („о такихъ, которые фальшивые вѣсы и мѣры держатъ"), а въ 56-й—перемѣщеніе границъ („объ испорченіи межей и граней"). Останавливаясь на порядкѣ слѣдованія другъ за другомъ послѣднихъ трехъ главъ и существѣ заголовковъ къ нимъ, нельзя не замѣтить большого сходства въ расположеніи матеріала въ этихъ проектахъ съ Каролиной въ ст. 112—114; даже слѣдующая глава 57-ая „о ябедникахъ и о чинимой отъ повѣренныхъ продажѣ" соотвѣтствуетъ ст. 115 Каролины, говорящей о преварикаціи, такъ что по всей вѣроятности составителями проектовъ имѣлась въ виду система этого нѣмецкаго кодекса. Кромѣ того нѣкоторыя постановленія о подлогѣ документовъ находимъ мы въ гл. 51-й „о преступникахъ указовъ и о лихоимствѣ", гдѣ рѣчь идетъ о должностномъ подлогѣ.

Если обратиться къ ближайшему разсмотрѣнію статей проектовъ уложенія 1754—1766 гг. по вопросу о подлогѣ документовъ, то можно замѣтить прежде всего, что составители проектовъ исполнили свою работу крайне несовершенно: единство принципа въ системѣ ихъ не проведено, и даже мѣры исключительно предупредительнаго свойства сплошь да рядомъ примѣшиваются къ мѣрамъ карательнымъ, помѣщаясь среди послѣднихъ. Такъ, напр. въ главѣ 54-й среди другихъ параграфовъ помѣщенъ § 5, въ которомъ излагаются постановленія указовъ апрѣля 1747 г. и 17 марта 1748 г., выставляющія требованіе посылать указы по челобитчиковымъ дѣламъ, запечатавъ ихъ въ пакеты, подъ угрозой ареста на мѣсяцъ; здѣсь же приводится извѣстное уже требованіе о томъ, чтобъ печати съ полученныхъ пакетовъ немедленно ломались.

Анализируя постановленія гл. 54-й, легко убѣдиться въ томъ, что она не имѣетъ однороднаго содержанія, какъ это, впрочемъ, слѣдуетъ и изъ самаго ея заголовка; она говоритъ о подлогѣ документовъ разнаго рода и „другихъ тому подобныхъ подлогахъ и преступленіяхъ", куда относятся слѣдующія преступленія: злостное банкротство (§ 8); вымогательство документа (§ 9 сообразно ст. 251 гл. X Улож. 1649 г.); ложное обвиненіе въ вымогательствѣ крѣпости (§ 10—соотвѣт-

ствуетъ ст. 251 гл. X Улож.); продажа или закладъ имѣнія или крестьянъ двоимъ или многимъ лицамъ (§ 13 соотвѣтствуетъ Улож. гл. X ст. 34); отпирательство отъ своей подписи на векселѣ и отъ подписи на крѣпости, другимъ по его просьбѣ учиненной (§ 14 и 15—разсужденіе коммиссіи и Ул. гл. 17 ст. 34); написаніе крѣпостныхъ дѣлъ надсмотрщиками крѣпостей безъ довѣренностей заочно или на имя лицъ, не имѣющихъ правъ владѣть недвижимостью (§ 20 и 21 соотв. ук. 11 мая 1744 г. и 24 марта 1746 г.); отдача или продажа подложно чужихъ людей въ рекруты (§ 16, 17 и 18, основанные на указахъ 4 дек. 1748 г. и 13 мая 1754 г.); принятіе непринадлежащаго имени, прозвища или званія (§ 22 и 23, основанные на Воен. арт. 202, указахъ 26 іюня 1722 г. и сент. 1742 г.); отреченіе отъ своихъ законнорожденныхъ дѣтей или выдаваніе чужихъ подставныхъ дѣтей за законнорожденныхъ своихъ, дабы выключить первыхъ изъ наслѣдства, а во второмъ случаѣ—дабы наслѣдіе умершаго себѣ закрѣпить (§ 24 и 25—въ текстѣ проекта указывается, что это составлено „по разсужденію коммиссіи"); возмущеніе крестьянъ противъ помѣщиковъ и приведеніе ихъ въ непослушаніе какими-нибудь „воровскими образы и обманствы" (§ 26—тоже составлено по разсужденію коммиссіи).

Изъ этого перечисленія отдѣльныхъ преступленій слѣдуетъ, что вмѣстѣ съ подлогомъ въ данной главѣ предусмотрѣны были преступленія, имѣющія между собой весьма мало общаго: здѣсь указаны разные случаи мошенничества и другихъ имущественныхъ преступленій, преступленія противъ порядка управленія и т. д. Давая всѣмъ имъ общую характеристику, можно сказать, что вездѣ здѣсь имѣется въ виду подлогъ въ широкомъ смыслѣ, какъ онъ понимался въ законодательствѣ прошлаго вѣка, т.-е. обманъ вообще, и этотъ моментъ характеризуетъ собой и связываетъ всѣ разнообразныя преступныя дѣянія, отнесенныя въ данную группу. Для составителей проектовъ онъ былъ наиболѣе осязательнымъ моментомъ, благодаря которому являлась возможность объединять многія разнообразныя преступленія; самый подлогъ документовъ при-

знается „подобнымъ“ другимъ подлогамъ и преступленіямъ, являясь не болѣе, какъ видомъ обмана или подлога вообще, въ конструкціи котораго уже замѣчаются начатки конструкціи группы „лживыхъ поступковъ“ Свода Законовъ.

Останавливаясь на ближайшемъ разсмотрѣніи подлога документовъ, мы должны признать, что въ проектахъ замѣчается стремленіе свести въ нѣкоторую систему отдѣльныя постановленія о немъ предыдущаго времени, причемъ критеріемъ берется свойство самаго поддѣлываемаго акта.

Такъ, къ подлогу документовъ проекты относятъ прежде всего виды подлога публичныхъ документовъ, предусмотрѣнные раньше въ Уложеніи 1649 г. въ гл. IV п. 1—4 (§ 1—4); но при этомъ они дѣлаютъ одно измѣненіе: заимствуя 2-й пунктъ изъ Уложенія, они говорятъ только о прикладываніи отрѣзанной печати къ подложнымъ документамъ, оставляя въ сторонѣ конецъ этого пункта, гдѣ говорится: „или будетъ кто учнетъ какія письма воровствомъ же наряжати и приказныя письма переправливати мимо Государеву указу“—эта часть отброшена, очевидно, потому, что приведенныя слова обнимаются пункт. 1-мъ, такъ какъ подъ словомъ: „письмо“, какъ это уже указывалось, надо разумѣть здѣсь только приказныя письма.

Слѣдующій видъ подлога по проектамъ—подлогъ частныхъ документовъ; здѣсь впервые въ нашемъ законодательствѣ говорится общимъ образомъ о подлогѣ документовъ частныхъ, составленныхъ притомъ безъ участія должностныхъ лицъ, именно § 6 говоритъ: „ежели кто подъ чью нибудь руку въ векселяхъ и въ роспискахъ, квитанціяхъ и въ счетахъ и въ другихъ тому подобныхъ письмахъ подпишется и тѣмъ или инымъ образомъ сдѣлаетъ воровскіе векселя, росписки, счетныя квитанціи и другія тому подобныя письма и въ томъ пойманъ и изобличенъ будетъ, такимъ за оное воровство чинить наказаніе кнутомъ и ссылать на каторгу вѣчно“. Хотя относительно источника этой статьи въ проектахъ указанія не содержится, но, очевидно, что въ основаніе ея легла главнымъ образомъ ст. 35 Векс. Уст. 1729 г., подвергшаяся только нѣ-

которому распространенію; при этомъ, такъ какъ для составителей проектовъ существенное значеніе при подлогѣ, какъ и при другихъ преступленіяхъ, отнесенныхъ въ главу 54-ую, имѣетъ моментъ лжи, то они не стремятся проводить принципіальное различіе между случаями подлога документовъ и мошенничества, совершаемаго путемъ актовъ, что особенно ясно видно изъ того, что среди случаевъ подлога въ § 7 предусматривается мошенничество, совершаемое путемъ предъявленія векселя, самого по себѣ не поддѣльнаго, — преступленіе, о которомъ въ Векс. Уст. говорится отдѣльно отъ подлога въ ст. 34.

Третій видъ подлога документовъ, предусмотрѣнный проектами, подлогъ документовъ частнаго характера, составляемыхъ при участіи должностныхъ лицъ, — прежде всего подлогъ купчихъ и закладныхъ на недвижимое имѣніе или дворовыхъ людей и крестьянъ; этотъ видъ подлога описывается такъ: „если при продажѣ чужого имѣнія продавецъ напишетъ купчую или закладную именемъ того, чье то недвижимое было, и къ той купчей или къ закладной руку приложитъ и въ записныхъ книгахъ роспишется именемъ того жъ" (§ 11, соотвѣтствующій Улож. гл. 17 ст. 35); сюда же относится составленіе подложныхъ отпускныхъ бѣглыми людьми и крестьянами, чему приравнивается сочиненіе паспортовъ ими же или же другими лицами на свои прямыя или перемѣнныя имена (§ 19—соотвѣтственно указамъ 13 мая 1754 г., 22 апр. 1722 и 5 мая 1744).

Наконецъ, отдѣльно отъ этихъ видовъ подлога, сообразно съ гл. 50 Генеральнаго Регламента въ § 9 гл. 51-ой, предусматривается подлогъ должностной — невѣрное составленіе рапортовъ и фальшивое переправливаніе журналовъ, протоколовъ и другихъ документовъ.

Не вдаваясь въ болѣе подробное разсмотрѣніе состава подлога документовъ по проектамъ 1754—66 гг., такъ какъ онъ обрисованъ вообще согласно съ дѣйствовавшимъ правомъ, (напр. для оконченнаго дѣянія требовался лишь фактъ учиненія подлога, а не употребленіе подложнаго), нужно замѣтить

только, что, какъ видно изъ разсмотрѣнныхъ постановленій, представленіе о подлогѣ документовъ, какъ о самостоятельномъ преступленіи, не отличалось здѣсь особенной отчетливостью. То широкое понятіе подлога или обмана, которое въ эту пору сложилось въ нашемъ законодательствѣ, оказало свое вліяніе на проекты. Всѣ преступленія, гдѣ замѣтенъ моментъ обмана, составители проектовъ считаютъ нужнымъ соединить вмѣстѣ, не заботясь о томъ, что объектъ посягательства въ нихъ неодинаковъ, вслѣдствіе чего и строгаго проведенія разграниченія случаевъ подлога отъ мошенничества здѣсь не могло быть. Эту точку зрѣнія заимствуетъ, какъ указано выше, и Сводъ Законовъ, пользуясь однимъ общимъ источникомъ съ проектами 1754—1766 гг.—законодательствомъ прошлаго столѣтія, и представляя изъ себя дальнѣйшее развитіе его началъ. Но прежде чѣмъ перейти къ Св. Зак., необходимо еще остановиться на проектахъ уголовнаго уложенія начала нынѣшняго вѣка, покоящихся на нѣсколько иныхъ началахъ.

§ 18. Законодательная дѣятельность въ области уголовнаго права въ царствованіе императора Александра I вылилась въ двухъ проектахъ уголовныхъ кодексовъ, смѣнившихъ одинъ другой, но не получившихъ законодательной санкціи. Это—проектъ 1811 г. проф. харьковск. универс. Якоба, написанный на нѣмецкомъ языкѣ, и проектъ 1813 г., правительственный, во многихъ своихъ положеніяхъ сходный съ первымъ.

Проектъ 1811 г. въ отношеніи своихъ постановленій о подлогѣ въ исторіи нашего уголовнаго права важенъ тѣмъ, что это преступленіе получаетъ въ немъ вполнѣ самостоятельное значеніе и имѣетъ значительно очерченный характеръ, и это тѣмъ болѣе странно, что Якобъ, имѣя подъ руками германскія законодательства, въ которыхъ въ эту эпоху подлогъ весьма мало еще различался отъ мошенничества, далъ въ своемъ проектѣ вполнѣ опредѣленное положеніе этому преступному дѣянію въ общей системѣ преступленій. Въ этомъ отношеніи онъ безспорно оказалъ вліяніе и на проектъ 1813 года, но дальнѣйшее движеніе нашего уголовнаго законодательства

шло инымъ путемъ. Якобъ имѣлъ цѣлью написать для Россіи новый уголовный кодексъ и сдѣлалъ это, не всегда справляясь съ духомъ нашего законодательства, вслѣдствіе чего многія его положенія не могли войти въ нашу жизнь.

Подлогъ документовъ въ этомъ проектѣ разсматривается въ числѣ публичныхъ преступленій, причемъ здѣсь вовсе не дѣлается того разграниченія отдѣльныхъ видовъ подлога, какое мы видимъ въ баварскомъ уложеніи 1813 г., гдѣ подлогъ документовъ частныхъ выдѣленъ изъ группы преступленій публичныхъ, отнесенъ къ преступленіямъ частнымъ и сопоставленъ съ мошенничествомъ, и только подлогъ публичныхъ документовъ считается преступленіемъ публичнымъ, между тѣмъ какъ предполагается, что баварское уложеніе 1813 г. (въ рукописи) было уже извѣстно Якобу и послужило источникомъ нѣкоторыхъ его положеній. Подлогъ документовъ входитъ въ группу преступленій противъ общественнаго довѣрія (Verbrechen gegen öffentliche Treu und Glauben); только должностной подлогъ выдѣленъ изъ этой группы и отнесенъ къ преступленіямъ должностнымъ. Напротивъ, мошенничество отнесено къ группѣ преступленій частныхъ, такъ что принципіальное разграниченіе подлога отъ мошенничества въ проектѣ Якоба установлено. Но, создавая широкую группу преступленій противъ общественнаго довѣрія, проектъ говоритъ здѣсь и о такихъ преступленіяхъ, которымъ мѣсто, собственно говоря, среди случаевъ мошенничества, но которымъ между прочимъ присущъ и моментъ нарушенія общественнаго довѣрія, что было достаточнымъ поводомъ для составителя проекта къ тому, чтобъ выдѣлить это преступленіе изъ группы имущественныхъ преступленій. Это обстоятельство лишній разъ показываетъ, какъ мало можетъ быть достигнуто съ установленіемъ группы посягательствъ противъ общественнаго довѣрія, въ силу крайней неопредѣленности самаго этого понятія. Дѣйствительно, въ группу этихъ преступленій проектъ (§ 282) относитъ: 1) поддѣлку монетъ и иныхъ платежныхъ средствъ; 2) поддѣлку и передѣлку публичныхъ печатей, штемпелей, подписей, актовъ

(Aktenstücke), аттестатовъ и другихъ служащихъ для засвидѣтельствованія публичныхъ бумагъ или знаковъ; 3) поддѣлку употребляемыхъ въ торговомъ оборотѣ (in Handel und Wandel) мѣръ, вѣсовъ и знаковъ; 4) ложныя показанія на судѣ [1]). Всѣ эти преступленія объединяются общимъ моментомъ нарушенія общественнаго довѣрія; въ этомъ отношеніи проектъ Якоба представляетъ одну особенность, которой нельзя встрѣтить ни въ одномъ другомъ кодексѣ, — въ § 280 онъ даетъ общее опредѣленіе того, что надо разумѣть подъ общимъ понятіемъ посягательства противъ общественнаго довѣрія: „кто поддѣлываетъ или употребляетъ, говоритъ проектъ, какимъ-нибудь образомъ для обмана (Betrug) другихъ или для нанесенія имъ вреда то, что оффиціально должно служить для убѣжденія публики въ истинности показанія (Wahrheit der Aussage) или подлинности вещи (Aechtheit der Sache), тотъ нарушаетъ общественное довѣріе". При такомъ широкомъ пониманіи сущности этой группы преступленій, объектомъ которой является все, что служитъ выразителемъ общественнаго довѣрія, будутъ ли это вещи или слова, къ нимъ можно было бы присоединить еще много другихъ преступленій, а не только торговые обманы, о которыхъ говорится въ проектѣ (§ 297 и 298) [2]).

Постановленія о подлогѣ документовъ отличаются въ проектѣ большой сжатостью и краткостью: о нихъ рѣчь идетъ

---

[1]) Кромѣ того вообще объ обманѣ (Betrug), подъ которымъ можно разумѣть подлогъ, говорятъ § 511, 512, 515 и 516—именно объ обманѣ съ цѣлью сокрытія происхожденія другого лица, объ обманномъ присвоеніи чужихъ правъ состоянія, о вступленіи въ бракъ путемъ обмана.

[2]) Здѣсь имѣются въ виду не только случаи поддѣлки мѣръ и вѣсовъ и употребленіе ихъ, но и употребленіе обманныхъ публикацій о продажѣ товаровъ, обманныхъ этикетовъ, поддѣлка напитковъ и товаровъ, обмѣръ и обвѣсъ на правильныхъ вѣсахъ и т. п. Изъ этого ясно видно, что понятіе мошенничества въ проектѣ еще не получило законченнаго вида, такъ какъ отдѣльные его случаи разбивались по разнымъ частямъ кодекса въ зависимости отъ разныхъ соображеній.

всего въ трехъ параграфахъ (§ 294—296), самый же составъ преступленія получаетъ слѣдующее выраженіе.

Объектомъ подлога является документъ, какъ средство удостовѣренія извѣстнаго событія, имѣющаго правовое значеніе, какъ это можно вывести изъ самаго текста проекта, причемъ здѣсь проводится различіе по наказуемости съ одной стороны между документами публичными и частными, но большей важности, съ другой—частными же, но меньшей важности. Какъ виды публичныхъ документовъ, перечисляются (§ 294) императорскіе указы, книги, документы (Documente, Urkunden), письма и другія бумаги (Briefe oder sontige Schriften), которыя, какъ категорически говоритъ проектъ, могутъ быть составляемы или удостовѣряемы только лицами, уполномоченными для этого государствомъ. Что же касается частныхъ документовъ, то въ этомъ отношеніи установляется, что объектомъ преступленія должны быть такіе частные документы, которымъ придана доказательственная сила на судѣ (denen gerichtliche Kraft beigelegt ist), такъ что въ этомъ отношеніи установляется довольно существенное ограниченіе самаго понятія частнаго документа, особенно, если вспомнить о томъ, что при наличности формальной теоріи доказательствъ, такихъ документовъ было немного. Какъ виды такихъ документовъ, перечисляются завѣщанія, послѣднія волеизъявленія, судебныя купчія, дѣловыя письма и т. п. Отъ этихъ документовъ надо отличать документы другого рода: они, какъ говоритъ § 296, не такого свойства, чтобъ отъ злоупотребленія ими могъ возникнуть или возникъ большой ущербъ для общества или для частныхъ лицъ, но они касаются только состоянія, званія или должности того лица, которое ихъ поддѣлываетъ, и должны служить для личныхъ цѣлей этого лица, для его личнаго преуспѣянія или удовлетворенія его тщеславія; такими документами являются паспорты, аттестаты, почетные дипломы и т. д.

Со стороны внѣшней преступленіе считается совершившимся съ момента учиненія поддѣлки или передѣлки документа, дальнѣйшаго употребленія не требуется; употребленіе

же поддѣльнаго наказывается, какъ самостоятельное преступное дѣяніе (§ 295). Проектъ старается довольно подробно и казуистически указать, какимъ образомъ можетъ быть учиненъ подлогъ, и въ этомъ отношеніи содержитъ указанія, изъ которыхъ можно заключить, что поддѣлка и передѣлка понимались здѣсь въ весьма широкомъ смыслѣ. Въ § 294 говорится о составленіи документовъ лицомъ, не имѣющимъ на то права (unbefugter Weise ausfertigen), о подписаніи ихъ завѣдомо фальшиво въ качествѣ свидѣтеля или какъ-нибудь иначе, о придаваніи имъ какимъ-нибудь образомъ вида подлинныхъ бумагъ — это все относится къ подложному составленію документовъ; далѣе слѣдуютъ указанія относительно передѣлки подлинныхъ документовъ; здѣсь говорится объ умышленной передѣлкѣ подобныхъ бумагъ и объ измѣненіи чего-нибудь въ нихъ во время или послѣ ихъ составленія для достиженія обманнаго и противоправнаго умысла (zur Erreichung einer betrügerischen und gesetzwidrigen Absicht). Со стороны внутренней требуется умышленная дѣятельность, на что иногда проектъ прямо указываетъ (напр. въ § 194—vorsätzlich verfälscht), а при пользованіи поддѣльнымъ документомъ требуетъ кромѣ того знанія виновнаго объ этомъ его качествѣ. Иногда требуется спеціальный умыселъ — именно, какъ только что было указано, въ случаѣ измѣненія содержанія документа. Наконецъ, виновный въ приготовленіи поддѣльныхъ документовъ нисшаго рода — паспортовъ и т. д. въ видѣ ремесла и притомъ изъ своекорыстія (§ 276) наказывается тяжелѣе, чѣмъ въ другихъ случаяхъ подлога документовъ того же вида. Постановленіе о профессіональной дѣятельности въ этомъ случаѣ сохраняется и въ дѣйствующемъ нашемъ уложеніи.

Что касается должностного подлога, то здѣсь прежде всего нужно отмѣтить § 333, который общимъ образомъ постановлялъ, что въ случаѣ учиненія какого бы то ни было подлога со стороны должностного лица, наказаніе ему должно было быть увеличиваемо. Но кромѣ того въ проектѣ предусматриваются еще особенные виды подлога, которые могутъ быть

совершены только лицами должностными: 1) неправильное веденіе должностныхъ книгъ (Amtsbücher) или должностныхъ бумагъ, отъ точности которыхъ зависитъ удостовѣреніе какого-нибудь событія; заполненіе ихъ ложными свѣдѣніями; измѣненіе ихъ содержанія, чтобы исказить истинное событіе или выдумать (erkünsteln) ложное; всѣ эти дѣянія должны быть совершены умышленно (absichtlich) и обманно (betrüglich) — (§ 332); 2) представленіе императору ложныхъ рапортовъ или ложное изложеніе ихъ содержанія съ цѣлью полученія такимъ путемъ соотвѣтственнаго своему обманному замыслу рѣшенія, приказа или подписи (§ 334); 3) составленіе фальшивыхъ указовъ или представленіе ихъ для подписи (vollziehen lässt) Его Имп. Велич. или полученіе (erschleichen) подписи на бланкѣ, чтобы потомъ злоупотребить имъ (§§ 335 и 336); 4) всякій другой злонамѣренный (boshafte) подлогъ, который въ законѣ не указанъ (§ 337) [1]).

§ 19. Проектъ 1811 г. по невыясненнымъ еще до сихъ поръ въ исторіи нашего уголовнаго права причинамъ не только не былъ санкціонированъ верховной властью, но черезъ два года былъ замѣненъ другимъ проектомъ 1813 г.

Проектъ уголовнаго уложенія 1813 г., хотя и стремится, подобно предшествующему проекту, дать подлогу краткое и ясное выраженіе и оттѣнить его отличіе отъ другихъ преступленій, но въ этомъ отношеніи онъ стоитъ ниже своего предшественника, такъ какъ онъ ближе подходитъ къ нашему положительному законодательству прошлаго вѣка, выставляя широкое понятіе „лживыхъ поступковъ", видомъ которыхъ является и подлогъ. Подлогъ разсматривается проектомъ главнымъ образомъ во второй части его „о наказаніяхъ за государственныя и общественныя преступленія" и и такимъ образомъ характеризуется, какъ посягательство на общество, а не на частныхъ лицъ. Но взглядъ этотъ не про-

---

[1]) Кромѣ того о подлогѣ должностномъ говорится еще въ нѣкоторыхъ статьяхъ; напр. § 353 ведетъ рѣчь о подлогѣ, учиненномъ чиновникомъ въ счетахъ съ цѣлью скрыть растрату денегъ.

веденъ вполнѣ послѣдовательно, и если, дѣйствительно, почти весь матеріалъ объ этомъ преступленіи сосредоточенъ въ главѣ VII „о наказаніяхъ за подлогъ или лживые поступки", въ главѣ VIII „о наказаніяхъ за подлогъ и насиліе при совершеніи брака" и въ гл. IX „о наказаніяхъ за преступленія чиновниковъ по ихъ должностямъ", то съ другой стороны рѣчь о подлогѣ идетъ и среди частныхъ преступленій, именно въ гл. IV части III „о наказаніяхъ за преступленія противъ собственности" (отд. V гл. II—разные роды обмана, подлежащіе уголовному суду). Здѣсь предусматриваются случаи завѣдомаго укрѣпленія за собой, продажи, заклада или отдачи въ рекруты, назвавъ своимъ крѣпостнымъ, чужого бѣглаго человѣка (§ 471) и отдача черезъ подлогъ въ рекруты чужого крѣпостного человѣка безъ воли и вѣдома самого владѣльца имѣнія со стороны управляющаго имѣніемъ (§ 473); въ этихъ обѣихъ статьяхъ говорится, что въ этихъ случаяхъ виновный наказывается, какъ за подлогъ, на общемъ основаніи (по §§ 261 и 262), а такъ какъ подобныя сдѣлки должны были совершаться письменно, то, очевидно, здѣсь разумѣлся подлогъ документовъ.

Подлогъ самъ по себѣ проектомъ не опредѣляется, но по существу своему принципіально отличается отъ обмана—мошенничества, такъ какъ послѣднее преступленіе разсматривается среди преступленій частныхъ въ главѣ IV части III „о наказаніяхъ за частныя преступленія" и опредѣляется, какъ „всякое дѣяніе, чрезъ которое одинъ, пользуясь невѣдѣніемъ, легковѣріемъ или неосмотрительностью другого, присвояетъ себѣ злоумышленно чужую собственность или права" (§ 552), т. е. какъ имущественное преступленіе. Но нельзя сказать, чтобы этотъ взглядъ на принципіальное различіе подлога и мошенничества былъ проведенъ проектомъ 1813 г. вполнѣ послѣдовательно. Такъ, понимая правильно сущность мошенничества, какъ преступленія имущественнаго [1]), которое

[1]) Подъ словомъ „права" въ § 552 слѣдуетъ понимать права имущественныя, такъ какъ только о нихъ однихъ рѣчь идетъ въ этомъ отдѣленіи третьей части проекта.

должно быть отличаемо отъ подлога, проектъ въ одной изъ статей отступаетъ отъ этого—именно въ § 571, гдѣ говорится „о ложномъ составленіи счетовъ для своей пользы и ко вреду хозяевъ“ со стороны управителей и другихъ лицъ, коимъ поручены счеты. Здѣсь безусловно говорится о подлогѣ, между тѣмъ эта статья помѣщена среди постановленій о мошенничествѣ. Далѣе, хотя, повидимому, каждому изъ этихъ дѣяній, т. е. подлогу и мошенничеству, придается совершенно самостоятельное значеніе, въ то же время составители проекта видѣли и внутреннюю тѣсную связь между обоими преступленіями и сближали ихъ между собой, что ясно слѣдуетъ изъ того, что въ случаѣ совокупности подлога съ мошенничествомъ, послѣднее, по мысли проекта, поглощается первымъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ наказаніе опредѣляется только за подлогъ (§ 559), и такимъ образомъ понятіе подлога является высшимъ по сравненію съ понятіемъ мошенничества.

Съ другой стороны, благодаря конструкціи сложнаго понятія обмана вообще, „лживыхъ поступковъ“, видна связь подлога документовъ и съ другими преступленіями, что выражается нагляднѣе всего въ томъ, что наряду съ подлогомъ документовъ и печатей предусматриваются: несправедливое отреченіе отъ своей подписи на какомъ-либо долговомъ актѣ и всякомъ другомъ обязательствѣ съ ложнымъ обвиненіемъ въ подлогѣ другого (§ 265) или безъ этого послѣдняго придатка (§ 266), лжесвидѣтельство и ложныя показанія и объявленія (§ 267—270), противозаконное присвоеніе для обмана званія, имени и знака отличія (§ 271—273). Во всѣхъ этихъ дѣяніяхъ, называемыхъ „лживыми поступками“, какъ это слѣдуетъ изъ заголовка даннаго отдѣла, моментомъ общимъ съ подлогомъ документовъ является моментъ лжи, искаженія истины, какъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ состава преступленія, что и заставляетъ проектъ говорить объ этихъ преступленіяхъ вмѣстѣ. Въ этомъ отношеніи проектъ 1813 г. гораздо ближе подходитъ къ проектамъ коммиссій 1754 — 1766 гг., чѣмъ Якоба, причемъ кругъ дѣяній, приравниваемыхъ под-

логу, по проекту 1813 года, значительно уже, чѣмъ по проектамъ коммиссій: только отреченіе отъ своей подписи на документѣ одинаково присутствуетъ въ обоихъ проектахъ, другія же преступленія имѣютъ въ нихъ иную конструкцію.

Подлогъ документовъ предусмотрѣнъ въ проектѣ въ 2 отд. (§ 259—262) и отд. 3 (§ 263—264) 7 главы. Здѣсь проводится различіе по наказуемости между отдѣльными его видами въ зависимости отъ свойствъ даннаго документа, и, хотя въ заголовкѣ 2 отд. говорится о подлогѣ указовъ, судебныхъ актовъ и другихъ подобныхъ формальныхъ бумагъ, но, какъ видно изъ § 262, здѣсь рѣчь идетъ и о частныхъ неформальныхъ документахъ. Объектомъ преступленія являются: 1) указы отъ Высочайшаго имени (§ 259); 2) указы, рѣшенія и тому подобныя формальныя бумаги присутственныхъ мѣстъ (§ 260); сюда же относятся судебныя бумаги (§ 302), о которыхъ говорится при должностномъ подлогѣ; 3) свидѣтельства, исходящія отъ имени начальства и присутственныхъ мѣстъ, паспорты и проч. (§ 263); 4) разнаго рода формальные акты, составленные при участіи должностныхъ лицъ (купчія крѣпости, закладныя, договоры, заемныя обязательства и тому подобные при крѣпостныхъ дѣлахъ или нотаріусами совершаемые по формѣ акты (§ 261); 5) частные документы, составляемые безъ ихъ участія (счеты, росписки, подлинныя письма и т. п. бумаги—§ 262) [1]). Здѣсь характерно то разграниченіе, которое проводитъ проектъ между документомъ частнымъ, составляемымъ при участіи должностныхъ лицъ и безъ нихъ, и на которое есть уже указаніе въ проектахъ 1754—1766 гг. Это то разграниченіе подлога крѣпостныхъ документовъ и документовъ, домашнимъ порядкомъ составляемыхъ, которое сохраняется и въ дѣйствующемъ нашемъ уложеніи.

Бросая общій взглядъ на разные виды документовъ, могущихъ служить объектомъ подлога, нельзя не замѣтить, что опредѣленія проекта Якоба въ этомъ отношеніи были гораздо

[1]) Интересно, что и въ этомъ случаѣ дѣлается въ проектѣ между прочимъ ссылка на Уложеніе гл. X § 251 и гл. XVII § 34—36

болѣе точными, чѣмъ проекта 1813 г.; въ особенности же это справедливо примѣнительно къ частнымъ документамъ, такъ какъ въ первомъ проектѣ дается болѣе ограничительное опредѣленіе самому понятію документа, чѣмъ во второмъ, гдѣ и „подлинныя письма“ могутъ быть предметомъ подлога, тогда какъ тамъ требуется непремѣнно доказательственное значеніе документовъ.

Составъ преступленія съ внѣшней стороны разсматривается не одинаково при отдѣльныхъ видахъ подлога документовъ; такъ, при подлогѣ документовъ высшихъ двухъ категорій различается составленіе подложнаго документа (сочиненіе и писаніе) и передѣлка подлиннаго (измѣненіе подлиннаго смысла въ документѣ какой-нибудь перемѣной въ немъ), объ употребленіи же подложныхъ документовъ ничего не говорится, такъ что изъ этого ясно слѣдуетъ, что даже при наличности одного факта поддѣлки или передѣлки документа преступленіе считалось уже оконченнымъ. Но пользованіе подложными указами (или, какъ говоритъ проектъ въ ст. 169, разглашеніе ложныхъ указовъ и повелѣній) съ цѣлью возбудить этимъ путемъ народъ къ неудовольствію или къ неповиновенію правительству предусмотрѣно отдѣльно отъ подлога въ группѣ преступленій противъ государственной тишины. При подлогѣ другихъ документовъ составъ преступленія съ внѣшней стороны описывается нѣсколько иначе; въ этомъ отношеніи относительно подлога формальныхъ документовъ замѣчается нѣкоторая казуистичность; здѣсь имѣются въ виду поддѣлка подписи [1]), лживое измѣненіе содержанія документа или учиненіе другого какого подлога. Далѣе, сюда проектъ прибавляетъ продажу или закладъ путемъ обмана чужого имѣнія лицомъ, не имѣющимъ на него права [2]). Наконецъ, еще предусмотрѣно отдѣльно завѣдомое пользованіе подобнымъ подлогомъ во вредъ другимъ.

---

[1]) Но называніе себя ложнымъ именемъ или присвоеніе непринадлежащаго званія при подписи судебныхъ актовъ отсюда выдѣлены и отнесены къ § 272.

[2]) Здѣсь, вѣроятно, имѣлся въ виду тотъ случай, когда кто-нибудь при заключеніи подобной сдѣлки выдавалъ чужое недвижи-

При подлогѣ частныхъ документовъ способъ дѣйствія остается тѣмъ же, но для состава преступленія не достаточно одного факта поддѣлки, необходимо еще пользованіе поддѣльнымъ. То же самое требованіе выставляется при подлогѣ свидѣтельствъ и паспортовъ; здѣсь говорится о подлогѣ, учиненномъ или путемъ поддѣлки подписи, или самовольнымъ переправленіемъ подлинныхъ документовъ, и о завѣдомомъ употребленіи поддѣльныхъ [1]).

Со стороны внутренней особыхъ условій относительно состава подлога въ проектѣ не установляется. Только при пользованіи подложнымъ документомъ требуется завѣдомое дѣйствіе во вредъ другимъ лицамъ, но долженъ ли этотъ вредъ быть имущественнаго характера или другого рода, въ проектѣ указаній не содержится. Болѣе подробно рисуется внутренняя сторона преступленія только тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о подлогѣ свидѣтельствъ (§ 263); здѣсь прямо требуется наличность умышленной дѣятельности и подчеркивается еще спеціальная цѣль ея—цѣль обмана другихъ.

Самостоятельно предусмотрѣны подлогъ документовъ при заключеніи брака и подлогъ должностной. Въ первомъ отношеніи имѣется въ виду тотъ случай, когда съ цѣлью вступленія въ новый бракъ при существованіи стараго, будетъ кѣмъ-нибудь учиненъ обманъ или подлогъ въ документахъ, имѣющихъ отношеніе къ браку Въ этомъ случаѣ наказаніе опредѣляется самостоятельно безъ ссылокъ на общія постановленія о подлогѣ, только что нами изложенныя (§ 278), относительно же должностного подлога на нихъ дѣлается соотвѣтствующая ссылка (§ 302). Въ качествѣ особаго вида должностного подлога здѣсь приводится слѣдующій случай: если кто-

---

мое имущество за свое, такъ какъ, если это касалось движимаго имущества, то дѣяніе это—продажа чужой вещи—по § 558 разсматривалось, какъ мошенничество.

[1]) Наконецъ, тотъ видъ подлога документовъ, когда употреблена была для поддѣлки чужая или поддѣльная печать, предусмотрѣнъ отдѣльно въ § 256 и 257.

нибудь, не находясь уже на службѣ, будетъ продолжать обманнымъ образомъ исправлять свою должностную власть (§ 301); кромѣ того среди положеній, уже разсмотрѣнныхъ, есть особое постановленіе о чиновникахъ, которые будутъ составлять завѣдомо фальшивыя свидѣтельства, удостовѣренія и т. п. (§ 264, 280, 281).

Въ заключеніе надо еще замѣтить, что, перечисливъ случаи подлога документовъ, проектъ даетъ возможность налагать наказанія по аналогіи и на другіе случаи, прямо имъ не предусмотрѣнные. „Буде, кто, говоритъ § 276, окажется виновнымъ въ какомъ либо иномъ подлогѣ, который выше не упомянутъ и который превосходитъ взысканія полицейскія, то въ наказаніи соображаться съ вышеозначенными положеніями, избирая изъ нихъ ближайше приличествующее роду оказавшагося подлога“.

§ 20. Если обратиться къ выясненію вопроса о подлогѣ документовъ по Св. Зак. т. XV изд. 1832 г. и 1842 г., то можно увидѣть, что здѣсь понятіе подлога необыкновенно широко и что можно перечислить нѣсколько десятковъ статей, трактующихъ о подлогѣ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ Свода и не согласованныхъ между собой.

Сводъ Законовъ стоитъ въ своихъ взглядахъ на сущность подлога на точкѣ зрѣнія нашего законодательства прошлаго вѣка и даетъ этому преступленію еще болѣе широкій объемъ, чѣмъ мы это находимъ, напр. въ проектахъ елизаветинской коммиссіи.

Подлогъ представляется только однимъ изъ видовъ „лживыхъ поступковъ“, которымъ посвященъ въ общей системѣ преступленій послѣдній (XI) раздѣлъ 1-й книги т. XV Св. Закон., но здѣсь, собственно, рѣчь идетъ о другихъ видахъ лживыхъ поступковъ кромѣ подлога, именно разсматриваются: лживая присяга, лжесвидѣтельство, лживые обыски, ябеда и подлогъ при переносѣ дѣлъ на аппеляцію [1]). Остальные же виды

---

[1]) Здѣсь имѣется въ виду (ст. 764) не что иное, какъ словесная ложь, именно: „кто при переносѣ дѣла на аппеляцію объявитъ себя неимущимъ, а послѣ откроется тому противное“.

лживыхъ поступковъ выдѣлены отсюда только изъ соображеній удобства, не теряя такимъ образомъ общей связи другъ съ другомъ, какъ это можно вывести изъ ст. 750, которая по этому поводу замѣчаетъ: „лживые поступки по особеннымъ видамъ подлога и обмана, въ нихъ заключающимся, составляютъ различныя преступленія, кои, по нераздѣльной связи ихъ съ другими преступленіями, опредѣлены по принадлежности въ предъидущихъ раздѣлахъ сей книги“.

Отсюда получается двоякая конструкція этихъ преступленій, въ томъ числѣ и подлога: они съ одной стороны являются „лживыми поступками“, т.-е. посягательствомъ на истину, съ другой—примыкаютъ къ той или другой группѣ преступленій въ зависимости отъ иныхъ соображеній. Самое выраженіе „подлогъ“ въ Св. Зак. очень часто употребляется въ смыслѣ обмана вообще, такъ что Св. Зак. слѣдуетъ въ этомъ отношеніи тому, что было выработано законодательной практикой прошлаго столѣтія. Примѣровъ этого можно привести не мало. Такъ, ст. 399 т. XV Св. Зак. изд. 1832 г. говоритъ, что, если бродяга, будучи задержанъ, сдѣлаетъ одно токмо показаніе о своемъ происхожденіи, и когда затѣмъ по полученнымъ вслѣдствіе его показанія свѣдѣніямъ не откроется ни настоящаго его жительства, ни вѣдомства или сословія, къ коему онъ принадлежитъ или если задержанный бродяга откажется дать о семъ показаніе, то онъ предается суду, какъ изобличенный въ утайкѣ, *подлогѣ* и обманѣ; далѣе, гл. I разд. VII озаглавлена: „о подлогѣ въ отправленіи рекрутской повинности“, между тѣмъ здѣсь рѣчь идетъ о разныхъ видахъ обмановъ въ этомъ дѣлѣ, напр. объ отдачѣ чужихъ бѣглыхъ людей въ рекруты подлогомъ за своихъ, равно какъ и о поступленіи бѣглыхъ въ военную службу подъ видомъ вольноопредѣляющихся (ст. 431 и 432); въ главѣ XI разд. VII, озаглавленной „о подлогахъ по займамъ изъ государственныхъ кредитныхъ установленій и при застрахованіи“, говорится о разныхъ случаяхъ мошенничества: ст. 641 предусматриваетъ употребленіе обмана или гнуснаго подлога при займѣ изъ банка, за что виновный судится, какъ дѣлатель

фальшивыхъ монетъ, а ст. 642 говоритъ о случаѣ учиненія подлога съ цѣлью обмануть страховое общество. Ст. 460 предусматриваетъ случаи мошенничества при отпускѣ вина виннымъ приставомъ, называя эти преступленія подлогомъ. Въ особенности въ этомъ отношеніи интересна гл. IV разд. X, носящая названіе: „о подлогѣ въ имуществѣ". Здѣсь предусматриваются слѣдующіе 7 видовъ подлога: 1) составленіе крѣпостей, домашнихъ актовъ, печатей и писемъ, 2) подлогъ по куплѣ-продажѣ, 3) подлогъ по займамъ и взятіе лихвенныхъ процентовъ, 4) подлогъ по займамъ, обезпеченнымъ залогомъ, 5) подлогъ въ духовныхъ завѣщаніяхъ, 6) подлогъ въ изданіи чужихъ сочиненій подъ своимъ именемъ, 7) подложная несостоятельность. Уже одно это перечисленіе показываетъ, что здѣсь имѣется въ виду подлогъ, понимаемый, какъ обманъ вообще, и что онъ смѣшивается съ мошенничествомъ и другими преступленіями. Ближайшее разсмотрѣніе каждаго изъ этихъ видовъ подлога съ особенной ясностью показываетъ, что здѣсь не вездѣ законодатель имѣетъ въ виду подлогъ въ техническомъ смыслѣ этого слова; къ подлогу отнесены насильственное принужденіе къ подписанію подложно-составленной крѣпости (ст. 728), продажа имѣнія уже проданнаго, продажа подложно чужого имѣнія или чужого крѣпостного человѣка (ст. 731), продажа имѣнія, состоящаго подъ запрещеніемъ, подъ опекою или въ секвестрѣ (ст. 732), продажа завѣдомо краденнаго, похищеннаго или пріобрѣтеннаго обманомъ (ст. 733), покупка имѣнія подобнаго рода (ст. 733), ростовщичество (ст. 736), двойной закладъ одного и того же имѣнія (ст. 737), закладъ подлогомъ чужого имѣнія или имѣнія мнимаго и небывалаго (ст. 738), утайка залога (ст. 739), изданіе чужого сочиненія подъ своимъ именемъ или продажа рукописи или права на изданіе нѣсколькимъ лицамъ порознь (ст. 742), злостное торговое банкротство (ст. 743), необъявленіе о находящемся у себя имѣніи послѣ публикаціи о несостоятельности должника (ст. 745).

Что касается собственно подлога документовъ, то въ этомъ отношеніи мы находимъ въ Св. Зак. слѣдующее: подлогъ

документовъ предусматривается главнымъ образомъ въ двухъ мѣстахъ Св. Зак. т. XV: въ гл. 2-й разд. VII „о преступленіяхъ противъ уставовъ о повинностяхъ“, гдѣ отдѣленіе II-е говоритъ о поддѣлкѣ актовъ, печатей и штемпелей въ ущербъ казеннаго имущества, и въ гл. 4-й „о подлогѣ въ имуществахъ“ раздѣла X „о наказаніяхъ за преступленія противъ правъ на имущество“. Уже изъ этого видно, что подлогъ не имѣетъ по Св. Зак. самостоятельнаго значенія, какъ и другіе лживые поступки, и разсматривается скорѣе, какъ способъ дѣйствія при совершеніи посягательства на разныя блага, въ особенности же на чужое имущество, и въ зависимости отъ свойства того блага, которое посредственно затронуто путемъ подлога, отдѣльные случаи его и отнесены къ разнымъ преступленіямъ, такъ что, благодаря такому пониманію сущности подлога, пришлось нѣкоторые виды его разсматривать и внѣ указанныхъ только что двухъ группъ преступленій въ другихъ отдѣлахъ.

Такимъ образомъ та конструкція подлога документовъ, какъ самостоятельнаго преступленія, которую мы находимъ въ проектахъ 1811 и 1813 г., здѣсь или совершенно не принята во вниманіе или не имѣла въ глазахъ составителей Св. Зак. никакого значенія въ виду того, что для нихъ на первый планъ при подлогѣ было выдвинуто, что это—одинъ изъ видовъ лживыхъ поступковъ. Сообразно съ этимъ и общій составъ преступленія не имѣетъ здѣсь того очерченнаго вида, который мы видимъ, напр. въ проектѣ Якоба.

Объектомъ преступленія является документъ, понимаемый въ весьма широкомъ смыслѣ, такъ какъ и подлогъ частныхъ писемъ (ст. 728) предусмотрѣнъ среди другихъ видовъ подлога.

Подлогъ документовъ по Своду можетъ быть вообще раздѣленъ на подлогъ документовъ публичныхъ и частныхъ; первый еще дѣлится въ свою очередь по важности непосредственнаго объекта посягательства на отдѣльные подвиды. На первомъ мѣстѣ стоитъ подлогъ грамотъ и всякихъ публичныхъ актовъ, исходящихъ отъ Имени Императ. Велич., или

указовъ Правительств. Сената (ст. 441); здѣсь предусматриваются два вида этого подлога по способу дѣйствія: сочиненіе подложныхъ грамотъ и переправка подлинныхъ; существенно необходимое условіе подлога этого вида то, чтобъ дѣяніе направлялось „въ ущербъ казеннаго имущества", въ противномъ случаѣ подлогъ этого рода документовъ, по общему смыслу постановленій Св. Зак., долженъ былъ быть охарактеризованъ иначе, и, дѣйствительно, въ гл. III разд. IV „о преступленіяхъ противъ правительства" ст. 235 предусматриваетъ случай сочиненія подложныхъ указовъ отъ имени правительства, клонящихся къ нарушенію государственнаго спокойствія, а ст. 236—разглашеніе подобныхъ подложныхъ указовъ; такимъ образомъ не только подлогъ документовъ вообще, но и подлогъ одного и того же вида документовъ разбивается Сводомъ на отдѣльныя преступленія, смотря по той цѣли, которую преслѣдовалъ въ данномъ случаѣ поддѣлыватель; впрочемъ въ обоихъ случаяхъ назначалось одинаковое наказаніе — кнутъ и каторжныя работы; наказаніе это, однако, по силѣ ст. 441 могло быть замѣняемо въ случаяхъ менѣе тяжкихъ, когда не было причинено важнаго вреда, плетьми и ссылкой на поселеніе.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что преступленіе считалось оконченнымъ съ момента учиненія поддѣлки или передѣлки документа, и пользованія поддѣльнымъ для состава преступленія не требовалось; вслѣдствіе этого отдѣльно предусматривался случай пользованія, завѣдомо поддѣльными грамотами и актами, причемъ законодатель здѣсь приводилъ тотъ частный случай, который еще фигурировалъ въ Литовскомъ Статутѣ и въ Уложеніи 1649 г.—именно „если наслѣдники поддѣльщика будутъ производить иски или чинить какія-либо притязанія по оставшимся послѣ умершаго поддѣльнымъ грамотамъ и актамъ, зная поддѣлку оныхъ" (ст. 442). Этому виду подлога приравнивается поддѣлка казенныхъ печатей и штемпелей, подъ чѣмъ разумѣется приготовленіе ихъ для какой-нибудь противозаконной цѣли по образцу, отъ правительства установленному, и снятіе казенныхъ печатей съ другихъ бумагъ и па-

кетовъ и прикладываніе оныхъ къ фальшивымъ документамъ (ст. 443). Къ этой же группѣ подлога документовъ публичныхъ слѣдуетъ отнести торговлю по фальшивому свидѣтельству, за что опредѣлено наказаніе, постановленное за поддѣлку актовъ (ст. 645)[1]).

Особый видъ подлога публичныхъ документовъ—подлогъ должностной, о которомъ рѣчь идетъ въ разд. V гл. III—„о неисполненіи должности"; подъ нимъ разумѣются случаи поддѣлки, переправки или подчистки протоколовъ и другихъ документовъ присутственныхъ мѣстъ (ст. 284), неправый докладъ судебныхъ актовъ для сокрытія истины, лживые рапорты о состояніи дѣла и т. п. подлоги (ст. 285). Наказаніями, опредѣленными за этотъ видъ подлога, были отдача въ солдаты или ссылка на поселеніе, а для неизъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній—плети и ссылка на поселеніе.

О подлогѣ документовъ частныхъ ведутъ рѣчь четыре статьи: 728, 729, 735 и 741, говорящія о подлогѣ крѣпостей и другихъ документовъ, векселей и духовныхъ завѣщаній.

Подъ поддѣлкой крѣпостей (ст. 728) разумѣются подложное составленіе крѣпости отъ лица другого, подложное приложеніе руки къ ней, переправка и подчистка въ ней; наказаніемъ за это опредѣляются плети и ссылка на поселеніе; особо предусматривается подлогъ, учиненный чиновникомъ крѣпостныхъ дѣлъ, нотаріусомъ и маклеромъ: преступленіе ихъ состоитъ въ совершеніи отъ имени частныхъ лицъ подложныхъ крѣпостей, въ заочномъ совершеніи актовъ отъ имени отсутствующихъ лицъ безъ подлежащей отъ нихъ довѣренности, въ совершеніи актовъ заднимъ числомъ и въ подобныхъ подлогахъ, какъ говоритъ ст. 729; но подписка ложныхъ свидѣтелей подъ фальшивыми актами разсматривается, какъ лжесвидѣтельство (ст. 730). Поддѣлкѣ документовъ этого рода приравнивается поддѣлка печатей и частныхъ писемъ (ст. 728), такъ что не только документъ формальный, но и всякое част-

---

[1]) Кромѣ того ст. 519 предусматриваетъ случай поддѣлки таможенныхъ клеймъ или фальшиваго заклейменія товаровъ.

ное письмо могло быть предметомъ подлога по Своду. То же наказаніе, что и по ст. 728, опредѣляется и за подлогъ векселей и духовныхъ завѣщаній. Подъ подлогомъ векселей разумѣется подписка векселя подъ чужую руку или составленіе его подложно другимъ образомъ (ст. 755), при подлогѣ же духовныхъ завѣщаній имѣется въ виду составленіе фальшивыхъ духовныхъ завѣщаній (ст. 741); нужно еще обратить вниманіе на то, что почему-то требованіе платежа по завѣдомо пропавшему или украденному векселю разсматривается здѣсь, какъ сообщничество въ подлогѣ (ст. 735), а не какъ мошенничество, или же прямо, какъ подлогъ, что было въ предшествующихъ законодательныхъ актахъ.

Изъ всего этого видно, что конструкція подлога документовъ по Своду Законовъ т. XV была весьма несовершенна. Преступленіе это лишено было самостоятельнаго значенія, входя въ ту или другую группу преступленій въ зависимости отъ того, какой интересъ былъ затронутъ косвенно фактомъ подлога документовъ. Главную массу подлоговъ Сводъ относилъ къ группѣ имущественныхъ преступленій; благодаря этому подлогъ и мошенничество были въ довольно близкомъ соприкосновеніи, и многіе случаи мошенничества, совершаемые путемъ письменныхъ актовъ разсматривались, какъ подлогъ, что было весьма легко сдѣлать составителямъ Свода особенно въ виду того, что подлогъ въ немъ является весьма часто синонимомъ обмана вообще.

§ 21. Въ Уложеніи о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1845 года, построенномъ во многихъ своихъ частяхъ на началахъ XV т. Св. Зак., можно замѣтить весьма много слѣдовъ вліянія послѣдняго. Очень часто уложеніе, выставивъ какое нибудь новое положеніе все-таки въ частностяхъ отступаетъ отъ строгаго его проведенія и высказываетъ другія положенія, основанныя на совершенно иныхъ принципахъ, господствовавшихъ въ прежнемъ законодательствѣ.

Мы видѣли, что т. XV Свода Законовъ было чуждо понятіе подлога документовъ, какъ самостоятельнаго преступленія: подлогъ былъ однимъ изъ видовъ широкаго понятія „лживыхъ

поступковъ" и смѣшивался съ другими преступленіями, къ той или другой группѣ которыхъ относился извѣстный видъ его, смотря по тому, какое благо было косвенно затронуто въ данномъ случаѣ. Уложеніе совершенно отказывается отъ группы лживыхъ поступковъ и стремится дать подлогу болѣе очерченное выраженіе, чѣмъ это было по Своду; оно очищаетъ понятіе подлога отъ постороннихъ ему примѣсей, выбрасывая изъ него всю массу тѣхъ разнообразныхъ дѣяній, которыя отнесены были въ немъ къ группѣ подлоговъ, каковы, напр. банкротство, ростовщичество и др.; каждому изъ этихъ преступленій оно отводитъ особое мѣсто; но, начавъ эту работу очищенія подлога отъ чуждыхъ ему понятій, уложеніе не доводитъ своего начинанія до конца, такъ какъ оно не создаетъ единаго понятія подлога документовъ, а наоборотъ отличается необыкновенной дробностью и массою своихъ постановленій о немъ, разбивая отдѣльные виды подлога по разнымъ группамъ преступленій, такъ что въ общемъ въ отношеніи конструкціи подлога уложеніе представляетъ немного преимуществъ въ сравненіи съ Сводомъ. Даже отказавшись отъ того широкаго понятія подлога, которое сложилось въ нашемъ законодательствѣ въ прошломъ столѣтіи и нашло себѣ окончательное выраженіе въ Сводѣ Законовъ, уложеніе все-таки удерживаетъ нѣкоторые отголоски этого взгляда, отождествлявшаго подлогъ съ обманомъ вообще.

Пестрота постановленій уложенія о подлогѣ, ихъ разбросанность по всѣмъ раздѣламъ этого кодекса, несогласованность ихъ между собой и необыкновенная ихъ многочисленность, достигающая довольно значительной цифры, составляютъ характерныя черты уложенія: представленіе о подлогѣ документовъ, какъ о единомъ преступленіи, затерялось въ немъ въ массѣ отдѣльныхъ постановленій.

При анализѣ постановки вопроса о подлогѣ въ нашемъ дѣйствующемъ правѣ, необходимо принять во вниманіе то, что уложеніе употребляетъ самый терминъ „подлогъ" въ трояком отношеніи: 1) оно пользуется имъ для обозначенія обмана вообще, употребляя его такимъ образомъ въ смыслѣ

Свода Законовъ. Подобныхъ случаевъ въ уложенiи сравнительно немного, но они все же попадаются. Такъ, ст. 933 говоритъ о разглашенiи подложно о будто-бы случившемся чудѣ и о выдаванiи легковѣрнымъ за чудо посредствомъ подлога какого-либо своего или по распоряженiю его приготовленнаго дѣйствiя; ст. 991 говоритъ о подлогахъ и другихъ обманахъ въ запрещенной или незапрещенной игрѣ; ст. 992—о томъ же при разыгрыванiи лоттереи; ст. 1014—о подложномъ означенiи на изданiи имени издателя и др. лицъ, подписной цѣны или цензурнаго разрѣшенiя [1]); ст. 1164 говоритъ объ участiи въ подлогахъ злонамѣреннаго банкрота, а ст. 1167—злостнаго должника; по ст. 1238 корабельщикъ, а по ст. 1254 штурманъ, бросившiй безъ необходимости грузъ или другiя вещи, или поплывшiй ненадлежащимъ путемъ или злонамѣренно подвергшiй корабль конфискацiи съ намѣренiемъ обмануть страховое общество или учинить иной подлогъ, наказывается, какъ за подлогъ; по ст. 1239 подлогомъ называется ложное объявленiе аварiи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ разумѣется обманъ вообще, а не подлогъ въ техническомъ смыслѣ этого слова; [2]) въ такомъ значенiи выраженiе „подлогъ" употребляется и теперь во многихъ частяхъ Св. Зак. Такъ, напр. ст. 701 Св. Зак. т. X, ч. 1 говоритъ, что свобода произвола и согласiя нарушается: 1) принужденiемъ и 2) подлогомъ; и, какъ это слѣдуетъ изъ другихъ статей того же кодекса, подъ подлогомъ здѣсь слѣдуетъ разумѣть всякаго рода обманы; точно также ст. 1416 того же кодекса совершенно въ духѣ

---

[1]) Ср. также ст. 1684 Ул., гдѣ говорится о напечатанiи чужого произведенiя — „если при семъ не было съ его стороны никакого подлога или иного обмана".

[2]) Интересно указать здѣсь на то, что составители уложенiя о наказ. въ объяснительной къ нему запискѣ почти постоянно употребляютъ выраженiя „подлогъ" вмѣсто „обманъ", какъ равнозначущiя, что напримѣръ, слѣдуетъ изъ объясненiй къ ст. 2124, 2133 и 2142 (см. объ этомъ ниже), точно также въ Указателѣ алфавитномъ къ Уложенiю изд. 1845 г. рубрика „подлога" понимается очень широко.

Св. Зак. т. XV изд. 1832 г. называетъ продавца одного и того же имѣнія разнымъ лицамъ порознь „подложнымъ продавцомъ“; тоже см. Уст. Векс. изд. 1892 г., ст. 12, гдѣ подъ подлогомъ разумѣется всякій обманъ. Въ такомъ же смыслѣ говоритъ Св. Зак. т. XIV Уст. о предупр. и пресѣч. преступленій о мѣрахъ къ предупрежденію обмановъ и подлоговъ (ст. 285 и 286) [1]).

Но съ другой стороны слѣдуетъ замѣтить, что такое широкое выраженіе, которое знаетъ Уложеніе, какъ употребленіе вообще „какихъ-либо обманныхъ дѣйствій“ съ цѣлью уклоненія отъ воинской повинности или же полученія льготъ (ст. 511), исключаетъ возможность подводить подъ него подлогъ, судя по санкціи, указанной въ этой статьѣ, по сравненію съ санкціей, определенной за подлогъ вообще.

2) Уложеніе, не подводя прямо извѣстнаго дѣянія подъ группы подлоговъ, имъ создаваемыя, часто говоритъ, что данное дѣяніе наказывается, какъ подлогъ. Въ этомъ случаѣ нерѣдко сквозитъ мысль о томъ, что дѣяніе этого рода, не будучи въ дѣйствительности подлогомъ, только подобно ему; убѣдиться въ этомъ можно очень легко, если обратиться къ ближайшему разсмотрѣнію такихъ дѣяній: при всемъ ихъ разнообразіи характерная черта ихъ та, что въ составѣ ихъ вездѣ замѣтенъ моментъ искаженія истины, моментъ лжи или обмана, который для законодателя имѣлъ рѣшающее значеніе, такъ что онъ, не называя прямо эти дѣянія подлогами, считалъ возможнымъ уподоблять ихъ послѣднимъ. Главнымъ образомъ здѣсь имѣются въ виду разные случаи служебныхъ злоупотребленій, учиняемыхъ безъ поддѣлки документовъ. Такъ, по ст. 480 улож. подлогу по службѣ приравнивается соединенная съ какимъ-нибудь злоупотребленіемъ утрата казначеемъ гербовыхъ бланковъ для квитанцій; такое же значеніе имѣетъ по ст. 485 улож. вступленіе вопреки запрещенію

---

[1]) Ст. 286 т. XIV Св. Зак. Уст. о пред. постановляетъ: „полиція имѣетъ надзоръ, чтобъ обманъ или подлогъ не происходилъ ни въ качествѣ, ни въ количествѣ, ни въ цѣнѣ, ни въ мѣрѣ, ни въ вѣсѣ“.

должностныхъ лицъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ производятся казенныя предпріятія или торги, въ торги и обязательства съ съ казной подъ собственнымъ именемъ, или отъ имени жены, дѣтей или черезъ другихъ подставныхъ лицъ. Подмѣнъ чиновникомъ при публичной продажѣ продаваемыхъ вещей или подмѣнъ въ какихъ-либо до сей продажи относящихся бумагахъ или свѣдѣніяхъ тоже по ст. 500 считается служебнымъ подлогомъ. По ст. 555[1] виновные въ дѣланіи фальшивыхъ картъ подвергаются отвѣтственности по закону „какъ за подлогъ". По ст. 593 подлогомъ считается сокрытіе при полученіи дозволительныхъ свидѣтельствъ на производство золотого, серебрянаго или платиноваго промысла причинъ, по закону препятствующихъ выдачѣ таковыхъ свидѣтельствъ. По ст. 1111 всякое противозаконное дѣйствіе почтоваго чиновника при выдачѣ или полученіи квитанцій, а по ст. 1158—недонесеніе маклера по стачкѣ съ предъявителемъ векселя банку о неблагонадежности векселя называются подлогомъ. По ст. 1333 считается подлогомъ умышленная утрата книги биржевымъ аукціонистомъ; при этомъ, впрочемъ, надо имѣть въ виду, что наше законодательство прямо считаетъ должностнымъ подлогомъ сокрытіе, истребленіе или умышленную потерю актовъ и книгъ со стороны чиновниковъ, нотаріусовъ или маклеровъ (ст. 362, 460, 1300), равно какъ и такое дѣяніе, какъ вырываніе листовъ въ приходныхъ и расходныхъ книгахъ (ст. 481).

3) Уложеніе создаетъ для подлога документовъ особыя рубрики въ общей своей системѣ, озаглавливая ихъ иногда, какъ подлоги, или же прямо называетъ данное дѣяніе подлогомъ. Но такъ какъ каждая такая рубрика является еще дѣленіемъ болѣе общаго понятія, о которомъ рѣчь идетъ въ данномъ раздѣлѣ уложенія, то отсюда получается то, что подлогъ документовъ разсматривается въ уложеніи съ разныхъ точекъ зрѣнія, и единаго понятія подлога уложеніе не знаетъ.

Такъ, прежде всего въ уложеніи мы находимъ рядъ статей о подлогѣ (ст. 290—300) въ разд. IV гл. III, озаглав-

ленной „о самовольномъ присвоенiи власти и составленiи подложныхъ указовъ или предписанiй и другихъ исходящихъ отъ правительства бумагъ". Здѣсь рѣчь идетъ о подлогѣ, какъ о преступленiи противъ порядка управленiя, и здѣсь разсматривается подлогъ документовъ, исходящихъ отъ должностныхъ лицъ; въ разд. V гл. III, озаглавленной „о противозаконныхъ проступкахъ должностныхъ лицъ при храненiи и управленiи ввѣряемаго имъ по службѣ имущества" о подлогѣ документовъ говорятъ ст. 358 и 359; далѣе, въ разд. V посвящена специально подлогамъ по службѣ гл. IV (ст. 361—364), въ разд. V гл. XI отд. II среди преступленiй и проступковъ чиновниковъ по дѣламъ межевымъ о подлогѣ говорятъ ст. 439 и 440: въ разд. VII той же главы о преступленiяхъ и проступкахъ противъ имущества и доходовъ казны рѣчь идетъ о подлогѣ въ ст. 554, 598, 599, 813; въ раздѣлѣ V въ гл. XI отд. IV, говорящемъ о преступленiяхъ и проступкахъ чиновниковъ крѣпостныхъ дѣлъ и нотарiусовъ, о подлогѣ содержатся опредѣленiя въ ст. 460 и 461, 463, 465, 468; въ раздѣлѣ VIII гл. I „о нарушенiи уставовъ карантинныхъ" подлогъ предусматривается въ ст. 834 и 847; въ раздѣлѣ VIII гл. III „о преступленiяхъ и проступкахъ противъ общественнаго благоустройства и благочинiя" въ ст. 975 — 977 рѣчь идетъ о составленiи подложныхъ на жительство видовъ и проживательствѣ съ видомъ подложнымъ; въ разд. VIII гл. XII „о нарушенiи постановленiй о кредитѣ" о подлогѣ говорятъ ст. 1149 — 1151, 1154, 1160, 1161; въ раздѣлѣ VIII гл. XIII отд. IV „о нарушенiи постановленiй о торговыхъ обществахъ, товариществахъ и компанiяхъ" о немъ говорится въ ст. 1194 и 1195; въ разд. IX „о преступленiяхъ и проступкахъ противъ законовъ о состоянiяхъ" помѣщенъ подлогъ въ актахъ о состоянiи въ ст. 1406, 1412, 1413, 1441—1443, 1444, 1447; въ разд. X гл. VI отд. 3 „о клеветѣ и распространенiи оскорбительныхъ для чести сочиненiй, изображенiй или слуховъ" ст. 1537 и 1538 содержатъ постановленiя о поддѣлкѣ бумагъ, не имѣющихъ характера документовъ; въ разд. XI „о преступленiяхъ противъ правъ семейственныхъ"

въ ст. 1553, 1554, 1556, 1569, 1571, 1572, 1598 говорится о подлогахъ въ документахъ брачныхъ; въ разд. XII гл. IV „о присвоеніи и утайкѣ чужой собственности“ отд. I говоритъ о присвоеніи черезъ подлогъ или иного рода обманы чужого недвижимаго имущества въ ст. 1677—1679; гл. V того же раздѣла говоритъ также о подлогѣ въ ст. 1688 и кромѣ того посвящаетъ ему отд. III—„о подлогахъ въ актахъ и обязательствахъ“ ст. 1690—1698. Кромѣ того въ уложеніи имѣется еще рядъ отдѣльныхъ статей, разбросанныхъ по отдѣльнымъ частямъ его и упоминающихъ о подлогѣ документовъ; таковы ст. 382, 418, 495, 911, 921, 925, 946, 1069, 1170, 1190, 1217 [1]).

Изъ одного этого перечисленія отдѣльныхъ статей, говорящихъ о подлогѣ документовъ, ясно видно, что наше законодательство отличается крайней дробностью своихъ постановленій объ этомъ преступленіи, вслѣдствіе чего и созданіе общаго ученія о немъ представляетъ извѣстныя трудности.

§ 22. Не вдаваясь пока въ разсмотрѣніе ближайшаго состава преступленія подлога документовъ по уложенію, чему будетъ посвящено дальнѣйшее изложеніе, слѣдуетъ теперь только остановиться на выясненіи весьма важнаго вопроса о томъ, какъ понимаетъ уложеніе сущность подлога документовъ и какое значеніе имѣетъ это преступленіе въ общей системѣ его. Мы видѣли только-что, что уложеніе разсматриваетъ подлогъ въ разныхъ группахъ преступленій: то въ числѣ

---

[1]) Надо замѣтить еще, что, какъ особый видъ подлога, въ уложеніи предусматривалось въ ст. 769 вскрытіе товарнаго мѣста въ пакгаузѣ, хотя и при пакгаузномъ надзирателѣ или помощникѣ его, когда притомъ по стачкѣ съ хозяиномъ будутъ подмѣнены товары. Теперь это дѣяніе предусмотрѣно ст. 1481 Уст. Тамож. изд. 1892 г. Св. Зак. т. VI. Кромѣ того ст. 758 и 776 Улож. говорили о подлогѣ таможенныхъ клеймъ и ярлыковъ; нынѣ этотъ видъ подлога указанъ въ ст. 1539 и 1547. Уст. Тамож.; наконецъ, въ ст. 728 Улож. рѣчь шла о поддѣлкѣ упоминаемыхъ въ Уставѣ о табачн. сборѣ патентовъ, документовъ или иныхъ бумагъ; теперь это дѣяніе предусмотрѣно въ ст. 1072 Уст. Акц. Сбор. Св. Зак. т. V изд. 1893 г.

преступленій противъ порядка управленія, то противъ правъ семейственныхъ, то противъ собственности частныхъ лицъ и т. п.—словомъ, тотъ предметъ, который въ данномъ случаѣ представляется наиболѣе затронутымъ посягательствомъ, но который въ дѣйствительности только косвенно имъ затрогивается, выступаетъ на первый планъ и является критеріемъ для законодателя для отнесенія того или другого вида подлога къ извѣстной группѣ преступныхъ дѣяній. Подлогъ такимъ образомъ какъ бы растворяется въ отдѣльныхъ преступленіяхъ, становясь особой формой учиненія ихъ и выступая въ законѣ подъ знаменемъ ихъ. Но это не лишаетъ тѣмъ не менѣе подлога документовъ самостоятельнаго значенія въ томъ смыслѣ, что каждый видъ подлога отличается отъ другихъ преступленій довольно опредѣленными штрихами. Стоитъ только познакомиться ближе съ любой статьей уложенія, какъ можно увидѣть, что уложеніе придаетъ подлогу самостоятельное значеніе. Не говоря уже о томъ, что наше уложеніе въ отличіе отъ германскаго для состава преступленія подлога требуетъ только одного факта учиненія поддѣлки или передѣлки документа безъ дальнѣйшаго употребленія послѣдняго, оно допускаетъ возможность совокупности подлога съ другими преступленіями, какъ это категорически слѣдуетъ изъ ст. 299 или 1554 ул. Изъ одного этого наглядно вытекаетъ самостоятельная природа подлога по уложенію: иначе это преступленіе поглощалось бы при совокупности съ другими, въ особенности съ тѣми, объектомъ которыхъ является тотъ же предметъ, что и въ даномъ видѣ подлога, судя, по конструкціи, придаваемой ему законодателемъ. Такимъ образомъ можно выставить то положеніе, что хотя въ нашемъ законодательствѣ подлогъ документовъ не имѣетъ значенія единаго преступленія и разсматривается вмѣстѣ съ другими преступленіями, тѣмъ не менѣе это не лишаетъ его самостоятельнаго значенія, и онъ не смѣшивается съ другими преступленіями.

Это послѣднее положеніе можетъ вызвать и въ дѣйствительности вызывало сомнѣнія относительно того вида подлога документовъ, который разсматривается въ уложеніи среди

имущественныхъ преступленій—подлога частныхъ документовъ. Дѣло въ томъ, что разд. XII улож. посвященъ преступленіямъ и проступкамъ противъ собственности частныхъ лицъ, и въ его V гл. рѣчь идетъ о подлогахъ въ актахъ и обязательствахъ. Это обстоятельство давало поводъ сближать подлогъ документовъ этого вида съ мошенничествомъ и придавать ему совершенно особое значеніе. Подобный взглядъ покоился главнымъ образомъ на буквальныхъ словахъ объяснительной записки къ проекту уложенія о наказаніяхъ 1844 г., гдѣ въ примѣч. къ ст. 2133 [1]) сказано слѣдующее: „въ нашихъ законахъ очень часто постановляется наказывать какъ за обманъ, хотя и нѣтъ нигдѣ особаго опредѣленія, какъ наказывать за обманъ, и даже не объяснено, что́ именно должно разумѣть подъ симъ словомъ. Разсмотрѣвъ и сообразивъ всѣ случаи, въ коихъ обманъ долженъ быть признаваемъ дѣяніемъ не только противнымъ нравственности, но и заслуживающимъ наказаніе по законамъ, кажется, нельзя не убѣдиться, что за исключеніемъ лишь обмановъ особеннаго рода, именно означенныхъ въ ст. 1980, 1983 и т. п., всѣ прочіе, какъ мы уже сказали, подлежащіе наказанію, суть почти однородны съ преступленіемъ, которое обыкновенно и въ нашемъ проектѣ именуется воровствомъ-мошенничествомъ, ибо всѣ они имѣютъ одну цѣль: присвоеніе чужого имущества, и одинакія средства: вовлеченіе кого-либо въ заблужденіе черезъ сокрытіе истиннаго положенія обстоятельствъ или дѣйствій виновнаго. На семъ основаніи большая часть обмановъ, или такъ называемыхъ лживыхъ поступковъ, и всѣ тѣ изъ нихъ, которые чаще являются въ гражданской жизни, каковы суть: обмѣръ, обвѣсъ обманы въ игрѣ, отнесены нами въ отдѣленіе о воровствѣ-мошенничествѣ. Есть однако же преступленія хотя по свойству своему совершенно того же рода, но имѣющія такъ сказать, особый характеръ, который, по мнѣнію нашему, долженъ быть отмѣченъ и указанъ въ законахъ, опредѣляющихъ разные

---

[1]) Проектъ Уложенія о наказаніяхъ, уголовныхъ и исправительныхъ 1844 г. Спб. 1871. стр. 714—715.

виды нарушенія правъ собственности. Таковы суть подлоги въ письменныхъ актахъ, составляющіе предметъ многихъ въ семъ проектѣ постановленій". Еще болѣе опредѣленно высказываются составители проекта въ примѣчаніи къ ст. 2137—здѣсь по поводу того, относится ли сюда подлогъ частныхъ писемъ, замѣчено: „впрочемъ самое выраженіе: частныя письма, въ семъ мѣстѣ и смыслѣ не довольно точно, ибо подложное частное письмо можетъ не имѣть никакого отношенія къ нарушенію права собственности и слѣдственно не есть преступленіе, принадлежащее къ сему Раздѣлу". Изъ всѣхъ этихъ словъ можно вывести то заключеніе, что для составителей проекта различія между подлогомъ частныхъ документовъ и мошенничествомъ по существу не было: подлогъ документовъ представлялся только видомъ мошенничества, и оба дѣянія разсматривались, какъ посягательства противъ собственности частныхъ лицъ. Но стоитъ лишь сравнить положенія, высказанныя въ только что цитированныхъ словахъ объяснительной записки, съ тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ выражено въ уложеніи, чтобъ убѣдиться, что составители мало давали себѣ отчетъ въ томъ, что они говорили и что дѣлали. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ интересный примѣръ того, какъ иногда бываетъ опасно ссылаться на мотивы закона при истолкованіи его смысла. Выдѣливъ подлогъ разныхъ документовъ въ особыя группы преступленій, сообразно съ тѣмъ объектомъ, который въ данномъ случаѣ, по ихъ мнѣнію, затрогивается, составители уложенія при подлогѣ частныхъ документовъ имѣли въ виду только такіе документы, которые служатъ удостовѣреніемъ имущественныхъ правъ. Естественно, при отсутствіи представленія объ охранѣ удостовѣрительнаго знака вообще, какъ таковаго, имъ надлежало помѣстить эту группу дѣяній въ числѣ преступленій имущественныхъ. Но здѣсь моментъ обмана ихъ вводитъ въ заблужденіе, и они указываютъ на то, что въ подлогѣ имѣются всѣ признаки мошенничества; высказавъ, однако, это положеніе, они впадаютъ въ противорѣчіе съ самими собой: въ уложеніи они конструируютъ подлогъ частныхъ документовъ, какъ дѣяніе, опасное для имущественныхъ благъ, и притомъ

имѣющее вполнѣ самостоятельное значеніе, а въ своихъ замѣчаніяхъ они тѣмъ не менѣе считаютъ его мошенничествомъ, т. е. дѣяніемъ, дѣйствительный вредъ приносящимъ. Доказательство же того, что дѣяніе это въ уложеніи разсматривается только, какъ такое, которое представляетъ опасность вреда для имущественныхъ благъ, можно вывести изъ того, что оно помѣщено въ группѣ имущественныхъ преступленій и для окончанія своего не требуетъ вовсе перехода имущества изъ сферы потерпѣвшаго въ сферу посягателя: достаточно одной поддѣлки или передѣлки документа, удостовѣряющаго чьи-либо права по имуществу, и преступленіе подлога будетъ окончено: „за подложное составленіе актовъ.... за подложное означеніе учиненной будто бы явки такихъ актовъ и за умышленную переправку или подчистку и другія измѣненія въ актахъ настоящихъ и т. д.“, говоритъ, напр. ст. 1690. Поэтому, если составители уложенія и говорили, что преступленіе это—подлогъ—по свойству своему совершенно того же рода, какъ и мошенничество, но отличается только особымъ характеромъ, то это заключеніе ихъ совершенно невѣрно: развѣ только свойство этихъ преступленій то же въ томъ отношеніи, что какъ при мошенничествѣ, такъ и при подлогѣ мы встрѣчаемся одинаково съ искаженіемъ истины, какъ съ однимъ изъ элементовъ состава преступленія.

Словомъ, составители уложенія не сумѣли объяснить надлежащимъ образомъ того, что они дѣлаютъ, почему они подлогъ частныхъ документовъ помѣщаютъ среди имущественныхъ преступленій, но они въ законѣ безусловно отдѣляли подлогъ отъ мошенничества, что можно вывести изъ однородности содержанія всего отд. 3 отдѣл. I гл. 5 разд. XII Улож. Между тѣмъ неправильнымъ объясненіемъ конструкціи подлога составители уложенія ввели въ заблужденіе нашу судебную практику [1]).

[1]) Что вообще выраженіямъ, которыя употребляли составители объяснительной записки къ проекту 1844 г., нельзя придавать особенно строгаго значенія, видно изъ того, что напр. дѣяніе, указанное въ ст. 1699 ул. изд. 1885 г. (продажа имѣнія уже проданнаго или чужого, или мнимаго) называется составителями въ примѣчаніи

§ 23. Такъ первоначально и въ сенатской практикѣ попадались рѣшенія, которыя считали подлогъ и мошенничество преступленіями однородными, ссылаясь главнымъ образомъ на только что указанное мѣсто изъ проекта уложенія 1844 г. и пользуясь внѣшнимъ систематическимъ толкованіемъ уложенія. Такъ въ к. р. 1867 г. № 263, по дѣлу Достакова и Кетхудова говорится: „...палата имѣла достаточное основаніе обвинять Достакова въ участіи въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ ст. 1672 Улож. о наказ., и назвать это преступленіе мошенничествомъ, такъ какъ по точному разуму 1676 ст. Улож. обманы всякаго рода въ обязательствахъ должны быть отнесены лишь къ особому виду общаго рода преступленія, названнаго въ законѣ мошенничествомъ. Это явствуетъ какъ изъ того, что помянутая 1676 ст. помѣщена въ отд. IV разд. XII Улож., заключающемъ въ себѣ постановленія о мошенничествѣ, такъ въ особенности изъ объясненія къ проекту Улож., гдѣ именно сказано, что подлоги въ письменныхъ актахъ, упоминаемыхъ въ 1690—1698 ст. Улож. составляютъ преступленіе

къ ст. 2142 (соотвѣтствующей ст. 1699) подлогомъ, („ибо примѣры *подлоговъ* сего рода встрѣчаются иногда въ дѣлахъ"); точно также дѣяніе, описываемое въ ст. 1680 улож. изд. 1885 г. (называніе имѣнія своимъ въ бумагахъ, подаваемыхъ начальству или суду, лицомъ, владѣющимъ или пользующимся чужимъ недвижимымъ имѣніемъ или жительствующимъ въ немъ, въ намѣреніи его себѣ присвоить), въ примѣч. къ ст. 2624 (соотв. ст. 1680) тоже именуется подлогомъ („мы полагаемъ опредѣлить за сей особый видъ *подлога* соразмѣрное, какъ смѣемъ думать, съ важностью онаго наказаніе"). И эта терминологія отражается даже на одномъ сравнительно недавнемъ рѣшеніи уг. касс. департ. сената 1880 г. № 25—Главинскаго и Кочеровскаго, гдѣ сказано: „какъ источникъ, послужившій основаніемъ къ постановленію ст. 1699, такъ и косвенное указаніе смысла оной въ рѣш. 1873 г. № 814 не возбуждаетъ сомнѣнія въ томъ, что этотъ законъ предусматриваетъ обманъ и мошенничество, учиненное при заключеніе формальныхъ актовъ покупки и продажи, или двойную, на двухъ актахъ основанную, продажу одного и того же имѣнія, т. е. „*подлогъ*", какъ это сказано въ соображеніяхъ при составленіи 2293 ст. Ул. изд. 1857 г. (1699 изд. 1866 г., основанной на 847 ст. Зак. уг. 1842 г.)".

по свойству своему совершенно того же рода, какъ и воровство-мошенничество, но имѣютъ только особый характеръ, который долженъ быть отличенъ и указанъ въ законахъ, опредѣляющихъ разные виды нарушенія правъ собственности". Здѣсь имѣется такимъ образомъ прямая ссылка на слова объяснительной записки, только что нами разсмотрѣнной. Что же касается ст. 1676, на которую здѣсь еще дѣлается ссылка, то она, дѣйствительно, говоритъ: „наказаніе за обманы всякаго рода въ обязательствахъ опредѣляются въ слѣдующихъ за сею главахъ IV и V настоящаго раздѣла" (гдѣ рѣчь идетъ о подлогахъ) и помѣщена въ отд. 4 гл. III Разд. XII, озаглавленномъ „о мошенничествѣ", но содержаніе ея вовсе не имѣетъ прямого отношенія къ этому преступленію. Въ проектѣ 1844 г. въ примѣчаніи къ ст. 2120, соотвѣтствующей теперешней статьѣ 1676, прямо указано, что это только „переходъ къ постановленіямъ слѣдующихъ статей", такъ что этой статьѣ нельзя придавать такого значенія, какъ это указано въ приведенномъ рѣшеніи сената; употребленное же въ ней выраженіе „обманъ" охватываетъ и подлогъ.

Однако уже въ цѣломъ рядѣ послѣдующихъ рѣшеній сенатъ отказывается отъ этого своего первоначальнаго взгляда. Такъ, въ рѣшеніи по дѣлу Голдавскаго 1869 г. № 992 было категорически указано на то, что смѣшивать понятія мошенничества и подлога даже съ точки зрѣнія нашего права нельзя. Обстоятельства этого дѣла были слѣдуюшія: нѣкто Голдавскій обвинялся въ составленіи подложнаго векселя отъ своего имени на имя купца Э. Сенатъ нашелъ, что преступленіе это не можетъ быть подведено подъ мошенничество, такъ какъ подъ мошенничествомъ разумѣется похищеніе денегъ или другихъ вещей, для достиженія котораго виновный употребилъ обманъ, Голдавскій же употребилъ не обманъ, а подлогъ въ нотаріальномъ актѣ, подлогъ же составляетъ преступленіе, наказываемое гораздо строже, чѣмъ обманъ; „въ отдѣлѣ же Уложенія о мошенничествѣ о немъ не упоминается ни въ одной статьѣ, какъ о средствѣ, для извлеченія противозаконной выгоды". Въ другомъ рѣшеніи по дѣлу Лаврова и др. 1870 г.

№ 295 сенатъ указываетъ на то, что въ отличіе отъ мошенничества преступленіе подлога совершается безъ необходимости присвоенія имущества: „хотя подсудимые, говорится въ рѣшеніи, и не успѣли присвоить себѣ чужое имущество посредствомъ подложнаго завѣщанія, но они вполнѣ совершили то преступленіе, которое должно быть средствомъ къ достиженію этой цѣли и намѣреніе ихъ въ этомъ отношеніи осуществилось, причемъ послѣдовало и то зло, которое сопряжено съ колебаніемъ законныхъ правъ наслѣдства посредствомъ составленія и предъявленія подложнаго духовнаго завѣщанія (ст. 10 Улож.)". Въ этихъ послѣднихъ словахъ нельзя не видѣть представленія сената о томъ, что подлогъ частныхъ документовъ по нашему праву является дѣяніемъ, опаснымъ для имущественной сферы частныхъ лицъ: онъ есть то „зло, которое сопряжено съ колебаніемъ законныхъ правъ наслѣдства", не будучи въ то же время дѣяніемъ, дѣйствительно вредъ приносящимъ. Въ рѣшеніи по дѣлу Арсеньева 1871 г. № 1425 сенатъ кассируетъ приговоръ суда вслѣдствіе неправильнаго толкованія ст. 1692 и 1697, такъ какъ вопросы присяжнымъ засѣдателямъ представлялись скорѣе по обвиненію въ мошенничествѣ, чѣмъ въ подлогѣ. Наконецъ, категорически указываетъ сенатъ на разницу между мошенничествомъ и подлогомъ въ рѣшеніяхъ по дѣлу Кичеева 1872 № 574 и Бочарова 1872 г. № 689, подтверждая ихъ въ рѣшеніи по дѣлу Гликмана 1874 г. № 418. Въ первомъ рѣшеніи сенатъ относительно подлоговъ высказалъ то положеніе, что „преступленія этого рода составляютъ особый разрядъ преступленій по договорамъ и обязательствамъ и по признакамъ своимъ не могутъ быть приравниваемы къ кражѣ и мошенничеству. Въ мошенничествѣ законъ преслѣдуетъ похищеніе чужой собственности посредствомъ обмана, и потому одинъ обманъ при неудавшемся похищеніи не можетъ составлять оконченнаго преступленія. Въ подлогахъ по обязательствамъ, напротивъ того, существенный признакъ преступленія заключается въ наличности подложныхъ документовъ, составленныхъ или пріобрѣтенныхъ съ преступною цѣлью". Во второмъ рѣшеніи еще яснѣе

говорится о томъ, что подлогъ и мошенничество не одно и то же. „Въ мошенничествѣ для похищенія денегъ или иного имущества употребляется обманъ, говоритъ сенатъ, Бочаровъ же для пріобрѣтенія товара изъ лавки Ф. употребилъ подлогъ, о которомъ, какъ о средствѣ для полученія противузаконной выгоды не упоминается въ отдѣлѣ Улож., содержащемъ въ себѣ постановленія о мошенничествѣ (отд. IV гл. III разд. XII)". Затѣмъ въ рѣшеніи по дѣлу Гликмана 1874 г. № 418 сенатъ общимъ образомъ замѣчаетъ, что, какъ неоднократно было уже объяснено, не могутъ имѣть примѣненіе общіе законы объ обманѣ, мошенничествѣ и подлогѣ.

Такимъ образомъ постепенно сенатъ выяснилъ, что подлогъ частныхъ документовъ и мошенничество не должны быть другъ съ другомъ смѣшиваемы, и что такимъ образомъ, придавать безусловное значеніе словамъ составителей уложенія 1845 г. нельзя. Насколько, однако, наша судебная практика колебалась относительно сущности подлога документовъ этого вида, видно изъ другихъ сенатскихъ рѣшеній, которыя, хотя и не считаютъ подлога видомъ мошенничества, но тѣмъ не менѣе низводятъ его на степень приготовленія къ похищенію чужого имущества путемъ обмана, приготовленія къ мошенничеству, и такимъ образомъ отрицаютъ за нимъ самостоятельную природу. Такъ, въ рѣшеніи 1868 г. № 695—Никитина и Максимова сенатъ опредѣлилъ что „предъявленіе разнымъ капиталистамъ подложно составленныхъ документовъ на имѣніе вымышленное для побужденія ихъ къ ссудѣ денегъ подъ залогъ такого имѣнія является приготовленіемъ средствъ для залога вымышленнаго имѣнія (ст. 1705). Но такъ какъ средства, употребленныя подсудимымъ, были сами по себѣ преступны, потому что за употребленіе для корыстныхъ цѣлей подложно составленныхъ актовъ и бумагъ виновные подлежатъ наказанію по ст. 1697 Улож., то по этой статьѣ и должна быть опредѣлена ихъ отвѣтственность". Этотъ взглядъ еще яснѣе выраженъ въ к. р. 1871 г. № 1759.—Торчаловскаго, гдѣ сенатъ высказалъ слѣдующее: „составленіе подложныхъ актовъ, служащихъ удостовѣреніемъ правъ на имущество есть въ дѣй-

ствительности приготовленіе къ похищенію чужой собственности, но вслѣдствіе такого характера, отличающаго этотъ видъ похищенія, законъ призналъ необходимымъ сдѣлать для него исключеніе изъ общаго правила о ненаказуемости приготовленій, и потому исключенію этому по общему смыслу закона не можетъ быть придаваемо распространенное толкованіе, т.-е. подъ него не могутъ быть подведены случаи, прямо не предусмотрѣнные закономъ".

Здѣсь такимъ образомъ вполнѣ опредѣленно высказано то положеніе, что подлогъ частныхъ документовъ не имѣетъ съ точки зрѣнія нашего законодательства самостоятельнаго значенія, и такимъ образомъ въ этомъ случаѣ сенатъ пошелъ въ разрѣзъ со взглядомъ, высказаннымъ имъ въ приведенномъ выше рѣшеніи по дѣлу Лаврова 1870 г. № 295 о самостоятельномъ значеніи этого преступленія. Но разъ преступленіе подлога низводится на степень простого приготовленія къ совершенію мошенничества, является вопросъ, зачѣмъ же было бы въ такомъ случаѣ законодателю установлять особыя опредѣленія о подлогѣ частныхъ документовъ, какія мы находимъ въ ст. 1690—1698 улож. Въ этомъ случаѣ вѣдь можно было бы довольствоваться общими постановленіями о мошенничествѣ. И дѣйствительно въ одномъ изъ своихъ раннихъ рѣшеній сенатъ, совершенно забывъ о томъ, что по нашему уложенію подлогу придается самостоятельное значеніе, и вспомнивъ, что оно знаетъ въ качествѣ тяжкаго вида мошенничество съ особыми приготовленіями, предусмотрѣнное ст. 175 п. 3 Уст. о наказ. и ст. 1671 п. 3 Улож. о наказ., подвелъ подлогъ документовъ подъ эти приготовленія. Именно въ рѣшеніи 1869 г. № 449—Саковича сказано: „преступленіе, для совершенія котораго Саковичъ превысилъ свою власть, состояло въ особомъ видѣ мошенничества лица, дѣйствовавшаго будто бы по порученію начальства (ст. 1668) и сдѣлавшаго для обмана особыя приготовленія (ст. 1671 п. 3), т.-е. пріобрѣтшаго и употребившаго для сего завѣдомо подложную отъ должностного лица квитанцію (ст. 294 и 299)". Вскорѣ послѣ этого, однако, сенатъ высказалъ совершенно обратное положеніе и

такимъ образомъ вступилъ на правильный путь—въ рѣшеніи 1869 г. № 979—Кадабнова замѣчено, что „подъ особыми приготовленіями, упоминаемыми въ 175 ст. Уст. о нак., соотвѣтствующей 3 пунк. ст. 1671 Улож. законъ никогда не подразумѣвалъ и не подразумѣваетъ ни составленія подложныхъ актовъ или обязательствъ, ни другихъ приготовленій для принужденія, или побужденія къ дачѣ письменныхъ обязательствъ, установляя за эти преступленія особое наказаніе, опредѣленное въ 4 и 5 гл. раздѣла XII Улож. о наказ.“. Впослѣдствіе сенатъ уже твердо держался этого положенія, какъ это видно изъ ряда позднѣйшихъ рѣшеній, въ особенности же изъ рѣшенія 1873 г. № 914—Масленникова, гдѣ разъяснено, что „хотя бы подлогъ былъ употребленъ лишь какъ средство для совершенія другого преступленія, онъ не можетъ быть приравниваемъ къ тѣмъ особымъ приготовленіямъ для совершенія обмана, о которыхъ упоминается въ 3 п. 175 ст. Уст. о нак.“. То же указано и въ рѣшеніи по дѣлу Саркисова 1882 г. № 40, гдѣ сказано прямо, что подлогъ есть „самостоятельное преступленіе и не подходитъ подъ ст. 1671 п. 3 Улож. о наказ.“ [1]).

Такимъ образомъ и въ нашей сенатской практикѣ можно считать теперь установившимся представленіе о самостоятельномъ значеніи подлога документовъ по нашему праву.

---

[1]) На самостоятельное значеніе подлога, но только въ отношеніи документовъ публичныхъ указывалось и раньше; такъ въ рѣшеніи 1868 № 545—Борисова указано, что „отвѣтственность за подложное составленіе бумагъ не устраняется тѣмъ, что подлогъ былъ употребленъ лишь, какъ средство для совершенія другого преступленія. Напротивъ того по силѣ закона, употребленіе такихъ подложныхъ бумагъ завѣдомо для какихъ бы то ни было дѣлъ или видовъ подвергаетъ виновныхъ наказаніямъ, опредѣленнымъ за подлоги этого рода (Улож. о нак. ст. 291—4). Поэтому хотя подлогъ употребленъ, какъ средство къ мошенническому обману, онъ не теряетъ значенія самостоятельнаго преступленія“. Это подверждено было и въ рѣшеніи по дѣлу Вериги 1869 г. № 982 и Тимковскаго 1874 г. № 513, исходящихъ изъ тѣхъ же соображеній.—Интересно еще привести к. р. с. 1883 № 4 — Гевандянца, гдѣ указывается, что подлогъ обнимаетъ только поддѣлку документовъ, а не всякій лживый поступокъ.

§ 24. Подводя итогъ всему сказанному, мы считаемъ нужнымъ еще разъ замѣтить, что подлогъ документовъ не представляетъ въ нашемъ законодательствѣ единаго преступленія; онъ дробится на рядъ отдѣльныхъ видовъ, разсматриваемыхъ въ числѣ другихъ преступленій въ зависимости отъ того объекта, на который въ данномъ случаѣ законодатель усматриваетъ посягательство; онъ является или преступленіемъ публичнымъ или частнымъ, и какъ преступленіе публичное, въ зависимости отъ разныхъ свойствъ отдѣльныхъ документовъ, служащихъ предметомъ посягательства, относится къ разнымъ ихъ группамъ и ихъ подраздѣленіямъ.

Тотъ же взглядъ на сущность подлога документовъ съ нѣкоторыми лишь измѣненіями въ дальнѣйшихъ выводахъ высказываетъ и проф. Фойницкій въ своемъ трудѣ „Мошенничество по русскому праву“ [1]). По его словамъ, наше право знаетъ двѣ основныхъ группы подлога: одна изъ нихъ, разсматриваемая въ ряду преступленій противъ порядка управленія, и иногда и въ другихъ раздѣлахъ, но съ тѣмъ же характеромъ, обнимаетъ поддѣлки документовъ и печатей, исходящихъ отъ различныхъ органовъ государственной власти, другая знаетъ подлогъ, какъ одинъ изъ способовъ нарушенія чужихъ имущественныхъ правъ—здѣсь указывается матеріальный предметъ нарушенія, не связанный такъ тѣсно (какъ въ первой группѣ) съ формальными средствами охраны его; вслѣдствіе этого внутренняя сторона преступленія получаетъ болѣе ясное очертаніе: здѣсь одна завѣдомость о поддѣлкѣ недостаточна—необходимо намѣреніе нарушить чужое имущественное право такой поддѣлкой. Основываясь на этомъ послѣднемъ моментѣ, проф. Фойницкій далѣе выставляетъ положеніе, съ которымъ, однако, согласиться довольно трудно и благодаря которому у подлога документовъ этого вида отнимается вполнѣ самостоятельное значеніе, такъ какъ онъ низводится на положеніе простого покушенія на похищеніе чужого имущества. По его словамъ, если послѣдствіемъ подлоговъ второго вида былъ пере-

---

[1]) См. „Мошенничество“ ч. II стр. 136 и сл.

ходъ чужого имущества къ виновному, то здѣсь не имѣютъ мѣста постановленія о совокупности преступленій (въ противоположность аналогическому случаю при подлогѣ перваго вида), „потому что здѣсь одинъ предметъ нарушенія, а то обстоятельство, что для состава подлога и въ частныхъ документахъ и въ бумагахъ законъ не требуетъ оконченнаго нарушенія чужого имущественнаго права, ровно ничего не говоритъ противъ защищаемаго мнѣнія, показывая лишь, что въ этомъ видѣ законодатель желалъ сравнять наказуемость покушенія съ наказуемостью совершенія". И это заключеніе тѣмъ болѣе странно, что немного ниже названный авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что здѣсь „законодатель ограждаетъ отъ нарушенія имущество данныхъ лицъ посредствомъ нарушенія ихъ права—на неприкосновенность указанной (т. е. документарной) формы, или тѣхъ лицъ, выдаваемые которыми документы обязываютъ ихъ къ какой-либо имущественной потерѣ". Но мы уже выше указывали, что по конструкціи, даваемой уложеніемъ, подлогъ частныхъ документовъ, указанный въ ст. 1690 и слѣд., является особымъ видомъ имущественныхъ преступленій, представляющимъ изъ себя не дѣйствительный вредъ чужимъ имущественнымъ благамъ, а только опасность вреда, благодаря чему и подлогу этого вида присущъ самостоятельный характеръ, и онъ отличается отъ другихъ имущественныхъ преступленій. Вслѣдствіе этого по общему правилу о томъ, что при совокупности самостоятельныхъ преступленій каждое изъ нихъ сохраняетъ свое значеніе, если они не образуютъ вмѣстѣ особый составъ преступленія, въ законѣ прямо указанный, представляется возможность совокупности подлога съ мошенничествомъ; въ этомъ случаѣ получается совокупность двухъ дѣяній, изъ которыхъ одно представляетъ опасность вреда, а другое—дѣйствительный вредъ однимъ и тѣмъ же правовымъ благамъ; и подобная совокупность подлога возможна не только съ мошенничествомъ, но и съ другими преступленіями, напр. съ вымогательствомъ; поэтому намъ представляется болѣе правильнымъ рѣшать эти случаи по началамъ реальной, а не идеальной совокупности, по аналогіи, напр. со ст. 1554 Ул.,

гдѣ представленіе подложныхъ документовъ съ цѣлью вступленія въ новый бракъ при существованіи стараго и послѣдовавшее затѣмъ многоженство наказываются по началамъ реальной совокупности. Впослѣдствіи мы болѣе подробно еще остановимся на выясненіи этого положенія, теперь же замѣтимъ только, что видѣть въ такихъ случаяхъ совокупности двухъ дѣяній одно мошенничество представляется невозможнымъ, если сравнить санкціи, установленныя закономъ за подлогъ и за мошенничество (за подлогъ документовъ крѣпостныхъ опредѣляется ссылка на поселеніе, а за мошенничество это наказаніе можетъ быть опредѣлено только въ случаѣ учиненія даннаго дѣянія болѣе трехъ разъ — нормальнымъ же наказаніемъ является ссылка на житье или тюрьма); видѣть же здѣсь одинъ подлогъ, въ которомъ бы поглощалось и мошенничество— такую конструкцію, очевидно, только и имѣетъ въ виду проф. Фойницкій—значитъ допускать возможность такихъ случаевъ, когда въ дѣяніи, представляющемъ изъ себя лишь опасность вреда, можетъ заключаться и дѣяніе, приносящее дѣйствительный вредъ.

При анализѣ общаго характера постановленій уложенія о подлогѣ документовъ необходимо упомянуть еще объ одной особенности этого кодекса, именно о томъ исключительномъ характерѣ, который присущъ видамъ подлога, указаннымъ въ ст. 1537 и 1538. Здѣсь рѣчь идетъ не о подлогѣ документовъ, понимаемыхъ въ техническомъ смыслѣ, а о поддѣлкѣ всякихъ вообще бумагъ, какъ особомъ посягательствѣ противъ чести. Въ этомъ случаѣ ближайшимъ объектомъ преступленія является не документъ, какъ средство удостовѣренія извѣстныхъ имѣющихъ юридическое значеніе событій, въ какомъ смыслѣ онъ понимается въ другихъ частяхъ уложенія, а документъ, какъ всякая бумага, могущая вообще о чемъ-нибудь свидѣтельствовать. Этотъ видъ подлога долженъ быть разсматриваемъ съ совершенно иной точки зрѣнія, чѣмъ другіе виды, такъ какъ онъ кромѣ внѣшней формы поддѣлки ничего общаго съ ними не имѣетъ. Его не знаетъ и предыдущее наше законодательство до уложенія; по крайней мѣрѣ, если и попа-

даются нѣкоторыя мѣста въ источникахъ прежняго права, гдѣ рѣчь идетъ о подлогѣ частныхъ писемъ, то тамъ этотъ видъ подлога разсматривается одинаково съ другими, уложеніе же даетъ ему совершенно иную окраску и безусловно выдѣляетъ изъ прочихъ видовъ подлога.

Наконецъ, въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть еще о томъ, что такъ какъ поддѣлка кредитныхъ бумагъ весьма близко подходитъ къ подлогу документовъ и даже въ нѣкоторыхъ законодательствахъ разсматривается, какъ особый видъ подлога, въ нашей кассаціонной практикѣ замѣчалось стремленіе сближать эти преступленія другъ съ другомъ, что въ особенности выражается въ пользованіи путемъ аналогіи при недостаткѣ опредѣленій уложенія о поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ соотвѣтствующими статьями, относящимися къ подлогу документовъ; въ этомъ отношеніи особенно часты случаи примѣненія по аналогіи ст. 1697 и 1698, говорящихъ объ употребленіи и сбытѣ подложныхъ частныхъ документовъ; благодаря этому границы подлога документовъ нѣсколько раздвигаются за тѣ предѣлы, которые ему указаны въ законѣ. Такъ, въ рѣшеніи по дѣлу Сидорова 1870 г. № 397, подтвержденномъ и рѣшеніемъ 1873 г. № 636—Сорокина, высказано было что такъ какъ покупка завѣдомо фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ съ цѣлью сбыта ихъ съ знаніемъ переводителей или поддѣлывателей не предусмотрѣна уложеніемъ и подъ ст. 576, которая говоритъ о выпускѣ въ обращеніе фальшивыхъ денежныхъ знаковъ, подведена быть не можетъ, а между тѣмъ преступленіе, наиболѣе сходное съ даннымъ, предусмотрѣно въ ст. 1698 улож., то и наказаніе за послѣднее слѣдуетъ примѣнить на основаніяхъ, указанныхъ въ этой статьѣ. Здѣсь такимъ образомъ косвенно признано, что поддѣлка кредитныхъ билетовъ есть видъ общаго понятія подлога документовъ. То же было еще яснѣе высказано сенатомъ въ другомъ рѣшеніи, гдѣ прямо признавалось, что подлогъ объемлетъ собой и поддѣлку кредитныхъ билетовъ. Вотъ сущность этого рѣшенія 1870 г. № 453 — Браиловскаго и др.: „билеты государственныхъ кредитныхъ установленій въ сущности составляютъ долговыя

обязательства этихъ установленій и, если поддѣлку этихъ билетовъ законъ изъемлетъ изъ-подъ дѣйствія общихъ уголовныхъ законовъ, опредѣляющихъ наказаніе за подлоги въ актахъ и обязательствахъ, и приравниваетъ по наказанію поддѣлкѣ государственныхъ кредитныхъ билетовъ, то, очевидно, вслѣдствіе особенно близкаго сходства тѣхъ и другихъ бумагъ, имѣющихъ въ народномъ обращеніи достоинство денегъ. Слѣдовательно, примѣненіе ст. 1149, какъ закона исключительнаго, можетъ имѣть мѣсто лишь въ отношеніи тѣхъ видовъ поддѣлки, которые одинаково возможны какъ по отношенію къ билетамъ государственныхъ кредитныхъ установленій, такъ и по отношенію собственно къ государственнымъ кредитнымъ билетамъ, а ст. 571 сюда относитъ составленіе поддѣльныхъ и передѣлку высшихъ въ нисшіе. Всѣ же остальные виды подлога въ билетахъ кредитныхъ установленій, какъ не предусмотрѣнные прямо въ ст. 571, 1149 и 1150, ближе всего по разуму 151 ст. должны быть подведены подъ дѣйствіе общихъ уголовныхъ законовъ, опредѣляющихъ наказаніе за подлогъ въ актахъ и обязательствахъ". Это подтверждается впослѣдствіи и въ к. р. 1873 г. № 809—Монозонова.

Что же касается наказаній, которыми уложеніе угрожаетъ за подлогъ, то это въ видѣ общаго правила или уголовныя или высшія исправительныя, причемъ самый родъ и степень наказанія измѣняются сообразно различнымъ условіямъ, въ особенности сообразно съ свойствомъ поддѣлываемаго документа. За подлогъ документовъ частныхъ, домашнимъ порядкомъ составляемыхъ (ст. 1692), назначается ссылка на житье или исправительныя арестантскія отдѣленія на время отъ 1 до 1½ года; за подлогъ документовъ нотаріальныхъ, а также всякихъ духовныхъ завѣщаній (ст. 1690 и 1691) наказаніе увеличивается на одну степень или же заключается въ ссылкѣ на поселеніе; послѣднее же наказаніе или ссылка на житье или отдача въ арестантскія отдѣленія на время отъ 2½ до 3 лѣтъ назначаются и за подлогъ обыкновенныхъ публичныхъ документовъ (ст. 294); за подлогъ указовъ сената и документовъ, исходящихъ отъ министерствъ (ст. 292 и 293), а также за подлогъ

векселей (ст. 1160) назначается ссылка на поселеніе, наконецъ, за подлогъ именныхъ указовъ (ст. 290) назначается каторга безъ срока. Но наказанія, указанныя въ ст. 290—294, смягчаются при наличности извѣстныхъ условій—прежде всего, если не сдѣлано употребленія изъ подложнаго документа, и виновный раскается въ учиненномъ подлогѣ: именно за подлогъ, предусмотрѣнный ст. 292, назначается въ этомъ случаѣ ссылка на житье или арестантскія отдѣленія на срокъ отъ 1½ до 2½ лѣтъ; ст. 293 и 294—тоже на срокъ отъ 1 до 1½ г.; наконецъ,—въ случаѣ, если виновный явится съ повинной въ сдѣланномъ имъ подлогѣ, допускается дальнѣйшее смягченіе наказанія; по ст. 291 опредѣляется въ этомъ случаѣ ссылка на поселеніе; по ст. 292 наказаніе доходитъ до заключенія въ тюрьму на время отъ 4 до 8 мѣсяцевъ, по ст. 293 — тоже на время отъ 2 до 4 мѣс. и по ст. 294 — до ареста на время отъ 7 дней до 3 недѣль. Съ другой стороны наказаніе увеличивается, если вслѣдствіе подлога публичныхъ документовъ невинный понесъ наказаніе уголовное (ст. 298)—за это назначается ссылка въ каторжныя работы на время отъ 8 до 10 или отъ 6 до 8 лѣтъ. То же наказаніе, что и указанное въ ст. 294, назначается за должностной подлогъ (ст. 362), доходя до каторги на время отъ 6 до 8 лѣтъ, если вслѣдствіе такого подлога невинный понесъ уголовное наказаніе. Особнякомъ стоитъ подлогъ документовъ съ цѣлью сократить карантинные обряды, обложенный смертной казнью (ст. 834). Кромѣ того, уложеніе знаетъ еще случаи подлоговъ документовъ, менѣе тяжко наказуемые, сюда относятся: представленіе подложныхъ свидѣтельствъ о болѣзни и т. д. отъ имени должностныхъ лицъ, обложенное тюремнымъ заключеніемъ на время отъ 2 до 8 мѣс. (ст. 300); составленіе подложныхъ видовъ на жительство, караемое тюремнымъ заключеніемъ на время отъ 4 мѣс. до 1 г. 4 мѣс. (ст. 975); но занятіе этимъ преступленіемъ въ видѣ промысла влечетъ за собой ссылку на житье или арестанскія отдѣленія на время отъ 1 до 1½ г. (ст. 976); поддѣлка договорнаго листа для найма на сельскія работы, за которую назначается тюремное заключеніе на

время отъ 2 до 4 мѣс. (ст. 1694[1]). Относительно же другихъ случаевъ подлога документовъ въ уложеніи дѣлаются ссылки на только что указанныя наказанія.

§ 25. Если вообще проектъ новаго уголовнаго уложенія во многихъ отношеніяхъ представляетъ шагъ впередъ по сравненію съ прежнимъ нашимъ уголовнымъ законодательствомъ, и если относительно многихъ вопросовъ мы видимъ въ немъ, дѣйствительно, рядъ нововведеній, то по вопросу о подлогѣ документовъ эти общія соображенія въ особенности представляются справедливыми. Въ проектѣ мы находимъ впервые въ нашемъ законодательствѣ конструкцію подлога документовъ, какъ единаго преступленія. Въ этомъ отношеніи проектъ оставляетъ прежнюю систему нашего уложенія, систему, основанную еще на Сводѣ Законовъ, по которой подлогъ расплывался въ массѣ отдѣльныхъ преступленій. Это—первая весьма существенная заслуга проекта; вторая его заслуга, не менѣе важная, состоитъ въ крайней немногочисленности отдѣльныхъ статей, посвященныхъ подлогу, въ особенности по сравненію съ тѣмъ, что представляетъ дѣйствующее уложеніе: вмѣсто нѣсколькихъ десятковъ статей проектъ помѣщаетъ всѣ свои положенія о подлогѣ въ десяти слишкомъ статьяхъ. Наконецъ, третья заслуга проекта въ томъ, что въ цѣломъ рядѣ детальныхъ вопросовъ, касающихся состава преступленія, на которые въ своемъ мѣстѣ будетъ обращено вниманіе, онъ безусловно стоитъ выше уложенія, давая вполнѣ опредѣленное выраженіе этому преступленію. Вообще же въ отношеніи характеристики постановки подлога по проекту можно вполнѣ согласиться со словами одного изслѣдователя этого вопроса въ нашей литературѣ, г. Хмѣльницкаго, который говоритъ слѣдующее: „немногочисленность статей, посвященныхъ подлогу документовъ, экономизируя время и трудъ, даетъ возможность судебной практикѣ оріентироваться въ тѣхъ воззрѣніяхъ на существо и виды подлога, которые установлены въ проектѣ; точное опредѣленіе и разграниченіе отдѣльныхъ группъ подлога, подробныя указанія относительно состава какъ матеріальнаго, такъ и интел-

лектуальнаго подлога, весьма разработанное ученіе о спеціальномъ умыслѣ при подлогѣ, устраненіе изъ законоположеній, касающихся подлога, элементовъ, совершенно чуждыхъ составу подлога, какъ преступнаго дѣянія, стремленіе къ установленію болѣе соразмѣрныхъ наказаній за отдѣльные виды подлога—таковы особенности проекта о подлогѣ документовъ, выгодно отличающія послѣдній отъ дѣйствующаго Уложенія о наказаніяхъ" [1]). Но, конечно, кромѣ достоинствъ и въ проектѣ можно найти не мало недостатковъ въ деталяхъ конструкціи подлога, на что своевременно будетъ нами указано.

Прежде чѣмъ приступить къ размотрѣнію содержанія постановленій проекта о подлогѣ документовъ, необходимо замѣтить, что общій взглядъ проекта на отношеніе этого преступленія къ другимъ, въ особенности же къ инымъ видамъ поддѣлокъ, и на общее положеніе его въ системѣ преступленій, неодинаковъ въ первой редакціи проекта и во второй, къ которой примыкаетъ и третья [2]).

Въ проектѣ 1-й редакціи подлогу документовъ была посвящена самостоятельная (21) глава „о подлогѣ документовъ", поставленная непосредственно за другой (20), носившей названіе „о поддѣлкѣ денежныхъ и цѣнныхъ знаковъ". Такимъ

[1]) Хмѣльницкій. Подлогъ документовъ по проекту новаго уголовнаго уложенія. Юрид. В. за 1892 г. № 10 стр. 277.

[2]) Слѣдуетъ заранѣе условиться относительно цитированія проекта. Первой редакціей мы называемъ ту, которая была непосредственно и первоначально выработана редакціонной коммиссіей, второй—ту, которая составлена этой коммиссіей, по разсмотрѣніи замѣчаній, представленныхъ на проектъ, и наконецъ третьей—ту, которая внесена Министромъ Юстиціи въ Государственный Совѣтъ 14 марта 1898 г. и которая представляетъ изъ себя собственно вторую редакцію, измѣненную Министромъ Юстиціи по соглашенію съ Предсѣдателемъ редакціонной коммиссіи главнымъ образомъ на основаніи отзывовъ отдѣльныхъ вѣдомствъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы и будемъ въ указанномъ смыслѣ цитировать проектъ первой, второй и третьей редакцій, причемъ обыкновенно мы будемъ приводить статьи второй редакціи, помѣщая рядомъ въ скобкахъ и статьи третьей редакціи.

образомъ подлогъ документовъ въ общей системѣ преступленій въ проектѣ первой редакціи былъ поставленъ отдѣльно отъ другихъ видовъ поддѣлокъ—отъ поддѣлки денежныхъ и цѣнныхъ знаковъ; содержаніе главы 21 было вполнѣ однородно, исключая, впрочемъ, послѣдней статьи ея (349), въ которой рѣчь шла о поддѣлкѣ орудій, служащихъ для наложенія печатей или иного удостовѣрительнаго знака. Это отдѣленіе подлога документовъ отъ поддѣлокъ другого рода не было случайнымъ, напротивъ, оно было вполнѣ преднамѣреннымъ со стороны составителей проекта, какъ вытекавшее изъ различныхъ взглядовъ ихъ на сущность этихъ преступленій. По словамъ объяснительной записки къ проекту уложенія, „поддѣлка денежныхъ знаковъ, имѣя свой особый спеціальный объектъ, а именно общественный и государственный кредитъ, должна быть выдѣлена, по мнѣнію коммиссіи, въ особую отдѣльную отъ подлоговъ главу“ [1]). При такой конструкціи подлогу документовъ отводилось вполнѣ самостоятельное мѣсто въ общей классификаціи преступныхъ дѣяній, и подчеркивалась его самостоятельная природа, отличная отъ другихъ преступленій.

Однако во второй редакціи проекта составители его отступаютъ отъ своего прежняго взгляда: они создаютъ общее понятіе „подлога“, которому посвящаютъ особую главу (19), и трактуютъ здѣсь о поддѣлкѣ денежныхъ знаковъ и кредитныхъ бумагъ, о поддѣлкѣ цѣнныхъ знаковъ, о поддѣлкѣ документовъ, объ актовой лжи или интеллектуальномъ подлогѣ и о подлогѣ печатей; такимъ образомъ здѣсь подлогъ документовъ противополагается поддѣлкѣ денежныхъ знаковъ, не какъ родъ роду, какъ въ первой редакціи, а какъ видъ виду, поглощаясь вмѣстѣ съ нимъ болѣе общимъ и широкимъ родовымъ понятіемъ „подлога“ вообще. Въ основаніе измѣненія своего взгляда составители проекта приводятъ только то

---

[1]) Объяснительная записка къ проекту уголовнаго уложенія. Часть особенная. Поддѣлка денежныхъ знаковъ и подлогъ документовъ, стр. 16.

соображеніе, что распредѣленіе данныхъ преступленій вызвало много возраженій со стороны нашихъ практиковъ, указывавшихъ на разнородность отдѣльныхъ постановленій прежней редакціи проекта, содержащихся въ каждой изъ двухъ отдѣльныхъ главъ его, и на нѣкоторую близость извѣстныхъ дѣяній, помѣщенныхъ въ первой главѣ, къ дѣяніямъ главы второй и т. п. [1]). Но, собственно говоря, всѣ эти соображенія даютъ еще весьма мало основаній къ измѣненію прежней конструкціи: въ нихъ высказывались только соображенія удобства, между тѣмъ составители проекта воспользовались ими для обоснованія своихъ принципіальныхъ взглядовъ. При новой конструкціи подлогъ документовъ, хотя и имѣетъ вполнѣ самостоятельный характеръ, но тѣмъ не менѣе сближается съ другими преступленіями по общему съ ними признаку матеріальной поддѣлки, такъ что въ этомъ отношеніи нашъ проектъ существенно отличается отъ той системы, которую мы видимъ, напр. въ германскомъ уложеніи.

Но зато въ проектѣ нѣтъ и тѣхъ отголосковъ конструкціи лживыхъ поступковъ, которые встрѣчаются еще въ уложеніи и о которыхъ рѣчь уже была въ своемъ мѣстѣ. Понятіе „подлога" получаетъ вполнѣ очерченное значеніе и не смѣшивается съ понятіемъ „обмана" вообще, такъ что тамъ, гдѣ въ проектѣ рѣчь идетъ объ обманѣ, подъ этимъ послѣднимъ выраженіемъ нельзя разумѣть подлога. Такова, напр. ст. 145 п. 2 (168 п. 2) проекта, соотвѣтствующая ст. 511 улож., которая говоритъ объ учиненіи обмана съ цѣлью уклоненія отъ военной службы. Судя по наказанію, которое за это дѣяніе положено и которое является менѣе тяжкимъ, чѣмъ нормальное наказаніе, опредѣленное за подлогъ, а также, имѣя въ виду строгое употребленіе терминовъ въ проектѣ, надо придти къ тому выводу, что здѣсь подъ обманомъ не разумѣется вовсе подлога [2]).

---

[1]) Объяснительная записка къ проекту (2-я ред.) т. V стр. 4.

[2]) Однако въ объяснительной запискѣ къ проекту выставляется какъ разъ обратное положеніе; въ ней говорится: „для состава этого

Вмѣстѣ съ тѣмъ проектъ выбрасываетъ изъ понятія подлога чуждые ему элементы; такъ, случаи поддѣлки частныхъ бумагъ, не являющихся документами, которые наше дѣйствующее право въ ст. 1537 и 1538 улож. о наказ. разсматриваетъ, какъ особый видъ подлога, совершенно исключаются проектомъ изъ состава этого преступленія; то же можно сказать о случаяхъ похищенія, истребленія или утайки актовъ должностнымъ лицомъ, которые наше законодательство (ст. 362) относитъ къ подлогу.

Такимъ образомъ подлогъ по проекту фигурируетъ въ болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ это было по уложенію.

§ 26. Проектъ уголовнаго уложенія, какъ сказано было выше, содержитъ главныя постановленія о подлогѣ документовъ въ главѣ XIX въ ст. 375—381 (389—397), и тѣ немногія статьи, которыя мы находимъ въ немъ по этому вопросу, ведутъ рѣчь о подлогѣ частныхъ и публичныхъ документовъ ст. 375 (389), о подлогѣ документовъ, исходящихъ отъ верховной власти ст. 376 (390), о подлогѣ видовъ на жительство ст. 377 (391), о подлогѣ разнаго рода свидѣтельствъ ст. 378 (392), объ интеллектуальномъ подлогѣ ст. 379—380 (393—396), объ употребленіи поддѣльныхъ или передѣланныхъ документовъ ст. 381 (397)—такова простая и несложная система проекта. Вся масса отдѣльныхъ и разбросанныхъ статей уложенія о подлогѣ вошла въ эти немногочисленныя

посягательства совершенно безразличенъ способъ, какимъ виновный ввелъ означенныхъ лицъ (т. е. завѣдующихъ комплектованіемъ войскъ) въ ошибку; съ этой точки зрѣнія . . . преступными должны быть признаваемы... и лица, представившія лишь завѣдомо лживое удостовѣреніе объ обстоятельствахъ, дающихъ право на льготу по исполненію воинской повинности. Однимъ словомъ сущность разсматриваемаго посягательства заключается въ учиненіи какого бы то ни было обмана, направленнаго къ тому, чтобы уклониться отъ законнаго порядка исполненія воинской повинности“. (Объясн. зап. т. III стр. 50). Изъ этихъ словъ записки слѣдуетъ, что здѣсь обманъ заключаетъ въ себѣ и подлогъ, съ чѣмъ, однако, согласиться невозможно, такъ какъ иначе проекту придется впасть въ противорѣчіе съ самимъ собой относительно опредѣляемыхъ имъ наказаній.

статьи проекта. Такъ, ст. 375 (389) проекта замѣнила собой ст. 292—294, 554, 834, 1151, 1160, 1161, 1164, 1167, 1195, 1414, 1441, 1677, 1678, 1688, 1690—1692, 1695 улож.; ст. 376 (390)—ст. 291; ст. 377 (391)—ст. 975—977; ст. 378 (392) — ст. 300, 1694^{1}; ст. 380 (394) — ст. 1572, 1696; ст. 395 (тр. редак.)—598, 599; ст. 396—ст. 593—594; ст. 381—ст. 834, 921, 1170, 1217, 1554, 1679, 1697. Наконецъ, все множество статей уложенія, говорившихъ о подлогѣ должностномъ, сосредоточено въ проектѣ въ нѣсколькихъ статьяхъ: ст. 379 второй редакціи или ст. 580—582 третьей, гдѣ дѣяніе это разсматривается въ гл. XXXV среди другихъ преступныхъ дѣяній по службѣ государственной и общественной.

Но, выдѣляя подлогъ документовъ въ одну группу, проектъ новаго уложенія тѣмъ не менѣе нѣкоторые виды подлога отсюда исключаетъ, создавая для нихъ спеціальныя постановленія, причемъ въ этихъ случаяхъ, какъ говорятъ составители [1]), эти спеціальныя постановленія будутъ исключать примѣненіе общихъ правилъ о поддѣлкѣ документовъ. Это обстоятельство подрываетъ общую стройность постановленій проекта о подлогѣ, такъ какъ, если въ главѣ XIX находится всего восемь статей, посвященныхъ подлогу, то столько же, если не больше, не помѣщено въ эту главу и разбросано безъ всякаго видимаго основанія по другимъ главамъ проекта. Примѣнимы ли сюда общія правила о подлогѣ документовъ, остается подъ сомнѣніемъ, и скорѣе въ виду указанныхъ выше словъ объяснительной записки слѣдуетъ дать отрицательный отвѣтъ на это. Самое выдѣленіе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ подлога изъ общей главы о немъ представляется тѣмъ болѣе страннымъ, что сами составители находятъ, что „расчленять поддѣлки въ документахъ по различнымъ группамъ преступныхъ дѣяній не только повлечетъ за собой рядъ ненужныхъ повтореній, всегда весьма невыгодныхъ съ точки зрѣнія законодательной техники, но

---

[1]) Объясн. зап. т. V стр. 155.

можетъ создать и иныя еще болѣе важныя затрудненія при указаніи мѣста въ системѣ, которое должно быть отведено этому виду подлога". Въ этомъ отношеніи, по ихъ мнѣнію, особенно труднымъ будетъ рѣшеніе вопроса о томъ, какъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда виновный ограничился только актомъ поддѣлки безъ употребленія поддѣльнаго документа. „Если даже кодексъ и поставитъ необходимымъ условіемъ наказуемости поддѣлки документовъ наличность не только умысла, но и опредѣленной цѣли, то и эта цѣль не поможетъ классификаціи, такъ какъ такою цѣлью можетъ быть большею частью поставленъ именно выпускъ въ обращеніе поддѣльныхъ документовъ, безъ специфическаго указанія тѣхъ сдѣлокъ, въ коихъ будетъ употребляться поддѣльный документъ, а между тѣмъ, напр. поддѣлка хотя бы паспорта или иного вида на жительство, съ цѣлью воспользоваться поддѣльнымъ документомъ, можетъ имѣть вредное значеніе или для правъ частныхъ лицъ, имущественныхъ или личныхъ, или для интересовъ общественныхъ, смотря по тому, для какого юридическаго дѣйствія будетъ употребленъ этотъ актъ" [1]). Мы нарочно приводимъ почти цѣликомъ это вполнѣ справедливое разсужденіе составителей проекта, потому что эти руководящіе взгляды оказываются не выдержанными при дальнѣйшемъ ихъ проведеніи.

§ 27. Не останавливаясь на тѣхъ статьяхъ проекта, которыя говорятъ о поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ, такъ какъ юридическая природа этого преступленія только отчасти можетъ быть уподобляема подлогу документовъ, мы перейдемъ къ другимъ его статьямъ гдѣ рѣчь идетъ о подлогѣ документовъ, которые собственно по своей юридической природѣ ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ документовъ, подлогъ которыхъ общимъ образомъ предусматривается въ ст. 375 (389) и слѣд. проекта.

Такъ прежде всего слѣдуетъ указать на ст. 72 (96) проекта, которая говоритъ о „передѣлкѣ" документа, служащаго, завѣ-

---

[1]) Объясн. зап. т. V стр. 153.

домо для виновнаго, доказательствомъ права Россіи по отношенію къ иностранному государству. Дѣяніе это упомянуто вмѣстѣ съ другими посягательствами противъ документовъ этого рода (поврежденіемъ, сокрытіемъ и захватомъ), какъ одинъ изъ видовъ измѣны [1]. Судя по редакціи этой статьи, нельзя не обратить вниманія на то, что рѣчь въ ней идетъ только о „передѣлкѣ" документовъ, о поддѣлкѣ же ихъ не упоминается вовсе — почему, объ этомъ въ объяснительной запискѣ ничего не говорится, — въ ней содержится только слѣдующее замѣчаніе: „сверхъ того, коммиссія сочла необходимымъ упомянуть и о передѣлкѣ документовъ, такъ какъ измѣненіе настоящаго документа можетъ имѣть безусловно такое же значеніе, какъ сокрытіе и поврежденіе документа, а примѣненіе въ этихъ случаяхъ общихъ постановленій не соотвѣтствовало бы важности сего дѣянія" [2]. Между тѣмъ выходитъ, что „поддѣлка" подобнаго документа или остается ненаказуемой, или же къ ней должны быть примѣняемы общія положенія проекта, вопреки приведенному выше взгляду коммиссіи о значеніи спеціальныхъ постановленій о подлогѣ и вопреки только что указанному положенію о томъ, что примѣненіе въ этихъ случаяхъ общихъ постановленій не соотвѣтствовало бы важности сего дѣянія. Наконецъ, можетъ быть, о поддѣлкѣ, т. е. составленіи фальшиваго документа, не упомянуто потому, что трудно представить себѣ въ дѣйствительной жизни подобный случай, но если возможно говорить о передѣлкѣ такихъ документовъ, то возможно говорить и о поддѣлкѣ ихъ. Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что термины „поддѣлка" и „передѣлка" имѣютъ, по мнѣнію составителей проекта, каждый свое собственное значеніе, и смѣшиваемы и замѣняемы одинъ другимъ быть не могутъ, такъ какъ, желая установить однообразную и точную терминологію,

---

[1]) Въ ст. 253 п. 5 уложенія о наказ., соотвѣтствующей этой статьѣ проекта, рѣчи о передѣлкѣ документовъ нѣтъ, а говорится только о похищеніи, истребленіи и поврежденіи этихъ документовъ.

[2]) Объясн. зап. т. II стр. 102.

коммиссія нашла самымъ подходящимъ общимъ выраженіемъ для всѣхъ случаевъ искаженія истины—подлогъ, затѣмъ въ каждой отдѣльной группѣ подлоговъ самое дѣйствіе она характеризуетъ выраженіями „поддѣлка“ и „передѣлка“, а въ отношеніи случаевъ интеллектуальнаго подлога употребляетъ терминъ „составленіе“ [1]). Но если и не обращать особеннаго вниманія на неточности терминологіи, возникаетъ далѣе вопросъ о томъ, почему коммиссіи понадобилось выдѣлять этотъ случай подлога изъ общихъ о немъ постановленій и къ тому же видѣть въ немъ ужъ не подлогъ, а измѣну. Вѣдь, дѣяніе остается здѣсь совершенно такимъ же, какъ и въ другихъ случаяхъ, и только цѣль дѣятельности здѣсь иная, чѣмъ тамъ, но это еще не даетъ основаній видѣть въ данномъ случаѣ составъ иного преступленія. Положимъ, составители проекта находятъ, что примѣненіе здѣсь общихъ постановленій не соотвѣтствовало бы важности сего дѣянія, но между тѣмъ поддѣлка Высочайшаго повелѣнія, несмотря на всю важность свою, что выражается и въ усиленномъ наказаніи, за это дѣяніе положенномъ, помѣщена среди прочихъ случаевъ подлога въ ст. 376 (390), а не выдѣлена изъ него въ какую-нибудь другую группу преступленій. Статью 72 можно было бы въ той ея части, разумѣется, которая касается подлога, помѣстить, разсуждая вполнѣ послѣдовательно, среди другихъ видовъ подлога, оставивъ то усиленное наказаніе, которое въ ней опредѣляется: въ такомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, единство понятія подлога документовъ не было бы нарушено.

Соображеніе того же рода можно высказать и относительно ст. 357 (371) проекта, которая разсматриваетъ подлогъ въ актахъ гражданскаго состоянія не въ числѣ другихъ подлоговъ въ соотвѣтствующей главѣ проекта, а вмѣстѣ съ иными посягательствами противъ документовъ, служащихъ удостовѣреніемъ гражданскаго состоянія (вмѣстѣ съ поврежденіемъ, сокрытіемъ и захватомъ ихъ), въ числѣ посягательствъ на союзъ семейный, какъ особое посягательство на граждан-

[1]) Объясн. зап. т. V стр. 6.

ское личное состоянiе. По словамъ составителей проекта, нарушенiе гражданскаго состоянiя (принадлежности къ данной семьѣ) можетъ быть достигнуто или 1) путемъ воздѣйствiя на доказательства гражданскаго состоянiя, ихъ поврежденiемъ, захватомъ, сокрытiемъ, подлогомъ, или же 2) путемъ воздѣйствiя на самую личность потерпѣвшаго. Затѣмъ относительно первой группы этихъ нарушенiй составители замѣчаютъ: „уголовный законъ, конечно, можетъ обнять эту дѣятельность общимъ опредѣленiемъ о подлогѣ, поврежденiи, сокрытiи и захватѣ документовъ, не создавая для нея особыхъ постановленiй; такъ поступаетъ французское законодательство по примѣру римскаго. Но лишенiе гражданскаго состоянiя представляется настолько тяжкимъ, что обыкновенныя наказанiя, положенныя за поврежденiе, захватъ, сокрытiе и даже за подлогъ документовъ оказываются для него недостаточными. Притомъ оно представляетъ изъ себя понятiе совершенно самостоятельное и законченное, которое едва ли правильно ставить въ зависимость отъ одного лишь способа дѣятельности; одинъ и тотъ же способъ дѣятельности можетъ имъ обниматься или не обниматься, смотря по одухотворяющему его намѣренiю. Въ зависимости отъ послѣдняго, возможные способы учиненiя такихъ посягательствъ могутъ быть даже шире способовъ, предусматриваемыхъ уголовнымъ закономъ относительно документовъ. Наконецъ, разсматриваемому рѣшенiю вопроса противорѣчитъ и система русскаго законодательства, которое всегда оговаривало и оговариваетъ особо сокрытiе гражданскаго состоянiя личности“ [1]). Вторую же группу нарушенiй гражданскаго состоянiя коммиссiя относитъ къ посягательствамъ противъ свободы, порывая въ этомъ отношенiи связь съ дѣйствующимъ законодательствомъ, которое разсматриваетъ эти преступленiя, какъ посягательство противъ правъ состоянiя. Это отступленiе отъ традицiй нашего уложенiя, дѣлаемое составителями проекта, нѣсколько умаляетъ значенiе послѣдняго довода составителей

---

[1]) Объясн. зап. т. IV стр. 204.

относительно подведенія случаевъ подлога въ актахъ состоянія въ группу посягательствъ противъ союза семейнаго. Что же касается остальныхъ двухъ доводовъ въ пользу этого, то относительно ихъ надо замѣтить слѣдующее: то обстоятельство, что лишеніе гражданскаго состоянія, являющееся слѣдствіемъ подлога документовъ, представляется по взгляду коммиссіи особенно тяжкимъ преступленіемъ, такъ что обыкновенныя наказанія за подлогъ документовъ въ этомъ случаѣ оказываются недостаточно репрессивными, можетъ быть поводомъ только къ увеличенію наказанія за подлогъ актовъ гражданскаго состоянія, составляя изъ него особый тяжкій видъ, но никоимъ образомъ это обстоятельство само по себѣ не можетъ обусловливать перенесеніе извѣстнаго преступнаго дѣянія изъ одной группы преступленій въ другую. Въ этомъ отношеніи опять таки можно сослаться на только что приведенный случай отнесенія поддѣлки Высочайшаго повелѣнія въ группу подлоговъ документовъ, въ качествѣ особо тяжкаго вида его по наказуемости. Единственный аргументъ составителей проекта, заслуживающій дѣйствительно вниманія, это—соображеніе о томъ, что лишеніе гражданскаго состоянія есть понятіе совершенно самостоятельное и законченное; съ этимъ послѣднимъ соображеніемъ нельзя не согласиться. Но изъ этого не слѣдуетъ выводить, что подлогъ долженъ быть сведенъ въ этомъ случаѣ на степень способа дѣйствія при учиненіи преступленія, тѣмъ болѣе, что проектъ говоритъ не о сокрытіи или измѣненіи гражданскаго состоянія посредствомъ подлога, а о подлогѣ съ цѣлью сокрытія или измѣненія его. Такимъ образомъ преступленіе здѣсь будетъ считаться совершившимся съ момента учиненія подлога, а не съ момента сокрытія или измѣненія гражданскаго состоянія. Между тѣмъ, проводя послѣдовательно этотъ взглядъ коммиссіи, можно было бы и другіе виды подлога документовъ въ зависимости отъ цѣли дѣятельности разнести по различнымъ отдѣламъ, и отъ общаго понятія подлога ничего бы и не осталось. Еще менѣе понятными представляются слѣдующія замѣчанія объясн. зап: „оконченнымъ дѣяніе становится съ момента окончанія соотвѣтствующаго посягательства

по отношенію къ доказательству гражданскаго состоянія названными способами. Покушеніе, какъ таковое, не наказуемо, но обыкновенно оно будетъ обнято постановленіями о подлогѣ, захватѣ или поврежденіи документовъ, по которымъ и подпадетъ наказанію, какъ delictum sui generis". Но эти слова совсѣмъ не соотвѣтствуютъ тексту проекта; изъ нихъ слѣдуетъ, что подлогъ является только покушеніемъ на лишеніе гражданскаго состоянія, такъ что, казалось бы, соотвѣтственно имъ статья эта должна была быть формулирована иначе—нужно было бы сказать, что если послѣдствіемъ подлога документовъ будетъ лишеніе гражданскаго состоянія, то должно быть примѣнено такое-то наказаніе, и при такой редакціи этой статьи соблюдено было бы, по крайней мѣрѣ, единство постановленій проекта о подлогѣ. Нѣкоторое измѣненіе содержанія этой статьи сдѣлано въ новой редакціи проекта (ст. 371), гдѣ прямо сказано: „покушеніе наказуемо"; такимъ образомъ здѣсь уже будутъ примѣняться не общія правила о подлогѣ документовъ въ томъ случаѣ, если отъ даннаго дѣянія не послѣдовало лишенія гражданскаго состоянія, какъ это должно бы было быть по прежней редакціи проекта, а общія опредѣленія о наказуемости покушенія [1]).

Наконецъ, надо еще отмѣтить одну особенность въ редакціи этой статьи. По словамъ объясн. зап., „сюда не

[1]) Эта прибавка мотивирована въ представленіи М. Ю. слѣдующимъ образомъ: „въ виду отсутствія въ ст. 357 особаго указанія на наказуемость покушенія и согласно ст. 41, покушеніе на поврежденіе, захватъ или подлогъ доказательствъ гражданскаго состоянія не можетъ подлежать наказанію, если самое дѣяніе, въ коемъ выразилось покушеніе на тяжкое преступное дѣяніе, не будетъ составлять самостоятельнаго проступка. Между тѣмъ всѣ перечисленные въ ст. 357 способы воздѣйствія на доказательства гражданскаго состоянія, по природѣ своей, допускаютъ покушеніе, вслѣдствіе чего и въ виду особой важности посягательства на гражданское состояніе личности, представлялось бы необходимымъ дополнить ст. 357 особою оговоркою о наказуемости покушенія". (Представленіе въ Государственный Совѣтъ Министра Юстиціи и Предсѣдателя Высочайше учрежденной редакціонной коммиссіи стр. 187).

подойдутъ учиняемыя безъ измѣненія документа лживыя заявленія и уловки, направленныя къ ложному показанію въ метрическихъ записяхъ родопроисхожденія ребенка, независимо отъ того, дѣлаются ли они непосредственно передъ лицомъ органа власти, ведущаго метрическія записи, или черезъ посредство обманываемыхъ для того родителей, или же путемъ склоненія органа власти на завѣдомый для него подлогъ, если только такого рода дѣянія не обнимаются понятіемъ подлога интеллектуальнаго, когда они могутъ подлежать наказанію по соотвѣтствующимъ постановленіямъ проекта". Изъ этого слѣдуетъ, что интеллектуальный подлогъ, хотя бы совершенный съ той же цѣлью сокрытія или измѣненія гражданскаго состоянія, будетъ представлять изъ себя преступленіе общаго характера и предусматривается по общимъ правиламъ о подлогѣ документовъ, а матеріальный подлогъ представляетъ преступленіе особаго рода. Намъ кажется, что такое раздѣленіе одного и того же преступленія на виды, предусматриваемые въ разныхъ главахъ уложенія, ничѣмъ не оправдывается, если считать интеллектуальный подлогъ видомъ подлога вообще, какъ это дѣлаетъ проектъ: для каждаго изъ этихъ видовъ подлога должна быть одинаковая ratio legis, а не какое-нибудь особое основаніе.

Дальнѣйшія замѣчанія относительно отдѣльныхъ постановленій проекта о подлогѣ можно сдѣлать по поводу тѣхъ статей, которыя предусматриваютъ служебный подлогъ. Дѣло въ томъ, что проектъ содержитъ въ ст. 379 (580) общее постановленіе о служебномъ подлогѣ настолько широкое, что имъ можетъ быть обнятъ всякій служебный подлогъ [1]). Между тѣмъ мы находимъ кромѣ того въ проектѣ еще цѣлый рядъ статей, говорящихъ о томъ же видѣ подлога, но помѣщенныхъ

---

[1]) Ст. 379 говоритъ: „служащій, виновный въ составленіи, въ качествѣ органа или служителя власти (этихъ послѣднихъ словъ нѣтъ въ третьей редакціи проекта) документа съ завѣдомо невѣрнымъ изложеніемъ въ немъ обстоятельства, симъ документомъ удостовѣряемаго и т. д.".

въ другихъ группахъ преступленій, вслѣдствіе чего данное преступленіе разсматривается уже не какъ подлогъ (какъ было бы нужно по второй редакціи) и не какъ служебное преступленіе (согласно третьей редакціи), а какъ преступленіе иного характера.

Такъ ст. 349 (361), 350 (362), 351 (363), 352 (364), 354 (368), 355 (369) проекта предусматриваютъ въ качествѣ „посягательства на союзъ семейный" запись служащимъ завѣдомо незаконнаго брака въ метрической книгѣ, причемъ самому слову „служащій" слѣдуетъ придавать здѣсь самое ограничительное значеніе, какъ это слѣдуетъ изъ объяснит. зап. [1]), гдѣ сказано: „вторую категорію (первую — духовныя лица) составляютъ должностныя лица, уполномоченныя на заключеніе брака записью его въ метрической книгѣ; при этомъ имѣются въ виду браки раскольниковъ, совершеніе коихъ производится записью ихъ въ метрическія книги мѣстнымъ полицейскимъ начальствомъ, органы котораго и будутъ возможными виновниками этого посягательства". Зачѣмъ понадобилось выдѣленіе этихъ преступныхъ дѣяній изъ общихъ постановленій о подлогѣ, въ объяснительной запискѣ нѣтъ указаній, тѣмъ болѣе, что, разсматривая ст. 1571, 1556 ч. 1 и 1572 улож., объяснительная записка замѣчаетъ: „всѣ эти дѣянія не требуютъ особаго постановленія, насколько онѣ обнимаются общимъ понятіемъ подлога", но и въ отношеніи приведенныхъ статей можно сказать то же самое.

Другой подобный же случай мы видимъ въ ст. 489 п. 2 и 3 (506 п. 2, 3) проекта, которая предусматриваетъ среди злоупотребленія довѣріемъ одинъ видъ интеллектуальнаго подлога: помѣщеніе завѣдомо ложныхъ свѣдѣній о состояніи дѣлъ или счетовъ установленія или общества въ публикаціи, отчетѣ, балансѣ, торговой книгѣ или въ произнесенной въ общемъ собраніи рѣчи и представленіе завѣдомо невѣрнаго расчета объ исчисленіи и выдачѣ дивиденда. Почему эти дѣянія выдѣлены изъ подлога, въ объяснительной запискѣ не говорится;

---

[1]) Объяснит. зап. т. IV стр. 170—171.

въ ней содержится только общее указаніе о томъ, что для репрессіи такихъ дѣйствій общихъ уголовно-юридическихъ понятій о злоупотребленіи полномочіемъ, присвоеніи имущества и обманахъ оказывается недостаточно [1]). Между тѣмъ здѣсь вполнѣ были бы примѣнимы общія опредѣленія о подлогѣ документовъ, и разсматривать этотъ видъ подлога, какъ злоупотребленіе довѣріемъ, нѣтъ основаній.

Наконецъ, надо указать еще на одну статью проекта, именно ст. 559 п. 2 (587), которая предусматриваетъ искаженіе содержанія письменной почтовой корреспонденціи или телеграммы служащимъ въ почтовомъ или телеграфномъ установленіи. Дѣяніе это весьма близко подходитъ къ подлогу, и, какъ видно изъ объяснительной записки, должно обнимать собой и подлогъ. Основанія, заставившія составителей проекта выдѣлить изъ общихъ постановленій о подлогѣ искаженіе телеграммы, главнымъ образомъ покоятся на соображеніяхъ удобства; по словамъ объяснительной записки [2]), „если бы вся письменная почтовая и телеграфная корреспонденція имѣла значеніе документовъ въ смыслѣ настоящаго проекта, то не представлялось бы и надобности въ какихъ-либо особыхъ опредѣленіяхъ настоящей главы проекта, такъ какъ передѣлка документовъ предусмотрѣна спеціально. Но, принявъ во вниманіе, что предметомъ корреспонденціи могутъ быть просто житейскія письма и телеграммы, не имѣющія ни одного изъ признаковъ документа; что искаженіе содержанія ихъ можетъ быть гораздо вредоноснѣе болтливаго оглашенія онаго и потому не можетъ быть оставлено безъ наказанія, что, при такомъ положеніи вещей, Коммиссіи предстояла слѣдующая дилемма: или установить въ ст. 559 отвѣтственность лишь за искаженіе писемъ и бумагъ, не имѣющихъ характера документа, и наказывать передѣлку составляющихъ предметъ корреспонденціи документовъ, на основаніи общихъ постановленій о подлогѣ документовъ, или же напротивъ того, уста-

[1]) Объясн. зап. т. VII стр. 268.
[2]) Объясн. зап. т. VIII, стр. 393.

новить въ настоящей статьѣ отвѣтственность за искаженіе всякой письменной корреспонденціи вообще, безразлично, будетъ ли предметомъ злоупотребленія виновнаго письмо, бумага, телеграмма или же документъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова". Но отъ первой системы коммиссія отказалась потому, что принятіе ея создало бы, какъ полагаетъ коммиссія, крайнюю казуистичностъ и поставило бы судъ въ безвыходное положеніе въ томъ случаѣ, если бы предметомъ искаженія былъ подложный документъ или служебная телеграмма: трудно, однако, понять, почему въ этомъ случаѣ явилась бы казуистичность: вѣдь, при такомъ рѣшеніи вопроса была бы напротивъ достигнута большая стройность въ конструкціи подлога по проекту, а искаженіе телеграммы, не имѣющей значенія документа, было бы delictum sui generis. Напротивъ того, вторая система, по мнѣнію коммиссіи, представляетъ всю выгоду цѣлостности и простоты, вслѣдствіе чего коммиссія на ней и остановилась. „Единственное ея практическое неудобство—возможность присужденія виновнаго къ болѣе легкой отвѣтственности сравнительно съ установленнымъ за подлогъ—устраняется весьма легко прямымъ указаніемъ въ законѣ, что наказаніе, опредѣленное за нарушеніе неприкосновенности корреспонденціи искаженіемъ содержанія оной, не устраняетъ болѣе тяжкой отвѣтственности за подлогъ документовъ (напр. въ случаѣ передѣлки Высоч. повелѣнія)". Однако означенной оговорки въ проектѣ второй редакціи не содержалось, и только въ третьей редакціи въ ст. 587 вставлено: „буде виновный не подлежитъ за учиненное болѣе тяжкой отвѣтственности", т. е. сообразно санкціи въ этой статьѣ опредѣленной, если виновный не подлежитъ наказанію, превышающему трехлѣтнее заключеніе въ исправительномъ домѣ. Благодаря этому получается то, что одно и то же дѣяніе можетъ быть обсуждаемо по двумъ статьямъ проекта: или на основаніи общихъ постановленій о подлогѣ или спеціальныхъ, въ зависимости отъ условій даннаго случая, вслѣдствіе чего безусловно въ опредѣленія проекта вносится та казуистичность, которой думала избѣжать коммиссія, отстраняя отъ себя первую систему;

вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли этимъ достигнута та цѣлостность и простота, которыхъ коммиссія стремилась достигнуть, принявъ вторую систему.

Таковы тѣ статьи проекта, которыя обращаютъ на себя особенное вниманіе тѣмъ, что нарушаютъ общую стройность постановленій его о подлогѣ.

Въ заключеніе надо указать на то, что кромѣ подлога документовъ проектъ знаетъ еще одно дѣяніе, по своей природѣ близко къ нему подходящее, но тѣмъ не менѣе отъ него отличаемое; о немъ говоритъ ст. 118 (142), которая предусматриваетъ: 1) устройство завѣдомо ложнаго письменннаго (или вещественнаго) доказательства съ цѣлью навлечь подозрѣніе на опредѣленное лицо въ учиненіи преступнаго дѣянія или служебной провинности, буде сіе лжесвидѣтельство сдѣлалось предметомъ слѣдственнаго дѣйствія и 2) предъявленіе суду или органу власти подобнаго ложнаго доказательства. Это преступленіе помѣщено въ главѣ VII—„противодѣйствіе правосудію", представляя изъ себя такъ называемое „преступное ополиченіе".

Что же касается наказанія, положеннаго по проекту за подлогъ документовъ, то нормальнымъ является исправительный домъ, минимальный срокъ котораго опредѣленъ въ 3 года при подлогѣ доказательства гражданскаго состоянія; но наказаніе это доходитъ до каторги въ случаѣ поддѣлки Высочайшихъ повелѣній или документа, служащаго доказательствомъ права Россіи по отношенію къ иностранному государству; съ другой стороны оно понижается до тюрьмы въ случаѣ подлога вида на жительство и даже до тюрьмы не свыше 6 мѣсяцевъ въ случаѣ поддѣлки документовъ меньшей важности, особо перечисленныхъ въ проектѣ; если же эти документы не были употреблены, то наказаніе за подлогъ смягчается, именно въ случаѣ подлога вида на жительство назначается наказаніе на срокъ не свыше 6 мѣс., остальныхъ же документовъ — арестъ; кромѣ того это пониженіе наказанія обусловливается еще другими опредѣленными условіями. Наконецъ, занятіе въ видѣ промысла поддѣлкой документовъ меньшей важности влечетъ за собой исправительный домъ.

§ 28. Если подвести итогъ всему сказанному о подлогѣ документовъ по русскому законодательству въ его историческомъ развитіи и современномъ состояніи, то можно замѣтить слѣдующее.

Первыя вполнѣ опредѣленныя постановленія о подлогѣ документовъ мы находимъ въ Царскомъ Судебникѣ 1550 г., который говоритъ о „подпискѣ", помѣщая ее въ числѣ другихъ „лихихъ дѣлъ", и о служебномъ подлогѣ, разсматривая его, какъ видъ неправосудія.

Послѣдующее наше законодательство до уложенія 1649 г. создаетъ нѣсколько дополнительныхъ опредѣленій къ общимъ положеніямъ Судебника, не измѣняя существа послѣднихъ.

Постановленія о подлогѣ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича съ одной стороны создались подъ вліяніемъ началъ Литовскаго Статута, съ другой—служатъ дальнѣйшимъ развитіемъ началъ прежняго нашего законодательства. Въ первомъ отношеніи усвоивается система построенія подлога Статутомъ и установляется самостоятельный видъ подлога документовъ болѣе важныхъ; во второмъ — выясняются и конструируются болѣе опредѣленно другіе виды подлога документовъ, но подлогъ частныхъ документовъ, составляемыхъ безъ участія должностныхъ лицъ, не предусматривается въ Уложеніи.

Воинскіе Артикулы Петра Великаго строятъ свои положенія о подлогѣ на началахъ западно-европейскаго права, сближая подлогъ документовъ съ другими видами поддѣлокъ и даже съ нѣкоторыми другими случаями наказуемой лжи; однако практическаго результата эта конструкція не имѣетъ, потому что судебная практика продолжаетъ руководствоваться по прежнему главнымъ образомъ опредѣленіями Уложенія 1649 года, и подлогъ продолжаетъ имѣть то же самостоятельное и обособленное значеніе, какимъ онъ пользовался и до этого времени, что является одной изъ характерныхъ чертъ нашего стараго права.

Въ слѣдующую затѣмъ эпоху появляется самый терминъ „подлогъ"; первоначально онъ имѣетъ вполнѣ очерченный объемъ, но потомъ начинаетъ принимать широкое значеніе и

мало по малу отождествляется съ обманомъ вообще; въ то же время появляется понятіе „лживыхъ поступковъ", видомъ которыхъ считается подлогъ, чѣмъ вносится еще болѣе путаницы въ общее ученіе о подлогѣ документовъ. Въ эту эпоху вмѣстѣ съ тѣмъ развиваются подробнѣе отдѣльныя положенія о подлогѣ документовъ, и въ законодательствѣ видно стремленіе предусмотрѣть разнообразные виды этого преступленія.

Этихъ же началъ придерживаются проекты елизаветинскихъ коммиссій, соединившіе вмѣстѣ отдѣльныя постановленія нашего права о подлогѣ документовъ и предусматривавшіе его съ другими обманами.

Въ проектѣ уголовнаго уложенія 1811 г. Якоба, составленномъ на началахъ, чуждыхъ нашему праву, видно стремленіе придать понятію подлога документовъ надлежащее значеніе, выдѣливъ его изъ прочихъ случаевъ обмана вообще, и вернуть то положеніе, которымъ онъ уже пользовался въ нашемъ старомъ правѣ.

Въ другомъ проектѣ того же времени — правительственномъ 1813 г., выставляется напротивъ на первый планъ взглядъ нашего законодательства конца прошлаго вѣка на подлогъ, какъ на видъ обмана вообще; только область его здѣсь уже сравнительно съ областью его по проектамъ елизаветинскихъ коммиссій.

Это начало усвоивается и т. XV Св. Закон., который усматриваетъ въ немъ видъ „лживыхъ поступковъ" и разбиваетъ отдѣльные виды его по разнымъ группамъ преступленій.

Уложеніе о наказаніяхъ придаетъ подлогу документовъ самостоятельное значеніе, благодаря чему онъ отличается отъ другихъ преступленій, но оно разсматриваетъ его съ точки зрѣнія посягательства на разныя правовыя блага, такъ что и не знаетъ единаго преступленія подлога документовъ.

Этого достигаетъ проектъ новаго уголовнаго уложенія, создающій почти полное объединеніе отдѣльныхъ случаевъ подлога документовъ и сообщающій ему значеніе единаго преступленія съ вполнѣ очерченнымъ составомъ.

ГЛАВА XII.

Современныя европейскія законодательства.

§ 1. Общія соображенія о постановкѣ вопроса о подлогѣ документовъ въ европейскихъ законодательствахъ. — § 2. Финляндское уложеніе. — § 3. Венгерское уложеніе. — § 4. Голландское уложеніе.—§ 5. Проектъ норвежскаго уложенія.— § 6. Проектъ австрійскаго уложенія.—§ 7. Итальянское уложеніе.—§ 8. Проектъ швейцарскаго уложенія.

§ 1. Для того, чтобы составить себѣ полное представленіе о подлогѣ документовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выяснить возможныя конструкціи этого преступленія въ положительномъ законодательствѣ, мы находимъ нелишнимъ обратиться къ разсмотрѣнію постановки вопроса о подлогѣ въ новѣйшихъ европейскихъ законодательствахъ и проектахъ ихъ. Мы имѣемъ здѣсь въ виду уложенія: венгерское 1878 г., голландское 1881 г., итальянское 1889 г., финляндское 1889 г., и проекты австрійскаго, норвежскаго и швейцарскаго уложеній.

Всѣ эти кодексы можно разбить на нѣсколько группъ, соотвѣтственно тому основному взгляду на сущность подлога и той конструкціи этого преступленія, которые мы въ нихъ находимъ. Здѣсь можно различить два слѣдующія теченія: 1) сближеніе подлога съ другими преступленіями, въ основаніи состава которыхъ лежитъ моментъ обмана; подлогъ разсматривается здѣсь наряду съ другими обманами, въ томъ

числѣ и съ мошенничествомъ, — такова система уложенія финлянскаго; 2) разсмотрѣніе подлога документовъ въ качествѣ самостоятельнаго преступленія; при этомъ одни законодательства посвящаютъ подлогу отдѣльныя главы въ общей своей системѣ, подобно германскому уложенію: сюда относятся уложенія венгерское и голландское и проекты австрійскаго и норвежскаго; другія же создаютъ особую группу преступленій противъ общественнаго довѣрія, куда помѣщаютъ среди другихъ преступленій и подлогъ документовъ, слѣдуя въ этомъ отношеніи бельгійскому уложенію. Сюда относятся уложеніе итальянское и проектъ швейцарскаго.

Конечно, кромѣ того каждый изъ этихъ законодательныхъ памятниковъ представляетъ особенности и въ отношеніи ближайшаго состава преступленія. Нѣкоторыя уложенія, напримѣръ, имѣютъ въ виду только подлогъ письменныхъ документовъ (напр. голландское), другія подъ подлогомъ документовъ разумѣютъ и подлогъ другихъ удостовѣрительныхъ знаковъ. Одни требуютъ для состава преступленія употребленіе поддѣльнаго или передѣланнаго документа, другія довольствуются однимъ фактомъ поддѣлки или передѣлки, третьи проводятъ въ этомъ отношеніи различіе между документами публичными и частными. Наконецъ, одни подъ подлогомъ разумѣютъ только составленіе подложнаго документа или передѣлку подлиннаго, другія приравниваютъ подлогу и другія дѣянія, напр. сокрытіе документа, поврежденіе его и т. п. На всѣ эти особенности въ конструкціи подлога будетъ своевременно указано. Если же приступить къ ближайшему анализу постановленій этихъ уложеній о подлогѣ, то можно сказать слѣдующее.

§ 2. Финляндское уложеніе [1]) разсматриваетъ подлогъ въ одной и той же главѣ съ мошенничествомъ, въ главѣ 36, озаглавленной „объ обманѣ и подлогѣ“, упоминая кромѣ того

---

[1]) Мы цитируемъ его по оффиціальному переводу, сдѣланному по распоряженію Предсѣдателя Коммиссіи для составленія свѣдѣній по финляндскимъ законамъ и систематизаціи сихъ законовъ: „Уголовное Уложеніе В. К. Финляндскаго и относящіяся къ нему узаконенія“. Спб. 1900 г.

еще о нѣкоторыхъ видахъ этого преступленія въ главѣ 40, говорящей о служебныхъ преступленіяхъ должностныхъ лицъ (§ 331 и 340).

Сближеніе обмана, т. е. мошенничества, съ поддѣлками разныхъ видовъ, въ числѣ которыхъ фигурируетъ и подлогъ документовъ, показываетъ, что съ точки зрѣнія составителей кодекса существеннымъ моментомъ во всѣхъ этихъ дѣяніяхъ является моментъ искаженія истины, который и даетъ имъ возможность разсматривать вмѣстѣ всѣ эти разнообразныя дѣянія: для авторовъ уложенія подлогъ и мошенничество представляются, повидимому, дѣяніями одинаковаго порядка, и подлогъ является только подвидомъ болѣе широкаго понятія обмана вообще. Это видно изъ того, что въ главѣ 36 предусматриваются совмѣстно слѣдующія дѣянія: мошенничество (§ 287—288), подлогъ документовъ (284—294), перестановка межъ, рубежныхъ знаковъ, указателей уровня воды и т. п. (§ 294), поддѣлка гербовыхъ и почтовыхъ марокъ, разныхъ клеймъ, наконецъ, поддѣлка мѣръ и вѣсовъ (§ 295—299). Всѣ эти дѣянія сближаются между собой единствомъ способа дѣйствія, заключающемъ въ себѣ моментъ искаженія истины; но, если и представляется вообще возможнымъ сближать всѣ поддѣлки другъ съ другомъ, то отъ отнесенія къ нимъ мошенничества вполнѣ отказались современныя законодательства, сознавая, что преступленія эти существенно различаются другъ отъ друга по объекту посягательства. Въ этомъ отношеніи финляндское уложеніе стоитъ еще всецѣло на точкѣ зрѣнія прежнихъ кодексовъ, что мало гармонируетъ съ общимъ духомъ этого законодательнаго памятника, представляющаго во многихъ своихъ отдѣлахъ, въ особенности въ общей своей части, проведеніе наиболѣе прогрессивныхъ взглядовъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію конструкціи въ немъ собственно подлога документовъ, можно увидѣть слѣдующее.

Непосредственнымъ объектомъ преступленія, какъ можно заключить изъ соотвѣтствующихъ статей уложенія, считается только такой документъ, который является доказательствомъ извѣстнаго имѣющаго правовое значеніе событія, но самое

понятіе документа здѣсь не опредѣляется. Уложеніе проводитъ различіе между документами оффиціальными и частными, облагая подлогъ первыхъ болѣе строгимъ наказаніемъ, чѣмъ подлогъ вторыхъ. Въ свою очередь среди публичныхъ документовъ уложеніе различаетъ три вида ихъ, степеня соотвѣтственно этому наказаніе за подлогъ ихъ: 1) документы, служащіе для общественной пользы или руководства; причемъ въ видѣ примѣра [1]) указаны судебные журналы или главные протоколы судебной или иной общественной власти, казенныя счетныя книги, метрическія книги, мантальные списки, поземельныя книги (§ 289), 2) всякіе вообще оффиціальные документы, выданные общественнымъ учрежденіемъ или должностнымъ лицомъ (§ 290), 3) паспортъ, свидѣтельство о поведеніи или другое подобное удостовѣреніе (§ 290 ч. 2). Но изъ этихъ группъ публичныхъ документовъ выдѣлены, однако, документы, содержащіе въ себѣ доказательство права или безопасности Россійскаго Государства, поддѣлка которыхъ разсматривается (§ 92) въ главѣ XII, говорящей о государственной измѣнѣ. Среди частныхъ документовъ точно также различаются особые виды: 1) всякій вообще частный документъ; въ видѣ примѣра приводятся въ законѣ купчая крѣпость, духовное завѣщаніе, контрактъ, долговое обязательство, вексель, росписка, торговая книга (§ 291) и 2) увольнительный отъ хозяина аттестатъ, частное свидѣтельство о поведеніи или иное подобное удостовѣреніе (ib.). Изъ этого видно, что финляндское уложеніе стремится дать очень детальныя опредѣленія о подлогѣ документовъ, прибѣгая къ возможно подробному перечисленію тѣхъ изъ нихъ, которые могутъ быть предметомъ подлога того или другого вида. Въ этомъ отношеніи немногія законодательства придерживаются такой дробности своихъ опредѣленій, довольствуясь по большей части широкимъ понятіемъ частнаго или публичнаго документа.

---

[1]) Что это только примѣры, можно вывести изъ того, что послѣ перечисленія разныхъ документовъ ст. 289 прибавляетъ: „или другіе подобные документы и т. д.“.

Самое разграниченіе, дѣлаемое между документами публичными и частными, имѣетъ значеніе здѣсь не только въ томъ смыслѣ, что подлогъ первыхъ наказывается сильнѣе, чѣмъ послѣднихъ, но кромѣ того вліяетъ и на конструкцію самаго состава преступленія.

Такъ, прежде всего со стороны внѣшней относительно состава преступленія проводится различіе между отдѣльными видами документовъ въ томъ отношеніи, что въ однихъ случаяхъ для состава преступленія достаточно одного факта поддѣлки или передѣлки документовъ, а фактъ пользованія ими является лишь обстоятельствомъ, возвышающимъ наказаніе; въ другихъ же наоборотъ требуется именно пользованіе ими. Первая конструкція проводится относительно подлога публичныхъ документовъ перваго рода (§ 289), вторая же во всѣхъ другихъ случаяхъ, какъ это ясно слѣдуетъ изъ § 290 и 291. Отдѣльно поставлено пользованіе завѣдомо подложнымъ документомъ, составленнымъ другимъ (§ 292). Наконецъ, особнякомъ стоитъ интеллектуальный подлогъ, т. е. умышленное введеніе въ заблужденіе лица, обязаннаго вести оффиціальный документъ (метрическую книгу, мантальный списокъ), имѣющее послѣдствіемъ неправильную отмѣтку въ немъ. Здѣсь точно также наказаніе увеличивается въ томъ случаѣ, если виновный воспользовался такой неправильной отмѣткой (§ 293).

Со стороны внутренней установляется въ видѣ общаго правила требованіе спеціальнаго корыстнаго или вредоноснаго умысла: документъ долженъ быть поддѣланъ съ цѣлью доставить себѣ или другому выгоду или причинить кому либо вредъ. Внесеніе этого момента въ понятіе подлога объясняется тѣмъ, что для составителя закона представлялась ясно связь между подлогомъ и мошенничествомъ. Этимъ послѣднимъ соображеніемъ объясняется также и то, почему законъ въ большинствѣ случаевъ для состава преступленія требуетъ пользованія подложнымъ документомъ, не довольствуясь фактомъ поддѣлки или передѣлки его. Но подлогъ иногда, впрочемъ, наказывается и безъ наличности спеціальнаго умысла, это въ случаѣ поддѣлки документовъ болѣе важныхъ (публичныхъ до-

кументовъ перваго рода) и въ случаѣ интеллектуальнаго подлога, причемъ изъ самаго текста уложенія (напр. § 289) ясно вытекаетъ, что въ видѣ общаго правила и здѣсь требуется спеціальный умыселъ въ означенномъ смыслѣ, и только по исключенію можно обходиться и безъ него.

Какъ было уже выше указано, нѣкоторые виды подлога въ финляндскомъ уложеніи предусматриваются среди должностныхъ преступленій; здѣсь приводятся два случая: 1) когда должностное лицо въ документахъ, веденіе или выдача которыхъ лежитъ на его обязанности, сдѣлаетъ ложную запись или засвидѣтельствованіе, причемъ въ законѣ (§ 331) содержится весьма существенное ограниченіе состава этого преступленія: эти записи должны быть такого рода, что онѣ могутъ повліять на чье-либо право или правоотношеніе; 2) когда поддѣланъ должностнымъ лицомъ документъ, доступный или ввѣренный ему по службѣ. Въ отношеніи наказуемости здѣсь принимается въ расчетъ, была ли въ этихъ случаяхъ въ наличности цѣль доставить себѣ или другому пользу или нанести вредъ другому, или нѣтъ. Наконецъ, отдѣльно предусмотрѣна поддѣлка телеграммы или рукописи, ввѣренной для передачи по телеграфу, лицомъ, состоящимъ на службѣ при телеграфѣ (§ 340).

§ 3. Вторую группу, какъ сказано было выше, образуютъ тѣ кодексы, которые подобно германскому уложенію отводятъ подлогу самостоятельное мѣсто, но въ то же время не знаютъ группы преступленій противъ общественнаго довѣрія. Сюда относятся венгерскій и голландскій кодексы и проекты австрійскаго и норвежскаго уложенія.

Венгерское уложеніе 1878 г. въ общемъ слѣдуетъ германскому, допуская, впрочемъ, и весьма существенныя отступленія отъ него.

Подлогу документовъ оно посвящаетъ самостоятельный раздѣлъ (XXXII), помѣщая его, какъ и германскій кодексъ, вслѣдъ за мошенничествомъ; рядомъ же съ этимъ раздѣломъ въ особые раздѣлы выдѣлены: выдача и пользованіе фальшивыми медицинскими и общинными свидѣтельствами (раздѣлъ

XXXIII) и поддѣлка штемпелей (раздѣлъ XXXIV), тогда какъ въ германскомъ кодексѣ всѣ эти дѣянія вмѣстѣ съ подлогомъ документовъ соединены въ одинъ раздѣлъ. Другая особенность венгерскаго уложенія состоитъ въ томъ, что постановленія о должностномъ подлогѣ содержатся въ немъ въ томъ же раздѣлѣ XXXII, гдѣ говорится о подлогѣ вообще, чѣмъ достигается извѣстное объединеніе отдѣльныхъ случаевъ подлога [1]). Существуютъ далѣе различія между венгерскимъ кодексомъ и германскимъ и относительно самаго состава преступленія; именно въ немъ въ противоположность германскому кодексу, неодинаково конструируется подлогъ документовъ публичныхъ и подлогъ частныхъ документовъ: въ первомъ случаѣ не требуется вовсе употребленія поддѣльнаго или передѣланнаго документа для того, чтобы считать преступленіе выполненнымъ, — для этого достаточенъ фактъ поддѣлки или передѣлки его (§ 391); въ случаѣ же подлога частнаго документа необходимо для состава преступленія его употребленіе (§ 401). Въ этомъ отношеніи мы находимъ въ венгерскомъ уложеніи почти ту же конструкцію подлога, что и въ финляндскомъ, но въ послѣднемъ подлогъ документовъ публичныхъ меньшей важности всетаки конструируется одинаково съ подлогомъ частныхъ документовъ.

Самое понятіе документа, какъ непосредственнаго объекта посягательства, ближе въ законѣ не опредѣляется, но какъ видно изъ текста его, понятіе это имѣетъ широкій объемъ; притомъ подъ нимъ разумѣется не только письменный знакъ, такъ какъ перемѣщеніе границъ разсматривается тоже, какъ видъ подлога документовъ (§ 407).

Въ частности относительно письменнаго документа обращается особенное вниманіе на самое свойство его, въ силу чего не только проводится различіе между документами публичными и частными, какъ было только что указано, но и

[1]) Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы это объединеніе было вполнѣ достигнуто, такъ какъ нѣкоторые виды подлога, разсматриваемые, какъ нарушенія (Übertretungen), выдѣлены отсюда въ особый кодексъ о нарушеніяхъ 1879 г.

среди послѣднихъ выдѣляются еще документы, подлогъ которыхъ наказывается строже другихъ — это такъ называемые торговые документы: а) векселя, б) купеческія или торговыя книги, которымъ законъ придаетъ безусловную или условную доказательственную силу, в) купеческіе переводы, книжки сберегательной кассы, варранты, накладныя, коносаменты или иныя находящіяся въ общественномъ обращеніи цѣнныя бумаги, не приравниваемыя закономъ къ бумажнымъ деньгамъ (§ 403); 2) документы опредѣленной цѣнности; различіе между отдѣльными документами послѣдняго рода въ особенности заслуживаетъ вниманія, такъ какъ въ другихъ законодательствахъ нигдѣ оно не приводится. Цѣнность документа опредѣляется здѣсь цѣнностью правъ или обязанностей, которыя онъ установляетъ; и если документъ относится до доказательства существованія, погашенія или видоизмѣненія такихъ правъ и обязанностей, цѣнность которыхъ не превышаетъ 50 гульденовъ, то подлогъ его считается только проступкомъ, если же цѣнность превышаетъ эту сумму, то подлогъ разсматривается, какъ преступленіе (§ 402); наконецъ, если цѣнность превышаетъ 2000 гульд., то подлогъ этого рода документовъ наказывается усиленно, какъ подлогъ векселей и т. п. документовъ, особо выдѣленныхъ (§ 403 п. 4).

Среди документовъ публичныхъ законъ особо говоритъ еще о метрическихъ книгахъ и засвидѣтельствованныхъ выписяхъ и свидѣтельствахъ изъ нихъ, не придавая, впрочемъ, подлогу ихъ особеннаго значенія въ отношеніи общаго состава преступленія, и о медицинскихъ свидѣтельствахъ о здоровьѣ и общинныхъ свидѣтельствъ о поведеніи и имущественномъ положеніи (§ 408—411), выдѣляя ихъ въ особый раздѣлъ и понижая наказуемость за подлогъ ихъ.

Относительно внутренней стороны состава преступленія въ законѣ особыхъ постановленій не содержится, но наличность корыстнаго умысла—намѣреніе доставить себѣ или третьему лицу противозаконную выгоду или причинить вредъ имуществу другого, дѣлаетъ подлогъ квалифицированнымъ (§ 392). Иногда, впрочемъ, требуется наличность спеціальнаго умысла,

такова, напр. спеціальная цѣль при подлогѣ частныхъ документовъ — доказать существованіе, погашеніе или видоизмѣненіе требованія или права (§ 401). Точно также спеціальный умыселъ долженъ быть въ наличности при подлогѣ медицинскихъ свидѣтельствъ: умыселъ обмануть относительно состоянія своего здоровья правительственное учрежденіе или страховое общество (§ 410); далѣе составъ одного дѣянія, приравниваемаго подлогу, — сокрытія должностнымъ лицомъ документовъ (§ 398), требуетъ спеціальнаго намѣренія лишить другого существеннаго доказательства какого-нибудь права или затруднить ему представленіе такого доказательства.

Со стороны внѣшней, какъ было уже выше указано, проводится различіе въ составѣ преступленія въ отношеніи документовъ публичныхъ и частныхъ. Въ отношеніи подлога первыхъ законодатель довольствуется составленіемъ публичнаго документа или поддѣлкой настоящаго посредствомъ измѣненія его содержанія, но при этомъ требуется наличность еще одного весьма важнаго условія: виновный подвергается наказанію только тогда, если изъ даннаго дѣянія возникаетъ или можетъ возникнуть нарушеніе правъ другого лица; этимъ существенно ограничивается составъ преступленія (§ 391; тоже относительно должностного подлога — § 393). Относительно же поддѣлки частнаго документа требуется не только составленіе подложнаго документа или передѣлка подлиннаго, но и пользованіе такимъ документомъ съ указанной выше цѣлью доказать существованіе, погашеніе или видоизмѣненіе требованія или права (§ 401).

Въ отношеніи должностныхъ лицъ указывается еще одна спеціальная форма этого преступленія — приготовленіе фальшивыхъ засвидѣтельствованныхъ копій съ настоящихъ документовъ или засвидѣтельствованныхъ копій съ несуществующихъ документовъ (§ 395), равно какъ и фальшивыхъ переводовъ, сдѣланныхъ съ засвидѣтельствованіемъ ихъ вѣрности (§ 396).

Наконецъ, подлогу приравниваются пользованіе завѣдомо поддѣланными или передѣланными документами (§ 405), злонамѣренное заполненіе бланка, содержащаго чужую подпись,

несоотвѣтственнымъ содержаніемъ (§ 404) и уничтоженіе, поврежденіе или сокрытіе документа въ намѣреніи причинить ущербъ другому лицу (§ 406; тоже относительно должностныхъ лицъ § 398). Кромѣ того въ этомъ же раздѣлѣ предусматриваются и случаи интеллектуальнаго подлога: ложное занесеніе должностными лицами въ документы, протоколы или книги какого-нибудь существеннаго обстоятельства (§ 394) и ложное показаніе какихъ-нибудь обстоятельствъ или ложное представленіе заявленій, имѣющихъ значеніе для правъ или правоотношеній другого, для занесенія ихъ въ публичную книгу или публичный документъ (§ 400). Но отсюда выдѣлены и наказываются только, какъ проступокъ, выдача ложнаго свидѣтельства врачемъ о состояніи здоровья (§ 408) и начальникомъ общины о нравственномъ поведеніи или имущественномъ положеніи какого-либо лица (§ 411) [1].

§ 4. Голландское уложеніе 1881 г. въ отношеніи своихъ постановленій о подлогѣ примыкаетъ къ группѣ тѣхъ законодательствъ, которыя придаютъ этому преступленію вполнѣ самостоятельное значеніе. Но оно отличается отъ германскаго и венгерскаго уложеній прежде всего тѣмъ, что подъ подлогомъ документовъ разумѣется въ немъ только подлогъ документовъ письменныхъ въ тѣсномъ смыслѣ. Другая особенность голландскаго кодекса въ томъ, что онъ въ одну главу съ подлогомъ документовъ вводитъ и поддѣлку бумажныхъ денежныхъ знаковъ, разсматривая ихъ, какъ особый видъ документа, подобно англійскому праву. Кромѣ того въ голландскомъ уложеніи можно подмѣтить еше нѣсколько весьма важныхъ особенностей въ конструкціи подлога, которыхъ нѣтъ въ другихъ законодательствахъ и на которыя необходимо обратить особенное вниманіе.

Объектомъ преступленія является документъ, но не всякій, а только такой, изъ котораго можетъ возникнуть право,

---

[1]) Имъ приравниваются тѣ лица, которыя, хотя и не считаются должностными, но которыя обязаны вести метрическія записи (§ 397).

обязанность или освобожденіе отъ долга или который долженъ служить для доказательства какого-нибудь обстоятельства (art. 225). Этимъ общимъ условіямъ долженъ удовлетворять всякій документъ, подлогъ котораго предусматривается въ кодексѣ; но кромѣ того иногда особыя свойства данныхъ документовъ заставляютъ законодателя или придавать имъ особую важность, или считать ихъ пользующимися меньшимъ значеніемъ, вслѣдствіе чего поддѣлка ихъ наказывается или тяжелѣе, или, наоборотъ, легче нормальныхъ случаевъ. Къ первымъ относятся: 1) публичные документы, 2) долговыя обязательства или свидѣтельства о долговыхъ обязательствахъ государства, провинціи, общины или общественной корпораціи, 3) паевыя свидѣтельства, долговыя обязательства или удостовѣренія паевыхъ свидѣтельствъ и долговыхъ обязательствъ общества, учрежденія или компаніи, 4) талоны, дивидентныя или процентныя квитанціи, принадлежащія къ бумагамъ, указаннымъ въ двухъ предыдущихъ нумерахъ, или выданныя вмѣсто нихъ, 5) кредитныя или торговыя бумаги, предназначенныя для оборота (art. 226), 6) билеты закономъ утвержденнаго нидерландскаго банка (art. 232 и 233). Наоборотъ ко второй категоріи относятся: а) медицинскія свидѣтельства о болѣзни, слабости или недостаткѣ (art. 228, 229); б) свидѣтельства о хорошемъ поведеніи, способности, бѣдности, недостаткахъ или другихъ обстоятельствахъ (art. 230); в) паспортъ и другіе приравниваемые ему документы (art. 231).

Со стороны внѣшней для состава преступленія требуется только фактъ поддѣлки или передѣлки документовъ, употребленія же поддѣльнаго документа не требуется, причемъ въ противоположность другимъ законодательствамъ въ этомъ отношеніи не проводится разницы между документами публичными и частными; пользованіе же завѣдомо поддѣльными или передѣланными документами подъ видомъ подлинныхъ считается самостоятельной формой подлога наряду съ поддѣлкой и передѣлкой. Только относительно билетовъ ассигнаціонныхъ банковъ предусматривается не поддѣлка ихъ, а исключительно пользованіе ими, заключающееся или въ держаніи ихъ у себя

или въ ввозѣ въ другое европейское государство съ цѣлью выдать ихъ за настоящіе (art. 232), или же въ выдачѣ ихъ завѣдомо о ихъ поддѣльности (art. 233). Особо предусмотрѣнъ случай интеллектуальнаго подлога, который состоитъ въ томъ, что виновный даетъ ложное показаніе для записи его въ публичномъ документѣ относительно такого обстоятельства, истинность котораго долженъ удостовѣрить данный документъ (art. 227). Кромѣ того предусматриваются еще отдѣльно выдача врачемъ ложнаго медицинскаго свидѣтельства (art. 228) и выдача паспорта и т. п. документа на ложное имя или фамилію или съ показаніемъ ложнаго положенія лица (art. 231). Но, довольствуясь вообще для состава преступленія моментомъ поддѣлки, голландское уложеніе установляетъ относительно него весьма важное ограниченіе: оно требуетъ, чтобъ подлогъ былъ такого рода, чтобы возможно было ожидать наступленія вреда отъ употребленія поддѣльнаго документа; такое требованіе безусловно выставляется относительно подлога всѣхъ документовъ, исключая маловажныхъ, и относительно употребленія поддѣльнаго документа и интеллектуальнаго подлога.

Надо еще замѣтить, что въ уложеніи отдѣльно предусматривается и самостоятельно наказывается приготовительная дѣятельность къ подлогу—имѣніе у себя предметовъ и орудій, завѣдомо предназначенныхъ къ учиненію поддѣлки документовъ, имѣющихъ значеніе бумажныхъ денегъ (art. 234).

Что касается внутренней стороны состава преступленія, то въ этомъ отношеніи голландское уложеніе заслуживаетъ вниманія въ томъ отношеніи, что оно требуетъ при подлогѣ наличности не простого умысла, а спеціальнаго, который ближе характеризуется различно въ отдѣльныхъ видахъ подлога. По большей части онъ описывается, какъ цѣль употребить самому поддѣльный или передѣланный документъ или предоставить другимъ употребленіе его подъ видомъ подлиннаго и неподдѣльнаго (art. 225, 227, 231 и 232). Въ другихъ случаяхъ указывается иная спеціальная цѣль; такъ при составленіи фальшивыхъ медицинскихъ свидѣтельствъ частными лицами въ со-

ставъ преступленія входитъ цѣль обмануть публичныя власти или страхователей (art. 229), а при подлогѣ свидѣтельствъ о поведеніи—цѣль употребить ихъ или предоставить другимъ возможность употребить ихъ для полученія мѣста, возбужденія сострадания или полученія помощи (art. 230). Наконецъ, въ одномъ случаѣ нѣтъ вовсе указанія на спеціальную цѣль; именно въ случаѣ составленія врачемъ подложнаго свидѣтельства о болѣзни (art. 228)—здѣсь достаточна вообще умышленная дѣятельность; но если при этомъ у врача была цѣль помѣстить кого-нибудь въ домъ умалишенныхъ или удержать его тамъ, то это обстоятельство квалифицируетъ дѣяніе.

Весьма характернымъ явленіемъ для голландскаго уложенія служитъ то, что въ немъ не придается никакого значенія корыстной цѣли дѣйствія, между тѣмъ въ другихъ законодательствахъ это обстоятельство квалифицируетъ преступленіе; выставленіе же необходимости спеціальнаго умысла въ указанномъ выше смыслѣ при всякомъ видѣ подлога въ высшей степени важно для характеристики сущности подлога, и въ этомъ отношеніи только проектъ нашего уголовнаго уложенія можетъ конкурировать съ голландскимъ уложеніемъ.

Въ заключеніе нужно еще замѣтить, что голландское уложеніе, достигнувъ извѣстнаго объединенія отдѣльныхъ случаевъ подлога, должностной подлогъ однако предусматриваетъ отдѣльно въ числѣ другихъ должностныхъ преступленій—именно въ art. 360 говорится о поддѣлкѣ или передѣлкѣ книгъ и реестровъ, которые предназначены исключительно для контроля управленія, а въ art. 374—объ измѣненіи содержанія депеши со стороны чиновника, служащаго на телеграфѣ.

§ 5. Проектъ норвежскаго уголовнаго уложенія 1885 г., подобно предыдущимъ кодексамъ, разсматриваетъ подлогъ, какъ самостоятельное преступленіе, посвящая ему особую главу (18-ую), причемъ, какъ и германскій и венгерскій кодексы, въ противоположность голландскому, онъ говоритъ о подлогѣ документовъ въ широкомъ смыслѣ, разумѣя подъ послѣдними не только письменные документы. Особенность же проекта въ этомъ отношеніи между прочимъ заклю-

чается въ томъ, что онъ считаетъ нужнымъ дать опредѣленіе понятія документа въ самомъ законѣ; именно § 179 слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ документъ: „подъ документомъ въ смыслѣ настоящаго уложенія разумѣется всякій предметъ, въ письменныхъ знакахъ или инымъ образомъ содержащій сообщеніе, которое или имѣетъ значеніе доказательственнаго средства для права, обязанности или освобожденія отъ нихъ или представляется предназначеннымъ служить доказательствомъ". Сообразно съ этимъ, въ проектѣ въ 18-ой главѣ содержатся постановленія не только о подлогѣ письменныхъ документовъ въ тѣсномъ смыслѣ, но и о поддѣлкѣ почтовыхъ, штемпельныхъ и другихъ марокъ, входныхъ билетовъ и билетовъ на проѣздъ (§ 184) и о перестановкѣ граничныхъ знаковъ (§ 188). Кромѣ того въ той же главѣ наряду съ подлогомъ предусматриваются и другія дѣянія, направленныя противъ документа, но не заключающія въ себѣ поддѣлки или передѣлки его, именно отреченіе съ противоправной цѣлью отъ своей подписи на документѣ, уничтоженіе документа, сокрытіе его и дѣланіе его вполнѣ или отчасти негоднымъ для употребленія (§ 187). Но, выставивъ указанное опредѣленіе понятія документа, уложеніе не обращаетъ дальше особеннаго вниманія на отдѣльные виды документовъ и усиленную охрану даетъ только оффиціальному документу (§ 183), оффиціальному протоколу (§ 185) и духовному завѣщанію (§ 183), увеличивая нѣкоторымъ образомъ наказуемость подлога ихъ, но кромѣ этихъ случаевъ оно не выдвигаетъ особо тѣхъ отдѣльныхъ видовъ документовъ, которые принимаются во вниманіе другими законодательствами.

Вообще же главное свое вниманіе проектъ обращаетъ на самую сущность дѣянія съ внѣшней стороны состава его и въ этомъ отношеніи даетъ много подчасъ совершенно излишнихъ опредѣленій, выработанныхъ теоріей, но совершенно непригодныхъ для помѣщенія ихъ въ уголовномъ кодексѣ. Какъ можно видѣть изъ статей проекта, преступленіе считается совершившимся, какъ и въ голландскомъ кодексѣ, съ момента учиненія поддѣлки или передѣлки подлиннаго доку-

мента, этому приравнивается кромѣ того пріобрѣтеніе такихъ документовъ и содѣйствіе подобнымъ дѣяніямъ (§ 185); пользованіе же поддѣльнымъ документомъ подъ видомъ настоящаго самимъ поддѣлывателемъ влечетъ за собою только увеличеніе наказаній (§ 182), и, какъ категорически указываетъ проектъ (§ 185), въ послѣднемъ случаѣ наказаніе за поддѣлку или передѣлку ужъ не назначается, такъ что подлогъ разсматривается или какъ составленіе подложнаго документа, или какъ передѣлка подлиннаго, или какъ пользованіе подложнымъ или передѣланнымъ документомъ. Но проектъ не довольствуется этимъ общимъ опредѣленіемъ сущности подлога съ внѣшней стороны, онъ считаетъ нужнымъ дать еще болѣе детальныя указанія относительно того, что слѣдуетъ считать поддѣлкой документа. Такъ, въ § 180 говорится, что поддѣльнымъ считается также документъ, написанный отъ имени несуществующаго лица, или въ которомъ составитель неправильно присвоиваетъ себѣ извѣстное положеніе, которое имѣетъ существенное значеніе для доказательственной силы документа, или если содержаніе документа измѣнено благодаря удаленію части документа, а въ § 181 прибавляется, что, какъ подлогъ документовъ, наказывается еще злоупотребленіе чужой бланковой подписью, равно какъ противоправное употребленіе при составленіи документовъ подлинныхъ печатей, штемпелей или марокъ.

Какъ особый видъ подлога, предусмотрѣнъ еще подлогъ интеллектуальный, подъ которымъ понимается тотъ случай, когда кто-нибудь способствуетъ тому, чтобы въ туземные или иностранные публичные документы или книги была внесена невѣрная запись относительно такого явленія или обстоятельства, для доказательства которыхъ данная запись предназначена (§ 189).

Проектъ принимаетъ иногда въ расчетъ и послѣдствія дѣянія и въ зависимости отъ нихъ усиливаетъ наказуемость за подлогъ: именно, какъ увеличивающее вину обстоятельство предусмотрѣнъ тотъ случай, когда путемъ подлога причиненъ или преднамѣренъ былъ ущербъ, превышающій 1000

кронъ. Значеніе этого условія напоминаетъ нѣсколько то, которое въ венгерскомъ уложеніи придается цѣнности документа, но здѣсь это понятіе ущерба шире понятія цѣнности поддѣланнаго документа.

Затѣмъ проектъ предусматриваетъ еще отдѣльно предварительную дѣятельность, направленную къ учиненію подлога, облагая наказаніемъ приготовленіе и пріобрѣтеніе фальшивыхъ печатей, штемпелей, марокъ или другихъ предметовъ, которые, повидимому, предназначены для поддѣлки или передѣлки документовъ, далѣе — похищеніе съ этой же цѣлью подлинныхъ печатей, штемпелей или марокъ, равно какъ и содѣйствіе учиненію этихъ преступленій (§ 186).

Со стороны внутренней для состава преступленія требуется противоправный умыселъ, какъ на это прямо указываетъ проектъ (§ 182), но иногда выставляется еще наличность спеціальной цѣли, въ зависимости отъ которой и самое дѣяніе представляется или болѣе легкимъ по наказуемости или болѣе тяжелымъ. Въ первомъ отношеніи указывается спеціальная цѣль при пользованіи подложнымъ документомъ (а по ссылкѣ на § 185 и при составленіи его); такой цѣлью является созданіе доказательственнаго средства для правомѣрнаго требованія или для отраженія требованія неправомѣрнаго (§ 182). Во второмъ—принимается во вниманіе цѣль учиненія преступленія, наказуемаго двухлѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ или болѣе тяжкимъ наказаніемъ (§ 183). Кромѣ того при интеллектуальномъ подлогѣ, какъ болѣе тяжкій видъ, предусмотрѣнъ тотъ случай, когда умыселъ виновнаго былъ корыстнаго свойства, именно, когда онъ былъ направленъ на доставленіе кому-нибудь неправомѣрной выгоды или причиненіе вреда (§ 189).

Объединяя отдѣльные виды подлога документовъ въ одномъ раздѣлѣ, проектъ все-таки нѣкоторые его случаи выдѣляетъ отсюда, относя ихъ въ другія группы преступленій и нарушая такимъ образомъ единство своего взгляда на сущность этого преступленія; такъ, въ главѣ 8-й въ числѣ преступленій противъ самостоятельности и безопасности государства въ § 93 предусматривается подлогъ документа или другого пред-

мета, который имѣетъ значенiе для безопасности и благосостоянiя государства; затѣмъ, въ главѣ 10-й среди преступленiй, имѣющихъ отношенiе къ политическимъ правамъ, § 108 говоритъ о подлогѣ результата голосованiя въ какомъ-нибудь общественномъ дѣлѣ. Въ главѣ 11-й среди должностныхъ преступленiй предусматривается подлогъ должностной (§ 119), подъ которымъ разумѣется приведенiе чиновникомъ невѣрнаго свѣдѣнiя или сокрытiе истиннаго въ служебномъ протоколѣ или при изготовленiи копiй съ протокола, телеграммы или телефоннаго сообщенiя, или учиненiе поддѣлки посредствомъ приложенiя штемпеля, подписыванiя или дѣланiя служебныхъ отмѣтокъ, которыя должны служить какимъ-нибудь доказательствомъ. Наконецъ, въ числѣ нарушенiй [1]) противъ общественнаго довѣрiя въ главѣ 36 приводятся случаи составленiя подложныхъ свидѣтельствъ, которыя имѣютъ значенiе для правовыхъ отношенiй или для начатiя правовыхъ дѣйствiй, причемъ при наличности корыстной цѣли наказанiе въ этомъ случаѣ увеличивается (§ 372).

§ 6. Наиболѣе близко подходитъ къ германскому уложенiю проектъ австрiйскаго уголовнаго уложенiя 1891 г.; подобно ему, онъ посвящаетъ подлогу документовъ самостоятельную главу (22-ю), которая, какъ и въ германскомъ и венгерскомъ уложенiяхъ, непосредственно слѣдуетъ за главой, посвященной мошенничеству, такъ что, повидимому, составителями проекта чувствовалась болѣе близкая связь подлога съ обманнымъ похищенiемъ имущества, чѣмъ съ другими видами поддѣлокъ, въ особенности же съ поддѣлкой денежныхъ знаковъ, которая разсматривается въ проектѣ совершенно отдѣльно отъ подлога документовъ, въ главѣ 8-й. Кромѣ того въ проектѣ содержатся еще отдѣльныя постановленiя о должностномъ подлогѣ въ главѣ 27, посвященной должностнымъ преступленiямъ; затѣмъ еще одинъ видъ подлога разсматривается, какъ видъ измѣны, въ гл. § 95 п. 2—именно подлогъ доку-

---

[1]) Въ норвежскомъ проектѣ существуетъ двухчленное дѣленiе преступленiй, и нарушенiя противополагаются преступленiямъ (§ 2).

ментовъ, касающихся правъ Австро-Венгріи по отношенію къ другимъ государствамъ.

Въ отличіе отъ конструкціи подлога по другимъ только что разсмотрѣннымъ законодательствамъ, въ австрійскомъ проектѣ подлогъ документовъ, какъ и въ германскомъ кодексѣ, понимается, какъ пользованіе поддѣльнымъ или передѣланнымъ документомъ; такимъ образомъ одинъ фактъ поддѣлки или передѣлки документа здѣсь не образуетъ еще оконченнаго состава преступленія, и въ этомъ отношеніи вовсе не проводится разницы между подлогомъ публичныхъ и частныхъ документовъ. Такимъ образомъ конструкція подлога документовъ здѣсь совершенно обратна той, которую мы видѣли выше въ голландскомъ уложеніи.

Понятіе документа въ проектѣ ближе не опредѣляется; по свойству своему различаются документы частные и публичные, подлогъ которыхъ наказывается не одинаково (§ 292), и кромѣ того отдѣльно поставлены медицинскія свидѣтельства (§ 300); но о дальнѣйшихъ подраздѣленіяхъ тѣхъ и другихъ документовъ въ проектѣ рѣчи нѣтъ. Какъ можно вывести изъ текста проекта, самый документъ понимается въ широкомъ смыслѣ: подъ нимъ разумѣется не только письменный актъ, но и вообще всякій знакъ, могущій быть удостовѣреніемъ извѣстнаго событія; поэтому въ главѣ о подлогѣ документовъ говорится и о поддѣлкѣ граничнаго камня и показателя уровня воды (§ 298 Abs. 2) и о подлогѣ штемпельной бумаги, марокъ и т. п. (§ 299).

Если обратиться къ дальнѣйшему анализу состава преступленія, то можно замѣтить, что со стороны внутренней для подлога требуется наличность противоправнаго умысла (rechtswidrige Absicht), а самое употребленіе поддѣльнаго должно происходить съ цѣлью обмана (zum Zwecke einer Täuschung— § 292). Но при этомъ корыстнаго намѣренія для состава преступленія не требуется; если же оно будетъ обнаружено, то это обстоятельство влечетъ за собою усиленіе наказанія; самое же корыстное намѣреніе понимается здѣсь такъ же, какъ и въ германскомъ кодексѣ (sich oder Anderen einen rechts-

widrigen Vermögensvortheil zu verschaffen oder jemand an seinem Vermögen Schaden zu zufügen—§ 233). При нѣкоторыхъ видахъ подлога требуется наличность спеціальнаго умысла; такъ при поддѣлкѣ свидѣтельствъ необходима наличность цѣли введенія въ заблужденіе властей или страховыхъ предпріятій.

Со стороны внѣшней для состава преступленія требуется употребленіе поддѣльнаго или передѣланнаго документа, причемъ самое понятіе поддѣлки или передѣлки документа отчасти дается въ законѣ—именно, § 294 говоритъ, что передѣлка документа будетъ и въ томъ случаѣ, если содержаніе документа измѣнено посредствомъ вырыванія, вытравленія или уничтоженія части документа, а поддѣлкой называется и случай злоупотребленія бланковой подписью другого лица.

Наряду съ подлогомъ документовъ поставлены и другія дѣянія противъ документовъ, которыя не считаются, подобно только что приведеннымъ, видами поддѣлки или передѣлки документовъ, но приравниваются имъ, какъ это прямо указывается въ проектѣ. Сюда относится прежде всего интеллектуальный подлогъ, подъ которымъ разумѣется побужденіе какого-нибудь лица, ведущаго публичные книги и реестры или составляющаго публичные документы, удостовѣрить вымышленный фактъ или сдѣланное ему завѣдомо неправильное заявленіе; при этомъ требуется введеніе его въ заблужденіе относительно обстоятельствъ, имѣющихъ правовое значеніе (§ 295); здѣсь точно также корыстная цѣль влечетъ увеличеніе наказанія (296), а употребленіе такого документа подъ видомъ подлиннаго приравнивается его составленію (§ 297). Какъ видъ интеллектуальнаго подлога, предусматривается еще составленіе лицами медицинскаго персонала завѣдомо невѣрныхъ свидѣтельствъ о здоровьѣ (§ 301). Наконецъ, къ дѣяніямъ, приравниваемымъ подлогу, еще относятся уничтоженіе повреждение и сокрытіе документа (§ 298 Abs. 1).

Отдѣльно отъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ случаевъ приводятся случаи интеллектуальнаго и матеріальнаго подлога, совершаемаго должностными лицами, обязанными составлять документы.

Ближайшимъ объектомъ преступленія является документъ. Понятіе это ближе не опредѣляется, но законъ проводитъ различіе между публичными и частными документами. Среди первыхъ особой охраной пользуются тѣ документы, которые являются законными доказательствами (se l'atto faccia fede per legge—art. 275), а оригиналу публичнаго акта приравнивается его аутентичная копія, если она, на основаніи опредѣленій закона, можетъ заступать его мѣсто за его отсутствіемъ (art. 275). Среди частныхъ актовъ выдѣляются нѣкоторые ихъ виды, приравниваемые публичнымъ: это—собственноручныя завѣщанія, векселя и всѣ кредитные документы, передаваемые посредствомъ перевода или на предъявителя (titoli di credito tramissibili per girata o al portatore—art. 284). Наконецъ, какъ упомянуто выше, въ самостоятельную главу помѣщенъ подлогъ публичныхъ документовъ менѣе важнаго значенія: паспортовъ, разрѣшеній, удостовѣреній, аттестатовъ и объявленій. Сюда относятся, напр. подорожныя (fogli di via), билеты для жительства (di soggiorno), медицинскія свидѣтельства, свидѣтельства о поведеніи, о бѣдности и т. п.

Преступленіе для состава своего съ внѣшней стороны довольствуется фактомъ поддѣлки или передѣлки документа, не требуя его употребленія, или же наоборотъ принимаетъ въ расчетъ и послѣдній моментъ. Первое требованіе выставляется относительно публичныхъ документовъ и приравниваемыхъ имъ частныхъ, второе—относительно другихъ частныхъ документовъ (art. 280). Самое дѣйствіе состоитъ или въ приготовленіи вполнѣ или отчасти подложнаго документа (in tutto o in parte), или въ передѣлкѣ подлиннаго. Иногда въ законѣ описывается болѣе подробно самое дѣйствіе, именно это замѣчается относительно подлога менѣе важныхъ документовъ. Отдѣльно предусматриваются пользованіе подложнымъ актомъ (art. 281) и сокрытіе и уничтоженіе вполнѣ или отчасти оригинальнаго акта или его копіи (art. 283).

Наряду съ подлогомъ матеріальнымъ въ той же главѣ предусматриваются и случаи интеллектуальнаго подлога, подъ которымъ разумѣется констатированіе чиновникомъ, соста-

вляющимъ актъ, какъ истинныхъ или какъ послѣдовавшихъ въ его присутствіи, обстоятельствъ или заявленій, не соотвѣтствующихъ истинѣ, равно какъ пропускъ или измѣненіе заявленій, имъ принятыхъ (art. 276); другой случай интеллектуальнаго подлога касается составленія невѣрной копіи съ правильнаго оригинала или составленіе копіи съ фальшиваго документа (art. 277). Этому соотвѣтствуетъ дача невѣрнаго показанія со стороны частнаго лица чиновнику для записи въ публичномъ актѣ относительно своей самоличности или состоянія (stato) своего собственнаго или другого лица, или же относительно другого обстоятельства, которое предназначенъ доказывать данный документъ; въ этомъ случаѣ наказаніе увеличивается, если дѣло идетъ объ актѣ гражданскаго состоянія или судебномъ рѣшеніи; публичнымъ актамъ приравниваются въ этомъ отношеніи торговые документы, если кто-нибудь въ нихъ ложно свидѣтельствуетъ о самоличности своей или другихъ лицъ (art. 279). Но законъ, установляя такимъ образомъ составъ преступленія, ограничиваетъ его требованіемъ, чтобъ подобная дѣятельность была еще такого рода, чтобы вслѣдствіе подлога документовъ могъ наступить общественный или частный ущербъ (publico o privato nocumento).

Относительно внутренней стороны преступленія въ законѣ особыхъ постановленій не содержится, но дѣятельность при подлогѣ должна быть, очевидно, умышленная и притомъ направленная къ достиженію указаннаго вреда. Въ одномъ только случаѣ указывается спеціальная цѣль, которая создаетъ особый привилегированный видъ подлога. Это—цѣль доставить себѣ или другому доказательственное средство какого-нибудь истинннаго обстоятельства. Наконецъ, спеціальная цѣль указывается еще при составленіи поддѣльныхъ свидѣтельствъ разнаго рода, какъ и въ другихъ законодательствахъ (art. 290).

§ 8. Проектъ швейцарскаго уложенія въ отношеніи своихъ постановленій о подлогѣ документовъ пошелъ по пути бельгійскаго и итальянскаго кодексовъ. Онъ создаетъ рубрику преступленій противъ общественнаго довѣрія (гл. VIII), куда наряду съ подлогомъ документовъ отнесены поддѣлка мѣръ

и вѣсовъ (art. 140), перестановка межевыхъ столбовъ или иныхъ пограничныхъ знаковъ (art. 141); поддѣлка монеты, банковыхъ билетовъ или цѣнныхъ бумагъ (art. 142—147), поддѣлка цѣнныхъ знаковъ, имѣющихъ оффиціальное значеніе— въ особенности почтовыхъ или гербовыхъ марокъ (art. 148), поддѣлка оффиціальныхъ знаковъ, въ частности печатей, штемпелей, клеймъ, налагаемыхъ на скотъ, лѣсъ и прочіе товары или предметы (art. 149). Но, хотя проектъ и стремится сосредоточить въ одномъ мѣстѣ всѣ свои опредѣленія о подлогѣ, онъ тѣмъ не менѣе и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ касается этого преступленія, такъ что объединеніе отдѣльныхъ случаевъ подлога имъ не достигнуто. Такъ, не говоря уже о должностномъ подлогѣ (art. 204), предусмотрѣнномъ въ числѣ преступленій по службѣ, о подлогѣ содержатся особыя постановленія среди преступленій противъ правъ семейственныхъ (art. 127), гдѣ говорится о подложномъ измѣненіи гражданскаго состоянія другого лица, далѣе, среди преступленій противъ государства (art. 174), гдѣ рѣчь идетъ о подлогѣ документовъ или доказательствъ, касающихся юридическихъ отношеній, существующихъ между швейцарскимъ союзомъ и иностраннымъ государствомъ, наконецъ, среди посягательствъ на свободу отправленія политическихъ правъ (art. 179), гдѣ предусмотрѣно умышленное искаженіе результата выборовъ или законнаго голосованія, равно какъ требованія законодательной иниціативы или представленія законопроекта на утвержденіе народомъ (demande de referendum).

Объектомъ преступленія является документъ публичный или частный. Проектъ считаетъ нужнымъ дать въ этомъ отношеніи опредѣленіе, какъ самаго понятія документа, что дѣлаетъ и норвежскій проектъ, такъ и понятія публичнаго документа, чего нельзя найти ни въ одномъ другомъ кодексѣ. „Документами признаются письмена или предметы, говоритъ art. 136, предназначенные или могущіе служить для доказыванія обстоятельства, имѣющаго юридическое значеніе“. Такимъ образомъ здѣсь понятіе документа подобно тому, какъ и въ германскомъ уложеніи, не ограничивается одними пись-

менными документами. Подъ общественнымъ же документомъ разумѣется такой, который изготовленъ или удостовѣренъ должностнымъ лицомъ при отправленіи должности или лицомъ служащимъ (un officier public) при отправленіи службы (art. 137). Дальнѣйшаго дѣленія документовъ на виды проектъ не знаетъ и только самостоятельно еще говоритъ о подлогѣ, учиненномъ врачемъ въ удостовѣреніи о здоровьѣ, имѣющемъ быть представленнымъ власти или обществу страхованія жизни или взаимопомощи (art. 139).

Со стороны внѣшней требованія относительно состава преступленія, подобно венгерскому уложенію, не одинаковы для подлога документовъ частныхъ и для подлога документовъ публичныхъ. Въ первомъ отношеніи фактъ поддѣлки или передѣлки документа не обусловливаетъ еще оконченнаго дѣянія, для этого необходимо еще пользованіе такимъ документомъ (art. 136). Во второмъ же отношеніи достаточенъ фактъ поддѣлки или передѣлки документа, такъ какъ пользованіе имъ строится, какъ особая форма подлога (art. 137). Поддѣлкѣ и передѣлкѣ документовъ приравнивается злоупотребленіе подлинной подписью другого лица; кромѣ того самостоятельно предусматривается еще пользованіе завѣдомо подложнымъ документомъ, передѣланнымъ или изготовленнымъ съ злоупотребленіемъ подписью (art. 136).

Отдѣльно въ законопроектѣ говорится объ интеллектуальномъ подлогѣ (art. 138), подъ которымъ разумѣется тотъ случай, если кто-нибудь побудитъ лицо должностное или служащее (officier public) засвидѣтельствовать или удостовѣрить въ документѣ завѣдомо ложное обстоятельство, имѣющее юридическое значеніе (какъ-то: подлинность подписи или точность копіи); сюда же относится выдача врачемъ завѣдомо ложнаго удостовѣренія о болѣзни; для состава этого преступленія тоже не требуется наличности факта употребленія документа, и это дѣяніе является самостоятельной формой преступленія (art. 139); точно также достаточенъ фактъ поддѣлки при должностномъ подлогѣ, заключающемся въ засвидѣтельствованіи или удостовѣреніи завѣдомо-ложнаго обстоя-

тельства, имѣющаго юридическое значеніе (art. 204); какъ особый видъ его, еще предусмотрѣнъ подлогъ со стороны телеграфнаго чиновника (art. 206), заключающійся въ поддѣлкѣ телеграммы, поданной въ контору, или въ завѣдомо неправильной перепискѣ телеграммы, переданной по телеграфу.

Что касается внутренней стороны преступленія, то въ этомъ отношеніи точно также въ проектѣ проводится различіе между документами частными и публичными. Въ отношеніи подлога первыхъ выставляется, какъ его непремѣнная спеціальная цѣль—обманъ другихъ: пользованіе фальшивымъ документомъ должно быть учинено съ цѣлью обмануть другихъ (art. 136); то же требованіе выставляется и относительно пользованія завѣдомо неправильнымъ медицинскимъ свидѣтельствомъ (art. 139). Относительно же подлога другихъ документовъ на спеціальную цѣль въ проектѣ не указывается, такъ что здѣсь подлогъ наказуемъ и безъ наличности ея. Какъ особенная спеціальная цѣль, еще подчеркивается—притомъ какъ обстоятельство, увеличивающее наказуемость,—цѣль учиненія мошенничества (art. 137), и это обстоятельство принимается въ расчетъ и относительно интеллектуальнаго подлога (art. 138). Затѣмъ при выдачѣ врачемъ ложнаго удостовѣренія принимается въ расчетъ корыстный умыселъ, тоже какъ обстоятельство, увеличивающее наказуемость дѣянія (art. 139). Относительно же должностного подлога не только не выставляется спеціальная цѣль въ составѣ его, но даже не указывается требованія умышленности дѣятельности; но, что дѣятельность эта должна быть умышленной, слѣдуетъ изъ того, что то же самое дѣяніе, которое составляетъ подлогъ (art. 204), будучи учинено по небрежности, разсматривается, какъ особое преступленіе, притомъ только, какъ нарушеніе (art. 236).

Часть II.

Общее ученіе о подлогѣ документовъ и анализъ состава этого преступленія.

ГЛАВА I.

Постановка вопроса о подлогѣ въ доктринѣ уголовнаго права до XIX в.

§ 1. Предварительныя соображенія.—§ 2. Опредѣленіе понятія falsum въ старой доктринѣ.—§ 3. Дѣленіе crimen falsi на виды. — § 4. Общая характеристика этого преступленія по воззрѣніямъ писателей данной эпохи.—§ 5. Сущность трехъ элементовъ подлога: dolus, immutatio veritatis и praejudicium.—§ 6. Другіе моменты состава преступленія. — § 7. Понятіе quasi-falsum.—§ 8. Ближайшій составъ подлога документовъ.—§ 9. Взглядъ Лейзера на подлогъ.—§ 10. Общіе выводы.

§ 1. Обращаясь къ разсмотрѣнію постановки вопроса о подлогѣ документовъ въ доктринѣ уголовнаго права, мы считаемъ весьма важнымъ и интереснымъ указать на эволюцію взглядовъ на это преступленіе. Здѣсь можно подмѣтить, гдѣ лежатъ корни воззрѣній, и донынѣ господствующихъ еще среди нѣкоторыхъ криминалистовъ. Это же изслѣдованіе можетъ дать ключъ къ уразумѣнію причинъ того постепеннаго измѣненія законодательныхъ постановленій о подлогѣ, которое можно было замѣтить выше. Подъ вліяніемъ науки уголовнаго права, благодаря важному научному значенію и авторитету того или другого ученаго, взгляды его получаютъ болѣе или менѣе всеобщее признаніе и вслѣдствіе этого пріобрѣтаютъ возможность воздѣйствовать на постановку извѣстнаго вопроса въ

законодательствѣ. Поэтому постоянно замѣчаемыя смѣны однихъ законоположеній другими становятся понятными только тогда, если имѣть въ виду безпрестанно совершающуюся смѣну взглядовъ на тотъ или другой вопросъ въ наукѣ права.

Въ послѣдующемъ изложеніи мы разсмотримъ прежде всего доктрину прошлыхъ вѣковъ, а затѣмъ перейдемъ къ новому времени; наиболѣе естественною гранью для раздѣленія этихъ двухъ періодовъ можетъ считаться, какъ увидимъ ниже, ученіе Лейзера, нѣмецкаго юриста конца прошлаго столѣтія. Разсматривая отдѣльныя теоріи, мы будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ ихъ послѣдовательное изложеніе по времени возникновенія и только теоріи новаго времени постараемся свести къ отдѣльнымъ группамъ по общимъ ихъ признакамъ.

Съ появленіемъ италіанскихъ университетовъ и съ возникновеніемъ преподаванія въ нихъ съ XII в. уголовнаго права начинается впервые научная обработка началъ этой доктрины; такъ какъ по убѣжденію ученыхъ того времени только римское право, какъ право писанное, представляло изъ себя научную цѣнность, право же мѣстное, туземное, заключавшееся въ сборникахъ обычаевъ, казалось чѣмъ-то въ высшей степени несовершеннымъ и недостойнымъ научной разработки, то и въ области уголовнаго права первыя изслѣдованія касались премущественно римскаго права; только изрѣдка къ нимъ присоединялись изслѣдованія изъ сферы права каноническаго. Изученіемъ этихъ двухъ областей права—римскаго и каноническаго—и занимались исключительно тогдашніе юристы; все остальное было ими оставляемо безъ вниманія. Однако и это изученіе на первыхъ порахъ было не чѣмъ инымъ, какъ рабскимъ толкованіемъ началъ римскаго права: чего не было въ источникахъ, то не интересовало первыхъ ученыхъ юристовъ-глоссаторовъ. Но постепенно глосса стала оказываться недостаточной: являлась потребность прибѣгать къ собственнымъ построеніямъ и выходить за предѣлы источниковъ римскаго права. Это начали проводить въ своихъ трудахъ ближайшіе преемники глоссаторовъ — постглоссаторы: у нихъ уже замѣ-

чаются первыя попытки систематизаціи своихъ изслѣдованій, первыя попытки обобщеній, но по прежнему руководящее значеніе и тутъ первоначально имѣли начала римскаго права, и только съ теченіемъ времени, мало по малу, сначала очень несмѣло, а затѣмъ все смѣлѣе и смѣлѣе начинаютъ юристы обращаться къ мѣстному праву и вводить его въ свои изслѣдованія, какъ самостоятельный элементъ наряду съ римскимъ правомъ.

§ 2. Мы видѣли, какъ понимался подлогъ—crimen falsi—въ римскомъ правѣ, видѣли, что объемъ этого преступленія былъ очень обширенъ, заключая въ себѣ дѣянія, имѣющія весьма мало общаго между собою; мы видѣли затѣмъ, какія опредѣленія понятію falsum давались римскими юристами. Для первыхъ изслѣдователей римскаго права положенія послѣдняго являлись руководящими, и все ученіе ихъ о подлогѣ построено на основаніи того, что они находили въ источникахъ римскаго права. И въ этомъ отношеніи пришлось сыграть важную историческую роль уже приведенному выше опредѣленію подлога, которое сдѣлано юристомъ Павломъ: falsum est, quod in veritate non est, sed pro vero asseveratur [1]). Юристы среднихъ и начала новыхъ вѣковъ не разъ дѣлаютъ ссылку на это мѣсто и пользуются имъ въ своихъ построеніяхъ.

Прежде всего средневѣковые юристы обратились къ выясненію вопроса о томъ, что такое представляетъ изъ себя falsum, какіе его составные элементы, въ чемъ заключается составъ этого преступленія. Самое первое опредѣленіе подлога, наиболѣе краткое по формѣ, но наиболѣе широкое по содержанію, мы находимъ у знаменитыхъ глоссаторовъ — Бартола, Бальда и Азо: по ихъ словамъ, подлогъ не что иное, какъ измѣненіе истины (immutatio veritatis) [2]); при этомъ Азо болѣе подробно указываетъ, въ чемъ заключается это измѣненіе истины: это — измѣненіе, совершенное съ тою цѣлью, чтобы

---

[1]) См. стр. 58.

[2]) Bartolus. Consilior. lib. 199—lex dicit, ut falsitas nihil aliud est. quam immutatio veritatis; Baldus. Practica. 1521 fo 63 n⁰ 4—nihil aliud est falsitas quam mutatio veritatis; то же у него въ Consil. 323.

ложное казалось похожимъ на истину (est autem falsum immutatio veritatis... et dicitur immutatio eo quod falsatores strident mutare ea, quae vera sunt, ut falsa videantur verisimilia) [1]).

При томъ широкомъ опредѣленіи подлога, которое мы только что привели, казалось бы, что всякое искаженіе истины должно было подводиться подъ понятіе falsum: и ложь словесная, и искаженіе истины неумышленное, такъ какъ это опредѣленіе передаетъ только въ иныхъ выраженіяхъ то, что говоритъ въ своемъ опредѣленіи Павелъ. Но на самомъ дѣлѣ это заключеніе было бы не вѣрно и не справедливо. Хотя указанные юристы и не вводили въ свое опредѣленіе подлога (immutatio veritatis) требованія наличности момента умысла, но, давъ свое краткое опредѣленіе, они обыкновенно прибавляли далѣе, что необходимый реквизитъ falsum — наличность умысла. Такъ, Бартолъ говоритъ: omne non verum non est falsum, sed requiritur dolus in committente; то же прибавляетъ Бальдъ: non committitur autem falsum, nisi dolo adhibito, и Azo: locum habet haec lex Corn. de falsis commisso dolo, non aliter — словомъ, умыселъ требовался ими непремѣнно для состава подлога. Съ другой стороны объемъ falsum ограничивался въ томъ отношеніи, что для состава этого преступленія требовалась лишь ложь овеществленная, или ложь, выразившаяся въ какомъ - нибудь внѣшнемъ дѣйствіи, ложь же простая, на словахъ, не входила въ область falsum, образуя изъ себя ненаказуемое дѣяніе mendacium; такъ, между прочимъ Бартолъ говоритъ, что при присвоеніи какого-нибудь непринадлежащаго званія (напр. званія доктора) недостаточно для подведенія этого дѣянія подъ crimen falsi одной словесной лжи, т.-е. выдаваніе себя за доктора, а необходимо еще совершеніе какого-нибудь акта, свойственнаго доктору (doctori congruentem) [2]).

Такъ понималось falsum въ первоначальной средневѣковой

---

[1]) Azo. Summa, locuples juris civilis thesaurus. 1584. In IX libr. Codicis ad l. Cornel. de falsis n⁰ 1.

[2]) См. объ этомъ Farinacius. Opera omnia 1612. t. VI qu. 150 n⁰ 27.

доктринѣ: для состава его требовалось умышленное, выразившееся въ какомъ-нибудь внѣшнемъ дѣйствіи искаженіе истины, а такъ какъ писатели данной эпохи имѣли въ виду исключительно римское право, то въ качествѣ общаго условія выставляли они еще одно требованіе — именно, чтобы данный видъ falsum былъ предусмотрѣнъ въ lex Cornelia de falsis (причемъ здѣсь имѣлись въ виду и позднѣйшія къ нему добавленія) [1]).

Доктрина, принявшая наслѣдіе глоссаторовъ, первоначально не вноситъ ничего новаго въ опредѣленіе falsum; она только подчеркиваетъ моментъ умысла и вводитъ его въ самое опредѣленіе преступленія, такъ что получается болѣе подробное опредѣленіе falsum, какъ dolosa veritatis immutatio. Съ этимъ требованіемъ мы уже встрѣчаемся у первыхъ писателей-криминалистовъ. Такъ, Gandinus [2]) говоритъ о fraudulosa veritatis immutatio, а Angelus Aretinus [3]) о veritatis mutatio, quae in se habet dolum, а въ другомъ своемъ трудѣ онъ прямо указываетъ, что falsum вообще ненаказуемо, nisi et dumtaxat in capitulis expressis [4]), т.-е. имѣетъ въ виду lex Cornelia. Также опредѣляетъ это дѣяніе Henricus de Suza: actus dolosus veritatis mutandae gratia, quem lex pro falso habet [5]), или Harpprecht—actus dolosus veritatis mutandae gratia ad alterum decipiendum factus, quem lex pro falso habet et lege Corn. de falsis coërcet [6]); въ тѣхъ же словахъ повторяетъ опредѣленіе подлога Hyppolitus de Marsiliis, говоря: falsum nihil aliud est quam mutatio veritatis ex certa scientia facta quod falsum etiam

[1]) Таково требованіе въ указанной выше цитатѣ изъ Summa Azonis; его же выставляетъ и Bartolus.

[2]) Gandinus. Tract. de malef. tit. de fals. n⁰ 1.

[3]) Aretinus. Tract. de malef. de falsar. n⁰ 1.

[4]) Aretinus. Opus praeclarum super IV libri Institutionum. 1541. p. 574 n⁰ 7.

[5]) Henricus de Suza. Summa de crimine ad fals. § 1—см. ссылку на него у Ortloff'a l. c. p. 105. Также опредѣляетъ это преступленіе P. Teodoricus (Judicium criminale practicum 1671. cap. VIII aphor. I).

[6]) Harpprecht. Commentaria in celebrem titulum institutionum juris imper. Justiniani de publicis judiciis 1599.—lex Corn. de falsis § 2.

non committitur sine dolo [1]). Здѣсь выраженіе ex certa scientia, болѣе точно выражаетъ характеръ умысла, какъ сознательнаго нарушенія нормы права. Въ опредѣленіи же Harpprecht'a вводится уже новый элементъ—ad alterum decipiendum (искаженіе истины съ цѣлью обмана другого лица), который здѣсь служитъ для ближайшаго опредѣленія направленія mutatio veritatis; въ этомъ смыслѣ это понятіе должно быть отличаемо отъ понятія нанесенія ущерба (praejudicium), которое затѣмъ вводится въ опредѣленіе состава crimen falsi [2]). Это послѣднее условіе было возведено въ число необходимыхъ элементовъ состава crimen falsi послѣдующими юристами и благодаря авторитету послѣднихъ сдѣлалось общепризнаннымъ въ доктринѣ XVI и XVII вв., пока Лейзеръ не нанесъ ему окончательнаго удара, вслѣдъ за чѣмъ оно постепенно выходитъ изъ числа составныхъ элементовъ этого преступленія [3]).

Съ признаніемъ же признака вредоносности дѣянія существеннымъ условіемъ подлога, образовалось то господствующее въ доктринѣ начала новыхъ вѣковъ опредѣленіе falsum: veritatis immutatio dolosa in praejudicium alicujus facta, которое до сихъ поръ еще сохраняется во французской доктринѣ и практикѣ [4]) и на которое находятъ нужнымъ дѣлать ссылки и донынѣ французскіе криминалисты, и даже по примѣру ихъ нашъ криминалистъ Будзинскій. Кто первый внесъ этотъ признакъ въ опредѣленіе преступленія подлога, сказать трудно; Юлій

---

[1]) Hypp. de Marsiliis. Commentaria super titulis. 1542. Rubr. ad leg. Corn. de falsis. f. 69 n° 1.

[2]) Хотя Гарпрехтъ тоже уже говоритъ о praejudicium, какъ необходимомъ условіи falsum, но въ свое опредѣленіе подлога онъ его не вноситъ.

[3]) Впрочемъ, не надо забывать, что и до Лейзера нѣкоторые юристы, напр. P. Theodoricus, указывали на то, что praejudicium для состава преступленія falsum не требуется.

[4]) Ср. рѣшенія кассаціоннаго суда 17 іюня 1835 г., 19 дек. 1836 и 8 апр. 1843 г: Dalloz.Répertoire méthodi que t. XXIV p. 490; Chauveaux et Hélie. Théorie du code pénal 1863 t. II p. 336; Garraud Traité théorique et pratique du droit pénal français 1889. t. III p. 132.

Кларъ ссылается на малоизвѣстнаго юриста Portalis'а [1]), у котораго говорится про falsum, что это—dolosa mutatio veritatis et qui alteri noceat vel nocere possit. Но уже это опредѣленіе безусловно принимаютъ Farinacius [2]), Carpzov [3]), Matthaeus [4]), и позднѣйшіе юристы Kress [5]), Boemer [6]), Jousse [7]) и Muyart de Vouglans [8]).

Такимъ образомъ мало по малу для состава преступленія подлога стала требоваться наличность трехъ условій по возрѣніямъ доктрины: 1) умыселъ—dolus, 2) искаженіе истины—veritatis immutatio, 3) ущербъ третьему лицу—praejudicium alterius; причемъ только совокупность всѣхъ этихъ трехъ признаковъ вмѣстѣ образовывала понятіе falsum—не было одного изъ нихъ, не было и falsum въ собственномъ смыслѣ.

Надо еще замѣтить, что нѣкоторые изъ писателей послѣдней группы, т.-е. вводившихъ въ составъ подлога необходимымъ условіемъ моментъ praejudicium, указываютъ, что дѣяніе это должно быть предусмотрѣно закономъ Корнелія [9]) или другими законами, такъ что ими выставляется еще и четвертый (чисто-внѣшній) элементъ состава crimen falsi; это тре-

---

[1]) Portal. constit. 7 и 39 см. Jul. Clarus. Sententiarum liber V 1664 § falsum, additio 6.

[2]) Farinac. l. c. qu. 150 n⁰ 1.

[3]) Carpzov. Practicae novae imperialis saxonicae rerum criminalium 1677. Pars III qu. 95 n⁰ 5.

[4]) Matthaeus (De criminibus Ad. l. 48 Digest. 1651.) разсматриваетъ falsum, какъ fraudulenta veritatis imitatio vel suppressio in praejudicium alterius facta, слѣдовательно, болѣе детально описываетъ сущность этого преступленія.

[5]) Kress. Commentatio succincta in constitutionem criminalem Caroli V, imperat. 1736 p. 315.

[6]) Boemer. Meditationes in constitutionem criminalem Carolinam. 1770 p. 383.

[7]) Jousse. Traité de la justice criminelle de France 1771 l. III, titre XV, art. 1. tit. I. p. 341: „on appelle faux toute action faite pour détruire, altérer ou obscurcir la vérité au préjudice de quelqu'un et dans le dessin de le tromper".

[8]) Muyart de Vouglans. Les lois criminelles de France 1781 t. I. § 3.

[9]) Это требуетъ, напр. Фаринацій.

бованіе, впрочемъ, не является общепризнаннымъ, и другіе писатели, напр. Carpzov, находили, что въ данномъ случаѣ достаточно было общаго указанія о томъ, что дѣяніе это предусматривается закономъ, безъ детальнаго указанія опредѣленныхъ пунктовъ закона (capitula expressa); достаточно, по его мнѣнію, generalis notatio legis Corn., quae omnem dolosam veritatis immutationem in praejudicium alterius factam puniri jubet, такъ какъ преступленіе это, говоритъ онъ, можетъ быть учиняемо разными способами: много случаевъ указано въ законѣ Корнелія и его дополненіяхъ, ut de reliquis non expressis ex ratione identitatis facilius judicium ferri, iique ad crimen falsi applicari possint [1]).

§ 3. Прежде чѣмъ перейти къ анализу каждаго изъ указанныхъ элементовъ falsum въ отдѣльности, необходимо сказать нѣсколько словъ о дѣленіяхъ falsum на виды, которыя мы находимъ у прежнихъ юристовъ; они интересны въ томъ отношеніи, что представляютъ первыя попытки обобщенія понятія falsum и указываютъ наглядно объемъ этого преступленія.

Дѣленія эти имѣютъ въ своемъ основаніи разные моменты. Прежде всего можно отмѣтить дѣленіе falsum на три вида по объему самаго понятія: это falsum въ широкомъ смыслѣ, въ среднемъ и въ узкомъ—дѣленіе, которое мы находимъ у Фаринація. Онъ говоритъ: „falsum largissime sumptum est omne id quod non est verum sive dolose, sive sine dolo. Falsum large sumptum est mutatio veritatis cum dolo facta; falsum stricte sumptum dicitur illud tantum, quod incidit in aliquot caput leg. Corn. de falsis [2]). Такимъ образомъ falsum въ первомъ смыслѣ понимается у него такъ же, какъ понималось оно въ рим-

---

[1]) Carpzov. l. c. qu. 93 n⁰ 15.

[2]) Farinacius l. c. qu. 150 n⁰ 7; подобное же дѣленіе существовало у Angelus Aretinus и у Bartolus. Точно также Carpzov. l. c. q. 93 n⁰ 3 гроводитъ различіе между falsum въ широкомъ смыслѣ— omne id, quod non est verum, etiamsi non procedat ex fraude et dolo alicujus (въ этомъ смыслѣ оно обнимаетъ и ложь), и въ узкомъ смыслѣ—falsum dicitur crimen illud, quod lege Corn. de falsis coërcetur.

скомъ правѣ юристомъ Павломъ, во второмъ—соотвѣтствуетъ тому, что мы видѣли у юристовъ, не вносившихъ момента praejudicium въ опредѣленіе понятія falsum; въ третьемъ смыслѣ, falsum получаетъ узкій объемъ, и содержаніе его сводится къ тому, что даютъ въ этомъ смыслѣ источники римскаго права. Впослѣдствіи эту же мысль повторяли другіе юристы, нѣсколько иначе формулируя ее и проводя различіе между falsum къ логическомъ смыслѣ и юридическомъ. Такъ Boemer [1]) замѣчаетъ: secundum jus naturae quamcunque malitiosam defraudationem ac circumventionem denotat (falsum) et cum mendacio vel reticentia veri, ad nocendum apta coincidit, но съ точки зрѣнія jus civile, которое онъ противополагаетъ jus naturae, falsum у него получаетъ узкій объемъ. Muyart de Vouglans [2]) тоже знаетъ широкое понятіе faux en général—это toute espèce d'altération ou suppression de la vérité. L'altération se fait en faisant paroître les choses autrement qu'elles ne sont et la suppression, lorsqu'on déguise la vérité dans le cas ou l'on est obligé de la faire connoître. Здѣсь онъ разсматриваетъ faux matériel и formel; первый бываетъ въ томъ случаѣ—qu'on ne trompe les autres que parce qu'on est trompé soi-même, а второй—lorsqu' on fait que l'on trompe, sans être trompé soi-même, и относительно этого послѣдняго именно и требуется наличность извѣстныхъ трехъ моментовъ falsum, такъ что въ этомъ случаѣ получается понятіе faux въ узкомъ смыслѣ, какъ подвидъ общаго понятія faux en général.

Кромѣ этого дѣленія, чисто-теоретическаго и мало имѣвшаго практическаго значенія, доктринѣ данной эпохи было извѣстно другое дѣленіе болѣе практическаго характера, но тоже основанное на формальныхъ признакахъ.

Еще римское право знало дѣленіе всѣхъ видовъ подлога на двѣ группы, притомъ не по способу дѣйствія, а по другому чисто-формальному признаку. Оно дѣлило всѣ случаи

[1]) Boemer l. c. p. 383.
[2]) Muyart de Vouglans l. c. § 1—3.

подлога на falsa — тѣ дѣянія, которыя были предусмотрѣны первоначальнымъ текстомъ lex Cornelia de falsis, и на quasi-falsa—тѣ, на которыя впослѣдствіи распространился этотъ законъ. Это дѣленіе въ сочиненіяхъ средневѣковыхъ юристовъ получаетъ совершенно иной смыслъ и иное значеніе. Quasi-falsum является понятіемъ дополнительнымъ по отношенію къ falsum: именно—если въ данномъ дѣяніи были въ наличности всѣ три указанные выше признака подлога, то оно считалось falsum въ собственномъ смыслѣ, если же одного изъ нихъ не хватало, то это дѣяніе разсматривалось, какъ quasi-falsum [1]). А разница эта, будучи разницей по составу преступленія, имѣла особыя послѣдствія. Falsum влекло за собой наказаніе, въ законѣ точно опредѣленное, quasi-falsum, какъ не представлявшее полнаго состава преступленія, должно было бы оставаться ненаказуемымъ, но изъ соображеній иного рода—quia res mali exempli, какъ выражается Фаринацій, оно облагается наказаніемъ особеннымъ, extra ordinem [2]). Впрочемъ, надо замѣтить, что съ теченіемъ времени на практикѣ различіе это мало имѣло значеніе, такъ какъ и по закону часто наказанія за falsum опредѣлялись произвольныя, по усмотрѣнію суда.

Несравненно болѣе значенія имѣло дѣленіе falsum на виды не по объему самаго понятія его, а по способу дѣйствія, который въ прежнее время въ высшей степени интересовалъ законодателя. Мы видѣли уже, что во многихъ старыхъ законодательствахъ въ интересахъ практики замѣчается стремленіе опредѣлить не то, что такое подлогъ, а какъ онъ совер-

---

[1]) Впрочемъ, первоначально quasi-falsum и у средневѣковыхъ юристовъ имѣло болѣе узкіе предѣлы. Такъ, Bartolus l. 1 § de fals. (ссылка на него у Farin. l. c. qu 150 n° 48) относитъ сюда только три случая: пользованіе поддѣльнымъ документомъ, приписка себѣ легата въ завѣщаніи и недача отчета пупиллу со стороны опекуна или попечителя.

[2]) Farinacius. l. c. q. 150 n° 23 говоритъ: si statutum reperiatur puniens aliquem tanquam falsarium, istud statutum intelligendum erit, ut ille puniatur non poena falsi ordinaria, sed extra ordinem judicis arbitrio.

шается. Доктрина идетъ на встрѣчу этому запросу практики и даетъ цѣлый рядъ дѣленій crimen falsi по способу дѣйствій. Какъ справедливо замѣчаетъ проф. Фойницкій [1]), „эти дѣленія подлога по способу дѣйствія любопытны въ томъ отношеніи, что показываютъ наглядно объемъ этого преступленія по существовавшимъ въ то время воззрѣніямъ науки и практики“ [2]).

Самое старое дѣленіе falsum на виды по способу дѣйствія мы находимъ у Azo. Онъ дѣлитъ всѣ случаи подлога на четыре группы: scriptura, dicto, facto et usu [3]); того же дѣленія придерживается и Farinacius [4]) и Moenochius [5]), почти тоже находимъ у Gandinus'а, который только вмѣсто „usu“ говоритъ „abusu“. Другіе, сохраняя дѣленіе falsum на четыре вида, измѣняли названія самыхъ категорій; такъ у Carpzov'а мы находимъ дѣленіе falsum на in persona, verbis seu dictis, scriptura, abusu, у Vouglans—faux par écrit, faux par paroles, faux sur les personnes et faux en choses de commerce [6]), Hyppolitus de Marsiliis говоритъ: scriptura, dicto, facto et aliis pluribus modis. Нѣкоторые писатели довольствовались дѣле-

---

[1]) Фойницкій, в. с. стр. 113.

[2]) Мы никоимъ образомъ не можетъ согласиться съ взглядомъ. приводимымъ проф. Фойницкимъ, относительно послѣдовательнаго измѣненія дѣленія falsum на виды; по его мнѣнію, первоначально существовало пятичленное дѣленіе, за нимъ слѣдовало двухчленное, которое вскорѣ уступило мѣсто четырехчленному, державшемуся дольше другихъ, благодаря авторитету его основателя—причемъ авторъ имѣетъ здѣсь въ виду Карпцова, (Мошенничество, стр. 113 и 114). Напротивъ, прежде всего встрѣчаемся мы съ четырехчленнымъ дѣленіемъ у Azo (онъ писалъ XII—XIII вв., а Carzov въ XVII); затѣмъ появляется пятичленное дѣленіе у Дамгудера (жившаго въ XVI в.), наконецъ двухчленное у Theodoricus'а (жившаго въ первой половинѣ XVII в. одновременно съ Карпцовымъ); причемъ всѣ эти дѣленія существуютъ и одновременно, такъ что нельзя сказать, чтобы одно вытѣсняло другое.

[3]) Azo l. c. n⁰ 6.

[4]) Farinacius, l. c. n⁰ 6.

[5]) Moenochius. De arbitriis judicum. 1628. cas. 316 n⁰ 1.

[6]) Voulgans. l. c. § 7.

ніемъ falsum на три вида; такъ, Menticelsus говоритъ о falsum dicto, scripto, facto [1]), что повторяетъ впослѣдствіи Jousse: par ecritures, par paroles, par faits [2]). Затѣмъ, существовало дѣленіе falsum на два вида: именно Theodoricus дѣлитъ его на falsum in homine aut in rebus [3]), прибавляя слѣдующее объясненіе: illud est personae suppositae, nominis et testimonii, hoc monetae, scripti, mensurae et aliarum rerum [4]). Наконецъ, можно еще привести дѣленіе falsum на пять видовъ: Damhouder дѣлитъ его на consensu, verbis, scriptis, abusu et silentio [5]), а Harpprecht вмѣсто послѣдней категоріи ставитъ facto.

Что касается взаимнаго соотношенія этихъ видовъ falsum, то въ этомъ отношеніи можно замѣтить большое разнообразіе у отдѣльныхъ писателей. Въ этомъ отношеніи интересно привести группировку отдѣльныхъ видовъ falsum у двухъ выдающихся юристовъ XVII в. Дамгудера и Карпцова, изъ чего можетъ вполнѣ наглядно выясниться объемъ этого преступленія, по ученію старой доктрины. Дамгудеръ строитъ чрезвычайно сложную систему этого преступленія; онъ относитъ къ *falsum per consensu* (подлогъ посредствомъ соглашенія)—обманъ, совершаемый путемъ договоровъ и сдѣлокъ (quoties aliquem circumvenimus et fallimus per contractus aut compacta foedera—cap. 120): сюда имъ причисляется продажа и закладъ одной и той же вещи по двумъ разнымъ договорамъ; *falsum in verbis* (подлогъ на словахъ) опредѣляется, какъ falsum, quod verbis seu dictis committitur dolosis et ad fraudem et circumventionem alterius (cap. 121). Онъ различаетъ пять способовъ совершенія этого вида подлога: falsa suggestione (приведеніе ложныхъ данныхъ при обращеніи къ власти), falsa

---

[1]) Menticel, in practica crimin, in reg. 15 n⁰ 7. См. Jul. Clar. l. c. § falsum add. 6.

[2]) Jousse l. c. p. 341.

[3]) Theodoricus. l. c. aphor. II.

[4]) Сюда онъ относитъ malitiose limites sive terminos movere (n⁰ 51), а также поддѣлку печатей и пользованіе чужой печатью.

[5]) Damhouder. Praxis rerum criminalium. 1562, cap. 120 etc.

denuntione (ложное донесеніе), falsa accusatione (ложное обвиненіе), falsa depositione vel testimonio (ложное показаніе), falsa judicatione vel condemnatione (ложное осужденіе); *falsum scriptorum* есть falsum, quod ad scripta adulteranda et corrumpenda progreditur (cap. 122); здѣсь различается опять нѣсколько способовъ совершенія подлога: minutatio, in mundum redactio, conscriptio, litura vel rasura, subscriptio, sigillatio, enarratio scriptorum; про *falsum per abusum* говорится: fere sit in mensurando, ponderando et mercando (c. 123); здѣсь предусматриваются поддѣлка мѣръ и вѣсовъ, обманъ въ качествѣ товаровъ, присвоеніе ложнаго имени и званія, поддѣлка денежныхъ знаковъ, пользованіе на судѣ поддѣльными документами, подмѣнъ дѣтей; наконецъ, *falsum per silentium*—это qui veritatem celat, premit, abscondit et tacet (c. 124); здѣсь предусматриваются сожженіе, утайка и сокрытіе завѣщаній и кодицилловъ, равно какъ и другихъ документовъ, если только при этомъ имѣлось въ виду скрыть истину навсегда; далѣе, поддѣлка и сокрытіе торговыхъ книгъ и умолчаніе свидѣтеля, который былъ призванъ къ свидѣтельству.

Такимъ образомъ у Дамгудера получаются весьма сложныя конструкціи преступленій falsum. Нельзя, однако, сказать, чтобъ эти пять рубрикъ были составлены имъ правильно, и матеріалъ въ нихъ разбитъ соотвѣтственно заголовкамъ: подлогъ торговыхъ книгъ, напр. безъ всякаго основанія отнесенъ къ пятой группѣ вмѣсто третьей; умолчаніе свидѣтеля тоже помѣщено здѣсь вмѣсто того, чтобъ находиться во второй рубрикѣ; кромѣ того, хотя поддѣлка монеты и отнесена къ falsum per abusum, но, такъ какъ виновный въ этомъ преступленіи считается не только falsarius, но и proditor (измѣнникъ), то дѣяніе это разсматривается наравнѣ съ другими государственными преступленіями (c. 65 — de monetae adulteratoribus); точно также употребленіе при игрѣ фальшивыхъ костей выдѣлено изъ подлога и предусмотрѣно особо въ c. 126 — de falsis aleis, причемъ преступленіе это разсматривается съ одной стороны, какъ falsum, такъ какъ употребляется здѣсь въ дѣло поддѣльное, съ другой—какъ furtum,

такъ какъ посредствомъ него пріобрѣтается противозаконная выгода [1]).

Иначе группируетъ отдѣльные виды подлога Карпцовъ: онъ подводитъ подъ каждую изъ указанныхъ выше категорій, имъ создаваемыхъ, слѣдующія дѣянія: *falsum in persona* у него— тотъ случай, quando dolose aliquis homo fingitur esse talis, qualis re vera non est, ac per id veritas immutatur in praejudicium tertii [2]); въ эту рубрику онъ относитъ partus suppositio; подмѣнъ одного лица другимъ въ договорахъ, завѣщаніяхъ, въ судѣ или инымъ какимъ-либо образомъ; умышленное и обманное измѣненіе своего имени (напр. ложное заявленіе себя кредиторомъ обанкротившагося купца, выдаваніе себя за благороднаго, за доктора, присвоеніе себѣ непринадлежащихъ знаковъ отличія, привилегій и титуловъ высшаго сословія); многократное крещеніе съ цѣлью получить деньги или подарокъ (Patengeld), которые обыкновенно приподносятъ новокрещенному свидѣтели этого таинства, какъ знакъ воспріятія вѣры [3]). Для

---

[1]) Усвоившій дѣленіе Дамгудера другой юристъ — Harpprecht (l. c. § 50) вводитъ въ него нѣкоторыя улучшенія; falsum verbis обнимаетъ у него только лжесвидѣтельство и ложный приговоръ; falsum per abusum получаетъ болѣе правильный объемъ: сюда относятся пользованіе завѣдомо ложными показаніями и документами, употребленіе поддѣльныхъ мѣръ и вѣсовъ и подобныхъ вещей (similibus rebus), равно какъ и присвоеніе непринадлежащихъ званій; facto—обнимаетъ собой поддѣлку монеты, причемъ это преступленіе получаетъ у него особую квалификацію—principi siquidem, cujus solius est quasvis monetas fabricare suam potestatem detrahit et sibi eam dolose attribuit; въ остальномъ же Гарппрехтъ согласенъ съ Дамгудеромъ.

[2]) Carpzov. I. c. qu. 93 n⁰ 27.

[3]) Любопытно, что Carpzov приводитъ при этомъ (qu. 93 n⁰ 44) рѣшеніе одного саксонскаго суда, приговорившаго виновную въ этомъ преступленіи мать къ розгамъ и пожизненному изгнанію и выставившаго основаніемъ этого приговора solchen vorsetzlichen Missbrauch der heiligen Tauffe; такимъ образомъ судебная практика того времени не видѣла здѣсь непремѣнно подлога, а квалифицировала дѣяніе по особенному объекту посягательства, придавая послѣднему религіозный оттѣнокъ. Carpzov же центръ тяжести кладетъ на моментъ искаженія истины съ корыстной цѣлью и дѣяніе это отно-

falsum verbis seu dictis необходимымъ условіемъ выставляется, чтобы за словами слѣдовало какое-нибудь ложное дѣйствіе—factum falsum cum summo alterius praejudicio, такъ какъ простая ложь (nudum mendacium) не предусматривается въ lex Corn. [1]); къ этой рубрикѣ относятся лжесвидѣтельство, преварикація или обманное веденіе чужихъ дѣлъ, неправосудіе судьи, если онъ судитъ по злобѣ или при наличности подкупа; *falsum in scriptis publicis vel privatis* состоитъ въ veluti scripta falsa componendo, minutando, in mundum redigendo (составленіе подложныхъ документовъ, выпускъ ихъ въ обращеніе), corrumpendo, mutando, adjiciendo, radendo, delendo, abolendo (порча, измѣненіе, уничтоженіе, подчистка настоящихъ документовъ), falsa suscribendo (подпись подъ чужую руку), falsa sigilla apponendo (приложеніе фальшивыхъ печатей), dolose aliorum chirographa efficte imitando (поддѣлка чужой росписки); дѣланіе фальшивыхъ печатей и другихъ знаковъ; распечатываніе чужихъ писемъ; поддѣлка свидѣтельствъ о несчастныхъ случаяхъ для собиранія денегъ [2]). Наконецъ *falsum abusu* имѣется на лицо, quando quis dolose re aliqua ad decipiendum alterius abutitur; хотя здѣсь и говорится вообще re aliqua, но на самомъ дѣлѣ Carpzov относитъ сюда только умышленное и обманное пользованіе (abutendo) поддѣльными мѣрами и вѣсами, испорченными съѣстными припасами или другими товарами

ситъ къ falsum in persona. Впослѣдствіи взгляды эти получили выраженіе и въ законодательствѣ: Codex juris bavar. crim. 1751 г. и Theresiana относятъ эти дѣянія къ Fälschung.

[1]) Впрочемъ, Carpzov въ другомъ мѣстѣ говоритъ mendacium per se quoque falsum sit et poenam mereatur (l. c. q. 93 n⁰ 9).

[2]) Онъ именно говоритъ о falsarii mendicantes, qui in litteris mentiuntur casum fortuitum incendii, morbi, deteriorationis, aut similem, ut stipem publicam emendicent, hominesque decipiant, inque hunc finem literis et sigillis alienis abutuntur (Brandbettler so auff falsche Bettelbrieffe das Allmosen samlen). Ib. n⁰ 72 (случай взятый изъ судебной практики); однако, если была только симуляція болѣзни или несчастія со стороны нищаго безъ поддѣлки документа, то Carpzov колебался, куда отнести этотъ проступокъ и склонялся въ пользу признанія здѣсь кражи—furtum.

(напр. если кто-нибудь in sua mercatura addit inutile или даже, если сухое вещество держитъ въ сыромъ мѣстѣ); употребленіе и выставленіе поддѣльныхъ товаровъ подъ видомъ настоящихъ; продажа купцами одной вещи подъ видомъ другой и вообще совершеніе обмана въ торговлѣ (въ частности прикладываніе ткачами и продавцами суконъ поддѣльныхъ клеймъ къ нимъ и т. п.); обманъ при помощи фальшивыхъ костей и картъ. Что же касается поддѣлки монетъ, то о ней рѣчь идетъ у него въ числѣ другихъ посягательствъ противъ величества [1]).

Такова конструкція подлога у этого писателя, игравшаго въ свое время очень видную роль и пользовавшагося громаднымъ авторитетомъ у современниковъ. Широкое понятіе falsum у него заключаетъ въ себѣ и мошенничество, которое онъ не признаетъ въ качествѣ самостоятельнаго преступленія; римскій же stellionatus сведенъ у него на степень преступленія вспомогательнаго, дополняющаго всякое вообще другое преступленіе; имущественный характеръ его онъ вполнѣ игнорируетъ и говоритъ вообще: ubicunque titulus criminis deficit, stellionatus persecutio locum obtinet [2]).

Другіе юристы, въ особенности позднѣйшіе, не пользуются дѣленіемъ falsum на виды по способу дѣйствія и прибѣгаютъ къ другимъ критеріямъ для этого; главнымъ образомъ они дѣлятъ falsum на виды по непосредственному объекту посягательства. Такъ, еще Julius Clarus [3]) дѣлитъ falsum по этому признаку на falsum circa testes, circa instrumenta et scripturas, circa monetam etc., а Matthaeus [4]) придерживается прямо источниковъ римскаго права, различая falsum testamentarium

---

[1]) Carpzov. l. c. pars. I qu. 42 n⁰ 2.

[2]) Carpzov. l. c. pars III qu. 103 n⁰ 3. Этотъ же взглядъ на stellionatus мы находимъ, впрочемъ, и у другихъ писателей: такъ Baldus (Practica fo. 63 n⁰ 3) говоритъ: ubicunque enim deficit titulus criminis, ad crimen stellionatus est recurrendum in subsidium.

[3]) Clarus. Opera receptarum sententiarum omnia. 1616. lib. V § falsum.

[4]) Matthaeus. l. c. tit. 7 n⁰ 1.

и falsum nummarium, причемъ къ первой группѣ онъ относитъ всѣ вообще виды подлога, которые мы встрѣчаемъ въ римскомъ правѣ, кромѣ поддѣлки денежныхъ знаковъ, а во вторую категорію это послѣднее преступленіе. Точно также Boemer и Kress, комментируя Каролину, излагаютъ falsum не въ особой системѣ, которая носила бы слѣды обобщеній, а въ томъ порядкѣ, какъ это преступленіе разсматривается въ Каролинѣ, и имѣютъ здѣсь въ виду подлогъ документовъ, перемѣщеніе граничныхъ камней, преварикацію, поддѣлку мѣръ и вѣсовъ, банкротство и другія преступленія. Собственно, той же системы придерживается и Фаринацій, такъ какъ, хотя онъ и выставляетъ четырехчленное дѣленіе falsum, но затѣмъ отдѣльные виды подлога онъ разсматриваетъ внѣ этой системы; онъ говоритъ сначала о разныхъ видахъ подлога документовъ (n^0 61 — 74), далѣе, о поддѣлкѣ мѣръ и вѣсовъ и пользованіи ими (n^0 75), о примѣненіи ложныхъ законовъ и отмѣненныхъ постановленій (n^0 79), о пользованіи чужими знаками отличія (n^0 80), о принятіи непринадлежащаго званія (n^0 86) и т. д. Особенно выдержано дѣленіе подобнаго рода у юриста De-Angelis [1]). Имъ предусматриваются слѣдующіе виды подлога: a) falsitas circa scripturas; b) falsitas circa testes; c) falsitas in relatione — неправильность въ отчетахъ, представляемыхъ извѣстными лицами, напр. опекунами по опекѣ, судебными врачами, хирургами и др.; d) falsitas in mutatione nominis — присвоеніе чужого или вымышленнаго имени, ложное выдаваніе себя за чужого представителя, за доктора, за благороднаго и т. п.; e) falsitas in sigillo — поддѣлка и похищеніе чужихъ печатей для поддѣлки документовъ; f) подлогъ въ торговыхъ документахъ (apocha), въ документахъ общественныхъ и частныхъ банковъ и пр.; g) употребленіе подложныхъ мѣръ и вѣсовъ, продажа одной вещи за другую и т. п.

Наконецъ, существовало еще у позднѣйшихъ юристовъ дѣленіе falsum на nominatum и innominatum, причемъ къ пер-

---

[1]) De-Angelis. Tractatus criminalis de delictis. 1722. c. 49 — 56.

вому относились клятвопреступленіе, перемѣщеніе границъ, преварикація и поддѣлка монеты [1]), а ко второму другіе виды подлога.

§ 4. Останавливаясь на оцѣнкѣ этихъ отдѣльныхъ группъ подлога, нельзя не согласиться съ проф. Фойницкимъ относительно того, что изъ всей массы отдѣльныхъ дѣяній, подводившихся доктриной подъ falsum, „только одна рубрика—подлогъ in scriptis—постепенно получаетъ общее значеніе; что же касается остальныхъ, то, хотя иногда имъ предшествуютъ общія опредѣленія, могущія подать поводъ думать, что всякое обнимаемое ими дѣйствіе подлежало наказанію, но выводъ этотъ въ высшей степени ошибоченъ; объемъ ихъ рѣзко ограничивается спеціально указываемыми дѣйствіями, не выходя за предѣлы ихъ, такъ что опредѣленіе составляло лишь кабинетную роскошь, не имѣя ровно никакого практическаго значенія“ [2]). Но даже и въ группѣ falsum in scriptis только до извѣстной степени можно видѣть обобщеніе однородныхъ случаевъ; мы видѣли, что извѣстные виды подлога документовъ у нѣкоторыхъ писателей выдѣлены изъ общей ихъ группы и предусматриваются отдѣльно, что, напр. имѣетъ мѣсто у Дамгудера.

Уже одинъ самый поверхностный обзоръ отдѣльныхъ дѣяній, отнесенныхъ къ crimen falsi по ученіямъ доктрины прошлыхъ вѣковъ, можетъ убѣдить въ томъ, что преступленіе это понималось ею очень широко и что объемъ его постепенно становился все больше и обширнѣе. Пока юристы оставались вѣрными источникамъ римскаго права, falsum выливалось у нихъ въ той формѣ, которую мы видѣли въ римскомъ правѣ, но по мѣрѣ того, какъ они стали обращаться и къ отечественному законодательству и къ практикѣ, объемъ его начинаетъ все болѣе и болѣе рости. Германскія правовыя начала, нашедшія себѣ окончательное выраженіе въ Каролинѣ, прилаживаются въ сочиненіяхъ нѣмецкихъ юристовъ XVI и XVII вв. къ началамъ римскимъ, вслѣдствіе чего и получается

[1]) Koch. Institutiones juris criminalis 1770. p. 387.

[2]) Фойницкій в. с. стр. 114.

то широкое, безбрежное понятіе falsitas, которое мы видимъ въ доктринѣ среднихъ вѣковъ. Римское право не знало вовсе поддѣлки товаровъ, какъ самостоятельнаго вида подлога, оно отводило ее въ область стелліоната, но такъ какъ по германскимъ воззрѣніямъ подобные случаи считались тоже видомъ подлога „valsch", то и въ доктринѣ поддѣлка товаровъ начинаетъ входить въ составъ falsum [1]). Такимъ образомъ постепенно ростетъ это понятіе, теряя опредѣленное выраженіе и дѣлаясь, какъ выражается проф. Фойницкій" [2]), „знаменемъ, которымъ прикрывалась масса разнообразныхъ случаевъ, караемыхъ лишь при наличности спеціальныхъ указаній". Тщетно нѣкоторые юристы возстаютъ противъ расширенія понятія falsum—Маттей, напр. указываетъ, что никоимъ образомъ нельзя подводить подъ это понятіе поддѣлку товаровъ, такъ какъ римское право не дѣлало этого,—другіе болѣе сильные авторитеты оказываютъ въ этомъ дѣлѣ свое вліяніе, и, благодаря имъ, долго еще продолжается смѣшеніе этого вида мошенничества съ подлогомъ.

§ 5. Несмотря однако на то, что falsum представляетъ изъ себя только по внѣшнему своему выраженію одно понятіе, заключая въ себѣ самыя разнообразныя дѣянія, имѣющія мало общаго между собой, юристы стараются опредѣлить его сущность и наполнить его опредѣленнымъ содержаніемъ.

Мы указывали выше, что communis opinio doctorum требовало для состава falsum наличности трехъ опредѣленныхъ условій; въ чемъ же они заключались, насколько твердо и постоянно держались юристы выставляемыхъ ими требованій и были ли въ состояніи эти условія служить для точнаго опредѣленія существа falsum? [3]).

[1]) Относительно поддѣлки товаровъ Carpzov l. c. qu. 93 n⁰ 78 прямо замѣчаетъ—quod falsum hoc seculo nafando haud rarum est.

[2]) Фойницкій в. с. стр. 115.

[3]) Такъ какъ эти три условія должны были быть въ наличности при всякомъ видѣ falsum, то при разсмотрѣніи ихъ, какъ общихъ для всѣхъ дѣяній, относимыхъ къ группѣ crimen falsi, придется уже теперь коснуться общаго состава подлога документовъ по ученію доктрины, хотя о немъ рѣчь будетъ еще ниже.

Первый элементъ crimen falsi—умыселъ, dolus; требованіе его признается безусловнымъ всей доктриной; самая наличность умысла должна была быть точно доказана, и презумпція его считалась по общему правилу недостаточной [1]); только иногда, по исключенію, нѣкоторые представители доктрины допускали возможность презумпціи умысла въ менѣе важныхъ случаяхъ; Дамгудеръ [2]), напр. относительно поддѣлки мѣръ и вѣсовъ замѣчаетъ, что здѣсь falsum будетъ на лицо, если кто-нибудь дѣлаетъ поддѣльные вѣсы и пользуется ими, безразлично—sive ipsi de iniquitate constiterit sive non; de mensurarum enim suarum et aequitate et iniquitate prius cognoscere debet, antequam res aliis tribuat. *Paria enim sunt in jure scire et scire debere vel scire posse;* но зато въ другихъ случаяхъ онъ требуетъ наличности доказаннаго точно умысла [3]). Сообразно съ выставленнымъ требованіемъ умысла признается, что если кто-нибудь по ошибкѣ или незнанію искажаетъ или скрываетъ истину, то въ этомъ случаѣ нѣтъ наличности falsum [4]); но незнаніе закона извиняетъ только въ особенныхъ случаяхъ; такъ, Azo замѣчаетъ, что при припискѣ себѣ легата только тогда принимается оно въ расчетъ, если виновный обѣщаетъ не пользоваться легатомъ (se a legato discedere) [5]), а Фаринацій признаетъ невозможность извиненія въ этомъ случаѣ вообще [6]). Что же касается самой сущности dolus, то она опредѣляется сообразно тому, что даютъ въ этомъ отношеніи источники, какъ machinatio ad decipiendum et circumveniendum adhibita [7]).

Съ установленіемъ того положенія, что для подлога тре-

[1]) Farinacius. l. c. qu. 150 n⁰ 283.

[2]) Damhouder. l. c. c. 123 n⁰ 10.

[3]) Точно также Theodoricus l. c. aph. II n⁰ 10 замѣчаетъ: qui autem falsum instrumentum produxit et monitus desistere noluit, nec errorem suum recognoscere, dolo fuisse praesumatur.

[4]) Carpzov. l. c. q. 93 n⁰ 6—nihil falsificare eum, qui errore vel ignorantia immutat vel occultat veritatem.

[5]) Azo. Summa ad. leg. Corn. de falsis n⁰ 6.

[6]) Farinacius. l. c. q. 150 n⁰ 187.

[7]) Theodoricus. l. c. aphor. I n⁰ 12.

буется дѣятельность умышленная, возникалъ вопросъ о томъ, какъ смотрѣть на неосторожное искаженіе истины. Этотъ вопросъ рѣшался въ доктринѣ неодинаково. Дамгудеръ различалъ подлогъ, совершенный ex malitia и ex negligentia, устанавливая въ послѣднемъ случаѣ только гражданскую отвѣтственность [1]). По мнѣнію Фаринацін, случаи неосторожнаго подлога входили въ составъ falsum largissime, но не въ составъ подлога въ смыслѣ lex Corn. de falsis, и считались поэтому quasi - falsum, а не falsum [2]); то же повторяютъ и многіе другіе, и между ними Boemer, напр. признаетъ возможность и falsum culposum, modo culpa latior sit, но тоже только въ качествѣ quasi - falsum (сюда онъ относитъ, напр. falsum, совершающееся per ignoratiam juris) [3]). Напротивъ, другіе писатели не признавали возможности совершить подлогъ неосторожно, и общее правило въ этомъ смыслѣ слѣдующимъ образомъ высказывалъ Маттей: et difficile sane dictu falsum culpa committere, cum vox ipsa dolosam veritatis imitationem significare videtur [4]). Впрочемъ, нужно замѣтить, что многіе представители доктрины, требовавшіе наличности умысла при подлогѣ, слѣдуя началамъ римскаго права, часто находили возможнымъ видѣть falsum и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ прямо выраженнаго умысла не было, напр. въ случаяхъ приписки себѣ легата, несоблюденія нотаріусомъ формальностей при совершеніи завѣщанія и т. д. [5]).

Искаженіе истины—второй реквизитъ понятія falsum, считавшійся общепризнаннымъ, такъ какъ въ немъ лежала вся сущность подлога. Это искаженіе истины могло заключаться или въ подражаніи истинѣ (imitatio), или въ сокрытіи ея (suppositio), какъ на это указываетъ Маттей въ самомъ опредѣленіи подлога; другіе юристы послѣдняго момента—сокрытія истины—въ опредѣленіе понятія подлога не вносятъ, но при-

---

[1]) Damhouder. l. c. c. 122 n⁰ 6.

[2]) Farinacius. l. c. q. 150 n⁰ 287.

[3]) Boemer. l. c. p. 384.

[4]) Matthaeus. l. c. cap. II n⁰3.

[5]) Clarus. l. c. n⁰ 28; Theodoricus l. c. aph. II n⁰ 10.

знаютъ, что falsum учиняется и умолчаніемъ истины [1]). Анализируя при этомъ подробнѣе моментъ искаженія истины, нѣкоторые юристы, напр. Маттей находили, что искаженіе истины должно представляться болѣе или менѣе важнымъ: fraus—обманъ, употребленный виновнымъ, долженъ быть gravior improbiorque; est enim, добавляетъ онъ, quaedam veritatis imitatio ita levis, ut infra legum animadversionem sit [2]); однако это требованіе квалифицированнаго искаженія истины для состава подлога, не получаетъ у него дальнѣйшаго развитія и проходитъ безслѣдно.

Подъ искаженіемъ истины, какъ элементомъ состава crimen falsi, разумѣлась главнымъ образомъ ложь овеществленная, такъ какъ, хотя ложь словесная (mendacium) и являлась falsum, contra veritatem dictum, но она не составляла подлога [3]); даже въ другихъ случаяхъ, отнесенныхъ къ подлогу, которые собственно представляются видами лжи словесной, недостаточно было по большей части одного ложнаго утвержденія или заявленія—напр. при присвоеніи непринадлежащаго званія было необходимо совершеніе извѣстнаго акта, ему соотвѣтствующаго, одно же ложное заявленіе объ этомъ было недостаточно; только ложное показаніе свидѣтелей на судѣ, хотя и является лишь ложью на словахъ, подводится подъ falsum, такъ какъ оно представляетъ изъ себя нѣчто большее, чѣмъ простая словесная ложь, направляясь на введеніе въ заблужденіе правосудіе. Этимъ объясняется, почему Карпцовъ, указавъ, что поддѣлка документа относительно постигшаго несчастія или болѣзни, съ цѣлью собирать подаяніе, составляетъ crimen falsi, говоритъ, что отъ этого случая надо отличать тотъ, когда нищіе не прибѣгаютъ къ поддѣлкѣ документовъ, но когда они притворяются больными—morbos, vulnera aut defectus naturae simulant iisque praetextibus pecuniam colligunt cum membra habent sana; онъ находитъ, что falsitatis siquidem

[1]) Farinacius. l. c. qu. 150 n⁰ 74 замѣчаетъ: falsitas committitur etiam tacendo et omittendo id, quod taceri et omitti non debebat.

[2]) Matthaeus. l. c. c. I n⁰ 1.

[3]) Carpzov. l. c. q. 93 n⁰ 9.

imaginem habet hoc crimen et furto simillimum est [1]) Однако не такъ ясно проводили отличіе подлога отъ симуляціи другіе юристы, и Фаринацій, напр. прямо приравниваетъ симуляцію подлогу, если она учинена была во вредъ третьему лицу—nam poena simulationis videtur esse poena falsi, говоритъ онъ, разъясняя это тѣмъ, что doctores ponunt exemplum in simulatione et collusione creditoris cum debitore in damnum tertii [2]).

Третій элементъ состава falsum—наличность опредѣленнаго вреда (praejudicium). Мы указывали выше на то, что первоначально моментъ вреда не вносился юристами въ понятіе falsum, что только впослѣдствіи внесеніе его въ составъ falsum сдѣлалось общимъ правиломъ. Однако, какъ мы увидимъ ниже, нѣкоторые изъ писателей, которые не вносили этого момента въ свое опредѣленіе, требовали всетаки наличности его для состава преступленія; другіе же, хотя и выставляли этотъ моментъ въ числѣ другихъ существенныхъ моментовъ состава преступленія, въ частныхъ случаяхъ однако отступали отъ строгаго проведенія его; благодаря этому, моментъ вреда становился мало по малу не болѣе, какъ формальнымъ требованіемъ. На это обстоятельство обратилъ свое особенное вниманіе Лейзеръ и способствовалъ тому, что этотъ моментъ былъ постепенно вычеркнутъ въ нѣмецкой доктринѣ изъ состава преступленія. Но и до Лейзера высказывался нерѣдко этотъ взглядъ—у однихъ писателей менѣе ясно, у другихъ болѣе категорично и послѣдовательно. Angelus Aretinus, одинъ изъ первыхъ писателей-криминалистовъ, указывалъ на то, что praejudicium для состава преступленія falsum не требуется безусловно: scribens falsum testamentum vel aliud falsum instrumentum, говоритъ онъ, tenetur ex sola scriptura [3]); эти его слова могутъ быть пояснены изъ другого мѣста, гдѣ онъ говоритъ: si quis scripserit cedulam manu propria, quae non facit fidem nec

---

[1]) Carpzov. l. c. q. 93 n⁰ 75.

[2]) Farinacius l. c. qu. 162 n⁰ 12; также Jousse l. c. t. 3 p. 353.

[3]) Aretinus. Opus praeclarum p.624.

prodest scribenti, attamen si talis scriptura fuerit falsificata, qui eam fecit ipse punitur de falso [1]); здѣсь, очевидно, о моментѣ вреда говорить нельзя, такъ какъ, разъ документъ недѣйствителенъ, то изъ него вреда возникнуть уже не можетъ. Впослѣдствіи другой юристъ, Theodoricus, указывалъ на то, что существуютъ случаи, когда не требуется наличности какого-нибудь вреда, и тѣмъ не менѣе дѣяніе это считается falsum; напр. если поддѣланъ документъ ничтожный, подлогъ здѣсь всетаки имѣется въ наличности, хотя даннымъ дѣяніемъ и не нанесенъ никому вредъ; то же замѣчаетъ онъ далѣе относительно поддѣлки папскихъ и королевскихъ документовъ, гдѣ вовсе не требуется момента вреда. На основаніи этихъ соображеній онъ и приходитъ къ тому заключенію, что моментъ вредоносности не есть существенный моментъ подлога [2]).

Однако большинство писателей выставляло противоположное требованіе, хотя и не могло вполнѣ послѣдовательно провести его. Изъ нихъ нѣкоторые, какъ указывалось выше, не вносили въ свое опредѣленіе подлога момента praejudicium, но въ частныхъ случаяхъ всетаки находили невозможнымъ наказывать виновнаго за falsum ex lege Corn., если не было въ наличности вреда; такъ поступаютъ, напр. Bartolus и Hyppolitus de Marsiliis [3]). Точно также, Harpprecht [4]), напр., хотя и не вводитъ въ свое опредѣленіе falsum требованія вредоносности подлога, но затѣмъ выставляетъ въ видѣ общаго правила: falsitas quae nemini nocet, aut praejudicat ordinaria poena falsi plecti non debeat.

Тѣ же юристы, которые требовали наличности момента вреда для состава преступленія, могутъ быть разбиты на двѣ группы. Одни требуютъ непремѣнно наличности дѣйствительнаго вреда, говоря, что если есть только возможность его, данное

---

[1]) Aretinus. Tract. de malef. de falsario.

[2]) Ex quibus et similibus liquide constat, говоритъ онъ, essentiale id plane non esse, proindeque juste a definitione removeri, cum definitio nihil nisi essentiale continere (Theodoricus. l. c. n⁰ 11).

[3]) Hypp. de Mars. l. c. fo. 16 n⁰ 17; fo. 74 n⁰ 5.

[4]) Harpprecht. l. c. § 25 и § 35.

дѣяніе наказывается extra ordinem, благодаря чему область falsum у нихъ по внутреннему содержанію значительно суживается. Карпцовъ, напр., выставляя въ видѣ общаго правила это требованіе [1]), говоритъ далѣе, что нѣкоторые писатели считаютъ возможнымъ наказывать за falsum и при одной возможности вреда, но онъ лично склоненъ въ этомъ случаѣ назначать только экстраординарное наказаніе, причемъ изъ дальнѣйшихъ словъ его какъ бы слѣдуетъ, что здѣсь онъ видитъ собственно покушеніе на подлогъ: sicut enin in aliis delictis conatus mitiori poena coërcetur, etiamsi ad actum proximum pervenerit [2]). Также Дамгудеръ считаетъ возможнымъ назначать въ подобныхъ случаяхъ виновному poena extraordinaria [3]). Напротивъ другіе писатели совершенно приравниваютъ въ этомъ случаѣ причиненію дѣйствительнаго вреда одну возможность нанести его, расширяя такимъ образомъ область falsum и давая вмѣстѣ съ тѣмъ этому преступленію болѣе самостоятельный характеръ, разъ для состава его не требуется нарушенія какихъ-нибудь правовыхъ интересовъ. Такъ, Фаринацій высказывается за то, что искаженіе истины при подлогѣ должно быть nocibilis vel apta nocere [4]). Menochius говоритъ, что falsitas est punibilis, cum in potentia illa nocet [5]). Того же вгляда придерживаются Julius Clarus [6]), Harprecht [7]) и Jousse [8]).

Что касается характера самаго praejudicium, то, если вни-

---

[1]) Nunquam enim falsitas punitur nisi inde aliquot consurgat damnum, praejudicium, injuria aut dedecus alterius (Carprov l. c. qu. 93 n⁰ 62).

[2]) Carzov. l. c. q. 93 n⁰ 13. Хотя въ другомъ мѣстѣ (n⁰ 50) онъ отступаетъ отъ строгаго проведенія своего принципа и говоритъ, что лжесвидѣтель наказывается за falsum, etiamsi falsum depositum nullum fortiatur effectum.

[3]) Damhouder. l. c. cap. 122 n⁰ 11.

[4]) Farinacius. l. c. q. 150 n⁰ 355.

[5]) Menochius. l. c. cas. 306 n⁰ 33.

[6]) Clarus. l. c. § falsum § 35.

[7]) Harpprecht. l. c. n⁰ 35.

[8]) Jousse. l. c. p. 385.

мательно отнестись къ произведеніямъ представителей прежней доктрины, можно увидѣть, что здѣсь имѣлся въ виду не одинъ только имущественный вредъ: praejudicium, или замѣняющее его выраженіе damnum, служитъ для обозначенія вреда вообще, что, конечно, является доказательствомъ того, что falsum не понималось доктриной только, какъ имущественное преступленіе. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны взгляды Дамгудера. Хотя онъ, повидимому, и опредѣляетъ falsum, какъ видъ furtum, но ближайшій разборъ его ученія показываетъ обратное. Дѣйствительно, опредѣленіе, имъ даваемое, гласитъ слѣдующее: subdolum et occultum furandi genus est rem aliquam falso, malitioso et excogitato animo corrumpere, atque ita simplices falsitatis fuco decipere [1]). Тутъ онъ считаетъ подлогъ, какъ бы видомъ кражи; но, указывая далѣе на ущербъ, который является существеннымъ моментомъ этого преступленія, онъ говоритъ: notanda est in materiis falsitatis regula certissima: quod nunquam ulla punitur falsitas (in quacunque etiam specie committatur), nisi inde aliquot consurgat damnum, praejudicium, injuria aut dedecus alterius; къ этому онъ еще прибавляетъ: quisquis porro alienum chirographum aut sigillum callide et dolose effingit, ita ut hinc aliquis ullum patiatur incommodum ac detrimentum vel corporis, vel vitae aut bonorum: is multorum judicio puniendus est amputatione manus seu pugni. Изъ этихъ словъ съ достаточной ясностью вытекаетъ, что при falsum имѣется имъ въ виду не только имущественный вредъ, но и вредъ другого рода: обида, позоръ, опасность потерять жизнь, тѣлесную неприкосновенность и т. д.—все это можетъ быть послѣдствіемъ falsum, составляя именно тотъ вредъ, который вносится въ число необходимыхъ условій состава преступленія. У другихъ писателей мы встрѣчаемъ точно также указаніе, хотя и не такъ подробно, на разные блага и интересы, которымъ можетъ угрожать подлогъ. Карпцовъ, напр., не соглашаясь съ мнѣніемъ Дамгудера о томъ, что falsum является видомъ кражи, тѣмъ не менѣе находитъ, что furto quoque

[1]) Damhouder. l. c. cap. 119.

simillimun est crimen falsi [1]), такъ какъ falsum не только имущественное преступленіе, какъ и самый вредъ—praejudicium—не только имущественнаго свойства; онъ можетъ быть по своему существу и иного рода, какъ это видно изъ одного примѣра falsum, имъ приводимаго — принятія чужого имени, ut probi et nobilis viri existimationem laederet aut ab eo pecuniam ne id faceret, extorqueret [2]). Muyart de Vouglans [3]) особо предусматриваетъ des crimes qui frappent également sur l'honneur et sur les biens ou du faux et de ses differentes espèces (въ противоположность чему, по его взгляду, le vol frappe seulement les biens).

Изъ этихъ примѣровъ можно съ полной очевидностью вывести, что вредъ, ущербъ, который является необходимымъ условіемъ подлога, по взглядамъ прежней доктрины, вовсе не долженъ былъ быть непремѣнно имущественнымъ: онъ могъ быть и другого рода; такимъ образомъ нельзя полагать, что прежняя доктрина считала подлогъ исключительно имущественнымъ нарушеніемъ. Подлогъ, по представленіямъ прежней доктрины, обнималъ собой, конечно, и мошенничество, но нельзя говорить, что германскіе криминалисты „соединяли съ подлогомъ представленіе имущественнаго нарушенія", какого мнѣнія придерживается проф. Фойницкій. По его словамъ „къ области его относились лишь немногія нарушенія другихъ отношеній, спеціально приписанныя сюда особыми законами, юристы же имѣли въ виду главнымъ образомъ его имущественную сторону... Въ такомъ именно смыслѣ первоначально понималось условіе, чтобы per id (falsum) damnum adferatur или, по позднѣйшей терминологіи, чтобы дѣйствіе виновнаго

---

[1]) Carpzov. l. c. qu. 93 n⁰ 1.

[2]) Carpzov. l. c. qu. 93 n⁰ 41.

[3]) Vouglans. l. c. t. I titre V. § 4. О самомъ значеніи преступленія подлога онъ говоритъ слѣдующее: on conçois assez toute l'enormité de ce crime qui blesse en même temps et la majesté divine auteur de toute verité et la société dont la bonne foi fait la principale base et enfin le particulier, à qui il cause un préjudice réel, soit dans sa vie, soit dans son honneur, soit dans ses biens.

способно было причинить вредъ (nocibilis vel apta nocere; immutatio veritatis cum proximi damno)“ [1]). Точно также едва ли можно согласиться съ Меркелемъ, что подъ словами praejudicium alterius слѣдуетъ понимать только матеріальный вредъ [2]). Какъ мы только что видѣли, praejudicium не имѣетъ у разсматриваемыхъ юристовъ значеніе вреда исключительно имущественнаго—даже нельзя сказать, чтобы вредъ этого рода вездѣ былъ поставленъ на первомъ планѣ при подлогѣ. Понятіе подлога поэтому гораздо шире понятія имущественнаго обмана вообще. Правда, юристы начинали уже замѣчать, что имущественный моментъ въ нѣкоторыхъ видахъ falsum заслуживаетъ особаго вниманія, но они не въ состояніи были еще выдѣлить случаи подобнаго рода изъ falsum, исходя изъ того основного положенія, что связующимъ звеномъ разнообразныхъ дѣяній, отнесенныхъ къ категоріи falsum, является моментъ искаженія истины, а не тотъ или другой объектъ посягательства. Очень часто возникаютъ у нихъ сомнѣнія, куда отнести данный случай, къ falsum или къ furtum, вслѣдствіе ярко выраженнаго въ немъ момента имущественнаго посягательства, и эти сомнѣнія вполнѣ понятны, если принять во вниманіе, что юристы не считали имущественный ущербъ необходимымъ условіемъ falsum—иначе имъ не зачѣмъ было бы колебаться относить къ falsum случаи подобнаго рода. Такъ, Дамгудеръ, который признаетъ въ общемъ falsum какъ бы видомъ furtum, говоритъ отдѣльно отъ подлога о поддѣлкѣ игральныхъ костей, aleae falsae, такъ какъ находитъ въ этомъ преступленіи совокупность признаковъ двухъ преступленій—съ одной стороны признаковъ falsum, такъ какъ на лицо фактъ поддѣлки, съ другой—furtum, такъ какъ при употребленіи поддѣльнаго имѣется здѣсь въ виду корыстная цѣль. Точно также Карпцовъ находитъ, что проступокъ нищихъ, симулирующихъ болѣзни и физическіе недостатки съ цѣлью собирать подаяніе, подходитъ ближе всего къ furtum, хотя онъ съ внѣшней стороны и представляетъ falsum—именно

---

[1]) Фойницкій. в. с. стр. 119.

[2]) Merkel. l. c. p. 23.

потому, что дѣяніе здѣсь прямо направляется на pecuniam colligere. Словомъ, гдѣ имущественный ущербъ билъ яснѣе всего въ глаза, тамъ являлись колебанія, куда отнести данный проступокъ—къ falsum или къ furtum.

Такимъ образомъ для состава преступленія falsum долженъ былъ быть въ наличности моментъ вреда или возможности послѣдняго, и въ видѣ почти общаго правила выставлялось требованіе, чтобы вредъ этотъ былъ значительный, такъ что вредъ небольшой недостаточенъ былъ для состава преступленія. Выше уже было приведено мѣсто изъ Маттея, гдѣ указывается на то, что вредъ долженъ быть при подлогѣ значительный [1]), такъ что, повидимому, вредъ незначительный приравнивался отсутствію вреда; точно также Theodoricus требуетъ grave praejudicium [2]). Другіе писатели требуютъ, чтобы вредъ касался чего-нибудь существеннаго, отрицая въ противоположномъ случаѣ подлогъ; такъ, напр. Фаринацій говоритъ: praejudicium seu nocumentum in re minima isto casu non est considerabile [3]); то же замѣчаетъ Menochius: falsitatem, commissam in re modici valoris non esse punibilem, признавая здѣсь, впрочемъ, возможнымъ опредѣлить наказаніе extra ordinem [4]).

§ 6. Что касается другихъ моментовъ состава преступленія falsum, то хотя доктрина и не придавала имъ особеннаго значенія, сосредоточивая всѣ свои силы на анализѣ указанныхъ трехъ моментовъ этого преступленія, но тѣмъ не менѣе взгляды на нихъ установить весьма важно и извлечь ихъ изъ произведеній юристовъ не трудно. Въ особенности въ этомъ отношеніи интересно установить моментъ совершенія преступленія: по общему правилу здѣсь достаточно момента искаженія истины, дальнѣйшихъ послѣдствій—въ особенности пользованія поддѣлкой—для состава преступленія не требуется;

---

1) См. стр. 392.
2) Theodoricus. l. c. aph. III; тоже De-Angelis l. c. 56 n⁰ 1 и 2.
3) Farinacius. l. c. q. 150 n⁰ 292.
4) Menochius. l. c. cas. 306 n⁰ 36.

моментъ поддѣлки обусловливаетъ такимъ образомъ наличность самаго состава преступленія. Съ особенной ясностью высказано это у Маттея, который говоритъ слѣдующее: perfectum autem crimen cum dicimus, non requirimus, ut fructu sceleris reus potiatur, veluti hereditatem auferat; sufficit falsum esse numum vel testamentum falsum, etiamsi detecta fraude lucri spes decollarit [1]). Но и другіе писатели выставляютъ то же положеніе: Aretinus указываетъ на то, что уже ex sola scriptura подвергается виновный наказанію за falsum, и прибавляетъ далѣе, что fabricans vel dictans (falsum instrumentum) abstinendo abusu non excusat, т. е. преступленіе всетаки будетъ считаться совершившимся, даже если не было затѣмъ пользованія поддѣлкой [2]). Carpzov относительно дѣланія фальшивыхъ печатей и другихъ фальшивыхъ знаковъ довольствуется однимъ фактомъ поддѣлки — licet alius iis utatur ad decipiendum [3]). Фаринацій проводитъ различіе между совершеніемъ преступленія и покушеніемъ на него—falsitas perfecta et inchoata; только первое у него наказывается poena ordinaria, второе же—extra ordinem [4]), но въ чемъ различіе между этими двумя моментами внѣшняго состава преступленія, онъ не указываетъ, и изъ одного случая, относимаго имъ къ falsum, можно видѣть, что иногда и самое покушеніе на подлогъ у него приравнивается совершенію, образуя видъ falsum, именно, какъ falsum, онъ считаетъ случай: qui procurat sibi sigillari vel subscribi chartas vacuas et albas ad efectum scribendi in illis quod verum non est [5]). Этотъ случай не что иное, какъ покушеніе или даже скорѣе приготовленіе къ пользованію чужой бланковой подписью, между тѣмъ Фаринацій подводитъ его прямо подъ falsum. Общій же взглядъ свой на моментъ учиненія подлога Фаринацій высказалъ въ словахъ: fabricans falsitatem puniri debeat etiam quod falsitate usus non

---

[1]) Matthaeus. l. c. cap. 6 n⁰ 2.

[2]) Aretinus. Opus praeclarum. Item lex Corn. de falsis—n⁰ 7.

[3]) Carpzov. l. c. n⁰ 63.

[4]) Farinacius l. c. q. 150 n⁰ 113.

[5]) Farinacius l. c. q. 150 n⁰ 92.

est [1]), не требуя такимъ образомъ для состава преступленія пользованія поддѣлкой.

Пользованіе поддѣльнымъ документомъ разсматривается въ доктринѣ, какъ самостоятельное дѣяніе, и если нѣкоторые криминалисты образовывали особую рубрику подлоговъ usu или abusu, такъ что у нихъ это дѣяніе составляло самостоятельный видъ подлога [2]), то другіе напротивъ считали возможнымъ видѣть въ немъ не falsum, а только quasi-falsum, не находя здѣсь всѣхъ существенныхъ моментовъ подлога [3]). Средняго пути держится Theodoricus: онъ видитъ въ этомъ особый видъ подлога по способу дѣйствія, хотя и не создаетъ для этого отдѣльной рубрики: committitur autem, говоритъ онъ, quattuor modis: vel quia quis fecit, vel quia fieri fecit, vel quia usus est,vel quia verum celarit [4]). Нужно еще замѣтить, что, говоря о пользованіи подложнымъ, нѣкоторые юристы проводятъ при этомъ различіе между пользованіемъ извиняемымъ и неизвиняемымъ. Такъ, Aretinus [5]) противополагаетъ составившему документъ, но не воспользовавшемуся имъ, того, кто воспользовался имъ, но затѣмъ отъ дальнѣйшаго пользованія воздерживается; а Фаринацій относительно пользованія приводитъ communis opinio: poenitentia enim et non usus excusat quando producitur scriptura falsificata ab alio; secus si a se ipso [6]), такъ какъ по общему правилу для состава преступленія подлога требовался фактъ учиненія поддѣлки, и то лицо, которое раскается и не будетъ пользоваться поддѣльнымъ, всетаки виновно въ учиненіи подлога.

§ 7. Таковъ общій составъ falsum по ученіямъ доктрины

---

[1]) Farinacius l. c. q. 150 n⁰ 53.

[2]) Напр. Harpprecht. l. c. § 28 видитъ въ пользованіи поддѣльнымъ документомъ видъ falsum per abusu.

[3]) Menochius. l. c. c. 315 n⁰ 3, напр. говоритъ: „falso utens punitur poena arbitraria“, а, по словамъ Фаринація (l. c. n⁰ 48), у Бартола эти случаи прямо считаются quasi-falsum.

[4]) Theodoricus. l. c. aph. IV.

[5]) Aretinus. l. c. n⁰ 7.

[6]) Farinacius l. c. n⁰ 53.

прошлыхъ вѣковъ, но изображеніе его будетъ не полно, если мы не остановимся еще на анализѣ тѣхъ дѣяній, которыя имѣютъ много общаго съ falsum, но которыя были отличаемы отъ него, образуя самостоятельную группу деликтовъ, именно quasi-falsum. Выше мы уже указывали на ту разницу, которая существуетъ между этими двумя понятіями; замѣтимъ только при этомъ, что самое выраженіе quasi-falsum мы находимъ не у всѣхъ юристовъ; очень часто они довольствуются указаніемъ на то, что дѣяніе въ данномъ случаѣ наказывается extra ordinem, тогда какъ другіе прямо называютъ эти случаи quasi-falsum.

Какъ уже говорилось, Бартолъ [1]) приводитъ только три примѣра quasi-falsum, имѣя въ виду римскій взглядъ на сущность этого рода дѣяній: quasi-falsum у него — falsum, предусмотрѣнное въ постановленіяхъ, послѣдовавшихъ за lex Cornelia. Онъ относитъ сюда пользованіе поддѣльными документами, приписку себѣ легата въ завѣщаніи и недачу отчета опекуномъ или попечителемъ своему пупиллу. Но Фаринацій уже выставляетъ иное опредѣленіе понятія quasi-falsum, это — тоже falsum, но безъ одного изъ существенныхъ элементовъ своихъ [2]); правда, сначала онъ отчасти еще колеблется: его смущаетъ реквизитъ искаженія истины, который былъ необходимъ для состава подлога, поэтому гдѣ этотъ реквизитъ ясно не выступалъ, Фаринацій не рѣшался открыто признавать въ данномъ случаѣ и quasi-falsum. Такъ, относительно приписки себѣ легата онъ говоритъ: verius sit, quod sibi adscribens non commitit falsum, sed quasi-falsum, однако замѣчаетъ далѣе licet quis incidat in quasi-falsum tenetur tamen poena falsi [3]), между тѣмъ какъ въ другомъ мѣстѣ, согласно съ

---

[1]) См. стр. 380 прим. 1.

[2]) Какъ училъ впослѣдствіи Крессъ: ubi antea recitata requisita (т. е. dolus, mutatio veritatis и praejudicium) concurrunt, commissum facinus ad verum, ubi autem unum vel alterum deest, scelus ad quasi falsum refertur (Kress. l. c. p. 316).

[3]) Farinacius l. c. q. 150 n⁰ 199 и 200.

Бальдомъ, онъ говоритъ, что за quasi-falsum полагается poena extraordinaria [1]).

Составъ quasi-falsum, какъ онъ конструируется доктриной, во многомъ является сходнымъ съ falsum largissime. Quasi-falsum имѣетъ мѣсто прежде всего, если на лицо нѣтъ умысла, etiam quod mutatur veritas sine dolo [2]). Другой случай quasi-falsum — если нѣтъ въ наличности искаженія истины. Въ этомъ отношеніи однако большинство писателей не было вполнѣ послѣдовательно, относя нерѣдко нѣкоторые и изъ такихъ случаевъ къ falsum, а не къ quasi-falsum, таковъ, напр. случай распечатыванія чужихъ писемъ, который у Фаринація относится къ falsum, хотя въ наличности здѣсь и нѣтъ искаженія истины [3]), или, напр. у Клара несоблюденіе нотаріусомъ требуемыхъ формальностей при совершеніи сдѣлки, или же совершеніе ея относительно недозволеннаго [4]). Наконецъ, что касается отсутствія третьяго признака, то при этомъ условіи дѣяніе тоже обыкновенно разсматривается только, какъ quasi-falsum [5]). Выше не разъ приводились случаи, гдѣ именно при отсутствіи признака praejudicium, наказаніе все-таки налагалось, но только extra ordinem. Это—общій взглядъ, котораго придерживаются: Hyppolitus de Marsiliis, Harpprecht, Menochius, Damhouder, Clarus, Farinacius, Carpzov. Однако и здѣсь все-таки можно указать на нѣкоторые случаи, когда при отсутствіи и этого признака, дѣянія тѣмъ не менѣе конструируется, какъ falsum, а не quasi-falsum. Такъ, Фаринацій указываетъ на то, что за поддѣлку каноническихъ или королевскихъ документовъ виновные должны быть наказываемы не за quasi-falsum, а за falsum, хотя здѣсь nulli fuerit factum praejucium [6]). Здѣсь требованіе наказанія за

---

[1]) Farinacius. l. c. n⁰ 46.

[2]) Farinacius. l. c. n⁰ 47.

[3]) Farinacius. l. c. n⁰ 114.

[4]) Clarus. l. c. n⁰ 28; Theodoricus. l. c. aph. IV n⁰ 10.

[5]) Здѣсь, конечно, имѣются въ виду писатели, вводившіе моментъ praejudicium въ составъ преступленія.

[6]) Farinacius. l. c. n⁰ 345.

falsum объясняется тѣмъ, что въ виду важности непосредственнаго объекта посягательства въ данномъ случаѣ считалось необходимымъ обложить наказаніемъ дѣяніе и безъ наличности вреда.

Какъ видно изъ указанныхъ случаевъ, quasi-fasum и falsum имѣли, собственно говоря, одинъ и тотъ же объемъ, но разница между ними была только въ томъ, что quasi-falsum являлось вспомогательнымъ преступленіемъ на случай, когда не хватало одного—и все равно какого—изъ существенныхъ моментовъ подлога. Это quasi-falsum, какъ и другія quasi-delicta старой доктрины, было создано юриспруденціей и вызвано стремленіемъ обложить наказаніемъ извѣстныя дѣянія, хотя они прямо и не подходили къ составу того или другого преступленія, въ законѣ предусмотрѣннаго. Ихъ поэтому юристы и считали возможнымъ облагать наказаніемъ только произвольнымъ, „внѣ порядка“ — extra ordinem, приводя въ основаніе этого главнымъ образомъ соображенія уголовной политики, напр. интересы общаго предупрежденія, какъ это видно изъ словъ Фаринація по поводу наказанія за одинъ видъ quasi-falsum—quia res mali exempli sit [1]).

§ 8. Среди всей массы тѣхъ преступленій, которыя относились доктриной къ группѣ crimen falsi, особенное вниманіе удѣляется ею подлогу документовъ.

Конечно, тѣ общія условія, которыя выставлялись въ качествѣ необходимыхъ реквизитовъ для crimen falsi, должны были быть въ наличности и при подлогѣ документовъ, но кромѣ того сюда привходили еще другіе моменты, на которые обращала свое вниманіе доктрина, именно — непосредственный предметъ посягательства и способъ дѣйствія, коимъ учиняется преступленіе.

Объектомъ преступленія является документъ (scriptura, instrumentum), подъ которымъ разумѣется всякаго рода письмо, могущее служить доказательствомъ какого-нибудь событія, имѣющаго правовое значеніе. Документъ могъ быть публичный

---

1) Farinacius. l. c. n⁰ 287.

или частный, чему, впрочемъ, особеннаго значенія не придавалось [1]), но необходимымъ условіемъ всякаго документа ставилась возможность его служить доказательствомъ; документъ долженъ былъ „fidem facere“, какъ выражается большинство юристовъ. Посягательство противъ документа понималось именно, какъ посягательство противъ доказательственной силы документа, чѣмъ причиняется извѣстный вредъ данному лицу. Поэтому если поддѣланъ былъ документъ, не могущій вовсе служить доказательствомъ (quod ubi scriptura nullam fidem facit seu plenum seu indicium) [2]), то это дѣяніе или оставалось ненаказуемымъ, или же наказывалось extra ordinem, но никоимъ образомъ не ординарнымъ наказаніемъ. Впрочемъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, напр. Аретина, и въ этомъ случаѣ можно было видѣть falsum, такъ какъ онъ наказывалъ виновнаго ex sola scriptura и обращалъ исключительное вниманіе на субъективную сторону дѣянія, на то, что виновный сдѣлалъ все, что нужно было для состава falsum. Но какова должна быть доказательственная сила документа, видно изъ словъ Фаринація, который говоритъ о документѣ, что онъ facit pro scribente aliquam fidem, probationem, saltem, semiplenam, praesumptionem vel indicium [3]), такъ что, очевидно, достаточно было, чтобъ документъ имѣлъ какое-нибудь отношеніе къ доказательству извѣстнаго событія, чтобы быть предметомъ посягательства при подлогѣ. Нѣкоторые писатели требовали еще, чтобы документъ кромѣ того служилъ доказательствомъ въ пользу писавшаго его; иначе, если на лицо не было этого условія, то дѣяніе должно было быть наказываемо extra ordinem. Такъ, Фаринацій въ видѣ общаго правила установляетъ, что поддѣлавшій документъ частный (privata scriptura), quae nihil probat pro

---

[1]) Damhouder (l. c. c. 112 n⁰ 4) замѣчаетъ: nec ullum est constituendum discrimen, an ea scripta sic adulterata publica sint an privata; иначе ставится этотъ вопросъ у французскихъ юристовъ, сообразно съ особенностями французскаго законодательства въ этомъ отношеніи.

[2]) De Marsiliis. l. c. n⁰ 15. Farinacius. l. c. n⁰ 295.

[3]) Farinacius. l. c. n⁰ 353.

scribente [1]), не наказывается за falsum; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ говоритъ далѣе, что если поддѣлано было простое письмо (epistolae, litterae), то это дѣяніе должно влечь за собой только гражданскую отвѣтственность по actio de dolo или уголовную, но не за подлогъ, а за stellionatus [2]).

Изъ этого ясно вытекаетъ требованіе, чтобы письмо (scriptura), которое служитъ объектомъ преступленія, было документомъ. Это положеніе является въ высшей степени важнымъ, показывая, что и старой доктринѣ не чуждо было представленіе объ охранѣ документовъ, какъ самостоятельнаго блага общежитія, имѣющаго громадное значеніе для удостовѣренія правовыхъ событій.

Съ вопросомъ о доказательственной силѣ документа тѣсно связанъ вопросъ о дѣйствительности и ничтожности его, причемъ, конечно, руководящей точкой зрѣнія и здѣсь было признаніе возможности или невозможности наступленія вреда отъ подлога въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Такъ, Фаринацій въ видѣ общаго правила установляетъ: regula sit quod falsificans scripturam non nocivam et nemini praejudicium afferentem non tenetur poena falsi [3]), хотя и въ этомъ случаѣ онъ признаетъ возможность наказанія виновнаго extra ordinem, если есть въ наличности въ его дѣятельности умыселъ; сообразно съ этимъ не наказывается poena falsi, напр. тотъ, кто открылъ письмо, въ которомъ ничего не было написано, или если письмо не содержало ничего такого, что могло бы повредить писавшему его; въ послѣднемъ случаѣ Фаринацій считаетъ возможнымъ наложить наказаніе extra ordinem, объясняя это особымъ соображеніемъ: cum sit res mali exempli aperire litteras alterius [4]). Въ частности, если поддѣльный документъ былъ ничтоженъ вслѣдствіе недостатка въ своей формѣ или въ существенныхъ частяхъ (deficiebat in forma et circa substantialia

---

[1]) Farinacius. l. c. n⁰ 308.

[2]) Farinacius. l. c. n⁰ 352.

[3]) Farinacius. l. c. n⁰ 291 и 337; того же мнѣнія Menochius, l. c. cas. 306 n⁰ 14.

[4]) Farinacius. l. c. n⁰ 134.

et sic erat nulla), то въ данномъ дѣяніи большинство писателей не видѣло подлога, хотя, какъ и въ другихъ случаяхъ, считало возможнымъ опредѣлить наказаніе extra ordinem [1]). Дамгудеръ же считаетъ это дѣяніе не только не falsum, но и вовсе ненаказуемымъ [2]). Напротивъ, Аретинъ, находилъ возможнымъ и въ этомъ случаѣ наказывать виновнаго, какъ за falsum, т. е. poena ordinaria. Но если недостатокъ касался не формальной части документа, а его содержанія, то въ такомъ случаѣ возможно было примѣненіе poena ordinaria [3]). Въ отношеніи подлога документовъ возбуждался еще вопросъ относительно того случая, если нотаріусъ совершитъ подлогъ въ документѣ ничтожномъ. Вопросъ этотъ рѣшался въ доктринѣ различно: одни писатели давали здѣсь положительный отвѣтъ, т. е. считали возможнымъ примѣнять здѣсь lex Corn. de falsis, говоря, quod fecit quidquid potuit, ut falsitas effectum haberet [4]), другіе, именно Menochius, проводили здѣсь различіе между тѣмъ случаемъ, были ли здѣсь соблюдены формальности, или нѣтъ, подвергая виновныхъ наказанію только въ первомъ случаѣ [5]); Harpprecht же рѣшаетъ это по общему правилу: falsitas, quae nemini nocet aut praejudicat, ordinaria poena falsi plecti non debeat [6]).

Итакъ документъ, чтобъ быть объектомъ подлога, долженъ былъ, по ученію разсматриваемыхъ писателей, служить доказательствомъ извѣстныхъ событій, имѣющихъ правовое значеніе. Такимъ образомъ истинная сущность преступленія подлога документовъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ объекту непосредственнаго посягательства, понималась въ доктринѣ прошлыхъ вѣковъ въ принципѣ правильно, но

---

[1]) См. напр. Clarus. l. c. § falsum § 35. Carpzov. l. c. q. 93 n° 11. Hyppoll. de Mars. l. c. n° 15. Farinacius. l. c. n° 306.

[2]) Damhouder. l. c. c. 122.

[3]) Farinacius. l. c. n° 300.

[4]) Bartolus ad leg. Corn. de fals. 6, n° 2; Baldus consil. 294.

[5]) Menochius. l. c. cas. 306 n° 17.

[6]) Harpprecht. l. c. n° 25; того же придерживается Angelus tract. de malef. l. c. и Clarus l. c. § falsum n° 35.

проводилась не вездѣ послѣдовательно, и хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прямо указывается на то, что характерной чертой преступленія является посягательство противъ доказательственной силы документа, однако при ближайшемъ разъясненіи нерѣдко этотъ моментъ расплывается и превращается въ неопредѣленный признакъ возможности настоящаго или будущаго ущерба [1]).

Что же касается другого важнаго момента подлога документовъ—способа дѣйствія, то въ этомъ отношеніи мы находимъ слѣдующее общее опредѣленіе у Дамгудера: in quibus omnibus tum rem scriptam dicimus falso vitiatam esse, quando ea contra veritatem est confecta aut quando aliter se scriptam vel sigillatam habet, quam veritas requirit, ita ut ob talem falsitatem aliquis detrimentum patiatur [2]).

Обращаясь ближе къ составу преступленія, мы видимъ, что, подобно римскому праву, доктрина прошлыхъ вѣковъ понимала составъ подлога документовъ очень широко, разумѣя подъ нимъ цѣлый рядъ такихъ посягательствъ противъ нихъ, которыя въ настоящее время въ большинствѣ законодательствъ выдѣляются изъ него. Фаринацій, напр. говоритъ, что falsitas совершается не только scribendo, sed etiam dictando, vel etiam faciendo scribere alicui falsam scripturam pro vera (n° 61); далѣе exemplando aliquam copiam ab originali diversam (n° 64); mutando, corrumpendo, contrafaciendo sigillum alienum (n° 65); mandando illud emmittere (n° 70); corrumpendo album praetoris (n° 76); contrafaciendo manum alicujus (n° 73); mutando diem et tempus in aliqua scriptura; faciendo in ea aliquam antidatum (n° 99); оглашеніемъ ввѣреннаго документа (n° 100); уничтоженіемъ, похищеніемъ и сокрытіемъ документа (n° 156); раскрытіемъ чужихъ именъ (n° 114); припиской себѣ легата въ завѣщаніи (n° 175) и т. д.

Таковъ обширный объемъ этого преступленія, какъ онъ выразился въ трудахъ одного изъ самыхъ выдающихся юри-

---

[1]) Ср. Merkel l. c. p. 25.

[2]) Damhouder. l. c. c. 122.

стовъ прошлыхъ вѣковъ; у другихъ юристовъ мы замѣчаемъ только нѣкоторыя варіаціи тѣхъ же основныхъ видовъ подлога документовъ, а въ общемъ у нихъ повторяется то, что мы видимъ здѣсь.

По вопросу о самомъ дѣйствіи при подлогѣ документовъ нужно еще замѣтить, что въ доктринѣ постоянно выставляется требованіе, чтобы подлогъ касался существенной части документа (substantialia) [1]), такъ какъ подлогъ въ случайныхъ элементахъ документа (accidentalia, accessoria) не считался наказуемымъ poena ordinaria; причемъ основаніемъ этого считалось, какъ и въ другихъ случаяхъ, то обстоятельство, что отъ документа подобнаго рода не можетъ возникнуть вреда. Idque ea nititur ratione, говоритъ Harpprecht, quod falsitas non punitur, si contingit in his, quae sive vera, sive falsa sint, nemini nocere queunt [2]).

Таково въ существенныхъ чертахъ ученіе средневѣковой доктрины и доктрины начала новыхъ вѣковъ по вопросу о подлогѣ. Изъ сказаннаго можно убѣдиться, что оно выставило понятіе falsum еще болѣе широкое, чѣмъ это было въ римскомъ правѣ, основныя положенія котораго оно приняло за свою базу. Но въ римскомъ правѣ можно уже было замѣтить постепенное стремленіе выдѣлить имущественные обманы изъ подлога, создавъ для нихъ особую рубрику stellionatus; старые юристы не обратили должнаго вниманія на это преступленіе и совершенно невѣрно въ большинствѣ случаевъ объясняли его значеніе въ системѣ римскаго уголовнаго права, видя въ немъ вспомогательный клапанъ при отсутствіи опредѣленнаго указанія закона о наказуемости извѣстнаго дѣянія.

---

1). Damhouder l. c. c. 122 nº 5: in formalibus et substantialibus peccant et deficiunt.—Jac. Menochius, De praesumptionibus, conjecturis, signis et indiciis commentaria 1595. говоритъ: falsum commissum fuisse censetur, quando aliquid de substantionalibus fuit deletum et cancellatum in scriptura vel instrumento, vel rasura facta est in loco substantiali. l. V praes. 20 nº 10.

2) Harpprecht l. c. § 20; Clarus l. c. nº 9 и 35; то же Menochius l. c. cas. 307 nº 2.

Stellionatus у нихъ часто разсматривался, какъ quasi-falsum, и не получалъ должной оцѣнки. Только тѣ юристы, которые держались ближе римскихъ источниковъ, считали нужнымъ говорить о stellionatus отдѣльно отъ falsum, какъ поступаетъ, напр. Маттей, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ подмѣтить черты взаимнаго отличія обоихъ преступленій [1]), но большинство писателей не слѣдуетъ вовсе его примѣру.

§ 9. Въ такомъ положеніи была доктрина до Лейзера. Значеніе же этого юриста состоитъ въ томъ, что онъ поколебалъ безусловную вѣру въ источники римскаго права, указалъ на несоотвѣтствіе господствующей доктрины съ началами римскаго права, особенно въ томъ отношеніи, что моментъ вреда не является существеннымъ условіемъ подлога по римскому праву, и, наконецъ, сблизилъ falsum и furtum, уничтоживъ вмѣстѣ съ тѣмъ всякое различіе между stellionatus и falsum.

Подобно другимъ юристамъ, Лейзеръ знаетъ понятіе falsum въ широкомъ смыслѣ, разумѣя подъ нимъ omne dictum et factum contra veritatem [2]) (слѣдовательно, оно обнимаетъ въ этомъ смыслѣ и ложь, которую онъ однако разсматриваетъ отдѣльно отъ подлога), и falsum въ узкомъ смыслѣ. По поводу послѣдняго онъ говоритъ, что въ доктринѣ въ отношеніи его выдвигаются четыре момента: а) dolus, б) veritatis immutatio, в) damnum alteri illatum, г) expressa legis Corn. vel alius notatio, но ни одинъ изъ этихъ моментовъ не считаетъ онъ существеннымъ для falsum, какъ оно выразилось въ римскомъ правѣ, такъ какъ есть случаи, гдѣ недостаетъ то одного, то другого момента.

Такъ, dolus понимается тамъ, по его словамъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ, обнимая собой и неосторожность: ut juris ignorantiam supinumque errorem et culpam magnam complectatur—выводитъ онъ изъ текста дигестъ о припискѣ себѣ легата, непримѣненіи закона со стороны судьи и др. Далѣе,

---

[1]) Matthaeus. l. c. Ad. l. 47 tit. 13 c. I. n° 4.

[2]) Leyser. Meditationes ad Pandectas t. IX 1741. p. 741 и сл.

продолжаетъ онъ, иногда falsum совершается безъ измѣненія истины—напротивъ истина прямо утверждается съ тѣмъ, чтобы сбить данное лицо съ правильнаго представленія (dum nempe verum sic profertur, ut alter per ea, quae circumstant, in errorem inducatur et prorsus contrarium sibi persuadeat), а также въ такихъ случаяхъ, какъ открытіе завѣщанія при жизни завѣщателя, разглашеніе ввѣреннаго документа и т. п. Наконецъ, говоритъ онъ, falsum можетъ совершаться и безъ наличности вреда, что видно, напр. при присвоеніи непринадлежащаго званія, поддѣлкѣ папскихъ и королевскихъ документовъ и т. д., такъ что, дѣлаетъ онъ заключеніе, falsarius, etsi nemini privatim nocuerit, nec nocere potuerit, punitur [1]).

Разсмотрѣвъ затѣмъ самый составъ преступленія, какъ онъ конструируется главнымъ образомъ въ римскихъ источникахъ, съ присоединеніемъ сюда такихъ новыхъ формъ подлога, какъ подлогъ въ авторствѣ (falsum literatum), онъ въ заключеніе указываетъ на близость подлога съ кражей, чѣмъ подчеркиваетъ свой взглядъ на имущественный характеръ подлога: furti et falsi crimina, говоритъ онъ, ita saepe sunt cognata, ut quod illorum commisum sit, aliquando dubitetur.

Отдѣльно отъ falsum Лейзеръ трактуетъ о stellionatus [2]), но онъ не видитъ по существу никакой разницы между обоими преступленіями, такъ какъ ни одна изъ характерныхъ чертъ, выставлявшихся доктриной, не является для него существеннымъ его условіемъ; при этомъ онъ объясняетъ весьма своеобразно и къ тому же совершенно невѣрно возникновеніе этого преступленія въ римскомъ правѣ [3]).

Критика Лейзеромъ господствующей доктрины съ точки зрѣнія ея несоотвѣтствія началамъ римскаго права, хотя и вызвала первоначально противъ себя цѣлый рядъ возраженій [4]),

---

[1]) Ibid. p. 832.

[2]) Ibid. tit. VIII p. 413.

[3]) См. объ этомъ стр. 65.

[4]) Такъ Boemer и Koch возражали Лейзеру особенно противъ того положенія, что не вездѣ требуется въ римскомъ правѣ искаженіе истины, указывая, что напротивъ во всѣхъ приводимыхъ Лейзеромъ примѣрахъ искаженіе истины именно и требуется.

но затѣмъ послѣдующіе юристы принимаютъ его ученіе и хотя они еще долго придерживаются смѣшенія подлога съ мошенничествомъ, но уже не выставляютъ вовсе—по крайней мѣрѣ, въ германской доктринѣ—прежнихъ реквизитовъ crimen falsi. Особенно близко къ взглядамъ Лейзера примыкаетъ Квисторпъ [1]), который даетъ этому преступленію такой же объемъ, какъ и Лейзеръ, и смотритъ на него, какъ на имущественное преступленіе, помѣщая его среди другихъ преступленій, посредствомъ которыхъ нарушаются блага частныхъ лицъ.

Но если Лейзеръ и указывалъ вполнѣ вѣрно тотъ путь, какимъ слѣдуетъ идти при анализѣ подлога, самъ по себѣ онъ сдѣлалъ немного для выясненія сущности этого преступленія, такъ какъ онъ не придавалъ вовсе самостоятельнаго значенія мошенничеству, и въ этомъ отношеніи взгляды его примыкаютъ къ воззрѣніямъ прежней доктрины.

§ 10. Доктрина среднихъ и начала новыхъ вѣковъ сыграла громадную роль въ исторіи подлога, такъ какъ оказала замѣтное вліяніе на законодательство, и стоитъ только сравнить, напр. германскіе кодексы конца прошлаго вѣка съ трактатами наиболѣе авторитетныхъ юристовъ прошлыхъ вѣковъ, какъ можно увидѣть, что подлогъ принимаетъ тамъ ту форму, какую мы видимъ и у нихъ.

Если же мы постараемся на основаніи вышесказаннаго подвести итогъ тому, къ чему пришла прежняя доктрина въ ученіи о подлогѣ, то мы замѣтимъ слѣдующее.

Старая доктрина подъ вліяніемъ началъ римскаго права, создаетъ впервые общее ученіе о подлогѣ—crimen falsi, объемъ котораго оказывается здѣсь еще шире, чѣмъ это было въ римскомъ правѣ. Объясняется это тѣмъ, что юристы мало по малу начали обращать вниманіе и на свое мѣстное національное право и стали разсматривать его начала наряду съ римскимъ. Благодаря этому, въ понятіе falsum входятъ и такія дѣянія, которыя по мѣстнымъ воззрѣніямъ считались видами

---

[1]) Quistorp. Grundsätze des deutschen peinlichen Rechts, 1812. Bd. II p. 129.

подлога, но которыя въ римскомъ правѣ обсуждались съ иной точки зрѣнія; такимъ образомъ, напр., поддѣлка товаровъ у германскихъ юристовъ вошла въ составъ crimen falsi.

Въ числѣ другихъ преступныхъ дѣяній весьма разнородныхъ, входившихъ въ составъ crimen falsi, былъ и подлогъ документовъ, на анализъ котораго доктрина обратила особое вниманіе, такъ что нѣкоторыя положенія, добытыя ею въ этомъ отношеніи, не потеряли своего значенія и теперь.

Анализируя самый составъ crimen falsi, доктрина устанавливаетъ наличность трехъ существенныхъ элементовъ его, придавая имъ то значеніе, что при отсутствіи одного изъ нихъ данное дѣяніе считается только quasi-falsum, которое является такимъ образомъ понятіемъ, дополнительнымъ къ falsum.

Три момента, которые входили въ составъ falsum, были: умыселъ, искаженіе истины и наличность или возможность причиненія вреда.

Особенное значеніе имѣетъ послѣдній моментъ. Съ установленіемъ требованія для состава преступленія одной только возможности вреда болѣе рельефно выдвигается самостоятельный характеръ даннаго дѣянія. Самый вредъ здѣсь разумѣется въ смыслѣ ущерба не только имущественнаго характера, такъ что falsum не носитъ характера исключительно имущественнаго преступленія, хотя заключаетъ въ себѣ между прочимъ и мошенничество, будучи такимъ образомъ шире его.

Въ частности относительно подлога документовъ замѣчаются иногда попытки самостоятельной конструкціи этого преступленія; таково, напр., ученіе Аретина, наказывавшаго за подлогъ ex sola scriptura и видѣвшаго здѣсь какъ бы посягательство на бытіе самаго документа; но въ общемъ подлогъ документовъ разсматривается главнымъ образомъ, какъ дѣяніе, опасное для извѣстныхъ правовыхъ благъ.

Въ отношеніи подлога документовъ выставляются весьма существенныя начала относительно самаго понятія документа; такъ, напр. вносится важное ограниченіе объема понятія его установленіемъ требованія доказательственной силы доку-

мента, который служитъ въ данномъ случаѣ непосредственнымъ предметомъ посягательства, вслѣдствіе чего, напр. поддѣлка частныхъ писемъ, какъ неимѣющихъ такой силы, выдѣляется изъ подлога.

На дальнѣйшее развитіе ученія о подлогѣ оказалъ вліяніе Лейзеръ, поколебавшій безусловную необходимость трехъ указанныхъ элементовъ для состава falsum, сблизившій въ особенности подлогъ съ мошенничествомъ въ силу смѣшенія римскаго понятія стелліоната съ подлогомъ и указавшій доктринѣ новый путь анализа подлога, отрѣшаясь отъ рабскаго тяготѣнія къ источникамъ римскаго права.

ГЛАВА II.

Новая доктрина о подлогѣ.

§ 1. Общая характеристика новой доктрины. — § 2. Теорія Клейншрода, какъ попытка обосновать сущность наказуемаго обмана.—§ 3. Первыя попытки разграниченія подлога и мошенничества по внѣшнимъ признакамъ дѣянія. — § 4. Формальныя теоріи Фейербаха и Грольмана. — § 5. Попытки согласованія старыхъ воззрѣній съ новыми и теоріи, строившія подлогъ, какъ покушеніе на мошенничество.—§ 6. Теорія Кукумуса.—§ 7. Ученіе ближайшихъ послѣдователей его.— § 8. Критика теорій права на истину. — § 9. Подлогъ, какъ посягательство на распознавательную способность человѣка.— § 10. Теорія Россгирта. — § 11. Теоріи, соединяющія прежнія воззрѣнія съ новыми.—§ 12. Взглядъ на подлогъ Марецолля, Миттермайера и Эшера.—§ 13. Подлогъ, какъ посягательство противъ права на безопасность.—§ 14. Теорія Ортлоффа. — § 15. Новѣйшія теоріи общественнаго довѣрія въ нѣмецкой доктринѣ—§ 16. Теорія, признающая двойственность объекта при подлогѣ. — § 17. Критика этой теоріи. — § 18. Представители теоріи общественнаго довѣрія внѣ Германіи.— § 19. Теорія Гризецкаго.—§ 20. — Общія возраженія противъ теоріи общественнаго довѣрія. — § 21. Теоріи, отрицающія самостоятельную природу подлога. — § 22. Неприкосновенность удостовѣрительныхъ знаковъ, какъ самостоятельный объектъ посягательства при подлогѣ.

§ 1. Доктрина прошлыхъ вѣковъ оставила въ наслѣдство новой доктринѣ выработанное ею широкое и безграничное

понятіе подлога — crimen falsi. Какъ мы видѣли выше, эта доктрина формулировала окончательно сущность подлога такимъ образомъ, что общее понятіе—falsum—охватывало собой и подлогъ, и мошенничество, и другія преступныя дѣянія, въ составъ которыхъ входилъ моментъ лжи; dolosa veritatis immutatio cum alterius praejudicio facta—было общимъ понятіемъ, обнимавшимъ собой цѣлый рядъ разнородныхъ преступныхъ дѣяній. Ближайшій предметъ этого преступленія не опредѣлялся, да и опредѣлить его нельзя было при той конструкціи этого преступленія, которая ему давалась. Всѣ блага и интересы могли быть объектомъ посягательства при crimen falsi.

Новой доктринѣ предстояло разобраться въ понятіи falsum, анализировать его, расчленить его на виды и выяснить истинную природу каждаго изъ нихъ. Прежнее увлеченіе римскимъ правомъ, какъ единственнымъ и исключительнымъ источникомъ положительнаго права, исчезло — римское право было низведено на степень простого матеріала изслѣдованія, имѣвшаго значеніе не больше, чѣмъ и всякое другое позитивное законодательство. Съ тѣхъ поръ, какъ доктрина отрѣшилась отъ своего благоговѣнія передъ римскимъ правомъ, съ тѣхъ поръ, какъ она стала придавать ему только историческое значеніе и съ тѣхъ поръ, какъ она направилась на изученіе положительнаго законодательства, не только своего національнаго, но и иностраннаго, прибѣгая при этомъ къ сравнительному методу, можно было достигнуть результатовъ вполнѣ благопріятныхъ при построеніи понятія подлога. Правда, это совершилось постепенно, и на первыхъ порахъ доктрина, все еще преклоняющаяся передъ авторитетомъ римскаго права и въ особенности передъ юристами начала новыхъ вѣковъ, идетъ по слѣдамъ послѣднихъ; только съ теченіемъ времени, когда явилась потребность въ систематизаціи началъ уголовнаго права, когда появились первые учебники уголовнаго права и когда стало необходимымъ указать мѣсто подлогу въ числѣ другихъ преступленій, пришлось обратиться къ болѣе внимательному изученію сущности подлога, къ установленію объекта его и его ближайшаго отношенія къ другимъ родственнымъ

преступнымъ дѣяніямъ, однимъ изъ элементовъ состава которыхъ служитъ тоже моментъ искаженія истины.

Вниманіе доктрины было обращено прежде всего на суженіе объема понятія подлога: надлежало выбросить изъ его предѣловъ цѣлый рядъ преступныхъ дѣяній, неправильно отнесенныхъ къ этой группѣ старыми итальянскими, голландскими и германскими юристами, и затѣмъ приступить къ анализу самаго преступленія подлога; благодаря этому, постепенно широкое понятіе подлога исчезаетъ, и главное вниманіе доктрины обращается на анализъ подлога документовъ.

Вѣрную характеристику научнаго движенія новаго времени въ этомъ отношеніи дѣлаетъ Ортлоффъ [1]), замѣчая, что „все ученіе о подлогѣ даетъ интересное доказательство борьбы между консерватизмомъ исторической школы или приверженцевъ традицій позитивнаго права и либерализмомъ или стремленіемъ къ реформамъ существующаго, слѣдующимъ только критикѣ разсудка и познанію телеологической идеи, покоящейся въ органическомъ строеніи отношеній“. Дѣйствительно, все ученіе о подлогѣ послѣдняго времени представляетъ картину постепеннаго освобожденія отъ традицій предшествующей эпохи, постояннаго стремленія къ познанію самой сущности вещей, къ освобожденію разума отъ оковъ схоластики и къ установленію самостоятельныхъ построеній. Много разъ приходилось доктринѣ отклоняться отъ настоящаго пути въ ея движеніи впередъ, но въ концѣ концовъ она пришла къ извѣстнымъ благопріятнымъ результатамъ, указала на истинную сущность подлога документовъ и выдѣлила его отъ другихъ преступленій. И если и теперь еще существуютъ контроверзы относительно ближайшаго объекта посягательства при подлогѣ, то уже смѣшенія этого преступленія съ родственными ему понятіями почти не замѣчается больше.

§ 2. Какъ сказано выше, первоначально новая доктрина [2])

[1]) Ortloff. Lüge. Fälschung und Betrug. 1862. Vorrede. p. V.

[2]) Мы имѣемъ здѣсь въ виду главнымъ образомъ германскую доктрину, такъ какъ французскіе криминалисты почти безъ исклю-

идетъ по стопамъ старой, что и вполнѣ естественно, такъ какъ исторія не знаетъ скачковъ; но уже и въ ней замѣчаются извѣстные моменты, отличающіе ее отъ прежней: это—постепенное отрѣшеніе отъ началъ римскаго права и стремленіе анализировать болѣе глубоко самую сущность подлога.

Однимъ изъ первыхъ писателей, пошедшихъ по этому направленію, является Клейншродъ [1]). Хотя онъ въ своемъ построеніи подлога (Verfälschung) остается въ общемъ на точкѣ зрѣнія прежней доктрины, но уже вноситъ въ свое ученіе нѣкоторые новые важные элементы. Онъ не довольствуется прежнимъ опредѣленіемъ подлога, такъ какъ съ одной стороны оно пригодно, по его словамъ, и для всякаго обмана въ гражданскихъ дѣлахъ, съ другой—пришлось бы, принявъ его, считать подлогомъ и обиды, которыя содержатъ ложный упрекъ, такъ какъ здѣсь тоже измѣняется истина ко вреду другихъ лицъ. Далѣе, онъ признаетъ, что подлогъ можетъ вредить не одному только имуществу, но и другимъ правамъ человѣка, но такъ какъ подлогъ главнымъ образомъ, по его мнѣнію, вредитъ имуществу и переходитъ тотчасъ въ другое преступленіе, лишь только посягаетъ на такія права, то онъ и причисляетъ его къ посягательствамъ на имущество. Но не всякій обманъ (или подлогъ—эти термины у него замѣняютъ одинъ другой) является наказуемымъ; въ этомъ отношеніи Клейншродъ устанавляетъ важное ограниченіе, котораго не знала прежняя доктрина: для наказуемости подлога онъ требуетъ такое искаженіе или сокрытіе истины во вредъ имуществу третьяго лица, которое было бы соединено съ опасностью необезпеченности имущества всѣхъ; если поэтому потерпитъ вредъ только тотъ или другой частный человѣкъ, то это будетъ лишь его частное дѣло (Privatsache), не имѣющее отношенія къ цѣлому.

ченій до самаго послѣдняго времени повторяютъ то опредѣленіе подлога, какое дается Фаринаціемъ, и затѣмъ приступаютъ къ комментированію отдѣльныхъ статей Code pénal.

[1]) Kleinschrod. Über den Begriff und die Erfordernisse des Verbrechens der Verfälschung (Archiv des Criminalrechts. B. II 1799 p. 135).

Хотя вслѣдствіе полной неопредѣленности основаній разграниченія опасности для имущества всѣхъ и отдѣльныхъ лицъ, этотъ критерій для опредѣленія момента наказуемости обмана и непригоденъ, но та мысль, которая лежитъ въ основаніи выставленнаго Клейншродомъ признака, можетъ быть вполнѣ уловлена. Та общеопасность, о которой онъ говоритъ, не простая опасность, а нѣчто большее; опасность необезпеченности имущества всѣхъ, это—та именно опасность, которая затѣмъ у другихъ криминалистовъ вылилась въ понятіе опасности общественному довѣрію. Здѣсь имѣется въ виду посягательство на извѣстные правовые институты, съ цѣлостью и неприкосновенностью которыхъ связано во многихъ случаяхъ бытіе самого правопорядка. Если обратиться къ разсмотрѣнію тѣхъ случаевъ, которые Клейншродъ относитъ къ подлогу (Verfälschung), то можно увидѣть, что съ одной стороны объемъ понятія подлога у него значительно уже, чѣмъ мы находимъ въ римскомъ правѣ и старой доктринѣ, съ другой—почти вездѣ можно подмѣтить одну общую черту приводимыхъ имъ видовъ подлога, идущую дальше выставленнаго имъ признака опасности необезпеченности только имущества всѣхъ: это—посягательство противъ извѣстныхъ правовыхъ установленій. Къ подлогу онъ относитъ: 1) подлогъ документовъ публичныхъ и частныхъ [1]) и перестановку границъ; 2) подложное измѣненіе своего званія во вредъ другому; 3) подлоги, имѣющіе вредное значеніе для хода правосудія; 4) поддѣлку

[1]) По поводу подлога частныхъ документовъ между прочимъ онъ замѣчаетъ (p. 142): „такъ какъ въ человѣческой жизни необыкновенно много зависитъ отъ документовъ и такъ какъ они вслѣдствіе своей продолжающейся доказательной силы въ торговомъ оборотѣ и во всѣхъ дѣлахъ имѣютъ общее и широкое вліяніе, то государство обязано заботиться, чтобы истинность и достовѣрность документовъ вообще оставалась ненарушаемой. Если поэтому поддѣльный документъ и проявитъ свое ближайшее дѣйствіе между двумя лицами, то это всетаки имѣетъ отношеніе ко всему (aufs Ganze), посягаетъ на неприкосновенность документовъ вообще и производитъ необезпеченность общаго оборота (Geschäft), на которомъ такъ много покоится человѣческая жизнь“.

мѣръ, вѣсовъ и товаровъ; 5) поддѣлку печатей; 6) поддѣлку религіозныхъ дѣйствій (лжеприсяга и др.); 7) всѣ тѣ подлоги, которые не только вредятъ отдѣльному лицу, но и вообще ставятъ „публику“ въ опасность потерпѣть вредъ (сюда онъ относитъ мнимыхъ дѣлателей золота, прорицателей и т. п.). Но зато онъ отсюда прямо выдѣляетъ вѣроломство (Treulosigkeit), распечатаніе писемъ, вымогательство и банкротство [1]).

Заслуга Клейншрода состояла именно въ томъ, что онъ старался освободить falsum отъ постороннихъ ему примѣсей и дать обоснованіе наказуемаго обмана. Но онъ шелъ еще по слѣдамъ своихъ предшественниковъ и не находилъ нужнымъ проводить дальнѣйшее различіе между тѣми случаями, которые онъ объединялъ подъ именемъ falsum, и подлогъ документовъ у него всетаки смѣшивается не только съ мошенничествомъ, но и съ нѣкоторыми другими преступленіями, напр., съ лжеприсягой. И въ общей конструкціи состава преступленія онъ идетъ тоже по слѣдамъ предшественниковъ; онъ признаетъ возможность неосторожнаго подлога, а для состава преступленія съ внѣшней стороны требуетъ наступленія вреда. Нельзя при этомъ не замѣтить въ его разсужденіяхъ непослѣдовательности, обусловленной главнымъ образомъ вліяніемъ традицій доктрины; выставивъ общее положеніе о томъ, что подлогъ вообще имѣетъ въ виду посягательство на имущество, Клейншродъ не можетъ его вполнѣ провести и при подлогѣ документовъ говоритъ о болѣе широкомъ основаніи защиты документовъ, какъ таковыхъ, въ интересахъ всего правопорядка, о защитѣ же при этомъ имущественныхъ правъ онъ ничего не упоминаетъ.

§ 3. Если Клейншродъ, несмотря на свое стремленіе дать обоснованіе сущности наказуемаго обмана и сузить такимъ образомъ предѣлы подлога, смѣшиваетъ еще понятія мошенничества и подлога, не считая даже нужнымъ отдѣлять ихъ другъ отъ

---

[1]) Нельзя не замѣтить, что Клейншродъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ постановку вопроса о подлогѣ по Прусскому Ландрехту 1794 г.

друга, то зато другіе его современники начинаютъ мало по малу сознавать необходимость проводить различіе между этими преступными дѣяніями; но различіе это первоначально усматривается не въ самой сущности этихъ преступленій, а ставится въ зависимость отъ внѣшней формы совершенія ихъ, и то мошенничество (Betrug) дѣлается родовымъ понятіемъ, а подлогъ (Fälschung) — видовымъ, то наоборотъ. И въ этомъ немалую услугу оказалъ съ одной стороны анализъ позитивнаго законодательства, съ другой—философская разработка вопроса о самой природѣ подлога.

Впервые въ новой доктринѣ высказываетъ мысль о необходимости проводить различіе между подлогомъ и мошенничествомъ—между Fälschung и Betrug—и въ дѣйствительности проводитъ его Клейнъ [1]).

Онъ одинъ изъ первыхъ криминалистовъ создаетъ рубрику формальныхъ преступленій, сущность которыхъ опредѣляется формой дѣйствія и въ которыхъ цѣль дѣятельности принимается во вниманіе только для опредѣленія подвидовъ ихъ или степени наказанія; сюда онъ помѣщаетъ насилія и обманы (Fälschungen); однако разсмотрѣніе послѣднихъ онъ относитъ къ посягательствамъ на имущество, находя, что обыкновенно эти преступленія совершаются изъ корысти. Родовымъ понятіемъ и для мошенничества, и для подлога является у него подлогъ въ широкомъ смыслѣ, т. е. всякій наказуемый обманъ, который опредѣляется, „какъ умышленное возбужденіе ошибки у другого для подкрѣпленія притязанія на непринадлежащее правомочіе или для достиженія волеизъявленія, убыточнаго для ошибающагося или для другихъ лицъ“. У Клейна такимъ образомъ въ опредѣленіе понятія подлога вносится новый моментъ по сравненію съ предшествующей доктриной. Обманъ долженъ быть направленъ на достиженіе извѣстныхъ правовыхъ послѣдствій. Въ этомъ отношеніи Клейнъ отступаетъ отъ постояннаго требованія старой доктрины, выстав-

---

[1]) Klein. Grundsätze des gemeinen deutschen und preussischen peinlichen Rechts. 1796 p. 343.

лявшей необходимымъ моментомъ подлога — причиненіе или возможность причиненія вреда. Клейнъ впервые высказываетъ ту мысль, что наказуемый обманъ долженъ быть неправомѣрнымъ. Впослѣдствіи мысль эта была у него заимствована Фейербахомъ, который ее болѣе точно и опредѣленно формулировалъ, и затѣмъ этотъ моментъ противоправности обмана дѣлается почти общепризнаннымъ, прежнее же понятіе вредоносности его отпадаетъ.

Что же касается опредѣленія подлога въ узкомъ смыслѣ, то оно дается Клейномъ согласно § 1378 Прусскаго Ландрехта 1794 г., и этому опредѣленію пришлось сыграть немалую роль къ доктринѣ о подлогѣ начала нынѣшняго столѣтія, такъ какъ цѣлый рядъ писателей повторялъ существенныя черты этого опредѣленія съ нѣкоторыми болѣе или менѣе существенными измѣненіями. По его словамъ, подлогъ—это обманъ (Bertrügerey), посредствомъ котораго сообщаются лицамъ или вещамъ признаки, имъ не соотвѣтствующіе (die ihnen nicht zukommen), съ умысломъ повредить другимъ или пріобрѣсти себѣ непринадлежащія преимущества и выгоды (ungebührliche Vorzüge oder Vortheile); всѣ же остальные обманы образуютъ мошенничество (stellionatus). Такимъ образомъ здѣсь противопоставляются другъ другу подлогъ въ узкомъ смыслѣ и мошенничество, но Клейнъ при этомъ исходитъ не изъ юридическаго пониманія различія между этими понятіями, а изъ житейскаго, по которому поддѣлка подразумѣваетъ всегда матеріальный субстратъ въ противоположность ложнымъ увѣреніямъ, заявленіямъ и т. п. Чисто внѣшній признакъ, т. е. наличность матеріальнаго субстрата, возведенъ былъ Клейномъ въ основаніе дѣленія, вслѣдствіе чего онъ не могъ проводить яснаго различія между мошенничествомъ и подлогомъ; но тѣмъ не менѣе этимъ не умаляется заслуга его, состоящая въ томъ, что онъ съ одной стороны указалъ на необходимость проводить принципіальное различіе между подлогомъ и мошенничествомъ, съ другой — въ отрицательномъ смыслѣ обозначилъ область подлога: гдѣ нѣтъ матеріальнаго субстрата при обманѣ, тамъ нечего искать подлога.

Какъ бы то ни было, Клейнъ указалъ доктринѣ путь, какимъ слѣдуетъ двигаться для достиженія цѣли разграниченія понятій данныхъ преступленій, и если онъ обратилъ главное свое вниманіе на тотъ матеріалъ, который давало ему національное положительное право, то его современникъ Клинъ [1]) пошелъ къ той же цѣли иначе. Онъ попытался раціональнымъ путемъ построить понятіе подлога изъ самой природы и сущности его. Подлогъ (Fälschung, Verfälschung) является у него видомъ лжи (Lug und Trug), противополагаемой обману (Betrug); разница же между этими понятіями, по его ученію, состоитъ въ томъ, что для лжи вовсе не требуется, чтобы кто-нибудь былъ обманутъ, для обмана же должна быть наличность подобнаго момента: здѣсь ложь является средствомъ совершенія другого преступленія. Существеннымъ моментомъ подлога служитъ наличность предмета, который поддѣланъ или передѣланъ (ge-oder verfälscht), соотвѣтственно чему по формѣ своего выраженія подлогъ можетъ быть или передѣлкой (Verfälschung) существующаго предмета—здѣсь посредствомъ поддѣльнаго предмета продолжительно представляется прежній настоящій объектъ (vermittelst desselben das vormalige ächte Object fortdauernd repräsentirt), или же приготовленіемъ поддѣльнаго предмета (Fälschung)—въ этомъ случаѣ поддѣлыватель или не имѣетъ вообще права производить подобный предметъ, или же онъ имѣетъ это право, но на свои произведенія накладываетъ чужіе знаки, вслѣдствіе чего его произведеніе имѣетъ видъ чужого. Такимъ образомъ у Клина понятія подлога уже ближе опредѣляется, чѣмъ у Клейна, въ него вносится новый моментъ —значеніе публично установленной формы, который могъ бы оказать большую пользу въ дѣлѣ выясненія сущности подлога, но Клинъ впадаетъ въ казуистику и не въ состояніи дать общаго признака подлога, хотя и близко подходитъ къ сущности его. Такъ, по его словамъ,

---

[1]) Klien. Beiträge zur richtigeren Bestimmung und naturgemässeren Entwickelung der Theorie über das Verbrechen des Betrugs und der Fälschung in seinen verschiedenen Arten. N. Archiv des Crimin. Rechts. Bd. I. 1816.

если кто-нибудь сдѣлаетъ металлическую ложку, по виду совершенно похожую на серебряную, и станетъ ее выдавать за таковую, то здѣсь нѣтъ подлога, потому что въ государствѣ нѣтъ полицейскаго закона, который для серебряной посуды обезпечивалъ бы особую привилегированную форму; не будетъ подлога и тогда, когда съ самаго начала поддѣлыватель имѣлъ умыселъ продать эту ложку, какъ серебряную, или если она дѣйствительно обращалась подъ этимъ именемъ; иначе будетъ, если поддѣланъ знакъ, который накладывается на серебряныя издѣлія; здѣсь уже имѣется подлогъ. Въ этомъ случаѣ Клинъ чувствуетъ, если можно такъ выразиться, въ чемъ заключается сущность подлога, но не въ состояніи возвыситься до обобщенія отдѣльныхъ случаевъ въ одно понятіе. Однако, если съ этой стороны Клинъ подошелъ близко къ истинной сущности подлога, то съ другой—онъ остался на прежнемъ пути, разъ признавалъ существеннымъ моментомъ подлога поддѣлку любого предмета и видѣлъ, напр. въ поддѣлкѣ вина также подлогъ. Находя далѣе отличіе подлога отъ мошенничества въ томъ, что для состава перваго не требуется, чтобы лицо было обмануто (такъ какъ подлогъ у него есть только видъ лжи), или чтобы поддѣлка была совершена болѣе или менѣе искусно, такъ, чтобы въ большей или меньшей степени вводила въ заблужденіе и знатоковъ, онъ придаетъ исключительное значеніе объективной сторонѣ дѣянія: наличность умысла у него не требуется, такъ какъ, говоритъ онъ, поддѣльное предполагаетъ поддѣлку, а послѣдняя причину или поддѣлывателя, умыселъ же можетъ быть здѣсь, какой угодно. Поэтому неосторожный подлогъ и подлогъ, совершенный въ шутку, всетаки являются въ его глазахъ наказуемыми подлогами.

Итакъ, хотя Клинъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и пошелъ по слѣдамъ Клейна, выставивъ существеннымъ условіемъ подлога поддѣлку любого предмета и исключивъ только возможность относить сюда случаи сообщенія лицу несоотвѣтствующихъ ему признаковъ, но, прибѣгнувъ къ помощи философскихъ пріемовъ, онъ указалъ на необходимость изслѣдовать сущность подлога самого по себѣ, независимо отъ

конструкціи его въ положительномъ законодательствѣ, которое стояло еще на почвѣ смѣшенія понятія подлога съ мошенничествомъ и другими преступленіями.

Дальнѣйшее движеніе доктрины обусловливается тѣмъ толчкомъ, который былъ данъ теоріями Клейна и Клина, причемъ первоначально выступаютъ на сцену теоріи формальныя, которыя не находятъ возможности подыскать самостоятельный объектъ посягательства при подлогѣ и объединяютъ отдѣльные случаи подлога единствомъ формы, а затѣмъ появляются теоріи матеріальныя, имѣющія въ виду опредѣленный объектъ посягательства: изъ нихъ однѣ теоріи — собственно тѣ же теоріи формальныя, замаскированныя только подъ именемъ теорій права на истину, другія же въ дѣйствительности останавливаются на опредѣленномъ предметѣ посягательства. Вмѣстѣ съ тѣмъ подъ вліяніемъ критическаго изученія источниковъ римскаго права и ознакомленія съ иностраннымъ правомъ, доктрина вырабатываетъ черты взаимнаго отличія подлога и мошенничества; въ конечномъ своемъ результатѣ она приходитъ къ заключенію о полномъ различіи сущности этихъ преступленій и останавливается на выясненіи вопроса о томъ, что является объектомъ посягательства при подлогѣ документовъ.

§ 4. Виднѣйшій представитель формальныхъ теорій, Фейербахъ [1]) въ существенныхъ чертахъ своего ученія повторяетъ то, что мы только что видѣли у Клейна. Подобно ему, онъ знаетъ группу формальныхъ преступленій, именуемыхъ имъ vage gemeinen Verbrechen, въ противоположность опредѣленнымъ — determinirte; первыя въ свою очередь дѣлятся на матеріальныя (materielle), у которыхъ есть опредѣленный объектъ, но самое нарушеніе неопредѣленно: оно то можетъ быть дѣйствительнымъ правонарушеніемъ, то имъ не быть (сюда относятся вытравленіе плода, подкидываніе дѣтей и др.), и формальныя (formelle)—это тѣ, которыя для состава своего

---

[1]) Feuerbach. Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen peinlichen Rechts. 1847.

не требуютъ ни опредѣленнаго предмета, ни опредѣленнаго противоправнаго послѣдствія, ни опредѣленной цѣли лица и становятся нарушеніемъ только вслѣдствіе самой формы дѣятельности; они въ свою очередь дѣлятся на насилія и обманы (Verbrechen durch Täuschung eines Anderen) [1]. Какъ и Клейнъ, Фейербахъ различаетъ широкое понятіе обмана или подлога и узкое. Подлогъ въ широкомъ смыслѣ у него состоитъ въ умышленномъ противоправномъ обморочиваніи другихъ посредствомъ сообщенія истины и утаиванія истинныхъ данныхъ [2]. Отъ обмана или подлога въ широкомъ смыслѣ Фейербахъ отличаетъ подлогъ и обманъ въ узкомъ смыслѣ, причемъ первый онъ понимаетъ въ смыслѣ обмана посредствомъ измѣненія какой-нибудь вещи во вредъ благамъ другого, а обманъ въ узкомъ смыслѣ (т.-е. мошенничество)—это обманъ посредствомъ всякаго иного рода дѣйствій, чѣмъ при подлогѣ. Такимъ образомъ у Фейербаха критеріемъ для этого дѣленія является, какъ и у Клейна, наличность матеріальнаго субстрата, но кромѣ того самому способу дѣйствія придается здѣсь еще особенное значеніе, вслѣдствіе чего многіе случаи подлога у него отошли къ мошенничеству, такъ что все его дѣленіе при ближайшемъ разсмотрѣніи не выдерживаетъ критики и непригодно вовсе для разграниченія мошенничества и подлога. Именно, у него подлогъ характеризуется только моментомъ измѣненія вещи (Veränderung), а не составленія подложнаго; благодаря этому, къ подлогу онъ относитъ поддѣлку (Verfälschung) товаровъ, мѣръ и

---

[1]) Въ отличіе отъ Клейна Фейербахъ обманы разсматриваетъ среди формальныхъ преступленій и не относитъ ихъ при изложеніи къ имущественнымъ преступленіямъ.

[2]) Выставивъ такимъ образомъ это положеніе, повидимому, совершенно отрѣшенное отъ римскаго права, Фейербахъ тѣмъ не менѣе считаетъ нужнымъ, какъ бы для оправданія себя, сослаться на римское право, по старой привычкѣ криминалистовъ прошлыхъ вѣковъ; про свое опредѣленіе онъ говоритъ, что оно въ существенномъ есть опредѣленіе Павла въ его Sent. Rec. V, 25, 3—falsum est etc. Но очевидно, что между обоими этими опредѣленіями коренная внутренняя разница.

имѣющихъ правовое значеніе (rechtsgültige) документовъ, а къ мошенничеству — измѣненіе истинныхъ признаковъ лица (по Клейну, это тоже подлогъ), употребленіе или приготовленіе вещи, которая имѣетъ видъ другой, ложное предсказаніе и обманныя дѣйствія (täuschende Handlungen); такимъ образомъ у него приготовленіе поддѣльной вещи будетъ мошенничествомъ, а фальсификація настоящей подлогомъ. Такое совершенно неправильное разграниченіе этихъ понятій привело его и къ цѣлому ряду совершенно неправильныхъ выводовъ изъ него. Такъ, онъ относитъ къ подлогу измѣненіе подлиннаго духовнаго завѣщанія и составленіе подложныхъ эдиктовъ, тогда какъ составленіе подложнаго завѣщанія, употребленіе его, поддѣлка печатей и поддѣлка другихъ документовъ посредствомъ поддѣлки подписи отнесены имъ почему-то къ мошенничеству. Понятно поэтому, что при такихъ условіяхъ разграниченія понятія подлога и мошенничества у Фейербаха нѣтъ, и правъ былъ Кукумусъ, говоря, что это дѣленіе вѣрно скорѣе въ грамматическомъ смыслѣ, чѣмъ въ юридическомъ, и противорѣчитъ позитивному праву Исходя вообще изъ того положенія, что всякое преступленіе должно быть нарушеніемъ субъективнаго права другого лица, Фейербахъ и относительно обмана старается найти тотъ же моментъ. Обманъ у него является прежде всего посягательствомъ на дѣйствительные правовые объекты (блага)—wirkliche Rechtsobjecte (Güter); но, сознавая, что возможны случаи, когда не будетъ при обманѣ посягательства этого рода, онъ прибавляетъ, что обманъ можетъ, по крайней мѣрѣ, противорѣчить полному праву другого на несовершеніе обманныхъ дѣйствій (wenigstens das vollkommene Recht eines Anderen auf Unterlassung der täuschenden Handlung)—опредѣленія этого послѣдняго понятія онъ не даетъ, но оно очень близко подходитъ къ выставлявшемуся впослѣдствіи понятію права на истину [2]).

---

[1]) Это, должно быть, и даетъ поводъ Ортлоффу замѣтить (l. c. p. 129), что Фейербахъ исходилъ въ своей конструкціи подлога изъ права на истину, но это совершенно невѣрно.

Сообразно съ характеромъ подлога, оконченнымъ онъ становится, по ученію Фейербаха, съ момента учиненія противоправнаго дѣянія, предпринятаго въ обманномъ намѣреніи; однако при проведеніи этого положенія въ деталяхъ Фейербахъ отъ него отступилъ: такъ, хотя для подлога документовъ такимъ моментомъ является у него обманное измѣненіе или приготовленіе фальшиваго документа, а для обмана въ договорахъ—заключеніе договора, но при поддѣлкѣ вещей и мѣръ и вѣсовъ—лишь моментъ передачи вещи или употребленія поддѣльныхъ мѣръ и вѣсовъ, а не самая поддѣлка [1]).

Почти тоже, что Фейербахъ, говоритъ Грольманъ [2]). У него мы тоже находимъ самостоятельную рубрику неопредѣленныхъ преступленій противъ отдѣльныхъ лицъ—unbestimmte (indeterminirte) Verbrechen gegen Einzelne, куда относятся и подлогъ и обманъ [3]); эти преступленія характеризуются тѣмъ, что они нарушаютъ то одно право, то другое. Въ общемъ же опредѣленіе, которое онъ дѣлаетъ подлогу, совпадаетъ съ тѣмъ, которое выставлено въ примѣчаніяхъ къ баварскому уложенію 1813 г. Въ широкомъ смыслѣ подлогъ или обманъ—это всякое обморочиваніе другихъ, производящее правонарушеніе (jede eine Rechtsverletzung bewirkende Täuschung Anderer); въ узкомъ — всякое обморочиваніе посредствомъ измѣненія истиннаго или законно-необходимаго признака вещи; обманъ же всякаго другого рода охватывается именемъ Betrug въ узкомъ смыслѣ, или stellionatus. Подобно Фейербаху, Грольманъ видитъ непосредственное посягательство при подлогѣ и

---

[1]) Нѣсколько отступаютъ отъ этого тѣ взгляды Фейербаха, которые онъ высказываетъ въ оффиціальныхъ примѣчаніяхъ къ баварск. Улож. 1813 г. (см. стр. 126).

[2]) Grolman. Grundsätze der Criminalrechtswissenschaft. 1805 p. 411.

[3]) Надо замѣтить, что нѣкоторые виды подлога онъ разсматриваетъ въ числѣ gemeingefährliche Verbrechen, которыя, по его опредѣленію, имѣютъ своимъ предметомъ не отдѣльныхъ лицъ, а всю публику (das ganze Publicum); сюда онъ относитъ монетныя нарушенія, поддѣлку вина и банкротство, подъ именемъ gemeingefährliche Fälschungen (p. 430).

мошенничествѣ или въ отнятіи дѣйствительныхъ благъ всякаго рода, или же въ нарушеніи только принудительныхъ правъ (Zwangsrechte), безъ отнятія обладаемыхъ благъ (напр., присвоеніе сословныхъ прерогативъ). Но въ опредѣленіи момента окончанія преступленія онъ отступаетъ отъ Фейербаха. По его мнѣнію, преступленіе считается совершившимся, когда въ дѣйствительности воспослѣдовало нарушеніе правъ. Наконецъ, онъ считаетъ возможнымъ совершенія подлога и неосторожностью, такъ какъ не находитъ основанія дѣлать въ этомъ отношеніи исключеніе изъ общаго правила о наказуемости неосторожной дѣятельности.

Какъ видно изъ разсмотрѣнныхъ теорій, установленіемъ матеріальнаго субстрата преступленія въ качествѣ существенной особенности подлога въ противоположность мошенничеству, проведенія различія между обоими этими преступленіями не было достигнуто, такъ какъ здѣсь брался въ основаніе разграниченія чисто внѣшній признакъ, а на существенное различіе тѣхъ предметовъ, которые служатъ такими матеріальными субстратами, по ихъ назначенію и по другимъ свойствамъ вниманія не обращалось; благодаря этому, подделка товаровъ и подлогъ документовъ считались дѣяніями одного порядка. Вообще же во всѣхъ почти теоріяхъ первой половины текущаго столѣтія подлогу документовъ, какъ особому преступленію, значенія не придается, и если рѣчь идетъ въ нихъ о подлогѣ, то о подлогѣ вообще, однимъ изъ видовъ котораго являлся подлогъ документовъ.

Подобно Фейербаху и Грольману, знаютъ рубрики неопредѣленныхъ или формальныхъ преступленій Мартинъ и Аббегъ, которые въ подлогѣ видятъ также одно изъ преступленій этого рода, но, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ они разсматриваютъ подлогъ, какъ посягательство на право на истину, то рѣчь о ихъ воззрѣніяхъ на подлогъ будетъ ниже.

§ 5. Прежде чѣмъ перейти однако къ теоріямъ права на истину, необходимо сказать нѣсколько словъ о другихъ ученіяхъ; это съ одной стороны тѣ, которыя являются плодомъ попытки согласованія взглядовъ старой доктрины съ

новой: эти теоріи держатся прежняго широкаго понятія обмана, но считаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ нужнымъ проводить различіе между подлогомъ и мошенничествомъ, какъ оно формулировано у представителей новой доктрины, т.-е. главный критерій различія усматривая въ матеріальномъ субстратѣ; съ другой стороны это—тѣ теоріи, которыя образовались подъ вліяніемъ теорій формальныхъ, но которыя не создаютъ особой группы преступленій, характеризуемыхъ отсутствіемъ опредѣленнаго объекта посягательства; повторяя въ сущности взгляды Фейербаха и Грольмана, онѣ въ то же время стараются найти иной критерій разграниченія между подлогомъ и мошенничествомъ, чѣмъ тотъ, который выставлялся новой доктриной: онѣ строятъ подлогъ, какъ покушеніе на мошенничество. Если правонарушеніе, совершаемое посредствомъ подлога, дѣйствительно воспослѣдовало, то имѣется въ наличности мошенничество, если же оно не совершено—подлогъ. Такимъ образомъ, если въ другихъ теоріяхъ понятіе обмана являлось общимъ родовымъ понятіемъ для подлога, причемъ послѣдній являлся съ самостоятельнымъ составомъ преступленія, то здѣсь это понятіе не родовое, и составъ подлога есть только часть состава мошенничества. Понятно, что и теоріи такого рода весьма мало способствовали выясненію сущности подлога, разъ подвергали въ нѣкоторомъ смыслѣ сомнѣнію самостоятельное существованіе подлога.

Къ представителямъ первой группы теорій относится Титтманъ, второй—Вернеръ и Зальховъ.

Особенную живучесть старой доктрины выказываетъ теорія Титтмана [1]), который, несмотря на цѣлый рядъ новыхъ взглядовъ на подлогъ, придерживается въ существенномъ воззрѣнія средневѣковой доктрины и даетъ понятію подлога необыкновенно широкій объемъ.

Онъ разсматриваетъ наказуемый обманъ, какъ нарушеніе или сокрытіе истины, предпринятое для пріобрѣтенія неправо-

---

[1]) Tittman. Handbuch der Strafrechtswissenschaft und der deutschen Strafgesetzkunde. 1823. Bd. II.

мѣрной выгоды; существеннымъ моментомъ обмана является такимъ образомъ умыселъ пріобрѣсти посредствомъ обмана неправомѣрную выгоду, понимаемую имъ въ самомъ широкомъ смыслѣ; моментъ окончанія преступленія у него заключается въ поставленіи другого въ такое положеніе, при которомъ онъ можетъ понести потерю права; достаточно, слѣдовательно, чтобы совершилось обманное дѣяніе an und für sich, такъ что дѣйствительнаго причиненія вреда имъ не требуется. Титтманъ особенно настаиваетъ на томъ, что обманъ (Täuschung)— обыкновенный способъ дѣйствія при подлогѣ, но вовсе не необходимое его условіе; въ этомъ смыслѣ онъ примыкаетъ къ тому взгляду, который былъ еще высказанъ Лейзеромъ. Это его утвержденіе, прямо идущее въ разрѣзъ съ общимъ имъ же выставленнымъ опредѣленіемъ понятія обмана понадобилось ему для того, чтобы объяснить, почему у него такъ расширился объемъ Betrug'a. Въ одной болѣе ранней своей работѣ онъ говоритъ вообще, что обманъ совершается посредствомъ: а) подлога, если лицамъ или вещамъ придаются непринадлежащія имъ свойства, б) посредствомъ утайки и в) посредствомъ злоупотребленія довѣріемъ [1]); но уже въ „Учебникѣ“ обманъ получаетъ у него неимовѣрно широкій объемъ, еще болѣе широкій, чѣмъ это было въ старой доктринѣ; сюда у него относятся: 1) лжесвидѣтельство, 2) принятіе ложнаго имени, 3) вымогательство, 4) колдовство, 5) преварикація, 6) банкротство, 7) подмѣнъ вещей и лицъ, что чаще всего, по его словамъ, соединяется съ подлогомъ (Verfälschung), 8) перемѣщеніе граничныхъ знаковъ, 9) поддѣлка денежныхъ знаковъ, 10) подлогъ всевозможныхъ письменныхъ бумагъ подъ условіемъ, чтобы кто-нибудь такимъ путемъ старался осуществить извѣстное право, 11) перепечатка книги (Büchernachdruck), 12) поддѣлка мѣръ, вѣсовъ и товаровъ. Подлогъ у него является видомъ этого широкаго понятія обмана и состоитъ въ приготовленіи вещи подъ видомъ настоящей съ цѣлью обмануть этимъ другихъ въ свою пользу. Та-

---

[1]) Tittmann. Grundlinien der Strafrechtswissenschaft. 1800.

кимъ образомъ Титтманъ стоитъ на точкѣ зрѣнія старой доктрины и знаетъ широкое понятіе обмана, но онъ уже сознаетъ принципіальное различіе между мошенничествомъ и подлогомъ, видя его въ признакѣ наличности или отсутствія необходимаго вещественнаго субстрата преступленія—извѣстнаго предмета, и въ этомъ отношеніи онъ отступаетъ отъ воззрѣній старой доктрины [1]).

Какъ сказано было выше, нѣкоторыя особенности представляютъ конструкціи Вернера и Зальхова, у которыхъ подлогъ является только покушеніемъ на мошенничество.

Вернеръ [2]) знаетъ общее понятіе нарушенія и искаженія истины (Verletzung und Unterdrückung der Wahrheit), которое распадается на ложь, подлогъ (Fälschung), передѣлку (Verfälschung) и мошенничество, причемъ самое разграниченіе этихъ понятій у него въ высшей степени произвольное. Ложь по общему правилу ненаказуема, но она становится таковой, переходя въ подлогъ, если лжецъ поставилъ себя въ такое спеціальное правовое отношеніе съ обманутымъ или состоялъ вообще съ нимъ въ такомъ законномъ отношеніи, на которомъ по-

---

[1]) Нѣтъ различія между подлогомъ и мошенничествомъ и у Кругера (Zur Lehre vom Verbrechen des Betrugs 1818); обманъ (Betrug) у него является то самостоятельнымъ преступленіемъ, то средствомъ совершенія другихъ преступленій; но заслуживаетъ вниманія другое его дѣленіе обмана на частныя преступленія и государственныя, причемъ послѣднія характеризуются тѣмъ, что обманъ здѣсь совершается по отношенію къ предметамъ, которымъ государство, вслѣдствіе высшихъ цѣлей, придаетъ публичное довѣріе (напр., монетамъ, паспортамъ, печатямъ, документамъ и т. д.), или же виновными въ нихъ оказываются лица, обязанныя къ особенной вѣрности и пользующіяся особеннымъ довѣріемъ, напр. чиновники, свидѣтели, эксперты и др. У него, слѣдовательно, выдвигается на первый планъ тотъ моментъ, которому суждено было сыграть видную роль въ исторіи доктрины о подлогѣ—моментъ посягательства на общественное довѣріе. Кругеръ не даетъ, однако, дальнѣйшаго развитія этому моменту, какъ критерію разграниченія подлога и мошенничества, и оба эти понятія у него смѣшиваются.

[2]) Werner. Handbuch oder Commentar des peinlichen Rechts. 1820. p. 438.

коилась особенная обязанность перваго къ правдивому обхожденію (Behandlung) съ послѣднимъ (таковы отношенія по договору товарищества, дозволенный договоръ по игрѣ и т. п., даже простой совѣтъ купить что-нибудь, если онъ имѣлъ свои послѣдствія, такъ какъ совѣтъ носитъ въ себѣ признакъ благоволенія и обосновываетъ извѣстную степень довѣрія со стороны того, кому онъ дается). Но, давъ такое опредѣленіе подлогу въ широкомъ смыслѣ (Fälschung), онъ опредѣляетъ подлогъ еще иначе, имѣя въ виду, очевидно, подлогъ въ узкомъ смыслѣ: это—приготовленіе вещи подъ видомъ настоящей съ умысломъ повредить этимъ кому-нибудь или пріобрѣсти себѣ незаконную выгоду. Но отъ подлога отличается мошенничество; разница между ними по моменту окончанія преступленія. Подлогъ требуетъ наличности окончанія обманывающаго дѣянія, предпринятаго съ умысломъ повредить кому-нибудь въ его правахъ, хотя бы преднамѣренное правонарушеніе не воспослѣдовало, мошенничество же требуетъ для своего состава дѣйствительно оконченнаго правонарушенія. Такимъ образомъ подлогъ у него — покушеніе на мошенничество, но, въ такомъ случаѣ, повидимому, нѣтъ надобности въ особыхъ постановленіяхъ о подлогѣ, такъ какъ однихъ постановленій о мошенничествѣ было бы въ этомъ случаѣ достаточно. Съ другой стороны, какъ вѣрно замѣчаетъ Меркель [1]), какъ можно считать подлогъ покушеніемъ на мошенничество, если наказуемость его выше наказуемости послѣдняго.

Вернеръ самъ находилъ невозможнымъ не отмѣтить внутренней разницы между подлогомъ и мошенничествомъ, которую онъ совершенно вѣрно сознавалъ, но которой не воспользовался однако при построеніи понятія подлога. Такъ, онъ высказываетъ ту мысль, что подлогъ является посягательствомъ на право государства на безопасность, а мошенничество нарушаетъ отдѣльныя права. По его словамъ, различіе между обоими понятіями въ томъ, что „поддѣльщикъ объявляетъ себя своимъ подлогомъ опаснымъ человѣкомъ для

---

[1]) Merkel. l. c. p. 40.

правовой безопасности вообще и нарушаетъ поэтому своимъ дѣяніемъ непосредственное право государства на безопасность общаго правосостоянія (des allgemeinen Rechtszustandes in dem Mein und Dein) отъ подлоговъ. Обманщикъ же долженъ своимъ обманомъ нарушать въ дѣйствительности частныя права, напр. право на истину (Wahrhaftigkeit) или имущественныя права". Наконецъ, хотя Вернеръ и признаетъ, что все различіе между подлогомъ и мошенничествомъ сводится къ къ внѣшнему результату выполненія преднамѣренного умысла, но тѣмъ не менѣе эти понятія у него не соподчиненныя, а противополагаются другъ другу; такъ, онъ возражаетъ Титтману противъ его конструкціи обмана (Betrug), какъ рода, видомъ котораго является подлогъ (Fälschung): однако мало это вяжется съ его основнымъ взглядомъ на взаимное отношеніе этихъ двухъ преступленій.

Близко къ Вернеру подходитъ Зальховъ, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ является сторонникомъ воззрѣній Фейербаха [1]). По его словамъ, подлогъ (Fälschung) — это всякое дѣяніе, посредствомъ котораго объекту придается видъ подлинности (der Schein der Aechtheit). Для состава преступленія онъ требуетъ непремѣнно наличности вреда правамъ другого лица, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ нарушенія полнаго права этого лица требовать несовершенія обманныхъ дѣяній, а при такихъ условіяхъ безразлично, получена ли какая нибудь выгода отъ дѣянія или нѣтъ. Согласно съ этимъ, преступленіе считается оконченнымъ, какъ только объекту приданъ видъ подлинности, наступленіе же дѣйствительнаго вреда имѣетъ значеніе только для степени наказанія. Но если посредствомъ обманнаго дѣйствія, дѣйствительно, совершилось преднамѣренное правонарушеніе, то, говоритъ онъ, дѣлая ссылку на Вернера, подлогъ въ этомъ случаѣ вырождается (ausartet) въ мошенничество. Такимъ образомъ у него подлогъ (Fälschung) тоже составляетъ лишь покушеніе на мошенничество (Betrug).

---

[1]) Salchow. Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen peinlichen Rechts. 1823.

§ 6. Новымъ моментомъ въ развитіи доктрины о подлогѣ было появленіе ученія Кукумуса о правѣ на истину, какъ самостоятельномъ объектѣ посягательства. Хотя, повидимому, установленіемъ одного общаго объекта посягательства при подлогѣ — права на истину, придавался этому преступленію характеръ матеріальнаго, но ближайшее ознакомленіе съ теоріями права на истину показываетъ, что съ введеніемъ этого абстрактнаго понятія представленіе объ общемъ характерѣ этого преступленія, какъ формальнаго, не измѣняется: право на истину характеризовало собою не болѣе, какъ форму посягательства; вотъ почему одни сторонники этихъ теорій, признавая право на истину въ качествѣ самостоятельнаго объекта посягательства, въ то же время утверждали, что подлогъ является посягательствомъ и на иныя права, а другіе— признавая этотъ объектъ, все-таки помѣщали подлогъ въ число формальныхъ преступленій (такъ напр. поступали Абеггъ и Мартинъ). И у самого основателя этихъ теорій—Кукумуса, подлогъ является матеріальнымъ преступленіемъ, а не формальнымъ, только потому, что самое ученіе его носитъ двойственный характеръ: видя въ подлогѣ посягательство на право на истину, Кукумусъ въ то же время усматриваетъ въ немъ и другой моментъ—насиліе распознавательной способности посредствомъ обмана, что и является для него существеннымъ моментомъ подлога.

Вопросъ о правѣ на истину, т.-е. вопросъ о томъ, имѣетъ ли право одинъ человѣкъ требовать отъ другого, чтобы тотъ всегда и вездѣ говорилъ ему правду и не обманывалъ его, интересовалъ съ древнѣйшихъ временъ философскую мысль человѣчества. Еще Антипатръ, ученикъ Діогена, училъ, что каждый долженъ дѣлать по отношенію къ другому все полезное, а не только воздерживаться отъ нарушеній; поэтому не только обманъ другихъ, но и умолчаніе истины считалъ онъ нарушеніемъ общей обязанности быть правдивымъ. Впослѣдствіи вопросъ о правѣ на истину былъ поднятъ представителями теорій естественнаго права, большинство которыхъ призна-

вало его [1]), и, наконецъ, онъ переходитъ къ криминалистамъ. Уже Клинъ оспаривалъ это право, признавая его только за государствомъ. [2]) У другихъ писателей, напр. у Фейербаха и Зальхова, проскальзываютъ взгляды, дающіе поводъ полагать, что имъ не чуждо было представленіе о существованіи такого права. Такъ, Фейербахъ говоритъ о нарушеніи посредствомъ обмана полнаго права другого требовать несовершенія обманныхъ дѣйствій, это—такъ называемое отрицательное право на истину; но онъ не дѣлаетъ изъ этого своего положенія никакихъ заключеній и не пользуется имъ для построенія подлога: у него этотъ моментъ имѣетъ только дополнительное, вспомогательное значеніе.

Настоящимъ основателемъ теоріи права на истину въ примѣненіи къ подлогу явился Кукумусъ [3]). Основаніе для существованія особаго права на истину ищетъ онъ въ римскомъ правѣ. По его словамъ, разъ обманъ въ смыслѣ dolus malus можетъ служить обоснованіемъ особой obligatio ex variis causarum figuris и особаго иска actio de dolo, то нельзя сомнѣваться въ существованіи самостоятельнаго права на истину— иначе, по его мнѣнію, какъ могло бы искаженіе истины быть основаніемъ для обязательства? Это право—въ смыслѣ права слышать истину—не безусловно и не безгранично; его можно признавать только тогда, когда рѣчь идетъ объ основаніяхъ, существованіемъ или несуществованіемъ которыхъ обусловлена цѣлость (Integrität) правовой сферы физическихъ или

---

[1]) См. объ этомъ подробнѣе у Фойницкаго. Мошенничество. ч. II. стр. 9. Freund. Lug und Trug. p. 23—37.

[2]) Klien. Beiträge. p. 150. Въ другомъ мѣстѣ онъ высказываетъ ту мысль, что, хотя ложь запрещена только нравственнымъ закономъ, но какъ только она дѣлается формой, подъ которой совершается нападеніе на права другихъ, то она становится противоправной. Подобно насилію, ложь есть причиненіе вреда свободѣ людей, но не физическое, а психологическое (p. 139). Въ этомъ можно видѣть первые зачатки теоріи Кукумуса.

[3]) Cucumus. Ein Programm über das Verbrechen des Betrugs, als Beytrag zur Criminalgesetzgebung. 1820.

юридическихъ лицъ. Притомъ оно существуетъ не по отношенію ко всѣмъ неопредѣленнымъ лицамъ, а въ отношеніи того опредѣленнаго лица, которое желаетъ проявить свое дѣйствіе на правовую сферу другого лица[1]). Онъ признаетъ, что посредствомъ обмана могутъ быть нарушены и другія права, но находитъ, что можно представить себѣ нарушеніе права на истину безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, именно тогда, когда въ способѣ дѣйствія можно замѣтить такой моментъ, когда преступное дѣяніе, независимо отъ преднамѣреннаго нарушенія другого права посредствомъ лжи, достигло состоянія покоя и произвело предметъ, который дѣйствуетъ затѣмъ самъ собой для осуществленія того, на что дѣйствующій первоначально преднамѣрился[2]), — другими словами, если отдѣльная воля обнаружилась въ постоянномъ произведеніи, которое продолжаетъ и можетъ продолжать дѣйствовать само собой, а это будетъ въ томъ случаѣ, говоритъ онъ во второй своей работѣ, если по отношенію къ правамъ произведено объективное постоянное основаніе познанія (Erkenntnissgrund); такъ, напр., если кто-нибудь, желая посягнуть на чужое имущество, составитъ фальшивый вексель, то здѣсь нарушеніе права на истину достигло объективнаго бытія. Такимъ образомъ мыслимо вполнѣ самостоятельное нарушеніе права на истину, такъ что можно говорить или о самостоятельномъ преступленіи Betrug, или же о нарушеніи другихъ правъ посредствомъ него. Установивъ возможность самостоятельнаго нарушенія права на истину, Кукумусъ обращается далѣе къ ближайшему

[1]) Въ другой своей работѣ „Von dem Unterschiede zwischen Fälschung und Betrug“ (N. Arch. des Criminalrechts Bd. X. 1829. p. 685) онъ замѣчаетъ: „право на истину существуетъ настолько, насколько оно является условіемъ цѣлости права на жизнь, честь, свободу, личное состояніе, вещи и т. д.“.

[2]) „...wenn in der Handlungsweise selbst schon ein Punkt als gegeben sich zeigt, wo diese, auch abgesehen von der beabsichtigten Verletzung eines andern Rechts durch die Lüge, einen Stillstand erlangt, und ein Product entwickelt hat, welches nun aus sich selbst für die Realisirung dessen wirkt, was der Handelnde ursprünglich beabsichtigt hat“ (p. 11).

анализу этого нарушенія. Здѣсь онъ нѣсколько ограничиваетъ только что выставленное положеніе о возможности самостоятельнаго нарушенія права на истину, такъ какъ указываетъ на извѣстныя условія, при наличности которыхъ можетъ самостоятельно наказываться нарушеніе права на истину, по поводу чего Меркель [1]) совершенно вѣрно замѣчаетъ, что эти особенныя условія и представляютъ изъ себя нуждающійся въ самостоятельной защитѣ объектъ нападенія и указываютъ спеціальный характеръ даннаго преступленія. При этомъ Кукумусъ дѣлаетъ экскурсію въ область общаго вопроса о составѣ преступленія и останавливается на опредѣленіи того, въ чемъ заключается сущность уголовнаго (das Kriminelle) въ обманѣ. Выясненіе его взгляда въ этомъ отношеніи важно въ виду того, что съ нимъ связана вся его конструкція подлога, такъ что остановиться на немъ имѣетъ значеніе.

Уголовный моментъ лежитъ во всѣхъ преступленіяхъ, по его ученію, въ способѣ нарушенія правового закона (Rechtsgesetz), а это совершается посредствомъ насилія, причиняемаго примѣненіемъ силы отдѣльнаго лица противъ правовой сферы другого съ цѣлью удовлетворенія своимъ чувственно-животнымъ побужденіямъ; сила, примѣняемая въ этомъ случаѣ, можетъ быть психической или физической; объектомъ же примѣненія ея является правовая сфера непосредственно или посредственно: непосредственно — когда въ наличности есть самовольное вторженіе въ чужую правовую сферу, и посредственно—когда посредствомъ насилія надъ волей лица (Vergewaltigung des Willens) производится измѣненіе въ его правовой сферѣ; воля же можетъ быть объектомъ примѣненія силы въ свою очередь тоже посредственно и непосредственно: посредственно—черезъ насиліе надъ распознавательной способностью (mittelst einer Vergewaltigung des Erkenntnissvermögens) и непосредственно — если она посредствомъ неотразимыхъ угрозъ принуждена опредѣляться къ измѣненію правовой сферы (zu einer Veränderung in der Rechtssphäre sich zu bestimmen).

---

[1]) Merkel. l. c. p. 42.

И вотъ смотря по тому, что служитъ непосредственнымъ предметомъ примѣненія силы—правовая сфера или воля, является понятіе физическаго или психологическаго насилія (Gewalt), для бытія же этихъ видовъ насилія безразлично, употреблена ли при этомъ физическая или духовная сила. Какъ только совершилось насиліе, совершилось и преступленіе; условія же, отъ которыхъ зависитъ объективно распознаваемое бытіе насилія, могутъ быть различны, смотря по различію самаго насилія, и для объективной распознаваемости этого насилія долженъ быть въ наличности одинъ постоянный признакъ (ein bleibendes Merkmal): извѣстный предметъ долженъ претерпѣть измѣненіе въ своемъ видѣ; далѣе онъ замѣчаетъ, что для посягательства на правовую сферу необходимо дѣйствительное ея нарушеніе—внѣ этого будетъ покушеніе, воля же и распознавательная способность могутъ быть вполнѣ принуждаемы (vollkommen vergewaltigt) безъ наличности нарушенія правовой сферы — это послѣднее нарушеніе можетъ наступить скорѣе, какъ послѣдствіе уже существующаго нарушенія. Такимъ образомъ не тотъ или другой родъ силы (Kraft), употребленной для осуществленія чувственныхъ потребностей, а непосредственный предметъ примѣненія ея опредѣляетъ родъ насилія (Gewalt), если требуется обозначить классъ, къ которому принадлежитъ отдѣльное преступленіе. Какъ указывалось выше, одинъ родъ психологическаго насилія состоитъ въ томъ, что воля непосредственно опредѣляется угрозами зла—безразлично, будутъ ли онѣ реализируемы посредствомъ физической или психической силы, при другомъ же родѣ того же насилія—стараются посредственно опредѣлить волю тѣмъ, что побуждаютъ распознавательную способность (Erkenntnissvermögen) принимать, какъ необходимыя, извѣстныя основанія, которыми обусловливается волеопредѣленіе: здѣсь воля побуждается принимать что-нибудь неистинное въ качествѣ истиннаго, и вслѣдствіе этого здѣсь мѣсто лжи. Ложь такимъ образомъ (какъ Vorspiegelung falscher Thatsachen) имѣетъ объектомъ своей реализаціи распознавательную способность лица и только настолько относится она къ области права, насколько она воз-

дѣйствіемъ на эту способность стремится произвести противорѣчащее правамъ извѣстнаго лица измѣненіе правовой его сферы; отъ другого же рода психологическаго принужденія отличается она тѣмъ, что тамъ принужденіе это реализуется непосредственно на волѣ употребленіемъ силы противъ лица (напр. при вымогательствѣ), здѣсь же оно реализуется употребленіемъ духовной силы на распознавательную способность, а не непосредственно на лицо, и здѣсь не требуется посягательства на правовую сферу для выполненія состава преступленія.

Истина, продолжаетъ онъ, которая нарушается ложью, есть всегда истина фактовъ (Wahrheit von Thatumständen), именно въ томъ смыслѣ, что опредѣленные факты существуютъ въ дѣйствительности или не существуютъ, или что они существуютъ въ извѣстномъ родѣ (in einer gewissen Art) или же въ этомъ родѣ не существуютъ. Знаніе о ней получается или изъ законовъ существованія и правилъ опыта или изъ утвержденія другихъ лицъ. Утвержденіе же это можетъ быть или простое, которому можно и не вѣрить, или квалифицированное, заключающееся въ приведеніи (Vorbringen) существующихъ внѣшнимъ образомъ обстоятельствъ, которыми обусловливается существованіе того, о чемъ идетъ рѣчь, или отъ которыхъ надо заключать къ тому, что утверждается, какъ къ чему-то необходимо-существующему. Только въ этомъ случаѣ обманъ и является наказуемымъ; здѣсь лицо посредствомъ внѣшнимъ образомъ существующихъ основаній принуждается принимать что-нибудь, какъ существующее или несуществующее, или же существующее въ извѣстномъ родѣ или несуществующее, тогда какъ въ дѣйствительности это имѣетъ обратное значеніе; гдѣ же на лицо только простое утвержденіе, тамъ имѣется только частно-правовое отношеніе или полицейское нарушеніе, или же этотъ случай можно отнести къ посягательству на имущественныя права посредствомъ психической силы.

На основаніи всего сказаннаго Кукумусъ даетъ слѣдующее опредѣленіе обману (Betrug), т. е. другими словами подлогу—(здѣсь эти понятія у него не различаются и имъ про-

тивополагается понятіе мошенничества—стелліонатъ, гдѣ, по его словамъ, не нарушается само по себѣ право на истину, а обманъ только служитъ средствомъ посягательства на другія права), это—насиліе, умышленно причиненное распознавательной способности лица посредствомъ внѣшнимъ образомъ существующихъ ложныхъ основаній, которое влечетъ за собой нарушеніе правовой сферы, если не задерживается въ своемъ дѣйствіи.

Такимъ образомъ объектомъ преступленія является у него въ дѣйствительности распознавательная способность лица (Erkenntnissvermögen), и нарушеніе права на истину только тогда становится наказуемымъ, если вмѣстѣ съ тѣмъ есть посягательство на распознавательную способность. Самостоятельной защиты право на истину поэтому у него не имѣетъ; это видно даже и изъ того, что, по его словамъ, оконченнымъ преступленіе подлога будетъ тогда, какъ только будетъ въ наличности насиліе распознавательной способности, а для этого необходимо дѣйствительное употребленіе ложныхъ объективныхъ основаній (Erkenntnissgründe). Видѣть въ одной только поддѣлкѣ моментъ окончанія преступленія противорѣчитъ, по его словамъ, природѣ вещей, потому что право на истину еще не нарушено совершеніемъ или простымъ обладаніемъ поддѣльнаго, а нарушается оно только при употребленіи (Anwendung) его. Изъ этого видно, что самое понятіе „право на истину“ понадобилось ему для обозначенія общаго характера посягательствъ при всѣхъ противоправныхъ нарушеніяхъ истины (Wahrheitsverletzungen), дѣйствительнымъ же объектомъ преступленія является распознавательная способность человѣка.

Однако выставленіе распознавательной способности въ качествѣ того объекта, на который направляется дѣятельность при подлогѣ, едва ли можетъ способствовать выясненію сущности этого преступленія. Распознавательная способность не можетъ быть разсматриваема, какъ самостоятельное благо, защищенное правомъ и нуждающееся въ охранѣ его, а потому она не можетъ быть и объектомъ преступленія. Воздѣйствіе на нее есть только тотъ путь, которымъ можетъ совершаться посягательство на другія блага и интересы людей.

Различіе между подлогомъ и другими видами обмановъ Кукумусъ видѣлъ первоначально въ томъ, что при подлогѣ есть наличность насилія распознавательной способности объективными, внѣшнимъ образомъ существующими обстоятельствами, чего нѣтъ при простомъ утвержденіи, гдѣ воля вводится въ заблужденіе безъ принужденія. Но вскорѣ послѣ появленія работы Кукумуса одинъ изъ его послѣдователей, Вехтеръ, обратилъ его вниманіе на то, что и простымъ утвержденіемъ можетъ быть причиняемо распознавательной способности еще болѣе насилія, чѣмъ объективными данными. Вслѣдствіе этого Кукумусъ въ послѣдующей своей работѣ отказывается отъ этого признака и моментъ различія между обоими преступленіями видитъ въ опасности употребленнаго средства насилія, въ которомъ проявляется единичная воля. Но введеніемъ этого момента Кукумусъ подрывалъ свое собственное ученіе.

Его теорія не въ состояніи была опредѣлить настоящую сущность подлога, такъ какъ отличіе его отъ мошенничества было выдвинуто на шаткихъ данныхъ, но заслуга Кукумуса въ томъ, что онъ старался найти внутреннее различіе между обоими посягательствами, исходя изъ различія посягательства на право на истину и на другія права. Выставленіе понятія права на истину ему понадобилось для того, чтобы отграничить подлогъ, какъ самостоятельное преступленіе, отъ тѣхъ случаевъ, когда обманъ является средствомъ учиненія другихъ преступленій, и если его постигла въ этомъ дѣлѣ неудача, то она объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что руководящими началами для него были начала различія falsum и stellionatus по римскому праву, къ которымъ онъ хотѣлъ пригнать выставленное имъ различіе между посягательствомъ на право на истину съ одной стороны и имущественными обманами съ другой. Онъ видѣлъ, что въ тѣхъ случаяхъ, которые относились къ подлогу есть особенности, которыхъ нѣтъ въ мошенничествѣ, и формулировалъ свои положенія выставленіемъ ученія о посягательствѣ на право на истину при подлогѣ.

§ 7. Если Кукумусъ выставилъ свое ученіе о нарушеніи

права на истину для того, чтобы дать возможность разграничить понятія подлога и мошенничества, то многіе изъ писателей, слѣдовавшихъ за нимъ, не поняли смысла введеннаго имъ понятія, и посягательство противъ права на истину сдѣлалось общимъ выраженіемъ для обозначенія всей группы преступныхъ дѣяній, совершаемыхъ посредствомъ искаженія истины; а такъ какъ въ самомъ ученіи Кукумуса была двойственность, то и среди криминалистовъ, усвоившихъ его, произошелъ расколъ: одни обратили свое вниманіе исключительно на формальный моментъ—на нарушеніе права на истину, такъ что у нихъ подлогъ и мошенничество, будучи нарушеніями этого права, между собой не различались и конструировались, какъ формальныя преступленія, другіе же обратили главное вниманіе на вторую часть ученія Кукумуса на то его положеніе, что сущность подлога, какъ насилія распознавательной способности лица, заключается въ приведеніи ложныхъ объективныхъ основаній познанія (Erkenntnissgründe); отъ этой теоріи шагъ за шагомъ доктрина пришла къ выставленію понятія подлога, какъ самостоятельнаго посягательства на знаки удостовѣренія юридическихъ отношеній. Такимъ образомъ среди послѣдователей Кукумуса мы видимъ съ одной стороны писателей, выставлявшихъ подлогъ, какъ формальное преступленіе, не имѣющее опредѣленнаго объекта, а съ другой—такихъ, которые находили при немъ опредѣленный объектъ посягательства и которые главныя силы свои направляли на анализъ послѣдняго; къ первымъ относятся Мартинъ, Абеггъ, Бауэръ, Геффтеръ, Вехтеръ и Генке; ко вторымъ—Прейшенъ, Миттермайеръ, Ашбахъ и Темме.

Между всѣми писателями первой группы общее то, что они не знаютъ опредѣленнаго предмета посягательства при подлогѣ, хотя и говорятъ о нарушеніи имъ права на истину, но понятіе это не является для нихъ самостоятельнымъ объектомъ посягательства, и это лучше всего слѣдуетъ изъ того, что хотя нѣкоторыми изъ нихъ подлогъ и разсматривается, какъ посягательство на право на истину, но всетаки относится къ группѣ формальныхъ преступленій, такъ что понятіе „права

на истину“ не могло опредѣлить имъ ближе объекта посягательства при подлогѣ.

Мартинъ [1]) знаетъ группу vage (schwankende) Verbrechen, не имѣющихъ общаго объекта посягательства; въ число ихъ онъ помѣщаетъ и подлогъ (Fälschung) какъ посягательство противъ права на истину; но что, собственно говоря, не это понятіе является у него самостоятельнымъ объектомъ преступленія, видно изъ его собственныхъ словъ о томъ, что подлоги не имѣютъ опредѣленнаго предмета посягательства и могутъ представлять изъ себя посягательство и на личность, и на имущество. Самое право на истину, о которомъ онъ ведетъ рѣчь, имѣетъ у него особенную окраску, придающую ему извѣстное ограниченіе: оно должно быть охраняемо законной угрозой публичнаго наказанія и является принудительной обязанностью не быть неправдивымъ (Zwangspflicht nicht unwahrhaft zu sein). Создаваемое же имъ понятіе подлога (Fälschung) столь широко, что заключаетъ въ себѣ клевету, лжеприсягу, вымогательство и мошенничество (stellionatus); и только поддѣлка монетъ выдѣлена имъ въ преступленія противъ Finanzhoheit. Такимъ образомъ въ сущности Мартинъ придерживается старой доктрины, объединявшей всевозможные случаи искаженія истины подъ общимъ именемъ falsum; понятіе права на истину заимствовано имъ чисто внѣшнимъ образомъ у Кукумуса и не послужило даже для него основаніемъ для разграниченія подлога и мошенничества.

Абеггъ [2]), подобно Мартину, создаетъ группу формальныхъ преступленій, характеризуемыхъ не объектомъ нападенія, а единственно формой его. Посягательство на право на истину является у него общимъ признакомъ преступленія обмана (Betrug) въ широкомъ смыслѣ; благодаря этому, разграниченіе между подлогомъ (Fälschung) и обманомъ въ узкомъ смыслѣ проводится не такъ, какъ у Кукумуса, а принимаетъ ту же форму, что и у Фейербаха: для состава под-

---

[1]) Martin. Lehrbuch des gemeinen deutschen Criminalrechts. 1825.

[2]) Abegg. Lehrbuch der Strafrechtswissenshaft. 1836.

лога долженъ быть въ наличности внѣшній предметъ, въ отношеніи котораго произошло искаженіе истины, чего не требуется для мошенничества. Подъ правомъ же на истину онъ разумѣетъ „право другихъ знать истину и не быть обманутымъ ея видимостью (Schein) тамъ, гдѣ есть, или гдѣ должно быть особенное правовое отношеніе между нами и другими людьми“. Изъ разсмотрѣнія взгляда Абегга видно, что выставленіе имъ права на истину, какъ бы въ качествѣ самостоятельнаго объекта при подлогѣ, нисколько не помогло ему для разграниченія подлога и мошенничества, такъ какъ и онъ не понялъ смысла и значенія теоріи Кукумуса.

Другіе криминалисты, говорящіе тоже о посягательствѣ противъ права на истину при подлогѣ, отказываются отъ построенія особой группы формальныхъ преступленій въ противоположность только что разсмотрѣннымъ, но тѣмъ не менѣе ближайшее знакомство съ постановкой у нихъ вопроса о подлогѣ показываетъ, что и они не знаютъ одного объекта посягательства при подлогѣ, и это преступленіе у нихъ обнимаетъ въ себѣ разнообразныя дѣянія, характеризуемыя единствомъ формы посягательства.

Ближе всѣхъ къ Кукумусу подходятъ Бауэръ и Гефтеръ, которые усвоиваютъ въ общемъ его конструкцію разграниченія подлога и мошенничества.

Бауэръ, который въ первомъ изданіи своего учебника [1]) указывалъ на невозможность проведенія различія между подлогомъ и мошенничествомъ за неимѣніемъ для этого надежнаго распознавательнаго признака, во второмъ изданіи подъ вліяніемъ теоріи Кукумуса выставляетъ объектомъ посягательства—право на истину, или какъ онъ его называетъ, право въ отношеніи къ истинѣ (das Recht in Hinsicht der Wahrheit), и даетъ обстоятельный анализъ самаго этого понятія [2]). Онъ различаетъ съ одной стороны отрицательное право на истину, съ другой — положительное. Отрицательное состоитъ

---

[1]) Bauer. Lehrbuch des Strafrechts. 1827.

[2]) Bauer. Lehrbuch des Strafrechts. 1833.

въ правѣ лица требовать несовершенія такихъ искаженій истины, вслѣдствіе которыхъ подвергаются опасности или нарушаются его права (это не самостоятельное право, а вытекающее изъ общаго права требовать несовершенія противоправныхъ дѣяній); положительное же право на истину есть право, требовать истину; оно вытекаетъ, по словамъ Бауэра, только изъ особенныхъ правовыхъ отношеній, которыя обязываютъ къ правдивости: а) публичныхъ, б) особенныхъ частныхъ, напр. при заключеніи договоровъ. Онъ признаетъ, что нарушеніе истины можетъ быть вообще способомъ совершенія разныхъ преступленій, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ, что оно можетъ быть и самостоятельнымъ преступленіемъ—подлогомъ, подъ которымъ разумѣется умышленное нарушеніе принадлежащаго другому права на истину и которое отличается отъ мошенничества, какъ причиненія вреда другому посредствомъ противоправнаго обморочиванія. Но, признавая объектомъ преступленія подлога право на истину, Бауэръ говоритъ, что это преступленіе въ то же время подвергаетъ опасности или нарушаетъ другія права, какъ объектъ посредственный, у мошенничества, же это является объектомъ непосредственнымъ; подлогъ считается поэтому оконченнымъ, когда совершилось нарушеніе права на истину и когда другой посредствомъ противоправнаго нарушенія истины предоставленъ (ausgesetzt) обольщенію и вытекающему изъ него причиненію ущерба. Создавая объединяющій признакъ для всѣхъ случаевъ подлога (право на истину), Бауэръ при классификаціи преступленій отдѣльные случаи подлога не соединяетъ однако вмѣстѣ. Онъ знаетъ съ одной стороны особо выдѣленные виды подлога, именно: а) подлогъ въ должностныхъ дѣлахъ, б) подлогъ по отношенію къ семейному состоянію (Familienstand), в) общеопасные подлоги и обманы (Betrügereien), которые совершаются противъ общественнаго довѣрія; съ другой—подлоги простые, которые дѣлитъ: а) на подлогъ (Fälschung), какъ посягательство на право на истину, совершаемое посредствомъ посягательства на разнообразные предметы, главнымъ же образомъ на имуще-

ственныя права (вслѣдствіе чего онъ его разсматриваетъ вмѣстѣ съ мошенничествомъ въ числѣ посягательствъ имущественныхъ) и б) мошенничество. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ Бауэръ пришелъ въ сущности въ прежнему смѣшенію подлога и мошенничества. Право на истину не представлялось ему единственнымъ и достаточнымъ объектомъ посягательства при подлогѣ, онъ принужденъ былъ создать еще посредственные объекты, благодаря чему истинная сущность подлога у него не выяснена. Заслуживаетъ еще вниманія въ теоріи Бауэра созданная имъ группа преступленій противъ общественнго довѣрія (gegen öffentliche Treu und Glauben); эти преступленія характеризуются тѣмъ, что вслѣдствіе своей общеопасности они нарушаютъ правопорядокъ въ высшей степени. Онъ дѣлитъ эти преступленія: 1) на преступленія противъ безопасности общественнаго оборота, куда относятся подлоги и обманы: а) въ отношеніи къ предметамъ оборота (товары), б) въ отношеніи къ знакамъ, служащимъ для обезпеченія оборота (знаки, штемпеля), и в) въ отношеніи общихъ средствъ оборота (Verkehrsmittel) и 2) на нарушенія общественнаго довѣрія, какъ основы правопорядка—сюда онъ относитъ лжеприсягу, подлогъ публичныхъ документовъ, перемѣщеніе границъ, ложное обвиненіе, преварикацію, обманное дѣланіе долговъ и банкротство.

Такимъ образомъ Бауэръ въ существѣ понялъ значеніе разграниченія, сдѣланнаго Кукумусомъ относительно подлога и мошенничества, но и у него оно не оказалось пригоднымъ для достиженія той цѣли, ради которой оно придумано. И хотя онъ очень подробно останавливается на анализѣ понятія права на истину, но гораздо важнѣе въ его взглядахъ на подлогъ представленіе о томъ, что существуютъ случаи подлога, гдѣ нарушается общественное довѣріе, и которые вслѣдствіе этого надо разсматривать съ иной точки зрѣнія, чѣмъ другіе.

Геффтеръ [1]), хотя и не знаетъ собственно самостоятельной группы преступленій противъ права на истину, но тѣмъ

---

[1]) Heffter. Lehrbuch das gemeinen deutschen Strafrechts. 1857.

не менѣе посвящаетъ особую главу преступленіямъ противъ правовыхъ обязанностей къ истинѣ и правдивости (Verbrechen gegen die Rechtspflichten zur Wahrheit und Redlichkeit) и строитъ общее понятіе преступленія „Falschheit", которое дѣлится на подлогъ и на мошенничество (stellionatus); подлогъ, по его ученію, совершается посредствомъ искаженія или сокрытія истины въ опредѣленныхъ случаяхъ, именно тамъ, гдѣ въ непосредственномъ интересѣ государства или общества объявляется требованіе быть правдивымъ и гдѣ вслѣдствіе этого нарушеніе истины само по себѣ объявляется въ законѣ наказуемымъ. У него, какъ и у Мартина, право на истину обусловлено наличностью угрозы уголовнаго закона за нарушеніе его.

Въ противоположность Бауэру и Геффтеру, которые болѣе сознательно отнеслись къ теоріи права на истину, Вехтеръ и Генке усвоиваютъ чисто внѣшнимъ образомъ взглядъ Кукумуса и не пользуются имъ вовсе для отграниченія подлога отъ мошенничества. Вехтеръ [1]), хотя и опредѣляетъ подлогъ или мошенничество (у него эти понятія совершенно смѣшиваются), какъ умышленное наказуемое нарушеніе права на истину, но говоритъ далѣе, что объективный составъ преступленія заключается въ нарушающемъ права третьихъ, направленномъ на обманъ искаженіи, сокрытіи или утайкѣ истины. Изъ этого видно, что, по его мнѣнію, объектомъ подлога могутъ быть и права другого рода, такъ что и его теорія относится къ формальнымъ, и, какъ вѣрно замѣчаетъ Меркель [2]), у него объектомъ подлога является не право на истину, а другія права, разъ требуется противоправность искаженія и сокрытія истины. Вообще же Вехтеръ совершенно не уяснилъ себѣ смысла теоріи Кукумуса, имѣвшей цѣлью созданіемъ особой группы преступленій противъ права на истину отграничить подлогъ отъ мошенничества.

---

[1]) Wächter. Lehrbuch des römisch-deutschen Strafrechts II. B. 1826.

[2]) Merkel. l. c. p. 33.

Генке[1]) строитъ общее понятіе обмана (Betrug), какъ посягательство на право на истину, которое является у него вмѣстѣ съ тѣмъ обязанностью, возложенной государствомъ на отдѣльныхъ членовъ въ интересахъ достиженія своихъ цѣлей; но при дѣленіи этого понятіи обмана на виды Генке возвращается къ старому критерію, выдвинутому Клейномъ и Фейербахомъ: подлогъ въ узкомъ смыслѣ есть подложное измѣненіе извѣстнаго предмета, мошенничество въ узкомъ смыслѣ—возбужденіе ошибочнаго представленія объ извѣстномъ предметѣ, или иначе: подлогъ есть совершенное съ цѣлью обмана другого лица измѣненіе истинныхъ или законно-необходимыхъ признаковъ вещи, мошенничество же обнимаетъ всѣ остальные случаи. Въ этомъ отношеніи яснѣе всего выступаетъ то, что право на истину понято имъ совершенно формально, и различіе между подлогомъ и мошенничествомъ понимается имъ такъ, какъ понималось оно до появленія теорій права на истину.

Таковъ въ существенномъ характеръ воззрѣній ближайшихъ послѣдователей Кукумуса.

§ 8. Съ самаго начала появленія теоріи права на истину посыпалась рѣзкая критика со стороны ея противниковъ, раскрывшихъ мало по малу полную ея несостоятельность и непригодность для объясненія сущности подлога. Выдвинутая для разграниченія понятія мошенничества и подлога, эта теорія понятій этихъ не разграничила, а наоборотъ вызвала только новое смѣшеніе ихъ: необходимо было оставить ее. Критика направила главнымъ образомъ свои стрѣлы на указаніе неопредѣленности самаго понятія права на истину. „Истина, какъ нѣчто постоянное (das Bleibende), говоритъ одинъ изъ противниковъ теоріи права на истину, Цирклеръ[2]), не можетъ быть измѣняема—иначе она никогда не явилась бы на свѣтъ, и ея измѣненіе не могло бы быть наказуемо. Но

[1]) Henke. Handbuch des Criminalrechts und Criminalpolitik. III. Th. 1830.

[2]) V. Zirkler. Beiträge zur Lehre von der Fälschung nach dem neuen würtembergerischen Strafgesetzbuch (Archiv des Crim. Rechts. 1840. p. 35).

для того, чтобы принимать право на истину, слѣдовало бы прежде рѣшить вопросъ Пилата: „что есть истина?“ и какъ мы, близорукія и несовершенныя существа можемъ говорить о подобномъ правѣ, мы, которые чистую истину такъ же мало выносимъ, какъ дыханіе чистаго воздуха жизни, и только въ постоянномъ стремленіи къ ней должны находить свое благословеніе, не доходя, однако, до нея. Абстрактное право на истину такъ же немыслимо, какъ и ея коррелятъ—принудительное право на вѣру другихъ по отношенію къ сказанной нами истинѣ“.

И, дѣйствительно, если можно признавать моральную обязанность быть правдивымъ, то о юридической обязанности такого рода еще нельзя дѣлать заключеніе отсюда. Требовать всегда и отъ всѣхъ правды невозможно — подобнаго права никогда не существовало; оно, по мѣткому выраженію Кестлина [1]), „ein rechtliches Unding“. Самое существованіе подобнаго права немыслимо при томъ характерѣ человѣческихъ отношеній, который приходится наблюдать каждому въ повседневной жизни: общество допускаетъ массу условной лжи, и если бы право на истину и существовало, то оно лишено было бы всякаго значенія—иначе пришлось бы измѣнить весь существующій строй человѣческихъ отношеній. „Позитивное право, говоритъ Фрейндъ [2]), имѣетъ дѣло только съ достижимыми обязанностями. Изъ моральной обязанности къ правдивости еще не рождается принудительное право, а изъ его нарушенія — преступленіе. Принудительное право на истину принадлежитъ вообще, какъ идея о вѣчномъ мирѣ, къ пріятнѣйшимъ философскимъ мечтамъ. Самое принятіе права на истину было бы полезно только дурнымъ, хорошимъ же оно послужило бы только на гибель... Практически невозможно признавать право на истину и потому, что тогда всѣ обманы были бы наказуемой ложью“. Но если нельзя говорить о безусловномъ правѣ на истину, которое вовсе

---

[1]) Köstlin. Abhandlungen aus dem Strafrechte. 1858. p. 120.

[2]) Freund. Lug und Trug. p. 61.

не существуетъ, а если бы существовало, то для поддержанія бытія своего требовало бы обложенія наказаніемъ всякой лжи, то то же надо сказать и объ условномъ правѣ на истину, т.-е. правѣ требовать истину отъ другихъ только въ извѣстныхъ случаяхъ. Мы видѣли, что нѣкоторые писатели говорили о правѣ на истину, насколько оно существуетъ реально, защищенное уголовной угрозой, въ опредѣленныхъ отношеніяхъ людей между собой. Но въ этихъ случаяхъ въ дѣйствительности можно говорить только объ охранѣ данныхъ отношеній отъ нарушеній ихъ посредствомъ лжи, какъ можно говорить о такой же охранѣ ихъ отъ нарушеній посредствомъ насилія, но не объ охранѣ самаго права на истину. Признавать право на истину аналогично было бы вообще признанію, напр. самостоятельнаго права на неприкосновенность; если съ первой точки зрѣнія была бы наказуема ложь сама по себѣ, то со второй—должно было бы быть наказуемо насиліе, какъ самостоятельное нарушеніе права на неприкосновенность, безразлично, въ какой формѣ оно въ дѣйствительности выразилось и въ составѣ какого преступленія воплотилось; но, какъ насиліе есть лишь способъ дѣйствія при посягательствахъ на разнообразныя блага, такъ и ложь есть только способъ дѣйствія, и о нарушеніи права на истину рѣчь вести нельзя. Какъ вѣрно замѣчаетъ одинъ изъ первыхъ критиковъ теоріи права на истину, Бирнбаумъ [1]), „понятіе права на истину обязано своимъ происхожденіемъ теоріямъ естественнаго права, но естественное право не признавало вовсе права на истину, какъ первоначальное, какъ Urrecht, и, если обратиться къ анализу существа и содержанія этого понятія у представителей естественнаго права, то оно при ближайшемъ разслѣдованіи, какъ самостоятельное понятіе, распускается въ ничто (in ein Nichts sich auflöse)“ [2]).

[1]) Birnbaum. Beitrag, zur Lehre von Fälschung und Betrug, insbesondere über die sogenannte Verletzung des Rechts auf Wahrheit, als Hauptmerkmal der Fälschung. (Arch. des Crimin. N. F. 1834. p. 536).

[2]) Но въ своей критикѣ ученія о правѣ на истину Бирнбаумъ пошелъ черезчуръ далеко, такъ какъ въ конечномъ результатѣ у

Даже и за государствомъ невозможно признавать подобнаго права на истину. Между тѣмъ многіе писатели, убѣдившись въ невозможности отстаивать вообще право на истину, вполнѣ соглашались съ тѣмъ, что оно существуетъ въ отношеніяхъ государства къ гражданамъ, и этого взгляда придерживались многіе изъ позднѣйшихъ криминалистовъ. Но какъ еще замѣтилъ Фридрейхъ [1]), безусловнаго права на истину нѣтъ и у государства: „государственная власть можетъ требовать отъ подданныхъ истину лишь настолько, насколько оно въ ней нуждается для выполненія своихъ правъ и обязанностей, въ чемъ ей никто не можетъ препятствовать, а скорѣе каждый обязанъ помогать"; исключеніе отсюда возможно только въ томъ случаѣ, если подобное требованіе служитъ къ явному вреду того, кто говоритъ истину (напр. въ виду этого не требуется признанія на судѣ подсудимаго). У государства нѣтъ права на истину an und für sich; оно можетъ требовать истины отъ другихъ только, какъ средство осуществленія своихъ функцій, и если оно прямо требуетъ въ извѣстныхъ случаяхъ отъ отдѣльныхъ лицъ по отношенію къ себѣ правдивости, то въ случаѣ нарушенія гражданами этого требованія, въ наличности будетъ посягательство на извѣстные правовые интересы государства посредствомъ лжи, а не на его право на истину; это, напр., имѣется при ложномъ доносѣ, при лжесвидѣтельствѣ

него, повидимому, нѣтъ раціональнаго различія между подлогомъ и мошенничествомъ, и все различіе между ними, по его мнѣнію, покоится на положительномъ правѣ: умыселъ вредить другому присущъ какъ подлогу, такъ и мошенничеству; только въ виду особенной опасности, которая лежитъ въ опредѣленныхъ матеріальныхъ подлогахъ, или въ виду той легкости, съ которой они могли бы влечь за собой причиненіе вреда, законъ объявилъ подлогъ въ качествѣ оконченнаго преступленія даже и тогда, когда преднамѣренный вредъ не достигнутъ. Такимъ образомъ только соображенія уголовно-политическаго характера, а не принципіальныя установляютъ, по его ученію, разницу между подлогомъ и мошенничествомъ.

[1]) Friedreich. Betrachtungen über das Verbrechen des Betrugs vom legislativen Standpunkte aus. (Annalen der deutch. und ausl. Kriminalrechtspflege v. Hitzig. 1841. B. 16 p. 306).

и т. п. Здѣсь вездѣ на лицо нарушеніе извѣстныхъ правовыхъ установленій государства, а не посягательство на право на истину.

Порожденная школой естественнаго права теорія права на истину пала вмѣстѣ съ ея паденіемъ, и признаніе ея сдѣлалось невозможнымъ съ тѣхъ поръ, какъ отъ оперированія надъ метафизическими понятіями юристы обратились къ изученію жизненныхъ отношеній и позитивнаго права [1]).

§ 9. Если, какъ было выше указано, одни изъ писателей при анализѣ сущности подлога пошли по слѣдамъ Кукумуса въ томъ отношеніи, что на первый планъ они выдвинули право на истину, то другіе слѣдовали ему въ другой части его ученія, обращая при обманѣ главное свое вниманіе на моментъ насилія распознавательной способности, которое можетъ быть произведено представленіемъ данному лицу объективно существующихъ ложныхъ данныхъ, подъ видомъ истинныхъ, и на то самостоятельное значеніе, которое имѣютъ эти объективныя данныя при подлогѣ въ противоположность мошенничеству.

Однимъ изъ ближайшихъ послѣдователей Кукумуса въ этомъ отношеніи является Прейшенъ [2]). Отрицая вполнѣ существованіе права на истину, онъ опредѣляетъ обманъ—Betrug, какъ всякое нарушеніе истины, посредствомъ котораго вводится въ заблужденіе другое лицо; подвидомъ этого обмана

---

[1]) Впрочемъ, иногда и теперь въ литературѣ замѣчается стремленіе строить особое право на истину и сообразно съ этимъ говорить о нарушеніяхъ ея. Такъ, Каде (Der Eid und das Recht auf Wahrheit. 1895) признаетъ за государствомъ право на истину, видя выраженіе его въ принужденіи давать показаніе на судѣ (Zeugnisszwang), а нарушеніе его въ ложныхъ показаніяхъ; та же мысль проскальзываетъ и у Гарро (Traité pratique et théorique du droit pénal français. t. III p. 66—67) въ слѣдующихъ словахъ: „je trouverais, pour ma part, légitime, d'ériger en délit pénal, tout mensonge, direct ou indirect, susceptible de causer un prejudice pécuniaire ou moral, lorsque son auteur a agi dans une intention frauduleuse“.

[2]) Preuschen. Beiträge zur Lehre von den strafbaren Betruge und von der Fälschung. 1837.

является подлогъ (Fälschung), характеризуемый тѣмъ, что здѣсь неправда произведена посредствомъ измѣненія настоящаго предмета или приготовленія такого, который носитъ на себѣ обманный видъ настоящаго или другого предмета, другими словами подлогъ состоитъ въ произведеніи чего-нибудь подложнаго (Hervorbringung von etwas Falschen)—все остальное относится къ области мошенничества. Какъ мошенничество, такъ и подлогъ становятся у него наказуемыми только тогда, когда кто-нибудь посредствомъ ихъ терпитъ, или долженъ потерпѣть вредъ по отношенію къ своей личности или имуществу, или же, если въ данномъ посягательствѣ содержится нарушеніе общественнаго довѣрія. Опредѣляя далѣе ближе сущность подлога, Прейшенъ повторяетъ слова Кукумуса о томъ, что для состава этого преступленія требуется, чтобы было произведено постоянное ложное объективное основаніе познанія (ein bleibender falscher objectiver Erkenntnissgrund), которое дѣйствуетъ само собой для достиженія цѣлей виновнаго; здѣсь дальнѣйшихъ послѣдствій дѣянія не требуется, потому что виновнымъ уже произведенъ постоянный, противорѣчащій правамъ другого лица предметъ, и такимъ образомъ признакъ противоправности вполнѣ имѣется на лицо.

Такимъ образомъ Прейшенъ выставляетъ на первый планъ для подлога приготовленіе объективно существующаго ложнаго предмета, который служитъ средствомъ ложнаго познанія; а такъ какъ самыя свойства даннаго предмета особеннаго вниманія его не привлекали, то онъ и не могъ уйти дальше того, что высказывалось еще Клейномъ, и не въ состояніи былъ въ дѣйствительности отграничить подлога отъ мошенничества—подлогъ обнимаетъ у него какъ подлогъ документовъ, такъ и поддѣлку товаровъ и другихъ предметовъ.

На той же точкѣ зрѣнія, хотя и съ нѣкоторыми существенными поправками, стоитъ Миттермайеръ [1]) въ своей первой

[1]) Mittermaier. Uber die richtige Begriffsbestimmung des Verbrechens des Betrugs, der Fälschung, Unterschlagung und Erpressung durch die Wissenschaft und die Gesetzgebung. (Demme's Annalen. 1838. Bd. VII).

работѣ о подлогѣ: и онъ сущность подлога видитъ въ насиліи распознавательной способности человѣка, причемъ для отличія подлога отъ мошенничества ставитъ на первый планъ въ его составѣ необходимость искаженія вещи въ ея настоящемъ видѣ. По его словамъ, во всякомъ обманѣ дѣятельность виновнаго направляется на свободное волеопредѣленіе другого лица, причиняя насиліе распознавательной способности его. Но въ подлогѣ (и въ этомъ первая причина болѣе тяжкой его наказуемости) насиліе это сопровождается приготовленіемъ такого предмета, съ которымъ по свойству его связывается вѣра въ истину (woran nach Beschaffenheit des Gegenstandes der Glaube an die Wahrheit sich knüpft),—здѣсь такимъ образомъ другое лицо принуждается чему-нибудь вѣрить, и никто не можетъ быть обвиненъ въ этомъ случаѣ въ своей неосмотрительности; другая причина болѣе возвышенной наказуемости подлога лежитъ въ томъ, что здѣсь произведено нѣчто такое, благодаря чему неправда сдѣлалась постоянной. Такимъ образомъ матеріальнымъ субстратомъ, на который направляется дѣйствіе при подлогѣ, является у Миттермайера не всякій предметъ, какъ это утверждали предшествующіе криминалисты, начиная съ Клейна и Фейербаха, а такого рода вещь, которой обязаны всѣ вѣрить и на которой, по словамъ Миттермайера, по закону или по обычаю распознавательная способность другихъ строитъ свое убѣжденіе; вещи эти такого рода: 1) публичные документы; 2) документы частные, которые служатъ для обоснованія или для погашенія правъ; 3) публичные мѣры и вѣсы; 4) публичныя печати; 5) публичные штемпеля и тому подобные знаки засвидѣтельствованія и 6) граничные знаки. Судя по этому перечисленію, Миттермайеръ значительно сузилъ объемъ подлога; ему слѣдовало только точнѣе опредѣлить сущность непосредственнаго предмета, на который направляется дѣйствіе при подлогѣ,—иначе то опредѣленіе, которое онъ даетъ подлогу, идетъ далѣе того, что у него въ самомъ дѣлѣ сказано. Если признавать предметомъ подлога вещь—Sache, которой обязаны другіе по свойству ея вѣрить, то почему же не относить къ подлогу и поддѣлку товаровъ;

при его опредѣленіи это слѣдовало бы сдѣлать, но Миттермайеръ этого не дѣлаетъ, такъ какъ иначе вся граница между подлогомъ и мошенничествомъ, какъ имущественнымъ преступленіемъ—что онъ особенно подчеркиваетъ — исчезла бы. Очевидно, что знакомство съ иностраннымъ правомъ, которое онъ постоянно обнаруживаетъ въ своихъ трудахъ, дало ему возможность сузить объемъ подлога; оставалось только найти болѣе надежные признаки для этой группы преступленій, что онъ дѣлаетъ въ другой своей работѣ подъ вліяніемъ ученія Россгирта. Но во всякомъ случаѣ это его ученіе представляетъ значительный шагъ впередъ по сравненію съ предшествовавшей доктриной, которая всю разницу между подлогомъ и мошенничествомъ видѣла не въ существѣ дѣла, а въ формѣ: подлогъ характеризовался поддѣлкой вещи, а мошенничество иными обманами.

Почти тоже, что и Кукумусъ, говоритъ Ашбахъ [1]). По его словамъ, подлогъ есть видъ обмана (Betrug), характеризуемый только средствомъ обморочиванія, которое состоитъ въ приготовленіи поддѣльной вещи, или другими словами въ приготовленіи постояннаго объективнаго основанія познанія, которое само собой можетъ служить для достиженія цѣли дѣйствующаго. Такимъ образомъ и у него на первомъ планѣ при подлогѣ принужденіе распознавательной способности человѣка.

Дальнѣйшее выраженіе теоріи, видѣвшей сущность обмана въ насиліи надъ волей, представляетъ теорія Темме [2]). Существеннымъ моментомъ обмана является у него обольщеніе, подъ которымъ разумѣется введеніе въ заблужденіе разсудка посредствомъ чувственно распознаваемыхъ предметовъ. Обольщеніе это можетъ быть или посредственное—черезъ другіе предметы, (здѣсь требуется заключеніе разсудка отъ обстоятельствъ, внѣ предмета лежащихъ, къ нему самому или его свойствамъ) или непосредственное, когда нѣтъ необходимости

---

[1]) Aschbach. Zur Lehre vom Betrug. Demme's Annalen. 1841. Bd. III.

[2]) Temme. Die Lehre vom strafbaren Betruge nach preussischen Rechte. 1841. p. 107.

прибѣгать къ подобному заключенію; обольщеніе послѣдняго рода и входитъ въ сущность подлога. Оно достигается здѣсь тѣмъ, что извѣстному предмету придаются такіе свойства и признаки, которые при помощи непосредственнаго воздѣйствія на внѣшнія чувства производятъ ложное представленіе о немъ. Такимъ образомъ различіе между подлогомъ и мошенничествомъ сводится у него къ присутствію или отсутствію рефлективной дѣятельности разсудка у лица, которое вводится въ заблужденіе. Но, конечно, это различіе установить практически почти невозможно, такъ какъ очень трудно сказать, когда не требуется вовсе дѣятельности разсудка, которая заключала бы объ извѣстномъ предметѣ на основаніи обстоятельствъ внѣ его лежащихъ. Выставляя же понятія предмета вообще, какъ объекта, на который направляется дѣйствіе при подлогѣ, Темме создаетъ почву для смѣшенія подлога съ мошенничествомъ; подлогъ, дѣйствительно, у него является не болѣе, какъ квалифицированнымъ мошенничествомъ, и все различіе между обоими понятіями заключается въ томъ, участвуетъ ли рефлективная дѣятельность разсудка въ данномъ случаѣ, или нѣтъ [1]).

Если эти послѣднія теоріи, подобно теоріи Кукумуса, не въ состояніи были провести различіе между подлогомъ и мошенничествомъ, имѣя въ виду неодинаковое воздѣйствіе на распознавательную способность человѣка въ одномъ и другомъ случаѣ, то всетаки нельзя въ нихъ не замѣтить стремленія разграничить по внутреннему свойству и назначенію тѣ предметы, на которые дѣйствіе непосредственно направляется въ данныхъ преступленіяхъ. При подлогѣ рѣчь идетъ о предметѣ, который имѣетъ самъ по себѣ самостоятельное значеніе въ правовомъ оборотѣ и пользуется самостоятельной охраной; при мошенничествѣ же имѣется въ виду предметъ, охрана котораго происходитъ не ради него самого, а потому, что онъ является субстратомъ извѣстныхъ другихъ правъ.

Таковы теоріи, явившіяся слѣдствіемъ ученія Кукумуса:

---

[1]) Merkel. l. c. p. 46.

онѣ сдѣлали безспорно немало для выясненія сущности подлога, остановившись на ближайшемъ анализѣ субъективной стороны потерпѣвшаго отъ этого преступленія, но для правильнаго пониманія характера подлога необходимо было еще обратиться къ анализу объективной стороны этого дѣянія и тѣхъ предметовъ, надъ которыми совершается подлогъ.

§ 10. Весь результатъ, къ которому пришла доктрина къ срединѣ XIX столѣтія, сводится къ признанію того, что существуютъ извѣстные признаки различія между мошенничествомъ и подлогомъ, что для состава послѣдняго требуется наличность особыхъ ложныхъ объективныхъ основаній познанія, во внѣшнемъ мірѣ существующихъ, чего не требуется для мошенничества, и что моментъ окончанія обоихъ преступленій не одинъ и тотъ же. Послѣдующей доктринѣ предстояло направить свои силы къ выясненію самаго содержанія этихъ Erkenntnissgründe, выдѣлить среди поддѣлокъ, совершенныхъ надъ извѣстными предметами, такіе ихъ виды, которые представляютъ нѣчто особенное по сравненію съ тѣмъ имущественнымъ преступленіемъ, какимъ является мошенничество. При анализѣ этого понятія немаловажное значеніе имѣло съ одной стороны надлежащее освѣщеніе сущности и содержанія римскаго falsum, съ другой — болѣе близкое знакомство съ иностраннымъ правомъ — французскимъ и англійскимъ, гдѣ можно было подмѣтить болѣе отчетливо черты различія между подлогомъ и мошенничествомъ. Анализъ понятія римскаго falsum нашелъ себѣ выраженіе въ трудахъ Россгирта и Марецоля, анализъ подлога по иностраннымъ законодательствамъ — въ работахъ Миттермайера. Эти изслѣдованія привели къ заключенію о существованіи особаго нуждающагося въ правовой защитѣ интереса—общественнаго довѣрія, являющагося основаніемъ всякаго правового оборота. Общественное довѣріе— öffentliche Treu und Glaube было возведено въ самостоятельный объектъ посягательства при подлогѣ въ отличіе отъ объекта мошенничества—имущественнаго права.

Самое выраженіе „общественное довѣріе“ и представленіе о нарушеніи его путемъ подлога встрѣчаются и у нѣкоторыхъ

изъ приведенныхъ уже выше писателей; такъ, у Бауэра есть самостоятельная группа преступленій противъ общественнаго довѣрія, знаютъ ее также и нѣкоторые изъ партикулярныхъ кодексовъ Германіи, напр. кодексъ баварскій 1813 г. и ганноверскій. Словомъ, представленіе объ общественномъ довѣріи, какъ о самостоятельномъ объектѣ преступленія, не было чуждо воззрѣніямъ этой эпохи. Надо было только уловить его и придать ему болѣе опредѣленное внутреннее содержаніе. И какъ право на истину не разъ упоминалось до Кукумуса, но только послѣ его „Программы“ получило самостоятельное значеніе въ качествѣ объекта посягательства при подлогѣ, такъ и общественное довѣріе приводилось въ качествѣ самостоятельнаго объекта посягательства и до Россгирта, но только послѣ того, какъ у него получило настоящую оцѣнку, сдѣлалось оно обычнымъ выраженіемъ для обозначенія объекта подлога.

Первымъ писателемъ, обосновавшимъ теорію общественнаго довѣрія, является Россгиртъ [1]), обратившійся для рѣшенія вопроса объ истинномъ объектѣ подлога къ внимательному изученію римскаго falsum; по его словамъ, его предшественники занимались вопросомъ не о томъ, какъ возникло римское ученіе о falsum, а о томъ, какъ бы построить общее опредѣленіе, подъ которое можно подвести всѣ виды falsum, или изъ котораго можно вывести сущность послѣдняго. Онъ обращается къ генезису римскаго falsum и приходитъ къ тому выводу, что злоупотребленіе публично гарантированнаго довѣрія (der Missbrauch des öffentlich garantirten Vertrauens) есть именно то, къ чему пріурочивается развитіе отдѣльныхъ случаевъ falsum; гдѣ этого нѣтъ, тамъ виновный наказывается не за подлогъ, а какъ за подлогъ. Въ чемъ же, однако, сущность этого общественнаго довѣрія, какъ самостоятельнаго объекта преступленія подлога? На это онъ отвѣчаетъ слѣдующее: „очевидно, въ каждомъ обществѣ, въ семействѣ, въ большомъ фабричномъ или тор-

[1]) Rosshirt. Geschichte und System des deutschen Strafrechts. 1839. III Bd. p. 8.

говомъ предпріятіи, гдѣ есть масса рабочихъ, а, слѣдовательно, также и въ государствѣ, должно быть общее чувство (ein gemeines Gefühl), которое можетъ быть названо „общественное довѣріе"; при этомъ всякій знаетъ, что нарушающій это довѣріе нарушаетъ не только договоръ или данное слово, но и колеблетъ добрую вѣру, которая настолько связываетъ одно лицо съ другимъ, что въ силу этого должно быть всегда презумируемо извѣстное взаимное довѣріе ихъ другъ къ другу. Подлогъ есть такимъ образомъ нарушеніе fides publica" [1]). Этимъ подлогъ отличается отъ мошенничества, гдѣ нарушается не публичное довѣріе, но гдѣ кто-нибудь терпитъ благодаря коварству другого извѣстный ущербъ.

Сознавая, что выставленное имъ понятіе очень широко и неопредѣленно, Россгиртъ старается ограничить его объемъ; однако, ограниченія эти едва ли помогаютъ дѣлу. „Въ примѣненіи указаннаго принципа къ отдѣльнымъ случаямъ, говоритъ онъ, нужно пользоваться не логическимъ распространеніемъ понятія, а изслѣдовать постоянно, насколько обычаи принимаютъ общественное довѣріе и насколько юриспруденція уже высказала свой взглядъ относительно однихъ случаевъ, и выскажетъ еще его относительно другихъ, сообразно общему принципу и обычаямъ". Такъ, напр., выдача поддѣльнаго свидѣтельства о бѣдности съ цѣлью помочь кому-нибудь, по его мнѣнію, ненаказуемый подлогъ, такъ какъ обычай высказывается противъ этого. Съ другой стороны необходимо еще принимать во вниманіе особое преступное настроеніе виновнаго при подлогѣ, такъ какъ иначе данное дѣяніе можетъ быть по мѣстнымъ обычаямъ простой ненаказуемой неправдой. Юриспруденція и должна входить въ обсужденіе отдѣльныхъ случаевъ для того, чтобы узнать, дѣйствительно ли данный случай нарушенія довѣрія есть преступленіе, или же это только несоотвѣтствіе обычаямъ (Indecenz). Ставя такимъ

[1]) Въ своемъ „Lehrbuch des Criminalrechts" 1821 г. онъ стоитъ еще на иной точкѣ зрѣнія и замѣчаетъ, что сущность подлога состоитъ въ томъ, что при немъ измѣняется тѣлесная вещь (körperliche Sache) или искажается какое-нибудь обстоятельство (p. 522).

образомъ моментъ общественнаго довѣрія въ зависимость отъ обычаевъ и юриспруденціи, Россгиртъ вноситъ въ это понятіе элементъ крайне ненадежный и шаткій, да и самое понятіе общественнаго довѣрія, какъ оно формулировано у него, вовсе не пригодно для построенія особой группы подлоговъ, такъ какъ, по его ученію, общественное довѣріе — это только чувство, живущее въ обществѣ; вотъ почему, должно быть, при разсмотрѣніи отдѣльныхъ видовъ, относимыхъ имъ къ подлогу, онъ, повидимому, самъ мало заботился о точномъ и послѣдовательномъ проведеніи своего принципа, и тутъ подлогъ у него получаетъ прежній широкій объемъ и смѣшивается съ другими преступленіями. Такъ, сюда кромѣ случаевъ, предусмотрѣнныхъ Каролиной, относитъ онъ: 1) всякое нарушеніе публичнаго довѣрія со стороны публичныхъ чиновниковъ въ дѣлахъ ихъ должности посредствомъ искаженія данныхъ, содержащихся въ разнаго рода документахъ; 2) дача ложнаго показанія передъ судомъ или публичной властью; 3) искаженіе, сокрытіе и утайка публичныхъ актовъ; 4) ложныя заявленія передъ публичной властью; 5) злоупотребленіе довѣріемъ (Untreu) въ нарушеніи публичныхъ обязанностей; 6) подлогъ въ состояніи лица (status); 7) поддѣлка вещей и искаженіе извѣстныхъ данныхъ (Thatsache) тамъ, гдѣ обычай предполагаетъ безусловное довѣріе, напр.при извѣстныхъ промыслахъ (золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ и т. п.). Всѣ остальные случаи наказуемаго обмана составляютъ мошенничество (Stellionat) или только полицейское нарушеніе. Сообразно съ этимъ различіемъ онъ даетъ и болѣе близкое опредѣленіе сущности подлога и его отношенія къ мошенничеству. Подлогъ характеризуется образованіемъ въ мысляхъ представленія о нарушенной fides publica въ опредѣленныхъ, освященныхъ закономъ или обычаемъ предметахъ или правахъ (eine Fortbildung auf dem Gedanken der verletzten pudlica fides in bestimmten durch Gesetz und Sitte geheiligten Gegenständen und Rechten), а стелліонатъ представляетъ собой потенцированіе поврежденія, причиненнаго посредствомъ dolus malus (eine Potenzirung der durch dolus malus bewirkten Beschädigung). Но выставивъ это положеніе,

вмѣстѣ съ тѣмъ Россгиртъ признаетъ, что подлогъ не имѣетъ общаго состава, и отдѣльные случаи его только соединяются въ общемъ смыслѣ слова „подлогъ“ (Fälschung), причемъ здѣсь обращается только вниманіе на нарушенное общественное довѣріе съ точки зрѣнія обычаевъ и юриспруденціи. Такимъ образомъ у него посягательство на общественное довѣріе является понятіемъ очень широкимъ, охватывающимъ собою не только подлогъ, но и другія преступныя дѣянія. И въ такомъ распространеніи этого понятія лежитъ его осужденіе и доказательство непригодности служить самостоятельнымъ объектомъ посягательства; сказать, что общественное довѣріе является объектомъ подлога еще не значитъ опредѣлить истинную его сущность. У Россгирта подлогъ получаетъ почти прежній широкій объемъ и не имѣетъ опредѣленнаго состава, какъ долженъ былъ признаться онъ самъ.

Такимъ образомъ, выставивъ широкое понятіе publica fides, Россгиртъ въ конечномъ результатѣ мало помогъ дѣлу выясненія сущности подлога. Самое понятіе publica fides у него совершенно неопредѣленно и неуловимо: посягательство на него точно такъ же ничего не выражаетъ, какъ и употреблявшееся раньше понятіе нарушенія истины (Wahrheitsverletzung). Но заслуга Россгирта безспорно въ томъ, что онъ выдвинулъ новый моментъ для разграниченія понятій подлога и мошенничества и указалъ дальнѣйшій путь доктринѣ.

§ 11. Однако многіе изъ писателей, пошедшихъ по этому новому пути, не могли сразу отрѣшиться отъ вліянія предшествующей доктрины, такъ что у нихъ право на истину сливалось съ общественнымъ довѣріемъ или даже правомъ на общественное довѣріе. Они старались только придать новое выраженіе старому понятію и въ результатѣ выставляли мало новыхъ данныхъ, пригодныхъ для выясненія истинной природы подлога, и только запутывали еще больше и безъ того запутанный вопросъ.

Такъ, Гюнтеръ [1]) вполнѣ, повидимому, послѣдовательно

[1]) См. его статью „Betrug“ въ Weisske's Rechtslexicon. 1840. II Bd. p. 77.

примыкаетъ къ взглядамъ Кукумуса и признаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ право на истину. По его словамъ, сущность обмана заключается въ насиліи воли, совершенномъ посредствомъ произведенія ложнаго представленія въ распознавательной способности потерпѣвшаго. Изъ общаго понятія обмана выдѣляется его особый видъ, называемый подлогомъ (Fälschung), который наказывается, не какъ средство достиженія преступной цѣли, а самъ по себѣ. Здѣсь предполагается, что у извѣстнаго лица на какомъ-нибудь основаніи есть обязанность говорить истину, и онъ эту обязанность нарушилъ. Но эта обязанность не общая, а существуетъ только въ извѣстныхъ случаяхъ: 1) какъ общая гражданская обязанность частью по отношенію къ власти, частью—къ общежитію, 2) въ особенныхъ отношеніяхъ, напр. чиновниковъ, адвокатовъ и т. д. По поводу первой онъ замѣчаетъ, что она представляетъ извѣстную мѣру публичнаго довѣрія, какъ необходимаго условія существованія людей, и это довѣріе есть, хотя и идеальное, но не менѣе важное благо общежитія. Это благо является у него самостоятельнымъ объектомъ посягательствъ и можетъ быть нарушено двоякимъ образомъ: 1) когда тѣмъ предметамъ, которые въ жизни (вообще или при извѣстныхъ условіяхъ) обыкновенно принимаются безъ дальнѣйшаго изслѣдованія за то, за что они выдаются и чѣмъ они представляются по своему внѣшнему виду, сообщается что-нибудь ненастоящее вмѣсто настоящаго; 2) когда поддѣлываются, передѣлываются или иначе употребляются для обмана тѣ внѣшнія и видимыя вспомогательныя средства (Hilfsmittel), которыя употребляются въ отношеніяхъ людей другъ къ другу для цѣлей взаимнаго сообщенія и особенно удостовѣренія. Къ первому случаю онъ относитъ поддѣлку товаровъ, ко второму—подлогъ документовъ и знаковъ, видя въ обоихъ случаяхъ нарушеніе общественнаго довѣрія (öffentliche Treu und Glaube). У него такимъ образомъ незамѣтно право на истину отождествляется съ общественнымъ довѣріемъ, и въ результатѣ отличіе подлога отъ мошенничества не выясняется. Такъ, поддѣлка товаровъ отнесена имъ прямо къ той же группѣ

преступленій, что и подлогъ документовъ, а изъ того опредѣленія, которое онъ даетъ второму виду подлога, слѣдуетъ, что и поддѣлка всякаго предмета, служащаго для цѣлей взаимнаго сообщенія людей, напр. простого письма, будетъ по его взглядамъ, подлогомъ. Онъ упустилъ изъ виду то соображеніе, что подлогъ долженъ направляться на искаженіе тѣхъ предметовъ, которые служатъ средствомъ удостовѣренія извѣстныхъ правъ и правовыхъ отношеній. Общественное довѣріе замѣнило для него подвергшееся рѣзкой критикѣ право на истину, но въ сущности это дѣлу не помогло, такъ какъ и у него проскальзываетъ старый взглядъ на то, что подлогъ въ отличіе отъ мошенничества характеризуется фактомъ измѣненія внѣшняго вида любого предмета.

Въ результатѣ получалось, что у Гюнтера общественное довѣріе является объектомъ нарушенія и при мошенничествѣ и при подлогѣ,—и взглядъ этотъ не былъ единственнымъ въ литературѣ средины XIX в.: можно указать еще на другихъ сторонниковъ этого направленія—Ягеманна и Озенбрюггена. Въ этомъ отношеніи мы видимъ то же, что видѣли и относительно теоріи права на истину. Эта послѣдняя теорія была выдвинута для разграниченія областей подлога и мошенничества, но нѣкоторыми писателями она была понята, какъ теорія, объясняющая сущность всякаго вообще обмана, вслѣдствіе чего и произошло новое смѣшеніе этихъ понятій; здѣсь мы видимъ аналогичное явленіе: здѣсь выдвигается на первый планъ понятіе общественнаго довѣрія въ значеніи общаго объекта посягательства, какъ при подлогѣ, такъ и при мошенничествѣ.

Вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что различіе между подлогомъ и мошенничествомъ лежитъ въ моментѣ окончанія преступленія, т. е. для подлога достаточно умышленнаго употребленія поддѣльнаго, тогда какъ для мошенничества необходима наличность причиненнаго ущерба, Ягеманнъ [1]) говоритъ, что этотъ критерій различія непригоденъ для всѣхъ тѣхъ

[1]) Jagemann. Über Fälschung und Betrug (Archiv des Criminalrechts N. F. 1846. p. 206).

случаевъ, гдѣ подлогъ имѣлъ своимъ результатомъ дѣйствительное наступленіе вреда; между этими обоими преступленіями общее то, что въ нихъ ставится на мѣсто истины что-нибудь ложное, и это даетъ возможность объединять ихъ, для чего слѣдовало бы создать общее для обоихъ названіе „Falschheit"; все же отличіе мошенничества отъ подлога, по мнѣнію Ягеманна, *только* въ томъ, что мошенничество не содержитъ признака злоупотребленія утвержденной государствомъ документарной формы (Missbrauch einer vom Staat approbirten documentarischen Form). Здѣсь Ягеманнъ не замѣчаетъ, что различіе это весьма важно и существенно, и что говорить здѣсь „только" очень мало: вся сущность подлога именно въ томъ, что при немъ затрогивается документарная форма удостовѣренія юридическихъ отношеній. Но это „только" вполнѣ вяжется съ дальнѣйшимъ его разсужденіемъ о томъ, что объектомъ посягательства и при подлогѣ и при мошенничествѣ является общественное довѣріе — publica fides. Такъ, онъ говоритъ, что publica fides можетъ быть нарушена обманами и безъ наличности подлога, напр. если происходитъ злоупотребленіе концессіоннымъ производствомъ предметовъ, знаніемъ котораго обладаетъ не всякій, или если прибѣгаютъ къ договорной формѣ для сокрытія обмановъ; такимъ образомъ нарушеніе общественнаго довѣрія является у него характернымъ моментомъ въ извѣстныхъ случаяхъ и для мошенничества. Высказывая въ заключеніе мысль о необходимости создать особую группу преступленій Wahrheitsverfälschungen, которая бы дѣлилась на 1) подлогъ кредитныхъ бумагъ и публичныхъ документовъ, 2) подлогъ частныхъ документовъ, 3) мошенничество въ договорныхъ отношеніяхъ безъ употребленія подложныхъ документовъ, онъ тѣмъ самымъ указываетъ, что строгаго разграниченія между подлогомъ и мошенничествомъ онъ былъ не въ состояніи провести, ставъ на ту точку зрѣнія, что для подлога существеннымъ моментомъ является нарушеніе общественнаго довѣрія, и этотъ выводъ его показываетъ лишь непригодность самаго понятія общественнаго довѣрія служить такимъ объектомъ посягательства, которымъ харак-

теризовалась бы особая группа преступленій, такъ какъ и въ случаяхъ мошенничества, имъ приводимыхъ и отнесенныхъ къ подлогу, разумѣется, можно усмотрѣть посягательство на общественное довѣріе.

Еще яснѣе проводится мысль о томъ, что и для мошенничества объектомъ посягательства служитъ общественное довѣріе, у Озенбрюггена [1]). Онъ замѣчаетъ, что существуетъ и должна и можетъ предполагаться у всякаго извѣстная степень вѣрности и честности, безъ которой немыслимы нравственное существованіе людей и тотъ оборотъ, въ которомъ существуютъ и обосновываются правовыя отношенія людей между собой. „Подобное общественное довѣріе, говоритъ онъ, является такимъ образомъ постулатомъ; кто обманываетъ другого, уничтожаетъ это довѣріе со своей стороны, желая между тѣмъ, чтобы оно сохранялось по отношенію къ нему въ общемъ оборотѣ". Признавая такимъ образомъ объектомъ всякаго наказуемаго обмана общественное довѣріе, Озенбрюггенъ долженъ былъ прибѣгнуть къ установленію различія между мошенничествомъ и подлогомъ въ иномъ смыслѣ, и онъ пользуется для этого старымъ критеріемъ: по его словамъ, при подлогѣ посягательство направляется на вещь, чего нѣтъ при мошенничествѣ. Подлогъ состоитъ въ томъ, что производится вещь, которая кажется иной, чѣмъ она на самомъ дѣлѣ есть, или же измѣняется вещь существующая, вслѣдствіе чего она представляется иной, чѣмъ есть въ дѣйствительности. Такимъ образомъ и его взглядъ ничего не даетъ для правильнаго разграниченія преступленій подлога и мошенничества, и даже напротивъ, возводя понятіе общественнаго довѣрія въ значеніе общаго объекта посягательства при всякомъ наказуемомъ обманѣ, смѣшиваетъ еще болѣе эти понятія. И нельзя при этомъ не замѣтить, что здѣсь понятіе общественнаго довѣрія очень близко подходитъ къ праву на истину, изъ чего видно, что не всѣ писатели могли отрѣшиться сразу отъ

---

[1]) Osenbrüggen. Abhandlungen aus dem deutschen Strafrechte. Bd. I. 1857. p. 100.

прежнихъ взглядовъ на сущность подлога, хотя они и не считали уже возможнымъ оставаться при осужденномъ всѣми понятіи права на истину, которое и постарались замѣнить другимъ понятіемъ новымъ только по названію, но не по содержанію.

§ 12. Даже у другого писателя, оказавшаго заслугу не менѣе важную, чѣмъ Россгиртъ, въ дѣлѣ анализа подлога по римскому праву и способствовавщаго выясненію сущности общественнаго довѣрія—Марецолля [1]), находимъ мы незамѣтный переходъ понятія права на истину въ понятіе общественнаго довѣрія и смѣшеніе подлога съ мошенничествомъ. Онъ даетъ правильное историческое объясненіе сущности подлога, но прибѣгаетъ къ неправильной догматической конструкціи его, такъ какъ знаетъ общее понятіе преступленій противъ истины, помѣщая мошенничество и подлоги въ одной и той же главѣ „объ обманахъ или преступныхъ нарушеніяхъ права другихъ на извѣстную правдивость, вѣру и вѣрность" (von den Betrügereien oder verbrecherischen Verletzungen des Rechtes Anderer auf eine gewisse Wahrhaftigkeit, auf Treu und Glauben). При этомъ въ его разсужденіяхъ замѣчается раздвоенность, и то, что говорится о родѣ, не подходитъ къ тому, что говорится о видѣ. По его словамъ, „правдивость и честность, соблюденіе вѣрности во внѣшнемъ житейскомъ оборотѣ съ другими, является не только признанной моральной обязанностью, но существуютъ отношенія, въ которыхъ достиженіе общей государственной цѣли является возможнымъ только тогда, когда соблюденіе извѣстной правдивости и честности гражданъ частью по отношенію къ государству, какъ таковому, частью по отношенію другъ къ другу, сдѣлано строгой правовой обязанностью (Rechtspflicht)". Нарушеніе этой обязанности образуетъ общее понятіе обмана или мошенничества въ широкомъ смыслѣ. Такимъ образомъ онъ здѣсь вполнѣ признаетъ принудительное право на истину за государствомъ. Но затѣмъ, обращаясь къ анализу римскаго falsum, онъ говоритъ,

[1]) Marezoll. Das gemeine deutsche Criminalrecht. 1856.

что подлогъ есть посягательство на общественное довѣріе. Римское falsum характеризуется у него совокупностью трехъ слѣдующихъ признаковъ: 1) наличностью особенной опасности для всего государства, заключающейся въ нарушеніи общественнаго довѣрія, на которомъ государство многое строитъ и которое оно должно стараться оберегать строгими уголовными законами отъ всякихъ поползновеній поколебать. „Здѣсь защищаются важнѣйшіе правовые институты, которые зиждутся на опредѣленной, гарантированной публично государствомъ достовѣрности, на подлинности извѣстныхъ выраженій, основаній познанія или данныхъ (Äusserungen, Erkenntnissgründe oder Thatsachen), противъ поддѣлки которыхъ направляется уголовная угроза“; 2) наличностью подражанія тѣмъ объективнымъ основаніямъ познанія, которыя являются основаніемъ общественнаго довѣрія и которымъ и государство и граждане принуждены безусловно довѣрять; 3) вредомъ, который здѣсь угрожаетъ всему государству, его правовымъ институтамъ. Въ этомъ отношеніи Марецолль совершенно вѣрно возлагаетъ центръ тяжести ученія о подлогѣ на анализъ особыхъ основаній общественнаго довѣрія, а не на самое понятіе его, какъ это было у Россгирта. Но всетаки ближе эти основанія общественнаго довѣрія имъ не опредѣляются и характеризуются только тѣмъ, что они являются объективными основаніями познанія, какъ это указывалъ еще Кукумусъ. У него общественное довѣріе въ своихъ основаніяхъ—Grundlagen—и является объектомъ посягательства; самыя же эти Grundlagen характеризуются тѣмъ, что имъ обязаны всѣ вѣрить; но природа этихъ основаній и ближайшая цѣль и значеніе ихъ здѣсь не выяснены, такъ что въ этомъ отношеніи заслуга Марецолля, какъ и Россгирта главнымъ образомъ заключается въ указаніи пути доктринѣ для дальнѣйшаго анализа подлога.

И, дѣйствительно, дальнѣйшій анализъ понятія подлога въ томъ духѣ, какъ онъ намѣченъ Марецоллемъ, находимъ мы прежде всего у Миттермайера въ его примѣчаніяхъ къ учебнику Фейербаха [1]). Какъ уже упоминалось выше, Миттермай-

[1]) Feuerbach. Lehrbuch. 1847. p. 671 not. II.

еръ въ своей первой работѣ, хотя и исходилъ изъ взглядовъ Кукумуса на обманъ, какъ на посягательство противъ распознавательной способности человѣка, но значительно сузилъ объемъ преступныхъ дѣяній, отнесенныхъ къ категоріи подлога; оставалось только найти объединяющій признакъ для всѣхъ ихъ, и онъ въ этомъ случаѣ воспользовался готовыми данными изъ теоріи Россгирта. Онъ постарался опредѣлить ближе сущность тѣхъ предметовъ, на которые направляется подлогъ и которые являются у него не только основаніемъ (Grundlage) общественнаго довѣрія, какъ говоритъ Марецолль, но и средствомъ обоснованія правъ и обязанностей — другими словами, способовъ удостовѣренія извѣстныхъ правовыхъ отношеній. По его опредѣленію, подлогъ— это „обморочиваніе, совершенное посредствомъ подражанія или измѣненія предметовъ, которые служатъ основаніемъ общественнаго довѣрія или средствомъ обоснованія правъ и обязанностей, или же посредствомъ сокрытія подлинныхъ предметовъ этого рода, съ умысломъ причинить вредъ имуществу или семейному состоянію другихъ или пріобрѣсти выгоды, связанныя, согласно государственнымъ установленіямъ, съ подлинностью извѣстныхъ предметовъ“. Усиленную наказуемость подлога онъ объясняетъ здѣсь такъ же, какъ и въ предыдущей работѣ, отчасти тѣмъ, что здѣсь производится предметъ, съ которымъ связано общественное довѣріе и посредствомъ котораго причиняется принужденіе распознавательной способности человѣка такого рода, что и самый предусмотрительный человѣкъ могъ бы быть въ этомъ случаѣ обмануть, отчасти же тѣмъ, что здѣсь неправда сдѣлалась постоянной, изъ чего вытекаютъ тяжкія послѣдствія. Миттермайеръ здѣсь очень близко подходитъ къ выясненію сущности подлога, но онъ все еще придаетъ ему черезчуръ широкій объемъ, относя сюда не только искаженіе, но и сокрытіе подлинныхъ предметовъ, а если указаніемъ спеціальнаго умысла онъ стремится съ другой стороны придать подлогу ограниченный объемъ, то въ общемъ это ему мало удается, такъ какъ умыселъ этотъ понимается имъ довольно широко.

Дальнѣйшимъ развитіемъ началъ, выраженныхъ у Миттермайера, является ученіе Эшера [1]), который при этомъ почти дословно повторяетъ существенныя стороны теоріи Миттермайера, нѣсколько только дополняя и развивая ее. По его словамъ, то разграниченіе между подлогомъ и мошенничествомъ, которое дѣлаютъ неюристы и которое въ сущности повторяется у такихъ юристовъ, какъ Фейербахъ и другіе, сводится къ тому что „людей обманываютъ, а вещи поддѣлываютъ" (man Menschen betrügt, Sachen verfälscht); но оно не достигаетъ своей цѣли, такъ какъ благодаря этому приходится относить съ одной стороны къ подлогу и поддѣлку товаровъ, съ другой—нельзя охватить имъ всѣхъ случаевъ подлога (напр. подлогъ интеллектуальный). Необходимъ поэтому другой критерій разграниченія этихъ понятій, который онъ и находитъ въ римскомъ falsum въ его первоначальномъ основномъ видѣ; характерный моментъ falsum, по его мнѣнію, состоитъ въ обманномъ подражаніи или измѣненіи предметовъ, служащихъ основаніемъ для публичнаго довѣрія (напр. государственныхъ печатей, публичныхъ документовъ и т. п.), или же доказательственными средствами (Beweismittel) правъ и обязанностей въ гражданскомъ оборотѣ, или гдѣ обманное приготовленіе принимаетъ формы, съ которыми по закону или обычаю сопрягается вѣра въ ихъ истинность. Онъ различаетъ такимъ образомъ среди ближайшихъ объектовъ посягательства, во-первыхъ, вообще основанія публичнаго довѣрія, во-вторыхъ, доказательственныя средства правъ и обязанностей (впервые у него мы находимъ это выраженіе), въ третьихъ, формы, съ которыми связано представленіе объ истинности. Этого послѣдняго понятія онъ далѣе не развиваетъ, но, развивъ его, онъ снова смѣшалъ бы область подлога съ мошенничествомъ, такъ какъ ему пришлось бы отнести сюда и поддѣлку товаровъ. Самый же кругъ непосредственныхъ предметовъ посягательства, ближе имъ опредѣляемый, слѣдующій: 1) публичныя кре-

---

[1]) Escher. Die Lehre von dem strafbaren Betrug und der Fälschung. 1840.

дитныя бумаги, 2) публичные печати, штемпеля и другія удостовѣрительныя средства (Beglaubigungsmittel), 3) тѣ же средства, употребляемыя частными лицами, 4) документы публичные и 5) частные.

Но хотя Эшеръ и выставляетъ понятіе публичнаго довѣрія, повидимому, болѣе конкретизируя его по сравненію съ предшествующими писателями, но и у него оно является расплывчатымъ, неопредѣленнымъ понятіемъ, которое онъ и самъ себѣ мало уяснилъ, какъ это можно вывести изъ слѣдующихъ его словъ, которыми онъ описываетъ характеръ подлога документовъ, видя посягательство на общественное довѣріе въ томъ, что подлогъ документовъ „является преступнымъ обморочиваніемъ судейской власти, которая унижается до орудія для преступныхъ цѣлей (als Werkzeug für betrügliche Absichten herabgewürdigt werden sollen): подобный подлогъ нападаетъ на подвергшагося угрозѣ гражданина посредствомъ того самаго учрежденія, которое предназначено для защиты его правъ“, или въ томъ, что „документъ, который имѣетъ видъ публичнаго, доколѣ не обнаруженъ подлогъ, лишаетъ подвергшагося нападенію гражданина возможности защиты“. Видѣть въ этомъ посягательство на общественное довѣріе—способствуетъ очень мало уясненію истиннаго характера подлога. Поэтому самое общественное довѣріе у Эшера скорѣе образное выраженіе, служащее только для замѣны другихъ. Разсматривая далѣе моментъ окончанія преступленія, онъ замѣчаетъ, что имъ является моментъ учиненія поддѣлки, потому что, по его словамъ, подлогъ самъ по себѣ, даже безъ отношенія къ дѣйствительному употребленію поддѣланной вещи, приноситъ такую настоятельную (dringende) опасность для общей безопасности права, общественнаго кредита и отдѣльныхъ лицъ, что онъ долженъ быть наказанъ, какъ оконченное преступленіе нарушеннаго „права на безопасность“ (Verbrechen des verletzten Rechts auf Sicherheit), такъ какъ созданіе поддѣльной вещи даетъ возможность поддѣлывателю или третьимъ лицамъ въ любой удобный моментъ сдѣлать изъ нея употребленіе.

Такимъ образомъ, выставивъ сначала объектомъ посяга-

тельства при подлогѣ общественное довѣріе, Эшеръ въ заключеніе приходитъ къ тому положенію, что подлогъ посягаетъ на право на безопасность. Сознаніе неудовлетворительности выставленія понятія общественнаго довѣрія въ качествѣ объекта подлога и стремленіе придать ему юридически распознаваемое выраженіе побудило его облечь понятіе общественнаго довѣрія въ форму права на безопасность.

§ 13. Какъ видно изъ разсмотрѣнія воззрѣній Эшера на сущность подлога, въ конечномъ своемъ результатѣ онъ пришелъ къ отождествленію понятія общественнаго довѣрія съ правомъ на безопасность, такъ что, если прежде это понятіе было не болѣе, какъ другимъ выраженіемъ для права на истину, теперь оно становится аналогичнымъ праву на безопасность; но существуетъ ли такое право и въ чемъ его сущность, на выясненіи этого вопроса не останавливаются ни Эшеръ, ни другіе писатели, придававшіе такое же содержаніе понятію общественнаго довѣрія, именно Цирклеръ, Бракенгефтъ и отчасти Кестлинъ.

Цирклеръ [1]) замѣчаетъ, что при подлогѣ измѣняется и злоупотребляется не истина сама по себѣ, которая вообще не можетъ быть измѣняема, а установленные и изобрѣтенные человѣческимъ произволомъ, именно вслѣдствіе несовершенства средствъ удостовѣренія истины, знаки истины (Wahrzeichen), которые передъ судомъ или общественными властями или же иначе въ гражданской жизни или въ торговомъ быту, по закону или по обычаю, представляютъ истину (Wahrheit vorstellen), если и не безусловно (definitiv), какъ это имѣетъ мѣсто при res judicata, то предположительно (praesumptiv) въ силу установленнаго въ пользу этого предположенія. Такимъ образомъ слагается понятіе „постоянно остающагося памятника“ (bleibendes Denkmal), довѣріе къ которому покоится на томъ основаніи, что онъ составляется только уполномоченнымъ на это лицомъ; недостатокъ подобной аутентичности — важнѣйшій признакъ подлога, который даже можетъ

---

1) v. Zirkler. l. c. p. 35.

имѣть мѣсто тогда, когда содержаніе документа вѣрно [1]). Выставивъ наличность существованія знаковъ, противъ которыхъ направляется подлогъ, Цирклеръ самому подлогу даетъ черезчуръ широкій объемъ, выходя изъ его обычныхъ границъ. По его словамъ, эти знаки (positive Wahrzeichen), даже если будутъ подлинны, не могутъ быть употребляемы для доказательства чего-нибудь другого, чѣмъ то, что они должны и могутъ доказывать, такъ что, гдѣ подобнаго рода злоупотребленіе будетъ имѣть мѣсто, тамъ и подлогъ будетъ въ наличности. Въ заключеніе Цирклеръ говоритъ, что подлогъ считается совершившимся, когда употребленіемъ

[1]) Этотъ взглядъ Цирклера о существованіи особыхъ знаковъ истины и ихъ назначеніи, очевидно, заимствованъ имъ у Ванъ-деръ-Вельдена (Van der Velden. Diss. juridica de crimine falsi et jure constituto et rei veritate 1823), у котораго мы встрѣчаемъ слѣдующія разсужденія. Ванъ-деръ-Вельденъ высказывается рѣшительно противъ права на истину, и объектомъ подлога у него являются знаки истины сами по себѣ—signa veritatis. Подлогъ заключается въ употребленіи этихъ знаковъ для иныхъ цѣлей, чѣмъ тѣ, къ которымъ они были предназначены, равно какъ въ сокрытіи ихъ, искаженіи, поврежденіи, порчѣ и подражаніи съ умысломъ вредить другимъ лицамъ; знаки эти введены или самимъ государствомъ или его правителемъ, или же частными лицами, съ согласія правителя, или же обычаемъ въ интересахъ выгоды гражданъ, торговли и защиты противъ обмановъ и хитростей. Изъ этого видно, что Ванъ-деръ-Вельденъ понялъ, въ чемъ заключается истинная сущность подлога, именно, въ посягательствѣ на особые знаки, которые введены въ общежитіи для цѣлей удостовѣренія; онъ не могъ только вполнѣ обосновать своей теоріи и сущность самаго преступленія по способу дѣйствія понималъ слишкомъ широко, не замѣчая, что подлогъ характеризуется кромѣ непосредственнаго своего объекта еще способомъ дѣйствія. Интересно, что ни одинъ изъ ближайшихъ современниковъ Ванъ-деръ-Вельдена, въ особенности Цирклеръ, не дѣлаетъ ссылокъ на него, между тѣмъ отъ его теоріи до теоріи общественнаго довѣрія было весьма близко. Нужно было только обосновать сущность этихъ знаковъ, разумѣя подъ ними нѣчто больше, чѣмъ signa veritatis, и придавая имъ значеніе не только для житейскаго оборота, но и для правового, какъ средствъ удостовѣренія имѣющихъ правовое значеніе событій.

принудительнаго права на вѣру другихъ сдѣлано нападеніе на право на безопасность по отношенію къ потерпѣвшему (als die Ausübung eines Zwangsrechts auf den Glauben Anderer den Eingriff in das Recht auf Sicherheit dem damnificaten gegenüber vollendet). Такимъ образомъ у него посредствомъ посягательства на знаки удостовѣренія истины учиняется нарушеніе особаго права на безопасность: этимъ понятіемъ онъ замѣняетъ понятіе общественнаго довѣрія, но ближе существа его не опредѣляетъ.

Въ этомъ отношеніи близко къ нему подходитъ другой писатель, Бракенгефтъ [1]), который находитъ, что подлогъ вообще направляется на безопасность общаго правопорядка (Sicherheit des allgemeinen Rechtszustandes), бытіе котораго, однако, не можетъ быть этимъ нарушено, а только подвергнуто опасности; но такъ какъ безопасность сама по себѣ есть интеллектуальное благо, то преступленіе можетъ быть совершено только на такомъ предметѣ, отъ котораго или отъ невредимости котораго зависитъ эта безопасность, и такой предметъ является общимъ годнымъ признакомъ распознаванія истины. (Erkenntnissmerkmal einer Wahrheit). Далѣе у него проводится различіе между этими признаками распознаванія истины по дѣйствію ихъ на распознавательную способность человѣка. Это — съ одной стороны знаки представленія (Darstellung), которые посредствомъ своего чувственнаго впечатлѣнія на познающаго сообщаютъ ему непосредственное знаніе о предметѣ познанія, съ другой стороны это такіе признаки, которые даютъ это знаніе только посредствомъ обсужденія (Beurtheilung), именно посредствомъ сравненія ихъ съ тѣми признаками, которые должны присутствовать у даннаго предмета. Сообразно съ этимъ и поддѣлку товаровъ онъ относитъ къ подлогу и замѣчаетъ только, что вся разница между этимъ видомъ подлога и обыкновеннымъ въ томъ, что тамъ предметомъ подлога является безопасность правового оборота, здѣсь—тор-

---

[1]) Brackenhoeft. Uber die Natur der Fälschung an Maasse oder Gewichte und an Waare. (Arch. des Crim. R. N. F. 1848 p. 227).

говаго. Такимъ образомъ выставленіе безопасности, какъ объекта посягательства при подлогѣ, не привело его къ уразумѣнію истинной природы подлога и отграниченію его отъ мошенничества, и если можно говорить, что подлогъ является посягательствомъ на право на безопасность, то въ такомъ же смыслѣ можно это говорить и о преступленіяхъ другого рода, такъ какъ всякое преступленіе нарушаетъ это право (если только оно существуетъ), и ничего специфическаго для подлога въ нарушеніи его усмотрѣть нельзя.

Близко къ этому конструируетъ свой взглядъ на подлогъ и Кестлинъ [1]). Онъ, правда, только вскользь касается подлога, обращая свое главное вниманіе на мошенничество, но и изъ его немногихъ словъ можно вполнѣ вывести его взглядъ на сущность подлога. Онъ выставляетъ, какъ и другіе писатели, объектомъ подлога общественное довѣріе, опредѣляя его ближе. По его словамъ, ложь можетъ быть вообще способомъ дѣйствія, но, чтобы она входила въ составъ преступленія, необходимо нарушеніе ею извѣстныхъ правъ; при этомъ можетъ быть нарушено право такого рода, что въ силу глубины содержанія его форма обмана будетъ здѣсь только простымъ измѣненіемъ (Modalität) вида преступленія (напр., при похищеніи людей, подлогѣ семейнаго состоянія и т. п.), но есть двѣ правовыя сферы, гдѣ форма обмана, не сливаясь съ содержаніемъ его, является существенной для послѣдняго, поскольку подвергшееся нападенію право вообще не можетъ быть иначе нарушено, какъ посредствомъ данной формы: это 1) общественный оборотъ, покоющійся на довѣріи—преступленіе, направленное на нарушеніе общественнаго довѣрія посредствомъ обмана (Täuschung), есть подлогъ, 2) имущественныя права; опредѣляя же ближе сущность подлога, онъ говоритъ, что подлогъ является нарушеніемъ „права гражданскаго общежитія на ненарушимость его идеальнаго фундамента“. „Общественная жизнь, говоритъ онъ въ другомъ своемъ сочиненіи [2]), невоз-

[1]) Köstlin. Abhandlungen aus dem Strafrechte. 1858. p. 120.

[2]) Köstlin. Die gemeingefährliche Waarenfälschung (Arch. des Crim. R. 1856 p. 291).

можна, если не будутъ поддерживаемы правовымъ путемъ ея два краеугольныхъ камня: матеріально — общественное спокойствіе и безопасность, и идеально—общественное довѣріе; гдѣ они нарушены, тамъ нельзя говорить объ одномъ только ихъ поставленіи въ опасность". Въ чемъ однако заключается это право общества, Кестлинъ ближе не опредѣляетъ, но при томъ широкомъ значеніи, которое можно вывести изъ понятія ненарушимости идеальнаго фундамента общества, подлогъ еще мало охарактеризованъ въ своемъ существѣ. Но, не возражая противъ возможности самаго существованія въ дѣйствительности этого права, нельзя не подчеркнуть того обстоятельства, что у Кестлина подлогъ безусловно выдѣляется изъ мошенничества, и каждое изъ этихъ преступленій является совершенно самостоятельнымъ и независимымъ другъ отъ друга.

§ 14. Сознавая невозможность признанія самостоятельнымъ объектомъ посягательства при подлогѣ общественнаго довѣрія, какъ понятія черезчуръ неопредѣленнаго и мало полезнаго для выясненія сущности подлога, если его не ограничить извѣстными условіями, изслѣдователи вопроса о подлогѣ начали мало по малу стараться дать особое содержаніе понятію общественнаго довѣрія, и придать ему значеніе не только житейскаго выраженія, но и термина юридическаго. Такъ одни вмѣсто „общественнаго довѣрія" стали говорить о „правѣ на общественное довѣріе", другіе начали указывать на сущность юридическаго момента въ самомъ понятіи общественнаго довѣрія.

Въ этомъ отношеніи особенно интересно ученіе Ортлоффа.

Ортлоффъ [1]) исходитъ изъ того положенія, что право на истину не существуетъ въ обыкновенномъ частно-правовомъ оборотѣ и что оно можетъ быть понимаемо только въ смыслѣ нравственной обязанности, такъ какъ ему не хватаетъ существеннаго момента всякаго права—принужденія (Erzwingbarkeit); но если нѣтъ общаго права на истину, то, по его словамъ, есть право на это со стороны государства: изъ назначенія, которое обязано выполнить государство, слѣдуетъ его

[1]) Ortloff. Lüge, Fälschung und Betrug. 1862.

право требовать истину для достиженія своихъ цѣлей въ публичныхъ интересахъ, именно для осуществленія справедливости; сохраненіе истины и слѣдованіе ей въ публично-правовомъ оборотѣ государство можетъ конструировать, какъ общую принудительную обязанность гражданъ и подданныхъ, и въ состояніи установлять для этого средства принужденія. Въ частномъ же гражданскомъ оборотѣ законъ можетъ требовать этого только не прямымъ образомъ, указывая на необходимость несовершенія нарушеній истины, какъ общеопасныхъ средствъ для правонарушеній, и опредѣляя за это правовыя послѣдствія. Прямая защита истины здѣсь и не выполнима и не необходима безусловно: всякій долженъ быть осторожнымъ; запретъ привходитъ только въ исключительныхъ случаяхъ и направляется не противъ нарушенія истины, а противъ правонарушеній посредствомъ нарушенія ея. Самое нарушеніе истины можетъ проявляться въ формѣ лжи, обмана и подлога, причемъ подлогъ отличается отъ другихъ формъ тѣмъ, что онъ является нарушеніемъ подлинности (Echtheitverletzung); характерная черта его въ томъ, что здѣсь происходитъ измѣненіе истины относительно извѣстныхъ формъ, которыя обыкновенно удостовѣряютъ опредѣленное содержаніе или дѣлаютъ его чувственно воспріемлемымъ. Эти формы—продуктъ болѣе развитого государственнаго житейскаго оборота. По словамъ Ортлоффа „оборотъ развивается и творитъ формы, которыя санкціонируются общимъ признаніемъ, общимъ правоубѣжденіемъ и правоутвержденіемъ (Rechtsüberzeugung und Rechtssatzung); эти формы должны быть спеціальными и исключительными для особенныхъ родовъ содержанія (Inhaltsarten), такъ что ихъ употребленіе должно давать возможность дѣлать извѣстное заключеніе только относительно особеннаго скрытаго подъ ними содержанія. Но значеніе правовыхъ формъ (Rechtsformen) онѣ получаютъ только благодаря тому, что онѣ разсматриваются всѣми, какъ надежныя, какъ дающія право къ заключенію объ одномъ и опредѣленномъ содержаніи, что имъ придается общее довѣріе, что онѣ пользуются объективной вѣрой всѣхъ или, какъ говорится, имѣютъ публичное довѣріе—fides publica...

Формы эти, служа для обезпеченія правового оборота, являются разумно необходимыми; общество требуетъ ихъ самихъ и неприкосновенности ихъ подлинности и имовѣрности (Glaubwürdigkeit); онѣ служатъ обезпеченіемъ внутренней истины; ими держится общественное довѣріе, поддержаніе котораго есть требованіе разума. Не государство, какъ идеальное лицо, въ противоположность индивиду, имѣетъ притязаніе на поддержаніе публичнаго довѣрія, но всякій индивидъ заинтересованъ въ этомъ". Отсюда Ортлоффъ выводитъ право на общественное довѣріе и его поддержаніе, которое есть право всеобщее, публичное, и въ этомъ отличіе его отъ права на истину, которое есть только право государства, какъ идеальнаго лица по отношенію ко всѣмъ индивидамъ. Какъ въ частно-правовомъ, такъ и въ публично-правовомъ оборотѣ государства общественное довѣріе является базисомъ всѣхъ правовыхъ институтовъ, и въ его распространеніи — условіе поддержанія правопорядка; государство поэтому должно его защищать. Придавая самостоятельное значеніе этому праву на общественное довѣріе и самостоятельную охрану ему, посягательство на него—подлогъ—Ортлоффъ разсматриваетъ, какъ особое правонарушеніе, видя его ближайшій объектъ въ выразителяхъ, хранителяхъ (Gewährschaften) этого общественнаго довѣрія и усматривая въ самостоятельномъ значеніи подлога его отличіе отъ мошенничества, которое является только средствомъ достиженія противоправныхъ цѣлей. Здѣсь объектъ — идеальное право, а въ мошенничествѣ — матеріальное. Самое понятіе подлога слѣдуетъ, по его словамъ, строить на основаніи природы вещей и обусловливающихъ ее житейскихъ отношеній. Подлогъ у него характеризуется, какъ мы указывали выше, измѣненіемъ подлинности, и опредѣленіе, которое онъ даетъ этому преступленію, таково: это—„подражаніе, измѣненіе и сокрытіе специфическихъ формъ вещей и отношеній, которымъ обыкновенно придается вѣра въ ихъ подлинность или въ согласіе формы ихъ съ содержаніемъ, посредствомъ искаженія подлинности, предпринятаго съ тою цѣлью, чтобы они считались за то, за что ихъ хочетъ вы-

дать действующій, но что они объективно не представляютъ". Самое назначеніе этихъ спеціальныхъ формъ имъ опредѣляется ближе: по его словамъ, общественное довѣріе вообще придается тѣмъ „специфическимъ формамъ подлинности вещей и отношеній, которыя имѣютъ цѣлью удостовѣрять авторитетъ или происхожденіе (Autorität oder Abstammung), законность и исключительность (Legitimität und Ausschlisslichkeit), и предназначены производить сокращенія и облегченія обороту".

Итакъ у Ортлоффа объектъ посягательства при подлогѣ—идеальное право на общественное довѣріе. Существуетъ ли это право, и какъ можно говорить о нарушеніи подобнаго права? Не является ли оно такимъ же метафизическимъ постулатомъ, какъ и право на истину? Прежде чѣмъ принимать подобное субъективное право каждаго лица въ значеніи самостоятельнаго объекта посягательства, нужно доказать его существованіе, Ортлоффъ же этого и не дѣлаетъ и указываетъ только на требованія его разсудкомъ. Разумѣется, довѣріе общества къ извѣстнымъ государственнымъ установленіямъ—одинъ изъ существенныхъ базисовъ всего правопорядка, и всякое посягательство противъ нихъ затрогиваетъ и общественное довѣріе, но отсюда еще далеко до признанія особаго права на общественное довѣріе. Въ этомъ отношеніи говорить о правѣ этого рода можно въ такой же степени, какъ и о правѣ на безопасность или о правѣ на неприкосновенность идеальнаго фундамента общежитія. Если, однако, и согласиться съ существованіемъ подобнаго права, то нельзя не замѣтить, что взглядъ на нарушеніе его является у Ортлоффа какъ бы пристегнутымъ къ общему его ученію. Объектомъ преступленія у него являются формы подлинности извѣстныхъ вещей и отношеній; имъ даетъ онъ самостоятельную защиту. Но формы подлинности—понятіе слишкомъ широкое: при послѣдовательномъ проведеніи его сюда слѣдуетъ относить и поддѣлку товаровъ, такъ какъ и товары могутъ бы облечены въ извѣстную внѣшнюю форму, которая свидѣтельствуетъ объ опредѣленномъ внут-

реннемъ содержаніи. Правда, Ортлоффъ старается опредѣлить ближе цѣль этихъ формъ подлинности, но авторитетъ или происхожденіе, законность и исключительность, которыя онѣ должны удостовѣрять, мало рисуютъ самое содержаніе этихъ формъ. Ортлоффъ совершенно не обращаетъ вниманія на то, что говорили его предшественники, въ особенности Миттермайеръ, о прямомъ назначеніи этихъ формъ быть средствомъ удостовѣренія правъ и обязанностей.

§ 15. Мало по малу взглядъ на подлогъ, какъ на посягательство противъ общественнаго довѣрія, становится общепризнаннымъ и въ настоящее время за немногими исключеніями, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, принимается почти всѣми криминалистами въ большемъ или меньшемъ объемѣ, причемъ по большей части каждый изъ нихъ понимаетъ по своему сущность понятія общественнаго довѣрія, давая ему то или другое опредѣленіе. Въ этомъ отношеніи можно прослѣдить два главныхъ направленія въ современной доктринѣ: одно имѣетъ въ виду при подлогѣ нарушеніе только общественнаго довѣрія, другое указываетъ на двойственность объекта посягательства при немъ—на то, что кромѣ общественнаго довѣрія здѣсь затрогиваются еще и другіе интересы. Къ представителямъ перваго направленія можно отнести Гельшнера, Шютце, Гейера, Бернера и Ленца, къ представителямъ второго—Гесслера, Меркеля и проф. Фойницкаго. Всѣ они исходятъ изъ того положенія, что общественное довѣріе есть самостоятельно существующее правовое благо, пользующееся особой охраной и нарушаемое извѣстнымъ образомъ—путемъ подлога.

Гельшнеръ [1]) первоначально указывалъ только на то, что объектомъ подлога являются предметы, которые въ гражданскомъ оборотѣ образуютъ основаніе довѣрія или служатъ доказательственнымъ средствомъ для правъ и обязанностей, но въ послѣдующемъ своемъ сочиненіи [2]) онъ уже создаетъ особую рубрику преступленій—Delicte gegen Treu und Glauben im

---

[1]) Hälschner. System des preussischen Strafrechts. 1868. II. Th. p. 336.

[2]) Das gemeine deutsche Strafrecht. II Bd. 2 Abt. 1887. p. 513.

Verkehre, куда относитъ подлогъ документовъ и монетныя нарушенія. Общественное довѣріе, по его словамъ, необходимое предположеніе правового оборота: оно есть необходимое, а потому и уголовнымъ правомъ защищаемое публичное благо. Если признавать, говоритъ онъ, самостоятельными объектами преступленій общественную тишину и общественную нравственность, то почему же нельзя признать въ такомъ же смыслѣ и fides publica: оно является такимъ же предположеніемъ общественной жизни, какъ и общественная тишина. Принимая такимъ образомъ возможность самостоятельнаго объекта для извѣстныхъ преступленій—общественнаго довѣрія, онъ находитъ, что, сообразно съ этимъ, особой рубрики преступленій подлога (Fälschungsdelicte) быть не можетъ, такъ какъ подлогъ есть только средство совершенія различныхъ деликтовъ, которые по объекту различны и изъ-за одной формы не могутъ быть соединены вмѣстѣ. Съ этимъ послѣднимъ положеніемъ Гельшнера нельзя не согласиться, потому что, дѣйствительно, та группа „подлоговъ", которая и теперь конструируется, какъ въ доктринѣ, такъ и въ законодательствѣ (между прочимъ и въ нашемъ проектѣ уголовнаго уложенія), заключаетъ въ себѣ общій моментъ только по способу дѣйствія—поддѣлкѣ опредѣленныхъ матеріальныхъ предметовъ. Что же касается сравненія, дѣлаемаго Гельшнеромъ, относительно понятія общественнаго довѣрія съ общественной тишиной и нравственностью, то оно ничего не доказываетъ, такъ какъ, если ужъ строить особую группу посягательствъ противъ общественнаго довѣрія по образцу такой же группы посягательствъ противъ общественной тишины и нравственности, то ея нельзя ограничивать тѣми двумя преступными дѣяніями, которыя сюда относитъ Гельшнеръ, а необходимо значительно расширить предѣлы ея.

Шютце [1]) видитъ въ подлогѣ собственно не самое повреждение, а поставленіе въ опасность общественнаго довѣрія посредствомъ нарушенія подлинности формъ удостовѣренія

[1]) Schütze. Lehrbuch des deutschen Strafrechts. 1874. p. 468.

имѣющихъ правовое значеніе обстоятельствъ; въ этомъ отношеніи онъ слѣдуетъ за Ортлоффомъ, но подлогъ документовъ тѣмъ не менѣе онъ разсматриваетъ въ группѣ преступленій имущественныхъ.

Гейеръ [1]) тоже конструируетъ подлогъ, какъ преступленіе противъ общественнаго довѣрія (Treu und Glaube im Verkehr), но понимаетъ его довольно широко, такъ какъ относитъ сюда кромѣ монетныхъ преступленій и подлога документовъ еще и поддѣлку товаровъ.

Наконецъ, Бернеръ [2]) знаетъ, подобно другимъ, тоже группу преступленій противъ общественнаго довѣрія, куда онъ помѣщаетъ болѣе послѣдовательно, чѣмъ Гельшнеръ, не только поддѣлку денежныхъ знаковъ и подлогъ документовъ, но еще и лжеприсягу и ложное обвиненіе.

Особенно подробно развиваетъ взглядъ на подлогъ, какъ на посягательство противъ общественнаго довѣрія въ спеціальномъ трактатѣ, посвященномъ подлогу, Ленцъ [3]). Онъ пытается соединить вмѣстѣ всѣ случаи подлога въ одно общее понятіе Fälschungsverbrechen, объектомъ котораго является общее понятіе общественнаго довѣрія, понимаемое имъ, какъ онъ самъ говоритъ, не въ смыслѣ вѣрности въ гражданскомъ оборотѣ, а въ смыслѣ довѣрія къ учрежденіямъ, созданнымъ государствомъ для удостовѣренія извѣстныхъ правоотношеній. По его словамъ, „правовой оборотъ нуждается въ констатированіи часто повторяющихся правовыхъ явленій (Vorgänge), безразлично влекутъ ли они за собой личныя, вещныя, обязательственныя, публичныя или частныя правовыя послѣдствія. Тѣ событія человѣческой жизни, которыя, тысячу разъ повторяясь, образуютъ извѣстнымъ образомъ краеугольные камни для общаго правового положенія отдѣльнаго субъекта правъ и общественнаго организма, должны быть надолго закрѣпляемы для того, чтобы дѣлать правовыя отношенія распознаваемыми

---

[1]) Geyer. Grundriss zu Vorlesungen über gemeines deutsches Strafrecht. II. Hälfte. 1885. p. 97.

[2]) Berner. Lehrbuch des deutschen Strafrechts. 1895. p. 410.

[3]) Lenz. Die Fälschungsverbrechen. 1897. p. 29.

для всѣхъ... Право есть порядокъ жизненныхъ отношеній; документъ, монета, мѣра, вѣсъ, граничный знакъ и обозначеніе товара (Waarenbezeichnung)—средства для того, чтобы дѣлать распознаваемымъ этотъ порядокъ въ правовомъ оборотѣ и доказуемымъ (erweisbar) въ процессѣ. Присущее каждому сознаніе о функціи этихъ предметовъ производитъ публичное, такъ какъ всеобщее, довѣріе къ нимъ. Поддержаніе publica fides есть правовое благо общества, нуждающееся въ защитѣ (schutzbedürftiges Rechtsgut); поставленіе въ опасность общественнаго довѣрія есть само по себѣ деликтъ. При этомъ не требуется, чтобы данное дѣяніе нарушало или ставило въ опасность правовыя отношенія, доказываемыя удостовѣрительными средствами. Коль скоро только одинъ поддѣльный или передѣланный носитель (Träger) общественнаго довѣрія употребляется для удостовѣренія имѣющаго правовое значеніе факта, онъ угрожаетъ потрясеніемъ довѣрія къ этому учрежденію вообще".

Такимъ образомъ Ленцъ признаетъ совершенно самостоятельное правовое благо—общественное довѣріе, посягательства на которое образуютъ группу преступленій—подлоговъ, и въ этомъ въ особенности отступаетъ его конструкція отъ конструкціи Гельшнера, который, признавъ тоже самостоятельную группу посягательствъ противъ общественнаго довѣрія, не считаетъ однако возможнымъ построеніе особой группы подлоговъ въ виду того, что подлогъ можетъ быть средствомъ посягательства при разныхъ нарушеніяхъ.

Воздерживаясь пока отъ общей оцѣнки теорій общественнаго довѣрія главнымъ образомъ въ смыслѣ пригодности даннаго блага служить объектомъ особой группы посягательствъ, что сдѣлано будетъ ниже, въ частности относительно ученія Ленца необходимо замѣтить слѣдующее. Принявъ въ основаніе своей конструкціи понятіе общественнаго довѣрія, Ленцъ обратился къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ „носителей" его, какъ онъ ихъ называетъ, и изъ посягательствъ на нихъ, выражающихся въ искаженіи ихъ подлинности, сдѣлалъ группу подлоговъ. Въ этомъ отношеніи онъ ставитъ на совершенно одина-

ковую линію монеты, документы, мѣры и вѣсы, граничные знаки и товарныя обозначенія, какъ носителей общественнаго довѣрія, и въ поддѣлкѣ всѣхъ этихъ предметовъ видитъ одно и то же дѣяніе—подлогъ. Но едва ли можно съ этимъ послѣднимъ положеніемъ безусловно согласиться, и едва ли всѣ эти предметы могутъ быть разсматриваемы съ одинаковой точки зрѣнія. Напротивъ, ближайшее ихъ разсмотрѣніе показываетъ, что природа каждаго изъ нихъ совершенно особенная, свойства ихъ неодинаковыя, такъ что скорѣе можно говорить съ одной стороны о монетахъ, мѣрахъ, вѣсахъ и товарныхъ знакахъ въ отдѣльности, съ другой—о документѣ и граничномъ знакѣ, какъ о возможныхъ объектахъ поддѣлокъ разнаго рода.

Монета въ силу ея особенныхъ свойствъ имѣетъ извѣстную самостоятельную внутреннюю стоимость, дающую ей возможность быть измѣрителемъ другихъ цѣнностей; она есть притомъ денежный знакъ, выпускаемый правительствомъ, сообразно съ чѣмъ посягательство на нее принимаетъ совершенно особенный характеръ. Конечно, всякій монетный знакъ является удостовѣрительнымъ средствомъ того имѣющаго правовое значеніе обстоятельства, что данная монета заключаетъ въ себѣ опредѣленную экономическую стоимость (Wertquantum), какъ это говоритъ Ленцъ [1]), но не въ томъ ея главное значеніе; здѣсь не слѣдуетъ забывать, что право чеканить монету принадлежитъ правительству, такъ какъ интересы всего общества требуютъ единства всѣхъ денежныхъ знаковъ опредѣленной стоимости и гарантіи ихъ правильности, что можетъ взять на себя только государство; въ случаѣ поддѣлки монеты совершается именно посягательство на это право государства чеканить монету, что слѣдуетъ въ особенности изъ того, что поддѣлка монеты въ ея настоящемъ достоинствѣ является такимъ же преступленіемъ, какъ и чеканка монеты ненастоящаго достоинства. Далѣе Ленцъ говоритъ о мѣрахъ и вѣсахъ. Конечно, интересы правопорядка требуютъ, чтобы мѣры и вѣсы были правильны, но изъ этого нельзя еще выводить, что эти

---

[1]) Ibid. p. 50.

предметы являются выразителями общественнаго довѣрія, какъ доказательственное средство имѣющихъ правовое значеніе событій. Мѣры и вѣсы сами по себѣ подобнаго значенія вовсе не имѣютъ и никакихъ правовыхъ обстоятельствъ не доказываютъ: они являются только орудіемъ измѣренія извѣстныхъ предметовъ. Поддѣлка ихъ можетъ имѣть значеніе дѣйствія, приготовительнаго къ мошенничеству, и наказываться, именно какъ таковое, или же можетъ образовывать изъ себя delictum sui generis, какъ нарушеніе извѣстныхъ постановленій относительно правильности торговли, входя такимъ образомъ въ широкую группу посягательствъ противъ общественной безопасности. Наконецъ, торговые знаки тоже сами по себѣ не имѣютъ значенія доказательствъ правовыхъ событій: ихъ назначеніе—дать возможность отличать въ торговомъ оборотѣ одинъ предметъ отъ другого подобнаго же. Они указываютъ на происхожденіе извѣстнаго предмета отъ того или другого производителя, или же на извѣстное его внутреннее содержаніе. Въ этомъ смыслѣ они, конечно, служатъ доказательственнымъ средствомъ происхожденія или качества извѣстнаго товара, но эти обстоятельства не имѣютъ сами по себѣ правового значенія. Поддѣлка ихъ, какъ и поддѣлка мѣръ и вѣсовъ, можетъ быть разсматриваема или какъ приготовительное дѣйствіе къ мошенничеству, или, какъ delictum sui generis въ числѣ другихъ преступленій, направленныхъ противъ правильности торговаго оборота, куда относятся, напр., умышленное возвышеніе цѣнъ на извѣстные предметы, разные пріемы неблаговидной конкурренціи и т. п.

Только относительно документовъ и граничныхъ знаковъ можно говорить, что они однороднаго характера, такъ какъ предназначаются для засвидѣтельствованія обстоятельствъ, имѣющихъ правовое значеніе. Въ этомъ заключается ихъ прямое назначеніе и въ этомъ ихъ отличіе отъ другихъ „носителей“ общественнаго довѣрія: только они и являются средствами распознаванія правопорядка и доказуемости его на судѣ, какъ характеризуетъ всю группу этихъ предметовъ Ленцъ; только посягательства на ихъ подлинность могутъ составить

группу однородныхъ дѣяній. Поэтому представляется болѣе правильнымъ всю группу подлоговъ, которую создаетъ Ленцъ, разбить на самостоятельныя преступныя дѣянія, сообразно со свойствами отдѣльныхъ предметовъ посягательствъ, и среди нихъ подлогъ документовъ и граничныхъ знаковъ отнести къ особому, классу преступленій противъ неприкосновенности средствъ удостовѣренія имѣющихъ правовое значеніе событій. Эта группа преступленій и составляетъ посягательство противъ того установленія правовыхъ средствъ удостовѣренія (Institution der rechtlichen Beglaubigungsmittel), о которомъ говоритъ Ленцъ, какъ объ общемъ правовомъ благѣ, являющемся объектомъ посягательства при всѣхъ дѣяніяхъ, относимыхъ имъ къ группѣ подлоговъ.

§ 16. Теорія Ленца, соединяющая вмѣстѣ въ одну группу подлоговъ дѣянія, имѣющія самостоятельные объекты посягательствъ, съ точки зрѣнія классификаціи преступленій не можетъ быть признаваема правильной. Но значеніе ея состоитъ въ томъ, что она вполнѣ опредѣленно указываетъ на самостоятельную природу подлога документовъ, не придавая ему того служебнаго положенія, которое онъ занимаетъ у писателей другого направленія среди теорій общественнаго довѣрія, указывающихъ на двойственный характеръ объекта посягательства при подлогѣ. На это какъ бы мимоходомъ прежде всего указываетъ Гесслеръ, но взглядъ этотъ подробно развиваютъ Меркель, а въ нашей доктринѣ проф. Фойницкій.

Гесслеръ [1]) смотритъ на подлогъ, какъ на преступленіе противъ общественнаго довѣрія, видя въ немъ въ то же время дѣяніе опасное для другихъ благъ. По его словамъ, мало развитой оборотъ можетъ довольствоваться уголовными опредѣленіями для отраженія матеріальныхъ правонарушеній посредствомъ обмана; но уже и здѣсь является кромѣ того необходимость идти на встрѣчу искаженіямъ истины—безразлично, нарушается ли при этомъ право отдѣльнаго лица, или нѣтъ,

[1]) Gessler. Zur Lehre von der Fälschung. (Arch. des preuss. Strafrechts, herausg. v. Golddammner. 1862. Bd. X. p. 442).

коль скоро въ данномъ родѣ искаженія истины лежитъ опасность подобнаго нарушенія. Такъ появляется самостоятельная защита граничнаго знака; при поддѣлкѣ мѣръ и вѣсовъ тоже постепенно слагается убѣжденіе, что здѣсь нарушеніе направляется не только противъ отдѣльнаго лица, но противъ всего оборота; постепенное развитіе послѣдняго заставляетъ обратиться къ особымъ средствамъ удостовѣренія извѣстныхъ обстоятельствъ — документамъ. Въ отношеніи ихъ сначала имѣется въ виду матеріальное уничтоженіе документа, затѣмъ болѣе идеальное устраненіе доказательственной силы его, наконецъ, выставляется правило, чтобъ документамъ, исходящимъ отъ извѣстныхъ лицъ и совершеннымъ въ извѣстной формѣ, по отношенію къ ихъ содержанію придавалось безусловное довѣріе; благодаря этому, посягательство на документы заключаетъ въ себѣ нарушеніе общественнаго довѣрія, такъ какъ правовая жизнь требуетъ, чтобъ документы принимались, какъ истинные, безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій ихъ правильности. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ, по его словамъ, является посягательство на особыя основанія общественнаго довѣрія (Grundlagen der öffentlichen Treu), причемъ здѣсь рѣчь идетъ не о дѣйствительномъ посягательствѣ противъ отдѣльныхъ лицъ, а о заложенной въ природѣ самого дѣянія возможности подобнаго посягательства въ особенности по отношенію къ множеству лицъ.

Какъ видно изъ этихъ словъ, общественное довѣріе, какъ самостоятельный объектъ посягательства, особеннаго значенія у Гесслера не имѣетъ, такъ какъ подлогъ, по его воззрѣнію, главнымъ образомъ есть дѣяніе опасное для другихъ правъ и благъ, понятіе же общественнаго довѣрія ему понадобилось лишь для общей характеристики ближайшихъ предметовъ посягательства при подлогѣ.

Эта же мысль нашла себѣ особенное выраженіе и наиболѣе подробно изложена у Меркеля, который по вопросу о сущности подлога высказывалъ, однако, въ своихъ работахъ неодинаковые взгляды: первоначально онъ говорилъ только объ одномъ объектѣ при подлогѣ—общественномъ довѣріи, затѣмъ

онъ рѣзко выставилъ двойственность объекта этого посягательства, впослѣдствіи же это положеніе онъ значительно смягчилъ въ своемъ учебникѣ, создавъ особую группу подлоговъ, характеризуемую главнымъ образомъ посягательствомъ противъ общественнаго довѣрія.

Меркель [1]) именно старался прежде всего опредѣлить сущность назначенія непосредственныхъ предметовъ посягательства при подлогѣ и находилъ, что при немъ рѣчь идетъ о кредитѣ извѣстныхъ формъ удостовѣренія имѣющихъ правовое значеніе обстоятельствъ (um den Credit gewisser Beglaubigungsformen für rechtlich relevante Thatsachen) [2]), безъ которыхъ не можетъ развиваться и поддерживаться нормальный житейскій оборотъ; этотъ кредитъ, иначе общественное довѣріе— publica fides—и есть самостоятельный объектъ посягательства при подлогѣ. Однако въ одной своей позднѣйшей работѣ [3]) Меркель измѣнилъ нѣсколько этотъ взглядъ: здѣсь у него понятіе общественнаго довѣрія замѣняется другимъ понятіемъ — доказательственной силой опредѣленныхъ формъ удостовѣреній, въ которой государство, по его словамъ, охраняетъ преимущественно интересы хозяйственнаго оборота и правильнаго осуществленія права (Interesse des wirtschaftlichen Verkehrs und einer geordnten Rechtsverwirklichung). Едва ли, однако, этотъ измѣненный взглядъ его на сущность подлога можно назвать вполнѣ правильнымъ: прежде всего нельзя не замѣтить, что понятіемъ „доказательственная сила“ придается этому преступленію слишкомъ узкій объемъ. Если данный предметъ въ конкретномъ случаѣ не можетъ имѣть доказательственной силы вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ, то, повидимому, и о под-

---

[1]) Merkel. Kriminalistische Abhandlungen. B. II. Die Lehre vom strafbaren Betrug. 1867. p. 15.

[2]) Въ Holtzendorff's Handbuch des Strafrechts. 1874. Bd. III p. 785 онъ повторяетъ то же, но говоритъ о „Beglaubigungsformen und Zeichen“.

[3]) См. въ Holtzendorff's Rechtslexicon 1882. Bd. I его статью „Fälschung“ p. 789.

логѣ здѣсь рѣчи не можетъ быть, иначе придется давать защиту доказательственной силѣ тамъ, гдѣ ея въ дѣйствительности нѣтъ; затѣмъ, какъ вѣрно замѣчаетъ Ленцъ [1]), „выраженіе „доказательственная сила“ точно указываетъ на опредѣленную мѣру удостовѣренія правовыхъ интересовъ, но такой степени доказательственной силы не знаетъ правовой оборотъ и свободная оцѣнка доказательствъ новаго процесса“. Наконецъ, понятіе „доказательственная сила“ пріурочивается тѣмъ или другимъ предметамъ, которые являются доказательствами на судѣ, между тѣмъ какъ при подлогѣ имѣются въ виду посягательства и на такіе предметы, которые и внѣ суда служатъ удостовѣреніемъ извѣстныхъ правовыхъ событій. Однимъ словомъ, внесеніемъ этого новаго момента въ свое опредѣленіе подлога Меркель не придалъ болѣе отчетливаго выраженія этому преступленію, чѣмъ это было раньше, когда подлогъ разсматривался прямо, какъ посягательство противъ общественнаго довѣрія.

Но, конструируя такимъ образомъ сущность подлога, Меркель вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ этой своей работѣ указываетъ на двойственность самаго объекта посягательства при немъ, такъ какъ, признавая съ одной стороны объектомъ его доказательственную силу извѣстныхъ формъ и знаковъ удостовѣренія имѣющихъ правовое значеніе фактовъ и возлагая такимъ образомъ центръ тяжести на эти формы удостовѣренія (Beglaubigungsformen), онъ въ то же время съ другой стороны находитъ, что подлогъ долженъ имѣть, по крайней мѣрѣ, объективное направленіе (eine wenigstens objective Richtung) противъ какихъ нибудь опредѣленныхъ правъ третьихъ лицъ. Это послѣднее требованіе, по его словамъ, обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что общественное довѣріе причастно (theilhaft ist) уголовно-правовой защитѣ вездѣ вслѣдствіе своей связи съ неприкосновенностью опредѣленныхъ матеріальныхъ или идеальныхъ благъ. Защита эта не должна поэтому простираться дальше наличности данной связи, то есть она должна

---

[1]) Lenz. l. c. p. 32.

существовать только тогда, когда данное дѣяніе подлога содержитъ вмѣстѣ съ тѣмъ посягательство или же опасность посягательства на имущество, свободу, честь и другія блага. Такимъ образомъ въ этихъ дѣяніяхъ лежитъ двойственность (Doppelseitigkeit), и въ силу этого возможно двоякое разсмотрѣніе ихъ, смотря по тому, какому моменту придается бóльшее значеніе. Въ этомъ отношеніи Меркель высказываетъ чисто уголовно-политическое соображеніе, которое тѣмъ не менѣе имѣетъ значеніе для принципіальной конструкціи преступленія: чѣмъ важнѣе кредитъ даннаго знака для обезпеченности оборота, тѣмъ болѣе, по его словамъ, отступаетъ на задній планъ посягательство на права третьихъ лицъ и тѣмъ самостоятельнѣе является данное посягательство; кромѣ того за этотъ путь могутъ говорить техническія основанія, какъ это имѣетъ мѣсто при поддѣлкѣ фабричныхъ и товарныхъ знаковъ. При такой системѣ то обстоятельство, что дѣяніе по направленію противъ правъ третьихъ лицъ достигло степени покушенія или совершенія, должно быть принимаемо, по его мнѣнію, въ расчетъ только при измѣреніи наказанія. При этомъ онъ рѣшительно высказывается противъ системы сложенія наказаній въ этомъ случаѣ по правиламъ о совокупности преступленій, какъ это принято въ нѣкоторыхъ законодательствахъ, такъ какъ тутъ, по его словамъ, упускается изъ виду, что, строго говоря, здѣсь нѣтъ предположеній ни для идеальной, ни для реальной совокупности, потому что составъ подлога заключаетъ въ себѣ оба указанныя направленія дѣянія (jede beiden Richtungen der That), какъ существенныя свои части; въ заключеніе для иллюстраціи своей мысли онъ прибавляетъ: „было бы едва ли логично, при разбоѣ рядомъ съ уголовными опредѣленіями о немъ примѣнять еще опредѣленія о кражѣ по правиламъ совокупности“.

Итакъ Меркель, считая объектомъ посягательства при подлогѣ общественное довѣріе, въ то же время находитъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ подлогъ нарушаетъ и подвергаетъ опасности другія правовыя блага, такъ что общественное довѣріе защи-

щается имъ настолько, насколько съ нимъ связано существованіе другихъ правовыхъ благъ.

Къ тому же воззрѣнію въ существенномъ склоняется проф. Фойницкій[1]). Онъ тоже считаетъ объектомъ подлога общественное довѣріе, находя при этомъ, что „такое общественное довѣріе, усваиваемое извѣстнымъ способамъ удостовѣренія тѣхъ или иныхъ событій, подлежитъ огражденію лишь въ предѣлахъ необходимости того для общественнаго оборота. Внѣ этого признака общественное довѣріе превращается въ безсодержательное понятіе общественнаго права на истину, въ связи же съ нимъ получаетъ реальное значеніе. Оно подлежитъ огражденію настолько, насколько колебаніе его вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ нарушеніе какихъ-либо дѣйствительныхъ благъ общежитія или отдѣльной личности, при помощи его охраняемыхъ. Извращеніе матеріальныхъ данныхъ только тогда можетъ быть подлогомъ, когда оно создаетъ вредъ или опасность для правъ личныхъ или имущественныхъ отдѣльныхъ гражданъ или же для интересовъ общественныхъ или государственныхъ. Извращеніе безразличное для этой сферы правовыхъ благъ не можетъ и не должно быть подводимо подъ понятіе подлога“.

И здѣсь такимъ образомъ замѣчается двойственность въ объектѣ посягательства; общественное довѣріе само по себѣ защиты не имѣетъ, а охраняется вмѣстѣ съ другими благами.

§ 17. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что путемъ подлога можетъ создаться опасность для разнообразныхъ интересовъ всевозможныхъ субъектовъ права; однако, установляя свои карательныя опредѣленія относительно подлога, законодатель только косвенно защищаетъ эти интересы, вслѣдствіе чего подлогъ и сохраняетъ свое самостоятельное значеніе и не переходитъ въ другія преступленія—иначе, при такой конструкціи, у подлога отнимается всякое самостоятельное значеніе, такъ какъ на первомъ планѣ здѣсь стоитъ уже не защита

---

[1]) Объяснит. зап. къ проекту уголовнаго уложенія 1895 г. т. V, стр. 147.

общественнаго довѣрія, а охрана отдѣльныхъ благъ, которымъ можетъ угрожать подлогъ. Подлогъ здѣсь является только дѣяніемъ опаснымъ для другихъ благъ; но, собственно говоря, при такомъ взглядѣ на сущность его, отдѣльные его случаи можно было бы разнести по особымъ группамъ преступленій, и самое понятіе подлога было бы излишне, такъ какъ если общественное довѣріе защищается не само по себѣ, а вмѣстѣ съ другими благами, и притомъ постольку, поскольку защищаются они, то, очевидно, оно особеннаго значенія и не имѣетъ. Въ такомъ же смыслѣ можно было бы строить понятіе общественной безопасности, общественной нравственности, какъ самостоятельные объекты посягательства, и сообразно съ этимъ, устанавливать особыя группы преступленій, которыя, являясь нападеніемъ на эти блага, въ то же время посягаютъ и на другія блага. Но отъ такой конструкціи едва ли выиграетъ болѣе точное выраженіе сущности отдѣльныхъ преступленій.

Даже, если и согласиться съ принципіальной возможностью подобной конструкціи, то едва ли ее можно провести безусловно въ данныхъ условіяхъ, т. е. когда приходится говорить о подлогѣ. Дѣло въ томъ, что если анализировать отдѣльные случаи подлога, то можно увидѣть, что иногда объ опасности для другихъ благъ при подлогѣ и рѣчи быть не можетъ, а тѣмъ не менѣе подлогъ будетъ въ наличности. Если, напр., составленъ поддѣльный документъ вмѣсто подлиннаго, но утраченнаго, для доказательства какого-нибудь вполнѣ истиннаго обстоятельства, то, хотя здѣсь и нѣтъ опасности посягательства противъ благъ третьихъ лицъ, подлогъ все таки есть на лицо, и это указываетъ на вполнѣ самостоятельное значеніе подлога, какъ преступленія, имѣющаго особый, ему свойственный объектъ посягательства. Между тѣмъ въ виду двойственности объекта посягательства при подлогѣ, въ особенности, какъ это выражено у Меркеля, получается такая конструкція этого преступленія, что если въ дѣйствительности при немъ и учинено было посягательство на извѣстное благо, то это не измѣняетъ общей постановки вопроса о подлогѣ, такъ какъ здѣсь не можетъ быть рѣчи о совокуп-

ности двухъ преступленій,—другими словами, если, напр. путемъ подлога будетъ похищено чужое имущество, то въ этомъ случаѣ, по данной конструкціи, будетъ всетаки не совокупность подлога съ мошенничествомъ, а одинъ подлогъ, наказуемый только болѣе строго по сравненію съ тѣми случаями, гдѣ перехода имущества путемъ подлога не состоялось. Нельзя не замѣтить однако, что въ этомъ случаѣ получается совершенно обратное тому, что высказано было Меркелемъ раньше: если тамъ въ силу охраны общественнаго довѣрія ради другихъ благъ представлялось возможнымъ разнести подлогъ по отдѣльнымъ преступленіямъ, то здѣсь наоборотъ онъ самъ можетъ въ себѣ ихъ заключать. Ближайшаго объясненія этого положенія Меркель не приводитъ, такъ какъ то его замѣчаніе, что подлогъ заключаетъ въ себѣ оба направленія дѣянія, т. е. посягательство и противъ общественнаго довѣрія и противъ отдѣльныхъ благъ, пригодно для объясненія тѣхъ случаевъ, гдѣ есть только опасность для другихъ благъ, а не дѣйствительное ихъ пораженіе; приводимый же имъ въ этомъ случаѣ для разъясненія примѣръ разбоя совершенно неумѣстенъ, потому что здѣсь имѣется случай идеальной совокупности двухъ преступленій, почему и нѣтъ самостоятельнаго наказанія за кражу, между тѣмъ какъ Меркель при подлогѣ не допускаетъ не только реальной, но и идеальной совокупности преступленій. Благодаря этому, получается такое положеніе, что въ одномъ преступленіи имѣются посягательства на два самостоятельные объекта, но безъ наличности идеальной совокупности, причемъ одинъ изъ этихъ объектовъ будетъ всегда нарушенъ, а другой можетъ и не быть нарушенъ, а только подвергнутъ опасности этого рода, что однако безразлично для состава преступленія. Нельзя не видѣть въ такомъ объясненіи сущности подлога чего-то ненормальнаго по сравненію съ другими типами преступленій, и это является послѣдствіемъ того, что въ основаніе сущности этого преступленія взято понятіе общественнаго довѣрія, которое, очевидно, не есть самостоятельно защищаемое правовое благо, такъ какъ иначе возможна была бы совокупность самостоя-

тельнаго нарушенія его съ нарушеніемъ другихъ благъ. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія еще на то, что самое рѣшеніе вопроса о конструкціи преступленія Меркель ставитъ въ зависимость отъ соображеній не принципіальныхъ, а уголовно-политическихъ, но въ такомъ случаѣ понятіе общественнаго довѣрія теряетъ все значеніе, такъ какъ его защита иногда должна уступать мѣсто защитѣ другихъ благъ. При практическомъ проведеніи этого положенія въ своемъ „Учебникѣ“, Меркель [1]) всетаки считаетъ возможнымъ создавать самостоятельную группу преступленій, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ доказательственной силѣ опредѣленныхъ формъ удостовѣреній (eine unmittelbare Beziehung auf Beweiskraft bestimmter Beglaubigungsformen) — это Fälschungsdelicte, куда относится поддѣлка документовъ, монетъ, формы присяги и товарныхъ знаковъ. Это—преступныя дѣянія совершенно особаго типа, характеризуемыя одинаковыми свойствами ближайшихъ объектовъ посягательства. Самый вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли соединять эти преступленія вмѣстѣ вслѣдствіе ихъ общихъ свойствъ, или же вслѣдствіе различія затронутыхъ въ нихъ вещественныхъ интересовъ лучше говорить о нихъ въ разныхъ мѣстахъ системы, онъ считаетъ здѣсь второстепеннымъ, но тѣмъ не менѣе находитъ, что признаніе общихъ свойствъ ихъ имѣетъ рѣшающее значеніе для правильнаго разсмотрѣнія этихъ преступленій. Различіе охраняемыхъ интересовъ и служащихъ имъ формъ удостовѣренія, по его словамъ, имѣетъ извѣстное вліяніе на конструкцію этихъ преступленій, но одинаковая зависимость этихъ интересовъ отъ доказательственной силы опредѣленныхъ формъ удостовѣренія влечетъ за собой извѣстную однородность уголовно-правовой защиты, а особенность объекта нападенія, заключающагося въ этой доказательственной силѣ, обусловливаетъ извѣстное согласіе въ выраженіи состава этихъ преступленій.

Такимъ образомъ въ конечномъ результатѣ Меркель при-

[1]) Merkel. Lehrbuch der deutschen Strafrechts. 1889 p. 358.

ходитъ къ заключенію о необходимости самостоятельной охраны доказательственной силы извѣстныхъ удостовѣрительныхъ формъ, не придавая уже особаго значенія тѣмъ благамъ, которыя кромѣ того могутъ затрогиваться при подлогѣ.

Самое представленіе о двойственности объекта посягательства при подлогѣ объясняется тѣмъ, что, дѣйствительно, при немъ можетъ быть въ наличности моментъ опасности для разнообразныхъ правовыхъ благъ. Но дѣятельность виновнаго въ этомъ случаѣ направляется противъ нихъ не сама по себѣ, а въ силу того обстоятельства, что съ тѣмъ объектомъ, который при немъ имѣется въ виду, тѣсно связано бытіе другихъ правъ. Ближайшій объектъ дѣятельности здѣсь тотъ предметъ, который долженъ удостовѣрять извѣстныя правовыя событія; въ зависимости отъ него установляются тѣ или другія права и обязанности; естественно, поэтому, что съ посягательствомъ на этотъ предметъ могутъ сопрягаться и посягательства на другія права. Такая зависимость возможна и въ другихъ категоріяхъ преступленій и не представляетъ собственно ничего особеннаго для подлога. Такъ, всякое посягательство противъ правосудія, заключающееся, напр. въ подкупѣ судей, можетъ влечь за собой и пораженіе или опасность пораженія правъ извѣстныхъ субъектовъ, напр. правъ имущественныхъ; но это не вліяетъ на самую конструкцію этого дѣянія, и никто не говоритъ о возможности относить подобные случаи къ имущественнымъ посягательствамъ. Даже если стать здѣсь на точку зрѣнія субъекта дѣянія и имѣть въ виду то, что онъ путемъ подлога именно стремится посягнуть на чужое имущественное право, то и это обстоятельство не можетъ имѣть рѣшающаго значенія, такъ какъ и при подкупѣ судей дѣйствующее лицо можетъ имѣть въ виду извѣстныя послѣдствія, направленныя противъ имущественной сферы извѣстнаго лица. И это вообще замѣчается во всѣхъ тѣхъ преступленіяхъ, гдѣ съ неприкосновенностью одного предмета или блага связана неприкосновенность и другихъ предметовъ или благъ.

Словомъ, если считать объектомъ подлога общественное довѣріе, то не зачѣмъ указывать еще на другіе объекты этого

дѣянія, такъ какъ двойственность объектовъ здѣсь только кажущаяся. Введеніемъ же этого момента въ составъ преступленія послѣдствія его смѣшиваются съ самой его сущностью, и истинная природа этого преступленія нисколько не уясняется.

§ 18. Взглядъ на подлогъ, какъ на преступленіе противъ общественнаго довѣрія, усвоивается въ настоящее время не только германскими криминалистами, у которыхъ онъ всего болѣе обоснованъ, но находитъ себѣ адептовъ и за предѣлами Германіи: его придерживаются криминалисты австрійскіе, французскіе, итальянскіе и русскіе.

Изъ австрійскихъ криминалистовъ представителями этого взгляда являются Фингеръ и Ламмашъ.

Правда, Фингеръ [1]) въ своемъ изложеніи особенной части австрійскаго кодекса слѣдуетъ системѣ послѣдняго, вслѣдствіе чего подлогъ документовъ онъ разсматриваетъ, какъ особый родъ обмановъ (Betrügereien), но въ то же время de lege ferenda онъ высказывается за конструкцію особой группы подлоговъ (Fälschung), какъ посягательства противъ publica fides, а Ламмашъ [2]) уже создаетъ особую группу преступленій—Urkundendelikte, объектомъ которыхъ считаетъ „правовое благо publica fides, общественное довѣріе къ доказательственной силѣ документовъ" (das Rechtsgut der publica fides, das öffentliche Zutrauen in die Beweiskraft der Urkunden), воспринимая такимъ образомъ формулу Меркеля.

Опредѣленіе сущности подлога, какъ посягательства противъ общественнаго довѣрія, мы находимъ и у новѣйшихъ французскихъ криминалистовъ Гарро и Боманна, которые являются въ этомъ отношеніи исключеніемъ изъ общаго правила, такъ какъ обыкновенно во французской доктринѣ это дѣяніе разсматривается такъ, какъ разсматривалось оно прежде, т.-е. главное вниманіе обращается при анализѣ подлога на три извѣстныхъ признака его, а не самую сущность его.

[1]) Finger. Das Strafrecht systematisch dargestellt. Bd. II 1895. p. 265.

[2]) Lammasch. Grundriss des Strafrechts. 1899 p. 66 и сл.

Гарро, какъ замѣчаетъ Ленцъ[1]), „воспринялъ въ ученіи о подлогѣ, какъ и вездѣ, послѣднюю фазу германской доктрины“, но это заимствованіе болѣе внѣшняго характера, такъ какъ въ развитии отдѣльныхъ моментовъ состава преступленія Гарро стоитъ на точкѣ зрѣнія прежнѣй доктрины. Общественное довѣріе, которое онъ называетъ „l'âme de toutes les transactions sociales“[2]), является у него характерной чертой подлога; по его словамъ, „законодатель ограничилъ область подлоговъ только измѣненіемъ и фальсификацiей извѣстныхъ знаковъ и извѣстныхъ актовъ, въ которыхъ общественное довѣріе является общественной необходимостью (une nécessité sociale). Проступокъ этотъ можетъ быть квалифицированъ, какъ проступокъ противъ общественнаго довѣрія. Эта квалификація пригодна даже для подлога частныхъ документовъ, такъ какъ сущность всякой поддѣлки документовъ заключается въ потрясеніи довѣрія, присвояемаго въ публичныхъ интересахъ документамъ, предназначеннымъ служить доказательствомъ“[3]).

Ученіе Гарро повторяется безъ измѣненія и у Боманна[4]).

Взглядъ на подлогъ, какъ на преступленіе противъ общественнаго довѣрія, въ особенности распространенъ у итальянскихъ юристовъ. Такъ, его проводитъ Filangieri[5]), видя въ немъ посягательство на то довѣріе, которое государство или общество возлагаетъ на правильность извѣстныхъ дѣйствій. То же самое мы находимъ и у другихъ криминалистовъ, напр. Carmignani[6]), Carrara[7]) и Pessina[8]); соотвѣтственно этому и въ итальянскомъ уложеніи создается группа преступ-

[1]) Lenz. l. c. p. 15.

[2]) Garraud. Traité. t. III p. 47.

[3]) Ibid. p, 69—70.

[4]) Baumann. Des conditions générales du crime de faux en écriture. 1887.

[5]) Filangieri. La scienze della legislazione. 1887. tit III. p. 268.

[6]) Elementi di diritto criminale. p. 417.

[7]) Programma del corso di diritto criminale. IV p. 541,

[8]) Elementi di diritto penale. III, 125.

леній противъ общественнаго довѣрія, понимаемыхъ, какъ это было уже указано, очень широко, сообразно и самому широкому понятію общественнаго довѣрія.

Наконецъ, и у нѣкоторыхъ представителей русской уголовной доктрины можно подмѣтить взглядъ на подлогъ, какъ на посягательство противъ общественнаго довѣрія.

Выше мы приводили взглядъ проф. Фойницкаго по этому вопросу. Его же выставляетъ и Будзинскій [1]), не проводя, впрочемъ, его послѣдовательно и высказывая и иныя положенія относительно сущности подлога.

Сообразно съ казуистичностью постановленій о подлогѣ въ дѣйствующемъ нашемъ правѣ, у Будзинскаго подлогъ разсматривается среди различныхъ преступленій: прежде всего среди преступленій противъ собственности частныхъ лицъ; далѣе, подлогъ по службѣ помѣщенъ въ числѣ преступленій противъ порядка управленія; въ числѣ же преступленій противъ семейныхъ правъ предусматривается лишеніе и присвоеніе семейнаго положенія посредствомъ подлога. Однако, при всей разбросанности отдѣльныхъ положеній Будзинскій стремится дать подлогу одно опредѣленіе; въ этомъ отношеніи подлогъ у него получаетъ конструкцію нѣмецкихъ Fälschungsverbrechen. „Подлогъ, говоритъ онъ, вообще есть нарушеніе довѣрія, придаваемаго извѣстнымъ актамъ или знакамъ (монетамъ, печатямъ, вѣсамъ и т. д.), совершенное посредствомъ поддѣлки или измѣненія настоящаго акта или знака. Такой подлогъ составляетъ преступленіе противъ общественнаго довѣрія“ [2]). Но въ послѣдующемъ изложеніи подлогъ у него нисходитъ на степень способа дѣйствія и поглощается другими преступленіями, какъ это можно видѣть въ особенности изъ слѣдующихъ его словъ: „подлогъ документовъ, по пра-

[1]) Будзинскій. О преступленіяхъ въ особенности. 1887. стр. 253.

[2]) Хотя среди преступленій противъ общественнаго порядка у него особо разсматриваются преступленія противъ общественнаго довѣрія, но подлога онъ сюда не помѣщаетъ, а относитъ въ эту группу только банкротство и поддѣлку монетъ и кредитныхъ билетовъ.

вильному опредѣленію знаменитаго юриста XVII в. Mattheus'a (De criminibus lib. 48 tit. 7 c. 1 n° 1), состоитъ въ искаженіи истины съ помощью письма. Такой подлогъ можетъ служить средствомъ для разнаго рода преступленій, каковы: присвоеніе власти, вступленіе въ незаконный бракъ, лжедоносъ, присвоеніе непринадлежащаго титула, лишеніе кого-либо правъ состоянія, причиненіе другому вреда и т. п. Въ послѣднемъ случаѣ подлогъ является преступленіемъ противъ имущественныхъ правъ и составляетъ самостоятельное дѣяніе наравнѣ съ поддѣлкою монетъ. Подлогъ же документа не съ имущественною, а съ другою цѣлью поглощается другими преступленіями". Уже изъ этихъ словъ видно, что у автора вовсе нѣтъ яснаго представленія о сущности подлога, тѣмъ болѣе, что въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ выставляетъ еще иныя опредѣленія этого преступленія.

§ 19. Теоріи общественнаго довѣрія имѣютъ безспорно весьма важное значеніе въ исторіи доктрины о подлогѣ въ томъ отношеніи, что онѣ стремятся разграничить подлогъ и мошенничество, какъ преступленія разнаго характера; въ этомъ отношеніи онѣ достигли извѣстнаго результата: въ подлогѣ онѣ видятъ нарушеніе публичнаго характера, заключающееся въ посягательствѣ на общественное довѣріе, напротивъ на мошенничество онѣ смотрятъ, какъ на преступленіе имущественное. Но, выставивъ это положеніе, въ виду неопредѣленности самаго понятія общественнаго довѣрія, нѣкоторыя изъ нихъ всетаки не въ состояніи были отграничить другъ отъ друга эти преступленія надлежащимъ образомъ. Выше мы приводили конструкцію преступленій противъ общественнаго довѣрія у Гейера, который относитъ сюда и поддѣлку товаровъ [1]). Теперь слѣдуетъ остановиться еще на одной конструкціи подлога, которая въ особенности можетъ показать непригодность понятія общественнаго довѣрія, какъ особаго объекта

[1]) Мы не говоримъ уже о болѣе раннихъ теоріяхъ, напр., Озенбрюггена, которому понятіе общественнаго довѣрія нисколько не пригодилось для выясненія сущности подлога и который совершенно смѣшивалъ подлогъ съ мошенничествомъ.

при подлогѣ. Это—взглядъ на подлогъ Гризецкаго [1]). Онъ вполнѣ сознаетъ различіе между подлогомъ и мошенничествомъ въ томъ отношеніи, что при подлогѣ объектомъ посягательства является publica fides, а при мошенничествѣ—имущественное право, но, говоря о подлогѣ, онъ имѣетъ въ виду только подлогъ публичныхъ документовъ. Это положеніе Гризецкій обосновываетъ слѣдующимъ образомъ: подобно Меркелю, онъ разумѣетъ подъ общественнымъ довѣріемъ только кредитъ необходимыхъ для правового оборота удостовѣрительныхъ формъ имѣющихъ правовое значеніе обстоятельствъ, которымъ государство само, равно какъ и его отдѣльные граждане, гдѣ бы они ихъ ни нашли, принуждены извѣстнымъ образомъ оказывать довѣріе. Но притязаніе на такой кредитъ могутъ имѣть, по его словамъ, только публичные, а не частные документы. Онъ говоритъ, что только публичные документы, въ силу той формы, въ которой они составлены, пользуются общественнымъ довѣріемъ и имѣютъ полную доказательственную силу, между тѣмъ какъ простые частные документы, по опредѣленію всѣхъ уставовъ гражданскаго судопроизводства, могутъ быть лишены своей силы простымъ возраженіемъ противъ нихъ. „Только публичные, а не частные документы разсматриваются, какъ несомнѣнные (untrüglich), и только посредствомъ подлога первыхъ, а не послѣднихъ потрясается государство въ своихъ важныхъ основахъ, именно въ общемъ довѣріи къ удостовѣрительнымъ знакамъ, исходящимъ отъ его органовъ“. Поэтому, по его конструкціи, если другія права при подлогѣ частныхъ документовъ не нарушены, то это дѣяніе въ уголовно-правовомъ отношеніи безразлично, если же при этомъ затронуты имущественныя права, то здѣсь мѣсто мошенничеству. Въ этомъ отношеніи Гризецкій собственно повторяетъ только то, что выражено было въ баварскомъ кодексѣ 1861 г., постановленія котораго онъ вполнѣ одобряетъ.

Воззрѣніе Гризецкаго интересно потому, что показываетъ, чтó, собственно говоря, можетъ получиться при конструкціи

[1]) Gryziecki. Studien über den strafbaren Betrug. 1870. p. 161.

подлога, какъ посягательства противъ общественнаго довѣрія, если понимать ее послѣдовательно, и какіе внутренніе дефекты лежатъ въ ней. Въ подлогѣ частныхъ документовъ, дѣйствительно, трудно усмотрѣть моментъ нарушенія общественнаго довѣрія или посягательство на доказательственную силу; частнымъ документамъ въ большинствѣ случаевъ не довѣряютъ вовсе, ихъ доказательственная сила часто совершенно ничтожна, и сравнивать ихъ, какъ носителей общественнаго довѣрія, съ документами публичными въ этомъ отношеніи нельзя; между тѣмъ, если оставаться на точкѣ зрѣнія теоріи общественнаго довѣрія, приходится одно и то же преступленіе разсматривать съ разныхъ точекъ зрѣнія или какъ преступленіе публичное или какъ частное, въ зависимости только отъ того случайнаго момента, отъ кого исходитъ данный документъ, тогда какъ остальные моменты состава преступленія остаются въ обоихъ случаяхъ одинаковыми. Между тѣмъ вслѣдствіе этого страдаетъ классификація преступленій, и все это обусловливается только тѣмъ, что въ основаніе подлога взято понятіе посягательства противъ общественнаго довѣрія, которое не можетъ обнять всѣхъ случаевъ подлога. Уже изъ одного этого можно было бы вывести, что данная теорія не можетъ объяснить сущности подлога, но доктрина этимъ не была остановлена; только въ самое недавнее время послышались особенно сильные протесты противъ увлеченія этой теоріей, освѣтившіе сущность понятія общественнаго довѣрія и его непригодность служить объектомъ преступленія.

§ 20. Всѣ возраженія, которыя дѣлаются противъ теорій общественнаго довѣрія, сводятся главнымъ образомъ къ указанію на неопредѣленность самаго понятія общественнаго довѣрія и на необыкновенно широкій объемъ его, изъ чего вытекаетъ непригодность его служить объектомъ, характеризующимъ собой извѣстную группу преступленій.

Еще проф. Фойницкій въ своемъ „Мошенничествѣ“ [1]), разсматривая теорію, выдвинувшую на первый планъ fides publica,

---

[1]) „Мошенничество“ ч. II стр. 266 и слѣд.

въ противоположность своимъ теперешнимъ воззрѣніямъ указывалъ на полную непригодность понятія общественнаго довѣрія для объясненія сущности подлога. „Проводя его (этотъ взглядъ) послѣдовательно, говорилъ онъ, пришлось бы наказывать такія дѣйствія, наказуемость которыхъ совсѣмъ не составляетъ общественной необходимости; дѣйствія, составляющія нѣчто преступное только съ точки зрѣнія охраны выдвинутой абстракціи и совершенно безразличныя съ точки зрѣнія тѣхъ конкретныхъ правоотношеній, которыя единственно интересуютъ общество... Въ частности, когда подлогъ составляетъ способъ нарушенія имущественныхъ отношеній, такой взглядъ никогда не даетъ возможности различать корыстныя нарушенія отъ некорыстныхъ, да и вообще въ принципѣ его лежитъ протестъ противъ различія случаевъ подлога по посредствующему предмету нарушенія. Между тѣмъ всѣ законодательства — да съ ними соглашаются даже и представители разсматриваемаго взгляда,—сводящія постановленія о подлогѣ къ одному мѣсту и, по требованію этого направленія, помѣщающія ихъ въ ряду преступленій противъ общества, при опредѣленіи строгости наказанія не могли не раздѣлить подлогъ по тѣмъ конкретнымъ отношеніямъ, которыя онъ нарушаетъ; ясно, что если карательному кодексу знакомы виды подлога только подъ условіемъ нарушенія или посягательства на нарушеніе опредѣленныхъ правоотношеній, то, значитъ, предметомъ его являются эти правоотношенія, а не абстракція изъ нихъ въ формѣ publica fides, öffentliche Treu und Glauben. И такимъ образомъ въ концѣ концовъ оказывается, что полезная до извѣстной степени, какъ знамя, дающее возможность теоретику свести различныя преступленія къ одному мѣсту, publica fides не должна, да и не можетъ въ силу оказываемаго ей протеста со стороны жизни, стать въ ряду охраняемыхъ закономъ правоотношеній: она есть абстракція изъ послѣднихъ—не больше“.

Правда, въ этой своей критикѣ общественнаго довѣрія, какъ понятія непригоднаго для конструкціи подлога, проф. Фойницкій заходилъ слишкомъ далеко, отрицая и самый смыслъ

существованія особаго посягательства, какимъ является подлогъ, такъ что въ этомъ отношеніи его теперешній взглядъ представляется болѣе правильнымъ, но тѣмъ не менѣе нельзя не признать вполнѣ справедливыми его нападки противъ общественнаго довѣрія, какъ понятія крайне неопредѣленнаго, и его указаніе на то, что это понятіе не болѣе, какъ абстракція.

Но въ особенности рѣзко напали на самое понятіе fides publica нѣмецкіе криминалисты—Листъ, а за нимъ и Лаутербургъ.

Уже въ одной изъ первыхъ своихъ работъ [1]) Листъ подвергаетъ суровой критикѣ понятіе общественнаго довѣрія. „Publica fides! восклицаетъ онъ, поистинѣ поэтически прекрасное, идеально звучащее слово, съ которымъ далеко не можетъ быть соизмѣряемо наше нѣмецкое неудачное двухснастное образованіе „öffentliche Treu und Glauben". Но если мы станемъ анализировать это понятіе, то не замѣтимъ ли мы сейчасъ же, что его происхожденіе слѣдуетъ искать не въ сочиненіяхъ остроумныхъ и элегантныхъ юристовъ классическаго римскаго права, но что оно имѣетъ своимъ отцомъ знаменитѣйшаго оратора древности, такъ много и такъ красиво говорившаго? Не походитъ ли эта publica fides на тѣхъ морскихъ животныхъ, которыя, разсматриваемыя издали, восхищаютъ своимъ фосфорическимъ блескомъ глазъ мыслящаго наблюдателя, а, будучи схвачены рукой, превращаются въ студенистую массу?" По его словамъ, fides publica было объектомъ посягательства при crimen falsi, но исторія развитія этого понятія указываетъ на его постепенное раствореніе (Auflösung) на рядъ строго отграниченныхъ, юридически конструируемыхъ самостоятельныхъ понятій преступленій.

Лаутербургъ [2]) называетъ понятіе общественнаго довѣрія „ein aetherischer Begriff" и указываетъ на его непригодность для конструкціи особой группы преступленій. По его словамъ, „публичное довѣріе подрываетъ посредственно всякое преступ-

[1]) Liszt. Die falsche Aussage vor Gericht oder öffentlicher Behörde. 1877. p. 10.

[2]) Lauterburg. Die Eidesdelikte. 1886. p. 140.

леніе, насколько оно нарушаетъ общую правообезпеченность: публичное довѣріе нарушаютъ въ особенности всѣ должностныя преступленія, далѣе тяжкія преступленія, какъ измѣна, нарушеніе мира, клевета".

Въ послѣднее время противъ понятія общественнаго довѣрія весьма солидныя возраженія приводятся и въ нашей литературѣ; именно противъ него высказываются составители объяснит. записки къ проекту новаго уголовнаго уложенія [1]). Они допускаютъ возможность видѣть наличность нарушенія общественнаго довѣрія въ поддѣлкѣ монетъ, но отрицаютъ это относительно подлога документовъ. По ихъ словамъ, „если лицо изготовило поддѣльный торговый актъ, измѣнило домашнее духовное завѣщаніе и т. д., то едва ли можно утверждать, что оно наказывается потому, что подорвало общественное довѣріе къ векселямъ, духовнымъ завѣщаніямъ или инымъ сего рода документамъ, обращающимся въ обществѣ, или потому, что поколебало довѣріе къ данному поддѣльному документу. Первое предположеніе будетъ фикціей, ни на чемъ не основанной, такъ какъ эти документы вовсе не составляютъ орудій общественнаго оборота, а являются удостовѣрительными данными отдѣльныхъ событій, а второе не можетъ быть признано основаніемъ наказуемости, такъ какъ подложный документъ и не долженъ возбуждать къ себѣ никакого довѣрія, а потому и виновный не можетъ подрывать то, чего нѣтъ и юридически быть не должно. Самое понятіе объ общественномъ довѣріи, т. е. о правѣ гражданъ предполагать безусловную достовѣрность извѣстныхъ предметовъ или документовъ, находящихся въ общественномъ оборотѣ, представляется въ значительной степени неяснымъ" [2]).

Разсматривая ближе теорію общественнаго довѣрія съ цѣлью рѣшенія вопроса о пригодности ея служить для объясненія сущности подлога, необходимо остановиться на анализѣ двухъ слѣдующихъ моментовъ: во-первыхъ, суще-

[1]) Исключая проф. Фойницкаго, который придерживается иного уже приведеннаго нами мнѣнія.

[2]) Объяснит. зап. т. V, стр. 148.

ствуетъ ли общественное довѣріе, какъ самостоятельно охраняемое правовое благо, во-вторыхъ, если оно существуетъ, то можетъ ли быть пригоднымъ средствомъ для конструкціи понятія подлога.

Относительно перваго вопроса можно замѣтить, что если подъ общественнымъ довѣріемъ слѣдуетъ понимать довѣріе общества къ извѣстнымъ институтамъ публичнаго характера, или къ извѣстнымъ проявленіямъ дѣятельности опредѣленныхъ лицъ, то оно, дѣйствительно, существуетъ; но въ этомъ смыслѣ оно представляетъ изъ себя нѣчто неуловимое и мало опредѣленное. Если взглянуть на историческій ходъ развитія доктрины о подлогѣ, какъ о посягательствѣ противъ общественнаго довѣрія, то можно увидѣть, что послѣднее понималось неодинаково въ разныя времена: первоначально рѣчь идетъ о чувствѣ общественнаго довѣрія, затѣмъ начинаютъ говорить о правѣ общественнаго довѣрія, которое сопоставляется съ правомъ на безопасность, наконецъ, говорятъ о доказательственной силѣ извѣстныхъ удостовѣрительныхъ знаковъ. Но въ чемъ собственно сущность общественнаго довѣрія, выяснено весьма мало, чѣмъ и объясняется, почему у первыхъ представителей теорій общественнаго довѣрія право на истину и общественное довѣріе отождествляются. И не есть ли въ самомъ дѣлѣ, общественное довѣріе не болѣе, какъ чувство, какъ училъ самъ основатель теоріи—Россгиртъ, т.-е. такое психическое состояніе лица, когда оно принимаетъ извѣстное положеніе на вѣру въ силу того, что оно исходитъ изъ авторитетнаго источника? Но въ такомъ случаѣ надо доказать, что оно есть особое правовое благо и притомъ самостоятельно охраняемое: тѣ, которые отрицаютъ этотъ его самостоятельный характеръ, должны, собственно, отрицать и самое понятіе общественнаго довѣрія. И когда говорится, что общественное довѣріе охраняется въ отношеніи извѣстныхъ предметовъ, не означаетъ ли это, что собственно говоря, здѣсь охраняются сами по себѣ эти предметы въ силу того, что они представляютъ важное значеніе для общежитія и что на довѣріи къ нимъ общества зиждется нерѣдко правопорядокъ?

Но при такихъ условіяхъ общественное довѣріе является уже не самостоятельнымъ правовымъ благомъ, и центръ тяжести здѣсь ужъ переносится на тѣ предметы, которые могутъ быть охраняемы правовымъ путемъ въ тѣхъ или другихъ цѣляхъ и которые, по словамъ нѣкоторыхъ представителей разсматриваемой теоріи, являются носителями общественнаго довѣрія. Наконецъ, если мы внимательно прослѣдимъ сущность взглядовъ представителей данной теоріи и практическое ихъ осуществленіе, то увидимъ, что самое понятіе общественнаго довѣрія имъ понадобилось только для установленія извѣстнаго критерія при классификаціи преступленій, но что на самомъ дѣлѣ ученіе объ общественномъ довѣріи присоединено у нихъ чисто внѣшнимъ образомъ къ остальному ихъ изложенію, потому что они имѣютъ въ виду при ближайшемъ анализѣ преступленія посягательства на неприкосновенность извѣстныхъ предметовъ—именно удостовѣрительныхъ знаковъ имѣющихъ правовое значеніе событій.

Но если допустить, что общественное довѣріе существуетъ въ качествѣ самостоятельно охраняемаго правового блага, спрашивается, пригодно ли оно для конструкціи понятія подлога. Въ этомъ отношеніи отдѣльныя теоріи общественнаго довѣрія могутъ въ особенности пролить свѣтъ на рѣшеніе этого вопроса. Болѣе раннія теоріи относятъ къ группѣ посягательствъ этого рода почти всѣ дѣянія, относившіяся по римской конструкціи къ falsum. Многія, напр., относятъ сюда лжеприсягу, поддѣлку товаровъ и т. д., но за то нѣкоторыя выдѣляютъ отсюда подлогъ частныхъ документовъ. По конструкціи итальянскаго кодекса въ эту группу помѣщаются и торговые обманы, и съ этимъ нельзя не согласиться, такъ какъ торговля безусловно требуетъ общественнаго къ ней довѣрія, обманъ же въ торговлѣ нарушаетъ это довѣріе. Понятіе общественнаго довѣрія вообще столь широко, что группа посягательствъ противъ него можетъ принимать очень большой объемъ; сказать поэтому, что объектомъ подлога является общественное довѣріе—значитъ опредѣлить очень мало самую сущность этого преступленія. Въ такомъ смыслѣ обще-

ственное довѣріе является объектомъ посягательства и при другихъ преступленіяхъ: кассиръ, растратившій ввѣренную ему банкомъ или другимъ учрежденіемъ сумму денегъ, безусловно нарушаетъ оказанное ему обществомъ довѣріе; полководецъ, предающій въ руки враговъ свое войско, тоже посягаетъ на общественное довѣріе; чиновникъ, злоупотребляющій своей властью, точно также нарушаетъ его. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ мы не будемъ конструировать данное преступленіе, какъ посягательство на общественное довѣріе: въ первомъ случаѣ—растрата—мы будемъ считать объектомъ преступленія чужое движимое имущество, во второмъ—измѣна—безопасность и неприкосновенность государства; въ третьемъ—злоупотребленіе властью — порядокъ управленія. Въ цѣлой массѣ другихъ примѣровъ подобнаго же рода можно указать, что посягательство на общественное довѣріе привходитъ въ качествѣ особаго элемента въ составъ разныхъ преступленій,—притомъ элемента столь отдаленнаго значенія въ составѣ преступленія, что въ однихъ случаяхъ это не заставляетъ даже законодателя и доктрину выдѣлять данный случай изъ общаго рода извѣстнаго преступленія (напр. растрату, учиненную должностнымъ лицомъ), и этотъ моментъ можетъ играть роль только при опредѣленіи наказуемости; въ другихъ случаяхъ, гдѣ элементъ нарушенія общественнаго довѣрія всегда входитъ въ составъ даннаго преступленія (какъ напр. въ измѣнѣ), онъ поглощается другими элементами, такъ что общественное довѣріе не фигурируетъ и здѣсь въ качествѣ особаго объекта посягательства. То же должно имѣть мѣсто и при подлогѣ.

§ 21. То отрицательное отношеніе къ понятію общественнаго довѣрія, которое мы находимъ въ настоящее время въ доктринѣ, породило мысль о томъ, что разъ отвергается пригодность самостоятельной конструкціи преступленій противъ общественнаго довѣрія, должна быть отвергаема вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность конструкціи подлога, какъ особаго преступленія [1]). Отсюда—группа теорій, отрицающихъ самостоя-

[1]) Этотъ взглядъ былъ еще высказанъ проф. Фойницкимъ въ его „Мошенничествѣ", какъ это было выше указано, но онъ объ-

тельную природу подлога. Ея придерживаются нѣмецкіе криминалисты Листъ и Ленингъ; кромѣ того она находитъ себѣ выраженіе съ нѣкоторыми измѣненіями въ объяснит. запискѣ къ проекту уголовнаго уложенія.

Нельзя при этомъ не указать на ту преемственность, которая существуетъ между теоріями двойственности объекта посягательства при подлогѣ и теоріями, отрицающими самостоятельную природу подлога. Разъ было указано на то, что при подлогѣ кромѣ посягательства противъ общественнаго довѣрія существуютъ еще посягательства противъ другихъ благъ,—съ тѣхъ поръ, какъ стало отрицаться самостоятельное значеніе общественнаго довѣрія, подлогъ долженъ былъ разбиться на отдѣльныя самостоятельныя преступленія. Кромѣ того не лишено интереса отмѣтить, что въ данной конструкціи между прочимъ сказывается еще вліяніе того возрѣнія на подлогъ, которое мы находимъ, напр. у Фейербаха, такъ какъ у обоихъ выше названныхъ криминалистовъ мы видимъ группу преступленій формальныхъ, т. е. такихъ, которыя не имѣютъ одного опредѣленнаго объекта посягательства, а характеризуются лишь формой посягательства. Въ этомъ отношеніи Листъ и Ленингъ воскрешаютъ забытую конструкцію формальныхъ преступленій.

Въ первомъ изданіи своего учебника Листъ, проводя классификацію преступленій по природѣ подвергшагося нападенію правового блага, говоритъ, что есть одна группа преступленій, въ которыхъ характернымъ моментомъ является не предметъ, а родъ нападенія (die Art des Angriffs). Эти преступленія опасны или могутъ быть опасны въ равной мѣрѣ для отдѣльныхъ лицъ, для общества и для государства. „Средства, которыя правопорядокъ создалъ для достиженія своихъ цѣлей, являются въ рукахъ преступника средствами для нападенія на правопорядокъ, говоритъ онъ. Подобно тому, какъ

ясняется собственно тѣмъ, что наше законодательство не знаетъ единаго понятія подлога. Въ виду этого проф. Фойницкій и указывалъ на то, что подлогъ есть только средство къ совершенію преступленій разнаго рода.

и стихійными силами, онъ можетъ злоупотреблять для право нарушенія также монетами, документами, своимъ служебнымъ положеніемъ. Эти злоупотребленія законодатель желаетъ предупредить особыми нормами и для этого создаетъ цѣлый рядъ своеобразныхъ преступленій. Этимъ онъ не создаетъ новыхъ правовыхъ благъ, онъ хочетъ только защитить существующія, облагая наказаніемъ злоупотребленіе его правовыми институтами для противоправныхъ цѣлей. Только для того, чтобы выразить эту противоположность и вмѣстѣ съ тѣмъ отношеніе къ міру правовыхъ благъ, можемъ мы неприкосновенность этихъ правовыхъ институтовъ и ихъ самихъ назвать несобственными правовыми благами (uneigentliche Rechtsgüter); причемъ тонъ кладется здѣсь на прилагательное, а не на существительное". Въ числѣ преступленій этой группы помѣщаются Листомъ кромѣ монетныхъ преступленій, преступленій противъ религіи, личнаго состоянія и брака, преступленій противъ нравственности и должностныхъ преступленій, и преступленія противъ документовъ (die Delikte an Urkunde) [1]. Въ послѣднихъ изданіяхъ своего учебника Листъ ближе опредѣляетъ самое средство нападенія, которое характеризуетъ эти преступленія: это—„злоупотребленіе государственными учрежденіями, равно какъ и человѣческими открытіями и изобрѣтеніями для огражденія защищенныхъ правомъ интересовъ" (der Missbrauch staatlichen Einrichtungen, sowie menschlichen Entdeckungen und Erfindungen zur Bekämpfung rechtlich geschützter Interessen). Онъ относитъ сюда общеопасныя преступленія, равно какъ злоупотребленіе взрывчатыми веществами съ одной стороны, и поддѣлку товаровъ, денегъ и документовъ—съ другой [2]).

Ленингъ строитъ особую группу преступленій „variirende Verbrechen" [3]), которыя онъ опредѣляетъ, какъ такія, которыя „не ограничиваются нарушеніемъ одного опредѣленнаго

[1]) Liszt. Das deutsche Reichsstrafrecht. 1881. p 232.

[2]) Lehrbuch des deutschen Strafrechts. 1899. p. 309.

[3]) Löning. Grundriss zu Vorlesungen über deutsches Strafrecht. 1885. p. 122.

права, но могутъ направляться попеременно (variirend) на одно или на другое право, или же разомъ противъ множества отдѣльныхъ правъ... Логическое единство отдѣльныхъ принадлежащихъ сюда родовъ преступленій опредѣляется не тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ родомъ правонарушенія (Art der Rechtsverletzung), но моментомъ, лежащимъ въ формѣ проявленія ихъ или способа дѣйствія и въ употребленныхъ средствахъ (sondern je durch ein der Erscheinungsform oder Begehungsweise, den benutzten Mitteln angehöriges Moment)"; изъ этого однако не слѣдуетъ, прибавляетъ онъ, чтобы въ этихъ преступленіяхъ недоставало момента правонарушенія (т. е. нарушенія субъективныхъ правъ); сюда онъ относитъ общеопасныя преступленія, нарушенія домашняго мира, употребленіе поддѣльныхъ документовъ (подлогъ документовъ), актовую ложь, составленіе и употребленіе неправильныхъ свидѣтельствъ о здоровьѣ.

Такимъ образомъ и у Листа и у Ленинга одного точно опредѣленнаго объекта подлога нѣтъ.

Въ ихъ конструкціи, слѣдовательно, подлогъ теряетъ самостоятельное значеніе: хотя границы его точно очерчены въ сравненіи съ тѣмъ, какъ онъ понимался въ числѣ другихъ „vage Verbrechen" у Фейербаха, но собственно говоря, и здѣсь подлогъ только вспомогательное, дополнительное преступленіе—не болѣе.

Признавая, что теоріи эти явились протестомъ противъ увлеченія понятіемъ общественнаго довѣрія и видя въ этомъ ихъ большое значеніе, нельзя не обратить вниманія на существенныя неправильности въ ихъ конструкціи.

Прежде всего нельзя не замѣтить, что самое созданіе понятія формальныхъ преступленій ничѣмъ не оправдывается. Въ этомъ отношеніи тѣ возраженія, которыя дѣлаетъ проф. Фойницкій противъ одного изъ подвидовъ этой группы—общеопасныхъ преступленій, вполнѣ примѣнимы ко всей группѣ. По его словамъ, „созданіе на основаніи его (признака общеопасности) особой рубрики преступныхъ дѣяній стояло бы въ противорѣчіи съ современнымъ пріемомъ распредѣленія пре-

ступленій по предмету посягательствъ, и въ этой группѣ пришлось бы соединить нарушенія благъ самыхъ разнообразныхъ, что дѣйствительно и замѣчается въ кодексахъ, вводящихъ у себя эту рубрику. Она есть шагъ назадъ въ законодательной систематикѣ, напоминая собою безсодержательныя рубрики лживыхъ поступковъ и насилія, отъ которыхъ современные кодексы уже отказались" [1]). Дѣйствительно, построеніе подобныхъ группъ преступленій вполнѣ умѣстно и понятно, когда доктрина только начинаетъ классифицировать преступленія, но оно представляется излишнимъ въ ту эпоху, когда доктрина сумѣла уже разобраться въ массѣ отдѣльныхъ преступленій и раздѣлить ихъ на особыя группы. Далѣе, если мы говоримъ, что одно и то же преступленіе можетъ попеременно направляться то противъ одного объекта, то противъ другого, то здѣсь, собственно говоря, должна быть рѣчь о двухъ самостоятельныхъ преступленіяхъ, а не объ одномъ; изъ нихъ каждое имѣетъ опредѣленный объектъ посягательства, и только форма выраженія преступной дѣятельности при нихъ одинакова; такъ что если мы, напр. говоримъ, что данное дѣяніе можетъ направляться то противъ права собственности, то противъ правъ состоянія и т. д., то здѣсь мы имѣемъ въ виду не одно преступное дѣяніе, а нѣсколько сходныхъ по формѣ, но имѣющихъ разные объекты посягательствъ. Соединять ихъ вмѣстѣ въ одно было бы совершенно неправильно. И если здѣсь признается возможнымъ соединять въ одну группу тѣ преступленія, которыя характеризуются общей формой дѣятельности виновнаго—поддѣлкой документовъ, то почему не идти еще дальше въ этомъ направленіи, и тогда придется создать особую группу лживыхъ поступковъ, которую доктрина уже оставила давно. Нельзя при этомъ не указать еще на то, что двойственность и даже множественность объектовъ здѣсь весьма часто только мнимая и кажущаяся, о чемъ уже говорилось выше: то обстоятельство, что данное дѣяніе можетъ угрожать разнымъ благамъ обусловливается тѣмъ, что бытіе

---

[1]) Фойницкій. Курсъ уголовнаго права. 1900 г. стр. 368.

ихъ ставится въ зависимость отъ самостоятельнаго бытія другихъ предметовъ. Между тѣмъ, какъ широко понимается данная группа преступленій, напр. у Листа, видно изъ того, что поддѣлка товаровъ послѣ долгаго отсутствія снова появляется въ системѣ преступленій рядомъ съ подлогомъ. Едва ли, однако, въ этомъ можно видѣть достиженіе цѣнныхъ результатовъ для общей систематизаціи преступленій.

Взглядъ на то, что при подлогѣ нѣтъ опредѣленнаго объекта посягательства нашелъ себѣ выраженіе въ проектѣ нашего уголовнаго уложенія, но въ то время, какъ только что разсмотрѣнныя теоріи, не находя единаго объекта посягательства для подлога, отрицаютъ возможность конструкціи особой группы подлоговъ, проектъ строитъ весьма широкое понятіе подлога, въ которое входятъ: 1) поддѣлка денежныхъ знаковъ и кредитныхъ билетовъ, 2) поддѣлка цѣнныхъ знаковъ, 3) поддѣлка документовъ, 4) актовая ложь или такъ называемый интеллектуальный подлогъ, 5) поддѣлка печатей или употребленіе поддѣльныхъ или другихъ печатей для удостовѣренія документа.

Составители объяснит. записки, различая искаженіе истины словесное, нематеріализованное, и матеріализованное — ложь, овеществленную въ какихъ-нибудь предметахъ, относительно послѣдней замѣчаютъ слѣдующее: „конечно, всѣ случаи наказуемаго овеществленнаго искаженія истины могутъ быть совмѣщены въ одну общую группу, связанную не единствомъ интереса, которому готовится или можетъ вредить виновный, а единствомъ принятаго ими способа посягательства на этотъ интересъ“ [1]), но изъ соображеній практическаго характера эта конструкція ими отклоняется. Въ отношеніи же овеществленной лжи ими проводится различіе между двумя ея видами: это—„съ одной стороны тотъ, когда овеществленная ложь получаетъ свое уголовное значеніе не сама по себѣ, а лишь по ея непосредственному отношенію къ посягательству на какой-либо опредѣленный интересъ, какъ, напр., поддѣлка товара

[1]) Объяснит. зап. т. V. стр. 3.

нисшаго качества подъ высшій, одного матеріала подъ другой, сдѣланная съ цѣлью наживы, какъ средство мошенничества, съ другой—тѣ случаи, когда поддѣлка опасна не только потому, что можетъ служить орудіемъ для посягательства на различные интересы, но когда самое введеніе въ общественный оборотъ по разнымъ основаніямъ, изложеннымъ далѣе при разсмотрѣніи отдѣльныхъ постановленій, поддѣльныхъ предметовъ сего рода представляетъ дѣйствительный вредъ не только для отдѣльныхъ лицъ, но и для общества и даже для государства. Случаи наказуемой поддѣлки перваго вида коммиссія предполагала размѣстить по соотвѣтственнымъ рубрикамъ преступленій, а случаи второго рода соединить вмѣстѣ, признавъ ихъ объединяющимъ признакомъ не интересъ, на который посягаетъ виновный, а избранный имъ способъ посягательства". Обращаясь далѣе къ опредѣленію предмета посягательства собственно при подлогѣ, составители объяснит. записки замѣчаютъ, что „преступность поддѣлки документовъ, казалось бы, скорѣе нужно искать во вредѣ или опасности реальнымъ благамъ и интересамъ частнымъ или общественнымъ, охраняемымъ государствомъ. Вводя въ общественный оборотъ изготовленные матеріальные предметы, болѣе или менѣе сходные съ обращающимися въ государствѣ, коимъ усвоено, хотя бы и условно, опредѣленное юридическое значеніе, измѣняя, ради того же выпуска въ обращеніе, дѣйствительные предметы этого рода, или, наконецъ, облекая при извѣстныхъ условіяхъ въ установленную закономъ форму то, что не должно и не можетъ быть облекаемо въ таковую, виновный создаетъ, измѣняетъ или уничтожаетъ основанія извѣстныхъ юридическихъ отношеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и покоящихся на нихъ правъ и обязанностей, или по крайней мѣрѣ пытается достигнуть такого результата" [1]). Такимъ образомъ подлогъ документовъ не имѣетъ, по мнѣнію составителей проекта, одного общаго объекта, и, „являясь подготовительной дѣятельностью къ разнообразнымъ преступнымъ посягательствамъ государственнымъ,

[1]) Тамъ же стр. 150—152.

общественнымъ и частнымъ, поддѣлка документовъ теряетъ связующее каждую группу преступныхъ дѣяній единство объекта". Въ виду этого составители проекта не отрицаютъ теоретической возможности распредѣлить всѣ виды поддѣлки документовъ по соотвѣтствующимъ группамъ посягательствъ, въ соотношеніи съ тѣми правами и интересами, коимъ вредитъ или кои поставляетъ въ опасность поддѣлыватель, но они не считаютъ это цѣлесообразнымъ только въ виду техническихъ затрудненій. Поэтому они объединяютъ случаи поддѣлки документовъ въ одну группу по формальнымъ признакамъ, связанную единствомъ способа и средствъ дѣйствія. „Такимъ образомъ, прибавляютъ они [1]), юридическая конструкція этой группы преступныхъ дѣяній будетъ такова: изготовленіе поддѣльнаго документа, передѣлка настоящаго документа, облеченіе лжи въ документальную форму сами по себѣ не составляютъ непосредственнаго посягательства на какой-нибудь опредѣленный интересъ, охраняемый государствомъ, но вводя въ юридическій оборотъ ложныя данныя, такія дѣйствія могутъ служить средствомъ для посягательства на разнообразныя права и правоотношенія, причемъ возникающая изъ такого вида подлога опасность для правового порядка представляется столь значительной, что государство наказываетъ при условіяхъ, въ законѣ указанныхъ, виновнаго, хотя бы въ преступныхъ дѣяніяхъ, для коихъ таковая поддѣлка или актовая ложь являлась приспособленіемъ средствъ, подготовительная дѣятельность не считалась вообще наказуемой. Какъ дѣйствія подготовительныя, поддѣлки наказуемы только благодаря особенностямъ употребленныхъ виновнымъ средствъ и способовъ, и эта ихъ формальная сторона служитъ основаніемъ для объединенія ихъ въ общую группу поддѣлки въ документахъ" [2]).

---

[1]) Тамъ же стр. 155.

[2]) Собственно говоря, здѣсь имѣется только нѣсколько иное выраженіе того, что высказано было Неклюдовымъ въ его „Руководствѣ къ особенной части" т. IV 1880 г. стр. 3—4. Здѣсь онъ объединяетъ подъ общимъ заглавіемъ сокрытія или искаженія истины ту группу преступленій, которыя носили въ прежнее время названіе

Обращаясь къ ближайшему разсмотрѣнію ученія, выдвинутаго составителями объяснит. записки, необходимо остановиться прежде всего на той конструкціи, которую они даютъ подлогу вообще, а затѣмъ и на конструкціи подлога документовъ въ частности.

Какъ указывалось уже выше [1]), составители объяснит. записки не опредѣляютъ ближе тѣхъ принципіальныхъ основаній, которыя побудили ихъ соединить въ одну группу всѣ тѣ дѣянія, которыя именуются „подлогами". Они указываютъ только на нѣкоторую близость отдѣльныхъ дѣяній, обнимае-

---

лживыхъ проступковъ. Сюда онъ относитъ ложь словесную (ложь въ показаніяхъ), ложь предметную (поддѣлка) и ложь актовую или документальную (подлогъ). За всѣми этими преступленіями онъ признаетъ общественный, а не частный характеръ, но самыя эти преступныя дѣянія низводятся имъ на степень средствъ совершенія другихъ преступленій, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ его словъ: „характеристической чертой преступленій настоящаго раздѣла является вредъ, ибо абсолютнаго права на истину не существуетъ, а ложь и фальшь сами по себѣ взятыя или совершенно безразличны, или же составляютъ простую недобросовѣстность—онѣ становятся преступными лишь съ того момента, когда являются орудіемъ или средствомъ для уклоненія отъ исполненія требованій закона, исполненіе коихъ ограждается страхомъ наказанія, или же для причиненія кому либо личнаго или матеріальнаго вреда". Еще болѣе, чѣмъ у Неклюдова, замѣтно стремленіе къ построенію подлога по образцу „лживыхъ поступковъ" у Лохвицкаго. Его „Курсъ" изложенъ въ порядкѣ системы уложенія о наказаніяхъ, вслѣдствіе чего, естественно, онъ не придаетъ подлогу значенія единаго преступленія; мы находимъ у него нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній о подлогѣ по опредѣленнымъ группамъ преступленій, въ особенности среди преступленій противъ порядка управленія; если же у него и встрѣчается стремленіе создать единое преступленіе подлога, то оно понимается имъ именно въ духѣ „лживыхъ поступковъ" Свода Зак.; такъ по поводу подлога указовъ онъ говоритъ, что это преступленіе „принадлежитъ къ общей системѣ преступленія подлога, куда относится и подлогъ книгъ маклерскихъ, купеческихъ, ложное банкротство и т. под." (Лохвицкій. Курсъ уголовнаго права. Спб. 1871. стр. 392).

[1]) См. стр. 327.

мыхъ этой группой. Благодаря этому получается, что подлогъ — это собраніе разнообразныхъ преступленій, обладающихъ разными объектами: только единство способа дѣйствія заставило соединить всѣхъ ихъ вмѣстѣ. Въ этомъ отношеніи конструкція „подлоговъ“ по проекту соотвѣтствуетъ той конструкціи „Fälschungsverbrechen“, которую мы находимъ у Ленца; но у него всѣ дѣянія, отнесенныя въ эту группу преступленій, связаны между собой единствомъ объекта посягательства, въ проектѣ же такого единства нѣтъ, вслѣдствіе чего и получается безсодержательная группа преступленій, по своему объему приближающаяся къ группѣ лживыхъ поступковъ дѣйствіемъ. Конструкція проекта такимъ образомъ чисто формальная, и всѣ тѣ возраженія, которыя можно привести противъ теорій формальныхъ, сохраняютъ свое значеніе и здѣсь.

Что же касается собственно подлога документовъ, то онъ здѣсь разсматривается, какъ дѣяніе опасное для разнообразныхъ благъ различныхъ субъектовъ права, являясь способомъ совершенія другихъ преступленій, причемъ конструкція эта обусловливается не соображеніями принципіальными и существа дѣла, а исключительно техническаго характера. Но при такихъ условіяхъ подлогъ теряетъ совершенно всякое значеніе въ качествѣ самостоятельнаго преступленія, и если онъ есть только средство для посягательства на другія блага, то онъ можетъ разсматриваться, какъ самостоятельно наказуемая приготовительная дѣятельность, такъ что въ случаѣ учиненія путемъ подлога другого преступленія, послѣднее должно поглощать его въ себѣ; объяснительная записка отъ этого вывода однако воздерживается, да и вся конструкція подлога въ проектѣ уложенія противорѣчитъ этому. И если нужно считать подлогъ дѣяніемъ опаснымъ для другихъ благъ, то съ этимъ можно согласиться только въ томъ смыслѣ, что если опасность эта въ дѣйствительности возникаетъ, то она обусловлена тѣмъ, что подлогъ направляется непосредственно на такой объектъ, съ неприкосновенностью коего связана неприкосновенность другихъ правовыхъ благъ.

§ 22. Если бросить общій взглядъ на доктрину о подлогѣ, то въ ней можно подмѣтить слѣдующія главныя теченія. Въ старой доктринѣ замѣчается смѣшеніе подлога съ мошенничествомъ: на первый планъ выставляется только способъ дѣйствія: ложь, обманъ, введеніе въ заблужденіе, искаженіе истины, вслѣдствіе чего мошенничество и подлогъ представляются дѣяніями одинаковаго характера. Съ начала нынѣшняго столѣтія замѣчается стремленіе установить отличіе подлога отъ мошенничества. Прежде всего принимается въ расчетъ непосредственный предметъ дѣятельности виновнаго: если это— предметъ матеріальный, то данное дѣяніе разсматривается, какъ подлогъ, въ противномъ случаѣ—какъ мошенничество; здѣсь принимается во вниманіе главнымъ образомъ грамматическій смыслъ термина „поддѣлка", требующаго извѣстнаго предмета, который можетъ быть „поддѣланъ"; здѣсь такимъ образомъ все вниманіе обращается на внѣшніе признаки дѣянія. Затѣмъ доктрина обращается къ установленію внутренняго различія между подлогомъ и мошенничествомъ; сначала берется въ основаніе ихъ различія моментъ посягательства противъ права на истину, какъ характерный только для подлога, но благодаря неопредѣленности этого понятія и указаніямъ на то, что такого права не существуетъ, постепенно эта теорія отбрасывается. Вмѣсто нея мало по малу выставляется теорія общественнаго довѣрія, при которой отличіе подлога отъ мошенничества усматривается въ томъ, что подлогъ есть посягательство противъ общественнаго довѣрія, тогда какъ мошенничество есть преступленіе имущественное. Эта теорія имѣетъ громадное значеніе, такъ какъ благодаря ей разъ навсегда установлена коренная разница между этими двумя преступленіями, и съ появленіемъ ея дальнѣйшія усилія доктрины направляются на анализъ сущности самаго понятія подлога. Но понятіе общественнаго довѣрія само по себѣ мало опредѣляетъ природу этого преступленія, появляются поэтому стремленія ближе выяснить значеніе этого понятія, но они приносятъ мало цѣнныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи. Какъ особая разновидность этой теоріи,

возникаетъ теорія двойственности объектовъ посягательства при подлогѣ, которая указываетъ на то, что при этомъ преступленіи кромѣ нарушенія общественнаго довѣрія имѣются еще посягательства на другія правовыя блага. На основахъ критики понятія общественнаго довѣрія, главнымъ образомъ въ духѣ указанія на непригодность его служить объектомъ преступленія, въ виду полной его неопредѣленности, появляется новая теорія, не придающая подлогу самостоятельнаго значенія и низводящая его на степень способа дѣйствія, или же въ отдѣльныхъ случаяхъ его видящая дѣянія, опасныя для отдѣльныхъ благъ и интересовъ, благодаря чему подлогъ съ точки зрѣнія этой теоріи самостоятельнаго значенія не имѣетъ. Значеніе этой теоріи заключается въ томъ, что она уничтожаетъ послѣдніе остатки того широкаго понятія crimen falsi, которое мы видѣли въ доктринѣ прошлыхъ вѣковъ.

Таковъ въ существенномъ ходъ доктрины о подлогѣ.

Разсматривая отдѣльныя теоріи и освѣщая недостатки ихъ, мы уже указывали на то, что ни одна изъ нихъ не пригодна для объясненія сущности подлога. Необходимо поэтому попытаться построить иную теорію, которая рисовала бы иначе сущность подлога и опредѣляла бы ближе объектъ его. И мы полагаемъ, что этого можно достигнуть, если принять, что въ подлогѣ объектомъ посягательства является вполнѣ самостоятельный публичный интересъ — неприкосновенность удостовѣрительныхъ средствъ имѣющихъ правовое значеніе событій. Существуетъ ли, однако такое благо, въ чемъ его сущность и можно ли видѣть въ немъ пригодный объектъ для подлога?

Выше мы указывали [1]), что въ силу потребностей общества создаются особыя средства удостовѣреній извѣстныхъ имѣющихъ правовое значеніе обстоятельствъ. Въ интересахъ твердости и правильности всего правопорядка общество нуждается въ особыхъ средствахъ этого рода. Эти средства создаются общимъ ходомъ развитія всякаго правопорядка и

---

[1]) См. стр. 11 и слѣд.

являются неизбѣжными условіями его. Весь правопорядокъ крайне заинтересованъ въ неприкосновенности ихъ, такъ какъ иначе цѣлый рядъ правовыхъ отношеній лишается возможности быть распознаваемымъ и удостовѣряемымъ. Въ виду этого установляются извѣстныя условія, которымъ должны удовлетворять эти удостовѣрительныя средства. Сообразно съ этимъ создаются нормы предупредительнаго характера, направленныя на охрану неприкосновенности ихъ. Но подобныхъ нормъ оказывается недостаточно. Правопорядокъ творитъ норму, требующую сохраненія неприкосновенности ихъ подъ страхомъ наказанія. Неприкосновенность удостовѣрительныхъ средствъ является благодаря этому особымъ охраняемымъ правомъ благомъ.

Самостоятельность и непосредственность защиты этого правового блага явствуетъ въ особенности изъ того, что бываютъ нерѣдко случаи, когда при подлогѣ вовсе нѣтъ посягательства или даже опасности посягательства на другія блага, а данный случай всетаки считается наказуемымъ дѣяніемъ. Таковы всѣ виды подлоговъ, сдѣланные съ цѣлью доказать какой-нибудь дѣйствительно существующій фактъ, далѣе такіе, когда путемъ подлога хотятъ вызвать извѣстныя дѣйствія власти или осуществленіе правосудія и т. п. (напр. подлогъ документовъ съ цѣлью вызвать возобновленіе дѣла и этимъ навести правосудіе на правильный путь). Здѣсь никакому другому благу ущерба не наносится, а дѣяніе тѣмъ не менѣе не перестаетъ быть преступнымъ. Если послѣдствіемъ подлога и являются какія-нибудь правонарушенія, то это объясняется тѣмъ, что съ неприкосновенностью удостовѣрительныхъ средствъ связано бытіе извѣстныхъ правоотношеній. Эти правонарушенія являются только послѣдствіемъ нарушенія неприкосновенности удостовѣрительныхъ средствъ и для состава преступленія имѣютъ второстепенное значеніе.

На самостоятельное значеніе этого правового блага указываетъ еще весьма важный моментъ состава преступленія—его внѣшняя сторона. Подлогъ въ видѣ общаго правила считается учиненнымъ съ того момента, когда совершена была поддѣлка

документа, дальнѣйшаго момента—пользованія—для этого не требуется, въ чемъ именно ясно и выражается мысль о томъ, что подлогъ есть посягательство на неприкосновенность удостовѣрительныхъ средствъ; какъ только неприкосновенность ихъ нарушена путемъ преступной дѣятельности виновнаго, направленной на ихъ бытіе, подлогъ уже считается въ наличности. Если законодатель иногда отъ этого отступаетъ, то главнымъ образомъ въ силу того, что для подлога требуется наличность умысла употребить поддѣльное въ качествѣ настоящаго, а такъ какъ этотъ умыселъ весьма трудно распознать изъ одного факта поддѣлки, то для состава преступленія требуется пользованіе поддѣльнымъ, такъ какъ съ момента пользованія этотъ умыселъ можетъ быть вполнѣ опредѣленно констатированъ, какъ ясно вытекающій изъ дѣятельности виновнаго.

Значеніе момента учиненія подлога, какъ характеризующаго сущность его, опредѣленно выступаетъ и въ исторіи подлога въ разныхъ законодательствахъ; разсматривая историческій очеркъ подлога документовъ, можно замѣтить, что моменту учиненія подлога обыкновенно придается значеніе элемента, выполняющаго составъ преступленія. Законодательства почти всѣхъ странъ имѣютъ въ виду только поддѣлку или передѣлку документа; они не требуютъ наступленія извѣстныхъ результатовъ, довольствуясь однимъ этимъ фактомъ, чѣмъ указывается на самостоятельную охрану документа. Правда, въ этомъ можно было бы видѣть наличность дѣянія, наказуемаго, какъ опасное для другихъ правъ, но этому противорѣчитъ усиленная наказуемость такихъ дѣяній, даже по сравненіи съ дѣйствительнымъ нарушеніемъ данныхъ правъ. Вспомнимъ хотя бы отсѣченіе руки въ наказаніе за подлогъ по германскому праву въ противоположность наказаніямъ за имущественные проступки; съ этой точкой зрѣнія стараго права нельзя не считаться, потому что она представляется общимъ правиломъ, и только ученіе о falsum по римскому праву оказываетъ здѣсь свое отрицательное вліяніе. Въ этомъ отношеніи анализъ исторіи подлога представляетъ не мало интересныхъ данныхъ.

Въ чемъ же, однако, заключается эта неприкосновенность средствъ удостовѣренія имѣющихъ правовое значеніе событій и почему нельзя говорить о посягательствахъ противъ нея съ одной стороны вмѣстѣ съ другими дѣяніями, посягающими на неприкосновенность других правовыхъ благъ, а съ другой стороны почему посягательста не на неприкосновенность, а на другія свойства удостовѣрительныхъ средствъ не могутъ быть относимы сюда? Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ замѣтить, что подъ неприкосновенностью здѣсь разумѣется не та неприкосновенность, которою обладаютъ всякіе другіе предметы и которая заключается въ ихъ внѣшней ненарушимости и непоколебимости, а неприкосновенность внутренняя, т. е. или формальная подлинность удостовѣрительныхъ знаковъ, иначе дѣйствительное ихъ происхожденіе въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ, отъ того лица, отъ кого они показаны исходящими, или же подлинность или правильность ихъ содержанія, т. е. дѣйствительное соотвѣтствіе его тому, чего оно касается. Благодаря этому всѣ другія посягательства противъ удостовѣрительныхъ знаковъ, направляющіяся не на подлинность ихъ и правильность содержанія имѣютъ совершенно обычный характеръ, не отличаясь отъ иныхъ преступленій, такъ какъ удостовѣрительныя средства въ тоже время служатъ предметами обладанія отдѣльныхъ субъектовъ права и въ этомъ своемъ свойствѣ могутъ становиться ближайшими предметами дѣятельности виновнаго.

Итакъ, благодаря тому обстоятельству, что удостовѣрительныя средства обладаютъ совершенно особыми свойствами, которыми не обладаютъ другіе предметы, сообразно съ чѣмъ и посягательства противъ нихъ выражаются въ совершенно особой формѣ, является полная возможность конструировать подлогъ, какъ преступное дѣяніе, имѣющее особый объектъ посягательства.

Нельзя сказать при этомъ, чтобы въ доктринѣ не проскальзывала мысль о возможности и цѣлесообразности подобной конструкціи подлога. Такъ, уже Ванъ-деръ-Вельденъ говорилъ о signa veritatis, какъ о самостоятельномъ объектѣ

посягательства при подлогѣ, то же указывалъ Цирклеръ, наконецъ, Іонъ замѣчалъ, что при подлогѣ охраняются отъ посягательства доказательственныя средства и что мѣсто этому преступленію въ общей системѣ преступленій тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о поддѣлкѣ монетъ и лжеприсягѣ [1]). Другіе писатели, какъ Миттермайеръ, Эшеръ, Ортлоффъ, тоже говорятъ о посягательствѣ при подлогѣ на доказательственныя или удостовѣрительныя средства, на подлинность ихъ и т. д., не возводя, однако, этого момента въ основаніе особой конструкціи преступленій даннаго рода. Въ особенности же ясно эту точку зрѣнія выставляетъ Гуго Мейеръ [2]). Онъ строитъ общее понятіе преступленій противъ „правового оборота" (rechtlicher Verkehr), разумѣя подъ ними посягательства противъ неприкосновенности тѣхъ предметовъ и явленій (Vorgänge), которые разсматриваются, какъ предметы и средства правового оборота; онъ самъ говоритъ, что предпочитаетъ это выраженіе термину „общественное довѣріе" потому, что въ послѣднемъ оттѣняется болѣе моральная сторона, чѣмъ юридическая. Всѣ преступныя дѣянія, отнесенныя къ этой группѣ онъ дѣлитъ на 1) преступленія противъ имѣющихъ доказательственное значеніе (beweiserhebliche) предметовъ, 2) преступленія монетныя, 3) преступленія по отношенію къ присягѣ (Eidesdelicte), помѣщая среди первыхъ подлогъ документовъ, поддѣлку границъ, знаковъ стоянія воды и мѣръ и вѣсовъ. Правда, онъ все еще находится подъ вліяніемъ доктрины, видѣвшей сущность подлога въ посягательствѣ противъ общественнаго довѣрія, но тѣмъ не менѣе избѣгаетъ говорить о немъ.

И намъ кажется, что, признавая объектомъ подлога неприкосновенность удостовѣрительныхъ знаковъ, можно выставить такую конструкцію этого преступленія, при которой посягательство этого рода составляетъ самостоятель-

---

[1]) John. Entwurf und Motive zu einem Strafgesetzbuche für den Norddeutschen Bund. 1868. p. 568.

[2]) H. Meyer. Lehrbuch des deutschen Strafrechts. 1895. p. 706

ную группу преступленій. Такъ какъ охрана неприкосновенности средствъ удостовѣренія правовыхъ событій устанавливается въ интересахъ общественныхъ, то данныя преступленія будутъ входить въ область преступленій публичныхъ, и, если подъ удостовѣрительными средствами разумѣть только матеріальные предметы, то сюда должны быть отнесены искаженіе граничныхъ знаковъ, подлогъ документовъ и поддѣлка другихъ знаковъ, приравниваемыхъ послѣднимъ. При такой конструкціи подлогу документовъ придается совершенно самостоятельное значеніе особаго преступленія и отводится подобающее мѣсто среди другихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ принятіемъ такой конструкціи просто рѣшается вопросъ о совокупности подлога съ другими преступленіями. Наконецъ, благодаря ей будетъ достигнута стройность въ классификаціи преступныхъ дѣяній, такъ что и не будетъ нужды прибѣгать ни къ конструкціи формальныхъ преступленій, характеризующихся способомъ дѣйствія, ни къ построенію особой группы посягательствъ противъ общественнаго довѣрія—понятія, которое ничего само по себѣ не выражаетъ.

Указавъ, что объектомъ подлога является неприкосновенность средствъ удостовѣренія имѣющихъ правовое значеніе обстоятельствъ, мы тѣмъ самымъ отдѣляемъ подлогъ документовъ отъ другихъ родственныхъ предступленій, относившихся и относимыхъ еще къ Fälschungsverbrechen. Прежде всего изъ этой группы выдѣляется поддѣлка товаровъ, которая должна быть отнесена къ мошенничеству въ качествѣ вещи или же помѣщена въ особую группу преступленій противъ общественной безопасности, точнѣе—здоровья, если дѣло идетъ о поддѣлкѣ пищевыхъ продуктовъ. Далѣе выдѣляется отсюда поддѣлка денежныхъ знаковъ, гдѣ на первомъ планѣ выступаетъ посягательство противъ монетной регаліи государства. Наконецъ, отдѣльно отъ подлога должна разсматриваться поддѣлка разнаго рода печатей, далѣе разныхъ клеймъ и знаковъ, прикладываемыхъ на товары; поддѣлка печатей самостоятельнаго значенія не имѣетъ: она можетъ быть разсматриваема, какъ самостоятельно наказуемая приготовительная дѣятельность къ

подлогу, поддѣлка же торговыхъ знаковъ, какъ уже выше указывалось, можетъ быть или delictum sui generis, какъ одно изъ посягательствъ противъ торговаго оборота, или особо наказуемой приготовительной дѣятельностью къ мошенничеству. Что касается, наконецъ, поддѣлки кредитныхъ бумагъ и другихъ имѣющихъ значеніе бумажныхъ денегъ знаковъ и подлога цѣнныхъ знаковъ (гербовыхъ и почтовыхъ марокъ и т. п.), то относительно ихъ нужно замѣтить, что эти преступленія носятъ нѣсколько иной характеръ, по сравненію съ подлогомъ документовъ, такъ какъ здѣсь на первомъ планѣ причиненіе ущерба государственному кредиту или доходу государства, да и затѣмъ кредитныя бумаги и цѣнные знаки только до извѣстной степени могутъ быть приравниваемы документамъ, какъ удостовѣрительнымъ знакамъ; поэтому поддѣлка ихъ подходитъ ближе къ монетнымъ нарушеніямъ, чѣмъ къ подлогу документовъ.

ГЛАВА III.

Субъектъ подлога документовъ.

§ 1. Общія соображенія.—§ 2. Особо выдѣленныя категоріи частныхъ лицъ, какъ субъектовъ подлога.—§ 3. Должностныя лица.

§ 1. Субъектомъ подлога документовъ можетъ быть всякое лицо при наличности общихъ условій вмѣняемости; въ этомъ отношеніи подлогъ никакихъ особенностей по сравненію съ другими преступленіями не представляетъ, такъ какъ норма, требующая охраны неприкосновенности письменныхъ актовъ, удостовѣряющихъ извѣстныя событія, имѣющія правовое значеніе, обращается ко всякому лицу, могущему быть вообще субъектомъ преступленія.

Это положеніе представляется настолько естественнымъ, что его, собственно говоря, можно было бы и вовсе не приводить, а самаго вопроса о субъектѣ подлога совсѣмъ не затрогивать, если бы не то обстоятельство, что нѣкоторые виды подлога документовъ, сообразно съ конструкціей ихъ, которую даетъ то или другое законодательство, могутъ быть учинены только извѣстными категоріями лицъ. Это тѣ случаи, когда субъекту дѣянія присущи особыя черты, которыя могутъ и не быть въ наличности въ отношеніи другихъ лицъ, и которыя обусловливаются или особымъ соціальнымъ положеніемъ даннаго лица, или тѣмъ обстоятельствомъ, что извѣстнаго рода

документы, о подлогѣ которыхъ идетъ рѣчь, могутъ быть составляемы только опредѣленными лицами: въ первомъ случаѣ данный видъ подлога можетъ быть учиненъ всякимъ вообще лицомъ, но особенное положеніе послѣдняго влечетъ за собою усиленную наказуемость его; во второмъ—данный видъ подлога только тогда можетъ быть въ наличности, когда это дѣяніе учинено лицомъ извѣстной категоріи. Въ виду всего этого является необходимымъ при анализѣ подлога говорить отдѣльно и о субъектѣ этого дѣянія.

Если съ этой точки зрѣнія мы будемъ разсматривать отдѣльныхъ субъектовъ этого преступленія, то увидимъ, что среди нихъ можно различить три категоріи лицъ: это 1) всякое вообще вмѣняемое лицо, исключая тѣхъ, которыя выдѣлены въ другія двѣ категоріи, 2) частныя лица извѣстныхъ профессій, 3) лица должностныя и вообще служащія. Изъ этихъ трехъ категорій наиболѣе важной по своему значенію является послѣдняя, такъ какъ подлогъ, учиненный должностными лицами, представляетъ особенное значеніе для правопорядка, потому что здѣсь преступленіе совершаютъ тѣ лица, которымъ общество оказываетъ особенное довѣріе и которымъ, въ силу ихъ обязанностей, легче учинить это дѣяніе; вторая же группа лицъ имѣетъ дополнительное значеніе; здѣсь имѣются въ виду тѣ лица, которыя не являются должностными и не могутъ быть имъ приравниваемы, но которыя или пользуются тѣмъ не менѣе особымъ довѣріемъ общества, или являются единственно возможными составителями отдѣльныхъ документовъ даннаго вида.

Проведеніе различія между этими тремя категоріями лицъ, какъ субъектовъ подлога, можно замѣтить во всѣхъ законодательствахъ, его знаетъ и наше уложеніе; поэтому необходимо остановиться на разсмотрѣніи тѣхъ особенностей, которыя могутъ представлять отдѣльные субъекты этого преступленія; но, конечно, интересъ представляютъ въ этомъ отношеніи только двѣ послѣднія группы.

§ 2. Лицами частными, особо выдѣленными въ качествѣ субъектовъ подлога, являются въ нашемъ уложеніи: 1) владѣльцы

горнаго завода и служащіе въ немъ (ст. 598) и 2) лица, имѣющія золотые, серебряные и платиновые пріиски, а также приказчики и другія лица, принадлежащія къ управленію пріисковъ (ст. 599); кого слѣдуетъ разумѣть подъ этими лицами, указываютъ соотвѣтствующія постановленія Устава Горнаго (Св. Зак. т. VII изд. 1893); самое же значеніе выдѣленія этихъ лицъ изъ числа прочихъ частныхъ лицъ, какъ возможныхъ субъектовъ подлога, состоитъ въ томъ, что учиненный этими лицами подлогъ въ шнуровыхъ книгахъ, притомъ состоящій во внесеніи въ нихъ невѣрныхъ данныхъ, предусмотрѣнъ отдѣльно отъ другихъ видовъ подлога въ ст. 598 и 599, такъ что единственными возможными субъектами подлога этого вида являются только эти лица; но, конечно, если они учинятъ какой-нибудь иной подлогъ, хотя бы и въ тѣхъ же документахъ, равно какъ если подлогъ шнуровыхъ книгъ будетъ совершенъ другими лицами, то здѣсь должно имѣть мѣсто примѣненіе общихъ правилъ; 3) наконецъ, особо выдѣленными въ качествѣ субъектовъ преступленія частными лицами являются по уложенію опекуны и попечители, если они учинятъ подлогъ ко вреду лицъ, ввѣренныхъ ихъ опекѣ и попечительству (ст. 1598); въ этомъ случаѣ они подвергаются высшей мѣрѣ наказанія, опредѣленнаго за эти преступленія другимъ частнымъ лицамъ.

Кромѣ этихъ лицъ дѣйствующее уложеніе другихъ частныхъ лицъ, какъ особыхъ субъектовъ подлога, не знаетъ, но въ проектѣ уголовнаго уложенія число ихъ увеличивается. Среди нихъ проектъ въ ст. 380 (395) имѣетъ въ виду, подобно уложенію, горнопромышленниковъ и вообще лицъ, принадлежащихъ къ производству горнаго промысла, говоря общимъ образомъ о „виновномъ въ завѣдомо ложной записи въ выданныхъ отъ правительства горнопромышленныхъ книгахъ подлежащихъ горной подати продуктовъ“; далѣе рѣчь идетъ объ особыхъ субъектахъ подлога въ ст. 380 п. 3 (394 п. 3), гдѣ говорится о завѣдомо ложномъ изложеніи въ установленныхъ закономъ торговыхъ книгахъ обстоятельства, сими книгами удостовѣряемаго; хотя здѣсь, какъ и въ приведенной только-что статьѣ, говорится

вообще о „виновномъ“ въ этомъ преступленіи, но такъ какъ торговыя книги ведутся купцами, то субъектомъ этого дѣянія могутъ быть только купцы. Наконецъ, проектъ, по примѣру многихъ западныхъ уложеній, говоритъ отдѣльно, какъ объ особомъ субъектѣ подлога, о врачѣ, не состоящемъ на службѣ въ ст. 379 (393); причемъ дѣяніе его заключается въ выдачѣ завѣдомо подложнаго удостовѣрительнаго свидѣтельства о болѣзни. Въ этомъ отношеніи проектъ пополнилъ пробѣлъ уложенія, такъ какъ уложеніе не знаетъ вовсе подлога свидѣтельства о болѣзни, учиненнаго врачемъ, не находящимся на службѣ, что можно вывести изъ того обстоятельства, что ст. 364 говоритъ только о должностномъ лицѣ, изобличенномъ въ выдачѣ завѣдомо ложнаго свидѣтельства о болѣзни, а ст. 300 имѣетъ въ виду представленіе частнымъ лицомъ такого документа, будто бы составленнаго должностнымъ или употребленнымъ отъ правительства лицомъ. При установленіи этого положенія, редакціонная коммиссія по составленію проекта уложенія исходила между прочимъ изъ тѣхъ соображеній, что „всѣ практикующіе врачи, имѣющіе право на выдачу таковыхъ свидѣтельствъ, не могутъ быть подведены подъ понятіе лицъ служащихъ, учиняющихъ подлогъ въ исходящихъ отъ нихъ бумагахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ они не могутъ быть причислены и къ лицамъ частнымъ“, между тѣмъ предусмотрѣть подлогъ ихъ представлялось важнымъ, такъ какъ дѣянія эти совершаются весьма часто [1]).

§ 3. Значеніе выдѣленія должностного лица въ качествѣ особаго субъекта преступленія подлога заключается въ томъ, что фактъ учиненія имъ этого преступленія или можетъ являться обстоятельствомъ только усиливающимъ виновность, или же можетъ обусловливать самую преступность подлога даннаго рода, что имѣетъ мѣсто, напр. при подлогѣ интеллектуальномъ извѣстнаго вида.

Въ самой конструкціи подлога, учиненнаго должностнымъ лицомъ, можно подмѣтить двоякое направленіе: нѣкоторыя

---

[1]) Объясн. зап. т. V, стр. 281.

законодательства, напр. французское, не выдѣляютъ подлога этого рода изъ общей группы подлоговъ; во французскомъ кодексѣ (art. 145, 146, 155 ч. 2, 160) подлогъ вообще считается квалифицированнымъ, если онъ учиненъ должностнымъ лицомъ (fonctionnaire ou officier public) при исполненіи обязанностей его званія; другія законодательства, напр. германское и наше, напротивъ относятъ его къ группѣ должностныхъ преступленій, такъ что здѣсь особое положеніе субъекта преступленія влечетъ за собой и особое отношеніе законодателя къ подлогу, учиненному этимъ лицомъ. Въ германскомъ кодексѣ (§ 348) въ числѣ другихъ должностныхъ преступленій упоминается ложное удостовѣреніе имѣющихъ правовое значеніе событій, и преступность этого дѣянія обусловливается наличностью того обстоятельства, что виновникомъ его является чиновникъ (Beamte).

Къ германской системѣ примыкаетъ и наше уложеніе, которое помѣщаетъ подлогъ по службѣ въ числѣ должностныхъ преступленій, или требуя общимъ образомъ, чтобы должностное лицо учинило это преступленіе „при отправленіи своей должности" (ст. 362), или же придавая особенное значеніе свойству должностного лица въ томъ отношеніи, что дѣяніе его, оставаясь по своему внѣшнему выраженію такимъ же, какъ и дѣяніе частнаго лица, влечетъ за собой усиленную наказуемость; это мы видимъ, напр. въ ст. 361, по которой должностное лицо, поддѣлавшее документы публичные, указанные въ ст. 291 — 294, подвергается высшей мѣрѣ наказаній, опредѣленныхъ вообще за эти преступленія. При этомъ законъ или говоритъ вообще о должностныхъ лицахъ, или же указываетъ на нѣкоторыя опредѣленныя категоріи ихъ; такъ, ст. 361, 362 и 364 говорятъ о подлогахъ, совершаемыхъ вообще „должностнымъ лицомъ", ст. 358 точно также имѣетъ въ виду всякихъ вообще должностныхъ лицъ, говоря общимъ образомъ: „кто въ приходную, по казеннымъ въ управленіи его состоящимъ доходамъ, книгу съ умысломъ запишетъ менѣе дѣйствительно поступившаго и т. д."; то же надо сказать и относительно ст. 359, которая говоритъ: „если

присвоившій себѣ или растратившій ввѣренное ему по службѣ казенное или частное имущество и т. д.“; иногда уложеніе употребляетъ выраженіе, равносильное „должностному лицу“,— „чиновникъ“, напр. въ ст. 418.

Кого же слѣдуетъ разумѣть подъ должностнымъ лицомъ? Въ этомъ отношеніи руководящія начала даютъ т. III и др. Св. Законовъ. Прежде всего должностными лицами являются всѣ лица, состоящія на службѣ государственной, понимаемой въ самомъ широкомъ смыслѣ, такъ что сюда должны относиться не только тѣ, которые именуются „чиновниками“, но напр. и священно-служители (такъ и сенатъ подвелъ подъ ст. 362 выдачу дьякономъ неправильной выписи изъ исповѣдныхъ росписей въ рѣш. 1873 г. № 781—Миловзорова); далѣе сюда же относятся всѣ лица, состоящія на службѣ общественной, поскольку она входитъ въ общее управленіе государствомъ, т.-е. въ сословныхъ, земскихъ, городскихъ или волостныхъ установленіяхъ, по опредѣленію правительства или по выборамъ; наконецъ, въ силу спеціальнаго постановленія закона (ст. 1154 улож.), въ отношеніи учиненія подлога лицамъ должностнымъ, находящимся на службѣ государственной или общественной, приравниваются должностныя лица общественныхъ и частныхъ банковъ, и какъ разъяснилъ сенатъ (рѣшеніе 1875 г. № 605—Ковнера), такими лицами должны считаться „всѣ лица, исполняющія въ общественныхъ и частныхъ банкахъ служебныя обязанности, относящіяся до дѣйствій банка по денежнымъ его оборотамъ и по завѣдыванію принадлежащимъ ему имуществомъ, не различая высшихъ и низшихъ и не исключая служащихъ по вольному найму“. При этомъ для общаго понятія должностного лица безразлично, занимаетъ ли это лицо опредѣленную должность или исполняетъ лишь временное порученіе по службѣ, имѣетъ ли оно чинъ или нѣтъ и т. д.; точно также не имѣетъ значенія и то, установлена ли прямо закономъ данная должность, или нѣтъ, такъ какъ есть еще такія должности, которыя существуютъ въ силу необходимости по непосредственному усмотрѣнію самихъ органовъ власти, а не на основаніи прямого указанія законовъ;

подобнаго толкованія понятія должностныхъ лицъ придерживается и сенатъ, какъ это слѣдуетъ изъ рѣшенія 1874 г. № 280—Дупленко, на основаніи котораго письмоводитель станового пристава за подлогъ по дѣлопроизводству пристава признанъ подлежащимъ отвѣтственности, какъ за преступленіе по должности.

Вообще же понятіе „должностного лица" въ нашей практикѣ толкуется довольно широко, и сюда относятся не только должностныя лица, занимающія опредѣленныя должности, но напр. и нисшіе служители. Такъ, должностнымъ лицомъ сенатъ въ рѣшеніи 1872 г. № 981 — Михайлова, призналъ почталіона, основываясь на Св. Зак. т. XII ч. 1 Устава Почтов. ст. 96—129, и къ подлогу, учиненному имъ, примѣнилъ не ст. 294, а ст. 362. Далѣе, въ цѣломъ рядѣ рѣшеній должностными лицами признаваемы были волостные писаря; въ рѣшеніи 1870 г. № 335 — Дивова и Папушкова, сенатъ примѣнилъ къ дѣянію Д., волостного писаря, составившаго заочный приговоръ отъ имени крестьянъ на открытіе постоялаго двора съ продажей вина, ст. 362, объясняя это тѣмъ, что хотя, по смыслу ст. 113, 122 и 129 Полож. о крест., волостной писарь можетъ быть опредѣленъ на эту должность волостнымъ сходомъ изъ постороннихъ лицъ и по вольному найму, но отвѣтственности за преступленіе, совершенное имъ по должности, онъ подлежитъ наравнѣ съ лицами, служащими по выбору общества, а за подлогъ по службѣ на основаніи ст. 92 Полож. онъ подвергается отвѣтственности по 362 ст. ул.; то же высказано и въ рѣшеніи 1875 г. № 43—Косичкина. Въ другомъ своемъ рѣшеніи сенатъ высказалъ ту мысль, что хотя бы данное лицо и не имѣло права по той или другой причинѣ занимать должность, но разъ оно ее занимаетъ, то становится должностнымъ лицомъ и въ качествѣ таковаго и подлежитъ отвѣтственности; это выражено въ рѣшеніи 1873 г. № 554—Кириллова [1]).

---

[1]) Какъ слѣдуетъ изъ обстоятельствъ этого дѣла, лишенный особенныхъ правъ К., состоя по найму въ псковскомъ исправительномъ

Какъ говорилось уже выше, кромѣ указанія на должностныхъ лицъ вообще, какъ субъектовъ подлога, въ уложеніи имѣются еще спеціальныя указанія на нѣкоторыя особенныя категоріи ихъ; такъ ст. 363 говоритъ спеціально о чиновникахъ полиціи, выдающихъ справки проходящимъ войскамъ относительно цѣнъ на извѣстные предметы, завѣдомо невѣрныя по сравненію съ тѣми, о которыхъ представлено для установленія цѣнъ губернатору. Ст. 439 — 440 имѣютъ въ виду чиновниковъ по дѣламъ межевымъ, именно землемѣровъ, неправильно составляющихъ планы или книги; ст. 460 и 461

арестантскомъ отдѣленіи, составилъ изъ корыстныхъ видовъ подложное отъ имени начальника того отдѣленія отношеніе въ Волостное Правленіе о доставленіи Губернскому Правленію приговоровъ о принятіи или непринятіи двухъ арестантовъ, по истеченіи сроковъ содержанія ихъ, въ крестьянское общество и отдалъ эти отношенія тѣмъ же арестантамъ, которые отослали его въ Волостное Правленіе. Судъ примѣнилъ въ этомъ случаѣ 294 ст. Кассаціонная жалоба, поданная на приговоръ суда, указывала, что на основаніи п. 1 ст. 43 улож. лицамъ, лишеннымъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, воспрещается вступать въ государственную и общественную службу, поэтому примѣненіе къ подсудимому порядка привлеченія къ суду, установленнаго для преступленій по должности, противорѣчитъ какъ правамъ, которыми онъ могъ пользоваться во время совершенія преступленія, такъ и соображеніямъ, на которыхъ основывается необходимость этого особеннаго порядка (нарушеніе особеннаго довѣрія). Но сенатъ призналъ, что хотя К. и не могъ вступать на службу и пользоваться правами, съ службой сего рода соединенными, но будучи опредѣленъ на службу хотя съ нарушеніемъ этого закона, онъ не могъ быть освобожденъ по этому поводу отъ обязанности и отвѣтственности, соединенныхъ съ возложенной на него служебной должностью, и за составленіе подложной служебной бумаги отъ имени своего начальства вполнѣ правильно преданъ суду, такъ что въ этомъ случаѣ должна быть примѣнена ст. 362. И съ этимъ заключеніемъ сената нельзя не согласиться, такъ какъ для рѣшенія даннаго вопроса важно лишь то, что извѣстное лицо занимаетъ опредѣленное служебное положеніе, но какимъ путемъ оно его пріобрѣло и имѣло ли оно право на занятіе его, безразлично, такъ какъ здѣсь важенъ самый фактъ занятія опредѣленной должности.

говорятъ о чиновникахъ крѣпостныхъ дѣлъ, ст. 468—о нотаріусахъ, а ст. 1300, 1301 и 1318—о маклерахъ, учиняющихъ подлоги въ составляемыхъ ими актахъ; ст. 465 — о членахъ присутственныхъ мѣстъ, въ которыхъ совершаются крѣпостные акты, допускающихъ совершеніе подлоговъ чиновниками крѣпостныхъ дѣлъ; ст. 481—о чиновникахъ, коимъ ввѣрено храненіе денежныхъ суммъ, совершающихъ подлоги въ приходныхъ или расходныхъ книгахъ, ст. 1111 — о почтовыхъ чиновникахъ, совершающихъ подлоги при выдачѣ квитанцій; ст. 1333 — о биржевыхъ аукціонистахъ, утратившихъ умышленно свои книги, ст. 1343 — о диспашерахъ, произведшихъ съ умысломъ неправильный расчетъ въ диспашѣ; ст. 1441— о лицахъ, на коихъ по закону возложено составленіе актовъ состоянія или храненіе или выдача оныхъ; ст. 1443—о лицахъ, принадлежащихъ полиціи, или сельскому управленію, обязанныхъ веденіемъ метрическихъ книгъ; ст. 1444 имѣетъ въ виду въ этомъ отношеніи спеціально имама или газзана, а ст. 1445—раввина.

Изъ этого перечисленія слѣдуетъ, что если уложеніе особо предусматриваетъ извѣстныя категоріи должностныхъ лицъ, то оно при этомъ имѣетъ въ виду совершеніе ими подлога въ опредѣленныхъ видахъ документовъ, обнимаемыхъ общимъ понятіемъ публичныхъ; благодаря этому получается то, что наше уголовное законодательство вслѣдствіе казуистичности своихъ положеній разбиваетъ на цѣлый рядъ отдѣльныхъ постановленій такія, которыя съ успѣхомъ могли бы быть объединены вмѣстѣ; но если въ немъ существуетъ одно общее постановленіе объ отвѣтственности должностныхъ лицъ за служебные подлоги въ ст. 362, то, собственно говоря, не представляется вовсе необходимымъ перечислять еще разъ отдѣльныя категоріи должностныхъ лицъ, могущихъ учинять разнаго рода подлоги въ сферѣ своей компетенціи,—тѣмъ болѣе, что уложеніе въ этихъ случаяхъ относительно наказуемости дѣлаетъ по большей части ссылку на ст. 362.

Недостатокъ уложенія въ этомъ отношеніи ясно поняли составители проекта новаго уголовнаго уложенія, которые до-

стигли значительнаго объединенія отдѣльныхъ случаевъ должностного подлога. Но при этомъ надо замѣтить, что въ конструкціи подлога этого вида въ проектѣ двухъ послѣднихъ редакцій замѣчается существенная разница. Редакціонная коммиссія по составленію проекта уголовнаго уложенія не сочла нужнымъ выдѣлять подлогъ, учиненный должностными лицами, изъ общаго понятія подлога, сообразно съ чѣмъ получается такая конструкція этого преступленія: субъектомъ его могутъ быть по общему правилу и лица должностныя, и недолжностныя, и только при интеллектуальномъ подлогѣ въ нѣкоторыхъ его видахъ выдвигается на первый планъ должностное значеніе виновника (ст. 379). Однако въ послѣдней редакціи проекта подлогъ должностной выдѣленъ изъ главы, содержащей въ себѣ постановленія о подлогѣ, и перенесенъ въ главу о преступныхъ дѣяніяхъ по службѣ государственной и общественной. Конечно, вопросъ о томъ, куда отнести подлогъ, учиняемый должностнымъ лицомъ въ сферѣ его компетенціи, въ группу ли должностныхъ преступленій или въ общую рубрику подлоговъ—вопросъ удобства, такъ какъ, если смотрѣть на это преступленіе съ точки зрѣнія субъекта, то оно представляется должностнымъ, если же съ точки зрѣнія объекта, то—подлогомъ; но послѣдняя точка зрѣнія имѣетъ преимущество въ томъ отношеніи, что она даетъ возможность соединить въ одну группу всѣ случаи посягательствъ противъ неприкосновенности письменныхъ актовъ, что представляется и болѣе правильнымъ, такъ какъ и при должностномъ подлогѣ объектъ преступленія остается тѣмъ же самымъ, какъ и въ случаяхъ учиненія этого дѣянія лицами недолжностными.

Нужно замѣтить еще при этомъ, что проектъ въ своемъ стремленіи объединить отдѣльные виды должностного подлога по субъекту преступленія не вездѣ достигаетъ этого, такъ что кромѣ общаго понятія „должностныхъ лицъ“ ему извѣстны еще отдѣльныя категоріи ихъ, какъ возможныхъ субъектовъ подлога особаго вида; это—1) служащіе, на обязанности которыхъ лежитъ записываніе совершенія браковъ въ метриче-

скія книги; о нихъ рѣчь идетъ въ ст. 349—358, 354—355 (361—363, 368—369) и 2) служащіе въ почтовомъ или телеграфномъ установленіи, виновные въ искаженіи содержанія почтовой корреспонденціи или телеграммы; объ этомъ рѣчь идетъ въ ст. 559 (587).

ГЛАВА IV.

Объектъ преступленія.

§ 1. Общія замѣчанія.—§ 2. Документъ, какъ письменный актъ.—§ 3. Предназначенность документа быть удостовѣрительнымъ средствомъ.—§ 4. Событія, удостовѣряемыя документомъ.—§ 5. Форма документа.—§ 6. Общая характеристика понятія документа, какъ объекта подлога, по уложенію о наказаніяхъ.—§ 7. Документъ, какъ оригиналъ и какъ копія.—§ 8. Документы публичные и частные.—§ 9. Документы публичные болѣе важные.—§ 10. Нормальный типъ публичныхъ документовъ.—§ 11. Менѣе важные публичные документы.—§ 12. Другіе виды публичныхъ документовъ по уложенію.—§ 13. Общій характеръ частныхъ документовъ.—§ 14. Отдѣльные виды частныхъ документовъ по уложенію.—§ 15. Сущность бумагъ, предусмотрѣнныхъ ст. 1537 и 1538 улож.

§ 1. Ближайшимъ предметомъ, на который направляется преступная дѣятельность при подлогѣ, является документъ.

Что же такое документъ и какія существенныя его черты и свойства? Отвѣтить на этотъ вопросъ является далеко не такъ легко, какъ казалось бы на первый взглядъ, такъ какъ понятіе документа принадлежитъ къ числу тѣхъ юридическихъ понятій, которыя каждому, повидимому, доступны, но къ которымъ на самомъ дѣлѣ доктрина должна подходить весьма осторожно.

Наше законодательство почти во всѣхъ своихъ областяхъ содержитъ разнообразныя постановленія относительно отдѣльныхъ видовъ документовъ; о нихъ говорится и въ законахъ гражданскихъ, и въ законахъ уголовныхъ, и въ законахъ о состояніяхъ, и въ уставахъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, и въ торговомъ и въ вексельномъ уставахъ и т. д.; но тщетно будемъ мы искать здѣсь общаго опредѣленія документа. Опредѣленія документа, какъ таковаго, не знаетъ вовсе наше законодательство. Естественнѣе всего было бы дать это опредѣленіе законодательству процессуальному, такъ какъ тамъ главнымъ образомъ имѣются въ виду документы вообще, а не пріуроченные къ той или другой области права; но при такихъ условіяхъ опредѣленіе это имѣло бы характеръ односторонности: процессуальное законодательство старалось бы опредѣлить сущность документа соотвѣтственно задачамъ судопроизводства и т. д., тогда какъ документы кромѣ процессуальныхъ функцій исполняютъ еще другія въ сферѣ общежитейскаго правового оборота.

Уголовное законодательство, защищая своими опредѣленіями тотъ или другой юридическій институтъ, исходитъ обыкновенно изъ предположенія о томъ, что другія области права даютъ готовое опредѣленіе этого института. Оно не призвано строить и давать подобныя опредѣленія; и если опредѣленія даннаго понятія нѣтъ въ другихъ областяхъ законодательства, то эта задача конструированія его должна быть предоставлена доктринѣ, которой и безъ того приходится постоянно создавать опредѣленія разныхъ понятій, только намѣченныхъ и слегка затронутыхъ въ уголовномъ кодексѣ. Стоитъ только вспомнить, напр. такія опредѣленія, какъ опредѣленіе оружія при вооруженной кражѣ, опредѣленіе легкости или тяжести тѣлесныхъ поврежденій и т. п., не говоря уже объ опредѣленіи такихъ понятій, какъ покушеніе, умыселъ и т. п. То же самое должно быть сдѣлано и относительно понятія документа. Однако, желать при этомъ введенія выработаннаго доктриной опредѣленія понятія документа въ уголовный кодексъ едва ли основательно. Всякое черезчуръ обобщенное опредѣ-

леніе въ законѣ, который имѣетъ обязательную силу для его примѣнителей, можетъ повести къ цѣлому ряду недоразумѣній, и чѣмъ меньше будетъ такихъ общихъ опредѣленій въ уголовномъ законодательствѣ, тѣмъ будетъ лучше. Между тѣмъ опредѣленіе понятія документа внесено въ самые новые проекты уголовныхъ уложеній—въ швейцарскій (art. 136) и норвежскій (art. 179), и желаніе внести опредѣленіе документа въ уголовный законъ высказывается нѣкоторыми юристами, напр., Ленцомъ [1]), который исходитъ при этомъ изъ интересовъ полученія единаго понятія документа. Насколько, однако, это оказывается трудно выполнимымъ, видно изъ того, что въ прусскомъ кодексѣ 1851 г. существовало опредѣленіе понятія документа, благодаря чему, однако, по свидѣтельству современниковъ-криминалистовъ [2]), дѣло еще болѣе усложнялось, и суду присяжныхъ приходилось по прежнему пребывать въ неизвѣстности; вслѣдствіе этого при созданіи новаго германскаго уложенія рѣшено было отказаться отъ дачи опредѣленія документа, хотя мотивами для этого приведено было кромѣ только что указанныхъ соображеній еще то, что понятіе документа общеизвѣстно [3]), но, собственно говоря, общеизвѣстность какого-нибудь понятія не обусловливаетъ еще отсутствія необходимости дать опредѣленіе ему.

§ 2. Прежде чѣмъ перейти къ самому опредѣленію понятія документа, необходимо замѣтить, что по установившейся въ русскомъ разговорно-литературномъ (не только въ одномъ

---

[1]) Lenz. l. c. p. 91.

[2]) См. напр., Kräwel. Wie ist den Geschworenen die Frage bei der Urkundenfälschung zu stellen? (Archiv für preussisches Strafrecht. B. IX. 1861. p. 217).

[3]) Motive des revidirten Entwurfs v. 1870. (p. 131) говорятъ; „dass einmal die Bestimmung des preussischen Gesetzbuches in der Praxis erhebliche Schwirigkeiten erzeugt habe und in mehrfacher Beziehung als unzutreffend angefochten worden sei; denn nächst könne nicht die Aufgabe eines Gesetzbuches sein, eine allgemeine Begriffbestimmung von Urkunde zu ertheilen, da dieselbe bereits als bekannt und feststehend vorauszusetzt gewesen sei“.

юридическомъ) языкѣ терминологіи, подъ документомъ разумѣется непремѣнно письменный актъ [1]). Въ этомъ отличіе нашего понятія „документъ“ отъ нѣмецкаго „Urkunde“, подъ которымъ разумѣется не только письменный актъ, но и всякій матеріальный предметъ, могущій свидѣтельствовать о чемъ-либо. Поэтому если составители объяснительной записки [2]) къ проекту уголовнаго уложенія замѣчаютъ, что „документомъ въ общежитіи называютъ всякій матеріальный предметъ, который свидѣтельствуетъ, напоминаетъ или указываетъ на какое-либо событіе“, то эти слова имѣютъ въ виду скорѣе нѣмецкій языкъ, а не русскій, тѣмъ болѣе, что по проекту новаго уложенія наряду съ документами, но отдѣльно отъ нихъ, поставлены приравниваемые имъ знаки удостовѣренія разныхъ событій. Впрочемъ, надо замѣтить, что немного далѣе составители объяснительной записки сами замѣчаютъ: „... такъ какъ наше дѣйствующее право въ группѣ поддѣлки документовъ въ тѣсномъ смыслѣ вездѣ имѣетъ въ виду письменные акты и что въ нашемъ юридическомъ языкѣ, а въ особенности въ уставѣ гражданскаго судопроизводства, слово документъ употребляется въ смыслѣ письменнаго доказательства, такъ что другіе матеріальные предметы, хотя по законамъ процессуальнымъ и могутъ быть принимаемы въ значеніи доказательства, но не какъ документы, то представляется цѣлесообразнымъ усвоить и въ проектѣ выраженію „документъ“ значеніе письменнаго акта“ [3]).

Съ принятіемъ этого положенія является, такъ сказать, первое ограниченіе понятія документа, благодаря которому исчезаетъ для нашей доктрины цѣлый рядъ сложныхъ вопросовъ, которые возникли въ Германіи относительно того, что

---

[1]) По опредѣленію нашей Академіи наукъ, документъ—„это письменный актъ, служащій доказательствомъ или свидѣтельствомъ чего-либо; дѣловая бумага, относящаяся къ канцелярскому производству“. (Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Академіи наукъ 1895 г. стр. 1088).

[2]) Объяснит. зап. т. V, стр. 177.

[3]) Тамъ же стр. 180.

надо разумѣть подъ именемъ „Urkunde“ и какое отличіе его отъ вещественнаго доказательства вообще. Въ этомъ отношеніи наше законодательство ближе подходитъ къ французскому, которое при подлогѣ документовъ говоритъ только о письменныхъ документахъ—объ actes и titres [1]). Точно также во многихъ партикулярныхъ нѣмецкихъ кодексахъ XIX в. рѣчь шла о подлогѣ не Urkunde, а Schrift, напр. въ гессенскомъ § 385 и прусскомъ § 247 и др. Даже въ первомъ проектѣ сѣверо-германскаго уложенія, въ которомъ было опредѣленіе понятія документа (§ 241), рѣчь шла только о письменномъ документѣ—„Schrift“; но уже во второмъ проектѣ опредѣленіе понятія документа было выброшено, и слово „Schrift“ замѣнено „Urkunde“.

Наше уложеніе, говоря о подлогѣ документовъ, ставитъ иногда рядомъ съ нимъ и поддѣлку другихъ знаковъ, имъ приравниваемыхъ, но не обнимаетъ ихъ общимъ именемъ документовъ; такова ст. 921, которая говоритъ о поддѣлкѣ билетовъ, флаговъ, контрамарокъ или ярлыковъ, выдаваемыхъ для производства рыбнаго промысла въ Каспійскомъ морѣ и въ водахъ восточной части Закавказскаго края; точно также въ Св. Зак. т. VI Уст. тамож. въ ст. 630 (прежде ст. 776 улож. о нак.) содержатся постановленія относительно подлога таможенныхъ ярлыковъ. Въ проектѣ же уголовнаго уложенія второй редакціи (въ первой этого еще не было), наравнѣ съ документами общимъ образомъ поставлены и знаки, замѣняющіе въ силу закона документы (ст. 375), а по третьей редакціи это выраженіе замѣнено другимъ—здѣсь говорится о „предметахъ, имѣющихъ по закону силу документа“ (ст. 389). Но отъ этихъ удостовѣрительныхъ знаковъ, приравниваемыхъ

---

[1]) Garraud l. c. p. 140 и Baumann l. c. p. 145 замѣчаютъ, что поддѣлка бирокъ и марокъ съ условными знаками (tailles et fiches) не можетъ быть обнята постановленіями Code pènal 1810 г., такъ какъ онъ говоритъ только о подлогѣ документовъ (иначе въ рѣшеніи кассаціоннаго суда отъ 28 мая 1846 г.), но de lege ferenda они оба находятъ, что сюда слѣдовало бы отнести поддѣлку всякихъ доказательствъ.

документамъ, слѣдуетъ отличать другіе знаки, такъ называемые цѣнные знаки, каковы почтовыя и гербовыя марки, посягательства на которые въ силу особыхъ свойствъ непосредственнаго предмета дѣятельности, приближаются къ посягательствамъ на денежные знаки.

Говоря о документахъ въ смыслѣ письменныхъ актовъ, надо замѣтить, что подъ ними слѣдуетъ разумѣть не только акты, писанные отъ руки, но воспроизведенные и инымъ путемъ, напр., механически, путемъ печатанія или литографіи, такъ какъ письменный актъ въ противоположность всякому другому удостовѣрительному знаку состоитъ изъ письменъ, т.-е. буквъ, образующихъ слова и предложенія, тогда какъ удостовѣрительный знакъ другого рода есть только условный знакъ въ томъ смыслѣ, что съ однимъ его внѣшнимъ видомъ связывается представленіе объ извѣстномъ событіи, таковы, напр, бирка, пограничный камень и т. п. Матеріалъ, на которомъ документъ написанъ, для общаго его понятія безразличенъ, точно также безразлична стоимость его сама по себѣ, но извѣстные виды документовъ (кредитныя бумаги) въ виду особыхъ свойствъ въ этомъ отношеніи выдѣляются изъ области другихъ документовъ, служащихъ предметомъ подлога.

Ограничивъ область изслѣдованія понятія документа, сообразно съ духомъ русскаго законодательства и языка, исключительно документами письменными, при ближайшемъ ознакомленіи съ самыми документами, мы найдемъ среди нихъ крайнее разнообразіе. Долговая росписка, вексель, духовное завѣщаніе, протоколъ полиціи о нарушеніи тишины и порядка въ публичномъ мѣстѣ, журналъ засѣданія какой-нибудь коммиссіи, метрическое свидѣтельство, свидѣтельство о благонадежности, выданное подлежащимъ начальствомъ, дипломатическая переписка, дневникъ или письмо, содержащіе въ себѣ признаніе обвиняемаго въ извѣстномъ преступленіи, любовная записка, заключающая въ себѣ заявленіе ея автора о томъ, что онъ является отцомъ незаконнорожденнаго ребенка той особы, къ которой она адресована—все это—доку-

менты; и при всемъ ихъ разнообразіи по ихъ внутреннему фактическому содержанію, благодаря которому можетъ быть столько различныхъ документовъ, сколько есть и различныхъ обстоятельствъ, о которыхъ они говорятъ, общее всѣмъ имъ то, что они о чемъ-то свидѣтельствуютъ, что-то удостовѣряютъ или доказываютъ. Всѣ они свидѣтельствуютъ о какомъ-нибудь событіи внутренняго или внѣшняго міра, и въ этомъ и заключается вся сущность документовъ. Но затѣмъ всѣ эти разнообразные виды документовъ могутъ быть разбиты на нѣсколько группъ: 1) по цѣли своего составленія—одни изъ нихъ составлены именно для того, чтобы удостовѣрять извѣстное событіе; свое назначеніе доказывать его они получили съ момента своего появленія на свѣтъ — таковы, напр. долговыя росписки, векселя, метрическія свидѣтельства и т. п.; другіе напротивъ вовсе не были предназначены къ этой цѣли; составитель ихъ не думалъ при ихъ возникновеніи сдѣлать ихъ доказательствомъ какихъ-нибудь событій; свою силу, какъ документовъ, они получили только впослѣдствіи; таковы: любовная записка письмо, содержащее въ себѣ признаніе должника и т. п.; 2) по источникамъ своего происхожденія—одни исходятъ отъ частныхъ лицъ, таковы: долговыя росписки, векселя; другіе исходятъ отъ имени публичной власти—таковы: протоколъ дознанія полиціи, актъ дипломатическій и т. д., причемъ нѣкоторые изъ этихъ документовъ такого рода, что исходятъ отъ лицъ, которымъ само государство въ своихъ интересахъ поручило удостовѣрять извѣстныя событія, таковы, напр., метрическія свидѣтельства, исходящія изъ рукъ духовенства или въ извѣстныхъ случаяхъ полиціи; 3) по содержанію своему—одни свидѣтельствуютъ о правахъ, правоотношеніяхъ и имѣющихъ правовое значеніе обстоятельствахъ—таковы векселя, долговыя росписки, духовныя завѣщанія, метрическія свидѣтельства; другіе имѣютъ содержаніе неюридическаго значенія — таковы, напр. многіе документы, относящіеся къ дипломатической перепискѣ; 4) по способу изложенія—одни представляютъ изъ себя какое-нибудь заявленіе извѣстнаго лица, таковы, напр., долговыя росписки, векселя; другіе со-

держатъ свидѣтельство, удостовѣреніе чего-нибудь, напр. свидѣтельство о благонадежности; 5) по своему значенію—одни играютъ роль документовъ исключительно процессуальныхъ, таковы, напр. любовная записка, письмо должника, содержащее признаніе имъ своего долга, другіе играютъ роль документовъ и внѣ процесса, въ сферѣ житейскаго оборота — таковы метрическія свидѣтельства, долговыя росписки и т. п.; 6) по способу удостовѣренія извѣстнаго событія—одни носятъ такой характеръ, что данное событіе можетъ быть доказываемо и иначе, т. е. не только даннымъ документомъ, таковы, напр. долговыя росписки; другіе же удостовѣряютъ данное событіе, исключая всякія другія средства удостовѣренія; такъ вексель удостовѣряетъ наличность извѣстнаго правоотношенія самъ по себѣ — и это правоотношеніе не можетъ быть установлено инымъ путемъ; здѣсь наличность письменной формы служитъ основаніемъ существованія самаго юридическаго отношенія, и самое бытіе юридическаго отношенія тѣсно связано съ наличностью письменной формы; 7) наконецъ, по формѣ своей—одни должны обладать опредѣленной напередъ установленной формой, напр. векселя, другіе могутъ быть составлены и безъ соблюденія ея.

Изъ ближайшаго разсмотрѣнія содержанія разнаго рода документовъ слѣдуетъ, что понятіе документа очень широко и что документы по своимъ свойствамъ бываютъ весьма разнообразны. Спрашивается, какіе же изъ нихъ имѣются въ виду при подлогѣ?

§ 3. Въ этомъ отношеніи прежде всего необходимо указать на то, что различіе между отдѣльными видами документовъ, отмѣченное въ первомъ пунктѣ, представляется особенно важнымъ. Документы, предназначенные служить съ самаго момента своего составленія удостовѣрительными средствами извѣстныхъ событій, и документы, которые сдѣлались таковыми благодаря особеннымъ случайнымъ обстоятельствамъ — понятія далеко неодинаковыя; эти документы собственно только съ внѣшней стороны однородны, но на самомъ дѣлѣ коренпымъ образомъ разнятся другъ отъ друга:

общее между ними только то, что какъ тѣ, такъ и другіе что-нибудь удостовѣряютъ. Въ смыслѣ документа, который становится таковымъ только случайно, благодаря чисто внѣшнимъ обстоятельствамъ, всякій письменный актъ, всякое письмо, всякая записка, словомъ все написанное можетъ быть документомъ, разъ по немъ можно судить о какомъ-нибудь обстоятельствѣ. Въ такомъ смыслѣ понимается документъ, какъ письменное доказательство, въ процессѣ уголовномъ: и здѣсь онъ ни чѣмъ, кромѣ письменной формы, не отличается отъ другихъ видовъ доказательствъ вещественныхъ, являясь только подвидомъ ихъ. Въ этомъ смыслѣ документъ особаго специфическаго значенія не имѣетъ, онъ сливается съ понятіемъ вещественнаго доказательства. Поэтому поддѣлка его, измѣненіе, искаженіе, поврежденіе и уничтоженіе должны разсматриваться въ числѣ посягательствъ противъ правосудія, вмѣстѣ съ посягательствомъ на другія вещественныя доказательства [1]). Здѣсь вовсе нѣтъ посягательства противъ той неприкосновенности удостовѣрительныхъ средствъ, которая образуетъ характерную черту подлога, такъ какъ эти документы вовсе не являются средствомъ удостовѣренія правовыхъ событій—въ этомъ ихъ отличіе отъ документовъ, съ самаго момента своего составленія предназначенныхъ служить доказательствомъ извѣстнаго событія.

Сознавая, что прочность правового строя и удобство оборота будутъ тогда только достигнуты, когда всякое правоотношеніе и всякое событіе, имѣющее юридическое значеніе, будутъ зарегистрированы извѣстнымъ образомъ, который даетъ возможность каждому легко удостовѣриться въ наличности

---

[1]) Сообразно съ этимъ въ проектѣ уголовнаго уложенія ст. 118 (142) говоритъ объ устройствѣ завѣдомо ложнаго письменнаго или вещественнаго доказательства или предъявленіи его суду или органу власти, уполномоченному на возбужденіе уголовнаго преслѣдованія или на производство слѣдствія, съ цѣлью навлечь подозрѣніе на опредѣленное лицо въ учиненіи преступнаго дѣянія или служебной провинности, какъ о преступленіи, отнесенномъ къ области „противодѣйствія правосудію“.

ихъ, общество давно пришло къ сознанію необходимости установленія особыхъ средствъ удостовѣренія такого рода, чтобы при наличности соблюденія извѣстныхъ формальностей, изъ которыхъ многія имѣютъ въ виду помѣшать возникновенію разныхъ злоупотребленій, наличность даннаго правоотношенія или событія вытекала бы изъ одного факта зарегистрированія его извѣстнымъ образомъ—другими словами, чтобы форма даннаго удостовѣрительнаго знака была гарантіей правильности его содержанія. Такимъ образомъ въ интересахъ общественныхъ стало придаваться особенное значеніе документарной формѣ; для этого съ теченіемъ времени заводятся особые органы, напр. нотаріусы, которымъ поручается удостовѣреніе извѣстныхъ правоотношеній. Кромѣ того, сознавая, что это формальное засвидѣтельствованіе дѣлать обязательнымъ для всѣхъ нельзя, общество признало возможнымъ придавать такое же значеніе документамъ, составленнымъ частными лицами безъ участія особыхъ органовъ и точно также предназначеннымъ удостовѣрять извѣстныя событія. Всѣ эти документы поставлены подъ защиту уголовнаго закона, какъ особый институтъ, нуждающійся въ самостоятельной правовой охранѣ. Изъ этого видно, что между тѣми документами, которые предназначены служить доказательствомъ, и тѣми, которые такими сдѣлались случайно въ силу разныхъ внѣшнихъ условій, существуетъ громадная разница, и только неприкосновенность документовъ перваго рода получаетъ охрану уголовнаго закона, какъ самостоятельное благо. Предназначенность служить документомъ есть, слѣдовательно, существенная черта самаго понятія документа.

Признавая, что характернымъ моментомъ понятія документа, какъ непосредственнаго предмета посягательства при подлогѣ, является то, что документъ долженъ быть предназначенъ служить удостовѣреніемъ извѣстныхъ правовыхъ событій, этимъ самымъ указывается, что ему должно быть придано такое назначеніе волей человѣка. Необходимо, чтобы былъ въ наличности извѣстный актъ дѣятельности человѣка, который обратилъ бы данный предметъ, т. е. письмо, въ документъ;

причемъ это обстоятельство должно сопутствовать моменту появленія на свѣтъ документа. Въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться съ Бури, который говоритъ, что если документъ съ самаго начала своего составленія не имѣлъ назначенія быть доказательствомъ, то впослѣдствіи онъ не можетъ сдѣлаться таковымъ, потому что простое желаніе, чтобы съ сей поры документъ былъ таковымъ, не можетъ сообщить ему объективнаго характера документа; точно также документъ можетъ даже противъ воли его составителя служить доказательствомъ, разъ онъ составленъ въ должной формѣ съ тѣмъ, чтобы онъ удостовѣрялъ какое-нибудь обстоятельство—и даже побочное условіе въ этомъ случаѣ (Nebenverabredung, напр. если стороны заранѣе уговорились, что ихъ договоръ только симуляція) не можетъ уничтожить такое значеніе документа [1]).

Такимъ образомъ въ каждомъ документѣ можно различить, такъ сказать, субъективный моментъ—приданіе данному предмету волею человѣка значенія удостовѣрительнаго знака.

Нельзя сказать, однако, чтобы это положеніе было общепризнаннымъ. Такъ, Гарро [2]) довольствуясь тѣмъ, чтобъ документъ способенъ былъ служить (apte à servir) доказательствомъ извѣстныхъ событій, а не предназначенъ былъ (destiné) для этого, а Ленцъ [3]) проводитъ различіе между процессуальнымъ документомъ (Prozessurkunde) и документомъ житейскаго оборота (Verkehrsurkunde), какъ возможными предметами подлога, и только относительно послѣдняго требуетъ предназначенности служить удостовѣреніемъ съ самаго момента составленія его, признавая для перваго достаточнымъ, чтобы онъ по усмотрѣнію суда служилъ доказательствомъ какого-нибудь событія, имѣющаго значеніе для даннаго правоотношенія. Но собственно говоря, это представленіе о томъ, что

---

[1]) Buri. Erörterung der von den Professoren Wahlberg, Merkel und v. Holtzendorff zu dem Prozesse Arnim erstatteten Gutachten. (Gerichtssaal Bd. 28. p. 26—33).

[2]) Garraud. l. c. p. 147.

[3]) Lenz. l. c. p. 39 etc.

предметомъ подлога можетъ быть и документъ, не предназначенный служить удостовѣрительнымъ средствомъ, мало вяжется даже съ ученіемъ о томъ, что объектомъ подлога является общественное довѣріе. Правда, Ленцъ говоритъ, что „принятіе подлинности и неподдѣльности документа безъ формальнаго доказыванія, есть дѣйствіе publica fides“ [1]), подъ чѣмъ относительно документовъ процессуальныхъ разумѣется ихъ формальная доказательственная сила, но, вѣдь, такимъ формальнымъ доказательствомъ могутъ служить только извѣстные документы, которые съ самаго начала предназначаются быть доказательствами, и ужъ подобной силой формальнаго доказательства не обладаютъ разныя любовныя письма, дневники, замѣтки и т. д., о которыхъ говоритъ Ленцъ, какъ о видахъ Prozessurkunde; и какъ относительно документовъ этого послѣдняго рода можно говорить, что они могутъ пользоваться довѣріемъ къ ихъ внѣшнему виду, къ ихъ формѣ, въ томъ смыслѣ, что документарная форма здѣсь гарантируетъ содержаніе документа? Напротивъ здѣсь письменная форма непричемъ, и совершенно такимъ же доказательствомъ можетъ служить всякій предметъ, могущій свидѣтельствовать объ извѣстномъ событіи.

Всякій документъ, составляемый съ цѣлью удостовѣрить извѣстное правоотношеніе или событіе, можетъ быть предназначенъ какъ для того, чтобы распознать наличность извѣстнаго правоотношенія вообще въ правовомъ оборотѣ, такъ и для того, чтобъ быть доказательствомъ въ случаѣ оспариванія его на судѣ. Этой двойной функціи документа забывать не слѣдуетъ, и неправильно поэтому поступаютъ тѣ писатели, которые совершенно произвольно ограничиваютъ при подлогѣ область дѣйствія документовъ только сферой судебной, признавая такимъ образомъ исключительно процессуальную функцію документа и забывая его функцію въ сферѣ обыкновеннаго житейскаго оборота. Такой точки зрѣнія придерживаются между

[1]) Lenz. l. c. p. 43.

прочимъ Іонъ и Вейссманъ. Іонъ [1]) исходитъ изъ того положенія, что документъ есть доказательственное средство (Beweismittel), и различаетъ документъ, какъ процессуальное доказательственное средство и внѣпроцессуальное. Въ первомъ случаѣ каждый документъ, по его словамъ, безъ всякаго ограниченія способенъ быть предметомъ подлога; во второмъ— достаточно охранить самое право, на которое имѣется при подлогѣ документовъ посягательство, такъ что данное дѣяніе можетъ быть подводимо подъ мошенничество или другія преступленія. Исключеніе изъ этого онъ дѣлаетъ только для всѣхъ публичныхъ документовъ, а изъ частныхъ—для векселей [2]). Вейссманъ же [3]) говоритъ, что для того, чтобы опредѣлить понятіе документа, надо прежде всего опредѣлить данный родъ доказательства (Beweisart), а потомъ уже на основаніи этого доказательственное средство (Beweismittel), а не наоборотъ, и обращается къ разсмотрѣнію признаковъ доказательства посредствомъ документовъ (Urkundenbeweis). „Они, говоритъ онъ, не могутъ быть иными въ процессѣ и внѣ его. Документъ не можетъ дѣйствовать на судью иначе, чѣмъ на всякаго разумнаго человѣка во внѣпроцессуальномъ оборотѣ. Если процессуальное право ради безопасности и ограничиваетъ доказываніе посредствомъ документовъ, то этимъ оно оказываетъ вліяніе и на внѣпроцессуальный оборотъ, такъ какъ въ правовомъ оборотѣ не можетъ оказать помощи тотъ документъ, который не въ состояніи доказывать въ крайнемъ случаѣ (Nothfall) и передъ судьей“. По его мнѣнію, всякій предметъ становится документомъ, разъ онъ дѣлается средствомъ доказыванія посредствомъ документовъ. Такимъ образомъ понятіе документа есть понятіе цѣлевое

---

[1]) John. Beiträge zur Lehre von dem Thatbestande der Urkundenfälschung (Zeitschrift für die gesammte Strafrechtswissenschaft Bd. IV, p. 79 etc.),

[2]) Этотъ взглядъ Іона напоминаетъ нѣсколько разсмотрѣнную выше теорію Гризецкаго (см. стр. 500).

[3]) Weissman. Der Thatbestand der Urkundenfälschung. (Zeitschrift für die gesammte Strafrechtswissenschaft. B. XI p. 3).

(Zweckbegriff). Нельзя не согласиться, дѣйствительно, съ тѣмъ, что всякій документъ при своемъ составленіи долженъ быть расчитанъ на случай доказательства не только въ общежитейскомъ оборотѣ, но и вездѣ, другими словами—всякій документъ можетъ быть процессуальнымъ, но отсюда никакъ нельзя выводить обратнаго положенія: не всякій документъ, употребляемый въ процессѣ, есть документъ въ технически-спеціальномъ смыслѣ, обусловленномъ наличностью назначенія служить удостовѣреніемъ извѣстныхъ событій, такъ что нельзя придавать исключительнаго значенія процессуальной функціи документа,—тѣмъ болѣе, что весьма многіе документы выполняютъ свою роль внѣ процесса, и процессъ можетъ быть часто только крайнимъ случаемъ, къ которому приходится прибѣгать, чтобы добиться осуществленія того, о чемъ рѣчь идетъ въ документѣ; съ принятіемъ же въ качествѣ предмета подлога процессуальнаго документа вообще придется область подлога распространить и на поддѣлку всякихъ письменныхъ доказательствъ въ процессѣ.

§ 4. Что же предназначается удостовѣрять собой документъ? Вопросъ этотъ въ высшей степени важенъ; доктрина уже обратила особенное вниманіе на выясненіе этого момента понятія документа, и преимущественно нѣмецкіе криминалисты потратили немало усилій на установленіе сущности его, и хотя ихъ ученіе принаровлено главнымъ образомъ къ постановленіямъ нѣмецкаго уголовнаго кодекса, но нѣкоторыя ихъ положенія имѣютъ и болѣе общій характеръ. Относительно рѣшенія этого вопроса нѣмецкая доктрина даетъ два неодинаковыхъ отвѣта.

Документъ, по словамъ Меркеля [1],—матеріальный, неодушевленный предметъ, который обладаетъ свойствомъ свидѣтельства (Zeugniss) въ пользу извѣстныхъ обстоятельствъ; для этого онъ долженъ давать возможность благодаря своей формѣ или своему бытію (Existenz) заключать объ извѣстныхъ

[1]) Merkel. Gutachten, erstattet zum Prozess des Grafen v. Arnim, herausg. v. Holtzendorff. 1875. p. 30.

обстоятельствахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ имѣть назначеніе указывать на эти обстоятельства, потому что иначе всякій предметъ считался бы документомъ, такъ какъ всякій предметъ обладаетъ фактической доказательственностью, между тѣмъ документомъ онъ становится только съ тѣхъ поръ, какъ получаетъ благодаря какой-нибудь волѣ назначеніе указывать на извѣстныя обстоятельства; далѣе Меркель замѣчаетъ, что документъ, о которомъ рѣчь идетъ въ правѣ, необходимо долженъ свидѣтельствовать объ обстоятельствахъ, имѣющихъ правовое значеніе, такъ какъ то широкое понятіе документа, которое выставляется другими писателями и которое признаетъ, что документъ можетъ свидѣтельствовать о любыхъ обстоятельствахъ, юридически непригодно (juristisch unbrauchbar) или для уголовнаго права безразлично (strafrechtlich indifferent), потому что соотвѣтствующее ему въ этомъ смыслѣ свойство (Urkundenqualität) лишено всякой объективной распознаваемости, и данный предметъ можетъ быть сегодня документомъ, а завтра ужъ не быть имъ; признаки же документа, о которомъ идетъ рѣчь въ уголовномъ правѣ онъ выводитъ изъ сущности преступленія подлога, какъ посягательства на кредитъ (доказательственную силу) опредѣленныхъ формъ удостовѣренія имѣющихъ правовое значеніе фактовъ. Документъ долженъ поэтому относиться къ имѣющимъ правовое значеніе обстоятельствамъ [1]).

---

[1]) Этой же точки зрѣнія придерживается Меркель и въ послѣдующихъ своихъ работахъ. Въ Юридическомъ лексиконѣ Гольцендорффа (Rechtslexicon Bd. III. p. 975) онъ замѣчаетъ: „подъ документами слѣдуетъ разумѣть знаки, которые предназначены и вмѣстѣ съ тѣмъ пригодны (bestimmt und zugleich dienlich sind) доказывать правоотношенія или имѣющіе правовое значеніе факты", а въ своемъ Учебникѣ (Lehrbuch. p. 359) онъ говоритъ, что документы—это тѣ предметы, которымъ въ оборотѣ или въ процессѣ въ отдѣльномъ случаѣ присвоивается (zukommt) доказательственная сила для удостовѣренія имѣющихъ правовое значеніе обстоятельствъ, или на основаніи общей нормы, или же въ силу соотвѣтственнаго опредѣленія.

Въ противоположность Меркелю, Бури утверждалъ общимъ образомъ, что подлогъ возможенъ и относительно документовъ, содержаніе которыхъ не имѣетъ правового значенія; подобными документами являются, по его словамъ, напр. оффиціальные акты, относительно которыхъ требованія обладать имѣющимъ правовое значеніе содержаніемъ не имѣется въ законѣ. Эту точку зрѣнія Бури на сущность понятія документа усвоиваетъ нѣмецкая практика, и Reichsgericht ее неуклонно проводитъ въ цѣломъ рядѣ своихъ рѣшеній. Документы, толкуетъ онъ [1]) въ одномъ изъ своихъ наиболѣе раннихъ рѣшеній, это—неодушевленные, приготовленные человѣческой рукой предметы, которые способны (geeignet sind) быть доказательствомъ извѣстныхъ обстоятельствъ,—безразлично, идетъ ли здѣсь рѣчь о явленіяхъ внѣшней жизни, или же о такъ называемыхъ внутреннихъ обстоятельствахъ, относящихся къ отвлеченному міру (Gedankenwelt). Другое рѣшеніе еще яснѣе выражаетъ тотъ же взглядъ [2]); здѣсь проводится различіе между документомъ въ широкомъ смыслѣ и въ узкомъ (который имѣется въ виду въ § 267 герм. кодекса, говорящемъ о подлогѣ частныхъ документовъ): въ первомъ случаѣ въ противоположность второму не требуется вовсе, чтобы у документа было имѣющее правовое значеніе содержаніе — достаточно, чтобы его содержаніе состояло въ одномъ только свидѣтельствѣ (Zeugniss). Это такъ называемое „der gemeine Urkundenbegriff"—общее понятіе документа.

Въ одной изъ послѣдующихъ своихъ работъ Бури еще съ большей ясностью подчеркиваетъ то, что документъ не долженъ служить доказательствомъ непремѣнно правовыхъ событій или отношеній, чтобы быть предметомъ подлога. „Документомъ, говоритъ онъ, можетъ быть признаваемъ тотъ предметъ, который даетъ возможность узнать, что извѣстное обстоятельство удостовѣрено съ тѣмъ, чтобы это удостовѣреніе служило доказательствомъ". Самымъ важнымъ признакомъ документа онъ

---

[1]) II. Strafsenat. v. 23 Jann. 1880. (Entsch. I p. 162).

[2]) I. Strafsenat v. 8. Nov. 1880. (Entsch. II p. 425).

считаетъ здѣсь то, что это—„предметъ, приготовленный человѣческой рукой и способный (geeignet) для доказательства извѣстныхъ фактовъ, потому что, нельзя иначе построить понятіе документа, какъ называя документомъ только тотъ доказывающій предметъ, которому придана доказательственная сила, благодаря извѣстной волѣ, для чего, разумѣется, необходимо прежде всего приготовленіе его человѣческой рукой. Эта воля, продолжаетъ онъ, должна заключаться въ самомъ документѣ, ясно выраженная или выраженная въ конклюдентной формѣ. Благодаря этому, документъ получаетъ самостоятельное, только имъ самимъ обусловливаемое значеніе, которое проявляется особенно въ томъ, что онъ долженъ быть обсуждаемъ, будучи отрѣшенъ отъ воли своего составителя“ [1]).

Меркель и Бури опредѣлили своими взглядами два разныя направленія, по которымъ пошла нѣмецкая доктрина относительно толкованія понятія документа; для одного всякій документъ долженъ имѣть значеніе для правовыхъ обстоятельствъ, если онъ долженъ быть защищенъ уголовнымъ закономъ, для другого это условіе безразлично, но въ виду того, что въ германскомъ уложеніи категорически указывается, что частный документъ, какъ предметъ подлога, долженъ имѣть дѣйствительное значеніе для доказательства правъ или правоотношеній, это послѣднее требованіе не оспаривается въ отношеніи частныхъ документовъ.

Изъ числа сторонниковъ перваго направленія интересно привести Іона, Вейссмана, Биндинга и Листа; противоположнаго же направленія придерживаются Моммзенъ, Ридель, Берне, Бродманъ, Г. Мейеръ, Гейеръ и др.

Іонъ, возражая Бури, замѣчаетъ, что и оффиціальные документы должны имѣть значеніе для доказательства правъ и правовыхъ отношеній; если въ статьяхъ уголовнаго кодекса, прибавляетъ онъ, объ оффиціальныхъ документахъ этого

---

[1]) Buri. Zum Begriffe der Urkundenfälschung (Gerichtssaal Bd. 36. 1884. p. 173—185) см. также дополненіе къ этой статьѣ (Nachtrag zur Abhandlung ib. p. 312—313).

не говорится, то только потому, что при подлогѣ ихъ важно не ихъ содержаніе, а то, что данный документъ—публичный, между тѣмъ какъ при подлогѣ частныхъ документовъ на первомъ планѣ не ихъ форма, а содержаніе, которое должно имѣть доказательственное значеніе (Beweiserheblichkeit) [1]. Въ другой своей работѣ онъ рѣшительно высказывается противъ понятія, „der sogenannte gemeine Urkundenbegriff“, находя, что это понятіе вовсе не юридическое, и что до работъ Бури о немъ не было рѣчи въ прусской практикѣ. По его словамъ, необходимымъ коррелятомъ всякаго доказательственнаго средства есть то обстоятельство, которое должно быть доказываемо. „Въ доказательственныхъ же средствахъ право можетъ имѣть настолько интересъ, насколько оно имѣетъ интересъ въ стоящемъ въ соотношеніи съ доказательственнымъ средствомъ обстоятельствѣ, и только настолько имѣютъ доказательственныя средства правовое значеніе, насколько имѣютъ его доказываемыя ими обстоятельства; только благодаря правовому значенію доказываемаго посредствомъ доказательственнаго средства получаетъ послѣднее правовое значеніе“ [2]. Онъ поэтому удивляется, какъ можно говорить, что документъ, который не доказываетъ имѣющаго правовое значеніе обстоятельства, можетъ обладать важнымъ юридическимъ значеніемъ.

То же требованіе необходимости правового содержанія для понятія документа, хотя мотивируя его иначе, выставляетъ Вейссманъ. Онъ исходитъ изъ того положенія, что признаки документа, какъ одного изъ видовъ доказательства, могутъ быть выводимы изъ понятія доказательства посредствомъ документовъ (Urkundenbeweis). Предметъ процессуальнаго доказательства есть необходимо имѣющее правовое значеніе обстоятельство,—„обстоятельство, которое одно или въ соединеніи съ другими производитъ правовое дѣйствіе или

[1]) John. l. c. p. 25.

[2]) John. Zur Bestimmung des Urkundenbegriffes. (Zeitschrift B. VI p. 1 и сл.).

препятствуетъ правовымъ дѣйствіямъ другихъ обстоятельствъ". Можетъ быть, обстоятельство это не было имѣющимъ правовое значеніе, говоритъ онъ, во время засвидѣтельствованія его, но оно могло сдѣлаться таковымъ во время процесса [1]).

Биндингъ опредѣляетъ документъ, какъ имѣющій доказательственное значеніе актъ (beweiskräftiger), посредствомъ котораго составитель его удостовѣряетъ собственное знаніе объ истинности имѣющаго правовое значеніе содержанія акта [2]). Наконецъ, Листъ смотритъ на документъ съ той же точки зрѣнія и опредѣляетъ его, какъ всякій относящійся къ чувственному міру (Sinnenwelt) предметъ, который приготовленъ съ тою цѣлью, чтобы доказывать имѣющее правовое значеніе обстоятельство посредствомъ своего мыслимаго содержанія (gedenklicher Inhalt), а не посредствомъ своего бытія[3]).

Съ другой стороны, подобно Бури, другіе криминалисты видятъ главную особенность документа въ томъ, что онъ доказываетъ вообще всякое обстоятельство, причемъ нѣкоторые изъ нихъ болѣе глубоко вдаются въ изученіе сущности документа.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ взглядъ Моммзена [4]). Онъ высказывается противъ тѣхъ широкихъ воззрѣній на сущность документа, по которымъ предметъ становится документомъ только благодаря субъективному пониманію лица, воспринимающаго его (eines Wehrnehmenden), и говоритъ, что здѣсь требуется нѣчто большее, чѣмъ произвольная возможность, чтобы предметъ давалъ свидѣтельство о чемъ-нибудь. И это большее имѣется въ наличности тогда, когда предметъ постоянно однимъ и тѣмъ же опредѣленнымъ и остающимся такимъ же (gleichbleibende) языкомъ говоритъ всякому вос-

---

[1]) Weissman. Der Thatbestand der Urkundenfälschung. (Z. B. XI 1891. p. 1.)

[2]) Binding. Die Normen und ihre Übertretung 1872. Bd. I p. 110

[3]) Liszt. Lehrbuch. p. 547.

[4]) Mommsen. Die Privaturkunde als Gegenstand der Fälschung (Gerichtssaal. 1884. Bd. 36. p. 34).

принимающему его. Это свойство не присуще an sich предметамъ внѣшняго міра: оно должно быть имъ особо придано, и это дѣлаетъ человѣкъ, составляющій документъ. „Составленіемъ документа, говоритъ онъ, называется то, когда воздѣйствіемъ человѣческаго сознанія овеществляется (vergegenständlicht) опредѣленная мысль для продолжительной распознаваемости". Съ этого момента документъ существуетъ самостоятельно и не зависитъ отъ измѣненія воли составителя или другого лица, пока не измѣнитъ его новое воздѣйствіе человѣка или время. Высшій принципъ понятія документа— его полная объективность (abgeschlossene Objectivität) — это „овеществленная для продолжительной распознаваемости мысль"; свое значеніе онъ получаетъ изъ содержанія. Для Моммзена важно такимъ образомъ то, что документъ выражаетъ извѣстную мысль, но каково ея содержаніе, для него безразлично; слѣдовательно, документъ можетъ удостовѣрять и не только правовыя событія.

Близко къ воззрѣніямъ Моммзена на сущность понятія документа подходитъ Ридель [1]), который признаетъ, подобно Бури, наличность особаго gemeiner Urkundenbegriff и правового значенія содержанія требуетъ только для документовъ частныхъ. Главное значеніе документа онъ видитъ въ томъ, что въ документѣ извѣстное обстоятельство овеществляется для продолжительнаго воспоминанія (Gedächtniss). „Документъ, по его опредѣленію, всякій тѣлесный предметъ, который способенъ (geeignet ist) доказывать факты сообразно своему приготовленному человѣческой рукой содержанію".

Берне [2]) признаетъ особенность документа въ томъ, что онъ по внѣшнимъ признакамъ распознается (erkennbar ist) въ качествѣ доказательственнаго средства. И если извѣстный предметъ обладаетъ внѣшними признаками, въ силу которыхъ

---

[1]) Riedel. Zur Bestimmung der strafrechtlichen Urkundenfälschung (Gerichtssaal. 1886. Bd. 38. p. 534).

[2]) Boerne. Ueber den Begriff der Urkunde im Strafgesetzbuche. (Gerichtssaal. 1889. Bd. 41 p. 383).

онъ распознается, какъ доказательственное средство извѣстныхъ фактовъ, то онъ и является документомъ, безразлично былъ ли онъ назначенъ служить доказательственнымъ средствомъ или нѣтъ, и имѣется ли правовой интересъ или нѣтъ относительно тѣхъ фактовъ, которые онъ удостовѣряетъ или долженъ удостовѣрять. Другими словами, ни назначенiе служить доказательствомъ, ни правовое значенiе не являются необходимыми признаками документа.

Бродманнъ[1]) подъ документомъ понимаетъ заявленiе (Erklärung), сдѣланное въ письменной формѣ. Всякiй документъ долженъ, по его мнѣнiю, доказывать, что воплощенное въ немъ заявленiе было дѣйствительно дано. Больше онъ ничего не доказываетъ и не можетъ доказывать; все остальное выходитъ уже не изъ самаго документа, а изъ факта заявленiя (die Thatsache der Erklärung). Этотъ фактъ заявленiя документъ доказываетъ съ полной очевидностью, съ такой, съ которой всякiй предметъ посредствомъ своего бытiя доказываетъ свое возникновенiе, и въ этомъ отношенiи всѣ документы совершенно одинаковы—и если ихъ приходится разграничивать, то для этого нѣтъ другого критерiя, чѣмъ тотъ, который можно вывести изъ содержанiя самаго заявленiя. При этомъ законъ или непосредственно сочетаетъ съ заявленiемъ опредѣленныя права и правоотношенiя—и тогда мы имѣемъ дѣло съ правовымъ актомъ (Rechtsact), или же то обстоятельство, что было сдѣлано опредѣленное заявленiе, позволяетъ сдѣлать заключенiе отсюда къ другому факту, имѣющему значенiе для образованiя правовыхъ отношенiй, и тогда это заявленiе есть улика (Indiz); такимъ образомъ заявленiе можетъ быть или само по себѣ Rechtsact, или же указанiемъ на него,—или иначе, отъ него можетъ быть сдѣлано заключенiе посредственно или непосредственно къ бытiю того отвлеченнаго понятiя, которое называется правомъ или правоотношенiемъ. Въ такомъ смыслѣ можно говорить о томъ, что доку-

[1]) Brodmann. Ueber den Begriff der Urkunde. (Gerichtssaal. Bd. 47, 1892. p. 401).

ментъ имѣетъ значенiе для доказательства правъ и правоотношенiй. Такимъ образомъ наряду съ общимъ понятiемъ документа можетъ быть и понятiе узкое.

Къ тѣмъ же взглядамъ на сущность документа приходятъ многiе другiе нѣмецкiе криминалисты. Гейеръ [1]) замѣчаетъ, что подъ документомъ въ смыслѣ уголовнаго кодекса слѣдуетъ разумѣть неодушевленный предметъ, который назначенъ и пригоденъ для доказательства фактовъ. Гуго Мейеръ [2]) подъ документомъ разумѣетъ „такой предметъ, который благодаря властной волѣ получаетъ назначенiе служить доказательствомъ извѣстнаго факта". Бернеръ [3]) говоритъ, что, понятiе документа должно ограничиться предметами, которые предназначены для доказательства или для удостовѣренiя.

Вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что содержанiе документа есть извѣстнымъ образомъ воплощенная мысль человѣка (взглядъ Моммзена) и что собственно говоря, самъ по себѣ документъ ничего не доказываетъ, а доказываетъ выраженное въ немъ заявленiе (взглядъ Бродмана), мы находимъ, что анализъ сущности документа въ этомъ направленiи для понятiя подлога безразличенъ, какъ безразлично и выясненiе ближайшаго содержанiя документа, смотря по тому, выражаетъ ли оно распоряженiе извѣстнаго лица (Dispositivurkunde) или свидѣтельствованiе его (Zeugnissurkunde), о чемъ подробно говоритъ Ленцъ. Намъ важно только выяснить, что представляетъ изъ себя то содержанiе документа, которое въ немъ находится, другими словами, въ чемъ заключается сущность тѣхъ обстоятельствъ, которыя онъ призванъ удостовѣрять, и являются ли это любыя событiя, или же событiя, имѣющiя правовое значенiе.

Единственно правильное рѣшенiе этого вопроса можетъ быть дано только тогда, когда мы не будемъ упускать изъ вида цѣли и назначенiя самаго института документовъ. Мы не разъ уже указывали, что цѣль этого учрежденiя удосто-

---

[1]) Geyer. Grundriss zu Vorlesungen. 1885. p. 100.

[2]) Hugo Meyer. Lehrbuch. 1895. p. 709.

[3]) Berner. Lehrbuch. 1895. p. 583.

вѣрять прежде всего юридическія отношенія, ихъ возникновеніе, измѣненіе и прекращеніе; съ другой стороны документы установлены для того, чтобы удостовѣрять событія, которыя имѣютъ значеніе для всего общества и влекутъ за собой извѣстныя правовыя послѣдствія. Къ такимъ событіямъ относятся прежде всего такія явленія, какъ напр., рожденіе и смерть, это—такъ называемыя типическія явленія, которыя совершаются постоянно, непрерывно и въ громадномъ количествѣ. Само по себѣ рожденіе или сама по себѣ смерть—явленія физическаго міра, представляющія изъ себя возникновеніе или прекращеніе физической жизни человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ эти событія имѣютъ значеніе и правовое. Рожденіе человѣка прежде всего сообщаетъ ему извѣстныя публичныя права, права состоянія, далѣе права частныя — напр., имущественныя и т. п. Въ этомъ отношеніи это явленіе становится событіемъ, имѣющимъ юридическое значеніе. Далѣе помимо такихъ типическихъ событій есть другія, которыя тоже могутъ имѣть при извѣстныхъ условіяхъ юридическое значеніе; хотя они и имѣютъ характеръ болѣе случайныхъ явленій, но тѣмъ не менѣе нерѣдко обусловливаютъ наступленіе извѣстнаго юридическаго отношенія, его измѣненіе или прекращеніе. Таковы, напр., болѣзнь лица, его поведеніе и т. п. Эти событія сами по себѣ юридическаго значенія не имѣютъ, но иногда получаютъ его; такъ, болѣзнь можетъ быть уважительной причиной для неявки къ отправленію извѣстной повинности общественнаго характера, или же обусловливать право на полученіе извѣстнаго вознагражденія; точно также хорошее поведеніе можетъ обусловливать занятіе извѣстной должности и т. п. Событія этого рода могутъ быть до безконечности разнообразны, такъ какъ всякое событіе жизни можетъ при извѣстныхъ условіяхъ получить значеніе событія, имѣющаго правовое значеніе, но для этого необходимо, чтобы удостовѣренія подобнаго событія исходили отъ должностныхъ лицъ, или другихъ лицъ, имъ приравниваемыхъ, коимъ предоставлено право составлять подобныя удостовѣренія, такъ что особенность удостовѣреній этихъ событій заключается въ томъ,

что если они составлены частными лицами безъ участія власти публичной, они въ видѣ общаго правила не пользуются охраной уголовнаго закона по тѣмъ или другимъ соображеніямъ. Наконецъ, сюда же, къ событіямъ, имѣющимъ правовое значеніе, должны быть относимы извѣстныя дѣйствія и распоряженія властей, которыя тоже носятъ правовой характеръ. Сами по себѣ эти дѣйствія не имѣютъ юридическаго значенія, но въ силу того, что они совершены лицами должностными, на это уполномоченными, они получаютъ правовое значеніе.

Итакъ для понятія документа, какъ предмета подлога, необходимо, чтобы документъ былъ предназначенъ удостовѣрять извѣстныя правоотношенія или имѣющія правовое значеніе событія, и сообразно тому, что проводится различіе между двумя видами документовъ по источнику происхожденія ихъ—документами частными и публичными, подъ частными разумѣются только тѣ документы, которые удостовѣряютъ извѣстныя права или правоотношенія, тогда какъ документы публичные принимаются подъ охрану закона и тогда, когда ими удостовѣряются и имѣющія правовое значеніе событія.

Предназначенность документа служитъ удостовѣреніемъ извѣстныхъ правовыхъ событій признается и въ нашей уголовной литературѣ существеннымъ элементомъ понятія документа. По опредѣленію Неклюдова, документъ есть „письменный актъ, имѣющій своей цѣлью удостовѣреніе какого-нибудь юридическаго дѣйствія, отношенія или права“ [1]). Проф. Фойницкій замѣчаетъ, что „документомъ въ обширномъ смыслѣ признается всякій предметъ внѣшняго міра, которому условлено въ общежитіи придавать значеніе доказательства какого-нибудь правоотношенія, или факта, лежащаго въ основаніи такого отношенія; въ тѣсномъ смыслѣ, понятіе документа ограничивается письменными удостовѣреніями правоотношеній, съ исключеніемъ отсюда всякихъ другихъ, напр.

---

[1]) Неклюдовъ в. с. стр. 195.

бирокъ“ [1]). Наконецъ, составители объяснительной записки къ проекту уголовнаго уложенія принимаютъ то воззрѣніе на сущность документа, которое имѣетъ своимъ родоначальникомъ въ нѣмецкой доктринѣ Меркеля, и опредѣляютъ документъ, какъ „предметъ, предназначенный волею человѣка служитъ удостовѣреніемъ юридическихъ отношеній, правъ или обязанностей“ [2]. Нельзя не замѣтить, однако, что всѣ эти опредѣленія понятія документа не могутъ быть признаваемы настолько общими, чтобы они обнимали собой какъ документы частные, о которыхъ говорится въ законѣ, какъ о предметѣ посягательства при подлогѣ, такъ и публичные. Правда, Неклюдовъ замѣчаетъ, что „каждая бумага правительственная содержитъ въ себѣ несомнѣнно удостовѣреніе какого-нибудь юридическаго отношенія, дѣйствія или права“ [3]), а въ объяснит. зап. сказано, что „въ бумагахъ оффиціальныхъ ихъ юридическое значеніе опредѣляется уже самими условіями ихъ происхожденія“ [4]), но дѣло въ томъ, что оффиціальный документъ можетъ служить удостовѣреніемъ не только юридическихъ отношеній, правъ или обязанностей, но и фактовъ, имѣющихъ правовое значеніе; а если составители проекта говорятъ еще кромѣ того, что къ оффиціальнымъ документамъ относятся „только бумаги, исходящія отъ правительственныхъ или общественныхъ установленій, а равно и отъ отдѣльныхъ органовъ и служителей властей и удостовѣряющія дѣйствія или распоряженія органовъ власти“ [5]), и вносятъ это опредѣленіе въ текстъ проекта, то это послѣднее опредѣленіе ограничиваетъ первое, но всетаки не выясняетъ всѣхъ функцій документа, какъ предмета подлога.

Ближе подходитъ къ выясненію сущности этого понятія проф. Фойницкій, который говоритъ, что документъ удостовѣряетъ

---

[1]) Фойницкій. Курсъ уголовнаго права 1900 г. стр. 195—196.
[2]) Объясн. зап. т. V стр. 178.
[3]) Неклюдовъ в. с. стр. 196.
[4]) Объясн. зап. т. V стр. 188.
[5]) Объясн. зап. т. V стр. 186.

не только правоотношеніе, но и фактъ, лежащій въ основаніи такого правоотношенія.

§ 5. Всякій документъ, предназначаемый служить удостовѣреніемъ какого-нибудь имѣющаго правовое значеніе событія, облекается въ извѣстную форму, и эта форма имѣетъ немаловажное значеніе, въ особенности для того вида подлога, который носитъ названіе подлога матеріальнаго. При этомъ подлогъ направляется не на данную конкретную документарную форму, а на форму абстрактную—другими словами, если, напр., составлено подложно духовное завѣщаніе, то здѣсь имѣется посягательство не на данное духовное завѣщаніе, а на духовное завѣщаніе вообще, какъ на особую форму удостовѣренія юридическаго отношенія. Изъ этого слѣдуетъ, что необходимо для понятія документа, какъ объекта посягательства при подлогѣ, чтобы данный письменный актъ считался по закону документомъ: если онъ не будетъ таковымъ, то и о подлогѣ его рѣчи быть не можетъ. Такъ, напр., поддѣлка векселя, написаннаго не на вексельной бумагѣ, не будетъ подлогомъ, такъ какъ вексель только тогда можетъ считаться въ силѣ, когда онъ написанъ на особой бумагѣ. Форма документа кромѣ того получаетъ важное значеніе еще и въ томъ отношеніи, что она часто указываетъ на предназначенность даннаго документа служить удостовѣреніемъ извѣстныхъ юридическихъ отношеній или имѣющихъ правовое значеніе событій, такъ что безъ наличности ея документъ теряетъ силу и значеніе.

Но каковъ характеръ этой формы, для понятія документа безразлично. Важно только, какъ говоритъ Меркель [1]), чтобъ данный документъ принадлежалъ къ числу доказательственныхъ средствъ, употребляемыхъ въ правовой жизни, такъ какъ это—такой знакъ, которому законъ или обычай придалъ назначеніе возбуждать вѣру (Glauben wirken) въ житейскомъ оборотѣ или въ судѣ; такимъ образомъ, по его мнѣнію, должна существовать особая норма, которая при-

[1]) Merkel. Gutachten p. 45.

даетъ назначеніе извѣстному предмету служить доказательствомъ. Правда, ему возражалъ Бури [1]), замѣчая, что наличности опредѣленной формы для понятія документа не требуется вовсе, что объ этой формѣ можно еще говорить въ отношеніи къ особымъ документамъ, но что вообще, по его словамъ, отъ документа ничего больше не требуется, какъ то, чтобъ изъ его содержанія ясно вытекало, что составитель его хотѣлъ удостовѣрить извѣстное обстоятельство. Но при такихъ условіяхъ всякое письмо можетъ считаться документомъ, что собственно и выходитъ у Бури, который строитъ, какъ уже указывалось выше, „der gemeine Urkundenbegriff". Вообще же, если законъ требуетъ опредѣленной формы отъ даннаго документа, придавая ей существенное значеніе, то только документъ, въ такой формѣ составленный, и можетъ быть предметомъ подлога, такъ какъ только эту именно документарную форму охраняетъ отъ посягательства уголовный законъ; но если форма эта прямо въ законѣ не указана, то для понятія документа въ наличности должны быть общія условія, предъявляемыя къ документу вообще, которыя создаются на основаніи воззрѣній, живущихъ въ обществѣ. Таково, напр. требованіе, чтобъ во всякомъ документѣ указывалось опредѣленно, отъ кого онъ исходитъ, потому что только такой документъ и имѣетъ значеніе, какъ выраженіе чьей-нибудь мысли, чьего-нибудь волеизъявленія или свидѣтельства. Но этимъ мы не хотимъ сказать, что наличность подписи документа является существеннымъ условіемъ самаго понятія его. Для нѣкоторыхъ видовъ документовъ подпись, дѣйствительно, является существеннымъ моментомъ, для другихъ—она не играетъ такой роли; здѣсь, напр. печатный бланкъ можетъ быть такимъ обстоятельствомъ, которое указываетъ на происхожденіе даннаго акта отъ извѣстнаго лица или учрежденія, таковы желѣзнодорожные билеты, билеты для входа въ театръ, разныя квитанціи и т. п. Послѣднее

[1]) Buri. Erörterung. p. 29.

положеніе признаетъ и наша доктрина; такъ, Неклюдовъ [1]), хотя и замѣчаетъ, что для того, чтобы письмо могло имѣть значеніе доказательства, необходима наличность между прочимъ скрѣпленія его подписью того лица или мѣста, отъ которыхъ оно показано исходящимъ, „ибо, говоритъ онъ, отсутствіе подписи уничтожаетъ и самое понятіе документа, обращая его въ пробу пера, въ проектъ и т. п.“, но онъ послѣ этого сейчасъ же прибавляетъ: „за исключеніемъ, конечно, тѣхъ случаевъ, въ коихъ документъ принимается по закону за доказательство заключающихся въ немъ событій, хотя бы онъ и не былъ никѣмъ подписанъ“.

Таковы въ общемъ тѣ условія, которымъ долженъ удовлетворять всякій документъ, какъ объектъ преступной дѣятельности при подлогѣ; соединяя ихъ вмѣстѣ, мы получаемъ слѣдующее опредѣленіе понятія документа: документъ—это письменный актъ, составленный въ извѣстной формѣ и предназначенный удостовѣрять извѣстныя правовыя отношенія и имѣющія правовое значеніе событія [2]).

§ 6. Этому общему понятію документа соотвѣтствуютъ и тѣ отдѣльные виды его, которые знаетъ наше законодательство при подлогѣ. Какъ извѣстно, дѣйствующее наше уложеніе не знаетъ общаго понятія документа, а потому оно не даетъ и опредѣленія его; однако, анализируя отдѣльные виды

[1]) Неклюдовъ в. с. стр. 207.

[2]) Подъ общее понятіе документа подходитъ, конечно, и телеграмма, которая представляетъ, однако, ту особенность, что она состоитъ изъ трехъ самостоятельныхъ частей: изъ оригинала, т. е. той депеши, которая подана на станціи отправленія, той бумажной ленты, которая восприняла эту депешу, и, наконецъ, изъ того снимка съ послѣдней, который сдѣланъ на пріемной станціи. Конечно, здѣсь самое важное значеніе имѣетъ оригиналъ, такъ какъ двѣ другія части только снимки съ него, и, если онъ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ къ документу, какъ предмету подлога, то и имѣетъ значеніе послѣдняго. Но затѣмъ каждая изъ этихъ трехъ частей, какъ имѣющая самостоятельное бытіе, можетъ быть сама по себѣ ближайшимъ предметомъ подлога.

документовъ, которые ему извѣстны, можно придти къ тому заключенію, что понятіе документа по уложенію соотвѣтствуетъ только что выставленному опредѣленію.

О значеніи письменной формы для понятія документа по нашему законодательству выше уже говорилось. Документъ въ уложеніи о наказаніяхъ есть всегда письменный актъ, и замѣняющее этотъ терминъ выраженіе „бумага" въ особенности ясно указываетъ на это. Самое выраженіе „документъ" оно употребляетъ сравнительно рѣдко, прибѣгая по большей части къ перечисленію отдѣльныхъ видовъ документовъ, или пользуясь общимъ выраженіемъ „бумага". Такъ, ст. 290 говоритъ: „буде имъ не предъявлено никакихъ подложныхъ бумагъ", ст. 291 ведетъ рѣчь о составленіи указовъ, манифестовъ, грамотъ, рескриптовъ или иныхъ бумагъ; ст. 293—о сочиненіи подложныхъ предписаній, постановленій и другихъ оффиціальныхъ бумагъ; ст. 361—о подлогахъ въ указахъ и другихъ бумагахъ Правительствующаго Сената; ст. 554 говоритъ о поддѣлкѣ актовъ или другихъ бумагъ; тоже ст. 1692 и 1697; выраженіе же „документъ" употребляется, напр. въ ст. 253, 1657, 1698 и др. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ статьяхъ, напр. въ ст. 1690, говорится объ „актахъ". Но всюду здѣсь разумѣются только письменные акты.

То, что документъ долженъ быть предназначенъ служить удостовѣреніемъ извѣстныхъ событій, а не дѣлается таковымъ случайно—другими словами, то, что понятіе документа уже понятія письменнаго доказательства, слѣдуетъ въ нашемъ уложеніи для публичныхъ документовъ, конечно, изъ самаго факта составленія ихъ должностными лицами; то же надо сказать и относительно документовъ частныхъ, составляемыхъ при участіи особыхъ органовъ засвидѣтельствованія, нотаріусовъ, маклеровъ и т. д. (ст. 1690). Что же касается документовъ частныхъ, но совершаемыхъ безъ участія этихъ органовъ (ст. 1692), то это требованіе вытекаетъ изъ того, что подъ такими документами разумѣются только „акты и бумаги, которые въ дѣлахъ исковыхъ или тяжебныхъ, или же въ дѣлахъ торговыхъ могутъ быть по закону принимаемы въ

доказательство права на имущество или принятыхъ кѣмъ-либо обязанностей".

Для того, чтобы уяснить смыслъ этой статьи, оставшейся безъ измѣненія съ изданія уложенія 1845 года, надо принять во вниманіе то, что имѣли въ виду передъ собой составители уложенія при редактированіи этой статьи. Для нихъ, конечно, руководящими являлись тѣ положенія, которыя были въ Св. Зак. изд. 1832 и 1842 г. Какіе же письменные акты могли быть принимаемы по закону въ доказательство права на имущество или принятыхъ кѣмъ-либо обязанностей на основаніи этихъ источниковъ? Отвѣтъ на это даютъ ст. 2325 и слѣд. Св. Зак. т. X изд. 1832 г.; именно, въ ст. 2325 говорится: „письменныя доказательства суть акты, удостовѣряющія чье-либо право или обязанность" [1]), а слѣдующія статьи описываютъ содержаніе и характеръ этихъ актовъ, сообразно указанному въ ст. 2326 различію трехъ родовъ письменныхъ доказательствъ: 1) актовъ состоянія, 2) актовъ укрѣпленія имуществъ и 3) актовъ присутственныхъ мѣстъ. Среди нихъ ст. 2328 и разсматриваетъ интересующіе насъ акты; она говоритъ: „къ актамъ укрѣпленія имуществъ принадлежатъ: во-первыхъ, акты крѣпостные, а именно: 1) крѣпости и записи, крѣпостнымъ порядкомъ совершенныя, каковы суть: купчія и закладныя крѣпости, дарственныя записи и вообще всякаго рода акты, коими произведенъ переходъ отъ одного лица къ другому права собственности на недвижимое имущество, на крѣпостныхъ людей и рекрутскія зачетныя квитанціи; равно какъ и окончательные акты объ увольненіи крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы; 2) записи и обязательства, у крѣпостныхъ дѣлъ только для засвидѣтельствованія явленныя, какъ-то духовныя завѣщанія, какъ крѣпостныя, явленныя при жизни, такъ и домашнія, явленныя по смерти завѣщателя, рядныя записи на движимое имѣніе, росписи приданому, крѣпостныя заемныя письма, вѣрющія

---

[1]) Это постановленіе заимствовано изъ Краткаго изображенія процессовъ II, 2 ст. 1 и 2. (П. С. З. № 3006).

письма, закладныя въ движимомъ имѣніи, отказныя, раздѣльныя, отдѣльныя и запродажныя записи, наемныя, подрядныя и всякія другія кромѣ актовъ перваго рода, крѣпостнымъ порядкомъ совершенныхъ. Во-вторыхъ, акты явленные къ сознанію и засвидѣтельствованію въ присутственномъ мѣстѣ или у публичныхъ нотаріусовъ или маклеровъ, какъ-то заемныя письма, договоры и другія тому подобныя обязательства. Въ третьихъ, акты домашніе, какъ-то: завѣщанія домашнія, прежде ихъ явки въ судѣ, и подписанные должниками счеты, росписки, купеческія книги, явочныя прошенія и т. под.". Разсматривая всѣ эти виды документовъ, мы увидимъ, что рѣчь здѣсь идетъ собственно не о письменныхъ доказательствахъ въ широкомъ смыслѣ, а о документахъ въ тѣсномъ смыслѣ, именно о тѣхъ, которые предназначены служить доказательствомъ или удостовѣреніемъ извѣстныхъ правоотношеній. Съ этимъ и нужно считаться при разъясненіи смысла ст. 1692, и въ этомъ отношеніи то понятіе „письменныхъ доказательствъ", о которыхъ говорится въ ст. 438 Уст. Гражд. Суд., является значительно шире этого понятія по Св. Зак. т. X изд. 1832 г., такъ какъ въ немъ имѣются въ виду не только тѣ документы, о которыхъ упоминается въ законахъ гражданскихъ, но и другія бумаги.

Установить эту точку зрѣнія представляется безусловно важнымъ для толкованія статей уложенія, посвященныхъ подлогу. Наше уложеніе, говоря о документахъ частныхъ, могло имѣть въ виду только вышеприведенные виды письменныхъ документовъ, т. е. документы, предназначенные служить удостовѣреніемъ, а не всякія вообще письменныя доказательства, поэтому и расширеніе этого понятія документа за намѣченные предѣлы представляется неправильнымъ. Уложеніе въ ст. 1692 имѣетъ въ виду только тѣ документы, которые таковыми считались „по закону" во время его составленія. И это толкованіе тѣмъ болѣе можетъ заслуживать довѣрія, что уложеніе кромѣ подлога документовъ въ собственномъ смыслѣ знаетъ еще поддѣлку всякихъ вообще бумагъ другого лица (ст. 1537 и 1538), подъ кото-

рыя должны подойти и письменныя доказательства въ широкомъ смыслѣ. Такимъ образомъ поддѣлка „другихъ бумагъ", о которыхъ говоритъ ст 438 Уст. Гр. Суд. должна быть относима къ ст. 1537 и 1538 улож., широкая формула которыхъ „письма или иныя бумаги" даетъ возможность подводить подъ нихъ всякія письменныя доказательства не только въ гражданскомъ, но и въ уголовномъ процессѣ.

При этомъ нужно замѣтить, что такъ какъ ст. 1537 и 1538 не вошли въ проектъ новаго уголовнаго уложенія, и подъ документомъ въ немъ разумѣется только документъ, предназначенный служить доказательствомъ извѣстныхъ правъ и правоотношеній, поддѣлка же письменныхъ доказательствъ въ уголовномъ процессѣ отнесена имъ къ посягательству противъ правосудія, то, повидимому, поддѣлка тѣхъ письменныхъ доказательствъ въ процессѣ гражданскомъ, которыя не являются документами въ узкомъ смыслѣ, по проекту остается не наказуемой, и это въ особенности слѣдуетъ изъ того, что сама объяснительная записка къ проекту говоритъ: „дневникъ, частная переписка, удостовѣряющіе сдѣланный кѣмъ-либо долгъ, неуплату по счету и т. п., пріобщенные къ уголовному дѣлу слѣдователемъ, представленные въ гражданскій судъ стороной, получаютъ или могутъ получить значеніе юридическихъ процессуальныхъ доказательствъ, но они не становятся черезъ то документомъ въ болѣе узкомъ значеніи этого понятія", такъ что поддѣлка ихъ никоимъ образомъ не можетъ быть отнесена къ подлогу документовъ, который знаетъ проектъ; если даже проектъ и говоритъ о документахъ, могущихъ служить доказательствомъ, то, какъ слѣдуетъ изъ словъ объясн. зап., это понимается въ смыслѣ пригодности документа вообще служить доказательствомъ, предполагающей наличность предназначенности его для этого [1]).

Итакъ, съ точки зрѣнія нашего уложенія подъ документомъ, служащимъ предметомъ подлога, разумѣется лишь до-

[1]) Объясн. зап. т. V, стр. 188.

кументъ въ узкомъ смыслѣ, а не всякое вообще письменное доказательство,—документъ въ немъ есть письменный актъ, предназначенный служить съ момента своего составленія доказательствомъ какихъ-нибудь обстоятельствъ.

Каковы же, однако, тѣ обстоятельства, которыя предназначены доказывать подобные документы? Если мы будемъ разсматривать отдѣльные документы, которые являются предметомъ подлога по уложенію, то увидимъ, что содержаніе ихъ именно такого рода, какъ это было указано выше. Прежде всего это документы, удостовѣряющіе извѣстныя права и правоотношенія частнаго или публичнаго характера; таковы тѣ письменные акты частнаго характера, о которыхъ говорится въ ст. 1690 и 1692, или тѣ акты состоянія, о которыхъ рѣчь идетъ въ ст. 1406 — 1412; далѣе, документы могутъ служить удостовѣреніемъ извѣстныхъ типическихъ событій, таковы метрическія свидѣтельства и другіе документы, о которыхъ говорится въ ст. 1441; затѣмъ, они предназначаются удостовѣрять извѣстныя фактическія событія, могущія имѣть при извѣстныхъ условіяхъ правовое значеніе; о нихъ говорится въ ст. 300; наконецъ, въ нихъ содержится удостовѣреніе извѣстныхъ дѣйствій и распоряженій власти, таковы ст. 291—294, 361, 362 и друг. Только относительно „тѣхъ писемъ и иныхъ бумагъ, о поддѣлкѣ которыхъ постановленія содержатся въ ст. 1537 и 1538 ул., нельзя установить этого момента—и какъ уже не разъ говорилось, эти статьи уложенія должны быть разсматриваемы не съ точки зрѣнія подлога документовъ.

Наконецъ, что касается формы, которой долженъ удовлетворять тотъ или другой документъ, то требованіе ея для публичныхъ документовъ выводится изъ самаго существа ихъ, причемъ форма эта можетъ быть здѣсь весьма разнообразна и устанавливается на основаніи тѣхъ или другихъ началъ дѣлопроизводства, принятыхъ въ данномъ учрежденіи; для частныхъ же документовъ это слѣдуетъ изъ того, что уложеніе охраняетъ только такіе документы, которые могутъ быть „по закону“ принимаемы въ число доказательствъ, такъ что

если въ законѣ содержится указаніе на особую форму, то она должна быть соблюдена, напр., если въ ст. 1160 и 1161 рѣчь идетъ о подлогѣ векселя, то подъ послѣднимъ разумѣется только тотъ документъ, который составляется на основаніи общихъ правилъ, указанныхъ въ Векс. Уставѣ, и носитъ названіе векселя; но если въ законѣ особыхъ указаній въ этомъ отношеніи не содержится, то надо въ расчетъ принимать форму, установившуюся на основаніи обычая.

§ 7. Всякій письменнный актъ можетъ имѣть значеніе документа первоначальнаго, т. е. оригинала, или же быть документомъ, списаннымъ съ оригинала, т. е. копіей, которая является не чѣмъ инымъ, какъ снимкомъ, воспроизводящимъ съ полной точностью содержаніе извѣстнаго документа; при этомъ самый документъ можетъ быть воспроизведенъ въ видѣ копіи самыми разнообразными способами, такъ что, напр. и фотографическій снимокъ документа можетъ признаваться его копіей.

Спрашивается, обнимается ли общимъ понятіемъ документа и копія съ него? Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно принять во вниманіе то, что по общему правилу копія съ документа только тогда имѣетъ юридическое значеніе и можетъ быть принимаема въ качествѣ доказательства какихъ-нибудь обстоятельствъ, когда она засвидѣтельствована въ своей подлинности извѣстнымъ образомъ; вслѣдствіе этого, собственно говоря, копія документа представляетъ изъ себя новый документъ, который долженъ быть обсуждаемъ по общимъ правиламъ. Если мы обратимся къ разсмотрѣнію постановки даннаго вопроса по нашему уложенію, то увидимъ, что оно прямо не отвѣчаетъ на него; оно говоритъ о копіяхъ документовъ только въ двухъ мѣстахъ: въ ст. 362, предусматривающей, какъ видъ должностного подлога, выдачу мнимой копіи съ акта не существующаго, или же невѣрной съ настоящаго акта копіи, и ст. 1441, гдѣ говорится о подлогѣ въ актахъ состоянія, какъ въ подлинныхъ актахъ, такъ и въ засвидѣтельствованныхъ копіяхъ. Но вопросъ о подлогѣ копій въ другихъ случаяхъ въ законѣ не предусматривается, и для

рѣшенія его нужно принять во вниманіе то соображеніе, что не всякая копія имѣетъ равносильное значеніе съ подлиннымъ актомъ.

Въ этомъ отношеніи всѣ копіи могутъ быть раздѣлены на три группы. 1) Такія копіи, которыя сами по себѣ не имѣютъ вовсе юридическаго значенія, такъ какъ актъ даннаго рода можетъ имѣть значеніе только тогда, когда онъ представленъ въ оригиналѣ. Такія копіи закономъ не охраняются; это—главнымъ образомъ тѣ случаи, когда письменная форма служитъ самой оболочкой юридической сдѣлки; таковъ, напр., вексель, который не можетъ пользоваться своимъ значеніемъ, будучи представленъ въ видѣ копіи. Конечно, вполнѣ возможно снятіе копіи и съ векселя для той или другой цѣли, напр. для представленія куда-нибудь копій съ выданныхъ будто бы данному лицу векселей для доказательства его состоятельности, но въ этомъ случаѣ копія съ векселя не имѣетъ силы самого векселя и не можетъ быть обоснованіемъ того долгового отношенія, которое указано въ векселѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что относительно подлога копій тѣхъ актовъ, которые имѣютъ силу только въ оригиналѣ, надо различать два случая: а) когда поддѣлана такая копія документа, которая должна замѣнять оригиналъ въ самой его сущности — это дѣяніе безразлично въ уголовно-правовомъ отношеніи, б) когда поддѣлана копія документа, не замѣняющая самую сущность оригинала, а только свидѣтельствующая о немъ—здѣсь имѣется въ наличности подлогъ. 2) Вторую группу образуютъ тѣ копіи, которыя имѣютъ силу, равную съ подлинникомъ, потому, что подлинникъ акта остается въ томъ учрежденіи, которое его составляло, а на руки заинтересованнымъ лицамъ выдаются только копіи, въ извѣстномъ порядкѣ засвидѣтельствованныя, которыя такимъ образомъ исключаютъ изъ правового оборота самый актъ въ подлинникѣ. Таковы засвидѣтельствованныя выписи изъ метрическихъ книгъ, о которыхъ говорится въ ст. 1441. Здѣсь собственно „копія“ только одно названіе, такъ какъ на самомъ дѣлѣ данный документъ является фактически оригиналомъ, разъ подлинникъ его не

выдается на руки отдѣльнымъ лицамъ. 3) Третью группу копій образуютъ всѣ остальныя копіи, засвидѣтельствованныя соовѣтствующимъ образомъ у нотаріусовъ или у другихъ лицъ. Въ видѣ общаго правила онѣ имѣютъ силу, равную оригиналамъ, вслѣдствіе чего и охрана ихъ уголовнымъ закономъ должна безусловно имѣть мѣсто. Это можно вывести изъ ст. 463 Уст. Гражд. Суд., которая говоритъ, что „засвидѣтельствованная кѣмъ слѣдуетъ копія акта служитъ удостовѣреніемъ его содержанія, если не заявлено сомнѣнія въ ея точности, и принимается вмѣсто самаго акта, кромѣ тѣхъ случаевъ, въ коихъ по закону именно требуется представленіе акта въ подлинникѣ“.

Итакъ, засвидѣтельствованная копія акта должна имѣть такое же значеніе, какъ и самый оригиналъ его, но такъ какъ всѣ законодательства различаютъ среди документовъ по источнику ихъ происхожденія документы частные и публичные, то можетъ возникнуть вопросъ о томъ, какъ смотрѣть на засвидѣтельствованную копію съ частнаго акта—какъ на актъ публичнаго характера или частнаго? Вопросъ этотъ относительно засвидѣтельствованной копіи съ акта публичнаго, конечно, подыматься не будетъ, такъ какъ здѣсь природа документа не измѣняется. Для рѣшенія даннаго вопроса надо принять во вниманіе то соображеніе, что засвидѣтельствованная копія акта не измѣняетъ самаго характера послѣдняго, содержаніе акта остается тѣмъ же, какимъ было оно раньше. Поэтому казалось бы правильнѣе всего смотрѣть на подлогъ такой копіи, если онъ касается содержанія самаго акта, какъ на подлогъ этого послѣдняго; разсуждая же иначе, придется копіи документа давать, съ точки зрѣнія охраны ея путемъ уголовнаго закона, значеніе болѣе важное, чѣмъ оригиналу. Но если въ подложной копіи содержаніе ея совершенно тождественно съ содержаніемъ оригинала, и подлогъ касается только засвидѣтельствованія ея, то этого рода дѣяніе должно разсматриваться, какъ подлогъ въ актѣ публичномъ (ст. 294) или нотаріальномъ (ст. 1690), смотря по тому, кто дѣлалъ данное засвидѣтельствованіе, такъ какъ здѣсь подлогъ касается не самой копіи акта, какъ

таковой, а той части документа, которая имѣетъ вполнѣ самостоятельное значеніе. Иное положеніе въ этомъ отношеніи выставляетъ Неклюдовъ [1]); онъ находитъ, что „засвидѣтельствованіе копіи служитъ единственно и исключительно удостовѣреніемъ подлинности ея содержанія; посему поддѣлка копій можетъ быть преслѣдуема лишь въ случаѣ подлога въ ея содержаніи. На семъ основаніи не можетъ быть наказанъ за подлогъ тотъ, кто, прописавъ вѣрно все содержаніе копируемаго имъ документа, поддѣлалъ бы лишь одно засвидѣтельствованіе въ вѣрности копіи съ подлинникомъ". Но послѣднее заключеніе представляется безусловно невѣрнымъ. Въ виду указанной выше ст. 463 Уст. Гр. Суд. извѣстному лицу можетъ быть весьма выгодно представить засвидѣтельствованную копію извѣстнаго документа; для этого оно составляетъ правильно копію съ акта, но затѣмъ поддѣлываетъ подпись должностного лица или нотаріуса — и въ этомъ нельзя не видѣть состава подлога, который направляется притомъ не на самую копію, а на удостовѣреніе ея.

Что же касается, наконецъ, копій незасвидѣтельствованныхъ, то такъ какъ онѣ документомъ въ узкомъ смыслѣ не являются и въ этомъ смыслѣ охраной закона не пользуются, поддѣлка ихъ можетъ быть разсматриваема только съ точки зрѣнія ст. 1537 и 1538 улож.

Выставляемый нами взглядъ о томъ, что подлогъ копій документовъ долженъ приравниваться оригиналу, въ общемъ раздѣляется и нашей кассаціонной практикой, которая выражала его въ цѣломъ рядѣ своихъ рѣшеній. Такъ, въ рѣшеніи 1870 г. № 472 — Глоуберманов подъ ст. 294 подведенъ подлогъ копіи съ билета о званіи, подписаннаго губернскимъ воинскимъ начальникомъ; въ рѣшеніи 1873 г. № 812—Павловскаго подъ ту же статью подведено составленіе фальшивой копіи съ опредѣленія 6 департамента сената [2]);

[1]) Неклюдовъ. в. с. стр. 209—210.

[2]) Въ предшествовавшемъ рѣшеніи по тому же дѣлу (1873 г. № 603) сенатъ кассировалъ рѣшеніе суда, отнесшаго этотъ подлогъ къ ст. 292.

въ рѣшеніи 1873 г. № 402 — Васильева сенатъ общимъ образомъ постановилъ: „объясненіе подсудимаго, что онъ не можетъ быть обвиненъ въ подлогѣ, потому что составилъ мнимую копію съ не существующихъ, а вымышленныхъ имъ актовъ, и что никто на это не жаловался, не заслуживаетъ никакого уваженія, такъ какъ именно потому, что акты не существовали, а были вымышлены, копіи съ нихъ и представляются подлогомъ“ (здѣсь рѣчь шла о подлогѣ копіи съ одного опредѣленія и двухъ предписаній отъ имени Ст. Секр. Его Имп. Велич. у принятія прошеній; дѣяніе это подведено было подъ ст. 294); въ рѣшеніи 1875 г. № 195— Пушкарева подлогъ копіи съ аттестата отъ военнаго начальства отнесенъ тоже къ 294; то же въ рѣшеніи 1889 г. № 23— Захарова было указано относительно составленія копіи съ копіи несуществующаго рѣшенія суда; наконецъ, интересно рѣшеніе 1881 г. № 27 — Меликова, по которому подлогъ копіи съ домашняго условія отнесенъ къ ст. 1692.

§ 8. По источнику своего происхожденія всѣ документы могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: документы публичные и документы частные,—подъ первыми разумѣются документы, исходящіе отъ лицъ должностныхъ и притомъ составленные ими въ сферѣ ихъ компетентности, подъ послѣдними—документы, составителями которыхъ являются частныя лица.

Различіе между этими двумя видами документовъ, какъ это можно вывести изъ историческаго очерка подлога, болѣе всего принималась во вниманіе во французскомъ правѣ и обусловливало собой неодинаковую наказуемость подлога обоихъ этихъ видовъ документовъ. То же замѣчается, хотя и не такъ рѣзко, и въ законодательствахъ другихъ странъ. Публичные документы обыкновенно охраняются болѣе высокой санкціей по сравненію съ частными, и основаніе этого лежитъ въ томъ, что къ посягательству на неприкосновенность ихъ здѣсь присоединяется еще и посягательство противъ той публичной власти, которая призвана составлять ихъ, это— единственное основаніе усиленія наказуемости подлога ихъ, такъ какъ дѣйствительное значеніе многихъ частныхъ доку-

ментовъ можетъ быть гораздо выше значенія документовъ публичныхъ.

Наше дѣйствующее уложеніе, подобно другимъ, тоже проводитъ различіе между этими двумя типами документовъ, устанавливая за подлогъ ихъ неодинаковую наказуемость, но оно не выставляетъ только съ достаточной рельефностью и отчетливостью это различіе, такъ какъ разсматриваетъ подлогъ документовъ въ разныхъ раздѣлахъ своихъ, и въ то время, какъ подлогъ частныхъ документовъ помѣщенъ имъ въ числѣ преступленій противъ собственности частныхъ лицъ, подлогъ документовъ публичныхъ имѣетъ болѣе самостоятельное значеніе, и о немъ рѣчь идетъ главнымъ образомъ среди преступленій противъ порядка управленія; кромѣ того нужно имѣть въ виду, что въ извѣстныхъ статьяхъ уложенія, какъ это будетъ указано ниже, различіе между этими видами документовъ не проводится.

Самаго понятія публичнаго документа уложеніе не опредѣляетъ; оно перечисляетъ только его отдѣльные виды, прибѣгая, какъ во многихъ другихъ своихъ частяхъ, къ перечневому характеру своихъ постановленій; не знаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ этого опредѣленія и другія части нашего законодательства; напротивъ въ другихъ законодательствахъ, напр., германскомъ и французскомъ, подобныя опредѣленія имѣются. Въ германскомъ уставѣ гражданскаго судопроизводства (§ 380 R. Z. P. O.) публичный документъ опредѣляется, какъ такой, который составленъ въ установленной формѣ публичной властью въ предѣлахъ ея вѣдомства, или снабженнымъ общественнымъ довѣріемъ лицомъ въ границахъ отведеннаго ему круга дѣлъ [1]. Во французскомъ же правѣ содержится опредѣленіе только аутентичнаго акта—acte autentique (art. 1317 Code civil): это—„celui qui a été reçu par officier public ayant le droit d'instrumenter dans le lieu, ou l'acte a été rédigé et avec les solemnités requises; практика же отличаетъ отъ актовъ аутен-

[1]) Подобное опредѣленіе въ проектѣ швейцарскаго уголовнаго уложенія введено въ самый текстъ закона въ art. 137.

тичныхъ, какъ составляемыхъ особыми органами удостовѣренія разныхъ событій (officiers publics), акты публичные въ собственномъ смыслѣ (écriture publique), какъ составляемые разными должностными лицами [1]); въ широкомъ же понятіи публичныхъ документовъ различаются слѣдующіе четыре вида ихъ: 1) законодательные акты или исходящіе отъ власти исполнительной или отъ правительства, 2) акты судебные, 3) акты административные, исходящіе отъ начальства разныхъ управленій, 4) акты нотаріальные [2]).

Въ противоположность уложенію о наказаніяхъ, проектъ новаго уголовнаго уложенія считаетъ нужнымъ дать опредѣленіе понятія публичнаго документа и вноситъ его въ самый текстъ закона, говоря въ ст. 375 п. 2 (389 п. 2) о „документѣ, исходящемъ отъ правительственнаго или общественнаго установленія, или отъ органа и служителя власти и удостовѣряющаго дѣйствія или распоряженія онаго“; притомъ по сравненію съ дѣйствующимъ правомъ проектъ достигаетъ извѣстнаго обобщенія понятія документа, такъ какъ онъ говоритъ отдѣльно только о слѣдующихъ видахъ публичныхъ документовъ: о документахъ, исходящихъ отъ Императора, о менѣе важныхъ документахъ, о дипломатическихъ документахъ и объ актахъ гражданскаго состоянія; публичному же документу противополагается частный, который обнимаетъ собой, по словамъ объяснит. зап. [3]), соотвѣтственно дѣйствующему праву, и акты нотаріальные и явочные. Дѣйствующее наше право, однако, этого вопроса прямо не рѣшаетъ, такъ какъ оно не знаетъ и самихъ терминовъ публичныхъ и частныхъ документовъ, но изъ того, что подлогъ нотаріальныхъ актовъ (ст. 1690) имъ предусмотрѣнъ въ одномъ отдѣлѣ съ подлогомъ актовъ, домашнимъ порядкомъ составленныхъ (ст. 1692), видно, что уложеніе скорѣе сближаетъ нотаріальные акты съ домашними, чѣмъ съ публичными, о подлогѣ которыхъ рѣчь идетъ въ немъ въ совершенно другихъ частяхъ. Этому соотвѣтствуетъ и

---

[1]) Garraud l. c. p. 231.

[2]) Hélie l. c. p. 397, Garraud l. c. p. 232—234.

[3]) Объяснит. зап. т. V стр. 191.

общая тенденція нашего права сближать нотаріальные акты съ домашними, что особенно видно въ Уст. Граж. Суд.

§ 9. Какъ уже упоминалось выше, уложеніе перечисляетъ отдѣльные группы документовъ, могущихъ служить объектомъ подлога. Прежде всего можно указать на слѣдующіе виды публичныхъ документовъ, подлогъ которыхъ наказывается строже другихъ.

1) Указы, манифесты, грамоты, рескрипты или иныя бумаги за подписаніемъ Государя Императора (ст. 291)[1]); эти документы поставлены выше всѣхъ остальныхъ; притомъ подъ ними разумѣются Именные указы, т. е. указы, издаваемые за собственнымъ подписаніемъ Государя Императора, вслѣдствіе чего подъ эту статью не могутъ быть подводимы словесныя Высочайшія повелѣнія, хотя бы и подлежащія обращенію въ приказъ, ибо, какъ справедливо замѣчаетъ Неклюдовъ[2]), по смыслу ст. 77 т. I Св. Зак. поддѣлка подобныхъ Высочайшихъ повелѣній будетъ составлять не поддѣлку именныхъ указовъ, а поддѣлку предписаній и т. п. министровъ и вообще тѣхъ мѣстъ и лицъ, отъ коихъ сіи указы объявлены, такъ какъ здѣсь вся сущность подлога въ поддѣлкѣ подписи Государя Императора. Однако проектъ уголовнаго уложенія принимаетъ во вниманіе и эти послѣдніе документы, такъ какъ онъ различаетъ въ ст. 376 (390) съ одной стороны—просто Высочайшія повелѣнія, съ другой—Высочайшія повелѣнія за собственноручнымъ подписаніемъ или утвержденіемъ Государя Императора, охраняя послѣднія болѣе сильной санкціей, чѣмъ первыя. Изъ того обстоятельства, что ст. 291 помѣщена въ числѣ преступленій противъ порядка управленія слѣдуетъ далѣе, что подлогъ частныхъ писемъ Императора и другихъ частныхъ документовъ его, хотя бы за его собственноручной подписью сюда относиться не будетъ, а будетъ составлять или обыкновенный подлогъ, или же дѣяніе, нака-

[1]) Этой статьѣ соотвѣтствуетъ ст. 361, которая говоритъ о должностномъ подлогѣ, учиненномъ въ „указахъ Императорскаго Величества“.

[2]) Неклюдовъ в. с. стр. 266.

зуемое по ст. 241 (если оно будетъ направлено противъ чести Императора).

2) Указы Правительствующаго Сената (ст. 292). Такъ какъ выраженіе „указъ“ имѣетъ опредѣленное значеніе, то всѣ тѣ бумаги, исходящія отъ Правительствующаго Сената, которыя не носятъ названія „указовъ“, должны быть исключены отсюда. Это слѣдуетъ въ особенности изъ слѣдующихъ словъ Журнала Высоч. утвержденной коммиссіи для разсмотрѣнія проектовъ новаго для Имперіи и Царства Польскаго Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ по поводу ст. 319, соотвѣтствующей ст. 293 улож. (изд. 1885 г.): „наказаніе за составленіе подложныхъ предписаній отъ имени Министерствъ и Главныхъ Управленій, Коммиссія считаетъ нужнымъ и приличнымъ опредѣлить одною степенью ниже, чѣмъ за таковое же составленіе предписаній или указовъ отъ имени Правительствующаго Сената, какъ мѣста, особенной властію облеченнаго, и коего указы исполняются, по учрежденію онаго, наравнѣ съ именными“. Изъ этого видно, что статьей 292 составители уложенія думали оградить отъ посягательствъ наиболѣе важные документы, исходящіе отъ сената, и что она поэтому не распространяется на всякіе другіе документы, исходящіе отъ него. Это положеніе признано и въ нашей кассаціонной практикѣ, какъ это слѣдуетъ изъ рѣшенія 1873 г. № 603—Павловскаго, обвинявшагося въ составленіи изъ корыстныхъ видовъ фальшивой копіи съ опредѣленія 6-го департамента Правит. Сен. о присужденіи будто бы въ его пользу извѣстнаго взысканія. Судъ примѣнилъ въ этомъ случаѣ ст. 292 улож., но сенатъ нашелъ, что это не согласно ни съ точнымъ смысломъ означенной статьи, опредѣляющей наказаніе обвиняемымъ въ составленіи лишь подложныхъ указовъ Прав. Сен., ни съ рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей, обвинявшихъ подсудимаго въ составленіи подложныхъ копій съ опредѣленій Правительств. Сената. Надо еще замѣтить, что наша кассаціонная практика указамъ сената приравниваетъ указы синода (1892 г. № 11—Осьминскаго) и подлогъ ихъ относитъ къ ст. 292. Хотя сенатъ и не приводитъ мотивовъ для обо-

снованія этого рѣшенія, но они, очевидно, лежатъ съ одной стороны въ томъ, что здѣсь рѣчь идетъ объ „указахъ“, съ другой же—въ виду того, что синодъ пользуется среди другихъ государственныхъ учрежденій особымъ положеніемъ, которое приравнивается положенію сената.

3) Предписанія, постановленія и другія оффиціальныя бумаги отъ имени какого-нибудь министерства или главнаго управленія (ст. 293), т. е. бумаги центральныхъ учрежденій. Какъ толкуетъ Неклюдовъ [1]), „объектомъ ст. 293 можетъ быть не всякая бумага вообще, а лишь министерскія предписанія, постановленія и вообще „оффиціальныя“ бумаги. Подъ оффиціальной же бумагой слѣдуетъ разумѣть бумаги, принадлежащія къ дѣламъ Министерства и исходящія за подписью Министра, его товарища или Совѣта Министра. Поддѣлка остальныхъ бумагъ должна быть наказываема по ст. 294“. Хотя, собственно говоря, объ ограниченіи подобнаго рода ничего въ ст. 293 не говорится, но такъ какъ ст. 294 имѣетъ въ виду всѣ остальные публичные документы, которые не выдѣлены въ особыя статьи, то ст. 293 надо придавать ограничительное толкованіе; а такъ какъ изъ разсмотрѣнія смысла ст. 292 слѣдуетъ, что и въ ней рѣчь идетъ не о всѣхъ документахъ, исходящихъ отъ сената, то это можно допустить и относительно документовъ, исходящихъ отъ министерствъ, разумѣя подъ отнесенными къ ст. 293 наиболѣе важные изъ нихъ, какими представляются, напр. тѣ, которые указаны Неклюдовымъ. Далѣе нужно замѣтить, что подъ „главными управленіями“, о которыхъ говорится въ ст. 293, слѣдуетъ разумѣть центральныя учрежденія, соотвѣтствующія министерствамъ, каковы Государственный Контроль и Главное Управленіе Коннозаводства, такъ какъ эти учрежденія поставлены наряду съ министерствами. Поэтому документы отдѣльныхъ учрежденій, хотя и носящихъ наименованія главныхъ управленій и т. п., но входящихъ въ составъ министерствъ, должны быть выдѣлены изъ третьей группы, и въ этомъ отношеніи можно

[1]) Неклюдовъ. в. с. стр. 267.

вполнѣ согласиться съ тѣмъ взглядомъ сената, который высказанъ имъ въ рѣшенiи 1870 г. № 893—Михайлова, обвинявшагося въ подлогѣ бумагъ Главнаго Казначейства; здѣсь указано, что этотъ видъ документовъ предусмотрѣнъ не въ ст. 293, а въ 294; сенатъ исходитъ при этомъ изъ того, что въ перечисленiи ст. 291—293 о такихъ бумагахъ ничего не говорится, а ст. 294 предусматриваетъ подлогъ оффицiальныхъ бумагъ всѣхъ другихъ правительственныхъ мѣстъ за исключенiемъ поименованныхъ въ предыдущей статьѣ.

§ 10. Въ противоположность ст. 291—293, ст. 294 имѣетъ въ виду указы, опредѣленiя, постановленiя, предписанiя и иныя какого-либо рода оффицiальныя бумаги отъ имени губернскихъ правленiй и другихъ судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ или начальствъ или утвержденныхъ закономъ учрежденiй, т. е. оффицiальныя бумаги всякаго другого рода за исключенiемъ только что перечисленныхъ и кромѣ того особо поименованныхъ въ другихъ статьяхъ, напр. ст. 300, 977—979 и др.

Сюда должны быть относимы съ одной стороны всякiя бумаги мѣстныхъ присутственныхъ мѣстъ, безразлично, какого ранга они будутъ въ общей лѣстницѣ должностей, равно какъ и центральныхъ учрежденiй за исключенiемъ тѣхъ родовъ документовъ, которые выдѣлены въ ст. 292—293, съ другой—всякiя бумаги общественныхъ учрежденiй, причемъ, какъ замѣчаетъ вполнѣ правильно Неклюдовъ[1]), сюда не относятся частныя общества и компанiи; въ доказательство этого онъ приводитъ слѣдующiя основанiя: 1) заголовокъ гл. III разд. IV улож. „о составленiи подложныхъ указовъ, предписанiй и другихъ, исходящихъ отъ правительства бумагъ“, не оставляетъ никакого сомнѣнiя, что ст. 294 можетъ имѣть примѣненiе лишь къ правительственнымъ бумагамъ; 2) ст. 294 говоритъ не о подделкѣ бумагъ дозволенныхъ правительствомъ обществъ или учрежденiй, а о поддѣлкѣ бумагъ общественныхъ учрежденiй, утвержденныхъ „законами“, т. е. дѣятельность которыхъ заключается въ отправленiи общественной службы.

[1]) Неклюдовъ. в. с. стр, 267.

Здѣсь разумѣются, напр. документы, исходящіе отъ дворянскихъ, мѣщанскихъ и крестьянскихъ обществъ, отъ земствъ, отъ городовъ и т. д. Самыя бумаги по своему содержанію могутъ быть весьма разнообразны. Ст. 362, говорящая о должностномъ подлогѣ, приводитъ въ видѣ примѣра доклады, протоколы, рапорты, журналы, свидѣтельства, а сенатъ, напр. призналъ таковыми: бумаги отъ имени полицейскаго управленія (1874 г. № 208—Бѣдаева); росписки, выдаваемыя почтовою конторою въ удостовѣреніе произведенной уплаты денегъ (1873 г. № 654—Брашевана); метрическое свидѣтельство (1875 г. № 554—Каменева); талонъ отъ имени СПБ. воспитательнаго дома (1870 г. № 536—кн. Долгорукова); ассигновка отъ имени Николаевской жел. дороги (1869 г. № 982—Вериги); разсыльная книга, такъ какъ она удостовѣряетъ не только время отправки оффиціальныхъ бумагъ, но самую отправку и отдачу бумагъ по назначенію (тамъ же); приговоръ сельскаго общества (1871 г. № 1699—Хлестунова); удостовѣреніе волостного правленія о продажѣ лошади (1875 г. № 46 — Мушникова); квитанція складочной таможни (1875 № 460—Медвѣдева).

Но съ другой стороны въ рѣшеніи 1868 г. № 936 — Крузе сенатъ отнесъ не къ ст. 294, а къ ст. 1692 подлогъ въ книжкѣ сберегательной кассы, а въ рѣшеніи 1892 № 45—Исаева и Серебрякова—подлогъ дубликата накладной желѣзной дороги. Мотивовъ для перваго рѣшенія сенатомъ не приведено, но зато они указаны очень обстоятельно въ послѣднемъ рѣшеніи. Здѣсь говорится: „учиненіе подлога, предусмотрѣннаго ст. 294, относится къ преступленіямъ противъ порядка управленія (Ул. р. IV, гл. III), совершаемымъ путемъ составленія исходящихъ отъ правительства бумагъ. Существенный признакъ такого рода подлога состоитъ въ томъ, что подложный документъ имѣетъ видъ и свойства исходящаго отъ власти, которая въ предѣлахъ своего вѣдомства имѣетъ дѣятельность, входящую въ общій кругъ управленія, порядокъ коего нарушается самовольнымъ присвоеніемъ кѣмъ-нибудь этой власти или составленіемъ, якобы исходящихъ отъ нея подложныхъ бумагъ правительственнаго характера. Поэтому въ ст. 294 Ул. и говорится

о бумагахъ, относящихся къ управленію, какъ по формѣ и содержанію—указы, опредѣленія, постановленія, предписанія и т. д.—такъ и по источникамъ ихъ—отъ имени губернскихъ правленій и другихъ судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ или начальствъ или утвержденныхъ закономъ общественныхъ учрежденій. Къ такимъ учрежденіямъ, какъ правильно заключаетъ судъ, не могутъ быть отнесены желѣзныя дороги, хотя бы и перешедшія въ собственность казны, ибо подъ общественными учрежденіями законъ разумѣетъ не торговыя или промышленныя предпріятія, находящіяся въ рукахъ одного или многихъ хозяевъ, а учрежденія, коимъ въ силу закона ввѣряется власть по предметамъ мѣстнаго управленія и на которыя возлагаются соотвѣтствующія сей власти обязанности (Св. Зак. т. II кн. IV). Вслѣдствіе сего оффиціальныя бумаги, исходящія отъ этихъ учрежденій, по содержанію своему не могутъ быть двусторонними актами, зависящими отъ соглашенія и договорныхъ отношеній и закрѣпляющими имущественную сдѣлку между двумя равноправными и независимыми другъ отъ друга внѣ состоявшагося договора сторонами. Такими оффиціальными бумагами дубликаты накладныхъ признаны быть не могутъ. Дубликаты накладныхъ, выдаваемые желѣзнодорожнымъ управленіемъ, представляютъ собой документы, свидѣтельствующіе о состоявшемся между отправителемъ товара съ одной стороны и перевозчикомъ—желѣзной дорогой, съ другой—договорномъ отношеніи. По ст. 55 Общ. Уст. Росс. ж. д. передаваемый грузъ сопровождается накладной, служащей вмѣстѣ съ дубликатомъ оной доказательствомъ взаимныхъ правъ и обязанностей сторонъ, участвующихъ въ договорѣ перевозки... Значеніе накладной и дубликата оной, какъ документовъ, свидѣтельствующихъ о состоявшемся между желѣзной дорогой и товароотправителемъ договорѣ о перевозкѣ груза, не измѣняется оттого, что дорога принадлежитъ казнѣ и находится въ завѣдываніи управленія казенныхъ жел. дор., ибо накладная и дубликатъ установлены Общ. Уст. Росс. ж. д., дѣйствіе коего одинаково распространяется какъ на частныя, такъ и на казенныя жел. дороги (Общ. Уст. ст. 1 и 125). Дѣлать въ этомъ

отношеніи различіе въ наказуемости подлога накладной и дубликата между желѣзными дорогами значило бы ставить примѣненіе ст. 294 или 1692 въ совершенно случайную зависимость отъ хозяина или собственника дороги, причемъ эта случайность осложнялась бы еще затрудненіями, когда накладная или дубликатъ относятся къ грузу, подлежащему перевозкѣ по прямому сообщенію, отдѣльныя звенья коего состоятъ изъ казенныхъ и частныхъ дорогъ, одинаково отвѣтствующихъ передъ грузоотправителемъ и представляющихъ одну сторону въ состоявшейся сдѣлкѣ (Общ. Уст. ст. 114, 128—139). Поэтому надлежитъ признать, что подлогъ въ дубликатахъ накладныхъ, какъ документахъ, которые въ дѣлахъ исковыхъ и торговыхъ могутъ быть по закону принимаемы въ доказательство принятыхъ жел. дор. обязанностей, предусмотрѣнъ ст. 1692, а не 294. Приводимое въ протестѣ рѣшеніе Прав. Сен. 1875 г. № 460—Медвѣдева не противорѣчитъ такому толкованію, ибо ст. 294 была примѣнена къ М., признанному виновнымъ въ поддѣлкѣ квитанцій московской складочной таможни, т. е. къ поддѣлкѣ документовъ, не устанавливающихъ никакихъ договорныхъ отношеній между правительственнымъ учрежденіемъ, на которое возложена опредѣленная фискальная обязанность, и частнымъ лицомъ, но удостовѣряющихъ выполненіе послѣднимъ необходимыхъ условій, которыми, согласно таможенному уставу, законъ обставляетъ пользованіе ввозимыми въ страну товарами". Какъ слѣдуетъ отсюда, главное основаніе для своего рѣшенія сенатъ видитъ въ томъ, что къ общественнымъ учрежденіямъ, о которыхъ говорится въ ст. 294, не можетъ быть отнесена казенная желѣзная дорога, такъ какъ на подобное общественное учрежденіе ввѣряется въ силу закона власть по предмету мѣстнаго управленія и возлагаются соотвѣтственныя сей власти обязанности. Но прежде всего нельзя не замѣтить того, что извѣстныя учрежденія могутъ носить правительственный характеръ, быть публичными, и тѣмъ не менѣе вовсе не имѣть власти по предмету мѣстнаго управленія; таковы правительственныя кредитныя учрежденія, напр. отдѣленія государственнаго банка; под-

логъ документовъ, исходящихъ отъ нихъ, будетъ подлогомъ публичныхъ документовъ, такъ что самое понятіе „учрежденія“, не имѣетъ здѣсь вовсе рѣшающаго значенія“, тѣмъ болѣе, что управленіе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ можетъ составлять документы съ характеромъ, напр. предписаній, о которыхъ прямо говорится въ ст. 294, и отрицать ихъ публичный характеръ на томъ основаніи, что казенная желѣзная дорога не есть „учрежденіе“, о которомъ рѣчь идетъ въ ст. 294, нельзя. Съ другой стороны всякое правительственное мѣсто, даже прямо указанное въ ст. 294, можетъ выпускать документы, являющіеся двусторонними актами, такъ какъ во всякомъ учрежденіи есть хозяйственная часть, въ которой возможно совершеніе разныхъ договоровъ: всякое учрежденіе можетъ выступать поэтому стороной въ извѣстномъ дѣлѣ, такъ что ничего особеннаго въ этомъ отношеніи для желѣзной дороги не представляется. Наконецъ, ссылка на то, что въ составъ пути могутъ входить разныя желѣзныя дороги, особеннаго значенія не имѣетъ, потому что данный документъ выдается лишь одной дорогой, которая можетъ быть частной или казенной, соображенія же о томъ, что въ зависимости отъ этого мѣняется и наказуемость, не могутъ имѣть принципіальнаго значенія. Вообще же вопросъ объ этомъ вполнѣ правильно выясненъ въ рѣшеніи 1875 г. № 460—Медвѣдева; и хотя сенатъ и говоритъ о томъ, что здѣсь дѣло идетъ о документѣ иного характера, но квитанція складочной таможни устанавливаетъ точно также извѣстныя договорныя отношенія между таможней и частными лицами, какъ и дубликатъ накладной. Идя по тому пути, который указываетъ сенатъ, суду пришлось бы входить каждый разъ при разсмотрѣніи подлога публичнаго документа въ обсужденіе того, какой характеръ и содержаніе даннаго акта, между тѣмъ въ ст. 294 общимъ образомъ сказано о подлогѣ „иныхъ какого-либо рода оффиціальныхъ бумагъ“ [1]);

[1]) Интересно, что германскій имперскій судъ въ поддѣлкѣ билетовъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ усматриваетъ подлогъ публичныхъ документовъ (Ent. VIII, 409; R. V, 369).

вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ открывалась бы возможность установленія общаго положенія о томъ, что всякій публичный документъ можетъ быть частнымъ, если въ немъ должностное лицо, выдающее этотъ документъ, выступаетъ на правахъ частнаго лица, какъ контрагентъ другого, чѣмъ искажалось бы надлежащее представленіе о публичномъ документѣ, характеризующемся только источникомъ своего происхожденія.

Какъ указано было уже выше, оффиціальные документы, о которыхъ говорится въ ст. 294, представляютъ изъ себя общій нормальный типъ публичныхъ документовъ; этимъ и объясняется, почему и въ другихъ статьяхъ уложенія мы находимъ нерѣдко ссылки относительно наказуемости подлога въ данномъ случаѣ на ст. 294. Таковы ст. 554, 1441, 1443 и др. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ уложеніи есть и такія статьи, которыя, хотя и касаются публичныхъ документовъ, говоря о нихъ вмѣстѣ съ частными, но ссылаются относительно наказанія на тѣ статьи (ст. 1690 и 1692), гдѣ говорится о частныхъ документахъ; это, конечно, надо понимать въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ подлога подобнаго документа должны именно примѣняться наказанія, въ этихъ статьяхъ указанныя, хотя бы этотъ документъ былъ и публичный. Однако, Неклюдовъ [1]) толкуетъ это иначе, именно въ томъ смыслѣ, что такъ какъ въ подобныхъ статьяхъ имѣется ссылка на статьи, говорящія о подлогѣ частныхъ документовъ, то подъ нихъ можно подводить только подлоги документовъ частныхъ; поэтому въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ документы эти имѣютъ характеръ публичныхъ, по его мнѣнію, дѣянія эти должны быть относимы къ ст. 294, а не наказуемы, какъ подлогъ частныхъ документовъ. Въ виду этого онъ не соглашается съ тѣмъ рѣшеніемъ сената, въ которомъ подъ ст. 1151, предусматривающую подлогъ при займѣ изъ государственнаго, общественнаго или частнаго кредитнаго установленія, подведенъ подлогъ билета С.-Петербургской ссудной казны, (1869 г. № 660—Волковой); Неклюдовъ находитъ, что это преступное дѣяніе слѣдуетъ подвести

---

[1]) Неклюдовъ. в. с. стр. 269.

подъ ст. 294. Но доводы, которые онъ приводитъ въ подтвержденіе своего взгляда, едва ли можно назвать убѣдительными: 1) ссылка на постановленіе ст. 554, предусматривающей поддѣлку правительственныхъ бумагъ съ цѣлью похищенія казеннаго имущества и отсылающей для наказанія къ ст. 294, не убѣдительна потому, что, хотя ст. 1151 предусматриваетъ подлогъ при займѣ не только изъ кредитныхъ установленій, общественныхъ и частныхъ, но и государственныхъ, она всетаки отсылаетъ для наказанія къ ст. 1690, между тѣмъ здѣсь умыселъ можетъ направляться, какъ и въ ст. 554, на казенное имущество; 2) ссылка же на то соображеніе, что, „ежели поддѣлка правительственныхъ бумагъ съ цѣлью совершенія преступленій, означенныхъ въ спеціальныхъ статьяхъ о подлогѣ, должна была бы наказываться не на основаніи 291—294 ст., а на основаніи статей спеціальныхъ, то въ такомъ случаѣ пришлось бы наказывать поддѣлку разрѣшенія Министерства на розыгрышъ лоттереи—по ст. 992, какъ подлогъ при розыгрываніи лоттереи и т. д.“, совершенно неправильна, такъ какъ не цѣль совершенія преступленія, обозначеннаго въ спеціальныхъ статьяхъ, заставляетъ выдѣлять данный видъ подлога изъ общаго рода, а свойство самаго документа. Въ такомъ же смыслѣ толкуетъ Неклюдовъ и ст. 1195, говорящую о подлогѣ въ намѣреніи ввести страховое общество въ обманъ и ссылающуюся на ст. 1690 [1]). Подобныя ссылки на наказанія, указанныя за подлогъ частныхъ документовъ, хотя рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ о подлогѣ вообще или даже о подлогѣ документовъ публичныхъ, находятся еще въ нѣкоторыхъ статьяхъ уложенія, именно въ ст. 1170, 1441, 1571, 1572, 1677—1679 и 1447, и принимать въ отношеніи ихъ это толкованіе Неклюдова представляется совершенно невозможнымъ. Въ ст. 1170 говорится о производствѣ торговли или промысла по фальшивому свидѣтельству или билету, и дѣлается ссылка о наказаніи на ст. 1692; но билеты и свидѣтельства, о которыхъ здѣсь говорится, безусловно документы публичные, такъ

[1]) Неклюдовъ. в. с. стр. 378.

какъ это—или свидѣтельства, выдаваемыя на право торговли и промысловъ, или билеты, выдаваемые на торговыя и промышленныя заведенія (т. V Св. Зак. Уст. о прямыхъ налогахъ 1893 г. ст. 235 и 239); правда, Неклюдовъ [1]) говоритъ, что здѣсь рѣчь идетъ только объ употребленіи этихъ свидѣтельствъ, поддѣлка же ихъ должна быть наказуема по ст. 294 или 554, но въ такомъ случаѣ получается такое положеніе, что за употребленіе этихъ документовъ наказаніе налагается менѣе тяжелое, чѣмъ за ихъ составленіе. Въ ст. 1571 далѣе говорится о предъявленіи завѣдомо поддѣльныхъ документовъ для сокрытія брачныхъ препятствій, а въ ст. 1572 рѣчь идетъ о поддѣлкѣ письменныхъ актовъ или иныхъ бумагъ для несправедливаго показанія о возрастѣ вступающихъ въ бракъ или о дозволеніи на оный ихъ начальствъ или родителей или опекуновъ; въ обѣихъ этихъ статьяхъ находятся ссылки относительно наказаній на ст. 1690 и 1692; но свидѣтельство о возрастѣ или дозволеніи начальства на вступленіе въ бракъ—документъ публичнаго характера, а между тѣмъ относительно наказанія данныя статьи категорически ссылаются на ст. 1690 и 1692, причемъ самый выборъ одного изъ наказаній, указанныхъ въ этихъ статьяхъ, предоставленъ усмотрѣнію суда, такъ какъ въ ст. 1571 прямо сказано: „строгость оныхъ возвышается или уменьшается сообразно съ родомъ предъявленныхъ завѣдомо поддѣльныхъ или съ умысломъ измѣненныхъ документовъ или иныхъ бумагъ или по другимъ обстоятельствамъ дѣла“, а въ ст. 1572 говорится, что наказаніе, указанное въ ст. 1690 и 1692 опредѣляется „на томъ же основаніи, какъ сіе постановлено въ ст. 1571“. Ст. 1677 — 1679 говорятъ о составленіи подложныхъ квитанцій, межевыхъ плановъ или книгъ или иныхъ какихъ-нибудь актовъ или документовъ съ цѣлью пріобрѣтенія чужого недвижимаго имущества и ссылаются на ст. 1690—1694; Неклюдовъ [2]) относительно этихъ статей полагаетъ, что подъ документами здѣсь разумѣются только тѣ, которые означены въ ст. 1690 — 1694, но тамъ ничего не

[1]) Неклюдовъ. в. с. стр. 383.

[2]) Неклюдовъ. в. с. стр. 393.

говорится о составленіи межевыхъ плановъ и книгъ, которые являются документами публичными, а не частными, а между тѣмъ наказаніе за это дѣяніе должно быть опредѣлено на основаніи ст. 1690—1694. Наконецъ, въ ст. 1447 точно также идетъ рѣчь о подлогѣ документовъ публичныхъ, но относительно наказанія дѣлается ссылка на ст. 1692; здѣсь говорится о пропускѣ въ показаніи душъ сказкоподателями.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что и за подлогъ публичныхъ документовъ въ извѣстныхъ случаяхъ могутъ быть назначены по уложенію наказанія, опредѣленныя за подлогъ частныхъ.

§ 11. Подобно другимъ законодательствамъ, наше уложеніе выдѣляетъ изъ общей группы правительственныхъ бумагъ, особый видъ документовъ, имѣющихъ несравненно менѣе важное значеніе въ общемъ ходѣ управленія, чѣмъ тѣ документы, которые указаны въ ст. 291 — 294. Это—свидѣтельства о болѣзни, бѣдности, хорошемъ поведеніи и другихъ тому подобныхъ, выданныя присутственнымъ мѣстомъ или употребленнымъ отъ правительства лицомъ (ст. 300). Какъ сказано въ мотивахъ къ ст. 325 проекта уложенія 1844 г., соотвѣтствующей ст. 300 улож. изд. 1885 г., „здѣсь предлагается уменьшить наказаніе за употребленіе подложныхъ бумагъ такого рода, которыя по существу не могутъ имѣть важныхъ дурныхъ послѣдствій". Такимъ образомъ проектъ сознавалъ разницу и отличіе „по существу" этихъ документовъ отъ документовъ, предусмотрѣнныхъ въ другихъ статьяхъ уложенія, и въ особенности — въ ст. 294, но выразилъ это различіе крайне неудачно, особенно благодаря прибавкѣ въ текстѣ ст. 300 словъ „и другихъ тому подобныхъ". Этимъ и объясняется колебаніе нашей практики въ толкованіи ст. 300 и отсутствіе вполнѣ твердаго руководящаго принципа при примѣненіи этой статьи. Можно сказать только, что документы, менѣе важные по своему значенію, должны быть сюда подводимы, но какіе именно, рѣшить не легко. Въ этомъ отношеніи интересно прослѣдить нашу кассаціонную практику по этому предмету.

Прежде всего различіе между ст. 294 и 300 было установлено въ томъ смыслѣ, что документы, указанные въ ст. 300, не угрожаютъ такой опасностью имуществу или личности, какая является отъ документовъ, упоминаемыхъ въ ст. 294; именно въ рѣшеніи 1868 г. № 859 — Григорьева и Батракова сенатъ высказалъ, что „294 ст. Улож. предусматриваетъ вообще всѣ виды подложнаго составленія для какихъ-либо дѣлъ или видовъ оффиціальныхъ документовъ отъ имени судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ или начальствъ; сравнивая эту статью съ ст. 300, нельзя не придти къ убѣжденію, что первая изъ нихъ представляется общимъ правиломъ, а послѣдняя указываетъ исключительно случаи подложнаго составленія такихъ незначительныхъ документовъ, употребленіе коихъ можетъ принести пользу виновному, но не угрожаетъ такою опасностью имуществу или личности другихъ, какая можетъ быть послѣдствіемъ нарушенія 294 ст.“; поэтому подложное составленіе свидѣтельствъ полицейскаго управленія съ цѣлью полученія страховой преміи подводится въ этомъ рѣшеніи подъ ст. 294. Но это разграниченіе проливаетъ очень мало свѣта на истинное положеніе дѣла; опредѣлить степень опасности, угрожающей въ томъ или другомъ случаѣ — дѣло совершенно произвольное; вотъ почему въ позднѣйшемъ рѣшеніи 1869 № 117—Хитрова, сенатъ указываетъ другой критерій для разграниченія документовъ, указанныхъ въ ст. 294 и 300. Какъ слѣдуетъ изъ обстоятельствъ этого дѣла, крестьянинъ Хитровъ обвинялся въ томъ, что предъявлялъ два завѣдомо фальшивыхъ свидѣтельства, выданныя будто бы изъ волостного правленія для сбора подаянія на погорѣвшихъ крестьянъ, къ каковымъ свидѣтельствамъ были приложены фальшивыя печати волостныхъ правленій и церковныя. Сенатъ по поводу этого дѣла сначала высказалъ то общее соображеніе, которое уже было указано въ предыдущемъ рѣшеніи, а затѣмъ прибавилъ, что свидѣтельства Хитрова близко подходятъ къ предусмотрѣннымъ въ 300 ст., такъ какъ „предъявленіе ихъ не требовало ни съ чьей стороны непремѣннаго исполненія содержащагося въ нихъ рас-

поряженія начальства и не налагало ни на кого никакой юридической обязанности; свидѣтельства эти не могли имѣть иныхъ послѣдствій, кромѣ сбора подаянія, и употребленный подсудимымъ подлогъ могъ служить удостовѣреніемъ только того, что онъ имѣетъ нѣкоторое основаніе расчитывать на благотворительность общества". То же выражено съ особенной ясностью рѣшеніемъ сената по дѣлу Скублинской, (1891 г. № 31), гдѣ сказано слѣдующее: „Правительствующій Сенатъ находитъ, что упоминаемыя въ ст. 300 уложенія о нак. свидѣтельства о болѣзни, бѣдности, хорошемъ поведеніи и имъ подобныхъ отличаются отъ предусмотрѣнныхъ въ ст. 294 тѣмъ, что, имѣя цѣлью приносить пользу виновнымъ въ ихъ подлогѣ, не угрожаютъ въ то же время существенной опасностью имуществу и личности другихъ, ибо не требуютъ ни съ чьей стороны непремѣннаго исполненія, не содержатъ въ себѣ распоряженій начальства, или удостовѣреній правъ на имущество и не налагаютъ поэтому ни на кого безусловной юридической обязанности (р. 68 № 859, 69 № 117 и 75 № 46), а отъ предусмотрѣнныхъ въ 1688 ст. тѣмъ, что упоминаемыя въ ней свидѣтельства должны имѣть характеръ исходящихъ не отъ частныхъ лицъ, а присутственныхъ мѣстъ или уполномоченныхъ отъ правительства лицъ (68 № 859). Поэтому составленіе или употребленіе подложнаго свидѣтельства, коимъ удостовѣряется дѣйствительное существованіе какого-нибудь факта, не установляющаго въ чью-либо пользу имущественныхъ или личныхъ правъ, а лишь подлежащаго оцѣнкѣ, провѣркѣ или принятію въ соображеніе со стороны лица или учрежденія, могущихъ оказать помощь, льготу или содѣйствіе предъявителю такого свидѣтельства, вполнѣ подходитъ подъ указанное ст. 300 улож., въ томъ случаѣ, когда сіе свидѣтельство имѣетъ признаки исходящаго отъ мѣстъ или лицъ, которымъ правительствомъ ввѣрена выдача таковыхъ, причемъ для состава преступленія, предусмотрѣннаго сею статьей безразлично, исходитъ ли свидѣтельство отъ должностного лица, или хотя и не должностного, но уполномоченнаго правительствомъ лица, на которое установленнымъ

порядкомъ возложена обязанность въ виду общественнаго благоустройства удостовѣрять дѣйствительность тѣхъ или другихъ фактовъ".

Въ этихъ рѣшеніяхъ, какъ видно, сенатъ старается указать юридическій критерій различія документовъ, упоминаемыхъ въ ст. 294 и 300. Документъ, указываемый въ ст. 300, не налагаетъ, по его толкованію, на другихъ никакой юридической обязанности по отношенію къ предъявителю его въ противоположность другимъ документамъ. Исходя изъ этого положенія, вполнѣ послѣдовательно сенатъ подвелъ подъ эту статью, напр. представленіе завѣдомо подложнаго свидѣтельства о бѣдности (1874 г. № 513 — Тимковскаго); однако въ другихъ рѣшеніяхъ онъ отступаетъ отъ строгаго соблюденія своего положенія, чему причиной, можетъ быть, служитъ неопредѣленность выставленнаго имъ критерія; такъ едва ли правильно поступилъ онъ, подведя подъ ст. 294 составленіе подложнаго свидѣтельства о несостояніи подъ судомъ на томъ основаніи, что этотъ документъ, какъ относящійся до правъ состоянія, по свойству и важности своей долженъ быть отнесенъ къ ст. 294, а не 300 (1870 г. № 472—Глоуберманова); но, не говоря уже о томъ, что свидѣтельство о несостояніи подъ судомъ, не есть документъ, относящійся до правъ состоянія, нельзя не согласиться съ заявленіемъ защитника по этому дѣлу, что этотъ документъ— не болѣе, какъ свидѣтельство о хорошемъ поведеніи, о которомъ говоритъ ст. 300. Точно также едва ли правильно отнесено къ ст. 294 составленіе копіи съ аттестата отъ имени баталіоннаго командира или баталіоннаго адъютанта: этотъ документъ тоже не болѣе, какъ свидѣтельство о хорошемъ поведеніи (1875 г. № 195—Пушкарева).

Изъ этихъ рѣшеній видно, что и съ установленіемъ критерія юридическаго характера, разграниченіе документовъ, относимыхъ къ ст. 300 и 294, достигнуто не было. Необходимо было поэтому попытаться выяснить иначе самую сущность документовъ, упоминаемыхъ въ ст. 300. Это пытается сдѣлать Неклюдовъ, разсматривая подробно отдѣльные виды менѣе важныхъ документовъ, Толкуя ст. 300, онъ замѣчаетъ,

что она отличается отъ ст. 294 слѣдующими признаками: „1) объектомъ ст. 300 могутъ быть лишь тѣ изъ оффиціальныхъ бумагъ, которыя носятъ названіе свидѣтельствъ, удостовѣреній или аттестацій, 2) изъ числа бумагъ, носящихъ названіе свидѣтельствъ, объектами ст. 300 могутъ быть не всѣ свидѣтельства вообще, а лишь свидѣтельства о бѣдности, болѣзни, хорошемъ поведеніи и имъ подобныя“ [1]. Самое же понятіе „и т. п.“ онъ выводитъ изъ объясненія того, что разумѣется подъ словами „свидѣтельство о болѣзни, бѣдности и хорошемъ поведеніи“, и толкуетъ его очень широко, такъ что если и можно соглашаться съ нѣкоторыми его положеніями, то наоборотъ другія правильными признать нельзя. Такъ, онъ говоритъ, что, такъ какъ свидѣтельства, о коихъ рѣчь идетъ въ 300 ст., не имѣютъ обязательной силы ни для кого изъ частныхъ лицъ, то поэтому сюда могутъ быть подводимы прежде всего документы, представляющіе „лишь удостовѣренія должностныхъ лицъ о существованіи даннаго событія, договора, сдѣлки или обязательства“. Таковы, напр. случаи составленія подложнаго удостовѣренія: мирового судьи, что послѣ такого-то не осталось духовнаго завѣщанія,—полиціи, что такой-то предъявилъ искъ къ такому-то,—нотаріуса, что такіе-то совершили у него такой-то договоръ и т. п. Едва ли однако правильно распространять на эти случаи постановленія ст. 300. Не говоря уже о томъ, что въ ст. 300 объ этомъ рѣшительно ничего не говорится, нельзя не замѣтить, что удостовѣренія подобнаго рода могутъ имѣть иногда важное юридическое значеніе и могутъ возлагать на кого-нибудь извѣстныя юридическія обязанности, такъ-что приравнивать ихъ свидѣтельствамъ о здоровьѣ и т. д. въ этомъ отношеніи нельзя; съ этой точки зрѣнія вполнѣ правильно отнесъ сенатъ (1875 г. № 48—Мушникова) поддѣлку удостовѣренія волостного правленія о продажѣ лошади къ ст. 294, а не 300; то же самое надо сказать и относительно удостовѣренія полиціи или другого какого-нибудь должностного лица о взятіи поддѣльщикомъ свидѣтельства на

---

[1]) Неклюдовъ. в. с. стр. 280.

распивочную продажу и т. п., которыя Неклюдовъ относитъ тоже къ ст. 300. Что-же касается третьей категоріи документовъ, относимой имъ сюда,—свидѣтельствъ о существованіи извѣстныхъ правъ, льготъ и т. п., коль скоро свидѣтельства эти доказательствомъ самаго права, льготы и премущества не служатъ, то и съ этимъ согласиться тоже едва ли можно,—тѣмъ болѣе, что сюда онъ относитъ подложныя свидѣтельства объ окончаніи курса, о состояніи въ числѣ слушателей учебнаго заведенія, о выдержаніи экзамена въ высшій классъ или курсъ, о полученіи лицомъ ордена, чина или знака отличія, о назначеніи ему пенсіи за выслугу лѣтъ. Но, вѣдь, свидѣтельство объ окончаніи курса въ какомъ-нибудь учебномъ заведеніи является основаніемъ для полученія опредѣленныхъ правъ, каковы, напр. право поступленія на службу, право на чинъ, право на извѣстныя льготы по отбытію воинской повинности, право на освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія для лицъ, неизъятыхъ отъ него и т. п., и если при этомъ Неклюдовъ думаетъ установить извѣстное различіе между отдѣльными актами, основываясь на различномъ значеніи ихъ, то едва ли оно правильно. Онъ говоритъ: „патентами, аттестатами, актами или документами лицо пріобрѣтаетъ самое право; свидѣтельствами же удостовѣряется лишь, что лицо извѣстно за такое, которое имѣетъ чинъ, орденъ, такой-то возрастъ, или же, что на основаніи имѣющихся въ заведеніи актовъ или документовъ, числится перешедшимъ на высшій курсъ. Акты и документы имѣютъ юридическое значеніе передъ всѣми властями и частными лицами, а также и для наслѣдниковъ или преемниковъ правъ даннаго лица; свидѣтельства же и удостовѣренія доказательствомъ правъ не служатъ, имѣютъ ограниченный кругъ дѣйствія, и удостовѣряемыя ими событія принимаются на вѣру, или въ кредитъ (часто какъ личное мнѣніе лица, ихъ выдавшаго) при обсужденіи того или другого дѣйствія, ходатайства или домогательства". Но намъ кажется, что въ этомъ отношеніи свидѣтельства и патенты или аттестаты должны быть приравниваемы другъ другу. Они (и тѣ и другіе) удостовѣряютъ, напр. фактъ окончанія курса въ учебномъ

заведеніи, но извѣстное право пріобрѣтается именно этимъ фактомъ, а не наличностью документа. Если бы аттестатъ и не былъ выданъ по той или другой причинѣ, право, сопряженное съ фактомъ окончанія извѣстнаго учебнаго заведенія, отъ этого не теряется, равно какъ и не исчезаетъ оно съ потерею документа. Свидѣтельства этого рода должны имѣть поэтому то же значеніе въ отношеніи удостовѣряемыхъ событій, какъ и самые акты, лишь только они показаны исходящими отъ компетентныхъ органовъ власти, и конечно, принимаемы на вѣру, какъ личное мнѣніе, они быть не могутъ. Тѣ же замѣчанія можно сдѣлать и относительно четвертой группы документовъ, относимыхъ сюда Неклюдовымъ; это—особые акты судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ, именно „бумаги исходящія и притомъ выдаваемыя въ подлинникѣ", напр. повѣстки, свидѣтельства на полученіе справокъ, свидѣтельства о ходѣ и производствѣ дѣлъ и вообще удостовѣренія, имѣющія характеръ „по скольку то мнѣ извѣстно", или „какъ изъ дѣла видно", коль скоро они не принадлежатъ къ разряду бумагъ, „могущихъ въ дѣлахъ исковыхъ, тяжебныхъ или торговыхъ быть принимаемыми въ доказательство правъ на имущество или же принятыхъ кѣмъ-либо на себя обязанностей" (ст. 1692), ибо законъ преслѣдуетъ какъ подлогъ даже поддѣлку частныхъ бумагъ этого рода". Почему относитъ онъ сюда эти оффиціальные документы, сказать трудно—особенно, такіе документы, какъ повѣстки, которыя могутъ имѣть нерѣдко важное юридическое значеніе, выражая извѣстное распоряженіе власти, и влечь за собою важныя правовыя послѣдствія; таковы, напр., повѣстки о вызовѣ въ судъ въ качествѣ обвиняемаго, свидѣтеля и т. п. Затѣмъ, вполнѣ соглашаясь съ Неклюдовымъ, что „эта бумага должна быть личная, именная, и что необходимо, чтобы поддѣльный документъ не создавалъ какого-либо права и не лишалъ бы такового другихъ, а представлялъ бы собой доказательства или доводы въ пользу подсудимаго, долженствующія быть принятыми во вниманіе при обсужденіи вопроса о правѣ подсудимаго на то, что онъ хочетъ достигнуть посредствомъ представленія ложнаго свидѣ-

тельства“, трудно принять то его положеніе, что „въ подлогѣ 294 ст. вреденъ и опасенъ поддѣльный документъ самъ по себѣ взятый, въ подлогѣ же 300 ст. вредъ можетъ проистекать лишь отъ того заключенія, къ которому можетъ привести принятіе въ соображеніе представленнаго свидѣтельства“, такъ какъ и упомяпутый въ ст. 300 документъ тоже вреденъ и опасенъ, разъ онъ можетъ привести къ вредному заключенію.

Такимъ образомъ изъ сказаннаго видно, что Неклюдовъ ст. 300 толкуетъ очень широко и къ документамъ, подлогъ которыхъ ею предусматривается, относитъ такіе, о подлогѣ которыхъ говоритъ собственно ст. 294.

Какъ же, однако, установить истинный смыслъ ст. 300? Намъ кажется, что въ виду общихъ правилъ интерпретаціи законовъ, требующихъ ограничительнаго толкованія всякаго спеціальнаго закона, ст. 300, которая является исключеніемъ изъ общаго правила, установленнаго въ ст. 294, и притомъ по наказуемости сильно отличается отъ послѣдней (maximum—8 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, тогда какъ въ ст. 294—ссылка на поселеніе), должна быть толкуема въ значительной степени ограничительно. И мы находимъ, что толкованіе это могло бы быть слѣдующее: выраженіе „и т. п.“ должно быть тѣсно связываемо съ выраженіемъ: „свидѣтельство о болѣзни, бѣдности и хорошемъ поведеніи“; такимъ образомъ мы получимъ слѣдующіе виды документовъ, предусматриваемыхъ ст. 300: 1) свидѣтельства о физическомъ состояніи лица, которыя будутъ касаться не только его болѣзни, но и состоянія его здоровья вообще; 2) свидѣтельства о матеріальномъ его состояніи—свидѣтельства о бѣдности и вообще о его имущественномъ положеніи; 3) свидѣтельства о его моральномъ состояніи—о его хорошемъ или дурномъ поведеніи, вообще всякія аттестаціи, напр. о состояніи подъ судомъ или о несостояніи и т. п. Поэтому всѣ удостовѣренія, касающіяся, такъ сказать, юридическаго состоянія личности, напр. свидѣтельства о его званіи, имени, происхожденіи, родствѣ и т. п. должны быть отсюда выброшены, равно какъ

и всякаго рода свидѣтельства о ходѣ дѣлопроизводства и т. п. [1]) Принимая такое толкованіе, мы не можемъ согласиться съ тѣмъ взглядомъ сената, который имъ былъ высказанъ относительно подведенія подъ ст. 300 представленія подложнаго свидѣтельства о родствѣ (1887 г. № 30—Вайсмана и др.); это дѣяніе должно разсматриваться, какъ обыкновенный случай подлога въ публичныхъ документахъ (ст. 294).

Подобно уложенію о наказаніяхъ, проектъ новаго уложенія знаетъ кромѣ документовъ публичныхъ, предусмотрѣнныхъ общимъ образомъ въ ст. 375 (389), еще подлогъ менѣе важныхъ документовъ, о которыхъ рѣчь идетъ въ ст. 378 (392), и объемъ этихъ документовъ представляется значительно шире, чѣмъ по дѣйствующему уложенію. Какъ говорятъ составители объясн. зап. [2]), „Коммиссія полагала, согласно съ дѣйствующимъ правомъ, отнести къ этой группѣ поддѣлку такихъ незначительныхъ документовъ, поддѣлка коихъ можетъ принести пользу виновному, а не угрожаетъ значительной опасностью имуществу и личности другихъ. Такимъ образомъ къ этой группѣ могутъ быть относимы разныя бумаги, могущія послужить къ облегченію исполненія лежащихъ на немъ имущественныхъ повинностей, т. е. свидѣтельствующія о правахъ его на какія-либо льготы по уплатѣ повинностей, напр. на разсрочку ихъ или же право на полное освобожденіе отъ платежа податей или сборовъ". Далѣе сюда коммиссія полагаетъ отнести поддѣлку всѣхъ свидѣтельствъ о бѣдности; наконецъ, „маловажныя поддѣлки, которыя, хотя и относятся къ документамъ, въ смыслѣ актовъ, имѣющихъ юридическое значеніе, но въ тоже время не представляются существенными", каковы, напр., поддѣлка бумагъ, удостовѣряющихъ соблюденіе извѣстныхъ формальностей, удостовѣреній о полученіи или отпускѣ бумагъ, повѣстокъ, разсыльныхъ книгъ и т. п.; однако, въ этомъ отношеніи коммиссія нѣсколько колеблется и говоритъ, что если до-

---

[1]) Этимъ, однако, мы не хотимъ сказать, чтобы область тѣхъ документовъ, подлогъ которыхъ наказывается менѣе тяжко, de lege ferenda была въ такой же степени ограничена.

[2]) Объясн. зап. т. V стр. 256 и сл.

кументъ этого рода можетъ получить большое значеніе въ данномъ отдѣльномъ случаѣ, какъ доказательство, то при такихъ условіяхъ поддѣлка его подпадаетъ подъ общую группу подлога. Но какъ разграничить здѣсь большое или небольшое значеніе даннаго акта, объясненія въ запискѣ не содержится, и благодаря этому вносится полная неопредѣленность въ рѣшеніе этого вопроса. Въ дѣйствительности же проектъ угол. уложенія перечисляетъ слѣдующіе виды публичныхъ документовъ, менѣе важныхъ по своему значенію: 1) свидѣтельства о болѣзни, поведеніи, бѣдности; 2) свидѣтельства на полученіе льготы по уплатѣ или для освобожденія отъ уплаты подати, пошлины или сбора или для полученія правительственнаго или общественнаго вспомоществованія; 3) документы, служащіе для справокъ или удостовѣренія поступленія или движенія бумагъ или соблюденія формъ и обрядовъ дѣлопроизводства; 4) свидѣтельства или билеты на право охоты, рыбной или иной ловли, сбора грибовъ или иного пользованія имуществомъ; 5) свидѣтельства или билеты на право проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ или инымъ путямъ сообщенія, на право входа на зрѣлища или въ помѣщенія, въ которыя входъ разрѣшается по особымъ удостовѣрительнымъ свидѣтельствамъ и и билетамъ; 6) билетъ на разрѣшенную правительствомъ лотерею [1]).

Создавая это перечисленіе, составители проекта, однако, даютъ ему исчерпывающее значеніе въ томъ лишь смыслѣ, что уменьшеніе отвѣтственности за подлогъ этихъ документовъ „можетъ быть допускаемо лишь по отношенію къ тѣмъ

[1]) Послѣдніе три случая представляютъ изъ себя собственно такіе документы, которые могутъ быть не только публичнаго характера, но и частнаго. Кромѣ того въ ст. 378 (392) проекта говорится о поддѣлкѣ знаковъ, приравниваемыхъ документамъ, — установленныхъ закономъ или законнымъ постановленіемъ власти жестянки, жетона или иного удостовѣрительнаго знака, свидѣтельствующаго о внесеніи пошлины или сбора, о выполненіи дѣйствія, обязательнаго для полученія разрѣшенія органа власти или о полученіи таковаго разрѣшенія.

категоріямъ поддѣльныхъ предметовъ, которые перечислены въ ст. 378; что же касается каждой отдѣльной категоріи, то коммиссія полагала бы въ каждой группѣ указать только главные случаи, не исключая возможности подводить подъ эти постановленія и поддѣлку другихъ предметовъ тѣхъ же категорій“ [1]). Такимъ образомъ и этотъ перечень не избавляетъ практику отъ тѣхъ контроверзъ, которыя возбуждались по вопросу о томъ, какія именно свидѣтельства слѣдуетъ отнести къ ст. 300.

§ 12. Кромѣ тѣхъ группъ публичныхъ документовъ, которые до сихъ поръ были нами разсмотрѣны и подлогъ которыхъ относится уложеніемъ къ преступленіямъ противъ порядка управленія, въ немъ предусматривается еще подлогъ другихъ публичныхъ документовъ въ числѣ преступленій иного рода.

Эти документы слѣдующіе.

1) Акты состоянія. Уложеніе ведетъ рѣчь объ актахъ состоянія, какъ особомъ видѣ оффиціальныхъ документовъ, служащихъ предметомъ подлога, въ ст. 1406, 1412 и 1441; и, хотя ст. 1406 говоритъ вообще о составленіи подложнаго акта въ намѣреніи лишить кого-либо права состоянія или званія, не опредѣляя ближе самаго характера этого акта, но изъ непосредственной, тѣсной связи, которая существуетъ между ст. 1405 и 1406, слѣдуетъ, что здѣсь рѣчь идетъ объ актѣ, доказывающемъ права состоянія или званія. Это вытекаетъ изъ самаго текста этихъ двухъ рядомъ стоящихъ статей. Ст. 1405 говоритъ: „кто, въ намѣреніи скрыть право состоянія или званія какого-либо лица, похититъ, уничтожитъ, испортитъ или скроетъ законный актъ, оныя доказывающій, то за сіе...“, а ст. 1406 продолжаетъ это постановленіе, говоря: „опредѣленному въ предшедшей (1405) статьѣ наказанію подвергается и тотъ, кто составитъ подложный актъ или въ настоящемъ актѣ сдѣлаетъ какія-либо подчистки или переправки, въ намѣреніи лишить кого-либо права состоянія или званія...“ Очевидно, что изъ этихъ двухъ статей одна говоритъ о сокрытіи, по-

[1]) Объясн. зап. т. V стр. 258.

врежденіи или похищеніи, а другая — о подлогѣ того же самаго акта о состояніи и званіи.

Вслѣдствіе того, что въ ст. 1406 говорится объ актахъ состоянія или званія вообще, и сами эти акты ближе не опредѣляются, тогда какъ ст. 1441 говоритъ именно объ актахъ о рожденіи, бракосочетаніи и смерти и о засвидѣтельствованныхъ ихъ копіяхъ, подъ ними нужно понимать не только тѣ акты, о которыхъ говорится въ этой послѣдней статьѣ, но и вообще всякіе оффиціальные акты, изъ которыхъ могутъ быть выводимы права состоянія или званія, если только эти акты не могутъ быть подводимы подъ случаи болѣе важныхъ публичныхъ актовъ, предусмотрѣнныхъ особо [1]). Сообразно съ этимъ, подъ актами, упоминаемыми въ ст. 1406, должны быть разумѣемы судебныя рѣшенія, касающіяся установленія правъ состоянія, напр. рѣшенія суда объ узаконеніи или усыновленіи, далѣе, всѣ тѣ акты, которыми доказывается право состоянія или званія даннаго лица; актами же, удостовѣряющими права состоянія по ст. 858 т. IX Св. Зак. изд. 1899 г., признаются: 1) общія для всѣхъ состояній метрическія книги и вѣдомости; 2) отдѣльныя для нѣкоторыхъ состояній: а) для дворянства — дворянскія родословныя книги, общій гербовникъ дворянскихъ родовъ и списки дворянскіе, содержимые въ Департаментѣ Герольдіи; б) для духовенства—монастырскія записныя книги и списки лицамъ духовнаго вѣдомства; в) для городскихъ обывателей—городскія обывательскія книги, кои составлялись на основаніи особыхъ правилъ; 3) особенные акты для состоянія городскихъ и сельскихъ обывателей — ревизскія сказки, которыя составлялись по особымъ положеніямъ. Что же касается актовъ, доказывающихъ званіе, то, понимая здѣсь подъ званіемъ въ противоположность состоянію, то служебное положеніе даннаго лица, которое обусловлено занимаемой имъ

---

[1]) Такъ, напр. подлогъ именного указа Императора о пожалованіи дворянства или графскаго достоинства будетъ подлогомъ акта, предусмотрѣннаго ст. 291, хотя бы изъ него прямо и вытекали права состоянія данной личности.

должностью, подъ актами, доказывающими право званія, надо разумѣть такіе документы, какъ послужные списки и т. п. Надо замѣтить еще, что объ актахъ, касающихся правъ состоянія и званія, говоритъ также статья 1412 улож. („кто чрезъ составленіе подложныхъ или измѣненіе настоящихъ какого-либо рода документовъ, или чрезъ употребленіе завѣдомо такихъ подложныхъ или измѣненныхъ кѣмъ-либо другимъ документовъ, присвоитъ себѣ непринадлежащія ему права состоянія или званія, чинъ, титулъ или знакъ отличія“); изъ ея редакціи слѣдуетъ, что здѣсь имѣются въ виду вообще всякіе документы, которые могутъ служить удостовѣреніемъ правъ. Объектъ преступленія здѣсь тотъ же, что и въ ст. 1406, разница же между преступленіями, указанными въ этихъ обѣихъ статьяхъ, заключается въ цѣли дѣятельности (въ ст. 1406—цѣль лишить кого-нибудь правъ состоянія и въ ст. 1412—цѣль присвоить себѣ непринадлежащія права), не говоря уже о разницѣ въ самой конструкціи состава преступленія. Документы, упоминаемые въ ст. 1412, только нѣсколько шире по своему объему тѣхъ, о которыхъ говорится въ ст. 1406, въ томъ отношеніи, что это не только тѣ документы, которые удостовѣряютъ права состоянія или званія, но еще и тѣ, которые удостовѣряютъ чинъ, титулъ, знакъ отличія. Къ такому же толкованію характера этихъ документовъ склоняется и сенатъ (1890 г. № 44—Бакрадзе), замѣчая, что въ ст. 1412 имѣется въ виду подлогъ всякаго рода документовъ, служащихъ удостовѣреніемъ непринадлежащихъ виновному правъ состоянія или преимуществъ по службѣ государственной, и подводя подъ нее подлогъ свидѣтельства объ окончаніи курса наукъ въ духовномъ училищѣ, представленнаго подсудимымъ для полученія перваго класснаго чина. Нужно замѣтить при этомъ, что Неклюдовъ [1]) находитъ возможнымъ относить сюда и подлогъ частныхъ документовъ, могущихъ быть удостовѣреніемъ правъ состоянія и т. д.; но основаній для этого онъ не приводитъ; между тѣмъ частные акты безусловно не мо-

[1]) Неклюдовъ. в. с. стр. 306.

гутъ служить доказательствомъ этихъ правъ, и если ст. 1412 говоритъ о поддѣлкѣ „какого-либо рода документовъ“, то здѣсь можно лишь разумѣть какого-либо рода документы публичные, а не частные, и съ ней только конкурируетъ ст. 1441, въ которой предусматриваются спеціально нѣкоторые виды актовъ состоянія — именно метрическія книги и засвидѣтельствованныя копіи ихъ. Объемъ документовъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, уже, какъ видно, объема тѣхъ, которые предусматриваются въ ст. 1406 и 1412.

Ст. 1441 улож. соотвѣтствуетъ ст. 860 т. IX Св. Зак., говорящей о составленіи актовъ о рожденіи, бракосочетаніи и смерти, и имѣетъ въ виду: 1) метрическія книги, которыя ведутся приходскимъ духовенствомъ и хранятся въ консисторіи, 2) тѣ метрическія свидѣтельства, которыя выдаются изъ консисторіи частнымъ лицамъ и которыя представляютъ изъ себя самостоятельные акты (ст. 873 т. IX Св. Зак.). Но, какъ извѣстно, кромѣ метрическихъ свидѣтельствъ существуютъ еще выписи изъ метрическихъ книгъ, тоже носящія названіе метрическихъ свидѣтельствъ (ст. 878 т. IX Св. Зак.); онѣ выдаются священникомъ съ причтомъ немедленно по учиненіи записи. „Сіи свидѣтельства, говоритъ ст. 878, должны быть не иное что, какъ выпись слово въ слово извѣстной статьи метрической книги безъ всякой перемѣны или упущенія“. Имъ присвоивается по закону второстепенное значеніе по сравненію съ метрическими свидѣтельствами, выдаваемыми изъ консисторіи: по ст. 879 т. IX онѣ не могутъ замѣнять консисторскаго метрическаго свидѣтельства, а должны служить только предохранительнымъ документомъ; полную же силу онѣ могутъ получить, когда будутъ представлены въ консисторію и утверждены подписью въ томъ, что оказались вѣрными съ метрической книгой, хранящейся въ консисторіи. Сообразно съ постановленіями ст. 873 и 878 т. IX Св. Зак., въ ст. 1441 рѣчь идетъ лишь о такихъ засвидѣтельствованныхъ копіяхъ метрическихъ свидѣтельствъ, которыя были представлены въ консисторію, такъ что простая выпись должна быть отнесена къ ст. 294, что, впрочемъ, особеннаго значенія не имѣетъ,

такъ какъ не слѣдуетъ забывать, что ст. 1441 не имѣетъ самостоятельнаго значенія и введена только „для пополненія закона“, какъ сказано въ проектѣ улож. 1844 г.; однако, наша практика подлогъ метрической выписи подводитъ прямо подъ ст. 1441 (1872 г. № 1231—Соколова).

Въ виду того соотвѣтствія, которое существуетъ между ст. 1441 улож. и ст. 860 т. IX Св. Зак., необходимо имѣть въ виду при примѣненіи ст. 1441 исключительно акты о рожденіи, бракосочетаніи и смерти. Поэтому нельзя согласиться со взглядомъ Государственнаго Совѣта, высказаннымъ въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи по дѣлу Нарбута отъ 3 окт. 1851 г. и придающимъ болѣе широкій объемъ этой статьѣ. Изъ обстоятельствъ этого дѣла видно, что Нарбутъ былъ обвиненъ въ подложномъ измѣненіи своего формулярнаго списка (по его удостовѣренію, незаконнорожденный сынъ его жены былъ показанъ именемъ умершаго законнаго его сына). Государственный Совѣтъ нашелъ здѣсь составъ дѣянія, предусмотрѣннаго ст. 1441, но формулярный списокъ не есть тотъ актъ состоянія, который имѣетъ въ виду ст. 1441, онъ есть только актъ званія, о которомъ говорится въ ст. 1406.

Подобно дѣйствующему праву, проектъ уголовнаго уложенія тоже считаетъ необходимымъ выдѣлить изъ общей категоріи публичныхъ актовъ акты состоянія,—именно въ ст. 357 и 358 (371 и 372) онъ имѣетъ въ виду доказательства гражданскаго состоянія вообще, разумѣя подъ ними, „какъ метрическіе акты о бракѣ, рожденіи или смерти, такъ и иные документы, служащіе доказательствомъ гражданскаго состоянія личности, напр., формулярный списокъ о службѣ, грамоты на дворянство и т. п.“ [1]).

2) Виды на жительство. Эти документы всѣми законодательствами выдѣляются въ число менѣе важныхъ документовъ, такъ какъ подлогъ ихъ влечетъ за собой менѣе тяжкія послѣдствія. Наше уложеніе точно также придаетъ имъ второстепенное значеніе по сравненію съ другими актами, но вы-

---

[1]) Объясн. Зап. т. IV стр. 206.

дѣляетъ подлогъ ихъ изъ категоріи подлоговъ другихъ актовъ того же рода, отводя ему самостоятельное мѣсто среди преступленій противъ общественнаго благоустройства и благочинія. Въ ст. 975 уложеніе упоминаетъ слѣдующіе роды видовъ на жительство: паспортъ, билетъ, пропускъ или же другой на жительство или же для перехода или переѣзда видъ; проектъ же уложенія говоритъ вообще о видѣ на жительство, проѣздъ или отпускъ—ст. 377 (391).

Разсматривая ближе документы, указанные въ ст. 975, слѣдуетъ замѣтить слѣдующее. Подъ именемъ „паспортовъ" разумѣются нынѣ тѣ виды на жительство, о которыхъ говорится въ ст. 39 и 59—61 Полож. о видахъ на жительство изд. 1895 г. (т. XIV Св. Зак. прод. 1895 г.)—это виды на жительство для мѣщанъ, ремесленниковъ и сельскихъ обывателей, выдаваемые на годъ, на шесть и на три мѣсяца. Но, очевидно, въ ст. 975 разумѣется болѣе широкое значеніе понятія „паспорта", подъ который подойдутъ и тѣ паспортныя книжки безсрочныя и срочныя, о которыхъ говорится въ ст. 33, 39, и 41 Полож., и которыя отличаются извѣстнымъ образомъ отъ паспортовъ въ узкомъ смыслѣ. Затѣмъ, подъ то же понятіе „паспорта" должны быть подводимы тѣ особыя безплатныя свидѣтельства, замѣняющія виды на жительство, которыя по ст. 8 Полож. о видахъ на жительство выдаются учащимся въ учебныхъ заведеніяхъ правительственныхъ, а равно въ тѣхъ частныхъ, кои пользуются правомъ правительственныхъ, начальствомъ этихъ заведеній.

Подъ „билетами" въ настоящее время разумѣются особые срочные билеты на отлучку, о которыхъ говорится въ ст. 62 Полож., а также и тѣ безсрочные билеты на жительство, которые знаетъ ст. 65 Полож. Билетомъ, далѣе, называется тотъ документъ, который получаетъ отъ своего начальства чиновникъ, уволенный въ отпускъ (ст. 763 т. III Св. Зак.), и который тоже служитъ для удостовѣренія личности даннаго лица (въ ст. 377 проектъ новаго уложенія этотъ билетъ называетъ видомъ на отпускъ). Наконецъ, такими билетами являются особые билеты для перехода черезъ границу на

срокъ въ 3 дня и даже 4 недѣль для лицъ, жительствующихъ въ мѣстностяхъ при границѣ съ Австріей и Пруссіей. Билеты эти выдаются мѣстной полиціей безплатно, замѣняютъ собой паспорты и являются, какъ удостовѣреніемъ данной личности, такъ и права, ей предоставленнаго для перехода черезъ границу (ст. 895—898 т. VI Св. Зак. Сводъ учрежд. и уставовъ таможенныхъ).

Подъ общее понятіе „вида на жительство“ должны быть подводимы какъ самые виды на жительство, такъ и свидѣтельства, замѣняющія ихъ; по ст. 18 Полож. выдаются подобныя свидѣтельства отъ полиціи на срокъ не свыше одного года лицамъ, обязаннымъ избрать родъ жизни (на время производства дѣла о причисленіи ихъ въ состояніе городскихъ или сельскихъ обывателей); по ст. 20 выдаются свидѣтельство на отлучку на срокъ не болѣе двухъ недѣль лицамъ, высланнымъ для водворенія за нищенство, по ст. 24 — свидѣтельства на срокъ не долѣе 6 мѣсяцевъ въ случаѣ утраты вида на жительство, по ст. 26 — свидѣтельство на тотъ же срокъ для лица, проживающаго безъ вида, или съ видомъ просроченнымъ или ненадлежащимъ, если это лицо докажетъ свою самоличность.

Наконецъ, подъ видами, выдаваемыми для проѣзда, должны быть разумѣемы документы, кои вообще удостовѣряютъ личность проѣзжающихъ; по словамъ объясн. зап. къ проекту угол. улож., сюда подходятъ тѣ документы, которые удостовѣряютъ личность проѣзжающихъ или права ихъ на проѣздъ и на остановку [1]).

Общимъ необходимымъ условіемъ вида на жительство, какъ документа публичнаго, является то, что онъ долженъ исходить отъ лица должностного. Однако, этому положенію безусловно противорѣчитъ то, что признается въ этомъ отношеніи въ нашей литературѣ и практикѣ. Такъ, Неклюдовъ [2]) говоритъ, что предметомъ 975—977 ст. могутъ быть безразлично

[1]) Объясн. зап. т. V. стр. 249.
[2]) Неклюдовъ. в. с. стр. 311.

какъ виды, выдаваемые на жительство оффиціальными мѣстами и лицами, такъ равно и виды, выдаваемые частными лицами въ тѣхъ случаяхъ, когда они къ тому уполномочены закономъ, таковы, напр. виды, выдаваемые мужемъ женѣ и т. п. Составители объясн. зап. повторяютъ [1]) то, что говоритъ Неклюдовъ, замѣчая, что подъ понятіемъ вида на жительство или для переѣзда разумѣются даже виды, выдаваемые частными лицами въ тѣхъ случаяхъ, когда они къ тому уполномочены закономъ. И этотъ взглядъ раздѣляется какъ старой нашей судебной практикой, такъ и новой. Такъ, въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта 11 окт. 1848 г. по дѣлу Громыки данный вопросъ былъ рѣшенъ въ такомъ же смыслѣ безъ указанія, впрочемъ, ближайшихъ основаній для этого. Тутъ по поводу ст. 975 улож. говорится между прочимъ слѣдующее: „въ сей послѣдней статьѣ не сдѣлано различія ни въ томъ, какого состоянія лицамъ, ни въ томъ, отъ какихъ правительственныхъ мѣстъ, начальствъ, должностныхъ или частныхъ лицъ оные, будто бы выданы, почему и виновныхъ въ составленіи такихъ видовъ невозможно подвергать иному наказанію, какъ тому, которое постановлено въ сей именно статьѣ“. Здѣсь такимъ образомъ Государственный Совѣтъ исходитъ изъ положенія о томъ, что ст. 975 улож. предусматриваетъ и виды, выданные частными лицами, какъ изъ безусловно очевиднаго положенія. Къ тому же толкованію ст. 975 склонился сенатъ въ рѣшеніи 1873 г. № 4—Ивановой. И. обвинялась въ томъ, что, выдавая себя за Аристову, предъявила для прописки и удостовѣренія своей личности свидѣтельство отъ имени будто бы дяди ея, зная, что оно ложно. Судъ примѣнилъ къ ней 976 ст. Кассаціонная жалоба, принесенная на это рѣшеніе, указывала на то, что опредѣленное въ ст. 976 наказаніе назначается за подлогъ видовъ или паспортовъ, выданныхъ изъ правительственнаго учрежденія, а не частнаго свидѣтельства, даннаго дядей и не имѣющаго никакого значенія, но сенатъ замѣтилъ слѣдующее: „по силѣ

[1]) Объясн. зап. т. V. стр. 249.

ст. 975 и слѣд., преслѣдованіе за составленіе и употребленіе подложныхъ паспортовъ вовсе не обусловливается поддѣлкой таковыхъ лишь отъ имени должностныхъ лицъ и правительственныхъ мѣстъ, ибо въ статьяхъ этихъ опредѣлено наказаніе за составленіе и употребленіе вообще паспорта, билета, пропуска или другого на жительство или для перехода или переѣзда вида, т. е. всякаго документа, служащаго для жительства и удостовѣренія личности, безразлично, отъ имени кого оный будетъ составленъ, что объясняется тѣмъ, что есть лица, которыя по закону имѣютъ виды настоящіе отъ имени частныхъ же лицъ, въ особыхъ отношеніяхъ къ нимъ состоящихъ, совершенно равносильные по цѣли ихъ выдачи и значенію съ прочими". Сенатъ, слѣдовательно, какъ и Неклюдовъ, исходитъ здѣсь изъ положенія о томъ, что есть законъ, который въ извѣстныхъ случаяхъ дозволяетъ частнымъ лицамъ давать удостовѣренія личности, замѣняющія паспортъ. Но нужно замѣтить, что такого закона нѣтъ, и выдача видовъ на жительство членамъ семействъ непосредственно самими главами послѣднихъ—есть только укоренившійся на практикѣ обычай. Нынѣ же его нужно считать безусловно отмѣненнымъ, такъ какъ въ законодательствѣ нашемъ, спеціально посвященномъ вопросу о паспортахъ (Полож. о видахъ на жительство), объ этомъ не говорится ничего, и, какъ слѣдуетъ изъ ст. 36 Полож., если отдѣльные члены семейства и могутъ получать особые виды на жительство, то эти виды выдаются въ видѣ общаго правила тѣми же установленіями, которыми выдаются они главами семействъ, по установленной формѣ, на срокъ согласія, выраженнаго самими главами семействъ; далѣе, какъ говоритъ примѣчаніе къ ст. 11, выдача отдѣльныхъ видовъ на жительство лицамъ, включеннымъ въ общій видъ, можетъ производиться, по предъявленіи сего вида, въ мѣстѣ временнаго пребыванія лицъ, включенныхъ въ общій видъ. Если прибавить къ этому то, что постановлено въ разъясненіе этихъ статей особой временной паспортной коммиссіей, состоящей при М. Ф., то можно увидѣть, что выдача отдѣльныхъ видовъ на жительство лицамъ, включеннымъ въ общій видъ

главы семьи, въ мѣстахъ временнаго ихъ пребыванія возлагается на полицейскія управленія, причемъ срокъ, на который выдаются эти виды, въ видѣ общаго правила, опредѣляется главой семьи [1]). Такимъ образомъ главы семьи имѣютъ право только изъявить согласіе на выдачу отдѣльныхъ видовъ на жительство членамъ семьи и опредѣлить тотъ срокъ, на который видъ выдается, но самая выдача должна происходить по установленнымъ формамъ и производиться подлежащими правительственными и общественными мѣстами и лицами. Итакъ отъ имени частныхъ лицъ документъ, служащій видомъ на жительство, исходить не можетъ, и ссылка на то, что ст. 975 говоритъ вообще о видахъ на жительство, вовсе не даетъ еще основанія подводить подъ нее частныя удостовѣренія личности. „Видъ на жительство" есть особый юридическій терминъ, который долженъ быть толкуемъ сообразно съ тѣмъ, что даетъ въ этомъ отношеніи соотвѣтствующая область законодательства при опредѣленіи этого понятія.

Такъ какъ ст. 975 имѣетъ въ виду исключительно виды на жительство, то всякаго рода другой документъ, не являющійся видомъ на жительство, но удостовѣряющій самоличность извѣстнаго лица, хотя бы и носящій публичный характеръ, не подойдетъ подъ ея опредѣленія. Такъ смотритъ на это и Неклюдовъ [2]), но сенатъ взглянулъ на этотъ вопросъ иначе и нашелъ, что одно то обстоятельство, что извѣстный документъ былъ составленъ съ цѣлью проживательства по немъ уже обращаетъ его въ документъ, предусмотрѣнный спеціально въ ст. 975, хотя бы онъ и не былъ вовсе видомъ на жительство; именно въ рѣш. 1871 г. № 708—Бацелія сказано: „хотя, дѣйствительно, ст. 975, по буквальному ея содержанію, предусматриваетъ составленіе подложныхъ паспортовъ, билетовъ, пропусковъ, или другихъ на жительство или же для перехода или переѣзда видовъ, къ числу которыхъ съ формальной стороны прямо не подходитъ составленіе подложнаго

---

[1]) Журналъ коммиссіи № 1 засѣд. 15 февр. 1895 г.

[2]) Неклюдовъ. в. с. стр. 310.

для однодворца Г. свидѣтельства отъ имени мѣщанскаго старосты, но какъ составленіе такого рода оффиціальной бумаги могло бы повлечь за собой болѣе строгую отвѣтственность для подсудимаго по 294 улож., если бы въ составъ совершеннаго имъ преступленія не входилъ тотъ признанный присяжными фактъ, что свидѣтельство это составлено именно для проживательства, каковая спеціальная цѣль настолько видоизмѣняетъ составъ преступленія, что самое преступленіе по системѣ, принятой въ уложеніи, отнесено къ совершенно другому разряду противозаконныхъ дѣяній, то примѣнять къ подсудимому ст. 975 улож. представляется вполнѣ согласнымъ съ точнымъ смысломъ ст. 151, тѣмъ болѣе, что въ виду возбуждаемаго настоящимъ случаемъ сомнѣнія о примѣненіи того или другого уголовнаго закона, сомнѣніе это по общимъ началамъ толкованія уголовнаго закона должно быть объяснено въ смыслѣ наиболѣе благопріятномъ для подсудимаго". Но, конечно, указаніе на то, что необходимо снисходительно отнестись къ подсудимому, юридическаго значенія не имѣетъ, и единственно только de lege ferenda можно высказать пожеланіе, чтобъ подлогъ всякихъ документовъ, представляющихъ удостовѣреніе самоличности извѣстнаго лица, былъ обложенъ менѣе тяжкимъ наказаніемъ и поставленъ рядомъ съ видами на жительство [1]).

3) въ особую группу документовъ публичныхъ можно отнести тѣ отдѣльные документы, о которыхъ уложеніе говоритъ въ разныхъ частяхъ своихъ: это—1) документы на ловъ рыбы въ Каспійскомъ морѣ (ст. 921), т. е. билеты, контрмарки и ярлыки, выдаваемые особымъ присутственнымъ мѣстомъ — правленіемъ рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ; 2) патентъ на плаваніе подъ русскимъ флагомъ (ст. 1217); патентъ этотъ является своего рода паспортомъ для корабля, удостовѣреніемъ его національности; 3) свидѣтельство или

[1]) Проектъ новаго уложенія, какъ уже выше указывалось, говоритъ только о „видѣ на жительство, проѣздъ или отпускъ"—ст. 377 (391).

билетъ на производство торговли или промысла (ст. 1170); 4) ярлыкъ для провоза товаровъ внутрь Имперіи (о немъ рѣчь шла раньше въ ст. 776 улож., замѣненной нынѣ ст. 1630 устава тамож.); 5) акцизныя свидѣтельства, документы или иныя бумаги (прежде ст. 728 улож.—нынѣ ст. 1072 уст. акц. сб.).

Заканчивая обозрѣніе публичныхъ документовъ, какъ объектовъ подлога по нашему праву, нельзя не указать еще на то, что иногда въ уложеніи не опредѣляется ближе характеръ даннаго документа, о которомъ рѣчь идетъ въ той или другой статьѣ, такъ что въ этомъ случаѣ можно имѣть въ виду, какъ публичный, такъ и частный документъ. Такова ст. 834, которая говоритъ вообще о поддѣлкѣ документовъ съ намѣреніемъ сократить карантинные обряды или совсѣмъ ихъ избѣжать, далѣе указанная уже выше ст. 1151, говорящая о подлогѣ при займѣ изъ кредитныхъ установленій, ст. 1195—о подлогѣ при страхованіи, ст. 1217—о представленіи фальшивыхъ документовъ для полученія патента на плаваніе подъ русскимъ флагомъ, наконецъ, ст. 1571 и 1572—о подлогѣ документовъ съ цѣлью сокрытія брачныхъ препятствій.

§ 13. Обращаясь къ разсмотрѣнію частныхъ документовъ, какъ ближайшихъ предметовъ подлога, нужно принять во вниманіе то, что, по сравненію съ публичными документами, они отличаются тѣмъ, что исходятъ отъ частныхъ лицъ. Благодаря этому, они пользуются меньшимъ значеніемъ въ правовомъ оборотѣ въ сравненіи съ публичными, что обусловливаетъ въ свою очередь и менѣе высокую наказуемость подлога ихъ. Это первое отличіе, касающееся внѣшняго момента ихъ; но кромѣ того можно замѣтить въ нихъ еще моментъ различія относительно самаго содержанія отдѣльныхъ документовъ; въ то время, какъ документъ публичный можетъ удостовѣрять не только права и правоотношенія, но и имѣющія правовое значеніе событія, документы частные предназначаются только для удостовѣренія правъ и правоотношеній. Поэтому если такой частный документъ удостовѣряетъ какое-

нибудь событіе, могущее имѣть при извѣстныхъ условіяхъ правовое значеніе, каковымъ напр., является болѣзнь, поведеніе или бѣдность опредѣленнаго лица, то онъ не охраняется уголовнымъ закономъ отъ посягательствъ на его неприкосновенность, такъ какъ удостовѣреніе подобныхъ событій возлагается обществомъ въ интересахъ обезпеченія большей достовѣрности ихъ на должностныхъ лицъ и учрежденія. Единственное исключеніе изъ этого по нашему уложенію представляетъ, повидимому, ст. 1572, которая предусматриваетъ особо подделку разрѣшенія родителей или опекуновъ на вступленіе въ бракъ, но это разрѣшеніе само по себѣ имѣетъ юридическое значеніе.

Эта характерная черта частнаго документа принимается нерѣдко во вниманіе при самой конструкціи подлога въ законодательствѣ, и въ этомъ отношеніи многіе (преимущественно новѣйшіе) кодексы представляютъ ту особенность, что они вносятъ въ самый текстъ указанія на тѣ черты, которымъ долженъ удовлетворять частный документъ. Такъ, напр., германское уложеніе (§ 267) требуетъ отъ частнаго документа, чтобы онъ имѣлъ значеніе для доказательства извѣстныхъ правовыхъ событій, такъ что здѣсь, кромѣ предназначенности документа служить доказательствомъ и правового значенія доказываемаго обстоятельства, требуется еще доказательственное значеніе (Beweiserheblichkeit) самого документа. Напротивъ, французскій кодексъ не указаваетъ вовсе тѣхъ характерныхъ чертъ, которыя долженъ заключать въ себѣ частный документъ, и въ виду этого французская практика толкуетъ понятіе частнаго документа очень широко, забывая даже необходимое условіе документа—предназначенность служить удостовѣреніемъ извѣстныхъ событій, имѣющихъ правовое значеніе, и принимая во вниманіе для ѳобоснованія понятія подлога—совершенно въ духѣ старой доктрины—только возможность наступленія какого-нибудь вреда отъ даннаго документа. Документы частные, говоритъ Гарро, могутъ только случайно быть доказательствомъ или началомъ

доказательства посредствомъ письма [1]); это—„тѣ документы, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, которые, не будучи документами публичными, аутентичными, торговыми или банковыми, могутъ вызвать на свѣтъ права, причинить вредъ и компрометировать публичные или частные интересы матеріальнаго или моральнаго порядка“ [2]). Основываясь на этомъ, французская кассаціонная практика подъ подлогъ частныхъ документовъ подводитъ даже поддѣлку частнаго письма съ цѣлью посягательства на честь другого лица [3]); далѣе, поддѣлку докторскаго рецепта (un billet de médecin) съ цѣлью получить въ аптекѣ мышьякъ [4]). Съ этимъ согласна въ общемъ и французская доктрина; такъ, напр., Эли [5]) говоритъ по поводу послѣдняго случая, что здѣсь есть подлогъ, такъ какъ есть умыселъ повредить другому лицу, но, если бы этого умысла здѣсь не было, то не было бы и подлога, потому что виновный въ этомъ случаѣ нарушалъ бы только установленныя закономъ формальности относительно покупки ядовъ.

Наше право выбираетъ средній путь между германскимъ и французскимъ: оно требуетъ при подлогѣ частныхъ документовъ, совершаемыхъ домашнимъ порядкомъ, чтобы они доказывали извѣстныя права и правоотношенія, но кромѣ того оно знаетъ, какъ не разъ уже указывалось, въ качествѣ особаго проступка поддѣлку писемъ и бумагъ, относительно сущности которыхъ установленія этого момента вовсе не тре-

---

1) Онъ слѣдующимъ образомъ рисуетъ различіе между actes et simples ecrits. „Les premiers sont dressés devant une autorité judiciaire ou autre ou par les parties elles-mêmes, dans le but de servir de preuve et d'établir l'existence des faits qui s'y trouvent relatés. Les seconds forment une classe qui embrasse tous les ecrits ne réunissant pas cette condition et pouvant occasionnalement être invoqués comme preuve ou commencement de preuve par écrit“. (Garraud. l. c. p. 152).

2) Garraud. l. c. p. 269—270.

3) Рѣш. 12 ноября 1813 г.

4) Рѣш. 5 марта 1819 г.; 26 іюня 1832 г.

5) Hélie. l. c. p. 462.

буется (ст. 1537 и 1538). Кромѣ того уложеніе предусматриваетъ еще нѣкоторые специальные виды частныхъ документовъ, изъ самаго существа которыхъ тоже слѣдуетъ, что они предназначаются удостовѣрять исключительно извѣстныя права и правоотношенія. Вообще же уложеніе имѣетъ въ виду слѣдующіе виды частныхъ документовъ: 1) документы, составляемые при участіи особыхъ органовъ засвидѣтельствованія разныхъ правоотношеній—акты нотаріальные, крѣпостные и явочные (ст. 1690); 2) духовныя завѣщанія (ст. 1691); 3) документы частные, составляемые домашнимъ порядкомъ (ст. 1692); 4) договорные листы для найма на сельскія работы (ст. 1694[1]); 5) векселя, подлогъ которыхъ разсматривается отдѣльно отъ подлога другихъ видовъ документовъ (ст. 1160—1161), соотвѣтственно тому, какъ во французскомъ уголовномъ кодексѣ существуетъ особая группа документовъ торговыхъ; 6) торговыя письма (ст. 1688); 7) шнуровыя книги на горныхъ заводахъ и золотыхъ, серебряныхъ и платиновыхъ пріискахъ (ст. 598 и 599).

Проектъ уголовнаго уложенія объединяетъ отдѣльные случаи частныхъ документовъ, какъ дѣлаетъ онъ это и относительно документовъ публичныхъ, въ одной статьѣ, говоря вообще о „частномъ документѣ, могущемъ служить удостовѣреніемъ установленія, измѣненія или прекращенія права или правоотношенія"—ст. 375 (389). Однако, нѣкоторые случаи частныхъ документовъ онъ выдѣляетъ отсюда и относитъ къ подлогу, наказуемому менѣе тяжко: сюда онъ помѣщаетъ договорный листъ (или книжку) для найма на сельскія работы, а также тѣ группы документовъ, о которыхъ говорилось выше и которые могутъ быть какъ документами публичными, такъ и частными; это—разныя свидѣтельства на право охоты, рыбной ловли и т. п.

§ 14. Если обратиться къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ видовъ частныхъ документовъ, являющихся объектами подлога по уложенію, то можно замѣтить слѣдующее.

1) Прежде всего уложеніе (ст. 1690) говоритъ о тѣхъ актахъ, которые должны быть совершаемы или являемы у крѣ-

постныхъ дѣлъ, или у нотаріусовъ и маклеровъ. Какъ извѣстно, по нашему праву, укрѣпленіе правъ на имущество производится между прочимъ крѣпостными, нотаріальными, явочными или домашними актами (ст. 707 Св. Зак. т. X ч. 1); о первыхъ трехъ категоріяхъ актовъ и ведетъ именно рѣчь ст. 1690. Подъ актами крѣпостными разумѣются въ нашемъ законодательствѣ акты о всякихъ правахъ на недвижимое имущество, совершаемые младшими нотаріусами и утверждаемые старшими (ст. 79 Полож. о нот. части); подъ нотаріальными — акты, совершаемые младшими нотаріусами (тамъ же); подъ актами явочными—акты, совершаемые самими участниками даннаго юридическаго отношенія и являемые къ засвидѣтельствованію нотаріусамъ (ст. 128 Полож. о нот. части). Указаніе ближайшаго содержанія этихъ отдѣльныхъ актовъ имѣется въ законахъ гражданскихъ, гдѣ опредѣляется, какимъ путемъ должно быть совершаемо укрѣпленіе правъ на имущество въ томъ или другомъ случаѣ. Относительно же тѣхъ актовъ, которые совершаются у маклеровъ, слѣдуетъ замѣтить, что подъ ними разумѣются тѣ маклерскія книги и записки, о которыхъ рѣчь идетъ въ ст. 633 и 634 Уст. Торг. Св. Зак. т. XI ч. II.

Въ виду того, что ст. 1690 говоритъ лишь объ указанныхъ только что актахъ, едва ли вѣрно то положеніе, которое высказано сенатомъ въ рѣшеніи 1870 г. № 453—Браиловскаго о томъ, что ст. 1690 представляетъ собой общее правило о подлогахъ въ актахъ и обязательствахъ, изъ котораго случаи, указанные въ ст. 571, 1149 и 1150, представляются исключеніями, такъ что всякій случай подлога, прямо не указанный ни въ одной изъ этихъ статей, подлежитъ наказанію по ст. 1690; основываясь на этомъ, сенатъ отнесъ сюда одинъ случай передѣлки государственныхъ кредитныхъ билетовъ, прямо ни въ одной изъ названныхъ статей не упомянутый. Но если указанныя статьи ничего объ этомъ не говорятъ, то точно также не говоритъ ничего о немъ и ст. 1690, имѣющая спеціальное содержаніе, и заявленіе о томъ, что ст. 1690 выставляетъ общее правило о подлогѣ въ актахъ, ни на чемъ не

основано, такъ какъ наше уложеніе именно и не знаетъ вовсе такого общаго правила.

Соотвѣтственно ст. 1690, о подлогѣ крѣпостныхъ документовъ говорятъ еще ст. 1677—1679, имѣя въ виду исключительно документы, касающіеся недвижимости.

2) Особую статью (ст. 1691) уложеніе посвящаетъ духовнымъ завѣщаніямъ и подлогъ ихъ приравниваетъ подлогу актовъ только что разсмотрѣнныхъ, хотя бы, какъ прямо указано въ этой статьѣ, духовное завѣщаніе было и домашнее. Конечно, подъ духовнымъ завѣщаніемъ разумѣется то именно законное объявленіе воли владѣльца о его имуществѣ на случай смерти, о которомъ говорятъ ст. 1010 и слѣд. т. X ч. 1. Св. Зак., такъ что указанныя тамъ начала должны быть руководящими при обсужденіи самого понятія духовнаго завѣщанія.

3) Третью группу образуютъ документы частные, составленные безъ участія особыхъ органовъ удостовѣренія. Уложеніе въ ст. 1692 называетъ ихъ „домашнимъ порядкомъ составленными актами и бумагами, которые въ дѣлахъ исковыхъ или тяжебныхъ, или же въ дѣлахъ торговыхъ могутъ быть по закону принимаемы въ доказательство права на имущество или принятыхъ кѣмъ-либо обязанностей“. Здѣсь рѣчь идетъ о поддѣлкѣ документовъ, совершаемыхъ домашнимъ порядкомъ, о которыхъ вообще говорится въ ст. 707 Св. Зак. т. X ч. 1, исключая тѣхъ, которые отнесены къ другимъ статьямъ уложенія, т. е. 1) духовныхъ завѣщаній по ст. 1691; 2) векселей по ст. 1160 и 1161; 3) договорныхъ листовъ для найма на сельскія работы (1694 1/); 4) разныхъ документовъ частнаго характера, о которыхъ рѣчь идетъ въ извѣстныхъ статьяхъ совмѣстно съ публичными (напр. въ ст. 1217 и др.). Какъ видно изъ словъ ст. 1692, частные документы, о которыхъ въ ней говорится, должны удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: 1) они должны имѣть своимъ предметомъ права на имущество или принятыя кѣмъ-либо обязанности; 2) они могутъ быть по закону принимаемы въ качествѣ доказательствъ этихъ правъ или обязанностей; 3) притомъ въ дѣлахъ исковыхъ или тяжебныхъ, или же въ дѣлахъ торговыхъ.

Самое важное изъ этихъ условій—первое, характеризующее самую сущность документа, какъ предмета посягательства при подлогѣ: данный документъ долженъ доказывать право на имущество или же какія-либо обязанности; причемъ, разумѣется, здѣсь имѣется въ виду доказательство какъ возникновенія этихъ правъ и обязанностей, такъ и измѣненія или прекращенія ихъ. Подъ правомъ на имущество слѣдуетъ разумѣть здѣсь всякія вещныя права, но только относительно имущества движимаго, такъ какъ относительно недвижимаго имущества составляются документы не домашнимъ, а нотаріальнымъ порядкомъ. Обязанности — выраженіе, имѣющее отношеніе къ области обязательственнаго права, это—обязательства; обязанности эти поэтому должны носить характеръ не моральныхъ, а гражданско-правовыхъ. Какъ вѣрно замѣчаетъ Неклюдовъ [1]), ст. 1692 имѣетъ въ виду „такія обязанности, исполненіе коихъ можетъ повлечь за собой принужденіе къ исполненію ихъ понудительнымъ образомъ или же право вознагражденія за вредъ и убытки, причемъ безразлично, будутъ ли эти обязанности имущественныя или личныя“; хотя онъ при этомъ и не приводитъ ближайшихъ объясненій этому положенію, но справедливость послѣдняго вытекаетъ изъ того, что только такія обязанности могутъ быть разсматриваемы въ судѣ гражданскомъ или торговомъ.

Второе условіе, которому должны удовлетворять документы, домашнимъ порядкомъ составленные, по силѣ ст. 1692—то, чтобы они могли быть по закону принимаемы въ качествѣ доказательства принятыхъ кѣмъ-либо правъ по имуществу или обязанностей, другими словами, чтобы документы эти относились къ числу законныхъ документовъ—они должны быть предназначены служить доказательствомъ извѣстныхъ правъ и обязанностей по закону; выше мы объясняли уже, какъ слѣдуетъ толковать ст. 1692 въ этомъ отношеніи. Но при этомъ нужно имѣть въ виду, что выраженіе: „которые могутъ быть по закону принимаемы и т. д.“ указываетъ на

---

[1]) Неклюдовъ. в. с. стр. 355.

абстрактное, а не на конкретное значеніе даннаго письменнаго акта: хотя бы документъ для даннаго дѣла, въ которомъ онъ представленъ, и не могъ по тѣмъ или другимъ соображеніямъ служить доказательствомъ, но разъ онъ принадлежитъ вообще къ числу тѣхъ документовъ, которые могутъ быть принимаемы по закону въ качествѣ доказательствъ правъ на имущество или принятыхъ обязанностей, онъ является предметомъ подлога въ смыслѣ ст. 1692: данный документъ долженъ быть по роду своему такого же качества, какъ и другіе документы, которымъ присвоено доказательственное значеніе по закону.

Это правило является кореннымъ для конструкціи подлога, и кассаціонная практика твердо держится его въ цѣлой массѣ разнообразныхъ своихъ рѣшеній. Таково прежде всего рѣшеніе 1868 г. № 66—Боброва, обвинявшагося въ составленіи подложныхъ росписокъ. Судъ подвелъ это дѣяніе подъ ст. 1692. Защитникъ Б. въ кассаціонной жалобѣ, принесенной на этотъ приговоръ суда, указывалъ, что такъ какъ росписки эти за истеченіемъ давности не могли быть приняты въ доказательство правъ на имущество, то за отсутствіемъ за ними обязательной силы, въ поддѣлкѣ ихъ нѣтъ преступленія. Но сенатъ на это отвѣтилъ, что ст. 1692 примѣнена правильно, такъ какъ, говоря вообще о поддѣлкѣ разныхъ актовъ въ томъ числѣ и долговыхъ обязательствъ, она не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи никакого отличія и не указываетъ, чтобъ опредѣленному въ ней наказанію подвергались бы только виновные въ поддѣлкѣ такихъ актовъ, которые не подлежатъ спору по случаю протеченія срока давности; возбуждать поэтому вопросъ о силѣ и достоинствѣ этихъ актовъ нѣтъ основанія. Съ этимъ мнѣніемъ сената нельзя не согласиться. Законъ уголовной карой защищаетъ не тотъ или другой конкретный документъ, а форму документа, какъ доказательственное средство. Пока есть возможность пользоваться этой формой для злоупотребленій, внутреннее содержаніе документа является безразличнымъ. Въ болѣе общей формѣ высказана та же мысль въ рѣшеніи 1869 г.

№137—Сакулина, гдѣ сказано, что ст. 1692 не упоминаетъ, чтобъ документъ имѣлъ доказательственную силу въ данномъ случаѣ. Въ тѣхъ же словахъ повторяетъ сенатъ это положеніе и въ рѣшеніяхъ 1871 г. № 457—Гусева и 1876 г. № 335—Маркова; иногда же онъ нѣсколько видоизмѣняетъ свою мысль: въ рѣшеніи 1872 г. № 1071 — Купріянова говорится: „ст. 1692 не заключаетъ въ себѣ указаній, что положенному въ ней наказанію слѣдуетъ подвергать за поддѣлку такого только акта или документа, который можетъ служить дѣйствительнымъ основаніемъ иска въ данномъ случаѣ (1870 г. № 658 и др.). Посему и въ виду того, что расчетная книжка не исключается никакимъ закономъ изъ числа домашнихъ документовъ, которые могутъ быть принимаемы въ доказательство иска (р. граждан. 68 № 22; 69 № 1022; 70 № 1269 и др.), и что уголовному суду не представляется надобности, при разсмотрѣніи дѣла, предметъ коего составляетъ поддѣлка документа, возбуждать вопросъ о силѣ, достоинствѣ и значеніи сего документа, Прав. Сен. призналъ правильнымъ рѣшеніе суда". Здѣсь ужъ рѣчь идетъ не о томъ, что данный документъ долженъ быть доказательствомъ права на имущество или принятой обязанности, а основаніемъ иска, что не одно и то же: документъ самъ по себѣ можетъ и не обосновывать иска, служа только однимъ изъ доказательствъ его, между тѣмъ сенатъ, толкуя ст. 1692 такимъ образомъ, ограничиваетъ смыслъ ея. Поэтому болѣе правильно рѣшеніе 1871 г. № 1401—Бойко, гдѣ замѣчено: „объясненіе подсудимаго, что къ нему не примѣнена ст. 1692 улож. потому, что составленная имъ накладная не давала права на полученіе денегъ на основаніи 472 ст. уст. гр. суд., не заслуживаетъ уваженія потому, что для примѣненія ст. 1692, какъ это разъяснено уже многими рѣшеніями уг. кас. деп., нѣтъ надобности, чтобы подложно составленный документъ могъ служить доказательствомъ правъ на имущество именно въ данномъ случаѣ, а необходимо только, чтобъ онъ по роду своему имѣлъ значеніе акта, на которомъ могутъ быть основаны какія-либо требованія по имуществу". То же сказано въ рѣшеніи 1875 г. № 362—

Кирилова [1]). Но болѣе подробно и обоснованно высказалъ сенатъ свой взглядъ на сущность частнаго документа въ рѣшеніи 1870 г. № 658—Николаева и Розенштейна, гдѣ замѣчено: „ст. 1692, говоря о поддѣлкѣ домашнихъ актовъ и бумагъ, которые могутъ быть по закону принимаемы въ доказательство правъ на имущество или принятыхъ кѣмъ-либо обязательствъ, опредѣляетъ только родъ тѣхъ актовъ или бумагъ, за поддѣлку которыхъ полагается указанное въ ней наказаніе, но вовсе не заключаетъ въ себѣ условія, чтобъ означенному наказанію подвергать за поддѣлку лишь такого акта, который не только по роду своему можетъ служить, но и въ данномъ случаѣ дѣйствительно служитъ доказательствомъ права; условія этого не выражено закономъ ни прямо, ни косвенно, а потому оно не можетъ быть подразумѣваемо, тѣмъ болѣе, что важность подлога опредѣляется не послѣдствіями его въ данномъ случаѣ, а важностью тѣхъ правъ, на присвоеніе которыхъ посредствомъ подлога посягнулъ виновный, и степенью оказанной имъ при этомъ дерзости; означенное же условіе оставляло бы безнаказанной поддѣлку всѣхъ тѣхъ актовъ, которые могутъ быть оспариваемы въ ихъ законности или дѣйствительности“. Въ подобной же формѣ этотъ взглядъ сената выраженъ и въ рѣш. 1874 г. № 173—Суковатицына, 1876 г. № 327—Горвица и Фейгина и 1889 г. № 1—Черкеса и др.

---

[1]) Въ другихъ рѣшеніяхъ сенатъ нѣсколько суживаетъ толкованіе ст. 1692, не говоря о томъ, что данный документъ можетъ служить удостовѣреніемъ принятыхъ обязанностей. Такъ въ рѣшеніи 1871 г. № 1762—Дегтерева говорится: „для уголовнаго суда при сужденіи дѣлъ о подлогѣ, безразлично, могъ ли данный актъ, въ которомъ совершенъ подлогъ, служить несомнѣннымъ документомъ правъ на имущество или же не могъ имѣть этого свойства при тѣхъ или другихъ условіяхъ, а достаточно лишь, чтобъ онъ по роду своему могъ быть представленъ или предназначенъ къ представленію въ гражданскій судъ, какъ доказательство имущественныхъ правъ“; то же въ рѣшеніяхъ 1873 г. № 548 — Горбунова и 1874 г. № 26 — Кокушкина.

Третье условіе, которому долженъ удовлетворять частный документъ въ смыслѣ ст. 1692, — то, что онъ долженъ относиться къ дѣламъ исковымъ или тяжебнымъ, или къ дѣламъ торговымъ. Благодаря этому условію ограничивается область частныхъ документовъ только предѣлами гражданско-правовыхъ отношеній. Дѣла тяжебныя и исковыя—терминъ, удерживаемый нашимъ законодательствомъ до сихъ поръ и заимствованный имъ изъ Свода Законовъ: онъ именно означаетъ дѣла гражданскія въ противоположность уголовнымъ; вслѣдствіе этого отсюда должны быть исключены всѣ письменные акты, которые имѣютъ прямое отношеніе къ дѣламъ уголовнымъ, каковы, напр. мировыя сдѣлки, состоявшіяся по какому-нибудь уголовному дѣлу, по которому допускается прекращеніе его за примиреніемъ сторонъ, и т. п. акты, не относящіеся непосредственно къ области гражданскаго права.

Между тѣмъ наша кассаціонная практика обнаруживала стремленіе относить сюда и не исключительно документы гражданскаго права. Таково рѣшеніе 1875 г. № 574—Звѣрева. Какъ слѣдуетъ изъ обстоятельствъ дѣла, З. подалъ отъ имени крест. Колчанова подложное заявленіе новоторжскому мировому судьѣ 1 уч. о прекращеніи дѣла, начатаго по жалобѣ К. на оскорбленіе его дѣйствіемъ дьякономъ И., причемъ подпись на заявленіи этомъ: „вмѣсто неграмотнаго К. росписался крест. Петръ Андреевъ Колосовъ“ оказалась написанною рукою З. Судъ примѣнилъ здѣсь ст. 1692. Кассаціонная жалоба, принесенная на этотъ приговоръ, указывала, что бумага, о которой идетъ рѣчь, не составляетъ судебнаго доказательства и не заключаетъ въ себѣ никакихъ обязательствъ, и что преступленіе, въ коемъ З. обвиненъ, не болѣе, какъ клевета, предусмотрѣнная 1537 ст. Но сенатъ согласился съ рѣшеніемъ суда. „Хотя въ этой ст. (1692) замѣтилъ онъ, не упоминается о подложномъ составленіи какихъ-либо актовъ, относящихся до уголовнаго дѣла, однако, въ настоящемъ случаѣ можно было бы допустить примѣненіе ст. 1692, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что мировая сдѣлка или прошеніе о прекращеніи уголовнаго дѣла, какъ актъ, ограничивающій право

лица, подающаго его, въ продолженіи начатаго дѣла, могутъ быть причислены къ числу тѣхъ актовъ, подложное составленіе коихъ наказывается по вышеозначенной статьѣ уложенія, если бы въ вопросѣ о виновности З. было упомянуто о другомъ необходимомъ признакѣ этого преступленія, а именно о корыстной цѣли подлога, и если бы наличность этого условія была признана присяжными засѣдателями". Сенатъ здѣсь даже не указываетъ мотивовъ для своего рѣшенія, и довольствуется голословнымъ замѣчаніемъ: „не подлежитъ сомнѣнію", между тѣмъ такое толкованіе прямо противорѣчитъ смыслу ст. 1692.

Принимая же вообще три указанныя условія понятія документа по ст. 1692, наша кассаціонная практика признала вполнѣ правильно видами частныхъ документовъ, къ которымъ въ случаѣ подлога должна быть примѣнена ст. 1692 улож.: чекъ, который, по словамъ сената, „есть по закону бумага, которая можетъ быть принимаема въ доказательство правъ на имущество" (1870 г. № 396—Журавлева); довѣрительное письмо, при помощи котораго были получены по книжкѣ сберегательной кассы деньги изъ послѣдней (1870 г. № 467 — Близниченко); росписка въ полученіи по довѣренности денегъ (1871 г. № 73—Тихомирова); домашняя расчетная книжка (1871 г. № 1270—Иванисова и 1872 г. № 1071—Купріянова); ручательство четырехъ крестьянъ за пятаго въ случаѣ его несостоятельности (1873 г. № 943—Уткина и Шушпанова); записка объ отпускѣ товара изъ лавки (1876 г. № 335 — Маркова); росписка въ уплатѣ долга (1877 г. № 57 — Горяева); копія съ домашняго условія (1881 г. № 27—Меликова); отчеты частныхъ банковъ, опубликованные въ газетахъ (1877 г. № 95—о злоупотребленіяхъ въ москов. коммерч. банкѣ). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду того, что нерѣдко на извѣстномъ актѣ публичнаго характера можетъ еще находиться вполнѣ самостоятельно частный актъ, въ случаѣ поддѣлки послѣдняго, сенатъ признавалъ наличность подлога частнаго, а не публичнаго документа. Таково рѣш. 1869 г. № 676 — Франца, обвинявшагося въ составленіи подложной

довѣрительной надписи на талонѣ къ ассигновкѣ Спб. казначейства.

4) Отдѣльно отъ частныхъ документовъ, указанныхъ въ ст. 1692, говорится въ улож. о договорномъ листѣ для найма на сельскія работы. Этотъ видъ документовъ не былъ предусмотрѣнъ въ первоначальныхъ изданіяхъ уложенія, и впервые о немъ говоритъ законъ 12 іюня 1886 г.; хотя договорный листъ и представляется собственно видомъ документовъ, о которыхъ говоритъ ст. 1692, но предусматривается отдѣльно отъ нихъ, какъ пользующійся менѣе сильной охраной въ сравненіи съ другими частными документами.

5) Слѣдующую группу частныхъ документовъ образуютъ векселя (ст. 1160 и 1161). Подъ именемъ векселя разумѣется то долговое обязательство, которое составляется при наличности особыхъ условій, указанныхъ въ законѣ и которое пользуется особеннымъ значеніемъ и силой.

Вексель служитъ при современномъ развитіи правового оборота важнымъ орудіемъ обмѣна и замѣняетъ собою въ торговомъ быту кредитныя бумаги, играя такимъ образомъ одинаковую съ ними роль. Этимъ объясняется, почему составители уложенія о наказаніяхъ 1845 г. сочли необходимымъ выдѣлить изъ общей группы подлога въ частныхъ документахъ подлогъ векселей и обложить послѣдній усиленнымъ наказаніемъ. Въ виду того, что ст. 1160 — 1161, гдѣ говорится о подлогѣ векселей, являются исключеніемъ изъ общаго правила по отношенію къ ст. 1692, въ этихъ случаяхъ, съ одной стороны, какъ это призналъ и сенатъ въ своихъ рѣшеніяхъ (1870 г. № 247 — Щеглова и 1871 г. № 152—Пчелина), не примѣняются общія постановленія ст. 1692, съ другой — необходимо пользоваться ограничительнымъ толкованіемъ. Поэтому ст. 1160—1161 могутъ имѣть примѣненіе къ подлогу только тѣхъ документовъ, которые носятъ названіе векселя, а такъ какъ въ торговомъ быту наряду съ векселями обращаются и вексельные бланки, не имѣющіе въ общемъ силы послѣднихъ, то по отношенію къ подлогу ихъ можетъ быть примѣняема только ст. 1692, а не 1160. Это принято и се-

натомъ въ рѣшеніи 1897 г. № 3 — Шапетъ-Шепелева, гдѣ сказано что ст. 1160 предусматриваетъ подлогъ векселей, т. е. такихъ бумагъ, которыя совмѣщаютъ въ себѣ существенныя принадлежности векселя, перечисленныя въ 2 ст. уст. о векс., вексельные же бланки замѣнять векселя не могутъ; но такъ какъ они имѣютъ извѣстную цѣнность и могутъ служить доказательствомъ правъ на имущество въ дѣлахъ тяжебныхъ или быть предметомъ искового требованія, то подлогъ ихъ долженъ быть наказуемъ по ст. 1692.

6) Отдѣльно отъ другихъ документовъ въ уложеніи говорится о торговыхъ письмахъ (ст. 1688 ч. 2), но понятіе это ближе не опредѣляется; подъ нимъ слѣдуетъ разумѣть, какъ векселя, такъ и другіе документы, относящіеся къ торговому обороту; въ проектѣ же уголовнаго уложенія говорится отдѣльно, какъ объ особомъ предметѣ подлога, о торговыхъ книгахъ, въ ст. 380 п. 3 (394 п. 3), причемъ въ отношеніи ихъ имѣется въ виду интеллектуальный подлогъ, учиненный тѣми лицами, которыя обязаны вести ихъ.

7) Наконецъ, особо поставлены въ уложеніи (ст. 598 и 599) шнуровыя книги, которыя обязаны вести владѣльцы горныхъ заводовъ и пріисковъ.

§ 15. Какъ уже упоминалось не разъ, въ ст. 1537 и 1538 улож. рѣчь идетъ еще о поддѣлкѣ „писемъ и другихъ бумагъ“, и хотя поддѣлка ихъ не представляетъ изъ себя собственно подлога документовъ въ узкомъ смыслѣ, но необходимо остановиться и на нихъ, чтобы выяснить отношеніе этихъ бумагъ къ документамъ вообще. Въ виду того, что въ ст. 1537 и 1538 кромѣ указанія на особый объектъ посягательства содержатся постановленія о спеціальномъ умыслѣ, которымъ должна быть сопровождаема поддѣлка этихъ бумагъ („для оскорбленія чести какого-либо лица или же хотя и безъ корыстныхъ, означенныхъ въ ст. 1692 сего уложенія видовъ, но съ намѣреніемъ препятствовать вь какихъ либо дѣлахъ или инымъ образомъ вредить ему“—ст. 1537; „не съ намѣреніемъ оскорбить или вредить, но для какихъ-либо хотя и некорыстныхъ видовъ“—ст. 1538), значеніе этого момента въ ст. 1537 и 1538 по

сравненію съ ст. 1692 будетъ указано ниже въ главѣ о внутренней сторонѣ подлога, теперь же необходимо остановиться только на самой сущности понятія „письма или иной бумаги“.

Изъ того, что ст. 1692, говоря о частныхъ документахъ, содержитъ указаніе на ихъ извѣстныя свойства, именно на то, что они могутъ по закону служить доказательствомъ правъ и правоотношеній, чего нѣтъ въ ст. 1537 и 1538, слѣдуетъ, что письменные акты, упомянутые въ этихъ послѣднихъ статьяхъ, могутъ и не быть документами въ узкомъ смыслѣ— иначе было бы и здѣсь указано на это ихъ свойство; такимъ образомъ понятіе „письма или иной бумаги“ шире понятія тѣхъ частныхъ документовъ, о которыхъ рѣчь идетъ въ ст. 1692. Однако, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что эти письменные акты обнимаютъ собой всякіе документы въ узкомъ смыслѣ; это вытекаетъ въ особенности изъ того, что данныя статьи помѣщены въ разд. X гл. VI улож., озаглавленной „объ оскорбленіи чести“, тогда какъ ст. 1692—въ числѣ преступленій противъ имущества; это слѣдуетъ также и изъ мотивовъ къ ст. 2137 (соотв. ст. 1692), гдѣ составители прямо замѣчали [1]): „принимая въ уваженіе, что въ дѣйствіи поддѣлывающаго актъ, являемый въ присутственномъ мѣстѣ, гораздо болѣе дерзости и что послѣдствія онаго могутъ быть гораздо важнѣе и зловреднѣе, мы полагаемъ за поддѣлку частныхъ писемъ, а слѣдственно и печатей наказаніе менѣе строгое. Впрочемъ самое выраженіе: частныя письма, въ семъ мѣстѣ и смыслѣ не довольно точно, ибо *подложное частное письмо можетъ не имѣть никакого отношенія къ нарушенію права собственности и слѣдственно не есть преступленіе, принадлежащее къ сему раздѣлу.* Потому мы въ проектѣ ст. 2137 вмѣсто сего упоминаемъ о всѣхъ прочихъ, т. е. исключая духовныя завѣщанія, актахъ и бумагахъ, совершаемыхъ домашнимъ порядкомъ, которые въ дѣлахъ объ имуществѣ или въ дѣлахъ торговыхъ могутъ по закону быть принимаемы въ доказательство права собственности или взятыхъ кѣмъ-либо

---

[1]) Проектъ 1844 г. стр. 717.

на себя обязанностей". Такимъ образомъ, очевидно, составители уложенія намѣрены были въ ст. 1537 и 1538 помѣстить поддѣлку такихъ письменныхъ актовъ, которые не имѣютъ вовсе значенія документовъ въ узкомъ смыслѣ этого слова. Они сознавали, что поддѣлка можетъ направляться не только противъ документовъ, но и противъ разныхъ частныхъ писемъ, и въ этомъ смыслѣ можетъ вредить разнообразнымъ благамъ личности, въ особенности ея чести, вслѣдствіе чего и считали нужнымъ говорить объ этомъ преступномъ дѣяніи особо среди преступленій противъ чести. Наконецъ, въ пользу подобнаго толкованія ст. 1537 и 1538 говоритъ еще то, что, если принять, что эти статьи говорятъ о тѣхъ же документахъ, которые имѣетъ въ виду и ст. 1692, то при отсутствіи необходимости корыстной цѣли въ составѣ послѣдняго преступленія, какъ это будетъ сказано ниже, оказывается, что объ одномъ и томъ же преступленіи говорится въ двухъ мѣстахъ уложенія, и притомъ за каждое изъ нихъ положено весьма различное наказаніе.

Такого толкованія этихъ статей придерживается и Неклюдовъ [1]), замѣчая, что ст. 1692 отличается отъ 1537 и 1538 самымъ родомъ или свойствомъ документовъ или бумагъ; сенатъ же въ своихъ рѣшеніяхъ считалъ первоначально возможнымъ относить сюда и подлогъ документовъ въ собственномъ смыслѣ, если только онъ совершенъ безъ корыстной цѣли, таково въ особенности рѣшеніе 1875 г. № 574—Звѣрева, гдѣ онъ исходитъ изъ того толкованія, что спеціальная корыстная цѣль требуется въ ст. 1692, въ виду ссылки на это ст. 1537, такъ что если поддѣланъ былъ документъ безъ означенной цѣли, это дѣяніе должно подводиться подъ ст. 1537; однако въ послѣднихъ рѣшеніяхъ сенатъ отступаетъ отъ этого. Въ рѣшеніи 1888 г. № 18—Корганова прямо говорится, что ст. 1537 имѣетъ въ виду подлогъ письма или иныхъ бумагъ, которыя не могутъ быть по закону принимаемы въ доказательство

---

[1]) Неклюдовъ. в. с. стр. 352.

правъ и принятыхъ кѣмъ-либо обязанностей, по рѣшенію же 1889 г. № 14—Кержковскаго отнесено къ ст. 1538, а не къ 1692 составленіе подложнаго прошенія въ гминный судъ о состоявшемся будто-бы примиреніи по дѣлу объ оскорбленіи между обвинителемъ и обвиняемымъ.

ГЛАВА V.

Внутренняя сторона состава подлога документовъ.

---

§ 1. Умышленная дѣятельность, какъ необходимое условіе подлога документовъ.—§ 2. Точка зрѣнія уложенія о наказаніяхъ.—§ 3. Конструкція специальнаго умысла при подлогѣ въ иностранныхъ законодательствахъ.—§ 4. Сущность спеціальнаго умысла при подлогѣ. — § 5. Постановленія о немъ уложенія о наказаніяхъ.—§ 6. Характеръ умысла при подлогѣ частныхъ документовъ (ст. 1692).—§ 7. Спеціальныя цѣли при отдѣльныхъ видахъ подлога по уложенію.

---

§ 1. Съ внутренней стороны своего состава подлогъ документовъ представляетъ дѣятельность умышленную. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ преступленій, которыя совершаются только умышленно, такъ какъ самый способъ дѣйствія при немъ именно такой, который непремѣнно предполагаетъ умыселъ; неосторожный подлогъ такъ же немыслимъ, какъ немыслима и неосторожная ложь, потому что изъ самаго характера лжи слѣдуетъ, что она можетъ быть только умышленной, разъ она состоитъ въ томъ, что извѣстное лицо завѣдомо извращаетъ истину; и если это извращеніе истины будетъ происходить не завѣдомо, то въ данномъ случаѣ будетъ только ошибка, а не ложь.

По ученію, господствующему въ наукѣ уголовнаго права, при умыслѣ требуется наличность двухъ элементовъ: знанія

и желанія—эти элементы должны быть въ наличности и при подлогѣ. Совершающій подлогъ долженъ сознавать, что онъ учиняетъ противозаконное дѣяніе—именно, что онъ составляетъ документъ отъ имени лица, которое его на это не уполномочило (или, если уполномочило, то не на составленіе документа въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ составляется), или дѣлаетъ измѣненія въ существующемъ уже подлинномъ документѣ, не имѣя на то права, или заполняетъ документъ завѣдомо невѣрнымъ содержаніемъ или же употребляетъ документъ завѣдомо поддѣльный; съ другой стороны онъ долженъ желать наступленія во внѣшнемъ мірѣ задуманнаго дѣйствія. Безъ наличности этихъ элементовъ или, по крайней мѣрѣ, одного изъ нихъ, т. е. если виновный, хотя и сознаетъ учиняемое, но дѣйствуетъ подъ вліяніемъ принужденія или ошибки, нѣтъ состава преступленія. Не будетъ поэтому виновнымъ въ подлогѣ извѣстное лицо въ томъ случаѣ, если его рукою водилъ другой, заставивъ его такимъ образомъ написать документъ или подписаться подъ нимъ именемъ посторонняго лица. Здѣсь имѣется въ наличности принужденіе, устраняющее въ данномъ случаѣ вмѣненіе, такъ какъ составляющій поддѣльный документъ здѣсь не болѣе, какъ слѣпое орудіе въ рукахъ другого, и отвѣтственнымъ въ этомъ случаѣ можетъ быть только тотъ, кто водилъ его рукой и заставилъ такимъ образомъ совершить извѣстное дѣйствіе. Точно также по самому свойству подлога, въ виду того, что возможно составленіе документа подъ диктовку, весьма часто оказывается, что то лицо, которое составило подложный документъ, было только слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ другого, такъ какъ оно не знало и не могло знать о подложности составляемаго акта, записывая то, что ему было указано; въ этомъ случаѣ дѣйствительнымъ виновникомъ оказывается также то лицо, которое такимъ образомъ диктовало другому содержаніе документа. То же имѣетъ мѣсто, напр. тогда, когда документъ по приказу одного лица переписывается другимъ, не знающимъ о его подложности. Подобные примѣры особенно часты въ сферѣ интеллектуальнаго подлога, учиняемаго должност-

нымъ лицомъ, но ихъ возможность не исключается и въ другихъ случаяхъ.

Далѣе, такъ какъ подлогъ, сущность котораго состоитъ въ составленіи документа отъ чужого имени, предполагаетъ, что данный документъ составляется лицомъ, не имѣющимъ на его составленіе никакого права, то въ общемъ ученіи о подлогѣ получаетъ особенное значеніе вопросъ о согласіи со стороны того лица, отъ имени котораго документъ составляется, на то, чтобы данное лицо его составило или его именемъ подписалось. Въ этомъ отношеніи нельзя говорить вообще о согласіи противной стороны, какъ это дѣлаетъ Неклюдовъ [1]), такъ какъ подлогъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ преступленій, при которыхъ согласіе противной стороны имѣетъ то значеніе, что при наличности его данное дѣяніе теряетъ характеръ преступности; подлогъ есть преступленіе противъ публичныхъ интересовъ, противъ интересовъ общества, и поэтому о согласіи послѣдняго на это дѣяніе рѣчи быть не можетъ; если же о согласіи здѣсь и говорится, то въ смыслѣ согласія того лица, отъ котораго документъ исходитъ или подпись котораго должна быть на немъ; благодаря этому о согласіи этого рода можно говорить не только относительно документовъ частныхъ, какъ ограничиваетъ его Неклюдовъ, но и публичныхъ. Если А. дозволилъ В. расписаться его именемъ на извѣстномъ документѣ, то въ этомъ случаѣ о подлогѣ рѣчи быть не можетъ, разъ это согласіе дѣйствительно существуетъ и болѣе или менѣе ясно выражено. Вслѣдствіе этого всѣ случаи росписокъ одного лица за другое, которые практикуются въ обыденной жизни, напр. среди членовъ семьи и т. п., не являются подлогомъ, если только подписывающійся за другого не утверждаетъ ложно свою самоличность, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ уже имѣется присвоеніе чужого имени. Таковы, далѣе, также тѣ случаи, гдѣ одно лицо поручаетъ другому прикладывать на какіе-нибудь документы штемпель, содержащій его имя

[1]) Неклюдовъ. в. с. стр. 219.

и т. п.: во всѣхъ этихъ случаяхъ о подлогѣ не можетъ быть рѣчи, разъ согласіе на подпись имѣется въ наличности. Согласіе же это здѣсь имѣетъ такое значеніе потому, что при наличности его данный актъ остается въ силѣ [1]).

Умыселъ, о которомъ приходится говорить при подлогѣ, долженъ быть прямымъ; эвентуальнаго умысла, въ смыслѣ допущенія извѣстнаго послѣдствія безъ прямого желанія его, здѣсь недостаточно, такъ какъ лицо, составляющее поддѣльный документъ, прямо желаетъ, чтобы данный документъ былъ поддѣльнымъ, а не можетъ только допускать это. Нельзя точно также, какъ уже выше было упомянуто, представить при подлогѣ дѣятельность неосторожную, и, если при составленіи документа въ немъ будетъ сдѣлана какая-нибудь погрѣшность, благодаря опискѣ, словомъ, вслѣдствіе неосмотрительности лица, составляющаго документъ, то рѣчи о подлогѣ въ данномъ случаѣ быть не можетъ. Виновный въ этомъ, правда, можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности за небрежность, напр. если на него въ силу его профессіи возложена спеціальная обязанность быть осмотрительнымъ при составленіи документовъ, но за подлогъ наказанъ онъ быть не можетъ.

§ 2. Обращаясь къ размотрѣнію постановки даннаго вопроса въ нашемъ уложеніи о наказ., можно увидѣть, что вышеприведенныя положенія или прямо признаются, или подразумѣваются въ немъ.

Нужно однако, при этомъ замѣтить, что наше уложеніе, говоря о подлогѣ документовъ, не считаетъ по большей части нужнымъ упоминать въ соотвѣтствующихъ своихъ статьяхъ о томъ, чтобъ подлогъ былъ совершенъ именно умышленно. Только тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о подчисткѣ, поправкѣ и вообще объ измѣненіи подлиннаго документа, уложеніе категориче-

---

[1]) Въ такомъ смыслѣ высказывается и французская кассаціонная практика и доктрина; см. напр. рѣшеніе кассац. суда 26 марта 1813 г. По словамъ Боманна (l. c. p. 136), всякій можетъ распоряжаться своей подписью по усмотрѣнію.

ски указываетъ, что преступная дѣятельность должна быть умышленной. Обыкновенно въ этихъ статьяхъ говорится о „злонамѣренной“ подчисткѣ, поправкѣ или иной перемѣнѣ документовъ (напр. ст. 292, 293, 294, 298, 361, 1406 и др.), причемъ это понятіе „злонамѣренности“ тождественно съ понятіемъ „умышленности“, такъ какъ въ другихъ статьяхъ уложеніе соотвѣтственно этому говоритъ о дѣланіи „съ умысломъ“ подчистки, поправки или иной перемѣны документовъ (ст. 291) или объ „умышленной“ переправкѣ, подчисткѣ и другихъ измѣненіяхъ (ст. 1690, 1691). Точно также при употребленіи документовъ выставляется обыкновенно требованіе завѣдомости о ихъ подложности (ст. 291—294, 977, 1160, 1406, 1412, 1697, 1698). Если же рѣчь идетъ о самомъ составленіи подложныхъ документовъ, то уложеніе довольствуется въ большинствѣ случаевъ однимъ указаніемъ на составленіе документа подложно, не прибавляя къ этому еще выраженія „съ умысломъ“; такъ, напр. ст. 294 говоритъ: „за составленіе подложныхъ указовъ, опредѣленій и т. д.“; ст. 1692— „за поддѣлку другихъ домашнимъ порядкомъ составляемыхъ какого-либо рода актовъ и бумагъ“; ст. 1176—„кто будетъ уличенъ въ производствѣ торговли или промысла по фальшивому свидѣтельству или билету“; ст. 1217—„кто для полученія патента на плаваніе подъ русскимъ флагомъ предъявитъ фальшивый документъ“; этотъ способъ выраженія объясняется тѣмъ что уже въ самомъ словѣ „подложный“, „фальшивый“ заключается понятіе умышленности, такъ что въ выраженіи „составленіе подложнаго документа“ уже находится скрытое указаніе на умышленный родъ дѣятельности. Исходя изъ этого, уложеніе въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно не довольствуется употребленіемъ простого термина „поддѣлка“ или „составленіе подложныхъ документовъ“, а ближе описываетъ и указываетъ, въ чемъ самое преступное дѣяніе въ данномъ случаѣ заключается, требуетъ категорически наличности умысла. Такъ, напр. ст. 1161 говоритъ: „кто умышленно изъ какихъ-либо видовъ сдѣлаетъ на векселѣ передаточную надпись заднимъ числомъ...“ или ст. 358: „кто въ приходную, по казеннымъ

въ управленіи его состоящимъ доходамъ, книгу съ умысломъ запишетъ менѣе дѣйствительно поступившаго..." и т. д.; съ другой стороны, напр. ст. 361 представляетъ ненужный плеоназмъ, если она говоритъ: „должностное лицо, изобличенное въ лживомъ завѣдомо и съ намѣреніемъ изложеніи Высочайшихъ повелѣній" — здѣсь уже изъ выраженія „лживый" слѣдуетъ завѣдомость и намѣреніе, такъ что не зачѣмъ было на это указывать въ поясненіе выраженія „лживый". Сообразно съ этимъ ставится этотъ вопросъ и въ ст. 362; здѣсь перечисляется цѣлый рядъ дѣйствій должностныхъ лицъ, разсматриваемыхъ по уложенію въ качествѣ подлога, причемъ относительно нѣкоторыхъ перечисленныхъ въ этой статьѣ проступковъ не содержится вовсе указанія на умышленность ихъ, тогда какъ относительно другихъ прямо говорится, что дѣятельность виновнаго должна совершаться „съ намѣреніемъ". Объясняется употребленіе данныхъ терминовъ въ этой статьѣ тѣмъ, что въ первой ея части перечисляются тѣ виды подлога, которые сообразно съ выраженіями, употребленными въ законѣ, не требуютъ особаго упоминанія объ умыслѣ. Здѣсь говорится: „кто при отправленіи своей должности учинитъ фальшивую подпись, приведетъ вымышленное свидѣтельское показаніе, допуститъ подставныхъ свидѣтелей или заочно составитъ актъ отъ имени отсутствующихъ или совершитъ оный заднимъ числомъ". Всѣ перечисленныя здѣсь дѣянія такого рода, что они требуютъ безусловно умышленности дѣйствія, что опять таки изъ терминовъ, здѣсь употребленныхъ, прямо и вытекаетъ; точно такого же характера постановленія и конца этой статьи, гдѣ говорится: „или включитъ въ нихъ вымышленныя обстоятельства или завѣдомоложныя свѣдѣнія, или выдастъ мнимую копію съ акта не существующаго или же невѣрную съ настоящаго акта копію". Напротивъ въ средней части этой статьи прямо указывается на необходимость умысла: „или *съ намѣреніемъ*, изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ, нарушитъ правила, для совершенія или засвидѣтельствованія актовъ сего рода постановленныя, или же вполнѣ или частію, также *съ намѣреніемъ*, скроетъ истину въ докладахъ, рапортахъ... и прочихъ какихъ-

либо оффиціальныхъ актахъ". Здѣсь ссылка на умыселъ имѣетъ значеніе въ томъ смыслѣ, что если данное дѣяніе будетъ совершено безъ наличности умысла, то здѣсь не будетъ подлога, но можетъ быть составъ другого преступленія, напр. предусмотрѣннаго ст. 417, т. е. преступной неосмотрительности должностныхъ лицъ при составленіи актовъ [1]).

Общее положеніе о томъ, что подлогъ можетъ быть учиненъ только умышленно и что такъ на него смотритъ и наше уложеніе, нашло себѣ выраженіе и въ нашей кассаціонной практикѣ, которая высказалась относительно этого (въ рѣшеніи 1871 г. № 152—Пчелина) слѣдующимъ образомъ: „написаніе подсудимымъ на свое имя векселей отъ другихъ лицъ, которыя его на то не уполномочивали, и подписи которыхъ онъ поддѣлалъ, составляетъ преступный подлогъ, общее понятіе котораго заключаетъ уже въ себѣ непремѣнно намѣреніе ввести кого-либо въ заблужденіе ради личной выгоды виновнаго въ подлогѣ, ибо неосторожнымъ подлогъ быть не можетъ, а поддѣлка документовъ для шутки не составляетъ подлога". Исходя изъ этого, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ изъ рѣшенія присяжныхъ засѣдателей не вытекало прямого признанія даннаго дѣянія учиненнымъ умышленно, сенатъ кассировалъ приговоръ суда (рѣшеніе 1873 г. № 968 — Лещенко и др.; 1874 г. № 565—Костыгова). Особенно же ясно требованіе наличности умышленнаго дѣйствія при подлогѣ выражено въ рѣшеніи 1883 г. № 32—Стешенко и Куфудаки. Изъ обстоятельствъ этого дѣла видно, что нотаріусъ К. безъ вѣдома С. включилъ въ довѣренность о правѣ сына его кредитоваться долговыми обязательствами; сенатъ нашелъ, что изъ этого видно, что онъ „не по ошибкѣ или недоразумѣнію, а умышленно изложилъ

---

[1]) Статья 417 именно говоритъ: „должностное лицо, которое, составляя рапортъ или донесеніе о какомъ-либо дѣлѣ, не удостовѣрится надлежащимъ образомъ въ истинныхъ обстоятельствахъ и существѣ онаго и представитъ сіе дѣло въ видѣ неполномъ или невѣрномъ, впрочемъ *безъ всякаго противозаконнаго намѣренія*, подвергается за сіе..." То же постановляется въ ст. 461, 462 и 468 относительно чиновниковъ крѣпостныхъ дѣлъ и нотаріусовъ.

явочный актъ несогласно съ точной волей и прямымъ намѣреніемъ совершавшаго сей актъ и притомъ не завѣдомо ему объ этомъ нарушеніи гражданскихъ его правъ, посему такое дѣяніе К. не подходитъ подъ признаки проступка, предусмотрѣннаго ст. 462 Улож., и не можетъ быть равнымъ образомъ почитаться ненаказуемымъ обманомъ, а по точному смыслу ст. 362 и 460 Улож., составляетъ со стороны бывшаго нотаріуса К. уголовно-наказуемый подлогъ при отправленіи имъ своей должности (70 № 247)".

Итакъ необходима во всякомъ случаѣ при подлогѣ дѣятельность умышленная. Затѣмъ, что касается оттѣнковъ умысла, то на это законъ особаго вниманія не обращаетъ, такъ что въ этомъ случаѣ примѣнимы положенія общей части уложенія; это призналъ и сенатъ въ рѣшеніи 1874 г. № 319—Познякова, гдѣ высказалъ, что „при преступленіи подлога, предусмотрѣннаго ст. 1692, законъ не ставитъ различія наказанія, смотря по степени умышленности при содѣяніи преступленія; слѣдовательно, предумышленность въ этомъ случаѣ можетъ увеличить лишь мѣру наказанія", и это положеніе справедливо въ примѣненіи не только къ ст. 1692, но и къ другимъ. Въ частности относительно употребленія поддѣльныхъ документовъ надо замѣтить, что здѣсь умыселъ заключается въ знаніи о томъ, что данный документъ поддѣльный, и желаніи употребить его въ качествѣ настоящаго, благодаря этому при отсутствіи признанія документа поддѣльнымъ, не можетъ быть рѣчи и объ употребленіи поддѣльнаго документа. Это положеніе принято и сенатомъ въ рѣшеніи 1892 г. № 43—Анцеліовича, гдѣ сказано: „наказанію, указанному въ 294 ст. Ул., подлежитъ виновный или въ подложномъ составленіи оффиціальныхъ бумагъ или въ злонамѣренной подчисткѣ, поправкѣ или перемѣнѣ оныхъ или въ завѣдомомъ употребленіи такихъ подложныхъ документовъ. Между тѣмъ документъ, составляющій предметъ настоящаго дѣла, вовсе не признанъ подложнымъ, ибо включеніе должностнымъ лицомъ по недосмотру невѣрныхъ свѣдѣній въ выданный имъ документъ не составляетъ подлога (294 и 362 ст.). Такимъ образомъ и пользованіе по-

добнымъ документомъ для какихъ-либо дѣлъ или видовъ, съ знаніемъ о невѣрности заключающихся въ немъ свѣдѣній, хотя и достойно порицанія, какъ дѣяніе, противное правиламъ чести и нравственности, но не составляетъ, однако, преступленія, наказуемаго по ст. 294". Изъ этого слѣдуетъ, что если такого рода документъ будетъ употребленъ съ цѣлью похищенія чужого имущества, то мы можемъ имѣть дѣло съ покушеніемъ или съ совершеніемъ мошенничества, но не съ подлогомъ.

Что касается далѣе вопроса о значеніи для подлога согласія лица на подписаніе его именемъ документа, то объ этомъ наше уложеніе молчитъ; Неклюдовъ [1]) же для доказательства того, что это положеніе „подразумѣвается само собой" въ нашемъ уложеніи, приводитъ 2 п. ст. 1690, которая опредѣляетъ подлогъ, какъ составленіе документа отъ имени другого безъ уполномочія сего послѣдняго; „согласіе же, прибавляетъ онъ, въ уголовномъ правѣ равносильно уполномочію". Мысль, высказанная здѣсь о томъ, что согласіе подразумѣвается само собой, вполнѣ правильна, но съ доказательствомъ ея согласиться нельзя, такъ какъ 2 п. ст. 1690 имѣетъ въ виду „уполномочіе" въ спеціальномъ смыслѣ, въ смыслѣ довѣренности, а не говоритъ о согласіи вообще.

§ 3. Обращаясь къ дальнѣйшему анализу внутренней стороны состава преступленія подлога, необходимо остановиться на спеціальномъ умыслѣ, который имѣется при немъ. Какъ при кражѣ мы видимъ спеціальный умыселъ въ цѣли присвоенія чужого имущества, такъ и при подлогѣ можетъ идти рѣчь тоже о спеціальномъ умыслѣ. Весь вопросъ только въ томъ, въ чемъ слѣдуетъ видѣть этотъ спеціальный умыселъ; вопросъ этотъ представляется весьма существеннымъ и важнымъ, и рѣшеніе его должно вытекать изъ принципіальнаго взгляда на сущность подлога документовъ; этимъ и объясняется,

---

[1]) Неклюдовъ. в. с. стр. 219.

почему взглядъ на характеръ спеціальнаго умысла при подлогѣ въ отдѣльныхъ законодательствахъ не одинаковъ.

Въ тѣхъ законодательствахъ, въ которыхъ подлогъ конструируется скорѣе, какъ видъ обмана вообще, приближающійся къ мошенничеству, спеціальный умыселъ при подлогѣ усматривается главнымъ образомъ въ умыслѣ вредить, который, впрочемъ, не исключаетъ и другія цѣли; такъ, австрійское законодательство, изъ всѣхъ дѣйствующихъ законодательствъ наиболѣе приближающееся къ прежнему взгляду на подлогъ, требуетъ вообще при подлогѣ умысла вредить. Тотъ же умыселъ находимъ мы въ финляндскомъ уложеніи, которое тоже видитъ въ подлогѣ дѣяніе одного рода съ мошенничествомъ; наконецъ, умыселъ вредить (intention de nuire) считается существеннымъ моментомъ подлога съ точки зрѣнія французской литературы и практики, которая, какъ извѣстно, до сихъ поръ придерживается при анализѣ подлога воззрѣній Фаринація. Хотя во французскомъ кодексѣ подлогъ и является самостоятельнымъ преступленіемъ, и собственно требованіе злонамѣренности (frauduleusement) законъ выставляетъ только въ art. 146, говорящемъ о подлогѣ интеллектуальномъ, однако, французская кассаціонная практика и доктрина указываютъ на то, что и при подлогѣ матеріальномъ этому моменту должно быть придаваемо существенное значеніе. Самый вредъ этотъ можетъ быть имущественный и моральный, общественный и частный [1]). Этотъ моментъ вреда во французской практикѣ получаетъ самое важное значеніе, такъ что выставляется даже общее положеніе о томъ, что если данный актъ не можетъ причинить вреда, онъ представляется „безсильнымъ проявленіемъ виновной мысли [2])“; поэтому съ одной стороны, если отъ поддѣлки даже простого письма можно ожидать наступленія вреда, практика относитъ подобные случаи къ подлогу

---

[1]) Garraud. l. c. p. 221; Hélie l. c. p. 359—361 говоритъ: „en général le faux est un moyen de consommer un vol“, но находитъ, что тѣмъ не менѣе цѣль его часто выходитъ за эти предѣлы.

[2]) Dalloz. Répertoire méthodique v. XXIV p. 531.

документовъ; такъ, благодаря наличности этого момента, она относитъ сюда опубликованіе подложнаго письма, написаннаго на имя третьяго лица съ цѣлью повредить его репутаціи [1]), или письма отъ имени женщины оскорбительнаго для ея чести содержанія [2]); съ другой—наоборотъ, не признается подлогъ въ тѣхъ случаяхъ, когда вреда отъ даннаго случая не можетъ послѣдовать, причемъ самый этотъ вредъ понимается нерѣдко очень узко. Такъ, напр. въ томъ случаѣ, если подлогъ сдѣланъ съ цѣлью получить дѣйствительный долгъ, Эли не видитъ наличности подлога, хотя бы даже документъ былъ употребленъ противъ третьихъ лицъ, лишь бы требованіе уплаты не превышало дѣйствительнаго долга [3]). Точно также подмѣнъ арестанта въ тюрьмѣ Dalloz не считаетъ подлогомъ за отсутствіемъ умысла вредить, такъ какъ здѣсь могутъ быть въ наличности, по его словамъ, и великодушные мотивы (intention généreuse) [4]). Даже Гарро, который вмѣсто понятія вредоносности акта выставляетъ спеціальный умыселъ при подлогѣ, видя его въ цѣли употребить данный документъ, какъ доказательство (la volonté de faire valoir comme preuve contre le droit, un document, que l'on sait mensonger) [5]), тѣмъ не менѣе признаетъ, что, если подлогъ имѣетъ цѣлью создать доказательство дѣйствительно существующаго юридическаго положенія (situation), то за неимѣніемъ здѣсь élément nuisible, нѣтъ и подлога; онъ идетъ при этомъ такъ далеко, что даже находитъ, что въ томъ случаѣ, если виновный обращается къ искаженію истины съ цѣлью получить тотъ результатъ, котораго онъ достигъ бы и законнымъ путемъ, нѣтъ подлога [6]).

---

1) Рѣшеніе касс. суда 12 ноябр. 1813 г.

2) Рѣш. 3 дек. 1859 г.

3) Hélie. l. c. p. 537. Впрочемъ, кассаціонный судъ толковалъ это иначе, см. рѣш. 3 авг. 1809 г. и 17 іюня 1812 г.

4) Dalloz. l. c. XXIV p. 525; кассац. судъ и здѣсь находитъ, однако, подлогъ; таково рѣшеніе 10 февр. 1827 г.

5) Garraud. l. c. p. 205.

6) Garraud. l. c. p. 213; Baumann. l. c. p. 218; иначе рѣш. 13 мая 1831 г.

Кромѣ того умысла, который присущъ подлогу вообще, иногда французскій кодексъ выставляетъ при подлогѣ (именно при подлогѣ документовъ менѣе важныхъ) спеціальныя цѣли, которыя французская практика разсматриваетъ, какъ подвиды общаго умысла вредоносности; такова цѣль освободить себя или другого отъ общественной обязанности при подлогѣ свидѣтельства о болѣзни (art. 159—160); въ этомъ освобожденіи отъ общественной обязанности доктрина тоже усматриваетъ моментъ вреда (préjudice), и требуетъ, чтобъ болѣзнь, упоминаемая въ свидѣтельствѣ, была ложная, такъ какъ иначе, по словамъ Эли, виновный и такъ былъ бы освобожденъ отъ обязанности, и въ этомъ нѣтъ момента вреда [1]); такова, далѣе, при подлогѣ свидѣтельства о бѣдности цѣль вызвать благотворительность (art. 161), и хотя въ этомъ трудно усмотрѣть моментъ вреда, но тѣмъ не менѣе французская практика его и здѣсь находитъ [2]); наконецъ, при подлогѣ свидѣтельства на жительство спеціальной цѣлью является цѣль обмануть бдительность правительственныхъ органовъ (art. 156). Нужно еще при этомъ замѣтить, что, требуя вообще умышленной дѣятельности при подлогѣ, французское уложеніе въ одномъ случаѣ, отнесенномъ къ подлогу, отступаетъ отъ этого; это — выдача должностнымъ лицомъ паспорта лицу, относительно самоличности котораго оно не удостовѣрится должнымъ образомъ (art. 155).

Такова точка зрѣнія на спеціальную цѣль при подлогѣ тѣхъ законодательствъ, которыя придерживаются еще прежнихъ воззрѣній на сущность подлога. Напротивъ законодательства новѣйшей формаціи отбрасываютъ спеціальный умыселъ въ этой его обрисовкѣ и выставляютъ другія требованія относительно него.

Кодексъ германскій говоритъ о томъ, что поддѣлка докумен-

---

[1]) Hélie l. c. p. 506—507.

[2]) По словамъ Эли, здѣсь нѣтъ „ni obligation, ni disposition qui puisent léser les tiers et le préjudice qu'ils peuvent causer n'est qu'indirect et mediat" (l. c. p. 512); тоже у Baumann l. c. p. 224.

товъ должна быть учинена съ противозаконнымъ намѣреніемъ (in rechtswidriger Absicht), а употребленіе его должно быть сдѣлано съ цѣлью ввести въ заблужденіе (zum Zwecke einer Täuschung); установленіе обоихъ этихъ моментовъ представляетъ большія затрудненія для практики, и въ этомъ отношеніи могутъ быть отмѣчены два разныхъ теченія. Съ одной стороны указывается на то, что спеціальная цѣль при подлогѣ должна заключаться въ употребленіи документа съ цѣлью доказательства въ правовомъ быту. Такова точка зрѣнія Гельшнера [1]), Мейера (die Absicht, die Urkunde zu irgend einem, wenn auch berechtigten Zwecke als Beglaubigungsmittel zu gebrauchen")[2]), Бернера („jede rechtswidrige auf einen ernsten Missbrauch der Urkundenform gerichtete Absicht)[3]), Листа [4]), Ленца [5]). Сюда же относятся нѣкоторыя рѣшенія кассаціоннаго суда [6]). Напротивъ, другое мнѣніе говоритъ, что здѣсь умыселъ заключается въ употребленіи поддѣльнаго, направленномъ противъ конкретныхъ правъ третьихъ лицъ. Таково мнѣніе Меркеля (auf eine gegen Rechte Dritter gerichtete Anwendung des Falsificats) [7]), Шютце [8]) и Вейссмана [9]); кромѣ того во многихъ своихъ рѣшеніяхъ Reichsgericht тоже высказался за это толкованіе [10]). Эта точка зрѣнія подчеркиваетъ болѣе служебное значеніе подлога, тогда какъ при первой придается болѣе значенія подлогу, какъ самостоятельному преступленію. Надо еще замѣтить, что кромѣ того, подобно французскому кодексу, германское уложеніе требуетъ особыя спеціальныя цѣли при подлогѣ документовъ менѣе важныхъ, а при интел-

---

[1]) Hälschner. l. c. II, 2 p. 541.
[2]) H. Meyer. l. c. p. 709.
[3]) Berner. l. c. p. 586.
[4]) Liszt. l. c. p. 551.
[5]) Lenz. l. c. p. 192.
[6]) E. II, 376; R. VII, 186; VIII, 493; E. XVII, 200; XXIII, 249.
[7]) Merkel въ Holtzendorff's Handbuch des Strafrechts, III, p. 796.
[8]) Schütze. l. c. p. 487—488.
[9]) Weissmann. l. c. p. 86.
[10]) E. I, 293; R. I, 350; R. III, 649; E. V, 255; R. VI, 324; E. XXI, 69.

лектуальномъ подлогѣ довольствуется однимъ только требованіемъ умышленности.

Наконецъ, кодексъ голландскій специальный умыселъ при подлогѣ видитъ въ цѣли употребить самому поддѣльный документъ или доставить другому возможность употребленія его въ качествѣ настоящаго и непередѣланнаго.

§ 4. Изслѣдуя ближе вопросъ о томъ, каковъ долженъ быть специальный умыселъ при подлогѣ документовъ, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что подлогъ принадлежитъ къ числу тѣхъ преступленій, въ которыхъ наличность такого умысла въ составѣ преступленія необходима, такъ какъ иначе область наказуемыхъ дѣяній должна увеличиться за предѣлы дѣйствительныхъ потребностей общества. Лицо, которое поддѣлываетъ документъ для того, чтобъ испробовать свое искусство въ копированіи чужого почерка, или которое дѣлаетъ это ради шутки, и лицо, которое составляетъ документъ съ цѣлью употребить его въ качествѣ настоящаго, напр. чтобы получить по немъ уплату долга, представляются стоящими не на одинаковой линіи съ точки зрѣнія отвѣтственности передъ судомъ уголовнымъ. Подобно тому, какъ похищающій чужую вещь можетъ сдѣлать это только для того, чтобъ показать свою ловкость, или для того, чтобъ пошутить надъ другимъ, или подобно тому, какъ произносящій оскорбительныя слова по адресу другого можетъ это сдѣлать только для того, чтобъ посмѣяться надъ нимъ—и эти случаи не будутъ ни кражей, ни оскорбленіемъ чести, потому что для состава этихъ преступленій требуется еще специальный умыселъ, такъ это имѣетъ мѣсто и при подлогѣ: и относительно него долженъ быть указанъ специальный умыселъ, такъ какъ иначе упомянутые выше случаи поддѣлокъ, какъ совершенные вполнѣ умышленно, должны считаться наказуемыми, а при такихъ условіяхъ будутъ облагаться наказаніемъ даже такія дѣянія, которыя опасности для правопорядка не представляютъ, и благодаря этому будетъ нарушаться экономія карательныхъ средствъ государства. Изъ такихъ соображеній исходитъ законодатель, требуя для состава преступленія извѣстный спе-

ціальный умыселъ, и это слѣдуетъ имѣть въ виду, разсматривая спеціальный умыселъ при подлогѣ.

Какъ же можно понимать этотъ умыселъ?

Прежде всего, конечно, можно имѣть въ виду при подлогѣ умыселъ корыстный. Но съ принятіемъ этого момента область подлога ограничится только тѣми дѣяніями, которыя представляютъ опасность для чужихъ имущественныхъ правъ, такъ что этотъ моментъ можетъ быть пригоденъ для характеристики только нѣкоторыхъ видовъ подлога, главнымъ образомъ—подлога документовъ, имѣющихъ отношеніе къ доказательству имущественныхъ правъ, между тѣмъ подлогъ возможенъ и относительно другихъ документовъ, которые къ доказательству имущественныхъ правъ отношенія не имѣютъ; таковы всѣ публичные документы, относящіеся къ сферѣ управленія и т. п. Этимъ объясняется, что если этотъ моментъ и выставлялся въ нѣкоторыхъ законодательствахъ и у нѣкоторыхъ представителей доктрины, то онъ особеннаго значенія не имѣлъ, такъ какъ параллельно ему ставился болѣе широкій умыселъ вредить вообще. Моментъ корыстный, однако, можетъ имѣть значеніе для разграниченія отдѣльныхъ видовъ подлога въ предѣлахъ даннаго рода, обусловливая собой особенную наказуемость извѣстныхъ случаевъ его въ виду особыхъ мотивовъ дѣятельности даннаго лица. Этотъ моментъ принимается въ такомъ смыслѣ германскимъ законодательствомъ и нѣкоторыми другими и характеризуется, какъ умыселъ причинить путемъ подлога документовъ имущественный ущербъ другимъ или пріобрѣсти себѣ имущественную выгоду.

Спеціальный умыселъ при подлогѣ можетъ, далѣе, заключаться въ намѣреніи причинить какой-нибудь ущербъ другому лицу путемъ подлога. Эта точка зрѣнія шире предыдущей, такъ какъ здѣсь ущербъ понимается не въ смыслѣ только имущественнаго; но при этомъ область подлога суживается въ томъ отношеніи, что, гдѣ нельзя установить этого момента, нѣтъ и подлога, тѣмъ болѣе что понятіе вреда само по себѣ довольно неопредѣленно, и французская доктрина и практика особенно это подтверждаютъ. Эта точка зрѣнія

кромѣ того указываетъ на взглядъ на подлогъ, какъ на дѣяніе, не имѣющее самостоятельнаго значенія и являющееся лишь посягательствомъ противъ другихъ правъ, противъ которыхъ въ данномъ случаѣ и направляется вредъ. Но опасности отъ подлога по отношенію къ другимъ правовымъ благамъ въ данномъ случаѣ можетъ и не быть вовсе, а тѣмъ не менѣе подлогъ будетъ въ наличности, какъ посягательство противъ неприкосновенности удостовѣрительныхъ знаковъ; таковы, напр. тѣ случаи, гдѣ документъ поддѣлывается съ цѣлью замѣнить подлинное доказательство или для того, чтобы доказать, что что-нибудь принадлежитъ данному лицу по праву. Колебанія, которыя можно замѣтить въ этомъ отношеніи во французской практикѣ, наглядно указываютъ на непригодность этого момента быть характернымъ для состава подлога; вотъ почему, напр. австрійское уложеніе, которое требуетъ вообще при подлогѣ умыселъ вредить правамъ другого, знаетъ еще случай подлога, менѣе тяжко наказуемый и характеризуемый отсутствіемъ этого умысла (§ 320 f.).

Далѣе, моментомъ, характеризующимъ спеціальный умыселъ при подлогѣ, можетъ быть цѣль ввести кого-нибудь въ заблужденіе или обмануть кого-нибудь. Его, напр. выставляетъ германское уложеніе; это же начало проводится и въ англійскомъ статутномъ правѣ (intent to defraud). При выставленіи этого момента значеніе вредоносности подлога теряетъ свое первое мѣсто, такъ какъ при этой конструкціи достаточно, чтобъ дѣйствующій хотѣлъ ввести кого-нибудь въ заблужденіе, — и въ этомъ преимущество этого взгляда въ сравненіи съ предыдущими. Но и этотъ моментъ самъ по себѣ не характеризуетъ еще сущности подлога, такъ какъ и совершающій подлогъ, напр. съ тѣмъ, чтобъ показать свое искусство, тоже расчитываетъ на то, чтобъ обмануть другого. Надо при этомъ еще имѣть въ виду, что въ германскомъ уложеніи, гдѣ выставляется спеціальный умыселъ въ такомъ видѣ, самый подлогъ строится, какъ поддѣлка и употребленіе, такъ что дѣяніе считается выполненнымъ при наличности только послѣдняго момента.

Умыселъ при подлогѣ можетъ, наконецъ, характеризоваться, какъ умыселъ употребить документъ подъ видомъ настоящаго; такова конструкція, которую принимаютъ голландское уложеніе и проектъ нашего уложенія. Эта точка зрѣнія наиболѣе правильно освѣщаетъ сущность подлога документовъ и вытекаетъ изъ анализа самаго существа и назначенія института документовъ; она же даетъ возможность ясно отграничить подлогъ отъ ненаказуемыхъ поддѣлокъ.

Такъ какъ подлогъ представляетъ изъ себя посягательство противъ неприкосновенности удостовѣрительныхъ знаковъ, то съ момента учиненія поддѣлки преступленіе должно, повидимому, считаться оконченнымъ, такъ какъ уже этимъ создана опасность для всего правопорядка, и уже въ одномъ этомъ фактѣ есть уже посягательство на подобные знаки. Но законодатель не можетъ обращать вниманіе на одинъ только внѣшній фактъ поддѣлки и не можетъ не считаться съ мотивами дѣятельности даннаго лица; самый фактъ поддѣлки только тогда представляетъ въ дѣйствительности опасность, когда поддѣлывающій намѣренъ въ самомъ дѣлѣ употребить поддѣлываемое въ качествѣ истиннаго для какихъ-нибудь своихъ цѣлей; только съ этого момента посягательство противъ неприкосновенности удостовѣрительныхъ знаковъ становится осязаемымъ и можетъ представить опасность для правопорядка, такъ какъ здѣсь является возможность введенія поддѣльнаго предмета въ правовой оборотъ; если кто-нибудь поэтому поддѣлываетъ документъ съ тѣмъ, чтобъ только показать свое искусство, а не съ тѣмъ, чтобъ употребить поддѣльный документъ въ качествѣ настоящаго, въ этомъ еще нѣтъ опасности для правопорядка. Самыя цѣли, которыя преслѣдуются при употребленіи поддѣльнаго документа, могутъ быть весьма разнообразны, но это не вліяетъ на сущность преступленія: документъ можетъ быть поддѣланъ съ тѣмъ, чтобъ путемъ его пріобрѣсти противозаконную выгоду, съ тѣмъ, чтобъ доказать посредствомъ него вполнѣ законное притязаніе, и т. д. Всѣ эти цѣли только выясняютъ болѣе детально назначеніе употребленія документа

и указываютъ на то, что документъ долженъ быть поддѣланъ съ цѣлью сдѣлать изъ него извѣстное употребленіе.

Таковъ тотъ принципъ, изъ котораго слѣдуетъ исходить при разсмотрѣніи спеціальнаго умысла при подлогѣ. Конечно, умыселъ такого рода, какъ и всякій другой умыселъ, констатировать въ отдѣльныхъ случаяхъ бываетъ и не легко, но это не можетъ лишить его важнаго значенія, такъ какъ имъ создается моментъ, придающій этому преступленію ограниченный объемъ, соотвѣтственно дѣйствительной опасности этого дѣянія для правопорядка.

Взглядъ на то, что спеціальный умыселъ при подлогѣ долженъ быть конструированъ, какъ умыселъ употребить данный документъ съ опредѣленной цѣлью, признается, хотя и не особенно отчетливо, и въ нашей доктринѣ. Неклюдовъ [1]), исходя изъ того, что „подлогъ самъ по себѣ есть только приготовительное къ совершенію какого-либо противозаконнаго дѣянія средства", говоритъ, что „поэтому, понятно само собой, что для преступности подлога необходима наличность двухъ условій: 1) намѣренія сдѣлать изъ подлога употребленіе и 2) намѣренія воспользоваться подложнымъ съ противозаконной цѣлью, т. е. во вредъ государства, общества или частныхъ лицъ". Въ этихъ его словахъ указаніе на то, что цѣль при подлогѣ направляется на употребленіе документовъ вообще, очень широко само по себѣ, но второй моментъ значительно ограничиваетъ первый, такъ какъ имъ выставляется требованіе, чтобъ документъ былъ составленъ съ цѣлью противозаконнаго употребленія; изъ этого слѣдуетъ, что если подлогъ сдѣланъ не съ противозаконной цѣлью, то нѣтъ и состава преступленія, а такъ какъ Неклюдовъ подъ „противозаконностью" цѣли понимаетъ „вредоносность" подлога, то объемъ этого преступленія у него сильно суживается, тѣмъ болѣе, что онъ вполнѣ присоединяется ко взглядамъ французской доктрины, въ лицѣ Эли. Какъ мы увидимъ ниже, взглядъ этотъ даже съ точки зрѣнія нашего уложенія невѣренъ, такъ какъ

---

[1]) Неклюдовъ. в. с. стр. 217.

уложеніе о нак. не требуетъ безусловно противозаконной цѣли при подлогѣ, какъ общаго условія, относящагося ко всѣмъ видамъ этого преступленія. Неклюдовъ, какъ видно изъ сказаннаго, замѣчая, что при подлогѣ долженъ быть въ наличности умыселъ сдѣлать изъ документа извѣстное употребленіе, не придаетъ, собственно говоря, этому моменту особаго значенія, такъ какъ у него на первый планъ при подлогѣ выступаетъ вредоносность его. Спеціальный умыселъ, благодаря этому, строится имъ, не какъ цѣль употребить подложный документъ въ качествѣ подлиннаго, а какъ цѣль употребить подложный документъ во вредъ другимъ лицамъ.

Иначе понимаетъ сущность спеціальнаго умысла при подлогѣ проектъ уголовнаго уложенія, какъ это въ особенности слѣдуетъ изъ объяснительной къ нему записки. Проектъ уголовнаго уложенія вноситъ спеціальный умыселъ при подлогѣ въ число существенныхъ элементовъ самаго состава этого преступнаго дѣянія и говоритъ о поддѣлкѣ или передѣлкѣ документа съ цѣлью употребленія за настоящій; какъ слѣдуетъ изъ объясн. зап. [1]), редакціонная коммиссія исходила при этомъ изъ того положенія, что „основаніе наказуемости поддѣлки документовъ заключается въ введеніи въ юридическій оборотъ такихъ документовъ, которые самовольно и противозаконно видоизмѣняютъ существующія правоотношенія и тѣмъ создаютъ значительную опасность для устойчивости и твердости правового порядка“. Такимъ образомъ здѣсь ясно сознается необходимость указанія при подлогѣ спеціальнаго умысла въ такомъ видѣ, который наиболѣе соотвѣтствуетъ сущности подлога документовъ. Надо при этомъ еще замѣтить, что въ первоначальной (первой) редакціи проекта цѣль употребленія описывалась подробно; здѣсь было сказано: „съ цѣлью употребить поддѣльный или передѣланный документъ, какъ настоящій или завѣдомо о предназначеніи его для таковой цѣли“. Эта послѣдняя прибавка во второй редакціи проекта была отброшена, но въ новой (третьей) редакціи она

[1]) Объяснит. зап. т. V стр. 207.

введена вновь. Мотивами для этого указано слѣдующее [1]: „при разсмотрѣніи настоящаго вопроса нельзя не обратить вниманія, что отношеніе составителя подложнаго документа къ сему документу можетъ быть двоякое. Въ однихъ случаяхъ поддѣлыватель документа самъ намѣренъ непосредственно воспользоваться имъ, какъ настоящимъ, потребовавъ по оному платежа или предъявивъ его въ присутственномъ мѣстѣ. Въ этихъ случаяхъ намѣреніе, которымъ руководствуется виновный въ подлогѣ, можетъ быть опредѣлено, какъ цѣль употребить документъ за настоящій. Но нерѣдко документы поддѣлываются по заказу лица, которое желаетъ пользоваться ими, причемъ выполнитель заказа можетъ получить вознагражденіе за свою работу раньше употребленія подложнаго документа и не быть заинтересованнымъ въ дальнѣйшей судьбѣ послѣдняго. Конечно, для наказуемости виновнаго въ подложномъ составленіи такого документа необходимо съ его стороны знаніе того, что изготовленный имъ документъ будетъ употребленъ, какъ настоящій, но такая завѣдомость объ употребленіи, которое будетъ сдѣлано изъ подложнаго документа, не можетъ быть отождествляема съ наличностью у виновнаго прямой цѣли употребить документъ за настоящій. Указанная цѣль въ большинствѣ случаевъ отсутствуетъ у лица, совершающаго подлогъ по порученію другого; мало того—такой поддѣлыватель руководится какъ разъ противоположною цѣлью употребить документъ, какъ поддѣльный, сдавъ его въ качествѣ таковаго заказчику. Между тѣмъ въ описанныхъ случаяхъ подлога отвѣтственность несомнѣнно должна распространяться и на лицъ, изготовившихъ подложный документъ для другого, безъ намѣренія лично употребить документъ, какъ настоящій, но завѣдомо о предназначеніи его для сей цѣли. Отрицаніе отвѣтственности означенныхъ лицъ обезпечило бы безнаказанность многочисленнымъ участникамъ наиболѣе значительныхъ и серьезныхъ подлоговъ, въ которыхъ чаще всего приходится

[1]) Представленіе Министра Юстиціи отъ 14 мар. 1898 г. стр. 195.

прибѣгать къ содѣйствію людей, обладающихъ или техническими свѣдѣніями, или по крайней мѣрѣ особеннымъ искусствомъ въ подражаніи чужому почерку". Несмотря, однако, на эти соображенія, нельзя не замѣтить, что, собственно говоря, прибавка, которую вноситъ проектъ третьей редакціи, представляется излишней, потому что самое выраженіе „съ цѣлью употребленія за настоящій" достаточно обще и для того, чтобы обнять случаи, только что указанные—другое дѣло, если бы въ текстѣ проекта было сказано „съ цѣлью употребленія его самимъ виновнымъ за настоящій"—тогда могли бы родиться упомянутыя сомнѣнія; вотъ почему голландское уложеніе говоритъ о цѣли употребить документъ самому или доставить возможность употребленія его другому въ качествѣ настоящаго и непередѣланнаго документа; но опредѣленіе проекта представляется значительно обобщеннѣе этого, благодаря чему и эта прибавка совершенно напрасна; тотъ, кто по заказу другого лица похищаетъ чужую вещь для него, не можетъ быть признанъ безнаказаннымъ, хотя бы онъ и не имѣлъ цѣлью присвоить вещь для себя; то же самое должно быть установлено въ видѣ общаго правила и относительно подлога, между тѣмъ означенное дополненіе является громоздкимъ и можетъ породить затрудненія на практикѣ. Нужно еще замѣтить, что проектъ не требуетъ вовсе спеціальнаго умысла при подлогѣ интеллектуальномъ, какъ это слѣдуетъ изъ ст. 379 и 380 (393, 394 и 580).

Съ выставленіемъ того положенія, что при подлогѣ долженъ быть въ наличности умыселъ употребить подложный документъ въ качествѣ настоящаго, указывается вмѣстѣ съ тѣмъ, что самъ по себѣ подлогъ можетъ быть направленъ и на достиженіе цѣлей не противозаконныхъ; однако для устраненія всякихъ сомнѣній на этотъ счетъ слѣдовало бы, по образцу, напр. проекта норвежскаго уложенія (art. 182) оговорить особо случай подлога документовъ съ цѣлью создать доказательство какого-либо справедливаго требованія или отраженія требованія несправедливаго, установивъ за это уменьшенную наказуемость, такъ какъ въ этомъ случаѣ нельзя не

обратить особеннаго вниманія на мотивы, лежащіе въ дѣятелѣ. Этимъ было бы ясно указано на то, что всякій документъ охраняется самъ по себѣ, такъ какъ, хотя въ такомъ случаѣ вреда ни для какого другого правового блага и не можетъ послѣдовать, но дѣяніе тѣмъ не менѣе считается наказуемымъ. Проектъ уголовнаго уложенія принимаетъ въ расчетъ эту точку зрѣнія только относительно документовъ менѣе важныхъ, перечисляемыхъ въ ст. 378 (392), гдѣ указывается, что, „если обстоятельство, удостовѣряемое симъ документомъ, истинно", то это условіе значительно понижаетъ наказуемость (вмѣсто тюрьмы на срокъ не свыше 6 мѣс. назначается въ этомъ случаѣ арестъ).

Итакъ, только съ установленіемъ спеціальнаго умысла въ смыслѣ цѣли употребить подложный документъ въ качествѣ настоящаго, подлогъ документовъ получаетъ надлежащую конструкцію и имѣетъ самостоятельное значеніе.

§ 5. Если мы захотимъ посмотрѣть, содержитъ ли наше уложеніе требованіе умысла этого рода, то мы увидимъ, что оно его общимъ образомъ не знаетъ и не вноситъ его прямо въ составъ подлога; поэтому, если и можно утверждать, что спеціальный умыселъ этого рода входитъ въ составъ подлога, то въ пользу этого положенія можно привести лишь косвенныя доказательства. Такъ, напр. требованія наличности этого умысла при подлогѣ можно вывести косвенно изъ смысла ст. 291 — 294, гдѣ говорится между прочимъ о томъ, что, если виновный не сдѣлаетъ „никакого употребленія" изъ подложно составленныхъ бумагъ и раскается, то наказаніе ему смягчается, изъ чего слѣдуетъ, что подлогъ долженъ былъ быть имъ совершенъ съ цѣлью употребленія подложнаго; то же слѣдуетъ изъ ст. 975, которая, говоря о подлогѣ видовъ на жительство, прибавляетъ: „хотя безъ всякаго намѣренія употребить сей подлогъ для какого-либо другого противозаконнаго дѣла"; точно также наличность при подлогѣ умысла употребить документъ въ качествѣ настоящаго слѣдуетъ изъ тѣхъ статей, гдѣ указывается какая-нибудь особая цѣль при подлогѣ, напр. цѣль сокрытія или совершенія путемъ подлога другихъ

преступленій; въ другихъ статьхъ, напр. въ ст. 1690—1698, въ которыхъ умыселъ употребленія и косвенно не указывается, онъ подразумѣвается, такъ какъ дѣянія, упоминаемыя въ этихъ статьяхъ, разсматриваются въ уложеніи въ числѣ имущественныхъ посягательствъ, какъ дѣянія, опасныя для чужого имущества, а опасность отъ поддѣлки только тогда можетъ вообще возникнуть, если можно установить наличность умысла употребить поддѣльное въ качествѣ настоящаго. Однако, при этомъ нельзя говорить, что намѣреніе воспользоваться подлогомъ входитъ именно въ признакъ умышленности, какъ это дѣлаетъ Неклюдовъ [2]), такъ какъ это и требуется именно доказать, и спеціальный умыселъ не можетъ implicite заключаться въ умыслѣ простомъ.

Но если уложеніе не вводитъ прямо умысла употребить документъ въ составъ подлога, то оно указываетъ въ отдѣльныхъ своихъ статьяхъ разнообразныя спеціальныя цѣли, которыя входятъ въ составъ подлога и обусловливаютъ разсмотрѣніе отдѣльныхъ его случаевъ въ разныхъ частяхъ уложенія.

Обращаясь къ ближайшему разсмотрѣнію постановленій уложенія по вопросу о томъ, какія спеціальныя цѣли имъ имѣются въ виду при подлогѣ въ отдѣльныхъ статьяхъ, прежде всего необходимо отмѣтить тѣ случаи, гдѣ въ уложеніи вовсе не указывается никакихъ спеціальныхъ цѣлей дѣятельности виновнаго при подлогѣ, а требуется лишь одна умышленность. Таковы, напр. ст. 291—294, гдѣ говорится о составленіи подлога „для какихъ бы то ни было дѣлъ или видовъ". Что должно быть понимаемо подъ этимъ выраженіемъ, которое наше уложеніе употребляетъ очень часто, прямо указать трудно; но очевидно, что сюда подойдутъ и побужденія противозаконныя и безразличныя въ правовомъ отношеніи, корыстныя и некорыстныя, въ интересѣ личной выгоды или въ интересахъ третьихъ лицъ. Что въ этомъ случаѣ цѣли дѣятельности могутъ быть и не противозаконныя, можно вывести косвенно изъ ст. 299 улож., которая говоритъ, что

---

[1]) Неклюдовъ. в. с. стр. 217.

„если виновный въ одномъ изъ подлоговъ, означенныхъ въ статьяхъ 290, 292, 293, 294 и 296, сверхъ того воспользуется оными для учиненія какого-либо другого преступленія, подвергается наказанію по правиламъ о совокупности преступленій“. Изъ этого слѣдуетъ, что у виновнаго могутъ быть и не противозаконные виды при совершеніи преступленія, и онъ все таки будетъ отвѣчать за подлогъ, если онъ поддѣлалъ указанный документъ, и если притомъ можно установить наличность умысла употребить подложный документъ въ качествѣ настоящаго.

Такимъ образомъ въ законѣ не содержится спеціальнаго указанія на цѣль дѣятельности въ ст. 292—294. Однако, Неклюдовъ [1]) полагаетъ, что и здѣсь, какъ и въ другихъ статьяхъ уложенія, имѣются въ виду дѣла и виды вредные и противозаконные, причемъ въ доказательство этого положенія онъ ссылается на 3 ч. ст. 292 и 294, смягчающихъ наказаніе тому, кто „явится заблаговременно съ повинной и тѣмъ предупредитъ всякое вредное послѣдствіе сдѣланнаго имъ подлога“. Но едва ли здѣсь выраженіе „вредное послѣдствіе“ имѣетъ такой узкій смыслъ, который хочетъ придать ему Неклюдовъ,—тѣмъ болѣе, что и подлогъ, учиненный изъ непротивозаконныхъ видовъ, всетаки имѣетъ вредное послѣдствіе, такъ какъ, благодаря ему, нарушается тоже правопорядокъ. Если же ссылаться въ подтвержденіе этого положенія на то, что уложеніе въ ст. 292—294 употребляетъ выраженіе „злонамѣренно“, то не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что самое это выраженіе означаетъ не болѣе, какъ „умышленно“, на что уже указывалось выше; это кромѣ того слѣдуетъ и изъ того, что тамъ, гдѣ нужно сказать о противозаконномъ намѣреніи, уложеніе прямо употребляетъ это выраженіе: напр. въ ст. 1679, говорится о „противозаконномъ употребленіи“ подложныхъ документовъ, или ст. 417 говоритъ о неправильностяхъ въ составленіи документовъ, „впрочемъ безъ всякаго противозаконнаго намѣренія“.

---

[1]) Неклюдовъ. в. с. стр. 218.

Не говорится далѣе о спеціальной цѣли при употребленіи поддѣльнаго документа (напр. ст. 300), изъ чего слѣдуетъ, что употребленіе подложнаго документа можетъ быть сдѣлано и не съ противозаконной цѣлью. Ничего не говорится далѣе о характерѣ умысла и въ ст. 598 и 599 улож., гдѣ рѣчь идетъ о подлогахъ въ пріисковыхъ шнуровыхъ книгахъ, и сенатъ толкуетъ это именно въ смыслѣ того, что здѣсь не требуется непремѣнно противозаконной цѣли (рѣш. 1888 г. № 31—Скрябина).

Съ другой стороны ничего не говорится, повидимому, о характерѣ умысла и въ разобранной выше ст. 362, содержащей постановленія объ интеллектуальномъ подлогѣ, но изъ тѣхъ ссылокъ, которыя дѣлаются ст. 461 и 1301 на ст. 362, слѣдуетъ, что относительно нѣкоторыхъ дѣяній, упоминаемыхъ въ этой послѣдней статьѣ, требуется наличность противозаконнаго умысла; ст. 461 говоритъ о неправильности въ засвидѣтельствованіи актовъ, учиненныхъ чиновниками крѣпостныхъ дѣлъ, и въ томъ случаѣ, если это дѣяніе учинено „съ умысломъ, изъ какихъ либо противозаконныхъ видовъ", она дѣлаетъ ссылку относительно наказанія на ст. 362; ст. 1301 имѣетъ въ виду то же дѣяніе, учиненное маклерами; изъ этого можно вывести, что въ ст. 362 при подложномъ засвидѣтельствованіи актовъ имѣются въ виду противозаконные виды [1]); далѣе изъ того, что въ ст. 417 говорится о неправильномъ составленіи рапортовъ или донесеній, „впрочемъ безъ всякаго противозаконнаго намѣренія", слѣдуетъ, что, хотя въ этой статьѣ и не дѣлается ссылки на ст. 362,

[1]) Этому соотвѣтствуетъ и то, что сказано въ Журн. Высоч. учр. Ком. для разсмотрѣнія проекта улож. о наказ. для Имперіи и Царства Польскаго относительно ст. 480 проекта; здѣсь говорится: „находя, что неправильное завѣдомое совершеніе крѣпостныхъ и другихъ актовъ не можетъ быть иначе, какъ слѣдствіемъ какихъ-либо недозволенныхъ видовъ, и что потому преступленіе сіе всегда должно быть считаемо умышленнымъ, К. полагаетъ виновныхъ въ ономъ подвергать во всякомъ случаѣ наказаніямъ, постановленнымъ за подлогъ въ отправленіи должности".

но такъ какъ и эта послѣдняя говоритъ о томъ же случаѣ подлога, то въ отношеніи его тоже имѣется въ виду противозаконное намѣреніе. Такимъ образомъ относительно нѣкоторыхъ дѣяній, указываемыхъ въ ст. 362, можно установить требованіе наличности противозаконнаго умысла. Это положеніе принялъ и сенатъ (1870 г. № 487—Преображенскаго и Косова), высказавъ, что „противозаконность намѣренія составляетъ одинъ изъ существенныхъ признаковъ, отличающихъ преступленіе, предусмотрѣнное 362 ст., отъ однородныхъ съ нимъ, но имѣющихъ меньшую важность преступленій, указанныхъ въ 417 ст.“ Въ послѣдующихъ своихъ рѣшеніяхъ сенатъ стремится анализировать точнѣе сущность ст. 362 и указать, въ какихъ именно случаяхъ требуется въ ней противозаконность умысла. Такъ, это дѣлается прежде всего въ рѣшеніи 1877 г. № 84—Дмитріева. Какъ слѣдуетъ изъ этого рѣшенія, въ своей кассаціонной жалобѣ Д. ссылался на рѣшеніе 1870 № 487 въ доказательство неправильности примѣненія къ его дѣянію ст. 362 въ виду того, что онъ не обвинялся въ совершеніи подлога изъ корыстныхъ или иныхъ какихъ-либо личныхъ видовъ. На это сенатъ отвѣтилъ: „означенное рѣшеніе сената относится до нѣкоторыхъ видовъ служебнаго подлога, предусмотрѣннаго во 2-й ч. 362 ст. ул., одинъ изъ существенныхъ признаковъ которыхъ, по указанію этого закона, какъ это и признано Правит. Сенат., составляетъ противозаконность намѣренія. Между тѣмъ по настоящему дѣлу Д. признанъ виновнымъ въ засвидѣтельствованіи довѣренности отъ имени отсутствующаго лица съ удостовѣреніемъ, что это лицо явилось къ нему для сего лично, и въ засвидѣтельствованіи затѣмъ на основаніи довѣренности запродажной записи, т. е. въ одномъ изъ подлоговъ, означенныхъ въ первой части ст. 362, наказуемость котораго по этому закону, какъ это явствуетъ изъ точнаго его смысла, не обусловливается противозаконностью намѣренія, а достаточно для сего только сознательнаго совершенія такого подлога; отсутствіе же при этомъ корыстныхъ или другихъ безнравственныхъ побужденій или же учиненіе по-

добнаго подлога по одному только легкомыслію можетъ служить лишь основаніемъ смягченія наказанія виновнаго, какъ это правильно призналъ судъ въ настоящемъ случаѣ". Наконецъ, въ рѣшеніи 1887 г. № 32—о злоупотребленіяхъ въ Сар. Симбирскомъ банкѣ сенатъ идетъ еще дальше и въ ст. 362 различаетъ три вида дѣяній, при которыхъ умыселъ обрисовывается неодинаково. Онъ говоритъ: „ст. 362, помѣщенная въ главѣ IV разд. V ч. 1 улож. о подлогахъ по службѣ, подводитъ подъ понятіе такого подлога похищеніе, истребленіе или утайку служебныхъ актовъ и документовъ, а равно и такія дѣянія при отправленіи должности, которыя направлены къ сокрытію въ сихъ актахъ и документахъ истины, причемъ, исчисляя эти дѣянія, упоминаетъ о противозаконномъ намѣреніи лишь въ случаѣ утайки истины въ докладахъ, рапортахъ, протоколахъ и другихъ какихъ-либо оффиціальныхъ актахъ, а также въ случаѣ переправки или подделки въ сихъ актахъ, относительно же нарушенія правилъ, постановленныхъ для совершенія или засвидѣтельствованія актовъ, требуетъ, чтобы нарушеніе это было учинено не только съ намѣреніемъ, но и изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ. Въ виду сего нельзя не придти къ заключенію, что ст. 362 раздѣляетъ означенныя въ ней дѣянія на три группы: а) на такія, уголовный характеръ которыхъ ни въ какой зависимости отъ признанія противозаконнаго намѣренія не состоитъ, б) на такія, которыя получаютъ свойство и значеніе служебнаго подлога только при условіи противозаконнаго намѣренія, в) и на такія, наличность которыхъ обусловливаетъ противозаконное намѣреніе изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ". Къ первой группѣ относятся тѣ случаи, когда должностное лицо при отправленіи службы учинитъ фальшивую подпись, приведетъ вымышленное свидѣтельское показаніе, допуститъ подставныхъ свидѣтелей, заочно составитъ актъ отъ имени отсутствующаго или совершитъ оный заднимъ числомъ, включитъ въ оффиціальный актъ вымышленное обстоятельство или ложныя свѣдѣнія, выдастъ мнимую копію съ акта несуществую-

щаго или же невѣрную съ настоящаго акта копію или дозволитъ себѣ поддѣлку актовъ, отданныхъ ему на сохраненіе, кромѣ означенныхъ въ ст. 361 ул. Ко второй группѣ сенатъ относитъ сокрытіе истины въ докладахъ, рапортахъ и т. д. и учиненіе злонамѣренныхъ подчистокъ или переправокъ въ этихъ актахъ; къ третьей—нарушеніе правилъ, постановленныхъ для совершенія или засвидѣтельствованія оффиціальныхъ актовъ. Въ этомъ случаѣ сенатъ основывается на томъ, что говорится въ ст. 417 и ст. 410, 411, 461, 468 и 1301 улож.

Разсматривая, однако, ближе содержаніе ст. 362, мы не можемъ не найти, что это дѣленіе, создаваемое сенатомъ, хотя и вполнѣ правильно, но проведено непослѣдовательно: такъ ко второй группѣ отнесены почему-то злонамѣренныя подчистки или переправки въ актахъ, но нигдѣ въ другихъ статьяхъ уложенія нѣтъ указанія на то, что здѣсь разумѣется противозаконный умыселъ: сенатъ былъ введенъ въ заблужденіе въ этомъ случаѣ, должно быть, выраженіемъ „злонамѣренно“, что, какъ указано было выше, равносильно „умышленно“. Съ другой стороны въ первой группѣ помѣщены, напр. такія дѣянія, какъ включеніе въ акты завѣдомо ложныхъ свѣдѣній, хотя это соотвѣтствуетъ вообще совершенію невѣрныхъ актовъ, о чемъ сказано въ ст. 417.

§ 6. Ничего не говорятъ о характерѣ умысла и ст. 1690—1692, содержащія постановленія о подлогѣ крѣпостныхъ, нотаріальныхъ и явочныхъ актовъ, духовныхъ завѣщаній и домашнимъ порядкомъ составляемыхъ документовъ, какъ это слѣдуетъ изъ самаго текста этихъ статей. Но если относительно ст. 1690 и 1691 этотъ вопросъ не возбуждаетъ сомнѣнія, что подтверждается, напр. и нашей кассаціонной практикой [1]), то въ этомъ отношеніи относительно ст. 1692,

---

[1]) Таково, напр. рѣшеніе 1870 № 1584—Фурса, гдѣ рѣчь идетъ о представленіи въ Государ. Банкъ завѣдомо подложной довѣренности, и гдѣ было признано, что отсутствіе корыстной цѣли при подлогѣ „если и уменьшаетъ степень безнравственности его, то во всякомъ случаѣ не изглаживаетъ противозаконности такого поступка и не можетъ служить основаніемъ его невмѣняемости“.

говорящей о документахъ частныхъ, высказывается иногда мнѣніе, что здѣсь предусматривается непремѣнно подлогъ, учиненный съ корыстной цѣлью. Такой взглядъ проводитъ иногда и сенатъ, такъ что въ его рѣшеніяхъ можно подмѣтить два направленія: одно не придаетъ исключительнаго значенія корыстной цѣли при подлогѣ, указанномъ въ ст. 1692, другое напротивъ ставитъ безусловнымъ его признакомъ корыстный умыселъ. Въ первомъ отношеніи сенатъ допускалъ у виновнаго возможность и иныхъ цѣлей кромѣ корыстныхъ или прямо указывалъ, что корыстная цѣль не есть существенный признакъ состава этого преступленія. Въ рѣшеніи 1871 г. № 1137 — Глузмана, сенатъ высказалъ, что поддѣлка акта, домашнимъ порядкомъ составляемаго, который можетъ быть принятъ по закону въ доказательство права на имущество, хотя бы составленіе акта и было сдѣлано не для доказательства собственно права на имущество, а для другой цѣли, напр. для доказательства права на жительство въ данной мѣстности, не измѣняетъ свойства преступленія, такъ какъ и законъ не требуетъ, чтобы поддѣлка такихъ актовъ была непремѣнно сдѣлана для доказательства правъ на имущество, а ставитъ условіемъ для опредѣленія наказанія лишь возможность принятія ихъ по закону за такія доказательства. Здѣсь сенатъ имѣетъ въ виду только одинъ частный случай подлога, но въ другомъ рѣшеніи (1872 г. № 368—Григорьева) онъ выставляетъ общій принципъ въ томъ же духѣ, находя, что „наказаніе за подлогъ не обусловливается намѣреніемъ, исключительно корыстнымъ, о которомъ въ первой части этой статьи даже вовсе не упоминается, почему жалоба на примѣненіе этой статьи къ лицу, участвовавшему въ подлогѣ, изъ личныхъ своихъ видовъ, хотя и не корыстныхъ, не имѣетъ никакого основанія“. Эта мысль подтверждается и въ рѣшеніи 1876 г. № 327 — Горвица и Фейгина, гдѣ тоже сказано, что „подложное составленіе домашнихъ актовъ не можетъ оставаться безнаказаннымъ на томъ основаніи, что цѣлью подлога было пріобрѣтеніе не какого-нибудь имущества, а иного права, посредствомъ поддѣлки такого акта, который вообще при-

нимается по закону за доказательство правъ на имущество“.

Совершенно противоположный этому взглядъ сенатъ высказалъ въ рѣшеніи 1875 г. № 574—Звѣрева [1]), гдѣ было сказано слѣдующее: „что корыстная цѣль входитъ въ составъ преступленія, предусматриваемаго 1692 ст. ул., очевидно изъ второй части этой статьи закона, и еще болѣе изъ 1537 ст. ул., въ коей опредѣляется отвѣтственность за подложное составленіе тѣхъ же актовъ, которые указаны въ 1692 ст., но „безъ корыстныхъ, означенныхъ въ этой статьѣ видовъ“. Но при неуказаніи въ вопросѣ о виновности З. на наличность корыстныхъ или вообще какихъ-либо видовъ при совершеніи подлога, не можетъ быть примѣнима къ нему не только 1692 ст., но и указываемая имъ 1537 ст., примѣненіе коей обусловливается намѣреніемъ виновнаго препятствовать въ какихъ-либо дѣлахъ или же инымъ образомъ вредить лицу, отъ имени котораго совершенъ подлогъ, или нанести ему оскорбленіе, ибо и о такомъ намѣреніи не упоминается въ вопросѣ о виновности З. Такимъ образомъ единственный законъ, подъ дѣйствіе котораго можетъ быть подведено дѣйствіе З., есть ст. 1538, на основаніи которой и должно быть опредѣлено ему наказаніе за подложное составленіе прошенія отъ имени К.“.

Насколько, однако, можно согласиться съ этимъ толкованіемъ ст. 1692? Если мы обратимся для рѣшенія этого вопроса къ самой ст. 1692, то увидимъ, что она не даетъ еще повода дѣлать такое заключеніе. Прежде всего нельзя не обратить вниманія на то, что первая часть ст. 1692, которая гласитъ: „за поддѣлку другихъ, домашнимъ порядкомъ составляемыхъ, какого-либо рода актовъ и бумагъ, которые въ дѣлахъ исковыхъ или тяжебныхъ, или же въ дѣлахъ торговыхъ могутъ быть по закону принимаемы въ доказательство права на

[1]) Положимъ, еще въ рѣшеніи 1871 г. № 152—Пчелина, сенатъ общимъ образомъ постановилъ, что понятіе подлога заключаетъ въ себѣ непремѣнно намѣреніе ввести кого-нибудь въ заблужденіе ради личной выгоды виновнаго въ подлогѣ, но здѣсь не указывается прямо, что эта выгода должна быть имущественной.

имущество или принятыхъ кѣмъ-либо обязанностей“, не содержитъ въ себѣ вовсе указанія на наличность особой корыстной цѣли подлога этого вида; на это указывается лишь во второй части этой статьи, гдѣ говорится: „тѣмъ же наказаніямъ подвергаются и поддѣлывающіе изъ корыстныхъ или иныхъ противозаконныхъ видовъ, чьи-либо печати, или же употребляемые нѣкоторыми частными людьми штемпеля“; благодаря этому, изъ самой статьи 1692 можно только вывести, что наказанію, указанному въ первой части ея, наравнѣ съ составителями подложныхъ частныхъ документовъ, подвергаются и приготовившіе поддѣльные частные печати и штемпеля изъ корыстныхъ видовъ. А изъ этого слѣдуетъ съ одной стороны то, что поддѣлка публичныхъ печатей не подходитъ подъ ст. 1692, и дѣйствительно этотъ проступокъ имѣется въ виду ст. 296, гдѣ поддѣлка публичныхъ печатей наказывается независимо отъ того, какой умыселъ былъ у поддѣлывателя; съ другой стороны—то, что поддѣлка частныхъ печатей не изъ корыстнаго или иного противозаконнаго умысла не будетъ наказуема. Законодатель не счелъ возможнымъ облагать вообще этого рода дѣяніе наказаніемъ, и только при наличности спеціальнаго умысла установилъ его наказуемость. Такимъ образомъ изъ разсмотрѣнія ст. 1692 видно, что въ ней говорится о двухъ самостоятельныхъ преступленіяхъ: о подлогѣ частныхъ документовъ и о поддѣлкѣ частныхъ печатей, и вся связь между первой и второй частями ст. 1692 заключается лишь въ назначеніи одного и того же наказанія за эти дѣянія; но при такихъ условіяхъ распространять корыстный умыселъ, о которомъ говорится во второй части ея относительно поддѣлки печатей, на первую часть, гдѣ говорится о подлогѣ документовъ, не представляется возможнымъ на точномъ основаніи ст. 1692. Необходимо поэтому обратиться къ другимъ статьямъ и посмотрѣть, даютъ ли онѣ право дѣлать подобное распространеніе.

Ссылку на ст. 1692 дѣлаетъ ст. 1537, которая говоритъ: „если кто для оскорбленія чести какого-либо лица или же хотя и безъ корыстныхъ, означенныхъ въ статьѣ 1692 сего Уложенія видовъ, но съ намѣреніемъ препятствовать въ ка-

кихъ-либо дѣлахъ или же инымъ образомъ вредить ему поддѣлаетъ письмо или иную бумагу отъ имени сего лица...“ Здѣсь прежде всего надо обратить вниманіе на то, что ссылка на ст. 1692 тутъ является излишней, такъ какъ ст. 1692 во второй части вовсе не подразумѣваетъ какой-нибудь особый родъ корыстныхъ видовъ, такъ что, если бы въ ст. 1537 была опущена фраза: „означенныхъ въ ст. 1692 сего Уложенія“, то смыслъ ея нисколько бы не пострадалъ, какъ не страдаетъ онъ въ ст. 1538, гдѣ говорится тоже объ отсутствіи корыстной цѣли, но при этомъ ссылки на ст. 1692 не дѣлается; эта статья говоритъ: „когда поддѣлка письма или иной бумаги отъ имени другого лица учинена не съ намѣреніемъ оскорбить оное или вредить ему, но для какихъ-либо хотя и некорыстныхъ видовъ, то виновный въ семъ приговаривается...“; такимъ образомъ самая ссылка на ст. 1692 въ ст. 1537 совершенно излишня. Вообще же для того, чтобы понять все значеніе ст. 1537 и 1538, интересно прослѣдить ихъ исторію. Въ проектѣ уложенія 1844 г. вмѣсто этихъ статей была одна ст. 1959, которая имѣла въ виду два дѣянія: 1) поддѣлку письма или иной бумаги отъ имени другого лица для оскорбленія его чести и 2) написаніе или подписаніе письма или бумаги отъ имени другого безъ всякаго намѣренія оскорбить его или же повредить или сдѣлать ему какую-нибудь непріятность и безъ корыстныхъ означенныхъ въ ст. 2137 разд. XII видовъ, а единственно по шалости или для шутки; такимъ образомъ здѣсь имѣлась въ виду только поддѣлка письма съ цѣлью оскорбленія и ради шутки. Но при разсмотрѣніи проекта въ Госуд. Совѣтѣ было найдено нужнымъ прибавить сюда еще одно дѣяніе—поддѣлку письма или иной бумаги отъ имени другого лица не съ намѣреніемъ оскорбить оное или вредить ему, но для какихъ-либо, хотя и некорыстныхъ видовъ. Благодаря этому получились ст. 2021 улож. изд. 1845 г., соотвѣтствующая буквально ст. 1537, ст. 2022 — соотвѣтствующая ст. 1538 и обязанная своимъ появленіемъ Госуд. Совѣту, и ст. 2023, соотвѣтствующая второй части ст. 1959; эта послѣдняя статья однако не вошла въ улож. изд. 1866 г. При этомъ въ ст. 2021

(1537 улож. изд. 1885 г.) умыселъ получилъ иное выраженіе, чѣмъ это было въ первой части ст. 1959 проекта, такъ какъ онъ не ограничивается здѣсь цѣлью оскорбленія, а содержитъ въ себѣ еще и цѣль препятствовать въ какихъ-либо дѣлахъ или вредить кому-нибудь, а такъ какъ ст. 2021 (1537) говоритъ при этомъ: „или же хотя и безъ корыстныхъ, означенныхъ въ ст. 2204 (1692) сего Уложенія видовъ“, то изъ этого слѣдуетъ, что въ дѣяніи, отнесенномъ къ этой статьѣ, умыселъ можетъ быть и корыстнаго свойства; то же надо сказать и относительно ст. 2022 (1538), чего вовсе не имѣлось въ виду въ первоначальномъ текстѣ проекта. Самое происхожденіе этой ссылки на ст. 1692 можно объяснить тѣмъ, что составители уложенія знали, что въ ст. 1692 рѣчь идетъ о корыстномъ умыслѣ, но они не обратили вниманія на то, что о немъ говорится тамъ только во второй части этой статьи. Если, поэтому, мы и находимъ въ ст. 1537 эту ссылку, то ее надо понимать въ смыслѣ ссылки на вторую часть ст. 1692, въ которой только и говорится прямо о корыстныхъ видахъ.

Подобнаго же толкованія ст. 1692—въ томъ смыслѣ, что для состава подлога документовъ, указаннаго въ ней, не требуется наличности корыстной цѣли, придерживается и Неклюдовъ; при этомъ, однако, надо замѣтить, что Неклюдовъ [1]), установивъ сначала положеніе, что „сопоставленіе между собой 1692 и 1537—1538 ст. Уложенія положительно удостовѣряетъ, что для преступности подлога необходима преступная цѣль: корысть (ст. 1692), намѣреніе причинить вредъ (ст. 1537) или, по крайней мѣрѣ, личные виды (ст. 1538)“, впослѣдствіи [2]) отступаетъ отъ этого и не признаетъ корыстную цѣль существенной для подлога частныхъ документовъ. По его словамъ, по буквѣ закона слѣдуетъ признавать необходимымъ требованіе въ ст. 1692 въ составѣ подлога корысти въ противоположность ст. 1537 и 1538, но разумъ закона напротивъ указываетъ, что разница между этими преступленіями обусло-

¹) Неклюдовъ. в. с. стр. 219.
²) Неклюдовъ. в. с. стр. 352—357.

вливается родомъ или свойствомъ документовъ или бумагъ, а не свойствомъ намѣренія. И, какъ онъ прямо заявляетъ далѣе, „примѣненіе 1692 ст. не обусловливается существованіемъ у подсудимаго корыстнаго намѣренія; для примѣненія ея достаточно дѣйствія изъ личныхъ видовъ“.

Въ виду того, что въ общій составъ подлога документовъ по нашему праву не входитъ корыстное намѣреніе, требовать его тамъ, гдѣ въ законѣ прямо оно не указано, для состава подлога нельзя изъ соображеній стѣснительнаго толкованія, что вполнѣ правильно призналъ и сенатъ въ рѣшеніи 1875 г. № 592— Петровскаго и Тиханова, замѣтивъ, что „объясненіе защитника, что подлогъ, сдѣланный безъ цѣли, не влечетъ за собой наказанія, не заслуживаетъ никакого уваженія, ибо для примѣненія 1441 ст., предусматривающей подлогъ въ актахъ о рожденіи, бракосочетаніи и смерти, не требуется непремѣннаго существованія корыстной цѣли“. Но сами случаи учиненія подлога изъ соображеній корыстныхъ могутъ привлекать особое вниманіе законодателя; такъ напр. изъ этихъ случаевъ германское уложеніе создаетъ особую категорію квалифицированнаго подлога, видя элементъ квалификаціи въ наличности корыстной цѣли; составители проекта уголовнаго улож. не сочли, однако, возможнымъ слѣдовать этой системѣ и говорятъ въ проектѣ о подлогѣ вообще, безразлично, какой умыселъ былъ при этомъ у виновнаго, но, „если виновный, прибавляютъ они, хотѣлъ употребить или употреблялъ поддѣльный документъ съ какой-нибудь иной преступной цѣлью, то дѣяніе будетъ заключать въ себѣ идеальную совокупность, причемъ изготовленіе документа будетъ приготовленіемъ, а употребленіе таковаго или приготовленіемъ, или покушеніемъ, смотря по условіямъ состава того преступнаго дѣянія, для выполненія коего долженъ былъ служить подложный актъ“ [1]). Но при такой конструкціи подлога особенно ясно выступаетъ взглядъ на него, какъ на преступленіе, не имѣющее самостоятельнаго значенія и представляющее только опасность для другихъ пра-

---

[1]) Объясн. зап. т. V стр. 208.

вовыхъ интересовъ, а такъ какъ въ большинствѣ случаевъ у составителя подлога имѣется въ виду преступная цѣль, то, собственно говоря, примѣненіе общихъ положеній о подлогѣ можетъ имѣть мѣсто сравнительно рѣдко, если слѣдовать словамъ объяснительной записки.

§ 7. Наконецъ, что касается другихъ спеціальныхъ цѣлей, которыя знаетъ уложеніе при отдѣльныхъ случаяхъ подлога, то онѣ весьма разнообразны; такъ, по ст. 290 наказывается употребленіе подлога для присвоенія непринадлежащей власти; по ст. 359 преслѣдуется составленіе подложныхъ документовъ для сокрытія растраты ввѣреннаго по службѣ имущества; ст. 554 говоритъ о поддѣлкѣ документовъ или актовъ съ намѣреніемъ черезъ то присвоить себѣ или похитить какое-либо казенное имущество, или же причинить оному ущербъ; ст. 837 имѣетъ въ виду подлогъ съ намѣреніемъ сократить карантинные обряды или совсѣмъ оныхъ избѣгнуть; ст. 1217 говоритъ о предъявленіи фальшивыхъ документовъ для полученія патента на плаваніе подъ русскимъ флагомъ; ст. 1406 имѣетъ въ виду составленіе подложнаго акта въ намѣреніи лишить кого-либо права состоянія или званія, а въ ст. 1414 идетъ рѣчь о составленіи подложныхъ документовъ или измѣненіи подлинныхъ для доставленія кому-либо другому способа присвоить себѣ непринадлежащія права состоянія и т. д.; ст. 1554 имѣетъ въ виду поддѣлку документовъ съ цѣлью вступленія въ новый бракъ при наличности стараго; ст. 1571 преслѣдуетъ представленіе поддѣльныхъ документовъ для сокрытія бывшихъ къ заключенію брачнаго союза препятствій; наконецъ, ст. 1677 и 1678 говорятъ о подлогѣ документовъ въ намѣреніи присвоить себѣ или доставить другому средство присвоить чужое недвижимое имѣніе.

ГЛАВА VI.

Внѣшняя сторона состава подлога документовъ.

---

§. 1. Различія въ конструкціи внѣшней стороны состава подлога въ положительныхъ законодательствахъ.—§ 2. Моментъ окончанія преступленія. — § 3. Точка зрѣнія уложенія о наказаніяхъ.—§ 4. Покушеніе при подлогѣ.—§ 5. Составленіе подложнаго документа.—§ 6. Значеніе дефектовъ въ формѣ и въ содержаніи поддѣлываемаго документа.—§ 7. Формы поддѣлки документовъ. — § 8. Злоупотребленіе бланковой подписью.—§ 9. Передѣлка подлиннаго документа.—§ 10. Сущность интеллектуальнаго подлога.—§ 11. Постановленія о немъ уложенія.—§ 12. Взглядъ нашей кассаціонной практики на интеллектуальный подлогъ, учиняемый частными лицами.—§ 13. Общая характеристика преступной дѣятельности при интеллектуальномъ подлогѣ.—§ 14. Употребленіе подложныхъ документовъ.—§ 15. Совокупность подлога съ другими преступленіями.

---

§ 1. Изслѣдованіе внѣшней стороны состава подлога документовъ даетъ возможность выяснить, въ чемъ заключается самая преступная дѣятельность при немъ, а также опредѣлить, съ какого момента можно считать это преступленіе совершившимся, и гдѣ характерныя черты отличія дѣятельности предварительной, направленной на учиненіе подлога, отъ самаго факта выполненія его.

Какъ уже не разъ указывалось, по способу самаго совершенія подлога проводится различіе между двумя его главными видами: между матеріальнымъ подлогомъ, гдѣ самая форма документа, внѣшній его видъ, является предметомъ посягательства посредствомъ поддѣлки или передѣлки, и интеллектуальнымъ, гдѣ поддѣлка, не касаясь формы документа, направляется на его содержаніе, гдѣ съ формальной стороны документъ представляется правильнымъ, но гдѣ ложь лежитъ въ его содержаніи. Какъ говоритъ Dalloz, этотъ видъ подлога потому называется интеллектуальнымъ, что онъ совершается, не оставляя послѣ себя никакой матеріальной и видимой черты [1]). Здѣсь съ внѣшней стороны актъ ничѣмъ не отличается отъ подлиннаго, и только ближайшее разсмотрѣніе сущности его содержанія можетъ убѣдить въ его лживости [2]).

Каждый изъ этихъ двухъ видовъ подлога представляетъ извѣстныя индивидуальныя черты, такъ что и самое разсмотрѣніе ихъ въ интересахъ удобства должно идти отдѣльно, и если прежнія законодательства не проводили особеннаго различія между этими видами подлога и говорили о нихъ совмѣстно, то новѣйшія напротивъ стараются каждому изъ нихъ посвящать самостоятельныя постановленія. Вообще же если обратиться къ разсмотрѣнію положительныхъ законодательствъ по вопросу о томъ, какъ они относятся къ описанію самаго способа дѣйствія при подлогѣ, то можно замѣтить извѣстную разницу между старыми законодательствами и законодательствами новѣйшей формаціи. Для старыхъ законодательствъ вопросъ о способѣ совершенія подлога представ-

---

[1]) Dalloz. l. c. p. 555.

[2]) По словамъ Гарро (l. c. p. 158), матеріальный подлогъ—это тотъ, „que l'oeil pourra percevoir, parce que la falsification laissera sur la pièce fausse, une trace physique"; тогда какъ интеллектуальный касается „non de l'ecriture de l'acte, mais de sa substance, non de sa forme materielle, mais des clauses qu'il doit contenir. En ce cas le faux n'est pas sensible à l'oeil, puisque l'ecriture à l'instant même ou elle intervient, dénature frauduleusement la pensée qu'elle est destinée à exprimer".

лялся весьма важнымъ; посредствомъ перечисленія въ законѣ разныхъ способовъ учиненія этого преступленія законодатель главнымъ образомъ стремился дать указаніе судьѣ относительно того, какъ относиться ему къ данному конкретному случаю поддѣлки, считать ли его подлогомъ или нѣтъ; вмѣстѣ съ тѣмъ каждому лицу наглядно указывалось, какимъ именно путемъ преступленіе совершается и чего, слѣдовательно, дѣлать нельзя; но, разумѣется, всякое подобное перечисленіе не достигаетъ своей цѣли, такъ какъ законъ никогда не въ силахъ объять все разнообразіе отдѣльныхъ случаевъ дѣйствительной жизни, и перечень ихъ можетъ имѣть значеніе лишь примѣровъ, которые, однако, только загромождаютъ собой содержаніе отдѣльныхъ статей кодекса и представляются поэтому совершенно излишними. Вотъ почему новѣйшіе кодексы, понявъ, что дробнаго и детальнаго указанія въ законѣ способовъ совершенія подлога давать нечего, нашли, что достаточно въ этомъ отношеніи ограничиться указаніемъ лишь нѣсколькихъ формъ учиненія подлога, обобщая въ нихъ отдѣльные случаи по признакамъ, представляющимъ въ дѣйствительности извѣстныя характерныя черты.

Это различіе между отдѣльными кодексами, хотя и не такъ рѣзко, замѣчается и въ настоящее время: представителями стараго типа опредѣленій сущности способа дѣйствія при подлогѣ являются французскій кодексъ и отчасти наше уложеніе; новую тенденцію напротивъ проводятъ, напр. германское уложеніе и нашъ проектъ уголовнаго уложенія.

Ближайшее разсмотрѣніе содержанія постановленій французскаго и германскаго кодексовъ по этому вопросу можетъ дать болѣе подробное разъясненіе этого положенія.

Французскій кодексъ, давая въ цѣломъ рядѣ своихъ статей детальныя и казуистичныя перечисленія отдѣльныхъ способовъ совершенія подлога, не знаетъ обобщенныхъ формулъ для выраженія сущности ихъ, какъ мы это видимъ въ новѣйшихъ кодексахъ; при этомъ, хотя онъ интеллектуальному подлогу и посвящаетъ отдѣльную статью (art. 141), но тѣмъ не менѣе и среди способовъ совершенія матеріальнаго под-

лога указываются въ немъ такіе, которые имѣютъ отношеніе къ подлогу интеллектуальному.

Французскіе практики и теоретики требуютъ единогласно, чтобы подлогъ заключалъ въ себѣ искаженіе истины (altération de la verité), выражающееся въ извѣстномъ матеріальномъ видѣ, причемъ всѣ они находятъ, что тѣ перечисленія отдѣльныхъ видовъ подложныхъ дѣйствій, которыя находятся въ кодексѣ, имѣютъ ограничительное значеніе, такъ что подлогъ, совершенный инымъ способомъ, чѣмъ тотъ, который указанъ въ кодексѣ, по ихъ ученію, не образуетъ собой преступленія подлога [1]). Самые же эти способы отдѣльно указаны для подлога, учиняемаго должностными лицами при исполненіи своихъ обязанностей, и для подлога, совершаемаго лицами частными. Въ первомъ отношеніи art. 145 указываетъ четыре способа: 1) поддѣлку подписи (fauses signatures), подъ чѣмъ доктрина разумѣетъ [2]) подпись акта какимъ нибудь именемъ, которое не принадлежитъ составителю документа; 2) измѣненіе актовъ, бумагъ и подписей (altération des actes, écritures ou signatures); подъ этимъ понимается уничтоженіе или измѣненіе условій или фактовъ, которые свидѣтельствуются данными актами [3]), причемъ необходимо только, чтобы всѣ эти измѣненія были совершены послѣ того, какъ актъ получилъ свое полное выраженіе [4])—иначе это будетъ случай интеллектуальнаго подлога; 3) подмѣнъ лицъ (supposition de personnes), подъ чѣмъ надо разумѣть тотъ случай, когда чиновникъ обозначаетъ въ своемъ актѣ присутствіе одного лица, тогда какъ въ дѣйствительности присутствовало другое лицо [5]); это, собственно, случай интел-

---

[1]) Hélie. Théorie t. II 1863 p. 538. Hélie. Pratique criminelle t. II p. 157. Garraud. l. c. t. III p. 156 („tout le monde convient que cette énumeration est limitative").

[2]) Hélie l. c. p. 407.

[3]) Hélie. l. c. p. 407 и 408.

[4]) Garraud. l. c. p. 247; рѣш. касс. суда 24 февр. 1809 г., 15 іюня 1843 г. и 14 февр. 1868 г.

[5]) Hélie l. c. p, 410.

лектуальнаго подлога; 4) приписка, сдѣланная или вставленная въ протоколы или другіе публичные акты, послѣ ихъ составленія или скрѣпы (des écritures faites ou intercalées sur des registres ou d'autres actes publics, depuis leur confection ou clôture).

Что же касается подлога, учиненнаго частными лицами (а, слѣдовательно, и должностными, но внѣ сферы ихъ вѣдомства), то въ art. 147 указываются три способа его учиненія. Первый способъ — поддѣлка или измѣненіе бумаги или подписи (contrefaçon ou altération d'écritures ou signatures). Такъ какъ въ art. 145 говорится о подложныхъ подписяхъ, а въ art. 147 о подражаніи (contrefaçon) и измѣненіи подписей, то между этими постановленіями нѣтъ полнаго сходства, и, напр., строго говоря, учиненіе подписи вымышленнаго лица сюда не подойдетъ, такъ какъ „contrefaçon" разумѣетъ подражаніе какой нибудь настоящей подписи. Но для того, чтобы и этотъ случай подвести подъ казуистичное опредѣленіе art. 147, практика прибѣгаетъ къ натяжкѣ, говоря, что тотъ, кто подписывается вымышленнымъ именемъ, совершаетъ измѣненіе своей собственной подписи, вслѣдствіе чего и это дѣяніе можетъ быть тоже сюда подведено. Второй способъ — составленіе (fabrication) условій, распоряженій, обязательствъ или квитанцій или включеніе ихъ послѣ скрѣпы акта (par fabrication de conventions, dispositions, obligations ou décharges, ou par leur insertion après coup dans les actes); причемъ, какъ толкуетъ практика, въ виду наличности раздѣлительнаго союза „ou" въ этой статьѣ, первая часть ея предполагаетъ подлогъ въ самомъ редактированіи актовъ до ихъ составленія, а вторая имѣетъ въ виду акты, уже составленные [1]). Самый видъ этотъ подлога совершается или посредствомъ подлога документовъ или посредствомъ подмѣна лица [2]); хотя на послѣднее обстоятельство указанія въ этой статьѣ нѣтъ, и первоначально практика не рѣшалась подво-

---

[1]) Hélie l. c. p. 424.

[2]) Такъ толкуетъ art. 147 и теорія и практика Garraud. l. c. p. 252.

дить подъ art. 147 этотъ видъ подлога, учиненный частными лицами, въ виду того, что только art. 145 прямо говоритъ о подлогѣ этого рода (supposition de personnes), но затѣмъ кассаціонный судъ пришелъ къ тому заключенію, что общимъ образомъ подъ именемъ составленія условій (fabrication de conventions) надо разумѣть и подмѣнъ лицъ [1]). Третій способъ — добавленіе или измѣненіе условій, заявленій или фактовъ, которые въ этихъ актахъ заключались или удостовѣрялись (addition ou altération de clauses, de déclarations ou de faits que les actes ont pour objet de recevoir et de constater); этотъ видъ подлога можетъ совершаться въ свою очередь, по словамъ доктрины, тремя способами: или самымъ измѣненіемъ письменной формы даннаго акта (écriture de ces actes), или посредствомъ ложныхъ заявленій передъ чиновникомъ, составляющимъ данный актъ, или же посредствомъ подмѣна лицъ [2]). Здѣсь такимъ образомъ формы учиненія матеріальнаго и интеллектуальнаго подлога указываются вмѣстѣ. Наконецъ, относительно подлога частныхъ документовъ art. 150 постановляетъ, что подлогъ долженъ быть совершенъ однимъ изъ способовъ, выраженныхъ въ art. 147 (de l'une des manières exprimées en l'art. 147); причемъ нѣкоторые писатели, допускаютъ самое широкое толкованіе этого положенія закона; такъ, они допускаютъ возможность совершенія подлога этого рода и посредствомъ подмѣна лицъ, считая подмѣнъ лицъ только видомъ составленія условій (une mode de fabrication des conventions), такъ что, напр., по ихъ мнѣнію, тотъ, кто заключаетъ письменный договоръ подъ чужимъ именемъ совершаетъ подлогъ [3]); другіе писатели, напр. Карно, [4]) полагаютъ, что такимъ путемъ подлогъ частныхъ документовъ происходить не можетъ, приводя въ въ основаніе этого взгляда то соображеніе, что та сторона,

---

[1]) Рѣш. 5 сент. 1884 г.

[2]) Hélie l. c. p. 436.

[3]) Hélie l. c. p. 463.

[4]) Carnot. Commentaire du code pénal (sur l'art. 150 n. 1).

которая заключала дововоръ съ лицомъ, носящимъ ложное имя, должна сама отвѣчать (s'imputer) за то, что она не предприняла необходимыхъ разслѣдованій относительно тождества лица.

Отдѣльно отъ этихъ способовъ учиненія подлога въ art. 146 приводятся постановленія объ интеллектуальномъ подлогѣ со стороны должностного лица, заключающемся въ умышленномъ искаженіи сущности акта или обстоятельства, при которомъ онъ составленъ, т. е. въ записываніи условій иначе, чѣмъ они были составлены или продиктованы сторонами, или же въ констатированіи, какъ истинныхъ, ложныхъ обстоятельствъ или, какъ признанныхъ, такихъ, которыя признаны не были.

Въ другихъ случаяхъ французскій кодексъ довольствуется болѣе общими формулами; такъ, онъ говоритъ вообще объ употребленіи поддѣльнаго документа (art. 148, 151), далѣе, о поддѣлкѣ (fabriquer), передѣлкѣ (falsifier) и употребленіи поддѣльнаго или передѣланнаго документа меньшей важности (art. 153, 156).

Изъ разсмотрѣнія содержанія указанныхъ опредѣленій ясно видно, что французскій кодексъ даетъ въ высшей степени детальныя указанія способа дѣйствія при подлогѣ, что представляетъ довольно значительное затрудненіе для практики при толкованіи ихъ, тѣмъ болѣе, что всѣ случаи матеріальнаго подлога можно свести къ двумъ видамъ—поддѣлкѣ и передѣлкѣ актовъ, и отдѣльно отъ нихъ поставить подлогъ интеллектуальный. Такимъ именно путемъ пошло германское уложеніе. Оно довольствуется только двумя терминами для описанія способа дѣйствія при подлогѣ: составленіемъ подложнаго документа (fälschlich anfertigen) и передѣлкой подлиннаго (verfälschen), и отдѣльно говоритъ о ложномъ засвидѣтельствованіи въ актахъ (falsch beurkunden). Такимъ образомъ здѣсь достигнута значительная простота въ описаніи способа дѣйствія при подлогѣ, и всѣ отдѣльные виды этого преступленія умѣщаются въ этихъ группахъ.

Что же касается нашего права, то оно въ отношеніи

даннаго вопроса подходитъ ближе къ французскому, чѣмъ къ германскому кодексу; оно употребляетъ самыя разнообразныя выраженія для обозначенія способа дѣйствія при подлогѣ: иногда оно довольствуется однимъ терминомъ—составленіе (или сочиненіе) подложнаго документа, (напр. ст. 291—294, 975, 1406, 1412, 1414 и др.), поддѣлка (ст. 1692, 834 и др.), измѣненіе документа (ст. 1412, 1414), иногда же оно употребляетъ описательныя выраженія, напр. во 2-й части 1690 ст. говорится: „тѣмъ же наказаніямъ подвергается и всякій, кто составитъ у крѣпостныхъ дѣлъ или же у нотаріуса и у маклера актъ отъ имени лица, которое его къ тому не уполномочило, или когда уполномочіе, ему данное, уже прекратилось, и ему сіе извѣстно, или же отъ лица вымышленнаго, выдавая себя за сіе лицо, или представивъ подложную на сіе довѣренность“; въ особенности подробно описывается (напр. въ ст. 362) самый способъ дѣйствія, когда рѣчь идетъ о подлогѣ, учиняемомъ должностными лицами. При этомъ уложеніе обыкновенно упоминаетъ въ однѣхъ и тѣхъ же статьяхъ, какъ объ интеллектуальномъ подлогѣ, такъ и о матеріальномъ, не проводя особеннаго различія между этими видами преступныхъ дѣяній. Въ этомъ отношеніи характерной представляется ст. 362, гдѣ случаи матеріальнаго и интеллектуальнаго подлога сопоставляются другъ съ другомъ, и учиненіе фальшивой подписи, приведеніе вымышленнаго свидѣтельскаго показанія, сокрытіе истины въ докладахъ—ставятся наряду съ поддѣлкой, злонамѣренной переправкой или подчисткой актовъ.

§ 2. Если обратиться къ выясненію вопроса о томъ, съ какого момента надо считать преступное дѣйствіе при подлогѣ выполненнымъ, то въ этомъ отношеніи можно различить два главныхъ направленія и въ доктринѣ и законодательствѣ: одно видитъ выполненіе преступленія въ фактѣ употребленія документа, т. е. для того, чтобы признавать дѣяніе оконченнымъ, оно считаетъ необходимымъ, чтобы документъ былъ не только поддѣланъ или передѣланъ, но и употребленъ, такъ что одинъ фактъ поддѣлки или передѣлки документа съ этой

точки зрѣнія образуетъ лишь покушеніе на подлогъ; другое, напротивъ, довольствуется для состава преступленія фактомъ поддѣлки или передѣлки документовъ, употребленіе же поддѣльнаго документа образуетъ здѣсь самостоятельную форму преступленія. Такимъ образомъ моменты окончанія подлога далеко не совпадаютъ между собой по представленію обоихъ этихъ направленій, и то, что по одному представляется лишь покушеніемъ на преступленіе, по другому уже является оконченнымъ преступленіемъ. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ направленій можно указать еще и третье, которое соединяетъ вмѣстѣ принципы ихъ обоихъ и для состава подлога однихъ видовъ документовъ требуетъ непремѣнно употребленія поддѣльнаго документа, для другихъ же довольствуется однимъ фактомъ поддѣлки документа.

Представителемъ перваго направленія является германское уложеніе, въ которомъ въ видѣ общаго правила для состава подлога устанавливается необходимость употребленія поддѣльнаго документа; изъ этого правила оно дѣлаетъ только два исключенія: употребленія подложнаго не требуется 1) для подлога интеллектуальнаго, такъ какъ для состава его достаточенъ фактъ ложнаго удостовѣренія извѣстнаго событія въ письменномъ актѣ (§ 348), и 2) для подлога въ паспортахъ, билетахъ, свидѣтельствахъ о болѣзни и т. д. (§ 364), гдѣ законъ точно также довольствуется фактомъ поддѣлки или передѣлки документа.

Второе направленіе вполнѣ послѣдовательно проводится во французскомъ кодексѣ, гдѣ для состава преступленія требуется лишь фактъ поддѣлки или передѣлки документа въ установленномъ выше смыслѣ, такъ что поддѣлка документа и употребленіе подложнаго представляются двумя самостоятельными преступленіями, и какъ напр. разъясняетъ доктрина, уничтоженіе подложнаго документа до употребленія его не служитъ препятствіемъ для преслѣдованія виновнаго за подлогъ [1]). По словамъ Гарро [2]), одинъ фактъ поддѣлки здѣсь

[1]) Hélie. l. c. p. 471. Garraud. l. c. p. 304—305.

[2]) Garraud. l. c. p. 72.

потому наказывается, что въ самомъ актѣ этомъ лежитъ уже опасность, вслѣдствіе чего законодателю нечего и выжидать наступленія позднѣйшаго момента [1]).

Представителемъ третьяго направленія можетъ служить венгерское уложеніе, которое для документовъ публичныхъ требуетъ одного факта поддѣлки или передѣлки документа, а для документовъ частныхъ кромѣ того еще и наличности употребленія подобнаго документа.

Которой же изъ этихъ системъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе и которая болѣе всего соотвѣтствуетъ принципу, лежащему въ основѣ карательныхъ постановленій о подлогѣ, охраняющихъ неприкосновенность удостовѣрительныхъ знаковъ имѣющихъ правовое значеніе событій? Прежде всего относительно третьей системы слѣдуетъ замѣтить, что она придаетъ особенное значеніе различію ближайшаго объекта посягательства—документовъ въ зависимости отъ того чисто случайнаго обстоятельства, кто является составителемъ даннаго документа; но происхожденіе документа отъ должностного, а не отъ частнаго лица, не измѣняетъ самыхъ существенныхъ свойствъ его, какъ письменнаго акта, предназначеннаго служить удостовѣреніемъ обстоятельствъ, имѣющихъ юридическое значеніе, такъ что въ этомъ отношеніи проводить принципіальное различіе по составу преступленія между отдѣльными его случаями нѣтъ основанія и, если слѣдуетъ придавать исключительное значеніе или факту употребленія поддѣльнаго до-

[1]) Впрочемъ, Hélie (l. c. p. 333) замѣчаетъ, что съ теоретической точки зрѣнія „fabrication d'une pièce fausse et son usage ne forment qu' un seul et même crime", и что составленіе подложнаго документа есть только приготовленіе къ преступленію, а употребленіе—есть кража и мошенничество; наказаніе же за самый фактъ поддѣлки является исключеніемъ изъ общаго правила о наказуемости покушенія, такъ какъ здѣсь „преступленіе наказывается раньше, чѣмъ началось его дѣйствительное выполненіе". Но это исключеніе оправдывается той легкостью, съ которой поддѣлыватель можетъ въ любой моментъ выпустить фальшивый документъ въ оборотъ, и необходимостью защищать общество отъ опасности, которая ему безпрестанно отъ этого угрожаетъ.

кумента или факту поддѣлки или передѣлки его, то это должно имѣть мѣсто при всѣхъ категоріяхъ документовъ. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ осуждать и систему германскаго уложенія, которое для нѣкоторыхъ видовъ документовъ дѣлаетъ отступленіе отъ своего общаго правила, такъ что для одного и того же преступленія моментъ окончанія его представляется неодинаковымъ въ зависимости отъ свойства поддѣлываемаго документа. При германской системѣ далѣе принимается въ расчетъ то, что съ употребленіемъ поддѣльнаго документа подлогъ по общему правилу считается законченнымъ; только въ этомъ моментѣ видятъ сторонники теорій общественнаго довѣрія наличность непосредственнаго посягательства на общественное довѣріе, которымъ пользуются доказательственныя средства [1]), а въ поддѣлкѣ или передѣлкѣ документовъ они усматриваютъ только приготовительныя средства для этого; но, собственно говоря, если и принимать взгляды этой теоріи, то нельзя не замѣтить, что общественное довѣріе можетъ быть затронуто и самымъ фактовъ поддѣлки, такъ какъ уже съ появленіемъ на свѣтъ поддѣльнаго документа создается опасность для правопорядка. Между тѣмъ при этой конструкціи подлогу придается служебное значеніе, и сознаніе охраны удостовѣрительныхъ знаковъ, какъ таковыхъ, отходитъ на второй планъ. Какъ вполнѣ справедливо замѣчаютъ мотивы къ бельгійскому кодексу [2]), „если законъ будетъ требовать для признанія подлога въ документахъ оконченнымъ употребленія поддѣльнаго документа, то самая поддѣлка или передѣлка этого документа будетъ тѣмъ приготовительнымъ дѣйствіемъ, которое останется ненаказуемымъ, если только виновный не сдѣлалъ или не пытался сдѣлать никакого употребленія изъ документа, имъ изготовленнаго или передѣланнаго, потому что согласно началамъ, принятымъ въ кодексѣ относительно покушенія, для бытія послѣдняго необходимы дѣйствія, коими начинается осуществленіе преступленія. Между

---

[1]) Lenz. l. c. p. 173.

[2]) Nypels. Législation criminelle de la Belgique II, 186.

тѣмъ подлогъ въ документахъ представляетъ слишкомъ много опасности, чтобъ законодатель могъ, не угрожая интересамъ публичнымъ и частнымъ, отдалить наказуемость его до того момента, когда виновникъ попытается воспользоваться средствами, подготовленными для осуществленія его преступнаго намѣренія". Но, если кромѣ этихъ соображеній уголовно-политическаго характера, мы будемъ имѣть въ виду самую сущность охраны неприкосновенности удостовѣрительныхъ знаковъ и назначеніе послѣднихъ, то мы должны будемъ признать, что для бытія подлога достаточенъ одинъ фактъ поддѣлки или передѣлки документа.

Всякій документъ можетъ осуществить и выполнить свое назначеніе только тогда, когда онъ подлиненъ, когда онъ въ дѣйствительности свидѣтельствуетъ о томъ, о чемъ онъ долженъ былъ свидѣтельствовать, и притомъ такъ, какъ онъ долженъ былъ это дѣлать. Но разъ учинено измѣненіе этого его назначенія, разъ документъ даетъ свидѣтельство, несоотвѣтствующее истинѣ, его неприкосновенность нарушена, и однимъ ужъ этимъ фактомъ совершено посягательство на самый институтъ документовъ: начиная съ этого момента, документъ удостовѣряетъ извѣстное правовое событіе ложно и въ этомъ отношеніи представляетъ опасность для правопорядка; фактъ употребленія такого документа будетъ только пользованіемъ плодами преступленія, подобно тому, какъ при кражѣ будетъ имѣть такое же значеніе сбытъ украденнаго. Итакъ если составленъ подложный документъ съ цѣлью воспользоваться имъ, какъ настоящимъ, то въ одномъ этомъ фактѣ уже лежитъ посягательство на неприкосновенность удостовѣрительныхъ знаковъ, и составъ преступленія этимъ уже выполненъ. Употребленіе же поддѣльнаго или передѣланнаго документа будетъ дѣйствіемъ, внѣ самаго подлога лежащимъ. Если притомъ употреблять данный документъ будетъ тотъ же, кто его и поддѣлалъ или передѣлалъ, то онъ за пользованіе плодами своего преступленія кромѣ отвѣтственности за послѣднее по общему правилу отвѣчать не будетъ, исключая, конечно, тѣхъ случаевъ, когда это употребленіе сдѣлано съ преступной

цѣлью, такъ какъ онъ будетъ отвѣчать тогда и за подлогъ и за покушеніе на другое преступленіе, а въ случаѣ учиненія послѣдняго, и за совершеніе его. Если же употреблять поддѣльный документъ будетъ другое лицо, а не самъ поддѣлыватель, то, конечно, при наличности общихъ условій соучастія, онъ будетъ отвѣчать за соучастіе въ подлогѣ. Если однако наличности соучастія установить нельзя будетъ, то въ этомъ случаѣ возможна самостоятельная отвѣтственность виновнаго въ этомъ дѣяніи: здѣсь употребленіе подложнаго документа приравнивается самому подлогу его, такъ какъ употребляющій поддѣльное воспроизводитъ своей дѣятельностью фактъ подлога.

§ 3. Если мы для разсмотрѣнія постановки вопроса о моментѣ окончанія подлога документовъ обратимся къ нашему законодательству, то увидимъ, что для подлога частныхъ документовъ такимъ моментомъ оно безусловно считаетъ фактъ поддѣлки или передѣлки документовъ, что вытекаетъ, какъ изъ самаго текста ст. 1160—1161, 1690—1692, такъ и изъ того, что ст. 1697 говоритъ отдѣльно объ употребленіи подложныхъ документовъ, хотя и не самимъ виновнымъ составленныхъ. Это признается и нашей кассаціонной практикой въ цѣломъ рядѣ ея рѣшеній. Такъ, въ рѣшеніи 1870 г. № 153—Ѳедоровскаго сенатъ высказалъ, что ст. 1692 опредѣляетъ наказаніе за поддѣлку документовъ и бумагъ независимо отъ того, были ли они употреблены или предъявлены. То же выставилъ сенатъ въ рѣшеніи 1870 г. № 295 — Лаврова и др. относительно состава подлога, предусмотрѣннаго ст. 1691—подлога духовныхъ завѣщаній. Здѣсь сенатъ нашелъ, что, такъ какъ подложное завѣщаніе было составлено и засвидѣтельствовано въ Петербургѣ, то, слѣдовательно, здѣсь вполнѣ и совершился подлогъ, предусмотрѣнный ст. 1691 ул., предъявленіе же подложнаго завѣщанія ко вводу во владѣніе завѣщаннымъ будто бы имѣніемъ составляетъ не продолженіе подлога въ составленномъ завѣщаніи, а употребленіе уже этого подложнаго акта въ пользу предъявителей. Еще болѣе категорически высказана та же мысль по отношенію къ подлогу, преду-

смотрѣнному ст. 1690, въ рѣшеніи 1871 г. № 1364—Бана и Львова, гдѣ сказано: „предъявленіе росписки для уплаты по ней у нотаріуса, а не въ судебномъ мѣстѣ, нисколько не измѣняетъ характера дѣйствій подсудимаго, ибо ст. 1690 и слѣд. преслѣдуютъ подложное составленіе актовъ, независимо отъ ихъ употребленія и способа предъявленія“. То же самое положеніе было принято сенатомъ и по отношенію къ подлогу векселей. Такъ въ рѣшеніи 1875 г. № 512—Климашевскаго замѣчено: „наказанію, указанному въ 1160 ст. улож. о нак., подвергаются виновные не только въ предъявленіи, но и въ одномъ составленіи подложнаго векселя, причемъ одно составленіе онаго должно считаться преступленіемъ вполнѣ совершившимся“. То же повторено и въ рѣшеніи 1879 г. № 1—Гулакъ-Артемовской.

Что же касается момента окончанія подлога документовъ публичныхъ по уложенію, то на первый взглядъ въ этомъ отношеніи можетъ родиться сомнѣніе. Дѣло въ томъ, что уложеніе въ ст. 291—294 конструируетъ подлогъ этого вида слѣдующимъ образомъ: въ ст. 291 первая часть говоритъ объ отвѣтственности за составленіе подложныхъ именныхъ указовъ, *а равно и* за употребленіе ихъ, вторая часть имѣетъ въ виду передѣлку этихъ указовъ, а третья — составленіе ихъ безъ употребленія, сопровождавшееся притомъ явкой съ повинной; въ ст. 292 первая часть говоритъ: „виновные въ составленіи подложныхъ указовъ *или же* въ злонамѣренной подчисткѣ.... *или же* въ употребленіи“; вторая ея часть имѣетъ въ виду тотъ случай, когда виновный, составивъ подложный или злонамѣренно измѣнивъ настоящій указъ, впослѣдствіи раскается и не сдѣлаетъ изъ сей бумаги никакого употребленія; наконецъ, третья часть ея говоритъ о явкѣ съ повинной въ этомъ послѣднемъ случаѣ; ст. 293 подвергаетъ наказанію“ за сочиненіе подложныхъ предписаній...., *и* за злонамѣренныя подчистки..., *а равно и* за злоупотребленіе такихъ подложныхъ бумагъ“, причемъ прибавляетъ, что наказаніе въ этомъ случаѣ опредѣляется „на томъ же самомъ основаніи“, что и въ ст. 292; ст. 294 въ первой своей части

наказываетъ „за составленіе подложныхъ указовъ..., *а равно и* за злонамѣренныя въ такихъ бумагахъ подчистки... *и* за употребленіе подложно составленныхъ и измѣненныхъ бумагъ“; во второй части она говоритъ объ отвѣтственности лица, составившаго подложную или злонамѣренно измѣнившаго настоящую бумагу сего рода, но не сдѣлавшаго никакой изъ оной употребленія; и, наконецъ, третья часть имѣетъ въ виду явку съ раскаяніемъ и съ повинной въ этомъ случаѣ. Прежде всего при разсмотрѣніи этихъ статей нельзя не обратить вниманія на крайнее несовершенство технической стороны ихъ конструкціи: въ этихъ статьяхъ говорится о составленіи подложныхъ документовъ, передѣлкѣ настоящихъ и употребленіи поддѣльныхъ или передѣланныхъ документовъ, но взаимное отношеніе каждаго изъ этихъ дѣяній другъ къ другу во всѣхъ четырехъ статьяхъ, судя по ихъ внѣшнему выраженію, неодинаково. Ст. 291 говоритъ: „за составленіе..., равно и за употребленіе“ — и здѣсь, очевидно, каждое изъ этихъ дѣяній разсматривается отдѣльно, и о соединеніи ихъ вмѣстѣ для выполненія состава подлога рѣчи быть не можетъ; здѣсь „а равно“ соотвѣтствуетъ „или“, которое въ этомъ случаѣ употребляетъ ст. 292; ст. 293 говоритъ тоже: „а равно и“ — такимъ образомъ здѣсь одинъ фактъ поддѣлки или передѣлки документа безусловно выполняетъ составъ преступленія; но ст. 294 говоритъ: „за составленіе... и за употребленіе“. Спрашивается, слѣдуетъ ли этому „и“ придавать значеніе соединительное, или же оно имѣетъ здѣсь значеніе раздѣлительное — другими словами требуется ли для состава подлога, предусмотрѣннаго ст. 294, наличность момента употребленія подложнаго документа, или же для этого достаточно одного составленія его. Въ этомъ случаѣ рѣшающее значеніе имѣетъ то, что сказано въ ст. 291 — 293. Слѣдуетъ предполагать, что законодатель, говоря объ одномъ и томъ же предметѣ въ четырехъ статьяхъ, рядомъ стоящихъ, руководствуется одинаковымъ принципомъ, и если изъ трехъ статей этотъ принципъ можно вполнѣ ясно вывести, то и изъ четвертой статьи онъ тоже долженъ быть выведенъ. Такимъ

образомъ, если въ трехъ первыхъ статьяхъ совершенно раздѣльно указывается на составленіе и употребленіе, то и относительно четвертой статьи должно быть признано то же самое, такъ что „и" нужно придавать здѣсь значеніе раздѣлительное, какъ приходится, напр. придавать ему его въ ст. 293, гдѣ говорится: „за сочиненіе подложныхъ предписаній... и за злонамѣренныя подчистки"; здѣсь „и" безусловно имѣетъ раздѣлительное значеніе, и въ этомъ случаѣ ему соотвѣтствуетъ „или же" ст. 292 и „а равно и" ст. 294, посредствомъ которыхъ законодатель соединяетъ между собой понятіе составленія поддѣльнаго документа съ понятіемъ передѣлки подлиннаго; — иначе, если не придавать такого раздѣлительнаго значенія союзу „и" въ ст. 294, то окажется, что употребленіе фальшивыхъ документовъ, составленныхъ не самимъ пользующимся ими, не предусмотрѣно въ уложеніи относительно публичныхъ документовъ, указанныхъ въ ст. 294, относительно же документовъ, перечисленныхъ въ ст. 291 — 293, это имѣется въ наличности — выводъ, съ правильностью котораго едва ли можно согласиться. Такимъ образомъ слѣдуетъ признать, что законодатель не усвоилъ себѣ единства техники и что онъ долженъ былъ бы во всѣхъ четырехъ статьяхъ употребить одни и тѣ же раздѣлительные союзы; въ этомъ отношеніи конструкція ст. 292, гдѣ говорится о составленіи или подчисткѣ или употребленіи, представляется наиболѣе совершенной.

Итакъ, если придавать надлежащее значеніе союзу „и" въ ст. 294, то надо придти къ тому заключенію, что законодатель въ первой части ст. 291—294 имѣетъ въ виду одинъ фактъ составленія подложнаго документа, независимо отъ дальнѣйшаго его употребленія. Но какъ же въ такомъ случаѣ согласовать первую часть ст. 292 и 294 со второй, гдѣ говорится о поддѣлкѣ и передѣлкѣ документовъ безъ послѣдующаго ихъ употребленія? Для этого надо обратить вниманіе на употребляемое ст. 292 выраженіе „раскается", которому слѣдуетъ придавать особое значеніе, и, хотя ст. 294 объ этомъ моментѣ умалчиваетъ, но, очевидно, и здѣсь онъ имѣется въ

виду, такъ какъ иначе, если не допускать такого толкованія, получается слѣдующее положеніе: ст. 1690, предусматривая подлогъ документовъ частныхъ, составляемыхъ крѣпостнымъ или нотаріальнымъ порядкомъ, и имѣя въ виду одну только поддѣлку и передѣлку актовъ безъ послѣдующаго употребленія ихъ, угрожаетъ за это дѣяніе альтернативно ссылкой на поселеніе или ссылкой на житье и исправительными арестантскими отдѣленіями по четвертой степени ст. 31 улож., тогда какъ вторая часть ст. 294 назначаетъ только ссылку на житье или исправительныя арестантскія отдѣленія по пятой степени ст. 31 улож., между тѣмъ общій принципъ нашего уложенія тотъ, что публичные документы пользуются болѣе высокой охраной, чѣмъ частные. Значеніе же момента раскаянія заключается въ слѣдующемъ. Всякое составленіе подложнаго документа должно происходить съ цѣлью употребленія его за настоящій—безъ этого спеціальнаго умысла нѣтъ и подлога документа, и разъ составленъ документъ съ этой цѣлью, фактъ преступленія имѣется на лицо. Но возможенъ такой случай, когда при составленіи документа была цѣль употребленія, но затѣмъ составитель ее оставилъ, онъ „раскаялся", т. е. раздумалъ употребить извѣстнымъ образомъ составленный имъ подложно документъ. Матеріальный фактъ подлога здѣсь есть на лицо, но умыселъ измѣнился, а такъ какъ наличность подобнаго поддѣльнаго документа можетъ представлять опасность для общежитія, то законодатель считаетъ нужнымъ облагать наказаніемъ и этотъ случай, причемъ, употребляя выраженіе „раскается", онъ подчеркиваетъ, что несдѣланіе употребленія изъ подложнаго документа должно произойти по собственной волѣ субъекта преступленія, а не въ силу внѣшнихъ условій.

Только при такомъ толкованіи второй части ст. 294, намъ кажется, и можно объяснить, почему въ законѣ наряду съ составленіемъ подложнаго документа вообще говорится и о составленіи его, не сопровождавшемся употребленіемъ. При этомъ нужно еще принять во вниманіе, что третья часть ст. 291, 292 и 294 говоритъ еще о явкѣ съ повинной при состав-

леніи подложнаго документа. Это дальнѣйшее смягчающее обстоятельство при подлогѣ. Здѣсь необходимо, чтобъ явка произошла „благовременно“, такъ какъ только въ этомъ случаѣ можетъ быть предупреждено всякое вредное послѣдствіе сдѣланнаго подлога, какъ того требуетъ законъ, притомъ до сдѣланія какого-нибудь употребленія изъ подлога, какъ на это категорически указываетъ ст. 291, и что можно вывести изъ словъ „при семъ“ въ ст. 292.

Итакъ и для подлога публичныхъ документовъ, какъ и для частныхъ, составленіемъ подложнаго документа и передѣлкой подлиннаго составъ преступленія долженъ считаться по уложенію выполненнымъ, и употребленія подложнаго для него не требуется.

Положеніе о томъ, что для состава подлога документовъ публичныхъ по общему правилу не требуется вовсе употребленія поддѣльнаго документа, раздѣляется и нашей практикой; такъ въ рѣшеніи 1870 г. № 877—Гурченидзе, сенатъ высказалъ, что для наказанія за подлогъ, какъ за совершившееся преступленіе, не требуется даже употребленія подложной бумаги и что неупотребленіе ея разсматривается лишь, какъ обстоятельство, уменьшающее вину; но, какъ видно изъ цѣлаго ряда рѣшеній, сенатъ при примѣненіи ст. 294 назначаетъ наказаніе за одинъ фактъ поддѣлки не по первой части этой статьи, а по второй; такъ въ рѣшеніи 1873 г. № 629—Горяинова и Быкова, сенатъ кассируетъ рѣшеніе суда по той причинѣ, что „судъ, хотя и примѣнилъ ст. 294 улож., но не вторую, а первую часть, тогда какъ изъ рѣшенія присяжныхъ не усматривалось, чтобы подложно составленную Б. квитанцію употребилъ онъ для какихъ либо дѣлъ или видовъ“; въ рѣшеніи же 1875 г. № 564—Каменева и Алешинскаго сенатъ призналъ, что „измѣненіе и поддѣлка акта прямо подвергаютъ виновнаго дѣйствію 294 ст., причемъ въ виду того, что измѣненное свидѣтельство не было употреблено въ дѣло, наказаніе назначено подсудимому не по 1-ой, а по 2-ой части означенной статьи“.

Общее положеніе, только что выставленное относительно

публичныхъ документовъ, подлогъ которыхъ предусматривается ст. 291—294, сохраняетъ свою силу и относительно спеціальныхъ видовъ подлога публичныхъ документовъ, пока иной принципъ не указанъ категорически въ законѣ.

Такъ, напр. ст. 975 предусматриваетъ составленіе подложныхъ видовъ на жительство или измѣненіе подлинныхъ, а объ употребленіи подложныхъ видовъ говоритъ другая статья— ст. 977. Точно также смотритъ уложеніе на моментъ учиненія подлога должностного (ст. 312, 460 и т. д.) и подлога, предусмотрѣннаго въ ст. 554, 1406, 1412, 1414 и 1441, гдѣ оно довольствуется для составленія преступленія однимъ фактомъ поддѣлки, не требуя дальнѣйшаго пользованія поддѣльнымъ. Ст. 554 говоритъ прямо: „за поддѣлку", ст. 1406 говоритъ о составленіи подложнаго акта или же о сдѣланіи въ настоящемъ подчистокъ или переправокъ, а равно и о завѣдомомъ пользованіи или употребленіи поддѣльнаго или передѣланнаго акта; ст. 1412 ставитъ альтернативно эти три дѣянія, соединяя ихъ союзомъ „или"; ст. 1414 говоритъ только о составленіи подложныхъ или измѣненіи настоящихъ документовъ; ст. 1441 имѣетъ въ виду „всякій какого-либо рода подлогъ". Наконецъ, тотъ же принципъ долженъ быть признанъ и въ отношеніи случаевъ интеллектуальнаго подлога, какъ это, напр. прямо слѣдуетъ изъ ст. 362.

Однако, съ другой стороны можно указать случаи, когда по исключенію наше законодательство наказываетъ за подлогъ только тогда, когда состоялось употребленіе подложнаго документа, не обращая вниманія на дѣятельность предшествующую. Такъ ставится это въ ст. 300, 921, 1170, 1217 и 1571. Ст. 300 говоритъ вообще о „представленіи" подложнаго документа, подъ чѣмъ надо разумѣть тотъ или другой видъ его употребленія. Здѣсь законодатель исходитъ изъ того предположенія, что одна поддѣлка документовъ, маловажныхъ по своему значенію по сравненію съ другими, не представляетъ особой опасности для правопорядка, и наказываетъ виновнаго только съ момента употребленія подобнаго документа. Ст. 921 точно также ведетъ рѣчь о „предъявленіи" фальшивыхъ билетовъ,

контрмарокъ или ярлыковъ при ловѣ рыбы въ Каспійскомъ морѣ, но вторая часть этой статьи, говоря о производствѣ рыбнаго промысла въ водахъ восточной части Закавказскаго края, упоминаетъ о поддѣлкѣ, а равно и о предъявленіи поддѣльныхъ знаковъ. Ст. 1170 имѣетъ въ виду производство торговли или промысла по фальшивому свидѣтельству или листу. Ст. 1217 говоритъ о предъявленіи фальшивыхъ документовъ для полученія патента на плаваніе подъ русскимъ флагомъ или о плаваніи подъ русскимъ флагомъ съ патентомъ подложнымъ, что тоже есть видъ употребленія фальшиваго документа. Ст. 1571 имѣетъ въ виду предъявленіе поддѣльнаго документа для сокрытія бывшихъ къ брачному союзу препятствій. Впрочемъ, относительно двухъ послѣднихъ статей слѣдуетъ замѣтить, что если будетъ имѣться въ наличности одно только составленіе фальшивыхъ документовъ, въ этихъ статьяхъ означенныхъ, то это дѣяніе можетъ быть наказываемо по другимъ статьямъ уложенія, такъ какъ тотъ специальный умыселъ, о которомъ рѣчь идетъ въ этихъ статьяхъ, имѣетъ значеніе только при пользованіи этими документами.

Нужно при этомъ обратить вниманіе еще на то, что иногда уложеніе говоритъ о подлогѣ вообще, не опредѣляя ближе самую форму его, такова, напр. ст. 1441, которая имѣетъ въ виду „всякій какого-либо рода подлогъ“ въ актахъ состоянія. Какъ же понимать это выраженіе? Неклюдовъ толкуетъ это въ томъ смыслѣ, что, тамъ, гдѣ данная статья уложенія запрещаетъ „подлогъ“ вообще, это равносильно запрещенію трехъ его отдѣльныхъ видовъ или случаевъ, т. е. поддѣлки документовъ, передѣлки и употребленія ихъ, хотя бы таковые и не были поименованы въ отдѣльности; онъ при этомъ указываетъ на ст. 554, 599, 1151, 1160, 1195, 1217 и др. Но съ этимъ положеніемъ можно согласиться только отчасти: въ этомъ случаѣ руководящее значеніе имѣютъ тѣ ссылки на другія статьи, которыя мы находимъ въ этихъ статьяхъ. Если ссылка дѣлается на ст. 291—294, то еще можно говорить, что въ

[1]) Неклюдовъ в. с. стр. 222.

этомъ случаѣ „подлогъ“ заключаетъ въ себѣ и употребленіе подложнаго, но если она дѣлается на ст. 1690 или 1692, это толкованіе является сомнительнымъ, такъ какъ въ послѣднихъ статьяхъ не говорится ничего объ „употребленіи“; притомъ здѣсь вообще надо принимать во вниманіе и то, какъ данное дѣяніе описано въ извѣстной статьѣ; такъ ст. 554 имѣетъ въ виду поддѣлку актовъ съ цѣлью сокрытія или поврежденія казеннаго имущества и относительно наказанія ссылается на ст. 291—297 съ примѣненіемъ правилъ о совокупности преступленій. Здѣсь подъ „поддѣлкой“ едва ли можно разумѣть употребленіе, и самое большее—если понимать подъ нею передѣлку.

Тотъ же моментъ окончанія подлога, что и по уложенію, т. е. наличность одного факта поддѣлки или передѣлки документа, или же заполненія его завѣдомо неправильнымъ содержаніемъ, принимается для состава этого преступленія и проектомъ уголовнаго уложенія, причемъ употребленіе подложнаго документа образуетъ въ немъ, какъ и въ уложеніи, самостоятельное дѣяніе. Постановленія проекта представляютъ особенность лишь въ томъ отношеніи, что для подлога документовъ, менѣе важныхъ, т. е. видовъ на жительство и документовъ, перечисленныхъ въ ст. 378 (392), въ немъ установляется повышенная наказуемость въ томъ случаѣ, если документъ былъ употребленъ за настоящій или сбытъ, но и здѣсь всетаки моментомъ окончанія преступленія остается фактъ учиненія самаго подлога, какъ это категорически вытекаетъ изъ словъ объяснит. зап. [1]), и такимъ образомъ во всѣхъ случаяхъ подлога въ проектѣ достигается значительная стройность въ конструкціи по сравненію съ дѣйствующимъ уложеніемъ.

§ 4. Съ установленіемъ момента окончанія преступной дѣятельности при подлогѣ установляется вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что вся дѣятельность, предшествующая ей и направленная на совершеніе подлога, будетъ обнимать собой область по-

---

[1]) Объясн. зап. т. V стр. 254.

кушенія или приготовленія, причемъ, если признавать, что покушеніемъ называется та дѣятельность, которою начинается осуществленіе самаго преступленія, то въ область приготовленія отойдутъ всякаго рода пріисканія, пріобрѣтенія и приспособленія средствъ для учиненія подлога, а въ область покушенія—начало выполненія его. Такъ, напр. покушеніемъ будетъ составленіе поддѣльнаго документа безъ подписанія его, составленіе черновика или проекта подложнаго документа, измѣненіе подлиннаго документа такого рода, что прежній текстъ его остается удобочитаемымъ и т. д.; напротивъ въ область приготовленія отойдутъ всякаго рода упражненія въ подписываніи чужимъ именемъ съ цѣлью совершить подлогъ, дѣланіе поддѣльныхъ печатей съ цѣлью приложенія ихъ къ документу, приспособленіе для этого подлинныхъ печатей и т. п. Конечно, въ этомъ случаѣ установить заранѣе, въ какихъ именно случаяхъ слѣдуетъ видѣть наличность покушенія на подлогъ документовъ, сказать нельзя, такъ какъ рѣшеніе этого вопроса ставится въ зависимость отъ конкретныхъ условій даннаго случая, но достаточно только установить принципіальную возможность конструировать при подлогѣ документовъ и покушеніе на него.

Наше уложеніе прямыхъ указаній относительно наказуемости покушенія при подлогѣ не содержитъ, но что оно вообще допускаетъ не только возможность покушенія на подлогъ, но и приготовленіе на него, это вытекаетъ изъ ст. 1306, которая предусматриваетъ особо, какъ приготовленіе къ подлогу, тотъ случай, если маклеръ „при запискѣ актовъ въ книги, будетъ оставлять большія пустыя между статьями мѣста, или и цѣлыя страницы или листы“, и если притомъ онъ не заявитъ объ этомъ своевременно подлежащему начальству.

Возможность допущенія наказуемаго покушенія на подлогъ документовъ по нашему праву признается безусловно и кассаціонной практикой. Руководящимъ въ этомъ случаѣ является рѣшеніе—1870 г. № 282—Троцкаго и др. Какъ слѣдуетъ изъ обстоятельствъ дѣла, Т. во избѣжанія платежа денегъ по

заемному письму С., сочинилъ отъ имени ея черновой проектъ росписки въ полученіи отъ нея платежа денегъ, но безъ поддѣлки ея подписи и склонилъ Ш. переписать росписку набѣло; кромѣ того онъ сочинилъ черновое полицейское удостовѣреніе о томъ, что С. заявила полиціи о потерѣ помянутаго обязательства, и о подлинности выданной ею Т. росписки. Судъ, разсмотрѣвъ это дѣло, нашелъ въ сочиненіи чернового проекта росписки и склоненіи Ш. только приготовленіе къ совершенію поддѣлки домашняго акта, которое перешло бы въ покушеніе, если на бумагѣ остались бы слѣды старанія подписать ее почеркомъ С., и за силою ст. 111 и 112 призналъ это дѣяніе ненаказуемымъ; напротивъ въ кассаціонномъ протестѣ, принесенномъ по этому дѣлу, указывалось на то, что здѣсь есть въ наличности покушеніе. Сенатъ согласился съ этимъ послѣднимъ взглядомъ и для обоснованія его привелъ слѣдующее: „такъ какъ подпись участвующихъ въ актѣ лицъ составляетъ необходимое условіе онаго и принадлежитъ, слѣдовательно, къ составнымъ частямъ его, то нельзя не допустить, что подложно составленнымъ актомъ наше законодательство признаетъ уже готовую къ употребленію, т. е. снабженную надлежащими подписями бумагу“. Основываясь на этомъ, онъ призналъ далѣе, что „наличность или отсутствіе фальшивой подписи обусловливаетъ собой признаніе разсматриваемаго поступка совершившимся преступленіемъ или только покушеніемъ на оное [1])“.

---

[1]) Нельзя сказать однако, чтобъ въ другихъ рѣшеніяхъ этотъ принципъ былъ строго проведенъ, и нерѣдко сенатъ квалифицировалъ въ качествѣ ненаказуемаго приготовленія къ подлогу такія дѣянія, которыя, собственно говоря, представлялись по своей природѣ дѣяніями иного рода. Таково прежде всего рѣшеніе 1880 г. № 19— Апраксина, который обвинялся въ склоненіи Знаменскаго посредствомъ подкупа держать подъ именемъ его экзаменъ, посредствомъ чего З. и получилъ составленное ложно на имя А. свидѣтельство, дающее послѣднему право на поступленіе въ 7 классъ гимназіи и на льготу 2-го разряда по отбыванію воинской повинности. Судъ примѣнилъ

Нѣсколько иначе смотритъ на вопросъ о покушеніи при подлогѣ Неклюдовъ; онъ говоритъ, что покушеніе на состав-

---

въ этомъ случаѣ ст. 1414, но сенатъ опредѣлилъ, что существенный признакъ преступленія, предусмотрѣннаго ст. 1414, заключается въ составленіи подложнаго или измѣненіи настоящаго документа для доставленія кому-либо другому способа присвоить себѣ непринадлежащія ему права состоянія или званія. Поэтому онъ призналъ здѣсь невозможнымъ примѣненіе ст. 1414, а такъ какъ изъ отвѣтовъ присяжныхъ на вопросы не установлено, чтобы А. воспользовался черезъ употребленіе выданнаго ему свидѣтельства тѣми правами, которыя оно ему давало, то онъ нашелъ здѣсь только одно приготовленіе къ противозаконному присвоенію непринадлежащихъ ему правъ (8 ст.), что въ силу ст. 112 не наказуемо. Но если это дѣяніе и можно считать ненаказуемымъ, то въ силу того лишь, что по нашему уложенію не предусматривается въ видѣ общаго правила въ качествѣ особаго преступленія ложное показаніе, даваемое передъ должностнымъ лицомъ для составленія на основаніи его публичнаго документа; какъ таковое, оно представляется въ данномъ случаѣ вполнѣ совершившимся, такъ какъ актъ выданъ на основаніи завѣдомо ложнаго показанія З., А. же является подстрекателемъ къ этому дѣянію, такъ что о приготовленіи къ подлогу здѣсь рѣчи быть не можетъ. Такого же характера другое рѣшеніе 1883 г. № 4—Гевандянца и Газіянца; изъ него видно, что судъ усмотрѣлъ подлогъ въ торговой книгѣ и счетѣ съ цѣлью ввести страховое общество въ обманъ, наказуемый по ст. 1195, въ томъ, что въ торговой книгѣ табачной лавки подсудимыхъ было записано поступленіе изъ магазина Кушнарева товара на 3988 р., а на счетѣ этого магазина сдѣлана была надпись объ уплатѣ 200 р. задатка за означенный товаръ, тогда какъ товаръ по этому счету не былъ полученъ и никакого задатка уплачиваемо не было. Сенатъ нашелъ это рѣшеніе суда неправильнымъ на томъ основаніи, что „по неоднократному объясненію Прав. Сен. (70 № 247; 73 № 36; 75 № 64) преступленіемъ подлога въ частныхъ актахъ и документахъ слѣдуетъ признавать составленіе самыхъ актовъ или документовъ отъ имени лицъ, не принимавшихъ въ совершеніи ихъ участія (подлогъ подписи или текста), или поддѣльную явку актовъ, или, наконецъ, злонамѣренныя поправки и подчистки въ правильно составленныхъ актахъ или документахъ съ измѣненіемъ содержанія ихъ въ ущербъ другимъ лицамъ. Въ на-

леніе подложнаго документа совпадаетъ съ моментомъ совершенія подлога, и допускаетъ наказуемое покушеніе на подлогъ лишь въ видѣ исключенія, и именно въ тѣхъ случаяхъ, когда поддѣланному акту, т. е. подложному документу, носящему на себѣ чью-либо подложную подпись, не будетъ доставать всѣхъ тѣхъ формальностей, которыя необходимы для дѣйствительности означеннаго документа [1]). Главное основаніе для своего взгляда Неклюдовъ видитъ въ томъ, что составленіе подложнаго акта есть не что иное, какъ приготовленіе къ тому преступленію, которое хочетъ учинить виновный посредствомъ своего подлога. „Поэтому, говоритъ онъ, понятно само собой, что для наказуемости подобнаго приготовленія безусловно необходимо, чтобъ оно заключало въ себѣ всѣ признаки приготовленія, т. е. пріобрѣтеніе или составленіе фальшиваго документа". Но это положеніе представляется совершенно неправильнымъ во-первыхъ потому, что путемъ подлога можно вовсе и не желать учинить другое преступленіе, такъ какъ противозаконность цѣли не есть его существенный признакъ, а во-вторыхъ потому, что подлогъ даже при той конструкціи,

---

стоящемъ случаѣ ни одного изъ этихъ видовъ подлога не представляется, а признаваемая Палатой подлогомъ запись въ торговой книгѣ вовсе не поступившаго товара и такая же ложная подпись на счетѣ объ уплатѣ за этотъ товаръ задатка, сдѣланныя съ указанной въ приговорѣ Палаты цѣлью, составляютъ лишь по точному смыслу 8 ст. улож. приготовленіе къ предусмотрѣнному 1195 ст. улож. обману страхового общества для полученія означенной страховой суммы, а такое приготовленіе въ силу ст. 112 не влечетъ за собой наказанія". Но опять-таки ненаказуемость этого дѣянія обусловливается не тѣмъ, что здѣсь въ наличности только приготовленіе къ подлогу, а тѣмъ что дѣяніе это—актовая ложь въ торговыхъ книгахъ, учиняемая лицами, обязанными вести эти книги, не предусмотрѣно въ нашемъ уложеніи, какъ особое дѣяніе, но составъ этого дѣянія, какъ такового, вполнѣ имѣется въ наличности въ данномъ случаѣ, и объ одномъ приготовленіи къ подлогу здѣсь говорить нельзя.

[1]) Неклюдовъ. в. с. стр. 251.

которая ему дается уложеніемъ, является преступленіемъ самостоятельнымъ; поэтому и всѣ разсужденія Неклюдова о томъ, что не можетъ быть покушенія на подлогъ, потому что не можетъ быть покушенія на приготовленіе къ извѣстному преступленію, не выдерживаютъ критики; даже, допуская далѣе по исключенію въ извѣстныхъ случаяхъ покушеніе на подлогъ, Неклюдовъ противорѣчитъ самому себѣ, такъ какъ, повидимому, изъ его общихъ положеній исключеній быть не можетъ, между тѣмъ онъ указываетъ на возможность случаевъ покушенія: для подлога документовъ одностороннихъ покушеніе, по его мнѣнію, будетъ въ томъ случаѣ, если а) документъ, долженствующій быть засвидѣтельствованъ свидѣтелями, не заключаетъ въ себѣ подписей всѣхъ или нѣкоторыхъ свидѣтелей, или б) когда въ документѣ оставленъ пробѣлъ для означенія времени, для вписанія какого-либо условія, кромѣ тѣхъ, которыя уже помѣщены, и т. п.; для подлога же документовъ двустороннихъ покушеніе будетъ въ случаѣ отсутствія подписи одного изъ контрагентовъ: такъ для совершаемыхъ у нотаріуса — въ случаѣ подписанія акта кѣмъ нибудь изъ участвующихъ лицъ при отсутствіи подписи самого нотаріуса. Почему однако только въ этихъ случаяхъ можно допустить возможность покушенія на подлогъ, Неклюдовъ объясненія не даетъ.

Не допуская при составленіи подложныхъ документовъ въ видѣ общаго правила покушенія, Неклюдовъ и при употребленіи подложнаго документа не даетъ возможности отступать отъ этого положенія даже и по исключенію, объясняя это тѣмъ, что „самое выраженіе „употребленіе“ несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что актъ долженъ быть употребленъ, т. е. представленъ по назначенію, а моментъ представленія акта есть вмѣстѣ съ тѣмъ и моментъ совершенія преступленія“. Но если и можно съ этимъ положеніемъ согласиться, то только въ отношеніи подлога документовъ частныхъ, какъ онъ конструированъ въ нашемъ уложеніи, но не въ отношеніи подлога всякихъ остальныхъ документовъ; употребленіе подложнаго документа—мы имѣемъ здѣсь въ виду тотъ случай, когда

документъ составленъ не самимъ лицомъ, употребляющимъ его,—предполагаетъ пріобрѣтеніе его съ цѣлью употребленія и въ этомъ моментѣ можно видѣть покушеніе на употребленіе. Такъ долженъ ставиться вопросъ относительно употребленія подложныхъ публичныхъ документовъ; относительно же частныхъ документовъ ст. 1698 улож. прямо въ этомъ отношеніи установляетъ, что „за продажу, передачу, переводъ, а равно и за принятіе, покупку или пріобрѣтеніе инымъ образомъ какихъ-либо документовъ или актовъ завѣдомо подложныхъ, виновные наказываются, какъ участники въ подложномъ тѣхъ документовъ или актовъ составленіи", такъ что здѣсь покушеніе на употребленіе подложныхъ документовъ конструируется, какъ особое преступленіе.

Наконецъ, въ виду того, что наше уложеніе въ извѣстныхъ случаяхъ составъ преступленія строитъ именно, какъ употребленіе подложныхъ документевъ, напр. въ ст. 300 и 921 и 1170, слѣдуетъ признать, что поддѣлка такого документа должна быть наказуема, именно, какъ покушеніе на подлогъ, означенный въ этихъ статьяхъ; объ этихъ случаяхъ Неклюдовъ ничего не говоритъ, но, очевидно, что съ его точки зрѣнія и въ этихъ случаяхъ наличности покушенія установить нельзя.

§ 5. Обращаясь собственно къ составленію поддѣльнаго документа, необходимо имѣть въ виду, что здѣсь подлогъ лежитъ въ отношеніи происхожденія документа: данный документъ не есть документъ подлинный въ томъ смыслѣ, что онъ не происходитъ въ дѣйствительности отъ того, кому онъ приписывается. Указаніемъ же происхожденія документа является подпись лица, составившаго его: подписавшій его долженъ считаться его авторомъ, пока не доказано противное. Весьма часто, впрочемъ, въ документѣ самая подпись отсутствуетъ, такъ какъ она не является существенной его частью, но изъ другихъ внѣшнихъ данныхъ можно заключить, отъ кого этотъ документъ исходитъ; въ такомъ случаѣ, если поддѣланы эти внѣшнія условія, имѣется точно также составленіе подложнаго документа.

Какъ замѣчаетъ Ленцъ, самый документъ можетъ быть показанъ фактически или юридически происходящимъ отъ извѣстнаго лица [1]). Фактическое происхожденіе будетъ въ томъ случаѣ, если можно установить чисто внѣшнюю механическую связь написаннаго съ авторомъ его, т. е. если можно установить, что лицо посредствомъ собственнаго тѣлодвиженія (Körperbewegung) приготовило данный документъ. Юридическое же или идеальное происхожденіе не предполагаетъ такой внѣшней механической связи. Здѣсь то лицо, которое сдѣлало подпись, не является въ дѣйствительности авторомъ документа, авторъ его другое лицо, отъ имени котораго данное лицо дѣйствовало. Таковы тѣ случаи, гдѣ одно лицо подписывается именемъ другого въ силу его порученія, напр. прикладываетъ его штемпель и т. п.; здѣсь дѣйствительнымъ авторомъ документа считается это послѣднее лицо, хотя оно физически и не участвовало въ созданіи документа; его участіе носитъ поэтому не реальный, а идеальный характеръ, и этимъ подлинность документа не нарушается. Но затѣмъ при составленіи подложнаго документа совершенно безразлично, будетъ ли содержаніе его правильно или неправильно, т. е. согласно съ истиннымъ положеніемъ вещей или нѣтъ, такъ что возможно составленіе подложнаго документа или посредствомъ поддѣлки и текста документа и подписи его, или же посредствомъ поддѣлки одной только подписи; случай же составленія документа съ завѣдомо невѣрнымъ содержаніемъ противъ воли извѣстнаго лица, однако безъ поддѣлки его подписи, не составляетъ подлога.

Эти общія положенія относительно сущности составленія подложныхъ документовъ проводятся и нашимъ уложеніемъ о наказаніяхъ во многихъ статьяхъ его. Говоря о подлогѣ публичныхъ документовъ, уложеніе въ ст. 291—294 требуетъ составленія подложныхъ, будто бы *за подписаніемъ* Государя Императора указовъ, манифестовъ и т. д., или *отъ имени*

---

[1]) Lenz. l. c. p. 151.

Правит. Сен., какого-нибудь министерства или главнаго управленія, губернскихъ правленій и другихъ мѣстъ и т. д.; ст. 363 имѣетъ въ виду тотъ случай, когда кто при отправленіи своей должности учинитъ фальшивую *подпись;* ст. 1161 говоритъ: „кто подпишетъ *подъ чужую руку* вексель"; ст. 1690 предусматриваетъ тотъ случай, когда кто составитъ актъ отъ имени лица, которое его къ тому не уполномочило и т. д.; ст. 1696 говоритъ о лжесвидѣтеляхъ и подставныхъ лицахъ, подписавшихся подъ актами, завѣдомо подложными. Вмѣстѣ съ тѣмъ и сенатъ безусловно признаетъ эти положенія; такъ, въ рѣшеніи 1871 г. № 455—Шимановскаго признано, что ст. 294 имѣетъ въ виду составленіе какихъ-нибудь подложныхъ бумагъ отъ имени какого-нибудь присутственнаго мѣста или должностного лица, а въ рѣшеніи 1873 г. № 36—Синегуба указано, что подъ подложнымъ составленіемъ актовъ между прочимъ слѣдуетъ понимать составленіе акта отъ имени или при участіи лицъ, не принимавшихъ въ совершеніи акта участія; вмѣстѣ съ тѣмъ въ сенатской практикѣ выставляется общее положеніе о томъ, что если кто-нибудь подпишется за другого безъ его вѣдома, то въ данномъ случаѣ въ наличности будетъ подлогъ документа. Это признается общимъ образомъ въ рѣшеніяхъ 1867 г. № 164—Бердышева, 1868 г. № 936—Краузе, 1871 г. № 150—Флягина, 1872 г. № 233—Александрова, 1873 г. № 611—Волынскаго.

Въ виду того, что документъ можетъ содержать въ себѣ актъ двухсторонній и такимъ образомъ долженъ быть подписанъ двумя или нѣсколькими лицами, достаточно, чтобъ подпись одного изъ нихъ была поддѣлана для того, чтобы установить наличность подлога въ данномъ случаѣ, такъ какъ здѣсь уже есть въ отношеніи одного лица документъ неподлинный. Сообразно съ этимъ, если для дѣйствительности акта требуется подписаніе его свидѣтелями, и подписи послѣднихъ будутъ поддѣланы, имѣется въ наличности подлогъ документовъ. Послѣднее положеніе признается и нашей кассаціонной практикой, какъ это видно изъ рѣшенія 1872 г. № 655—Ижболдиныхъ. Въ немъ сенатъ замѣчаетъ, что „такъ

какъ по узаконеніямъ гражданскаго права (1046, 1048 и 1050 ст. т. X ч. I) домашнее духовное завѣщаніе кромѣ завѣщателя должно быть подписано опредѣленнымъ числомъ свидѣтелей, удостовѣряющихъ подлинность завѣщанія, то для признанія подлога несовершившимся должно быть вполнѣ и безусловно отвергнуто существованіе всѣхъ основныхъ признаковъ подложнаго акта, и слѣдственно въ дѣлѣ о подложномъ домашнемъ духовномъ завѣщаніи существованіе подлога, какъ въ подписи завѣщателя, такъ и въ подписи свидѣтелей".

Далѣе возможенъ такой случай, когда актъ показанъ происходящимъ отъ лица, въ дѣйствительности несуществующаго, вымышленнаго; подобный документъ точно также является неподлиннымъ, такъ какъ разъ данное лицо не существуетъ, оно не могло и выразить свою волю въ данномъ видѣ. Это признается безусловно и сенатомъ. Такъ, въ рѣшеніи 1874 г. № 418—Гликмана, который обвинялся въ томъ, что выдалъ вексель, подписавъ его непринадлежащимъ ему именемъ и фамиліей съ цѣлью избѣжать уплаты долга по этому векселю, сенатъ призналъ возможнымъ примѣнить ст. 1160, потому что, по его словамъ, „подписавъ этотъ вексель вымышленнымъ именемъ, Г. тѣмъ самымъ составилъ подложный денежный документъ, означенный въ этой статьѣ, такъ какъ возложилъ отвѣтственность по векселю не на лицо, его подписавшее, а перенесъ оную на лицо, не существующее въ дѣйствительности, и поступилъ вопреки 6 п. 541 ст. Уст. о Векс., которая признаетъ существенной принадлежностью векселя собственноручную подпись векселедателя, съ его именемъ и фамиліей, или подпись лица, особою довѣренностью къ тому уполномоченнаго". То же признано въ рѣшеніяхъ 1877 г. № 64—Бѣлова и 1877 г. № 61—Квашенникова и въ рѣшеніи общ. собр. 1879 г. № 2—Гингольда. Отсюда вмѣстѣ съ тѣмъ вытекаетъ, что если документъ подписанъ лицомъ, дѣйствительно носящимъ извѣстное имя, но съ цѣлью симулировать присутствіе или участіе другого лица, носящаго то же имя, то здѣсь

имѣется подлогъ; то же будетъ и въ томъ случаѣ, если лицо подпишется своей фамиліей, но прибавитъ къ ней ложное имя или укажетъ невѣрно свое сословное положеніе, званіе и т. д., если притомъ это сдѣлано съ тѣмъ, чтобъ приписать происхожденіе даннаго документа другому лицу; но если это учинено безъ этой послѣдней цѣли, подлога въ наличности не будетъ. Поэтому можно согласиться съ рѣшеніемъ сената 1895 г. № 13—Иванова, въ которомъ сенатъ призналъ неправильнымъ примѣненіе судомъ ст. 1160 въ слѣдующемъ случаѣ: вексель на 100 р. отъ 16 окт. 1890 г. на имя ремесленника Смурова былъ выданъ послѣднему въ обезпеченіе взятыхъ у него денегъ отъ лица, въ дѣйствительности существующаго, т. е. самого посудимаго, не отрицавшаго даже выдачи этого векселя, подписаннаго имъ, Ивановымъ, съ наименованіемъ лишь себя непринадлежащимъ ему чиномъ дѣйст. статск. совѣт., „а такое дѣяніе подсудимаго, прибавляетъ сенатъ, не заключавшее въ себѣ подложнаго составленія векселя, предусмотрѣннаго 1160 ст. Ул., вполнѣ соотвѣтствуетъ понятію о преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 1416 Ул.“ Здѣсь подсудимый присвоилъ себѣ непринадлежащій чинъ, но подлога онъ не учинилъ.

Такъ какъ подлогъ есть посягательство на неприкосновенность удостовѣрительныхъ знаковъ и оконченнымъ считается съ момента составленія поддѣльнаго документа или передѣлки подлиннаго, то отсюда вытекаетъ, что введенія въ заблужденіе другихъ лицъ путемъ подлога не требуется для состава его; разъ подложный документъ составленъ, безразлично, вводитъ ли онъ кого-нибудь въ заблужденіе или нѣтъ. Здѣсь неумѣстенъ тотъ масштабъ, который принимается въ расчетъ, напр. при обманѣ въ мошенничествѣ, такъ какъ состоитъ въ посягательствѣ на самое установленіе документовъ, а не на имущество частныхъ лицъ. Поэтому бо́льшая или меньшая тщательность поддѣлки сама по себѣ здѣсь не имѣетъ значенія, равно какъ не имѣетъ значенія и полное сходство поддѣльнаго съ настоящимъ,—тѣмъ болѣе, что здѣсь возможна субъективная оцѣнка, и то, что для одного человѣка

не представляетъ никакого сомнѣнія въ своей правильности, для другого обнаруживаетъ свой дефектъ. Въ особенности не требуется для состава подлога подражанія настоящему почерку другого лица или его подписи. Конечно, для поддѣлывателя очень важно, чтобъ его преступленіе не было открыто, вслѣдствіе чего онъ стремится учинить преступленіе съ возможной тщательностью и часто старается подражать при совершеніи подлога чужому почерку, но это не необходимо безусловно для состава преступленія, такъ какъ съ одной стороны возможно подложное составленіе документа отъ лица несуществующаго, гдѣ, слѣдовательно, некому подражать въ его почеркѣ, съ другой—почеркъ не можетъ имѣть значенія въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о такомъ актѣ, который подлежитъ быстрому обращенію, и гдѣ повѣрка подлинности подписи вслѣдствіе этого не можетъ имѣть мѣста. Это положеніе въ отношеніи нашего уложенія можетъ возбудить сомнѣніе лишь по поводу ст. 1160, которая говоритъ: „кто подпишетъ подъ чужую руку вексель", но ее толковать нельзя въ томъ смыслѣ, что здѣсь требуется безусловно для состава преступленія сходство почерка въ поддѣланномъ актѣ съ настоящимъ почеркомъ даннаго лица, такъ какъ здѣсь употреблено только образное выраженіе. Наша сенатская практика не разъ высказывала подобное же соображеніе относительно значенія для подлога сходства почерка. Такъ въ рѣшеніи 1870 г. № 396—Журавлева сенатъ высказалъ, что въ законѣ не сказано, чтобы поддѣланными считались только тѣ бумаги, на которыхъ подложныя подписи сходны съ дѣйствительными подписями тѣхъ лицъ, отъ имени которыхъ подписи сдѣланы. То же признано относительно подлога векселей въ рѣшеніи 1872 г. № 689—Богатова и 1875 г. № 260—Плескова.

§ 6. На основаніи только что выставленныхъ общихъ соображеній рѣшается вопросъ и о томъ, насколько требуется для состава подлога сходство поддѣланнаго акта съ настоящимъ и въ другихъ отношеніяхъ.

Такъ какъ для дѣйствительности документа имѣетъ важнос

значеніе его форма и содержаніе, то является вопросъ о томъ, насколько подложный документъ долженъ удовлетворять по своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ признакамъ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляются къ документу вообще, для того, чтобы можно было говорить о подлогѣ документовъ въ данномъ случаѣ. Дѣло въ томъ, что при подлогѣ можетъ быть составленъ извѣстный документъ такъ, что онъ никоимъ образомъ, даже въ случаѣ, если бы онъ былъ подлиненъ, не можетъ служить вслѣдствіе своихъ дефектовъ доказательствомъ того или другого правового событія. Какъ же слѣдуетъ относиться къ подобнымъ случаямъ и можно ли видѣть въ нихъ наличность состава подлога документовъ? Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ различать дефекты въ формѣ документовъ и дефекты въ ихъ содержаніи.

Нерѣдко можетъ быть составленъ подложный документъ въ такой формѣ, что онъ содержитъ въ себѣ извѣстные дефекты, касающіеся существенныхъ свойствъ его, благодаря чему онъ не можетъ имѣть вовсе никакого удостовѣрительнаго значенія, напр. если составленъ вексель не на вексельной бумагѣ или если составлено подложное домашнее духовное завѣщаніе безъ приложенія подписи свидѣтелей и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ создается документъ, который благодаря своей формѣ доказательственной силы не имѣетъ; поэтому объ оконченномъ дѣяніи подлога говорить здѣсь нельзя; данный актъ не могъ бы играть роль документа, даже если бы онъ не былъ поддѣльнымъ. Но съ другой стороны дѣятельность виновнаго, направленная на созданіе подложнаго акта, здѣсь ясно выразилась, причемъ видна ея умышленность, и если притомъ виновный сдѣлалъ все то, что онъ считалъ нужнымъ для учиненія преступленія, то здѣсь можетъ быть рѣчь объ оконченномъ покушеніи на подлогъ въ смыслѣ неудавшагося совершенія его: виновный хотѣлъ создать такой актъ, который бы вполнѣ замѣнялъ собой подлинный и имѣлъ его значеніе, между тѣмъ въ виду дефектовъ въ его существенныхъ частяхъ ему достигнуть этого не удалось; если же виновный при этомъ употребилъ еще по своему

невѣжеству такіе пріемы, которые ни въ какомъ случаѣ не могли привести къ достиженію извѣстной цѣли, то въ данномъ случаѣ можно говорить лишь о ненаказуемомъ покушеніи въ томъ смыслѣ, что здѣсь есть только обнаруженіе умысла виновнаго сдѣлать подлогъ.

Итакъ, для подлога необходимо, чтобы былъ составленъ такой документъ, который въ существенныхъ чертахъ воспроизводитъ извѣстный другой документъ. Только тогда, когда эти существенныя черты воспроизведены, и можно говорить о подлогѣ. Но необходимо, чтобы именно существенныя черты документа были воспроизведены для того, чтобъ считать дѣяніе оконченнымъ, такъ какъ всякій документъ можетъ заключать въ себѣ черты и несущественныя, безъ наличности которыхъ онъ не теряетъ своей силы: необходимо поэтому, чтобъ данный документъ въ существенномъ былъ похожъ на тотъ, который онъ долженъ изображать. Что же касается вопроса о томъ, что слѣдуетъ считать существенной чертой даннаго документа, т. е. соблюденіе какихъ формальностей представляется для даннаго вида документовъ существеннымъ, то это—вопросъ факта, и установленіе этого признака, какъ замѣчаетъ и объяснит. зап. къ проекту уголовн. ул. [1]), принадлежитъ суду, разсматривающему дѣло по существу.

Съ этимъ взглядомъ на значеніе воспроизведенія при подлогѣ существенныхъ чертъ документа въ общемъ согласна и наша кассаціонная практика, хотя для нея рѣшающее значеніе, повидимому, имѣетъ возможность введенія въ заблужденіе путемъ подлога другихъ лицъ, между тѣмъ этотъ моментъ самъ по себѣ для подлога значенія не имѣетъ, такъ какъ тщательности поддѣлки для состава преступленія не требуется, и то, что можетъ вводить въ заблужденіе одного, не вводитъ другого. Такъ сенатъ въ своемъ рѣшеніи 1868 г. № 370—Колосова призналъ, что „существеннымъ признакомъ преступленія, предусмотрѣннаго ст. 294, слѣдуетъ считать

---

[1]) Объяснит. зап. т. V стр. 215.

то, чтобы подложно составленная бумага соотвѣтствовала вообще установленнымъ закономъ и практикой формамъ оффиціальныхъ документовъ и вслѣдствіе этого могла ввести въ заблужденіе относительно своей подлинности; ст. 294 вовсе не говоритъ, что подложное составленіе отъ имени какихъ-либо правительственныхъ учрежденій бумагъ только тогда подвергаетъ виновнаго отвѣтственности, если учрежденіе это на самомъ дѣлѣ употребляетъ бумаги подобнаго рода; при такомъ ограниченіи значенія этой статьи пришлось бы оставлять безнаказанными подобныя преступленія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда виновный измѣнилъ лишь названіе бумаги или упустилъ какую-нибудь ничтожную формальность, установленную или соблюдаемую спеціально въ оффиціальныхъ бумагахъ какого-либо учрежденія"; въ данномъ дѣлѣ рѣчь шла о поддѣлкѣ повѣстки отъ имени Главн. Выкупн. Учрежд., тогда какъ это учрежденіе повѣстокъ не посылаетъ. Высказавъ это положеніе, сенатъ затѣмъ повторяетъ его въ цѣломъ рядѣ другихъ своихъ рѣшеній, напр. въ рѣшеніи 1871 г. № 33—Филиппова, обвинявшагося въ составленіи подложнаго исполнительнаго листа окружного суда на гербовой бумагѣ, далѣе, въ рѣшеніи 1873 г. № 812—Павловскаго, обвинявшагося въ составленіи копіи съ опредѣленія суда безъ приложенія печати; здѣсь сенатъ говоритъ: „ст. 294 по точному смыслу ея наказываетъ подложное составленіе оффиціальныхъ актовъ, вовсе не обусловливая наказуемость этого преступленія тѣмъ, чтобы въ подложномъ актѣ были соблюдены всѣ тѣ формальности, которыя предписаны закономъ для акта дѣйствительнаго"; то же принято и въ рѣшеніи 1876 г. № 229 — Смирнова, гдѣ рѣчь шла о подлогѣ документовъ оффиціальныхъ, въ которыхъ неправильно названы были должностныя лица, отъ имени которыхъ поддѣланъ былъ документъ, и въ рѣшеніи 1889 г. № 23—Захарова, гдѣ въ подложной копіи судебнаго рѣшенія помѣщенъ былъ вымышленный составъ суда и вымышленная фамилія должностного лица, скрѣпившаго вѣрность копіи; то же высказано въ частности въ отношеніи къ подлогу видовъ на жительство въ рѣшеніи 1869 г. № 877—Голубева и Семенова;

подсудимые обвинялись въ составленіи фальшиваго вида на жительство, подписаннаго за неграмотностью будто-бы станового пристава писаремъ его съ приложеніемъ вмѣсто печати накопченной двухкопеечной монеты; сенатъ здѣсь находитъ, что грубость поддѣлки есть всегда понятіе относительное и что для людей неграмотныхъ и грубо составленный фальшивый видъ легко могъ достигнуть своей цѣли, почему составленіе такого вида не можетъ быть изъято изъ дѣйствія ст. 975 улож.; то же говорится въ рѣшеніи 1875 г. № 355—Протопопова: „отсутствіе номера и печати на билетѣ, составленномъ подсудимымъ, не отнимаетъ у этого документа значенія вида на проживательство".

Равнымъ образомъ, такъ какъ вексель только тогда можетъ считаться таковымъ, когда онъ имѣетъ извѣстные существенные элементы, то при подлогѣ необходимо воспроизведеніе именно ихъ; поэтому если въ подложномъ векселѣ будутъ опущены несущественные элементы, подлогъ имѣется въ наличности; такимъ моментомъ является, напр. опротестованіе векселя, такъ что подлогъ возможенъ и относительно векселя неопротестованнаго. Это мнѣніе высказано и сенатомъ въ цѣломъ рядѣ рѣшеній: 1868 г. № 907—Орлова, 1870 г. № 685—Гендона, 1874 г. № 703—Кузьмина и 1887 г. № 18—Самойлова.

Нѣсколько иного взгляда на значеніе соблюденія существенныхъ формальностей въ подложномъ документѣ придерживается сенатъ въ рѣшеніи 1875 г. № 22—Филатова; здѣсь высказано слѣдующее: „Прав. Сенатъ находитъ, что законъ, опредѣляя отвѣтственность за подлогъ въ актахъ и обязательствахъ, могущихъ служить доказательствомъ какихъ-либо правъ или обязанностей, примѣняется безразлично къ виновнымъ въ совершеніи такихъ подлоговъ, независимо отъ того, соотвѣтствуетъ ли данный актъ или обязательство въ отношеніи порядка составленія ихъ всѣмъ требованіямъ гражданскихъ законовъ, или же они составлены съ такими отступленіями отъ сихъ законовъ, что, будучи предъявлены въ гражданскій судъ, могутъ быть оспариваемы противной стороной и даже по тре-

бованію ея уничтожены, какъ недѣйствительные (р. к. д. 1868 г. № 66; 1869 г. № 137; 1871 г. № 1401, 751, 457 и др.). Поэтому при преданіи суду по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1692 ст. Ул., на обязанности учрежденія, предающаго суду, лежитъ лишь разрѣшеніе вопроса о томъ, принадлежитъ ли поддѣльно составленный актъ къ числу такихъ, которые могутъ имѣть значеніе доказательства въ гр. судѣ, но оно не обязано ни предоставлять сторонамъ, отъ имени коихъ составленъ актъ, обращаться предварительно въ гр. судъ для опредѣленія силы и значенія даннаго акта съ формальной стороны, ни тѣмъ болѣе самому задаваться вопросомъ о томъ, какія противъ такого акта могли быть предъявлены возраженія и можетъ ли быть признана за нимъ сила доказательства именно въ данномъ случаѣ и при данныхъ обстоятельствахъ. Эти соображенія подтверждаются тѣмъ, что законъ признаетъ оконченнымъ подлогомъ самое составленіе подложнаго акта, не обусловливая наказаніе употребленіемъ его, т. е. предъявленіемъ въ судъ (рѣш. у. к. д. 1870 г. № 153), и слѣдовательно наказываетъ за подлогъ и тогда, когда вслѣдствіе непредъявленія подложнаго акта въ судебное мѣсто противъ него не могли быть предъявлены никакія возраженія". Изъ этого рѣшенія выходитъ, что хотя бы въ подложномъ актѣ и не соблюдены были вовсе существенныя условія, требуемыя закономъ отъ даннаго акта, такъ что актъ долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ, тѣмъ не менѣе рѣчь о подлогѣ въ данномъ случаѣ можетъ быть. Но въ послѣднемъ своемъ рѣшеніи по этому вопросу сенатъ высказалъ иное положеніе. Какъ слѣдуетъ изъ этого рѣшенія (1889 г. № 1—Черкеса), подсудимый уничтожилъ на договорѣ надпись о состоявшемся, по соглашенію съ нимъ, договорѣ о сокращеніи аренднаго срока на одинъ годъ, подписанномъ опекуномъ малолѣтняго А. З., подчистивъ таковую подпись и вписавъ на подчищенномъ мѣстѣ слова: „пять сотъ № 500 руб. серебр. уплатилъ 15 окт. 1868 г. 2 гильдіи купецъ Ч.". Судъ примѣнилъ въ этомъ случаѣ ст. 1692, но сенатъ нашелъ, что „1692 ст. караетъ за поддѣлку и измѣненіе

домашнихъ актовъ, которые по закону могутъ быть принимаемы въ доказательство правъ на имущество, причемъ законъ ничего не говоритъ о томъ, чтобы такіе акты должны были имѣть силу доказательства именно въ случаѣ, составляющемъ предметъ разсматриваемаго дѣла (рѣш. 70 № 396, 71 № 457 и др.). Такимъ образомъ для разрѣшенія вопроса о правильности или неправильности примѣненія 1692 ст. Ул. къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, необходимо прежде всего опредѣлить, составляетъ ли вообще выскобленная Ч. надпись такой актъ, который по закону можетъ быть принимаемъ въ доказательство правъ на имущество. Въ этомъ отношеніи изъ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго департамента сената усматривается, что существеннымъ условіемъ составленія домашняго акта признается закономъ изъявленіе согласія сторонъ подписью ихъ на актѣ, при отсутствіи каковой подобный документъ можетъ быть признанъ только проектомъ условія (рѣш. гр. 71 № 334). Равнымъ образомъ, если по соглашенію договаривающихся лицъ для дѣйствительности договора требуется заключеніе его письменнымъ порядкомъ, то для окончательнаго его совершенія во всякомъ случаѣ безусловно необходима подпись всѣхъ участвовавшихъ въ договорѣ сторонъ (71 № 794). Изъ установленныхъ рѣшеніемъ присяжныхъ фактовъ оказывается, что надпись, въ выскабливаніи которой Ч. признанъ виновнымъ, не только не была подписана самимъ Ч., но и другой договаривающейся стороной была подписана лишь въ лицѣ одного изъ ея представителей опекуномъ З. (а ихъ было двое). Такимъ образомъ за отсутствіемъ въ выскобленной надписи изъявленія согласія сторонъ подписью ихъ на надписи, таковая не можетъ быть отнесена къ актамъ, которые по закону могутъ быть принимаемы въ доказательство правъ на имущество“. Дѣйствительно, данный документъ не можетъ считаться въ силѣ таковаго именно потому, что ему недостаетъ существенныхъ условій документа даннаго вида; поэтому воспроизведеніе подлиннаго документа въ такомъ видѣ не можетъ еще составлять оконченнаго преступленія подлога документовъ.

Какъ сказано было выше, возможенъ такой случай, когда въ составленномъ подложно документѣ дефектъ касается не формы его, а содержанія, когда существенные элементы документа соблюдены, но содержаніе такого рода, что данный документъ не можетъ считаться дѣйствительнымъ. Спрашивается, какъ слѣдуетъ относиться къ подобнымъ случаямъ? Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что содержаніе документа можетъ быть такого рода, что оно совершенно не соотвѣтствуетъ самому назначенію даннаго документа; тогда собственно не можетъ быть и рѣчи о документѣ, а потому и о подлогѣ его, напр. если составленъ подложно въ надлежащей формѣ оффиціальный документъ, въ которомъ заключается содержаніе какого-нибудь шутливаго тона, напр. оно представляетъ изъ себя приглашеніе на балъ и т. п. Далѣе, возможны такіе случаи, когда составившій документъ или неспособенъ изъявлять свою волю въ данномъ видѣ, какъ лицо недѣеспособное или неправоспособное, или же не компетентенъ для выдачи его, если идетъ рѣчь о публичномъ документѣ.

Въ отношеніи этихъ случаевъ надо имѣть въ виду, что при составленіи подложнаго документа имѣется посягательство на неприкосновенность его формы, вслѣдствіе чего дефекты, касающіеся его содержанія, здѣсь не могутъ имѣть особаго значенія; разъ документъ воспроизведенъ подложно въ существенныхъ своихъ чертахъ, подлогъ имѣется въ наличности, такъ какъ въ документѣ прежде всего принимается въ расчетъ правильность формы, соблюденіе которой въ видѣ общаго правила должно служить доказательствомъ правильности содержанія, и если документъ съ внѣшней стороны представляется правильнымъ, онъ уже можетъ исполнить свою функцію, независимо отъ содержанія. Поэтому при составленіи подложнаго документа содержаніе его особеннаго значенія не имѣетъ, лишь бы оно было такого рода, который вообще соотвѣтствуетъ самому понятію документа; такимъ образомъ если составленъ документъ, ничтожность котораго вслѣдствіе дефектовъ въ содержаніи можетъ быть установлена на основаніи общихъ положеній гражданскаго права, подлогъ всетаки

имѣетъ мѣсто, такъ какъ здѣсь имѣется посягательство противъ документарной формы [1]), если напр. окажется, что документъ составленъ отъ имени лица неправоспособнаго, все-таки въ этомъ случаѣ слѣдуетъ видѣть подлогъ. Это признается и нашей кассаціонной практикой, которая, напр. въ рѣшеніяхъ 1873 г. № 889—Николаева и 1874 г. № 173—Суковатицына признала, что ст. 1692 вовсе не указываетъ, чтобы опредѣленному въ ней наказанію подвергались только виновные въ поддѣлкѣ такихъ актовъ, дѣйствительность или законность которыхъ не подлежитъ спору; то же признано въ рѣшеніи 1875 г. № 364—Роговскаго относительно подлога духовныхъ завѣщаній, предусмотрѣннаго ст. 1691 улож. Нѣкоторое сомнѣніе въ этомъ отношеніи вызываетъ однако тотъ случай, когда поддѣланъ вексель отъ имени лица, которое не имѣетъ права обязываться имъ. Слѣдуетъ ли разсматривать этотъ случай, какъ подлогъ векселя или какъ вообще заемнаго обязательства? Намъ кажется, что и этотъ случай долженъ рѣшаться по общимъ правиламъ: если всѣ существенные элементы подложно составленнаго векселя съ внѣшней стороны соблюдены въ данномъ случаѣ, есть въ наличности подлогъ векселя, такъ какъ здѣсь имѣется уже посягательство на самую неприкосновенность этой именно документарной формы. Съ этимъ положеніемъ согласенъ и сенатъ, который высказалъ по дѣлу Горвица и Фейгина (1876 г. № 327) между прочимъ слѣдующее: „если признать, что уголовное преслѣдованіе за поддѣлку векселя можетъ быть поставлено въ зависимость отъ гражданскаго значенія бланковой надписи несовершеннолѣтняго лица, обвиняемаго въ подлогѣ векселя, то въ такомъ случаѣ остается придти къ тому заключительному выводу, что несовершеннолѣтнія лица, составляя подложные векселя и выставляя на нихъ свои бланки, могутъ поддѣлывать такіе векселя безъ всякой отвѣтственности не за

[1]) Французская практика здѣсь находитъ тоже наличность подлога, такъ какъ считаетъ возможнымъ наступленіе отъ подобныхъ случаевъ извѣстнаго ущерба (Garraud. l. c. p. 226).

выдачу ими на себя обязательства въ несовершеннолѣтнемъ возрастѣ, а за самый учиняемый ими подлогъ въ этихъ обязательствахъ". Нѣсколько иначе рѣшаетъ этотъ вопросъ Неклюдовъ[1]): онъ отрицаетъ вообще возможность видѣть здѣсь подлогъ, но съ нѣкоторыми ограниченіями, именно онъ находитъ, что въ этомъ случаѣ, подлогъ будетъ преслѣдоваться по ст. 1160 только тогда, когда подобные векселя перешли уже въ третьи руки, т. е. когда на векселѣ имѣется передаточная надпись, хотя бы одного лица, имѣющаго право обязываться векселями, въ этомъ случаѣ; по его словамъ, имѣется уже не простое, а вексельное обязательство; обоснованіемъ своего взгляда Неклюдовъ приводитъ то, что „несомнѣнно, что вексель, выданный неимѣющимъ права обязываться векселями, теряетъ силу вексельнаго права лишь по отношенію къ его векселедателю, но сохраняетъ свою силу относительно всѣхъ пользующихся правомъ выдачи векселей бланконадписателей". Но разъ съ другой стороны признается имъ подлогомъ выдача подложнаго векселя отъ имени лица вымышленнаго, то не показываетъ ли уже это, что правоспособность лица не имѣетъ здѣсь значенія, такъ какъ здѣсь установить дѣйствительное его существованіе нѣтъ возможности?

Что же касается вопроса о некомпетентности лица, которому приписывается выдача подложнаго документа, для составленія документа именно даннаго рода, то въ этомъ отношеніи, общее правило то, что она не препятствуетъ возможности считать данное дѣяніе подлогомъ, если существенныя черты документа соблюдены; но если эта некомпетентность поражаетъ документъ въ существенныхъ его признакахъ, то объ оконченномъ дѣяніи подлога рѣчи быть не можетъ, такъ какъ тогда документъ теряетъ свое доказательственное значеніе. Если, напр. составлено подложное метрическое свидѣтельство, требующее соблюденія извѣстныхъ формальностей, отъ имени какого-нибудь судебнаго учрежденія, подлога въ данномъ случаѣ признать нельзя. То же должно имѣть мѣ-

---

[1]) Неклюдовъ в. с. стр. 328.

сто въ томъ случаѣ, если подложный документъ показанъ происходящимъ отъ несуществующаго вовсе учрежденія, которое вслѣдствіе этого и не можетъ составлять подобные акты: при этомъ здѣсь нужно разумѣть несуществованіе извѣстнаго учрежденія вообще, какъ таковаго, а не только въ извѣстной мѣстности; такъ какъ если подложный актъ показанъ исходящимъ отъ такого учрежденія, которое вообще существуетъ, но его нѣтъ въ этой мѣстности, съ названіемъ каковой онъ показанъ исходящимъ, подлогъ есть въ наличности; здѣсь названіе мѣстности играетъ такую же роль, какъ и фамилія должностного лица, которой подписанъ подложный документъ.

§ 7. Какъ было уже сказано, составленіе подложнаго документа можетъ заключаться или въ поддѣлкѣ одной только подписи извѣстнаго лица, или же кромѣ того въ подложномъ составленіи самого текста; по своему выраженію это дѣяніе можетъ быть самаго разнообразнаго рода, причемъ законъ иногда самъ ближе описываетъ сущность отдѣльныхъ случаевъ составленія подложныхъ документовъ. Такъ, ст. 1161 приводитъ случай сдѣланія на векселѣ передаточной надписи заднимъ числомъ, а ст. 1690 говоритъ о подложномъ означеніи учиненной будто-бы явки актовъ, совершаемыхъ или являемыхъ у крѣпостныхъ дѣлъ, или у нотаріусовъ и маклеровъ; одно время сенатъ считалъ это послѣднее дѣяніе самостоятельной формой подлога наряду съ поддѣлкой документовъ и передѣлкой ихъ (напр. рѣшенія 1876 г. № 36—Синегуба и 1875 г. № 164 Вертиголовова), но, какъ замѣтилъ еще Неклюдовъ [1]), здѣсь заключается не что иное, какъ видъ поддѣлки; а такъ какъ въ ст. 1690 имѣется въ виду всякаго рода подложное означеніе сдѣланной явки у нотаріуса, то хотя бы подложно засвидѣтельствованная подпись была сдѣлана на такомъ документѣ, подлогъ котораго предусматривается въ уложеніи особо, дѣяніе это должно подводиться подъ ст. 1690, разъ оно направляется не на подлогъ самаго

[1]) Неклюдовъ в. с. стр. 195.

документа, а только на засвидѣтельствованіе нотаріусомъ подписи. Это имѣетъ мѣсто и въ томъ случаѣ, если самая подпись, которая показана подложно засвидѣтельствованной, поддѣлана, и исключеніе изъ этого возможно только въ томъ случаѣ, когда наказаніе, опредѣленное за данный спеціальный видъ подлога, выше того, которое опредѣлено въ ст. 1690 [1]).

Самый актъ, составляемый поддѣлывателемъ, можетъ свидѣтельствовать противъ него, но это не измѣняетъ сущности дѣла, такъ какъ и въ этомъ случаѣ имѣется уже посягательство на неприкосновенность документа [2]).

---

[1]) Послѣднее положеніе признается и сенатомъ, хотя онъ исходитъ въ этомъ случаѣ изъ другихъ соображеній. Изъ рѣшенія 1873 г. № 931—Лебедева и Заржицкаго слѣдуетъ, что З. сдѣлалъ на векселѣ фальшивое засвидѣтельствованіе руки С. у нотаріуса Ст. и подпись послѣдняго. Сенатъ нашелъ, что „сущность преступнаго дѣянія подсудимаго заключается въ томъ, чтобы сдѣланнымъ имъ засвидѣтельствованіемъ подписи С. удостовѣрить дѣйствительность бланковой его подписи, а такъ какъ всякая поддѣлка бланковой на векселѣ надписи равносильна поддѣлкѣ цѣлаго векселя, то означенное преступленіе З. подлежитъ дѣйствію ст. 1160, предусматривающей подложное составленіе векселя. Посему и въ виду того, что существованіе спеціальныхъ статей, предусматривающихъ преступленія, нарушающія постановленія о кредитѣ, въ томъ числѣ и ст. 1160 улож., исключаетъ возможность примѣненія къ выше указанному дѣйствію З. 1690 ст. улож., предусматривающей подложное составленіе актовъ другого рода, а не векселей", сенатъ признаетъ возможнымъ здѣсь примѣнить только ст. 1160.

[2]) Въ этомъ отношеніи можно привести интересный примѣръ изъ рѣшенія по дѣлу Соколова и др. 1870 г. № 67. Какъ видно изъ этого рѣшенія, „закладчикъ Гамбскій, симулируя закладъ ему имущества будто бы постороннимъ лицомъ, написалъ самъ себѣ закладную квитанцію, подложилъ подъ соотвѣтствующій ей номеръ заклада вещи стоимостью въ 154 р. и, обозначивъ на квитанціи ложно стоимость заклада въ 300 р. с., передалъ таковую квитанцію знавшимъ объ этомъ проступкѣ П. и Сок. въ тѣхъ видахъ, чтобы послѣдніе передали эту ложную залоговую квитанцію подъ видомъ настоящей какому-нибудь третьему лицу, расчитывая на то, что по-

Надо замѣтить, что не смотря на всевозможные способы совершенія поддѣлки документовъ, необходимо одно общее всѣмъ имъ условіе, именно, чтобы вездѣ рѣчь шла въ нихъ о созданіи новаго документа, поэтому, если будетъ составленъ документъ не новый, а изъ отдѣльныхъ кусочковъ другихъ документовъ, такъ что получится такимъ образомъ какъ бы документъ подлинный, то здѣсь о подлогѣ рѣчи быть не можетъ. Косвенно такой же отвѣтъ на это даетъ и нашъ сенатъ, но въ отношеніи только поддѣлокъ кредитныхъ бумагъ; именно, въ рѣшеніи 1873 г. № 1020—Звѣгинцева сказано, что составленіе кредитныхъ билетовъ изъ нѣсколькихъ частей разныхъ билетовъ съ различными по сторонамъ нумерами не можетъ не составлять того особаго приготовленія къ обману, о которомъ упоминается въ 3 п. ст. 175 уст. о нак.

слѣднее, явившись къ нему за выкупомъ заклада, уплатитъ ему 300 р. съ процентами вмѣсто 154. П. явилась къ Султ., предложила ей залоговую квитанцію, притомъ, чтобы убѣдить ее въ дѣйствительной стоимости вещей, завѣдомо ложно обѣщала выкупить означенныя вещи отъ нея. Сенатъ нашелъ здѣсь всѣ признаки подлога, предусмотрѣннаго ст. 1692. То же признано и въ рѣшеніи 1869 г. № 992—Голдавскаго, обвинявшагося въ составленіи подложно векселя отъ своего имени на имя купца Э.; сенатъ нашелъ, что преступное дѣяніе, въ которомъ былъ признанъ виновнымъ Г., по составу своему не подходитъ подъ опредѣленіе ст. 1160, такъ какъ онъ поддѣлывалъ не чужой вексель, а свой собственный, и не требовалъ по оному уплаты отъ другого лица, а представилъ его въ удостовѣреніе сдѣланнаго имъ же платежа; въ виду этого сенатъ призналъ, что наказаніе должно быть опредѣлено здѣсь по аналогіи. Это подтверждается въ рѣшеніи 1875 г. № 343—Бухановскаго, который обвинялся въ томъ, что подговорилъ дворянина Прушана написать не только текстъ векселей отъ имени его, Б., на имя Кожевникова, но и подпись его, Б., и, получивъ написанные такимъ образомъ векселя, передалъ ихъ К. вмѣсто обѣщанныхъ ему векселей съ настоящей подписью его, Б., причемъ онъ имѣлъ въ виду лишить К. возможности получить или взыскать съ него, Б., означенную въ векселѣ сумму.

§ 8. Къ составленію подложнаго документа весьма близко подходитъ, хотя прямо имъ и не обнимается, одно дѣяніе, которое однако должно быть отличаемо отъ него, благодаря особеннымъ пріемамъ, употребленнымъ въ этомъ случаѣ виновнымъ при созданіи подложнаго документа. Это—злоупотребленіе бланковой подписью. Сущность этого дѣянія заключается въ томъ, что одно лицо пользуется подлинной бланковой подписью другого, заполняя бланкъ опредѣленнымъ документарнымъ содержаніемъ; благодаря этому, получается подложный документъ, который по своему внѣшнему виду вполнѣ правиленъ, но порочность котораго лежитъ, какъ и при составленіи подложнаго документа, въ несоотвѣтствіи содержанія документа волѣ того лица, отъ котораго онъ показанъ исходящимъ: вся разница этого случая отъ составленія поддѣльнаго документа въ томъ, что здѣсь подпись лица, отъ котораго документъ показанъ исходящимъ, настоящая, а тамъ поддѣльная; здѣсь такимъ образомъ имѣется тоже посягательство на неприкосновенность документарной формы, что характеризуетъ и другіе виды подлога.

Самую подпись на бланкѣ можно получить разными способами: она можетъ быть найдена виновнымъ случайно, но можетъ быть и ввѣрена ему для того, чтобы онъ составилъ извѣстный документъ иного содержанія, чѣмъ тотъ, который онъ въ дѣйствительности составилъ, однако для состава преступленія это безразлично; впрочемъ, нѣкоторыя законодательства придаютъ этому послѣднему моменту неодинаковое значеніе. Вообще же точка зрѣнія на данное дѣяніе въ отдѣльныхъ законодательствахъ неодинакова. Въ нѣкоторыхъ законодательствахъ, въ томъ числѣ и въ нашемъ уложеніи о нак., дѣяніе это разсматривается вмѣстѣ съ подлогомъ, какъ дѣяніе ему приравниваемое; въ уложеніи именно содержится ст. 1694, которая имѣетъ въ виду тотъ случай, когда, „кто, пользуясь ввѣренной ему кѣмъ-либо бланковой подписью для написанія какого-либо акта, самовольно, вмѣсто онаго, напишетъ другой актъ, убыточный или почему-либо вредный для ввѣрившаго бланкъ лица, или же присвоитъ себѣ и употребитъ для своей выгоды блан-

ковую подпись". Уложеніе имѣетъ такимъ образомъ въ виду только злоупотребленіе ввѣренной бланковой подписью, но сенатская практика (рѣш. 1871 г. № 457—Гусева) распространяетъ этотъ случай и на злоупотребленіе бланкомъ, случайно полученнымъ виновнымъ; а такъ какъ ст. 1694 помѣщена среди статей, говорящихъ о подлогѣ частныхъ документовъ, подъ нее не могутъ быть подведены случаи злоупотребленія бланковой подписью должностного лица. Въ другихъ законодательствахъ, напр. во французскомъ и бельгійскомъ, напротивъ это дѣяніе считается видомъ злоупотребленія довѣріемъ, но при этомъ требуется, чтобы самая бланковая подпись была ввѣрена лицу, злоупотребившему ею, если же бланкъ не былъ ввѣренъ, то здѣсь признается наличность подлога. Наконецъ, особую конструкцію этого преступленія мы находимъ въ проектѣ уголовнаго уложенія, который относитъ это дѣяніе въ ст. 518 (535) къ числу преступленій, называемыхъ „недобросовѣстностью по имуществу". При этомъ Объясн. зап. [1]) замѣчаетъ, что „дѣяніе это стоитъ на рубежѣ между простою недобросовѣстностью, злоупотребленіемъ довѣріемъ и подлогомъ", и прибавляетъ, что „редакціонная коммиссія, ставя необходимымъ условіемъ наказуемости его причиненіе или возможность причиненія ущерба или убытковъ въ имуществѣ потерпѣвшаго, находитъ правильнѣе отнести его къ посягательствамъ имущественнымъ"; самому понятію бланка придается здѣсь широкое значеніе, такъ что постановленія проекта примѣнимы и къ злоупотребленію вексельными бланками — случаю, относительно котораго въ нашей практикѣ замѣчались колебанія.

Разсматривая ближе эти различныя системы, можно замѣтить, что вторая система, французская, представляетъ неудобство въ томъ отношеніи, что въ ней одно и то же дѣяніе въ зависимости отъ условій чисто внѣшнихъ относится къ двумъ группамъ преступленій, которыя по своему характеру далеко неодинаковы; что же касается третьей системы, то при ней

---

[1]) Объясн. зап. т. V стр. 519.

принимаются во вниманіе лишь тѣ случаи, въ которыхъ на лицо имѣется посягательство на имущество, между тѣмъ какъ возможно, что такимъ путемъ будетъ составленъ актъ, напр. публичнаго характера, не имѣющій отношенія къ имущественнымъ интересамъ другого лица. Болѣе преимуществъ поэтому представляетъ первая система, которая приравниваетъ данное дѣяніе составленію поддѣльнаго документа, такъ какъ въ обоихъ дѣяніяхъ общее то, что въ нихъ имѣется невѣрное указаніе на происхожденіе содержанія даннаго документа отъ извѣстнаго лица.

Необходимымъ условіемъ злоупотребленія бланкомъ является то, чтобы бланковая подпись была получена раньше изготовленія самаго текста документа, такъ какъ только такимъ образомъ употребляется во зло чужая подпись, и тѣ случаи, гдѣ подлинная подпись извѣстнаго лица получается на уже приготовленномъ документѣ, сюда не относятся. Между тѣмъ случаи этого рода могутъ быть весьма разнообразны: можно обманомъ добыть чужую подпись на документѣ, убѣждая, напр. извѣстное лицо, что данный документъ есть именно тотъ, который оно хотѣло подписать (такой случай указанъ въ рѣшеніи 1875 г. № 28—Вакашидзе); при этомъ лицо, дающее свою подпись, могло даже участвовать на самомъ дѣлѣ въ составленіи документа, но здѣсь о подлогѣ рѣчи быть не можетъ: подпись на документѣ вполнѣ правильная, и самый текстъ его никакихъ внѣшнихъ знаковъ поддѣлки не носитъ; здѣсь или покушеніе на мошенничество или вовлеченіе въ невыгодную сдѣлку, какъ это призналъ общимъ образомъ и сенатъ въ своемъ рѣшеніи 1873 г. № 36—Синегуба; сенатъ здѣсь именно высказалъ, что „если актъ составленъ отъ имени и при участіи лицъ, дѣйствительно участвовавшихъ въ составленіи акта, и при этомъ какой-либо стороной употреблены для завладѣнія чужимъ имуществомъ обманныя дѣйствія, имѣвшія цѣлью побудить къ совершенію акта или привести противную сторону въ заблужденіе относительно значенія сдѣлки, силы и дѣйствительности акта, то подобнаго рода поступокъ, если притомъ употребленныя для обмана средства могутъ быть признаны

обманомъ, подлежащимъ преслѣдованію уголовному, составляетъ не подлогъ въ актѣ, а преступленіе, предусмотрѣнное въ ст. 1665 и 1688 Ул. о нак.“ Впрочемъ, сенатъ отступалъ иногда отъ этого вполнѣ правильнаго положенія и видѣлъ подлогъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ подпись на актѣ была получена путемъ введенія въ заблужденіе лица, подписавшагося подъ документомъ. Таково рѣшеніе 1876 г. № 18—Михайлова. Какъ изъ него слѣдуетъ, М., будучи старшиной, составилъ приговоръ отъ крестьянъ бабкинскаго общества, помимо ихъ согласія, о взысканіи съ нихъ 688 р., будто бы израсходованныхъ имъ за это общество, чего въ дѣйствительности не было; пользуясь малограмотностью крестьянъ, онъ подсунулъ имъ этотъ приговоръ для подписи, и они подписали его, не читая и не зная содержанія его, а затѣмъ на основаніи этого фальшиваго приговора онъ взыскалъ съ крестьянскаго общества 688 р. чрезъ подвѣдомственныхъ старшинъ и деньги эти присвоилъ себѣ. Сенатъ призналъ это дѣяніе по признакамъ его подлежащимъ взысканію по 362 ст.; но здѣсь собственно о подлогѣ рѣчи быть не можетъ, такъ какъ данный документъ содержалъ подлинныя подписи тѣхъ, отъ кого онъ былъ показанъ исходящимъ, а самый текстъ его съ внѣшней стороны былъ вполнѣ правиленъ, не заключая въ себѣ никакихъ измѣненій [1]). Одинъ изъ подобныхъ случаевъ полученія обманомъ чужой подписи предусматривается, однако, у насъ въ уложеніи въ ст. 1693, какъ видъ подлога—поднесеніе изъ корыстныхъ цѣлей къ подписанію слѣпого другой, вмѣсто слѣдовавшей, согласно съ его желаніемъ и намѣреніемъ, бумаги [2]); но дѣяніе это вовсе не представляется подлогомъ, какъ и только что описанныя; здѣсь имѣется лишь вовлеченіе въ невыгодную сдѣлку посредствомъ пользованія довѣрчивостью или слабостью другого лица. Поэтому болѣе правильно поступаетъ проектъ уг.

---

[1]) Въ такомъ же духѣ состоялось рѣш. 1870 г. № 247—Щеглова и Бѣльченко.

[2]) Дѣянія этого не было въ первоначальномъ проектѣ уложенія о нак. 1844 г., и оно вставлено по требованію Госуд. Сов.

улож., который помѣщаетъ это дѣяніе въ ст. 517 (534) въ ряду постановленій о недобросовѣстности.

§ 9. Вторая форма учиненія подлога документовъ заключается въ передѣлкѣ подлиннаго документа; здѣсь подложно создается не весь документъ, а извѣстная его часть; при этомъ данный видъ подлога главнымъ образомъ совершается такъ, что происхожденіе документа отъ извѣстнаго лица остается нетронутымъ, а искажается только волеизъявленіе его, ему приписывается то, чего оно на самомъ дѣлѣ путемъ даннаго документа не хотѣло утверждать; но, конечно, возможенъ подлогъ, совершаемый этимъ путемъ, и въ происхожденіи документа, именно если передѣлка касается самой подписи.

Передѣлка подлиннаго документа можетъ заключаться въ поправкахъ разнаго рода, добавленіяхъ, наконецъ, въ уничтоженіи отдѣльныхъ частей его. Законодатель обыкновенно въ этомъ случаѣ или довольствуется общимъ положеніемъ, говоря о сдѣланіи вообще съ умысломъ подчистки, поправки или иной перемѣны (ст. 291—294, 1690), переправки или подчистки (ст. 361 и 362, 1406) или измѣненія настоящихъ документовъ (ст. 1412, 1413, 1414), или же указываетъ, въ чемъ должна заключаться самая передѣлка, и въ зависимости отъ ея характера степенитъ наказаніе. Это мы находимъ, напр. въ ст. 975 ул. Здѣсь проводится различіе между двумя дѣяніями: съ одной стороны—измѣненіемъ имени въ настоящемъ видѣ на жительство, съ другой—измѣненіемъ указанныхъ въ видѣ на жительствѣ срока или мѣстопребыванія. Послѣднее условіе принимается въ расчетъ и проектомъ угол. улож. въ ст. 377 (391).

Изъ самаго существа передѣлки подлиннаго документа вытекаетъ, что здѣсь дѣйствіе должно направляться противъ уже существующаго документа, тогда какъ при поддѣлкѣ документъ путемъ подлога впервые и создается. Такимъ образомъ необходимымъ условіемъ подлога этого рода является то, чтобы документъ, служащій въ данномъ случаѣ ближайшимъ предметомъ дѣятельности виновнаго, существовалъ въ дѣйствительности и былъ подлиннымъ. Передѣлка фальшиваго документа не будетъ подлогомъ; но, конечно, если дѣятельность винов-

наго направляется на уже передѣланный подложно документъ и касается тѣхъ его частей, которыя не подверглись посягательству и въ которыхъ документъ остается подлиннымъ, подлогъ можетъ быть въ наличности.

Самая передѣлка или подложное измѣненіе документа можетъ заключаться или въ измѣненіи текста документа, или въ измѣненіи подписи его, или же и въ томъ и въ другомъ вмѣстѣ, но во всякомъ случаѣ, если дѣло идетъ объ измѣненіи текста, необходимо, чтобы измѣнены были существенныя части документа или, какъ выражается французская практика, подлогъ долженъ касаться тѣхъ обстоятельствъ, которыя призванъ удостовѣрять данный актъ [1]); притомъ необходимо, чтобъ измѣненія эти произошли послѣ того, какъ актъ составленъ — иначе это будетъ интеллектуальный подлогъ. Что же касается вопроса о томъ, что является существенной частью документа, то это дѣло факта; во всякомъ случаѣ, необходимо, чтобъ передѣлка касалась тѣхъ частей документа, которыя относятся къ событіямъ, имѣющимъ правовое значеніе. Если поэтому въ документѣ будетъ вставлено какое-нибудь выраженіе, которое не можетъ имѣть значенія въ этомъ смыслѣ, то подлога здѣсь видѣть нельзя. Эта мысль признается и сенатомъ и выражена между прочимъ въ рѣшеніи 1875 г. № 22 — Филатова, гдѣ сказано: „законъ караетъ не только составленіе поддѣльнаго акта и обязательства, но и всякаго рода поправки, подчистки и измѣненія въ актахъ, составленныхъ правильно, если эти подчистки и поправки измѣняютъ въ чемъ-нибудь сущность или условія, изложенныя въ актѣ и касающіяся возлагаемыхъ на одну изъ сторонъ обязанностей или предоставленныхъ ей правъ. А такъ какъ рѣшеніемъ присяжныхъ признано, что подсудимый въ заключенномъ имъ условіи сдѣлалъ поправки и добавленія, безъ согласія другихъ изъ участвовавшихъ въ условіи

[1]) Hélie. l. c. p. 432. Garraud. l. c. p. 145; практика идетъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что признаетъ, что если поддѣлано что-нибудь чуждое самому акту, то здѣсь подлога не будетъ—рѣш. 19 іюня 1851 г.

сторонъ, то судъ имѣлъ основаніе примѣнить къ подсудимому ст. 1692". Болѣе общимъ образомъ, чѣмъ сенатъ, старается выразить ту же мысль Неклюдовъ [1]), замѣчая, что дѣяніе не должно быть почитаемо подлогомъ, коль скоро сдѣланное въ документѣ измѣненіе не могло ни присвоить виновному какихъ-либо правъ и преимуществъ, ни послужить во вредъ кому-нибудь другому; но послѣдній элементъ въ его опредѣленіи не только не вноситъ поправки къ словамъ сената, но напротивъ затемняетъ ихъ, такъ какъ и всякая прибавка оскорбительнаго содержанія въ документѣ можетъ послужить во вредъ другимъ лицамъ, но она еще не обращаетъ даннаго документа въ подложный.

Самыя формы подложнаго измѣненія подлиннаго документа могутъ быть весьма разнообразны по своему содержанію.

Поправка подлиннаго документа можетъ принимать самое разнообразное выраженіе: можно переправить весь документъ, написавъ вмѣсто него иной текстъ, можно только переправить отдѣльныя слова, буквы или цифры, наконецъ, можно измѣнить разстановку знаковъ препинанія, изъ чего тоже происходитъ искаженіе истиннаго смысла документа. Въ нашей практикѣ подложнымъ измѣненіемъ актовъ этого рода были признаны такіе случаи: измѣненіе въ документѣ одного имени на другое (1874 г. № 26—Кокушкина), уменьшеніе цифры полученныхъ въ ссуду денегъ на билетѣ ссудной казны (1869 г. № 660—Волковой), измѣненія того же рода въ почтовой роспискѣ (1873 г. № 654—Брашевана), всякаго рода поправки въ вексельныхъ бланкахъ (1886 г. № 10—Ковалевскаго и 1891 г. № 8—Глазера).

Добавленія тоже могутъ носить разный характеръ. Можно добавить къ документу цѣлый рядъ новыхъ положеній, пользуясь остаткомъ мѣста на бумагѣ отъ послѣдняго слова подлиннаго текста до подписи; можно добавить, далѣе, отдѣльныя слова или цифры—все это зависитъ отъ особенностей отдѣльнаго случая и представляетъ изъ себя вопросъ факта; таковы,

[1]) Неклюдовъ в. с. стр. 236.

напр. вставка подписей свидѣтелей на духовномъ завѣщаніи послѣ смерти завѣщателя (рѣш. 1869 г. № 617—по дѣлу о подложномъ духовномъ завѣщаніи генер.-маіора Княжнина), или, какъ приведено въ рѣшеніи 1871 г. № 1338—Васильева, приписка въ исходящей книгѣ полицейскаго управленія въ статьѣ, въ которой было записано отношеніе въ тюремный комитетъ о снабженіи преступника продовольствіемъ словъ: „и о содержаніи его въ тюрьмѣ", послѣ того, какъ бумага, въ этой статьѣ записанная, была уже принята смотрителемъ тюрьмы; въ рѣшеніи 1875 г. № 623—Попова такимъ добавленіемъ признанъ тотъ случай, когда виновный для сокрытія растраты вписалъ отсылку пакетовъ съ деньгами въ промежуткахъ разносной книги станичнаго управленія, что имъ было сдѣлано уже послѣ росписки въ той же книгѣ пріемщика въ полученіи прочихъ записанныхъ въ нее пакетовъ. Въ виду того, что дополненія, сдѣланныя въ актѣ послѣ его совершенія, могутъ представлять изъ себя самостоятельную часть документа, является вопросъ о томъ, какъ проводить здѣсь различіе между случаями злоупотребленія бланкомъ и вставкой въ подлинный документъ новыхъ данныхъ. Въ этомъ отношеніи можно вполнѣ согласиться со словами Объясн. зап. къ проекту уголов. ул. [1]) о томъ, что „къ бланку можетъ быть приравниваемъ только пробѣлъ, умышленно оставленный лицомъ, составлявшимъ документъ, напр. для постановки времени его выдачи, суммы и т. д.; напротивъ того не могутъ быть имъ почитаемы всѣ иныя оставшіяся незаполненными части документа, напр. разстояніе, оставшееся между текстомъ и подписью".

Подложное измѣненіе подлиннаго документа можетъ заключаться еще въ уничтоженіи какой-нибудь части его. Въ отношеніи этого вида подлога представляются извѣстныя трудности по вопросу о составѣ его въ виду того, что здѣсь надо отличать поврежденіе документа отъ подлога его; измѣненіе документа этого рода можетъ быть произведено разнооб-

[1]) Объясн. зап. т. V стр. 268.

разными способами, напр. посредствомъ выскребыванія или вытравленія отдѣльной части его и т. д., но тѣмъ же путемъ можетъ быть сдѣлано и поврежденіе документа (ст. 1622 ул.). Какъ же здѣсь провести черты отличія между обоими этими дѣяніями? Неклюдовъ въ этомъ отношеніи идетъ такъ далеко, что утверждаетъ [1]), что для наличности подлога недостаточно одного уничтоженія содержанія документа, а необходима замѣна его новымъ или по крайней мѣрѣ измѣненіе его; такимъ образомъ уничтоженіе какой-нибудь одной части документа безъ замѣны ея другой, по его мнѣнію, не будетъ составлять подлога; основаніе этого онъ видитъ въ томъ, что одно уничтоженіе содержанія документа есть не что иное, какъ порча или поврежденіе акта, подлогъ же долженъ состоять въ созданіи чего-нибудь ложнаго, а не въ простомъ уничтоженіи подлиннаго. Поэтому онъ не находитъ подлога въ такихъ случаяхъ, какъ уничтоженіе на актѣ подписей участвовавшихъ въ составленіи его лицъ, вытравленіе на актѣ сдѣланной на немъ явки, отрѣзаніе платежной росписки (1871 г. № 1731 — Шнейва), оторваніе надписи объ уплатѣ части долга (1872 г. № 1425—Строганова), вытравленіе бланка на векселѣ и т. п. Иначе рѣшаютъ этотъ вопросъ составители Объясн. зап. [2]), замѣчая, что „при подложномъ измѣненіи документа предполагается такое его частичное измѣненіе, которое, сохраняя его цѣлостность, измѣняетъ его юридическое значеніе и объемъ, а при истребленіи—такое уничтоженіе или поврежденіе частей документа, благодаря коему не измѣняется его юридическій характеръ и объемъ, а онъ или просто уничтожается, или уничтожаются такія его части, которыя играютъ роль самостоятельныхъ актовъ, какъ напр. платежныя на документѣ росписки, поручительство и т. п.“. Въ другомъ мѣстѣ [3]) Объясн. зап. ближе поясняется это отличіе двухъ преступленій другъ отъ друга; здѣсь говорится: „поврежденіе документовъ, по

---

1) Неклюдовъ в. с. стр. 235.

2) Объясн. зап. т. V стр. 222.

3) Объясн. зап. т. VII стр. 72.

юридической природѣ дѣянія, существенно отличается отъ подлога. Характеристическій признакъ подлога, заставляющій законодателя выдѣлить его изъ ряда дѣяній, направленныхъ противъ отдѣльныхъ лицъ, и перенести его въ группу преступленій противъ общежитія, состоитъ въ томъ, что виновнымъ подъ видомъ документа вводится въ общественный оборотъ мнимый письменный актъ, который можетъ ввести въ заблужденіе общественную власть или неопредѣленное множество лицъ относительно опредѣленнаго обстоятельства, имъ удостовѣряемаго. Между тѣмъ дѣяніе, состоящее въ поврежденіи документа, направляется противъ документа дѣйствительнаго и ограничивается нарушеніемъ правъ единичнаго лица, сокращая число предметовъ имущественнаго обладанія его. Но отсюда же вытекаетъ, что иногда поврежденіе документа можетъ переходить въ подлогъ, именно въ тѣхъ случаяхъ когда документъ не вполнѣ истребляется, а лишь портится въ части, когда, напр. виновный для того, чтобъ измѣнилось самое содержаніе документа, вытравилъ, выскоблилъ или иначе уничтожилъ или измѣнилъ какія-либо буквы или цифры, такъ что документъ получилъ иной смыслъ. Эти случаи, составляя попытку ввести общественную власть въ заблужденіе относительно самаго содержанія документа, по природѣ своей относятся къ подлогу. Но если повреждаемая часть документа не имѣетъ вліянія на содержаніе документа, то истребленіе или порча ея принадлежитъ къ области поврежденія имущества; такова напр. платежная на документѣ росписка, поручительная подпись и т. п., уничтоженіе которыхъ, не вводя въ общественный оборотъ мнимаго документа, сокращаетъ лишь имущественную сферу единичнаго лица. Порча части документа можетъ быть поврежденіемъ имущества и въ томъ смыслѣ, что при этомъ иногда весь документъ утрачиваетъ значеніе; напр. если отрѣзана подпись или истреблена такая часть векселя, паспорта, метрическаго свидѣтельства, при отсутствіи которой они превращаются въ никуда негодный клочекъ бумаги“. Изъ этихъ словъ Объясн. зап. слѣдуетъ, что для подлога документовъ посредствомъ поврежденія его тре-

буется, чтобы измѣненіе касалось юридическаго характера документа — подлогъ имѣется въ наличности тогда, когда поврежденный документъ получилъ иной юридическій смыслъ. Вполнѣ соглашаясь съ этимъ положеніемъ, мы считаемъ однако нужнымъ ближе указать на то, въ чемъ заключается здѣсь посягательство на юридическое значеніе документа. Здѣсь имѣется въ виду такого рода поврежденіе, которое затрогиваетъ прямое назначеніе документа служить удостовѣреніемъ имѣющаго правовое значеніе событія и которое благодаря этому посягаетъ на его неприкосновенность, какъ знака, которому присуща удостовѣрительная функція. Для этого поврежденіе должно касаться существенныхъ его частей: разъ какая-нибудь существенная часть документа повреждена такъ, что и смыслъ его отъ этого измѣняется, подлогъ имѣется въ наличности; способъ же дѣйствія при этомъ безразличенъ; поэтому если росписка объ уплатѣ денегъ отрѣзана отъ долгового обязательства, на которомъ она была сдѣлана, здѣсь уже имѣется подложно передѣланный документъ, такъ какъ смыслъ первоначальнаго документа уже измѣнился благодаря этому; въ область же поврежденія должна отойти вся та дѣятельность, которая представляетъ изъ себя посягательство не противъ документа, какъ удостовѣрительнаго знака, а какъ имущества вообще: таковы, напр. случаи поврежденія въ несущественныхъ частяхъ документа, далѣе, поврежденіе самаго матеріала, на которомъ документъ написанъ и т. д. Только такой объемъ и можно придавать поврежденію документа, если имѣть въ виду его спеціальное назначеніе и тѣ функціи, которыя онъ выполняетъ. Косвеннымъ подтвержденіемъ справедливости этого положенія можетъ быть между прочимъ ст. 481 ул., которая постановляетъ: „признаются также виновными въ подлогахъ по дѣламъ службы и подвергаются опредѣленнымъ за оные выше сего въ ст. 362 наказаніямъ: 1) тѣ, которые въ приходныхъ и расходныхъ книгахъ будутъ вырывать листы или перемѣнять оные, или дѣлать въ нихъ подчистки или поправки, безъ соблюденія правилъ для сего установленныхъ...“

§ 10. Въ противоположность матеріальному подлогу, сущность котораго состоитъ въ томъ, что при немъ имѣется искаженіе формальной подлинности документа въ томъ смыслѣ, что данный документъ или вовсе не происходитъ отъ того лица, отъ котораго онъ показанъ происходящимъ, или если и происходитъ, то не въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ выраженъ, интеллектуальный подлогъ имѣется въ наличности въ отношеніи документа формально подлиннаго и правильнаго, такъ какъ послѣдній въ дѣйствительности происходитъ отъ того, отъ кого онъ показанъ происходящимъ, и въ содержаніи его никакихъ измѣненій по сравненію съ тѣмъ, что хотѣлъ выразить его составитель, нѣтъ, но въ немъ самое содержаніе завѣдомо не соотвѣтствуетъ истинѣ, благодаря чему и данный документъ удостовѣряетъ что-нибудь такое, чего на самомъ дѣлѣ не существуетъ; въ этомъ отношеніи онъ заключаетъ въ себѣ такую же ложь, какъ и документъ поддѣльный или передѣланный, но въ отличіе отъ послѣднихъ въ этомъ документѣ нѣтъ никакихъ внѣшнихъ признаковъ подлога въ смыслѣ поддѣлки или передѣлки внѣшняго его вида, и ложь лежитъ въ его содержаніи. Поэтому, если здѣсь и имѣется посягательство противъ неприкосновенности удостовѣрительнаго знака, то не въ смыслѣ посягательства противъ его формальной подлинности, а противъ подлинности или правильности его содержанія. Въ этомъ заключается первое, притомъ весьма существенное различіе между подлогомъ матеріальнымъ и интеллектуальнымъ. Вторая черта различія между ними лежитъ въ отношеніи самаго объема документовъ, которые могутъ быть предметомъ посягательства. Существеннымъ моментомъ интеллектуальнаго подлога является то, что здѣсь имѣется ложное свидѣтельство о какомъ-нибудь событіи, имѣющемъ правовое значеніе, въ смыслѣ удостовѣренія его наличности или отсутствія. Здѣсь извѣстное лицо свидѣтельствуетъ о подобномъ событіи, и это свидѣтельство содержитъ въ себѣ неправду; благодаря наличности этого момента интеллектуальный подлогъ приближается къ дачѣ ложнаго показанія, но то обстоятельство, что показаніе это

дается въ документѣ, отличаетъ подлогъ отъ ложнаго показанія. Здѣсь сущность преступленія заключается не въ томъ, что кто-нибудь утверждаетъ ложь въ своемъ показаніи и такимъ образомъ вводитъ въ заблужденіе общественную власть, а въ томъ, что здѣсь создается документъ, который заключаетъ въ себѣ содержаніе завѣдомо неправильное. При подлогѣ интеллектуальномъ поэтому имѣется въ виду посягательство, направленное противъ тѣхъ документовъ, которые по формѣ своего изложенія представляютъ изъ себя свидѣтельство объ опредѣленномъ правовомъ событіи; но если документъ заключаетъ въ себѣ не свидѣтельство подобнаго рода, а лишь выраженіе волеизъявленія извѣстнаго лица, понятіе интеллектуальнаго подлога въ отношеніи къ нему исключается. Дѣйствительно, если мы примемъ въ расчетъ прежде всего тѣ акты, которые содержатъ въ себѣ чье-либо одностороннее волеизъявленіе, то замѣтимъ, что разъ данный актъ представляется формально правильнымъ и подлиннымъ, т. е. дѣйствительно подписаннымъ тѣмъ лицомъ, отъ котораго онъ показанъ исходящимъ, содержаніе его безразлично въ томъ отношеніи, что оно считается по общему правилу соотвѣтствующимъ истинѣ, и лицо, которое выразило свою волю въ данномъ актѣ, связано имъ; здѣсь о подлогѣ поэтому рѣчи быть не можетъ. Нѣсколько иначе ставится вопросъ относительно документовъ, содержащихъ въ себѣ волеизъявленіе двухъ сторонъ; здѣсь прежде всего возможенъ тотъ случай, когда ложь внесена въ данный актъ, заключающій въ себѣ двухстороннюю сдѣлку, съ согласія обѣихъ сторонъ, такъ что содержаніе его представляетъ изъ себя симуляцію; здѣсь тоже нѣтъ подлога, такъ какъ данный актъ только по внѣшнему выраженію своего содержанія не соотвѣтствуетъ волѣ контрагентовъ, въ дѣйствительности же обѣ стороны выразили то, что онѣ хотѣли выразить; далѣе, возможно, что въ подобный актъ, содержащій въ себѣ волеизъявленіе двухъ сторонъ, будетъ внесена ложь однимъ изъ контрагентовъ, причемъ такъ, что другой не будетъ сознавать этого; ложь эта можетъ касаться самыхъ разнообразныхъ сторонъ совершаемой сдѣлки, какъ

всего ея содержанія или отдѣльныхъ ея пунктовъ, такъ и самоличности контрагентовъ, но и здѣсь подлога не будетъ, такъ какъ данный актъ содержитъ въ себѣ дѣйствительно то, что хотѣли выразить стороны, и введеніе въ заблужденіе предшествуетъ собственно совершенію сдѣлки, обусловливая наступленіе ея; поэтому и самое содержаніе акта въ данномъ случаѣ не представляется подложнымъ; а если одна сторона здѣсь и терпитъ убытокъ въ своемъ имуществѣ благодаря введенію въ заблужденіе, то этотъ случай можетъ разсматриваться при наличности извѣстныхъ условій только, какъ мошенничество.

Въ виду того, что интеллектуальный подлогъ возможенъ только въ тѣхъ документахъ, которые о чемъ-нибудь свидѣтельствуютъ, дѣйствіе при немъ состоитъ въ томъ, что лицо, которое удостовѣряетъ извѣстное правовое событіе, вноситъ въ свое удостовѣреніе ложь, а такъ какъ свидѣтельство объ извѣстномъ правовомъ событіи только тогда можетъ имѣть значеніе, въ силу важности его для правопорядка, когда оно дѣлается лицами, на это прямо уполномоченными, свидѣтельство же частныхъ лицъ въ этомъ отношеніи въ видѣ общаго правила довѣріемъ не пользуется, то отсюда вытекаетъ, что этотъ видъ подлога можетъ быть учиненъ только тѣми лицами, которымъ поручено составлять подобные акты. Такими лицами являются лица должностныя и въ особенности среди нихъ тѣ, которыя установлены спеціально для засвидѣтельствованія извѣстныхъ событій, имѣющихъ правовое значеніе, и какими, напр. являются нотаріусы; только по исключенію иногда извѣстныя частныя лица въ этомъ отношеніи изъ тѣхъ или другихъ соображеній приравниваются должностнымъ.

Такимъ образомъ подлогъ интеллектуальный конструируется прежде всего, какъ завѣдомо невѣрное свидѣтельствованіе, сдѣланное въ документѣ лицомъ, обязаннымъ составлять его. Но такъ какъ это лицо нерѣдко удостовѣряетъ лишь то, что ему показано другимъ, то возможенъ такой случай, что оно является слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ другого лица, которое даетъ ему показаніе, и на основаніи показанія котораго составляется извѣстный документъ. Такъ какъ здѣсь съ одной

стороны наличность соучастія данныхъ лицъ установить нельзя, а съ другой—документъ, такимъ образомъ составленный, представляется ложнымъ по содержанію, то является возможность установить еще отвѣтственность этихъ третьихъ лицъ за подложное составленіе подобнаго документа, такъ какъ, хотя авторомъ этого документа и является то лицо, которое записываетъ показаніе, но подложность документа обусловливается дѣятельностью того лица, которое даетъ показаніе.

Итакъ наряду съ той формой интеллектуальнаго подлога, въ которой дѣятельность виновнаго выражается въ ложномъ удостовѣреніи въ документѣ извѣстнаго событія, конструируется еще другая его форма, подъ которой разумѣется дача ложнаго показанія объ извѣстномъ событіи лицу, составляющему документъ, для внесенія его въ послѣдній. Но, собственно говоря, это послѣднее дѣяніе можетъ быть разсматриваемо совершенно независимо отъ подлога, какъ особое преступленіе, въ числѣ другихъ видовъ дачи ложнаго показанія передъ публичной властью. При такой конструкціи отвѣтственность лица, дающаго ложное показаніе, установляется не такъ искусственно, какъ въ томъ случаѣ, когда создается вторая форма интеллектуальнаго подлога.

Если мы обратимся къ разсмотрѣнію построенія интеллектуальнаго подлога въ современныхъ законодательствахъ, то увидимъ, что здѣсь существуютъ разныя конструкціи его; въ системѣ германскаго кодекса интеллектуальный подлогъ допускается только относительно документовъ публичныхъ, причемъ проводится различіе между тѣмъ случаемъ, когда должностное лицо, которое уполномочено къ составленію акта или документа или къ веденію реестровъ и книгъ, удостовѣряетъ ложно въ сферѣ своей компетенціи какое-нибудь имѣющее правовое значеніе событіе (§ 348), и тѣмъ, когда частное лицо вводитъ въ заблужденіе должностное своимъ показаніемъ, на основаніи котораго составляется документъ (§ 271); напротивъ система французскаго кодекса допускаетъ интеллектуальный подлогъ не только относительно документовъ публичныхъ, но и частныхъ; говоря о подлогѣ публичныхъ

документовъ, кодексъ имѣетъ въ виду, какъ учиненіе этого преступленія лицомъ должностнымъ, что предусматривается отдѣльно отъ матеріальнаго подлога (art. 146), такъ и частнымъ; въ послѣднемъ случаѣ постановленія о матеріальномъ подлогѣ переплетаются съ постановленіями объ интеллектуальномъ (въ art. 147 говорится именно о совершенномъ частными лицами подлогѣ par addition ou altération de clauses, de déclarations ou de faits que ces actes avaient pour objet de recevoir ou de constater); что же касается интеллектуальнаго подлога частныхъ документовъ, то о немъ уложеніе прямо ничего не говоритъ, но въ виду того, что art. 150, содержащій постановленія о подлогѣ, учиненномъ въ частномъ документѣ, дѣлаетъ общую ссылку на art. 147 относительно способовъ совершенія его, то отсюда вытекаетъ, что учиненіе интеллектуальнаго подлога возможно и относительно частныхъ документовъ. Французская практика толкуетъ въ этомъ отношеніи art. 150 очень широко и разъ въ данномъ случаѣ она находитъ измѣненіе условій, заявленій и фактовъ, имѣющихъ существенное значеніе по отношенію къ документамъ, въ которые они вносятся, она видитъ уже наличность подлога. Такъ она признаетъ подлогъ въ томъ случаѣ, напр. если при договорѣ купли-продажи одинъ изъ контрагентовъ принимаетъ имя третьяго лица, и подпись его вносится въ документъ (рѣш. 25 мая 1838 г.); далѣе, она считаетъ подлогомъ обманъ подписывающаго относительно юридическаго значенія подписываемаго акта (рѣш. 20 сент. 1885 г.), подмѣнъ лица при отбытіи наказанія (16 февр. 1827 г.) и при держаніи экзамена (24 дек. 1813 г.) [1]).

---

[1]) Впрочемъ, нѣкоторые писатели не раздѣляютъ этой тенденціи французской практики и напр. Carnot (Commentaires, art. 150 n° 1) находитъ, что подлогъ частныхъ документовъ не можетъ совершаться въ томъ случаѣ, если одно лицо принимаетъ имя другого, потому что, говоритъ онъ, сторона, которая заключила договоръ съ другой, носящей ложное имя, должна быть отвѣтственна передъ самой собой въ томъ (s'imputer), что не сдѣлала необходимыхъ разслѣдованій о тождествѣ личности.

§ 11. Что касается нашего уложенія о наказ., то оно предусматриваетъ интеллектуальный подлогъ, учиняемый какъ должностными лицами при исполненіи своихъ обязанностей, такъ и лицами частными въ отношеніи извѣстной категоріи документовъ; но свои постановленія о подлогѣ этого вида уложеніе помѣщаетъ рядомъ съ постановленіями о подлогѣ матеріальномъ, не считая нужнымъ отдѣлять ихъ другъ отъ друга и придавать особое значеніе интеллектуальному подлогу.

Интеллектуальный подлогъ, совершаемый должностными лицами, разсматривается уложеніемъ, какъ преступленіе по службѣ, и руководящей въ этомъ отношеніи является ст. 362, которая старается перечислить всевозможные случаи интеллектуальнаго подлога, разумѣя подъ нимъ ложь въ актѣ, учиняемую должностнымъ лицомъ при исполненіи своихъ обязанностей. Отдѣльные виды этого преступленія слѣдующіе: 1) приведеніе вымышленнаго свидѣтельскаго показанія; 2) допущеніе подставныхъ свидѣтелей; 3) заочное составленіе акта отъ имени отсутствующихъ; 4) совершеніе акта заднимъ числомъ; 5) умышленное нарушеніе правилъ, для совершенія и засвидѣтельствованія актовъ установленныхъ; 6) сокрытіе истины вполнѣ или отчасти въ оффиціальныхъ документахъ; 7) включеніе въ оффиціальные акты вымышленныхъ обстоятельствъ или завѣдомо ложныхъ свѣдѣній; 8) выдача мнимой копіи съ акта несуществующаго; 9) выдача невѣрной копіи съ настоящаго акта [1]). Но кромѣ этой статьи уложеніе содержитъ цѣлый рядъ другихъ, гдѣ говорится объ отдѣльныхъ случаяхъ того же вида подлога; такъ, ст. 358 имѣетъ въ виду записываніе въ приходную книгу по казеннымъ доходамъ менѣе дѣйствительно поступившаго или незаписываніе прихода вовсе, или написаніе въ расходной книгѣ болѣе противъ израсходованнаго; ст. 361 говоритъ о лживомъ изло-

---

[1]) Всѣ остальныя дѣянія, указанныя въ ст. 362, не относятся къ интеллектуальному подлогу: это—учиненіе фальшивой подписи при отправленіи своей должности, поддѣлка и передѣлка актовъ, отданныхъ на сохраненіе, и похищеніе, истребленіе и утайка такихъ актовъ.

женіи Высочайшихъ повелѣній; ст. 363—о выдачѣ чиновникомъ полиціи невѣрной справки о цѣнахъ проходящимъ войскамъ; ст. 364 и ст. 911—о выдачѣ завѣдомо ложныхъ свѣдѣній о болѣзни, бѣдности или хорошемъ поведеніи и т. п.; ст. 418—о ложномъ показаніи въ формулярномъ спискѣ родового и благопріобрѣтеннаго имѣнія; ст. 439—о неправильномъ составленіи землемѣромъ межевыхъ плановъ или книгъ; ст. 440—о ложномъ донесеніи его о количествѣ произведенныхъ межевыхъ работъ; ст. 440, 468 и 1300 предусматриваютъ: 1) совершеніе завѣдомо подложныхъ крѣпостей чиновниками крѣпостныхъ дѣлъ, нотаріусами или маклерами, 2) заочное совершеніе акта отъ имени отсутствующихъ лицъ безъ надлежащей довѣренности, 3) совершеніе актовъ отъ имени лицъ вымышленныхъ, 4) совершеніе ихъ заднимъ числомъ, 5) подложное засвидѣтельствованіе акта, 6) фальшивая записка акта въ шнуровую книгу; ст. 461—468, 1301 имѣютъ въ виду учиненное тѣми же лицами написаніе и совершеніе актовъ отъ имени лицъ, не имѣющихъ правъ вступать въ обязательства по имуществу; ст. 463—участіе въ продажѣ состоящаго подъ запрещеніемъ или въ секвестрѣ имѣнія со стороны секретарей, надсмотрщиковъ и писцовъ крѣпостныхъ дѣлъ по стачкѣ съ продавцемъ; ст. 465—допущеніе разныхъ подлоговъ лицами тѣхъ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ совершаются акты; ст. 834—умышленное сокрытіе истины начальникомъ судна или шкиперомъ касательно излишка или недостатка въ людяхъ противъ свидѣтельства, выданнаго карантиномъ, или сокрытіе настоящей причины излишка или недостатка; ст. 946—включеніе въ записи показаній, данныхъ на повальномъ обыскѣ, ложныхъ обстоятельствъ; ст. 1111—ложное показаніе почтоваго пріемщика о томъ, что страховое отправленіе въ подавательскую книгу узаконеннымъ образомъ записано; ст. 1441, 1443, 1445—подлоги въ актахъ состоянія, учиненные лицами, ведущими ихъ.

Что же касается интеллектуальнаго подлога, совершаемаго лицомъ частнымъ, то уложеніе знаетъ лишь нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ его: прежде всего—тотъ, когда подлогъ дѣлается

въ документѣ, хотя и составляемомъ частнымъ лицомъ, но пользующемся особеннымъ значеніемъ—это завѣдомо неправильное веденіе шнуровыхъ книгъ владѣльцами горныхъ заводовъ и пріисковъ (ст. 598 и 599); далѣе уложеніе знаетъ особые случаи дачи частными лицами завѣдомо невѣрныхъ показаній для внесенія ихъ въ публичные документы: ст. 1447 имѣетъ въ виду умышленные пропуски въ показаніи душъ сказкоподавателями; въ ст. 1556 рѣчь идетъ о свидѣтеляхъ, бывшихъ при бракѣ и подписавшихъ обыскъ или иной о бракосочетаніи актъ, зная, что брачущіяся лица или одинъ изъ нихъ обязаны прежнимъ супружествомъ; ст. 1572 предусматриваетъ несправедливое показаніе о возрастѣ вступающихъ въ бракъ или о дозволеніи на оный ихъ начальствъ, родителей или опекуновъ.

Наконецъ, наше законодательство содержитъ еще постановленія о подлогѣ интеллектуальномъ, учиненномъ въ актахъ частныхъ, составляемыхъ безъ участія должностныхъ лицъ, именно въ ст. 1690 ч. 2 говорится: 1) о составленіи кѣмъ-нибудь документа отъ имени лица, которое его къ тому не уполномочило, 2) когда завѣдомо для него уполномочіе, ему данное, уже прекратилось, 3) отъ лица вымышленнаго, выдавая себя за сіе лицо, 4) представивъ подложную на сіе довѣренность.

Разсматривая ближе эту послѣднюю статью, мы видимъ, что она имѣетъ въ виду подлогъ документовъ явочныхъ, нотаріальныхъ и крѣпостныхъ. Однако въ отношеніи толкованія ея Неклюдовъ [1]) придерживается иного взгляда и замѣчаетъ, что въ виду единства цѣли, основанія и предмета закона слѣдуетъ признать, что указанное въ 2 ч. 1690 ст. понятіе фальшиваго акта должно имѣть примѣненіе и къ поддѣлкѣ актовъ домашнихъ, т. е. къ подлогу 1692 ст. Но съ этимъ заключеніемъ едва ли можно безусловно согласиться: прежде всего нельзя не обратить вниманія на то, что ст. 1692, какъ прямо слѣдуетъ изъ ея текста, имѣетъ въ виду матеріальный

[1]) Неклюдовъ в. с. стр. 224.

подлогъ и для распространенія на нее постановленій о подлогѣ интеллектуальномъ необходимы спеціальныя указанія закона: подлогъ интеллектуальный существенно отличается отъ подлога матеріальнаго, и если въ законѣ относительно извѣстныхъ документовъ содержится указаніе лишь на подлогъ матеріальный, eo ipso еще не слѣдуетъ, что этими постановленіями обнимается и подлогъ интеллектуальный; далѣе, ст. 1690 предусматриваетъ тотъ случай подлога, когда частное лицо ложно заявляетъ передъ публичной властью объ извѣстномъ фактѣ, имѣющемъ правовое значеніе, и на основаніи этого заявленія составляется документъ, содержаніе котораго не соотвѣтствуетъ истинѣ, ст. же 1692 имѣетъ въ виду частные акты, которые содержатъ въ себѣ исключительно волеизъявленіе сторонъ и гдѣ прямого удостовѣренія извѣстныхъ событій нѣтъ; если же допустить толкованіе Неклюдова, то придется находить во всякой сдѣлкѣ между частными лицами, облеченной въ письменную форму, подлогъ, если какимъ-нибудь образомъ ложь будетъ внесена въ актъ, напр. если одна изъ сторонъ ложно присвоитъ себѣ чужое или вымышленное имя. Единственное возраженіе противъ правильности предлагаемаго толкованія ст. 1690 можно привести, повидимому, основываясь на ст. 1695 и 1696 улож. Дѣло въ томъ, что ст. 1695 содержитъ слѣдующее постановленіе: „лица, совершившія сдѣлку на основаніи довѣренности, объ уничтоженіи которой имъ было уже извѣстно, подвергаются наказанію, какъ за подлогъ, по предшедшимъ (1690 и 1692) статьямъ“, а такъ какъ въ ст. 1690 говорится между прочимъ о случаѣ совершенія акта на основаніи подложной довѣренности, то, разъ ст. 1695 дѣлаетъ ссылку и на ст. 1690 и на ст. 1692, казалось бы, что по однородности предмета слѣдовало бы предположить, что ст. 1692 заключаетъ въ себѣ одинъ случай подлога, предусмотрѣнный въ ст. 1690; но для разрѣшенія возникающаго благодаря такому толкованію противорѣчія надо принять во вниманіе то, что ст. 1695 не считаетъ вовсе приводимаго ею случая подлогомъ: она говоритъ только, что за дѣяніе, въ ней описанное, наказаніе полагается, какъ за подлогъ, такъ что если

завѣдомо уничтоженная довѣренность была представлена при совершеніи акта, домашнимъ порядкомъ составляемаго, налагается наказаніе по ст. 1692, въ другихъ случаяхъ — по ст. 1690 и 1691. Что же касается ст. 1696, то она говоритъ о лжесвидѣтеляхъ и подставныхъ лицахъ, подписавшихся подъ актами, завѣдомо подложными, и подвергаетъ ихъ наказанію, какъ сообщниковъ въ преступленіи, указанномъ въ ст. 1690—1694; такимъ образомъ здѣсь имѣется спеціальное указаніе относительно соучастія въ подлогѣ, причемъ постановленія ст. 1696 имѣютъ въ виду какъ подлогъ матеріальный, такъ и интеллектуальный.

Итакъ, надо признать, что наше уложеніе не допускаетъ интеллектуальнаго подлога, учиненнаго въ частныхъ документахъ, составляемыхъ безъ участія должностныхъ лицъ и заключающихъ въ себѣ лишь волеизъявленіе частныхъ лицъ; однако вполнѣ соглашаясь съ этой тенденціей уложенія, вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что остальныя постановленія его недостаточны въ томъ отношеніи, что они не создаютъ общаго опредѣленія о наказуемости интеллектуальнаго подлога, совершаемаго частными лицами черезъ посредство лицъ должностныхъ, имѣя въ виду только нѣкоторые отдѣльные, указанные уже выше случаи этого преступленія; между тѣмъ частное лицо можетъ или быть соучастникомъ должностного лица въ учиненномъ имъ интеллектуальномъ подлогѣ, или же совершить подлогъ черезъ посредство его, пользуясь имъ, какъ своимъ орудіемъ, и для установленія отвѣтственности частныхъ лицъ въ этомъ случаѣ общихъ постановленій о подлогѣ интеллектуальномъ, учиненномъ лицомъ должностнымъ, недостаточно. Строить соучастіе въ случаяхъ перваго рода на основаніи общихъ положеній представляется невозможнымъ, такъ какъ, хотя и должностное лицо и частное нарушаютъ, повидимому, одну и ту же норму, но дѣяніе ихъ носитъ неодинаковое выраженіе, такъ что общія правила о соучастіи здѣсь непримѣнимы, — тѣмъ болѣе, что если слѣдовать въ этомъ отношеніи нашей практикѣ, частное лицо, виновное въ соучастіи съ должностнымъ въ учиненіи имъ подлога, пришлось

бы наказывать по ст. 294, гдѣ говорится исключительно о матеріальномъ подлогѣ, такъ какъ другой подходящей статьи для этого дѣянія нѣтъ. Таковъ общій взглядъ нашей практики, выраженный впервые въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта 4 ноября 1873 г. по дѣлу Мусницкаго, Янковскаго и Косырева, гдѣ сказано: „признавая совершенно правильными соображенія Министра Юстиціи, что участіе частнаго лица въ преступленіи по службѣ можетъ быть почитаемо преступнымъ и подлежащимъ взысканію лишь въ томъ случаѣ, когда учиненное должностнымъ лицомъ служебное противозаконное дѣяніе является вмѣстѣ съ тѣмъ общимъ преступленіемъ и что въ подобныхъ случаяхъ частное лицо должно быть подвергаемо наказанію не по закону противъ преступленія по должности, а по тому, который опредѣляетъ взысканіе за общее преступленіе, коему соотвѣтствуетъ данное преступленіе по должности, Государственный Совѣтъ нашелъ, что къ винѣ Янковскаго слѣдуетъ примѣнить 294 ст. Улож. о нак., какъ соотвѣтствующую для частныхъ лицъ ст. 362 Улож., по коей осужденъ Мусницкій, ибо и та и другая статья предусматриваютъ одно и то же преступленіе, а именно подлогъ въ оффиціальномъ документѣ, а не въ частномъ письмѣ или бумагѣ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что первая преслѣдуетъ виновныхъ въ томъ частныхъ, а послѣдняя должностныхъ лицъ“. Къ этому выводу послѣ нѣкоторыхъ колебаній пришла и наша кассаціонная практика, какъ это слѣдуетъ изъ рѣшеній 1882 г. № 40—Саркисова и 1883 г. № 27—о злоупотребленіяхъ въ кронштадтскомъ банкѣ, и взглядъ ея раздѣляетъ Неклюдовъ [1]).

§ 12. Благодаря подобному толкованію установляется то положеніе, что если частное лицо будетъ содѣйствовать должностному въ учиненіи имъ интеллектуальнаго подлога, оно наказывается на основаніи общихъ опредѣленій о подлогѣ матеріальномъ; однако примѣненіе въ этомъ случаѣ постановленій о подлогѣ матеріальномъ ничѣмъ не оправдываются, такъ какъ,

---

[1]) Неклюдовъ в. с. стр. 200.

какъ уже было замѣчено, матеріальный подлогъ не заключаетъ въ себѣ eo ipso интеллектуальнаго, и относительно послѣдняго должны быть созданы соотвѣтствующія опредѣленія. Съ точки же зрѣнія дѣйствующаго уложенія дѣянія частныхъ лицъ, участвовавшихъ въ совершеніи интеллектуальнаго подлога должностными лицами, ненаказуемы, и исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ лишь спеціальное постановленіе ст. 382, которая установляетъ наказаніе за подлогъ лиходателямъ, изобличеннымъ въ склоненіи лицъ, состоящихъ на службѣ государственной или общественной, сдѣлать какой-нибудь подлогъ. Сознавая всю затруднительность примѣненія въ этомъ случаѣ ст. 294, въ одномъ своемъ рѣшеніи (1873 г. № 936—Афанасьева) сенатъ призналъ возможнымъ примѣненіе здѣсь ст. 362, причемъ въ основаніе этого привелъ слѣдующія соображенія: „возраженія подсудимаго относительно неправильности присужденія его къ наказанію по 362 ст. улож. за подлоги по службѣ, не заслуживаютъ уваженія, такъ какъ подсудимый А. признанъ виновнымъ въ сообщничествѣ съ Ю., состоявшимъ на службѣ, въ совершенномъ послѣднимъ преступленіи по должности, а потому и наказаніе А. за участіе въ преступномъ дѣяніи Ю. по службѣ, на основаніи 119 ст. улож. должно быть опредѣлено на основаніи того закона, которымъ предусматривается преступленіе, совершенное Ю., а именно, въ данномъ случаѣ по 362 ст. улож.“. Но и съ этимъ заключеніемъ согласиться нельзя на тѣхъ основаніяхъ, которыя уже выражены въ упомянутомъ выше Высоч. утв. мнѣніи Госуд. Сов., такъ какъ частное лицо не можетъ быть признано отвѣтственнымъ за преступленіе по должности. Единственный исходъ изъ этого положенія—созданіе соотвѣтствующаго опредѣленія, въ которомъ бы предусматривались случаи соучастія частныхъ лицъ съ должностными въ учиненіи ими подлога интеллектуальнаго; при этомъ для тѣхъ случаевъ, гдѣ частное лицо даетъ должностному невѣрное показаніе, которое вносится послѣднимъ завѣдомо объ этомъ въ извѣстный документъ, могло бы быть создано одно общее положеніе, какъ и для тѣхъ, гдѣ частное лицо вводитъ такимъ образомъ въ заблужденіе должностное

лицо своимъ показаніемъ. При существованіи подобнаго опредѣленія и при наличности общаго положенія о наказуемости интеллектуальнаго подлога, учиненнаго должностнымъ лицомъ, не нужно было бы прибѣгать къ разнымъ искусственнымъ конструкціямъ, и отвѣтственность каждаго изъ данныхъ лицъ опредѣлялась бы въ этомъ случаѣ самостоятельно: частное лицо отвѣчало бы лишь за дачу невѣрнаго показанія, независимо отъ того, ввело ли оно въ заблужденіе должностное лицо или нѣтъ, а послѣднее отвѣчало бы за подлогъ, если оно составило документъ съ завѣдомо ложнымъ содержаніемъ.

Наше уложеніе, какъ это указывалось не разъ, не знаетъ подобнаго общаго положенія, и если большую трудность для разрѣшенія представляютъ тѣ случаи, гдѣ имѣется въ наличности совмѣстная дѣятельность лицъ должностныхъ и частныхъ, то не меньшую представляютъ и тѣ, гдѣ должностное лицо было лишь введено въ заблужденіе частнымъ и на основаніи его показанія составило документъ съ невѣрнымъ содержаніемъ. Для рѣшенія этого вопроса наша практика придумывала разные пути. Такъ въ рѣшеніи 1869 г. № 683—Лятернера, обвинявшагося въ совершеніи у нотаріуса запродажной записи на непринадлежащее имѣніе, и къ дѣянію котораго была судомъ примѣнена ст. 1690, сенатъ замѣтилъ: „точный смыслъ этой статьи показываетъ, что наказанію подвергаются не только тѣ лица, которыя сами сдѣлали подлогъ въ настоящемъ актѣ или составили подложный актъ, но и тѣ лица, которыя обманными дѣйствіями вовлекутъ должностное лицо въ совершеніе или засвидѣтельствованіе такого акта, который отъ ихъ имени не могъ быть совершенъ“. Положеніе это въ отношеніи ст. 1690, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями, какъ это будетъ указано ниже, можетъ быть еще отстаиваемо, но придавать ему болѣе широкій объемъ и распространять его на всѣ случаи интеллектуальнаго подлога въ публичныхъ документахъ едва ли есть основаніе съ точки зрѣнія дѣйствующаго уложенія; между тѣмъ сенатъ дѣлаетъ это въ рѣшеніи 1870 г. № 1220—Ахназарова, который обвинялся во включеніи въ поданную имъ сиротскому суду бумагу завѣдомо ложныхъ свѣдѣній о продажѣ сиротскаго

имущества, по которому онъ состоялъ опекуномъ. Сенатъ, кассируя примѣненіе въ этомъ случаѣ судомъ ст. 362 къ дѣянію подсудимаго, замѣтилъ: „письменное удостовѣреніе частнаго лица (по примѣчанію въ ст. 290 Зак. Гражд. опекуны судятся за преступленія по опекѣ, какъ частныя лица), когда оно относится къ обстоятельствамъ, свидѣтельствующимъ въ его пользу, не имѣетъ само по себѣ никакой доказательной силы и не можетъ ввести въ заблужденіе того, кто не желаетъ и не долженъ основываться на одномъ довѣріи. Поэтому ложное показаніе, включенное въ такую бумагу, составляетъ не болѣе, какъ ложное показаніе, которое въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, можетъ имѣть характеръ особеннаго приготовленія къ мошенничеству или присвоенію чужого имущества; но если такая бумага засвидѣтельствована подписью оффиціальнаго должностного лица и свидѣтелями (въ настоящемъ случаѣ члена сиротскаго суда и свидѣтелями), то она составляетъ уже актъ, имѣющій извѣстную доказательную силу въ отношеніи къ удостовѣряемымъ имъ дѣйствіямъ, правамъ или обязанностямъ, и помѣщеніе въ такую бумагу завѣдомо ложныхъ свѣдѣній пріобрѣтаетъ значеніе подлога въ актѣ“. Но, выставивъ такимъ образомъ въ этомъ рѣшеніи то положеніе, что и въ подобномъ случаѣ можно видѣть подлогъ, сенатъ къ сожалѣнію ближе не указываетъ, какую именно статью слѣдуетъ примѣнить къ дѣянію Ахназарова, между тѣмъ въ виду того, что примѣненіе ст. 362 имъ въ этомъ случаѣ прямо отрицается, а ст. 294, какъ говорящая о матеріальномъ подлогѣ, тоже здѣсь не примѣнима, вопросъ о томъ, можно ли здѣсь видѣть подлогъ, наказуемый по нашему уложенію, остается открытымъ. Въ виду этого въ послѣдующемъ своемъ рѣшеніи 1885 г. № 28—о злоупотребленіяхъ въ таганрогской таможнѣ, сенатъ отказывается отъ прежняго предположенія возможности видѣть здѣсь подлогъ; онъ говоритъ: „включеніе со стороны частнаго лица въ оффиціальную бумагу завѣдомо ложныхъ свѣдѣній законъ не относитъ къ разряду подлоговъ и основаніе тому слѣдуетъ, очевидно, полагать въ томъ, что всѣ свѣдѣнія, исходящія отъ частныхъ лицъ подлежатъ настоящей

провѣркѣ черезъ опредѣленныхъ для того должностныхъ лицъ, и обнаруженная ими лживость этихъ свѣдѣній должна повлечь за собой отказъ въ домогательствѣ частнаго лица; представленіе же оныхъ должно быть разсматриваемо, какъ средство къ достиженію извѣстной противозаконной цѣли и сообразно тому наказывается по мѣрѣ достиженія оной". Но если и можно согласиться съ этимъ заключеніемъ въ отношеніи дѣйствующаго нашего законодательства, то едва ли правильно выставлять его въ качествѣ общаго обоснованія ненаказуемости частныхъ лицъ въ этомъ случаѣ.

Другой выходъ изъ этого положенія, притомъ только въ извѣстномъ спеціальномъ случаѣ подлога, нашла наша практика, имѣя въ виду то, что ст. 1441 улож. о нак. говоритъ вообще о „всякомъ какого-либо рода подлогѣ" въ актахъ состоянія; этому выраженію практика стала придавать широкое значеніе и начала относить сюда и случаи интеллектуальнаго подлога со стороны частныхъ лицъ [1]), хотя, собственно говоря, такого вывода прямо нельзя сдѣлать изъ ст. 1441, такъ какъ для этого надо доказать, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ уложеніе говоритъ о подлогѣ вообще, оно разумѣетъ подъ нимъ и интеллектуальный подлогъ. Какъ бы то ни было, широкая формула ст. 1441 дала возможность практикѣ подводить сюда случаи интеллектуальнаго подлога въ актахъ состоянія, учиняемаго посредствомъ дачи неправильнаго показанія со стороны частныхъ лицъ.

Впервые такое толкованіе ст. 1441 было принято въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Госуд. Сов. отъ 3 окт. 1851 г. по дѣлу Нарбута, причемъ оно выражено здѣсь въ видѣ общаго положенія, которое можетъ имѣть примѣненіе къ интеллектуальному подлогу во всякихъ публичныхъ документахъ, а не только актовъ состоянія. Здѣсь говорится: „признаніе виновными въ подлогѣ не должно ограничиваться тѣми, которые собственными руками составляли актъ подложный или измѣняли настоящій. Если кто-нибудь, не составляя самъ

---

[1]) Такъ объясняетъ эту статью и Неклюдовъ (в. с. стр. 201).

подложнаго акта, употребитъ для составленія онаго другое лицо, вовсе не знавшее и даже не подозрѣвавшее совершаемаго подлога, то сіе дѣйствіе однакожъ и по своей силѣ и по своимъ послѣдствіямъ есть подлогъ и въ немъ виновенъ тотъ, по чьему внушенію или распоряженію оный учиненъ". (Въ данномъ случаѣ подсудимый, хотя и не составлялъ самъ подложнаго акта, но, по его удостовѣренію, въ его формулярѣ незаконнорожденный сынъ жены его названъ именемъ умершаго законнаго его сына). Такимъ образомъ сенатъ въ этомъ случаѣ признаетъ возможнымъ видѣть подлогъ, разсматривая должностное лицо, составлявшее невѣрный документъ, какъ слѣпое орудіе въ рукахъ частнаго лица. Этотъ же взглядъ подтверждается сенатомъ буквально и въ рѣшеніи 1871 г. № 17 — Шнайдровича (здѣсь дѣлается кромѣ того ссылка и на рѣшеніе Ахназарова), 1894 г. № 20—Шухмахера и затѣмъ въ рѣшеніи 1897 г. № 25 — Лузана. Особенно интересно послѣднее рѣшеніе: Л. обвинялся въ томъ, что, желая скрыть истинное происхожденіе ребенка, прижитаго имъ внѣ брачной жизни, ложно наименовалъ передъ причтомъ Никольской церкви означеннаго ребенка законной дочерью, и это заявленіе его и было внесено въ метрическую книгу. Судъ вполнѣ правильно не нашелъ возможнымъ примѣнить къ дѣянію подсудимаго ст. 1441, ибо законъ этотъ, по мнѣнію его, какъ видно изъ буквальныхъ его словъ, предусматриваетъ матеріальный подлогъ въ актахъ, а не словесное ложное заявленіе частныхъ лицъ, хотя бы завѣдомо ложное, внесенное въ метрическія книги священнослужителями и церковнопричетниками. Но сенатъ указалъ, что рѣшенія его 1869 г. № 683 и 1891 г. № 17 уже разъяснили, что отвѣтственности за подлогъ въ актахъ состоянія подлежатъ не только лица, на которыхъ возложено совершеніе сихъ актовъ, но и тѣ, которыя выполнили таковые подложно чрезъ другихъ лицъ, введенныхъ ими въ заблужденіе завѣдомо ложнымъ показаніемъ объ обстоятельствѣ, подлежащемъ внесенію въ таковой актъ.

Такимъ путемъ сенатъ допустилъ выходы изъ того затруднительнаго положенія, въ которое была поставлена наша

практика недостаточностью постановленій уложенія объ этомъ видѣ интеллектуальнаго подлога. Но во всякомъ случаѣ общее положеніе о наказуемости подобнаго вида интеллектуальнаго подлога должно быть категорически указано въ законѣ, такъ какъ изъ наказуемости интеллектуальнаго подлога, учиняемаго должностнымъ лицомъ, оно прямо не вытекаетъ.

Пробѣлъ уложенія въ этомъ отношеніи восполняетъ проектъ новаго уголовнаго уложенія, который, предусматривая съ одной стороны интеллектуальный подлогъ, учиняемый должностнымъ лицомъ въ сферѣ своей должности, а также врачемъ (не только находящимся на службѣ), въ удостовѣрительномъ свидѣтельствѣ о болѣзни въ ст. 379 (580 и 393), говоритъ еще съ другой стороны о „завѣдомо ложномъ удостовѣреніи частнымъ лицомъ передъ органомъ власти обстоятельства, подлежащаго внесенію въ акты состоянія, или въ акты нотаріальный или явочный, или въ ипотечную книгу, буде на основаніи сего удостовѣренія таковой актъ составленъ или запись въ книгу внесена“; кромѣ того сюда же отнесены такіе случаи: завѣдомо ложное изложеніе въ установленныхъ закономъ торговыхъ книгахъ обстоятельствъ, сими книгами удостовѣряемыхъ; свидѣтельская скрѣпа документа, требующаго по закону таковой скрѣпы, буде сей документъ или скрѣпа содержали завѣдомо для виновнаго ложное изложеніе обстоятельства, скрѣпою удостовѣряемаго—ст. 380 (394) и, наконецъ, тотъ случай, который фигурируетъ и въ уложеніи о наказаніяхъ — ложная запись въ выданныхъ отъ правительства горнопромышленныхъ книгахъ подлежащихъ горной подати продуктовъ—ст. 380 (395).

§ 13. Если мы обратимся къ ближайшему выясненію сущности преступнаго дѣйствія при интеллектуальномъ подлогѣ перваго вида, т. е. учиненномъ должностнымъ лицомъ, то увидимъ, что дѣятельность виновнаго состоитъ во внесеніи завѣдомо ложнаго содержанія въ документъ. Это можетъ быть достигнуто посредствомъ внесенія лжи, какъ во все содержаніе документа, такъ и въ извѣстную часть его; притомъ оно можетъ заключаться какъ въ активномъ искаженіи истины, такъ и въ пассивномъ—умолчаніи истины, такъ что и невнесеніе истины

въ документъ будетъ обусловливать собой подлогъ, какъ это признается и нашимъ уложеніемъ, напр. въ ст. 372, которая говоритъ о сокрытіи истины въ документѣ, какъ о видѣ подлога, или въ ст. 359 и 834, гдѣ содержится то же положеніе; но, конечно, здѣсь имѣется въ виду не всякое сокрытіе истины, а лишь такое, которое касается извѣстнаго событія, имѣющаго правовое значеніе и о которомъ долженъ былъ свидѣтельствовать данный документъ, и если изъ умолчанія объ этомъ событіи долженъ быть сдѣланъ выводъ, обратный дѣйствительному положенію его.

Самые способы совершенія интеллектуальнаго подлога могутъ быть весьма различны, и тѣ примѣры, которые приводятся въ уложеніи, далеко не исчерпываютъ ихъ; такъ напр. въ уложеніи ничего не говорится о сдѣланіи завѣдомо невѣрнаго перевода какого-нибудь акта, написаннаго на иностранномъ языкѣ, но это дѣяніе прямо составляетъ этотъ видъ подлога. Въ сенатской же практикѣ были подведены подъ ст. 362, такіе случаи: помѣщеніе въ приговорѣ общества недоимокъ на бывшемъ дворовомъ человѣкѣ въ увеличенномъ размѣрѣ (1870 г. № 490—Щеглова); помѣщеніе въ докладахъ объ ассигновкахъ относительно выдачи денегъ неправильнаго расчета въ количествѣ денегъ, слѣдовавшихъ одному лицу по подряду (1871 г. № 455—Шимановскаго); принятіе и пріобщеніе къ дѣлу составленныхъ должностнымъ лицомъ или по его порученію другими ложныхъ свидѣтельскихъ показаній съ цѣлью скрыть какія-либо вины его (1872 г. № 1018—Корибутъ-Кубитовича); выдача свидѣтельства о возрастѣ въ видѣ выписи изъ исповѣдныхъ росписей со включеніемъ туда завѣдомо ложнаго свѣдѣнія о возрастѣ лица (1873 г. № 781—Миловзорова); приказаніе, данное волостнымъ писаремъ своему помощнику записать въ книгу рѣшеній суда разобранное будто-бы волостными судьями дѣло, тогда какъ въ дѣйствительности разбора его не было (1874 г. № 514—Дайновича); представленіе въ заключеніи, заявленномъ рекрутскому присутствію, явно неосновательныхъ свѣдѣній о болѣзни лица, подлежавшаго пріему въ рекруты

(1875 г. № 584—Бейера); выдача завѣдомо невѣрнаго удостовѣренія о личности другого (1876 г. № 187 — Полянскаго); ложное донесеніе объ израсходованіи денегъ, тогда какъ онѣ израсходованы въ дѣйствительности не были (1875 г. № 1—Антоньева); помѣщеніе должностнымъ лицомъ, служащимъ на таможнѣ, въ отвѣсномъ листкѣ ложныхъ свѣдѣній о вѣсѣ товара (1885 г. № 28 — о злоупотребл. въ таганрогской таможнѣ); составленіе завѣдомо невѣрныхъ отчетовъ о положеніи и ходѣ дѣлъ банка и состояніи счетовъ банка (1891 г. № 7—Сушкиныхъ). Но при этомъ во всякомъ случаѣ необходимо, чтобъ должностное лицо, давая ложное показаніе въ составляемомъ имъ актѣ, дѣйствовало въ предѣлахъ своей компетенціи, какъ это слѣдуетъ изъ словъ ст. 362, гдѣ прямо сказано: „кто при отправленіи своей должности учинитъ фальшивую подпись и т. д.“; если же чиновникъ превыситъ въ этомъ отношеніи предѣлы своихъ полномочій, то въ дѣяніи его нельзя видѣть подлога; такой документъ самъ по себѣ недѣйствителенъ и неправиленъ, и то, что въ немъ содержится, не можетъ претендовать на объективную вѣру другихъ лицъ. Поэтому едва ли правильно рѣшеніе сената 1876 г. № 193—Филиппова, гдѣ сказано, что для примѣненія ст. 362 вовсе не требуется, чтобъ должностное лицо совершило подлогъ, лишь по предметамъ, составляющимъ прямую его обязанность по службѣ, и что эта статья должна быть примѣняема и въ томъ случаѣ, когда должностное лицо, совершая подлогъ, превысило въ извѣстной мѣрѣ предѣлы дарованной власти.

Самое обстоятельство, которое должно быть удостовѣряемо въ данномъ документѣ и которое удостовѣряется ложно, должно имѣть правовое значеніе; притомъ подлогъ долженъ именно касаться самаго этого обстоятельства, изображая его въ ложномъ видѣ, а не мнѣній или отзывовъ о немъ того лица, которое его удостовѣряетъ; ложь въ этомъ послѣднемъ отношеніи безразлична; самая ложь эта должна касаться, далѣе, существенныхъ частей даннаго документа, такъ какъ ложь относительно второстепенныхъ обстоятельствъ является

лишь проступкомъ по должности, а не подлогомъ. Что считать здѣсь существеннымъ условіемъ, дѣло факта [1]).

Что касается способа дѣйствія при подлогѣ интеллектуальномъ второго вида, то въ этомъ отношеніи составъ преступленія строится, какъ дача ложнаго показанія, на основаніи коего составленъ документъ. Такова конструкція этого преступленія и по нашему уложенію, какъ это слѣдуетъ изъ ст. 1690 ч. 2.

Обращаясь же къ ближайшему разсмотрѣнію ст. 1690 ч. 2, мы видимъ, что сущность подлога, содержащагося въ ней, состоитъ въ выдачѣ себя виновнымъ за иное лицо, что удостовѣряетъ и нотаріусъ въ своемъ актѣ. Это прямо вытекаетъ изъ самыхъ словъ ст. 1690 ч. 2, которая говоритъ: „кто составитъ у крѣпостныхъ дѣлъ или же у нотаріуса и маклера актъ *отъ имени лица*, которое его къ тому не уполномочило или когда уполномочіе ему данное уже прекратилось и ему сіе извѣстно, или же *отъ лица вымышленнаго*, выдавая себя за сіе лицо, или представивъ подложную на сіе довѣренность“. Здѣсь вездѣ требуется, чтобы нѣкто выдавалъ себя за другое лицо; это именно и есть тотъ случай подлога, который пре-

[1]) Какъ примѣръ, можно привести слѣдующее рѣшеніе сената 1886 г № 19—Шмакова. Какъ слѣдуетъ изъ обстоятельствъ дѣла, Ш. послѣ представленія совершенныхъ имъ нотаріальныхъ актовъ въ ипотечный архивъ, изъ корыстныхъ видовъ выдалъ сторонамъ главныя выписи изъ упомянутыхъ актовъ, ложно свидѣтельствуя на нихъ своей подписью, что таковыя были выданы въ день совершенія этихъ актовъ, тогда какъ въ дѣйствительности онѣ выдавались позже. Судъ примѣнилъ здѣсь ст. 362, но судебная палата оправдала виновнаго на томъ основаніи, что здѣсь все сводится къ тому, что выписи выданы позднѣе означеннаго въ нихъ времени, а самое время выдачи выписи ни для дѣйствительности выписей, ни для какихъ-либо правъ лицъ, совершающихъ актъ, значенія никакого не имѣетъ. Сенатъ согласился съ палатой и признавъ, что здѣсь нѣтъ состава преступленія, предусмотрѣннаго ст. 362, нашелъ, что данное дѣяніе всетаки наказуемо по ст. 466, которая имѣетъ въ виду разныя упущенія въ отправленіи должности со стороны чиновниковъ крѣпостныхъ дѣлъ.

дусматривается спеціально во французскомъ кодексѣ и носитъ названіе подмѣна лица (supposition des personnes). Въ силу этого всякаго рода другая ложь въ содержаніи документа, составляемаго у нотаріуса, по буквальному смыслу ст. 1690 ч. 2, сюда не подойдетъ. Поэтому едва ли можно согласиться съ приведеннымъ уже рѣшеніемъ сената 1869 г. № 683—Лятернера, которое отнесло сюда составленіе у нотаріуса акта на вымышленное имѣніе.

§ 14. Какъ не разъ уже указывалось, наряду съ подлогомъ въ собственномъ смыслѣ ставится въ законодательствѣ употребленіе подложныхъ документовъ. Въ этомъ отношеніи надо различать съ одной стороны употребленіе самимъ же виновнымъ составленнаго документа, съ другой—завѣдомое употребленіе документовъ, другими лицами поддѣланныхъ или передѣланныхъ, или содержащихъ въ себѣ ложное удостовѣреніе; но первое дѣяніе само по себѣ значенія не имѣетъ, такъ какъ подлогъ совершается, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія нашего уложенія, съ момента поддѣлки или передѣлки документовъ, поэтому интересъ представляетъ только изслѣдованіе второго дѣянія.

Какъ уже выше говорилось, относительно публичныхъ документовъ уложеніе содержитъ постановленія объ употребленіи подложныхъ документовъ вмѣстѣ съ постановленіями о поддѣлкѣ или передѣлкѣ ихъ; употребленію же частныхъ оно посвящаетъ особыя статьи 1697 и 1698, различая съ одной стороны собственно употребленіе подложныхъ документовъ, съ другой—сбытъ ихъ. Кромѣ того надо имѣть въ виду, что въ извѣстныхъ случаяхъ подлогъ въ уложеніи строится именно, какъ употребленіе подложнаго документа, а не какъ поддѣлка.

Разсматривая прежде всего употребленіе подложныхъ документовъ, надо остановиться на выясненіи слѣдующихъ его существенныхъ моментовъ: на самой сущности употребленія и на его необходимомъ условіи—завѣдомости о подложности употребляемаго документа.

Самая форма употребленія можетъ быть различна; вообще же подъ нимъ слѣдуетъ разумѣть, какъ замѣчаетъ Гарро,

примѣненіе акта къ тому употребленію, къ какому онъ предназначенъ, т. е. употребленіе его подъ видомъ настоящаго [1]). Наше уложеніе, говоря объ этомъ преступленіи, или прямо упоминаетъ объ „употребленіи“ подложнаго документа или о „пользованіи“ имъ или о „представленіи“ его, ближе этихъ понятій не опредѣляя (напр. въ ст. 291, 294, 300, 1406, 1412 и 1697), или же напротивъ поясняетъ ихъ ближе. Такъ, подъ употребленіемъ подложныхъ видовъ на жительство оно разумѣетъ проживательство съ подложнымъ видомъ (ст. 977) [2]). Точно также при подлогѣ векселей (ст. 1160) употребленіе выражается въ томъ, что виновный „по подложному векселю будетъ искать платежа“. Это послѣднее выраженіе наша кассаціонная практика склонна толковать возможно шире, съ чѣмъ нельзя не согласиться, такъ какъ „исканіе платежа“ означаетъ всякій способъ извлеченія изъ векселя имущественной выгоды. Сенатская практика относитъ сюда всякую завѣдомую передачу подложнаго векселя. Какъ говорится въ рѣшеніи 1871 г. № 1235—Добрецова, „законъ не требуетъ, чтобъ получившій завѣдомо подложный вексель предъявилъ его ко взысканію, но достаточно, чтобъ онъ искалъ по немъ платежа, и, очевидно, что передача такого подложнаго векселя въ другія руки по бланковой подписи есть одинъ изъ видовъ полученія уплаты по векселю“. Поэтому сюда подойдетъ и уплата подложнаго векселя за товаръ (1872 г. № 901—Рѣпина), и передача такого векселя въ обезпеченіе долга (1872 г. № 1080—Камынкина), и представленіе векселя къ учету (1871 г. № 1832—Гребнера, 1872 г. № 1469—Разсказова, 1872 г. № 1622—Люзиньана, 1877 г. № 64—Бѣлова, 1897 г. № 30—Магаваріани).

---

[1]) Garraud. l. c. p. 305.

[2]) Нужно замѣтить, что до закона 18 дек. 1885 г. проживательство съ подложнымъ видомъ въ уложеніи не предусматривалось, вслѣдствіе чего практика не знала, куда отнести подобные случаи: къ проживательству ли съ чужимъ видомъ или же къ составленію вида подложнаго; сенатъ же, рѣшалъ этотъ вопросъ въ пользу перваго предположенія, указывая на необходимость примѣненія въ этомъ случаѣ аналогіи, и слѣдовательно расширенія дѣйствія ст. 977.

Наконецъ въ ст. 1170 подъ употребленіемъ разумѣется производство торговли по фальшивому билету. Въ качествѣ же общаго правила сенатомъ выставлено въ рѣшеніи 1875 г. № 629—Дряхлова положеніе о томъ, что „предъявленіе подложнаго акта ко взысканію обвиняемымъ въ подлогѣ составляетъ не продолженіе подлога въ составленіи этого акта, а употребленіе уже его въ пользу предъявителя, поэтому дѣло о составленіи подложнаго акта должно быть начато не тамъ, гдѣ актъ предъявленъ ко взысканію, а гдѣ онъ составленъ". Но во всякомъ случаѣ при этомъ требуется дѣйствительное употребленіе документа, а не простое его держаніе у себя; сообразно съ этимъ одно ходатайство о засвидѣтельствованіи подложнаго завѣщанія сенатъ вполнѣ правильно не призналъ подходящимъ подъ ст. 1697 (1870 г. № 295—Лаврова).

Что касается цѣли употребленія подложнаго документа, то она безразлична, какъ это прямо слѣдуетъ изъ ст. 291—294, гдѣ говорится объ употребленіи подложнаго документа для „какихъ бы то ни было дѣлъ или видовъ"; нѣкоторое сомнѣніе возбуждаетъ лишь то, что въ ст. 1697 говорится объ употребленіи подложныхъ документовъ „для своихъ дѣлъ или выгодъ", при чемъ Неклюдовъ [1]) склоненъ это выраженіе толковать возможно узко, въ смыслѣ требованія въ этомъ случаѣ корыстной цѣли. Но едва ли это вѣрно, и если можно такое толкованіе давать выраженію „для своихъ выгодъ", то видѣть требованіе корысти въ выраженіи „для своихъ дѣлъ" едва ли есть основаніе. Въ такомъ смыслѣ толкуетъ эту статью и сенатъ, замѣчая въ рѣшеніи 1870 г. № 1584—Фурса, что „отсутствіе корыстной цѣли при совершеніи предусмотрѣннаго 1697 ст. Ул. о нак. преступнаго дѣянія, если и уменьшаетъ степень безнравственности, то во всякомъ случаѣ, не изглаживаетъ противозаконности такого поступка и не можетъ служить основаніемъ его невмѣняемости".

Но при употребленіи поддѣльнаго во всякомъ случаѣ необходимо, чтобъ было доказано, что данный документъ въ дѣй-

---

[1]) Неклюдовъ в. с. стр. 240.

ствительности подложный и что это было извѣстно употреблявшему его. Поэтому сенатъ правильно призналъ въ рѣшеніи 1873 г. № 823—Черноволосова, что „существенное условіе преступленія, предусматриваемаго 1697 ст. Ул., составляетъ завѣдомое употребленіе для своихъ дѣлъ и выгодъ, составленнаго другими подложнаго акта“; въ рѣшеніи же 1875 г. № 120—Шапиры сказано, что „ст. 1692 предусматриваетъ поддѣлку въ буквальномъ смыслѣ этого слова домашнимъ порядкомъ составляемыхъ актовъ и бумагъ, т. е. когда въ сихъ послѣднихъ совершенъ матеріальный подлогъ, между тѣмъ въ данномъ случаѣ рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей не признано, чтобъ въ самой заемной роспискѣ и въ подписи должника сдѣлана была какая-либо поддѣлка, а подсудимый обвинялся лишь въ представленіи ко взысканію заемной росписки, зная о помѣщеніи въ ней составителемъ ея болѣе той суммы, на которую подписавшій выдалъ ее, подобное же дѣяніе составителя росписки не составляетъ поддѣлки въ смыслѣ, предусматриваемомъ 1692 ст., и не можетъ подвергать виновнаго въ употребленіи означенной росписки въ свою пользу, зная объ измѣненіи въ ней суммы долга, отвѣтственности, опредѣленной этой статьей закона“.

Подъ именемъ подложнаго документа при употребленіи его разумѣется, какъ документъ поддѣльный, такъ и передѣланный; наконецъ въ виду того, что ст. 1697 дѣлаетъ общую ссылку на ст. 1690—1694, подъ нимъ слѣдуетъ разумѣть и документъ, содержащій подложное удостовѣреніе извѣстнаго событія, о которомъ говорится въ ст. 1690 ч. 2. Что же касается употребленія подложныхъ публичныхъ документовъ, то такъ какъ объ употребленіи ихъ говорится лишь въ тѣхъ же статьяхъ, которыя посвящены подлогу матеріальному, дѣлать распространеніе въ этомъ отношеніи на интеллектуальный подлогъ нѣтъ основаній. Поэтому болѣе совершеннымъ представляется въ этомъ отношеніи то опредѣленіе, которое мы находимъ въ проектѣ уголовн. уложенія въ ст. 381 (397), содержащей постановленіе объ употребленіи подложнаго документа вообще; именно въ этой статьѣ говорится: „виновный

въ употребленіи за настоящій документа завѣдомо поддѣльнаго или передѣланнаго или содержащаго ложное удостовѣреніе, или въ сбытѣ такого документа...“

Вторая форма употребленія подложнаго документа—сбытъ его или, какъ выражается сенатъ (1870 г. № 658—Николаева и Розенштейна),—„всякія сдѣлки на документы“. О ней содержится постановленіе въ ст. 1698, причемъ изъ мѣста, занимаемаго этой статьей, слѣдуетъ, что въ ней имѣется въ виду лишь сбытъ частныхъ документовъ, хотя и говорится вообще о документахъ. Впрочемъ, сенатъ находитъ возможнымъ распространять ст. 1698 на пріобрѣтеніе подложныхъ публичныхъ документовъ, какъ это слѣдуетъ изъ рѣшенія 1873 г. № 318—Френкеля. Въ ст. 1698 указываются и самыя формы этого сбыта: это—продажа, передача, переводъ, принятіе, покупка или пріобрѣтеніе инымъ образомъ какихъ-нибудь документовъ или актовъ, завѣдомо подложныхъ.

§ 15. Признавая моментомъ окончанія подлога составленіе подложнаго документа и придавая самостоятельное значеніе употребленію подложныхъ документовъ, законодательство во всякомъ случаѣ достиженія дальнѣйшихъ результатовъ отъ подлога при употребленіи подложнаго документа не требуетъ [1]), и если послѣдствіемъ его будетъ учиненіе другого преступленія, то данный случай долженъ разсматриваться по общимъ правиламъ о совокупности преступленій, такъ какъ подлогъ есть преступленіе, характеризуемое совершенно самостоятельнымъ объектомъ посягательства; при этомъ законодательство можетъ или конструировать идеальную совокупность подлога съ другими преступленіями, или же указывать на примѣненіе здѣсь

---

[1]) Это признается безусловно и нашей кассаціонной практикой; напр. въ рѣшеніяхъ 1870 № 514—Вестфаля и Крона, 1871 № 457—Гусева, 1875 № 362—Кириллова, 1876 № 327—Горвица и Фейгина указывается на то, что наказуемость подлога не можетъ быть поставлена въ зависимость отъ дальнѣйшаго пользованія подложнымъ документомъ, такъ какъ всякій подлогъ, предусмотрѣнный уложеніемъ, преслѣдуется независимо отъ послѣдствій его и дальнѣйшихъ выгодъ, отъ него пріобрѣтенныхъ.

*

общихъ правилъ о реальной совокупности. Это общее положеніе можетъ быть установлено и относительно улож. о нак. Оно въ однихъ случаяхъ признаетъ возможность реальной совокупности подлога съ иными преступленіями, въ другихъ строитъ ихъ идеальную совокупность. Руководящимъ постановленіемъ въ первомъ отношеніи является въ немъ ст. 299, которая говоритъ, что виновный въ одномъ изъ подлоговъ, означенныхъ въ ст. 290, 292, 293, 294 и 296, который сверхъ того воспользовался онымъ для учиненія какого-либо другого преступленія, подвергается наказанію по правиламъ о совокупности преступленій (ст. 152). Это общее правило находитъ себѣ подтвержденіе и въ другихъ статьяхъ уложенія; такъ, въ ст. 554 указывается, что „за поддѣлку какихъ-либо актовъ или иныхъ бумагъ съ цѣлью присвоить себѣ или похитить какое либо казенное имущество или причинить оному ущербъ, виновные смотря по роду и важности подлога и потому, что было цѣлью онаго: похищеніе, присвоеніе или поврежденіе казеннаго имущества, приговариваются къ наказанію опредѣленному въ ст. 291—297 Улож., за подлоги въ дѣлахъ казны, съ возвышеніемъ строгости сихъ наказаній на основаніи ст. 152 о совокупности преступленій“; точно также ст. 1554 имѣетъ въ виду представленіе для учиненія брачнаго обмана ложныхъ актовъ и говоритъ, что виновный въ этомъ подвергается наказанію и за многобрачіе по правиламъ о совокупности (ст. 152). Это общее положеніе о возможности совокупности подлога съ другими преступленіями признается и нашей сенатской практикой. Исходя изъ него, сенатъ примѣнилъ ст. 299, напр. въ томъ случаѣ, когда были составлены подложно ассигновки отъ имени Упр. Никол. жел. дороги и употреблены для полученія денегъ изъ Госуд. Казн. (рѣш. 1869 г. № 982—Вериги); точно также въ случаѣ прошенія милостыни съ подложнымъ свидѣтельствомъ о бѣдности примѣнены были по совокупности ст. 50 уст. о нак. и ст. 300 улож. (рѣш. 1874 г. № 513—Тимковскаго); далѣе, въ случаѣ составленія квитанціи москов. склад. конторы и похищенія посредствомъ этого извѣстной суммы денегъ были примѣнены

ст. 294 ул. и ст. 174 уст. о нак. (рѣш. 1875 г. № 460—Медвѣдева); наконецъ, въ случаѣ ложныхъ отмѣтокъ въ приходо-расходныхъ книгахъ и растраты примѣнены были ст. 362 и 354 (рѣш. 1882 г. № 50—Тушинскаго, 1888 г. № 16—Кетхудова, 1898 № 11—Рябчикова).

Въ противоположность приведеннымъ случаямъ въ другихъ статьяхъ установляется въ уложенiи идеальная совокупность подлога съ иными преступленiями: такъ ст. 298 и ст. 362 предусматриваютъ тотъ случай, когда вслѣдствiе подлога документовъ невинный понесъ наказанiе уголовное; ст. 359 имѣетъ въ виду тотъ случай, когда присвоившiй себѣ или растратившiй ввѣренное ему по службѣ казенное или частное имущество для избѣжанiя суда составитъ подложный документъ для сокрытiя своего преступленiя; ст. 813 говоритъ объ употребленiи таможенными чиновниками подложныхъ документовъ при неправильномъ выпускѣ товаровъ изъ пакгауза; ст. 1412—о присвоенiи себѣ непринадлежащихъ правъ состоянiя или званiя, чина, титула или знака отличiя посредствомъ подлога документовъ; наконецъ, ст. 1688 ч. 3—о вовлеченiи въ невыгодную сдѣлку посредствомъ представленiя фальшивыхъ документовъ.

Изъ ближайшаго разсмотрѣнiя этихъ статей видно, что наше уложенiе, допуская съ одной стороны реальную совокупность подлога съ другими преступленiями, съ другой—строя идеальную ихъ совокупность, выставляетъ прямо эти положенiя только относительно подлога извѣстныхъ категорiй документовъ, или же относительно совокупности его съ извѣстными группами преступленiй, и благодаря этому оно не даетъ прямого отвѣта относительно возможности примѣненiя этихъ общихъ положенiй къ нѣкоторымъ частнымъ случаямъ; такъ, напр. въ отношенiи возможности реальной совокупности подлога частныхъ документовъ съ другими преступленiями оно не выставляетъ того общаго положенiя, которое выражено въ ст. 299 относительно подлога публичныхъ документовъ. Въ виду этого необходимо остановиться на выясненiи весьма важнаго вопроса о томъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на то, когда

послѣдствіемъ подлога частныхъ документовъ, которые въ уложеніи въ ст. 1692 понимаются лишь, какъ могущіе служить доказательствомъ правъ на имущество или принятыхъ обязанностей, будетъ похищеніе чьего-нибудь имущества?

Для рѣшенія этого вопроса можно съ одной стороны привести аналогичный случай, указанный въ ст. 1554, съ другой— выставить нѣкоторыя общія соображенія. Ст. 1554 имѣетъ въ виду тотъ случай, когда послѣдствіемъ подлога документовъ было вступленіе въ новый бракъ при существованіи стараго; виновный въ этомъ наказывается по правиламъ о совокупности и за подлогъ и за мошенничество, а такъ какъ въ этой статьѣ говорится вообще о документахъ и, слѣдовательно, подъ ними можно разумѣть и такіе, которые прямо направлены на то, чтобы показать данное лицо не состоящимъ въ бракѣ, т. е. составленные съ цѣлью дать ему возможность вступить въ новый бракъ, то изъ этого слѣдуетъ, что уложеніе иногда считаетъ возможнымъ видѣть реальную совокупность двухъ такихъ дѣяній, изъ которыхъ одно представляетъ изъ себя дѣятельность, направленную на достиженіе тѣхъ результатовъ, которые образуютъ сами по себѣ составъ другого дѣянія. Но если уложеніе считаетъ возможнымъ допустить это въ данномъ случаѣ, то его взглядамъ, выраженнымъ здѣсь, не будетъ противорѣчить и возможность признанія совокупности подлога частныхъ документовъ съ мошенничествомъ. Съ другой стороны, въ виду того, что идеальная совокупность преступленій можетъ быть принимаема только тамъ, гдѣ это прямо въ законѣ указано и гдѣ, слѣдовательно, извѣстное дѣяніе прямо конструировано, какъ идеальная совокупность двухъ другихъ дѣяній, а также въ виду того, что въ уложеніи имѣется всего только одна статья—ст. 1688, которая конструируетъ идеальную совокупность подлога документовъ (будутъ ли это публичные или частные) съ похищеніемъ чужого имущества, въ случаяхъ же мошенничества, учиняемаго съ особыми приготовленіями (ст. 1668—1671), такой комбинаціи вовсе не указывается, приходится сдѣлать заключеніе, что въ этихъ случаяхъ является единственно возможнымъ принять лишь ре-

альную совокупность преступленій, такъ что если посредствомъ употребленія поддѣльныхъ частныхъ документовъ (относительно публичныхъ въ этомъ отношеніи это прямо вытекаетъ изъ указанія ст. 299) будетъ сдѣлано посягательство на чужое имущество, то здѣсь имѣется совокупность подлога съ мошенничествомъ или съ покушеніемъ на него. Если же принять здѣсь иное толкованіе, и вмѣсто реальной совокупности двухъ преступленій: подлога и мошенничества, видѣть одно—подлогъ или мошенничество, то въ первомъ случаѣ придется придти къ тому положенію, что подлогъ поглотилъ собой мошенничество, такъ что дѣяніе только опасное для имущества съ точки зрѣнія уложенія заключаетъ въ себѣ и дѣяніе, составляющее дѣйствительное посягательство на него; второй же случай, т. е. признаніе здѣсь одного только мошенничества, представляется невозможнымъ, судя по тѣмъ санкціямъ, которыя содержатся въ соотвѣтственныхъ статьяхъ уложенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, допуская подобное толкованіе, придется разсматривать неодинаково тѣ случаи, гдѣ похищеніе чужого имущества сдѣлано посредствомъ подлога публичныхъ документовъ и гдѣ оно сдѣлано путемъ подлога частныхъ, между тѣмъ характеръ дѣянія въ обоихъ случаяхъ остается такимъ же.

Итакъ, мы должны признать, что вполнѣ возможна совокупность подлога документовъ съ другими преступленіями, и гдѣ не указана въ законѣ ихъ идеальная совокупность, должна быть принимаема совокупность реальная.

При разсмотрѣніи вопроса о совокупности подлога съ другими преступленіями, необходимо еще остановиться на сущности того дѣянія, которое предусматривается улож. о нак. на ряду съ подлогомъ документовъ и которое представляетъ изъ себя поддѣлку штемпелей и печатей, именно — ст. 296 имѣетъ въ виду поддѣлку и употребленіе поддѣльныхъ или подлинныхъ, но снятыхъ съ другихъ бумагъ, штемпелей или печатей какого-либо судебнаго или правительственнаго мѣста или должностного лица, а ст. 1692 ч. 2—поддѣлку печатей или штемпелей частныхъ лицъ. Въ виду самостоятельнаго существованія, какъ особаго деликта, поддѣлки печатей, является вопросъ о томъ,

какъ быть, если при составленіи подложнаго документа будетъ употреблена фальшивая печать,—считать ли здѣсь совокупность двухъ преступныхъ дѣяній или нѣтъ. Этотъ вопросъ особенное значеніе имѣетъ въ отношеніи документовъ публичныхъ, такъ какъ обыкновенно самая форма ихъ требуетъ приложенія къ нимъ печати.

Прямого отвѣта на этотъ вопросъ уложеніе не даетъ, и если обратиться за разрѣшеніемъ его къ сенатской практикѣ, то можно увидѣть, что она въ этомъ отношеніи до послѣдняго времени придерживалась того толкованія, что въ этихъ случаяхъ надо видѣть совокупность двухъ преступленій, самостоятельно предусмотрѣнныхъ въ двухъ отдѣльныхъ статьяхъ уложенія. Такъ, впервые этотъ взглядъ сенатъ высказалъ въ рѣшеніи 1869 г. № 491—Кулева. Какъ слѣдуетъ изъ обстоятельствъ этого дѣла, К. составилъ подложный видъ на жительство и приложилъ къ нему подложную печать волостного правленія. Судъ примѣнилъ къ этому дѣянію ст. 975, руководствуясь главнымъ образомъ тѣмъ соображеніемъ, что К. былъ признанъ виновнымъ въ составленіи фальшиваго паспорта, паспорты же безъ печатей не выдаются и не имѣютъ значенія, слѣдовательно, приложеніе къ фальшивому паспорту подложной печати входитъ въ составъ преступленія, предусмотрѣннаго 975 ст., а не составляетъ самостоятельнаго преступленія; но сенатъ не согласился съ этимъ приговоромъ суда, указывая на то, что для состава преступленія, указаннаго въ ст. 975, вовсе не существенно приложеніе фальшивой печати къ подложному виду на жительство: здѣсь можетъ быть приложена и подлинная печать; поэтому онъ призналъ въ дѣяніи К. совокупность двухъ преступленій—поддѣлки публичной печати и подлога паспорта. Въ другомъ рѣшеніи 1869 г. № 654—Орлова и Клишковой прямо сказано, что составленіе ложнаго вида на жительство и поддѣлка штемпелей или печатей правительственныхъ и судебныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ составляютъ два отдѣльныхъ преступныхъ дѣянія, подлежащихъ наказанію по двумъ отдѣльнымъ статьямъ закона; то же находимъ мы и въ рѣшеніяхъ 1870 г. № 536—князя Долгору-

каго и 1875 г. № 46—Мушникова въ отношеніи приложенія къ фальшивымъ документамъ печати, снятой съ другой бумаги. Но затѣмъ сенатъ становится на иную точку зрѣнія и провозглашаетъ иное начало — именно, онъ признаетъ, что не всегда должна быть здѣсь принимаема въ расчетъ совокупность преступленій. Это выражено въ рѣшеніи 1892 г. № 45—Исаева и Серебрякова, гдѣ сказано, что соображенія взаимнаго отношенія ст. 295 и 296, а также 294, 300 и 975 проводятъ къ заключенію, что законъ допускаетъ рядъ случаевъ подлога, которые, не смотря на связанное съ ними употребленіе фальшивой печати, не влекутъ для виновнаго отвѣтственности по ст. 296 ул., а подвергаютъ его наказанію болѣе строгому или болѣе легкому, чѣмъ установленное этими статьями; такъ, между прочимъ въ уложенія предусматриваются преступленія, достиженіе цѣли которыхъ обыкновенно невозможно безъ употребленія при этомъ оффиціальныхъ печатей, кои по условіямъ совершенія этихъ преступленій въ большинствѣ случаевъ должны быть фальшивыми. Таковъ подлогъ паспортовъ и свидѣтельствъ, упоминаемыхъ въ ст. 300. Въ этомъ случаѣ должны быть примѣняемы соотвѣтствующія статьи безъ примѣненія наказанія, указаннаго ст. 296, такъ какъ иначе законъ долженъ былъ бы указать въ этихъ статьяхъ, что ст. 296 является по отношенію къ видамъ подлога, въ нихъ указаннымъ, увеличивающимъ вину обстоятельствомъ. Здѣсь такимъ образомъ сенатъ не допускаетъ возможности примѣненія по началамъ совокупности ст. 296 съ извѣстными другими, хотя бы при поддѣлкѣ документовъ и была употреблена фальшивая печать; но онъ этого положенія не выставляетъ въ видѣ общаго правила въ отношеніи подлога всякихъ документовъ, между тѣмъ какъ соображенія, которыя онъ въ этомъ рѣшеніи приводитъ, съ успѣхомъ могли бы быть распространены и на подлогъ другихъ документовъ, и тогда ясно установленъ былъ бы общій принципъ о непримѣнимости ст. 296 къ тѣмъ случаямъ, гдѣ къ фальшивымъ документамъ была приложена фальшивая печать. И это положеніе вполнѣ вытекаетъ изъ самой сущности подлога документовъ и поддѣлки печати, если подъ ней разумѣть оттискъ

или слѣпокъ; дѣло въ томъ, что поддѣлка печати, понимаемой въ этомъ смыслѣ, является лишь моментомъ учиненія подлога документа, вслѣдствіе чего о совокупности этихъ двухъ дѣяній не можетъ быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что дѣйствительно, есть цѣлый рядъ документовъ, гдѣ при подлогѣ ихъ предполагается непремѣнно и поддѣлка печати, которая должна быть приложена къ нимъ и безъ которой они не имѣютъ вовсе значенія. Поэтому, если ст. 296 и 1692 ч. 2 говорятъ о поддѣлкѣ печатей, то онѣ должны быть понимаемы въ томъ смыслѣ, что здѣсь рѣчь идетъ не о поддѣлкѣ оттисковъ и слѣпковъ, а о приготовленіи поддѣльныхъ орудій для приложенія печатей, какъ принимаетъ это и Неклюдовъ [1]); справедливость этого положенія болѣе всего оправдывается той связью, которая существуетъ между рядомъ стоящими статьями 296 и 297. Ст. 296 говоритъ о поддѣлкѣ печатей и штемпелей какого либо судебнаго или правительственнаго мѣста или должностного лица, а ст. 297 ведетъ рѣчь о томъ случаѣ, когда частные мастера *вырѣжутъ* подобные штемпель или печать въ противность установленныхъ на то правилъ не по непосредственному заказу отъ присутственныхъ или судебныхъ мѣстъ или должностного лица, изъ чего видно, что здѣсь разумѣются исключительно орудія для приложенія печатей и штемпелей; притомъ, если ст. 296 и говоритъ объ употребленіи поддѣльныхъ печатей, въ смыслѣ оттисковъ или слѣпковъ, то считаетъ таковыми только тѣ, которые сняты съ настоящихъ бумагъ или вещей, а не тѣ, которые сдѣланы безъ поддѣлки самыхъ орудій приложенія ихъ; если же придавать такой смыслъ ст. 296, то о совокупности подлога документовъ съ поддѣлкой печати, къ нему приложенной, съ точки зрѣнія уложенія и рѣчи быть не можетъ, но разумѣется, если виновный поддѣлалъ орудіе для приложенія печати и затѣмъ приложилъ посредствомъ его фальшивый слѣпокъ къ документу, то является возможность видѣть здѣсь совокупность двухъ самостоятельныхъ преступленій на общемъ основаніи.

[1]) Неклюдовъ в. с. стр. 488.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

